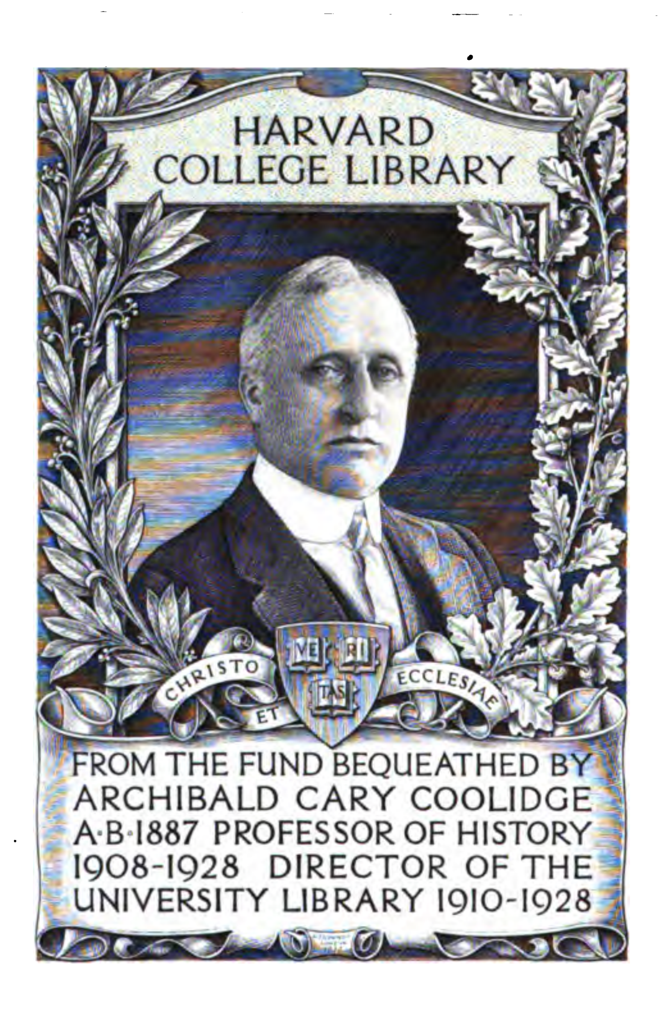
HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1906.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1906.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ЗА ПОЛВѢКА *).

Мои воспоминанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ изъ Казани въ Дерптъ.—Мой служитель Михаилъ Бушуевъ.—Переправа черезъ Волгу.—Побѣда студента-камералиста.—Что лежало въ „идеѣ" Дерпта?—На сдаточныхъ въ Москву и Петербургъ зимой 1855 г.—Послѣ севастопольскаго погрома.—Петербургское искусство.—„Ливонскія Аѳины".—Я и герой „Въ путь-дорогу", въ Дерптѣ.—Главная программа этой главы.—Мы и нѣмцы.—Корпорація „Рутенія".—Нравы студентовъ.—„Дикіе".—Исторія съ „ферруфомъ".—Дуэли.—Что представлялъ собою университетъ, сравнительно съ русскими?—Физіономія города Дерпта.—Уличная жизнь.—Наша студенческая бѣдность.—Развлеченія Дерпта.—„Академическая *Мусса*".—Мои два факультета.—Мой учитель Карлъ Шмидтъ.—Порядки экзаменовъ. — Учебная свобода.— Мѣстное равнодушіе къ тогдашнему русскому „движенію".—Знакомство съ С. Ѳ. Уваровымъ.—Русскія барскія дома.—Графъ С. А. Соллогубъ и жена его С. М.—Переводъ химіи Лемана.—Академикъ Зининъ.—Петербургъ въ мои поѣздки туда.—Составленіе учебника.—Проф. Лясковскій.—Н. Х. Кетчеръ.—Вакаціи въ Нижнемъ и въ деревнѣ.—Поворотъ къ писательству.—Любительскіе спектакли.—Комедіи: „Фразеры" и „Однодворецъ".—Нашъ кружокъ. Драма „Ребенокъ".

Эта глава посвящена цѣликомъ моему студенчеству въ Дерптѣ. Оно длилось слишкомъ пять лѣтъ: съ конца ноября 1855 г. по конецъ декабря 1860 г. и захватило собою, какъ разъ, первое пятилѣтіе «эпохи реформъ».

Николаевское время было позади. Но для насъ—для учащейся молодежи, особенно въ тогдашней Казани—все еще пока обстояло по-прежнему.

Я долженъ отойти нѣсколько назадъ и напомнить читателю о нѣкоторыхъ фактахъ изъ предыдущей главы.

Въ идею моего перехода въ Дерптъ потребность свободы входила несомнѣнно, но свободы, главнымъ образомъ «академической» (по-нѣмецкому термину). Я хотѣлъ серьезно учиться, не школьнически,

---

*) *Русская Мысль*, V кн., 1906 г.

не на моемъ двойственномъ, какъ бы дилетантскомъ, камеральномъ разрядѣ. *Это* привлекало меня больше всего. А затѣмъ и желаніе вкусить другой, чисто-студенческой жизни, съ ея традиціонными дозволенными вольностями, въ тѣхъ «Ливонскихъ Аѳинахъ», гдѣ порядки напоминали уже Германію.

Во всемъ этомъ воображеніе играло не малую роль. Новизна манила чрезвычайно, и опять-таки, новизна научная. Не думаю, чтобы въ средѣ большинства моихъ ближайшихъ товарищей «камераловъ» по третьему курсу, научный интересъ могъ привлекательно дѣйствовать. Изъ нихъ было много два-три человѣка, способныхъ хорошо заниматься. Но для того, чтобы сразу, безъ какого-нибудь, чисто-житейскаго повода — семейныхъ обстоятельствъ или временнаго исключенія—въ началѣ третьяго курса, задумать такое переселеніе въ дальній университетскій городъ съ чужимъ языкомъ, для поступленія на другой совсѣмъ факультетъ, съ потерей всего, что было достигнуто здѣсь, для этого надобенъ былъ особый зарядъ. Можетъ быть, и у меня недостало бы настойчивости, еслибъ мы не собрались втроемъ и не возбуждали другъ друга разговорами все на ту же тему, предаваясь радужнымъ мечтамъ.

И все было сдѣлано въ какихъ-нибудь шесть недѣль. Кромѣ начальства университетскаго, было и свое домашнее. Я предвидѣлъ, что этотъ внезапный переходъ въ Дерптъ смутитъ мою матушку болѣе, чѣмъ отца. Но согласіе всетаки было получено. Мы сложили наши скудные финансы. Свое содержаніе я получилъ впередъ на семестръ; но больше половины его должно будетъ уйти на дорогу. И для меня все это осложнялось еще постояннымъ расходомъ на моего служителя, навязаннаго мнѣ, съ самаго поступленія въ студенты. Да и жаль было разстаться съ нимъ.

Михаилъ Мемноновъ, по прозвищу Бушуевъ, сдѣлался и для меня, и для моихъ товарищей, какъ бы членомъ нашей студенческой семьи. Ему самому было бы горько покидать насъ. Отцу моему онъ никогда не служилъ, въ деревнѣ ему было дѣлать нечего. Въ житейскомъ обиходѣ мы его считали «мужемъ совѣта»; а въ дорогѣ онъ тѣмъ паче окажется опытнѣе и практичнѣе всѣхъ насъ.

Зима близилась, но саннаго пути еще не было. Стояли безснѣжные морозные дни. Приходилось ѣхать до Нижняго въ перекладной телѣгѣ, всѣмъ четверымъ: три студіоза и одинъ дворовый человѣкъ, тогда даже еще не «временно-обязанный».

Покидали мы Казань весело. У насъ не было къ ней никакихъ особенныхъ привязокъ. Меня лично давно уже не удовлетворяли ни университетскіе порядки, ни нравы студенческой братіи. Чего-ни-

будь общаго, сплоченнаго въ студенчествѣ не было. Отъ свѣтской жизни сословнаго губернскаго города я добровольно ушелъ, еще годъ назадъ, какъ я уже говорилъ во второй главѣ. Изъ профессоровъ жаль было только двоихъ—Бутлерова и Киттары, но Бутлеровъ самъ одобрилъ мою идею перехода въ Дерптъ, для спеціальнаго изученія химіи, далъ мнѣ и рекомендательное письмо къ своему когда-то наставнику, старику Клаусу, открывшему въ Казани, металлъ *рутеній*. Клаусъ давно уже занималъ, въ Дерптѣ, мѣсто директора фармацевтическаго института, профессора фармакологіи и фармаціи.

Припомню и то, что начальство, т.-е. инспекція, и тутъ заявила себя въ должномъ видѣ.

Читатель уже знаетъ, что на «увольнительномъ» свидѣтельствѣ моемъ инспекторъ поставилъ мнѣ въ поведеніи *четверку*, что считалось плохой отмѣткой и могло затруднить мое принятіе въ Дерптѣ.

Почему? Должно быть, потому, что въ моемъ «кондуитномъ спискѣ» значился карцеръ за инцидентъ, о которомъ я упоминалъ выше. Больше у меня не бывало никакихъ столкновеній съ инспекціей. Еще на первомъ курсѣ случалось покучивать съ товарищами, но весь второй я провелъ почти что затворникомъ. Въ смыслѣ неблагонадежности другого рода—инспекція не могла также меня заподозрить. И вообще-то тогда не было никакихъ «движеній» въ студенчествѣ. Лично я не имѣлъ исторій или даже рѣзкихъ разговоровъ съ какимъ-нибудь «субомъ», еще менѣе съ инспекторомъ. Ни одного замѣчанія по ношенію формы не доставалось.

Мы всѣ трое значились студентами разныхъ курсовъ и факультетовъ. Но проводы наши были самые скромные: нѣсколько ближайшихъ пріятелей пришли проститься, немножко, вѣроятно, выпили и только. Сплоченнаго товарищества по курсамъ, если не по факультетамъ, не существовало. Не помню, чтобы мои однокурсники особенно заинтересовались моимъ добровольнымъ переходомъ, разспрашивали бы меня о мотивахъ такого «coup de tête», приводили бы доводы за и противъ.

Не впервые приходилось ѣхать на перекладныхъ. Мои переѣзды на вакаціяхъ происходили и лѣтомъ, и зимой—въ кибиткѣ. Телѣга катила по мерзлой землѣ стараго казанскаго «тракта», съ колеями и выбоинами. На облучкѣ высилась фигура нашего «фамулюса» (говоря по-дерптски) Михаила Мемнонова, а мы въ рядъ засѣдали на сѣнѣ, упираясь спинами въ чемоданы.

Волгу уже начало затягивать «сало». На перевозѣ мы всѣ чуть было не перекинулись черезъ бортъ парома, такъ его накренило отъ разыгравшейся «погоды».

Впервые испыталъ я чувство настоящей опасности. Это было всего нѣсколько секундъ, но памятныхъ. До сихъ поръ мечется передо мною картина хмураго дня съ темно-сѣрыми волнами рѣки и очертаніями береговъ, и весь переполохъ на паромѣ.

Свиданіе со своими въ Нижнемъ обошлось болѣе мирно, чѣмъ я ожидалъ. Я не особенно огорчался тѣмъ, что къ моему переходу въ Дерптъ относились съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, если и не съ сильнымъ безпокойствомъ. Довольно было и того, что помирились съ моимъ рѣшеніемъ. Это равнялось признанію права: руководить самому своими идеями и стремленіями, искать лучшаго не затѣмъ, чтобы безпорядочно «прожигать» жизнь, а чтобы работать, расширять свой умственный горизонтъ, увлекаясь наукой, а не гусарскимъ ментикомъ.

Это была несомнѣнная *побѣда,* а для меня самого—пріобрѣтеніе, даже если бы я и не выполнилъ свою главную цѣль: сдѣлаться спеціалистомъ по химіи, что и случилось.

Но начиная съ самаго этого переселенія «изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую», сейчасъ же расширялся кругозоръ студента-камералиста, инстинктивно искавшаго пути къ высшему знанію *или* къ художественному воспроизведенію жизни.

Останься я оканчивать курсъ въ Казани, вышло бы одно изъ двухъ:

Или я, получивъ кандидатскій дипломъ по камеральному разряду (я его непремѣнно бы получилъ), вернулся бы въ Нижній и поступилъ бы на службу, т.-е. осуществилъ бы всегдашнее желаніе моихъ родныхъ. Матушка желала всегда видѣть меня чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. А дальше, стало быть, совѣтникомъ губернскаго правленія, и, если бы удалось перевестись въ министерство, петербургскимъ чиновникомъ извѣстнаго ранга.

Или же я пошелъ бы по ученой части, съ рессурсами казанской выучки. Бутлеровъ обнадеживалъ меня на счетъ магистерства. Камералисту, безъ болѣе серьезной подготовки «естественника», безъ спеціальныхъ знаній по физикѣ нельзя было пріобрѣсти правъ на занятіе каѳедры, развѣ въ области прикладной химіи, т.-е. технологіи. Но и въ лучшемъ случаѣ, еслибъ я даже и выдержалъ на магистра и занялъ мѣсто *адъюнкта* (какъ тогда называли приватъ-доцента), я бы впрягъ себя въ такое дѣло, къ которому у меня не было *настоящаго* призванія, въ чемъ я и убѣдился, продѣлавъ въ Дерптѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, цѣлую, такъ сказать, *эволюцію* интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, которую врядъ ли бы продѣлалъ въ Казани.

И что же бы случилось? Весьма вѣроятно, я добился бы каѳедры, сталъ бы составлять недурные учебники, читалъ бы, пожалуй, живо и занимательно, благодаря моему словесному темпераменту; но истиннаго ученаго изъ меня (даже и на одну треть такого, какъ мой первоначальный наставникъ Бутлеровъ) не вышло бы. Заложенныя въ мою природу литературныя стремленія и склонности пришли бы въ конфликтъ съ требованіями, какія наука предъявляетъ своимъ истиннымъ сынамъ.

Профессорскую *карьеру* я могъ бы сдѣлать; но, заморивъ въ себѣ писателя, оставался бы только болѣе или менѣе искуснымъ лекторомъ, а не двигателемъ науки.

Идея Дерпта, какъ научнаго «эльдорадо», такъ быстро охватившая меня въ сентябрѣ 1855 г., была только дальнѣйшей фазой моихъ порываній въ области свободнаго труда, далекаго отъ всякихъ соображеній карьеры, служебныхъ успѣховъ, прибыльныхъ мѣстъ, чиновъ и орденовъ.

Довольно даже странно выходило, что въ отпрыскѣ дворянскаго рода, въ самый разгаръ николаевскихъ порядковъ и нравовъ, на студенческой скамьѣ и даже на гимназической оказалось такъ мало склонности къ «государственному пирогу», такъ же мало, какъ и къ военной карьерѣ, т.-е. ровно никакой. Какъ гимназистикомъ 4 класса, когда я выбралъ латинскій языкъ для того, чтобы попасть, современемъ, въ студенты, такъ и дальше, въ Казани и Дерптѣ, я оставался безусловно вѣренъ царству высшаго образованія, университету, въ самомъ обширномъ смыслѣ—*universitas*, какъ понимали ее люди эпохи Возрожденія, къ совокупности всѣхъ знаній, философскихъ системъ, краснорѣчія, поэзіи, діалектики, прикладныхъ наукъ, самыхъ важныхъ для человѣка, какъ астрономія, механика, медицина и другія прикладныя доктрины.

Черезъ все это я и прошелъ, благодаря, главнымъ образомъ, моему, на иной взглядъ порывистому и необдуманному шагу—переходу въ дерптскій университетъ, на *другой* факультетъ.

Я такъ былъ этимъ воодушевленъ, что не могъ, конечно, отговаривать моихъ двухъ товарищей. Старшій изъ нихъ, мой землякъ, нижегородецъ З—чъ былъ сильно увлеченъ идеей Дерпта и сначала всего больше подговаривалъ и меня. Другой, камералистъ З—нъ, присталъ къ намъ позднѣе. Для обоихъ переходъ этотъ и тогда казался мнѣ рискованнымъ. Ни тотъ, ни другой не знали по-нѣмецки; а я говорилъ на этомъ языкѣ съ дѣтства. З—чъ перешелъ уже на четвертый курсъ. З—нъ никакой спеціальности еще не избиралъ, а

былъ просто бойкій, франтоватый, кое-что читавшій студентъ, склонный къ романтическимъ похожденіямъ юноша.

Его, кажется, всего больше привлекала «буршикозная» жизнь корпорацій, желаніе играть роль, имѣть похожденія, чего онъ впослѣдствіи и достигъ, и даже въ такой степени, что, послѣ побоищъ съ нѣмцами, былъ исключенъ и кончилъ курсъ въ Москвѣ, гдѣ сталъ серьезно работать и даже готовился, кажется, къ ученой дорогѣ.

Но тогда, т.-е. на тряской телѣгѣ, трое казанскихъ студентовъ были одинаково заражены «Ливонскими Аѳинами».

Зимняго пути все еще не было, и отъ Нижняго до Москвы, мы наняли тарантасъ на «сдаточныхъ», и ѣхать пришлось нѣсколько поудобнѣе, съ защитой отъ погоды и по менѣе тряскому грунту тогдашняго, очень хорошаго московскаго шоссе.

Для меня бытовая жизнь рано стала привлекательна. Поѣздкамъ въ студенческіе годы, т.-е. за цѣлыхъ *семь* лѣтъ, я многимъ былъ обязанъ. Этимъ путемъ я знакомился съ разными мѣстностями Россіи, попадалъ въ захолустные углы и бойкія мѣста Нижегородской, Тамбовской, Рязанской губерній, а на востокъ отъ Нижняго до Казани по Волгѣ зимой и на пароходахъ. Изъ Нижняго въ Москву дорога была мнѣ уже хорошо извѣстна; послѣ первой моей поѣздки въ Москву на масляницѣ 1853 г., а не дальше какъ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ я пролетѣлъ, на перекладныхъ, отправляясь къ отцу, въ Тамбовскую губернію на Москву и Рязань.

Ѣзда на «сдаточныхъ» была много разъ описана въ былое время. Она представляла собою родъ азартной игры. Все дѣло сводилось къ тому: удастся ли вамъ доѣхать, безъ исторіи, т.-е. безъ отказа ямщика, до послѣдняго конца, доставятъ ли васъ до мѣста назначенія, безъ прибавки.

Вы условливаетесь: столько-то за всю дорогу. Но сразу у васъ забирали впередъ больше, чѣмъ слѣдуетъ по разсчету верстъ. То же происходило и на каждомъ новомъ привалѣ. И послѣднему ямщику приходилось такъ мало, что онъ васъ прижималъ и вымогалъ прибавку.

Нашимъ министромъ финансовъ былъ Михаилъ Мемноновъ, довольно-таки опытный по этой части. Благодаря его умѣлости, мы доѣхали до Москвы безъ исторіи. Привалы на постоялыхъ дворахъ и въ трактирахъ были гораздо занимательнѣе, чѣмъ остановки на казенныхъ почтовыхъ станціяхъ. Одинъ комическій инцидентъ остался до сихъ поръ въ памяти. Въ ночь передъ въѣздомъ въ Москву, баба, которую ямщикъ посадилъ на «задокъ» тарантаса, разрѣшилась отъ

бремени, только что мы сдѣлали привалъ въ трактирѣ, уже на разсвѣтѣ. И мы же давали ей на «пеленки».

Москва промелькнула, не оставивъ никакихъ новыхъ впечатлѣній. Мы спѣшили захватить конецъ учебнаго семестра и на Петербургъ отсчитывали не больше недѣли.

Наши финансы были настолько не роскошны, что мы взяли товаро-пассажирскій поѣздъ, совершавшій переѣздъ въ 604 версты въ *двое сутокъ*. Второй товарищъ З—нъ заболѣлъ и доѣхалъ до Петербурга уже совсѣмъ больной. Мы должны были помѣстить его въ Обуховской больницѣ. У него открылся тифъ и онъ пріѣхалъ въ Дерптъ уже въ началѣ слѣдующаго полугодія.

Петербургъ встрѣтилъ насъ санной ѣздой. Въ какой-то меблировкѣ, около вокзала, мы переодѣлись и въ тотъ же вечеръ устремились «на авось» въ итальянскую оперу, ничего и никого не зная.

Невскій, въ зимнемъ уборѣ, съ тогдашнимъ освѣщеніемъ, казавшимся намъ блестящимъ, давалъ гораздо болѣе столичную ноту, чѣмъ Москва съ своимъ Кузнецкимъ мостомъ и безконечными бульварами.

У кассы Большого театра какой-то пожилой господинъ, чиновничьяго типа, предложилъ намъ три мѣста въ галлереѣ пятаго яруса. Это былъ абонентъ, промышляющій своими билетами. Онъ поднялся съ нами наверхъ и сдалъ насъ капельдинеру. Взялъ онъ съ насъ не больше восьмидесяти копеекъ за мѣсто.

Попадали мы на историческій спектакль. Это было *первое* представленіе «Трубадура», въ бенефисъ баритона Дебассини, во вновь отдѣланной залѣ Большого театра, съ ея позолотой, скульптурной отдѣлкой и фресками.

Даже и послѣ московскаго Большого театра эффектъ былъ еще неиспытанный. Итальянцевъ ни одинъ изъ насъ не слыхалъ, какъ слѣдуетъ.

Тогда была еще блистательная пора оперы: Тамберлякъ, Кальцоляри, Лаблашъ, Демерикъ, Бозіо, Дебассини. Въ этотъ спекталь зала показалась намъ особенно парадной. И на верхахъ насъ окружала публика, какую мы не привыкли видѣть въ парадизѣ. Все смотрѣло такъ чопорно и корректно. Учащейся молодежи очень мало, потому и гораздо меньше крика и неистовыхъ вызываній, чѣмъ въ настоящее время.

Пылкій и сообщительный З—нъ сталъ было въ антрактахъ заводить разговоры съ сосѣдями: но на него только косились. Къ тому же онъ былъ странно одѣтъ: въ какомъ-то сакъ-пальто съ капюшономъ.

Мое впечатлѣніе отъ петербуржцевъ средней руки, отъ той мас-

сы, гдѣ преобладалъ чиновникъ, холостой и семейный, сразу дало вѣрную ноту на десятки лѣтъ впередъ. И теперь, приличная петербургская толпа въ общихъ чертахъ—та же. Но она сдѣлалась понервнѣе, отъ огромнаго наплыва, въ послѣдніе годы, молодежи—студентовъ, студентокъ, профессіональныхъ женщинъ и «интеллигентнаго разночинца».

Въ ложахъ и креслахъ чиновно-свѣтскій міондъ, съ преобладаніемъ военныхъ, по манерѣ держать себя—мало отличался отъ теперешняго. Бросилось мнѣ въ глаза съ верховъ, что тогдашніе фешенебли не всѣ, но очень многіе, одѣвались такъ: черный фракъ, *свѣтло-сѣрые* панталоны, при черномъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

Тамберликъ бралъ свои «ut'ы», Бозіо плѣняла голосомъ и игрой, бенефиціантъ пѣлъ во всю, красиво носилъ костюмъ и бралъ своей видной фигурой и энергическимъ лицомъ.

Охваченный всѣми этими ощущеніями отъ сцены, оркестра, залы, я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню, что вѣдь злосчастная война не кончена, прошло какихъ-нибудь два-три мѣсяца со взятія Севастополя, что тамъ десятки тысячъ мертвецовъ гніютъ въ общихъ ямахъ и тысячи раненыхъ томятся въ госпиталяхъ. А кругомъ ни малѣйшаго признака національнаго горя и траура! Все разряжено, все ликуетъ, упивается сладкозвучнымъ пѣніемъ, болтаетъ, охорашивается, глазѣетъ и грызетъ конфеты.

Въ Казани, какъ я говорилъ выше, замѣчалось такое же равнодушіе и въ средѣ студенчества. Не больше было одушевленія и въ дворянскомъ обществѣ. Петербургъ, какъ столица, какъ центръ національнаго самосознанія, поражалъ меня и тутъ, въ залѣ Большого театра, и во всю недѣлю, проведенную нами передъ отъѣздомъ въ Дерптъ, невозмутимостью своей обычной сутолоки, безъ малѣйшаго признака, въ чемъ бы то ни было, того трагическаго момента, какой переживало отечество.

Вѣдь это былъ какъ разъ поворотный пунктъ нашего внутренняго развитія. Жестокій урокъ только что былъ данъ западомъ сѣверо-восточному колоссу. Сторонниковъ николаевскаго режима, конечно, было не мало въ тогдашнемъ Петербургѣ. Въ военно-чиновничьей сферѣ они преобладали. И ни одного сокрушеннаго лица, никакихъ патріотическихъ настроеній, разговоровъ въ театрахъ, на улицѣ, въ магазинахъ, въ церквахъ.

И молодежь—тѣ студенты, съ какими мы видѣлись—не выказывала никакихъ признаковъ особаго подъема духа, даже и въ сторону какихъ-либо новыхъ теченій и упованій.

А мы нашли здѣсь довольно большую семью казанцевъ—студен-

товъ восточнаго факультета, только что переведеннаго въ Петербургъ. Многіе изъ нихъ были «казенные», и въ Казани мы надъ ними подтрунивали, какъ надъ болѣе или менѣе «восточными человѣками», хотя настоящихъ восточниковъ между ними было очень мало.

Здѣсь, въ какихъ-нибудь два полугодія, они сильно отшлифовались, носили франтоватые мундиры и треуголки, сдѣлались меломанами и даже любителями балета. «Казэнными», съ особымъ произношеніемъ этого слова, ихъ уже нельзя было называть, такъ какъ въ Петербургѣ они жили не въ казенномъ зданіи, а на квартирахъ и пользовались только стипендіями.

Изъ моихъ товарищей по нижегородской гимназіи я нашелъ здѣсь Г—ва, моего одноклассника. Въ гимназіи онъ шелъ далеко не изъ первыхъ, а въ Петербургѣ изъ него вышелъ дѣльный студентъ-юристъ, работавшій уже по исторіи русскаго права, погруженный въ разбираніе актовъ XVI и XVII вѣковъ.

И въ этомъ серьезномъ маломъ (онъ умеръ тотчасъ по выходѣ изъ университета) я не нашелъ какого-нибудь особаго подъема, въ смыслѣ общественномъ.

У него и у бывшихъ казанцевъ мы успѣли познакомиться съ дюжиной другихъ петербургскихъ студентовъ. Общій уровень былъ выше, разговоръ бойчѣе и культурнѣе и гораздо болѣе свѣтскости, даже и у тѣхъ, кто пробивался на стипендію. Я не помню, чтобы мы зачуяли какія-нибудь особенныя *настроенія,* чтобы вольный духъ сказывался въ направленіи идей и въ тонѣ разговоровъ. Но прежній режимъ уже значительно пообслабъ, да въ огромномъ городѣ и немыслимъ былъ надзоръ, который и въ Казани-то ограничивался почти что только контролемъ по части соблюденія формы и хожденія въ церковь.

Когда, черезъ два года, мнѣ привелось провести зимнія вакаціи въ студенческомъ обществѣ, «духъ» уже вѣялъ совсѣмъ другой. Но объ этомъ ниже.

Зима 1855—1856 гг. похожа была на тотъ моментъ, когда замерзлое тѣло вотъ-вотъ начнетъ оттаивать и къ нему, быть можетъ, вернется жизнь.

Но бо̀льшая жизненность уже сказывалась въ отсутствіи гнета, трусливыхъ разговоровъ, въ какой-то новой бойкости и пестротѣ.

Въ сущности, такъ и должно было случиться. Севастопольскій погромъ стоялъ уже позади. Чувствовалось наступленіе другой эры и всѣмъ хотѣлось стряхнуть съ себя національный трауръ.

Былъ ли онъ и въ разгаръ крымской трагедіи очень силенъ въ

тогдашнемъ обществѣ, позволяю себѣ сомнѣваться, на основаніи всего, что видѣлъ во время войны.

Какъ заѣзжіе провинціалы, мы днемъ обозрѣвали разныя достопримѣчательности, начиная съ Эрмитажа, а вечеромъ я побывалъ во всѣхъ театрахъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ уже слегъ и помѣщенъ былъ въ больницу—у него открылся тифъ, а другой менѣе интересовался театрами.

По состоянію своихъ финансовъ я попадалъ на верхи. Но тогда, не такъ какъ нынче, всюду можно было попасть гораздо легче, чѣмъ въ настоящее время, начиная съ итальянской оперы, самой дорогой и посѣщаемой. Попалъ я и въ балетъ, чуть ли не на бенефисъ, и въ галлереѣ пятаго яруса нашелъ и нашихъ восточниковъ-казанцевъ, въ мундирчикахъ, очень франтоватыхъ и подстриженныхъ, совсѣмъ не отзывавшихъ казанскими «занимательными».

Давали балетъ «Армида», гдѣ впослѣдствіи знаменитая Муравьева исполняла, еще воспитанницей, роль Амура, а балериной была Фанни Черрито. Я успѣлъ побывать еще два раза у итальянцевъ, слушалъ «Ломбардовъ» и «Донъ-Паскале», съ Лаблашемъ въ главной роли. Во всю мою жизнь я видѣлъ всего одну оперу въ современныхъ костюмахъ, во фракахъ и, по-тогдашнему, въ пышныхъ юбкахъ и прическахъ съ большими зачесами на ушахъ.

Воскресный спектакль въ Александринскомъ театрѣ огорчилъ меня. Давали ужасную драму «Сальваторъ Роза», съ пожаромъ и разрушеніемъ зàмка. Леонидова, за его болѣзнью, замѣнялъ еще болѣе ужасный актеръ Славинъ, отличавшійся всегда способностью перевирать слова. Героиню играла Жулева, бывшая еще на молодомъ амплуа. Лейтенанта при атаманѣ разбойниковъ исполнялъ первый любовникъ труппы Алексѣй Максимовъ. Я просто вѣрить не хотѣлъ, что эта сухопарая фигура, съ глухимъ, смѣшнымъ, гнусавымъ голосомъ— первый сюжетъ и въ свѣтскихъ пьесахъ. Все это зрѣлище было, и на оцѣнку казанскаго студента, совершенно недостойно Императорской сцены, даже и въ воскресный вечеръ.

Послѣ жестокой драмы давали какой-то трехактный переводный водевиль, гдѣ троихъ мужей-рогоносцевъ играли Мартыновъ, Самойловъ и П. Григорьевъ. Мартынова я помнилъ по моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку; но я привыкъ и заочно считать его великимъ комикомъ, а тутъ роль его была такъ ничтожна и въ игрѣ его сквозила такая малая охота исполнять ее, что я съ трудомъ вѣрилъ въ подлинность Мартынова. Самойловъ пускалъ разныя штучки, изображая чудаковатаго старика-ревнивца, и его комизмъ казался мнѣ дѣланнымъ.

Кругомъ меня, въ галлереѣ пятаго яруса сидѣла разночинская публика, сортомъ гораздо ниже той, какая бываетъ теперь. Но и въ воскресный спектакль было гораздо меньше нынѣшняго «галдѣнья», надоѣдливыхъ вызововъ и криковъ.

Изъ глубины «курятника» въ райкѣ Михайловскаго театра смотрѣлъ я пьесу, передѣланную изъ романа Бальзака «Le lys dans la vallée». Послѣ прощальнаго вечера, на масляной, въ московскомъ Маломъ театрѣ, это былъ мой первый французскій спектакль. И въ этой слащавой, свѣтской пьесѣ, и въ какомъ-то трехактномъ фарсѣ (тогда были щедры на количество актовъ) я ознакомился съ лучшими силами труппы—въ женскомъ персоналѣ: Луиза Майеръ, Вольнисъ, Мила, Мальвина; въ мужскомъ—Бертонъ, П. Бондуа, Лемениль, Верне, Дешанъ, Пешна и др.

Нѣмцы играли въ Маріинскомъ театрѣ, передѣланномъ изъ цирка, и нѣмецкій спектакль оставилъ во мнѣ смутную память. Тогда въ Маріинскомъ театрѣ давали и русскія оперы; но театръ этотъ былъ еще въ загонѣ у публики и никто бы не могъ предвидѣть, что русскія оперныя представленія замѣнятъ итальянцевъ, и Маріинскій театръ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ Большой, въ дни итальянцевъ, что онъ будетъ всегда полонъ, что абонементъ на русскую оперу такъ войдетъ въ нравы высшаго петербургскаго общества.

Уже вдвоемъ, съ медикомъ З—чемъ, оставивъ больного товарища, мы выѣхали по шоссе въ Ливонскіе предѣлы. Путь нашъ шелъ на Нарву, по Эстляндіи, съ «раздѣльной» тогда станціей «Вайвара», откуда уже начинались настоящія чухонскія страны.

Русскихъ ямщиковъ смѣнили тяжелыя, закутанныя фигуры эстовъ, которымъ надо было кричать: «*Кухле! Рутту!*» Вмѣсто тройки—пара въ дышло и сани въ видѣ лодки.

Морозъ крѣпчалъ и первый ночной привалъ на станцію—чистую, свѣтлую, съ чаемъ и дешевымъ нѣмецкимъ ужиномъ—произвелъ на насъ впечатлѣніе нѣкоторой «заграницы».

Тутъ я останавливаюсь и долженъ опять (какъ дѣлалъ для Нижнего и Казани) оговориться передъ читателями романа «Въ путь-дорогу», а въ то же время и передъ самимъ собою.

Все самое характерное, черезъ что прошелъ герой романа Телепневъ въ «Ливонскихъ Аѳинахъ»—испыталъ въ общихъ чертахъ и я, и мнѣ пришлось бы неминуемо повторяться здѣсь, еслибъ я захотѣлъ давать заново подробности о тогдашнемъ Дерптѣ, университетѣ, бурщахъ, физіономіи города.

Городъ, въ своей центральной части, гдѣ площадь «Маркта», университетъ и Rittersrasse—чрезвычайно сохранилось и до сихъ

поръ. Меня это тронуло, когда я, по прошествіи тридцати слишкомъ лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, заѣхалъ въ Дерптъ (теперь Юрьевъ) лѣтомъ.

Вы могли бы провѣрить физіономію этого стараго города съ тѣми страницами пятой книги романа, гдѣ описывается первое знакомство съ нимъ Телепнева. Маркть списанъ точно вчера.

Но я долженъ сдѣлать опять весьма существенную оговорку — о предполагаемомъ тождествѣ Телепнева съ авторомъ романа.

Тутъ пути обоихъ расходятся: романистъ провелъ своего героя черезъ цѣлый рядъ итоговъ—и житейскихъ, и чисто умственныхъ, закончивъ его личныя испытанія любовью. Но главная нить осталась та же: исканіе высшаго интеллектуальнаго развитія, а подъ конецъ неудовлетворенность такой мозговой эволюціей, потребность въ болѣе тѣсномъ сліяніи съ жизнью родного края, съ идеалами общественнаго дѣятеля.

Въ самомъ же авторѣ романа, на протяженіи его пятилѣтней выучки въ Дерптѣ—происходила сначала скрытая, а потомъ и явная борьба будущаго писателя-беллетриста съ «питомцемъ точной науки», явившемся сюда готовиться къ ученой дорогѣ.

Сначала, въ первые два года, я еще считалъ себя воздѣлывателемъ химіи («Chemiae cultor») въ качествѣ главнаго предмета.

И уже въ этотъ слишкомъ двухлѣтній періодъ литературныя стремленія начали проявлять себя. Я сталъ читать нѣмецкихъ поэтовъ, впервые вошелъ въ Гейне, интересовался Шекспиромъ, сначала въ нѣмецкихъ переводахъ, его критиками, біографіями Шиллера и Гёте.

Но мысли о томъ, чтобы «пересѣдлать» (слово дерптскихъ русскихъ), измѣнить наукѣ, предаться литературѣ—только еще дремали во мнѣ.

Когда программа отдѣла химіи была преобразована (что случилось ко времени моего половиннаго экзамена) и въ нее введены были астрономія и высшая математика, и расширена физико-математическая часть химіи, я почувствовалъ впервые, что меня эта болѣе строгая спеціальность нѣсколько пугаетъ. Работы въ лабораторіи за цѣлые четыре семестра показали довольно убѣдительно, что во мнѣ нѣтъ той выдержки, какая отличаетъ изслѣдователей природы; слабъ и особый интересъ къ деталямъ химической кухни.

Первый поворотъ отъ строгой спеціальности сложился въ видѣ измѣны моей университетской «учобѣ». Физіологическая химія повела къ большему знакомству съ физіологіей, которая стояла какъ обязательный предметъ въ обѣихъ программахъ. Я былъ подгото-

вленъ (за исключеніемъ практическихъ занятій по анатоміи) къ тому, что тогда называлось у медиковъ «philosophicum», т.-е. къ поступленію на третій курсъ медицинскаго факультета, что я и рѣшилъ сдѣлать на третьемъ году моего житья въ Дерптѣ. Но и тогда о карьерѣ практикующаго врача я не думалъ. Студентомъ медицины оставался я до самаго конца, прослушавъ весь курсъ медицинскихъ наукъ, вплоть до клинической практики включительно.

Но въ послѣдніе три года, къ 1858 г., меня, дерптскаго студента, стало все сильнѣе забирать стремленіе не къ научной, а къ литературной работѣ. Пробужденіе нашего общества, новые журналы, приподнятый интересъ къ художественному изображенію русской жизни, наплывъ освобождающихъ идей во всѣхъ смыслахъ, пробудили нѣчто болѣе трепетное и теплое, чѣмъ чистая или прикладная наука.

И къ моменту прощанія съ Дерптомъ—химика и медика во мнѣ уже не было. Я уже выступилъ, какъ писатель, отдавшій на судъ критики и публики цѣлую пятиактную комедію, которая явилась въ печати въ октябрѣ 1860 г., когда я еще носилъ голубой воротникъ, но уже твердо рѣшилъ избрать писательскую дорогу, на доктора медицины не держать, а переѣхать въ Петербургъ, гдѣ и пріобрѣсти кандидатскую степень по другому факультету.

Я забѣжалъ впередъ, чтобы сразу выяснить процессъ того внутренняго броженія, какое происходило во мнѣ, и оттѣнить существенную разницу между дерптской эпопеей героя романа «Въ путь-дорогу» и тѣмъ, что сталось съ самимъ авторомъ.

И въ этой главѣ я буду останавливаться на тѣхъ сторонахъ жизни, которыя могли доставлять будущему писателю в его больше жизненныхъ чертъ того времени, поддерживать его наблюдательность; воспитывали въ немъ интересъ къ воспроизведенію жизни, давали толчокъ къ болѣе широкому умственному развитію, не по однимъ только спеціальнымъ познаніямъ, а въ смыслѣ той *Universitas*, какую я, въ семь лѣтъ моихъ студенческихъ исканій, въ сущности и прошелъ, побывавъ на трехъ факультетахъ; а четвертый, словесный, также не остался мнѣ чуждымъ, и онъ-то и пересилилъ все остальное, такъ какъ я становился все болѣе и болѣе *словесникомъ,* хотя и не прошелъ строго-классической выучки.

Передъ принятіемъ меня въ студенты дерптскаго университета, возникъ было вопросъ: не понадобится ли сдавать дополнительный экзаменъ изъ греческаго? Тогда его требовали отъ окончившихъ курсъ въ остзейскихъ гимназіяхъ. Передъ нашимъ поступленіемъ, будущій товарищъ мой Л—скій (впослѣдствіи профессоръ въ Кіевѣ), перейдя изъ кіевскаго университета на медицинскій факультетъ, долженъ

былъ сдать экзаменъ по-гречески. Тоже требовалось и съ натуралистовъ, но мы съ З—чемъ почему-то избѣгли этого.

Тогда это считалось крайне отяготительнымъ и чѣмъ-то глубоко ненужнымъ и схоластическимъ. А впослѣдствіи я не разъ жалѣлъ о томъ, что меня не заставили засѣсть за греческій. И уже больше тридцати лѣтъ спустя я—motu proprio, въ Москвѣ надумалъ дополнить свое «словесное» образованіе и принялся за греческую грамоту, подъ руководствомъ одной дѣвицы—«фишерки», что было характернымъ штрихомъ, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе XIX вѣка, для тогдашней Москвы.

Дерптскія мои «откровенія бытія» я обозрю здѣсь *синтетически*, въ видѣ крупныхъ выводовъ, и начну съ студенческаго быта, который такъ рѣзко отличался отъ того, чтó я оставилъ въ Казани.

Подробности значатся всего больше въ пятой книгѣ романа «Въ путь-дорогу». Не знаю—какой окончательный выводъ получаетъ читатель, въ пользу дерптскихъ порядковъ или нѣтъ; но думаю, что полной объективности у автора романа быть еще не могло.

Вѣдь и я, и всѣ почти русскіе, учившіеся въ мое время (если они пріѣхали изъ Россіи, а не воспитывались въ остзейскомъ краѣ), знали нѣмцевъ, ихъ корпоративный бытъ, семейные нравы и рельефныя черты тогдашней балтійской культуры, и дворянско-сословной, и общебюргерской—больше *изъ вторыхъ рукъ*, по наслышкѣ, со стóроны, издали, во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобы это приводило къ полной и безпристрастной оцѣнкѣ.

Какъ авторъ романа, я не погрѣшилъ противъ *субъективной* правды. Черезъ все это проходилъ его герой. Черезъ все это проходилъ и я. Въ романѣ—это монографія, интимная исторія одного лица, родъ «Ученическихъ годовъ Вильгельма Мейстера», разумѣется *mutatis-mutandis!* Вѣдь и у олимпійца Гёте, въ этой первой половинѣ романа, нѣтъ полной объективной картины, даже и многихъ уголковъ нѣмецкой жизни, которая захватывала Мейстера только съ извѣстныхъ своихъ сторонъ.

Такъ и тутъ. Какъ испытанія Телепнева—все это и теперь правдиво, но какъ *итоги*—тутъ многаго недостаетъ. И большинство моихъ сверстниковъ оставляло Дерптъ съ оцѣнками и взглядами, на которыхъ лежалъ значительный налетъ *субъективныхъ* чувствъ.

Иначе и не могло быть. Съ нѣмцами всѣ мы только сталкивались, а не жили съ ними. Сначала, въ первые два-три года моего студенчества, русскіе имѣли свою корпорацію; потомъ всѣ мы, послѣ того, какъ ее «прикончили», превратились въ безправныхъ. Нѣмецкіе бурши посадили насъ на «Verruf» (по-студенчески есть слово болѣе без-

пощадное и циническое), и въ такомъ положеніи мы всѣ дожили до выхода изъ университета. Съ нами нѣмцы не сносились, не разговаривали съ нами и въ аудиторіяхъ, и при занятіяхъ въ кабинетахъ и клиникѣ, черезъ что прошелъ и я съ другими медиками. Это было крайне тягостно. Дѣло кончилось генеральной схваткой, зачинщикомъ которой и былъ нашъ казанецъ З—нъ. Она описана въ романѣ довольно безпристрастно.

Въ подобныхъ условіяхъ полнаго знакомства съ нѣмецкимъ бытомъ—и студенческимъ, и бюргерскимъ, и сословно-дворянскимъ—не могло быть и не было. Въ нѣмецкихъ корпораціяхъ значилось нѣсколько русскихъ, уроженцевъ остзейскаго края; но мы ихъ не знали. Члены русской корпораціи—жили только «своей компаніей», съ буршами нѣмцами имѣли лишь офиціальныя сношенія по *Комману*, въ разныхъ засѣданіяхъ, вообще относились къ нимъ не особенно дружелюбно, хотя и были со всѣми на «ты», что продолжалось до того момента, когда русскихъ подвергли остракизму.

Стало быть, и *мои* итоги не могли выдти вполнѣ объективными, когда я оставлялъ Дерптъ. Но я былъ поставленъ въ условія бо̀льшей умственной и такъ сказать *бытовой* свободы. Я пріѣхалъ уже студентомъ третьяго курса, съ серьезной, опредѣленной цѣлью, безъ всякаго національнаго или сословнаго задора, чтобы воспользоваться какъ можно лучше тѣмъ «академическимъ» (т.-е. учебно-ученымъ) режимомъ, который выгодно отличалъ тогда Дерптъ отъ всѣхъ университетовъ въ Россіи.

Въ этомъ я не ошибся. Учиться можно было *во всю,* работать въ лабораторіи, посѣщать всевозможные курсы, быть у источника нѣмецкой науки, жить дешево и тихо.

Корпорація «Рутенія», куда я попалъ съ моими казанцами, въ какихъ-нибудь полгода не только выдохлась для меня, но стала прямо невыносимой.

На нее нѣмецкій «буршико̀зный» бытъ подѣйствовалъ всего сильнѣе своими отрицательными сторонами. Я нашелъ кружокъ изъ разныхъ элементовъ, на одну треть не русскихъ (нѣмцы изъ Россіи и одинъ еврей), съ привычкой къ молодечеству на нѣмецкій ладъ, въ видѣ постоянныхъ попоекъ, безъ всякихъ серьезныхъ запросовъ, даже съ принципіальнымъ нежеланіемъ, на попойкахъ и сходкахъ, говорить о политикѣ, религіи, общественныхъ вопросахъ, съ очень малой начитанностью (особенно по-русски), съ варварскимъ жаргономъ и такимъ складомъ веселости и остроумія, который сразу я нашелъ довольно-таки низменнымъ.

По-своему, я (какъ и герой романа Телепневъ) былъ правъ. Я

ожидалъ совсѣмъ не того и, безъ всякаго сомнѣнія видѣлъ, что казанскій третьекурсникъ представлялъ собою нѣчто другое, хотя и явился изъ варварскихъ, полутатарскихъ странъ.

Но такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ, если поглядѣть «ретроспективнымъ» взглядомъ? Русскимъ «бурсакамъ» (какъ они себя называли въ пѣсняхъ) вредилъ всего больше подражательный ритуалъ товарищеской жизни, по образцу нѣмецкихъ корпорацій. Когда они сдѣлались «vogelfrei», были посажены нѣмцами на «Verruf»—тѣ же самые бурши, къ которымъ присоединились нѣсколько «дикихъ» (Wilde), въ томъ числѣ и я, зажили гораздо осмысленнѣе, и въ ихъ же средѣ я могъ найти весьма сочувственный откликъ на мои опыты писательства.

Наукой, какъ желалъ работать я, никто изъ нихъ не занимался, но всѣ почти кончили курсъ, были дѣльными медиками, водились и любители музыки, въ послѣдніе 50-е годы стали читать русскіе журналы, а нѣмецкую литературу знали всетаки больше, чѣмъ рядовые студенты въ Казани, Москвѣ или Кіевѣ.

Корпоративный бытъ привилъ, кромѣ того, привычку къ болѣе сомкнутому товариществу, при которомъ нельзя сторониться другъ друга. Суть этого единенія была слишкомъ уже пуста, сводилась къ кутежу и «шалдашничанью» (т.-е. ничегонедѣланью), но идея солидарности всетаки держалась.

Меня лично такая совмѣстная жизнь не могла удовлетворять. Превратись я въ настоящаго «бурша», я бы смотрѣлъ на это, какъ на сильный шагъ назадъ, на паденіе своего «я». Для меня, въ тотъ моментъ, предметъ пылкаго культа были *точное* знаніе вообще и «наука наукъ»—*химія*. А у нихъ, на попойкахъ, слово «Gelehrter» было шутливо-оскорбительнымъ прозвищемъ, за которое вызывали на пивную дуэль. Это называлось на ужасномъ нѣмецко-русскомъ жаргонѣ «закатить гелертера». Если вдуматься, то такое отношеніе къ учености, къ культу науки, совсѣмъ не такъ глупо и пошло.

Подъ этимъ сидитъ такой рядъ афоризмовъ: «въ юности не напускай на себя излишней серьезности; лови моментъ, пой и смѣйся; учись, если желаешь; но на товарищеской пирушкѣ не кичись своей ученостью, а то получишь нахлобучку».

Никто изъ буршей не возмущался тѣмъ, что явившійся изъ Казани студентъ хочетъ изучать химію у Карла Шмидта; но если онъ желалъ быть сразу persona grata, онъ, поступивъ «фуксомъ» въ корпорацію, долженъ былъ продѣлывать *ихъ* родъ жизни, т.-е. пить и поить другихъ, пѣть вакхическія пѣсни и предаваться болтовнѣ, которая вся вертѣлась около такого буршикознаго прожиганія жизни.

За цѣлое полугодіе моей выучки, въ званіи фукса, я не слыхалъ—на какой-нибудь вечеринкѣ или попойкѣ (что было одно и то же), разговора, который хоть немного напомнилъ бы мнѣ: зачѣмъ, собственно, переѣхалъ я съ береговъ рѣчки Казанки на берега чухонскаго Эмбаха?

Можно и теперь безъ преувеличенія сказать, что въ самомъ преддверіи эпохи реформъ, бурши «Рутеніи» совершенно еще спали, въ смыслѣ общественнаго обновленія; они были—по всему складу ихъ кружковой жизни—дореформенные молодые люди, какъ бы ничѣмъ не связанные съ тѣми упованіями и запросами, которые повсюду, внутри страны, уже пробивались наружу.

Одинъ примѣръ изъ сотни—и самый вѣскій.

И въ Казани, и въ Дерптѣ состоялъ при мнѣ все тотъ же крѣпостной служитель, Михаилъ Мемноновъ, который въ Дерптѣ находилъ свою матеріальную жизнь лучше, чѣмъ мы, его господа, ходилъ кормиться къ русскому портному, по фамиліи Пѣтухъ, и ѣлъ куда вкуснѣе и свѣжѣе, чѣмъ мы. Въ Казани мы съ своими товарищами по квартирѣ, то и дѣло, говорили о крѣпостномъ правѣ и *всѣ искренно желали его уничтоженія*. Этотъ служитель мнѣ не былъ нуженъ и я не отсылалъ его потому, что привязался къ нему и у меня ему было очень хорошо: мы обращались съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, и дѣлились всѣмъ, что сами получали. И всѣмъ намъ дѣлалось весело, когда Михаилъ Мемноновъ пророчески восклицалъ:

— «Не умру крѣпостнымъ. Будетъ воля—не сегодня, такъ завтра!»

И что же? За всю мою выучку въ корпораціи, и позднѣе, когда я видался съ буршами, я никогда не слыхалъ ни единаго слова на эту тему,—такова была ихъ отчужденность отъ всего того, что уже назрѣло «въ Россіи».

И всетаки, въ общемъ, корпораціи были культурнѣе того, какъ жили иныя товарищескія компаніи Казани, съ очень грубыми и циническими нравами. Самая выпивка была вставлена въ рамки, съ извѣстнымъ обрядомъ, хотя я и нашелъ въ «Рутеніи» двухъ-трехъ матёрыхъ студентовъ-«филистровъ» (отслушавшихъ лекціи)—настоящихъ алкоголиковъ. Не было и цинизма, ни на дѣлѣ, ни даже на словахъ, и это обнаруживало несомнѣнный культурный признакъ. Въ Казани, въ разговорахъ и прибауткахъ, у многихъ все уснащалось народной «родительской» бранью. Нѣкоторые доходили до прямой виртуозности. У буршей, несмотря на то, что половина пріѣхала сюда изъ русскихъ городовъ—ничего подобнаго! Это считалось непростительнымъ, даже и въ пьяномъ видѣ.

Эротическіе нравы стояли совсѣмъ на другомъ уровнѣ. И въ этомъ давали тонъ нѣмцы. Одна корпорація (Fraternitas Rigensis) славилась особеннымъ, какъ бы обязательнымъ, цѣломудріемъ. Про нее русскіе бурши любили разсказывать смѣшные анекдоты,—о томъ, какъ «рижане» будто бы шпіонили, по этой части, другъ друга, ловили товарищей у мамзелей зазорнаго поведенія.

Но и «мамзелей» въ тогдашнемъ Дерптѣ водилось очень мало. Открытая проституція почти что не допускалась, не такъ, какъ въ Казани, гдѣ любимой формой молодечества пьяныхъ студенческихъ ватагъ считалось: разбивать публичные дома за Булакомъ!

Все это въ Дерптѣ было немыслимо. Если мои товарищи по «Рутеніи», а позднѣе по нашему вольному товарищескому кружку, грѣшили противъ цѣломудрія, то это считалось «приватнымъ» дѣломъ, наружу не всплывало, такъ что я, за всѣ пять лѣтъ, не зналъ, напримѣръ, ни у одного товарища ни единой нелегальной связи, даже въ самыхъ приличныхъ формахъ; а о женитьбѣ тогда никто и не помышлялъ, ни у нѣмцевъ, ни у русскихъ. Это просто показалось бы дико и смѣшно.

Ни одной попойки не помню я съ женскимъ поломъ. Онъ водился на окраинахъ города, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, изъ нѣмокъ и онѣмеченныхъ чухонокъ. Всѣ онѣ были наперечетъ и разговоры о нихъ происходили крайне рѣдко.

Не отвѣчаю за всѣхъ моихъ товарищей, но въ мою пятилѣтнюю дерптскую жизнь этотъ элементъ не входилъ ни въ какой формѣ. И такая строгость вовсе не исходила отъ одного внѣшняго гнета. Она была скорѣе въ воздухѣ и отвѣчала тому настроенію, какое владѣло мною, особенно въ первые четыре семестра, когда я предавался культу чистой науки и еще мечталъ сдѣлать изъ себя ученаго.

Какова бы ни была скудость корпоративнаго быта, среди русскихъ, по умственной части, всетаки же этотъ бытъ сдѣлалъ то, что послѣ погрома «Рутеніи» мы всѣ могли собраться и образовать свободный кружокъ, безъ всякаго письменнаго устава, и прожили больше двухъ лѣтъ очень дружно.

«Дикихъ» оказалось нѣсколько человѣкъ (въ томъ числѣ и я) и они внесли съ собою другой духъ, другія повадки. Пало обязательное выпиванье, начались сходки съ литературнымъ оттѣнкомъ, и въ моей писательской судьбѣ онѣ сыграли роль весьма значительную. Къ тому времени меня уже гораздо сильнѣе потянуло въ сторону беллетристики. На нашихъ сборищахъ читалась уже въ зиму 1858—59 гг. комедія «Фразеры», первоначально озаглавленная

«Шила въ мѣшкѣ не утаишь», которую я рѣшился везти въ Петербургъ печатать и ставить, если она пройдетъ въ театрально-литературномъ комитетѣ.

Нашъ кружокъ сплотился еще сильнѣе, въ бурные дни массоваго столкновенія съ нѣмцами, подробно описаннаго въ моемъ романѣ. Тогда всѣ почувствовали себя русскими, даже и тѣ обрусѣлые нѣмцы, какіе были въ «Рутеніи». Главнаго зачинщика, нашего казанца З—на, ударившаго нѣмца ремнемъ по лицу за нежеланіе давать ему «сатисфакцію» (такъ какъ мы всѣ были на *ферруфѣ*), начальство немедленно удалило, продержавъ въ заперти въ полицейской тюрьмѣ. Но нашъ свободный кружокъ не проникался никакимъ особеннымъ шовинизмомъ. На нѣмцевъ мы смотрѣли съ бо̀льшей терпимостью, чѣмъ они на насъ. Страдали отъ остракизма мы, а не они. Намъ казалось все болѣе и болѣе дикимъ, что русскимъ студентамъ, въ Россіи, въ Императорскомъ университетѣ, нельзя жить безъ подчиненія нѣмецкому «Комма̀ну», который не имѣлъ никакой правительственной санкціи. Но и попечитель ничего не могъ, или не хотѣлъ, сдѣлать, чтобы прекратить такое *statu quo*. Его разговоръ съ нашими депутатами (роль Телепнева игралъ я) описанъ мною безъ всякихъ прикрасъ и всего какихъ-нибудь четыре года спустя, когда все еще свѣжо сохранялось въ памяти.

Больше уже до выхода моего никакихъ, ни кровавыхъ, ни рукопашныхъ столкновеній не происходило. Нашимъ медикамъ приходилось (какъ я замѣтилъ и выше) всего тяжелѣ въ клиникахъ, гдѣ никто изъ нѣмцевъ съ нами не говорилъ.

Теперь, въ Юрьевскомъ университетѣ такія претензіи остзейцевъ показались бы комическими.

Но и тогда существовали давно два польскихъ союза «Щегулъ» и «Огулъ», которые не признавали нѣмецкаго общаго устава. Они добились этого не безъ борьбы, и ихъ нѣмцы побаивались уже потому, что, въ случаѣ дуэлей (по-дерптски «шкандаловъ») они выходили только на пистолетахъ, а не на нѣмецкихъ эспадронахъ, которые мы звали неправильно «рапирами».

Дуэлированіе (сохранившееся, какъ я слышу, и по днесь, по крайней мѣрѣ, у нѣмцевъ) описано въ моемъ романѣ. Оно выродилось въ смѣшноватый ритуалъ, изрѣдка съ болѣе серьезными послѣдствіями и поддерживало въ корпоративномъ быту постоянный задоръ, амбиціозность, не высокаго сорта удальство—совершенно такъ, какъ, до сихъ поръ, въ Германіи, гдѣ шрамы на лицѣ считаются патентомъ на геройство. Въ Дерптѣ ударовъ по лицу не получали, потому что они офиціально преслѣдовались, и дрались въ огромныхъ кожаныхъ

шлемахъ. Поводы къ дуэлямъ отличались вздорностью, и внутри корпораціи, и между буршами разныхъ корпорацій. Извѣстное количество «шкандаловъ» надо было имѣть съ чужими: безъ этого репутація падала въ глазахъ остальныхъ.

Но и эта полукомическая игра въ средневѣковыя *ордаліи* давала извѣстный тонъ, вырабатывала бо̀льшее сознаніе своего, хотя бы и внѣшняго, достоинства. Всякій долженъ былъ отвѣчать не только за свои поступки, *но и за слова*. Оправданія состояніемъ опьяненія (такъ частаго у буршей) не принимались.

Съ такимъ пережиткомъ варварства я никогда не мирился и всегда это высказывалъ. И тогда уже среди нѣмцевъ водились студенты (особенно теологи), которые не дрались, объявляя это «противъ ихъ убѣжденія». Но въ «Рутеніи» такихъ не было. Какъ всегда русскіе, когда обезьянятъ съ чужого, теряютъ всякую самобытность. Но все это было—напускное. Доказательство налицо. Тѣ же бурши, послѣ того, какъ сбросили съ себя иго *коммана* и стали вмѣстѣ съ нами, «дикими», жить свободнымъ товарищескимъ кружкомъ, утратили всякій задоръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ не случилось у насъ ни одной дуэли, ни одной даже непріятной исторіи между своими, не оказалось надобности учреждать и «судъ чести», какой завели у себя нѣмцы. Это учрежденіе (вѣроятно, оно и до сихъ поръ существуетъ) поддерживало извѣстную нравственную дисциплину; идею его похулить нельзя, но разбирательства всего больше вертѣлись около «шкандаловъ», вопросовъ «сатисфакціи» и подчиненія комману; я помню, однако, что нѣсколько именъ стояло на такъ называемомъ «Verrufzettel» за неблаговидные поступки, хотя это и не вело къ ходатайствамъ передъ начальствомъ объ исключеніи, даже и въ случаяхъ подозрѣнія въ воровствѣ или мошенническихъ продѣлкахъ.

Нашъ вольный кружокъ, уже черезъ какихъ-нибудь полгода, потерялъ прежнюю буршикозную физіономію. Насъ, «дикихъ», принесшихъ съ собою другіе умственные запросы и другіе нравы, прозвали *эллинами* въ противоположность старымъ, *пелазгамъ*. Полнаго слиянія, конечно, не могло произойти, но жили въ ладу съ преобладаніемъ эллинской культуры.

Въ подведеніи этихъ дерптскихъ *итоговъ* я уже забѣжалъ впередъ. Держаться хронологическаго порядка, повело бы къ лишнимъ подробностямъ, было бы очень пестро, пришлось бы и разбрасываться. Лучше будетъ раздѣлить то, о чемъ стоитъ вспомнить, на нѣсколько крупныхъ пунктовъ.

Сначала, что представлялъ собою Дерптъ въ его общей жизни, какъ «академическій» городокъ и какъ уѣздный городокъ остзейскаго

края, который всетаки входилъ въ составъ Русской имперіи и, въ извѣстной степени, испытывалъ неизбѣжное воздѣйствіе нашего государственнаго и національнаго строя?

Затѣмъ, университетъ въ его лучшихъ представителяхъ, складъ занятій, отличіе отъ тогдашнихъ университетскихъ городовъ, сравнительно, наприм., съ Казанью, все то, чѣмъ дѣйствительно можно было попользоваться для своего общаго умственнаго и научно-спеціальнаго развитія; какъ поставлены были студенты въ городѣ; что они имѣли въ смыслѣ общеразвивающихъ условій; какія художественныя удовольствія; какія формы общительности, внѣ корпоративной, т.-е. почти исключительно трактирной (по «кнейпамъ») жизни, какую вело большинство буршей?

Русское общество въ тогдашнемъ Дерптѣ, всѣ знакомства, какія имѣлъ я въ теченіе пяти лѣтъ, и ихъ вліяніе на мое развитіе. Наши *свѣтскія* знакомства, театральное любительство, характеръ свѣтскости, отношеніе къ намъ—студентамъ—русскихъ семействъ и все развивавшаяся связь съ тѣмъ, что происходило внутри страны, въ нашихъ столицахъ.

Мои экскурсіи въ вакаціонное время. Петербургъ, Москва, Нижній, деревня. Расширеніе кругозора наблюденій и всякаго рода жизненныхъ опытовъ.

Въ связи со всѣмъ этимъ во мнѣ шла и внутренняя работа, та борьба, въ которой писательство окончательно побѣдило, подъ прямымъ вліяніемъ обновленія нашей литературы, журналовъ, театра, прессы. Жизнь все сильнѣе тянула къ работѣ бытописателя. Опыты были продѣланы въ Дерптѣ, въ тѣ послѣдніе два года, когда я еще продолжалъ слушать лекціи по медицинскому факультету. Найдена была и та форма, въ какой сложилось первое произведеніе, съ которымъ я дерзнулъ выступить уже какъ *настоящій* драматургъ, еще нося голубой воротникъ.

«Ливонскія Аѳины» представлялись издали, какъ и намъ изъ Казани, чѣмъ-то гораздо болѣе *заграничнымъ*; вообще чѣмъ-то красивѣе и привлекательнѣе того, что имѣлось въ дѣйствительности.

Дерптъ, теперешній Юрьевъ, былъ въ то время, т.-е. полвѣка назадъ, городкомъ лучше обстроеннымъ и болѣе культурнымъ, чѣмъ всѣ уѣздные города, въ какихъ я тогда бывалъ, даже самые многолюдные и бойкіе. Его можно было сравнивать только съ губернскими городами, не такими, какъ, напримѣръ, Саратовъ, Казань, Харьковъ, Кіевъ, Нижній, но—весьма и весьма въ его пользу—съ такими какъ Владиміръ, Витебскъ, Кострома. Выше я уже говорилъ, какъ

онъ, до сихъ поръ, мало измѣнился въ своемъ центрѣ, самомъ характерномъ кварталѣ, на Марктѣ и смежныхъ улицахъ.

Зданіе университета его не краситъ, потому что стоитъ въ сторонѣ, на узкой площадкѣ. Но холмы, разбитые подъ паркъ (такъ называемый *Dom*), гдѣ руины католической церкви рыцарскаго ордена и зданіе клиникъ, анатомическаго театра и кабинетовъ, придаютъ Дерпту особый живописный и совсѣмъ не провинціальный отпечатокъ. Эти верхи, въ послѣдніе годы, обстроились, въ направленіи желѣзной дороги, и разрослись въ новый кварталъ, который былъ для меня неожиданностью, когда я навѣстилъ Юрьевъ, послѣ слишкомъ тридцатилѣтняго отсутствія, въ 90-хъ годахъ.

И тогда въ Дерптѣ можно было и людямъ, привыкшимъ къ комфорту болѣе, чѣмъ студенческая братія, устроиться лучше, чѣмъ въ любомъ великорусскомъ городкѣ. Были недурныя гостиницы, не мало сносныхъ и недорогихъ квартиръ, даже и съ мебелью, очень дешевые парные извозчики, магазины и лавки всякаго рода (въ томъ числѣ прекрасные книжные магазины), кондитерскія, клубы, разные ферейны, цѣлый ассортиментъ студенческихъ ресторановъ и кнейпъ.

Нѣмецкая печать лежала на всей городской культурѣ, съ сильной примѣсью народнаго, т.-е. эстонскаго элемента. Языки слышались на улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, лавкахъ, на рынкѣ почти исключительно—нѣмецкій и эстонскій. Въ базарные дни наѣжали эстонцы, распространяя запахъ своей махорки и особенной чухонской вони, которая бросилась мнѣ въ носъ и когда я попалъ въ первый разъ на базарную площадь Ревеля, въ 90-хъ годахъ.

Но и тогда уже, т.-е. во второй половинѣ 50-хъ годовъ, чувствовалось то, что «Ливонскія Аѳины» принадлежатъ *русскому* государству и представляютъ собою уѣздный городъ Лифляндской губерніи.

Во-первыхъ, я нашелъ тамъ, въ зиму 1855—56 гг., цѣлый гвардейскій уланскій полкъ, тотъ самый, гдѣ тогда еще служилъ Фетъ-Шеншинъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Онъ и воспитывался въ нѣмецкомъ пансіонѣ, въ одномъ изъ городковъ Лифляндской губерніи. Долго оставался въ Дерптѣ и цѣлый отрядъ корпуса топографовъ, съ училищемъ; была русская пробирная палатка, русская почта, разныя другія присутственныя мѣста; много колоніальныхъ лавокъ, содержимыхъ нашими ярославцами; а на базаръ пріѣзжали постоянно русскіе староверы, безпоповцы изъ деревни Черной.

Городъ жилъ такъ, какъ описано въ моемъ романѣ. Тамъ ничего не прибавлено и не убавлено. Внѣшняя жизнь вообще была тихая; но не тише, чѣмъ въ среднихъ русскихъ губернскихъ городахъ, даже

бойчѣе, по ѣздѣ студентовъ на парныхъ пролеткахъ и саняхъ, особенно когда происходили періодическія попойки и загородныя экскурсіи.

Мы, русскіе студенты, мало проникали въ домашнюю и свѣтскую жизнь нѣмцевъ разныхъ слоевъ общества. Сословныя дѣленія были такія же, какъ и въ Россіи, если еще не сильнѣе. Преобладалъ бюргерскій классъ нѣмецкаго и онѣмеченнаго происхожденія. Жили домами и не мало *кáксовъ*, т.-е. дворянъ-балтовъ. Они имѣли свое сословное собраніе «Ressource», давали балы и вечеринки. Купечество собиралось въ своемъ «Casino»; а мастеровые и мелкіе лавочники въ шустеръ-клубѣ—«Bürgermusse».

Всякій остзеецъ изъ Риги, Митавы, Ревеля, а тѣмъ болѣе изъ мелкихъ городовъ Прибалтійскаго края, находилъ въ Дерптѣ все, къ чему онъ привыкъ, и ему жизнь въ Дерптѣ должна была нравиться еще и по тому оттѣнку, какой придавала ей университетская молодежь.

При всей «буршикозности» корпоративнаго быта, уличныхъ оказательствъ молодечества почти что не водилось: шумной, бѣшеной ѣзды, задиранья женщинъ, ночныхъ скандаловъ. Въ одиннадцать часовъ педеля производили ночной обходъ всѣхъ ресторановъ и пивныхъ, заходили во всѣ квартиры, гдѣ «анмельдованы» были попойки, и просили студентовъ разойтись.

Въ самые глухіе часы уличная тишина нарушалась только студенческимъ кортежемъ, въ саняхъ или шарабанахъ, за городъ, въ тѣ корчмы, гдѣ происходили обыкновенно дуэли на рапирахъ.

Нѣмецъ-гимназистъ изъ другихъ городовъ края, попадая въ дерптскіе студенты, устраивался по своимъ средствамъ и привычкамъ сразу, безъ всякихъ хлопотъ, и если въ корпораціи дѣлалъ долги и тратилъ сравнительно много, то «дикимъ» могъ проживать меньше, чѣмъ проживали мы и въ русскихъ провинціальныхъ университетскихъ городахъ.

Слышно, что и теперь бѣдняки ѣдутъ въ Юрьевъ, зная, что тамъ можно просуществовать чуть не на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ!

То же возможно было и тогда.

Обыкновенно, *полугодовую* квартиру, одну комнату съ передней или безъ нея, нанимали, съ отопленіемъ и мебелью—за 20—30 рублей. Обѣдъ, на двоихъ, стоилъ тогда отъ 4 до 6 рублей. Какой это былъ обѣдъ—не спрашивайте! Но *такой* ѣдой довольствовались двѣ трети студенчества, остальная треть ѣла въ кнейпахъ и въ «ресторацiяхъ» (Restauration) съ цѣнами порцій отъ пятнадцати до тридцати копеекъ.

Ничтожное меньшинство ходило въ ресторанъ тогдашняго «Hôtel London» съ выписанными изъ Пруссіи кельнерами, гдѣ можно было ѣсть на марки—по двадцати копеекъ каждая.

Стóитъ всетаки напомнить, что такое былъ тотъ обѣдъ, который мы имѣли помѣсячно. Его приносили въ судкахъ (по тамошнему «менажки»). Онъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, причемъ каждое блюдо составляло, по больничному выраженію, только *полпорціи*. Супъ вы рѣдко получали; его замѣняла каша-размазня, или родъ лапши съ прогорклымъ масломъ. Второе блюдо—яко бы мясное; но тѣ «кровяныя котлеты съ патокой и коринкой», о которыхъ упоминается въ моемъ романѣ—не принадлежатъ вовсе къ поэтическимъ миѳамъ; а могли быть отнесены и къ реальнымъ возможностямъ.

И на такую-то пищу мы съ моимъ казанскимъ товарищемъ З—имъ сразу сѣли. Состояніе нашихъ финансовъ вскорѣ такъ ослабло, что пришлось, поджидая присылки денегъ, питаться, не одну недѣлю, сухарями изъ ржаного хлѣба (мы ихъ сами сушили въ печкѣ) съ дешевымъ мѣстнымъ сыромъ, по двѣнадцати копеекъ фунтъ.

Тутъ я открою скобку и повторю еще разъ (чтобы къ этому уже болѣе не возвращаться), что мы—въ наше студенческое время, и въ Казани, и въ Дерптѣ, да и въ столицахъ—не смотрѣли такими глазами на свою нужду, какъ нынѣшняя молодежь.

Вѣдь и въ наше время вездѣ было не мало бѣдняковъ, среди своекоштныхъ студентовъ. Согласитесь, если вы кормитесь, мѣсяцами, *на два рубля*, питаетесь *недѣлями* черными сухарями съ скверным ъсыромъ и платите за квартиру 4—6 рублей въ мѣсяцъ, вы—настоящій *бѣднякъ*.

Но тогда не было въ обычаѣ, какъ я уже замѣтилъ, вызывать въ обществѣ особый видъ благотворительности, обращенной на учащихся. Не знали мы—студенты—того взгляда, что общество какъ будто *обязано* насъ поддерживать. Это показалось бы намъ прямо *унизительнымъ*, а теперь это норма, нѣчто, освященное традиціей.

Не хочу впадать здѣсь въ рѣзко-обличительный тонъ! При нынѣшнихъ прерогативахъ университетской молодежи, это—скользкая почва. Но я утверждаю положительно, что мы мирились съ бѣдностью, дурной пищей, плохой квартирой—гораздо охотнѣе и выносливѣе; не позволяли себѣ дѣлать изъ этой бѣдности какого-то мундира. А помощь тогда являлась крайне рѣдко и скудно. Были казенные студенты, живущіе въ университетѣ или нѣтъ (какъ въ Петербургѣ), были кое-какія субсидіи, но такого всеобщаго исканія денежной поддержки отъ государства и общества—положительно не водилось въ

правахъ студентовъ ни въ Казани, ни въ Дерптѣ. Благотворительныхъ обществъ, для поддержки студентовъ, нигдѣ и не было.

Я, до сихъ поръ, не знаю—сколько тогда значилось въ Дерптѣ «казенныхъ» студентовъ среди нѣмцевъ, поляковъ, эстонцевъ и латышей; но среди русскихъ—ни буршей, ни «дикихъ»—не помню *ни одного*.

А какіе мы были богачи—видно изъ того, что я сейчасъ привелъ насчетъ нашего питанія съ З—чемъ въ первый семестръ нашего дерптскаго житья.

Правда, при мнѣ состоялъ крѣпостной служитель. Но это была для меня только лишняя обуза! Приходилось брать квартиру побольше, а кормился нашъ Михаилъ Мемноновъ у портного Пѣтуха гораздо лучше насъ—его *господъ*!

Возвращаюсь къ городу Дерпту и его рессурсамъ—въ тѣ мѣсяцы, когда университетъ жилъ полною жизнью.

По развлеченіямъ Дерптъ, за все время моего житья тамъ—не отличался большимъ разнообразіемъ.

Театръ не допускался—именно *не допускался*, а не то, что не могъ бы существовать.

Этотъ запретъ шелъ прямо отъ университетскаго начальства. Опасались, должно-быть, лишнихъ расходовъ и отвлеченія отъ занятій или вліянія на нравственность студентовъ закулисныхъ сферъ.

Но разсчетъ отзывался филистерски-учительскимъ недомысліемъ.

Нынче и для народа строятъ у насъ великолѣпные театры и хлопочутъ объ этомъ Общества народной трезвости, желая оттягивать народъ—отъ чего?... Отъ пьянства.

А въ Дерптѣ кутежей, т.-е. по просту пьянства—и у нѣмцевъ, и у русскихъ—было слишкомъ достаточно. Кромѣ попоекъ и «шкандаловъ», не имѣлось почти никакихъ диверсій для молодыхъ силъ. Театръ могъ бы сослужить и обще-просвѣтительную, и эстетическую службу.

Но начальство разсуждало по-своему, и эта традиція сохраняется, если не ошибаюсь, и до сегодня.

Только съ половины мая пріѣзжала въ Дерптъ плохая труппа изъ Ревеля и давала представленія въ балаганѣ—въ вакаціонное время, и то за чертой города, что дѣлало мѣста вдвое дороже, потому что туда приходилось брать извозчика *).

Къ чему же сводились художественныя развлеченія? Исключительно къ музыкѣ, къ концертамъ въ университетской актовой залѣ. Да-

*) Такой остракизмъ театра поддерживался и піэтизмомъ мѣстнаго лютеранства.

вались концерты, гдѣ дѣйствовалъ мѣстный оркестръ любителей и пѣлись квартеты—членами нѣмецкихъ кружковъ—почти всегда студентами. Стоячія мѣста стоили довольно дорого, всегда около рубля. Наѣзжали и знаменитости, но рѣдко.

Больше студенту некуда было дѣться вечеромъ. Въ «Шустеръ-клубъ» входъ имъ былъ затрудненъ, изъ-за боязни скандаловъ, а остальные два клуба были мужскіе, картежные.

Такъ тянулось до учрежденія университетскаго клуба—«Academische Musse», въ казенномъ зданіи, около университета, гдѣ внизу, споконъ вѣка, помѣщался одинъ изъ книжныхъ магазиновъ.

Идею этого клуба поддержалъ тогдашній попечитель, сенаторъ Брадке, геррнгутеръ-піэтистъ и когда-то адъютантъ Аракчеева, умный и тонкій старичокъ, который давалъ мнѣ рекомендательное письмо въ Петербургъ, къ одному академику, когда я поѣхалъ туда продавать переводъ химіи Лемана.

«Академическая Мусса» объединяла профессоровъ со студентами и студенты были въ ней главные хозяева и распорядители. Представительство было по корпораціямъ. Я тогда уже ушелъ изъ бурсацкой жизни, но и какъ «дикій» имѣлъ право—сдѣлаться членомъ Муссы. Но что-то она меня не привлекла. А вскорѣ всѣ «рутенисты» должны были выдти изъ нея «in corpore», послѣ того, какъ нѣмцы посадили и ихъ и насъ на «ферруфъ».

Въ этомъ профессорско-студенческомъ клубѣ шла такая жизнь, какъ въ нашихъ смѣшанныхъ клубахъ, куда вхожи и дамы: давались танцовальные и музыкальные вечера, допускались, кажется, и карты, имѣлись столовая и буфетъ, читались общедоступныя лекціи для городской публики.

Русскіе въ Дерптѣ—внѣ студенческой сферы—держались, какъ всегда и вездѣ—скорѣе разрозненно. И только въ послѣдніе два года моего житья нѣсколько семействъ изъ свѣтско-дворянскаго общества дѣлали у себя пріемы и сближались съ нѣмецкими «каксами». Объ этомъ я поговорю особо, когда перейду къ итогамъ тѣхъ знакомствъ и впечатлѣній, черезъ какія я прошелъ, какъ молодой человѣкъ, внѣ университета.

Никакого общества или организованнаго кружка среди русскихъ чиновниковъ, купцовъ, учителей—я не помню въ тѣ времена.

Въ церкви сходились всѣ, и въ домѣ старшаго священника, который, въ то же время, читалъ для православныхъ обязательный курсъ не только богословія и церковной исторіи, но психологіи и логики.

Только подъ самый конецъ этого пятилѣтняго періода образовался родъ общества, которое открыло школу для дѣвочекъ мѣстныхъ пра

вославныхъ изъ простого люда, и я тамъ цѣлый годъ преподавалъ грамматику и ариѳметику.

Вотъ какъ жилъ городъ Дерптъ, въ крупныхъ чертахъ, и вотъ что казанскій третьекурсникъ, вкусившій довольно бойкой жизни большого губернскаго города съ дворянскимъ обществомъ, могъ найти въ «Ливонскихъ Аѳинахъ».

Теперь остановлюсь на томъ, что̀ Дерптъ могъ дать студенту вообще—и нѣмцу или онѣмеченному чухонцу, и русскому—и такому, кто поступилъ прямо въ этотъ университетъ, и такому, какъ я, который пріѣхалъ уже «матерымъ» русскимъ студентомъ, хотя и изъ провинціи, но съ опредѣленными и притомъ высшими запросами.

Тогда Дерптъ еще сохранялъ свою областную самостоятельность. Онъ былъ нѣмецкій, предназначенъ для остзейцевъ, а не для русскихъ, которые составляли въ немъ ничтожный процентъ.

Но не нужно думать, что государственная власть не дѣлала и тогда попытокъ къ нѣкоторому обрусенію. Каждаго студента, на всѣхъ факультетахъ, въ томъ числѣ и русскаго (что было совершенно лишнее) обязывали: слушать лекціи русской литературы. Ихъ экзаменовали и изъ русскаго языка, при поступленіи въ студенты. Но и то и другое сводилось къ формальности. Масса остзейцевъ изъ своихъ гимназій (гдѣ уже читали русскій языкъ), оканчивая курсъ съ порядочными теоретическими познаніями, совершенно забывали русскій языкъ къ окончанію курса въ университетѣ. А тѣ остзейцы изъ русскихъ, которые тамъ родились, въ онѣмеченныхъ семействахъ, ходя на лекціи православнаго богословія, не понимали того, что читаетъ протоіерей. Помню два такихъ продукта остзейскаго быта: фонъ-Атропова и сына русскаго дьячка въ Ревелѣ, по фамиліи Цвѣтковъ (или что-то вродѣ этого), который состоялъ все время буршемъ въ корпораціи «Эстонія».

Нечего и говорить, что языкъ вездѣ—въ аудиторіяхъ, кабинетахъ, клиникахъ—былъ *обязательно* нѣмецкій. Большинство профессоровъ не знали по-русски. Между ними довольно значительный процентъ составляли заграничные, выписные нѣмцы; да и остзейцы рѣдко могли свободно объясняться по-русски, хотя одинъ изъ нихъ, профессоръ Ширренъ, заядлый руссофобъ, одно время читалъ даже русскую исторію.

Но мы разбираемъ здѣсь не вопросъ національной политики. На Дерптскій университетъ слѣдовало такому русскому студенту, какъ я, смотрѣть, какъ на *нѣмецкій* университетъ и дорожить именно этимъ, ожидая найти въ немъ повышенный строй всей учебной и ученой жизни.

И въ общемъ, и въ подробностяхъ, ожиданія эти могли сбываться.

Уровень—не на всѣхъ факультетахъ одинаково—былъ дѣйствительно повышенъ, особенно въ сравненіи съ Казанскимъ университетомъ.

На моихъ двухъ факультетахъ, сначала физико-математическомъ, потомъ медицинскомъ—можно было учиться гораздо серьезнѣе и успѣшнѣе. Я уже говорилъ, что натуралисты и математики выбирали себѣ спеціальности, о какихъ даже и слыхомъ не слыхали студенты русскихъ университетовъ, то, что теперь называется: «предметная система».

И, въ то же время, всякій химикъ, физикъ или натуралистъ, въ тѣсномъ смыслѣ, слушалъ всѣ факультетскіе предметы. Въ профессорскомъ составѣ значились такіе ученые, какъ Карлъ Шмидтъ (химія), Кэмцъ (физика), Мэдлеръ (астрономія). Въ Казани, кромѣ какъ въ анатомическомъ театрѣ, да въ лабораторіи—нигдѣ не работали студенты. О физіологическомъ кабинетѣ, о вивисекціяхъ и демонстраціяхъ на аппаратахъ, на лекціяхъ физіологіи, тамъ не имѣли понятія! Профессоръ Берви показывалъ казанцамъ процессъ дѣятельности сердца на своемъ носовомъ платкѣ. Тамъ терапію читалъ *гомеопатъ*, а фармакологію запоздалый эскулапъ, который рекомендовалъ марену противъ блѣдной немочи!

А въ Дерптѣ на медицинскомъ факультетѣ я нашелъ такихъ ученыхъ, какъ Биддеръ, сотрудникъ моего Шмидта, одинъ изъ создателей животной физіологіи питанія, какъ прекрасный акушеръ Вальтеръ, терапевтъ Эрдманъ, хирурги Адельманъ и Эттингенъ, и другіе. Въ клиникахъ пахло новыми теченіями въ медицинѣ, читали «privatissima» по разнымъ отдѣламъ теоріи и практики. А въ то же время въ Казани не умѣли еще порядочно обходиться съ *плессиметромъ* и никто не читалъ лекцій о «выстукиваніи» и «выслушиваніи» грудной полости.

Блестящихъ и даже просто пріятныхъ лекторовъ было немного, на этихъ двухъ факультетахъ. Лучшими считались физикъ Кэмцъ и физіологъ Биддеръ (впослѣдствіи ректоръ)—чрезвычайно изящный лекторъ, въ особомъ, приподнятомъ, но мягкомъ тонѣ. Остроуміемъ и широтой взглядовъ отличался талантливый неудачникъ, спеціалистъ по палеонтологіи, Асмусъ. Эту симпатичную личность и его похороны читатель найдетъ въ моемъ романѣ, вмѣстѣ съ портретами многихъ профессоровъ, начиная съ моего ближайшаго наставника, Карла Шмидта, недавно умершаго.

Онъ читалъ такъ связно и стремительно, что я долго не понималъ

его. Но особенно плохой дикціей и діалектикой отличался профессоръ Бухгеймъ—создатель новѣйшей фармакологіи, и Рейсснеръ, анатомъ, обезсмертившій себя отпрепарованіемъ маленькой неровности въ ушной кости, которая носитъ его имя: «recessus Reissnerii». Этотъ читалъ *ужасно* по монотонности и «дубиноватости», какъ говорили мы, русскіе; но работать у него по описательной и микроскопической анатоміи всетаки можно было не такъ, какъ въ Казани. При мнѣ каѳедры «микроскопической анатоміи» тамъ и совсѣмъ еще не имѣлось.

Чтобы наглядно убѣдиться въ громадной разницѣ «академическихъ» (выражаясь и по-дерптски) порядковъ въ Казани и Дерптѣ—стоитъ перечесть въ моемъ романѣ описаніе экзаменовъ тамъ и тутъ.

Въ Казани экзаменовались, какъ школьники, иногда даже съ *своими* билетами, выдергивая ихъ изъ-подъ обшлага мундира, въ актовой залѣ, на вытяжку передъ столомъ экзаменатора.

Въ Дерптѣ не было и тогда курсовыхъ экзаменовъ ни на одномъ факультетѣ. Главные предметы сдавали въ два срока: первая половина у медиковъ «philosophicum»; а у остальныхъ «rigorosum». Побочные предметы дозволялось сдавать когда угодно. Вы приходили къ профессору, и у него на квартирѣ, или въ кабинетѣ, въ лабораторіи—*садились* передъ нимъ и давали ему вашу матрикульную книжечку, гдѣ онъ и производилъ отмѣтки.

По химіи, мой двухлѣтній *rigorosum* продолжался цѣлый день, въ два пріема, съ глазу на глазъ съ профессоромъ и безъ всякихъ другихъ формальностей. Но изъ одного такого испытанія можно бы выкроить дюжину казанскихъ студенческихъ экзаменовъ. Почти такъ экзаменуютъ у насъ развѣ магистрантовъ.

Для того, кто бы пожелалъ расширять свои познанія и въ аудиторіяхъ другихъ факультетовъ (что нисколько не возбранялось), тогдашній Дерптъ былъ въ общемъ, опять-таки выше. Особенно даровитыхъ и блестящихъ лекторовъ водилось не много. На историко-филологическомъ факультетѣ преобладала классическая филологія; каѳедры всеобщей литературы не имѣлось (да, кажется, и до сихъ поръ ея нѣтъ). Но исторію философіи и разныя части ея читали тогда только въ Дерптѣ, и профессоръ Штрюмпель, послѣдователь Гербарта, заграничный нѣмецъ—выдѣлялся своей діалектикой. Психологію онъ читалъ по Бенеке. Филологія и лингвистика обогащались и восточными языками—на богословскомъ факультетѣ: арабскимъ, сирійскимъ и еврейскимъ языками. Теологія стояла на высотѣ германской экзегетики, и нѣкоторыя лекціи могли весьма и весьма развивать и сторонняго слушателя. Но направленіе, на этомъ факультетѣ, отзы-

валось *ортодоксальнымъ лютеранствомъ,* хотя въ городѣ водились и герренгутеры. Ортодоксальность большинства профессоровъ-теологовъ не мѣшала имъ преподавать, кромѣ лютеранъ, и тѣмъ полякамъ-кальвинистамъ, которые въ Дерптѣ получали свое богословское образованіе, будущимъ кальвинистскимъ пасторамъ.

По русской исторіи, праву и литературѣ приходилось довольствоваться болѣе скуднымъ составомъ профессоровъ и программъ. Сколько помню, единственный русскій юристъ Жиряевъ, по уходѣ его, не былъ никѣмъ замѣненъ. Русскую исторію читалъ одно время пріѣхавшій послѣ насъ изъ Казани профессоръ Ивановъ, который въ Дерптѣ окончательно спился, и его аудиторія—сначала многолюдная, совсѣмъ опустѣла. Русскую литературу читалъ интересный москвичъ, человѣкъ времени Надеждина и Станкевича, зять Н. Полевого, Михаилъ Розбергъ; но этотъ курсъ сводился къ тремъ-четыремъ лекціямъ въ семестръ. Лекторомъ русскаго языка состоялъ Павловскій, извѣстный составитель лексикона, который въ мое время и сталъ появляться въ печати у рижскаго книгопродавца Киммеля.

Еслибъ прикинуть Дерптскій университетъ къ германскимъ, онъ конечно, оказался бы ниже такихъ, какъ берлинскій, гейдельбергскій или боннскій. Но, въ предѣлахъ Россіи, онъ давалъ все существенное, изъ того, что нѣмецкая нація вырабатывала на западѣ. Самый нѣмецкій языкъ велъ къ расширенію умственныхъ горизонтовъ, позволялъ знакомиться со множествомъ научныхъ сочиненій, неизвѣстнымъ тогдашнимъ студентамъ въ Россіи и по заглавіямъ.

И все это—на почвѣ большой умственной и учебной *свободы.* Студенчество подчинялось надзору только въ уличной, трактирной и бурсацкой жизни. Этотъ надзоръ производили *педеля*—родъ сторожей. Но въ университетское зданіе, въ аудиторіи, кабинеты и даже коридоры, они не заглядывали. Инспектора и «субовъ» и вовсе не существовало. И даже «оберъ-педель», знаменитый старикъ Шмитъ, допускался только въ правленіе, докладывая ректору (впослѣдствіи проректору) о провинившихся студентахъ, которыхъ вызывали для объясненія или выслушиванія выговоровъ и вердиктовъ университетскаго суда.

Какъ «воздѣлыватель» науки (Cultor), студентъ не зналъ никакихъ стѣсненій; а если не попадался въ кутежныхъ и дуэльныхъ исторіяхъ, то могъ совершенно игнорировать всякую инспекцію. Его не заставляли ходить къ обѣднѣ, носить трехъуголку, не переписывали на лекціяхъ или въ шинельныхъ, какъ дѣлали еще у насъ въ недавнее время.

По факультетамъ—словесному и юридическому—устроивали уже

и тогда семинаріи; а теологи eo ipso упражнялись въ краснорѣчіи и представляли на просмотръ свои произведенія.

И та, даже крайняя спеціализація, какую я нашелъ на физико-математическомъ факультетѣ, существовала и у словесниковъ, и у юристовъ. Значилось нѣсколько разрядовъ; кончали курсъ и «экономистами», и «дипломатами», и даже спеціально по статистикѣ и географіи.

При томъ же стремленіи къ строгому знанію, по самому складу жизни въ Казани, Москвѣ или Петербургѣ—нельзя было такъ устроить свою студенческую жизнь—въ интересахъ чисто научныхъ, какъ въ тихихъ Ливонскихъ Аѳинахъ, гдѣ некутящаго молодого человѣка, ушедшаго изъ корпораціи—ничто не отвлекало отъ обихода, ограниченнаго университетомъ съ его клиниками, кабинетами, библіотекой—и не веселаго, но бодрящаго и цѣломудреннаго одиночества въ дешевой, студенческой мансардѣ.

Словомъ, для *общеевропейскаго* умственнаго роста—находилъ это и я, и всѣ, кто пріѣзжалъ сюда учиться, а не «шалдашничать»—Дерптъ, какъ университетъ нѣмецко-остзейскаго склада, могъ дать очень многое. Но для *русскаго* молодого человѣка, съ того момента, какъ наше отечество, къ 1856 году, встрепенулось и пошло другимъ ходомъ, въ стѣнахъ «alma mater» воздухъ оставался совершенно чужимъ. Если бы, за всѣ пять лѣтъ, забыть о томъ, что тамъ, къ востоку, есть обширная родина и что въ ея центрахъ и даже въ провинціи началась работа общественнаго роста, что оживились литература и пресса, что множество новыхъ идей, упованій, протестовъ подталкивало поступательное движеніе Россіи, въ ожиданіи великихъ реформъ, забыть и не знать ничего, кромѣ своихъ нѣмецкихъ книгъ, лекцій, кабинетовъ, клиникъ, то вы не услыхали бы съ каѳедры ни единаго звука, говорившаго о связи «Ливонскихъ Аѳинъ» съ общимъ отечествомъ. Обособленность, исключительное тяготѣніе къ тому, что дѣлается на *нѣмецкомъ* западѣ и въ прибалтійскомъ краѣ, вотъ какая нота слышалась всегда и вездѣ.

Это равнодушіе къ *русскому* движенію оттолкнуло меня и отъ русскихъ буршей, и только когда рухнула корпорація и образовался новый вольный русскій кружокъ, наши закорузлые «бурсаки» стали сбрасывать съ себя эту чисто дерптскую ососебленность и безличный индиферентизмъ.

Въ борьбѣ двухъ направленій, какая началась во мнѣ въ послѣдніе годы дерптской выучки, будущій писатель и пробудился и намѣтилъ свой путь въ воздухѣ русскихъ интересовъ, знакомствъ и иныхъ испытаній.

Начало этого внутренняго процесса совпало съ образованіемъ (послѣ разрыва русской корпораціи съ нѣмцами) нашего новаго товарищескаго кружка. Къ тому времени и меня начало забирать то, что шло изъ Россіи. Я сталъ зачитываться русскими журналами. Горный чиновникъ, завѣдывавшій мѣстной пробирной палаткой, организовалъ дешевый абонементъ на русскіе журналы, и мой служитель, Михаилъ Мемноновъ, очутился въ разсыльныхъ. Горный инженеръ былъ еще молодой малый, холостякъ, ходилъ на лекціи и въ кабинеты при каѳедрѣ минералогіи (ее занималъ довольно обрусѣлый остзеецъ профессоръ Грэвингкъ) и переводилъ учебникъ минералогіи. На просмотрѣ этого перевода (по части языка) мы и сошлись.

Квартира при пробирной палаткѣ была обширная, съ просторной залой, и въ ней я впервые участвовалъ въ спектакляхъ, которые устраивались учениками школы топографовъ, помѣщавшейся въ томъ же казенномъ домѣ. Какъ во времена Шекспира, и женскія роли у насъ исполняли подростки-ученики. Мы сладили «Женитьбу» и даже второй актъ изъ «Свадьбы Кречинскаго», причемъ я игралъ въ гоголевской комедіи Кочкарева, а тутъ—Расплюева. Пьеса Сухово-Кобылина была еще вновѣ, и я успѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, въ одну изъ вакаціонныхъ поѣздокъ домой.

Но и раньше, еще въ «Рутеніи», я, въ самый разгаръ увлеченія химіей, послѣ казанскаго повѣствовательнаго опыта (вещица, посланная въ *Современникъ*) написалъ юмористическій разсказъ «Званые блины», который читалъ на одной изъ литературныхъ сходокъ корпорацій. И въ ней онѣ уже существовали, но литература была самая первобытная, больше немудрые стишки и переводцы. Мой разсказъ произвелъ сенсацію и былъ цѣликомъ переписанъ въ Альбомъ, который служилъ лѣтописью этихъ литературныхъ упражненій.

Черезъ «Рутенистовъ» познакомился я и сошелся (уже позднѣе, когда вышелъ изъ корпораціи) съ типичнымъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ; но совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое этотъ терминъ пріобрѣлъ въ нашемъ писательскомъ жаргонѣ.

Это былъ русскій баринъ, съ большимъ учено-литературнымъ багажемъ, съ своеобразной и чудаковатой умственной и нравственной физіономіей—С. Ѳ. Уваровъ.

Такихъ я еще до того не встрѣчалъ; не встрѣчалъ никогда и нигдѣ, ни въ какихъ сферахъ и наслоеніяхъ русской интеллигенціи.

По времени своей студенческой юности, онъ принадлежалъ поколѣнію Тургенева, Каткова, Леонтьева, Кудрявцева—и одновременно съ ними попалъ въ Берлинъ, гдѣ страстно предавался изученію фи-

лологіи и исторіи литературы, въ особенности Шекспира и итальянскихъ поэтовъ. Но онъ вышелъ не изъ русской школы, кажется не былъ никогда гимназистомъ, не готовилъ себя ни къ какой профессіи. Сергѣй Ѳедоровичъ родился и воспитывался въ богатой и родовитой семьѣ, отъ отца—генерала эпохи отечественной войны, и матери—Луниной, фрейлины императрицы Елизаветы Алексѣевны и родной сестры извѣстнаго декабриста Лунина. Отца онъ рано лишился, и съ тѣхъ поръ состоялъ «при маменькѣ», до весьма почтенныхъ годовъ, все холостякомъ и вѣчнымъ буршемъ, но буршемъ чисто платоническимъ; а въ сущности архи-кабинетнымъ человѣкомъ.

Германія, ея университетская наука и «академическія» сферы укрѣпили въ немъ его ненасытную, но не упорядоченную любознательность и слабость ко всему традиціонному складу нѣмецкой студенческой жизни, хотя онъ по своей болѣзненности (настоящей или мнимой), не могъ, вѣроятно, и въ юности быть кутилой.

Изъ-за границы онъ уже во второй періодъ своей юности, попалъ въ Дерптъ, здѣсь держалъ на кандидата и потомъ на магистра, не по филологіи, а по исторіи.

При мнѣ онъ пріѣхалъ «съ маменькой» на новое житье, уже магистромъ, человѣкомъ подъ сорокъ (если не за сорокъ) лѣтъ, съ лысой, характерной головой, страннаго вида и еще болѣе странныхъ пріемовъ, и въ особенности жаргона. Его «маменька» открыла у себя пріемы, держала его почти какъ малолѣтка, не позволяла даже ему ходить одному по улицамъ, а непремѣнно съ лакеемъ, изъ опасенія, что съ нимъ сдѣлается припадокъ.

Когда я сталъ бывать у него и былъ приглашаемъ на обѣды и вечера «генеральши», я нашелъ въ ихъ квартирѣ обстановку чисто тамбовскую (ихъ деревня и была въ той губерніи), съ своей крѣпостной прислугой, ключницей, поваромъ, горничными.

Съ «Рутенистами» Уваровъ держался, какъ бывшій буршъ, ходилъ на ихъ вечеринки, со всѣми, даже съ юными «фуксами» былъ на «ты» и смотрѣлъ на ихъ жизнь съ особой точки зрѣнія, такъ сказать, символической. Онъ находилъ такую жизнь «лихой» и участвуя въ ихъ литературныхъ сходкахъ, читалъ тамъ свои стихи и очерки, написанные чрезвычайно страннымъ, смѣшаннымъ языкомъ, который въ него глубоко въѣлся.

Онъ же, послѣ паденія «Рутеніи», когда сложился нашъ новый кружокъ, пустилъ прозвище: *Пелазговъ* и *Эллиновъ*.

Даже по своей европейской выучкѣ и культурности, онъ былъ коренный баринъ-гуманистъ, словесникъ, съ культомъ всего,

что германская наука внесла, въ то время, въ изученіе и классической древности и Возрожденія, и Средневѣковья. Уварова можно было назвать «исповѣдникомъ» нѣмецкаго гуманизма и романтизма. И Шекспира, и итальянскихъ великихъ поэтовъ онъ облюбовалъ черезъ нѣмцевъ, подъ ихъ руководительствомъ.

И въ то же время, онъ продолжалъ проходить по іерархіи высшихъ ученыхъ степеней, какъ историкъ; но, въ сущности, никогда имъ не былъ. Не знаю, имѣлъ ли онъ когда-либо опредѣленное намѣреніе занять въ Россіи каѳедру исторіи, древней или новой; по крайней мѣрѣ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы этого добиться. Его магистерская диссертація, защищенная до моего пріѣзда въ Дерптъ, называлась: «De sedibus Bulgarorum»; а докторская, которую онъ защищалъ при мнѣ, уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, написанная также по латыни (тогда это еще требовалось отъ словесника), носила такое трудно-переваримое заглавіе: «De provinciarum imperii orientis administrandarum forma mutata».

Эта старина—древняя Болгарія (когда болгары еще сидѣли на Волгѣ) и Византія—не находилась нимало въ связи съ его постоянно взвинченнымъ, чисто литературнымъ настроеніемъ, но литературнымъ не въ смыслѣ художественной писательской работы, а по предметамъ своихъ чтеній, бесѣдъ, записей.

Повторяю: такого русскаго барина-интеллигента, съ такимъ словеснымъ диллетантствомъ *высшаго пошиба*, съ такимъ обширнымъ запасомъ чтеній, воспоминаній, подготовки, при постоянномъ подъемѣ пестрой и своеобразной діалектики—я не знавалъ ни въ людяхъ его поколѣнія, ни въ дальнѣйшихъ генераціяхъ.

Какъ питомецъ тогдашнихъ нѣмецкихъ аудиторій, онъ сохранилъ гораздо большій германскій налетъ, чѣмъ, напримѣръ, Тургеневъ. Не сухая эрудиція, не аппаратъ спеціальной учености отличали его; а неизмѣнно-юношеская любовь къ прекрасному творчеству, къ эллинской и римской миѳологіи и поэзіи, къ великому движенію итальянскихъ гуманистовъ, къ старо-англійской литературѣ, Шекспиру и его предшественникамъ и сверстникамъ, ко всѣмъ крупнѣйшимъ моментамъ нѣмецкой поэзіи и литературы, къ людямъ «Sturm und Drang» періода, до романтиковъ первой и второй генераціи—къ Тикамъ, Шлегелямъ, Гофманамъ, Новалисамъ.

Изъ такого высшаго диллетантства не могло вытечь строгой научной работы. Мѣшала этому вся психическая организація этого русскаго барина-гуманиста. Натура слишкомъ нервная, склонная къ постояннымъ скачкамъ, къ переходу отъ одной умственной области къ другой. Въ своихъ записныхъ книжкахъ, которыя составляли уже

тогда цѣлую библіотеку—записи онъ постоянно дѣлалъ на всѣхъ ему извѣстныхъ языкахъ: по-гречески, по-латыни, по-нѣмецки, французски, англійски, итальянски, и не цитаты только, а свои мысли, вопросы, отмѣтки, соображенія, мечты.

Судьба—точно нарочно—свела меня съ такимъ человѣкомъ въ ту полосу моей дерптской жизни, когда будущій писатель сталъ забивать естественника и студента медицины.

Сближеніе пошло быстро. Отъ него пахнули на меня разомъ нѣсколько изящныхъ литературъ и нѣсколько эпохъ. Въ бесѣдахъ съ нимъ я бывалъ обвѣянъ неувядаемыми красотами древняго и новаго творчества, и во мнѣ все разгоралась потребность расширить, насколько возможно, мое *словесное* образованіе, прочесть многое, если не въ подлинникахъ, то въ переводахъ. Тогда же зародилось во мнѣ желаніе изучать англійскій языкъ—Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Шекспиръ, Данте, Аріосто, Боккаччіо, Сервантесъ, испанскіе драматурги, нѣмецкіе классики и романтики—спеціально «Фаустъ»—и вплоть до лириковъ и драматурговъ 30-хъ и 40-хъ гг.—съ особымъ интересомъ къ Гейне—вотъ что вносилъ съ собою Уваровъ въ наши продолжительныя бесѣды у него въ кабинетѣ. И все это было скрашено и согрѣто его тономъ, юморомъ, возгласами и полетами фантазіи. Трудно было не привязаться къ такому чудаку и не быть ему благодарнымъ за тѣ «заряды», какіе давали моему назрѣвающему писательству подобная подготовка и беззавѣтная любовь къ области прекраснаго слова.

Къ современнымъ «злобамъ дня» онъ былъ равнодушенъ, также, какъ и его пріятели, бурсаки «Рутеніи». Но случилось такъ, что именно наше литературное возрожденіе во второй половинѣ 50-хъ гг. подало поводъ къ тому, что у насъ явилась новая потребность еще чаще видѣться и работать вмѣстѣ.

Въ это время онъ ушелъ въ предшественниковъ Шекспира, въ изученіе этюдовъ Тэна о староанглійскомъ театрѣ. И я сталъ упрашивать его разработать эту тему, остановившись на самомъ крупномъ изъ предтечъ Шекспира—Христоферѣ Марло. Языкъ автора мы и очищали цѣлую почти зиму отъ черезчуръ не русскихъ особенностей. Эту статью я повезъ въ Петербургъ уже какъ авторъ первой моей комедіи и былъ особенно радъ, что мнѣ удалось помѣстить ее въ *Русскомъ Словѣ*.

И тутъ по необходимости забѣгаю впередъ. Передъ этимъ прошли два дерптскихъ сезона. Уваровъ продолжалъ жить домомъ и мы -русскіе студенты—сдѣлались въ немъ постоянными «филистерами»—слѣдуя жаргону буршей. Тамъ я ставилъ впервые въ

Дерптѣ комедію Островскаго «Не въ свои сани не садись», гдѣ игралъ Бородкина, и этотъ памятный тамошнимъ старожиламъ спектакль начался комическими сценами изъ Шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь», въ нѣмецкомъ переводѣ Тика; а Мендельсоновскую музыку исполнялъ за сценой въ четыре руки самъ С. Ѳ. съ однимъ изъ бывшихъ «рутенистовъ»—впослѣдствіи извѣстнымъ въ Петербургѣ врачомъ—Тицнеромъ.

Домъ Уварова и былъ за этотъ періодъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ на русской почвѣ (несмотря на международный гуманизмъ С. Ѳ—ча) мои писательскія стремленія усилились и проявляли себя и въ усиленномъ интересѣ къ всемірной литературѣ, и все возраставшей любовью къ театру, въ видѣ сценическихъ опытовъ.

Отъ Уварова пошли и другія русскія знакомства въ той дворянской свѣтской полосѣ, какая сложилась въ Дерптѣ въ послѣднія мои зимы.

На окраинахъ Дерпта стояла знаменитая «Мыза Карлово»—когда-то постоянная лѣтняя резиденція Ѳаддея Булгарина—обширные хоромы съ картинной галлереей (съ весьма грубоватыми новыми картинами), концертной залой и садомъ.

Въ ней двѣ зимы жило семейство князя М. А. Дондукова-Корсакова. Черезъ Уваровыхъ и старшую дочь князя, Марью Михайловну, я сдѣлался вхожъ въ ихъ домъ и сошелся со всѣмъ женскимъ персоналомъ этой фамиліи, начиная съ самой княгини и двухъ старшихъ дочерей. Здѣсь, въ гостепріимномъ Карловѣ, происходила моя дальнѣйшая писательская «эволюція». Всѣ свои досуги и въ денные, и въ вечерніе часы я проводилъ въ Карловѣ цѣлыхъ два года. Здѣсь я бралъ уроки англійскаго языка у одной изъ княженъ, читалъ съ ней Шекспира и Гейне, музицировалъ съ другими сестрами, ставилъ пьесы, игралъ въ нихъ, какъ главный режиссеръ и актеръ, читалъ свои критическіе этюды, отдѣльные акты моихъ пьесъ и очерки казанской жизни, вошедшіе потомъ въ романъ «Въ путь-дорогу».

Тамъ же завязывались и мои остальныя знакомства. Довольно часто, на обѣдахъ и вечерахъ, бывалъ у нихъ профессоръ М. П. Розбергъ, слушалъ мои вещи и охотно разсказывалъ о литературно-университетской Москвѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Какъ профессоръ, онъ былъ лѣнтяй, и я ничѣмъ не могъ у него попользоваться; но какъ у собесѣдника и человѣка своей эпохи—очень многимъ. Онъ же, когда я — уже авторомъ, напечатавшимъ цѣлую пятиактную комедію — отправился окончательно въ Петербургъ—далъ мнѣ письмо къ своему сверстнику П. А. Плетневу—бывшему тогда ректоромъ университета.

Въ Карловѣ, послѣ Дондуковыхъ, поселилась семья автора «Тарантаса», гр. В. А. Соллогуба, котораго я впервые увидалъ у Дондуковыхъ, когда онъ пріѣхалъ подсмотрѣть для своего семейства квартиру, еще за годъ до найма булгаринскихъ хоромъ.

Признаюсь, онъ мнѣ, въ тотъ визитъ къ обывателямъ Карлова, не особенно приглянулся. Наружностью онъ походилъ еще на тогдашніе портреты автора «Тарантаса», безъ сѣдины, съ бакенбардами, съ чувственнымъ ртомъ, очень рослый, если не тучный, то плотный; держался онъ сутуловато и какъ бы умышленно-небрежно, говорилъ, мѣшая французскій жаргонъ съ русскимъ—скорѣе дѣланнымъ тономъ, часто острилъ и пускалъ въ ходъ комическія интонаціи.

Такимъ оставался онъ и позднѣе, когда я сталъ часто бывать у Соллогубовъ, но больше у жены его, графини Софьи Михайловны (урожденной гр. Вьельгорской), чѣмъ у него, потому что онъ то и дѣло уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ на какой-то службѣ, кажется по тюремному вѣдомству.

Но мы съ нимъ всетаки ладили. Я былъ къ тому времени довольно уже обстрѣленный «студіозусъ», любящій поспорить и отстоять свое мнѣніе.

Какъ писатель, тогдашній гр. Соллогубъ уже мало «импонировалъ» мнѣ, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ. Не одинъ я находилъ уже, что онъ размѣнялся на мелкія деньги. Его либеральная комедія «Чиновникъ» совсѣмъ меня не обманула, ни въ «цивическомъ», ни въ художественномъ смыслѣ. И въ первый же вечеръ, когда графъ (еще въ первую зиму) пригласилъ къ себѣ слушать дѣйствіе какой-то новой двухактной пьесы (которую Вѣра Самойловна попросила его написать для нея), студіозусъ, уже мечтавшій тогда о дорогѣ писателя, позволилъ себѣ довольно-таки сильную атаку и на замыселъ пьесы, и на отдѣльныя лица и, главное, на діалогъ.

И со мною согласилась, прежде всѣхъ остальныхъ слушателей, сама графиня. Авторъ не обидѣлся, по крайней мѣрѣ не выказалъ никакого «генеральства», почти не возражалъ и вскорѣ потомъ говорилъ нашимъ общимъ знакомымъ, что онъ пьесу доканчивать не будетъ, ссылаясь и на мои замѣчанія.

Отъ такого критическаго успѣха я не возгордился. И графъ не сталъ вовсе избѣгать разговоровъ со мною. Напротивъ, отъ него я услыхалъ—за два сезона, особенно въ Карловѣ—цѣлую серію разсказовъ изъ его воспоминаній о Пушкинѣ, котораго онъ хорошо зналъ, Одоевскомъ, Тургеневѣ, Григоровичѣ, Островскомъ.

Онъ, дѣйствительно, былъ первый петербургскій литераторъ, у котораго Островскій прочелъ комедію «Свои люди—сочтемся». И онъ

искренно цѣнилъ его талантъ и значеніе, какъ создателя бытового русскаго театра.

Въ такихъ людяхъ, какъ гр. Соллогубъ, надо различать двѣ половины: личность извѣстнаго *нравственнаго* склада, продуктъ барски-диллетантской среды, съ разными «провинностями и шалушками», и человѣка, преданнаго идеѣ искусства и вообще, и въ области литературнаго творчества. Въ немъ сидѣлъ нелицемѣрный культъ Пушкина и Гоголя; онъ въ свое время, да и въ эти годы, способенъ былъ поддержать своимъ сочувствіемъ всякое новое дарованіе. Но связи съ тогдашними передовыми идеями у него уже не было настолько, чтобы самому обновиться. Онъ уже растратилъ все то, что имѣлъ, когда писалъ лучшія свои повѣсти, вродѣ «Исторіи двухъ калошъ» и свой «Тарантасъ». Онъ, дѣйствительно, размѣнялся, кидаясь отъ театра (вплоть до водевиля) къ этнографіи, къ разнымъ видамъ полуписательской службы, состоя чиновникомъ по специальнымъ порученіямъ.

Но и въ этой сферѣ онъ былъ для меня интересенъ. Только что передъ тѣмъ онъ бралъ командировку въ Парижъ по порученію министра двора для изученія парижскаго театральнаго дѣла. Онъ охотно читалъ мнѣ отрывки изъ своей обширной докладной записки, изъ которой я сразу ознакомился со многимъ, что мнѣ было полезно и тогда, когда я въ Парижѣ въ 1867—1870 гг., изучалъ и общее театральное дѣло, и преподаваніе сценическаго искусства.

Въ Соллогубѣ остался и *буршъ,* когда-то учившійся въ Дерптѣ, членъ русской корпораціи. Сквозь его свѣтскость чувствовался все-таки особаго пошиба баринъ, который и въ петербургскомъ мондѣ, въ года молодости, выдѣлялся своимъ тономъ и манерами, водился постоянно съ писателями, и когда женился и зажилъ домомъ, собиралъ къ себѣ пишущую братію.

И тутъ—въ предпослѣднюю мою дерптскую зиму—онъ вошелъ въ наше сценическое любительство, когда мы съ благотворительной цѣлью (въ пользу русской школы, гдѣ я преподавалъ) ставили спектакли въ клубѣ *Casino,* давали и «Ревизора», и «Свадьбу Кречинскаго», и обѣ комедіи Островскаго. Онъ приходилъ въ наши уборныя, гримировалъ насъ и одѣвалъ, и угощалъ при этомъ шампанскимъ.

Его жена, графиня Софья Михайловна, была для всего нашего кружка гораздо привлекательнѣе графа. Но первое время она казалась чопорной и даже странной, съ особымъ тономъ, жестами и говоромъ, немного на иностранный ладъ. Но она была—въ ея поколѣніи—одна изъ самыхъ милыхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ среди нашихъ барынь свѣта и придворныхъ сферъ; а ея мать вышла изъ

семьи герцоговъ Бироновъ, и воспитывали ее вмѣстѣ съ ея сестрой Веневитиновой чрезвычайно строго.

Тогда графиня уже была матерью цѣлой вереницы дѣтей и старшая дочь (теперь Е. В. Сабурова) еще ходила въ короткихъ платьяхъ и носила прозвище «Булки», какимъ окрестилъ ее когда-то Гоголь.

Воспоминанія о Гоголѣ были темой моихъ первыхъ разговоровъ съ графиней. Она задолго до его смерти была близка съ нимъ, состояла съ нимъ въ перепискѣ и много намъ разсказывала изъ разныхъ полосъ жизни автора «Мертвыхъ душъ».

Въ маленькомъ кабинетѣ графини (въ Карловѣ) я читалъ ей, въ послѣднюю мою зиму, и статьи, и беллетристику, въ томъ числѣ и свои вещи. Тогда же посвятилъ я ей пьесу «Мать», которая явилась въ печати подъ псевдонимомъ.

Въ семьѣ Соллогуба, въ той же залѣ Карлова, продолжалась, но уже менѣе широко и гостепріимно, жизнь дерптскихъ русскихъ.

Не знаю, выдавались ли такія же эпохи въ дальнѣйшихъ судьбахъ русской колоніи съ такимъ оживленіемъ и свѣтскимъ, и литературно-художественнымъ. Врядъ ли. Что-то я не слыхалъ этого потомъ, отъ дерптскихъ русскихъ—бывшихъ студентовъ и не студентовъ—съ какими встрѣчался до послѣдняго времени.

Въ прямой связи съ тѣмъ, что исходило отъ русскихъ и шло изъ Россіи, находились и мои поѣздки на вакаціи, сначала на всѣ лѣтнія, а раза два-три и на зимнія.

Первая поѣздка—исключительно въ Петербургъ—пришлась на ближайшую лѣтнюю вакацію. Переводъ учебника химіи Лемана я уже приготовилъ къ печати. Переписалъ мнѣ его мой сожитель по квартирѣ З—чъ, у котораго случилась пистолетная дуэль съ другимъ моимъ спутникомъ З—нымъ, уже превратившимся въ бурша. З—чъ сталъ сильно хандрить въ Дерптѣ, и я его уговаривалъ перейти обратно въ какой-нибудь русскій университетъ, что онъ и сдѣлалъ, перебравшись въ Москву, гдѣ и кончилъ по медицинскому факультету.

Впервые познаъ я въ Петербургѣ хлопоты о помѣщеніи своего труда. Старикъ Кляусъ прослушалъ всю огромную рукопись, съ весны 1856 года, и далъ отъ себя удостовѣреніе о достоинствѣ перевода. У меня были рекомендаціи къ двумъ русскимъ химикамъ—Воскресенскому и гораздо болѣе извѣстному, даже знаменитому Н. Н. Зинину. Оба—бывшіе ученики Юстуса Либиха, оба—академики, жившіе въ академическихъ зданіяхъ. Воскресенскій ничего для меня не сдѣлалъ. Зининъ сейчасъ же познакомилъ меня съ докторомъ Ханомъ, впослѣдствіи редакторомъ *Всемірнаго труда*, гдѣ я печаталъ въ концѣ

60-хъ годовъ свой романъ «Жертва вечерняя». Д-ръ Ханъ свелъ меня къ книгопродавцу Маврикію Вольфу, тогда еще только начинавшему свое книгоиздательство, на томъ же мѣстѣ, въ Гостиномъ дворѣ. Вольфъ купилъ у меня рукопись въ *сорокъ* слишкомъ печатныхъ листовъ за 300 руб. Изъ нихъ онъ 100 руб. мнѣ не уплатилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что переводъ былъ не точенъ и онъ долженъ былъ отдать его кому-то на исправленіе. Это не помѣшало ему пропечатать то удостовѣреніе, какое я получилъ отъ профессора Бляуса.

Изъ двухсотъ рублей заплатилъ я шестьдесятъ З—чу за переписку, сто сорокъ рублей были моимъ *первымъ* гонораромъ. Это приходилось по 3 р. 50 к. за переводъ печатнаго листа in 8°, который я продолжалъ около двухъ лѣтъ. Не знаю, въ какой степени переводъ вышелъ удаченъ, но я, переводя и неорганическую, и *органическую* части этого учебника, долженъ былъ создавать русскіе термины. Тогда химическая литература по-русски почти что не существовала. Вся она сводилась къ двумъ учебникамъ: Гессе, русскаго нѣмца, и къ переводу *неорганической* химіи француза Реньо. Органическую химію я слушалъ цѣлый годъ у А. М. Бутлерова, но совсѣмъ не въ такихъ размѣрахъ, какіе значились въ учебникѣ Лемана. Множество терминовъ я пустилъ *впервые* въ русской печати, и мнѣ нѣкоторымъ подспорьемъ служили только учебники фармакологіи: въ томъ числѣ и переводъ Эстерлена—того же доктора Хана—переводъ мѣстами очень плохой, съ варварскими германизмами и съ уродливыми передѣлками терминовъ.

Академикъ Зининъ заинтересовалъ меня въ тѣ визиты, какіе я ему дѣлалъ. Я нашелъ въ немъ отъявленнаго противника самостоятельнаго развитія физіологической химіи, какъ разъ спеціальности моего дерптскаго учителя Карла Шмидта.

Я еще не встрѣчалъ тогда такого оригинальнаго чудака на под кладкѣ большого ученаго. Видомъ онъ напоминалъ скорѣе отставного военнаго, чѣмъ академика, коренастый, уже очень пожилой, дома въ архалукѣ, съ сильнымъ голосомъ и особенной рѣчистостью. Онъ охотно «разносилъ», въ томъ числѣ и своего первоначальнаго учителя Либиха. Всѣ его симпатіи были за основателей новѣйшей органической химіи—француза Жерара и его учителя Лорана, котораго онъ также зазналъ въ Парижѣ.

Зининъ изображалъ его жертвой тупоумія и ученаго генеральства такихъ тузовъ химическаго міра, какъ Дюма и знаменитый шведъ Берцеліусъ.

Я затруднился бы передать стенографически тѣ выраженія, ка-

кія соскакивали съ губъ Зинина. Нѣкоторыя были совершенно нецензурныя.

Въ этомъ сказывался настоящій казанецъ начала 40-хъ годовъ, умный, хлесткій въ своей діалектикѣ и разсказахъ руссакъ, хотя онъ былъ, если не ошибаюсь, сынъ француженки.

Мало знавалъ я на своемъ вѣку такихъ оригинальныхъ русскихъ самородковъ, какъ Зининъ, который и въ долгіе годы заграничной выучки не утратилъ своего казанскаго «букета» во всемъ, что онъ зналъ, о чемъ думалъ и говорилъ. Тогда съ молодыми учеными начальство не церемонилось. Зинина послали изучать химію; а потомъ ему приказали превратиться въ технолога и еще во что-то, по волѣ тогдашняго казанскаго самодура, попечителя Мусина-Пушкина. Онъ не безъ юмора разсказывалъ мнѣ про всѣ опыты, какіе съ нимъ продѣлывало начальство. И подъ конецъ, когда онъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, онъ долженъ былъ по тогдашнему уставу сдавать экзамены изъ всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Я еще засталъ Зинина въ живыхъ, когда я поселился въ Петербургѣ, и незадолго до его смерти встрѣчалъ его. Его лабораторія въ академіи перешла къ Бутлерову и въ его академической квартирѣ я бывалъ вплоть до смерти Александра Михайловича, уже въ восьмидесятыхъ годахъ.

Оба знаменитыхъ химика оказались казанцами. Бутлеровъ создалъ русскую «школу» химіи, чего нельзя сказать про Зинина. Онъ оставался *самъ по себѣ*, крупный ученый и прекрасный преподаватель, но не сыгралъ такой роли, какъ Бутлеровъ, въ исторіи русской химической науки въ смыслѣ созданія цѣлой «школы».

Личность Зинина сдѣлала мою лѣтнюю экскурсію въ Петербургъ особенно цѣнной. Въ остальномъ время прошло безъ такихъ яркихъ и занимательныхъ эпизодовъ, о которыхъ стоило бы вспоминать. Мужъ кузины моего отца—тогда оберъ-прокуроръ одного изъ департаментовъ сената—предложилъ мнѣ жить въ его пустой городской квартирѣ. Его чиновничья фигура и суховатый педантскій тонъ порядочно коробили меня; къ счастію, онъ только разъ въ недѣлю ночевалъ у себя, наѣзжая съ дачи.

Стояли петербургскія бѣлыя ночи, для меня еще до того невиданныя. Я много ходилъ по городу, пристроивая своего Лемана. И замѣчательно, какъ и провинціальному студенту Невская «перспектива» быстро пріѣдалась! Петербургъ, внутри города, былъ такимъ же, какъ и теперь, въ началѣ XX вѣка. Что-то такое фатально-петербургское чувствовалось и тогда, въ этихъ безлюдныхъ широкихъ

улицахъ, въ лѣтнихъ запахахъ, въ бѣлесоватой мглѣ, въ дребезжаніи извозчичьихъ дрожекъ.

И позднѣе, когда я попадалъ на острова и въ разныя загородныя заведенія, вродѣ Излера, я туго поддавался тогдашнимъ приманкамъ Петербурга. И Нева, ея ширь, красивость прогулокъ по островамъ—не давали мнѣ того столичнаго «настроенія», какое нападало на другихъ пріѣзжихъ изъ провинціи, которые годами вспоминали про острова, Царское, Петергофъ.

Зимняго Петербурга вкусилъ я еще студентомъ, въ вакаціонное время, въ началѣ и въ концѣ моего дерптскаго студенчества. Я гащивалъ у знакомыхъ студентовъ; ѣздилъ и въ Москву, зимой, нѣсколько разъ осенью, проводилъ по недѣлямъ и въ Петербургѣ, возвращаясь въ свои «Ливонскія Аѳины». Съ каждымъ заѣздомъ въ обѣ столицы я все сильнѣе втягивался въ жизнь тогдашней интеллигенціи, сначала какъ натуралистъ и медикъ, по поводу своихъ научно-литературныхъ трудовъ; а потомъ уже какъ писатель, рѣшившійся попробовать удачи на театрѣ.

Москва конца пятидесятыхъ годовъ (гдѣ З—чъ знакомилъ меня съ студенческой братіей) памятна мнѣ всего больше знакомствами въ ученомъ и литературномъ мірѣ.

Черезъ годъ послѣ продажи перевода химіи Лемана я задумалъ обширное руководство по животно-физіологической химіи—въ трехъ частяхъ, и первую часть вполнѣ обработалъ и хотѣлъ найти издателя въ Москвѣ. Поручилъ я первые «ходы» З—чу, который отнесъ рукопись къ знаменитому д-ру Кетчеру, эксъ-другу Герцена и переводчику Шекспира. Онъ въ то время завѣдывалъ только что народившимся книгоиздательствомъ фирмы «Солдатенковъ и Щепкинъ».

Мой учебникъ (первую его часть) весьма одобрилъ тогдашній профессоръ химіи, Лясковскій, къ которому я привезъ письмо отъ Карла Шмидта. Мнѣ и теперь кажется курьезнымъ, что студентъ задумалъ цѣлый учебникъ, «собственнаго сочиненія», и самая существенная часть его—первая, удостоилась лестной рекомендаціи отъ авторитетнаго профессора.

Изъ-за изданія моего учебника попалъ я къ Кетчеру, и сношенія съ нимъ затянулись на нѣсколько сезоновъ. Не одинъ годъ на задней страницѣ обертки сочиненій Бѣлинскаго стояло неизмѣнно:

Печатается: «Руководство къ животно-физіологической химіи Петра Боборыкина».

Но, на дѣлѣ, рукопись «и не думала» печататься, и уже конечно не авторъ ея былъ виновникъ такого обмана публики. Зачѣмъ такъ поступалъ Кетчеръ—не знаю; но что я прекрасно знаю и пом-

ню—это то, что онъ затягивалъ печатаніе сначала потому, что потребовались рисунки по химико-микроскопическому анализу крови и другихъ животныхъ жидкостей, образцы которыхъ (съ одного нѣмецкаго изданія) я и доставилъ; а потомъ онъ требовалъ, кажется, окончанія моей работы. Вскорѣ, однако, выяснилось, что рукопись моя *затерялась*, и я, послѣ того, не могъ ее получить ни лично (въ проѣзды Москвой), ни черезъ З—ча.

Жаловаться, затѣвать исторію я не сталъ, и трудъ мой, доведенный мною почти до конца второй части—такъ и погибъ «во цвѣтѣ лѣтъ», въ такомъ же возрастѣ, въ какомъ находился и самъ авторъ. Мнѣ тогда было не больше двадцати двухъ лѣтъ.

У Кетчера я бывалъ не разъ, въ его домикѣ-особнякѣ, съ садомъ, въ одной изъ Мѣщанскихъ, за Сухаревой башней. Этотъ домъ ему подарили на какую-то годовщину его друзья, главнымъ образомъ, конечно, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, котораго мнѣ, въ тѣ годы, еще не удалось видѣть.

Въ посмертныхъ очеркахъ и портретахъ, вошедшихъ въ томъ, изданный тотчасъ послѣ кончины А. И. Герцена—есть превосходная характеристика Кетчера-друга, съ которымъ Герценъ впослѣдствіи разошелся, и заочно. Охлажденіе произошло со стороны Кетчера, вѣроятно испугавшагося дальнѣйшей фазы революціонной эволюціи своего московскаго закадыки. Кетчеръ, у Герцена, какъ вылитый, со всѣми безпощадными подробностями его интимной жизни, вплоть до связи съ простой женщиной,—связи (кажется, впослѣдствіи узаконенной), которая медленно, но радикально измѣнила весь его душевный обликъ.

И вотъ, въ такой періодъ «перерожденія» и зазналъ я этого курьезнаго москвича, званіемъ «штадтъ-физика» города Москвы, считавшагося еще, въ публикѣ, другомъ Герцена и Бакунина, Грановскаго, Огарева и всѣхъ радикаловъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Такого же точно литературнаго Собакевича я не знавалъ, не исключая и М. Е. Салтыкова! Кетчеровскій «смѣхъ» сдѣлался легендарнымъ. Слово «смѣхъ» слишкомъ слабо... Надо бы сказать: «хохочущее ржаніе», которое раскатисто гремѣло послѣ каждой фразы. Онъ былъ виртуозный ругатель. Про кого бы вы ни упоминали, особенно изъ петербургскихъ писателей, онъ сейчасъ раздражался какимъ-нибудь эпитетомъ во вкусѣ Собакевича. Помню, въ одинъ изъ нашихъ разговоровъ, отъ него особенно круто досталось Полонскому и Некрасову—одному по части умственныхъ способностей, другому по части личной нравственности, и то, и другое по поводу

изданій ихъ стихотвореній, которыя онъ долженъ былъ корректировать, такъ какъ ихъ издала фирма: «Солдатенковъ и Щепкинъ». Вся Москва—десятки лѣтъ—знала Кетчеровскую огромную голову, и его ротъ съ почернѣлыми большими зубами, и его топорно-сбитую фигуру, въ вицмундирѣ медицинскаго чиновника.

Дома онъ, по утрамъ, принималъ въ кабинетѣ, окнами въ садъ, заваленномъ книгами, рукописями и корректурами, съ обширной коллекціей трубокъ на длинныхъ чубукахъ. Онъ курилъ «жуковъ», безпрестанно зажигалъ бумажку и закуривалъ, ходилъ въ затрапезномъ халатѣ, съ раскрытымъ воротомъ ночной рубашки не особенной чистоты. Его старая подруга никогда не показывалась, и всякій бы счелъ его закоренѣлымъ холостякомъ.

Изъ его пріятелей я встрѣтилъ у него, въ разные пріѣзды, двоихъ: Санина, друга Герцена и Огарева и переводчика шекспировскихъ комедій, и Галахова, тогда уже знакомаго всѣмъ гимназистамъ составителя хрестоматіи. Санинъ смотрѣлъ бариномъ сороковыхъ годовъ, съ прической *à la moujik,* а Галаховъ—учителемъ гимназіи, съ сухимъ петербургскимъ тономъ, очень похожимъ на его педагогическіе труды.

Трудно мнѣ было и тогда представить себѣ, что этотъ московскій обыватель, съ натурой и пошибомъ Собакевича, состоялъ, когда-то, душою общества въ томъ кружкѣ, гдѣ Герценъ провелъ годы «Былого и Думъ». И его шекспироманія казалась мнѣ совершенно неподходящей ко всему его бытовому habitus. И то сказать: по тогдашней же прибауткѣ, онъ болѣе «перепёръ», чѣмъ «перевелъ» великаго «Вилли».

Театръ онъ любилъ и считалъ себя самымъ авторитетнымъ носителемъ традицій Малаго театра; но Малаго театра Мочаловско-Щепкинской эпохи, а не той, которая началась съ нарожденіемъ новой генераціи исполнителей, нашедшихъ въ Островскомъ своего автора, т.-е. Садовскихъ, Васильевыхъ, Косицкихъ, Полтавцевыхъ.

Къ Островскому Кетчеръ относился прямо ругательно, какъ бы не признавалъ его таланта и того, чѣмъ онъ обновилъ нашъ театръ. Любимымъ его прозвищемъ было: «*Островитяне, папуасы*!..» Этой кличкой онъ окрестилъ всѣхъ цѣнителей Островскаго.

— Папуасы! Ха-ха! Островитяне! Ха-ха! Іерихонцы! Трактирные ярыги!

Вотъ что звенѣло въ ушахъ дерптскаго студіоза—автора злосчастнаго руководства, когда онъ шелъ отъ Сухаревой башни къ тому домику мѣщанки *Поносовой* (эта фамилія оставалась у меня въ памяти десятки лѣтъ), гдѣ гостилъ у своего товарища.

Вѣроятно, Кетчеръ не могъ не сознавать таланта и значенія Островскаго, но ему, кромѣ *разносной* его натуры и вкоренившейся въ него ругательной манеры, мѣшало запоздалое, уже и тогда, крайнее западничество, счеты со славянофилами, обида за европеизмъ, протестъ противъ купеческой «чуйки» и мужицкой «сермяги», которыя начали водворяться на сценѣ и въ беллетристикѣ.

Объ Аполлонѣ Григорьевѣ онъ выражался также рѣзко и терминъ: «трактирные ярыги»—относился, всего больше, къ нему.

Случилось мнѣ, за эти пять лѣтъ, провести и зимніе праздники въ Москвѣ, куда пріѣхалъ пожить и полѣчиться и отецъ мой. Мы жили въ тѣхъ архимосковскихъ номерахъ Челышевскаго дома, которые прошли черезъ столько «аватàровъ», и кончили, въ видѣ милліоннаго «Метрополя», послѣ грандіознаго пожара. Тогда Малый театръ снова захватилъ меня, послѣ впечатлѣній гимназиста, въ зиму 1852—53 гг. Щепкинъ еще игралъ, и я его видѣлъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» и въ передѣланной на русскіе нравы комедіи Ожье «Le gendre de m-r Poirier». Онъ уже сильно постарѣлъ и говорилъ невнятно отъ вставной челюсти, которая у него разъ и выпала, но это случилось не при мнѣ. Инцидентъ этотъ, какъ я говорю выше,—передавалъ мнѣ позднѣе, въ 60-хъ годахъ, мой сотрудникъ по «Библіотекѣ для чтенія», Ев. Н. Эдельсонъ.

Талантъ Шумскаго, Самарина и всѣхъ «папуасовъ» (по номенклатурѣ Кетчера), Садовскаго, Серг. Васильева, его жены Екатерины, Степанова, Косицкой, Колосовой, Бороздиныхъ, Акимовой—были въ полномъ расцвѣтѣ; а двѣ замѣчательныя старухи—Сабурова и Кавалерова—уже доживали свой сценическій вѣкъ.

Какъ я разскажу ниже, толчокъ къ написанію моей первой пьесы дала мнѣ не Москва, не спектакль въ Маломъ, а въ Александринскомъ театрѣ. Но это былъ только толчокъ: Малый театръ, конечно, всего болѣе, помогъ тому внутреннему процессу, который въ данный моментъ, сказался въ позывѣ къ писательству, въ *драматической* формѣ.

Поѣздки въ Нижній и въ деревню, почти въ каждую лѣтнюю вакацію, вели дальше эту скрытую работу надъ русской дѣйствительностью. И въ Нижнемъ, и въ усадьбѣ отца я входилъ въ жизнь дворянскаго общества и въ крестьянскій бытъ, съ прибавкой того разнообразнаго купеческаго и мѣщанскаго разночинства, которое имѣлъ возможность наблюдать на Макарьевской ярмаркѣ.

Сестра моя вышла замужъ, въ Нижнемъ, за мѣстнаго дворянина, учившагося въ Дерптѣ, какъ разъ въ тѣ годы, когда С. Ѳ. Уваровъ, пріѣхавъ изъ-за границы, поступилъ въ «Руменію» и готовился

потомъ къ магистерскому экзамену. Отношеніе ко мнѣ всѣхъ моихъ нижегородскихъ родныхъ, начиная съ матушки, вступило въ новую фазу. Время и та самостоятельность, которая развилась во мнѣ въ Дерптѣ—сдѣлали то, что на меня всѣ смотрѣли уже, какъ на *личность*. И прежняя разница между тѣмъ, какъ мнѣ жилось въ домѣ дѣда (гдѣ оставалась мать моя), и въ Тамбовской усадьбѣ, у отца—уже ни чувствовалась. Но съ отцомъ, всетаки, жилось гораздо привольнѣе, какъ бы въ воздухѣ товарищества. Мы проводили дни въ откровенныхъ бесѣдахъ, я очень много читалъ, немного присматривался къ хозяйству, лѣчилъ крестьянъ, ѣздилъ къ сосѣдямъ, съ возрастающимъ интересомъ приглядывался и прислушивался ко всему, что давали тогдашняя деревня, помѣщики и крестьяне.

Запахло освобожденіемъ крестьянъ. Дѣдъ мой, въ Нижнемъ, еще бодрый старикъ, за восемьдесятъ лѣтъ, ревниво и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось по крестьянскому вопросу, разумѣется не мирился съ такими крутыми, на его аршинъ, мѣрами, но не позволялъ себѣ вслухъ никакихъ рѣзкихъ выходокъ. Отецъ не стоялъ на сторонѣ реформы, какъ то меньшинство, которое поддерживало ее впослѣдствіи, но особаго раздраженія не выказывалъ, не предавался преувеличеннымъ страхамъ. Впослѣдствіи онъ довольно долго состоялъ кандидатомъ въ мировые посредники и не безъ гордости носилъ крестъ въ память 19-го февраля.

Ежегодныя мои поѣздки «въ Россію»—въ цѣломъ и въ деталяхъ—доставляли обширный матеріалъ будущему беллетристу. И жизнь нашего дерптскаго товарищескаго кружка, въ послѣдніе два года, питалась уже почти исключительно чисто русскими интересами. Журналы продолжали свое развивающее дѣло. Они поддерживали во мнѣ, сильнѣе чѣмъ въ остальныхъ, уже не одну книжную отвлеченную любознательность, а все возраставшее желаніе самому испробовать свои силы.

Въ семействѣ Дондуковыхъ я нашелъ за этотъ послѣдній дерптскій періодъ много ласки и поощренія всему, что во мнѣ назрѣвало, какъ въ будущемъ писателѣ. Два лѣта я—отчасти или цѣликомъ—провелъ въ ихъ живописной усадьбѣ, въ Опочскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Тамъ писалась и вторая моя—по счету—пьеса «Ребенокъ»; первая — «Фразеры»—въ Дерптѣ; а «Однодворецъ»—у отца, въ усадьбѣ, въ селѣ Павловскомъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Петербургу принадлежитъ знаменательная доля впечатлѣній, за послѣдніе дерптскіе годы, и до того момента, когда я приступилъ къ первой серьезной литературной вещи.

Довольно свѣжо сохранился у меня въ памяти тотъ проѣздъ Петербургомъ, когда выставлялась картина Иванова: «Явленіе Христа народу». Я попалъ въ воздухъ горячихъ споровъ и толковъ, на Васильевскомъ Острову, и помню, что молодежь (въ томъ числѣ мои пріятели и новые знакомцы изъ студентовъ) стояли за картину Иванова; а въ академическихъ кружкахъ на нее сильно нападали. На Васильевскомъ Острову зазналъ я не мало студентовъ, принимавшихъ потомъ участіе въ волненіи 1861 г. Я гостилъ въ квартирѣ братьевъ того Вл. Бакста, съ которымъ мы въ Дерптѣ перевели первый томъ физіологіи Дондереса. Оба они извѣстны публикѣ: старшій какъ одинъ изъ первыхъ передовыхъ издателей-переводчикъ нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ; второй—какъ профессоръ физіологіи. Позднѣе, къ 60-мъ годамъ, къ тѣмъ же кружкамъ принадлежалъ студентъ Н. Неклюдовъ, вожакъ студенческой братіи, который началъ свою извѣстность съ Петропавловской крѣпости, а кончилъ должностью товарища министра внутреннихъ дѣлъ и умеръ въ зданіи «у Цѣпного моста», превратившись изъ архикраснаго въ бѣлоснѣжнаго государственника и обличителя крамолы.

Авторомъ пьесъ, я—еще студентомъ — попалъ и въ тогдашній театрально-писательскій міръ, и въ журнальную среду.

Изъ тогдашнихъ крупныхъ литераторовъ зазналъ я Дружинина, къ которому явился, какъ къ члену театрально-литературнаго комитета, куда я представилъ уже свою комедію «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», переименованную потомъ въ «Фразеры». Изъ-за пьесы вышло знакомство съ Я. П. Полонскимъ, жившимъ въ домѣ Штакенъ-Шнейдера. Онъ заставилъ меня прочесть мою вещь на вечерѣ у хозяевъ дома, гдѣ я впервые видѣлъ П. Л. Лаврова, въ формѣ артиллерійскаго полковника, Шевченко, Бенедиктова, М. Семевскаго—офицеромъ, а потомъ, уже лѣтомъ, Полонскій познакомилъ меня съ М. Л. Михайловымъ, котораго я видалъ, издали, еще въ Нижнемъ, гдѣ онъ когда-то служилъ у своего дяди—завѣдующаго соляным правленіемъ.

Помню и маленькій эпизодъ, о которомъ разсказывалъ С. П. Максимову, въ годъ его смерти, когда мы очутились съ нимъ коллегами по академіи. Это было въ концѣ лѣта, когда я возвращался въ Дерптъ. У Доминика, въ ресторанѣ, меня сильно заинтересовалъ громкій разговоръ двухъ господъ, въ которыхъ я сейчасъ же заподозрилъ литераторовъ. Это были Вас. Курочкинъ и Максимовъ.

Въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ, дерптскимъ студентомъ, я былъ принятъ и начальникомъ репертуара П. С. Федоровымъ, послѣ того, какъ мою комедію «Фразеры» окончательно одобрили въ комитетѣ и она находилась въ цензурѣ, гдѣ ее и запрети-

ли. Въ судьбѣ ея повторилась исторія съ моимъ руководствомъ. Редакція *Русскаго Слова* затеряла рукопись, и молодой авторъ оказался такъ безобиденъ, что не потребовалъ никакого вознагражденія.

Теперь, въ заключеніе этой главы, я отмѣчу особенно главнѣйшіе моменты того: какъ будущій писатель складывался во мнѣ, въ студенческіе годы, проведенные въ «Ливонскихъ Аѳинахъ», и что поддержало во мнѣ все возраставшее внутреннее влеченіе къ міру художественно воспроизведенной русской жизни, удаляя меня отъ міра теоретической и прикладной науки.

Въ корпораціи, какъ я уже говорилъ—въ тотъ семестръ, который я пробылъ въ ней «фуксомъ», я, въ самый горячій періодъ моего увлеченія химіей, для оживленія якобы «литературныхъ» очередныхъ вечеровъ—сочинилъ и прочелъ съ большимъ успѣхомъ юмористическій разсказъ «Званые блины», написанный въ тонѣ тогдашней сатирической беллетристики.

Послѣ того прошло добрыхъ два года, и въ этотъ періодъ я ни разу не приступалъ къ какой-нибудь серьезной «пробѣ пера». Мысль измѣнить научной дорогѣ еще не дозрѣла. Но въ эти же годы чтеніе поэтовъ, романистовъ, критиковъ, особенно тогдашнихъ русскихъ журналовъ, продолжительныя бесѣды и совмѣстная работа съ С. Ѳ. Уваровымъ, поѣздки въ Россію, въ обѣ столицы, Нижній и деревню—все это поддерживало работу «подъ порогомъ сознанія», по знаменитой фразѣ психо-физика Фехнера.

Еслибъ кто продолжалъ упорно отрицать безсознательную «церебрацію»—на моемъ примѣрѣ долженъ бы былъ убѣдиться въ возможности такого именно психическаго явленія.

Я продолжалъ заниматься наукой, сочинялъ цѣлый учебникъ, ходилъ въ лабораторію, послѣдовательно перешелъ отъ спеціальности химика въ область біологическихъ наукъ, перевелъ съ товарищемъ цѣлый томъ физіологіи Дондерса, усердно посѣщалъ лекціи медицинскаго факультета, даже практиковалъ какъ «студентъ-кураторъ», ходилъ на роды и дежурилъ въ акушерской клиникѣ.

И, въ то же время, писательская *церебрація* шла своимъ чередомъ, и къ четвертому курсу я былъ уже на одинъ вершокъ отъ того, чтобы взять десть бумаги, обмокнуть перо и начать писать, охваченный назрѣвшимъ желаніемъ что-нибудь создать.

Въ какой формѣ? Почему первая серьезная вещь, написанная мною, четверокурсникомъ, была пьеса, а не разсказъ, не повѣсть, не поэма, не рядъ лирическихъ стихотвореній?

Поэтомъ, и даже просто стихотворцемъ—я не мечталъ быть. Въ Дерптѣ я кое-что переводилъ и написалъ даже нѣсколько стихотво-

реній, которыя моимъ товарищамъ очень нравились. Но это не развилось. Серьезно я никогда въ это не уходилъ.

Драматическая форма явилась сразу, въ видѣ замысла большой комедіи изъ современныхъ нравовъ, опять-таки какъ результатъ безсознательной психической работы.

Наши спектакли въ Дерптѣ, открывшіе у меня актерскія способности, и всѣ мои русскія впечатлѣнія дѣлали для меня театръ все ближе и ближе.

И вотъ разъ (это было осенью), возвратившись изъ Петербурга, я сталъ думать о комедіи, гдѣ героиней была бы эмансипированная дѣвица, какихъ я уже видалъ, хотя больше издали.

Я попалъ въ Александринскій театръ, на бенефисъ А. И. Шубертъ, уже и тогда почти сорокалѣтней «ingénue», поражавшей своей моложавостью. Давали комедію «Капризница» съ главной ролью для бенефиціантки. Но не она заставила меня мечтать о моей героинѣ, а тогдашняя актриса на первое амплуа, въ драмѣ и комедіи, Владимірова. Ея эффектная красота, тонъ, туалеты въ роли «Далилы» въ переводной драмѣ Октава Фёлье, взволновали пріѣзжаго студента. И между этимъ спектаклемъ и замысломъ первой моей пьесы—несомнѣнная связь.

Обстановку дѣйствія и діалоговъ доставила мнѣ помѣщичья жизнь; а характерные моменты я взялъ изъ впечатлѣній того лѣта, когда тамбовскіе ополченцы отправлялись на войну. Сдается мнѣ также, что замыселъ выяснился послѣ прочтенія повѣсти Н. Д. Хвощинской «Фразы». Въ первоначальной редакціи комедія называлась «Шила въ мѣшкѣ не утаишь»; а заглавіе «Фразеры» я поставилъ уже на рукописи, которую передѣлалъ по предложенію театрально-литературнаго комитета.

Этотъ пріемъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Стало быть, цѣлый комитетъ считалъ меня уже молодымъ писателямъ, достойнымъ поощренія.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ окончанія курса, тѣмъ ближе былъ я къ рѣшенію: врачомъ не дѣлаться, а заняться литературой, какъ профессіональному писателю.

Замыселъ «Однодворца», написаннаго въ усадьбѣ отца, былъ уже совсѣмъ *свой*, нисколько не навѣянный ни впечатлѣніями сцены, ни мотивами тогдашней беллетристики, по крайней мѣрѣ никакимъ опредѣленнымъ произведеніемъ. Комитетъ принялъ «Однодворца» сразу; журналъ *Библіотека для чтенія* помѣстилъ его въ октябрьской книжкѣ 1860 г. Мое писательское крещеніе совершилось. Измѣна химіи и медицинѣ уже совсѣмъ назрѣла. Когда «Однодворецъ»

лежалъ въ комитетѣ, а потомъ въ редакціи толстаго журнала, я—въ слѣдующее лѣто, уже написалъ драму «Ребенокъ». Въ ней идеализмъ съ оттѣнкомъ прекраснодушія былъ навѣянъ тѣмъ воздухомъ, какимъ я уже болѣе года дышалъ въ семьѣ Д—выхъ. Это было и для меня пробужденіе моего лиризма, потребности въ любви и нѣжности, которыя слишкомъ долго лежали подъ спудомъ въ душѣ студента, ушедшаго въ мозговую жизнь и въ *научную* философію.

Когда я съ вакаціи изъ усадьбы Д—выхъ вернулся въ Дерптъ, писатель уже вполнѣ побѣдилъ химика и медика. Я рѣшилъ: засѣсть на четыре мѣсяца, написать нѣсколько вещей, съ медицинской карьерой проститься, если нужно, держать на кандидата экзаменъ въ Петербургѣ и начать тамъ жизнь литератора.

И дѣйствительно, я написалъ цѣлыхъ четыре пьесы, изъ которыхъ три были драмы и одна веселая, сатирическая комедія. Изъ нихъ драма «Старое зло» была принята Писемскимъ; а драму «Мать»—я напечаталъ, четыре года спустя, уже въ *своемъ* журналѣ *Библіотека для чтенія*, подъ псевдонимомъ; а изъ комедіи появилось только первое дѣйствіе, въ видѣ «сценъ», въ журналѣ *Вѣкъ*, съ сохраненіемъ первоначальнаго заглавія «Наши знакомцы».

Этотъ зарядъ «творчества» (выражаясь высокимъ терминомъ), хотя самые продукты и не могли быть особенно цѣнны, показывалъ несомнѣнно, что безсознательная церебрація находилась въ сильнѣйшемъ возбужденіи. И ее прорвало въ видѣ такой чрезмѣрной производительности, передъ оставленіемъ «Ливонскихъ Аѳинъ».

Послѣ напечатанія «Однодворца» я сталъ считать драматическую литературу моей коренной областью.

О *повѣствовательной* беллетристикѣ я не думалъ въ двухлѣтній, уже прямо писательскій, періодъ моего студенчества. Будь это иначе—я бы написалъ повѣсть или хотя бы два-три разсказа.

Послѣ «Званыхъ блиновъ» я набросалъ только нѣсколько картинокъ изъ жизни казанскихъ студентовъ (которыя вошли впослѣдствіи въ казанскую треть романа «Въ путь-дорогу») и даже читалъ ихъ у Д—выхъ, въ первый ихъ пріѣздъ, въ присутствіи профессора Розберга, который былъ очень огорченъ низменнымъ уровнемъ нравовъ моихъ бывшихъ казанскихъ товарищей и вспоминалъ свое время, въ Москвѣ, когда всѣ они болѣе или менѣе настраивали себя на идеи, чувства, вкусы и замашки идеалистовъ. Но Писемскій, въ своихъ «Людяхъ сороковыхъ годовъ», изображаетъ тогдашніе нравы далеко не въ розовомъ свѣтѣ; а его эпоха отстояла отъ студенческихъ годовъ профессора всего на какой-нибудь десятокъ лѣтъ.

Эти казанскіе очерки были набросаны до написанія комедій. По-

томъ, вплоть до конца 1861 года, когда я приступилъ прямо къ работѣ надъ огромнымъ романомъ—я не написалъ *ни одной строки* въ повѣствовательномъ родѣ.

А беллетристика второй половины 50-хъ годовъ очень сильно увлекала меня. Тогда именно я знакомился съ новыми вещами Толстого, накидываясь въ журналахъ и на все, что печаталъ Тургеневъ. Тогда даже въ корпораціи «Рутенія» я дѣлалъ рефератъ о «Рудинѣ». Такія повѣсти, какъ «Ася», «Первая любовь», а главное «Дворянское гнѣздо» и «Наканунѣ», слѣдовали одна за другой и питали во мнѣ все возраставшее, чисто литературное *направленіе*.

О «Дворянскомъ гнѣздѣ» я даже написалъ небольшую статью для прочтенія и въ нашемъ кружкѣ, и въ гостиной Карлова, у Д—выхъ. Настроеніе этой вещи, мистика Лизы, многое, что отзывалось якобы недостаточнымъ свободомысліемъ автора, вызывали во мнѣ недовольство. Художественная прелесть повѣсти не такъ на меня дѣйствовала тогда, какъ замыселъ и тонъ, и отдѣльныя сцены «Наканунѣ».

Помню, я первый схватилъ книжку *Русскаго Вѣстника*, прибѣжалъ домой и читалъ до трехъ часовъ ночи, въ постели, и потомъ не могъ заснуть до разсвѣта.

Съ тѣхъ поръ, я не помню, чтобы какая-нибудь русская или иностранная вещь такъ захватила меня, даже и въ молодые годы.

Почти такъ же зачитывался я и «Обломовымъ»; и въ нашемъ кружкѣ, и въ знакомыхъ русскихъ домахъ о немъ цѣлую зиму шли оживленные толки.

И все, что тогда печаталось по беллетристикѣ, получше и похуже, Григоровича, Писемскаго, Авдѣева, Печерскаго, Хвощинской, М. Михайлова, а затѣмъ Щедрина (о первыхъ его «Губернскихъ очеркахъ» я дѣлалъ, кажется, докладъ въ нашемъ кружкѣ) и начинающихъ: Ник. Успенскаго, разныхъ обличительныхъ беллетристовъ—все это, буквально, поглощалось мною, сейчасъ же, въ первые же дни по полученіи книжекъ всѣхъ тогдашнихъ большихъ журналовъ.

Островскій, Потѣхинъ, Писемскій (какъ драматургъ), Сухово-Кобылинъ, такъ же питали мой писательскій голодъ, какъ и беллетристы-повѣствователи.

И я сталъ сильно мечтать, именно, о театрѣ и выливать все, что во мнѣ назрѣвало въ этотъ студенческій періодъ писательства, съ 1858 по 1860 г. включительно, въ драматическую форму.

Но въ этотъ же трехлѣтній періодъ я сдѣлался и публицистомъ студенческой жизни, лѣтописцемъ конфликта Рутеніи съ нѣмецкимъ комитатомъ. Мои очерки и воззванія разосланы были въ другіе уни-

верситеты; составилъ я и сообщеніе для архи-либеральнаго тогда *Русскаго Вѣстника*. Катковъ и Леонтьевъ сочувственно отнеслись къ нашей «исторіи»; но затруднились напечатать мою статью.

Когда въ Казани, въ концѣ 50-хъ годовъ, подуло другимъ вѣтромъ и началось что-то вродѣ волненія, я, какъ бывшій казанецъ, написалъ цѣлое посланіе, которое отправилъ моему товарищу по нижегородской гимназіи В—скому. Оно начиналось возгласомъ: «Товарищи, други и недруги!» съ эпиграфомъ изъ Вольтера: «La vérité a des droits imprescriptibles». И этотъ эпиграфъ я взялъ въ «разрывной» по тому времени книжкѣ Бюхнера: «Kraft und Stoff». Въ посланіи къ казанцамъ я проводилъ параллель между тѣмъ, что такое была Казань въ мое время и какъ можно учиться въ Дерптѣ, при чемъ нѣкоторымъ каѳедрамъ и профессорамъ досталось особенно сильно. Это «посланіе» имѣло сенсаціонный успѣхъ, разошлось во множествѣ списковъ, и я встрѣчалъ казанцевъ—двадцать, тридцать лѣтъ спустя—которые его помнили чуть не наизусть.

Мнѣ самому было бы занимательно прочесть его въ эту минуту; но я никогда не имѣлъ ни одного экземпляра. Я писалъ прямо набѣло, какъ отчетливо помню, на листахъ почтовой бумаги большаго формата, и они составили порядочную тетрадку.

Стало, были опыты и по публицистикѣ; но опять-таки: ни одного цѣльнаго разсказа, ни плана повѣсти, и еще менѣе—романа!

П. Боборыкинъ.

ВЪ ПУТАХЪ ШАЙТАНА.

Разсказъ М. Коцюбинскаго.

Емене сидѣла въ своемъ дворикѣ на раскаленной землѣ. Сегодня праздникъ, байрамъ, мать ушла въ домъ и будетъ тамъ спать, пока спадетъ жара, а отецъ, старый хаджи Бекиръ-мемедъ-оглу, какъ и всѣ правовѣрные, уже во второй разъ отправился въ мечеть.

Вокругъ тишина. Только изъ деревни съ высокаго, стараго минарета доносится скрипучій голосъ муллы:

— А-а... Алла... иль Алла-а... Магометъ расуль Алла-а!

Емене уперлась локтями въ колѣни, положила голову на ладони и глядѣла передъ собой.

Передъ ней, чуть не изъ-подъ ея ногъ, сбѣгали внизъ по каменистымъ холмамъ виноградныя и табачныя плантаціи. Ровные полосы кустовъ качались зелеными строчками огромной книги. Пятна табака зеленѣли на фонѣ сѣраго камня, какъ зеленые лишаи.

Еще ниже, на песчаной полосѣ берега, среди тѣнистыхъ садиковъ бѣлѣли роскошныя виллы «гяуровъ» съ аллеями изъ черныхъ стройныхъ кипарисовъ.

А дальше было море.

Ослѣпительно голубое небо замерло въ этотъ лѣтній раскаленный день и, нѣжными тонами сливаясь съ далекимъ горизонтомъ, очаровывало глазъ и манило въ свою чистую, теплую, радостную синеву.

Съ правой стороны холмистой тѣнью легъ на море Аюдагъ и, будто мучимый жаждой звѣрь, припалъ къ водѣ.

Емене равнодушно смотрѣла на знакомыя мѣста: ей скучно. Она дѣвушка, «кизъ», и не для нея это невѣдомое, полное чаръ море: она никогда не переплыветъ его, какъ никогда не переступитъ хмурой Яйлы, которая тамъ, за отцовскимъ домомъ, за деревней, поднимается къ небу каменные хребты, отдѣляя страну Аллаха отъ страны невѣрныхъ.

Въ будни, когда Емене работаетъ, не покладая рукъ—садитъ табакъ, поливаетъ огородъ или возится подлѣ виноградниковъ,—она не чувствуетъ скуки, но въ праздникъ, вотъ какъ теперь, когда ворчливая мать уснула, отецъ молится, а работа ждетъ будней,—дѣвушка не знаетъ, чтò дѣлать съ собой.

Вокругъ нея тишина, и на небѣ, и на землѣ. Солнце стоитъ высоко, и отъ раскаленной земли, отъ неба и моря, отъ сѣрыхъ камней пышетъ огнемъ. Блѣдный, широколистный табакъ насыщаетъ воздухъ наркотическими испареніями. Въ самомъ воздухѣ разлито томленіе; о немъ тихо журчитъ ручеекъ, сбѣгая по камешкамъ двора; томясь, скачетъ на цѣпи старая собака и, глухо звеня ею, хриплымъ голосомъ жалуется небу: Алла, Алла! Алла, Алла!...

Одинокая лягушка вылѣзла изъ ручья и изрѣдка меланхолически квакаетъ. На темныхъ, широколистыхъ фиговыхъ деревьяхъ задорно, будто сотни трещотокъ, до одурѣнія, до самозабвенія трещатъ цикады. И всетаки тихо, всетаки скучно и томительно отъ этихъ однообразныхъ звуковъ.

Наконецъ, Емене надоѣло сидѣть на горячей землѣ. Она лѣниво потянулась своимъ гибкимъ молодымъ тѣломъ, поднялась и апатично обвела вокругъ себя глазами. Что ей дѣлать, чѣмъ разогнать скуку? Случайно ея глаза остановились на лягушкѣ. Большая, распластанная, она припала брюхомъ къ теплой землѣ, подняла голову съ огромными глазами и квакаетъ то жалобно и мелодично, то сердито и ворчливо, какъ будто внутри нея что-то клокочетъ.

Емене начала тихонько подкрадываться къ одинокой, какъ и она, ворчуньѣ. Но лягушка замѣтила непрошенную гостью и нырнула въ воду, вытянувъ заднія ноги и поднявъ со дна цѣлый столбъ тины. Дѣвушка остановилась надъ ручьемъ и смотрѣла, какъ медленно осѣдала тина и очищалась вода. Но это показалось ей скучнымъ.

Емене сняла съ ногъ туфли, зажала межъ колѣнъ красные шаровары и начала мыть ноги. Ослѣпительное солнце освѣщало стройную фигуру татарки, играло на рыжихъ, заново выкрашенныхъ косахъ, желтомъ халатѣ и красныхъ шароварахъ, а подрисованныя брови и красные, тоже подкрашенные на рукахъ и ногахъ, ногти, такъ блестѣли на солнцѣ, какъ будто были наведены лакомъ.

Дѣвушка плескалась въ теплой водѣ, но вдругъ, взглянувъ на прибрежные дома, замерла, чѣмъ-то очень заинтересованная. То, что ее заинтересовало, было не что иное, какъ три осѣдланныя лошади у крыльца виллы, а подлѣ нихъ татаринъ-проводникъ, повидимому, кого-то поджидавшій. Но вотъ отъ бѣлой стѣны дома отдѣлились двѣ

женскія фигуры, тонкія, высокія, какъ молодые кипарисы, и подошли къ лошадямъ.

Тутъ Емене не выдержала, и безъ туфель, мокрыми ногами перебѣжала дворикъ и, перевѣсившись черезъ заборъ, любопытно выглянула изъ-за дерева. Сердце ея затрепетало. Она узнала Септара, самаго красиваго парня въ деревнѣ и лучшаго проводника, образъ котораго бѣдная дѣвушка давно носитъ въ сердцѣ, хотя не смѣетъ поднять глазъ на свой идеалъ, какъ это полагается порядочной татарской «кизъ». Но тише! Вотъ женщины подходятъ къ лошадямъ. Септаръ подставляетъ ладонь, женщина становится на нее, слегка касаясь рукой его плеча, и какъ мячикъ вспрыгиваетъ на коня. «Тцъ, тцъ!» качаетъ головой Емене и чувствуетъ, какъ горячая волна крови приливаетъ къ сердцу и къ головѣ.

«Алла, алла!—думаетъ Емене.—Ты справедливъ, но почему женщинамъ невѣрныхъ лучше живется на свѣтѣ, чѣмъ женщинамъ правовѣрныхъ?»

Грѣшныя мысли сплетаются въ головѣ дѣвушки. А нынче байрамъ, нынче праздникъ! Дѣвушкѣ непріятно, что къ ней приступаетъ шайтанъ и нашептываетъ ей неподходящія мысли, волнуетъ кровь... Она приковываетъ глаза къ тому мѣсту, гдѣ за минуту передъ тѣмъ она видѣла милаго и такое,—не похожее на ея собственную жизнь—и она не можетъ отвести ихъ, хотя ничего уже тамъ не видитъ, кромѣ опустѣвшей лужайки передъ виллой.

Черезъ нѣсколько минутъ лошадиный топотъ вывелъ Емене изъ задумчивости. Дѣвушка встрепенулась, быстро подскочила къ частоколу и прижалась лицомъ къ щели. Въ ея груди сердце трепетало, какъ рыба въ рукѣ, а глаза жадно охватывали часть дороги, видимую въ щель. Но на дорогѣ еще никого нѣтъ. Наконецъ, дрогнула земля и показалась кавалькада: впереди женщина въ сѣромъ, за ней женщина въ синемъ; рядомъ съ послѣдней ѣхалъ Септаръ.

Емене такъ и впилась глазами въ проводника. А онъ, подбоченившись, выпячивалъ вышитую золотомъ грудь и наглыми хищными глазами оглядывалъ женщину въ синемъ... На его чисто выбритомъ, блестящемъ и красномъ, какъ спѣлый помидоръ, лицѣ, выглядывавшемъ изъ-подъ круглой съ золотымъ верхомъ шапочки, отражалось самомнѣніе съ оттѣнкомъ презрѣнія къ женщинѣ, которое свидѣтельствовало, что онъ вполнѣ постигъ жизнь проводника и что не одна московская барыня «его любилъ, деньга давалъ» и что онъ на тѣ «деньга гулялъ». Емене любовалась его крѣпкимъ, здоровымъ, какъ огурецъ, тѣломъ, туго обтянутымъ тонкимъ сукномъ, его наглымъ взглядомъ, который она принимала за выраженіе «рыцарскаго духа

и смѣлости». Онъ казался ей яснымъ мѣсяцемъ, отразившимся въ морѣ ея сердца и прокладывающимъ блестящій путь къ счастью.

Неожиданно у калитки позвонилъ разбитый звонокъ.

Емене вздрогнула, будто пойманная на мѣстѣ преступленія, и, забывъ туфли, бросилась въ сѣни. Звонокъ еще разъ прохрипѣлъ. Это значитъ—пришелъ посторонній мужчина. И на самомъ дѣлѣ, едва Емене спряталась, какъ во дворъ вошелъ ея отецъ, старый хаджи Бекиръ, въ обществѣ молодого рѣзника Мустафы. Съ этимъ набожнымъ рѣзникомъ, насквозь продушившемся овечьимъ саломъ, старый хаджи вѣчно имѣлъ какія-то дѣла, въ которыхъ будущность Емене играла не послѣднюю роль.

Въ этотъ моментъ кавалькада выѣхала на самый возвышенный пунктъ дороги, и статная фигура Септара отчетливо вырисовывалась на фонѣ лазурнаго неба. Хаджи Бекиръ взглянулъ туда, и его глаза сверкнули изъ-подъ чалмы. Онъ поднялъ руку и, погрозивъ ею вслѣдъ проводнику, хриплымъ голосомъ пробурчалъ:

— Кепѐкъ *)!

И, съ отвращеніемъ плюнувъ по направленію кавалькады, повелъ гостя на веранду, раскачиваясь на согнутыхъ, какъ у рахитика, татарскихъ ногахъ и кивая головой, обернутой бѣлой чалмой. Эта чалма вмѣстѣ съ длинной бѣлой бородой придавала ему видъ ветхозавѣтнаго патріарха.

Емене подглядѣла эту сцену и почувствовала въ сердцѣ обиду:

«Кепѐкъ? Почему кепѐкъ?—думала она,—это потому, что онъ не сторонится «гяуровъ», съ ними ѣстъ, пьетъ, разговариваетъ? Но вѣдь и «гяуры» вѣрятъ въ Аллаха?!

Непривыкшая мыслить, ея голова какъ-то плохо работала, зато сердце чувствовало, что тутъ что-то не такъ, что справедливость не на сторонѣ отца, что Септаръ не имѣетъ за собою вины, не заслужилъ презрѣнія. Она бѣдная невольница, заключенная въ тѣсныхъ границахъ своего дворика, въ задѣланной рѣшотками, строго охраняемой отъ мужского глаза женской половины,—она всетаки имѣла глаза и глядѣла туда, внизъ, на бѣлые дома среди роскошныхъ рощъ и не могла не видѣть иной жизни, чѣмъ ихняя, татарская, не могла не сравнивать ее со своимъ существованіемъ. Напримѣръ, она видѣла тамъ женщину—свободное существо, товарища, а не рабыню мужчины, женщину, которой, какъ и мужчинѣ, принадлежалъ весь міръ. Она видѣла, какъ та женщина каталась въ лодкѣ, смѣялась, разговаривала съ чужими мужчинами, гарцовала на конѣ или лазила

*) Собака.

по горамъ, заходила въ мечеть, какъ будто въ свой собственный домъ, тогда какъ она, правовѣрная дочь Аллаха, не смѣетъ переступить порогъ мечети, будто она нечистое существо.

— Кепекъ! Кепекъ!—думаетъ обиженная Емене и чувствуетъ жалость къ Септару, почему-то вздыхаетъ, и снова шайтанъ нашептываетъ ей грѣшныя мысли, возмущаетъ ея покой.

А съ веранды, сквозь рѣшетчатыя окна доносится скрыпучій, монотонный голосъ отца. Старый хаджи, можетъ быть, уже сотый разъ разсказываетъ о своемъ путешествіи въ Мекку. Мать проснулась, звенятъ чашки, пахнетъ кофеемъ.

— И пришли мы въ Мекку, въ Ель-хорому,—тянетъ, скрипитъ хаджи Бекиръ—и загорѣлось мое сердце огнемъ радости...

И вдругъ неожиданно ярко глазамъ Емене представляется картина, видѣнная когда-то съ виноградника и сильно поразившая ее. Тамъ, надъ моремъ, подъ позлащенными заходящимъ солнцемъ кипарисами танцуютъ «гяуры». Будто разноцвѣтные мотыльки, порхаютъ дѣвушки по зеленой лужайкѣ, а молодые люди подбѣгаютъ къ нимъ, обнимаютъ ихъ, сжимаютъ ихъ руки... заглядываютъ имъ въ глаза и кружатся вмѣстѣ, точно сорванные вѣтромъ цвѣты. Пѣніе, смѣхъ, веселые возгласы отдаются эхомъ въ рощахъ, а у Емене бьется сердце и сверкаютъ глаза. Будто очарованная, глядитъ она внизъ «можетъ быть, только гуріи въ раю веселятся такъ съ праведными»,—шепчетъ она и не может отвести глазъ отъ этого чуднаго зрѣлища, не можетъ насмотрѣться... Чарующую картину принесла тогда она въ отцовскій домъ, и эта картина постоянно оживаетъ въ ея памяти.

— И сподобилъ меня милосердный Аллахъ прикоснуться Кааби и очиститься отъ грѣховъ, коснувшись Эсвады,—скрипитъ хаджи Бекиръ и поддакиваетъ ему въ отвѣтъ набожный рѣзникъ.

Но Емене не слушала.

Ея глаза, какъ и мысли, блуждали далеко по безконечному морю. А оно невинное, чистое, какъ дѣвушка, въ ослѣпительно голубомъ одѣяніи, съ ниткой жемчуга-пѣны на шеѣ, радостно улыбается берегу, ласкается къ нему, будто любящее существо. Далеко отъ берега играетъ въ морѣ табунъ веселыхъ дельфиновъ. Эти черныя созданія, будто семья чертей, выпрыгиваютъ изъ глубины, переворачиваются въ воздухѣ и стремительно исчезаютъ въ морѣ, снова показываются и снова начинаютъ свою веселую игру.

А еще далѣе, куда глазъ едва достигаетъ—не то по водѣ, не то по небу—легкой тѣнью движутся пароходы съ длиннымъ хвостомъ

дыма, и исчезаютъ, какъ видѣнія... море дышитъ; соленое свѣжее дыханіе шелеститъ листвой, ласкаетъ лица, придаетъ груди бодрость.

— Емене! Кель мунда! *)—раздается со двора пискливый голосъ матери.

Значитъ, гостя ужъ нѣтъ, и можно выйти изъ дома. Емене вышла и чуть не сбила съ ногъ двухъ европейскихъ женщинъ, разговаривавшихъ съ матерью. Дѣвушки объясняли что-то старухѣ, указывая на домъ, на деревню, но все напрасно: старуха не понимала, хотя кивала головой, стараясь показать, что она хорошо понимаетъ, чего онѣ хотятъ.

Однако изъ разговора ничего не выходило. Сначали гостьи озабоченно старались объяснить, но, увидавъ, что всѣ старанія напрасны, весело расхохотались. Это придало татаркамъ смѣлость. Емене, до сихъ поръ искоса поглядывавшая на чужестранокъ, подошла ближе и стала оглядывать ихъ съ головы до ногъ. Глаза у ней разбѣгались, все ее интересовало въ этихъ незнакомыхъ существахъ. Сначала она потянула одну изъ дѣвушекъ за платье, потомъ свѣсила на рукѣ ея тяжелую косу и съ восхищеніемъ сказала:

— Карошъ! Карошъ урусъ!

Тѣ смѣялись, но не противились.

Наконецъ, набравшись смѣлости, Емене просто набросилась на гостей; она гладила ихъ руки, волосы, лица, заглядывала въ глаза, хлопала по плечамъ, прижимала къ себѣ, разсматривала и ощупывала каждую подробность ихъ туалета. Качая головкой, она что-то быстро говорила на непонятномъ имъ языкѣ. Старая татарка тоже не отставала отъ дочери, и скоро дѣвушки очутились точно въ плѣну у дикарей: онѣ начали уже бояться, если не за собственную безопасность, то за цѣлость своихъ костюмовъ. Не выпуская ихъ изъ рукъ, татарки принесли имъ всякихъ лакомствъ, угощали ихъ простоквашей въ грязной посудѣ, свѣжимъ инжиремъ и жареными въ бараньемъ жирѣ коржиками.

— Кушàй, урусъ, кушàй!—просили они, заглядывая гостьямъ въ ротъ.

Когда гостьи ушли, Емене еще долго смотрѣла вслѣдъ смѣлымъ дѣвушкамъ, которыя одни, безъ проводника мужчины, пришли отъ моря и теперь возвращаются обратно, ни передъ кѣмъ не скрывая своихъ красивыхъ лицъ.

Но Емене снова одна, снова ей скучно. Она безъ цѣли бродитъ по дворику, забѣгаетъ въ домъ, вездѣ ищетъ развлеченія или какого-

*) Иди сюда.

нибудь дѣла. Но дѣла нѣтъ, а развлеченіе у татарской дѣвушки только одно: наряды. Этимъ и кончилось. Емене расчесала и заплела мелкими прядями свои красные, какъ огонь, крашеные волосы, накинула на себя новый халатъ со странными рисунками и перевязала станъ косынкой такъ, чтобы ея пестро размалеванный конецъ сзади низко спускался, согласно этикету. Потомъ она нацѣпила на шею свое богатство—ожерелье изъ золотыхъ монетъ, а на голову надѣла маленькую шапочку, унизанную монетами. Легкая чадра на плечахъ и красныя туфельки дополняли ея туалетъ. Оставалось только нарумянить щеки и соединить краской брови. Когда она была готова, то казалась индійскимъ божкомъ и была очень собой довольна.

Но во дворикѣ, куда она вышла, некому было любоваться ея красотой. Бѣдная дѣвушка вздохнула. День уже гасъ. Блѣдное, усталое море лѣниво плескалось о берегъ. Каменистыя вершины Яйлы розовѣли въ небѣ, сизая мгла пряталась въ горныхъ впадинахъ, а лѣса на склонахъ горъ чернѣли, будто сожженные.

Емене глянула вверхъ на деревню. Прижавшаяся къ холму, она казалась огромными сотами, поставленными вертикально. Ряды бѣленыхъ домовъ съ плоскими земляными крышами стояли одинъ надъ другимъ такъ, что крыша одного домика часто служила дворикомъ другому. Среди лѣса колонокъ, подпиравшихъ крыши, чернѣли двери, окна, будто входы въ пещеры, а все вмѣстѣ напоминало гнѣзда рѣчныхъ ласточекъ на крутомъ берегу рѣчки. На плоскихъ крышахъ кучками сидѣли женщины и, будто разноцвѣтные мотыльки, оживляли праздничными яркими нарядами сѣрый фонъ обнаженнаго неба. Старая генуэзская башня, облупившаяся и изгрызенная зубами времени, стоя въ сторонѣ, грозно поглядывала съ вышины на татарскій муравейникъ, шевелившійся у ея подножья.

Емене увидала ту, которую хотѣла увидать.

— Фатьме-е!—взвизгнула она тонкимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Емене-е!—донесся изъ деревни такой же писклывый отвѣтъ.

Емене живо схватила мѣдный кувшинъ и отправилась къ «Чишме» за водой.

Она бѣжала въ гору стройная и ловкая, какъ молодая козочка, предвкушая удовольствіе мелкихъ сплетенъ мелочной жизни татарской женщины, которыя ей сообщитъ подруга, ожидающая ее подлѣ «Чишме».

Однако на шоссе она должна была остановиться: знакомая кавалькада галопомъ проскакала мимо нея—впереди женщины, а за ними

Септаръ, сильный, стройный, съ вышитой золотомъ грудью и наглымъ, самоувѣреннымъ взглядомъ.

Кавалькада давно уже промчалась, а Емене все стояла на мѣстѣ и смотрѣла ей вслѣдъ, будто ожидала, не вернется ли ея счастіе, исчезающее изъ глазъ, и не возьметъ ли ее съ собой въ свободный, широкій міръ, болѣе широкій, чѣмъ задѣланная рѣшеткой женская половина отцовскаго дома.

— «Кепекъ!»—вспомнилось ей презрительное отцовское замѣчаніе и полная вражды фигура стараго хаджи.

Сердце ея упало, слезы навернулись на глаза.

Въ деревнѣ тихо и темно. Лавки заперты, проводники разсѣдлали своихъ коней, продавцы «ямутры» *), винограда, чадръ и тому подобнаго отложили свои дѣла на слѣдующій день. Вообще вся та дѣятельность, разсчитанная на полные карманы «гяуровъ», остановилась ради праздника. Муэзинъ въ послѣдній разъ проскрипѣлъ съ минарета «ла Алла», и правовѣрные отдыхаютъ. Только неугомонное море грохочетъ издалека, будто невидимый великанъ выдыхаетъ дневную жару, да звѣзды дрожатъ въ ночной прохладѣ, постепенно прячась за черныя, какъ тучи, вершины «Яйлы».

У подножья генуэзской башни блестѣлъ огонь. Тамъ въ закопченной отъ дыма расщелинѣ, какъ въ дуплѣ большого дерева, варится на раскаленныхъ угольяхъ кофе. Вокругъ огня, подобравъ по восточному ноги, сидятъ бородатые хаджи въ большихъ чалмахъ, и простые мусульмане въ красныхъ фескахъ. Хаджи-Бекиръ занимаетъ почетное мѣсто: онъ сидитъ рядомъ съ туркомъ въ бѣломъ халатѣ и зеленой чалмѣ. Это софта изъ самаго Стамбула, и всѣ правовѣрные собрались тутъ послушать его мудрыхъ, святыхъ рѣчей.

Всѣ молчатъ, всѣ сосредоточены.

Даже красавецъ Септаръ, примостившійся невдалекѣ, держа въ своихъ сильныхъ, съ запахомъ конскаго навоза, рукахъ кнутъ, теперь какъ будто не такъ гордо выпячиваетъ свою вышитую золотомъ грудь, съ меньшей наглостью посматриваетъ вокругъ.

Огонь блестками играетъ на красныхъ фескахъ, освѣщая смуглыя лица. Мѣдный кофейникъ шипитъ на угольяхъ, далекое море ритмически грохочетъ. Но вотъ кофе налито въ маленькія чашечки, и софта началъ говорить.

Онъ говорилъ тихо, скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ, цвѣтисто и пространно. Онъ началъ отъ Адама. Яркими красками рисо-

---

*) Яицъ.

валъ онъ прежнюю славу и величіе татарскаго племени, его битвы съ невѣрными, въ которыхъ знамя Магомета обошло чуть не полъміра. Онъ прославлялъ богатство и мудрость великихъ хановъ, расчувствовался, вспоминая набожность правовѣрныхъ, и открылъ, что сердце Аллаха полно радости, что у него еще есть вѣрные слуги. Какъ луна среди звѣздъ, какъ орелъ среди птицъ—такими были мусульмане среди другихъ народовъ. Онъ призывалъ въ свидѣтели предвѣчныя горы, въ своей неподвижности видѣвшія прежнюю славу великаго народа. Ссылался на башню, подъ которой сидѣлъ: онъ помнитъ время, когда по ея стѣнамъ текла кровь «гяуровъ», а на вершинѣ сіялъ полумѣсяцъ.

Искусно и поэтически разсказывалъ онъ всѣмъ извѣстныя, всѣмъ дорогія легенды, вызывалъ изъ могилы тѣни святыхъ и героевъ, положившихъ жизнь за вѣру и славу Аллаха. Пророчества и тексты изъ корана переплетали рѣчь замысловатой сѣтью, и она покрывала прошлое туманнымъ чарующимъ покровомъ. Въ черныхъ глазахъ софты горѣлъ огонь, а блѣдное лицо становилось еще блѣднѣе. Правовѣрные слушали, сосредоточивъ все свое вниманіе, и въ тактъ раскачивались на подобранныхъ ногахъ.

А софта продолжалъ.

Онъ припомнилъ всѣ несправедливости, причиненные гяурами правовѣрнымъ. Они уничтожили ихъ царство, разорили ихъ жилища и обратили въ пустыню ихъ страну, цвѣтущую, какъ цвѣтокъ. Гдѣ тѣ селенія, гдѣ тотъ народъ, населявшій плодородную землю? Его нѣтъ, его изъ собственныхъ земель изгналъ врагъ.

— Посмотрите,—говорилъ онъ, обводя вокругъ рукой,—развалины! Все пожрали невѣрные! Они захватили лучшія земли, оттѣснили татаръ въ горы, на камни. Пядь за пядью, шагъ за шагомъ переходятъ татарскія земли въ руки невѣрныхъ и скоро не будетъ мѣста для святой мечети, негдѣ будетъ славить Аллаха и Магомеда... да и будетъ ли кому? Старые обычаи забываются, пропала честность, простота, исчезаетъ страхъ Божій... Нечестивые заразили своими грѣховными болѣзнями правовѣрныхъ... развратъ... ракія... воровство даже... Алла! Алла! ты видишь!...

И блѣдный турокъ поднялъ руки къ лунѣ, вынырнувшей изъ моря и облившей все синимъ свѣтомъ. Въ тишинѣ было слышно только грохотъ моря да серебристый мелодическій голосокъ восточнаго кузнечика. Въ далекихъ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала птичка: «сплю-ю, сплю-ю». Черныя горы стояли будто привидѣнія и глядѣли на золотой путь, проложенный луною по морю, трепетавшій и отливавшій золотой чешуей.

Софта вздохнулъ. Въ этомъ вздохѣ слышалось жгучее сожалѣніе о прошломъ страны, боль надъ упадкомъ единовѣрнаго народа.

— Но еще не все погибло. Еще милосердный Богъ оставилъ земли для правовѣрныхъ, гдѣ гяуръ не имѣетъ власти издѣваться надъ ними. Надъ той счастливой страной простираетъ свою могучую руку справедливый и мудрый султанъ и, какъ отецъ дѣтей, защищаетъ своихъ подданныхъ. Туда, къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ освободиться отъ грѣховъ, спасать свою душу? Не надо ожидать смертнаго часа въ этой нечестивой странѣ, потому что кто сложитъ здѣсь свои кости, тому тяжко будетъ предстать передъ Господомъ вмѣстѣ съ грѣшниками. Правовѣрные! старый и малый, богатый и бѣдный, слабый и сильный, отрясите прахъ отъ ногъ своихъ и идите въ землю предковъ, собирайте свое имущество, своихъ женъ и дѣтей и выселяйтесь отсюда подъ могучую десницу правовѣрнаго монарха, ближе къ святымъ мечетямъ, въ освященную стопами пророка землю... И пусть провалится захваченная гяурами страна, пусть справедливый Господь пошлетъ съ неба огонь, сожжетъ ее и развѣетъ прахъ по безграничному морю!... Ла Алла иль Алла!—Магометъ расуль Алла!

И софта, поднявъ руки, простеръ ихъ надъ землею, будто призывая на нее гнѣвъ Аллаха.

У Хаджи Бекира горѣла душа. Онъ глядѣлъ на софту сверкающими глазами, онъ видѣлъ падающій съ неба огонь, а тамъ, за моремъ, въ далекой перспективѣ, сіяли передъ нимъ мусульманскія реликвіи.

Настала тишина. Огонь подъ башней покрылся золой, и полная луна съ высоты смотрѣла на собравшихся людей.

Правовѣрные, однако, сидѣли съ опущенными глазами, и казалось, что лукавая усмѣшка бродитъ по ихъ смуглымъ лицамъ.

«Да,—думали они,—гяуръ, гяуръ... А съ кого же мы все беремъ, какъ не съ гяура?»

Имъ вспоминались безчисленные способы заработка и та выгода, которую приносили гяуры. Вспоминались всѣ тѣ «ямутра», виноградъ, молоко, подводы, проводники, квартиры и т. п. Всякаго рода бакшишъ, вся та богатая жатва, которую они собирали, не сѣя. Куда имъ выселяться. Зачѣмъ?—спрашивали они себя, и имъ хотѣлось разсмѣяться въ глаза мудрому и незнакомому съ положеніемъ вещей софтѣ.

Но они молчали.

Молчаніе, наконецъ, стало тягостнымъ, всѣмъ было не по себѣ, но выручилъ Септаръ. Онъ подошелъ ближе, оперся своими крѣпкими руками на кнутъ и обратился къ софтѣ:

— Ты говоришь, мудрый человѣкъ: выселяйтесь отсюда... А скажи намъ, почему отъ васъ тѣснится къ намъ столько оборваннаго рабочаго люда и отнимаетъ у насъ заработокъ? Почему они приходятъ сюда, если тамъ хорошо? А ты насъ зовешь туда... Смотри, идутъ ли дорогой правды твои слова? Ты говоришь: гяуръ, невѣрный, а у насъ богатый гяуръ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ два правовѣрныхъ. Гяуръ живетъ и намъ даетъ жить. У насъ такъ: на Яйлу пошелъ—деньги заработалъ, по морю проплылъ—деньги заработалъ, гяура свозилъ—опять деньги получилъ... Вотъ я и сейчасъ имѣю пятнадцать рублей...—и Септаръ позвенѣлъ монетами,— а что ты намъ дашь тамъ, въ турецкой странѣ, гдѣ нѣтъ гяуровъ?

Септаръ, выставивъ свою вышитую золотомъ грудь, нагло смотрѣлъ на взволнованнаго софту, ожидая отвѣта. Правовѣрные крякнули. Истина, сущая истина! Онъ точно взялъ съ ихъ губъ эти слова, которыя они могли бы сказать софтѣ.

Только сердце хаджи Бекира вспыхнуло гнѣвомъ и, меча молніи изъ глазъ, онъ крикнулъ Септару:

— Молчи ты, поганый наемникъ гяуровъ!

Но Септаръ не замолчалъ.

— Ей, старикъ, я знаю, тебя беретъ зависть, что я столько зарабатываю, а ты этого изъ-за своего упорства не можешь дѣлать.

Да, это была правда, глубоко, старательно скрываемая правда— и хаджи не выдержалъ. Забывая свое достоинство и важность хаджи, онъ вскочилъ съ мѣста и все свое негодованіе выплюнулъ Септару въ лицо.

— Кепекъ, асма кепекъ *).

Глаза проводника налились кровью и вылѣзли, какъ у барана. Казалось, что дѣло кончится плохо, но Септаръ сдержалъ себя.

— Ей, старикъ, береги свою бороду, разъ ты ее посвятилъ пророку,—пригрозилъ онъ и, круто повернувъ, отошелъ, насвистывая плясовую.

Софта онѣмѣлъ. Его черные глаза стали круглыми и большими, и въ нихъ свѣтился ужасъ. Онъ ожидалъ, что земля раскроется и поглотитъ Септара или что онъ найдетъ могилу подъ развалинами башни, по камню разобранной негодующимъ народомъ. Но все было по-прежнему. Земля не раскрывалась, башня стояла на мѣстѣ и даже правовѣрные сидѣли спокойно, будто ничего не случилось, будто они вполнѣ раздѣляли взгляды Септара. Черезъ минуту даже начали рас-

*) Собака, бѣшеная собака.

ходиться, отговариваясь тѣмъ, что ужъ поздно, а завтра ихъ ждутъ дѣла...

Растерянными глазами смотрѣлъ софта вокругъ себя, и въ его головѣ стало проясняться.

«Путы шайтана... путы шайтана...»—шепталъ онъ посинѣвшими губами, обративъ лицо къ негодующему хаджи Бекиру.

Но тотъ въ безсильномъ гнѣвѣ только плевалъ и сыпалъ проклятіями.

Послѣдними оставили башню хаджи Бекиръ и софта. Будто привидѣнія, подвигались они по залитой луннымъ свѣтомъ улицѣ, таща за собой длинныя, головатыя тѣни. Огорченные и разочарованные, дѣлились старики своими печалями и, будто сочувствуя имъ, вздыхало далекое море да въ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала птичка.

Переводъ съ малорусскаго Н. К.

ТАЙНА КУЗЬМЫ ПЛАТОНОВИЧА.

(Разсказъ.)

I.

Съ перваго же года введенія земскихъ учрежденій N—ское земство стало испытывать нужду въ профессіональныхъ интеллигентныхъ работникахъ. Доктора, техники, учителя и даже фельдшера очень неохотно шли на службу въ захолустный уѣздъ, почти лишенный желѣзныхъ дорогъ и на сотни верстъ удаленный отъ губернскаго города. При первомъ же удобномъ случаѣ они переводились изъ этого медвѣжьяго угла въ болѣе культурныя мѣста.

Вотъ почему N—ское земство не мало было удивлено, когда на земскую службу весьма охотно поступилъ молодой ветеринарный врачъ, Кузьма Платоновичъ Корнеплодовъ, и сразу проявилъ наклонность на долгое время осѣсться въ N—скомъ уѣздѣ.

Въ первое время Корнеплодовъ мало жилъ въ жалкомъ уѣздномъ городишкѣ, постоянно разъѣзжая по самымъ глухимъ частямъ уѣзда, не оставаясь долго въ одномъ мѣстѣ. И земство, и, особенно, помѣщики были чрезвычайно довольны энергичнымъ ветеринарнымъ врачомъ, а администрація и духовенство не могли нахвалиться имъ, тѣмъ болѣе, что Корнеплодовъ при своихъ разъѣздахъ останавливался и проводилъ свободное время исключительно у становыхъ приставовъ и священниковъ.

Лишь года черезъ два по прибытіи Кузьма Платоновичъ сталъ на болѣе продолжительное время задерживаться въ уѣздномъ городѣ, а затѣмъ и вовсе поселился въ немъ, выѣзжая въ уѣздъ только по предложенію земства. Но и въ городѣ ветеринарный врачъ жилъ весьма замкнуто и чаще всего посѣщалъ исправника.

Почти одновременно съ переѣздомъ Корнеплодова въ городъ N административнымъ порядкомъ была выслана молодая, красивая и

симпатичная курсистка, Елизавета Степановна Лысова. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, она вынуждена была искать работы и прежде всего лично отправилась къ предсѣдателю мѣстной уѣздной земской управы.

— Но я ничего не могу для васъ сдѣлать,—отвѣтилъ ей послѣдній:—вы находитесь подъ гласнымъ надзоромъ...

— Дайте мнѣ какую-нибудь частную работу... Я почти окончила высшіе женскіе курсы и могу.

— Все это прекрасно,—перебилъ предсѣдатель,—и я охотно далъ бы вамъ работу, не только изъ желанія доставить вамъ средства къ жизни, но и потому, что мы страшно нуждаемся въ интеллигентныхъ работникахъ, но, повторяю, безсиленъ что-либо сдѣлать... Вы на себѣ знаете, какое ужасное время мы переживаемъ, а на земство смотрятъ особенно косо: намъ просто запрещено давать какое бы то ни было занятіе лицамъ поднадзорнымъ.

— Но что же мнѣ дѣлать, предсѣдатель? Проституціей, что ли, заниматься?

— Ахъ, что вы! что вы!—воскликнулъ предсѣдатель:—образованная дѣвушка, красавица...

— Merçi за комплименты, но мнѣ отъ нихъ ни жарко, ни холодно.

— Но что же мнѣ дѣлать?

Предсѣдатель вздохнулъ, задумался, а затѣмъ вдругъ просіялъ и крикнулъ сторожа. Когда послѣдній явился, онъ сказалъ ему:

— Позовите Корнеплодова.

Обратившись затѣмъ къ просительницѣ, онъ пояснилъ:

— Есть у насъ ветеринарный врачъ, который, кажется, хорошо знакомъ съ исправникомъ.

— А чѣмъ объясняется это знакомство?

— Онъ, видите ли, по дѣламъ службы сталкивается съ администраціею и, вѣроятно, благодаря этому...

Въ это время возвратился сторожъ и сообщилъ, что врачъ уже ушелъ.

— Жаль,—сказалъ предсѣдатель: я тоже сейчасъ уѣзжаю въ уѣздъ и возвращусь не ранѣе недѣли... Развѣ вотъ что: я дамъ вамъ письмецо, а вы какъ-нибудь зайдите или въ управу, или прямо на квартиру къ Корнеплодову.

Предсѣдатель досталъ изъ кармана визитную карточку, что-то написалъ на ней и, вложивъ въ кувертъ, передалъ Лысовой.

Послѣдняя поблагодарила и ушла.

Елизавету Степановну смущало знакомство Корнеплодова съ

исправникомъ, и она, вѣроятно, не воспользовалась бы рекомендаціею къ нему, если бы не получила печальнаго извѣстія, что всѣ ея друзья и знакомые сосланы въ разныя мѣста и находятся въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ и она. Это сообщеніе лишило ее всякой надежды на матеріальную поддержку, потому что изъ родныхъ у нея была только мать, глубокая старушка, которой Лысова сама должна была помогать.

Тогда Елизавета Степановна отправилась къ Корнеплодову, рѣшивъ воспользоваться его протекціею въ томъ лишь случаѣ, если убѣдится, что знакомство ветеринарнаго врача съ администраціею является слѣдствіемъ официальныхъ связей.

Кузьма Платоновичъ уже слышалъ о Лысовой отъ исправника, нѣсколько разъ встрѣчалъ ее на улицѣ и искалъ случая познакомиться съ красивою, образованною дѣвушкою, рѣзко выдѣлявшеюся среди обывательницъ N—ска. Поэтому, когда Елизавета Степановна зашла къ нему, онъ принялъ ее чрезвычайно любезно, а прочитавъ записку предсѣдателя, словно бы угадывая мысли курсистки, сказалъ:

— Очень радъ, что могу воспользоваться связями съ администраціей: это оправдаетъ мою тактику.

— Тактику!—радостно улыбаясь, сказала дѣвушка:—только тактику?

— А что же больше?—удивленно спросилъ Корнеплодовъ:—что общаго между мною и уѣзднымъ помпадуромъ?... Вы знаете пословицу: «съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ».

Елизавета Степановна весело разсмѣялась и сказала:

— Ну, теперь сомнѣнія мои разсѣялись, и я охотно воспользуюсь вашею тактикою.

— А вы сомнѣвались?

— Но я васъ не знала...

— Надѣюсь оправдать ваше довѣріе.

— Если мнѣ не придется просить о переводѣ въ другое мѣсто.

— Это почему?

— Въ случаѣ неудачи вашей «тактики».

— О, въ этомъ я увѣренъ! Да, наконецъ, я лично, отъ себя могу вамъ дать работу.

— А развѣ у васъ есть?

— Я думаю на-дняхъ приступить къ обработкѣ статистическаго матеріала.

— Какъ бы хорошо непосредственно отъ васъ получить работу, чтобы не имѣть дѣла съ помпадуромъ.

— Только работа у меня ску-учная: эпидеміи, эпизоотіи, чума, сибирская язва, сапъ, антиномикозъ, вообще — неинтересное занятіе.

— О-о! Это для меня безразлично, лишь бы трудъ не былъ синекурою.

— Нѣтъ, работа нужная и спѣшная: ее нужно представить къ земскому собранію.

— Превосходно! Работать я буду усердно и, надѣюсь, успѣшно.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, да, наконецъ, вы будете работать у меня на дому, такъ что всякаго рода недоразумѣнія тутъ же будутъ и устраняться.

— Ахъ, какъ же мнѣ повезло! Въ ссылкѣ такъ трудно получить работу.

— Я это хорошо знаю... Что же касается вознагражденія...

— Вы объ этомъ не безпокойтесь,—съ вами торговаться я не стану.

— Нѣ-ѣтъ, это ужъ позвольте... Ваше имя и отчество?

— Елизавета Степановна. А ваше?

— Кузьма Платоновичъ... Такъ вотъ что я вамъ скажу, Елизавета Степановна. Трудъ долженъ быть оплаченъ въ полной мѣрѣ. Земская ассигновка на эту работу не велика, но интеллигентный, какъ вы, человѣкъ можетъ замѣнить многихъ мѣстныхъ невѣждъ, а потому я могу на первое время предложить вамъ по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ.

— Пятьдесятъ рублей?! Да это цѣлый капиталъ! Я въ Петербургѣ, бѣгая съ утра до поздняго вечера по урокамъ, зарабатывала, и то не всегда, 40 рублей въ мѣсяцъ и изъ нихъ десять высылала матери.

— Позвольте, позвольте... Пятьдесятъ рублей—сумма, на мой взглядъ, далеко не оплачивающая труда, который вамъ предлагается, а потому я убѣдительно прошу васъ у меня обѣдать: это не филантропія, а доплата.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Мы можемъ не сойтись, Елизавета Степановна: я настаиваю на этомъ.

— Но вѣдь обѣдъ вы не отъ земства получаете?

— Да, но я даю вамъ работу и знаю, что оплачиваю лишь часть ея.

— Ну, тамъ посмотримъ... Быть можетъ, я окажусь еще плохою работницею.

— О, конечно, въ этомъ случаѣ я скажу вамъ откровенно.

— Только при такихъ условіяхъ я и возьму работу.

— Еще одно слово: отчего бы вамъ не переселить сюда вашу матушку? Вѣдь вамъ приходится жить, такъ сказать, на два дома.

— Это моя мечта—жить вмѣстѣ со старушкою, но въ Петербургѣ я не могла осуществить ее.

— Конечно, но здѣсь...

— Здѣсь, понятно, возможно, но, во-первыхъ, насколько постояненъ будетъ мой заработокъ, а во-вторыхъ...

— Относительно «во-первыхъ», ручаюсь вамъ за все время вашего пребыванія и съ непремѣннымъ условіемъ повышать гонораръ, такъ какъ, надѣюсь, земскія ассигновки на разработку матеріаловъ будутъ увеличиваться, а во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ,—и это самое важное,—неужели всѣ пять лѣтъ я буду прозябать въ ссылкѣ? Неужели не наступятъ лучшіе дни? Вѣдь я хочу, во что бы то ни стало, окончить курсы и поработать для народа.

При этихъ словахъ Корнеплодовъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, но быстро овладѣлъ собою, такъ что дѣвушка не замѣтила душевнаго волненія своего собесѣдника.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ ей,—отъ души желаю вамъ исполненія вполнѣ понятныхъ желаній вашихъ, но долженъ замѣтить, что время переживаемъ мы мрачное,—врядъ ли возможно разсчитывать на скорое освобожденіе; а между тѣмъ, если бы вамъ пришлось прожить только одну треть назначеннаго—это уже выходитъ около двухъ лѣтъ: за это время, при дешевизнѣ мѣстной жизни, у васъ можетъ скопиться небольшая сумма, которая дастъ возможность прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ вамъ и можно будетъ выдѣлить кое-что вашей матушкѣ.

— Да, вы правы,—задумчиво отвѣтила Елизавета Степановна:—если работа моя пойдетъ гладко, я, должно быть, переселю сюда свою старуху... А когда же можно получить работу?

— Да хотя завтра.

— Неужели? Ну, бо-ольшое вамъ спасибо!

— Не за что, Елизавета Степановна: такая работница, какъ вы, для меня находка, и не вы меня, а я васъ долженъ благодарить.

— Не хвалите, чтобы потомъ не жалѣть,—улыбаясь, сказала дѣвушка и встала, чтобы уходить.

— Куда вы спѣшите?—удерживалъ ее Корнеплодовъ.

— Нѣтъ, я уже завтра прямо на службу приду.

— На службу? Ну, какъ знаете.

Лысова ушла.

II.

Сіяющая и радостная возвратилась дѣвушка въ свою крохотную квартиру, расположенную на самомъ концѣ города, и тотчасъ же принялась писать письмо матери, въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисуя свою жизнь и восхваляя Корнеплодова. Въ концѣ письма она выразила надежду, что мать скоро будетъ жить вмѣстѣ съ нею. Размечтавшись, Елизавета Степановна написала письма и двумъ своимъ подругамъ, высланнымъ, какъ и она, и также не имѣвшихъ средствъ къ жизни. Сообщая о «громадномъ вознагражденіи», она предлагала имъ перевестись въ N, «гдѣ средствъ на всѣхъ хватитъ». Эти письма она немедленно отнесла на почту, а на возвратномъ пути, въ ожиданіи будущихъ благъ, купила къ чаю колбасы и лимонъ, на что раньше не рѣшалась тратить своихъ грошей, оставшихся отъ залога часовъ.

Ночью отъ волненія Елизавета Степановна плохо спала, проснулась ни свѣтъ, ни заря и нѣсколько разъ въ сосѣдней лавчонкѣ справлялась—который часъ. Цѣлою вѣчностью показалось ей время отъ 7 до 9 часовъ, а въ 9 она не выдержала и вышла изъ квартиры. Хотя шла она медленно, но было всего 9¼ часовъ, когда достигла квартиры Корнеплодова. Лысовой казалось неловко явиться ранѣе назначеннаго времени, и она до 10-ти часовъ пошла безцѣльно ходить по улицамъ. На одной изъ нихъ она встрѣтила Кузьму Платоновича и страшно смутилась, но врачъ смущенъ былъ еще болѣе и первый сталъ объяснять причину ранняго появленія на улицѣ, полагая, что Елизавета Степановна замѣтила, какъ онъ вышелъ отъ исправника.

— А я у помпадура былъ,—началъ онъ, неестественно улыбаясь:—вызвалъ онъ меня по случаю проявленія болѣзни на скотѣ у одного помѣщика... Между прочимъ, при разговорѣ, вскользь упомянулъ, что вы у меня будете работать.

— Ну и что? — живо спросила Елизавета Степановна, оправившаяся отъ смущенія.

— Глазомъ не моргнулъ... Впрочемъ, я такъ сказалъ, что онъ и не посмѣлъ сдѣлать замѣчаніе. Когда рѣчь зашла о болѣзняхъ скота, я говорю, что скоро мною будутъ разработаны богатыя данныя по этому вопросу, благодаря счастливой случайности: въ нашъ городъ,—говорю,—пріѣхала образованная дѣвушка, Лысова, которую я и упросилъ работать. При этомъ я сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ упросилъ.

Елизавета Степановна разсмѣялась и сказала:

— Очень хорошо! Значить, я не соглашалась, а вы меня упрашивали?

— Да, я старался придать именно такой характеръ нашимъ переговорамъ.

— И, вотъ, не съѣлъ же васъ помпадуръ.

— Ни Боже мой!

— А предсѣдатель управы боится даже подумать объ этомъ.

— Что вы можете ожидать отъ захолустныхъ обывателей... Они или трусы, или, чаще всего, доносчики... Здѣсь не съ кѣмъ слова сказать: одни—дураки, другіе—подлецы.

Кузьма Платоновичъ вздохнулъ. Елизавета Степановна бросила на него полный сочувствія взглядъ и спросила:

— А который теперь часъ?

— Безъ четверти десять.

— Можно уже за работу приниматься?

— Буду очень радъ... Идемъ прямо ко мнѣ, если у васъ нѣтъ другого дѣла.

— Нѣтъ, я свободна.

Пришедши въ квартиру, Кузьма Платоновичъ, прежде чѣмъ показать работу курсисткѣ, угостилъ ее кофе и чаемъ, причемъ сдѣлалъ Елизаветѣ Степановнѣ предложеніе, которое совершенно завоевало симпатіи дѣвушки.

— Я,—сказалъ Корнеплодовъ,—демократъ по происхожденію, и много нужды вынесъ на своемъ вѣку, а потому понимаю ее, эту самую нужду, и цѣню людей, своимъ трудомъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Поэтому хочу я облегчить и ваше бремя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаю поставить васъ въ зависимость отъ себя. У меня явилась такая мысль: нисколько не стѣсняя себя, я могу выдать вамъ авансомъ сто рублей, а вы ежемѣсячно будете выплачивать мнѣ изъ вашего вознагражденія, сколько будете въ состояніи, но не болѣе пяти рублей. Получивъ отъ меня эту сумму, вы можете немедленно нанять квартиру, обзавестись нужными вамъ хозяйственными принадлежностями, переселить сюда вашу матушку.

— Не знаю, право, какъ васъ и благодарить, Кузьма Платоновичъ... Если для васъ не затруднительно выдать авансъ, то, понятно, лучше и быть не можетъ.

— Вѣрьте, Елизавета Степановна, что сто рублей я могу выдать безъ малѣйшаго стѣсненія.

При этомъ Корнеплодовъ вынулъ туго набитый бумажникъ и продолжалъ:

— Видите, какой я богачъ... Я вѣдь одинокъ, а служу у четвертый годъ, куда мнѣ деньги дѣвать.

Онъ выложилъ на столъ бумажки и сталъ составлять сто рубл изъ кредитокъ разной цѣнности, говоря:

— Я нарочно даю вамъ разные кредитные билеты, чтобы не з трруднять васъ размѣномъ.

— Но, право, вы ужъ слишкомъ любезны.

— Никакой здѣсь любезности нѣтъ, а просто я знаю, что въ н шемъ городишкѣ не легко размѣнять не только сто, но и двадца пять рублей.

— Ваша предупредительность приводитъ меня въ смущеніе. Чѣмъ я могу отблагодарить васъ...

— Ну, пожалуйста, безъ комплиментовъ... Я люблю просто и искренность въ отношеніяхъ...

— Я—тоже, и сейчасъ вамъ разоткровенничаюсь: вчера я п слала уже письмо мамѣ, въ которомъ обнадежила ее, что будемъ жи вмѣстѣ, и двумъ ссыльнымъ подругамъ, которымъ совѣтую пер вестись сюда.

Корнеплодовъ нахмурился и сжалъ губы, но тотчасъ улыбнул и отвѣтилъ:

— И прекрасно сдѣлали... Матушкѣ сегодня же шлите деньг что же касается подругъ, то не поспѣшили ли вы ихъ обнадежить?

— О, нѣтъ, мы свободно можемъ прожить на мой заработокъ.

— Ну, это ваше дѣло... Матери вы можете сейчасъ же написа письмо, вложить деньги, а прислуга отнесетъ на почту.

— Прекрасно, я это и сдѣлаю.

Когда письмо было написано и вмѣстѣ съ деньгами отправле на почту, Корнеплодовъ сталъ пояснять Елизаветѣ Степановнѣ р боту. Послѣдняя оказалась далеко не сложною, и Лысова послѣ пе выхъ же указаній легко оріентировалась въ ней. Тогда Кузьма Пл тоновичъ ушелъ въ земскую управу, а курсистка начала работа самостоятельно. Она и не замѣтила, какъ прошло время до $2^1/_2$ часов когда возвратился Корнеплодовъ.

— Ну, шабашъ!—обратился онъ къ ней,—довольно работат

— Но я работала только три часа.

— Для перваго раза совершенно достаточно.

— Нѣтъ, я еще послѣ обѣда доработаю.

— У меня есть другой проектъ, и вотъ почему: въ управѣ узналъ, что одинъ изъ служащихъ въ ней сдаетъ небольшой доми съ прекраснымъ садомъ; этотъ домикъ очень близко отъ меня и стоит сравнительно, недорого—десять рублей въ мѣсяцъ.

— Вотъ прелесть!—воскликнула Елизавета Степановна.

— Я и предлагаю—пойдемъ тотчасъ послѣ обѣда и посмотримъ.

— Превосходно.

Послѣ сытнаго и обильнаго обѣда Корнеплодовъ и Лысова отправились смотрѣть квартиру. Небольшой флигелекъ, расположенный въ громадномъ саду, напоминалъ дачу и очень понравился Елизаветѣ Степановнѣ. Она его тотчасъ же наняла и къ вечеру уже перебралась изъ своей темной комнатушки въ свѣтлую и чистую квартиру. Кузьма Платоновичъ очень усердно помогалъ ей устроиться въ новомъ помѣщеніи, отдалъ свою «лишнюю», какъ онъ выразился, мебель и, до пріѣзда матери Елизаветы Степановны, предложилъ пользоваться услугами его горничной.

III.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ знакомства Лысовой съ Корнеплодовымъ, какъ она прекрасно зажила въ N—скѣ. Къ ней пріѣхала мать, у нея было свое хозяйство и прислуга; занималась Елизавета Степановна отъ 10 до 3 часовъ, а все остальное время было въ полномъ ея распоряженіи; дѣвушка стала брать книги изъ небольшой библіотеки при земской управѣ и, кромѣ того, по лекціямъ, подготовлялась на всякъ случай къ выпускному экзамену. Нѣкоторое время такая жизнь въ значительной мѣрѣ ее удовлетворяла, но мало-по-малу Лысову стала одолѣвать тоска. Это особенно проявилось осенью, когда улицы захолустнаго городка превратились въ сплошное, невылазное болото, и съ 3—4 часовъ дня приходилось уже зажигать лампы и сидѣть дома. Ея подруги, которыхъ она хотѣла перевести въ N—скъ, отвѣтили, что получили категорическій отказъ, а другихъ знакомыхъ не было. Елизавета Степановна сдѣлала попытки кой съ кѣмъ познакомиться, но Корнеплодовъ нѣкоторыхъ характеризовалъ, какъ трусовъ, другихъ называлъ дураками, а объ иныхъ таинственно заявлялъ, что они подозрительны, въ смыслѣ близости къ полицейскимъ сферамъ.

Такимъ образомъ, дѣвушка была совершенно изолирована отъ всего міра, и всѣ свои радости, печали и взгляды дѣлила лишь съ Кузьмою Платоновичемъ, единственнымъ и постояннымъ гостемъ.

Послѣдній не только не оспаривалъ самыхъ крайнихъ воззрѣній Елизаветы Степановны, но, если можно такъ выразиться, всегда бралъ нотою выше самыхъ фантастическихъ ея плановъ, чѣмъ приводилъ въ восторгъ молодую курсистку. Кромѣ того, онъ съ рѣдкою предупредительностью и нѣжностью относился къ матери дѣвушки,

что еще болѣе увеличивало симпатіи ея къ нему. Этими обстоятельствами, а также безлюдьемъ и привычкою, и объясняется, что къ концу года знакомства съ Корнеплодовымъ Лысова согласилась сдѣлаться его женою, тѣмъ болѣе, что Кузьма Платоновичъ нарисовалъ ей очень свѣтлую перспективу: вышедши замужъ за человѣка, ничѣмъ не скомпрометтированнаго, она скоро получитъ свободу и можетъ, окончивъ курсы, осуществить свои мечты относительно дѣятельности на благо народа, а онъ, Корнеплодовъ, не только не будетъ препятствовать всему этому, но и пойдетъ съ нею рука объ руку.

Елизавета Степановна принадлежала къ тѣмъ идейнымъ людямъ, которыхъ такъ много среди русскихъ женщинъ, у которыхъ физіологическая любовь играетъ лишь подчиненную роль, и Лысова не задавалась даже вопросомъ—любитъ она Кузьму Платоновича, какъ женщина, или нѣтъ: удовлетворенная нравственно и идейно обѣщаніями Корнеплодова, она не разсуждала о будущемъ, не заботилась о своемъ положеніи, какъ жены и матери.

Передъ самою свадьбою Кузьма Платоновичъ заявилъ, что онъ врагъ публичности вѣнчанія и желаетъ совершить этотъ обрядъ гдѣ-нибудь въ глуши, въ простой сельской церкви, на лонѣ, такъ сказать, природы. Обладая хорошимъ голосомъ, онъ при этомъ пропѣлъ даже романсъ: «насъ вѣнчали не въ церкви», хотя былъ противникъ гражданскаго брака.

Эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны Елизаветы Степановны, и было рѣшено вѣнчаться въ отдаленной части уѣзда, у хорошо знакомаго Корнеплодову «простого попа».

Когда женихъ, невѣста и старуха-мать ѣхали уже въ назначенное село, Кузьма Платоновичъ сообщилъ, что, «изъ тактическихъ соображеній», на свадьбѣ у нихъ будетъ исправникъ, два-три пристава и столько же священниковъ.

— Почему же ты раньше не сообщилъ мнѣ объ этомъ?—впервые возмутилась Елизавета Степановна.

— Просто забылъ... Это произошло случайно и почти въ самый моментъ отъѣзда.

— Но я этого не желаю...

— Ахъ, Лиза! Какъ ты себѣ же противорѣчишь... Вѣдь люди должны руководиться основною цѣлью, употребляя всѣ усилія достигнуть ее... Неужели тебѣ пріятно всѣ пять лѣтъ пребывать подъ надзоромъ полиціи въ этой берлогѣ? Ты мечтала окончить курсы, учиться, работать на благо народа... А между тѣмъ, если бракъ нашъ будетъ обставленъ таинственно въ глазахъ администраціи, она и пойметъ, что все это дѣлается съ цѣлью реабилитировать тебя. Я слиш-

комъ хорошо знаю этихъ негодяевъ... Сегодня, напримѣръ, произошла такая нѣмая сцена. Когда я, встрѣтивъ исправника, вскользь упомянулъ, что сегодня вѣнчаюсь, посмотрѣла бы ты, какое изумленіе и подозрѣніе выразилось на его бурбонской рожѣ! Но стоило мнѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, отпарировать,—«надѣюсь, вы не откажетесь удостоить мою свадьбу посѣщеніемъ»,—какъ все моментально измѣнилось: «благодарю,—отвѣтилъ онъ,—почту за особое удовольствіе» и, слушай,—«надѣюсь, говоритъ, что скоро буду имѣть счастіе сообщить вашей супругѣ объ освобожденіи изъ-подъ надзора»,—понимаешь?

Старуха, которая по-своему понимала счастіе дочери и мечтала лишь о матеріальномъ обезпеченіи, пришла въ восторгъ отъ «тактики» зятя и всецѣло перешла на его сторону, а скоро, подумавши, и Елизавета Степановна согласилась, что, какъ сказалъ Генрихъ X, «обѣдня стоитъ Франціи».

Но ей эта «обѣдня» обошлась очень дорого. Свадьба вышла мѣщанская, пошлая. Исправникъ, становые и священнослужители перепились, а ихъ жены все время сплетничали и вели самые мелочные разговоры. За ужиномъ, который явился для нея непріятнымъ сюрпризомъ, говорили глупыя рѣчи, провозглашали циничные тосты, кричали: «горько! горько!», и Елизавета Степановна принуждена была постоянно цѣловаться съ Кузьмою Платоновичемъ, что ей было противно. Вмѣсто обѣщаной поэзіи получилась самая плоская проза, любовь выведена была на базаръ и подчинялась требованіямъ пьяной толпы. Елизавета Степановна видѣла массу глазѣющихъ въ открытыя окна крестьянъ и крестьянокъ, слышала ихъ шушуканье и смѣхъ, когда ее ежеминутно заставляли публично проявлять свою любовь къ мужу, отъ котораго такъ же несло запахомъ алкоголя.

Когда гости разъѣхались, Кузьма Платоновичъ сталъ извиняться передъ женою, опять затянулъ свою пѣсню о тактикѣ, но на душѣ молодой женщины отъ этого было не легче.

Весь, такъ называемый, медовый мѣсяцъ и все лѣто новобрачные провели въ этомъ же селѣ, въ старинной барской усадьбѣ съ превосходнымъ паркомъ, рѣчкою и прудомъ. Лишь позднею осенью возвратились они въ городъ, причемъ Елизавета Степановна почувствовала себя беременною. Это обстоятельство очень порадовало Кузьму Платоновича, но жена его не только не выказывала удовольствія, а скорѣе казалась опечаленною. Ея настроеніе особенно выяснилось, когда однажды исправникъ явился на квартиру Корнеплодовыхъ и, вынувъ бумагу изъ бокового кармана, торжественно объявилъ:

— Вы, Елизавета Степановна, свободны! Отъ всей души радуюсь этому и поздравляю васъ.

— Но теперь мнѣ ни къ чему эта свобода...

Исправникъ принялъ это за удачную остроту, которою молодая женщина желала высказать свое удовольствіе, что ей предстоитъ сдѣлаться матерью, и разсмѣялся густымъ, раскатистымъ басомъ, но Кузьма Платоновичъ, какъ человѣкъ наблюдательный, понялъ иначе отвѣтъ Елизаветы Степановны и не ошибся. Когда исправникъ ушелъ, онъ спросилъ жену:

— Ты, Лиза, кажется, тяготишься своимъ положеніемъ?

На это она, глубоко вздохнувъ, съ глазами, полными слезъ, тихо отвѣтила стихами Надсона:

«Догорѣли огни, облетѣли цвѣты,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна»...

— Позволь Лиза,—тревожно заговорилъ мужъ,—во-первыхъ, не мало примѣровъ, когда замужнія и семейныя женщины учатся и принимаютъ участіе въ общественной дѣятельности, а во-вторыхъ, и мать, какъ воспитательница гражданъ, далеко не послѣдняя величина.

— Эхъ, не говори мнѣ этого!

Елизавета Степановна приложила платокъ къ глазамъ и ушла въ свою комнату.

IV.

Молодая женщина словно бы предчувствовала, что жизнь ея, какъ гражданки, кончилась. За первымъ ребенкомъ у нея родился второй, за вторымъ—третій, за третьимъ—четвертый. Она только и знала, что рожала и кормила, кормила и рожала.

Ровно десять лѣтъ, не видя свѣта и людей, безропотно прожила она въ глухомъ городишкѣ, но, когда дѣти подросли, Елизавета Степановна категорически заявила, что броситъ семью, если Кузьма Платоновичъ не переведется въ губернскій или въ другой какой-либо культурный городъ. Корнеплодовъ долго не соглашался на это, доказывалъ, что дѣти, когда придетъ время, могутъ жить на квартирѣ и ходить въ гимназію, ссылался на экономическія условія, но усилія его были тщетны.

— Вѣдь и я еще жить хочу!—протестовала она,—здѣсь я погубила свою молодость, похоронила мечты, но все, что еще можно сдѣлать, я сдѣлаю, и ты меня не удержишь!

Въ концѣ-концовъ Кузьма Платоновичъ уступилъ настойчивости жены, съѣздилъ въ губернскій городъ и очень скоро получилъ мѣсто правительственнаго губернскаго ветеринарнаго врача, объяснивъ оставленіе земской службы желаніемъ исполнить требованіе Елизаветы Степановны и взять то, что было возможно.

По переѣздѣ въ губернскій городъ Елизавета Степановна тотчасъ же возбудила вопросъ о воспитаніи дѣтей. Указывая на отрицательныя стороны гимназіи, на господствующій въ нихъ бюрократизмъ, она стояла за то, чтобы и мальчики, и дѣвочки учились дома, по крайней мѣрѣ, до возраста, когда могутъ поступить въ четвертый или даже въ пятый классъ. Для подготовки мальчиковъ она настаивала на приглашеніи образованныхъ молодыхъ людей изъ числа высланныхъ подъ надзоръ полиціи студентовъ.

Кузьма Платоновичъ, совершенно соглашаясь съ женою во взглядахъ на гимназію, сильно протестовалъ противъ поднадзорныхъ студентовъ, указывая, между прочимъ, на то обстоятельство, что, по правиламъ, имъ нельзя давать уроки, слѣдовательно, занятія съ дѣтьми будутъ очень неустойчивые.

— Это можно устроить секретно,—не соглашалась съ мужемъ Елизавета Степановна:—вѣдь, помнишь, какъ я у тебя начала заниматься...

Кузьма Платоновичъ уступилъ, и для мальчиковъ былъ приглашенъ поднадзорный студентъ, а съ дѣвочками занималась сама Корнеплодова.

Одержавъ такую побѣду, она очень оживилась. Послѣ занятій, за вечернимъ чаемъ Корнеплодова почти ежедневно вела бесѣды съ учителемъ своихъ дѣтей, прекраснымъ развитымъ молодымъ человѣкомъ, Сергѣемъ Валерьяновичемъ Тумбинымъ. Въ первое время студентъ былъ мало разговорчивъ, но, ближе познакомившись съ Елизаветою Степановною, сдѣлался вполнѣ откровененъ и сообщалъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся общественной жизни. Съ захватывающимъ интересомъ слушала она его и черезъ нѣкоторое время попросила сблизить ее съ выдающимися дѣятелями.

Кузьма Платоновичъ не принималъ участія въ этихъ бесѣдахъ и, обыкновенно, выпивъ наскоро два стакана чаю, удалялся въ свой кабинетъ, расположенный рядомъ со столовою.

Когда жена какъ-то спросила его, почему онъ избѣгаетъ знакомства съ Тумбинымъ, Кузьма Платоновичъ отвѣтилъ, что на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ ему приходится очень много работать, но что впослѣдствіи онъ, вѣроятно, ближе сойдется съ учителемъ.

Хотя,—прибавилъ онъ при этомъ,—я, по правдѣ сказать

побаиваюсь молодыхъ людей, вспоминая и свою молодость... Они очень симпатичны, но крайне неосторожны... Я не знаю, о чемъ ты разговариваешь съ Тумбинымъ, но чѣмъ ты гарантирована, что онъ не разболтаетъ...

— Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить,—сказала на это жена,—да, наконецъ, Тумбинъ человѣкъ солидный и крайне осторожный: онъ не сразу сталъ откровенно бесѣдовать со мною, а лишь послѣ того, когда узналъ меня.

Не прошло и недѣли послѣ приведеннаго разговора, какъ у Корнеплодовыхъ былъ произведенъ обыскъ, причемъ хотѣли даже арестовать Елизавету Степановну, и только энергичное заступничество мужа спасло ее отъ этого.

На другой день, изъ допроса въ жандармскомъ управленіи, Корнеплодова узнала, что арестованъ Тумбинъ и всѣ тѣ лица, о которыхъ онъ упоминалъ въ своихъ бесѣдахъ съ нею. При этомъ, судя по вопроснымъ пунктамъ, выходило такъ, будто бы Тумбинъ явился виновникомъ ужаснаго провала, такъ что Кузьма Платоновичъ былъ, повидимому, правъ въ своихъ опасеніяхъ.

— Я тебѣ говорилъ, Лиза,—сказалъ Кузьма Платоновичъ, когда Елизавета Степановна, возвратившись изъ жандармскаго управленія, сообщила ему о допросѣ.

— Кто же могъ предположить,—глубоко вздохнувъ, сказала жена.

— Конечно, но надо быть осторожнѣе... Я думаю, Лиза, пригласить заниматься съ дѣтьми какого-нибудь учителя гимназіи.

— Дѣлай, какъ знаешь,—тихо отвѣтила разстроенная и убитая жена.

Но не успѣлъ еще Кузьма Платоновичъ подыскать учителя для дѣтей, какъ обстоятельства дѣла совершенно измѣнились.

Разъ поздно вечеромъ, когда Кузьмы Платоновича не было дома, прислуга доложила Елизаветѣ Степановнѣ, что пришелъ какой-то господинъ и проситъ ее выдти въ прихожую.

Корнеплодова сначала испугалась и довольно холодно встрѣтила симпатичнаго молодого человѣка, но когда онъ таинственно сообщилъ, что принесъ записку отъ Тумбина, Елизавета Степановна просіяла, пригласила его въ комнаты и, получивъ отъ незнакомца маленькую бумажку, испещренную мельчайшимъ почеркомъ, стала внимательно читать ее.

Тумбинъ писалъ:

«Я и почти вся моя компанія арестованы. Жандармы при допросахъ намекали, что причиною ареста вы, но, конечно, зная ихъ, я

не повѣрилъ—это, несомнѣнно, маневръ, чтобы все выпытать. Возможно, что и васъ допрашивали и намекали на меня и, надѣюсь, вы поняли, въ чемъ дѣло. Будьте осторожны. Провѣрьте вашу прислугу. Податель—мой другъ, которому вполнѣ можете довѣрять. Онъ, какъ и я, поднадзорный студентъ и прекрасный учитель, который можетъ вполнѣ замѣнить меня».

При чтеніи этой записки лицо Елизаветы Степановны вспыхнуло румянцемъ. Ей стыдно было, что она заподозрила Тумбина. Она откровенно сообщила объ этомъ принесшему записку и просила извиниться предъ Сергѣемъ Валерьяновичемъ, причемъ сказала, что употребитъ всѣ усилія исполнить его просьбу относительно занятія съ дѣтьми.

— Онъ за меня проситъ?—спросилъ податель.

— Да, а вы не знали?

— Нѣтъ, конечно: свиданіе было краткое, и онъ, при прощаніи, сунулъ мнѣ эту бумажку.

— Да, да, о васъ... Позвольте спросить вашу фамилію.

— Николай Ивановичъ Сохнинъ.

— Такъ вотъ я, Николай Ивановичъ, переговорю только со своимъ мужемъ... Онъ хотѣлъ какого-то учителя гимназіи пригласить, но, кажется, не успѣлъ еще.

— Признаюсь, я былъ бы очень доволенъ, если бы получилъ у васъ урокъ. Поднадзорному такъ трудно имѣть заработокъ...

— О, я это знаю!...

— И мы съ Сергѣемъ жили вмѣстѣ на его заработокъ.

— Какъ это напоминаетъ мою молодость!... Когда меня сослали въ N., я, получивъ работу у теперешняго мужа моего, хотѣла выписать своихъ подругъ, также сосланныхъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ существовать на мой заработокъ.—Да, трудно жить поднадзорнымъ, но все искупаетъ молодость, стремленіе къ свѣту, правдѣ... А когда вотъ такъ поживешь обывательскою жизнью, все противно дѣлается... Такъ вы зайдите завтра утромъ...

Сохнинъ поблагодарилъ и ушелъ.

Когда возвратился Кузьма Платоновичъ, Елизавета Степановна показала ему записку Тумбина и сказала:

— Вотъ видишь, твои предположенія не оправдались...

— Ну, это еще вопросъ... Вѣдь я и не подозрѣвалъ его въ шпіонствѣ или доносахъ, а просто—въ излишней болтовнѣ... Онъ и самъ вѣдь не знаетъ, гдѣ говорилъ... Впрочемъ, теперь ужъ ничего не подѣлаешь... Надѣюсь, что второго опыта съ рекомендуемымъ Тумбинымъ студентомъ ты уже не будешь дѣлать...

— Нѣтъ, я непремѣнно хочу его пригласить.

— Не совѣтовалъ бы...

— Я прошу тебя.

— Какъ знаешь, — отвѣтилъ Кузьма Платоновичъ и пожалъ плечами.

— Я теперь буду осторожнѣе: дѣйствительно, мы не обращали вниманія на прислугу...

— Ну, это пустяки: она почти и не показывается, да и врядъ ли понимаетъ ваши бесѣды...

— Но она могла просто разсказать, что ходитъ Тумбинъ...

— Всегда во всемъ стрѣлочникъ виноватъ... — Ты думаешь, администрація не знала сама, что у насъ Тумбинъ занимался?—Мнѣ объ этомъ въ канцеляріи губернатора говорили, но я не передавалъ тебѣ, потому что ты сейчасъ объяснила бы это моею преувеличенною осторожностью...

— Да что же,—администрація вездѣсуща и всевѣдуща?

— А ты какъ думаешь? Кто ее знаетъ, какими путями, но она если не все, то очень многое знаетъ... Но, повторяю, это твое дѣло...

На другой день Сохнинъ былъ приглашенъ учителемъ къ дѣтямъ Корнеплодовыхъ. Онъ такъ же былъ развитъ и симпатиченъ, какъ Тумбинъ, и не менѣе послѣдняго интересовался общественною дѣятельностью. Его не арестовали лишь потому, что въ день разгрома онъ отсутствовалъ изъ города.

Елизавета Степановна на этотъ разъ приняла всѣ предосторожности. Какъ только она приступала къ бесѣдѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, то запирала не только двери и окна, но даже форточки, и, лишь только прислуга появлялась, разговоръ прекращался.

Но толку изъ этого все же не вышло никакого.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ начала занятій Сохнина, у Корнеплодовыхъ опять былъ произведенъ обыскъ, опять хотѣли арестовать Елизавету Степановну и опять только по настоянію мужа съ трудомъ согласились оставить ее подъ домашнимъ арестомъ, покуда Кузьма Платоновичъ не переговоритъ съ высшимъ начальствомъ.

На другой день, «послѣ усиленныхъ ходатайствъ»,—какъ передалъ Корнеплодовъ,—ему съ большими усиліями удалось еще разъ, «но послѣдній»,—отстоять свою жену отъ тюремнаго заключенія, причемъ выяснилось, что Сохнинъ былъ арестованъ на улицѣ, когда изъ тюрьмы, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Тумбинымъ, шелъ на занятія къ Корнеплодовымъ. При обыскѣ у Сохнина взята была записка отъ Тумбина къ Елизаветѣ Степановнѣ.

Это обстоятельство, помимо многихъ обысковъ и арестовъ, повлекло еще за собою сильныя репрессіи въ тюрьмѣ и рядъ непріятностей для Корнеплодовыхъ, о которыхъ также сообщилъ Кузьма Платоновичъ женѣ.

Во-первыхъ, ему сдѣлали намекъ, что если еще что-либо подобное повторится съ его женою, то и его, Корнеплодова, лишатъ службы, а затѣмъ въ обществѣ распространился слухъ, что знакомство съ Корнеплодовыми влечетъ за собою очень печальныя послѣдствія.

— Досужіе люди,—прибавилъ Кузьма Платоновичъ,—чортъ знаетъ, какія сплетни по этому поводу распространяютъ... Такъ что, выходитъ, и администрація подозрѣваетъ, и общество... Чортъ знаетъ что!

Послѣ второго обыска и разгрома, и еще болѣе вслѣдствіе ужасныхъ случаевъ, о которыхъ передалъ мужъ, Елизавета Степановна совершенно растерялась. Душевные устои ея пошатнулись. Ей казалось, что всѣ ея помыслы, всѣ мечты дѣлаются извѣстны полиціи до ихъ осуществленія. Она считала себя виновницею всѣхъ семейныхъ бѣдъ, и теперь уже совершенно не протестовала, когда Кузьма Платоновичъ для занятій съ мальчиками пригласилъ учителя гимназіи, а для дѣвочекъ—какую-то старую дѣву.

И тотъ, и другая сдѣлались ей противны послѣ перваго же разговора, но она боялась опровергать высказанные ими взгляды. У нея обнаружилось нѣчто вродѣ маніи преслѣдованія. Она вездѣ видѣла шпіоновъ, вздрагивала при звонѣ колокольчика, при малѣйшемъ стукѣ ночью вскакивала съ постели, постоянно сама себя обыскивала, жгла книги и письма и никому ничего не писала.

Кузьма Платоновичъ, казалось, поддерживалъ такое настроеніе жены. Чуть не каждый день, ругая правительство, онъ сообщалъ объ арестахъ, обыскахъ, ссылкахъ, и проводилъ мысль о необходимости величайшей осторожности. Подъ этимъ же предлогомъ онъ сталъ приглашать къ себѣ въ гости чиновниковъ съ ихъ семьями. Въ домѣ Корнеплодовыхъ началась картежная игра и попойки, а въ бесѣдахъ гости постоянно ругали всѣхъ общественныхъ дѣятелей, разносили университеты, какъ разсадники крамолы, и съ ненавистью отзывались о молодежи.

Когда гости расходились, Кузьма Платоновичъ, видя всякій разъ страдальческое выраженіе на лицѣ жены, осуждалъ ихъ взгляды, критиковалъ разговоръ, но въ то же время прибавлялъ, что «съ практической, жизненной точки зрѣнія они, несомнѣнно, правы».

Онъ особенно подчеркивалъ, что въ гимназіяхъ и университетахъ совсѣмъ не занимаются, что тамъ господствуетъ политика, очень

вредно отражающаяся на умахъ дѣтей и юношей, и что лучше всего отдать своихъ дочерей и сыновей въ какія-либо другія учебныя заведенія.

— Ну, что за пріятность,—посуди сама, когда нашихъ дѣтей будутъ арестовывать и ссылать? Пусть уже они окончатъ образованіе, тогда другое дѣло... Вспомни, въ какомъ ты очутилась положеніи, хотя была курсисткою послѣдняго курса; а что испытываютъ ссыльные студенты—ты видишь на примѣрѣ...

Елизавета Степановна ничего не оспаривала. Она промолчала и тогда, когда Кузьма Платоновичъ, «по совѣту учителя и учительницы», рѣшилъ опредѣлить мальчиковъ въ московскій лицей Цесаревича Николая, а дѣвочекъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ.

— Это прекраснѣйшее учрежденіе,—говорилъ онъ про лицей—мальчики безъ пересадки, такъ сказать, пройдутъ и гимназическій и университетскій курсъ, гарантированные отъ всякихъ непріятностей. А въ институтѣ преподаютъ хорошо языки и музыку, что чрезвычайно важно при вступленіи въ жизнь, гимназистки же, собственно говоря, ничего не знаютъ. Кромѣ того, если бы въ будущемъ дѣвочки пожелали на высшіе курсы поступить, если они когда-нибудь будутъ опять открыты, то институтъ даетъ всѣ права на такое поступленіе.

Елизавета Степановна только горько заплакала, когда увозили дѣтей въ эти учебныя заведенія.

— Мнѣ кажется, что я ихъ хороню,—тихо, сквозь слезы сказала она.

— Ну, что ты, Лиза,—утѣшалъ ее мужъ,—у тебя просто разстроена нервная система.

Когда уѣхали дѣти, Елизавета Степановна почувствовала полное одиночество и невыносимую тоску. Даже въ періодъ войны съ Японіей, когда замѣтнымъ сдѣлался пульсъ общественной жизни, она находилась въ состояніи глубокой неврастеніи. Не видя ни откуда сочувствія своимъ духовнымъ запросамъ, не встрѣчая ни откуда поддержки, она сдѣлалась религіозною и стала часто посѣщать церковь. Особенно любила она вечернія службы и не пропускала ни одной вечерни.

Кузьма Платоновичъ весьма усердно поддерживалъ такое настроеніе жены, нерѣдко заговаривалъ о тленности земной жизни и объ испорченности людей, но Елизавета Степановна не любила съ нимъ бесѣдовать и совершенно индиферентно, молча выслушивала его разсужденія. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ причинахъ полнаго охлажденія къ мужу во второе десятилѣтіе ихъ совмѣстной

жизни, но чувствовала, что какая-то непроходимая пропасть раздѣляетъ ее отъ него. Рядъ неуловимыхъ впечатлѣній отъ словъ и поступковъ Кузьмы Платоновича, хотя онъ всегда давалъ удовлетворительныя объясненія, въ концѣ-концовъ отдалили его отъ жены, и онъ не имѣлъ ровно никакого авторитета въ ея глазахъ.

Это особенно выяснилось въ октябрьскіе дни 1905 года.

Когда совершилась всеобщая забастовка, Корнеплодовъ увидѣлъ, что жена его вдругъ ожила и совершенно преобразилась, а въ день опубликованія манифеста 17 октября она ушла изъ дому и цѣлый день отсутствовала.

Ликованіе населенія всецѣло завладѣло Елизаветой Степановной. Какъ боевой конь по трубному звуку, она отправилась туда, гдѣ наиболѣе чувствовалось біеніе пульса народной жизни. Увидѣвъ громадную толпу съ красными флагами, она присоединилась къ ней и, не взирая на пробивавшуюся уже сѣдину въ волосахъ, приняла участіе въ пѣніи.

Возвратилась она домой поздно ночью сіяющая и взвинченная.

— Гдѣ ты такъ долго была?—еле сдерживая раздраженіе, спросилъ ее Кузьма Платоновичъ, блѣдный и совершенно разстроенный.

Она, не обращая вниманія на тонъ мужа, съ увлеченіемъ стала разсказывать о своихъ похожденіяхъ.

— Ты, Лиза, забываешь, повидимомму, что у тебя уже сѣдые волосы,—замѣтилъ мужъ, кусая губы.

— Развѣ я совершила что-либо позорное? Развѣ стремленіе къ лучшей, свободной жизни ограничивается только извѣстными лѣтами. Опубликованъ манифестъ...

— Я это знаю,—перебилъ ее Кузьма Платоновичъ,—но относительно «свободы»—это еще большой вопросъ... По имѣющимся у меня даннымъ...

— Ахъ, оставь ужъ, пожалуйста, со своими «данными». Ты меня всю жизнь стращаешь ими...

— И, если ты вспомнишь, я всегда былъ правъ.

— Но не теперь.

— Дай Богъ, но больше шансовъ за мои предположенія... Удивляюсь устойчивости твоихъ розовыхъ взглядовъ, несмотря на все испытанное и перенесенное.

И на этотъ разъ опять сбылись мрачныя предсказанія Кузьмы Платоновича. Не далѣе какъ въ ночь съ 18 на 19 октября въ домѣ Корнеплодовыхъ, послѣ длиннаго перерыва, произведенъ былъ самый тщательный обыскъ, причемъ выяснилось, что полиція до мельчайшихъ подробностей знаетъ все, что дѣлала Елизавета Степановна

Ее хотѣли совсѣмъ уже арестовать, но и въ этотъ разъ энергичный протестъ мужа спасъ ошеломленную женщину отъ тюрьмы.

— Но я не ручаюсь,—сказалъ, уходя, жандармскій офицеръ,—что вашу жену не арестуютъ на-дняхъ.

Затѣмъ, подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Я посовѣтовалъ бы вамъ уѣхать отсюда, перевестись на службу куда-нибудь подальше.

— Вотъ тебѣ и «свобода»!—воскликнулъ Кузьма Платоновичъ, обращаясь къ женѣ, когда полиція удалилась,—вотъ тебѣ и манифестъ!

Елизавета Степановна, блѣдная, какъ полотно, съ глазами, полными слезъ, сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣніи и ничего не отвѣтила мужу. Ей казалось, что надъ нею тяготѣетъ какое-то проклятіе и она приговорена къ смерти.

Замѣтивъ такое угнетенное настроеніе жены, мужъ ласково сказалъ ей:

— Ну, что же дѣлать, Лиза... Насъ ничто здѣсь не удерживаетъ: мать ты похоронила, дѣти скоро окончатъ ученіе и сдѣлаются самостоятельны, уѣдемъ подальше... Чортъ съ ними, съ бюрократами! Въ молодости еще можно было тратить силу на борьбу съ ними, а теперь они насъ скоро уложатъ въ гробъ... Кстати, министерство внутреннихъ дѣлъ вызываетъ ветеринарныхъ врачей въ среднюю Азію, дастъ подъемные и солидное содержаніе. Отправимся туда? Говорятъ, тамъ тепло, хорошо и, будто бы, даже свободнѣе...

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ все равно,—тихо отвѣтила Елизавета Степановна.

V.

Спустя двѣ недѣли послѣ этого Корнеплодовы ѣхали уже въ Среднюю Азію. Во все время пути Кузьма Платоновичъ находился въ ажитаціи и очень спѣшилъ къ мѣсту новаго служенія, словно бы кто гнался за нимъ.

Елизавета Степановна, наоборотъ, походила на впавшую въ тихое помѣшательство. Она, казалось, ничего не сознавала, односложными словами отвѣчала только на предлагаемые вопросы, не двигалась съ мѣста, очень мало спала и ѣла, когда предлагалъ ей мужъ.

Такое состояніе не покидало ее долгое время и по пріѣздѣ въ средне-азіатскій городъ. Она не выходила изъ квартиры и лишь изъ оконъ наблюдала жизнь города, населеннаго, главнымъ образомъ, инородцами.

Мужъ ея, напротивъ, нигдѣ, повидимому, не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ этой азіатской глуши. Онъ даже,—чего раньше никогда не было,—сталъ укорять жену въ индиферентизмѣ къ жизни, въ домосѣдствѣ и предлагалъ познакомиться съ мѣстнымъ русскимъ обществомъ, состоявшимъ преимущественно изъ военныхъ всѣхъ оружій и желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Немного оживилась Елизавета Степановна, когда пріѣхали сыновья и дочери. Первые служили уже въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а послѣднія только что окончили институтъ. Кузьма Платоновичъ былъ въ восторгѣ отъ дѣтей и нанялъ на радостяхъ прекрасную дачу въ горахъ, куда Корнеплодовы и переселились на весну и лѣто.

Чудная природа способствовала жизнерадостному настроенію, и нѣкоторое время семья Корнеплодовыхъ жила довольно дружно. Но когда они познакомились съ дачниками, состоявшими въ подавляющемъ числѣ изъ военныхъ, картина быстро измѣнилась. Елизавета Степановна скоро убѣдилась, что ея дочери вышли институтки въ полномъ смыслѣ этого слова. Онѣ ровно ничѣмъ не интересовались и занимались исключительно офицерами, которые болѣе чѣмъ охотно ухаживали за молоденькими и хорошенькими барышнями. Тогда она сосредоточила свое вниманіе на сыновьяхъ и еще болѣе разочаровалась: они мечтали только о карьерѣ и больше ни о чемъ.

Пріобрѣвъ обширныя знакомства, мужъ и дѣти Елизаветы Степановны совершенно погрузились въ дачную жизнь. Чуть не ежедневно устраивались кавалькады, пикники, всегда сопровождавшіеся разгуломъ и пьянствомъ. Не только Кузьма Платоновичъ и сыновья, но даже и дочери иной разъ возвращались на-веселѣ отъ чрезмѣрно выпитаго шампанскаго. Негодованіе Елизаветы Степановны по этому поводу встрѣчалось ироническимъ смѣхомъ.

Убѣдившись въ отсутствіи какого бы то ни было вліянія на семью, Елизавета Степановна почувствовала одиночество. Она умолкла, не принимала ровно никакого участія въ семейной жизни и предалась исключительно чтенію, причемъ любимымъ мѣстомъ ея сдѣлалась библіотека, образованная на взносы дачниковъ.

Въ этой библіотекѣ, обыкновенно, бывало не много посѣтителей, такъ что Корнеплодова знала ихъ всѣхъ наперечетъ. Однажды въ ней появились три новыхъ лица: солидная на видъ дама, молодая женщина и мужчина въ формѣ инженера путей сообщенія. Изъ нихъ Елизавету Степановну болѣе всего заинтересовала первая, такъ какъ лицо солидной дамы было очень знакомо, словно бы Корнеплодова хорошо ее знала. Елизавета Степановна ломала голову, но никакъ не

могла вспомнить, гдѣ и когда она ее видѣла, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего времени своего замужества она не пріобрѣла, собственно говоря, ни одного знакомства. Можно было бы принять знакомое лицо неизвѣстной дамы за простое совпаденіе, но дѣло въ томъ, что и дама очень часто всматривалась въ Елизавету Степановну, причемъ перешептывалась съ молоденькою дамою и инженеромъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что и она, Елизавета Степановна, интересовала незнакомку.

Дня черезъ четыре послѣ первой встрѣчи Корнеплодова, поборовъ неловкость, рѣшилась первая заговорить съ интересовавшею ее дамою.

— Извините, пожалуйста,—тихо обратилась она къ ней,—лицо ваше мнѣ очень знакомо.

— Я очень рада, что вы заговорили со мною,—перебила ее дама,—потому что и ваше лицо мнѣ также знакомо... По мужу, недавно умершему, фамилія моя Сутулина.

— Нѣтъ, не слыхала даже такой фамиліи,—сказала Елизавета Степановна и спросила:—а дѣвичья?

— Шиповникова.

— Соня?!—воскликнула Корнеплодова, такъ что присутствовавшіе въ библіотекѣ переглянулись.

— А ты Лиза?—спросила Сутулина.

— Она самая... Ну, идемъ побесѣдуемъ... Боже, какъ я рада!

— Идемъ, дорогая, идемъ. Познакомься, впрочемъ, съ моею дочерью и зятемъ.

Молодые люди поднялись со своихъ мѣстъ и познакомились съ Елизаветой Степановной, причемъ Сутулина, рекомендуя послѣднюю, сказала:

— Это лучшій другъ моей юности и коллега по высшимъ женскимъ курсамъ... Мы пойдемъ съ нею ко мнѣ...

Послѣ этого подруги, взявшись подъ руки, вышли изъ библіотеки.

— Ну, разскажи же о своей жизни, моя милая, — обратилась тотчасъ же къ Софьѣ Даниловнѣ,—такъ звали Сутулину,—Елизавета Степановна.

— О, Боже мой!—сказала Сутулина,—мы не видались съ тобою чуть ли не 25 лѣтъ, всего не припомнишь... Съ чего начать?.. Ну, помнишь, какъ ты звала меня и Катю Бронникову перевестись въ городъ, куда тебя выслали?

— Еще бы не помнить!

— Ну, мы получили странный отказъ, что въ тотъ городъ ѣ-

щено ссыльныхъ не высылать,—губернаторъ твоей губерніи не соглашался.

— Да что ты?

— Ей-Богу. Мы смѣялись съ Катей: Петербургъ, Москва и твой городъ были поставлены на одну доску.

— Удивительно!... Ну, дальше.

— Ну, стали мы коротать время очень печально, покуда не прислали къ намъ двухъ молодыхъ людей: помощника присяжнаго повѣреннаго Сутулина и статистика съ университетскимъ образованіемъ Платинина; за перваго изъ нихъ вышла замужъ я, а за второго—Катя.

— И скоро?

— А что въ ссылкѣ дѣлать? Скучно: черезъ три мѣсяца поженились.

— Но счастливо?

— Да, совсѣмъ-таки хорошо... У меня скоро родилась дочь, которую ты видѣла, и больше дѣтей не было. По окончаніи срока ссылки, мы переѣхали въ Петербургъ, гдѣ мужъ сталъ заниматься адвокатурою, а я начала воспитывать свою дѣвочку. Потомъ мало-по-малу опять втянулась въ общественную жизнь, и опять насъ выслали, но не надолго, хотя жить въ Питерѣ и Москвѣ воспретили. Мы поселились въ городѣ Z., гдѣ дочь окончила гимназію, а потомъ отправилась въ Питеръ, гдѣ и вышла замужъ за теперешняго своего мужа, инженера путей сообщенія, Виктора Львовича Пальмина, который затѣмъ получилъ мѣсто въ томъ же Z. Здѣсь, наконецъ, мы уже всѣ вмѣстѣ принимали участіе въ освободительномъ движеніи.

Софья Даниловна сдѣлала небольшую паузу, на глазахъ у нея показались слезы, но она быстро оправилась и продолжала:

— Мужа моего арестовали совсѣмъ больного, и онъ умеръ въ тюремной больницѣ, а зятя, дочь и меня сослали въ Восточную Сибирь, но, благодаря нѣкоторымъ связямъ, намъ черезъ нѣкоторое время позволили перевестись сюда, гдѣ Викторъ Львовичъ получилъ мѣсто.

Въ это время подруги достигли дачи Пальмина, расположенной въ тѣни густыхъ деревьевъ, у свѣтлаго, горнаго ручья. Когда они сѣли на ступенькахъ широкой террасы, Софья Даниловна сказала:

— Ну, я, собственно говоря, закончила повѣсть своей жизни,—теперь ты повѣствуй.

— Я?—грустно спросила Елизавета Степановна.—Да мнѣ-то и разсказать нечего: ѣла, пила, спала и рожала...

- Ну, что ты, Лиза? Разскажи подробнѣе...

— Да и подробнѣе то же самое получится... Тоскливая жизнь моя была... У Ады Негри есть стихотвореніе «Бѣжитъ волна». Оно оканчивается такъ:

«Бѣжитъ волна и плачетъ. Въ ея глухомъ стенаньи
Таится отзвукъ муки и безутѣшныхъ слезъ,
Таится въ плачѣ волнъ безумный вопль страданья
Осмѣянной любви, разбитыхъ чистыхъ грёзъ».

Вотъ моя жизнь.

— Ну, что ты, дорогая, такъ мрачно настроена?... Разскажи все по порядку.

— Ну, изволь... вышла я замужъ за Корнеплодова.

— За Корнеплодова!—воскликнула Сутулина.

— А что?—испуганно спросила Елизавета Степановна.

— Нѣтъ, ничего,—спохватилась Софья Даниловна.

Но лицо ея приняло серьезное и холодное выраженіе.

— Соня, дорогая, скажи, въ чемъ дѣло?—умоляла ее Елизавета Степановна.—Я вижу, что ты сразу измѣнилась.

— Погоди немного,—стараясь улыбнуться, отвѣтила Сутулина,—я сейчасъ приду и скажу тебѣ.

Софья Даниловна ушла, а Корнеплодова осталась, полная недоумѣнія и съ предчувствіемъ какого-то страха.

Сутулина возвратилась еще болѣе сдержанная и сухая.

— Скажи, Лиза,—спросила она,—твой мужъ—ветеринарный врачъ?

— Да,—съ дрожью въ голосѣ отвѣтила Корнеплодова.

— Какъ его зовутъ?

— Кузьма Платоновичъ.

Софья Даниловна сдѣлалась блѣдная, какъ полотно.

— Соня, дорогая, разъясни—въ чемъ дѣло?—съ страдальческимъ выраженіемъ лица и со слезами на глазахъ сказала Елизавета Степановна.

— Да, я считаю своею нравственною обязанностью съ тобою объясниться... Я не допускаю мысли, чтобы и ты... Впрочемъ, факты...

— Да не мучь же ты меня!—воскликнула Корнеплодова,—не терзай!

— О, какъ бы я была счастлива, если бы ничего не знала! Но неужели это возможно!... Скажи, ты ничего не слышала о своемъ мужѣ?

— Ровно ничего.

— И о его прошломъ ничего не знаешь?

— Рѣшительно ничего... Да говори же, Бога ради! Что такое?

— Ну, дорогая моя Лизочка, я рада за тебя, хотя ты и глубоко несчастна, и я считаю нравственнымъ долгомъ сообщить тебѣ объ этомъ... Будь крѣпче, мой другъ... Я должна тебѣ сказать, что мужъ твой предатель...

— Предатель?! У тебя есть факты?

— Да.

— Ты должна сообщить мнѣ ихъ! Сейчасъ же!

— Конечно.

Софья Даниловна опять ушла и возвратилась съ брошюрою.

— Вотъ здѣсь всѣ факты...

Елизавета Степановна вырвала изъ рукъ подруги эту брошюру и впилась въ нее. По мѣрѣ чтенія лицо ея искажалось и мертвенно блѣднѣло, руки тряслись, губы дрожали, а въ широко открытыхъ глазахъ выражались и ужасъ, и негодованіе.

Софья Даниловна съ тревогой смотрѣла на свою подругу.

Вдругъ Елизавета Степановна вскрикнула и въ глубокой истерикѣ повалилась на полъ, рыдая, скрежеща зубами, и судорожно стиснувъ въ рукахъ брошюру.

— Лиза, Лизочка! дорогая!—ставъ на колѣни и припавъ къ подругѣ, говорила Софья Даниловна, разстегивая кофточку у Корнеплодовой.

Затѣмъ она побѣжала въ комнаты, принесла воду, валерьяновы капли и нашатырный спиртъ и стала приводить въ чувство подругу.

Когда истерика кончилась и Елизавета Степановна пришла въ себя, Софья Даниловна со слезами на глазахъ стала умолять подругу простить ее за причиненное страданіе.

— Нѣтъ, дорогая,—говорила Корнеплодова,—ты ни въ чемъ не повинна... Наоборотъ,—спасибо, великое спасибо тебѣ... Рано или поздно все это обнаружилось бы и, быть можетъ, при болѣе худшихъ условіяхъ... Теперь глаза мои открыты, теперь я все понимаю... Онъ, гнусный негодяй, какъ Каинъ, скрывался въ глуши, покуда, значитъ, не узналъ, что всѣ преданные имъ такъ или иначе изъяты изъ общественной жизни или погибли... Затѣмъ, когда, по моему настоянію, мы переѣхали въ губернскій городъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы и меня, и дѣтей изолировать отъ міра или ввести въ такія сферы, гдѣ бы мы не могли услышать о его прошломъ; при малѣйшемъ стремленіи моемъ пробиться къ свѣту, у меня, по его, какъ я теперь догадываюсь, указаніямъ, производились обыски, а тѣхъ, съ которыми я хотѣла познакомиться, арестовывали. Этимъ способомъ онъ добился, что и дѣти направлены были по желательному ему пути.

Спазмы душили горло Елизаветы Степановны, она зарыдала и сквозь слезы произнесла:

— Боже мой, Боже мой! я—жена предателя, мать его дѣтей!...

Въ это время пришли Пальмины. Софья Даниловна знаками показала, чтобы они проходили въ комнаты, но Елизавета Степановна, замѣтивъ это, поборола себя и обратилась къ пришедшимъ съ просьбою извинить ее за безпокойство и пояснила причину своихъ слезъ.

Инженеръ и его жена широко раскрыли глаза и, слушая разсказъ Корнеплодовой, стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы поражены исторіей моей жизни,—закончила свое повѣствованіе Корнеплодова,—а что было бы съ вами, если бы кому-нибудь изъ васъ пришлось быть на моемъ мѣстѣ?... Теперь понятны вамъ мои слезы?

Наступило тяжелое молчаніе. Никто не зналъ, что сказать.

Присутствующіе сознавали, что не было возможности утѣшить несчастную женщину и не знали, какой дать совѣтъ. Но она сама черезъ нѣкоторое время разрубила гордіевъ узелъ.

— Больше я домой не пойду!—сказала она рѣшительно.

Затѣмъ Елизавета Степановна обратилась къ Софьѣ Даниловнѣ:

— Подари мнѣ эту брошюру.

— Она моя,—сказалъ Пальминъ,—и вы можете ею распоряжаться, какъ вздумаете.

— Спасибо вамъ, я ее пошлю ему... Сама же я уѣду...

— Куда, Лиза?—съ страдальческимъ выраженіемъ спросила Софья Даниловна.

— Я смою свой позоръ, если бы это стоило мнѣ жизни!

— Я узнаю тебя, Лиза,—сказала Софья Даниловна, обнимая и цѣлуя подругу: ни лѣта, ни горе не охладили твоего горячаго сердца, не зачерствили твою душу... Нѣтъ, на тебѣ не лежитъ никакого позора: кто изъ насъ не можетъ поддаться грубому, гнусному обману... У меня совершенно инстинктивно вырвались слова—куда, Лиза?—но я не хотѣла тебя удерживать, а просто была поражена внезапностью твоего рѣшенія, не воображала, какъ это ты вдругъ все порвешь, всѣхъ бросишь.

— Я понимаю тебя, дорогая, совершенно понимаю... Трудно бросать семью, но у меня ея не было, это была физіологическая семья, гдѣ я чувствовала себя одинокою—никакой духовной, нравственной связи не было, да, какъ видишь, и не могло быть.

— Понимаю, понимаю, Лизочка... У меня къ тебѣ просьба, даже требованіе: во всякое время, когда тебѣ нужно, ты должна обращать-

ся ко мнѣ, обязана, понимаешь... Помощь съ моей стороны будетъ только ничтожной отплатой за то, что̀ ты для меня въ свое время дѣлала... Теперь я имѣю полную возможность дать тебѣ триста рублей.

— Если бы ты не предложила мнѣ денегъ, я сама къ тебѣ обратилась бы, но зачѣмъ такая уйма?

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говори! Что за «уйма?»

— Софья Даниловна,—вмѣшался Пальминъ,—вѣдь Елизавета Степановна можетъ воспользоваться еще билетомъ, взятымъ мною для васъ.

— Да, да, конечно,—сказала Сутулина.—Ты можешь доѣхать до Москвы... Ты когда же собираешься?

— Съ первымъ отходящимъ поѣздомъ.

— Что-о?

— А какъ же иначе?

— Но я просто очнуться не могу... Ты переночуй у насъ...

— Ни подъ какимъ видомъ! Развѣ ты не знаешь, отъ кого я бѣгу—отъ пре-да-теля! Вѣдь онъ все узнать можетъ...

— Пожалуй, ты права... Въ такомъ случаѣ возьми сакъ мой—у меня есть лишній.

— Если лишній, охотно возьму... А вотъ какъ уѣхать?...

— Когда немножко стемнѣетъ, мы васъ отвеземъ,—сказалъ Пальминъ,—и какъ разъ попадемъ къ ночному поѣзду... У насъ есть крытый экипажъ, въ который сядете вы и жена, а я за кучера.

— А это не обратитъ вниманія?

— Нѣтъ, мы часто такъ ѣздимъ вдвоемъ... Изъ предосторожности вотъ что сдѣлаемъ: вы пройдете немного пѣшкомъ, до мостика, и мы васъ тамъ возьмемъ.

— Отлично!

— Тогда никто не будетъ знать, что вы уѣхали, а всѣ будутъ видѣть на нашей дачѣ, что я уѣхалъ съ женою и съ нею же возвратился.

— Остроумно.

Какъ только солнце скрылось за горами, Пальмины увезли Елизавету Степановну, и она уѣхала съ первымъ ночнымъ поѣздомъ.

Планъ побѣга удался блестяще, и Пальмины, возвратившись, долго говорили объ этомъ съ Софьей Даниловной.

VI.

Между тѣмъ Кузьма Платоновичъ въ этотъ день съ нетерпѣніемъ поджидалъ Елизавету Степановну. Его сыновья и дочери съ утра

отправились съ офицерами на пикникъ, а онъ хотѣлъ въ экипажѣ ѣхать съ женою, чтобы принять участіе въ ужинѣ, который, при феерической обстановкѣ, устраивался въ горахъ, куда еще съ вечера предшествующаго дня отправлена была, во главѣ съ поваромъ, офицерская кухня съ массою провизіи и винъ.

Кузьма Платоновичъ почти не сомнѣвался, что его жена, по обыкновенію, откажется отъ поѣздки, но считалъ необходимымъ сдѣлать попытку уговорить ее, такъ какъ за Корнеплодовыми обѣщали заѣхать дивизіонный генералъ съ женою.

Но послѣдніе исполнили свое обѣщаніе, а Елизаветы Степановны не было. Кузьмѣ Платоновичу крайне неловко было задерживать такихъ важныхъ персонъ и онъ, выдумавъ, что жена его «не совсѣмъ здорова», отправился вслѣдъ за генераломъ одинъ.

Съ пикника на дачу Корнеплодовы возвратились далеко за полночь. Ихъ изумленію не было предѣловъ, когда они узнали отъ прислуги, что барыня не возвращалась.

Мужъ и дѣти привыкли всегда видѣть ее дома и не могли понять, гдѣ она могла заночевать, такъ какъ хорошо знали, что у нея не было своихъ знакомыхъ. На всякій случай они припомнили почти всѣхъ дачниковъ, причемъ Кузьма Платоновичъ не забылъ и Пальминыхъ.

— А это кто такіе?—спросила одна изъ дочерей.

— Инженеръ съ женою и съ ними живетъ еще мать жены. Они находятся подъ надзоромъ полиціи, но рѣшительно нигдѣ не бываютъ и ихъ никто не знаетъ.

— А ты какъ знаешь?

— Не знаю, кто-то передавалъ,—немного смутившись, отвѣтилъ Кузьма Платоновичъ.

— Мама не могла съ ними познакомиться?

— Нѣ-ѣтъ,—съ твердою увѣренностью сказалъ Корнеплодовъ,—они недавно сюда пріѣхали.

Но тотчасъ же онъ задумался и тихо, какъ бы про себя сказалъ:

— Впрочемъ, кто его знаетъ... Но когда же она могла съ ними познакомиться?... Во всякомъ случаѣ завтра вездѣ наведемъ справки.

Мысль о Пальминыхъ цѣлую ночь не давала покоя Кузьмѣ Платоновичу; онъ почти не спалъ и раннимъ утромъ отправился на дачу инженера. Послѣдній въ это время шелъ купаться, и Корнеплодовъ встрѣтилъ его у рѣчки.

— Простите, пожалуйста, — заискивающе обратился Кузьма Платоновичъ къ инженеру,—я ветеринарный врачъ Корнеплодовъ...

Пальминъ смутился, но быстро овладѣлъ собою и спросилъ:

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Еще разъ прошу извиненія... Я обезпокоенъ отсутствіемъ своей жены и рѣшилъ разузнать на всѣхъ дачахъ... Она вчера ушла и не ночевала...

— Ну-съ, такъ что же вы отъ меня желаете?

— У васъ ея нѣтъ?

— Какимъ же образомъ могло это случиться?

— Кто его знаетъ... Въ такихъ случаяхъ теряешь голову и строишь разныя догадки...

— Но все же онѣ должны имѣть какія-нибудь основанія, а я впервые васъ вижу и впервые же слышу фамилію Корнеплодовыхъ.

— Еще и еще разъ извините...

Кузьма Платоновичъ снялъ фуражку, вѣжливо поклонился и, успокоенный, ушелъ обратно, а Пальминъ самодовольно улыбнулся и хотѣлъ было возвратиться назадъ, чтобы сообщить своимъ о происшедшемъ, но, опасаясь, что Корнеплодовъ замѣтитъ это, сталъ раздѣваться.

Выкупавшись на скорую руку, инженеръ быстро отправился на дачу и, разбудивъ жену и тещу, сообщилъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ Корнеплодовымъ, высказавъ опасеніе,—не видѣла ли вчера Елизавету Степановну прислуга. Софья Даниловна не могла припомнить,—приходила ли горничная на террасу, а потому быстро одѣлась, чтобы поскорѣе, путемъ дипломатичнаго опроса, узнать объ этомъ.

Скоро она возвратилась изъ кухни и, весело улыбаясь, сообщила, что горничная не видѣла Елизаветы Степановны, а кухарка и кучеръ и не могли ее видѣть.

Кузьма Платоновичъ, пришедши къ себѣ на дачу, также сообщилъ сыновьямъ и дочерямъ о встрѣчѣ съ Пальминымъ и о безрезультатной бесѣдѣ съ нимъ. Тогда Корнеплодовы рѣшили, раздѣлившись, пройти по всѣмъ дачамъ, а Кузьма Платоновичъ долженъ былъ отправиться въ городъ на городскую квартиру и узнать—нѣтъ ли тамъ какимъ нибудь образомъ жены.

Поиски дѣтей оказались тщетными, и знакомые ихъ дачники, офицеры, сдѣлали предложеніе, если матери не окажется въ городѣ,—совершить экскурсіи въ горы, гдѣ иногда съ людьми бываютъ несчастья.

Напрасна была и поѣздка Кузьмы Платоновича: въ городской квартирѣ жены не оказалось. Тогда онъ возвратился обратно и принялъ участіе въ поискахъ въ горахъ, которые въ первый день также

ничего не дали. Поэтому рѣшено было продолжать экскурсіи, покуда не осмотрѣны будутъ всѣ окрестныя мѣста.

Всѣ были теперь убѣждены, что съ Елизаветой Степановною, нерѣдко гулявшею въ одиночествѣ, совершилось какое-нибудь несчастье въ горахъ, такъ какъ не было никакихъ признаковъ, чтобы она уѣхала: верхнее платье ея было дома и, наконецъ, домашнимъ извѣстно было, что у нея при себѣ не было денегъ.

На третій день послѣ исчезновенія жены, когда дочери и сыновья, по обыкновенію, были въ горахъ, Кузьма Платоновичъ, получивъ почту, первымъ дѣломъ вскрылъ пакетъ, который объемомъ своимъ обратилъ особенное вниманіе. Въ этомъ пакетѣ оказался другой, на которомъ большими буквами было написано лишь одно слово: «предателю». Кузьма Платоновичъ, прочитавъ его, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и задрожалъ. Это было то именно слово, котораго онъ боялся всю жизнь, изъ-за котораго скрывался, которое загнало его въ Среднюю Азію. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и, не отдавая себѣ отчета, сталъ спѣшно затворять окна и двери. Затѣмъ, озираясь по сторонамъ, онъ изорвалъ въ мелкіе кусочки обложку съ ужаснымъ словомъ и спряталъ въ карманъ. Въ этой обложкѣ были брошюра и письмо отъ Елизаветы Степановны. Изъ первыхъ же строкъ первой и второго онъ тотчасъ убѣдился, что предательство его разоблачено.

Кузьму Платоновича охватилъ паническій ужасъ. Какъ воръ, онъ дрожащею рукою скомкалъ и запихалъ въ боковой карманъ брошюру и письмо отъ жены и еще письмо на имя старшаго сына, заадресованное рукою Елизаветы Степановны, и безъ шапки, почти бѣгомъ направился черезъ садъ въ горы. Достигнувъ ближайшаго ущелья, онъ было успокоился, но скоро тревога опять обуяла его. Онъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы прочитать брошюру и письма, но никакъ не могъ выбрать подходящаго мѣста. Шумъ вѣтра, шорохъ листьевъ, трескъ сучьевъ, порханіе птицъ заставляли его вздрагивать и прислушиваться—не идетъ ли кто. При этомъ онъ инстинктивно-судорожно сжималъ брошюру и письма рукою, которую не вынималъ изъ бокового кармана. И такъ онъ шелъ все дальше и дальше, затаивъ дыханіе, и осматривался по сторонамъ. Наконецъ, онъ увидалъ небольшое углубленіе въ скалѣ, вродѣ пещеры, заслоненное густымъ кустарникомъ, и скрылся въ немъ. Прислушавшись еще разъ и убѣдившись, что вблизи никого нѣтъ, онъ сталъ читать брошюру. Она принадлежала другу его молодости, котораго онъ предалъ въ числѣ другихъ. Авторъ воспоминаній не находилъ словъ для выраженія негодованія и презрѣнія къ Корнеплодову. Онъ

шагъ за шагомъ прослѣдилъ всю предательскую дѣятельность Кузьмы Платоновича и назвалъ фамиліи всѣхъ пострадавшихъ изъ-за него лицъ. Одни изъ нихъ были высланы административнымъ порядкомъ, другіе—осуждены на поселеніе, иные попали на каторгу, а три лица были казнены. При этомъ авторъ приводилъ рядъ фактовъ, что подавляющее число оговоровъ были лживые, что Корнеплодовъ показывалъ не только то, что зналъ, но и чего не зналъ, а лишь слышалъ, и сообщалъ и о такихъ людяхъ, которыхъ ни разу не видѣлъ. Но больше всего авторъ клеймилъ Корнеплодова за то, что многихъ выданныхъ Кузьма Платоновичъ самъ вовлекъ въ организацію, называя всѣхъ, несогласныхъ съ его взглядами, «трусами», «измѣнниками отечества» и «врагами народа», и выдалъ въ первый же день ареста, когда ему ничего еще не грозило. Брошюра заканчивалась такъ: «Погубивъ громадное число лицъ, большинство изъ которыхъ были ни въ чемъ неповинны, Корнеплодовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, окончилъ ветеринарный институтъ и, при помощи администраціи, прекрасно устроилъ свою карьеру, женился, обзавелся семьею и, насколько мнѣ извѣстно, гдѣ-то благоденствуетъ и по настоящее время».

При чтеніи этихъ воспоминаній, Кузьму Платоновича бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Каждый фактъ изъ его предательства сначала причинялъ ему какую-то тупую боль во всемъ организмѣ, а затѣмъ онъ онѣмѣлъ. Такое ощущеніе, должно быть, испытываетъ человѣкъ послѣ продолжительныхъ пытокъ, когда страданія достигаютъ предѣла, дальше которыхъ идти не могутъ. Поэтому къ чтенію письма жены онъ приступилъ, казалось, совершенно спокойно. Оно было очень кратко: «Презрѣнный человѣкъ,—писала Елизавета Степановна,—я не могу ничего сказать больше того, что сказано въ прилагаемыхъ при этомъ воспоминаніяхъ преданнаго тобою друга. Я лишь шлю тебѣ мои проклятія за мою загубленную жизнь и за позоръ, которымъ я себя покрыла, сдѣлавшись женою негодяя».

Въ письмѣ на имя старшаго сына она говорила: «Мой мужъ, а вашъ отецъ оказался гнуснымъ предателемъ. На его имя я шлю появившіяся въ печати воспоминанія его друга, котораго онъ предалъ въ числѣ многихъ другихъ. Я почти не сомнѣваюсь, что у этого человѣка не осталось уже никакихъ признаковъ чести и человѣческаго достоинства, а потому онъ не покажетъ вамъ этой брошюры, что и заставляетъ меня сообщить ея краткое содержаніе, но вы можете ее купить,—она озаглавлена «Воспоминанія N». Вашъ отецъ погубилъ мою жизнь, опозорилъ меня и сознательно старался воспитать васъ такъ, чтобы вы никогда не вошли въ сферы, гдѣ можете узнать о

его темномъ прошломъ. Если остались у васъ хотя крупинки благородства, вы должны отвернуться отъ вашего негоднаго отца и открыто заявить, что не имѣете ничего общаго съ предателемъ».

Прочитавъ это письмо, Кузьма Платоновичъ широко раскрылъ глаза и безумно смотрѣлъ въ пространство. Предъ нимъ мысленно прошла вся его жизнь. Ему сдѣлалось страшно, онъ хотѣлъ бѣжать, но чувствовалъ, что не можетъ подняться. И вдругъ онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, но тотчасъ испугался собственнаго голоса и, удерживаясь отъ рыданій, глухо всхлипывалъ.

Черезъ нѣкоторое время до слуха его донесся топотъ копытъ и отдаленные голоса. Онъ быстро схватилъ упавшія на землю брошюру и письма, запряталъ ихъ въ боковой карманъ и сталъ прислушиваться.

Топотъ и голоса слышались все ближе и ближе. Корнеплодовъ догадался, что это дѣти съ офицерами разыскиваютъ жену, и не зналъ, что ему дѣлать. Если его застанутъ въ пещерѣ, то примутъ это за укрывательство, и можетъ возникнуть подозрѣніе. Онъ рѣшилъ выйти и объяснить, что также занимается розысками.

Кузьма Платоновичъ какъ разъ наткнулся на кавалькаду.

— Папа!—въ одинъ почти голосъ воскликнули его дочери и сыновья.

— И вы сюда же пріѣхали?—сказалъ онъ растерянно и старался улыбнуться.

— А гдѣ же твоя шапка?—спросила одна изъ дочерей.

— Шапка?—испуганно переспросилъ онъ, берясь за голову,—не потерялъ ли въ кустахъ? И не замѣтилъ...

— Ты плакалъ, что ли?

— Я?

— Да.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтилъ онъ, не поднимая глазъ:—это все въ кустахъ... вѣтки въ глаза попали...

Офицеры переглянулись, а одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Вы пѣшкомъ здѣсь, Кузьма Платоновичъ?

— Да, а что?

— Но вѣдь вы очень далеко зашли...

— Развѣ?

— Очень далеко,—подтвердили нѣсколько голосовъ.

— Я бы вамъ посовѣтовалъ сейчасъ же возвращаться, а то засвѣтло не поспѣете,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, да, папа,—настаивали дочери и сыновья.

— Хорошо, хорошо,—согласился Кузьма Платоновичъ.

Онъ, не поклонившись, тотчасъ повернулся и быстрыми шагами ошелъ назадъ, ощупывая боковой карманъ, гдѣ лежали его обвини-льные акты.

— Какъ онъ обезпокоенъ,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, гда Кузьма Платоновичъ скрылся.

— Еще бы!—тихо сказала старшая дочь, глаза которой были ажны отъ слезъ.

Слезы видны были на глазахъ и у младшей дочери, а лица сыно-й носили отпечатокъ тревоги.

По-своему, всѣ они любили свою мать, причемъ эта любовь, какъ о всегда бываетъ, въ болѣе сильной степени проявилась, когда они теряли Елизавету Степановну. Теперь рельефнѣе вырисовывались высокія достоинства, которыя раньше не только не цѣнились, а же порицались, потому что они нерѣдко являлись тормозомъ въ ъ беззаботной и безсодержательной жизни.

Растерянный видъ Кузьмы Платоновича, который объясненъ былъ пытываемыми имъ страданіямъ, еще болѣе усугубилъ тяжелое на-роеніе дѣтей.

VII.

Кузьма Платоновичъ, пришедши къ себѣ на дачу, метался, какъ иеный звѣрь. Онъ не зналъ, что дѣлать съ брошюрою и письмомъ, торыя, казалось, жгли его. Онъ хотѣлъ ихъ уничтожить дорогою, не зналъ какъ. Ему казалось, что или догонитъ его кавалькада, и кто-нибудь другой замѣтитъ, куда онъ прячетъ ихъ или рветъ. дачѣ онъ осмотрѣлъ всѣ укромныя мѣста, лазилъ на шкафы, за-атривалъ въ печи и нѣсколько разъ пряталъ то туда, то сюда ошюру и письма, но сейчасъ же и бралъ ихъ обратно, такъ какъ ѣзненно возбужденное воображеніе не давало ему покоя и рисовало у картины находки ужасныхъ документовъ. Ему затѣмъ пришло голову сжечь ихъ, но тутъ же онъ явственно ощутилъ запахъ ы и бросилъ этотъ проектъ. Одновременно его мучила мысль о трѣчѣ съ дѣтьми, которыя могли возвратиться каждую минуту. ъ чувствовалъ, что не скроетъ своего смущенія и растерянности, страшная тайна его можетъ быть обнаружена. Кузьма Платоно-чъ пытался лечь въ кровать и притвориться спящимъ, но не въ лахъ былъ лежать. Тогда онъ рѣшилъ уѣхать въ городъ, оставивъ тямъ записку, что отправляется въ Z, чтобы заявить полиціи объ чезновеніи жены, причемъ просилъ увѣдомить его, если экскурсія па на какіе-нибудь слѣды Елизаветы Степановны.

Въ городскую квартиру онъ пріѣхалъ поздно ночью, и, прежде всего, какъ только убѣдился, что прислуга уснула, сталъ жечь въ каминѣ брошюру и письма, причемъ нѣсколько разъ тихонько выходилъ во дворъ и смотрѣлъ, не слишкомъ ли замѣтенъ дымъ отъ бумаги. Когда догорѣли послѣдніе листы, онъ тщательно выбралъ въ газетный листъ весь пепелъ и вынесъ его въ помойную яму. Послѣ этого Кузьма Платоновичъ успокоился и, чувствуя необыкновенную усталость и разбитость, легъ въ постель. Но лишь только закрылъ онъ глаза, какъ мысли одна другой ужаснѣе стали тревожить его: «Откуда достала жена брошюру?... Несомнѣнно, на дачѣ... А если такъ, то развѣ не можетъ случиться, что подобныхъ брошюръ есть уже тамъ нѣсколько?... Наконецъ, гдѣ жена?... Быть можетъ, она скрывается тамъ же—развѣ она не могла кого-нибудь попросить, чтобы отправить ему брошюры и письма съ пути?... И, кто знаетъ, не дома ли она уже и сейчасъ... Быть можетъ, въ эту самую минуту она уже сообщаетъ все дѣтямъ».

Кузьма Платоновичъ схватился, весь облитый холоднымъ потомъ, и, раздѣтый, сталъ шагать изъ угла въ уголъ, словно бы стараясь убѣжать отъ преслѣдовавшихъ его мыслей. Но это не помогало—онѣ настойчиво тревожили его все больше и больше и довели до непреодолимаго желанія куда-нибудь бѣжать, и когда показалась заря, Кузьма Платоновичъ, разбудивъ прислугу, попросилъ ее запереть за собой дверь, сказавъ ей, что, по дѣламъ службы, онъ долженъ немедленно уѣхать.

Онъ отправился на почтовую станцію, гдѣ его хорошо знали, взялъ лошадей и уѣхалъ въ отдаленнѣйшую часть округа.

Придумывая различныя дѣла, онъ ѣздилъ изъ одного мѣста въ другое, нигдѣ не находя себѣ покоя. Лишь дней черезъ десять онъ возвратился въ городъ, чтобы показаться начальству и узнать, не произошло ли чего особеннаго. Съ трепетомъ подошелъ онъ къ своей квартирѣ и, когда прислуга отворила ему дверь, спросилъ:

— Меня никто не спрашивалъ?

— Были здѣсь дня три назадъ ваши паничи,—отвѣчала баба.

— Ну и что же?

— Спрашивали, гдѣ вы, а я сказала, что уѣхали.

— Ну?

— Они написали вамъ что-то...

— А гдѣ письмо?

— Тамъ, на столѣ... Да еще полиція васъ спрашивала...

— Полиція?

— Да, полицейскій сказывалъ, что, какъ пріѣдете, чтобы сейчасъ пришли...

— Гм... Да кто же былъ?

— Полицейскій...

— Ну, хорошо.

Подойдя къ столу въ кабинетѣ, Кузьма Платоновичъ съ тревогою вскрылъ письмо отъ сыновей, но въ немъ лишь сообщалось, что матери не нашли, и высказывалось удивленіе, что онъ забылъ сообщить объ этомъ полиціи, причемъ сыновья увѣдомляли, что сами сдѣлали заявленіе.

Кузьма Платоновичъ успокоился и объяснилъ вызовъ въ полицію ихъ заявленіемъ, но всетаки счелъ нужнымъ и отъ себя сообщить, объяснивъ запозданіе забвеніемъ и экстреннымъ отъѣздомъ по дѣламъ службы.

— А вы увѣрены,—предложили ему вопросъ въ полиціи,—что ваша жена погибла въ горахъ?

— Я?—смутился Кузьма Платоновичъ:—но что же иное предположить?

— Да нѣтъ, это такъ себѣ,—таинственно отвѣтилъ окружной начальникъ,—но не я васъ вызывалъ...

— Въ квартирѣ мнѣ сказали...

— Совершенно вѣрно, но это по требованію жандармскаго управленія, куда вы немедленно и зайдите.

За короткое время пребыванія въ Средней Азіи Корнеплодову ни разу не представилось случая посѣтить жандармское управленіе, и этимъ обстоятельствомъ онъ объяснялъ вызовъ его черезъ полицію, но ему было крайне непріятно.

Въ жандармскомъ управленіи его встрѣтилъ адъютантъ начальника управленія, и, какъ только Кузьма Платоновичъ назвалъ свою фамилію, произнесъ: «а-а!» и отправился доложить начальнику. Послѣдній немедленно пригласилъ въ свой кабинетъ Корнеплодова, любезно съ нимъ поздоровался, предложилъ садиться и, тщательно притворивъ дверь, приступилъ къ бесѣдѣ, глядя время отъ времени въ лежавшую передъ нимъ бумагу и въ длинную шифрованную телеграмму.

— Вы, кажется, разыскиваете вашу супругу?—началъ жандармскій генералъ, бросивъ пристальный взглядъ на Корнеплодова.

— Да,—смущенно отвѣтилъ послѣдній, стараясь не смотрѣть на генерала.

— Вы увѣрены, что съ нею что-нибудь приключилось въ горахъ?

— Да... Всѣ такъ думаютъ...

— А не могла она уѣхать отсюда, скрыться?

— Не знаю...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но, по вашему мнѣнію, могло это случиться?

— Врядъ ли...

— Не намекала она вамъ объ этомъ? Не было разговоровъ?

— Нѣтъ.

— А между тѣмъ у насъ имѣются нѣкоторыя данныя, что ваша супруга сейчасъ въ Петербургѣ, живетъ, вѣроятно, по подложному паспорту и, кажется, занимается антиправительственною дѣятельностью очень опаснаго свойства.

При этомъ генералъ пронизывающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Кузьму Платоновича, и послѣдній отъ этого взгляда вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Генералъ замѣтилъ это и, глядя въ упоръ на Корнеплодова, продолжалъ:

— Ваше прошлое намъ хорошо извѣстно и въ достаточной мѣрѣ оцѣнено правительствомъ, которое и сейчасъ относится къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, но, конечно, это довѣріе прекратится, если съ вашей стороны будетъ замѣчена неискренность...

— Я васъ не понимаю, генералъ,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Корнеплодовъ:—кажется, я не занимаюсь ничѣмъ предосудительнымъ...

— Совершенно вѣрно, господинъ Корнеплодовъ, но пассивность иногда можетъ сдѣлаться преступностью. Многіе не занимаются антиправительственною дѣятельностью, но это не значитъ, что они довѣряютъ правительству, относятся къ нему чистосердечно и содѣйствуютъ борьбѣ съ крамолою, что особенно важно именно теперь...

— Но въ чемъ дѣло, генералъ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ сообщу... Скажите, пожалуйста, у васъ имѣется фотографическая карточка вашей жены?

— Нѣтъ.

— Ни одной?

— Ни одной.

— Вы ни разу не снимались?

— Вамъ должно быть понятно, генералъ, что мнѣ, въ моемъ положеніи, неудобно было сниматься, почему я не напоминалъ женѣ, чтобы и она снималась, такъ какъ могло случиться, что она пожелаетъ вмѣстѣ со мною...

— Да, да, да, совершенно понимаю... Впрочемъ, это даже не важно, такъ какъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, крайне необ

ходимо, чтобы вы лично взглянули на особу, въ которой подозрѣваютъ вашу жену, для чего и просятъ васъ отправиться въ Петербургъ.

— Въ Пе-тер-бургъ?!

— Да. Конечно, всѣ расходы будутъ за счетъ правительства, а чтобы не обратить вниманія, васъ вызовутъ по дѣламъ службы.

— Ха-ха-ха!—вдругъ дикимъ безумнымъ смѣхомъ расхохотался Кузьма Платоновичъ:—ха-ха-ха! Такъ значитъ я долженъ обнаружить собственную жену?! Ха-ха-ха!... Же-ну?!

Генералъ нажалъ кнопку на письменномъ столѣ, и тотчасъ къ нему явился адъютантъ.

— Прикажите, пожалуйста, дать воды,—сказалъ тревожно генералъ.

Адъютантъ, съ удивленіемъ взглянувъ на хохочущаго Корнеплодова, повернулся на одной ногѣ и скрылся. Вслѣдъ за этимъ жандармскій унтеръ-офицеръ принесъ на подносѣ графинъ воды. Генералъ сдѣлалъ ему знакъ и унтеръ-офицеръ, поставивъ воду на столъ, осторожно на пальцахъ ушелъ изъ комнаты. Тогда генералъ налилъ стаканъ воды, подалъ ее Корнеплодову и сказалъ:

— Успокойтесь!... Что съ вами?...

Кузьма Платоновичъ, стуча о стаканъ зубами, залпомъ выпилъ одинъ за другимъ два стакана воды, вытеръ платкомъ выступившій потъ на лбу и тихо проговорилъ:

— Простите... Извините, но это сверхъ моихъ силъ...

Тогда генералъ поднялся съ кресла, выпрямился во весь ростъ и устремилъ пронизывающій взглядъ на Корнеплодова. Подъ вліяніемъ этого взгляда, Кузьма Платоновичъ весь съежился и чувствовалъ себя, какъ чувствуетъ птичка, когда видитъ разинутую пасть змѣи, собирающейся ее поглотить.

— Съ какихъ поръ, господинъ Корнеплодовъ, у васъ такъ рѣзко измѣнились взгляды?—медленно и твердо отчеканивалъ каждое слово генералъ:—не вы ли неоднократно обращались въ Z—ское жандармское управленіе и сообщали свѣдѣнія о знакомыхъ вашей жены? Вы думаете, что, забравшись въ Среднюю Азію, замели всѣ слѣды? Вы полагаете, что намъ не все извѣстно? А ваше далекое прошлое? Вѣдь вы, господинъ Корнеплодовъ, съ головою выдали всѣхъ вашихъ друзей...

— Довольно, генералъ, довольно!—закричалъ Кузьма Платоновичъ, отмахиваясь руками, словно бы кто нападалъ на него:—согласенъ, на все согласенъ!...

— Я умолкаю, господинъ Корнеплодовъ,—ни слова больше скажу... Выпейте еще воды...

— Нѣтъ, благодарю...

— Итакъ, вы ѣдете?

— Да.

— Это нужно поскорѣе... Кажется, на-дняхъ оканчивается сро отпуска вашимъ сыновьямъ?

— Не знаю...

— А я знаю,—могу ошибиться не болѣе, какъ на день, на два. Къ этому времени вы получите командировку и, не обращая ничье вниманія, уѣдете вмѣстѣ съ ними... Для вашего успокоенія я д женъ сказать, что, быть можетъ, подозрѣваемая особа окажется ваша жена, а если это будетъ она, то правительство, понятно, н чего особеннаго съ нею не сдѣлаетъ, цѣня ваши услуги: вы, бы можетъ, именно спасете вашу супругу...

Кузьма Платоновичъ, широко раскрывъ глаза, молча выслуша послѣднія слова генерала и, когда послѣдній наклоненіемъ голо показалъ, что аудіенція кончена, Корнеплодовъ механически раск нялся и молча оставилъ комнату.

На улицѣ онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ и жа во всемъ тѣлѣ. Онъ шелъ, какъ пьяный, и никакъ не могъ сообр зить, что съ нимъ произошло. Онъ ломалъ голову, старался при мнить, что сейчасъ было, но сознаніе все больше и больше остав ло его. Ему сдѣлалось страшно, и онъ все ускорялъ и ускорялъ шаг Пришедши домой, онъ долгое время ходилъ, понуривъ голову, по те ной комнатѣ. Вдругъ онъ вскрикнулъ—передъ нимъ, какъ жива предстала жена и устремила на него полный укоризны взоръ. Дро всѣмъ тѣломъ, онъ зажегъ свѣчу. Жена исчезла, но онъ почувств валъ, что она скрылась у него въ горлѣ и душила его. Онъ быст подошелъ къ столу, досталъ бритву, подошелъ къ зеркалу и, схв тивъ пальцами то мѣсто на шеѣ, подъ которымъ скрылась жена, остервенѣніемъ перерѣзалъ себѣ горло и грохнулся на полъ.

Вбѣжавшая прислуга, увидѣвъ страшную картину, въ ужа выбѣжала на улицу и стала кричать что есть мочи, покуда не с брался народъ, а затѣмъ и полиція.

И. П. Бѣлоконскій.

ДѢТИ ЗЕМЛИ.

Разсказъ Арвида Iернефельта.

(Съ финскаго).

Вотъ что говоритъ сказанiе:

Это было давно, давно. Въ старину пришли побѣдители со сверкающими копьями, въ пестрыхъ шлемахъ, неся передъ собой крестъ, сiявшiй побѣдной славой. Люди Калевалы поднялись на защиту своихъ боговъ. Запылали села и деревни и со страшнымъ трескомъ повалились священныя рощи. Побѣдители прошли по странѣ, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Сопротивлявшiеся были изгнаны и обречены умереть въ пустынѣ, слабыхъ крестили, и новые властелины дѣлали себѣ изъ нихъ подданныхъ.

Народы можно побѣждать и покорять, людей можно изгонять и унижать, но можно ли покорять и изгонять также и боговъ? Если нѣтъ, то гдѣ же скрываются дочери воздуха, дочери дня, гдѣ дочери луны, гдѣ скрывается богъ моря со своими дѣвами, гдѣ богъ лѣса со своими голубыми подругами, гдѣ, наконецъ, всѣ тѣ существа, чьи голоса доносятся до человѣка изъ широкихъ пространствъ,—эти голоса, которые среди рокота морскихъ волнъ возбуждаютъ въ немъ отвагу, которые въ тишинѣ звѣздной ночи будятъ въ немъ свѣтлыя мысли, или на тропинкахъ въ лѣсной чащѣ вдохновляютъ его къ пѣснѣ и превращаютъ въ немъ тоску одиночества въ радостное настроенiе?

Неужели же, когда покоряютъ людей, то вмѣстѣ съ ними покоряютъ и боговъ?

Нѣтъ, ихъ покорить нельзя. Они живутъ еще и по сей день.

Побѣдители не знали, да они и не хотѣли этого, что, водружая въ напоенную кровью землю крестъ, они водружаютъ вмѣстѣ съ нимъ и духъ истины, который никогда еще не вступалъ въ союзъ съ огнемъ и мечомъ.

И передъ этимъ-то духомъ истины собрались покинутые народомъ боги и услышали слѣдующія слова:

«Во имя мое однажды освободится все то, что связано огнемъ и мечомъ: тотъ, кто бралъ—будетъ давать, кто грабилъ—возвратитъ все обратно, кто сдѣлался господиномъ—превратится въ слугу. Но освобожденіе произойдетъ не съ помощью меча и огня, а съ помощью моихъ ангеловъ. Васъ я превращу въ своихъ ангеловъ, и ваши слова снова будутъ раздаваться среди людей, пока все не будетъ окончено и я не увижу, что разъединенные люди слились во-едино».

Такъ говорилъ духъ истины.

И онъ далъ ангеламъ тысячи лѣтъ; и онъ далъ имъ голосъ, который нѣжно, какъ утренній вѣтерокъ, проникаетъ все существо человѣка.

Этотъ голосъ звучитъ и понынѣ.

I.

Въ мышеловкѣ.

Это было въ сумеркахъ, въ одинъ пасмурный ноябрьскій день. Въ это время дня въ деревенской лавкѣ на перекресткѣ обыкновенно бывало пусто, и лавочникъ позволялъ себѣ даже маленькій послѣобѣденный отдыхъ въ своей комнатѣ. Вдругъ входная дверь съ шумомъ распахнулась, и колокольчикъ на концѣ длинной согнутой пружины запрыгалъ и задребезжалъ тревожно и суетливо, долго не смолкая:

— Скорѣй сюда, скорѣй сюда, пришелъ Кинтури-Янне,—слышите, Кинтури-Янне, Кинтури-Янне, скорѣй, скорѣй, Кин-кин-кинтури-Янне, кин-кин-кингеликин-кин-кин...

— Ага, ага!—послышалось изъ сосѣдней комнаты, и лавочникъ началъ подниматься съ дивана, на которомъ уже успѣлъ улечься лицомъ къ стѣнѣ съ накинутымъ на плечи пиджакомъ и въ однихъноскахъ на ногахъ.

— Это навѣрное Кинтури-Янне!—сказалъ онъ, натягивая на ноги ботинки,—сейчасъ же слышно по звонку; никогда нельзя было бы и подумать, что это голышъ — онъ гремитъ дверью, какъ невѣсть какой помѣщикъ.

И хозяинъ ввалился въ лавку. Это былъ румяный человѣкъ съ моргающими глазами, окаймленными свѣтлыми рѣсницами. При видѣ Кинтури онъ сейчасъ же пришелъ въ хорошее настроеніе; онъ весело и дружески поздоровался съ нимъ и спросилъ, нѣтъ ли чего новенькаго.

Кинтури-Янне, торпаръ и отецъ девяти человѣкъ дѣтей, вывалилъ на прилавокъ цѣлую тушу телятины и три кило самаго свѣжаго масла. Потомъ онъ склонился надъ прилавкомъ и спросилъ почтительнымъ и вѣжливымъ шепотомъ, нельзя ли купить мышеловку.

— Это еще что? Неужели мыши повадились ходить въ зерно? Такъ оно не помѣщается больше въ засѣкѣ? Тебѣ, Кинтури, навѣрное придется держать его въ мѣшкахъ?

— Вотъ именно, вотъ именно,—подхватилъ Кинтури, который хорошо зналъ привычку лавочника вѣчно острить по поводу его богатства.

Между Кинтури и хозяиномъ лавки былъ договоръ, состоявшій въ томъ, что Кинтури по сходной цѣнѣ, разъ навсегда установленной, поставлялъ лавочнику каждыя шесть недѣль отпоеннаго теленка. Онъ долженъ былъ также поставлять въ лавку и все масло, которое только у него дома пахталось, и всѣ вообще деревенскіе продукты, которые у него могли накопиться. Этотъ договоръ казался Кинтури очень выгоднымъ, такъ какъ онъ съ своей стороны пользовался въ лавкѣ извѣстными преимуществами. Ему не надо было выкладывать деньги, когда онъ приходилъ въ лавку за покупками, и хозяинъ лавки никогда не требовалъ отдачи долга, накоплявшагося въ продолженіе года за кофе, муку, соль, сахаръ и табакъ, въ неудобное время, а всегда спокойно ждалъ слѣдующаго теленка. На самомъ дѣлѣ купецъ былъ добрый человѣкъ, и Кинтури охотно посѣщалъ его лавку.

Кинтури очень льстило также близкое знакомство съ хозяиномъ лавки, который принадлежалъ къ числу господъ. Вообще Кинтури испытывалъ горькое чувство по отношенію къ господамъ и старался избѣгать ихъ, какъ это дѣлали съ незапамятныхъ временъ и его праотцы. Но этотъ купецъ съ малыхъ лѣтъ былъ обязанъ только своей собственной энергіи тѣмъ, что сдѣлался бариномъ, а кромѣ того онъ многихъ господъ провелъ за носъ. Для Кинтури онъ былъ живымъ примѣромъ того, что «и нашъ братъ не дуракъ,—стоитъ лишь захотѣть». Потому-то Кинтури очень цѣнилъ какъ самого купца, такъ и всю его лавку и страшно гордился знакомствомъ съ нимъ. Высшимъ удовольствіемъ для него было придти въ лавку, когда тамъ было много народу, и съ сознаніемъ этого лестнаго знакомства, самому взять себѣ что-нибудь изъ товара, напримѣръ, снять съ потолка длинной палкой пучекъ уздечекъ, выбрать себѣ одну изъ нихъ и затѣмъ, какъ бы мимоходомъ условиться съ хозяиномъ лавки въ цѣнѣ,—и все это въ самую сутолоку. Иногда случалось даже, что онъ на гла-

вахъ у посѣтителей лавки заходилъ за прилавокъ, открывалъ ящикъ съ гвоздями и отсчитывалъ себѣ въ руку сто штукъ трехдюймовыхъ гвоздей; затѣмъ онъ засовывалъ ихъ себѣ въ карманъ и только слегка кивалъ лавочнику. Тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же: слегка кивалъ головой и моргалъ глазами. Или же случалось къ вящему удовольствію Кинтури, что лавочникъ говорилъ: «Послушай, Кинтури, налей-ка Саренскѣ керосину, у насъ такой спѣхъ». Въ такихъ случаяхъ всѣ посѣтители лавки, и знакомые, и незнакомые, смотрѣли на Кинтури съ большимъ уваженіемъ. А кудластые парни съ лѣсопилки, такъ важничавшіе своимъ деннымъ заработкомъ, стояли, вытаращивъ глаза отъ удивленія, и тщетно старались выяснить себѣ, какія отношенія могутъ существовать между лавочникомъ и Кинтури.

На этотъ разъ Кинтури-Янне пришелъ покупать мышеловку; въ лавкѣ не было другихъ покупателей.

Лавочникъ выложилъ на прилавокъ нѣсколько сортовъ мышеловокъ и въ то же время продолжалъ шутить насчетъ полныхъ закромовъ торпара.

— Вотъ какъ, такъ мыши забрались, значитъ, въ твою кладовую и лакомятся сахаромъ и пшеничной мукой?—сказалъ онъ, ласково моргая глазами.

Кинтури тоже заморгалъ ему въ отвѣтъ и сдѣлалъ усиліе, чтобы засмѣяться по своему обыкновенію, какъ того требовали ихъ шутливыя отношенія, которыя еще никогда не нарушались. Но на этотъ разъ это ему какъ-то не удалось. Онъ сталъ серьезнымъ и началъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ разсматривать мышеловки.

Ни одна изъ нихъ ему не понравилась. Онѣ хлопаютъ слишкомъ громко,—говорилъ онъ. Онъ желаетъ такую, которая захлопывается безъ малѣйшаго шума.

— Я такъ чутко сплю. Надо вамъ сказать, что эти негодныя твари, т.-е. мыши, поднимаютъ такую возню у насъ, что не даютъ никакого покоя по ночамъ. А вѣдь вы знаете, старость-то даетъ себя чувствовать. Не такъ-то легко послѣ тяжелой поденщины всю ночь лежать съ открытыми глазами да переворачиваться съ боку на бокъ.

— Да что же гонитъ ихъ въ избу, когда амбары переполнены?— спросилъ купецъ, стараясь опять превратить все въ шутку.—Но подожди, я сейчасъ дамъ тебѣ мышеловку, которая совсѣмъ не хлопаетъ.

И онъ выложилъ на прилавокъ какое-то странное сооруженіе. Возлѣ обыкновенной мышеловки, сбоку, была придѣлана жестяная кружка, а надъ кружкой находилась маленькая клѣтка, въ которую

велъ узкій коридорчикъ изъ проволоки, соединявшій мышеловку съ клѣткой.

— Вотъ смотри, Кинтури. Когда мышь войдетъ въ мышеловку, то за ней сейчасъ же упадетъ маленькая дощечка и закроетъ входъ въ мышеловку. Мышь начнетъ искать выхода и попадетъ въ эту клѣтку. Но едва она попадетъ въ клѣтку, какъ дно въ ней подастся, и мышь свалится въ воду. Послѣ этого дно въ клѣткѣ опять принимаетъ свое прежнее положеніе, а дощечка, заслоняющая входъ, снова поднимается. Такимъ образомъ въ этой мышеловкѣ могутъ утонуть пять-шесть мышей, а ты даже ничего объ этомъ и знать не будешь, и будешь себѣ спать, какъ сурокъ,—все тутъ движется на смазанныхъ ходахъ безъ малѣйшаго звука.

— Вотъ такъ штука!—удивился Кинтури. Онъ подробно осмотрѣлъ это хитроумное изобрѣтеніе, еще разъ выразилъ удивленіе и не могъ не отозваться съ похвалой о человѣческой находчивости.— Сперва сюда,—повторилъ онъ за лавочникомъ, потомъ въ клѣтку и плюхъ въ воду! А ужъ оттуда идти некуда, тамъ она крѣпко засядетъ, чортъ возьми!—Онъ перевернулъ мышеловку, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и снова перевернулъ. Куда отсюда уйти! Некуда! Да, такъ-то, скажу я вамъ,—продолжалъ Кинтури,—бываетъ, что мысли привяжутся къ человѣку и не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Я разсуждаю такъ: человѣкъ думаетъ слишкомъ много.

Повидимому, Кинтури рѣшилъ совершенно оставить шутливый тонъ. Въ носу у него щекотало, и на глаза навертывались слезы. Ему вдругъ захотѣлось посвятить купца во всѣ свои горести. Купецъ былъ добрый человѣкъ, въ этомъ Кинтури самъ убѣдился; онъ видѣлъ, какъ тотъ ласково хлопалъ своего молодого жеребенка, какъ онъ нѣжно ласкалъ свою кошку, какъ онъ ворковалъ со своей женой—они жили точно новобрачные,—а кромѣ того разсказывали еще, что онъ выручилъ своего племянника негодяя изъ большого денежнаго затрудненія и выложилъ ради него нѣсколько тысячъ. Какъ же такому знакомому не раскрыть своего сердца и не разсказать, какъ обстоятъ дѣла.

И вотъ Кинтури въ первый разъ оставилъ свой обычный шутливый тонъ и началъ говорить о своей горькой участи. Если и раньше его дѣла шли плохо, то теперь пошли еще хуже: онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Изъ хозяйской риги пропалъ овесъ, и онъ устроилъ обыскъ у своихъ подчиненныхъ. «Я не воровалъ у тебя овса,—закричалъ я ему, и заодно я выругалъ его за многое другое старое. Но онъ попросилъ полицію не обращать на меня вниманія, и вотъ эти черти перерыли у меня въ домѣ все вверхъ дномъ, а на чердакѣ

они разбросали платье моей хозяйки—негодяи! Развѣ позволительно дѣлать обыскъ такимъ образомъ? Или, быть можетъ, я имѣю право послать полицію рыться въ его углахъ, когда это мнѣ только придетъ въ голову?—Ну, никакого овса они у насъ, конечно, не нашли, но хозяинъ обозлился и взялъ полицейскихъ въ свидѣтели, а мнѣ приказалъ убираться изъ торпа *). Скажите, развѣ онъ имѣетъ право меня выгонять?

— А у тебя есть какой-нибудь контрактъ на торпъ?

— Никакихъ бумагъ у меня нѣтъ. Но развѣ недостаточно слова? У меня есть свидѣтели. Торпъ принадлежалъ моему отцу и моему дѣду. Они расчистили лѣсъ и сложили каменную ограду, неужто же нужны еще какія-нибудь бумаги?

— Такъ это, значитъ, нѣчто вродѣ обѣщанія. Нѣтъ, это не годится. Все должно быть обусловлено на бумагѣ. Иди-ка, Кинтури, сейчасъ же и помирись съ хозяиномъ!

Кинтури вздохнулъ, съежился и сталъ какъ будто ниже, грудь у него ввалилась, и онъ пристально смотрѣлъ на крошки, валявшіяся на прилавкѣ.

— Да я ужъ попытался было это сдѣлать. Конечно, это было тяжело, но я всетаки попытался. А хозяинъ мнѣ сказалъ: «Если ты заплатишь мнѣ твой долгъ и согласишься на новый оброкъ, то можешь оставаться». Я, видите ли, пристроилъ изъ его бревенъ небольшую горницу къ своей избѣ. Но откуда же мнѣ достать денегъ?

Лавочникъ сталъ подозрѣвать, что Кинтури, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторые виды на его деньги, а потому онъ счелъ за лучшее какъ-нибудь прекратить эти изліянія. Кряхтя, онъ влѣзъ на прилавокъ, чтобы зажечь висячую лампу. Стоя на колѣнахъ на прилавкѣ, онъ сталъ разсказывать, что и ему пришлось пережить тяжелыя времена. Деньги не идутъ, векселя просрочиваются, а день уплаты никогда не заставляетъ себя ждать. Иногда чувствуешь себя, точно въ аду. Кусокъ въ горло не идетъ и ночью глазъ не закрываешь, а только ворочаешься съ боку на бокъ.

— Да, да, съ боку на бокъ,—повторилъ Кинтури. Сходство ихъ положенія до такой степени обрадовало его, что онъ обѣими руками почесалъ себѣ носъ и вытеръ слезы, навернувшіяся у него на глазахъ. Онъ добрый, очень добрый, этотъ купецъ. Если онъ и выжимаетъ деньги изъ людей, то что же другое и дѣлать купцу.

---

*) Торпъ—жилое мѣсто съ небольшимъ участкомъ земли, арендуемое безземельнымъ крестьяниномъ-торпаромъ у крупнаго землевладѣльца; аренда выплачивается обыкновенно поденной работой. *Примѣч. переводч.*

Лампа разгорѣлась и ея яркій свѣтъ ясно освѣщалъ малѣйшіе предметы въ лавкѣ.

— Ну, жаловаться-то собственно грѣхъ; въ концѣ-концовъ все-таки дѣла пошли хорошо,—сказалъ лавочникъ, стараясь опять перейти на болѣе веселый тонъ. И онъ неуклюже сползъ съ прилавка, и, повидимому, отбросилъ отъ себя всѣ воспоминанія. Однако онъ не преминулъ дать Кинтури еще одинъ очень хорошій совѣтъ.

— Сколько лѣтъ твоей женѣ, Кинтури?

— Тридцать восемь лѣтъ.

— Ого! Ну, такъ у васъ можетъ народиться еще съ полдюжины ребятъ. Сколько ихъ у васъ теперь?

— Девять живыхъ, да трое померло,—отвѣтилъ Кинтури, нѣсколько оживляясь. И онъ самодовольно выпрямился, ожидая отъ лавочника похвалы; но тотъ началъ его бранить.

— Слыханное ли это дѣло, Кинтури! Многіе состоятельные люди обѣднѣли бы, если бы имъ пришлось кормить такую кучу ребятъ. И зачѣмъ ихъ производить на свѣтъ въ такомъ количествѣ? Это прямо безразсудно!

Онъ наклонился къ самому уху Кинтури и началъ шептать, хотя они были одни въ лавкѣ.

Кинтури глазѣлъ на лавочника съ широко открытымъ ртомъ и никакъ не могъ понять, что тотъ ему говоритъ.

Въ эту минуту въ лавку вошла кучка рабочихъ съ лѣсопилки. А такъ какъ лавочникъ закончилъ свои совѣты, громко повторивъ: «Слыханное ли это дѣло, такая куча ребятишекъ!», то и рабочіе начали смѣяться надъ изобиліемъ у него дѣтей. И они начали громко разсуждать о томъ же, о чемъ лавочникъ только что шепталъ Кинтури на ухо. Они выражались очень грубо и цинично.

Кинтури былъ въ страшномъ смущеніи.

Онъ такъ рѣдко выѣзжалъ изъ своего лѣсного угла въ этотъ просвѣщенный свѣтъ, и каждый разъ онъ получалъ тяжелые удары, съ кѣмъ бы ни соприкасался здѣсь. Онъ старался смѣяться и говорить въ томъ же тонѣ, какъ и другіе, но на сердцѣ у него было тяжело, и онъ стремился поскорѣе опять скрыться въ лѣсу, какъ птица, залетѣвшая случайно въ человѣческое жилье.

Къ несчастью, въ лавку вошла еще толстая жена управляющаго,—она пришла покупать телятину и масло. Когда она услыхала, что лавочникъ упрекаетъ Кинтури въ бѣдности, то и она не пропустила удобнаго случая пустить нѣсколько шпилекъ по адресу торпача.

— Бѣдный! Лучше бы ужъ и не говорили о бѣдности. Когда

обзаводишься такой оравой дѣтей да пьешь, да покупаешь кофе и бѣлый хлѣбъ, то понятно, что и бѣднѣешь. Кто ихъ проситъ пить кофе, разъ они бѣдны!

Въ своемъ раздраженіи она быстро повернулась на каблукахъ.

У Кинтури явилось непреодолимое желаніе привскочить высоко въ воздухѣ и, какъ ястребъ, вцѣпиться ей въ шею, или просто схватить ее за шиворотъ и вышвырнуть за дверь. Этого хотѣла горячая кровь Кинтури, но праотцы совѣтовали: поклонись барынѣ повѣжливѣе и скажи: «такъ-то оно, такъ», и затѣмъ иди своей дорогой въ лѣсъ.

Кинтури всегда слушался праотцевъ. Онъ поклонился барынѣ со словами: «такъ-то оно, такъ». Однако въ слѣдующую минуту онъ наклонился надъ прилавкомъ, о который опирался обѣими руками, и попросилъ лавочника дѣловымъ и вѣжливымъ тономъ такъ, что барыня слышала, положить ему въ мѣшокъ на три марки лучшаго кофе и столько же сахару кусками—перваго сорта—«и пожалуй еще на марку бѣлаго хлѣба—онъ, кажется, свѣжій».

На эту месть у него, конечно, не было согласія праотцевъ, но зато онъ успокоилъ свою горячую кровь рабочаго—и его праотцы были удовлетворены.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ купецъ собралъ все, что Кинтури ему заказалъ. Барыня стала разсматривать мышеловку. Кинтури, который придумывалъ, какъ бы еще отмстить, взялъ мышеловку и кивнулъ лавочнику со словами: «Это я тоже беру».

И Кинтури наслаждался своей местью, несмотря на то, что слышалъ въ дверяхъ, какъ лавочникъ запрашивалъ съ барыни за телятину и за масло вдвое больше, чѣмъ самъ заплатилъ. «Повытряси-ка свою мошну, милая моя!»—подумалъ онъ, и у него явилось громадное желаніе самому вывернуть карманы барыни наизнанку.

Поведеніе лавочника ничуть не казалось Кинтури предосудительнымъ. Онъ находилъ, что лавочникъ поступаетъ только такъ, какъ того требуетъ его профессія, стараясь получить какъ можно больше выгоды въ ущербъ ему, Кинтури. Но эта барыня! Чортъ возьми, хорошо было бы вцѣпиться ей въ шею!

Кинтури поѣхалъ домой, но удрученное состояніе не покидало его, такъ какъ онъ продолжалъ думать о тѣхъ совѣтахъ, которые ему давали лавочникъ и рабочіе съ лѣсопилки. Однако, когда онъ свернулъ съ большой дороги и его глаза, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ лампы, снова привыкли къ темнотѣ, а запахъ керосина и салаки исчезъ изъ его носа и въ ушахъ пересталъ раздаваться рѣзкій звонъ лавочнаго колокольчика,—его стѣсненное сердце снова расши-

рилось; понемногу успокоясь, онъ сталъ наблюдать, какъ неподвижныя сосны, вырисовывавшіяся въ туманѣ, мало-по-малу превращались въ сплошную стѣну. Въ концѣ-концовъ онъ самъ какъ бы исчезъ въ глубокой тишинѣ этой такъ хорошо ему знакомой пустыни.

И вотъ Кинтури стало казаться, что мышеловка, которую онъ съ собой везъ, представляетъ собою волшебство, при помощи котораго онъ снова встанетъ на ноги. Вѣдь въ концѣ-концовъ, быть можетъ, безсонница и есть причина того упадка силъ, который его такъ испугалъ въ началѣ. Если только мыши перестанутъ мѣшать ему спать по ночамъ, то онъ снова будетъ работать, какъ волъ. Днемъ онъ будетъ исполнять свою обычную работу, но отъ ночи онъ будетъ урывать часика два, когда случается, что подъ утро свѣтитъ мѣсяцъ; и онъ будетъ понемногу вывозить изъ лѣса бревна на большую дорогу, а оттуда около Рождества, когда установится санный путь, онъ легко доставитъ ихъ на лѣсопилку и такимъ образомъ смѣло заработаетъ пятерку въ день. Путте не очень-то разборчивъ на кормъ. Стòитъ ему слегка посыпать сѣчку мукой, и онъ жуетъ ее себѣ всю ночь и не выражаетъ никакого недовольства.

Пріѣхавъ домой, Кинтури вытеръ своего Путте пучкомъ соломы, сгребъ въ конюшнѣ навозъ въ сторону, поставилъ сани подъ навѣсъ и вошелъ въ избу.

Семья уже поужинала.

Онъ поставилъ мышеловку на столъ, отдалъ кофе, хлѣбъ и сахаръ своей женѣ, Мари, и сѣлъ, не говоря ни слова, ѣсть картофель.

Мари вопросительно взглядывала на него, но молчала, потому что хорошо видѣла, что мужъ не расположенъ къ разговору. Ее очень удивило щедрое приношеніе кофе и другихъ припасовъ. Правда, Кинтури и въ болѣе тяжелыя времена всегда заботился о томъ, чтобы у Мари не было недостатка въ кофе, хотя самъ онъ былъ равнодушенъ къ этому напитку; но такое изобиліе кофе, да еще съ прибавкой бѣлаго хлѣба,—это было нѣчто необыкновенное, и у Мари явилось подозрѣніе, что мужъ хочетъ какъ-нибудь уколоть ее этимъ. Ее огорчило также и то, что Кинтури сидитъ и ѣстъ въ глубокомъ молчаніи, и никто изъ окружающихъ не знаетъ, о чемъ онъ думаетъ и что его удручаетъ.

Всѣхъ дѣтей въ избѣ было шестеро: пятеро маленькихъ и пятнадцатилѣтняя дѣвочка Ида. Какъ только отецъ пріѣхалъ, Ида сейчасъ же вышла съ дѣловымъ видомъ изъ избы и пошла въ конюшню задать корму Путте.

Кинтури совсѣмъ пропалъ бы безъ своей Иды,—она была его

утѣшеніемъ и радостью, и съ такой дѣвочкой,—говорилъ онъ,—не надо и мальчиковъ! Она давала окрикъ на лошадей не хуже стараго конюха, она переѣзжала по льду на островъ и привозила домой возъ сѣна, она колола дрова, держала лошади ноги во время подковыванья, накладывала на дровни жерди и боронила овсяное поле. Эта дѣвочка была зеницей ока Кинтури. Ее онъ не отпустилъ бы служить въ чужіе люди, если бы даже ему пришлось отдать ради нея послѣднее, что у него было.

Изъ меньшихъ дѣтей только одинъ былъ мальчикъ, остальные были все дѣвочки. Этого единственнаго мальчика звали Яковомъ.

Всѣ дѣти столпились вокругъ мышеловки и старались угадать, что это такое; дотронуться до нея никто не посмѣлъ изъ боязни отца, который былъ въ такомъ молчаливомъ настроеніи,—даже Яковъ, его любимецъ.

Кончивъ ѣсть, отецъ взялъ мышеловку, наполнилъ жестяной сосудъ водой, насыпалъ въ уголъ мышеловки крошекъ, оставшихся отъ ѣды и, приказавъ дѣтямъ ложиться спать, ушелъ въ смежную горницу, гдѣ и заперся.

Эту горницу онъ самъ пристроилъ къ избѣ года два тому назадъ и съ тѣхъ поръ спалъ тамъ отдѣльно отъ остальной семьи. Мари спала съ дѣтьми въ избѣ.

Войдя въ горницу, Кинтури поставилъ мышеловку въ уголъ между печкой и стѣной, гдѣ у мышей была лазейка, и бросился на постель.

Онъ лежалъ тихо, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ углу заскребла мышь.

Она навѣрное разсматриваетъ теперь мышеловку со всѣхъ сторонъ. Вотъ она дотронулась до нея, вотъ загремѣла одна изъ подвижныхъ частей мышеловки.

Потомъ все затихло и долго ничего не было слышно.

Мысли Кинтури покинули мышеловку и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ. Сперва, какъ и всегда за послѣднее время, онѣ остановились на обыскѣ, который такъ взволновалъ Кинтури и перевернулъ всю его жизнь. Кинтури вспомнилъ сцену съ хозяиномъ, съ которымъ онъ вошелъ въ такія рѣзкія пререканія. Потомъ онъ перенесся въ далекія времена, когда онъ только что женился на Мари и принялъ отъ отца этотъ торпъ.

Въ углу опять загремѣло.

Эта шельма гремитъ себѣ только, а въ мышеловку не входитъ.

Вѣроятно, ее поражаетъ блестящая жесть. И Кинтури всталъ съ постели, взялъ изъ печки золы, поплевалъ на нее и замазалъ ею жестяную кружку въ мышеловкѣ.

Потомъ онъ опять тихо улегся въ постель и сталъ ждать. А мысли ова стали тѣсниться въ его головѣ и безпорядочно неслись впередъ, къ десятокъ деревенскихъ лошадей, впряженныхъ въ треугольникъ я расчистки дороги отъ снѣга. Такъ начинается долгая безсонная чь.

На подоконникъ упали косые лучи луны. Изъ этого Кинтури ключилъ, что было уже за полночь. До него ясно доносилось изъ бы спокойное храпѣніе Мари—его Мари, съ которой онъ прожилъ ѣстѣ лучшіе годы своей жизни. Прежде, когда они спали вмѣстѣ избѣ въ общей кровати и когда мысли начинали одолѣвать его, у стоило только повернуть голову такъ, чтобы она прислонилась плечу спящей Мари—и онъ сейчасъ же успокаивался и засыпалъ. Но вотъ уже два года, какъ они спятъ врозь. Какъ Кинтури, къ и Мари много думали о томъ, насчетъ чего предостерегалъ ланикъ, но они не нашли никакого средства выйти изъ затрудненія только старались отвыкнуть другъ отъ друга. Правда, послѣдній ёнокъ служилъ доказательствомъ того, что Кинтури не обладалъ достаточной степени силой воли, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ приоилъ себѣ горницу, онъ очень скоро привыкъ къ новому положе вещей. Къ этому разводу много способствовало и то обстоятельо, что Кинтури во избѣжаніе проявленія какой бы то ни было нѣжти, напустилъ на себя суровость и сварливость. Однако Мари тавила себѣ совсѣмъ иное понятіе о причинѣ его суровости: она ѣрила себя въ томъ, что Кинтури просто разлюбилъ ее. И она зала своей собственной жизнью въ обществѣ своихъ дѣтей. Конечно, не могла подозрѣвать, на какія хлѣбородныя поля Кинтури вылъ ее, на какихъ прекрасныхъ лошадяхъ съ серебряной сбруей ее каталъ и какіе золотые дворцы онъ для нея строилъ... во вре безсонныхъ ночей, когда онъ переворачивался въ своей постели боку на бокъ.

И вотъ передъ Кинтури снова пронеслась вся исторія его жеьбы и его совмѣстной жизни съ Мари вплоть до этого дня.

Ему было только двадцать два года въ то лѣто, когда онъ въ вый разъ увидалъ Мари. А Мари только что исполнилось восемдцать лѣтъ; она была высокая, стройная дѣвушка съ узломъ мягкъ волосъ, завернутыхъ высоко на темени, и въ широкихъ модъ рукавахъ. Она пріѣхала съ господами, у которыхъ служила ничной.

Что это были за господа—Кинтури такъ и не зналъ до сихъ поръ рошенько. Какъ перелетныя птицы, которыя опускаются то тутъ, тамъ, такъ и эти господа совершенно случайно попали это лѣто

въ ту мѣстность. Тогда тамъ появились блѣднолицыя барышни съ разноцвѣтными зонтиками, молодые люди въ блузахъ и коротких штанахъ, барыни и баре. Всѣ они говорили по-фински, но, несмотря на это, понимать ихъ было очень трудно. Они ходили осматривать весенніе ручейки, принимали ягнятъ за телятъ и очень нѣжно относились ко всѣмъ живымъ существамъ.

— О, что за великолѣпная сосна! Посмотрите на эти вѣтви, сколько мощи въ нихъ, какъ красиво онѣ извиваются!

Таковъ былъ ихъ разговоръ. А иногда они садились и начинали рисовать эти сосны. Иногда они прислушивались къ ихъ шуму; любовались облаками; протягивали руки къ озеру и говорили о родинѣ. Все имъ нравилось, все ихъ трогало, они даже собирали камешки и оплакивали цвѣточки, когда приближалось время сѣнокоса. Хозяинъ двора, гдѣ они жили, какъ будто понималъ ихъ немного, но остальные совсѣмъ ихъ не понимали. Но потому-то у хозяина и вскружило голову, и отъ этого произошло много зла. Дѣло въ томъ, что и онъ заговорилъ объ отечествѣ, надѣлъ на своихъ дочерей шляпы и отдалъ ихъ въ школу. Мало-по-малу онъ пріобрѣлъ привычки господъ и его земля должна была приносить ему больше денегъ. Онъ началъ продавать лѣсъ. Для начала онъ продалъ лѣсъ изъ родового торпа Кинтури, тотъ лѣсъ, изъ котораго Кинтури бралъ бревна и другой строевой матеріалъ. Съ этого и начались недовольства между торпаромъ и хозяиномъ. Развѣ допустимо что-либо подобное? Теперь на долю этого торпа выпала новая тягота, такъ какъ весь строевой матеріалъ приходилось покупать. Но этого мало.

Однажды, собирая въ лѣсу грибы, господа подошли къ избѣ Кинтури. Они пришли въ восторгъ отъ живописнаго мыса, на которомъ былъ расположенъ торпъ, и вступили въ переговоры съ хозяиномъ о покупкѣ этого мѣста подъ дачу. Тогда между хозяиномъ и семьей Кинтури произошли большія недоразумѣнія, такъ какъ хозяину очень хотѣлось продать торпъ, а старый Кинтури негодовалъ на хозяина за то, что тотъ посмѣлъ подумать о чемъ-либо подобномъ. Отецъ Кинтури и дѣдъ его воздѣлали этотъ торпъ на берегу лѣсного озера въ пустынномъ мѣстѣ и для вѣрности обнесли его даже каменной оградой, на сооруженіе которой дѣдъ пожертвовалъ лучшими годами своей жизни. Хозяинъ объявилъ тогда, слѣдуя совѣтамъ господъ, что собственно говоря, такого закона нѣтъ, который защищалъ бы права на извѣстный участокъ земли того, кто обнесъ этотъ участокъ каменной изгородью, и что единственное законное удостовѣреніе въ правахъ собственности представляетъ собою бумага, которой однако въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Съ этого началась ненависть всѣхъ Кинтури къ господамъ вообще. Имъ и потомъ не разъ еще приходилось защищать свой торпъ отъ посягательствъ господъ. Но въ тотъ разъ дѣло кончилось бы очень плохо для Кинтури, если бы господская служанка Мари, въ которую влюбился Кинтури, не спасла ему торпъ.

Мари увѣрила своихъ господъ, что поблизости отъ этого мѣста лѣсъ кишитъ змѣями. Это такъ напугало господъ, что всѣ переговоры о покупкѣ торпа сейчасъ же прекратились.

Изъ этого хитроумнаго поступка Мари Кинтури вывелъ то заключеніе, что и она любитъ его, и онъ влюбился въ нее еще больше.

И Кинтури воскресилъ теперь въ своей памяти это время до мельчайшихъ подробностей. Онъ вспомнилъ, съ какимъ трудомъ ему удавалось вначалѣ говорить съ Мари въ кухнѣ, какъ они едва успѣвали обмѣниваться нѣсколькими словами, но уже изъ этихъ словъ поняли, что любятъ другъ друга, какая это была радость для нихъ, какъ онъ потомъ началъ приходить въ кухню въ отсутствіи господъ, и наконецъ позже вечеромъ, когда господа уже спали; какъ Мари отчасти вслѣдствіе этого должна была оставить свое мѣсто, какъ они потомъ поженились, какъ отецъ передалъ ему торпъ и какъ хозяинъ на это согласился подъ условіемъ, что оброкъ увеличивался почти вдвое противъ прежняго.

Слѣдствіемъ этого новаго оброка было то, что Кинтури сразу пришлось очень туго. Но онъ былъ молодъ и могъ работать, какъ волъ. Дѣти у нихъ появлялись на свѣтъ почти каждый годъ; два раза родились двойни. Мари также было не легко. Узелъ волосъ на ея темени съ каждымъ годомъ, какъ будто, спускался все ниже и ниже; большую уборку въ избѣ она производила все рѣже, посуда не блестѣла больше, какъ прежде, она перестала сажать цвѣты и завѣшивать свои окна гардинами, а этотъ хорошій обычай она переняла отъ своихъ господъ и старалась какъ можно дольше соблюдать его. Дѣти оборвали украшенія съ полокъ, запачкали обои и наколотили некрасивые знаки на столахъ и стульяхъ. Въ концѣ концовъ Мари пришла къ тому заключенію, что чистота слишкомъ тяжелая обуза для жены торпара со множествомъ дѣтей. Мало-по-малу она потеряла свой прежній обликъ и превратилась въ обыкновенную крестьянку; и она забыла бы совершенно всѣ господскія привычки, если бы Кинтури самъ не желалъ, чтобы она ихъ не бросала. Кинтури ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ не доставилъ Мари той жизни, которой она была достойна. И онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы Мари не чувствовала тисковъ бѣдности. А потому-то у Мари всегда долженъ

былъ быть кофе съ сахаромъ, и свое платье она должна была шить такъ же нарядно, какъ и прежде.

Самъ онъ уже давно замѣтилъ къ своему ужасу, что дѣла его становились все хуже и хуже.

По мѣрѣ того, какъ проходила ночь, мысли Кинтури становились все мрачнѣе. Онъ началъ подсчитывать свои долги, сперва съ одного конца, потомъ съ другого, сперва безъ процентовъ, потомъ съ процентами. Въ полумракѣ, въ которомъ смутно выдѣлялось лишь окно на фонѣ луннаго свѣта, пробивавшагося сквозь облака, въ полной тишинѣ, не нарушаемой ни дѣтскимъ пѣньемъ, ни возней Мари, его духовное око раскрылось шире, и ничто не скрывало отъ него грозной дѣйствительности во всей ея наготѣ, и чѣмъ дальше онъ подсчитывалъ свои долги, тѣмъ яснѣе понималъ, что для него нѣтъ никакого спасенія. Сегодня для него угасла послѣдняя надежда. Лавочникъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его, когда Кинтури заговорилъ съ нимъ о своемъ денежномъ затрудненіи; а лавочникъ былъ единственный человѣкъ, къ которому Кинтури могъ обратиться за помощью. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что̀ именно теперь послѣдуетъ. Хозяинъ, конечно, отниметъ отъ него торпъ на томъ основаніи, что Кинтури не можетъ уплатить ему долга,—и торпъ продадутъ какому-нибудь чужому человѣку.

Но это не должно случиться, нѣтъ, никогда, никогда!

Онъ перевернетъ сотни тунландовъ земли и выкопаетъ тысячи саженъ канавы, но позоръ разоренія никогда не падетъ на его голову. Онъ никогда не попадетъ въ богадѣльню и не позволитъ своимъ дѣтямъ разсѣяться по бѣлу свѣту. Нѣтъ, никогда! Передъ этимъ страшнымъ призракомъ силы Кинтури удесятеряются и онъ превращается въ сказочнаго богатыря. Но въ то же время въ головѣ Кинтури проносится другая мысль: послушай, Кинтури, вѣдь ты теперь больше не тотъ, что былъ въ молодости,—человѣкъ съ неизсякаемой силой и стальными нервами. За послѣднее время ты ослабѣлъ, а у тебя явилась потребность въ отдыхѣ. Это была страшная мысль, она покрыла все тѣло Кинтури холоднымъ потомъ, она сдавила ему грудь и стѣснила дыханіе. Ибо если ему измѣнятъ силы, то потухнетъ и послѣдняя искра надежды. И передъ Кинтури встаетъ наводящая ужасъ картина: онъ видитъ, какъ его семья покидаетъ родной торпъ и его Ида въ послѣдній разъ слышитъ ржаніе Путте. Нѣтъ, никогда!

Мучимый такими мыслями, Кинтури метался по своей постели и возбуждался все больше и больше. Несмотря на то, что онъ не спалъ, его душилъ кошмаръ: грозная картина разоренія росла надъ нимъ,

надвигалась на него съ боковъ, онъ чувствовалъ ее подъ собой, на себѣ,—вотъ, вотъ она задушитъ его!

И вдругъ въ его головѣ пронеслась безумная мысль: отворить дверь, войти въ избу, разбудить Мари и лечь рядомъ съ ней, чтобы выплакаться. Мари обовьется своими руками вокругъ его шеи, будетъ утѣшать его и ласкать—и онъ забудетъ съ ней всѣ свои заботы. И Кинтури охватило такое блаженное чувство, его сердце такъ сладко забилось при этой мысли, что онъ дѣйствительно всталъ съ постели и, шатаясь, пошелъ къ двери.

Но въ то же мгновеніе тысячи голосовъ закричали ему:

— Что ты дѣлаешь, Кинтури! Развѣ ты не принялъ твердаго рѣшенія держаться въ сторонѣ отъ избы.

Кинтури отвѣтилъ:

— Развѣ я не могу выплакать у нея свое горе? Или она больше не *моя* Мари?

И когда онъ при этомъ посмотрѣлъ на свою постель, то ему показалось, что лечь на нее—это все равно, что отправиться на дыбы.

— Кинтури, вернись и лягъ!—кричали ему голоса.

Но Кинтури направился невѣрными шагами къ двери. Кровь горячей волной приливала къ его сердцу, и онъ содрогался передъ тѣмъ, что дѣлаетъ. Онъ растворилъ дверь и вошелъ въ избу.

Мари проснулась въ ту же минуту, приподнялась въ постели и, ничего не понимая спросонья, спросила рѣзко:

— Что тебѣ надо?

Кинтури сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то на печкѣ и отвѣтилъ болѣе грубо, чѣмъ обыкновенно:

— Куда, къ чорту, дѣвала ты кружку съ квасомъ?

— Да она на верстакѣ,—отвѣтила Мари и перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ.

Кинтури подошелъ къ верстаку и отпилъ нѣсколькими большими глотками кислой жидкости. Когда онъ кончилъ пить, то по ровному дыханію Мари онъ услыхалъ, что она уже заснула.

Тогда онъ повернулся и пошелъ въ свою комнату.

Глубоко вздыхая и чувствуя изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, онъ бросился на постель и сталъ разговаривать со своими праотцами, стараясь увѣрить ихъ, что онъ дѣйствительно ходилъ въ избу только для того, чтобы напиться. И онъ удостоился отъ своихъ праотцевъ похвалы за свою стойкость.

Потомъ на него вдругъ нашла истома, его глаза закрылись, и совершенно незамѣтно для него самого его мысли вдругъ перенеслись въ благодатную страну свободы.

О, что за покой, что за тишина царятъ въ странѣ блаженныхъ! Солнце сіяетъ, раздается пѣніе жаворонковъ. Самъ Кинтури идетъ за плугомъ по плодородной нивѣ Создателя; рыхлая, черная земля мягко разворачивается подъ плугомъ, а въ бороздахъ скачутъ трясогузки. Изгородей нигдѣ не видать, не видно также и межевыхъ камней, а каждый владѣетъ тѣмъ участкомъ земли, который онъ самъ для себя обработалъ. Дѣти не приносятъ съ собой бѣдности и заботы, а однѣ лишь радость и богатство, потому что они не служатъ обузой. Мальчики ухаживаютъ за молодыми жеребятами, дѣвочки няньчаютъ маленькихъ дѣтей, и у каждаго есть своя любимая работа на родномъ дворѣ. Вотъ Августъ уже идетъ къ пашнѣ: «Отецъ, дай мнѣ окончить работу»,—говоритъ онъ. «Кончай себѣ!» И сынъ поднимаетъ плугъ съ молодой мощью, трясетъ его, поворачиваетъ и начинаетъ новую борозду. Кинтури садится на край канавы, вытираетъ потъ и съ тихой радостью любуется напряженными мускулами сына. Потомъ онъ встаетъ, набиваетъ свою трубку и медленно направляется къ дому. Уже издали до него доносятся удары ткацкаго станка Мари. На дворѣ онъ беретъ на руки младшаго ребенка и идетъ съ нимъ въ избу. Отворивъ дверь, онъ останавливается на порогѣ. Мари ихъ не замѣчаетъ, она продолжаетъ шумѣть станкомъ и усердно тķетъ. Ея волосы собраны въ мягкій узелъ высоко на затылкѣ, на ней надѣтъ лифъ безъ рукавовъ, а рукава сорочки не доходятъ и до локтей, на ногахъ одни чулки. Однако ребенокъ не хочетъ въ избу, онъ хочетъ идти опять на дворъ играть, и Кинтури опускаетъ его на полъ. Тогда Мари отворачивается отъ ткацкаго станка и смотритъ на него съ ласковой улыбкой. Одно мгновеніе они смотрятъ другъ на друга и читаютъ другъ у друга въ мысляхъ. Кинтури кажется, будто онъ ей говоритъ: «Хотя въ этой небесной странѣ появленіе на свѣтъ ребенка и приноситъ съ собой лишь благословеніе и счастіе, но я всетаки буду держаться вдали отъ тебя, моя милая Марія, потому что я не хочу быть причиной новыхъ страданій для тебя, не хочу еще больше подрывать твои ослабѣвшія силы и давать еще больше работы твоимъ слабымъ рукамъ».

А Мари какъ будто отвѣчаетъ ему съ ткацкаго станка:

«Ты говоришь такъ, словно ты не забылъ еще жалкой земли со всѣми ея заботами. Развѣ ты не видишь, что дочери мои уже выросли, и что онѣ пасутъ ягнятъ и няньчаютъ маленькихъ дѣтей? И если бы даже меня ожидали самыя ужасныя страданія и въ днѣ не хватало бы часовъ для моей работы, то я всетаки не оттолкнула бы тебя, если бы ты пришелъ ко мнѣ за утѣшеніемъ. А если бы небо

благословило меня, то неужели ты думаешь, что я изъ боязни труда оттолкнула бы его великіе дары?»

Когда Кинтури прочелъ эти мысли у Мари, его охватило чувство такого великаго, ошеломляющаго счастія, что онъ весь затрепеталъ. И онъ сдѣлалъ по направленію къ Мари два шага.

И Мари также встала изъ-за станка и пошла къ нему навстрѣчу.

Но какъ разъ въ то мгновеніе, когда Мари подошла къ нему и уже протянула руки, чтобы обнять его за шею, что-то хлопнуло, и Кинтури проснулся и сѣлъ въ постели.

Все было по старому. Блѣдная луна едва свѣтитъ сквозь завѣсу тумана и уже зашла за окно. Буря треплетъ старыя, обнаженныя вѣтви березы передъ окномъ. Августъ на заработкѣ въ городѣ, самъ Кинтури обязанъ отбывать хозяину четыре дня барщины въ недѣлю; лавочнику запродана вся телятина и все масло; Хильда служитъ въ городѣ у господъ, а Ида ходитъ за Путте въ конюшнѣ.

Но что это былъ за стукъ?

Теперь въ комнатѣ царила снова полная тишина. Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ послышалось, какъ мышь грызетъ желѣзную рѣшетку. Тогда Кинтури понялъ, что стукъ, разбудившій его, произошелъ отъ того, что мышеловка захлопнулась.

Значитъ, мышь въ концѣ-концевъ попалась-таки въ ловушку. Она безпокойно грызла рѣшетку, потомъ переставала грызть, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, и затѣмъ снова грызла. Однако въ верхнюю клѣтку она такъ и не забралась.

Кинтури всталъ съ постели, пошелъ согнувшись въ уголъ и поднялъ съ пола мышеловку. Въ переднемъ отдѣленіи мышеловки, прижавшись въ уголъ, сидѣла мышь. При слабомъ отблескѣ луннаго свѣта можно было ясно различить только ея черные глазки, которые съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣли на Кинтури изъ-за желѣзной рѣшетки. Очевидно, мышь ждала перваго удобнаго мгновенія, чтобы какъ-нибудь спастись.

— Ты, я вижу, мышиная матка,—заговорилъ Кинтури,—видно также, что ты вовсе и не думаешь, что гибель твоя неизбѣжна, ты и понятія не имѣешь о томъ, какая это удивительная ловушка. А я тебѣ скажу, что теперь тебѣ пришелъ конецъ.

И Кинтури просунулъ сквозь рѣшетку гвоздь, которымъ хотѣлъ заколоть мышь.

— Ишь, какая шельма! Тебѣ хочется вцѣпиться въ гвоздь зубами? Попробуй только! Небось, гвоздя зубами не перегрызешь! А то, быть можетъ, тебѣ пріятнѣе утонуть, а?

Но мышь упорно отказывалась идти въ клѣтку надъ сосудомъ съ водой, какъ Кинтури ее туда ни загонялъ.

— Не все ли равно, бѣдная мышка, какъ умереть: свалиться въ воду или попасть на гвоздь? А? Какъ ты думаешь? Ты все еще смотришь? Можетъ быть, у тебя въ норкѣ остались мышата, и они пищатъ тамъ теперь? Конечно, и на ихъ долю должно было перепасть крошекъ изъ мышеловки? Да, да, они поджидаютъ тебя: «мама скоро придетъ, мама такая умная, она въ мышеловку не попадетъ». А ты всетаки попала въ ловушку. Да и самъ папа когда-нибудь попадетъ сюда. Можетъ быть, онъ умнѣе всей своей семьи, а онъ всетаки попадетъ въ мышеловку. Да, скажу я тебѣ, бываетъ, что и папѣ приходится очень плохо, хотя дѣти и не подозрѣваютъ этого, когда они вечеромъ у очага взбираются къ нему на колѣни, обнимаютъ его и болтаютъ съ нимъ, стараясь научиться у него уму-разуму. Нѣтъ, бѣдная мышка! Намъ съ тобой выхода нѣтъ! Желѣзную рѣшетку зубами не перегрызешь, а спасенія ожидать не отъ кого...

Но вдругъ Кинтури спохватился и замѣтилъ, что сидитъ на полу и что на глазахъ у него слезы, и ему стало досадно на себя. Онъ пошелъ съ мышеловкой къ наружной двери, растворилъ ее и швырнулъ мышеловку на сугробъ снѣга. При этомъ онъ нарочно далъ раскрыться жестяной задвижкѣ въ мышеловкѣ, такъ что мышь выскочила изъ нее въ то время, какъ она летѣла по воздуху. Видно было, какъ какой-то темный клубочекъ упалъ на снѣгъ и въ слѣдующее мгновеніе скрылся подъ домомъ.

Кинтури снова заперся въ своей комнатѣ и началъ натягивать на себя штаны. Онъ хотѣлъ воспользоваться луннымъ свѣтомъ въ этотъ ранній утренній часъ, чтобы навозить изъ лѣсу бревенъ къ большой дорогѣ. А оттуда онъ собирался передъ Рождествомъ свезти ихъ на лѣсопилку.

II.

Коробейникъ.

— Что это за шумъ? — спрашивали другъ друга деревенскіе мальчики, навостряя уши.

— Что тамъ такое везутъ?—удивлялись прачки на берегу.

— Это сюда везутъ что-то,—рѣшили работники, точившіе свои косы на точильномъ камнѣ, и бросились навстрѣчу приближавшемуся громыханію.

А за ними побѣжали всѣ,—мальчики, бабы, мужики, чтобы поскорѣе увидать, откуда происходитъ этотъ необыкновенный шумъ, доносившійся съ дороги, которая вела на кузницу.

Коробейникъ, направлявшійся въ деревню, поднимался какъ разъ со своей тяжелой ношей по крутому береговому косогору, изъ-за котораго онъ видѣлъ только край неба. Обливаясь потомъ, онъ дошелъ до половины горы, и тогда только обратилъ вниманіе на странный шумъ и сталъ оглядываться по сторонамъ.

Навстрѣчу ему съ горы спускалась сѣнокосилка, которую только что купилъ себѣ хозяинъ имѣнія Ваниккала. Теперь сѣнокосилку везли на береговой лугъ; машину тянуло подъ гору, и пара лошадей, впряженныхъ въ нее, съ силою упиралась ногами въ землю. Желтыя колеса, красныя оси и сверкавшія на солнцѣ стальныя части машины бросались въ глаза издали и ослѣпляли своими яркими красками. Кузнецъ, тугоухій и раздражительный человѣкъ, трясся въ корзинкѣ, приспособленной для сидѣнья, и старался успокоить лошадей, пугавшихся громыханья металлическихъ частей. Темные силуэты мальчиковъ, вырисовывавшихся на свѣтломъ фонѣ неба, казались коробейнику пляшущими чертенятами. За мальчиками показались мужчины, а за мужчинами бѣжали женщины съ развѣвающимися юбками.

Бородатый коробейникъ съ раздраженіемъ махнулъ рукой. «Ишь, не видали раньше такого дива!» Люди бѣгутъ, какъ сумасшедшіе, и даже не замѣчаютъ его, Михаила. А раньше, бывало, стоило ему только показаться въ деревнѣ, какъ вокругъ него собиралась толпа, и онъ сидѣлъ, словно король, среди своихъ товаровъ, разложенныхъ на пригоркѣ или на полу въ какой-нибудь избѣ. Теперь всѣ бѣгутъ мимо него, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія; никто не спроситъ даже, что новенькаго онъ принесъ въ своемъ коробѣ, какіе у него есть ситцы, ленты, матеріи, пуговицы, бусы, кошельки, записныя книжки, платки, цѣпочки, кольца.

— Противная машина! Чтобъ ей провалиться!

Коробейникъ сталъ снова взбираться на гору, и когда онъ, наконецъ, дошелъ до вершины, то передъ его глазами раскинулась безлюдная деревня. Тяжело дыша, онъ свалилъ со своей спины тяжелую ношу на камень, самъ сѣлъ на землю и, бросивъ фуражку рядомъ съ собой, сталъ вытирать краснымъ клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лысой головы.

Скотина! Сѣнокоса еще нигдѣ не начали, но видно, что машину эту онъ себѣ только что завелъ, разъ у него нѣтъ терпѣнія дождаться настоящаго времени для сѣнокоса и разъ онъ даже не обращаетъ вниманія на грозовую тучу. А Михаилъ, точно нарочно, постарался выбрать лучшее время для этой деревни, такое время, когда мужчины еще заняты приготовленіемъ граблей на сѣновалахъ, а женщины пе-

кутъ хлѣбъ и заготовляютъ пиво къ сѣнокосу. Никогда еще во всю его жизнь ему не приходилось совершать такого несчастнаго путешествія, какъ въ эту весну, и никогда еще собаки не лаяли на него съ такой яростью. Но, конечно, ничего другого и нельзя было ожидать: вѣдь онъ забылъ поставить свѣчку передъ иконой преподобнаго Михаила, прежде чѣмъ отправиться въ путь!

И вотъ рабъ божій Михаилъ погрузился въ размышленія по поводу превратности судьбы, и главнымъ образомъ по поводу той странной путаницы, которая происходила въ послѣднее время. Больше десяти лѣтъ онъ странствуетъ по Финляндіи, но никогда еще чувство тоски не овладѣвало имъ съ такой силой, и онъ не зналъ, какъ избавиться отъ него.

Ужъ не вернуться ли домой, къ роднымъ полямъ Кареліи? Но тамъ не ждетъ его наслѣдство послѣ отца, тамъ для него нѣтъ земли, тамъ онъ можетъ быть только батракомъ у чужого человѣка. А въ качествѣ батрака Михаилъ не хочетъ идти за плугомъ, не хочетъ вытаскивать изъ воды неводъ или выслѣживать въ лѣсу дичь. Нѣтъ, лучше Михаилъ будетъ бродить съ коробомъ на спинѣ и пойдетъ куда глаза глядятъ, но зато онъ останется свободнымъ и самъ будетъ выбирать себѣ работу. Лучше это, нежели въ качествѣ наемника рыть канавы на чужой землѣ или вязать чужой частоколъ. Правда, онъ живетъ бобылемъ, но зато онъ свободенъ!

Встарину, говорятъ, все было иначе.

Покойный отецъ разсказывалъ, что были времена, когда людямъ не надо было уходить изъ родного края, чтобы торговать, а всѣ жили въ насиженныхъ мѣстахъ своихъ дѣдовъ. Братья и сестры, зятья и невѣстки, шурины и золовки всѣ жили въ одной деревнѣ вокругъ стараго дѣда. Покойный отецъ не разъ разсказывалъ, какъ, бывало, въ его молодые годы всѣ односельчане собирались въ сумерки въ сосновой избѣ, а къ нимъ присоединялись поселяне и изъ чужихъ деревень. Тогда люди находили время собираться вмѣстѣ. Эти чужіе пѣли рука объ руку со старымъ дѣдомъ, а остальные, женщины и мужчины, слушали съ улыбающимися лицами, сидя на длинныхъ лавкахъ вокругъ стѣнъ избы. Пѣвцы пѣли и разсказывали о свободныхъ герояхъ Калевалы, о народѣ, который не былъ въ рабствѣ и на оброкѣ у чужихъ баръ, а подчинялся лишь королю-пѣвцу и учился мудрости у кузнеца Ильмаринена.

Но вотъ пришли чужіе люди, забравшіе въ свои руки власть, и они запретили всякую охоту въ лѣсахъ. Въ странѣ наступили тяжелыя времена. Тогда отецъ сказалъ дѣду: «Оброковъ платить я не буду, я продамъ свое наслѣдство и пойду искать поденной работы на

фабрикахъ». Но дѣдъ отвѣтилъ съ печки: «Лѣса у тебя отнять могутъ, но не разумъ; если у тебя и отнимутъ лѣса, то это еще не значитъ, что ты сейчасъ же долженъ идти въ батраки къ господамъ. Нѣтъ, Онтрей, сынъ мой, возьми-ка лучше на плечи коробъ, наполни его мелкимъ фабричнымъ товаромъ и пойди торговать по бѣлу-свѣту! Если здѣсь нѣтъ свободы, то, быть можетъ, она найдется въ другомъ мѣстѣ. Свѣтъ широкъ, границъ ему нѣтъ; тотъ же вѣтеръ дуетъ повсюду, вездѣ то же солнце, та же луна, и люди вездѣ тѣ же. Ахъ, не продавай своей свободы! Карелъ не можетъ служить батракомъ!»

Михаилъ вспомнилъ и то, что его старикъ отецъ сказалъ ему, когда онъ въ первый разъ одинъ отправлялся за финскую границу: «Тебя встрѣтятъ двѣ непріятности; первая—это финскій ленсманъ, вторая—твоя собственная тоска. Ленсмана ты долженъ стараться избѣгать, а тоску не подпускай къ себѣ близко». И чтобы онъ могъ противостоять тоскѣ, его отецъ уже давно, когда онъ еще мальчикомъ ходилъ съ нимъ въ Лиминго и на Кеми, или когда они бродили по окрестностямъ Або и по богатымъ берегамъ Кумо, постарался запечатлѣть въ его памяти старыя пѣсни его родины. Но въ тѣ времена Михаилъ не сумѣлъ оцѣнить этого. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и онъ забылъ родныя пѣсни, потому что онѣ не были ему нужны. Но теперь онъ почувствовалъ въ нихъ потребность. Теперь—теперь онъ хотѣлъ бы припомнить ихъ. Онъ запѣлъ было одну изъ нихъ, слова вертѣлись у него на языкѣ, онъ произнесъ одну или двѣ руны, «но какъ же это было дальше?» и «нѣтъ, это было не такъ», и онъ замолкъ. Михаилъ почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, и тоска все глубже и глубже закрадывалась въ его душу.

Предостереженія его отца относительно ленсмана не имѣли больше значенія. Ленсманы стали теперь друзьями Михаила—объ этомъ его отецъ едва ли смѣлъ мечтать когда-нибудь—такъ что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ спокоенъ. Было нѣчто гораздо болѣе непріятное. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде лучше всего торговалъ, теперь къ нему совершенно охладѣли. Куда онъ прежде, избѣгая параднаго входа, какъ свой человѣкъ, входилъ съ кухоннаго крыльца, въ тѣхъ большихъ усадьбахъ, гдѣ прежде, бывало, господа собирались въ кухнѣ вокругъ его короба и, смѣясь, старались скрыть его отъ глазъ ленсмана или мѣстнаго купца, тамъ теперь тѣ же господа выгоняли его изъ кухни и травили на него собакъ. Почему же весь свѣтъ точно перевернулся теперь вверхъ дномъ? Теперь онъ заходилъ со своимъ коробомъ только въ бѣдныя лѣсныя избушки, гдѣ больше глазѣли на его товары и почти ничего не покупали у него.

Чтобы имъ пусто было, этимъ толстолобымъ финскимъ торпара
Михаилъ не могъ ихъ терпѣть. Эти несчастные угнетенные кресть
скіе рабы представлялись ему слезливыми забитыми старыми
бами.

И Михаилъ съ досадой махнулъ рукой на всѣ эти непріят
мысли и попробовалъ было снова запѣть, но не могъ припом
словъ пѣсни. Тогда онъ перевернулся на животъ, положилъ го
на руки и, уткнувшись бородатымъ лицомъ въ траву, принуд
себя заснуть.

Между тѣмъ сѣнокосилку привезли къ берегу на самый ко
длиннаго клевернаго луга.

Всѣ деревенскія дѣти, а также всѣ взрослые, которымъ хоть
минуту удалось оставить работу, прибѣжали къ воротамъ берего
луга, куда въѣхалъ кузнецъ съ сѣнокосилкой.

Ждали только хозяина.

Кузнецъ еще разъ осмотрѣлъ различныя части машины и
гдѣ смазалъ масломъ. Мальчики кучками стояли вокругъ, но дер
лись тихо изъ страха передъ сердитымъ кузнецомъ.

Взрослые также стояли молча.

Причиной этому было присутствіе молодого барина изъ Гельс
форса, который жилъ въ верхнемъ этажѣ въ усадьбѣ Ваникко
Большая часть обитателей деревни въ первый разъ видѣла его в
зи. И ихъ любопытство въ одинаковой степени относилось какъ
молодому барину, такъ и къ сѣнокосилкѣ. Съ раскрытыми рт
они разсматривали всѣ подробности его внѣшности: его позу,
платье, цѣпочку отъ часовъ, воротникъ, его странные на тонк
подошвахъ и пуговицахъ башмаки и его длинную, очень хорош
папиросу.

Всѣ находили, что онъ очень красивъ. Его носъ былъ изя
согнутъ, на верхней губѣ выдѣлялись темные усы, а на подборо
красовалась маленькая бородка.

Правда, что здѣсь уже раньше видали много господъ. Но те
у людей были особыя причины къ любопытству. Объ этомъ важн
молодомъ баринѣ ходили по деревнѣ странные слухи. Увѣряли,
его отецъ, высокопоставленный военный, послалъ своего сына
деревню на исправленіе, такъ какъ въ городѣ онъ велъ слишк
шумный образъ жизни. Однако, несмотря на всѣ эти слухи, онъ в
таки не обращалъ бы на себя такого вниманія, если бы онъ не б
такъ красивъ и такъ изященъ. Многіе совсѣмъ забыли, зачѣмъ п
бѣжали сюда, и стояли съ широко раскрытыми ртами, пожирая
глазами. Они были поражены тѣмъ, что такого барина послали

правленіе въ *деревню,* гдѣ не было ни больницъ, ни санаторій, а ли только луга и пустынныя болота.

Молодой человѣкъ стоялъ у воротъ, черезъ которыя въѣхала сѣкосилка. У него было блѣдное и худое лицо со впалыми щеками. ъ съ увлеченіемъ сосалъ свою папиросу, втягивая щеки, и его ріе глаза разсѣянно переходили съ одного предмета на другой. Повидимому, онъ замѣтилъ, что былъ причиной воцарившейся тишины, онъ не могъ придумать никакого предлога, чтобы подойти къ имъ людямъ, и онъ давно ушелъ бы отъ перекрестнаго огня любопытныхъ взоровъ, если бы его не останавливало желаніе посмотрѣть, кое впечатлѣніе произведетъ машина на крестьянъ. Вѣдь эта машина со всѣми ея необыкновенными колесами и зубьями была изобрѣтеніемъ *его* класса, и въ этой мысли онъ находилъ себѣ какъ бы ддержку.

— Вотъ онъ идетъ!—сказалъ Кинтури, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими работниками стоялъ въ концѣ луга, опираясь на су. Работники только что косили тотъ конецъ луга и, сдвинувъ апки на затылокъ, они вытирали рукавомъ рубахи потъ со лба.

Хозяинъ Кинтури, обладатель помѣстья Ваниккола, показался на косогорѣ. Его толстое, неуклюжее тѣло переваливалось съ боку на къ. При видѣ его Кинтури насмѣшливо улыбнулся.

По мнѣнію Кинтури появленіе дачниковъ въ этомъ краю было рвой побудительной причиной большаго превращенія въ усадьбѣ никкола, чему онъ былъ свидѣтелемъ подъ старость.

А потому, когда онъ пришелъ въ это жаркое лѣтнее утро со оей косой на береговой лугъ и увидалъ сѣнокосилку съ парой лошадей, то онъ сжалъ губы и заморгалъ глазами: «Ну еще бы! — думалъ онъ,—какъ же нашему хозяину обойтись безъ этакой туки! Чортъ бы его побралъ!»

Жизнь хозяина Ваниккола представляла изъ себя непрерывное схожденіе. И, несмотря на то, что Кинтури былъ равной съ нимъ лы, несмотря на то, что они были ровесники и выросли бокъ-оъ другъ съ другомъ, хозяинъ, съ самаго появленія въ краю городъ, заважничалъ передъ Кинтури. Если бы все осталось по-старому, то Кинтури показалъ бы ему себя, какъ онъ это уже дѣлалъ за два, но теперь и думать нечего было дотрогиваться до этого барина. Рѣзкая перемѣна въ ихъ отношеніяхъ съ той самой минуты, къ хозяинъ выговорилъ свои злополучныя слова: «заплати свой лгъ, тогда ты можешь оставаться». Съ тѣхъ поръ у хозяина былъ кой надутый видъ, что Кинтури противно было смотрѣть ему въ аза. Между ними встала цѣлая гора. Кинтури останавливался въ

дверяхъ, когда приходилъ къ нему въ его комнату, гдѣ онъ, сидя на диванѣ,—въ креслѣ-качалкѣ онъ уже больше не помѣщался, благодаря своей тучности—и курилъ папироску, съ Суометаромъ *) въ рукахъ.

Всѣ обернулись къ косогору, съ котораго спускался хозяинъ. Крупный щебень катился изъ-подъ его ногъ и горячая пыль подымалась вокругъ него въ солнечномъ сіяніи, а позади него ложилась длинная тѣнь.

— Онъ такъ надулся отъ важности, что чуть не лопается,—сказалъ Кинтури другимъ работникамъ.

Во всей фигурѣ хозяина было дѣйствительно что-то побѣдоносное и новое.

— Начинай ты первый,—сказалъ онъ кузнецу. Кузнецъ сѣлъ въ сидѣнье и среди напряженнаго молчанія поѣхалъ по лугу. Шипя, какъ змѣи, вцѣпились зубья въ клеверъ, который только слегка склонялся въ ту минуту, какъ его срѣзала машина.

Хозяинъ съ насмѣшкой смотрѣлъ на косцовъ, которые съ недовѣріемъ поднимали скошенную траву, чтобы удостовѣриться, что машина дѣйствительно скосила все какъ слѣдуетъ. Трава была скошена подъ самый корень и нигдѣ не было видно ни травинки нескошенной, гдѣ прошла машина.

Пыхтя и ухмыляясь отъ удовольствія, хозяинъ крикнулъ:

— Она работаетъ за шесть человѣкъ!

— Это зависитъ отъ того, какіе это люди,—сказалъ Кинтури, которому собственно вовсе не надо было приходить больше на работу, такъ какъ ему уже давно было отказано отъ торпа и онъ весной долженъ былъ покинуть его. Былъ уже составленъ приговоръ объ его изгнаніи изъ торпа, но Кинтури упорно не хотѣлъ вѣрить, что хозяинъ имѣетъ относительно него серьезныя намѣренія, и онъ продолжалъ жить въ торпѣ и отбывалъ добросовѣстно свою барщину, хотя за нимъ больше не посылали. Онъ не вѣрилъ, чтобы даже такой человѣкъ, какъ хозяинъ Ваниккала, могъ быть настолько безсовѣстнымъ и выгналъ другого на большую дорогу. Онъ рѣшилъ, что хозяинъ просто хочетъ припугнуть его.

— Вотъ какъ, такъ это зависитъ отъ того, какіе люди!—крикнулъ хозяинъ.—А развѣ мнѣ не поручились, что машина работаетъ за шесть человѣкъ!

— Надо было бы испытать, правда ли это; а то, быть можетъ

*) Суометаръ—финская газета, органъ реакціонеровъ.

Прим. перев.

зяину продали просто дрянь какую-нибудь,—предположилъ Кинту-
.—Да не забудьте еще сосчитать, что стоитъ масло да рабочій,
торый управляетъ машиной, да еще работа двухъ лошадей.

Это клюнуло. Хозяинъ сталъ подсчитывать въ умѣ. Работники
али, что если съ нимъ сразу разговаривало нѣсколько человѣкъ,
онъ точно глупѣлъ и терялся.

— А къ этому прибавьте еще стоимость машины да проценты, и
гда, конечно, будетъ одинъ только убытокъ, если машина не ра-
ғаетъ за нѣсколько человѣкъ.

Работники уже заранѣе сговорились подбить хозяина къ состя-
нію и разъ навсегда доказать, что на силу человѣка можно гораздо
льше положиться, чѣмъ на какія бы то ни было машины. Такъ
ъ хозяинъ не выражалъ ни отказа, ни согласія на предложеніе,
работники сейчасъ же встали въ рядъ со своими косами.

Когда кузнецъ возвратился съ сѣнокосилкой съ другого конца
га, то четырнадцатилѣтній подростокъ хозяина сталъ приставать
своему отцу, чтобы тотъ позволилъ ему управлять сѣнокосилкой.
Глаза мальчика сверкали отъ страстнаго желанія сѣсть на ма-
ну.

И ко всеобщему удивленію хозяинъ подхватилъ сына подъ мыш-
и посадилъ его въ сидѣнье.

— Ну, отваливай!

Онъ сдѣлалъ это только въ насмѣшку. Онъ далъ состязаться
льчишкѣ съ шестью здоровыми мужиками!

Работники взмахнули косами и начали косить.

Кинтури, сильный и ловкій, несмотря на то, что онъ продолжалъ
ловаться на недомоганіе, шелъ впереди всѣхъ. Онъ широко взма-
залъ косой, сгибаясь почти до земли. Другіе слѣдовали за нимъ,
ботая съ неменьшимъ усердіемъ. И это видно было по ихъ согну-
ъ шеямъ и раздвинутымъ ногамъ.

Молодому барину доставляло большое удовольствіе это состяза-
, и главное, онъ видѣлъ, что машина одержитъ блестящую побѣ-
надъ работниками. Продолжая еще съ большимъ усердіемъ сосать
ю папиросу, онъ побѣжалъ съ толпой мальчишекъ и пошелъ по
у между машиной и работниками.

Его охватило вдругъ какое-то странное радостное настроеніе.
залось, будто онъ на мгновеніе забылъ свою собственную увѣрен-
сть въ томъ, что онъ не болѣе, какъ пушинка, которую безполез-
носитъ въ воздухѣ между небомъ и землей. Неожиданно онъ по-
вствовалъ нѣчто общее съ людскимъ міромъ. Шумъ машины, ко-
рая то приближалась, то удалялась, трели жаворонковъ, пѣніе

кузнечиковъ и жужжаніе шмелей въ клеверѣ — все возбуждало въ немъ радостныя чувства и говорило: «Свѣтъ не такъ безнадеженъ, какъ это кажется, будущее свѣтло и сулитъ счастье. И ты еще перемѣнишься».

Въ то время, какъ онъ въ своемъ увлеченіи перебѣгалъ съ одного мѣста на другое, онъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, которое ему показалось загадочнымъ. Повидимому, люди, собравшіеся смотрѣть сѣнокосилку, вовсе не были въ восторгѣ. Помимо нѣсколькихъ мальчишекъ да хозяина, который, засунувъ руки въ карманы, съ гордостью смотрѣлъ на своего сына, всѣ остальные были очень серьезны и страстно желали, чтобы работники одержали побѣду надъ машиной. Онъ обернулся къ двумъ женщинамъ, стоявшимъ у воротъ и слѣдившимъ за состязаніемъ, и замѣтилъ имъ, что сѣнокосилка уже далеко опередила косцовъ. Правда, одна изъ женщинъ согласилась съ покорной улыбкой, что машина выиграетъ. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ замѣтилъ, что обѣ женщины, блѣдныя отъ волненія, съ такимъ напряженіемъ слѣдили за состязаніемъ, какъ если бы онѣ до послѣдней минуты надѣялись, что машина отстанетъ. Что касается до косцовъ, то они работали съ такимъ остервенѣніемъ, словно ихъ жизнь и смерть зависѣли отъ исхода этого состязанія. Они не смѣялись и казались злыми и взволнованными.

Почему же не всѣ радуются изобрѣтенію такой остроумной машины, которая сберегаетъ силу шести человѣкамъ и переноситъ весь трудъ съ людей на животныхъ?

Для молодого человѣка становилось все яснѣе, что здѣсь происходитъ нѣчто такое, чего онъ не можетъ какъ слѣдуетъ понять, нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ онъ себѣ представлялъ, когда шелъ сюда лишь для своего удовольствія, чтобы посмотрѣть, какъ работаетъ сѣнокосилка.

Послѣ того, какъ работники проработали безъ перерыва полчаса и вернулись къ тому мѣсту, откуда начали, они замѣтили, что машина скосила за это же время слишкомъ вдвое болѣе, нежели они.

Между тѣмъ хозяинъ, пыхтя, влѣзъ самъ на сѣнокосилку и со смѣхомъ проѣхалъ мимо нихъ.

— Довольно съ васъ, что ли?—поддразнилъ онъ ихъ.

Работники тяжело дышали и потъ катилъ съ нихъ градомъ. Они стояли, опираясь на косы, и закричали, чтобы имъ принесли пить. Одинъ изъ нихъ бросилъ вдогонку уѣзжавшему хозяину громкую ругань. Вся фигура послѣдняго дышала самодовольствомъ, которое видно было даже въ поворотѣ его головы и въ складкахъ его платья.

Постоявъ нѣкоторое время, работники взяли свои куртки и точильные камни и ушли съ луга, сохраняя свою серьезность.

Молодой баринъ рѣшилъ послѣдовать за ними.

До сихъ поръ онъ еще никогда не вступалъ въ серьезные разговоры съ крестьянами. А если бы онъ даже и попытался это сдѣлать, то это ему не удалось бы. Онъ представлялся крестьянамъ какимъ-то шутникомъ, на слова котораго они считали своей обязанностью смѣяться, если даже ничего смѣшного въ нихъ не было. Трудно было представить себѣ болѣе безсмысленныя отношенія. Онъ старался перенять у крестьянъ манеру говорить, но онъ самъ чувствовалъ, что это ему не удается. И всетаки, несмотря на это, онъ зналъ хорошо, что между нимъ и крестьянами есть крѣпкая связь, состоявшая въ томъ, что, какъ онъ, такъ и крестьяне, были дѣтьми одной и той же природы, которую онъ любилъ всѣмъ своимъ сердцемъ. И дѣйствительно, связь эта была крѣпкая, хотя взоры и слова представляли собою лишь одно недоразумѣніе и хотя тема разговора всегда бывала неудачная. Однако теперь онъ нашелъ настоящую тему для разговора. Онъ ускорилъ шаги и нагналъ крестьянъ на косогорѣ.

Замѣтивъ это, Кинтури тотчасъ же отдѣлился отъ кучки, такъ какъ онъ не любилъ разговаривать съ господами и предпочиталъ ихъ избѣгать. Но двое изъ крестьянъ остановились, чтобы принять предлагаемыя бариномъ длинныя папиросы. Затѣмъ они закурили у него папиросы и, бросивъ по сторонамъ смущенный взглядъ, чтобы убѣдиться, не смѣется ли кто-нибудь надъ ними, они пошли вмѣстѣ съ молодымъ бариномъ по направленію къ деревнѣ.

Желая найти какую-нибудь общую тему для разговора, молодой баринъ заговорилъ о томъ, что и онъ, собственно, ненавидитъ всѣ эти сѣнокосилки, такъ какъ съ ними пропадаетъ вся поэзія, связанная съ прежнимъ сѣнокосомъ. Произнеся слово «поэзія», онъ сейчасъ же спохватился, что этого слова крестьяне не понимаютъ; а потому онъ сталъ разъяснять, какъ прежде бывало весело смотрѣть на сѣнокосъ, и какъ грустно, что все это уничтожитъ громыхающая машина. Крестьяне старались поддакивать, а онъ радовался, что такъ неожиданно нашелъ общій интересъ съ ними. И вотъ онъ началъ еще поэтичнѣе описывать имъ сѣнокосъ въ прежнія времена. Однако, хотя крестьяне и поддакивали съ разнымъ выраженіемъ въ голосѣ, но своего мнѣнія они собственно не выражали. Въ концѣ концовъ они перешли на другой разговоръ, стали справляться о цѣнахъ на такія машины и спросили, кто лучшіе фабриканты, и какія машины лучше—американскія или англійскія. Но на эти вопросы молодой баринъ не могъ дать отвѣта.

Одинъ изъ крестьянъ сказалъ:

— Если бы у каждаго человѣка былъ кусокъ земли, то тог[да] такія машины были бы годны.

Изъ этого замѣчанія молодой баринъ понялъ, что ненависть кр[е]стьянъ къ машинамъ происходила вовсе не оттого, что они во что б[ы] то ни стало хотѣли придерживаться старины и поэзіи. Значитъ, о[ни] вовсе не понимали другъ друга, какъ онъ только что думалъ.

Другой крестьянинъ замѣтилъ:

— Всякій отлично понимаетъ, что машиной работать лучш[е] нежели вотъ такой штукой, но когда хозяинъ, чтобы чортъ его [по]бралъ...

— Брось сквернословить при молодомъ баринѣ...

Но молодой баринъ поспѣшилъ вставить:

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говори: когда этотъ хозяинъ, чтоб[ы] чортъ его побралъ?...

— Я только хотѣлъ сказать, что когда этотъ чертовскій,—я [не] могу сказать ничего иного,—начинаетъ со своимъ щенкомъ вып[ол]нять всѣ работы, то работникамъ приходится убираться. Они долж[ны] искать работы на лѣсопилкахъ и въ городахъ. Но какую работу [мо]жетъ найти въ городѣ человѣкъ, который всю свою жизнь только дѣлалъ, что копалъ землю.

Молодой баринъ подумалъ, что наконецъ-то и онъ можетъ бы[ть] полезнымъ.

— Вы сами могли бы начать воздѣлывать себѣ землю. Выбер[ите] себѣ какое-нибудь мѣсто и постройте себѣ собственную избу.

Крестьяне вытаращили другъ на друга глаза. Одинъ изъ раб[от]никовъ сказалъ:

— Да у насъ вѣдь нѣтъ земли!

На эти слова молодой баринъ хотѣлъ было протянуть руку [по] направленію къ лѣсу и сказать: — но тамъ достаточно земли — и та[мъ] и тамъ. Ему никогда не приходило въ голову, когда онъ бродилъ [по] лѣсамъ и по полямъ,—это было его любимымъ занятіемъ,—что зем[ля] представляетъ собою чью-нибудь собственность. Его также удивл[яло] всегда, что на живописныхъ мысахъ и въ глубинѣ тихихъ заливо[въ] не выстроены поэтичныя избушки, которыя онъ не промѣнялъ б[ы] на самые великолѣпные городскіе дворцы. Но въ ту минуту, ко[гда] онъ уже хотѣлъ поднять руку, чтобы показать на земли, пригодн[ыя] для обработки, его остановила мысль, что онъ скажетъ какую-нибу[дь] глупость, и онъ промолчалъ.

Работникъ продолжалъ:

— И хозяинъ нашъ ни за какія деньги не хочетъ отдавать [з]ем[ли]

въ аренду. Онъ еще хотѣлъ бы выгнать и тѣхъ торпаровъ, которые у него есть.

Другой работникъ замѣтилъ:

— Тамъ, у совѣтника земледѣлія хватило бы мѣста для тысячи торпаровъ, но онъ никому не позволяетъ воздѣлывать свои земли. Пусть лучше все зарастетъ верескомъ и брусничной зеленью! Не стоитъ у него даже и просить земли.

Кинтури, который все время шелъ немного впереди и прислушивался къ разговору, замедлилъ шаги и сказалъ нѣсколько ядовитыхъ словъ по адресу совѣтника земледѣлія, владѣльца громаднаго пространства земли, возбуждавшаго въ немъ жгучую ненависть. Онъ подразумѣвалъ совѣтника земледѣлія, но говорилъ о господахъ вообще:

— Откуда бы господамъ брать рабочихъ, если бы у бѣдныхъ была своя собственная земля? Господа хорошо знаютъ, зачѣмъ они не даютъ людямъ земли!

— Но это было бы ужасно, если бы дѣло обстояло такъ, какъ вы говорите,—замѣтилъ молодой баринъ.—Объ этомъ надо написать въ газетахъ! Такъ вы говорите, что вамъ не хотятъ отдавать землю въ аренду? Такъ, что ли?

— Даже самую несчастную землю въ пустыняхъ.

— И это для того, чтобы вы оставались бѣдными и какъ можно дешевле продавали свою работу? Это вы хотѣли сказать?

— Вотъ именно!

«Да вѣдь это ужасно!—думалъ молодой баринъ:—значитъ, господа хотятъ, чтобы было какъ можно больше бѣдныхъ и безземельныхъ, которые были бы принуждены работать на фабрикахъ. Объ этомъ я непремѣнно напишу».—И онъ сказалъ, обращаясь къ крестьянамъ:

— Вотъ видите ли этотъ совѣтникъ земледѣлія мой знакомый, или вѣрнѣе, его дочь моя невѣста, но это ничего не значитъ, я сдѣлаю разоблаченія, если онъ дѣйствительно такой, какимъ вы его представляете.

Кинтури опять пошелъ немного впереди другихъ.

Молодой баринъ сказалъ крестьянамъ, что еще зайдетъ къ нимъ на домъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ этимъ дѣломъ, и затѣмъ разстался съ ними на горѣ.

«Такъ вотъ какъ!»—сказалъ онъ про себя, глядя въ землю и покручивая свои усики, и направился къ своему дому.

Крестьяне остановились и посмотрѣли ему вслѣдъ.

— Это что за человѣкъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И что такое онъ хотѣлъ написать въ газетахъ?

— Да развѣ такой сумѣетъ написать что-нибудь въ газетахъ?

— Просто болталъ себѣ зря.

— Въ своемъ ли онъ еще умѣ-то?

Крестьяне разошлись въ разныя стороны. Одни пошли по большой дорогѣ, по сторонамъ которой, тамъ и сямъ, были разбросаны избушки. Другіе свернули на лѣсную дорогу. Какъ разъ въ ту минуту, когда эти послѣдніе дошли до перекрестка, гдѣ тропинки направляются къ различнымъ торпамъ, изъ избы Кинтури донесся злой лай собаки. Крестьяне прошли еще нѣсколько шаговъ по направленію къ избѣ Кинтури и увидали коробейника, который какъ разъ въ эту минуту входилъ въ избу Кинтури. Это на него-то собака и лаяла.

Тогда вся кучка направилась къ Кинтури. Но крестьяне пошли вовсе не для того, чтобы купить себѣ что-нибудь у коробейника, а просто для того, чтобы поболтать часокъ со знакомымъ разносчикомъ, у котораго за послѣднее время было такъ много чего порасказать.

И вотъ, въ то время, какъ коробейникъ раскладывалъ передъ Мари свои товары, между мужчинами снова поднялся разговоръ о землѣ.

Разносчикъ разсказалъ имъ, что не вездѣ земля была такъ распредѣлена. Онъ сказалъ, что въ Россіи земля каждые десять лѣтъ дѣлится между крестьянами соотвѣтственно количеству душъ въ семьѣ.

Далѣе онъ объявилъ, что царь-батюшка хочетъ наказать финскихъ баръ, отнять отъ нихъ землю и раздѣлить ее между безземельными. Онъ предостерегъ ихъ, чтобы они не подписывали никакихъ арендныхъ контрактовъ, а кромѣ того онъ посовѣтовалъ имъ не дѣлать осенью посѣвовъ, такъ какъ—сказалъ онъ,—сюда понаѣдетъ множество землемѣровъ и они потопчатъ поля.

Крестьяне вышли изъ избы Кинтури съ пылающими лицами. Въ сердцахъ ихъ зародилась горячая надежда.

Такъ всегда бываетъ съ людьми, когда имъ кажется, что они слышатъ шумъ крыльевъ свободы, и когда въ нихъ просыпается вѣра въ то, что страданія ихъ уже здѣсь на землѣ—не только за могилой,—превратятся въ счастье.

Всѣ повѣрили безъ колебанія коробейнику, хотя у Кинтури, быть можетъ, и были свои размышленія по поводу этого разговора.

Между тѣмъ слова коробейника перенеслись въ другую деревню,

на пути они находили себѣ богатую пищу, подобно огню, стелямуся по землѣ и находящему пищу въ сухомъ хворостѣ. Изъ друй деревни они перенеслись въ третью, гдѣ ихъ встрѣтило извѣтіе, что и тамъ слышали уже о томъ же. А въ четвертой деревнѣ, ь селѣ, слышали нѣчто подобное отъ жандарма, вооруженнаго аблей.

Вездѣ, на всѣхъ дорогахъ и во всѣхъ углахъ собирался народъ ь кучки и устраивалъ тайныя совѣщанія.

Но развѣ огонь можетъ насытиться однимъ мхомъ и хворостомъ? ѣтъ! Вонъ вдали уже поднимаются языки пламени. Подобно бѣлкѣ, амя перекидывается съ вѣтки на вѣтку, и раздается трескъ отъ рящихъ сосенъ. Какъ лѣсной пожаръ, распространяются слова по ранѣ.

III.

Молодой баринъ.

Если бы вся земля была объята пламенемъ, если бы загорѣлись юдскія сердца или если бы они совершенно остыли, если бы люди сновали новыя государства, пчелы, жужжавшія въ фруктовомъ ду старой усадьбы Ваниккола, все равно ничего не знали бы объ томъ. Онѣ жужжали тамъ сотни лѣтъ и будутъ жужжать сотни ѣтъ, подобно голубому небесному своду, который сотни лѣтъ простирается надъ ними, и цвѣтамъ, которые неизмѣнно каждую весну аскрываютъ для нихъ свои медовыя чашечки.

Однако въ этомъ году пчеламъ вовсе не было такъ хорошо, какъ тѣ бы этого желали—вовсе не такъ хорошо. Полевые цвѣты были ничтожены въ этомъ году въ самую лучшую пору цвѣтенія и вслѣдвіе этого въ саду появилось множество пчелъ изъ чужихъ ульевъ. о этого мало. Досаднѣе всего было то, что хозяинъ Ваниккола снесъ арый домъ и на мѣсто него выстроилъ новый двухъэтажный, корый обшили тесомъ, покрытымъ такимъ крѣпкимъ лакомъ, что по ему саду стоялъ отвратительнѣйшій запахъ. Этотъ запахъ до незнаваемости измѣнилъ благоуханіе цвѣтовъ, и изъ-за этого у пчелъ роизошло много недоразумѣній. Желтыя стружки повсюду валялись ь травѣ—и это также производило непріятное впечатлѣніе. Но прячо-таки немилосердно было сносить старый домъ и на мѣсто него озводить новый. Старый одноэтажный домъ, который когда-то былъ ыкрашенъ въ красную краску, но отъ старости сталъ сѣрымъ и есь обросъ мохомъ, давалъ подъ своей разсохшейся обшивкой изъ ертикальныхъ досокъ хорошій пріютъ сотнямъ осиныхъ гнѣздъ

и прекрасную защиту отъ дождя милліонамъ пчелъ. И вотъ это-то старое уютное строеніе уничтожили и выстроили какую-то отвратительную, блестящую махину, которая могла только отталкивать всякое существо съ тонкимъ чувствомъ.

Хозяинъ имѣлъ намѣреніе выстроить домъ, какіе бываютъ въ большихъ господскихъ усадьбахъ, но когда дошли до второго этажа и вывели окна, то ему начало казаться, что на постройку идетъ слишкомъ много бревенъ, а потому надъ окнами второго этажа онъ вывелъ только два вѣнца. Крыша вслѣдствіе этого была точно нахлобучена на окна. Она напоминала шапку, натянутую на самыя уши, и сплетничала проѣзжавшимъ по большой дорогѣ о томъ, что хозяинъ какъ разъ хотѣлъ бы скрыть, а именно,—что усадьба была не господская. По всей вѣроятности, чтобы изгладить это впечатлѣніе, хозяинъ пристроилъ высокое, крытое крыльцо, которое немедленно было выкрашено въ синюю краску.

Но напрасно такъ возмущались пчелы и осы. Приходится иногда привыкать къ вещамъ похуже масляной краски и лака. А кромѣ того даже и въ доскахъ, покрытыхъ лакомъ, есть трещины и отверстія отъ сучковъ. Дождь выгарбливаетъ доски, а отъ солнца онѣ растрескиваются. Уже въ концѣ лѣта пчелы начали подлетать къ новому дому и разсматривать его. Онѣ летали, жужжа, вдоль стѣнъ, останавливались, потомъ опускались и снова поднимались или перелетали вдоль стѣны съ одного мѣста на другое. Солнце палило въ это лѣто въ концѣ августа съ такой же силой съ самаго утра, какъ и во время сѣнокоса.

Одна изъ пчелъ взлетѣла въ уровень съ окномъ втораго этажа. Она хотѣла уже было влетѣть въ окно, но ее испугала гардина, которая вслѣдствіе сквозняка вырвалась изъ окна наружу. Однако пчела, покружившись въ воздухѣ, сдѣлала новую попытку и, несмотря на развѣвающуюся гардину, она влетѣла въ комнату. Но отъ страха силы измѣнили ей, и она упала на письменный столъ. Крылья ея дрожали, но у нея не было силъ подняться и, въ то время, какъ заднія лапки ея безсильно волочились, она передними поползла, спотыкаясь, по гладкой бумагѣ. Пчела упала на бумагу какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли слова: *Невѣроятное положеніе вещей*, а ниже начиналась статья. Въ то время, какъ пчела съ трудомъ ползла по бумагѣ, трепеща крыльями, ее обхватилъ надушенный платокъ, и она была выброшена за окно. Затѣмъ молодой баринъ, жившій въ этой комнатѣ, снова усѣлся передъ бумагой.

Онъ взялся за «невѣроятное положеніе вещей» и, сдвинувъ брови, онъ еще разъ перечиталъ написанное, вставилъ нѣсколько силь-

ныхъ словъ, затѣмъ еще нѣсколько еще болѣе сильныхъ и, раздумывая о продолженіи самаго бичующаго характера, онъ началъ грызть ручку пера. При этомъ его глаза пристально устремлялись то на одинъ предметъ, то на другой. Сперва онъ смотрѣлъ на скотный дворъ, находящійся за садомъ; потомъ онъ остановилъ свой взоръ на окнахъ каменнаго хлѣва, расположенныхъ другъ противъ друга въ противоположныхъ стѣнахъ; и черезъ эти окна, затканныя паутиной, онъ увидалъ темно-зеленый отлогій лужокъ съ волнующейся по вѣтру кровавой травой. Но взоръ его не долго останавливался на темно-зеленомъ лужкѣ; онъ снова весело вернулся черезъ окна хлѣва на скотный дворъ, оттуда въ садъ, изъ сада онъ поднялся во второй этажъ, проникъ въ окно и устремился черезъ черный зрачокъ въ самую глубину души. Молодой человѣкъ медленно опустилъ перо, и непривычныя складки между его бровями изгладились. На его лицѣ появилось выраженіе душевнаго покоя. Онъ оттолкнулъ отъ себя «Невѣроятное положеніе вещей», взялъ почтовую бумагу и началъ писать: «Дорогой отецъ!» и изъ-подъ его пера быстро выливалась одна строка за другой. Онъ подвернулъ одну ногу подъ себя и сѣлъ на нее. Въ своемъ увлеченіи онъ половиной тѣла почти лежалъ на столѣ. Мухи жужжали вокругъ него, потъ выступалъ у него на лбу, но онъ не обращалъ вниманія на жару. Отъ времени до времени онъ только вытиралъ лобъ и руки платкомъ и затѣмъ снова продолжалъ писать. Въ комнату забралось множество пчелъ. Одна все стукалась о потолокъ, другая безпомощно билась о стекло, третья носилась по комнатѣ, которая наполнилась безпрерывнымъ жужжаньемъ. Но молодой человѣкъ такъ углубился въ свое письмо, что ничего не слыхалъ и ничего не видалъ.

Онъ не слыхалъ даже, какъ растворилась дверь и какъ кто-то просунулъ въ нее голову и поздоровался съ нимъ.

Такъ какъ привѣтствіе осталось безъ отвѣта, то новоприбывшій перешагнулъ черезъ порогъ и вошелъ въ комнату. Онъ осмотрѣлся кругомъ и подошелъ къ письменному столу. Это былъ человѣкъ съ нѣсколько лысой головой и рыжеватыми жесткими усами. Но покрой его платья былъ такъ элегантенъ, а бѣлизна воротничка и рукавчиковъ такъ ослѣпительна, что жесткіе усы придавали его внѣшности еще болѣе изящества.

— Что ты пишешь, Эдуардъ?

— Ничего особеннаго. А ты откуда, Венделль? Да еще такъ рано?

Есть люди, которыхъ всегда всѣ называютъ по фамиліи, и даже самые близкіе знакомые никогда не поинтересуются узнать ихъ имя.

Такіе люди обыкновенно не любятъ говорить о своихъ семейныхъ и частныхъ дѣлахъ. Къ числу такихъ и принадлежалъ господинъ Венделль, молодой докторъ, извѣстный своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ.

Между тѣмъ по буквамъ J. V., вытравленнымъ на его рукѣ рядомъ съ синимъ якоремъ, легко можно было бы вспомнить его имя. Господинъ Вендель всегда старался скрывать эти буквы и стыдился ихъ, такъ какъ онѣ свидѣтельствовали о томъ времени, которое онъ хотѣлъ бы забыть: когда-то въ былыя времена онъ мечталъ сдѣлаться морякомъ. Разсказывали, что какая-то любовная исторія перевернула всю его жизнь и направила его по совершенно иному пути. По всей вѣроятности, эта несчастная любовь и наложила на его черты выраженіе пессимизма, которое совершенно не соотвѣтствовало значку на его рукѣ или, вѣрнѣе, этотъ значокъ рядомъ съ пессимизмомъ производитъ то же впечатлѣніе, что и жесткіе усы рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ: онъ дѣлалъ его еще изящнѣе.

— Я пріѣхалъ только для того, Эдуардъ, чтобы напомнить тебѣ, что тебѣ надо было бы съѣздить въ Раухалахти.

Эдуардъ сморщилъ лобъ и ничего не отвѣтилъ.

— Слышишь, Эдуардъ? Я пріѣхалъ за тобой, и мы поѣдемъ въ Раухалахти. Дальше откладывать посѣщенія нельзя, а то это становится страннымъ.

Отвѣтомъ было опять молчаніе.

Но повидимому Венделль находился въ томъ настроеніи духа, когда онъ, несмотря на всѣ препятствія, проводилъ свою волю. Никто не могъ долго противустоять его добродушной настойчивости.

Онъ подошелъ къ шкапу, выдвинулъ одинъ ящикъ съ бѣльемъ и, вынувъ два различныхъ воротничка, подошелъ съ ними къ письменному столу.

— Который изъ нихъ ты надѣнешь? Мнѣ кажется, что тебѣ больше идетъ стоячій, чѣмъ отложной воротничокъ. Или что ты самъ думаешь, Эдуардъ?

У Эдуарда было большое желаніе схватить товарища за шиворотъ и швырнуть его о стѣну или подмять его подъ ноги. Этотъ Венделль всегда являлся настоящимъ деспотомъ! И, чтобы хоть немного овладѣть собой, Эдуардъ отвернулся отъ Венделля,—онъ боялся въ эту минуту смотрѣть на большія уши товарища. Эти уши часто дѣйствовали на его нервы, а между тѣмъ они служили признакомъ музыкальныхъ способностей Венделля, который дѣйствительно игралъ на фортепіано.

Однако господинъ Венделль сдѣлалъ видъ, что совсѣмъ не замѣ-

аетъ раздраженія Эдуарда. Онъ хорошо зналъ, что у послѣдняго бывали минуты, когда онъ терпѣть не могъ своего друга. Молча и не двигаясь съ мѣста онъ упрямо ждалъ, чтобы Эдуардъ ему отвѣтилъ. Когда Эдуардъ, который отлично зналъ, что если Венделль пристанетъ, то отъ него не такъ-то легко отдѣлаешься, нетерпѣливо всталъ съ мѣста и сказалъ съ раздраженіемъ:

— Ну, поѣдемъ!—и потомъ онъ прибавилъ:—у меня кстати есть маленькое дѣло, которое надо тамъ устроить.

— Маленькое дѣло!—повторилъ Венделль.—Развѣ это маленькое дѣло—день рожденія твоей невѣсты?

Эдуардъ ушелъ въ смежную комнату, чтобы одѣться, и заперъ за собою дверь, какъ бы желая дать этимъ понять, что не хочетъ, чтобы Венделль шелъ за нимъ.

Слышно было, какъ онъ, сердито ворча, вынулъ изъ платяного шкапа свое визитное платье. Потомъ слышно было, какъ онъ налилъ въ тазъ воды и началъ мыться.

Оставшись въ одиночествѣ, Венделль хотѣлъ было сѣсть, но потомъ его взоръ упалъ на письменный столъ, гдѣ онъ сейчасъ же увидалъ бумагу со словами: «Невѣроятное положеніе вещей». Этой бумагой Эдуардъ закрылъ письмо, которое онъ писалъ отцу.

Господинъ Венделль не могъ удержаться отъ соблазна и, склонясь надъ письменнымъ столомъ, сталъ просматривать написанное на бумагѣ.

«Это вопіющая несправедливость, что когда есть земля въ избыткѣ, ее преднамѣренно не позволяютъ обрабатывать», читалъ онъ. «Надо предоставить людямъ полную свободу обрабатывать землю», читалъ онъ дальше. «Земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», а ниже онъ прочелъ: «Всѣ мы паразиты»... «Повидимому, кому-то необходимо, чтобы были безземельные и голодающіе, которыхъ можно за нищенское вознагражденіе заставить работать на богатыхъ».

По мѣрѣ того, какъ господинъ Венделль читалъ, глаза его все расширялись. Но когда онъ съ любопытствомъ перевернулъ листокъ, то онъ не нашелъ продолженія. На мѣсто продолженія онъ сейчасъ же увидалъ письмо Эдуарда къ отцу.

Господинъ Венделль вытянулся, не желая больше читать, но потомъ, нервно кусая усы, онъ снова склонился надъ столомъ и началъ читать письмо:

«Я сажусь за письмо, дорогой отецъ, чтобы сообщить тебѣ, что мое пребываніе въ деревнѣ въ концѣ-концовъ дѣйствительно принесетъ мнѣ большую пользу. Нѣтъ, болѣе того, оно будетъ имѣть для

меня рѣшительное значеніе, хотя я раньше этого и не сознавалъ. Пребываніе въ деревнѣ теперь, когда я сталъ старше, производитъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и въ дѣтствѣ, когда мы весною покидали городъ. Я и теперь еще по-старому могу приходить въ восторгъ отъ ручейковъ и отъ поля, поросшаго верескомъ; я и теперь брожу по лѣсамъ и горамъ. Здѣсь я не могу себѣ даже представить, что значитъ пьянство. Здѣсь я превращаюсь въ такого ребенка, что меня даже стѣсняютъ люди. А когда я вспоминаю, какимъ я былъ въ городѣ, то я прихожу въ такой ужасъ отъ самого себя, котораго навѣрное никто изъ васъ не испытывалъ по отношенію ко мнѣ. Природа замѣстила для меня покойныхъ Эллиду и маму. Если бы не было этихъ березъ, этого мха и этихъ сосновыхъ стволовъ, я чувствовалъ бы себя совершенно безпріютнымъ на землѣ, и тогда не было бы ни малѣйшей надежды на мое выздоровленіе.

«Однако это лѣто и это dolce far niente не могутъ длиться безконечно. Съ возвращеніемъ въ городъ мое положеніе всетаки оставалось бы безнадежнымъ, если бы мнѣ не пришлось сдѣлать важныхъ наблюденій. Не одиночество подѣйствовало на меня благотворно, какъ вы съ докторомъ надѣялись. Напротивъ, я соприкасаюсь здѣсь съ людьми и обстоятельствами, о которыхъ раньше не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мы живемъ въ городѣ въ полномъ невѣдѣніи обо всемъ этомъ. На свѣтѣ такъ много страннаго и все въ немъ зиждется на несправедливости. И кто всему этому причиной, какъ не мы сами. Вотъ видишь ли, вѣдь все, собственно говоря, мы получаемъ изъ деревни, начиная съ хлѣба, который мы ѣдимъ. Да и люди всѣ происходятъ изъ деревни. А между тѣмъ никто и не подумаетъ о тѣхъ, кто пашетъ и сѣетъ. Только здѣсь въ деревнѣ у меня раскрылись глаза на то несчастное положеніе, которое занимаетъ громадная часть человѣчества, и та именно, которая и въ другомъ отношеніи несетъ наибольшее бремя. Всѣ вы, поддерживающіе государство, не злые люди, какъ и ты, папа, не злой. И всетаки здѣсь въ деревнѣ кажется, что всѣ мы, образованные, *преднамѣренно* обманываемъ и высасываемъ народъ и съ дьявольской хитростью устраиваемъ все къ нашей выгодѣ. Я не могу больше съ прежнимъ радостнымъ чувствомъ бродить по лѣсамъ. Но я разскажу тебѣ съ самаго начала, какъ со мной это случилось».

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ Эдуарда:

— Я надѣюсь, ты не читаешь моего письма?

Господинъ Венделль быстро поднялся изъ-за стола. Въ своемъ увлеченіи онъ недостаточно тихо перевернулъ листъ.

— Какъ можешь ты думать обо мнѣ нѣчто подобное!—крикнулъ онъ въ отвѣтъ.

Но въ слѣдующую минуту онъ уже опять сидѣлъ, согнувшись, надъ письмомъ.

«Весной, когда я только что переѣхалъ сюда, и когда кое-гдѣ еще виднѣлся снѣгъ, а въ другихъ мѣстахъ уже чернѣла земля, я пошелъ однажды вечеромъ гулять и дошелъ по начисто вырубленному лѣсу до торпа, расположеннаго необыкновенно живописно на склонѣ горы и окруженнаго каменной оградой. Не видя нигдѣ людей, я подошелъ ближе и вошелъ въ калитку, гдѣ мнѣ бросился въ глаза красно-желтый стволъ старой сосны, освѣщенной лучами заходящаго солнца. Въ это время изъ-за угла выскочила кучка дѣтей и бросилась отъ меня въ лѣсъ. Я пошелъ посмотрѣть, чѣмъ они занимались, и увидѣлъ на проталинѣ возлѣ сосны нѣсколько крошечныхъ сараевъ, выстроенныхъ изъ щепокъ и обнесенный прутиками, скотный дворъ, а во дворѣ нѣсколько маленькихъ зеленыхъ сосновыхъ шишекъ. Эти шишки повидимому должны были изображать изъ себя коровъ. Я вспомнилъ, что совсѣмъ такъ же мы бывало играли съ Эллидой, когда мама устраивала насъ, наконецъ, въ деревнѣ послѣ всѣхъ хлопотъ съ переѣздомъ, и когда намъ не надо было больше ходить по мощенымъ улицамъ. Какъ хорошо поняла бы Эллида этихъ дѣтей, которыя играли на голой землѣ, еще не совсѣмъ просохшей. Это такъ ясно, что всѣ люди одинаковы, что всѣ они одинаково тонко чувствуютъ, хотя мы и находимъ, что тѣ, другіе, «только мужики».

«Недавно я опять вспомнилъ этотъ торпъ и рѣшилъ пойти туда посмотрѣть на него въ лѣтней обстановкѣ на фонѣ распустившихся деревьевъ. Я пошелъ черезъ тотъ же срубленный лѣсъ; торпъ былъ такъ живописенъ, что трудно выразить это словами. Онъ былъ прекрасенъ не въ обычномъ смыслѣ этого слова,—нѣтъ, это было нѣчто новое: онъ имѣлъ такой невинный и мирный видъ. На лужкѣ передъ домомъ пестрѣли только что распустившіеся цвѣты, а крыша дома совершенно скрывалась за вѣтвями плакучей березы. У меня былъ съ собой ящикъ съ красками, но изъ моего рисованія ничего не вышло. На дворѣ было много народу, и я сейчасъ же понялъ, что тамъ происходило нѣчто необычайное. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Въ избѣ сидѣлъ коронный фохтъ и двое полицейскихъ,—что за отвратительную форму они носятъ теперь,—и потомъ тамъ было еще нѣсколько толстыхъ крестьянъ. Всѣ повидимому чувствовали себя, какъ дома. Происходилъ аукціонъ, такъ какъ торпаръ оказался несостоятельнымъ. Домашняя утварь валялась на полу. Собравшіеся подумали что и я пришелъ что-нибудь купить, и меня попросили войти.

Со мной всѣ старались быть очень любезны, но я все время смотрѣлъ только на дѣтей торпара. Они стояли въ дверяхъ, хотя и находились въ своемъ родномъ домѣ; среди нихъ находилась дѣвочка-подростокъ, которая горько плакала, когда продавали лошадь. Я до сихъ поръ не могу простить себѣ, что я не купилъ для нихъ этой лошади или не купилъ всего торпа, чтобы подарить имъ его. Строенія продавались отдѣльно, и ихъ купили различные хозяева. Мнѣ разсказали, что торпара выселяли изъ-за того, что онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Торпаръ старался дѣлать видъ, что поглощенъ дѣлами, но я хорошо видѣлъ, что онъ готовъ разбить себѣ голову о стѣну. Ты представь себѣ, люди говорили, что у него нѣтъ законныхъ бумагъ, и что торпъ переходилъ только по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Но развѣ это возможно, чтобы несчастный человѣкъ, родившійся на свѣтъ, не могъ удержать за собой то мѣсто, которое воздѣлано его предками и имъ самимъ и вокругъ котораго они вывели каменную ограду изъ собранныхъ на этомъ мѣстѣ камней. Подумай, если бы насъ вздумали выгонять такимъ образомъ. Развѣ это мѣсто не принадлежитъ ему и его дѣтямъ; вѣдь они знаютъ тамъ каждую тропинку, каждую ель, каждый камень. Развѣ человѣкъ имѣетъ право выгонять другого изъ его собственнаго дома, и развѣ можетъ это зависѣть отъ какой-то бумаги?»

Господинъ Венделль вскочилъ со своего мѣста, такъ какъ ему показалось, что Эдуардъ подошелъ къ двери.

— Я долженъ былъ отослать лошадь, которую взялъ въ Раухалахти, но я надѣюсь, что у твоего хозяина найдется какой-нибудь подходящій экипажъ?—крикнулъ онъ Эдуарду, какъ если бы онъ никогда и не думалъ читать какое-нибудь письмо.

— О, у него найдется все, что угодно. Я думаю даже, что у этого отвратительнаго созданія есть и коляска,—крикнулъ Эдуардъ въ отвѣтъ, и затѣмъ снова послышалось плесканье воды.

Услыша, что Эдуардъ еще продолжаетъ мыться, Венделль нашелъ возможнымъ хотя бы только просмотрѣть конецъ письма. И онъ прочелъ:

«Я нашелъ цѣль жизни, я хочу бороться за права притѣсненнаго класса. Изъ меня еще выйдетъ человѣкъ, милый папа. Вотъ увидишь. И это вовсе не минутное увлеченіе. Я хочу искупить все то прошлое, которымъ я доставилъ тебѣ столько горя. Скоро я еще напишу. Отвѣчай на это письмо».

Господинъ Венделль сдѣлался очень серьезенъ, когда онъ прочелъ письмо до конца.

Когда Эдуардъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, чистый и элегантный, господинъ Венделль сказалъ:

— Если тебѣ дѣйствительно не хочется ѣхать сегодня, то...

— Нѣтъ, это хорошо! Сперва ты заставляешь меня одѣться, а потомъ позволяешь не ѣхать.

Черезъ нѣсколько времени оба товарища сидѣли въ удобномъ тарантасѣ.

Помолчавъ немного, господинъ Венделль сказалъ:

— Ты, кажется, немного обидѣлся?

— Я терпѣть не могу такихъ подозрительныхъ визитовъ лѣтомъ.

— Но, другъ мой, слыханное ли это дѣло, чтобы женихъ ѣхалъ въ такомъ настроеніи духа къ своей невѣстѣ, да которую онъ еще къ тому же не навѣщалъ цѣлый мѣсяцъ!

— Развѣ дѣйствительно такъ долго?—спросилъ Эдуардъ равнодушно.

Они проѣхали почти цѣлую милю въ глубокомъ молчаніи, послѣ чего Эдуардъ сказалъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— У меня всегда такое чувство, точно вся эта исторія затѣяна моимъ отцомъ исключительно изъ-за *меня,* чтобы я, видишь ли ты, исправился и сдѣлался человѣкомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Нечего сказать, придумалъ! Но ты подумай, какъ безумно все это по отношенію къ Мартѣ!

— Если бы ты дѣйствительно былъ влюбленъ, то ты не судилъ бы себя такъ строго.

— Такъ ты, значитъ, думаешь, что я не влюбленъ?—спросилъ Эдуардъ, глядя на Венделля и удивляясь, почему тотъ покраснѣлъ.

— А ты самъ что думаешь объ этомъ?

Эдуардъ вздохнулъ и сказалъ послѣ долгаго размышленія:

— Что мнѣ отвѣтить на это? Собственно говоря, можно съ полной увѣренностью сказать, что я восхищаюсь ею, да, восхищаюсь безмѣрно! Но когда дѣло приняло серьезный оборотъ, то я почувствовалъ, особенно здѣсь въ деревнѣ, что въ моей любви къ ней есть что-то нехорошее, что-то не вполнѣ искреннее.

— Другими словами, ты не любишь ея больше.

— Я, право, не знаю, хочешь ли ты, чтобы я ее любилъ или нѣтъ?—сказалъ Эдуардъ нѣсколько нервно, и со страдальческой складкой между сморщенными бровями, онъ долго старался найти подходящій отвѣтъ.

— Не то, но, видишь ли, Марта любитъ во мнѣ не то существо, какое я есть на самомъ дѣлѣ, а нѣчто совершенно иное. Если бы она знала меня какъ слѣдуетъ, то она, можетъ быть, совсѣмъ не любила

бы меня. У насъ нѣтъ ничего общаго другъ съ другомъ. Тамъ ждутъ, чтобы я исправился. Они надѣются, что все устроится такъ, что я сдѣлаюсь хорошимъ землевладѣльцемъ. Между тѣмъ я совершенно не вѣрю въ ту жизнь, которой они живутъ, я не вѣрю во все ихъ Раухалахти. На что имъ, скажи на милость, такое громадное количество земли? Вотъ уже двѣ мили—и все только Раухалахти и Раухалахти!

Господинъ Венделль разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя, погрузясь въ глубокія мысли, и ничего не отвѣчалъ.

И разговоръ прекратился.

IV.

Раухалахти.

Широко раскинулись лѣса имѣнія Раухалахти и глубока и непроходима ихъ темная чаща. Мягкій мохъ этихъ лѣсовъ никогда не видѣлъ синевы небесъ, а старыя деревья, отдаленныя отъ водяныхъ путей сплавленія, валятся подъ напоромъ бури, и дятелъ обклевываетъ ихъ кору. Эти деревья сгнили и похоронили съ собой во мху старыя воспоминанья бранныхъ временъ, когда свободолюбивый народъ былъ загнанъ побѣдителемъ въ пустынные лѣса и обреченъ на погибель, тогда какъ покоренный народъ, прославлявшій побѣдителя, остался въ своихъ родныхъ мѣстахъ, покинувъ вѣру отцовъ, забывъ бога, лѣса и всѣхъ духовъ-покровителей, промѣнявъ свои руны на псалмы, своихъ пѣвцовъ на духовныхъ пастырей и принявъ насажденное мечомъ спасеніе души.

Съ тѣхъ поръ протекли вѣка, и воспоминанія старыхъ гніющихъ стволовъ исчезли вмѣстѣ съ ними. Правнуки побѣдителей уже успѣли забыть окровавленные мечи своихъ предковъ, а побѣжденные забыли, что когда-то были свободны. Какъ одни, такъ и другіе вѣрятъ теперь въ одного и того же бога, по святой волѣ котораго народы, населяющіе землю, подраздѣлились на два лагеря, на господъ и на слугъ. И эта вѣра принесла съ собой умиротвореніе. Расцвѣли законы и уставы, зазеленѣли широкія поля, появились церкви съ золотыми крестами, и покорный народъ, обнаживъ голову, преклоняетъ колѣна передъ священниками въ пестрыхъ одѣяніяхъ.

Нивы зазеленѣли, законы и уставы расцвѣли, но воспоминанія старыхъ временъ погребены во мху, въ непроходимой чащѣ лѣсовъ.

Развѣ духъ свободы старыхъ временъ не живетъ ужъ больше?

Одни лишь деревья шумятъ въ покинутой чащѣ лѣсовъ.

Уйдемъ оттуда, если ты хочешь видѣть радость, счастье и свѣтъ

свободы! Ты найдешь ихъ въ человѣческихъ сердцахъ. Покинемъ дикую пустыню и войдемъ въ прекрасное царство образованія!

Если ты пробродишь день или два дня, то въ концѣ-концовъ и самый непроходимый хвойный лѣсъ начнетъ рѣдѣть и настанетъ конецъ и самой обширной пустынѣ. Вотъ уже попадаются пни отъ срубленныхъ деревьевъ, вотъ уже встрѣчаются между елями стройныя березки, которыя тянутся къ небу за свѣтомъ и за воздухомъ; уже зелень черники уступаетъ мѣсто брусничнику, уже можно различить зимнія дороги, уже сквозь стволы деревьевъ тамъ и сямъ просвѣчиваютъ голубыя воды озеръ, уже почва понижается, образуя склоны, поросшіе ивнякомъ, уже встрѣчаются природныя поляны съ густолиственными рощицами, уже зимнія дороги встрѣчаются съ другими, поросшими травой, но въ которыхъ ясно обозначаются колеи отъ колесъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Дорога извивается между холмами, то появляясь на высокихъ мѣстахъ, то исчезая на склонахъ долинъ. Вонъ уже и человѣческое жилье, а вонъ тамъ на опушкѣ лѣса другое, вонъ третье, четвертое, а вотъ и цѣлая деревня, ютящаяся на склонѣ горы на мѣстѣ лѣсного пожарища. Избушки тѣснятся одна возлѣ другой, словно ласточкины гнѣзда на сѣрой стѣнѣ отвѣсной скалы. Почему люди поселились на такомъ неудобномъ мѣстѣ для жилья? Чего они боялись? Почему не выбрали они болѣе низкихъ мѣстъ? Почему коровы не пасутся на клеверныхъ поляхъ, а довольствуются кислицей, которую они щиплютъ вокругъ обгорѣвшихъ пней. Ужъ не съ барщины ли возвращается этотъ человѣкъ. Почему приходитъ онъ домой съ разбитыми членами и, не говоря ни слова, бросается на свою постель? Не для уплаты ли оброка собираетъ эта дѣвочка ягоды? Не для того же ли вяжетъ въ рощицѣ вѣники молодая дѣвушка, молчаливая и невеселая?

Но развѣ мы пошли отыскивать несправедливость въ положеніи людей относительно другъ друга. Развѣ мы хотѣли изслѣдовать, почему судьба такъ неравномѣрно распредѣлила свои дары? Нѣтъ. Мы пошли отыскивать священный огонь пѣсни и свободы, который никогда не можетъ совершенно потухнуть въ людскихъ сердцахъ. Гдѣ же горитъ этотъ огонь, гдѣ отражается его отблескъ?

На этомъ каменномъ хребтѣ нѣтъ мѣста духу свободы, въ этихъ деревняхъ теперь не время для слаганія рунъ.

А потому уйдемъ и отсюда, если ты надѣялся найти среди этихъ людей свѣтъ свободы и счастье. Прочь отъ этого сѣраго каменнаго хребта, гдѣ царитъ усталость, гдѣ нѣтъ времени для пѣсни, гдѣ мускулы, жилы, руки, ноги, всѣ мысли и заботы,—все напрягается

къ тому, чтобы уплатить оброкъ, какъ если бы человѣкъ обращался въ бездушную машину.

Но вотъ дороги опять встрѣчаются; тутъ пролегаетъ большая дорога, на которой уже нѣтъ колей отъ колесъ. Она усыпана пескомъ и окаймлена канавами; вдоль дороги идетъ рядъ телефонныхъ столбовъ, и она извивается по равнинѣ подъ веселую пѣсню проволокъ.

Уже начинаютъ попадаться клеверныя поля, принадлежащія къ большой усадьбѣ. Уже попадаются расчищенныя рощи, уже зеленѣютъ хлѣбныя поля, и чѣмъ ближе къ усадьбѣ, тѣмъ глубже становятся канавы, тѣмъ сочнѣе паровыя поля. Посмотри, вонъ тамъ въ извилинахъ залива виднѣется холмъ съ зеленѣющими липами; онъ возвышается въ самой глубинѣ залива среди изумрудныхъ полей и кудрявой листвы. Туда-то и ведутъ всѣ дороги. Тамъ вѣтеръ, стѣсненный горой, вѣетъ тише, тамъ подъ яркими лучами солнца выросли высокія деревья съ темной листвой, тамъ трава сочная и тростникъ на берегу выше,—тамъ подъ гигантскими липами и старыми кленами стоитъ бѣлая усадьба Раухалахти. Она вся бѣлая, но она отражаетъ на себѣ яркую зелень липъ и кажется тоже зеленой; обросшія мохомъ застрѣхи кажутся зелеными, грудки у ласточекъ, сидящихъ подъ крышей въ своихъ гнѣздахъ, тоже зеленыя, какъ и наличники у оконъ, стекла и гардины.

По лужайкѣ разгуливаютъ нарядные люди; они ходятъ и по парку, и по двору,—въ Раухалахти всегда много народу. Тамъ живутъ и свои, и чужіе, зятья и невѣстки, тести и шурины, двоюродные и троюродные братья и сестры, и ихъ друзья. Одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ, потомъ снова пріѣзжаютъ.

Одни пріѣзжаютъ на нѣсколько недѣль, другіе на нѣсколько дней, нѣкоторые заѣзжаютъ проѣздомъ. Дѣтьми кишитъ вездѣ, и вездѣ видны няньки съ бутылками съ молокомъ, съ пеленками и дѣтскими колясками. Нѣкоторыя дѣти играютъ въ пескѣ, другія на лугу, щебеча взапуски съ птицами. Старшіе гуляютъ группами, но всегда молодыя дѣвушки съ молодыми людьми. Они то играютъ въ крокетъ, то въ лаунъ-теннисъ, то отправляются на прогулку съ пѣснями и веселой болтовней; они держатся въ сторонѣ отъ старыхъ тетокъ съ ихъ головными болями, кофепитіемъ и разговорами о добромъ старомъ времени и о недостаткахъ современной молодежи. И всетаки всѣ эти люди принадлежатъ къ одному счастливому кругу, внутреннюю жизнь котораго согрѣваетъ общественная жизнь, а внѣшнюю—теплые солнечные дни, къ тому кругу, который счастливъ своей свободой, счастливъ своей беззаботностью, счастливые

уже только потому, что къ вящей зависти другихъ, непосвященныхъ, они могутъ считаться среди друзей владѣльцевъ Раухалахти.

Въ главномъ зданіи усадьбы на мягкихъ коврахъ въ равномѣрно покачивающемся креслѣ-качалкѣ, со старинной пѣнковой трубкой въ рукахъ, сидитъ самъ онъ, тотъ человѣкъ, который представляетъ изъ себя центръ всего: центръ для зимнихъ и лѣтнихъ дорогъ, центръ для необозримыхъ хлѣбныхъ полей, центръ для всѣхъ посѣвовъ и жатвъ, центръ для всѣхъ пожеланій добраго здоровья и долгой жизни. Этотъ человѣкъ, окруженный преданностью и любовью близкихъ и родныхъ, и есть совѣтникъ земледѣлія, добрый, благородный владѣлецъ Раухалахти.

Года успѣли уже щедро посыпать его голову и его бороду серебромъ. Онъ сидитъ по большей части въ креслѣ-качалкѣ, покуривая свою трубку. Онъ не ходитъ больше по своимъ землямъ, раздавая приказанія: теперь приходятъ къ нему за приказаніями. На всей его внѣшности лежитъ отпечатокъ легкаго утомленія, его сѣдые усы слегка пожелтѣли отъ куренія, а подъ глазами у него небольшіе мѣшки, свидѣтельствующіе о кротости. Если онъ и выходитъ иногда изъ дому, чтобы осмотрѣть свои земли, то онъ это дѣлаетъ не для того, чтобы провѣрить, какъ идутъ работы, а только для того, чтобы насладиться всѣмъ тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя, насладиться полнымъ порядкомъ и тѣмъ, что все идетъ какъ бы само собой. Онъ можетъ смѣло посвящать свои дни изслѣдованію старыхъ историческихъ писемъ, которыя еще существуютъ въ Раухалахти: прадѣдовская коллекція старинныхъ писемъ,—это гордость Раухалахти. Много историческихъ лицъ, если и не находились въ прямомъ родствѣ съ владѣльцами Раухалахти, то во всякомъ случаѣ состояли въ близкой связи съ ними. За исключеніемъ писемъ многихъ героевъ финской войны, тамъ хранились собственноручныя письма Армфельта, Аминова и даже Густава III. Всѣ они были тщательно собраны въ пакеты и уложены въ папки, отдѣланныя кожей; самые драгоцѣнные документы лежали, развернутые, подъ стекломъ. Среди этихъ писемъ совѣтникъ земледѣлія чувствовалъ себя, какъ въ святилищѣ. Онъ зналъ всѣ письма по номерамъ и зналъ содержаніе каждаго изъ нихъ почти слово въ слово и, несмотря на это, онъ постоянно перечитывалъ ихъ собравшейся семьѣ, роднымъ или друзьямъ,—онъ читалъ серьезно и съ благоговѣніемъ, какъ если бы онъ исполнялъ какое-нибудь святое дѣло.

У совѣтника семеро дѣтей и множество внучатъ. Уже въ преклонномъ возрастѣ онъ вторично женился на особѣ, которая удивила всѣхъ тѣмъ, что, наперекоръ обычному явленію, она сумѣла устано-

вить хорошія отношенія съ дѣтьми мужа отъ его перваго брака. Она стала душой въ большомъ хозяйствѣ помѣстья Раухалахти, но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ уваженіемъ относилась къ правамъ дѣтей мужа, которыя считали Раухалахти своимъ домомъ. Она славилась также тѣмъ, что поддерживала добрыя отношенія съ самыми разнообразными людьми, она интересовалась всевозможными вопросами и съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ мыслей своего собесѣдника. И при всемъ этомъ она не забывала о томъ, что происходитъ въ кухнѣ, какъ чувствуютъ себя маленькія дѣти, находящіяся на ея попеченіи, которыхъ надо укладывать спать, которыхъ пора кормить и которымъ надо идти гулять.

Если все это было прекрасно, то еще прекраснѣе были отношенія между супругами.

Насколько они оба были примѣрны,—она, какъ хозяйка дома, онъ какъ хозяинъ обширнаго имѣнія—настолько они были идеальной супружеской четой. Даже самые близкіе люди не могли рѣшить, чья воля была рѣшающей. Этого нельзя было выяснить даже при тщательномъ наблюденіи за ихъ дѣйствіями и словами. Обыкновенно они обмѣнивались другъ съ другомъ лишь нѣсколькими словами. Жена приходила и наклонялась къ мужу, сидящему въ креслѣ-качалкѣ, и шептала ему нѣсколько словъ на ухо. Послѣ этого они обмѣнивались взглядомъ и едва слышно произносили нѣсколько словъ. Если они бывали различныхъ взглядовъ, то посторонніе, присутствовавшіе при этой сценѣ, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за выраженіемъ ихъ лицъ, стараясь подмѣтить малѣйшую досаду или хотя бы нетерпѣливое подергиваніе плечъ. Но мужъ только хлопалъ свою жену по рукѣ, а она говорила на это: «хорошо», и уходила. Кто знаетъ, какія важныя дѣла рѣшались такимъ образомъ! Никто не могъ бы сказать, перемѣнилъ ли мужъ свое рѣшеніе, узнавъ мнѣніе жены, или же жена уступила, узнавъ взглядъ мужа.

Иногда случалось, что бѣлыя двери, по обыкновенію закрытыя и находившіяся въ концѣ цѣлой амфилады залъ и гостиныхъ, оставались раскрытыми. Тогда гости, не имѣвшіе права доступа во внутреннія комнаты, могли издали заглянуть въ «святое-святыхъ». Предметы въ этой комнатѣ были видны неясно, такъ какъ гардины тамъ были всегда спущены и тамъ царилъ полумракъ, но въ этомъ полумракѣ сверкали золотые набалдашники на двухъ, рядомъ стоящихъ кроватяхъ. Виднѣлась также мраморная статуя Христа, который подъ пологомъ протягивалъ свои руки для благословенія.

Если это святое-святыхъ видѣло молодое существо, то его охватывало радостное чувство, и его мечта, его невоплощенный идеа[л]

но шепталъ ему: брось безплодныя сомнѣнія, жизнь—это ра-ъ; цѣль жизни ясна и близка, и значеніе ея просто и естественно. что неясно обрисовывается тамъ, подъ пологомъ,—вѣрная житей-пристань, цѣль человѣческаго существованія. Внѣ домашняго а и семейнаго счастья—лишь буря, отчаяніе и несчастье.

Нашли ли мы, наконецъ, то обширное и прохладное зданіе, ко-е возведено свободой и счастьемъ?

Слышишь ли ты звуки музыки, которая раздается въ залахъ золотого жилища? Слышишь ли ты мягкіе звуки флейты, нѣж-переливы скрипки и гармоничный акомпаниментъ фортепіано? ушайся также къ веселому гомону, царящему среди беззабот-молодежи; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ встали въ ожъ и приготовились танцовать.

Пусть необитаемые лѣса шумятъ въ своемъ одиночествѣ! Здѣсь ашли то, что искали. Здѣсь счастье, здѣсь та свобода, безъ ко-хъ люди не могутъ дышать. Здѣсь живутъ дочери искусства и и, которыя превращаютъ негостепріимную землю въ жилище ра-для людей.

V.

День рожденія.

Однако и у счастливыхъ владѣльцевъ Раухалахти были свои за-

У совѣтника земледѣлія было семь дочерей и ни одного сына. передать имѣніе?

Всѣ дочери, кромѣ самой младшей, фрёкенъ Марты, были за-мъ. И всѣ онѣ были счастливы въ супружествѣ. Ихъ мужья, безъ исключенія, были значительными людьми или, по крайней , подавали несомнѣнную надежду сдѣлаться таковыми въ бли-емъ будущемъ. Двое изъ нихъ были военными, другіе двое чи-иками, одинъ—директоромъ банка и, наконецъ, послѣдній былъ итъ-доцентомъ университета. Но никто изъ нихъ не былъ спосо-взять на себя управленіе Раухалахти.

А потому завѣтнымъ желаніемъ совѣтника земледѣлія было вы-свою младшую дочь, любимую Марту, за человѣка, который бы въ состояніи взять на себя управленіе имѣніемъ.

Но желаніе это не осуществилось, что мы и увидимъ дальше.

У совѣтника былъ старый другъ, занимавшій высокій военный въ Россіи и извѣстный своей храбростью, а также своей лю-стью и своимъ необыкновенно громкимъ голосомъ—онъ всегда

кричалъ такъ, какъ если бы необходимо было перекричать бур
Кромѣ того, онъ отличался своей полной безпомощностью во всем
что не имѣло непосредственнаго отношенія къ военному дѣлу. Ес
например̃ъ, приходилось касаться какого-нибудь вопроса изъ облас
чувствъ, то храбрый воинъ окончательно терялся. Глаза его дѣ
лись круглыми, и на лицѣ появлялось испуганное выраженіе. Къ
великому несчастью онъ остался въ жизни одинокимъ, такъ какъ
умная и добрая жена умерла рано, оставивъ на рукахъ своего б
помощнаго, шумливаго мужа ихъ единственнаго сына Эдуарда. Б
предѣльно любя своего сына, но не имѣя ни малѣйшаго понятія
воспитаніи дѣтей, отецъ не жалѣлъ денегъ, стараясь при помощи
пополнить то, чего не хватало въ воспитаніи сына. Онъ приглас
къ сыну лучшихъ учителей какъ въ области науки, такъ и иску
ства. Кромѣ того, при сынѣ находился воспитатель, имѣвшій н
зоръ за ученьемъ. И при всемъ этомъ оказалось, что въ воспит
сына какъ будто было что-то неправильное. Послѣ своего посту
нія въ университетъ, молодой человѣкъ, повидимому, утрат
всякое желаніе совершенствоваться въ наукахъ и началъ вести р
гульную жизнь со своими товарищами. Его поведеніе съ кажд
годомъ становилось все хуже, пока онъ не дошелъ, наконецъ, по
до полной гибели. Онъ не обращалъ больше ни малѣйшаго вним
на приличія, бравировалъ своимъ вызывающимъ образомъ дѣйст
и безвозвратно погубилъ свою репутацію необузданнымъ поведені

Отецъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы противодѣйст
вать этому несчастію. Самъ онъ, конечно, не могъ вліять на сы
если даже онъ и напрягалъ для этого всѣ свои мысли, то онъ нич
не могъ придумать, кромѣ простого увѣщанія, состоявшаго изъ сло
«Брось пить!» Его отеческіе совѣты не шли дальше этого. Въ сво
безпомощности онъ обратился за совѣтомъ къ духовнымъ пастыр
которыхъ онъ еще помнилъ по старому знакомству. Онъ даже на
салъ самому архіепископу, желая узнать его мнѣніе. Послѣдній от
тилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ высказывалъ надежду,
Господь когда-нибудь приведетъ юношу на его, епископа, путь и р
мендовалъ пока назидательное чтеніе. Другіе совѣтовали загранич
путешествіе или вообще перемѣну мѣстожительства. Нашъ во
добросовѣстно слѣдовалъ всѣмъ совѣтамъ; онъ послалъ своему сы
книги духовнаго содержанія, устроилъ для него поѣздку за гран
въ обществѣ хорошаго попутчика и всѣми силами старался уго
рить его посѣтить архіепископа и лично познакомиться съ нимъ.

Но ни епископы, ни священники, ни книги духовнаго содержа
ни заграничное путешествіе не имѣли никакого воздѣйствія

Въ этого-то юпошу, который, за исключеніемъ своего благород-о имени, ничѣмъ не могъ похвастаться въ глазахъ свѣта, и была юблена фрёкенъ Марта,—та самая Марта, которая была любимицей а, любимицей управляющаго и всѣхъ слугъ, любимицей береговъ оды, лѣсовъ, горъ, цвѣтовъ и всего, къ чему она только прика-ась, на чемъ останавливался ея взоръ.

Когда старый воинъ замѣтилъ отношенія между Мартой и своимъ юмъ,—а не замѣтить этого было трудно, такъ какъ Марта по-янно краснѣла,—то онъ пришелъ въ восторгъ. Онъ совѣтовался юсительно своего сына также и съ медицинскими свѣтилами, ко-ыхъ онъ лично зналъ, и тѣ сказали ему, что женитьба могла бы ліять на его сына благотворно и успокоительно. Важное открытіе, Марта любитъ Эдуарда и что Эдуардъ можетъ жениться на до-и его стараго друга, обрадовало его чрезвычайно. И онъ не на-ъ ничего лучшаго, какъ прокричать объ этомъ на весь свѣтъ. ественнымъ послѣдствіемъ этого было обрученіе молодой четы.

Старый воинъ былъ въ восторгѣ, но никакъ нельзя было сказать о же про совѣтника земледѣлія и про остальныхъ обитателей дьбы.

Это обрученіе создало въ Раухалахти напряженную атмосферу. о составляло тайное горе совѣтника и его зятьевъ. Оно было пред-юмъ печалованій для всѣхъ тетокъ и всѣхъ знакомыхъ, счи-шихъ себя въ числѣ близкихъ друзей владѣльцевъ Раухалахти. кто не рѣшался говорить объ этомъ откровенно, но во всемъ, что орилось, звучала извѣстная нотка, которая какъ бы служила ичительнымъ признакомъ того, насколько то или другое лицо при-лежитъ къ кругу друзей Раухалахти.

Если бы совѣтникъ не держалъ такъ крѣпко въ своихъ рукахъ зды правленія, то навѣрное эти нѣмые, но краснорѣчивые взоры сторожный шепотъ превратились бы въ откровенный ропотъ, ко-ый не прекратился бы до тѣхъ поръ, пока обрученіе не было бы торгнуто.

Но совѣтникъ не ослаблялъ туго натянутыхъ браздовъ.

Воля Марты была для него закономъ, а слѣдовательно и для всѣхъ итателей усадьбы.

Совѣтникъ ничѣмъ не показалъ, что онъ что-нибудь имѣетъ про-въ выбора своей дочери или хоть сколько-нибудь недоволенъ этимъ, соотвѣтственно этому относились къ обрученію Марты и остальные мочадцы.

Конечно, Марта не могла оставаться въ невѣдѣніи относительно рытыхъ мыслей окружавшихъ ее людей. Стоило ей только, хотя бы

вскользь, съ похвалой отозваться о наружности какого-нибудь мужчины, какъ всѣ спѣшили наперерывъ выразить свое восхищеніе этимъ господиномъ: лучше, красивѣе, элегантнѣе его нѣтъ на всѣмъ свѣтѣ. Замѣчательно также было то усердіе, съ которымъ мачеха Марты, конечно, съ согласія самого совѣтника, начала устраивать всевозможныя празднества, на которыя приглашалось избранное молодое общество изъ столицы.

На одинъ изъ такихъ праздниковъ и теперь собралось общество въ Раухалахти. Мартѣ исполнилось двадцать лѣтъ.

За цѣлую недѣлю до этого въ усадьбѣ начались приготовленія: пекли, жарили, варили пиво. Задолго начали клеить фонарики, плести гирлянды и разучивать новые танцы и пѣсни.

Когда Марта, разбуженная выстрѣлами и пѣніемъ, вышла утромъ на веранду, всѣ колонны которой были сверху донизу увиты гирляндами изъ зелени и розъ, то ее встрѣтило множество гостей. Всѣ окружили ее, предлагая ей цвѣты и букеты.

Тетки, которыя цѣлую недѣлю писали пригласительныя письма и разсылали ихъ во всѣ стороны, какъ бы сговорясь, обратили ея вниманіе на большое собраніе гостей. «Вотъ видишь, Марта, как тебя любятъ, всѣ безъ особаго приглашенія вспомнили тебя въ этотъ день!» При этомъ взоры ихъ какъ будто прибавляли: «Посмотримъ, вспомнитъ ли этотъ день «тотъ господинъ»!»

Прошло полдня. Всѣ были увѣрены, что «тотъ господинъ» не пріѣдетъ больше, и дѣлали видъ, что возмущаются этимъ, тогда какъ въ глубинѣ души радовались. Каково же было ихъ удивленіе, когда ворота раскрылись, и въ нихъ въѣхалъ господинъ Венделль въ сопровожденіи Эдуарда.

Всѣ гости, сидѣвшіе на верандѣ, перегнулись черезъ перила; многіе произнесли имя Эдуарда со вздохомъ разочарованія. Въ это мгновеніе казалось, словно всѣ яства напрасно приготовлены, всѣ вѣнки и гирлянды напрасно сплетены, всѣ разноцвѣтные фонарики напрасно склеены и пригласительные билеты напрасно разосланы.

А что можно было подумать о господинѣ Венделлѣ? Чѣмъ объяснить, что онъ самъ привезъ сюда Эдуарда? Кто-то утромъ вспомналъ про господина Венделля. Теперь было ясно, что онъ ѣздилъ за Эдуардомъ и напомнилъ ему о днѣ рожденія Марты. Какъ объяснить все это?

Такъ значитъ господинъ Венделль не считаетъ себя больше въ кругу близкихъ къ семьѣ совѣтника. Значитъ, онъ не раздѣляетъ ихъ чувствъ? А онъ до сихъ поръ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто лучше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ положеніе вещей въ семьѣ совѣтника

ника. Хотя онъ и не былъ родственникомъ, но его принимали въ этой семьѣ, какъ родного, и онъ подолгу гостилъ въ Раухалахти. И развѣ это не было бы къ выгодѣ господина Венделля, если бы Эдуардъ прозѣвалъ этотъ день и показалъ бы себя въ настоящемъ свѣтѣ? И, наконецъ, развѣ господинъ Венделль не былъ тѣмъ человѣкомъ, котораго Марта считала своимъ хорошимъ другомъ и который, какъ многіе надѣялись, когда-нибудь займетъ въ сердцѣ Марты мѣсто Эдуарда?

И этотъ-то самый господинъ Венделль,—стоило бы ему дать хорошую встрепку,—тащитъ сюда Эдуарда, точно всѣмъ на зло!

Эдуардъ выпрыгнулъ изъ экипажа, оставилъ Венделля, и, съ недовольнымъ лицомъ приподнявъ шляпу передъ гостями, пошелъ здороваться съ хозяевами.

Марта стояла между двумя подругами. Отъ волненія она сперва поблѣднѣла, а потомъ у нея на щекахъ выступили два красныхъ пятна, которыя рѣзко выдѣлялись на блѣдномъ лицѣ.

У жениха не было ни букета, ни единой розы для нея.

Въ ту минуту, когда Эдуардъ, стоя среди благоухающихъ цвѣтовъ, замѣтилъ свою оплошность и почувствовалъ на себѣ неодобрительные взгляды, онъ услыхалъ вдругъ позади себя голосъ Венделля:

— Послушай, Эдуардъ, возьми же вотъ это. Главное-то ты и забылъ!

И Венделль передалъ Эдуарду круглую картонку. Послѣдній открылъ ее и вынулъ изъ нея такой изящный и съ такимъ вкусомъ подобранный снопъ розъ, что у дамъ невольно вырвался крикъ восторга.

Откуда Венделль досталъ эти цвѣты, Эдуардъ не могъ понять. Онъ смутно помнилъ только, что когда они выѣзжали изъ Ваниккола, то Венделль поставилъ подъ сидѣнье какой-то ящикъ.

Фрёкенъ Марта была въ такомъ восторгѣ отъ цвѣтовъ, что глаза ея засіяли; красныя пятна разлились по щекамъ и превратились въ нѣжный румянецъ.

— Спасибо, Эдуардъ! Что за прелесть! Спасибо!—проговорила она, и на глазахъ у нея навернулись слезы; она должна была уйти изъ комнаты.

Всѣ поняли, что это были слезы радости.

Но Эдуарду показалось, что общество нашло благодарность Марты чрезмѣрной, и что оно осуждаетъ ее за то, что она такъ открыто показала, что попрежнему любитъ Эдуарда. Когда Марта ушла, всѣ начали превозносить ее и многіе повернули Эдуарду спину, какъ бы желая дать ему почувствовать его ничтожество по сравненію съ Мартой, этой обожаемой младшей дочерью помѣщика.

Эдуарда представили пожилымъ мужчинамъ, но тѣ поспѣшили снова занять свои удобныя мѣста на верандѣ и продолжали разговоръ, касавшійся политическаго состоянія страны. Вдругъ Эдуардъ выпрямился и сказалъ громко и рѣзко:

— Это прямо невѣроятно, какое громадное количество невоздѣланной земли находится въ этомъ имѣніи. Я смотрѣлъ, пока мы ѣхали сюда, такъ ей конца не было.

Всѣ обернулись къ Эдуарду. Молодые люди и дамы, которые хотѣли уйти, остановились, когда услыхали голосъ Эдуарда. Всѣ удивлялись способности Эдуарда заводить новый разговоръ. Его смѣлость въ этомъ отношеніи многимъ нравилась, въ другихъ она порождала надежду срѣзать его.

— Это значитъ,—сказалъ одинъ изъ зятьевъ, директоръ банка, съ коротко подстриженными свѣтлыми усами—это значитъ, что вы намекаете на лѣса Раухалахти?

Этотъ господинъ всегда обращался къ Эдуарду на *вы*, такъ какъ онъ не хотѣлъ признавать въ немъ жениха Марты.

— Я намекаю на такую землю, которую можно было бы обрабатывать, но которую въ этомъ имѣніи не обрабатываютъ и такимъ образомъ не даютъ возможности другимъ обрабатывать. Это несправедливо!

Эти слова произвели впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Всѣ переглянулись. Одинъ шутникъ состроилъ гримасу, причемъ нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ, стоявшихъ у дверей, фыркнули и съ шумомъ выбѣжали изъ комнаты.

Наступило долгое молчаніе.

Такъ какъ политическіе вопросы, составлявшіе тему для разговора до прибытія Эдуарда, были очень интересны, то директоръ банка, ни единымъ словомъ не отвѣчая Эдуарду и какъ бы желая этимъ уколоть его, продолжалъ совершенно спокойно излагать свой взглядъ на форму правленія въ 1772 году.

Онъ былъ юристомъ до мозга костей и страстнымъ защитникомъ основныхъ законовъ. Для всѣхъ обитателей Раухалахти онъ былъ авторитетомъ во всемъ, что касалось политики. Особенно краснорѣчивы и убѣдительны были тѣ доводы, которые онъ приводилъ, чтобы доказать, почему обѣщаніе Александра I, данное боргоскому сейму о сохраненіи основныхъ законовъ, должно оставаться въ силѣ и для всѣхъ послѣдующихъ правителей.

Однако, какъ ни интересны были жгучіе вопросы дня, любопытство общества было возбуждено и тѣмъ вопросомъ, который затронулъ Эдуардъ. Въ то время, какъ часть общества разсуждала о по-

онъ сопротивленіи и о «Fria ord» *), другая часть потихоньку едвинулась къ Эдуарду и завела съ нимъ разговоръ о землеѣніи.

Теперь разговоръ шелъ на двухъ различныхъ концахъ веранды. ъ ни старался директоръ банка затмить своимъ блестящимъ красѣчіемъ разговоръ въ противоположномъ углу, онъ скоро замѣ-ь, что его слушаютъ разсѣянно и все вниманіе удѣляютъ другому овору. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что вся молодежь, а также и ы, собрались вокругъ Эдуарда,—это подѣйствовало на его нервы. а онъ замолчалъ на мгновеніе, чтобы перевести дыханіе, то меннимъ и его слушателями рѣзкимъ диссонансомъ ворвался голосъ рда.

— Неужели же нѣчто подобное можетъ зависѣть отъ какой-то ги? Торпъ принадлежалъ ихъ отцу, ихъ дѣду и даже ихъ пра-, и каждую пядь земли они обработали сами. Но вотъ появляетовый владѣлецъ земли, которому принадлежитъ и торпъ, и гово-: «Убирайся вонъ! У тебя нѣтъ никакихъ бумагъ, и мнѣ нѣтъ до того, что тебѣ обѣщали другіе!» Да развѣ это не возмутино!

— Это очень грустно,—замѣтилъ благочинный. Когда-то и онъ росьбѣ отца Эдуарда старался привести блуднаго сына на путь нный.—Это очень грустно, но съ другой стороны святость права твенности...

Эдуардъ не далъ ему договорить:

— Какое право имѣетъ человѣкъ на землю, которую обрабатыъ другой? Это право узурпатора. Но по закону природы земля на была бы принадлежать всѣмъ, какъ воздухъ, которымъ мы имъ.

— Дорогой другъ,—возразилъ на это благочинный,—это было ротивъ человѣческихъ законовъ и противъ порядка; это привело юдей къ борьбѣ другъ съ другомъ и вернуло бы насъ къ тѣмъ енамъ, когда не было никакихъ общественныхъ законовъ, когда ла полная анархія.

— Позвольте вамъ сказать, что именно теперь царитъ открытая нархія, потому что то, что творится теперь, это беззаконіе, это урпаторство, это грабежъ.

— Подождите,—остановилъ его благочинный, но ему такъ и не лось ввернуть слово.

---

*) Запрещенная въ то время въ Финляндіи газета *Свободное Слово. Примѣч.* ред.

— И я хорошо знаю,—продолжалъ Эдуардъ,—почему землю н
позволяютъ обрабатывать. Это потому, что вы хотите, чтобы бы
бѣдные, которыхъ можно было бы заставить работать на васъ за нѣ
сколько пенни въ день. Вотъ въ чемъ вся штука!

Снова наступило молчанiе, во время котораго присутствовавш
какъ бы взвѣшивали значенiе словъ, сказанныхъ Эдуардомъ.

Директоръ банка нашелся первый. Онъ всталъ и приготовил
уйти съ веранды. Другiе послѣдовали его примѣру, и черезъ нѣ
сколько мгновенiй всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Такимъ образо
всѣ безъ предварительнаго соглашенiя показали Эдуарду свое мнѣн
о немъ.

Эдуардъ принялъ вызывающую позу и со скрещенными на гру
руками спокойно смотрѣлъ, какъ общество понемногу оставляло в
ранду. Онъ понялъ, что уходятъ, чтобы отдѣлаться отъ него.

Эдуардъ искалъ глазами только Марту.

Марта осталась стоять въ дверяхъ и смотрѣла прямо ему в
глаза. Она была блѣдна, и ея большiе испытующiе глаза выражали
одно и то же время и удивленiе, и страхъ, какъ у ребенка, котор
слушаетъ страшную сказку.

Эдуарду показалось, что онъ читаетъ въ этихъ глазахъ св
приговоръ: «Такъ вотъ какой ты! Я думала увидать тебя покорны
и раскаивающимся, а ты только дерзокъ! Прощай!»

Какъ ни былъ Эдуардъ влюбленъ въ ея глаза, но ему казал
невозможнымъ измѣнить ради нихъ свои убѣжденiя. Это значил
бы обмануть и себя, и ее. А потому онъ отвернулся отъ Март
гордо встряхнувъ головой и какъ бы отвѣчая ей такимъ же рѣш
тельнымъ: прощай!

Наконецъ, ушла и Марта. Остался одинъ совѣтникъ земледѣлi

По всей вѣроятности, ушелъ бы и онъ, если бы не замѣтилъ вы
раженiя глазъ Марты, и если бы онъ не придалъ этому выраженi
совсѣмъ другое значенiе. Онъ понялъ, что Марта проситъ его
разрывать съ Эдуардомъ, а потому онъ рѣшилъ изъ любви къ д
чери поговорить съ молодымъ человѣкомъ, чтобы заставить его п
слушаться голоса разсудка.

Совершенно неожиданно для себя Эдуардъ, который уже думал
что всѣ дружескiя связи съ этой семьей порваны, вдругъ услыхал
голосъ совѣтника, который заговорилъ съ нимъ ласково и дружелю
но, продолжая спокойно покачиваться въ своемъ креслѣ-качалкѣ.

— Я такъ хорошо знаю всѣ эти разговоры, дорогой Эдуардъ,
каждое слово мнѣ хорошо знакомо. И какъ это ни странно, но я
самъ когда-то задумывался надъ всѣми этими вопросами. Какъ х

рошо я помню то время, когда я только что вернулся изъ Мюнхена, гдѣ я слушалъ лекціи Риля. И еще теперь звучатъ въ моихъ ушахъ могучія слова великаго учителя, обращенныя къ намъ, его ученикамъ: «Обнажите сердце вашей родины, идите въ народъ, работайте, просвѣщайте, поднимайте, будите!» Проникнутый его великими идеями, горя желаніемъ принести пользу, я вернулся на родину. Я готовъ былъ отдать свою жизнь ради того, чтобы слѣдовать совѣту учителя. Но скоро, слишкомъ скоро я замѣтилъ, что все, чѣмъ я такъ увлекался, было по большей части лишь миражемъ. Оказалось, что многое въ дѣйствительной жизни было совсѣмъ иначе, чѣмъ это представилъ Риль, многое, многое. «Будь къ мужику справедливъ, но никогда не будь къ нему добръ»,—говоритъ пословица, и въ словахъ этихъ много правды.

— А землю вы имъ дали?—спросилъ Эдуардъ тѣмъ же тономъ, хотя ласковый голосъ совѣтника уже успѣлъ произвести на него извѣстное дѣйствіе..

— Я чувствовалъ себя въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится докторъ, который долго занимался приготовленіемъ укрѣпляющаго питья, и котораго отталкиваютъ тѣ, для кого онъ готовилъ это питье, въ тотъ моментъ, когда онъ подноситъ имъ его. И вотъ я очутился среди народа съ протянутой ложкой въ рукахъ, но никто не обращалъ вниманія на мое лѣкарство.

Эдуардъ хотѣлъ было еще разъ спросить, не состояло ли лѣкарство въ надѣленіи землей безземельныхъ, но онъ не хотѣлъ обидѣть совѣтника, намекавшаго своимъ сравненіемъ на школы, которыя онъ когда-то хотѣлъ устроить для простого народа. Совѣтникъ самъ вернулся къ его вопросу.

— Ты спрашивалъ, далъ ли я земли? Неужели ты думаешь, я не попыталъ и этого? Дай имъ только землю, и они высосутъ изъ нея всѣ соки, вырубятъ лѣсъ и продадутъ его. Или, можетъ быть, ты хотѣлъ, чтобы я отдалъ имъ землю даромъ? Раздѣлилъ бы Раухалахти на участки и отдалъ бы ихъ имъ? Это было бы вполнѣ по-христіански, это безспорно, но позволь мнѣ усомниться въ пользѣ такого мѣропріятія. Слѣдствіемъ этого было бы то, что торпары превратились бы въ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но что же дальше? Эти землевладѣльцы въ свою очередь обзавелись бы торпарами, которыхъ они высасывали бы гораздо болѣе основательно, чѣмъ мы умѣемъ это дѣлать. Богатый мужикъ—есть ли что-нибудь болѣе отвратительное? Вотъ это настоящіе пауки!

Выраженіе тяжелаго разочарованія появилось на лицѣ Эдуарда, какъ если бы его вѣра поколебалась—его вѣра во все то, о чемъ пи-

салъ своему отцу и что одно лишь могло возбудить въ немъ желаніе къ моральному возрожденію.

Но онъ не хотѣлъ уступить сразу. Ему захотѣлось разсказать о сценѣ, свидѣтелемъ которой онъ былъ и которая дала извѣстное направленіе его мыслямъ. Онъ нарисовалъ картину изгнанія Кинтури изъ его торпа.

— Я никогда не забуду этого—это было тяжелое зрѣлище—коронный фохтъ и всевозможные полицейскіе сидѣли на скамьяхъ и громко разговаривали, дѣти плакали—вѣдь этотъ торпъ былъ для нихъ роднымъ домомъ, какъ и наши дома для насъ—подумайте, если бы и насъ выгнали такимъ образомъ изъ нашего собственнаго дома.

Совѣтникъ земледѣлія покачалъ головой.

— Знаешь, дорогой Эдуардъ, мнѣ кажется, что ты все это сильно преувеличиваешь. Конечно, я не хочу сказать, что народъ не умѣетъ чувствовать, но насколько я его знаю, онъ никогда не привязывается къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту, напримѣръ, вслѣдствіе его красиваго мѣстоположенія. Напротивъ, крестьяне охотно перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, если они предвидятъ отъ этого матеріальную выгоду. Къ сожалѣнію, я замѣтилъ, что они истощаютъ свою собственную землю и потомъ зарятся на чужіе лѣса. Ты не знаешь народа, Эдуардъ, и прости мнѣ, не знаешь положенія вещей въ нашей странѣ.

Послѣ этихъ словъ совѣтника Эдуардъ почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Онъ глубоко вздохнулъ.

Теперь и совѣтникъ замѣтилъ тоскливое выраженіе на лицѣ Эдуарда, но это только обрадовало его, такъ какъ, по его мнѣнію, это было хорошимъ признакомъ и подавало надежду на перемѣну въ Эдуардѣ. А потому въ голосѣ его было нѣчто ободряющее, когда онъ сказалъ, весело вставая съ кресла:

— Но если тебя такъ интересуетъ крестьянскій вопросъ, то я могу рекомендовать тебѣ множество книгъ, которыя разсматриваютъ этотъ вопросъ всесторонне. Вся моя библіотека къ твоимъ услугамъ. Пойдемъ, я тебѣ покажу.

И онъ повелъ Эдуарда въ библіотеку, обширную комнату съ в -
сокими окнами и стѣнами, заставленными книжными полками съ ı -
толка до пола.

— Посмотри вотъ это и вотъ это?—сказалъ онъ, вынимая оди ь
томъ за другимъ. Онъ разложилъ на столѣ передъ Эдуардомъ цѣл
кучу статистическихъ таблицъ. Это были тяжеловѣсныя разсужде
относительно безземельнаго населенія и главнымъ образомъ отн

тельно торпаровъ. О каждой книгѣ онъ говорилъ нѣсколько пояснительныхъ словъ.

— Какъ видишь, много сдѣлано для того, чтобы выяснить этотъ вопросъ, но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется.

Эдуарду казалось, что онъ становился все меньше и меньше.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ оживленіи, съ которымъ говорилъ совѣтникъ, Эдуардъ почувствовалъ преднамѣренность. Казалось, точно помѣщикъ раскидываетъ невидимыя сѣти, чтобы поймать въ нихъ Эдуарда.

А потому Эдуардъ почувствовалъ громадное облегченіе, когда нѣсколько гостей вошло въ библіотеку, и ему можно было уйти. Такимъ уничтоженнымъ онъ еще никогда не чувствовалъ себя.

Когда онъ проходилъ по большой залѣ, то мимо него пробѣжала кучка молодыхъ дѣвушекъ. Хлопая въ ладоши, перебивая другъ друга и крича, онѣ съ хохотомъ ворвались въ библіотеку, чтобы сообщить совѣтнику о новомъ планѣ относительно какой-то прогулки. Но вдругъ все стихло. Повидимому, съ ними заговорилъ совѣтникъ. И если Эдуардъ и не слышалъ, что онъ говорилъ, то онъ почувствовалъ, что совѣтникъ сказалъ нѣсколько словъ въ его защиту. Эдуардъ поспѣшно вышелъ изъ залы.

Онъ прошелъ черезъ веранду, гдѣ уже снова успѣло собраться цѣлое общество мужчинъ. Онъ хотѣлъ было пройти въ садъ, но потомъ свернулъ направо и подошелъ къ красной изгороди, которая отдѣляла дворъ отъ службъ и строеній, въ которыхъ жили работники. Казалось, точно онъ хотѣлъ уже выйти въ ворота и незамѣтно покинуть усадьбу, но потомъ онъ замедлилъ шаги и остановился передъ изгородью. Облокотясь о перекладину и мрачно вздыхая, онъ смотрѣлъ передъ собой, нервно грызя травинку. По другую сторону изгороди по сухой раскаленной скалѣ разгуливала одинокая курица и клевала упавшія зерна. Она изрѣдка издавала грустные звуки, какъ бы тоскуя въ своемъ одиночествѣ. Безконечно назойливыми казались вечерніе солнечные лучи, которые падали на выжженную траву и на отполированную людскими ногами блестящую скалу.

Черезъ нѣсколько минутъ на лицѣ Эдуарда появилась ироническая улыбка. Онъ отбросилъ травинку, обернулся и, протирая глаза, какъ для того, чтобы прогнать сонъ, онъ направился, посвистывая, къ дому.

Но это былъ уже совсѣмъ другой Эдуардъ.

Увидя на верандѣ молодыхъ дѣвушекъ, онъ остановился, перевязалъ галстукъ и провелъ рукой по волосамъ. Его глаза, которые

незадолго передъ тѣмъ выражали удрученное состоянie и дѣтскую грусть, были теперь полны задора.

Онъ вошелъ въ самую середину веселой ватаги и снова превратился въ самаго внимательнаго свѣтскаго молодого человѣка. Онъ былъ снова красивъ, въ его обращенiи съ дамами появилась очаровательная смѣлость, онъ пилъ ихъ здоровье и волновалъ ихъ молодое воображенie своими идеями относительно свободной любви. Послѣ того, какъ онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, онъ громко высказалъ мысль, что обрученie само по себѣ нѣчто неестественное и позорное, потому что оно ставитъ любовь и природу въ зависимость отъ доходовъ и положенiя.

Это была тема для безконечныхъ споровъ!

Все общество отправлялось на прогулку, но каждую минуту всѣ останавливались и продолжали спорить. Прошло много времени, прежде чѣмъ усѣлись въ лодку, такъ и на пристани продолжались еще споры.

Изъ танцевъ, которые предполагались послѣ прогулки, также ничего не вышло, хотя молодые люди уже побороли первоначальную застѣнчивость и просили начать танцы. Уже дрозды запѣли свою вечернюю пѣсню въ вершинахъ осинъ, уже начало смеркаться, и пестрые фонарики засвѣтились среди деревьевъ парка и среди перилъ веранды, и музыка уже не разъ приглашала къ танцамъ. Дрозды пѣли, музыка играла, фонарики горѣли, но никого не было, кто бы видѣлъ и слышалъ все это. Стоялъ гулъ голосовъ, слышались остроумныя замѣчанiя и въ воздухѣ звенѣли молодые голоса и разносились по землѣ. Кучка спорящихъ людей напоминала муравейникъ, въ который бросили горящiй смоляной факелъ. Факеломъ былъ вопросъ о *свободной любви*.

Это Эдуардъ зажегъ смоляной факелъ, и его звонкiй голосъ покрывалъ всѣ остальные голоса и разносился далеко кругомъ.

Онъ много выпилъ, и какъ его душевныя силы, такъ и физическая красота выступали во всемъ блескѣ.

— Говорите, что хотите,—послышался вдругъ молодой женскiй голосъ, принадлежавшiй дѣвушкѣ, извѣстной своими современными взглядами,—я согласна съ нимъ!—и молодая дѣвушка, говоря это, зажала уши, какъ бы не желая слушать никакихъ возраженiй.

Это было сигналомъ, котораго только и ждали.

«И я также, и я также!»—закричали въ одинъ голосъ всѣ молодыя дѣвушки, хлопая въ ладоши.

Но Эдуардъ со своими идеями былъ далеко впереди нихъ. Онъ помолчалъ немного, какъ бы стараясь еще больше опьянить себя.

не хотѣлъ допустить, чтобы кто-нибудь въ этомъ обществѣ ъ быть одного съ нимъ мнѣнія. И съ презрѣніемъ въ голосѣ онъ олжалъ свои нападки.

— Вотъ какъ, вы становитесь на мою сторону!

И онъ обрушился на женщинъ безъ всякой пощады. Онъ глу- ся надъ этими нравственными молодыми дѣвушками въ легкихъ ытыхъ платьяхъ, единственной цѣлью которыхъ было заручить- бѣщаніемъ на христіанскій бракъ въ будущемъ. Но что касает- о него, то онъ въ эту ловушку не попадетъ! Если его боятся ъ такимъ, каковъ онъ есть, то и онъ ни къ кому не подойдетъ. щины для него не болѣе, какъ рыночный товаръ, выставляемый казъ благоденствующимъ мѣщанамъ. Онъ насмѣхался надъ всей еменной культурой съ ея электричествомъ и усовершенствован- и путями сообщенія. Наука для него—звукъ пустой, а надъ ис- ствами онъ смѣется. Онъ объявилъ, что за весь день онъ не слы- ъ въ этомъ большомъ Раухалахти ни одного исполненія, достой- искусства, хотя человѣкъ десять пытались изображать что-то азличныхъ инструментахъ. Онъ смѣялся надъ выраженіемъ тъ, которыя были заучены и всецѣло зависѣли отъ нотъ. Все ергнось его уничтожающей критикѣ—все было не болѣе, какъ ажаніе и пошлое мѣщанство.

Послѣ этой выходки многіе отошли отъ Эдуарда, недоумѣвая, ъ отнестись къ его дерзкимъ словамъ.

Двое зятьевъ совѣтника стояли въ дверяхъ и разговаривали другъ ругомъ.

— Что за странное сочетаніе образованія и грубости!

Они старались припомнить родословную Эдуарда, но какъ со оны его отца, такъ и со стороны матери они нашли только ари- ратовъ, которые были гораздо чистокровнѣе ихъ самихъ.

Марта сидѣла блѣдная и дрожащая между своими двумя сестрами. ѣднія были возмущены поведеніемъ Эдуарда. Онѣ наклонились ъ къ другу передъ Мартой и совѣщались о томъ, что дѣлать. а изъ сестеръ шепнула Мартѣ на ухо, что по всей вѣроятности рдъ хотѣлъ своими словами дать понять, что онъ открыто разры- ъ обрученіе съ Мартой. Марта отъ волненія не могла произнести слова; она также была почти увѣрена въ томъ, что Эдуардъ сво- словами намекалъ именно на ихъ отношенія другъ къ другу.

Сестры чувствовали себя глубоко оскорбленными за Марту. Одна нихъ сказала:

— На твоемъ мѣстѣ я встала бы и заявила бы въ присутствіи ъ: «что касается до меня, то ты свободенъ»!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—сказала Марта, крѣпко сжима
сестры и ни на минуту не отрывая глазъ отъ Эдуарда.

Но теперь поблѣднѣла и вторая сестра, которая до сих
еще не вполнѣ была увѣрена относительно смысла словъ Эду

— Но вѣдь это совершенно ясно. Онъ хочетъ устроить
далъ. Ты должна предупредить его. Лилли права: встань и бро
перчатку въ лицо.

Къ двумъ зятьямъ, стоявшимъ въ дверяхъ, присоединили
двое другихъ, которые говорили:

— Надо было бы дать ему выспаться, чтобы хмель прош

— Надо его просто выгнать. Уведи куда-нибудь Марту,
она ничего не замѣтила,—посовѣтовалъ другой.

Вокругъ Эдуарда стало собираться тѣсное кольцо мужчин
жду тѣмъ какъ онъ продолжалъ выкрикивать свои сужденія.
Мартѣ дѣлали знаки, чтобы она ушла:

— Иди-ка сюда на минутку!

Теперь только Марта поняла, что происходило; она подняла
волненіи и спросила: «гдѣ господинъ Венделль?» — и брос
вонъ изъ залы разыскивать его. Въ то время, какъ она бѣга
комнаты въ комнату, она услыхала, что шумъ въ залѣ все у
чивается, и что опрокинули какую-то мебель. Марта едва дер
на ногахъ.

— Гдѣ господинъ Венделль?

И всѣ повторяли одно и то же: «что за несчастный день! Д
же, гдѣ господинъ Венделль»?

VI.

Господинъ Венделль.

По пріѣздѣ въ Раухалахти господинъ Венделль сейчасъ же о
вился на берегъ залива къ сараю, гдѣ строили лодки. Тамъ упр
ющій заканчивалъ отдѣлку новой лодки, которую онъ самъ выст
изъ осиноваго дерева.

На помостѣ среди стружекъ красиво выдѣлялась покрыта
ричневымъ лакомъ изящная лодка съ мѣдными уключинами. Г
динъ Венделль вколачивалъ въ одну изъ досокъ на носу гвозди
бронзовыми шляпками, которые уже образовали буквы: М. А. Р.

Такую лодку, какую построилъ управляющій, не удалось б
строить и спеціалисту въ этомъ дѣлѣ. Никакой мастеръ не мо
найти болѣе ровныхъ досокъ, въ которыхъ совсѣмъ не было суч
никто не пригналъ бы такъ тщательно гвозди, не выстрогалъ ы

сто доски. Старикъ работалъ всегда съ большими круглыми очка- на носу и дѣлалъ самымъ тщательнымъ образомъ всевозможныя численія и измѣренія.

Онъ началъ строить лодку уже съ ранней весны, но исполнялъ ою работу съ такой точностью и такъ добросовѣстно, что на это шло много времени. Другая причина замедленія была та, что съ ками онъ могъ видѣть только на далекомъ разстояніи, а потому ъ долженъ былъ поминутно отходить отъ своей работы, чтобы су- ть о ней. Все это требовало времени. Но управляющій находилъ овольствіе въ этой работѣ.

Всю эту возню съ постройкой лодки онъ затѣялъ только изъ-за го, что Марта сказала однажды въ присутствіи управляющаго: хъ, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть собственную, совсѣмъ свою соб- венную лодку!»

Эти слова упали на благодатную почву, такъ какъ управляющій билъ младшую барышню больше, чѣмъ кого бы то ни было изъ огочисленныхъ обитателей усадьбы. Она выросла на его глазахъ. гда она была маленькой дѣвочкой, то она часто приходила къ нему отрѣть, какъ онъ работаетъ. Иногда она бѣгала и играла возлѣ го, а иногда садилась и задавала ему вопросы. Уже будучи старше, а сохраняла дѣтскую привычку и гуляла за руку со старикомъ. а не подозрѣвала, какъ это согрѣвало сердце стараго управля- щаго.

Господинъ Венделль и управляющій проработали уже три часа, они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Венделль сказалъ только самомъ началѣ, когда онъ пришелъ на берегъ, что онъ привезъ усадьбу жениха Марты. Послѣ этого они работали въ глубокомъ чаніи. Господинъ Венделль былъ въ дурномъ настроеніи духа. ъ разучилъ къ дню рожденья Марты сочиненную имъ фантазію фортепіано, озаглавленную «Скорбь души». Онъ хотѣлъ сыграть Мартѣ утромъ, какъ только она встанетъ. Но Марта была такъ рвно настроена и такъ взволнована неувѣренностью въ томъ, что уардъ пріѣдетъ въ Раухалахти, что объ игрѣ и думать было не- го. Венделль бросился сломя голову въ Ваниккола за Эдуардомъ.

Прошло почти три часа въ глубокомъ молчаніи, когда управля- щій сдвинулъ вдругъ очки на лобъ и сказалъ, отрывая глаза отъ боты:

— Гдѣ онъ собственно служитъ?

Господинъ Венделль очнулся отъ своихъ мыслей, посмотрѣлъ на сы и отвѣтилъ:

Онъ еще нигдѣ не служитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ управляющій опять сказалъ:

— Люди разсказываютъ про этого господина всякую всячину.

— Что люди разсказываютъ?—спросилъ господинъ Венделль, оживляясь. Но не успѣлъ онъ получить отвѣта на свой вопросъ, какъ оживленіе его уже прошло, и онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Мало ли, что люди болтаютъ.

— Ну, конечно, конечно,—согласился управляющій,—мало ли, что болтаютъ.—И онъ такъ же вздохнулъ, какъ и господинъ Венделль.

Наступило опять долгое молчаніе.

Между тѣмъ начало смеркаться, такъ что трудно было различать предметы. Управляющій поднялся съ колѣнъ и вышелъ изъ-подъ лодки, гдѣ онъ работалъ. Онъ еще разъ подробно осмотрѣлъ всю лодку, нѣсколько разъ склонялъ голову то на одинъ бокъ, то на другой и, наконецъ, сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Теперь она готова.

Итакъ, лодка всетаки была готова въ день рожденія Марты. Управляющій сейчасъ же захлопоталъ о томъ, чтобы немедленно спустить лодку въ воду. Онъ пошелъ запрягать лошадь въ сани, на которыхъ предполагалось свезти лодку къ берегу, а господинъ Венделль взялъ на себя устроить такъ, чтобы Марта на минуту оставила гостей и пришла къ берегу посмотрѣть на спускъ лодки.

Но какъ разъ въ ту минуту, когда Венделль послѣ ухода управляющаго стоялъ и стряхивалъ со своего платья стружки, чтобы идти за Мартой, дверь растворилась, и въ сарай поспѣшно вошла Марта.

— Я бѣгала и искала тебя повсюду, какъ сумасшедшая. Пойдемъ скорѣе со мной, сію минуту.

— Что случилось?

— Не спрашивай, самъ увидишь; они хотятъ связать его и увезти, о, онъ такъ пьянъ, что не держится больше на ногахъ. Это ужасно!

Вначалѣ Венделль какъ будто не слушалъ, что ему говорила Марта; онъ стоялъ и проводилъ обѣими руками по своимъ жидкимъ волосамъ. Но минуту спустя онъ сталъ выспрашивать Марту о томъ, что произошло, и сейчасъ же былъ готовъ сдѣлать все, что бы она ни пожелала. Быстро побѣжалъ онъ къ усадьбѣ, оставляя позади себя Марту.

Когда Марта, измученная отъ волненія и страха, подошла, наконецъ, къ дому, то Венделля и Эдуарда уже больше не было въ Раухалахти.

Гости сейчасъ же начали разъѣзжаться.

Съ ледяной холодностью принимала Марта болѣе или менѣе замаскированныя соболѣзнованія гостей, почему соболѣзнованія эти были весьма немногосложны. Не говоря ни слова, прошла она мимо своихъ шуриновъ, и едва слышнымъ голосомъ пожелала спокойной ночи своимъ родителямъ. И опять разрывъ Марты съ женихомъ остался открытымъ вопросомъ, а его считали уже рѣшеннымъ.

Только когда Марта очутилась одна въ своей комнатѣ, она разразилась слезами. Но она плакала не отъ горя изъ-за того, что произошло. Въ этихъ слезахъ она находила нѣкоторое облегченіе, а кромѣ того она плакала изъ чувства благодарности къ Венделлю, который взялъ на себя и это непріятное дѣло и устроилъ все такъ деликатно, безъ лишняго шума. Такого друга, какого она имѣетъ въ немъ, навѣрное нѣтъ ни у кого больше на землѣ. Она знала такъ же, какъ дважды два—четыре, что Венделль, угадывая ея настроеніе, еще въ этотъ же вечеръ, по возвращеніи изъ Ваниккола, придетъ къ ней разсказать, какъ все произошло, какъ Эдуардъ успокоился и уснулъ на своей кровати, и какъ все снова будетъ хорошо. Она была въ этомъ увѣрена и ждала.

Надъ спокойнымъ заливомъ опустилась тихая ночь, фонари вокругъ усадьбы были погашены, денной шумъ и суета улеглись. Зеленыя лужайки опустѣли, развѣсистыя березы вокругъ усадьбы казались покинутыми и ихъ густыя вѣтви съ удивленіемъ озирались на опустѣвшіе газоны и дорожки.

На зеркальной поверхности залива не было ни малѣйшей ряби, глубокая ночная тишина не нарушалась ни единымъ звукомъ, лишь изъ темнаго тростника изрѣдка доносилось тихое плесканье воды—то плавали и ныряли дикія утки. На серединѣ залива отражались еще послѣдніе отблески вечерней зари и блѣдныя краски ночного небосклона. Недалеко отъ берега медленно скользила лодка и, наконецъ, совсѣмъ остановилась. Человѣкъ, сидѣвшій на кормѣ, вынулъ изъ воды весло, которымъ правилъ. На носу на днѣ лодки сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ; она прижалась лбомъ къ рукѣ, которой опиралась о бортъ лодки.

Лодка была та самая, которую выстроилъ управляющій. На кормѣ сидѣлъ господинъ Венделль, на носу сидѣла Марта. Оба молчали—они только что окончили разговоръ.

Но вдругъ Марта подняла голову и сказала:

— Подумать, что и ты такъ говоришь—этого я никогда отъ тебя че ожидала! Какъ могъ ты мнѣ говорить нѣчто подобное!

- Марта, но вѣдь я желаю тебѣ только добра.

- Ты совсѣмъ такой же, какъ и другіе.

И Марта вытерла глаза единственнымъ сухимъ уголкомъ свое[го] носового платка.

Когда слезы позволили ей говорить, она продолжала:

— Ты, повидимому, такъ глубоко вникаешь во все,—вотъ от[]носительно брака ты говорилъ,—какъ это было?—что главное, эт[о] быть совершенно свободнымъ. Но, что изъ этого, если ты не можеш[ь] помочь другимъ? Вѣдь съ *нимъ* ты ни разу не говорилъ объ этомъ[,] ты такъ же равнодушно относишься къ этому, какъ и всѣ останы[]ные, или, можетъ быть, ты также не хочешь, чтобы изъ этого чт[о-]нибудь вышло?

— Ты забываешь, что я привезъ его.

— Ты это сдѣлалъ, потому, что *я* просила тебя, а вовсе [не] ради *него*.

— Признаюсь откровенно, я думалъ, что ты бросишь его посл[ѣ] того, какъ ты видѣла своими глазами, какой онъ,—кромѣ того, [я] еще не разсказалъ тебѣ всего.

— И если бы ты разсказалъ мнѣ нѣчто въ десять разъ худше[,] то и это ничуть не подѣйствовало бы на меня.

— Такой любви я не понимаю.

— Ты этого не понимаешь, потому что ты вообще не понимае[шь] *любви;* можетъ быть, ты никогда и не любилъ?

Голосъ Венделля дрожалъ, когда онъ сказалъ:

— Этого ты не можешь знать.

— Я сказала: *можетъ быть*.

Голосъ Венделля задрожалъ еще больше:

— Я любилъ и люблю и теперь.

Но Марта не слушала и сейчасъ же перебила его:

— Для меня не существуютъ тѣ, кто не любятъ его,—мнѣ и до чего нѣтъ дѣла! Если даже онъ,—да, если даже онъ украдет[ъ] или убьетъ кого-нибудь—все равно, кого,—хотя бы моего родно[го] отца,—то я и тогда не брошу его!

Сказавъ это, она выпрямилась и прибавила, сверкая глазами:

— И знаешь что—вѣдь онъ былъ правъ во всемъ, что онъ г[о]ворилъ: и относительно земли, и относительно обрученія. Ну, че[го] мы, собственно говоря, ждемъ? Вѣдь мы любимъ другъ друга, [и] кромѣ того, дѣло идетъ о его благополучіи! Ужъ не думаешь ли ты[,] что я такая удивительно хорошая? Ничуть не бывало! Ты знаешь, [я] могла бы, когда угодно, бросить эту жизнь и начать жить, как[ъ] онъ,—да, я могла бы, пожалуй, сдѣлаться «такой женщиной»!

— Марта!

— Нѣтъ, именно такъ, именно такъ! И иногда мнѣ даже каже[тся]

…, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного, по крайней мѣрѣ, это было …ы хорошо ради *него*.

Такъ какъ Венделль ничего не возразилъ на это, то Марта снова …зразилась слезами.

Долго-долго царило глубокое молчаніе.

Между тѣмъ лодка тихо подплыла къ темному берегу.

Когда они проходили по песчаному берегу и шли мимо сарая, то …и услыхали легкій шорохъ. Они оглянулись, но все было снова …хо и они ничего не могли различить въ темнотѣ. Между тѣмъ это …лъ старый Виландеръ, управляющій, который спрятался за угломъ …рая, чтобы подслушать, что они скажутъ про его лодку, надъ ко…рой онъ работалъ все лѣто. Но какъ старикъ ни напрягалъ свой …ухъ, онъ такъ и не услыхалъ ни одной похвалы. Не сказавъ ни …ова, онъ медленно направился тяжелыми шагами къ усадьбѣ.

Немного спустя въ окнѣ комнаты Венделля появился свѣтъ.

Онъ попрощался съ Мартой, такъ какъ уже давно было рѣшено, …о онъ уѣдетъ сейчасъ же послѣ дня рожденія Марты. Лошадь была …е заказана къ утру.

Тяжело вздыхая, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей малень…й комнаткѣ. Онъ то садился, то сгибался надъ раскрытымъ чемо…номъ, бросалъ въ него какую-нибудь книгу, потомъ снова погру…лся въ тяжелое раздумье и затѣмъ клалъ въ чемоданъ рядомъ съ …игой манжеты или воротничокъ и опять задумывался. Ему было …льно и непріятно собираться въ путь въ такомъ состояніи. Онъ …лъ дѣйствительно влюбленъ и продолжалъ любить. И кого онъ лю…лъ, какъ не Марту.

Глаза господина Венделля лихорадочно горѣли.

Онъ не могъ примириться съ мыслью, что не увидится больше … Мартой. Не могъ онъ также понять самого себя.

Что заставило его молчать? Почему не разсказалъ онъ того, что …лъ про Эдуарда? Не потому ли, что онъ боялся, что Марта поду…етъ, что онъ говоритъ дурно про Эдуарда, потому что самъ лю…тъ ее!... Потому что она подумаетъ, что я подумаю, что она по…маетъ!... Что за несчастье вѣчно анализировать свои побужденія! …о безысходное горе моей жизни! Да, именно: горе, погибель—это …рошо сказано, и я не возьму своихъ словъ обратно!

Что такое любовь?

Если бы я дѣйствительно любилъ Марту, развѣ я могъ бы до…устить, чтобы она, очертя голову, бросилась въ пропасть?

Когда во время разговора съ ней у меня сжалось сердце и за…рожали губы, я подумалъ: это означаетъ, что ты не долженъ раз-

сказывать. Но я былъ просто жалкимъ трусомъ, который не могъ совладать съ самимъ собой. Я долженъ былъ высказать все! Вѣдь я желаю ей только добра! Конечно, конечно, конечно! Но я это еще сдѣлаю! Я оставлю на этомъ столѣ письмо, въ которомъ я представлю этого человѣка такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,—ни чуть не лучше, ни на іоту!

И господинъ Венделль быстро зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Глаза его горѣли и все лицо пылало.

И изображу его, какъ самое отвратительное, самое жалкое существо! Какъ нечистое, противное созданіе! Я нарисую его чернымъ, совершенно чернымъ!

И онъ потрясъ надъ головою крѣпко сжатыми кулаками, какъ бы давая клятву. При этомъ на его рукахъ между надутыми жилами ясно выступили синія буквы G. V., напоминая о той профессіи, которой посвятилъ бы себя Венделль, если бы онъ не зналъ Марты и не проникся сознаніемъ важности науки.

Въ этомъ крайне возбужденномъ состояніи онъ сѣлъ за столъ, чтобы писать письмо.

Но даже и въ этомъ состояніи онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ выбору бумаги и пера. Не могъ онъ также сѣсть за пыльный столъ, не испытывая непріятнаго чувства, что рукава могутъ запачкаться.

А потому онъ предварительно вытеръ столъ, положилъ передъ собою бумагу наискось, открылъ чернильницу и поднесъ перо къ свѣчкѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ волоска. Только послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ расположился писать. Однако онъ еще разъ поднялъ перо, приложилъ его ко лбу и задумался надъ началомъ письма. Вдругъ его широкія ноздри задрожали и глаза наполнились слезами. Онъ быстро опустилъ перо на бумагу и началъ писать.

«Я беру назадъ все, что я тебѣ говорилъ сегодня вечеромъ объ Эдуардѣ. Главнымъ образомъ я сожалѣю, что разсказалъ тебѣ о его выходкѣ, которая возбудила въ Гельсингфорсѣ такое негодованіе, а именно, что онъ въ три часа дня прогуливался съ размалеванной женщиной по Эспланадѣ. Я изобразилъ все совершенно иначе, нежели я это раньше понималъ, да и теперь понимаю. Я знаю, что онъ держалъ пари по поводу этого. Я сейчасъ, тогда же, когда мнѣ разсказали о его поступкѣ, понялъ, что съ его стороны это былъ вызовъ, брошенный мѣщанскому двуличію, въ которомъ живетъ нарядный, достаточный классъ, самодовольно фланирующій по Эспланадѣ. Я даже вижу въ его поступкѣ нѣчто мужественное, симпатичное,

...идѣтельствующее о широтѣ его натуры, нѣчто такое, что гораздо ...ыше того, что присуще высшему цивилизованному животному. Разъ ...кія женщины нужны,—такъ вотъ онѣ, зачѣмъ имъ прятаться! Ко...ечно, онъ устроилъ этотъ скандалъ въ пьяномъ видѣ. Но я даже и ...о пьянство ставлю ему въ заслугу. У него несравненно болѣе чув...ствительная натура, нежели у другихъ людей, а потому онъ и пьетъ. ...нъ слишкомъ глубоко сознаетъ ту ложь, въ которой живетъ наше ...бразованное общество, чтобы переносить ее въ трезвомъ состояніи. ...него нѣтъ достаточно силъ, чтобы освободиться отъ унаслѣдован...ыхъ нами условностей, наполняющихъ жизнь, но онъ не въ состо...ніи также и примириться съ подобной жизнью и проникнуться же...ланіемъ жить. Вотъ это-то отвращеніе къ жизни онъ и заглушаетъ ...ьянствомъ. Какъ несравненно выше стоитъ онъ тѣхъ мѣщанскихъ ...рокъ, по которымъ распредѣлена жизнь другихъ людей; самодо...вольные и трезвые, они взбираются по ступенямъ лжи и притворства, ...е подозрѣвая, что подъ ними одна лишь пустота.

«Я хочу разсказать тебѣ еще нѣчто, что доставитъ тебѣ утѣше...ніе. Сегодня утромъ, когда я пріѣхалъ за нимъ въ Ваниккола, то со...вершенно случайно и безъ его вѣдома я заглянулъ въ самую глубину ...го души. Я увѣренъ, что ему необходимы только помощь и поддерж...ка, и что все еще можетъ перемѣниться. Главное, надо устроить ...такъ, чтобы онъ самъ не замѣчалъ, что на него стараются вліять. ...Конечно, и я съ своей стороны постараюсь сдѣлать все, что возможно, ...не только ради тебя, но также и ради него и, пожалуй, еще ради ...удовлетворенія моего любопытства, потому что онъ всегда очень меня ...интересовалъ.

«А теперь прощай, Марта! Когда ты будешь читать это письмо, ...о я уже буду далеко. Мое предполагаемое путешествіе черезъ Атлан...тическій океанъ теперь осуществляется».

Окончивъ письмо, онъ всталъ изъ-за стола,—это былъ прежній ...енделль: со спокойными, размѣренными движеніями, съ изящными ...манерами, всегда изысканно одѣтый, какимъ его всегда видѣли окру...жающіе его люди. И иниціалы S. V. поблѣднѣли и ихъ едва можно ...было различить по неяснымъ синимъ слѣдамъ. На лицѣ остался лишь ...спокойный и ровный румянецъ. Его жесткіе усы снова казались мяг...кими рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ стоячимъ воротникомъ.

Одинокая свѣча догорѣла, и маленькая комнатка погрузилась во ...мракъ, который сейчасъ же слился съ темнымъ небосводомъ, на ко...торомъ тихо мерцали звѣзды.

VII.

Подземныя силы.

Видѣлъ ли ты когда-нибудь обвалъ? Сосны, ели, камни, можжевельникъ нагромождены другъ на друга; высоко въ воздухѣ торчатъ голые корни, а верхушки засыпаны землей. Эта картина разрушенія представляетъ изъ себя мрачное зрѣлище.

Подпочвенная вода образуетъ понемногу пустоту подъ нижними слоями земли. Цѣлыми столѣтіями это пространство земли порастаетъ растительностью. Появляется трава и мохъ, цвѣтетъ верескъ, можжевельникъ питается влагой изъ трещинъ въ камняхъ, столѣтняя сосна разрастается все шире и шире. Какъ сосна, такъ и ель, и можжевельникъ, не прислушиваясь къ своимъ корнямъ, цѣлыми столѣтіями шептали другъ другу, что основаніемъ для нихъ служитъ скала, которая несокрушима.

Но наступаетъ время, когда почва не можетъ больше сопротивляться таинственной силѣ разрушенія. Сначала скатывается одинъ камень, но онъ влечетъ за собой другіе. Это первый признакъ грозящей опасности. И вотъ вдругъ въ одно мгновеніе обваливается все: все, что выросло въ продолженіе сотенъ лѣтъ, рушится и летитъ внизъ со страшнымъ грохотомъ. Старыя сосны, гигантскія ели нагромождаются другъ на друга и ихъ темные узловатые корни съ силой выбрасываются изъ земли.

Не приходилось ли тебѣ встрѣчаться съ подробнымъ бѣдствіемъ и въ жизни людей?

Конечно, дѣло идетъ не о какой-нибудь жалкой избушкѣ на лѣсномъ пригоркѣ, построенной на основаніи устнаго договора; дѣло идетъ не о томъ, какъ ленсманъ и полицейскіе входятъ въ низкую лачугу, разсаживаются на лавкѣ и продаютъ съ молотка маленькое, нехитрое имущество—лошадь, пару коровъ и трехъ барановъ, какъ нѣсколько босоногихъ ребятишекъ выбрасываются на улицу, какъ отецъ и мать подъ старость идутъ наниматься въ господскія усадьбы.

Нѣтъ, дѣло идетъ о самой господской усадьбѣ, которую постигло великое бѣдствіе. Никто не подозрѣвалъ, что подземныя силы подкапываютъ почву подъ этой усадьбой, крѣпостной актъ которой былъ ясенъ и былъ составленъ по всѣмъ правиламъ и законамъ на вѣчныя времена и подкрѣпленъ присягой. Несчастье разразилось надъ усадьбой, надъ которой работали тысячи мозолистыхъ рабочихъ рукъ въ продолженіе столѣтій, то перестраивая ее, то расширяя; надъ которой трудились сотни торпаровъ; забывая свои собственныя бѣдныя лачуги, они рыли канавы, воздѣлывали поля, выкорчевывали пни на

угахъ. Дѣло идетъ о той усадьбѣ, гдѣ жило счастье, гдѣ цвѣло скусство, гдѣ раздавались звуки скрипокъ, гдѣ молодежь пѣла и нцовала, гдѣ старые наслаждались отдыхомъ. И это-то жилище ра разрушилось, подобно песчаному холму, подъ которымъ понеогу образовалось пустое пространство.

Эта участь постигла усадьбу Раухалахти.

Надъ усадьбой разразился непредвидѣнный, ужасный ударъ!

Какъ и всегда раньше, когда на землю спускались осеннія суерки, когда лѣсъ скрывался за завѣсой густого тумана и дворъ немногу погружался во мракъ, какъ и всегда раньше, лампа расространяла свой спокойный свѣтъ въ кабинетѣ совѣтника земледѣя. Эта комната, устланная толстыми коврами, казалась еще теплѣе и уютнѣе рядомъ съ холоднымъ туманомъ, разстилавшимся на орѣ. Какъ и всегда раньше, совѣтникъ надѣлъ на зажженную лампу ажуръ, и зеленый свѣтъ, какъ всегда, освѣтилъ его круглое, довольное лицо съ морщинками вокругъ глазъ, свидѣтельствующими о бродушіи. Какъ всегда, онъ усѣлся въ креслѣ-качалкѣ, въ этомъ аромъ креслѣ изъ краснаго дерева, въ которомъ сидѣли его прады. Онъ раскрылъ книгу съ крупной печатью и широкими полями кожаномъ переплетѣ съ разрѣзнымъ ножикомъ между страницами видѣ закладки. Теперь, какъ и всегда раньше, жена посумерниа съ нимъ въ его кабинетѣ. Когда лампа была зажжена, она поднась съ дивана, на которомъ сидѣла, и подошла къ угловой полкѣ, обы набить табакомъ большую пѣнковую трубку. Эту трубку куъ еще одинъ изъ предковъ совѣтника, герой финской войны, и ъ курилъ ее когда-то въ этой же самой комнатѣ. Она набила трубку, ложила ее на столъ, поцѣловала своего мужа со спокойной улыбй и пожелала ему спокойнаго вечера. Въ эту минуту вдругъ послыись шаги служанки въ залѣ; на порогѣ она встрѣтилась со своей зяйкой и подала ей открытую бумагу.

— Это тебѣ, Рафаэль,—сказала жена, не разобравъ содержанія маги и передавая ее мужу.

Едва совѣтникъ взялъ въ руки бумагу и бросилъ на нее взглядъ, къ въ глазахъ у него потемнѣло и по лицу его разлилась мертвеня блѣдность, которая какъ бы углубила морщины у угловъ рта. Жена увидала это, и сердце ея сильно забилось, но она сохранила ружное спокойствіе и спросила:

— Что это такое, Рафаэль?

Совѣтникъ всталъ и отвернулся немного въ сторону. И теперь агая лампа освѣщала его лицо своимъ зеленымъ свѣтомъ, но тепі на этомъ лицѣ не было ни кровинки. Онъ постарался улыб-

нуться, чтобы успокоить жену, но губы не повиновались ему, и эта жалкая улыбка скорѣе выдала его, нежели скрыла его состояніе. Жена замѣтила, что бумага дрожитъ въ его обыкновенно твердыхъ рукахъ.

— Что это, Рафаэль?—воскликнула она, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала служанка и сказала испуганно:

— Двое вошли, а нѣсколько другихъ остались снаружи.

— Да кто же?—спросила пораженная совѣтница.

— Барыня, тамъ мужики и ленсманъ, и полицейскіе, одинъ офицеръ, онъ вошелъ, и солдаты.

— Рафаэль!—воскликнула барыня,—да вѣдь это обыскъ!—и она едва удержалась на ногахъ, такъ она была потрясена.

— Повидимому, это такъ,—сказалъ совѣтникъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобы выпрямиться и овладѣть собой. Долгая, спокойная жизнь, которую онъ прожилъ въ креслѣ-качалкѣ въ ароматной атмосферѣ домашняго свѣжеиспеченнаго хлѣба и подъ сѣнью закоптѣлыхъ гербовъ, разслабила его, и хотя его дворянская кровь сейчасъ же сказалась въ немъ, но тѣло его не могло такъ скоро послушаться его воли. Онъ хотѣлъ было выпить воды, но стаканъ такъ задрожалъ въ его рукѣ, что половина воды пролилось на полъ. Да вода и не могла возвратить силу его ногамъ; онъ долженъ былъ сѣсть; и онъ закрылъ лицо руками.

— Гдѣ у тебя «Fria ord»?

— На своемъ обычномъ мѣстѣ. Ради Бога, не говори никому, что я... что я такъ слабъ; проклятыя ноги!...

Онъ напрягъ свои силы до крайности, всталъ и, опираясь на спинку дивана, пошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, на которой висѣли револьверы.

— Я перестрѣляю всѣхъ!

— Успокойся, Рафаэль, умоляю тебя! Рафаэль, тебѣ дурно, сядь сюда.

— Я имъ покажу, къ кому они пришли! Я буду стрѣлять!

— Ты не понимаешь, что ты говоришь, Рафаэль! Рафаэль! Будь же благоразуменъ! Ты боленъ, я позову управляющаго.

И увидя, что мужъ, послѣ тщетныхъ усилій нащупать на стѣнѣ револьверъ, безсильно свалился на диванъ, жена рѣшилась на мгновеніе покинуть его и бросилась вонъ изъ комнаты за помощью.

Она побѣжала черезъ залъ и растворила дверь въ переднюю,—эта дверь въ болѣе холодное время года всегда была закрыта. Едва

она раскрыла дверь, какъ наткнулась въ темной передней на жандарма, который звенѣлъ длинной саблей съ ручкой въ мѣдной оправѣ. Нѣмымъ жестомъ онъ запретилъ ей выйти въ наружныя двери.

Въ первую минуту она не могла опомниться и не знала, что и думать.

— Они не позволяютъ мнѣ выходить, Рафаэль!—крикнула она взволнованно въ кабинетъ, и губы ея дрожали отъ гнѣва за нанесенное оскорбленіе.—Что все это значитъ, господинъ ленсманъ?—спросила она, обращаясь къ человѣку въ чиновничьемъ мундирѣ съ золотыми пуговицами, который вошелъ черезъ кухню въ столовую и теперь стоялъ такъ величественно въ большой залѣ Раухалахти.

Ленсманъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ, какъ бы желая сказать: печальная обязанность. Однако онъ не произнесъ ни слова. Даже въ эти непріятныя минуты онъ не могъ побороть въ себѣ чувства удовлетворенія отъ сознанія, что онъ теперь въ качествѣ довольно важной персоны стоитъ въ этой самой залѣ, гдѣ онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ безъ всякаго мундира, застѣнчивый и незамѣтный, всего лишь въ качествѣ коронного фохта, или почти какъ слуга совѣтника, сидѣлъ въ отдаленномъ углу залы у самыхъ дверей позади другихъ гостей и, стѣсняясь до боли, рѣшалъ мучительный вопросъ относительно того, можно ли разложить на колѣняхъ хлѣбъ въ виду того, что на блюдечко онъ налилъ чай, чтобы остудить его.

«Печальная обязанность», говорили вертикальныя морщины на его лбу, но въ носу онъ чувствовалъ нѣжное, едва замѣтное щекотаніе, гораздо болѣе пріятное, нежели то, которое производила въ его носу понюшка табаку.

— Моему мужу дурно, я должна позвать управляющаго. Скажите, чтобы этотъ человѣкъ сейчасъ же отперъ мнѣ двери!—сказала барыня.

Ленсманъ опять отвѣтилъ однимъ пожатіемъ плечъ и подошелъ къ незнакомому офицеру въ синемъ мундирѣ, передъ которымъ стоявшій въ передней жандармъ раскрылъ двери въ залъ.

Офицеръ пошелъ вмѣстѣ съ двумя статскими въ кабинетъ совѣтника. Ленсманъ показывалъ имъ дорогу.

Тогда совѣтница бросилась къ телефону въ столовой и позвонила.

Отвѣта нѣтъ.

Она опять звонитъ. Халло! Халло!

Отвѣта нѣтъ.

Два жандарма, оставленные караулить дверь, ведущую въ кухню,

засмѣялись, глядя на нее, и старались на непонятномъ ей языкѣ объяснить что-то.

Но она не понимала ихъ.

— Эхъ, барыня!—говоритъ, размахивая руками, одинъ жандармъ, черноглазый и смуглый обитатель степей, и онъ старается при помощи жестовъ объяснить ей что-то. Повидимому, ему жаль барыню. Онъ представляетъ, какъ будто онъ обѣими руками ломаетъ что-то и затѣмъ отбрасываетъ отъ себя. «Да, да»,—говоритъ онъ и опять какъ будто ломаетъ что-то и бросаетъ.

Въ то время, какъ барыня опять начинаетъ звонить, къ ней подбѣгаетъ служанка и говоритъ, что изъ кухоннаго окна видѣли, какъ какіе-то чужіе люди перерѣзали телефонную проволоку.

Барыня отбрасываетъ отъ себя телефонную трубку, какъ если бы это была змѣя. Она еще не хочетъ вѣрить, что всѣ двери передъ нею заперты, и она бѣгаетъ, какъ во время пожара, изъ залы въ переднюю, изъ передней въ кухню.

Но вдругъ она хватается за голову и бросается въ залъ, чтобы оттуда пройти въ кабинетъ мужа. Но передъ дверьми кабинета стоитъ ленсманъ, который снова пожимаетъ плечами и объявляетъ, что ему поручено смотрѣть за тѣмъ, чтобы обыску никто не мѣшалъ.

— Развѣ я не въ моемъ собственномъ домѣ? Какое право имѣете вы входить сюда безъ моего вѣдома?—крикнула совѣтница задыхающимся голосомъ. И она продолжала почти съ бѣшенствомъ: «Развѣ вы не понимаете, что это мой, *мой* домъ! И что *вы* мѣшаете *мнѣ* въ моемъ собственномъ домѣ! За кого вы себя считаете—вы, *Пекка Хентуненъ*?

— Я чиновникъ!

— Ага, чиновникъ! А кто снялъ тебя съ козелъ и отдалъ въ школу? И школу какой страны ты посѣщалъ? Отвѣчай! Ты не отвѣчаешь? Тебѣ стыдно, жалкое созданіе! Ты долженъ былъ бы сгорѣть со стыда! Сейчасъ раскрыть дверь!

Это приказаніе, сопровождаемое повелительно вытянутой рукой, подѣйствовало на ленсмана, и онъ осторожно пріотворилъ дверь въ кабинетъ совѣтника. Потомъ онъ раскрылъ ее совсѣмъ, но не позволилъ совѣтницѣ войти въ кабинетъ.

Она увидала потрясающее зрѣлище.

Всѣ ящики письменнаго стола были выдвинуты и ихъ содержимое было разбросано по полу въ страшномъ безпорядкѣ. Въ раскрытомъ шкапу также всѣ ящики были выдвинуты, и даже тотъ, въ которомъ хранились историческія письма предковъ Раухалахти. Покрышка на диванѣ была разодрана. Передъ книжными полками, за-

нимавшими всю стѣну, стояло двое людей, которые безъ всякаго милосердія швыряли на полъ книги цѣлыми охапками. Замѣтки, касающіяся беззмельныхъ крестьянъ, сельское хозяйство и исторія—все смѣшалось въ какомъ-то хаосѣ. Нѣкоторыя книги передавались приземистому офицеру, который сидѣлъ, окруженный со всѣхъ сторонъ книгами, и съ очками на носу спокойно и съ видимой привычкой къ этой работѣ перелистывалъ книги. При этомъ, вслѣдствіе его близорукости, почти каждый листъ задѣвалъ его за носъ.

Среди этой картины разрушенія стоитъ старый, сѣдой владѣлецъ Раухалахти. Блѣдный и неподвижный, какъ мраморное изваяніе, онъ опирается обѣими руками о столъ.

Ленсманъ замѣтилъ, что совѣтница вслѣдствіе чрезмѣрнаго душевнаго напряженія опустилась въ полномъ изнеможеніи на диванъ. У нея не было больше силъ сопротивляться или спорить и, не говоря ни слова, она только смотрѣла застывшимъ взглядомъ въ кабинетъ. Ленсманъ подошелъ къ ней, какъ бы желая объясниться.

— Поймите же, вѣдь я давалъ присягу при поступленіи на службу; что же я могу сдѣлать?

Совѣтница не шевельнулась, она даже не повернула головы.

Ленсманъ продолжалъ:

— Вы на это, конечно, скажете: уходи въ отставку. Но это легко сказать. Вѣдь у меня семья, жена, дѣти. Откуда мнѣ достать кусокъ хлѣба?

Такъ какъ совѣтница продолжала молчать, то онъ прибавилъ:

— Вѣрьте, для меня этотъ обыскъ такъ же отвратителенъ, какъ и для васъ. Да и не я его затѣялъ. Совѣтникъ окруженъ врагами. И ихъ гораздо больше, чѣмъ онъ думаетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросила совѣтница рѣзко.

— Вы окружены врагами. Ваши собственные торпары.

— Вы лжете!—закричала совѣтница, вскакивая съ мѣста, но она сейчасъ же снова опустилась на диванъ въ полномъ изнеможеніи.

— Ваши собственные торпары, сударыня. Они написали доносъ и удостовѣряли, что совѣтникъ грозилъ выгнать тѣхъ торпаровъ, сыновья которыхъ пойдутъ на призывъ. Вотъ какіе они! Я хорошо знаю этихъ негодяевъ.

— Это неправда! Это возмутительная ложь! Они не могли этого сдѣлать. Быть можетъ, мой мужъ обращался со своими служащими строго, но онъ никогда не былъ къ нимъ несправедливъ. У кого изъ нихъ могло бы хватить духу на такую низость, какъ эта!

— Знаете, что я вамъ скажу? Вы не знаете крестьянъ. Имъ не надо никакой причины. Между ними распространился слухъ, что они

получать собственную землю, лишь бы выгнать господъ. Вотъ, от чего все происходитъ. Обѣщайте крестьянину землю, и онъ пойдетъ на все, и обманетъ кого угодно. Вотъ какіе они, я хорошо ихъ знаю. Все дѣло въ кускѣ хлѣба!

— Рафаэль! Рафаэль!—крикнула совѣтница въ кабинетъ. Он была внѣ себя и крѣпко прижимала руки къ сердцу, какъ бы мол о помощи.

Совѣтникъ оглядѣлся кругомъ и, увидя свою жену, протянулъ къ ней руки.

— Рафаэль, онъ говоритъ, что на насъ донесли наши торпары.

Совѣтникъ приподнялъ было голову, но сейчасъ же безсильн опустилъ ее.

— Къ сожалѣнію, это, кажется, правда. Вотъ этотъ сказалъ т же самое—онъ говоритъ по-нѣмецки.

— Ахъ, Рафаэль, чѣмъ все это кончится! Ты будешь изгнанъ Рафаэль, Рафаэль, все кончено!

— Изгнанъ! Пусть я буду изгнанъ, но подумать, что мои соб ственные торпары—этому я никогда не повѣрилъ бы,—мои собствен ные люди—это самое ужасное изъ всего! Эта мысль сводитъ ме съ ума.

Онъ подошелъ къ совѣтницѣ и она притянула его рядомъ с собой на диванъ. И забывая все то ужасное, что происходило в кругъ нея, она нѣжно обвила шею старика своими руками.

Ленсманъ не сдвинулся съ своего мѣста и съ тупымъ любопыт ствомъ смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, на этого надломленнаго чело вѣка, на владѣльца Раухалахти. Онъ никакъ не могъ понять, ч именно *это* было «самое ужасное изъ всего». Онъ опомнился только когда замѣтилъ, что совѣтникъ, который ждалъ, чтобы онъ ушелъ пристально смотрѣлъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей. Он невольно вздрогнулъ, но въ то же мгновеніе спохватился, что так слабость въ его положеніи неумѣстна, и, собравъ послѣдніе остат самообладанія, онъ повернулся и съ большимъ достоинствомъ пер шагнулъ черезъ порогъ кабинета.

Потребовалось цѣлыхъ долгихъ четыре часа для того, чтобы п ресмотрѣть всѣ книги въ кабинетѣ. Послѣ этого начался обыскъ в большой библіотекѣ.

Свѣчи почти догорѣли и стало уже свѣтать, когда, наконецъ окончился обыскъ. Ни одна комната не избѣгла разгрома. Все бы перевернуто вверхъ дномъ. Была разломана даже шкатулка, въ котор хранились письма совѣтницы—воспоминанія того времени, когда о была дѣвушкой и невѣстой. Тусклое пламя свѣчей трепетало от

движенія воздуха въ настежь раскрытыхъ комнатахъ, освѣщенныхъ сѣрымъ разсвѣтомъ.

Прежде чѣмъ покинуть усадьбу, всѣ, производившіе обыскъ, собрались въ залѣ, и офицеръ при помощи ломанаго нѣмецкаго языка какъ бы попрощался съ совѣтникомъ и его женой, которые стояли бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Онъ сказалъ, что при обыскѣ дѣйствительно было найдено много такого, что служило тяжелой уликой и вполнѣ подтверждало справедливость доноса. Доносъ, какъ извѣстно совѣтнику, обвиняетъ его въ государственной измѣнѣ, и наказаніе изгнаніемъ за такое преступленіе, по словамъ офицера, было бы почти помилованіемъ. Однако, какъ свое личное мнѣніе, офицеръ выразилъ надежду, что все это дѣло можно было бы еще и совсѣмъ затушить, если бы совѣтникъ согласился дать обѣщаніе подлежащимъ властямъ въ томъ, что впредь призывъ на этомъ мѣстѣ будетъ происходить безъ всякой помѣхи. Такой поворотъ дѣла, по его мнѣнію, былъ бы весьма желателенъ для обѣихъ сторонъ, и онъ въ этомъ случаѣ предлагаетъ свои личныя услуги.

Нѣсколько мгновеній совѣтникъ молчалъ и передъ его внутреннимъ взоромъ прошли былые счастливые годы.

Нѣсколько мгновеній его жена стояла съ крѣпко прижатыми къ сердцу руками и ея взоръ переходилъ по разгромленному дому, изъ комнаты въ комнату, и остановился на послѣдней. Тамъ видна была надъ разрытыми постелями статуя Христа съ вытянутыми для благословенія руками.

Одно мгновеніе у обоихъ мелькнула мысль: одинъ лишь нѣмой кивокъ въ знакъ согласія этимъ чужимъ людямъ, которые ждутъ—и все снова будетъ по-старому. Множество прилежныхъ рукъ поставитъ снова все на свое старое мѣсто, приведетъ все въ порядокъ и все приметъ свой прежній видъ, и утреннее солнце, появляющееся изъ-за старой липы на дворѣ, не найдетъ ни малѣйшихъ признаковъ ночного разгрома. Все Раухалахти проснется, чтобы начать свою обычную жизнь; тяжелый ударъ, разразившійся надъ мирнымъ домашнимъ очагомъ, начнетъ понемногу забываться, рана заживетъ.

— Рафаэль!—сказала жена дрожащимъ голосомъ и облокотилась на руку мужа.

Но чувства совѣтника уже пришли въ равновѣсіе. Его голосъ былъ твердъ, слова ясны и взоръ спокоенъ. Крѣпкимъ и несокрушимымъ, какъ старый дубъ, стоялъ онъ передъ этимъ чужимъ человѣкомъ. Тѣ нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ въ отвѣтъ, были произнесены спокойно и съ достоинствомъ:

— Не знаю, есть ли въ вашей странѣ дворянство. Въ нашей

странѣ оно есть. И оно еще никогда не гнуло спины передъ несправедливостью.

Сказавъ это, онъ поднялъ голову жены, чтобы посмотрѣть ей прямо въ глаза, и прочелъ сквозь застилавшія ихъ прозрачныя слезы: такъ, Рафаэль, такъ, именно такъ!

— Ну да, ну да,—сказалъ офицеръ, какъ бы желая дать понять, что этого и надо было ожидать, и, холодно поклонившись, онъ вышелъ.

Остальные не понимали по-нѣмецки, но они поняли всетаки, что тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь переговорахъ изъ-за куска хлѣба. Смущенные и неловкія, они столпились въ дверяхъ и, толкая другъ друга, торопливо вышли за своимъ начальникомъ и исчезли въ сумракѣ ранняго утра.

Два дня спустя пришелъ приказъ объ изгнаніи.

На обитателей Раухалахти посыпались письма и телеграммы.

Съѣхались родственники, чтобы выразить свое участіе. Поднялась страшная возня и хлопоты, всѣ торопились и все перепуталось.

По мѣрѣ того какъ приближался день отъѣзда, вопросъ о передачѣ управленія имѣніемъ и о веденіи всѣхъ дѣлъ вообще представлялся все болѣе и болѣе труднымъ.

Совѣтникъ совершенно пересталъ спать по ночамъ, и будущее представлялось ему всѣ мрачнѣе и безотраднѣе. Хотя онъ въ рѣшительную минуту и сохранилъ самообладаніе, да и послѣ того, какъ пришла бумага объ изгнаніи, ему удавалось сохранить передъ окружающими его людьми свой гордый видъ, имъ всетаки овладѣлъ упадокъ духа. Когда онъ оставался наединѣ съ своей женой и ему не надо было сдерживать себя, его охватывало такое нервное возбужденіе, что онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству. Тогда онъ въ тоскѣ ходилъ по своей комнатѣ и бился головой о стѣны.

Такъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, когда его изгоняютъ изъ насиженнаго гнѣзда. Все начинаетъ рушиться вокругъ него, мысли меркнутъ, онъ не видитъ ничему ни начала, ни конца; онъ перестаетъ понимать, зачѣмъ свѣтитъ солнце. Когда человѣкъ лежитъ на смертномъ одрѣ, то онъ не ропщетъ, хотя и знаетъ, что глаза его никогда не увидятъ больше родного дома. Но когда его живымъ отрываютъ отъ родныхъ мѣстъ, отъ тропинокъ, по которымъ онъ ходилъ ребенкомъ, отъ луговъ, которые покрывались цвѣтами на его глазахъ—этого онъ не можетъ перенести, это выше его силъ. Съ нимъ дѣлается то же самое, что и со старой сосной при обвалѣ; верхушка зарывается въ землю, а черные корни, которые сотни лѣтъ впивались въ почву, вырываются изъ нея.

VIII.

Дѣяніе ангеловъ.

Гдѣ бываютъ ангелы въ то время, когда все гибнетъ, все ру-
тся и разлагается на свои составныя части?

Развѣ ангелы не боги древнихъ временъ, которые приняли отъ
дателя повелѣніе снова соединить раздѣленное на двѣ части че-
ѣчество?

Такъ гдѣ же бываютъ боги во времена раздоровъ и бѣдствій?

О, горе, что въ рукахъ у нихъ нѣтъ мечей!

О, горе, что они лишь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ,
ъ утреннее дуновеніе!

Велики города, населенные людьми, и они полны суеты и шума.
осовъ ангеловъ тамъ нельзя разслышать, и разъединенные люди
ь собираются тамъ, но не соединяются. Тамъ побѣдители ката-
я въ колясках, тогда какъ побѣжденные ходятъ пѣшкомъ, скло-
шись къ землѣ подъ тяжестью ноши. Тамъ побѣдители живутъ
дворцахъ, а побѣжденные ютятся въ подвалахъ. Тамъ люди жи-
ъ подъ одной крышей и ничего не знаютъ другъ о другѣ; они не
ятъ за однимъ столомъ; они не протягиваютъ другъ другу руку
знакъ благодарности, несмотря на то, что одни стелятъ каждый
ь другимъ постели; стираютъ и гладятъ на нихъ бѣлье, метутъ
рибираютъ за ними комнаты и безъ устали работаютъ съ утра до
ера, тогда какъ другіе никогда даже и не задумаются надъ тѣмъ,
что за люди живутъ бокъ-о-бокъ съ ними, какая мать баюкала
на своихъ рукахъ, въ какомъ домѣ они выросли, что ихъ встрѣ-
о въ жизни. Они знаютъ ихъ только по имени, которымъ и назы-
ютъ ихъ, когда отдаютъ имъ свои приказанія.

Такъ неужели же ангеламъ не удалось гдѣ-нибудь на широкомъ
тѣ, хотя бы за чертой города, соединить побѣдителей съ побѣ-
нными?

На окраинѣ города стоитъ старый домъ, сѣрый и запущенный.
стоитъ немного въ сторонѣ отъ другихъ строеній и выдвигается
улицу, портя такимъ образомъ прямую линію остальныхъ домовъ.
неправильное положеніе дома побудило ближайшихъ сосѣдей тре-
ать, чтобы этотъ домъ, какъ только это будетъ возможно, былъ
вненъ съ землей, что и рѣшили сдѣлать блюстители порядка, а
же и отцы города. Но арендный контрактъ такъ хорошо соста-
нъ, что даже самые ловкіе толкователи законовъ не были въ со-
ніи выгнать обитателей изъ этого дома. Пока стоитъ городъ, пока
ѣдители катаются въ коляскахъ и живутъ во дворцахъ, пока по-

бѣжденные одѣваются въ лохмотья и живутъ въ подвальныхъ норахъ, до тѣхъ поръ и этотъ домъ будетъ стоять невредимымъ. И если даже люди сравняютъ его съ землей, то онъ снова возродится изъ своихъ развалинъ, потому что онъ построенъ на незыблемомъ основаніи аренднаго контракта.

Посмотри, какъ занимается морозное зимнее утро, какъ царица утра цѣлыми снопами разсыпаетъ золотые лучи по широкому небосводу, какъ веселыя феи лѣсовъ и воздушныя дѣвы, покинувъ на время мирные лѣса и безпредѣльное воздушное пространство, толпятся, рѣзвясь и играя, вокругъ сѣраго дома на окраинѣ города.

Это единственное мѣсто на всей широкой землѣ и единственное во всемъ большомъ городѣ, гдѣ дѣти побѣдителей и дѣти побѣжденныхъ соединяются вмѣстѣ.

Этотъ домъ не дворецъ побѣдителя и не жалкая лачуга побѣжденнаго. Онъ безвкусно разукрашенъ внутри съ видимой претензіей на сходство съ дворцомъ. Но все въ немъ поддѣльно: и шелкъ на драпировкахъ, и бархатъ на креслахъ, и позолота на высокой кровати. Поддѣленъ и румянецъ на щекахъ молодой женщины, которая спитъ на мягкой постели; и этотъ румянецъ при утреннемъ свѣтѣ не скрываетъ блѣдности лица.

Было время, когда на этихъ щекахъ игралъ естественный румянецъ. Это было, когда она маленькой дѣвочкой, выросшей въ торпѣ, собирала своими ручками ягоды на лѣсныхъ пригоркахъ и когда въ ея невинные глаза заглядывали лѣсные духи. Настало время, когда въ торпѣ для нея нехватало больше хлѣба и когда ее, совсѣмъ молоденькой, послали въ широкій свѣтъ. Когда насталъ часъ разлуки съ домомъ, она обхватила свою мать такъ крѣпко, что нельзя было ее оторвать отъ нея. Отецъ плакалъ, но онъ всетаки старался оторвать ее отъ матери. Но едва ему удалось это, какъ она бросилась къ нему самому на шею и еще крѣпче обвила его руками. Только соединенными усиліями удалось отцу и матери оторвать ее и усадить въ сани. Сперва она поступила на службу къ булочнику, потомъ получила мѣсто въ городѣ, а тамъ она забыла и ягоды на пригоркахъ, и лѣсныхъ духовъ.

Но кто этотъ пьяный человѣкъ, который спитъ рядомъ съ ней, положивъ свою голову къ ней на плечо? Черты его лица тонки и вся его внѣшность носитъ отпечатокъ благородства; онъ прекраснѣйшее и любимое дитя дворцовъ и онъ заблудился, слѣдуя за ангелами, и тропинка привела его къ дѣвушкѣ изъ торпа. Было время, когда въ его глаза заглядывали лѣсные духи; это было, когда онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ одинъ жаркій лѣтній день и грызъ ручку

ра, переворачивая мысленно весь свѣтъ; когда онъ разрушилъ всѣ еграды, освободилъ изъ рабства народъ и далъ ему для обработыія обширныя лѣса и земли. Тогда ангелъ заглядывалъ ему прямо глаза. Ангелъ долженъ былъ бы дать ему мудрость змѣя и кроть голубя, какъ всѣмъ тѣмъ, кто слушаетъ голосъ боговъ.

О, почему у ангеловъ въ рукахъ нѣтъ мечей! О, почему они ь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуноіе!

IX.

Мудръ, какъ змѣй, и кротокъ, какъ голубь.

— Такъ вотъ гдѣ я тебя нахожу, Эдуардъ! Средь бѣла дня въ ествѣ женщинъ и бутылокъ!

— А ты кто?

— Кто *я*? Труднѣе было бы узнать *тебя*: безсмысленные глаза, юкоченные волосы, платье въ табакѣ! Который день ты провоь здѣсь?

— Ты Вен-делль!

— И что у тебя за чудный басъ! Великолѣпно!

— Послушай, Венделль, ты славный малый, но не вздумай угоь меня проповѣдями! Вотъ видишь, и епископъ, и архіепископъ расно прибѣгали къ этому средству. Ну, а ты-то что изъ себя ставляешь?

— Маленькая проповѣдь тебѣ не повредила бы, но, къ сожалѣ, у меня теперь на это нѣтъ времени. У меня къ тебѣ совсѣмъ гое дѣло. Твое здоровье!

— Ну, въ такомъ случаѣ отыщи себѣ самъ подходящее мѣсто и сь. А, ты боишься поставить куда-нибудь цилиндръ, даже на епіано, такъ оставь его на головѣ! Повидимому, тебѣ трудно ить, Венделль. Дай я сдѣлаю это за тебя: Эдуардъ, ты знаешь, въ Раухалахти теперь нѣтъ хозяина, и что...

— Хорошо, хорошо, но ты ошибаешься... Неужели ты дѣйствио не знаешь до сихъ поръ, что я самъ люблю Марту? А, накоь-то клюнуло? Понимаешь ли ты теперь, что у меня, собственно, гда не было особаго желанія вытащить тебя изъ тины. По правдѣ ать, меня это и теперь не очень-то интересуетъ. Ну, вотъ, теь ты знаешь все!

— Венделль, голубчикъ, ты влюбленъ въ Марту! Вотъ этого я гда не подозрѣвалъ, бѣдняга ты...

— Теперь, когда между вами все кончено, по крайней мѣрѣ, съ твоей стороны, или какъ?

— Вендель, не говори объ этомъ.

— Ну, хорошо. Теперь, когда между вами все кончено и когда необходимо, чтобы Раухалахти управлялъ мужчина,—ты, конечно, понимаешь, что Мартѣ не по силамъ долго справляться съ большимъ имѣніемъ, хотя сама она и увѣряетъ въ противномъ.

— Она увѣряетъ, что справится?

— Ну, конечно. «Дайте мнѣ попытаться,—говоритъ она,—хоть бы одинъ годъ!» Но не прерывай меня! Такъ вотъ, разъ всѣ родственники поощряютъ меня къ этому, по крайней мѣрѣ, никто меня не отговаривалъ, то я и рѣшилъ посвататься къ ней.

— А-а-а...

— А что? Это тебя непріятно удивляетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я всегда желалъ, чтобы Марта нашла себѣ хорошаго мужа.

— Это радуетъ меня. Итакъ, я рѣшилъ посвататься къ Мартѣ, но... тутъ мѣшаетъ большое «но». Вотъ видишь ли, если я приму Раухалахти, то это поведетъ за собой нѣкоторыя затрудненія: я долженъ буду взять большую сумму денегъ подъ залогъ имѣнія, чтобы выдѣлить часть наслѣдства зятьямъ.

— Я помогу тебѣ. Ты получишь отъ меня столько, сколько тебѣ нужно, тогда тебѣ совсѣмъ не надо закладывать имѣнія.

— По правдѣ сказать, я въ глубинѣ души на это и разсчитывалъ. Давай твою руку! Спасибо!

— Итакъ, Вендель, ты сдѣлаешься хозяиномъ Раухалахти, будешь курить трубку и сидѣть въ креслѣ-качалкѣ, какъ старый совѣтникъ!

— Да, если всѣ мои предположенія оправдаются, то я сдѣлаюсь хозяиномъ Раухалахти. Но дѣло обстоитъ такъ, что надо торопиться. Дѣло въ томъ, что Мартѣ *нельзя* позволить самостоятельно управлять имѣніемъ цѣлый годъ, какъ она этого хочетъ. Она погубитъ все имѣніе. Представь себѣ, что это за дѣвушка! Она вбила себѣ в голову, что все имѣніе въ видѣ небольшихъ участковъ должно по немногу перейти въ собственность торпаровъ и другихъ безземельныхъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, слыханное ли это дѣло? Кто ей это посовѣтовалъ или гдѣ она вычитала что-либо подобное, я такъ и не узналъ. «Земельная собственность,—говоритъ она,—страшная несправедливость».

— Какъ, какъ, повтори-ка!

— Вотъ видишь ли, оказывается, что владѣть землей страшно несправедливо.

— Да ты не понимаешь! Она подразумѣваетъ владѣніе чрезмѣрнымъ количествомъ земли, которая обработывается наемными руками, вотъ что она подразумѣваетъ.

— Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? Но она только и знаетъ, что твердитъ: «земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», «мы паразиты, притѣснители народа», «народъ надо освободить». Короче сказать, она совсѣмъ потеряла голову и готова на какое угодно безуміе, лишь бы ей дали время и позволили дѣйствовать самостоятельно. Отецъ находится вполнѣ подъ ея вліяніемъ, она пишетъ ему, и онъ согласенъ на все, чего она только ни пожелаетъ. Хочешь знать, что онъ пишетъ ей изъ Норвегіи? Вотъ послушай: «Намъ живется очень хорошо въ свободной»,—впрочемъ, начало къ дѣлу не относится.

— Читай все.

— «Намъ живется очень хорошо въ свободной Норвегіи,—да, такъ хорошо, что если бы мнѣ сказали: ты можешь возвратиться на родину, то я, право, не знаю, что я сдѣлалъ бы. Это вовсе не означаетъ, что я уже забылъ свою дорогую родину, нѣтъ, дѣло въ томъ, что для меня уже не существуетъ больше моего собственнаго дома. Что однажды порвалось въ моемъ сердцѣ, то не можетъ больше зажить. Но съ этимъ я уже примирился, и это меня больше не угнетаетъ. Что касается твоихъ плановъ относительно Раухалахти, мое милое дитя, то все зависитъ отъ того, насколько тебѣ удастся выдѣлить твоихъ сонаслѣдниковъ при условіи, что ты раздѣлишь Раухалахти на маленькіе участки и продашь ихъ подъ долгосрочную расплату безземельнымъ крестьянамъ. Однако я вовсе не хочу тебя разочаровывать и отъ всего сердца надѣюсь, что представится какая-нибудь возможность осуществить твое завѣтное желаніе. Надо тебѣ сказать, что теперь и я смотрю на свѣтъ иными глазами. Прежде я не сознавалъ той пустоты, на которой всѣ мы строимъ нашу жизнь. Теперь я сознаю это. Многое должно было бы быть совсѣмъ иначе, все должно было бы измѣниться въ самомъ корнѣ, съ этимъ я согласенъ. Но я не могу себѣ представить себя въ роли преобразователя,—для этого я слишкомъ старъ. Но ты, моя милая дѣвочка, ты такъ полна жаждой дѣятельности, и твой будущій мужъ—я тебѣ его желаю, какъ и раньше». Ты не думаешь, Эдуардъ, что онъ намекаетъ на меня? Итакъ: «ты и твой будущій мужъ»—и такъ далѣе—«вы можете осуществить то, что вы находите справедливымъ и благороднымъ. Для этого я желаю вамъ много силъ и долгой жизни». Ну, что

ты скажешь? Дѣвочка совсѣмъ вскружила голову старику своими глупостями.

— Оселъ! Ты настоящій оселъ, Венделль!

— Это почему?

— Человѣкъ проявляетъ умъ, а ты называешь это глупостью. Ну, скажи, пожалуйста: станетъ ли свѣтъ лучше отъ того, что ты въ свою очередь сядешь въ кресло-качалку въ Раухалахти и начнешь сосать свою трубку? Развѣ мы не приходили съ тобой сто разъ къ заключенію, что жизнь—какою она теперь является—безуміе, что наше искусство — не искусство, культура — не культура? И вотъ является человѣкъ, который проникся всѣмъ этимъ, и хочетъ освободить народъ, чтобы хоть сколько-нибудь дать смысла жизни, а ты говоришь: глупости! Въ тебѣ есть всетаки много мѣщанскаго, бѣдняга Венделль!

— Не стѣсняйся, продолжай,—я принимаю все.

— А Марта, я это теперь вижу, всетаки такая дѣвушка, что никто изъ васъ, зятьевъ, по уму не годится ей и въ подметки.

— Вотъ какъ ты *теперь* разсуждаешь!

— Вы должны были бы помочь ей и всѣми силами поддерживать ее въ ея стремленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, вы могли бы радоваться, что между вами есть хоть *одна* ясная голова.

— Развѣ ужъ она такъ умна? Въ такомъ случаѣ, она какое-то высшее существо, потому что умъ не наиболѣе преобладающее качество въ ней. Обращалъ ли ты когда-нибудь какъ слѣдуетъ вниманіе на ея глаза?

— Не говори о ея внѣшности! Нѣтъ, Венделль: красивыхъ и хорошихъ дѣвушекъ встрѣчаешь на каждомъ шагу, да и богатыхъ помѣщичьихъ дочекъ найти не трудно, но чтобы кто-нибудь изъ нихъ сказалъ: «мы паразиты»—вотъ это нѣчто особенное! Хотя она и ребенокъ, но она головой выше всѣхъ. Я скажу тебѣ, Венделль, что эта дѣвушка—алмазъ среди булыжниковъ,—да, эта самая Марта, у которой ты цѣнишь лишь одну внѣшнюю красоту, эта Марта, говорю я, эта самая Марта...

— Да не кричи же ея имени въ такомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ мѣстѣ?

— Въ такомъ, какъ это. Или ты забылъ, гдѣ мы находимся! Осмотрись кругомъ!... Ну, ну, полно, Эдуардъ, не принимай этого такъ близко къ сердцу. Да что съ тобой? Подожди, куда ты идешь? Эдуардъ, послушай! Эдуардъ, подожди, я иду съ тобой!

Но Эдуардъ уже исчезъ.

Венделль долго сидѣлъ неподвижно и мысленно слѣдилъ взоромъ

слухомъ за Эдуардомъ, какъ часовщикъ, которому удалось снова привести въ движеніе сломанный механизмъ.

Потомъ онъ поднялъ голову и, не видя никого въ комнатѣ, сѣлъ за фортепіано, съ цилиндромъ на головѣ.

Дисканты были страшно разстроены, но зато басы были въ хорошемъ состояніи.

Та фантазія, которую Венделль сочинилъ ко дню рожденія Марты и которая должна была изображать «Скорбь души», не требовала дискантовъ. Теперь онъ началъ играть эту фантазію—и онъ игралъ не только съ тѣмъ вдохновеніемъ, съ которымъ игралъ бы въ день рожденія Марты, но съ несравненно бо̀льшимъ увлеченіемъ и экспрессіей. Да и пальцы его еще никогда не обладали такой бѣглостью, какъ теперь. Онъ говорилъ Мартѣ свое послѣднее прости. А потому игра его была проникнута скорбью, глубокой скорбью. Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, все явственнѣе слышалось—и наконецъ взяло перевѣсъ—другое чувство, болѣе высокое, нежели скорбь. Оно разрасталось все шире и шире и понемногу совершенно измѣнило характеръ фантазіи, и, наконецъ, вдохновенные звуки такъ ясно передали то мгновеніе, когда душа, освобожденная отъ оковъ, возносится на недосягаемую вышину.

Венделль очнулся отъ своего вдохновенія только тогда, когда въ комнату вошла горничная. Она отворила окно, въ которое ворвался чистый морозный воздухъ, и начала подбирать съ пола осколки стекла. Венделль поднялся изъ-за фортепіано, вытеръ рукавомъ пальто свой цилиндръ, счистилъ щеткой пепелъ съ платья, одернулъ на себѣ сюртукъ и поправилъ воротничокъ, послѣ чего онъ пошелъ домой приготовляться къ путешествію черезъ Атлантическій океанъ.

X.

Смерть Кинтури.

Но вотъ настала пора, когда изгнанникамъ можно было вернуться на родину, когда родныя гавани раскрыли свои объятія для нихъ, когда берега отчизны забѣлѣли отъ множества платковъ, которыми имъ махали въ знакъ привѣтствія, когда двери ихъ родныхъ домовъ разукрасились гирляндами изъ цвѣтовъ и зелени, а крыши расцвѣтились развѣвающимися флагами въ честь возвращенія хозяевъ.

Изгнанные изъ своихъ имѣній помѣщики получили обратно свои лѣса и поля. Одна лишь семья Кинтури не получила обратно своего клочка земли.

Да, для Кинтури и не было смысла возвращаться на старое мѣ-

сто: его избы уже больше не существовало, той избы, вокругъ которой его праотцы выложили каменную ограду, гдѣ онъ самъ въ первый разъ увидалъ свѣтъ, гдѣ онъ выросъ, куда ввелъ свою молодую жену и гдѣ онъ прислушивался къ лепету своихъ дѣтей. Поля, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе воздѣлывали Кинтури, были присоединены къ большимъ землямъ имѣнія Ваниккола. Однако каменная ограда осталась на своемъ мѣстѣ, тропинки еще не вездѣ заросли травой, сосна со своими кривыми вѣтвями все еще шумитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были ворота, но отъ избы не осталось и слѣда, и земля, на которой она стояла, вспахана подъ пашню. Бревна изъ подъ старой избы сожгли въ ригѣ, а изъ пристройки, которую сдѣлалъ Кинтури, сложили свиной хлѣвъ на скотномъ дворѣ въ Ваниккола.

Хозяинъ Ваниккола, который сдѣлался, наконецъ, членомъ сейма, требовалъ, какъ и всѣ другіе члены, самымъ рѣшительнымъ образомъ возвращенія изгнанныхъ изъ страны и возстановленія основныхъ законовъ. Онъ такъ невѣроятно разжирѣлъ, что, не говоря уже о томъ, что онъ совсѣмъ не помѣщался больше въ креслѣ-качалкѣ, самая большая газета не могла его закрыть, когда онъ сидѣлъ и читалъ ее. И чѣмъ больше онъ жирѣлъ, тѣмъ онъ глубже вѣрилъ въ то, что существуетъ громадная разница между тѣми, кто владѣетъ землей, и тѣми, кто ее обрабатываетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тотъ, кто владѣетъ землей, не долженъ ее обрабатывать, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, не долженъ ею владѣть. Было бы такъ же трудно заставить его отказаться отъ этого убѣжденія, какъ заставить его похудѣть. Кинтури стало противно смотрѣть ему въ глаза, и онъ поселился съ Мари въ другой деревнѣ, въ одной старой, заброшенной избушкѣ на краю дороги. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что и другіе хозяева не лучше его стараго хозяина; и его ненависть, которую онъ питалъ къ хозяину Ваниккола, смягчилась настолько, что онъ приходилъ иногда въ Ваниккола наниматься на работу. Его смягчило также и то, что распространился слухъ, будто его старый хозяинъ совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе своихъ барышень-дочекъ, и запилъ,—особенно послѣ своего возвращенія съ сейма. Кинтури было жалко его и онъ подумалъ: навѣрное онъ раскаивается въ своихъ поступкахъ.

Кинтури работалъ понемногу то тутъ, то тамъ, не отказываясь ни отъ какого труда, за который ему платили: кто живетъ тѣмъ, что продаетъ свой трудъ, не выбираетъ хозяевъ. Случилось однажды, что онъ попалъ на работу и въ Раухалахти, гдѣ онъ долженъ былъ оштукатурить снаружи каменный фундаментъ стараго телячьяго хлѣва.

Старикъ работалъ, согнувшись, и замазывалъ щели; иногда онъ прерывалъ свою работу и устремлялъ въ одну точку неподвижный взоръ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Заслышавъ чьи-нибудь шаги, онъ отбрасывалъ свои мысли и принимался за работу съ дѣловитымъ видомъ, чтобы не подумали, что онъ лѣнится.

Онъ еще не успѣлъ окончить штукатурной работы, какъ его посылали въ огородъ полоть клубнику и обрывать оставшіеся съ осени усы.

Здѣсь онъ встрѣтилъ и узналъ молодого барина, который когда-то жилъ въ Ваниккола, и про котораго говорили, что онъ будетъ хозяиномъ Раухалахти. Съ сіяющими отъ восторга глазами молодой баринъ сталъ разсказывать Кинтури,—можетъ быть, онъ говорилъ слишкомъ быстро,—что право собственности на землю скоро совершенно измѣнится, что невоздѣланная земля будетъ обложена налогомъ, что землевладѣльцы вслѣдствіе этого будутъ принуждены уступить свою землю тѣмъ, кто желаетъ обрабатывать ее. Кинтури сознавалъ хорошую сторону этихъ плановъ, но что касается до ихъ осуществленія, то онъ былъ равнодушенъ къ этому, потому что у *него* не было земли, которая подлежала бы налогу.

Изъ уваженія къ молодымъ господамъ Кинтури всегда старался въ ихъ присутствіи казаться веселымъ и бодрымъ, а иногда онъ такъ шутилъ и смѣялся, что обѣими руками теръ себѣ глаза. Но молодые господа хорошо видѣли, что Кинтури не по себѣ.

— Развѣ вы не скучаете по дѣтямъ, Кинтури?—спросила его однажды Марта.

При этихъ словахъ Кинтури быстро отвернулся; онъ нагнулся надъ грядкой, чтобы хорошенько разобрать, изъ какого кустика клубники идетъ длинный усъ. Но Марта успѣла замѣтить, что лицо его покраснѣло, точно кирпичъ. Разница въ томъ, какъ онъ относился ко всѣмъ господамъ вообще и въ частности къ Мартѣ и Эдуарду—состояла въ томъ, что онъ передъ послѣдними не представлялся глупымъ и непонимающимъ, какимъ онъ всегда притворялся передъ другими господами. Но не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы онъ даже передъ этими молодыми господами обнаружилъ свои чувства. Что онъ не могъ спасти дома для своихъ дѣтей, не могъ оставить имъ никакого наслѣдства, и что даже самый младшій долженъ былъ идти служить—это было его больнымъ мѣстомъ, горемъ его жизни. Прикосновеніе къ этой ранѣ было для него невыносимо.

«Ужъ не обидѣлся ли онъ? Почему онъ не отвѣчаетъ?»—подумала Марта.

Въ эту минуту Кинтури открылъ, откуда шелъ длинный усъ.

— Развѣ есть время по нимъ скучать?—сказалъ онъ сво
обычнымъ тономъ и взглянулъ на Марту своими круглыми глаза
и онъ готовъ былъ снова шутить.—Да и нашему мальчику Як
живется недурно.

— Вотъ какъ,—отвѣтила Марта, немного стыдясь, что она
знаетъ, который изъ дѣтей Кинтури Яковъ.

Кинтури разсказалъ ей, что Якова взялъ въ мальчики лавочни
Онъ спросилъ, не замѣтила ли его барышня въ лавкѣ.

— Онъ тамъ летаетъ точно стрѣла между кладовой и лавк
Это и есть нашъ Яковъ.

И онъ разсказалъ ей и про остальныхъ дѣтей, про каждаго
дѣльно, украшая свои слова шутками и прибаутками.

Тѣмъ же нѣсколько шутливымъ тономъ онъ отклонилъ пре
женіе господъ выбрать по своему усмотрѣнію любой участокъ зе
въ Раухалахти. Они не могли ничѣмъ оказать ему помощи и
не оставалось ничего другого, какъ только отдать ему поденн
плату за его работу. Было ясно, что Кинтури не хотѣлъ казат
нуждающимся въ какой-либо матеріальной помощи. Сердца же сво
онъ не открывалъ никому.

Нѣсколько времени спустя Кинтури началъ сильно кашлять. О
быстро окончилъ свою штукатурную работу и ушелъ изъ Рау
лахти.

Недѣли черезъ двѣ послѣ его ухода въ Раухалахти пришла же
щина и спросила, гдѣ Кинтури. Это была Мари.

Никто не могъ сказать ей, куда онъ ушелъ. Знали только, ч
онъ пошелъ искать работы.

Тогда жена стала подозрѣвать, что случилось что-то недобр
Кинтури никогда раньше не исчезалъ на такой долгій срокъ. О
всегда черезъ короткіе промежутки времени являлся домой, что
посмотрѣть, все ли тамъ благополучно, и чтобы оставить женѣ д
негъ. И вотъ Мари отправилась въ поиски за нимъ. Она ходила
деревни въ деревню, изъ одного мѣста въ другое; она избѣгала в
приходъ, пока не нашла его, наконецъ, въ одной отдаленной дере
въ маленькой каморкѣ, гдѣ онъ лежалъ больной. Одинъ крестьяни
сжалился надъ нимъ и позволилъ ему занять эту каморку на вре
болѣзни. Здѣсь Кинтури лежалъ уже цѣлую недѣлю безъ всяк
ухода. Онъ былъ такъ плохъ, что не могло быть и рѣчи о то
чтобы его перевезти домой. Члены его такъ одеревенѣли, что М
съ большимъ трудомъ удалось надѣть на него чистую рубашку,
торую она, къ счастью, захватила съ собой. Она достала для н
также чистое одѣяло; затѣмъ, повернувъ его на спину, она раз

жила его руки вдоль тѣла. Послѣ этого она сняла паутину съ угловъ, вытерла полъ мокрой тряпкой и посыпала его рубленнымъ можжевельникомъ. Сдѣлавъ все это, она стала осматриваться кругомъ, желая найти какую-нибудь работу, чтобы скоротать время, но въ этой чужой комнатѣ не было ни самопрялки и ничего другого, чѣмъ она могла бы занять свои руки, которыя не привыкли оставаться въ бездѣйствіи. Единственное, что ей было хорошо знакомо въ этой комнатѣ, было лицо Кинтури, и она остановила свой взоръ на немъ. Но ей было слишкомъ тяжело смотрѣть на его изможденныя черты и она перевела глаза на его руки, лежавшія поверхъ одѣяла, и она долго разсматривала ихъ. Подъ бѣлыми рукавами рубашки ясно обозначались выпуклые мускулы его рукъ, изгибъ которыхъ былъ такъ хорошо знакомъ Мари; эти руки, казалось, готовы были въ каждую минуту мощнымъ движеніемъ ухватиться за что-нибудь. Потомъ Мари перевела свой взглядъ на кисти его рукъ, и она удивилась, что никогда раньше не обращала на нихъ вниманія. Сколько силы было въ надутыхъ, узловатыхъ жилахъ? Много, много работъ исполнили эти руки, много заступовъ иступили онѣ, много рукоятокъ онѣ перемѣнили. Кожа на рукахъ была коричневая, грубая и заскорузлая; ладони были въ мозоляхъ, а пальцы были крючковатые, какъ бы созданные для того, чтобы браться за плугъ. Глядя на эти крючковатые пальцы, Мари въ первый разъ почувствовала горькую обиду за то, что такія сильныя руки должны были за послѣдніе годы исполнять всякую мелкую работу. И только теперь она поняла упорное молчаніе и суровость Кинтури, длившіяся цѣлые годы,—только теперь она поняла все, и она заплакала, тихо покачиваясь взадъ и впередъ на краю кровати.

Мучимый кашлемъ и лихорадкой, Кинтури могъ сказать только, что онъ умираетъ, и при этомъ онъ указалъ на кошелекъ, въ которомъ Мари нашла маленькій ключикъ и три марки шестнадцать пенни. Ключикъ былъ отъ углового шкапа Кинтури, въ которомъ, какъ сказалъ Кинтури, онъ припряталъ для Мари маленькія сбереженія. Съ большимъ трудомъ отдавъ эти распоряженія, онъ велѣлъ Мари сварить кофе.

Мари хорошо знала, что Кинтури, въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, не будетъ пить кофе, но она поняла, что онъ только желалъ, чтобы она сама выпила кофе. Для Кинтури и теперь, какъ бывало раньше, кофе былъ предметомъ хвастовства. Если бы было возможно достать гдѣ-нибудь бѣлаго хлѣба, то онъ навѣрное пожелалъ бы и имъ угостить Мари. Мари сварила кофе и, горько плача, выпила у него на глазахъ четыре чашки. Кинтури отъ вре-

мени до времени, мигая глазами, смотрѣлъ на нее, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она исполняетъ его послѣднее желаніе. Но когда Мари кончила пить кофе, онъ закрылъ глаза и больше ужъ ихъ не открывалъ.

Его дыханіе было прерывисто и неровно: то онъ вздыхалъ глубоко и рѣдко, то дыханіе совсѣмъ прерывалось, то онъ дышалъ коротко и часто, какъ если бы ему не хватало воздуха. Но вдругъ кашель прекратился, жаръ оставилъ его тѣло и на его лицо легла смертельная блѣдность. Теперь Мари поняла, что смерть дѣйствительно приближается. Она давно уже отвыкла отъ надежды на помощь доктора. Одинъ изъ ея дѣтей умеръ, когда она везла его къ доктору, а другой умеръ, потому что она не имѣла средствъ пригласить доктора на домъ. Остальныхъ дѣтей она вылѣчивала сама своими домашними средствами. Но здѣсь у нея не было подъ рукой никакихъ средствъ, а между тѣмъ она надѣялась, что если только нашлась бы возможность согрѣть тѣло Кинтури, то онъ былъ бы спасенъ. И вотъ въ своемъ отчаяніи она не нашла никакого иного способа, какъ, заперевъ дверь, раздѣться и лечь въ постель къ Кинтури, крѣпко прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ. Стараясь согрѣть его, она проводила руками по его тѣлу и при этомъ хорошо знакомыя очертанія его тѣла и въ особенности глубокая впадина подъ ложечкой напомнили ей то время, когда они еще не стали чужими другъ для друга, и она горько заплакала. Потомъ она приложила ухо къ его груди и услышала біеніе его сердца, и это вызвало у нея новый потокъ слезъ.

Кинтури не проснулся больше и не открылъ больше глазъ, но, согрѣтый объятіями Мари, онъ увидалъ сонъ. Онъ увидалъ во снѣ небеса. Ему казалось, что онъ смотритъ внизъ на землю.

Какъ и раньше бывало, къ его радости, царствіе небесное представилось ему не въ видѣ большого торжественнаго зала со множествомъ народа, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя неловко среди «чистой» публики, среди господъ и тому подобныхъ людей. Онъ увидалъ во снѣ, что гуляетъ передъ вратами царствія небеснаго; вдругъ врата немного пріотворились, и его глазамъ представилась картина самой чистой, самой дѣвственной природы съ изумрудными лугами, на которыхъ паслись телята, и лучи солнца съ высоты небесъ ложились яркими полосами на ихъ спины. Потомъ онъ увидалъ другой сонъ: ему казалось, что онъ идетъ со всѣми своими дѣтьми, чтобы показать имъ землю для обработки. Здѣсь все было ясно: не надо ни малѣйшаго клочка бумаги, ничего похожаго на контрактъ. О, какъ у него стало радостно на душѣ и какой благодарностью наполнилось

его сердце! Теперь онъ снова соберетъ вокругъ себя разсѣянныхъ по бѣлу-свѣту дѣтей, онъ будетъ снова любоваться на сильныя и такія милыя для него движенія Иды, онъ снова будетъ водить за ручку своего маленькаго Якова! И онъ дастъ своимъ дѣтямъ большую плодородную землю и скажетъ имъ: «Вся земля, которую вы сами обрабатываете, принадлежитъ вамъ». И дѣти будутъ расти и женятся, и потомство ихъ будетъ множиться изъ рода въ родъ. Самъ онъ будетъ только сверху смотрѣть на нихъ и руководить ими и будетъ имъ еще ближе, чѣмъ прежде у себя дома въ лѣсу.

Сны чередуются одинъ за другимъ, и передъ нимъ проходятъ новыя видѣнія.

И вотъ онъ снова стоитъ передъ вратами царствія небеснаго, и что же, онъ слышитъ голосъ Божій, который спрашиваетъ ангеловъ:

— Достоинъ ли Кинтури войти въ царствіе небесное?

Ангелы отвѣчаютъ:

— Достоинъ! Ибо въ земной жизни онъ былъ лишенъ своихъ полей, своего скота, своего дома и своихъ дѣтей. И сверхъ того, онъ научился работать на тѣхъ и служить тѣмъ, кто отнимали у него все это.

Кинтури плачетъ, и изъ его сердца исчезаютъ послѣдніе остатки злобы противъ «господъ».

Но и этотъ сонъ прерывается, и онъ на мгновеніе приходитъ въ себя отъ боли, причиняемой ему дыханіемъ.

Послѣдній сонъ снова уноситъ его къ земнымъ страданіямъ. Ему кажется, что онъ слышитъ, какъ мышь грызетъ желѣзный прутъ мышеловки. Онъ видитъ за прутьями черныя глазки мыши, которые глядятъ на него съ невыразимымъ ужасомъ. «Все погибло—никогда я больше не увижу своихъ дѣтенышей!»—думаетъ Кинтури, который въ бреду принимаетъ себя самого за мышь и испытываетъ весь ужасъ положенія мыши, попавшей въ мышеловку. Кинтури пересталъ дышать, открылъ глаза и безсознательно осмотрѣлся вокругъ себя; тихая дрожь прошла по его тѣлу.

Но вотъ раздался ласковый голосъ, который сказалъ ему:

— Будь спокоенъ, въ послѣдній часъ *Я* открою мышеловку и дамъ тебѣ свободу!

О, какое блаженство! Такъ значитъ нашлось всетаки существо, которое, наконецъ, поняло, что никакія крохи и ничто другое не поможетъ,—поможетъ лишь возвращеніе свободы!

И правда—вотъ онъ выходитъ изъ мышеловки, вотъ онъ слышитъ приближающійся шумъ крыльевъ свободы, уже раскрываются

голубыя врата царствія небеснаго... И Кинтури смотритъ внизъ и видитъ мать-землю и всѣхъ ея дѣтей въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ, какого еще никто не видалъ изъ живыхъ существъ. Но на порогѣ въ царствіе небесное онъ чувствуетъ всетаки сладкую истому, какъ послѣ долгаго рабочаго дня, и онъ говоритъ:

— Скоро я приду къ вамъ, но если можно, то я сперва отдохну немного...

— Дайте Кинтури отдохнуть!—раздался у вратъ царствія небеснаго голосъ, громкій и ясный.

И съ блаженной улыбкой на устахъ Кинтури испускаетъ глубокій вздохъ и закрываетъ глаза.

Мари ждетъ и думаетъ, что онъ проснется и снова начнетъ дышать. Но онъ не дышитъ больше. И сердце его перестало биться. Мари не можетъ больше теплотой своего тѣла помѣшать Кинтури остывать.

Перев. М. Благовѣщенская.

ЗИМА.

Вотъ какъ везли меня со станціи.

Заставили влѣзть въ доху и посадили въ сани, а ноги сунули въ мѣховой мѣшокъ, который затянули у колѣнъ ремешками: этакъ можно поѣхать и къ полюсу!

Кругомъ толпятся ямщики, усаживаютъ тѣхъ, которые сошли на этой станціи. Они въ бараньихъ шапкахъ и подпоясанныхъ тулупахъ, тяжелые: сыны снѣга, жители сугробовъ.

Но великолѣпны у нихъ сани: съ разводами, съ ковровыми крыльями, и задки ковровые.

Есть въ этихъ саняхъ что-то чудесно-древнее и стильное. Какіе-то варяжскіе корабли! И созданы эти грудастыя и емкія суда и мелкія суденышки для плаванія по голубымъ снѣгамъ.

И вотъ поплыли по ухабамъ.

Ямщикъ привсталъ у передка, и въ его огромной рукавицѣ длиннѣйшій кнутъ, точно змѣя, которая къ концу все тоньше.

Плывемъ парой, гусемъ, по узенькимъ слѣдамъ, въ безбрежности.

Впереди бѣжитъ лопоухая лошадка, безъ дуги и безъ оглоблей, на однѣхъ веревкахъ,—и отъ этого наивная, и какъ будто голая, даже на лошадь не похожая.

На поворотахъ она не сразу понимаетъ, куда ей сунуться; и тычется нелѣпо въ сторону. Болтаются ея веревки, а лошадь задняя, гремучая, со своими бубенцами, на нее наѣзжаетъ. Долго дергаютъ переднюю возжами, глухо шлепаютъ по бокамъ ея, какъ въ пустой мѣшокъ, кнутомъ, и съ трудомъ снова выправляютъ.

И опять бѣгутъ коняги, съ младенчества кормленныя соломой, а видъ имѣющія старушечій: плохо справляются съ рысцой ихъ набухлые суставы, и прыгаютъ онѣ овечьими прыжками.

Стелются, стелются кругомъ бѣлые просторы. Спокойные, они уходятъ къ синимъ горизонтамъ.

По временамъ деревни. Заснѣженныя избушки, сердито ощетинившіяся на вьюги, на долгую зиму. Тряпье виситъ на частоколѣ, жесткое и мерзлое. Избы окутаны соломой противъ стужи, и изъ-за этихъ желтенькихъ сноповъ глубоко выглядываютъ ихъ оконца. Въ этотъ тихій нехолодный день онѣ все еще не довѣряютъ и смотрятъ обиженно и гнѣвно.

А изъ-подъ заборовъ выскакиваютъ и злобно бѣгутъ на насъ съ нащетинившимися загривками псы, и въ голодномъ лаѣ этихъ сторожей деревни ненависть къ проѣзжимъ и особенная ненависть къ господскому житью, которое ѣдетъ мимо...

Плывемъ долго. А къ вечеру уютный и помѣщичій въѣздъ въ усадьбу. И на крыльцѣ привѣтственные голоса, которые звучатъ уютно и тепло въ сумракахъ снѣговъ.

Въ эту ночь сплю великолѣпно. И, одинъ разъ проснувшись, вижу въ чернотѣ мутно-сѣрое пятно окна, отъ котораго что-то струится чуть морозное и легкое. Слышу тепло натопленной печки и тишину. И благодарный за то, что я не въ городѣ, счастливый, снова засыпаю.

Утромъ выхожу изъ бѣленькаго помѣщичьяго флигеля со снѣжными заносами на ступеняхъ. Какъ ослѣпительно блеститъ кругомъ солнечная и бѣлая чистота! А зима студеными струйками мнѣ рѣжетъ ноздри.

Я тяжелъ и грузенъ въ своихъ валенкахъ и въ шубѣ, которую мнѣ здѣсь дали. И мои ноги, неповоротливыя, тяжело борются съ бѣлыми нагроможденіями, которыя скрипятъ вязко.

А вотъ мужикъ Семенъ,—всю зиму онъ сторожитъ здѣсь домъ,—онъ тоже неповоротливъ въ своихъ валенахъ и въ зипунѣ. Зима сковала ему члены; что-то въ немъ онѣмѣвшее, глухое. И самъ я въ каждомъ движеніи своемъ чувствую, что зима и холодъ сурово оковываютъ меня неподвижностью и гонятъ обратно, сидѣть въ теплѣ, въ берлогу.

У конюшни выпускаютъ лошадей. Къ низенькимъ дверямъ выходятъ огромные и мохноногіе жеребцы и дымятся отъ своихъ парныхъ, навозныхъ стойлъ.

Упруго вздрагиваютъ гладкой шерстью ихъ жирныя, по зимнему, застоявшіяся спины. А ихъ ноздри навстрѣчу холоду расширились, и уши настораживаются.

Размашисто шагаютъ, глубоко вдавливаясь въ снѣгъ, и пыхтятъ, какъ паровозы. Какіе-то живые, теплые котлы.

А потомъ, чувствуя, что надо оживить это тепло въ своихъ тѣлахъ, которое въ нихъ стынетъ, бросаются о снѣгъ и, гребя въ воз-

хѣ крюками своихъ ногъ, тяжело стараются запрокинуться на инy. И снова вскакиваютъ, и мчатся большими кругами въ снѣхъ, ослѣпленные бѣлизной и блескомъ, и ржутъ въ счастьѣ, въ рячемъ подъемѣ жизни. Иду за ворота.

Аллея длинная, широкая, помѣщичья. Слѣды полозьевъ на снѣгу еело блестятъ, какъ наутюженные. Зима бѣлая, и на ней, отъ лнца, золотистая глазурь.

Повсюду это золото. Оно на стволахъ березъ, а ихъ длинные кучіе волосы золотые.

Въ сторонѣ лѣсокъ, и на немъ золото коричневатое. Елки, чуди, сами на себя не похожія, въ бѣлыхъ варежкахъ, а на ихъ лахъ золото темно-зеленое.

Только тѣни голубыя, и отъ золотистаго сверканія кругомъ онѣ ія четкія и нѣжныя, какъ стекло прозрачныя.

Къ горизонту круглые бугры, отчетливо отрѣзанные другъ отъ уга щетинистыми коймами перелѣсковъ. И на нихъ далекія и свѣтя, кругловатыя улыбки. А за кускомъ поляны, на бѣломъ косорѣ—село, и маленькой звѣздой блеститъ на церкви луковичка.

Сверкающая опрятность!

Она закрыла разнообразіе лѣта; она въ немъ не нуждается: дая, богатая въ однообразіи своемъ.

Съ полянъ, я вижу, она ползетъ вглубь лѣса, охватываетъ тамъ ножье каждаго ствола, и каждый кустъ на ней рѣзко вычерчится каждой своей рогатой вѣточкой. Она подкрадывается къ ловѣческому жилью, осаживается на крышахъ и крылечкахъ, на онныхъ выступахъ, вездѣ, гдѣ можетъ. Она побѣдная и царвенная.

Снова возвращаюсь къ флигелю. Въ этотъ солнечный и бодрый нь онъ бодрѣе смотритъ слуховымъ окошкомъ въ своемъ куполѣ, его старыя думы веселѣе. Между его колоннъ, сквозь старое дереи штукатурку, пробилось его тепло. Онъ живетъ, онъ дышитъ. бѣлый паръ слегка окуталъ его грезой. Тяжелый лоскутъ снѣга ымъ языкомъ повисъ на его крышѣ, а острыя ледышки висятъ иазныя и длинныя.

Утромъ принесли дрова топить печи.. Они глухо ухнули, когда хъ опустили объ полъ.

Дрова розовыя, со снѣгомъ. А потомъ, когда печи затопили, то всему дому щелканье, громкое и звонкое; горятъ въ огнѣ съ этими ровами зима и снѣгъ.

Чаи пью въ залѣ. Она свѣтленькая, съ тяжелымъ зеркаломъ въ

простѣнкѣ. Кресла старыя, краснаго дерева, съ примятыми сидѣньями. На каминѣ ржавый канделябръ. А на стѣнѣ, въ багетной рамѣ съ широкими полями, видъ на Рейнѣ.

Въ передней—сѣдла и нагайки, и виситъ снопъ длинноусой ржи.

А въ открытую дверь кабинета видна въ углѣ коллекція тростей и чубуковъ.

Тихо. Видъ на Рейнѣ грезитъ о Германіи и разномъ другомъ заграничномъ. А чубуки вспоминаютъ дни, когда изъ нихъ курили.

И ходятъ по комнатамъ безцѣльныя и вздыхающія души тѣхъ, которые то собирали эти чубуки и трости, то скакали на этихъ сѣдлахъ на охоты, то ѣздили по заграницамъ и покупали виды Рейна.

Обрывки жизни мечтательные и отвлеченные, точно тѣ, которые сидѣли здѣсь «на землѣ», не жили, а грезили.

А гдѣ-то въ концѣ коридора, у чернаго входа, дверь на блокѣ поетъ и жалуется. И всякій разъ, когда она такъ заскрипитъ, что-то щемитъ въ сердцѣ. И зима, порывисто вздохнувъ, вступаетъ въ домъ, властная и строгая, сѣдая, съ своею тишиной, съ своею старостью.

Тогда какъ будто слышнѣе вздохи въ воздухѣ, который густъ въ этихъ комнатахъ, гдѣ бродятъ души; и жизнь, которая волочитъ за собою прошлое длиннымъ сѣрымъ шлейфомъ и не можетъ успокоить мертвецовъ своихъ подъ могильными камнями, становится вдругъ тяжкой, грустной. И почему-то хочется пожалѣть себя...

Опять выхожу на березовую аллею. Но сегодня зима неожиданная и новая, что-то случилось за ночь. Зима вся въ инеяхъ. А солнца нѣтъ.

Все кругомъ пушистое, и самъ воздухъ мягко-шершавый, перистый.

А въ моихъ березахъ что-то сказочное: онѣ, какъ страусовыя перья, или пушистые кораллы.

На одной изъ нихъ двѣ галки, нахохлившіяся и пухлыя. Всякій разъ, когда онѣ тамъ пошевелятся, съ вѣтвей тихо падаютъ пушинки стеклянными и жесткими, сухими кристаллами.

И вся эта бѣлая огромность сдѣлана изъ этихъ крошечныхъ стеклянныхъ и пушистыхъ звѣздочекъ.

А лѣсокъ стоитъ жемчужный. Галки перекликаются: что-то кричатъ тѣмъ, которыя въ селѣ.

Потомъ взлетаютъ съ шумомъ, и долго слѣдятъ за мной, куда я поверну, за каждымъ моимъ шагомъ, и садятся дальше. Имъ хочется, чтобы я предпринялъ что-нибудь для нихъ опасное: чтобы было на что кричать и хлопать крыльями... Это онѣ отъ однообразія зимы, отъ заледенѣлыхъ пустынь ея.

Но ихъ голоса звучатъ негромко въ этихъ бѣлыхъ мѣхахъ, и тонутъ въ нихъ коротко и глухо. И отъ этого надъ головой точно нѣтъ неба.

Только къ вечеру пробивается сквозь перистыя пелены солнце.

Оно выкатывается выцвѣтшее, блеклое, и свѣтится безсильно. Слегка окрашиваются отъ него поляны и бугры длинными, лѣниво-желтыми отсвѣтами. Но солнце скоро прячется виноватое, или больное.

И тогда зима стынетъ, голубѣетъ. Холоднѣй широкія поляны. Все гуще вечерніе закутанные лѣса.

Сизыми копнами стоятъ домики на косогорѣ, амбары, риги; а въ окнахъ щурятся теплымъ золотомъ огни.

Ночь идетъ; ночь долгая и зимняя. Она глухимъ кольцомъ сдвигаетъ мохнатыя дали. И смотритъ жилье человѣка тревожно-строгими оконцами въ темную жуть и нежить.

Но и въ этой ночи что-то для меня спокойное. Я чувствую здѣсь глубже и яснѣй, чѣмъ въ городѣ... Эти муки города! Здѣсь отовсюду звучитъ ко мнѣ одно глубокое и ласковое слово: миръ, миръ

Ужъ поздно. Тепло въ свѣтленькой залѣ. Спокойно-ясно горитъ лампа. И поетъ стародавнія, все тѣ же, что вездѣ и всюду, свои пѣсни самоваръ.

Поскрипываютъ полы. И опять кто-то ходитъ. Но я ужъ свыкся съ *ними*... Хотѣлъ бы ихъ спросить, о чемъ грустятъ они? И если бы вдругъ мнѣ привидѣлось что-нибудь «такое», то я повѣрилъ бы и не испугался. Потому что тихо и пѣвуче въ душѣ моей.

И въ этихъ комнатахъ моя душа мягко и задумчиво *старѣетъ*.

А за окномъ вдругъ, какъ видѣнье, всталъ бѣлый садъ.

Вѣрно, мѣсяцъ пробился въ небѣ и стоитъ надъ крышей.

Раскидистые тополя поднялись высокой и плетеной изумительной оградой.

Въ этотъ тихій часъ бѣленькій домикъ, навѣрное, смотритъ въ лунный свѣтъ совсѣмъ заколдованнымъ...

На снѣгу, на тополяхъ блѣдные и тихіе алмазы.

Петръ Кожевниковъ.

Возрожденье.

Снова радость объемлетъ воспрянувшій духъ,
Слышны въ немъ отголоски свирѣли,
Будто въ полѣ раненько играетъ пастухъ
Подъ шатромъ зеленѣющей ели.
Все, что спало въ груди, словно ожило вновь,
Золотою мечтой окрыляя,
И опять и восторгъ, и цвѣты, и любовь
Возродилися, мысль опьяняя.
Сдернутъ съ музы забытой печальный покровъ,
Льются пѣсни строфой огневою,
И, звуча перезвономъ хрустальныхъ ручьевъ,
Блещутъ риѳмы былой красотою.
Все смѣшалось въ счастливый, блестящій хаосъ,
Перепутались яркія краски...
Снова—жизнь обѣщаетъ путь лилій и розъ,
И любовь, и волшебныя сказки.

Татьяна Грейеръ.

О подставѣ наслѣдника (субституціи) *).

VI. Общегерманское право.

По общегерманскому гражданскому уложенію возможно такое назначеніе наслѣдника, по которому онъ становится наслѣдникомъ только послѣ того, какъ другой будетъ наслѣдникомъ.—Правило, существенно отличающее новое германское право отъ римскаго. Въ такомъ случаѣ наслѣдованія можетъ встрѣтиться надобность, напримѣръ, тогда, когда наслѣдодатель не желаетъ, положимъ, устранить своихъ дѣтей отъ наслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ на нѣкоторое время предоставить выгоды отъ наслѣдства другому, напримѣръ, супругу, считая вмѣстѣ съ тѣмъ неудобнымъ подвергать этого послѣдняго ограниченіямъ, связаннымъ съ правомъ пользованія. Равно къ подставѣ наслѣдника наслѣдодатель можетъ прибѣгнуть вслѣдствіе опасенія, что ближайшій наслѣдникъ не сохранитъ унаслѣдованнаго имущества.

Подстава наслѣдника можетъ возникнуть и независимо отъ прямо выраженной воли наслѣдодателя. Такъ, если наслѣдодатель распорядился, чтобы наслѣдникъ оставался таковымъ только до извѣстнаго времени или наступленія извѣстнаго событія, не опредѣляя, кому затѣмъ должно достаться наслѣдство, то подставными наслѣдниками признаются тѣ, которые были бы его законными наслѣдниками, если бы онъ умеръ при наступленіи вышеуказаннаго срока или событія (§ 2104). Равно, если наслѣдодатель постановилъ, чтобы назначенный имъ наслѣдникъ получилъ наслѣдство только по наступленіи извѣстнаго времени или событія, не опредѣляя, кто долженъ быть наслѣдникомъ до этого, то наслѣдниками признаются его наслѣдники по закону (§ 2105).

Особенно важный случай подставного наслѣдованія представляется тогда, когда наслѣдство, согласно волѣ завѣщателя, должно перейти къ лицу, которое можетъ быть зачато послѣ открытія наслѣдства. Такое лицо, хотя вообще наслѣдникомъ не можетъ быть назначено, считается подставнымъ наслѣдникомъ и соотвѣтственно этому, если бы даже такое лицо

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

было названо наслѣдодателемъ прямымъ наслѣдникомъ (Erbe), считае назначеннымъ подставнымъ наслѣдникомъ (§§ 1923 и 2101).

Но какъ быть, если такое предположеніе очевидно не соотвѣтству намѣреніямъ завѣщателя. Приводится такой примѣръ. Завѣщатель, уст няя всякую мысль о возможности предварительнаго наслѣдованія по кону, завѣщаетъ свое имущество старшему сыну своего переселившаг въ Америку брата отъ предстоящаго брака послѣдняго съ N. Въ тако видѣ назначеніе наслѣдника не допустимо по уложенію. Но болѣе со разно съ волей завѣщателя будетъ, не признавая назначеннаго главн наслѣдникомъ, признать, по крайней мѣрѣ, подставнымъ, чѣмъ совс отвергнуть завѣщаніе (§ 2101).

Назначеніе лица подставнымъ наслѣдникомъ при сомнѣніи счита вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніемъ его и замѣстителемъ (Ersatzerbe). Т замѣститель назначается на случай смерти, нежеланія или невозможно унаслѣдовать завѣщанное и т. п., т.-е. обыкновенная субституція под умѣвается. Если возникаетъ сомнѣніе, назначено ли лицо замѣстите или подставнымъ наслѣдникомъ, сомнѣніе разрѣшается въ пользу пе го (§ 2102).

Подстава наслѣдника заключена въ опредѣленныя границы. Нельзя конечно связывать оборотность имущества. Однакоже германское уло даетъ въ этомъ отношеніи больше свободы, нежели французское: по ф цузскому закону субституція дозволена одинъ разъ, что предполага установить и въ германскомъ уложеніи, но потомъ это было отвергн и по нѣмецкому кодексу случаи субституціи не ограничены, но сдѣ ограниченіе во времени. А именно: назначеніе подставного наслѣд признается недѣйствительнымъ, если прошло тридцать лѣтъ со вре открытія наслѣдства и если въ теченіе этого времени оно не откры для подставного наслѣдника. Но изъ этого постановленія сдѣланы два ключенія:

1) Если наслѣдодатель ставитъ субституцію въ зависимость отъ как нибудь событія, связаннаго съ лицомъ, къ которому относится это со тіе, и если это лицо находится въ живыхъ во время открытія наслѣдс тогда тридцатилѣтній срокъ не обязателенъ. Например̂ъ, завѣщаніе глас оставшееся послѣ меня имущество должно прежде всего поступить въ по общины мѣста моего рожденія, которая обязана моему племяннику *A* лачивать пожизненную ренту 1,500 м. Но когда онъ женится, все иму ство переходитъ къ нему какъ къ подставному наслѣднику. Если бы мянникъ вступилъ въ бракъ и по истеченіи тридцати лѣтъ со вре открытія наслѣдства, завѣщательное распоряженіе будетъ дѣйствит нымъ.

2) Подстава наслѣдника допускается безъ вышеуказаннаго огранич если подставной наслѣдникъ есть ожидаемый (могущій родиться) б или сестра главнаго или подставного наслѣдника. Напримѣръ, такое поряженіе: наслѣдство мое должно прежде всего достаться *A*, а по

смерти его дѣтямъ *B* въ равныхъ частяхъ, и, именно, такъ, что допущенныя къ наслѣдованію въ моментъ смерти *A* дѣти должны послѣ родившимся своимъ братьямъ и сестрамъ выдать соотвѣтственныя доли (§ 2109).

Опредѣленіе момента открытія наслѣдства для подставного наслѣдника зависитъ, въ законныхъ границахъ, отъ воли наслѣдодателя. Если такого опредѣленія нѣтъ, то открытіе наступаетъ со смертью главнаго наслѣдника. Но если назначенный главнымъ наслѣдникомъ признается наслѣдникомъ подставнымъ потому, что онъ не былъ еще зачатъ во время открытія наслѣдства, то это послѣднее для подставного наслѣдника имѣетъ мѣсто со дня его рожденія (§§ 2106, 2108, 1923).

Если подставной наслѣдникъ умираетъ до открытія ему наслѣдства, но послѣ открытія наслѣдства (главному наслѣднику), то право его переходитъ къ его наслѣдникамъ, кромѣ слѣдующихъ случаевъ: 1) если завѣщатель распорядился иначе, 2) если лицо подставного наслѣдника опредѣляется по времени открытія ему наслѣдства, 3) если подставной наслѣдникъ назначенъ подъ отлагательнымъ условіемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается въ силѣ правило, что условно назначенный при сомнѣніи долженъ пережить наступленіе условія (§§ 2108 и 2074).

Законъ, озабочиваясь объ интересахъ законнаго потомства завѣщателя, даетъ въ связи съ вышеизложеннымъ слѣдующее постановленіе. Если завѣщатель подставилъ наслѣдника такому своему нисходящему, у котораго при составленіи завѣщанія не было потомства или о существованіи потомства завѣщатель тогда не зналъ, то признается, что подставной наслѣдникъ назначенъ на случай, если нисходящій умретъ безъ потомства (§ 2107).

Въ составъ наслѣдства подставного наслѣдника входитъ то, что главный наслѣдникъ пріобрѣлъ на основаніи принадлежащаго по наслѣдству права или какъ возмѣщеніе за истребленіе, поврежденіе или лишеніе наслѣдственнаго предмета или по сдѣлкѣ на средства наслѣдства, если пріобрѣтенное не принадлежитъ ему какъ доходъ.

Въ составъ наслѣдства также входитъ и то, что главный наслѣдникъ присоединитъ къ инвентарю наслѣдственной поземельной недвижимости.

При сомнѣніи подставному наслѣднику принадлежитъ также право на ту наслѣдственную долю, которую главный наслѣдникъ пріобрѣтаетъ вслѣдствіе отпаденія сонаслѣдника (§§ 2111, 2110).

Юридическая природа подстановки наслѣдника.

Съ открытіемъ наслѣдства для подставного наслѣдника, главный наслѣдникъ перестаетъ быть таковымъ самъ собою, и наслѣдство пріобрѣтаетъ подставной наслѣдникъ (§ 2139). Это постановленіе противорѣчитъ основному положенію общаго права, но находится въ согласіи съ партикулярными нѣмецкими законодательствами (прусскимъ—Landr. I, 12 §§ 53, 466, саксонск. §§ 2005, 2503 и сл.) и оправдывается тѣмъ, что только такимъ

образомъ можетъ быть осуществлена воля завѣщателя. Вообще съ открытіемъ наслѣдства подставной наслѣдникъ пріобрѣтаетъ уже твердое право на субституцію.

Юридическое положеніе главнаго наслѣдника до открытія подставного наслѣдованія.

Такъ какъ назначенный наслѣдникомъ есть прежде всего наслѣдникъ, то до открытія наслѣдства наслѣднику подставному, онъ занимаетъ такое положеніе, какое онъ занималъ бы, если бы не было подставного наслѣдника. Поэтому онъ является собственникомъ наслѣдственныхъ вещей и въ прочемъ, имѣетъ права и несетъ обязанности, какъ и всякій наслѣдникъ. Но для обезпеченія правъ подставного наслѣдника онъ долженъ однако же подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ. Нѣмецкія законодательства (прусское L. R. I, 12, § 466, саксонское улож. § 2515) примѣняютъ здѣсь постановленія объ узуфруктѣ, ставя главнаго наслѣдника по отношенію къ подставному какъ пользовладѣтеля (узуфруктуарія) по отношенію къ собственнику. Но общегерманское уложеніе не примкнуло къ этому взгляду. Отправная точка зрѣнія его та, что хотя подставному наслѣднику и должно быть сохранено ко времени открытія для него наслѣдство завѣщанное безъ умаленія, но, съ другой стороны, отъ тѣхъ ограниченій, которыя влекутъ за собою подставное наслѣдованіе, не должна страдать обезпеченность оборота и правильный порядокъ управленія.

Въ силу этого даются слѣдующія постановленія.

1. Главный наслѣдникъ обязанъ по требованію подставного представить опись всѣхъ принадлежащихъ къ наслѣдству предметовъ, а равно и впослѣдствіи сообщать ему свѣдѣнія о состояніи наслѣдства, если такое требованіе можетъ быть оправдано (§§ 2121, 2127).

2. Онъ долженъ надлежаще управлять наслѣдственнымъ имуществомъ и прилагать такую мѣру заботливости, какую онъ прилагаетъ при веденіи своихъ собственныхъ дѣлъ. За всякій предметъ изъ наслѣдства, употребленный въ свою пользу, онъ отвѣчаетъ. Онъ имѣетъ право на плоды, извлеченные имъ за время владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несетъ и обыкновенныя издержки для поддержанія унаслѣдованнаго имущества (§§ 2119, 2120, 2124—2126, 2130—2134).

3. Онъ подлежитъ въ силу закона слѣдующимъ ограниченіямъ въ правѣ распоряженія: относительно распоряженія принадлежащими къ составу наслѣдства поземельными участками или правами на такіе участки и относительно безмезднаго распоряженія наслѣдственными предметами вообще (исключаются дâренія, вызываемыя исполненіемъ нравственной обязанности или приличіемъ); всѣ такія распоряженія недѣйствительны, если они влекутъ за собою уничтоженіе или умаленіе правъ подставного наслѣдника (§ 2113).

Если къ составу (активу) наслѣдства принадлежитъ ипотечный долгъ вотчинный (Grundschuld) или рентный (Rentenschuld), то главный наслѣд-

къ не только имѣетъ право потребовать его отъ должника, но и взы-
ить, но для этого должно быть согласіе подставного наслѣдника или
ньги должны быть положены на храненіе на имя обоихъ наслѣдниковъ
2114). Но не требуется такого согласія, если распоряженіе главнаго
слѣдника касается претензіи наслѣдственнаго кредитора или такой пре-
нзіи на какой-либо наслѣдственный предметъ, которая была бы дѣйстви-
льна и противъ подставного наслѣдника, если бы ему открылось наслѣд-
ю (§ 2115).
Если въ составъ наслѣдства входитъ лѣсъ или рудникъ или другое со-
уженіе для разработки нѣдръ земли, то подставной наслѣдникъ, а равно
главный могутъ требовать, чтобы мѣра пользованія и способъ экспло-
аціи были установлены соотвѣтственно хозяйственному плану (§ 2123).
Если образъ дѣйствія главнаго наслѣдника или неблагопріятное иму-
ственное положеніе его вызываютъ опасеніе значительнаго ущеленія
въ подставного наслѣдника, то послѣдній можетъ потребовать отъ пер-
о обезпеченія, а если оно не будетъ дано, учрежденія управленія подъ
ебнымъ надзоромъ, вслѣдствіе чего главный наслѣдникъ лишается права
порженія наслѣдственными предметами (§§ 2128, 2129, 1052).
Прямой наслѣдникъ обязанъ нести всѣ необходимыя издержки по сохра-
нію имущества (§ 2124).
Озабочиваясь, чтобы управленіе наслѣдственнымъ имуществомъ про-
одило въ границахъ, указанныхъ закономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принима-
ся мѣры, дабы не было препятствій для надлежащаго управленія на-
дствомъ. Поэтому, если для такого управленія и въ особенности для
аты наслѣдственныхъ долговъ необходимъ такой распорядительный
ъ, который не можетъ имѣть силы для подставного наслѣдника безъ
согласія, то такое согласіе должно быть имъ дано главному наслѣд-
у (§ 2120).
Изложенныя права и обязанности главнаго наслѣдника могутъ быть
мѣнены по волѣ наслѣдодателя. Наслѣдодатель можетъ назначить душе-
назчика, съ тѣмъ, чтобы онъ до открытія наслѣдства подставному на-
днику исполнялъ его обязанности и пользовался его правами (§ 2222),
раняя, такимъ образомъ, вполнѣ главнаго наслѣдника отъ управленія
ѣщаннымъ имуществомъ (§ 2209) или, наоборотъ, предоставляя глав-
у наслѣднику болѣе свободы въ распоряженіи имуществомъ (§ 2136).
нако же наслѣдодатель не можетъ предоставить такому наслѣднику права
мезднаго отчужденія унаслѣдованнаго (§ 2113), такъ какъ это не со-
вѣтствовало бы идеѣ подставного наслѣдованія, согласно которой наслѣд-
о должно быть по возможности сберегаемо для подставного наслѣдника.
виду этого соображенія узаконяется, чтобы наслѣдство было обезпе-
но отъ притязаній кредиторовъ главнаго наслѣдника (§ 2115). Равно
слѣдодатель не можетъ освободить главнаго наслѣдника отъ обязанности
требованію подставного представить ему опись наслѣдственнаго имуще-
а и опредѣлить ихъ стоимость черезъ свѣдущихъ людей (§§ 2121, 2122).

Наслѣдодатель можетъ назначить подставному наслѣднику только то, что при открытіи ему наслѣдства останется въ наличности, или вообще предоставить главному наслѣднику свободно распоряжаться завѣщаннымъ. Но и въ этихъ случаяхъ, если такой наслѣдникъ отчудилъ что-либо изъ наслѣдства безмездно или уменьшилъ наслѣдственную массу съ цѣлью причинить вредъ подставному наслѣднику, то онъ обязанъ вознаградить за причиненный вредъ (§§ 2137, 2138).

Съ наступленіемъ подставного наслѣдованія главный наслѣдникъ перестаетъ быть наслѣдникомъ, наслѣдство переходитъ къ подставному въ силу закона. Поэтому подставной наслѣдникъ не нуждается въ согласіи главнаго наслѣдника для внесенія его въ вотчинную книгу какъ собственника недвижимости, для взысканія по наслѣдственнымъ долгамъ и т. п. (§ 2139).

Подставной наслѣдникъ можетъ отречься отъ открывшагося ему наслѣдства. Въ такомъ случаѣ наслѣдство остается въ пользу главнаго наслѣдника, если подставному наслѣднику не назначенъ замѣститель или завѣщатель не сдѣлалъ другого распоряженія (§ 2142).

По открытіи наслѣдства подставному наслѣднику главный наслѣдникъ обязанъ выдать его въ томъ состояніи, въ какомъ оно должно быть при правильномъ управленіи имъ (§ 2130). Неся обыкновенныя издержки по сохраненію наслѣдственнаго имущества, главный наслѣдникъ имѣетъ право покрыть средствами изъ наслѣдства другія затраты, сдѣланныя имъ для поддержанія этого имущества. Равно онъ долженъ быть вознагражденъ за полезныя затраты и за чрезвычайныя издержки; онъ имѣетъ право отдѣлить сооруженіе, которымъ онъ снабдилъ имущество, принадлежащее к наслѣдству (§§ 2124—2126).

Слѣдуя примѣру прусскаго (L. R. I, 16, 481) и саксонскаго (§ 25..) законодательствъ общегерманское уложеніе постановляетъ, что съ открытіемъ подставного наслѣдованія признаются не погашенными тѣ правоотношенія, которыя были погашены при открытіи наслѣдства прямому наслѣднику вслѣдствіе совпаденія права съ обязанностью или права съ обремененіемъ (§ 2143).

Съ открытіемъ подставного наслѣдованія, прекращается отвѣтственность главнаго наслѣдника по его наслѣдственнымъ обязательствамъ. Однако же онъ отвѣчаетъ за нихъ и по открытіи этого наслѣдства, поскольку не отвѣчаетъ по этимъ обязательствамъ подставной наслѣдникъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, отказы, которые ложатся на одного только главнаго наслѣдника. Главный наслѣдникъ можетъ, если онъ не отвѣчаетъ неограниченно, отказаться отъ платежа наслѣдственныхъ обязательствъ сверхъ унаслѣдованнаго.

Подставной наслѣдникъ отвѣчаетъ передъ наслѣдственными кредиторами лишь въ мѣру полученнаго. Составленный главнымъ наслѣдникомъ инвентарь идетъ и ему въ прокъ. Ему принадлежитъ и самостоятельное право на составленіе инвентаря (§§ 2145, 1990, 1991, 1978, 1975 и сл.).

VII. Французское право.

Фидеикомиссарная субституція, позаимствованная французами изъ римскаго права, получила у нихъ большое развитіе. Она служила средствомъ сохраненія въ родѣ собственности и тѣмъ поддерживала блескъ аристократіи. Она больше примѣнялась на югѣ Франціи, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ къ ней относились менѣе сочувственно и гдѣ кутюмами многихъ провинцій завѣщательная субституція была совсѣмъ запрещена.

Субституція допускалась не только для многихъ. лицъ, призывавшихся къ наслѣдованію однихъ послѣ другихъ, но для цѣлаго ряда поколѣній и часто даже до безконечности, образуя, такимъ образомъ, новый порядокъ наслѣдованія, въ которомъ воля лица замѣняла законъ, или кутюмы. Этотъ порядокъ наслѣдованія порождалъ массу споровъ и исковъ и въ интересахъ семей, которыхъ разоряли судебные процессы, необходимо было ограничить предѣлы установленія субституцій. Къ такимъ мѣрамъ и прибѣгали, не дозволяя назначенія субституціи далѣе четырехъ или только двухъ степеней послѣ наслѣдника. Но какъ институтъ этотъ вкоренился въ нравахъ, видно изъ того, что рядомъ съ этимъ продолжали сохраняться и субституціи постоянныя. Однако тотъ вредъ, который причиняла фидеикомиссарная субституція, устраняя имущество изъ оборота и стѣсняя кредитъ, дѣлалъ ее все менѣе и менѣе популярной. Сначала стѣсняли ее, требуя публичности и занесенія въ реестръ, а потомъ она была и совсѣмъ отмѣнена декретами конвента 25 августа и 14 ноября 1792 г. Были попытки возстановить субституціи подъ именемъ маіоратовъ, но малоуспѣшныя. Закономъ 12 мая 1835 г. воспрещено было и учрежденіе маіоратовъ на будущее время. Такимъ образомъ фидеикомиссарная субституція во Франціи прекратилась *). Согласно этому французскій кодексъ въ ст. 896 гласитъ: субституціи запрещены, поэтому всякое распоряженіе, налагающее обязательство на наслѣдника сберечь завѣщанное ему и передать другому, признается недѣйствительнымъ даже въ отношеніи наслѣдника, т.-е. полностью. Итальянскій кодексъ тоже запрещаетъ фидеикомиссарную субституцію, но, въ отличіе отъ французскаго кодекса, не поражаетъ недѣйствительностью всего распоряженія на случай смерти: наслѣдникъ сохраняетъ все назначенное въ свою пользу безъ выполненія обязанности, установленной въ завѣщаніи, сохранить и передать другому (ст. 899, 900). Но зато не знаетъ исключеній, допускаемыхъ французскимъ законодательствомъ.

Изъ этого запрещенія французское законодательство разрѣшаетъ два исключенія: 1) родители имѣютъ право предоставить подлежащее ихъ свободному распоряженію имущество все или въ части одному или нѣсколькимъ изъ своихъ дѣтей съ обязательствомъ наслѣдника передать это имущество своимъ дѣтямъ, уже родившимся или имѣющимъ родиться, т.-е. не

*) *Paul Viollet*: „Précis de l'Histoire du droit civil". Paris, 1886, pp. 757—761.

далѣе первой степени родства по нисходящей линіи (ст. 1048); 2) бе дѣтные могутъ сдѣлать такое же распоряженіе относительно свобод своего имущества въ пользу одного или нѣсколькихъ своихъ братьевъ и сестеръ, съ обязательствомъ передачи полученнаго своимъ дѣтямъ, род шимся или имѣющимъ родиться, только не дальше первой степени родст начиная отъ братьевъ или сестеръ (ст. 1049).

Почему сдѣланы эти исключенія, несмотря на осужденіе старой пр тики, допускавшей субституцію. Потому, говорятъ, что эта практика с давала особый порядокъ наслѣдованія въ пользу старшихъ дѣтей и вредъ всѣмъ другимъ дѣтямъ, между тѣмъ какъ субституція, дозволен отцамъ и матерямъ, братьямъ и сестрамъ, стремится удержать естест ный порядокъ. Если отецъ или братъ передаетъ свое имущество съ о зательствомъ сберечь его для дѣтей получившаго, то онъ это дѣлаетъ опасенія, чтобы послѣдній не растратилъ его на безумные расходы, б саясь въ разорительныя спекуляціи. Но эту заботу законъ не прос раетъ дальше первыхъ степеней, т.-е. внуковъ наслѣдодателя или плем никовъ, находя, что продолжить дальше исключеніе значило бы на д подвергнуть неизвѣстности собственность, стѣснять оборотъ и способс вать появленію субституцій въ духѣ аристократическомъ, противномъ правленію, усвоенному кодексомъ.

Дабы избѣжать аристократическихъ стремленій стараго режима, по влено и другое условіе дозволенной субституціи—она простирается на вс дѣтей уже родившихся или имѣющихъ родиться. Такимъ образомъ устран ся какъ право первородства, такъ и предпочтеніе мужского пола женск

Кромѣ того, спеціальное условіе, установленное для братьевъ и сест назначающихъ субституціи—это бездѣтность ихъ. На чемъ основыва такое ограниченіе? На томъ, что субституція допускается въ виду т соображенія, что важно удержать во второмъ поколѣніи имущества, къ у слѣдованію которыхъ призываетъ наслѣдника законъ, но которыя эт наслѣдникъ можетъ растратить. Но разъ есть дѣти у наслѣдодателя-бр этотъ мотивъ отпадаетъ, потому что въ такомъ случаѣ имущество не п ходитъ ни къ брату, ни къ племянникамъ, а слѣдовательно и не мож быть для нихъ сохранено путемъ субституціи. Слѣдовательно, прин тотъ, что субституція имѣетъ мѣсто только тогда, когда, въ силу зак братъ и его дѣти призываются къ наслѣдованію.

Наконецъ, послѣднее условіе — субституціи мыслимы только отн тельно имущества, подлежащаго свободному завѣщательному распоряже несвободное имущество (la réserve) не можетъ быть обременяемо суб туціей.

Законъ предписываетъ извѣстныя мѣры предосторожности для огра нія интересовъ подставного наслѣдника.

Къ нимъ относится прежде всего назначеніе опекуна, который наб даетъ за исполненіемъ завѣщательнаго распоряженія, за сохраненіемъ слѣдникомъ въ цѣлости завѣщаннаго. Если завѣщатель не позабот

самъ о назначеніи опекуна, въ такомъ случаѣ объ этомъ долженъ хлопотать передъ семейнымъ совѣтомъ самъ наслѣдникъ подъ угрозой, при неисполненіи этого, лишенія наслѣдственныхъ правъ, предоставленныхъ ему завѣщаніемъ (ст. 1055—1057).

Вторая охранительная мѣра — составленіе описи всему завѣщанному имуществу. Это лежитъ прежде всего на обязанности наслѣдника, если онъ этого не выполнитъ, то обязанность переходитъ на опекуна, а если къ описи не приступятъ ни тотъ, ни другой, то это долженъ сдѣлать подставной наслѣдникъ, а если онъ малолѣтній, то опись производится по требованію прокурорской власти (ст. 1058—1061).

Третья охранительная мѣра—это обязанность, лежащая на наслѣдникѣ продать путемъ публичной продажи всѣ движимости и вещи, указанныя въ завѣщательномъ распоряженіи, съ цѣлью предотвратить такимъ образомъ обезцѣненіе вещей отъ времени и пользованія ими.

Изъ этого постановленія сдѣланы два исключенія:

1. Не подлежатъ продажѣ вещи, поименованныя въ распоряженіи завѣщателя, обязывающаго передать ихъ въ томъ состояніи, въ которомъ онѣ будутъ находиться во время передачи. Эта льгота можетъ быть сдѣлана или въ интересахъ подставного наслѣдника, если, напримѣръ, идетъ рѣчь о коллекціи книгъ или предметовъ искусства, или въ интересахъ перваго наслѣдника, если завѣщатель желаетъ, напримѣръ, сохранить ему пользованіе мебелью, которая составляетъ обстановку дома.

2. Скотъ и инструменты (хозяйственные), необходимые для эксплоатаціи земли, считаются входящими въ составъ завѣщанной поземельной собственности, какъ ея принадлежность. Наслѣдникъ обязанъ только оцѣнить эти предметы, чтобы потомъ возвратить другіе такой же стоимости (ст. 1063, 1064).

Наконецъ, четвертая охранительная мѣра заключается въ томъ, что деньги, вырученныя отъ продажи движимости, заключающіяся въ полученіяхъ отъ должниковъ, а равно наличныя деньги и доходъ отъ имуществъ составляющія, во избѣжаніе растраты ихъ, должны быть въ указанный закономъ срокъ или помѣщены согласно распоряженію завѣщателя, а если этого не сдѣлано, то обращены на покупку недвижимости или привилегированнаго долга на недвижимость (ст. 1065—1068).

Кодексъ предписываетъ извѣстныя мѣры, которыя гарантировали бы интересы постороннихъ лицъ. Наслѣдникъ можетъ скрыть, что онъ связанъ субституціей, отчего могутъ пострадать интересы третьихъ пріобрѣтателей и гипотекарныхъ кредиторовъ. Въ виду этого узаконяется публичность субституцій, которая заключается въ записи въ ипотечное бюро актовъ, содержащихъ въ себѣ назначеніе субституціи (вообще же публичность для завѣщаній не обязательна), а равно въ записи суммъ, привилегированно обезпеченныхъ на недвижимости. При несоблюденіи этого постановленія субституція считается недѣйствительной и третьи лица осуществляютъ свои права такъ, какъ бы ея не было (ст. 1069—1074).

Въ заключеніе слѣдуетъ опредѣлить общее юридическое положеніе как[ъ] наслѣдника главнаго, такъ и подставного.

Можно ли считать собственникомъ главнаго наслѣдника? Вообще при[-] знаютъ его собственникомъ подъ резолютнымъ условіемъ. Если бы это было такъ, то съ открытіемъ субституціи назначеніе главнаго наслѣдни[ка] теряло бы свою силу такъ, какъ бы его совсѣмъ не было. Но это невоз[-] можно допустить, потому что субституція объемлетъ собою два дарствен[-] ныя распоряженія, которыя производятъ свое дѣйствіе послѣдовательно; если есть два дарственныя распоряженія, есть двѣ смѣны собственности, слѣдовательно, два собственника. Право наслѣдника нѣсколько своеобраз[-] ной природы: онъ собственникъ, но онъ долженъ сохранить имущество для другого, подставного наслѣдника. Какъ собственникъ онъ можетъ со[-] вершать всѣ распорядительные акты; если подстава (субституція) не со[-] стоится, всѣ акты останутся въ силѣ; если состоится, будутъ лишены значенія. Тѣмъ болѣе, онъ можетъ заключать акты, относящіеся къ упра[-] вленію, какъ договоры аренды и найма, но не дальше времени осуществле[-] нія подставы.

Какъ собственникъ, наслѣдникъ можетъ вчинать иски и отвѣчать п[о] искамъ; онъ, слѣдовательно, можетъ требовать платежа долговъ, а равн[о] принимать платежи отъ должниковъ.

Таковы его права. Что касается обязанностей, то главная его обяза[н-] ность—выдать, съ наступленіемъ субституціи, завѣщанное подставно[му] наслѣднику; поэтому если онъ завѣщанное отчудилъ или обременилъ вещны[ми] тягостями, то эти дѣйствія его считаются недѣйствительными. Исключе[ніе] сдѣлано только для законной ипотеки жены; эта ипотека сохраняется, в[ъ] томъ смыслѣ, что жена наслѣдника (grevé) имѣетъ вспомогательное сре[д-] ство взысканія, на случай недостаточности другихъ имуществъ (но толь[ко] относительно денежныхъ капиталовъ приданаго и при условіи, что завѣ[-] щатель объ этомъ прямо указалъ въ завѣщаніи).

Изъ главной обязанности главнаго наслѣдника—сохранить имущест[во] для наслѣдника подставного, вытекаютъ и другія обязанности. Чтобы со[-] хранить, надо пользоваться и управлять какъ свойственно хорошему х[о-] зяину. Онъ долженъ поддерживать имущество въ надлежащемъ состояні[и,] дѣлать всѣ необходимыя починки, даже и большія (grosses réparations) чѣмъ онъ отличается отъ пользовладѣтеля, который обязанъ производи[ть] только обыкновенный ремонтъ (réparations d'entretien). Но если онъ улу[ч-] шаетъ имущество, то, въ свою очередь, онъ имѣетъ право на вознагр[а-] жденіе за эту увеличенную стоимость.

Въ чемъ заключается право подставного наслѣдника до открытія су[б-] ституціи? Онъ располагаетъ правомъ, потому что кодексъ предписывает[ъ] охранительныя мѣры въ интересѣ этого наслѣдника; но право это имѣет[ъ] условный характеръ въ томъ смыслѣ, что оно открывается только со смерт[и] главнаго наслѣдника, слѣдовательно, необходимо, чтобы подставной наслѣ[д-]

ъ существовалъ въ это время; если онъ умретъ раньше главнаго, суб-
туція не имѣетъ силы.

Когда открывается субституція? Во-первыхъ, со смертью главнаго на-
дника. Такова основная мысль субституціи: подставной наслѣдникъ вхо-
ъ въ права, когда сходитъ со сцены главный наслѣдникъ. Во-вторыхъ,
истеченіемъ срока и съ наступленіемъ условія. И то, и другое можетъ
ь установлено завѣщателемъ. Въ-третьихъ, когда главный наслѣдникъ
шается предоставленнаго ему права. Таковъ одинъ только случай, когда
слѣдникъ не озаботился назначеніемъ опекуна. Въ-четвертыхъ, вслѣд-
іе отказа главнаго наслѣдника. Въ-пятыхъ, вслѣдствіе неблагодарности
слѣдника, онъ можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права и тогда
упаетъ въ права подставной наслѣдникъ.

Со времени открытія субституціи подставной наслѣдникъ пріобрѣтаетъ
ѣщанныя права ipso jure. Если главный наслѣдникъ отчудилъ завѣщан-
я имущества или обременилъ ихъ вещными тягостями, эти акты теря-
ь силу. Въ случаѣ отчужденія, имущество можетъ быть потребовано отъ
аго пріобрѣтателя; другія вещныя права могутъ признаны судомъ не
ющими силы.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующее затрудненіе. Подставной наслѣд-
ъ есть въ то же время сынъ или дочь главнаго наслѣдника, а слѣдо-
льно и наслѣдникъ послѣдняго. Поэтому онъ наслѣдуетъ и въ обяза-
ствахъ своего отца. Имѣетъ ли онъ право при такихъ условіяхъ вы-
бовать отчужденное отъ пріобрѣтателя. Затрудненіе можетъ быть раз-
шено такъ. Если подставной наслѣдникъ отказывается отъ наслѣдства
лѣ главнаго, онъ не считается наслѣдникомъ этого послѣдняго и зна-
ъ не участвуетъ въ его обязательствѣ, а въ такомъ случаѣ онъ со-
няетъ за собою право обратнаго требованія отчужденнаго имущества;
и же онъ приметъ наслѣдство безъ оговорокъ, онъ отвѣчаетъ за долги
лѣдодателя и уже не можетъ возражать противъ правъ новаго пріоб-
ѣтателя. Но если онъ приметъ наслѣдство по описи (Sous bénéfice d'ino-
taire), тогда онъ отвѣчаетъ за обязательства наслѣдодателя лишь въ
у полученнаго и можетъ потребовать отчужденное, но съ вознагражде-
ъ въ суммѣ не свыше унаслѣдованнаго *).

Что касается обыкновенной подставы наслѣдника (Substitution vulgaire),
она, какъ видно изъ ст. 898 (распоряженіе, которымъ третье лицо при-
ается получить даръ, наслѣдство или легатъ въ томъ случаѣ, когда
ренный, наслѣдникъ или легатарій, не получитъ подареннаго, завѣщан-
о или отказаннаго, то это распоряженіе не считается субституціей **)
удетъ дозволено) не воспрещается.

*) Субституція можетъ быть установлена не только посредствомъ завѣщанія, но
осредствомъ даренія. Мы говоримъ вездѣ о завѣщаніи и завѣщателѣ, примѣни-
ьно къ нашему законодательству. Laurent. Cours élémentaire de droit civil. T. 2,
293—303, 290—291.

**) Т.-е. запрещенной, фидеикоммиссарной.

VIII. Англійское право.

Подъ подназначеннымъ имѣніемъ (estate tail) разумѣется имѣніе, данное извѣстному лицу и его нисходящимъ (the heirs of his body) такимъ образомъ, что оно переходитъ послѣдовательно отъ перваго получившаго къ его дѣтямъ, внукамъ и дальнѣйшимъ нисходящимъ до безконечности, безъ права передачи произвольно кому-нибудь изъ восходящихъ или боковыхъ родственниковъ. Такое имѣніе называется estate tail или estate in fee tail, отрѣзанное или отрубное помѣстье, потому что, въ отличіе отъ простыхъ помѣстьевъ, оно сохраняется для одного только класса наслѣдниковъ, съ исключеніемъ другихъ.

Существуетъ нѣсколько видовъ такихъ подставляемыхъ помѣстьевъ, смотря по частнымъ ихъ особенностямъ и протяженію подстановки: 1) обыкновенное подставное (субституированное) помѣстье, когда всѣ законные нисходящіе, связаннаго этой субституціей, призываются къ наслѣдованію въ нормальномъ порядкѣ, безъ всякихъ ограниченій или исключеній. 2) Особое помѣстье, которое можетъ быть получено только опредѣленными законными нисходящими, съ исключеніемъ другихъ, напримѣръ, подстава сдѣлана въ пользу *A* и дѣтей или нисходящихъ отъ брака его съ *Б*. 3) Помѣстье мужское (tail male) или женское (tail female), смотря по тому, идетъ ли оно только къ нисходящимъ мужского или женскаго пола.

Въ настоящее время болѣе всего употребительны субституціи помѣстьевъ общихъ и мужскихъ.

Учрежденіе fee tail интересуетъ, съ одной стороны, тѣхъ изъ наслѣдниковъ одареннаго, кодорые ему подставлены, съ другой—дарителя и его преемниковъ, имѣющихъ не только выговоренныя права на услуги и доходы, пока существуетъ субституція, но также и право получить имѣніе обратно, если не окажется назначенныхъ наслѣдниковъ, въ пользу которыхъ установлена субституція.

Такъ какъ отчужденіе имущества владѣющимъ имъ могло приносить вредъ этимъ обоимъ классамъ лицъ, то только постепенно было предоставлено ему это право. Такъ, относительно наслѣдниковъ еще со времени Генриха II допускалось, что тотъ, кто получилъ землю для себя и для своихъ наслѣдниковъ, могъ лишить ее своихъ боковыхъ родственниковъ, но не нисходящихъ, развѣ въ части и въ исключительныхъ случаяхъ, наприм., чтобы надѣлить дочь приданымъ или ad pias causas. Впослѣдствіи въ актъ объ учрежденіи субституціи вносили оговорку, по которой имущество давалось не только данному лицу и его наслѣдникамъ, но также всякому, кому онъ захочетъ подарить или передать. Наконецъ, право отчужденія помѣстьевъ стало общимъ правомъ, хотя и не безъ борьбы противъ этого со стороны аристократіи.

Во всѣхъ семьяхъ, гдѣ *estates* сохраняются отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаются каждый разъ черезъ нѣсколько лѣтъ спеціальныя распоря-

женія по этому поводу. Такъ, въ случаѣ брака даютъ имущество мужу, но исключительно въ пожизненное владѣніе (life estate); женѣ, имѣющей право въ теченіе брака на извѣстную сумму для своихъ личныхъ потребностей—пожизненную ренту (*rent charge* или *annuity*). Въ то же время въ актѣ постановляется, что старшій сынъ, который родится отъ этого брака, получитъ это самое помѣстье (in tail) съ условіемъ выполнить всѣ повинности, которыми оно будетъ обременено, въ пользу вдовы или въ пользу младшихъ братьевъ и сестеръ. Если старшій сынъ умретъ безпотомно, имущество переходитъ съ такимъ же титуломъ къ слѣдующему сыну, за нимъ къ слѣдующему и т. д., при недостаткѣ сыновей—къ дочерямъ.

Въ такомъ связанномъ положеніи имущество находится, пока одно изъ тѣхъ лицъ, которому оно досталось *in tail*, достигнетъ двадцати лѣтъ съ годомъ, т.-е. возраста, когда оно способно съ согласія отца, имѣющаго право пожизненнаго владѣнія недвижимостью, уничтожить субституцію относительно всѣхъ такъ называемыхъ *remainderman*, т.-е. имѣющихъ право ожиданія получить имущество. Собственность оказывается такимъ образомъ свободной и можно учредить новое наслѣдственное помѣстье (estate) въ пользу слѣдующаго поколѣнія, обезпечивая такимъ образомъ, что помѣстье не выйдетъ изъ семьи.

Когда владѣлецъ помѣстья впадаетъ въ несостоятельность, банкротство уничтожаетъ субституцію въ пользу кредиторовъ въ той мѣрѣ, въ какой это зависѣло бы отъ самого несостоятельнаго ее уничтожить и имущество идетъ на удовлетвореніе долговъ также, какъ будто рѣчь идетъ о простомъ имуществѣ. При жизни должника кредиторы могутъ (посредствомъ особаго судебнаго приказа—*elegit*) пользоваться отъ своего имени всѣми правами, которыя принадлежатъ должнику на имущество. Но послѣ его смерти его потомство не связано его договорами, касающимися собственности, если оно категорически не приняло на себя этой обязанности.

Владѣлецъ наслѣдственнаго имущества имѣетъ на него весьма широкія права пользованія, которыя онъ можетъ осуществлять, не имѣя нужды начинать съ уничтоженія субституціи. Онъ можетъ рубить строевой лѣсъ для собственной надобности, эксплоатировать минеральныя богатства и т. п. Онъ можетъ даже заключать наемные контракты, хотя бы и стѣсняющіе его наслѣдниковъ, съ условіемъ только, чтобы они не простирались долѣе 21 года со дня заключенія контракта.

Вообще *estate tail* учреждается посредствомъ завѣщанія или брачнымъ контрактомъ; но онъ можетъ быть учрежденъ также и посредствомъ всякаго друго акта *).

IX. Русское право.

Наши духовныя грамоты съ древнѣйшихъ временъ отличались, сравнительно съ римскимъ тестаментомъ, значительнымъ разнообразіемъ своего

*) *Prof. E. Lehr*: „Éléments de droit civil anglais“, 163—176.

содержанія. Въ нихъ мы находимъ не только указаніе на наслѣдников[ъ], но и другія предсмертныя распоряженія. Относительно наслѣдниковъ б[ы]вали случаи и, повидимому, нерѣдкіе, что одно и то же имущество одн[ом]у лицу назначается въ пожизненное владѣніе, а другому—въ собственность*). Нерѣдко также имущество завѣщалось подъ условіемъ **).

Въ числѣ такихъ условныхъ назначеній, а иногда и въ соединеніи с[ъ] условіемъ въ настоящемъ смыслѣ, мы встрѣчаемъ примѣры назначенія на[с]лѣдниковъ съ подставой въ разныхъ видахъ. Правда, что примѣры та[]кихъ назначеній мы встрѣчаемъ и въ княжескихъ духовныхъ грамотах[ъ], что какъ бы указываетъ на то, что они имѣли спеціальный характеръ— передачу не частной собственности, а удѣла. Но, во-первыхъ, подстав[]наслѣдниковъ, какъ сейчасъ увидимъ, мы встрѣчаемъ и въ духовныхъ гр[а]мотахъ частныхъ лицъ, а во-вторыхъ, несомнѣнно, что и въ распоря[же]ніяхъ удѣлами примѣнялись князьями частноправныя точки зрѣнія и с[]

*) „А что есть тыхъ волостий за Княгинью за Марьею, тѣ волости *до ея ж[и]вота и села;* а *по ее животѣ*, тѣ волости и села *сыну моему* Князю Дмитрью".

„...а по животѣ моее Княгини тѣ волости и села и треть тамги дастся сы[ну] моему Князю Дмитрию и Князю Ивану".

Духовная грамота Великаго Князя Іоанна Іоанновича (I-ая) 1356 г. Собра[ніе] госуд. грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностр[ан]ныхъ дѣлъ. Ч. I. № 25.

То же распоряженіе повторяется во II духовной грамотѣ того же вели[каго] князя 1356 г., № 26.

А размыслитъ Богъ о Княгинѣ моей, *по ее животѣ*, мытъ и тамга дѣтямъ мои[мъ]. Дух. Грамота Князя Володиміра Андреевича 1410 г., № 40.

А тѣ волости и села Княгинѣ моей *до ее живота*. Дух. Грам. В. К. Вас[илія] Димитріевича 1424 г., № 42. Ср. еще духовная грам. № 39.

**) А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Борису Вор[ко]кову, *аже иметь сыну* моему, которому *служити*, село будетъ за нимъ; не име[ть] ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть. Дух. Грам. В. К. Ивана Даниловича К[а]литы (II-ая). 1328 г., № 22.

А что есмь пожаловалъ Бояръ своихъ... *докомѣ служатъ* мнѣ и моимъ дѣте[мъ] и ихъ дѣти, и учнутъ служити моему сыну и ихъ дѣти, ино то имъ есть, а не иму[тъ] служити моему сыну, ино ихъ отчина моему сыну. Дух. Грамота Кн. Бориса В[а]сильевича Волоцкаго 1477 г., № 105.

А Бояромъ и дѣтемъ Бояроскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ к[у]пльми отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никудѣ; а *кто отъѣде[тъ]* и *земля* ихъ *сыну моему*.

А *отъѣдетъ* Князь Ѳедоръ (Вѣльскій) къ кому-нибудь и та его вотчина Лу[ки] и съ тѣми волостьми сыну моему Василью. Дух. Грам. В. К. Іоанна Васильев[ича] 1504 г., № 144.

А жена моя оже *всѣдитъ* въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, [а] *пойдетъ замужъ* ино ей надѣлка десять рублей. Акты Юридическіе 409 XIV и XV. Духовныя Новгородцевъ и Двинянъ. I.

А на Низу села въ Заостровьи, Вархавцевъ конецъ, меншимъ дѣтемъ съ [ма]терью, а *пойдетъ замужъ*, ино ей не дати участокъ ничего и участка ей въ зе[мли] нѣтъ. 409, X.

А *пойдетъ жена замужъ*, ино та деревня дѣтемъ моимъ всѣмъ, на подѣлъ. Ду[х]. Грам. Акинфіева, нач. XVI в., 14.

ныя распоряженія идутъ въ перемежку—объ волостяхъ, селахъ и разнаго рода домашнемъ скарбѣ. Только постепенно великіе князья проникались, раздавая удѣлы своимъ дѣтямъ, соображеніями государственнаго интереса.

Сначала приведемъ распоряженія этого рода, взятыя изъ духовныхъ грамотъ частныхъ лицъ,—духовныхъ новгородцевъ и двинянъ XIV и XV вв.

Нѣкто Остафій въ рукописаніи своемъ «приказываетъ свой животъ» (движимость) своей матери и сыну Ѳедору (малолѣтнему) свою вотчину и дѣдину, а вотчину и дѣдину на Волоти и проч. съ братомъ Григорьемъ пополамъ. Если же послѣ смерти завѣщателя родится сынъ, тогда все имущество обоимъ сыновьямъ пополамъ, если дочь—старшій братъ долженъ надѣлить ее приданымъ. Пока малолѣтній сынъ Ѳедоръ придетъ въ возрастъ, хозяйствомъ завѣдываетъ братъ Григорій и доходы отдаетъ наслѣдникамъ—матери и сыну. Если бы же дѣти умерли, тогда половина всего имущества должна поступить брату Григорію, а другая половина на поминовеніе души родителей завѣщателя и его самого *).

Здѣсь мы видимъ назначеніе подставного наслѣдника (брата Григорія) на случай смерти первоначальныхъ наслѣдниковъ—сыновей завѣщателя и судя по ходу рѣчи завѣщанія—назначеніе, послѣ вступленія уже въ наслѣдство первоначальныхъ наслѣдниковъ, т.-е. мы имѣемъ дѣло съ фидеикомиссарной субституціей.

Завѣщатель Петръ Молечкинъ пишетъ духовную, «идучи на Великаго князя службу въ Нижней Новъгородъ» и распредѣливши значительную часть имущества по церквамъ и монастырямъ «по родительскихъ душахъ и по своей души», остальное завѣщаетъ своимъ родственникамъ—зятьямъ, сестрамъ и племяннику. При этомъ назначаетъ имъ подставного наслѣдника: «да благословляю свою зятью и свои сестры вотчиными своими землями» (слѣдуетъ перечисленіе лицъ и деревень).

---

*) Вотъ относящіяся сюда мѣста духовной:

А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳедору, отцыну свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по молодѣнью. А что отцына моя и дѣдина на Волоти, земля и вода, и пожни, и лѣса, въ Ходині и въ Дроздинѣ... мнѣ съ братомъ своимъ, съ Григорьемъ напол, а моя половина сыну моему чиста... А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или пойдетъ замужъ, ино ей надѣлка десять рублей; а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино обоимъ дѣтямъ животъ мой и села мои и челядь моя напол; или будетъ дчи, ино выдаетъ ю братъ Ѳедоръ по силѣ; а доколѣ сынъ мой Ѳедоръ подростетъ, а дотолѣ ходитъ по моимъ селамъ братъ мой Григорій, въ мое мѣсто, и людьми моими володѣетъ, а хлѣбъ и куны и даръ, а то идетъ матери моей и сыну моему Ѳедору. Или Богъ умыслитъ о дѣтяхъ моихъ, ино брату Григорью половина въ животѣ моемъ, въ землѣ и въ водѣ; а другую половину живота моего, въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да вниши во вседневніи службы отца моего и матерь мою и мене, а остаткомъ и ты по насъ помяни. Акты Юрид. 409 XIV и XV вв. Дух. Грам. Новгородцевъ и Двинянъ. I.

«...А послѣ меня родитца у моей жены сынъ, ино отчина моя вся сыну моему... а родитца у моей жены дочь, ино дать ей восемьдесять рублевъ изъ моего живота».

Здѣсь рожденіе сына является резолютивнымъ условіемъ прекращенія наслѣдственныхъ правъ прежде назначенныхъ наслѣдниковъ и перехода этихъ правъ ко второму подставному наслѣднику *).

Монастырскій слуга Лука Михайловъ Сахаровъ пишетъ изустную духовную память, сначала указывая, кому что отдать и на комъ что взять, затѣмъ дѣтей своихъ—дочерей отъ первой жены, «благословляетъ» разнаго рода домашними вещами. А за симъ такъ распоряжается: «а иные всѣ мои станки, дворъ и хоромы, хлѣбъ и платье, и всякой животъ (движимость) и домовой всякой обиходъ, все черно̀ и бѣло̀ женѣ моей (второй) Иринѣ, съ первыми моими дѣтми (—) дочерми первой моей жены и съ другими моими дѣтми, съ сыномъ моимъ Иваномъ, что съ ней Ириной прижить, все имъ вмѣстѣ, повытно, поровну. А будетъ судбами Божіими лучитца первой моей жены дочеремъ моимъ отъ жизни сея преставитись, и станки мои всѣ (а оставшееся наслѣдство) сыну моему Ивану, а будетъ ему сыну моему Ивану лучитца смерть, а онѣ дочери мои останутца, и станки мои дочеремъ моимъ. А будетъ изволитъ жена моя, послѣ моего живота, замужъ итти, и ей кромѣ своего приданаго платья, что у ней съ собой принесено, до иныхъ станковъ моихъ ни до чего дѣла нѣтъ, все сыну моему Ивану или дочеремъ, кто у нихъ въ жизнь сію останетца» **).

Завѣщается по этой духовной имущество второй женѣ и дѣтямъ завѣщателя—дочерямъ отъ первой жены и сыну отъ второй, всѣмъ поровну. Въ случаѣ смерти дочерей—подставляется наслѣдникомъ сынъ, въ случаѣ смерти сына—дочери.

Право жены на наслѣдство прекращается съ выходомъ замужъ. И здѣсь, повидимому, подстава предполагаетъ предварительное вступленіе въ наслѣдство первыхъ наслѣдниковъ. Слѣдовательно, имѣетъ мѣсто субституція фидеикомиссарная.

Ѳедоръ Акиньфіевъ «благословляетъ» дѣтей своихъ деревнями, землями и пожнями». Кромѣ того «да благословилъ сына своего Матьѳея, и съ матерью, деревнею Ѳоминьскою... а пойдетъ жена моя замужъ, ино та деревня дѣтемъ моимъ, всѣмъ на подѣлъ» ***).

Здѣсь условное назначеніе наслѣдницей жены, если не выйдетъ замужъ. На случай наступленія условія подназначаются наслѣдники ей—дѣти.

Переходимъ къ духовнымъ князей.

В. К. Димитрій Іоановичъ въ своей духовной приказываетъ отчину свою Москву дѣтямъ своимъ: князьямъ—Василію, Юрію, Андрею, Петру

*) А. Ю. 1525 г., № 418.

**) А. Ю. Духовная монастырскаго слуги Луки Сахарова 1671 г., апрѣль, № 427.

***) А. Ю. № 414. Начала XVI в. Духовная Ѳедора Акинфіева.

этомъ распоряжается: «а по грѣхомъ котораго сына моего Богъ иетъ и княгиня моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ... а по оимъ отыметъ Богъ сына моего Князя Василья, а кто будетъ подъ сынъ мой, ино тому сыну моему Княжъ Васильевъ удѣлъ, а того мъ подѣлитъ ихъ моя Княгиня» *). Здѣсь мы видимъ тоже подставу ѣдниковъ: послѣ дѣтей назначаются наслѣдниками ихъ братья, только ъ между сонаслѣдниками производитъ мать ихъ.

одобное же распоряженіе мы находимъ въ духовной грамотѣ князя ія Дмитріевича Галицкаго: «Приказываю дѣтемъ своимъ Василью, ею и Дмитрею меншему вотчину свою въ Москвѣ, свой Жеребей... грѣхомъ котораго васъ Богъ отыметъ, а не останется после его , ино того удѣлъ тѣмъ, которыи останутся живы» **). Въ отличіе редыдущей духовной здѣсь удѣлъ поступаетъ въ наслѣдство прямо, посредства дѣлежа между сонаслѣдниками, какъ въ предыдущей гра-

своей духовной грамотѣ великій князь Василій Димитріевичъ «даетъ своему сыну князю Ивану и своей княгинѣ. Дѣлая назначенія этой дней изъ разныхъ селъ, въ томъ числѣ завѣщая ей то, что оста- и послѣ его матери (а отведетъ Богъ матерь мою, ино по матери животѣ Песочна моей же княгинѣ) дѣлаетъ такое распоряженіе: «А ла княгининские пошлые, то ее и есть; а вѣдаетъ тѣ села пош- княгининские дотоле княгиня моя, доколѣ дастъ Богъ женится сынъ потомъ ина дастъ тѣ села сына моего княгинѣ, своей сносѣ, ко- были издавна за княгинями» ***).

этой грамотѣ подставляется наслѣдница вдовѣ завѣщателя—ея сноха, мя передачи опредѣляется не временемъ смерти перваго наслѣдника, обыкновенно, а наступленіемъ опредѣленнаго событія,—вступленія мъ сына завѣщателя.

ховная грамота князя Володимера Андреевича. Въ этой грамотѣ даетъ рядъ сыновьямъ и княгинѣ женѣ своей и при этомъ дѣла- ъ числѣ прочихъ, такое распоряженіе. «А по грѣхомъ отъиметъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а не пой- а мужъ, и сноха моя съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего до своего живота, а размыслитъ Богъ о сносѣ моей, и тотъ удѣлъ ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется дчи и дѣти мои ата своего дчерь выдадуть за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣ- вси ровно» ****).

этой грамотѣ устанавливается такой порядокъ наслѣдованія. На-

Дух. Грам. В. К. Димитрія Іоанновича (II-ая) 1389 г. Собр. Госуд. Грам. и ровъ, № 34.

Дух. Гр. Князя Георгія (Юрья) Дмитріевича Галицкаго писана около 1434 г. Г. Г. и Д., № 31.

Д. Г. В. к. Василія Димитріевича (1-я) 1406 г., № 39.

Д. Г. Князя Володиміра Андреевича, 1410 г., № 40.

слѣдниками назначаются сыновья завѣщателя; а послѣ смерти кого-изъ нихъ, ихъ удѣлы поступаютъ въ пожизненное владѣніе ихъ жен условіемъ невыхода замужъ; послѣ смерти которой-либо изъ своихъ дуетъ сынъ ея, а внукъ наслѣдователя, а если внука не будетъ, нется внучка, то сыновья завѣщателя должны ее, свою племянниц дать замужъ, а сами унаслѣдуютъ удѣлъ ея отца, подѣлившись Итакъ, здѣсь главнымъ наслѣдникомъ подставляются либо ихъ (сыновья), либо боковые братья, въ промежуткѣ вставляется пожи владѣніе вдовъ.

Въ духовной грамотѣ вел. кн. Іоанна Васильевича читаемъ: «А рого моего сына не станетъ, а не останется у него ни сына, ни ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ, что ему ни далъ, то все сыну моему Василью» *).

Въ этой духовной завѣщатель подставляетъ своимъ наслѣдника случай безпотомной смерти ихъ, старшаго своего сына, а брата никовъ.

Итакъ, духовныя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что нашему ческому быту извѣстна была подстава наслѣдниковъ, даже и въ вид называемой фидеикомиссарной субстанціи, хотя законодательные ники, какъ времени вышеприведенныхъ духовныхъ, такъ и поздн объ этомъ умалчиваютъ, но они умалчиваютъ о многомъ, каса гражданскихъ отношеній. Обычай восполнялъ и замѣнялъ законъ. сторъ обычаю, при слабости законодательства, былъ большой. Даж яніи византійскаго права, не взирая на ближайшее участіе въ этого рода духовенства, трудно сказать что-либо опредѣленное.

Что касается литовско-русскаго завѣщанія, то, повидимому, о чалось бо́льшей свободой въ распоряженіи имуществомъ, нежели русское: къ наслѣдованію допускались и посторонніе—не родс (на что только псковская судная грамота даетъ неясное указаніе въ «не сторонніи люди» **). А это могло способствовать и допущені ставъ въ наслѣдованіи. Къ тому же литовское право открывало ность вліянія римскаго права, въ видѣ дополнительнаго источника «если бы чего-нибудь въ этомъ статутѣ не доставало, тогда судъ няясь къ близшей справедливости, долженъ отправлять (свои обяза и судить по своей совѣсти и по примѣру другихъ правъ христіа (лит. ст. разд. 4, арт. 14); а такимъ примѣромъ было прежде всег римское, какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ ***).

Исторія права послѣдующаго времени не даетъ намъ данныхъ д

*) С. Г. Г. 1504 г. (144).

**) „А оу котораго оумрьшаго, а будетъ отецъ, или мать, іли сынъ, или сестра, или кто ближняго племени, а животомъ владѣетъ, а только не ніи людие, ино имъ волно искати безъ заклада и безъ записи оумрьшаго, а волножъ искати“.

***) *Th. Ostrowski*: „Prawo Cywilne Narodu Polskiego“, t. I, ed. 2, стр.

мыхъ заключеній о томъ, насколько допускаема была подстава наслѣдниковъ. Да и вообще законодательное завѣщательное право было весьма скудно. Это надо сказать не только о Судебникахъ, но и объ Уложеніи. Но если мы не имѣемъ постановленій, опредѣляющихъ подставу, то не имѣемъ и запрещеній ея. Одно историческое явленіе, а именно постепенное стѣсненіе распоряжаться завѣщательнымъ порядкомъ родовыми имуществами, закончившееся полнымъ запрещеніемъ указомъ 19 іюня 1679 г., не могло не отражаться на свободѣ подставъ относительно родовыхъ имуществъ, и, наоборотъ, неоднократно подтверждавшееся право свободнаго распоряженія имуществами благопріобрѣтенными естественно открывало возможность дѣлать разныя сочетанія завѣщательныхъ распоряженій, а въ томъ числѣ и подставъ наслѣдниковъ въ этихъ имуществахъ.

Въ практикѣ возникали случаи подставныхъ назначеній и въ сомнительныхъ случаяхъ восходили до высшихъ учрежденій. Такъ въ 1804 г. разсматривалось въ судебныхъ учрежденіяхъ дѣло о духовномъ завѣщаніи помѣщицы Опочининой, которымъ она завѣщала свое благопріобрѣтенное имѣніе внукамъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ смерти доходы съ завѣщаннаго имѣнія поступали въ пользу ихъ матери (дочери завѣщательницы), а послѣ ея смерти въ пользу ея мужа (отца внуковъ). Высочайшимъ указомъ завѣщаніе это было утверждено, согласно дворянской грамотѣ (по которой: благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или *завѣщать*, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или передать, или продать кому заблагоразсудитъ) и въ заключеніи было повелѣно: чтобы впредь каждый, располагая благопріобрѣтенными имѣніями по произволу, могъ отдавать, дарить и завѣщать ихъ на такихъ условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія, какія за благо признаетъ, лишь бы условія сіи общимъ государственнымъ законамъ не были противны *).

Такимъ образомъ, этимъ завѣщаніемъ устанавливались легаты послѣдовательно въ пользу двухъ лицъ и притомъ послѣ смерти первыхъ наслѣдниковъ, распоряженіе, которое позднѣйшимъ правомъ, какъ увидимъ, не могло быть оставлено въ силѣ.

Послѣ этого въ практикѣ возникали вопросы, которые въ прежнее время въ духовныхъ грамотахъ не возбуждали сомнѣній, а именно: можетъ ли завѣщатель, назначивъ имѣніе въ собственность одному лицу, на случай смерти его, подставить ему наслѣдника.

Въ 1814 г. доходило до разсмотрѣнія государственнаго совѣта слѣдующее завѣщаніе гр. Буксгевдена. Завѣщательное распоряженіе заключалось въ слѣдующемъ: 1) Младшій сынъ завѣщателя вступитъ въ полное распоряженіе и владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ лишь тогда, когда женится и будетъ имѣть дѣтей, а до тѣхъ поръ имѣніемъ должно управлять назначенное завѣщателемъ лицо. 2) Оба сына и законные ихъ наслѣдники

---

*) *К. П. Побѣдоносцевъ*: „Курсъ гражд. права", ч. II, изд. 3, стр. 562—563.

до третьяго колѣна не имѣютъ права ни продавать, ни закладывать завѣщанное имѣніе, а право это будетъ принадлежать лишь правнукамъ ихъ. 3) Если по смерти сыновей жены ихъ останутся бездѣтны, то оставшимся наслѣдникамъ заплатить каждой изъ нихъ по 50 тыс. руб. ассигнац. Сенатъ нашелъ, что всѣ эти распоряженія противозаконны. То же подтвердилъ и государственный совѣтъ.

1-й п. этого завѣщанія, очевидно, былъ отвергнутъ по недопустимости такого рода условій,—условіемъ полученія завѣщаннаго поставлена женитьба наслѣдника. 2-й п. потому, что ограничивалъ право собственности у послѣдующихъ собственниковъ. 3-й п., стѣснялся легатами послѣдующихъ за первымъ наслѣдниковъ. (Мотивы совѣта намъ неизвѣстны. Свѣдѣнія о завѣщаніи гр. Буксгевдена почерпнуты нами изъ «Курса гражд. права» К. П. Побѣдоносцева) *).

22 мая 1827 г. разсматривался вопросъ о завѣщаніи Олсуфьевой, которая завѣщала благопріобрѣтенное имѣніе братьямъ своимъ Делединскимъ, съ тѣмъ, чтобы по кончинѣ ихъ оно поступило опять въ распоряженіе завѣщательницѣ. Такое распоряженіе было признано незаконнымъ, ибо по смерти Делединскихъ права ихъ на имѣніе, обратившееся въ родовое, естественно переходятъ къ ихъ наслѣдникамъ.

Въ 1839 г. возникло извѣстное дѣло о завѣщаніи бригадирши Лопухиной, которымъ, устранивъ отъ наслѣдства сыновей, завѣщала благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ и наслѣдниковъ ихъ, съ тѣмъ, чтобы дочери ея, раздѣливъ по смерти ея имѣніе, состояли другъ послѣ друга исключительно наслѣдницами съ своими нисходящими, а буде таковыхъ не будетъ, то имѣніе отдано было бы въ казенное вѣдомство. Государственный совѣтъ, который разсматривалъ это дѣло, нашелъ, что по силѣ законовъ: «владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ *свободно* и *неограниченно*, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу, и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника на *время жизни его* къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы, наприм., денежныя выдачи и т. п.; но по смерти сего лица, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, оное ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода, произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ». На семъ основаніи повелѣно признать недѣйствительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наслѣдованія, послѣ смерти дочерей ея, имѣніемъ, которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствію завѣщанія» **).

Вчитаемся въ это мнѣніе государственнаго совѣта, послужившее какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ нашемъ завѣщательномъ правѣ. Здѣсь прежде

---

*) Стр. 563, 596.

**) *Неволинъ:* „Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ". Полн. собр. соч., т. IV, стр. 27 и 28.

всего подтверждается исторически-выработавшееся и закрѣпленное жалованной грамотой дворянству и Городовымъ Положеніемъ полноправіе собственниковъ благопріобрѣтенныхъ имѣній. Право такихъ собственниковъ государственный совѣтъ низываетъ «свободнымъ», произвольнымъ» и «неограниченнымъ». Эта завѣщательная свобода ставится въ связь съ свободой дарственныхъ актовъ и сдѣлано это не случайно, потому что во время, предшествовавшее изданію Свода Законовъ, въ нашемъ законодательствѣ замѣтно было стремленіе къ сближенію этихъ обоихъ видовъ дарственныхъ актовъ и перенесеніе на завѣщаніе свойствъ даренія.

Несомнѣнно, что такое сближеніе сохраняетъ и нашъ дѣйствующій законъ. Это отразилось и на системѣ Свода Законовъ гражданскихъ: о дареніи съ его подвидами (пожалованіемъ, выдѣломъ и приданымъ) идетъ рѣчь въ одномъ и томъ же раздѣлѣ (первомъ) 3-ей книги, между тѣмъ какъ пріобрѣтеніе имуществъ наслѣдствомъ по закону обособлено въ отдѣльномъ раздѣлѣ (второмъ). А дарить благопріобрѣтенное имущество можетъ «владѣлецъ не только свободно по своему произволу», но и на такихъ «условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія даримымъ имуществомъ, какія даритель за благо признаетъ, лишь бы такія условія не были противны общимъ законамъ (ст. 967 и 975).

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое же право должно быть предоставлено и завѣщателю благопріобрѣтенныхъ имуществъ, и дѣйствительно, ст. 1067 говоритъ: всѣ имущества благопріобрѣтенныя могутъ быть завѣщаемы *неограниченно*. Поэтому завѣщатель «въ предѣлахъ закона» можетъ обставлять свое завѣщаніе условіями, можетъ условно завѣщевать, какъ можетъ условно дарить («по собственному произволу»). А къ числу такихъ допустимыхъ условій должна быть отнесена и подстава наслѣдника на случай, если назначенный наслѣдникъ не станетъ наслѣдникомъ (все равно по волѣ своей или независимо отъ воли). Этихъ соображеній вполнѣ достаточно для допустимости, съ точки зрѣнія нашего закона, обыкновенной подставы наслѣдника (substitutio vulgaris) при отсутствіи прямого запрещенія такой подставы. Впрочемъ, по этому поводу въ послѣднее время не замѣчается разногласія какъ въ литературѣ юридической, такъ и въ судебной практикѣ, хотя и не всегда съ одинаковой мотивировкой. Такое же согласіе наблюдается и въ другомъ отношеніи, относительно недопустимости субституціи фидеикоммиссарной. Эта недопустимость выводится исключительно изъ указа по дѣлу Лопухиной. Но даетъ ли дѣйствительно этотъ указъ вполнѣ ясное и точное разрѣшеніе этого вопроса, и именно въ такомъ категорическомъ смыслѣ. Обратимся къ содержанію указа. Указъ состоялся по частному дѣлу, и государственный совѣтъ высказывалъ свое мнѣніе, очевидно, отправляясь отъ обстоятельствъ этого дѣла. А дѣло касалось завѣщательнаго распоряженія, состоявшагося хотя и относительно благопріобрѣтеннаго имѣнія, но въ пользу такихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ пріобрѣтенное ими имущество становится родовымъ. Вотъ это-то обстоятельство и есть исходный пунктъ и коренная причина тѣхъ

запрещенiй, который создаетъ указъ 1839 г.: «Когда завѣщанное имѣнiе обращается въ разрядъ имѣнiй *наслѣдственныхъ*, оное ни въ порядкѣ управленiя, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ». Слѣдовательно и наоборотъ: когда завѣщанное имѣнiе «не обращается въ разрядъ наслѣдственныхъ», а остается и у наслѣдника благопрiобрѣтеннымъ, оно какъ въ порядкѣ управленiя, такъ и въ порядкѣ дальнѣйшаго перехода можетъ подлежать произволу перваго вотчинника, т.-е. онъ можетъ въ такомъ имѣнiи подставить первому наслѣднику послѣдующаго. Единственный же случай, когда завѣщанное имущество становится родовымъ у получившаго его по завѣщанiю, представляютъ имущества, дошедшiя отъ перваго ихъ прiобрѣтателя, хотя и по духовному завѣщанiю, но къ такому родственному лицу, которое имѣло бы по закону право наслѣдованiя (ст. 399, п. 2).

Правда, что нѣкоторые изъ нашихъ юристовъ, занимавшiеся разсматриваемымъ вопросомъ, стараются дать слову «наслѣдственное» особый смыслъ. Такъ Сбитневъ говоритъ: «Хотя слово «наслѣдственное» и «родовое» суть понятiя тождественныя, но въ настоящемъ случаѣ законъ, назвавши такiя имѣнiя наслѣдственными, не имѣетъ въ виду сдѣлать ихъ родовыми, а желаетъ выразить ограниченiе пространства времени, которое можетъ быть объято завѣщанiемъ, слѣдовательно, смотря по тому, завѣщано ли имѣнiе наслѣднику по закону или чужеродцу, т.-е. становясь родовымъ или благопрiобрѣтеннымъ (397 ст., 2 п.), имѣнiе входитъ въ разрядъ наслѣдственныхъ или такихъ, которыя въ дальнѣйшемъ переходѣ своемъ подвергаются, или наслѣдству по закону и (или) наслѣдству по завѣщанiю» *).

Трудно согласиться съ этимъ, не совсѣмъ вразумительнымъ и искусственнымъ толкованiемъ слова «наслѣдственное».

Если понятiя «наслѣдственное и родовое» тождественныя (что не подлежитъ сомнѣнiю: нашъ законъ, по историческому происхожденiю, различаетъ имущества либо родовыя, либо благопрiобрѣтенныя и третьей категорiи—наслѣдственныя—не знаетъ), то указъ, называя имѣнiе наслѣдственнымъ, хотѣлъ именно отмѣтить этимъ его родовой характеръ и такимъ образомъ подчинить его тѣмъ ограниченiямъ, которыя созданы для этого вида имуществъ, т.-е. устранить возможность завѣщательныхъ по отношенiю къ нимъ распоряженiй. Что же касается того, что законъ, назвавши «наслѣдственными» благопрiобрѣтенныя имущества, завѣщанныя дочерямъ, «не имѣлъ въ виду сдѣлать этихъ имуществъ родовыми», то соображенiе это неосновательное: не могъ этого «не имѣть въ виду законъ», разъ по закону такого рода имущества (т.-е. перешедшiя по завѣщанiю къ родственнику, имѣющему право законнаго наслѣдованiя) считаются родовыми.

Также неудовлетворительно и другое объясненiе термина наслѣдствен-

---

*) „О духовныхъ завѣщанiяхъ". *Журн. Мин. Юст.* 1861 г., т. II, стр. 206.

ный. «Очевидно,—говоритъ г. Моисеенко,—что здѣсь подъ выраженіемъ *наслѣдственный* устанавливается предѣлъ власти первоначальнаго собственника не только въ имѣніяхъ родовыхъ, но и въ благопріобрѣтенныхъ; иначе это выраженіе противорѣчило бы смыслу ограниченія «лишь на время жизни» (прим. къ ст. 1011 и ст. 1086)». Но что значитъ «устанавливается предѣлъ власти первоначальнаго собственника». Развѣ власть какого бы то ни было собственника простирается за предѣлы его жизни и развѣ мертвые имѣютъ какія бы то ни было права? Поэтому и дальнѣйшее разсужденіе автора: «Выраженіе наслѣдственный должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что имѣніе по смерти первоначальнаго собственника подлежитъ уже не его произволу, а наслѣдованію по закону или по завѣщанію послѣдняго собственника»,—ничего не разъясняетъ.

«Что слово *наслѣдственный*,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—нельзя понимать въ смыслѣ *родовой*, видно изъ того, что имущества, переходящія по духовному завѣщанію, не всегда обращаются въ родовыя, а только въ случаѣ, указанномъ во 2 п. 399 ст., X. т., 1 ч., во всякомъ другомъ случаѣ они будутъ имуществами благопріобрѣтенными» *).

Но дѣло бригадирши Лопухиной именно и касалось этого *перваго* случая и по отношенію къ нему завѣщанное имущество дѣйствительно становилось наслѣдственнымъ или родовымъ. Такъ сказано и въ указѣ 18 ноября 1839 г., а засимъ и въ примѣч. къ ст. 1011: «На семъ основаніи повелѣно признать недѣйствительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наслѣдованія, по смерти дочерей ея, имѣніемъ, которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствію завѣщанія.

Указывается также на то, что государственный совѣтъ, высказавши свое мнѣніе по дѣлу бригадирши Лопухиной, приведенное въ примѣч. къ ст. 1011, разсуждалъ, «что при строгомъ только соблюденіи сего порядка, коренныя наши постановленія о наслѣдіи могутъ сохранять свое значеніе и свою силу, и дѣйствительность; въ противномъ же случаѣ разнообразныя, нерѣдко необдуманныя желанія и намѣренія частныхъ лицъ замѣнили бы единообразное и постоянное дѣйствіе закона. Независимо отъ сего, допущеніе произвольныхъ условій въ порядкѣ наслѣдованія дало бы завѣщателю власть учреждать маіоратства безъ Высочайшаго разрѣшенія» **).

Думаемъ, что подъ «коренными нашими постановленіями о наслѣдіи», государственный совѣтъ разумѣлъ именно постановленія о родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, ибо съ этимъ дѣленіемъ имуществъ связано самое различіе въ порядкѣ наслѣдованія: законномъ и завѣщательномъ, а въ первомъ—различіе при наслѣдованіи въ боковой и восходящей линіяхъ, и при наслѣдованіи супруговъ. Что же касается учрежде-

---

*) *Н. Моисеенко*: „О субституціи въ завѣщаніи по русскому положительному праву.—Ученыя записки Казанскаго университета“. 1874 г. (LXI), стр. 775.

**) *К. П. Побѣдоносцевъ*, стр. 564.

нія маіоратовъ, то между подставой наслѣдника, хотя бы и фидеи сарной, и маіоратомъ есть значительная разница. При субституціи чается одинъ или послѣдующій замѣститель прежде назначеннаго ника; при маіоратѣ опредѣляется навсегда (только по исключенію на мя) юридическая судьба опредѣленнаго размѣра недвижимости, изд для него спеціальнаго учредительнаго акта.

Итакъ, полагаемъ, что государственный совѣтъ вовсе не за цѣлью воспретить у насъ рѣшительно и безусловно возможность на нія въ завѣщаніи послѣдующихъ наслѣдниковъ раньше назначе Онъ хотѣлъ только сохранить въ неприкосновенности старый законъ родовое имущество должно идти въ родъ по разъ предначертанному него порядку. Пока имущество сохраняетъ характеръ благопріобрѣте оно свободно: собственникъ его можетъ имъ распоряжаться не толь жизни, но и на случай смерти по своему усмотрѣнію, но разъ ст родовымъ, прижизненная безмездная его передача и посмертный пе лежать внѣ воли собственника. Въ эти границы заключено и право ставлять наслѣдника наслѣднику: въ благопріобрѣтенныхъ имущес по скольку при послѣдующихъ наслѣдственныхъ передачахъ они со ютъ свойство благопріобрѣтенности, оно свободно, т.-е. при завѣ чужеродцу или родственнику, не имѣющему по закону права наслѣдо напротивъ, въ родовыхъ имуществахъ, если бы относительно ихъ составлено духовное завѣщаніе (въ пользу лицъ, имѣющихъ права дованія по закону), оно не допускается.

Однако же и въ тѣхъ случаяхъ, когда подстава наслѣдника не скается, возможны ограничительныя распоряженія, стѣсняющія п наслѣдника; такъ, онъ можетъ быть обремененъ легатами въ пользу их лицъ (денежныя и другія выдачи, прим. къ ст. 1011 и ст. 1 равно завѣщанное ему имущество въ собственность можетъ быть щано вмѣстѣ съ тѣмъ другому въ срочное и даже пожизненное вла Не будетъ противорѣчить нашимъ законамъ даже и послѣдовательно значеніе нѣсколькимъ лицамъ срочнаго владѣнія, лишь бы эта сроч не продолжалась за предѣлы жизни назначеннаго наслѣдника. За нашъ, предоставляя завѣщательную свободу относительно благопрі тенныхъ имуществъ, eo ipso даетъ возможность завѣщателю всячески бинировать свои распоряженія. Владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имуще говоритъ законъ,—располагаетъ имъ свободно и неограниченно, и и даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, на жизни его, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій (къ ст. 1011), а такое распоряженіе можетъ заключаться и въ томъ, наслѣдникъ долженъ терпѣть предоставленное третьему лицу или тре лицамъ одному за другимъ право пользованія въ завѣщанномъ имуще Скажутъ, что въ такомъ случаѣ права наслѣдника равняются нулю: н не равняются нулю,—онъ можетъ пользоваться извѣстнымъ кредитомъ обезпеченіе имѣнія, можетъ пользоваться цензовыми правами, нако

продать его, а на случай смерти передать кому пожелаетъ, если это имущество не будетъ у него родовымъ, а если оно станетъ родовымъ, оно перейдетъ къ его потомству или ближайшимъ родственникамъ, въ чемъ тоже будетъ заключаться его интересъ.

Изъ исторіи нашихъ духовныхъ грамотъ мы видимъ, что указъ 1839 года, толкуемый въ томъ смыслѣ, что имъ воспрещается фидеикомиссарная подстава наслѣдника, является явнымъ и слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ съ нашимъ прошлымъ. Чтобы объяснить это, указываютъ (Гриневичъ) на иностранное заимствованіе. «Въ 1839 г. память о графѣ Сперанскомъ была еще свѣжа, мнѣнія, имъ проводимыя, въ большинствѣ случаевъ почитались правильными. Самъ же Сперанскій, какъ всякому извѣстно, былъ поклонникъ системы заимствованій въ области права». То же мы читаемъ и у К. П. Побѣдоносцева: запрещеніе, содержащееся въ прим. къ 1011 ст., явно заимствовано изъ иностраннаго учрежденія субституціи *).

Соображеніе перваго автора нѣсколько странно. Изъ того, что Сперанскій былъ сторонникомъ заимствованій въ области права (если даже допустить доказанность этого положенія въ такой категорической формѣ) и что въ 1839 г. (въ ноябрѣ) память о Сперанскомъ была свѣжа» (Сперанскій скончался 11 февраля 1839 г.), едва ли логически слѣдуетъ, что составленное послѣ смерти его мнѣніе государственнаго совѣта было заимствовано изъ французскаго права, которому сочувствовалъ графъ Сперанскій **).

Второй авторъ свое предположеніе совсѣмъ не подкрѣпляетъ.

На самомъ дѣлѣ не только не было заимствованія изъ чужого права, но вовсе не было и нѣтъ того въ указѣ 1839 г., что въ немъ находятъ.

Любопытно, что тотъ же авторъ (К. П. Побѣдоносцевъ), который говоритъ о заимствованіи постановленій указа изъ чужого права, въ то же время считаетъ эти постановленія закономъ, еще раньше, до Лопухинскаго указа, существовавшимъ ***). Это разнорѣчіе—лучшее доказательство, что указъ этотъ не былъ надлежаще понятъ.

---

*) *Побѣдоносцевъ*, стр. 564.

**) *А. Гриневичъ:* „О субститутѣ или подназначеніи наслѣдника по русскому праву“. *Юридическій Вѣстникъ*, 1867—1868 г., кн. IV, стр. 20—21.

***) Правило, содержащееся въ прим. къ 1011 ст. зак. гражд., есть ли новый законъ, и слѣдуетъ ли примѣнять его къ завѣщательнымъ распоряженіямъ, состоявшимся до изд. в. у. мн. гос. сов. 1839 г.? Надлежитъ, кажется, признать, что постановленія 1011 ст. есть не что иное, какъ толкованіе или разъясненіе права, которое законодатель признавалъ и въ то время существовавшимъ. Но разумѣлось оно различно, и потому судебная практика прежняго времени допускала опредѣленіе дальнѣйшаго порядка наслѣдства волею завѣщателя.

„Если въ 1834 г. завѣщаніе Ивана Ананьевскаго было примѣнено Сенатомъ къ тому дѣлу, то въ 1847 г. по смерти Петра, за силою Высочайшаго указа 18 ноября 1839 г., послѣдовавшаго *въ разъясненіи* прежнихъ узаконеній, имущество его должно поступить къ ближайшимъ наслѣдникамъ по закону“. Побѣдоносцевъ, стр. 567, 568.

Въ 1861 г. Сенатъ (по дѣлу Олонкина) призналъ, между прочимъ, что правило Лопухинскаго указа, изданное въ 1839 г., не есть новое, но составляетъ *подтвержде-*

Это толкованіе указа 18 ноября 1839 г., которое усвоено было юристами-теоретиками и судебной практикой не только безъ достаточнаго основанія порвало связь новаго права со старымъ, но и стало въ коллизію съ нашимъ *обычнымъ правомъ*.

Въ этомъ правѣ завѣщатели, нерѣдко назначая наслѣдниковъ, предусматриваютъ дальнѣйшій переходъ имуществъ по смерти наслѣдниковъ (т.-е. устанавливаютъ фидеикомиссарную субституцію). Таковыхъ завѣщаній встрѣчается не мало. Такъ, въ одномъ изъ нихъ завѣщатель, назначая своею наслѣдницею одну изъ дочерей и предоставляя ей послѣ своей смерти раздѣлиться съ другою дочерью пополамъ, добавилъ, что часть, приходящаяся на долю наслѣдницы, по смерти ея, должна поступить къ ея дочерямъ. Въ другомъ завѣщаніи находимъ слѣдующее распоряженіе: «а въ случаѣ *А* (наслѣдникъ) помретъ, чтобы перешло сказанное нажитіе мое внукамъ, дѣтямъ *А*».

На основаніи одного завѣщанія завѣщанное мужу имущество послѣ смерти его должно перейти къ сыну завѣщательницы отъ перваго брака. Къ числу подобныхъ завѣщаній можно отнести также слѣдующія: завѣщательница дѣлаетъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ смерти сына отказанная ему часть имущества перешла къ ея единоутробной сестрѣ и мужу; завѣщатель распоряжается, чтобы по смерти сына (наслѣдника) имущество перешло къ его, наслѣдника, сыновьямъ и *далѣе, прямолинейнымъ наслѣдникамъ въ мужескомъ колѣнѣ;* если же Богу угодно будетъ лишить ихъ сихъ наслѣдниковъ и останутся всѣ дѣти въ женской линіи, то всѣ внуки мои, отъ наслѣдника, должны раздѣлиться всѣмъ имѣніемъ по ровной части.

Такимъ образомъ здѣсь предусмотрѣнъ цѣлый рядъ наслѣдниковъ—мужескаго пола, а не только случай смерти назначаемаго наслѣдника. Далѣе, завѣщатель установляетъ переходъ имущества, послѣ смерти дочери безъ потомства, къ сыновьямъ своимъ.

Дозволяется также въ завѣщаніи назначать наслѣдниковъ на случай смерти одного изъ нихъ; такія завѣщанія принимаются въ волостныхъ правленіяхъ къ засвидѣтельствованію *).

Такимъ образомъ, обычное крестьянское право сохранило преемственную связь съ духовными грамотами старой Руси.

Изъ нашей судебной практики, поскольку она отражается въ обнародованныхъ рѣшеніяхъ правительствующаго сената, видно, что съ привившимся въ ней воззрѣніемъ о недозволенности у насъ фидеикомиссарной подставы наслѣдниковъ, русскіе люди не склонны примириться и въ духовныхъ завѣщаніяхъ весьма часты назначенія наслѣдниковъ съ подставой этого рода.

ніе и изъясненіе прежнихъ законовъ и потому должно быть примѣняемо къ завѣщанію, составленному въ 1811 г. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражданскаго права“, т. II, изд. III, стр. 567—596.

*) *Пахманъ:* „Обычное гражданское право въ Россіи“, т. II, стр. 324, 325.

Такимъ образомъ, между закономъ и жизнью оказывается расколъ.

Посмотримъ теперь, насколько пошелъ навстрѣчу этой потребности проектъ гражданскаго уложенія.

Составители проекта рѣшили остаться на почвѣ дѣйствующаго законодательства и такимъ образомъ пренебрегли какъ исторіей, такъ и правосознаніемъ народа. Почему? «руководствуясь главнымъ образомъ соображеніями политико-экономическаго характера».

Посмотримъ, какъ развиваютъ эти соображенія авторы проекта. «Подчиненіе судьбы завѣщаемаго имущества волѣ завѣщателя на неопредѣленное время послѣ его смерти не вызывается вовсе личными интересами завѣщателя; оно также не имѣетъ отношенія къ ближайшимъ интересамъ его семьи, разъ долговременность такого распоряженія превышаетъ время жизни его наслѣдниковъ».

Съ соображеніями этими рѣшительно нельзя согласиться. Во-первыхъ, «подчиненіе судьбы завѣщаемаго имущества волѣ завѣщателя на *неопредѣленное время* послѣ его смерти» не есть непремѣнная принадлежность субституціи: законодательства, какъ мы видѣли, обыкновенно указываютъ такой предѣлъ. Во-вторыхъ, установленіе субституціи вызывается весьма часто личными интересами: завѣщается имущество близкому лицу съ желаніемъ, чтобы это лицо не только получило завѣщанное, но и сохранило для своихъ дѣтей. Въ-третьихъ, чаще всего фидеикомиссарная подстава наслѣдника вызывается именно интересами семьи. Отецъ имѣетъ сына, склоннаго къ расточительности. Онъ не надѣется, что сынъ сбережетъ наслѣдство и передастъ своимъ дѣтямъ. Но ему не хотѣлось бы лишить сына преимуществъ собственника предъ пожизненнымъ владѣльцемъ. Завѣщатель сохраняетъ право собственности за сыномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждаетъ возможность отчужденія, назначеніемъ субституціи въ пользу внуковъ.

Затѣмъ составители указываютъ на неудобства, возникающія при подставѣ наслѣдниковъ. «Юридическая конструкція отношеній между первымъ наслѣдникомъ и его подназлѣдникомъ представляетъ много спорнаго и трудно опредѣляется закономъ. Порядокъ удовлетворенія вѣрителей того и другого затрудняется весьма значительнымъ образомъ. Для отчужденія имущества или иныхъ распоряженій перваго наслѣдника требуется не всегда удобно осуществимое согласіе его преемниковъ. Отсюда вытекаютъ неизбѣжное затрудненіе кредита для собственника и всѣ связанныя съ этимъ ограниченіемъ хозяйственныя неурядицы». Всѣ эти затрудненія не непреоборимы. Вездѣ съ ними считаются, гдѣ допускается подстава наслѣдника, и общегерманское уложеніе представляетъ въ этомъ случаѣ примѣры весьма обстоятельной нормировки всѣхъ связанныхъ съ субституціей отношеній.

«Къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединяются основанія, тѣсно связанныя съ задачами экономической политики. Государственная власть имѣетъ основаніе смотрѣть на утверждаемый ею порядокъ законнаго на-

слѣдованія, какъ на цѣлесообразное соціальное средство, могущее значительную роль въ его рукахъ, сообразно тѣмъ послѣдствіямъ, рыя имѣетъ та или иная система наслѣдованія въ связи съ нар потребностями и съ цѣлями законодательной политики».

Высказавши эти соображенія, составители однако же не посвят скихъ гражданъ, какія «соціальныя» задачи преслѣдуютъ они въ соз ими «системѣ наслѣдованія», какъ они понимаютъ «народныя пот сти» и «цѣли законодательной политики».

Извѣстно, напримѣръ, что отмѣна фидеикомиссарной субститу Франціи вызвана была намѣреніемъ парализовать стремленіе фран аристократіи сосредоточить поземельную собственность въ рукахъ шихъ членовъ аристократическихъ родовъ (въ ущербъ благосостоянія шихъ) и тѣмъ поддержать аристократическія фамиліи. У насъ под стремленій не было; напротивъ петровскій маіоратъ встрѣтилъ пол сочувствіе въ обществѣ и былъ отмѣненъ, наши духовныя грамоты ставляли наслѣдниковъ по чувству семейной привязанности; это же мленіе заставляетъ и теперь вписывать въ духовныя завѣщанія р женія подобнаго рода, безпощадно уничтожаемыя судами.

Что же касается сосредоточенія земельныхъ имуществъ въ рукахъ шихъ сыновей, то среди нашего дворянства не наблюдается не этого, но и вообще стремленія сохранить эти имущества въ родѣ. тельство, чтобы хоть сколько-нибудь воспрепятствовать переходу д скихъ имуществъ въ другія руки, издало законъ о временно запов имѣніяхъ, не давшій одинаково желанныхъ результатовъ.

Если составители въ своемъ проектѣ руководствовались, какъ го ворятъ, главнымъ образомъ политико-экономическими соображенія не казалось ли имъ, что собственникъ, стѣсненный въ свободѣ рас диться нажитымъ имъ состояніемъ въ пользу лицъ близкихъ ему, б лишенъ въ значительной степени побужденія накоплять средства и т образомъ способствовать увеличенію народнаго богатства.

Изложенное показываетъ, что право завѣщателя подставлять насл ковъ другимъ наслѣдникамъ связано съ мѣрой завѣщательной сво Такое право признается прежде всего въ видѣ подставы наслѣдни тотъ случай, если прежде назначенный не сможетъ или не захочетъ наслѣдникомъ. Въ болѣе сильной степени эта свобода проявляется, завѣщатель предопредѣляетъ, кто долженъ быть преемникомъ наслѣд осуществившаго свое наслѣдственное право. Въ Римѣ и въ Аѳинахъ распоряженія возникли на почвѣ довѣрительнаго порученія, данна вѣщателемъ наслѣднику, сохранить переданное для другого, и только уже была усвоена мысль о преемственной наслѣдственности нѣскол лицъ согласно волѣ завѣщателя. (Тогда уже и названіе перестало со ствовать существу института).

Законодательства новой Европы, позаимствовавъ оба вида по

ѣ называемую дѣтскую субституцію) изъ римскаго права, одни боль-ругія меньше видоизмѣняли ее и приспособляли для цѣлей, ими са-себѣ начертанныхъ. Нѣкоторыя, руководясь этими соображеніями, и ъ обошлись безъ этого института.

аше право въ вопросѣ о подставѣ наслѣдниковъ развивалось не на заимствованій изъ права чужеземнаго, а на почвѣ естественной по-ости завѣщателя опредѣлять, кому и въ какомъ порядкѣ должно пе-его достояніе.

бычай вырабатывалъ такой порядокъ, въ связи съ той свободой, ко-располагалъ завѣщатель относительно распоряженія своимъ имуще-ъ. Когда эта свобода стала уменьшаться, что касается родовой соб-ости, то стало ограничиваться и право завѣщательной подставы на-иковъ въ этой собственности. Къ сожалѣнію, судебная практика не сюда относящагося закона, изданнаго въ прошломъ столѣтіи, и страшила запретъ дальше положеннаго ему предѣла, удалившись та-образомъ отъ исторіи и пренебрегши потребностями юридическаго

А. Загоровскій.

Характерныя черты демократическаго правосу

Германія готовится къ пересмотру и реформѣ своего уголовнаго Для этого и по этому поводу, какъ водится, опубликовывается масса ціальныхъ и неофиціальныхъ матеріаловъ, издаются въ большомъ книги и брошюры, пишутся и сочиняются многочисленные проекты ложенія. Одному изъ германскихъ судей—Адольфу Гартману въ эти видахъ пришла въ голову счастливая мысль освѣжить всѣ вопросы, занные съ этимъ теченіемъ мыслей, наблюденіями надъ живыми явленій той же области въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной А Онъ задался для этого общимъ вопросомъ о томъ, что стало съ н англійскаго и вообще европейскаго права подъ вліяніемъ совершен выхъ, молодыхъ условій Америки, какими преобразованіями на них зались своеобразныя американскія условія и народныя воззрѣнія? В этотъ, болѣе кратко говоря, свелся для него къ тому: что можетъ рика повѣдать міру новаго въ сферѣ уголовнаго правосудія? Для эт слѣдованія онъ въ мартѣ 1904 г. отправился на мѣсто и посвятилъ съ лишнимъ ознакомленію съ исторіею, теоріею и практикою сѣвер риканскихъ судовъ въ самыхъ различныхъ и наиболѣе характерных видахъ. Результатомъ этого ознакомленія явилась книга, опублик имъ недавно подъ заглавіемъ: «Die Strafrechtspflege in Amerika. M führungen zur Deutschen Strafprocessreform» *). Книга эта очень ин и поучительна. Результаты изслѣдованій и наблюденій автора оказы настолько глубоко и всесторонне охватывающими данную область что за ними должно, помимо практическаго ихъ значенія, признать серьезную отвлеченную, чисто научную цѣну. Авторъ чрезвычайно сумѣлъ отдѣльныя отрывистыя черты судебныхъ и тюремныхъ пор Америки связать и довести до ихъ историческихъ и политическихъ к и у него получилась, никѣмъ еще такъ полно не изображенная, к уголовнаго правосудія, творимаго по требованіямъ и подъ эгидою д тическаго духа народа и страны.

---

*) „Уголовное правосудіе въ Америкѣ. Съ заключеніями для реформы г скаго уголовнаго процесса“.

Наблюдатель американской жизни — говоритъ Гартманъ—испытываетъ нерѣдко такое ощущеніе, какъ бы человѣчество въ Америкѣ еще само находится постоянно въ изумленіи отъ гигантскаго, своеобразнаго эксперимента, какимъ представляется свободное американское сожительство людей, въ изумленіи, къ которому постоянно примѣшивается чувство какого-то опасенія. Ближайшее же знакомство съ этой жизнью, по его убѣжденію, показываетъ съ несомнѣнностью, что этотъ опытъ исторіи оказался вполнѣ удачнымъ. Перенесенный же въ эту жизнь европейскій правопорядокъ претерпѣлъ на американской почвѣ перерожденіе до глубины своихъ корней, и мы можемъ тамъ наблюдать самый ходъ правовыхъ новообразованій въ особенно грандіозномъ масштабѣ. Строй уголовнаго процесса чувствительнѣе всего на себѣ это отражаетъ. Онъ цѣликомъ сложился по требованіямъ демократическаго режима. Возбуждаемый имъ къ себѣ интересъ тѣмъ болѣе великъ, что настоящій демократическій уголовный процессъ Европѣ незнакомъ, ибо Европа у себя не имѣетъ образца настоящей демократіи. Въ примѣръ не можетъ идти тутъ Швейцарія, ибо она со всѣми двадцатью пятью своими кантонами слишкомъ мала, чтобы противостоять культурнымъ вліяніямъ окружающихъ ея странъ; да она сама сильно проникнута аристократическими учрежденіями и воззрѣніями былого; старинная аристократія и патриціи городовъ понынѣ тамъ имѣютъ значительное вліяніе. Какой-нибудь одинъ штатъ, какъ Иллинойсъ, далеко не наибольшій изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, болѣе чѣмъ втрое превосходитъ всю Швейцарію и имѣетъ въ полтора раза болѣе жителей. Прочія европейскія демократіи имѣли всегда преходящій характеръ и пока не дали еще ни одного самобытнаго образца.

Конечно, условія общежитія въ Соединенныхъ Штатахъ слагались совершенно своеобразно. Въ ихъ сторону повторилось переселеніе народовъ, но совсѣмъ въ новомъ видѣ. Если взять самую главную массу переселенцевъ, которые прибыли туда за послѣднія два столѣтія и стали заселять пустынныя до того земли на западъ отъ незначительной территоріи сравнительно стараго поселенія, то вѣдь она состояла изъ людей, которые имѣли уже такія знанія, какъ то, что такое книгопечатаніе, и такія потребности, какъ ежедневная пресса. Тамъ, куда эти люди перекочевывали, они не заставали никакой культуры, а, напротивъ, встрѣчали полную дикость и первобытность. Имъ приходилось возсоздавать условія общественнаго сожительства наново, но сразу такія, которыя удовлетворяли бы сравнительно высокимъ культурнымъ запросамъ. Пріобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи, возбуждающее вліяніе страны и достоинства самаго духа въ этомъ народѣ оказались могущественнѣе опасностей, которыя заключались въ страшной дикости этихъ мѣстъ; и потому послѣ нѣкоторой огрубѣлости въ теченіе первыхъ десятилѣтій повсюду зашевелились въ переселенческихъ массахъ съ полной силой унаслѣдованныя высшія требованія цивилизаціи. Надъ всѣмъ этимъ, притомъ, продолжалъ витать пуританскій духъ первыхъ піонеровъ переселенія. Въ политической и правовой сферѣ это ска-

валось рецепціею основъ и духа англійскаго права, какъ наиболѣе соотвѣтствующихъ и свободолюбивымъ требованіямъ, и свободнымъ условіямъ этой новой жизни: она вѣдь покоилась не на завоеваніи территорій и порабощеніи туземцевъ, какъ дѣло происходило со всѣми новыми поселеніями въ европейскихъ странахъ, а исключительно на личной энергіи пришлецовъ, одерживавшихъ побѣды лишь въ единоборствѣ съ природой, искавшихъ не власти, а приложенія своего труда, и жаждавшихъ простора для индивидуальныхъ качествъ человѣка внѣ оковъ традиціонныхъ вѣрованій и режимовъ. Какъ извѣстно, территорія Соединенныхъ Штатовъ была во владѣніи и во власти не однихъ выходцевъ изъ Англіи. Она знаетъ времена голландскаго, испанскаго и французскаго владычества. Однако, всѣ они уступили первенство владычеству англійскаго духа и правопорядка. Явленіе это приписывается бо̀льшимъ колонизаторскимъ талантамъ англосаксонской расы. Гартманъ же считаетъ тутъ главной причиною бо̀льшую пригодность самихъ этихъ порядковъ для удовлетворенія требованій новой жизни эмигрантовъ. Вѣдь духъ англійскаго права возобладалъ надъ всѣмъ, не взирая на то, что во время освободительнаго отъ англійскаго владычества движенія американцы ставили прямой своей задачею отречься отъ англійскихъ законовъ. Реакція эта была настолько упорна, что Виргинія на генеральномъ собраніи въ маѣ 1776 г. формально объявила отмѣну у себя дѣйствія всѣхъ законовъ, изданныхъ послѣ четвертаго года царствованія Якова I, такъ какъ съ этого времени въ Виргиніи уже существовало народное представительство, а его одобренію или его санкціи эти законы въ свое время не подвергались. Хотя, такимъ образомъ, формально оказывалось явное противодѣйствіе силѣ англійскихъ законовъ на американской территоріи,—противодѣйствіе, доводившее новаторовъ до желанія переставить на полтора столѣтія назадъ часы исторіи, тѣмъ не менѣе господствующее значеніе за ихъ духомъ и направленіемъ обезпечивалось существомъ вещей.

Они претерпѣли перерожденіе, но не въ силу сознательно къ этому направленныхъ стараній, а по требованіямъ новыхъ и совершенствующихся условій общежитія. Условія эти совершенствовались быстрымъ темпомъ и, какъ замѣчаетъ Гартманъ, Америка въ сто лѣтъ продѣлала тотъ процессъ развитія, на который Европа употребила не менѣе тысячи. Но она начала этотъ процессъ развитія гражданственности съ матеріала, болѣе для этого благодарнаго: нельзя вѣдь и сравнить въ этомъ отношеніи культуро-способность хотя бы самыхъ грубыхъ эмигрантовъ съ какими-нибудь первобытными тевтонами, бриттами и проч., надъ которыми творилась первоначальная культурная работа европейской цивилизаціи. Поэтому и самыя формы, которыя принимала американская гражданственность, сразу заключали въ себѣ черты высшаго общественнаго типа. Однако, заселенія новыхъ мѣстностей производились, какъ извѣстно, не только мирными охотниками и землепашцами, но и бандами авантюристовъ, которые устремлялись въ поиски за золотомъ. Послѣдній видъ поселеній происходилъ не разъ

на памяти нынѣ еще живущихъ поколѣній. Но и на нихъ можно, съ особенной даже наглядностью, прослѣдить, какимъ путемъ и на какихъ началахъ заводился въ этихъ краяхъ общественный порядокъ при условіяхъ наименѣе благопріятныхъ въ смыслѣ первоначальнаго созидательнаго матеріала. Картину этого даетъ Гартманъ въ видѣ исторіи охраннаго комитета въ мѣстности нынѣшняго штата Монтана.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія туда стали стекаться искатели золота. Около нихъ постепенно осѣли городскими поселеніями трактирщики, ремесленники, торговцы; а затѣмъ появились представители и высшихъ профессій: врачи, адвокаты, пасторы. Вскорѣ оказался выбранный поселенцами шерифъ, который, повидимому, долженъ былъ исполнять всѣ функціи общественной власти, такъ какъ никакихъ другихъ представителей ея не существовало. Дѣла золотоискателей шли очень успѣшно. Но золото возбуждаетъ страсти. Преступленія стали возрастать съ каждымъ днемъ. Такъ какъ желѣзной дороги еще не было, надо было кладь и товары возить верхами или въ повозкахъ по дурнымъ дорогамъ, на которыхъ стали хозяйничать разбойническія шайки. Тогда организовался союзъ извѣстнаго числа энергическихъ дѣятелей, образовавшихъ изъ себя добровольческій комитетъ стражниковъ (Vigilantes Committee), самоотверженно занявшихся борьбою съ этимъ зломъ. Это происходило въ 1863 г. Своей настойчивостью и энергіею имъ удалось постепенно, но не безъ тяжкихъ испытаній, установить безопасность въ краѣ. Для этого имъ пришлось перевѣшать до пятидесяти изъ разбойниковъ и въ числѣ ихъ самого шерифа. Мирныя условія существованія ими были въ концѣ-концовъ водворены. Этотъ охранный комитетъ продолжительное время оставался единственною публичною властью въ Монтанѣ, пока эта территорія не получила организацію отъ центральной власти изъ Вашингтона. Въ торжественномъ засѣданіи главы комитета передали свою власть прибывшему губернатору, который при этомъ выразилъ надежду на ихъ содѣйствіе и въ будущемъ.

Совершенно аналогично теперешній штатъ Теннесси получилъ свою политическую организацію какъ наслѣдіе образованнаго первоначально на его территоріи добровольческаго комитета подъ названіемъ Watauda Association. Ту же исторію по отношенію къ другимъ нововозникавшимъ штатамъ обстоятельно излагаетъ теперешній президентъ Рузвельтъ въ своемъ сочиненіи *Winning of the West* (Завоеваніе Запада).

Съ этой исторіею любопытно сопоставить черты общественныхъ группировокъ и нравовъ въ старой Англіи. Для этого мы воспользуемся сочиненіемъ Пайка: «Исторія преступленія въ Англіи». Это тоже единственное въ своемъ родѣ изслѣдованіе, дающее цѣлую исторію культуры и цивилизаціи страны какъ иллюстрацію уголовной ея исторіи. Преступленіе, по взгляду Пайка, есть плодъ первобытной дикости; превращеніе первичнаго человѣка въ гражданина есть тотъ медленный и трудный путь, которымъ онъ эмансипируется отъ своихъ дикихъ наклонностей, а обще-

житіе отъ тѣхъ проявленій своекорыстія и грубости, которыя состав... источникъ преступности вообще. Людскіе звѣри должны вымирать съ ку... турою, говоритъ онъ; но процессъ перерожденія происходитъ медлен... поколѣнія становятся одно другому на плечи *).

Картина общественной жизни тѣхъ временъ изображена Пайкомъ с... дующими чертами, характеризующими прежній бытъ жителей Англіи.

Каждый человѣкъ, который имѣлъ силу, былъ самъ по себѣ законо... Изъ городовъ одни были сильные, другіе слабые, и что считалось п... вильнымъ для первыхъ, не было правильнымъ для вторыхъ. Существов... государственные законы, но государство не имѣло силы приводить ихъ... исполненіе, а государственное правосудіе въ видѣ короля и совѣта му... при немъ не давало большей гарантіи, чѣмъ можетъ быть налицо ср... борьбы партій. Партійность, дружинное начало было въ сущности ед... ственною связью, державшею людей вмѣстѣ, единственнымъ чувств... предупреждавшимъ общество отъ состоянія постоянной войны всѣхъ п... тивъ каждаго. О правосудіи и судахъ въ тѣ времена можно говорить то... за отсутствіемъ другого термина, такъ какъ суда, который провѣрялъ... доказательства, совсѣмъ не существовало. Обвинитель со своей парт... являлся предъ извѣстнымъ собраніемъ; если обвиняемый имѣлъ свою,... статочно сильную, партію, являлся и онъ, и былъ спасаемъ своими п... ятелями. Даже при ордаліяхъ поддерживалось состязаніе партій той и д... гой стороны. Гильдейская связь, поземельная связь, семейная связь б... въ извѣстномъ смыслѣ узами объединенія, но de facto они представл... собою еще больше элементы раздора. Справедливость въ отвлеченн... смыслѣ была незнакомой идеею; единственно признаваемая при сво... обязанность состояла въ томъ, чтобы оставаться вѣрнымъ своему со... каковъ бы ни былъ этотъ союзъ. Семья была врагомъ семьи, гил... гильдіи, помѣстье помѣстья. Каждый изъ этихъ союзовъ обладалъ нѣ... тораго рода коллективной свободою, но не предоставлялъ никакой своб... своимъ сочленамъ. Противорѣчіе царило въ этомъ, какъ и во всемъ ост... номъ, и когда люди соединялись, чтобы защититься отъ какой-либо ... формъ средневѣковой тираніи, они должны были жертвовать послѣд... остатками индивидуальной свободы. Этотъ духъ партійности проникалъ... весь строй судебной расправы. Институтъ очистительной присяги въ н... коренится. Первоначальныя формы суда, отъ которыхъ выводится со... менный судъ присяжныхъ, также на немъ держались. Присяжные пер... начально были не судьями, постановлявшими приговоръ на основаніи ... слѣдованія дѣла, а коммиссіею лицъ, которыя должны были знать ... предполагались знающими обвиняемаго и на этомъ основаніи произно... шіе надъ нимъ приговоръ. Освобожденіе отъ партійности самое труд...

---

*) *A History of Crime in England* illustrating the changes of the laws in... progress of civilisation. Written from the public records and other contemporary ... dence by *Luke Owen Pike*. I, p. 421; II p. 111, 155

ю культуры и происходитъ исподволь, лишь вѣками дѣлая замѣтные ги къ прогрессу. Какъ долго, напр., вдова не имѣла возможности пре- довать убійцъ своего мужа, такъ какъ безъ мужа она не имѣла своей тіи; а когда у убійцъ таковая была, то попытка преслѣдовать ихъ оканалась для нея лишь взысканіемъ съ нея же за недоказанное обвиненіе. го духъ партійности въявь проникаетъ юрисдикцію присяжныхъ и тщетш остаются усилія противодѣйствовать этому при составленіи списка сяжныхъ. Наслѣдственное варварство побуждало каждаго смотрѣть на его сосѣда, какъ на своего врага; отбирать у другихъ то, чего они умѣли удержать, исключать другихъ отъ преимуществъ, которыя онъ ѣлъ установить для себя и своей клики. Изъ акта объ обязанностяхъ елей для сохраненія мира, изданнаго въ 1233 г., видно, какая еще вобытная дикость нравовъ и какая необезпеченность ни личности, ни щества царила тогда въ жизни городовъ. Правила эти были такія, ка- должно бы издать, если бы надо было изъ сожитія волковъ образовы- ь гражданъ города. Удивительно ли, что была надобность въ такихъ вилахъ, когда, какъ показываютъ судебные анналы, видные жители дона въ эти времена еще не стѣснялись заниматься ночнымъ грабеъ и дѣлать набѣги на жилища мирныхъ обывателей *).

Что же касается деревенскихъ нравовъ, то, по Пайку, насильствен- захватъ земли характеризуетъ ихъ полнѣе всего; а это—явленіе, ающее выдающуюся роль въ исторіи преступленія. Земля съ самаго на- а доставалась народамъ не иначе, какъ путемъ захвата. Изъ этого аботалось понятіе, что для титула владѣнія имѣніемъ необходимо во бы то ни стало фактическое въ него вступленіе. Отсюда и датируетъ ильственное вторженіе позднѣйшихъ временъ, которое тщетно стреми- ь искоренить многіе отдѣльные законы Англіи и которое никогда бы было искоренено, если бы не пришла на помощь власть болѣе сильная, ъ законодательство,—культура. Судебные протоколы изобилуютъ дѣлами асильственномъ вторженіи въ имѣнія еще въ XIV вѣкѣ. Въ сущности рженія эти, совершавшіяся подъ предлогомъ нарушеннаго права, были женнымъ разбоемъ и грабежомъ, цѣликомъ гнѣздившимся въ традиці- междоусобицы первичныхъ временъ. Да въ спискѣ дѣлъ за двѣнадца- годъ царствованія Вильгельма III (1700 г.) еще имѣется одиннадцать чаевъ насильственнаго захвата земель. Полтораста лѣтъ раньше уди- лись бы столь малому количеству ихъ; полтораста лѣтъ спустя жела- добиться своего права на имѣніе въ Англіи путемъ насильственнаго рженія могло бы придти въ голову только сумасшедшему. Насильствен- вторженіе исчезло въ теченіе первой половины XVIII столѣтія и ни- да уже въ прежней формѣ не оживало. Это, говоритъ Пайкъ, пожалуй, ый высшій тріумфъ закона и порядка надъ насиліемъ и захватами, ой можно отмѣтить въ чемъ бы то ни было въ исторіи цивилизаціи:

*) Ibid. I, p. 88, 291, 127, 184, 218, 141, 386.

это чуть ли не лучшая иллюстрація той побѣды, которую одержала цивилизація надъ дикими привычками и дикими пріемами *). Такимъ образомъ можно сказать, что подъ символическими обрядностями, которыми обставленъ теперь судебный вводъ во владѣніе, кроются окаменѣлости весьма трагическихъ явленій продолжительнаго прошлаго.

И вообще Пайкъ констатируетъ, что уваженіе къ закону и любовь къ порядку не были еще характеристическою чертою англичанъ даже въ то время, когда Тюдоры были смѣнены Стюартами (Іаковъ I, съ 1603 по 1625 г.) и еще менѣе, конечно, когда Тюдоры смѣняли своихъ предшественниковъ-Плантагенетовъ (Генрихъ VII, съ 1485 по 1509 г.). Сопротивленіе силою исполненію рѣшенія было самымъ обычнымъ явленіемъ при Генрихѣ VII; шерифы и пристава несли службу, которая была сопряжена со смертельною опасностью еще при Елизаветѣ. Схватиться за оружіе, какое было подъ руками, за мечъ, за лукъ, стрѣлы, дубинку, чтобы освободить арестуемаго или для возвращенія имущества, отобраннаго въ исполненіе судебнаго рѣшенія, почиталось извѣстными классами населенія (такъ наз. благородными) за заслугу еще при восшествіи на престолъ Генриха VII, за дѣяніе, вполнѣ простительное еще при восшествіи Іакова I **). Наконецъ, на отдѣльныхъ видахъ преступленій Пайкъ показываетъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія, каковы были испытанія, выдержанныя задачами культуры, пока она превратила обитателей Британіи въ теперешнихъ англичанъ; такъ, расправа ножомъ почитается теперь un-English, а въ оно время она была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ Англіи; протестъ противъ пусканія въ ходъ при дракѣ ножей начался не ранѣе XVII столѣтія; обманы, надувательства, мошенничества всѣхъ видовъ и сортовъ въ торговлѣ и промыслахъ практикуются до самыхъ позднѣйшихъ эпохъ; контрабанда—самое выдающееся преступленіе Англіи еще во второй половинѣ XVIII столѣтія; кромѣ лжепреступленія, которое было глубоко вкоренившимся (еще съ института очистительной присяги) преступленіемъ Англіи, никакое преступленіе, по его словамъ, не казалось въ то время болѣе національнымъ ***).

Вмѣстѣ взятое, все это показываетъ, что американская жизнь, реципируя англійское право и англійскія учрежденія, получила ихъ въ зрѣломъ видѣ послѣ продолжительнаго и мучительнаго процесса исторической ихъ выработки. Американцы не вырабатывать ихъ наново должны были, а лишь усваивать, приноравливая къ новымъ требованіямъ и эманципируя отъ послѣдовъ ихъ младенческаго періода въ европейскихъ условіяхъ. Этотъ процессъ усвоенія, конечно, также имѣетъ свои историческіе фазисы; но смѣна ихъ происходила, начиная съ соотвѣтствующихъ фазисовъ европейской исторіи болѣе поздняго періода, и совершалась въ несра...

*) Ibid. I, p. 81, 248; II, p. 259, 476, 510.

**) Ibid. II, p. 11.

***) Ibid. I, p. 62, 503; II, p. 139, 241; I, p. 142, 371. 385; II, p. 238, 2.. I, p. 220; II, p. 15, 131, 777, 400.

женно болѣе скоромъ темпѣ, если и напоминая въ извѣстной части исторію Европы, то, такъ сказать, не по полному курсу ея, а лишь въ конспектѣ. Къ уясненію этого можетъ служить параллель съ современной американской литературой, богато выросшей на образцахъ и подъ вліяніемъ англійской, не переживая тѣхъ условій, когда создавались народный эпосъ и другія первичныя ея формы въ самой Англіи.

Эмигрантъ, покидавшій Европу, искалъ освобожденія своей личности отъ политическаго и религіознаго гнета; а, прибывъ въ Америку, нуждался въ тѣхъ многообразныхъ формахъ содружества съ себѣ подобными, которыя могли бы удовлетворять не только первичнымъ требованіямъ общественнаго сожительства, но и болѣе развитымъ культурнымъ запросамъ. Поэтому въ правовомъ и политическомъ смыслѣ ему нужна была обстановка, совмѣщающая въ себѣ наиболѣе полную индивидуальную свободу съ наиболѣе широко поставленною независимостью общественной дѣятельности и иниціативы. Этому лучше всего соотвѣтствовали начала англійскаго права, взятыя независимо отъ историческихъ и международныхъ условій существованія Англіи въ Европѣ. Это и дало въ результатѣ демократическій строй Америки, строй свободнаго политическаго общежитія наиболѣе совершенный, какой человѣчеству пока удалось создать.

I.

Въ дѣлѣ правосудія и его организаціи демократическое начало обнаруживается въ значительной самодѣятельности, которую проявляетъ общество въ борьбѣ съ преступленіемъ. Борьба эта и признается задачею не столько отдѣльнаго органа власти, сколько самого общества, долженствующаго не только, такъ сказать, оплачивать эту должность, а служить ей собственной энергіею и иниціативою. Прокуратуры въ европейскомъ смыслѣ въ Америкѣ не водится. Атторней, воплощающій въ себѣ обвинительное начало процесса, можетъ начать преслѣдованіе за преступленіе не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, хотя бы это и не былъ потерпѣвшій, по требованію судьи или жюри присяжныхъ. Существуютъ зато многочисленные частные союзы и корпораціи, давніе и вновь возникающіе, за которыми признается право на возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій; таковы, общества для преслѣдованія жестокихъ родителей и мужей, для преслѣдованія азартныхъ игръ и шулерства, для преслѣдованія сводничества и т. п. О дѣятельности этихъ обществъ можетъ дать понятіе, напримѣръ, такой фактъ, что, такъ называемое, *Gerry Society*, общество защиты дѣтей противъ жестокаго обращенія, дѣйствующее въ предѣлахъ одной лишь части, старой, гор. Нью-Йорка, расходуетъ въ годъ свыше 200,000 р., изъ коихъ треть даетъ ему городское управленіе, а остальныя средства составляются изъ частныхъ источниковъ. Всѣ эти общества осуществляютъ свою обвинительную функцію чрезъ особыхъ представителей, называемыхъ *officer of the peace*—характерное названіе: задача ихъ

не столько въ изобличеніи виновныхъ, сколько въ служеніи дѣлу умиротворенія. Какъ широко практикуется начало приватныхъ средствъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ европейская точка зрѣнія ищетъ спасительнаго заступничества отъ однихъ только органовъ публичной власти, можно иллюстрировать еще лучше такими примѣрами. Въ Америкѣ нѣтъ судопроизводственныхъ законовъ о правѣ бѣдности, т.-е. законовъ, освобождающихъ неимущихъ отъ судебныхъ пошлинъ и другихъ процессуальныхъ расходовъ *); но есть благотворительныя общества, которыя берутъ на себя судебную защиту бѣдняковъ; одно такое общество Нью-Йорка *(Legal Aid Society)*, напримѣръ, оказало судебное заступничество за одинъ 1903 г. болѣе чѣмъ восемнадцати тысячамъ кліентовъ, израсходовавъ на это свыше 100,000 руб. Еще болѣе частно-правовой характеръ имѣютъ слѣдующіе виды явленій, казалось бы, исключительно публично правовой сферы: такъ какъ надъ опекунами общественныя учрежденія не могутъ проявлять достаточно реальнаго надзора за ихъ распоряженіями имуществомъ малолѣтнихъ и это часто ведетъ къ невознаградимымъ потерямъ для послѣднихъ, то существуютъ особыя общества, которыя за извѣстную премію принимаютъ на себя гарантію за цѣлость имущества; фактически тогда надзоръ за дѣйствіями опекуновъ переходитъ къ этимъ обществамъ **); такъ какъ безспорность границъ и земельныхъ участковъ, а равно правомѣрность ихъ переходовъ изъ рукъ въ руки въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Нью-Йоркъ или Чикаго, составляютъ вопросъ чрезвычайной важности, то существуютъ особыя общества, которыя занимаются изслѣдованіями истоpіи каждаго участка и за извѣстную премію гарантируютъ новому пріобрѣтателю усадьбы неоспоримость его владѣнія.

Но въ такомъ случаѣ, при столь явномъ отсутствіи гарантіи отъ безнаказанности преступленій, которую европейская точка зрѣнія привыкла связывать съ наличностью централизованной въ представителяхъ публичной власти репрессіи, какъ же обстоятъ дѣла въ Америкѣ, каково дѣйствіе того аппарата, который долженъ охранять общежитіе отъ преступныхъ посягательствъ и вести съ ними уголовную борьбу? На это служатъ отвѣтомъ любопытныя статистическія данныя, собранныя Гартманомъ. Изъ сопоставленія ихъ явствуетъ, напримѣръ, что годично въ районѣ Нью-Йорка, равномъ Берлину, или Чикаго, равномъ Гамбургу, возбуждается гораздо меньшее количество уголовныхъ преслѣдованій, чѣмъ въ послѣднихъ; что въ цѣломъ штатѣ Огайо, равномъ по населенію Саксоніи, возбуждается ихъ не болѣе одной четвертой части того, что въ Саксоніи. Преступность, какъ оказывается, въ Америкѣ сравнительно съ европейской уменьшается. Къ американской юстиціи менѣе всего подходитъ обычна

*) Въ Англіи такой законъ имѣется тоже только съ 1902 г.

**) Опекунскія дѣла въ этомъ отношеніи сильно хромаютъ и въ Англіи. Законъ (The Public Trustee Bill), измѣняющій эти порядки къ лучшему и долженствующій установить правительственную отвѣтственность за дѣйствія опекуна, внесенъ въ текущую сессію парламента. См. Журн. мин. юст., 1906 г., V кн., стр. 418.

въ Европѣ уподобленіе слѣдственной процедуры паутинѣ, «гдѣ вязнетъ маленькая муха, а муха сильная всегда пройдетъ».

Но, какъ извѣстно, тяжкіе виды преступности подъ вліяніемъ культуры повсюду вымираютъ. По сопоставленіи, напримѣръ, данныхъ о численности населенія и количествѣ дѣлъ объ убійствахъ, Пайкъ приходитъ къ выводу, что рискъ и опасность пасть отъ руки убійцы теперь въ Англіи въ 37 разъ меньше, чѣмъ были пятьсотъ лѣтъ назадъ *). Въ Англіи же и вообще преступность идетъ сравнительно съ другими странами Европы на убыль. Такъ что въ этомъ явленіи американской жизни не приходится видѣть особенно характеристической черты именно демократическаго ея строя. Насчетъ этого строя Гартманъ и ставитъ не это. На его счетъ онъ ставитъ защитительную тенденцію, проникающую весь американскій уголовный процессъ во всѣхъ его фазисахъ и проходящую красною нитью по ея исторіи. Но и эта черта уголовнаго процесса присуща также современному англійскому суду; но только современному; это тенденція, пріобрѣтенная имъ въ позднѣйшее время; предшествовало же продолжительно совершенно иное, можно сказать, діаметрально противоположное отношеніе къ обвиняемому. По этому поводу Пайкъ говоритъ: кто внимательно изучитъ протоколы по дѣламъ о политическихъ и общихъ преступленіяхъ въ началѣ XVIII столѣтія въ сравненіи съ протоколами начала XIX столѣтія не можетъ не обратить вниманія на чрезвычайно существенную перемѣну, происшедшую въ процессѣ: старинныя стремленія запугать обвиняемаго бранью, раздающеюся изъ-за судейскаго стола, истолковывать все противъ него и лишать его, елико возможно, всякихъ объясненій, замѣняются покровительствомъ, неизмѣнно ему оказываемымъ, желаніемъ, наоборотъ, оцѣнивать все для него благопріятнымъ образомъ и даже наклонностью отыскивать во что бы то ни стало сомнѣнія, которыя должны быть истолкованы въ его пользу **). Характерно, между прочимъ, то, что отступленія отъ нормальнаго процесса въ этомъ отношеніи практиковались больше и дольше всего и въ Англіи по политическимъ процессамъ ***). Защитительная же тенденція американскаго процесса, какъ естественный протестъ противъ политическаго и церковнаго произвола, отъ котораго эмигранты спасались за океанъ, по утвержденію Гартмана, составляетъ замѣтную его черту съ самаго начала. Съ самаго же начала, говоритъ онъ, карательные пріемы Америки проникнуты духомъ широко примѣняе-

---

*) Ibid. II, p. 470.—Съ точки зрѣнія примѣняемыхъ по суду наказаній эти успѣхи культуры могутъ еще быть иллюстрированы такими цифрами: при королевѣ Елизаветѣ вѣшали по судебнымъ приговорамъ до 800 человѣкъ въ годъ; если бы въ такой же пропорціи къ численности населенія вѣшать теперь, то пришлось бы по 10,400 человѣкъ въ годъ; тогда какъ за все царствованіе королевы Викторіи казнили въ среднемъ по 17 человѣкъ въ годъ. *A. Sutherland:* „The Origin and Growth of the Moral Instinct", v. II, p. 208.

**) Ibid. II, p. 323.

***) См. статью *Е. Кулишера:* „Психологія свидѣтельскихъ показаній" въ *Вѣстникѣ Права* за 1904 г., IX, стр. 225.

мой милости. Это обнаруживалось даже при условіяхъ грубой и изоби-
вавшей насиліями первоначальной колонизаціонной жизни, какъ тол-
формировался какой бы то ни было, хотя бы еще самый элементарны
правопорядокъ. Воззрѣнія первыхъ піонеровъ и ихъ общинъ давали то
и направленіе публичной жизни новыхъ штатовъ. Духъ такихъ общи
побудилъ Мичиганъ, объявленный штатомъ въ 1837 г., тотчасъ же про
возгласить у себя отмѣну смертной казни. Въ то время, помимо недолго
вѣчныхъ попытокъ къ этому въ концѣ XVIII вѣка въ Австріи и въ Тос
канѣ, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не была еще отмѣнен
смертная казнь. Въ связи съ наклонностью къ милости находится и на
клонность къ исключенію изъ цѣлей наказанія возмездія самого по себѣ
Эта тенденція проникала уже, подъ вліяніемъ квакерскаго духа, начатк
такъ называемой, пенсильванской системы, основа коей—одиночное за
ключеніе разсчитано на то, чтобы не воздаяніе чинить преступнику, а вы
звать въ немъ раскаяніе. На подобныхъ началахъ выработалась вся со
временная карательная система Америки съ такими преобладающими в
ней тенденціями, какъ широко практикуемое сокращеніе сроковъ наказані
какъ замѣна принудительнаго режима условіями свободнаго и покровител
ствуемаго труда. Нельзя не признать, говоритъ далѣе Гартманъ, что в
гуманитарномъ направленіи современнаго уголовнаго права Европы бол
шею частью содержатся, не всегда ясно сознаваемые, но несомнѣнны
отголоски именно этого американскаго духа.

Гартманъ находитъ, что судъ, творимый именемъ народа, долже
тѣмъ самымъ воспитывать болѣе гуманное отношеніе къ обвиняемом
нежели судъ, творимый именемъ отдѣльнаго повелителя или главы. В
послѣднемъ случаѣ налицо невольное противоположеніе преступника чем
то выше, отдѣльно отъ него стоящему, которое съ нимъ не можетъ имѣт
ничего общаго, которое для него недосягаемо и которое поэтому можетъ
къ нему въ лучшемъ случаѣ снизойти, но которое нормально должно в
отношенію къ нему блюсти свою строгость, суровость и недосягаемость
Тогда какъ судъ, творимый именемъ народа, въ себѣ носитъ сознан
своей общности съ личностью преступника какъ гражданина, равнаго дру
гимъ гражданамъ, и, не содержа вышесказаннаго противоположенія, так
судъ скорѣе склоненъ смотрѣть на преступившаго законы общежитія как
на субъекта, которому ничто человѣческое не чуждо, а на его дѣяні
какъ на порожденіе не его только злой воли, но и условій обстановки
среды; вина индивидуальная становится сколкомъ вины всего общества
вины коллективной, а кара за нее, ослабѣвая въ своей суровости, даетъ
все больше и больше мѣста элементамъ заступничества. Плодами такого
рода воспитанія массъ, по Гартману, и надо считать ту гуманность и
снисходительность, которыя бросаются въ глаза въ Америкѣ всякому, те
перь знакомящемуся съ тамошними уголовными судами или тюрьмами. Все
общественное мнѣніе проявляетъ тамъ тотъ же духъ. И въ газетахъ отра
жается эта тенденція, если сравнить ихъ отчеты объ обнаруженныхъ пре

ступленіяхъ и судебныхъ процессахъ съ такими же отчетами, хотя бы англійской прессы; въ нихъ тонъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ иной, все изложеніе иное, хотя бы дѣло касалось и тяжкаго дѣянія: если имѣются только подозрѣнія, легко допускаются сомнѣнія въ винѣ; если нѣтъ мѣста этимъ сомнѣніямъ, то видно тотчасъ же стремленіе выискать основаніе къ снисхожденію въ прошломъ виновника или въ особыхъ обстоятельствахъ случая.

Человѣкъ, какъ единица, цѣнится выше въ этихъ условіяхъ и съ нимъ обращаются бережнѣе. Тутъ играетъ извѣстную роль и различіе въ экономическихъ факторахъ. Америка изобилуетъ природными богатствами, и, если испытываетъ нужду, то не въ нихъ, а пока только въ населеніи. Человѣкъ, говоритъ по этому поводу Гартманъ, расточителенъ въ Америкѣ при обращеніи съ природными богатствами и сдержанъ при обращеніи съ себѣ подобными; тогда какъ въ переполненной Европѣ человѣкъ всячески себя сдерживаетъ въ обращеніи съ дарами природы и, можно сказать, расточителенъ, когда вопросъ идетъ объ экономіи людьми. Наконецъ, извѣстную долю указаннаго направленія должно отнести на счетъ оптимизма, присущаго вообще американцамъ, который констатируется всѣми изслѣдователями ихъ культуры и ставится въ связь съ колонизаціоннымъ прошлымъ и настоящимъ страны: колонистомъ вѣдь можетъ стать только тотъ, кто вѣритъ въ предстоящее ему лучшее будущее. Оптимизмъ поэтому, можно сказать, предопредѣленъ для Америки. Къ такому заключенію приходитъ, напримѣръ, въ своихъ недавно опубликованныхъ наблюденіяхъ надъ американцами историкъ Карлъ Лампрехтъ *). Однако, чтобы у колониста сохранился его оптимистическій пылъ и не перешелъ подъ вліяніемъ встрѣтившихъ его въ новыхъ условіяхъ разочарованій въ пессимизмъ, требуется, чтобы надежды его на лучшее будущее сбывались, чтобы совершонный имъ шагъ не вызывалъ въ немъ раскаянія. Этого послѣдняго переселившееся за океанъ человѣчество и отнюдь не испытываетъ. Сохраненіемъ же и развитіемъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа американское населеніе обязано демократическому строю своихъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, столь удачно комбинирующихъ пользу общую съ самой широкой индивидуальной свободой и личной инициативой.

Для иллюстраціи того, что именно въ этомъ отношеніи даетъ непосредственно истый демократическій строй, Гартманъ дѣлаетъ сопоставленіе дѣятельности судовъ отдѣльныхъ штатовъ съ дѣятельностью въ нихъ же судовъ федеративныхъ. Послѣдніе вѣдаютъ только нѣкоторую категорію уголовныхъ дѣлъ общегосударственнаго значенія, какъ-то: нарушеніе законовъ о почтѣ, о монетѣ, о контрабандѣ и т. п. Федеративные судьи не выбираются, а назначаются изъ Вашингтона; точно также какъ назначаются и атторнеи этихъ судовъ. И оказывается, что въ этихъ судахъ,

---

*) См. его *Americana*. Reiseeindrücke und Betrachtungen. Geschichtliche Gesamtsicht Freiburg im Breisgau. 1906, s. 109.

также какъ и въ особыхъ мѣстахъ заключенія, которыя устраива центральнымъ правительствомъ, царитъ духъ несравненно болѣе суро порядки гораздо менѣе подвижные и режимъ, въ общемъ напомина европейскій бюрократизмъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи и слѣду фактъ. Столица Вашингтонъ пользуется особаго рода экстерриторіальност она не принадлежитъ ни къ какому штату и управляется не выборн властями, а магистратомъ, назначаемымъ президентомъ республики. И с зывается, что это замѣтно сказывается бюрократическимъ духомъ в управленія; число же уголовныхъ преслѣдованій, возбуждаемыхъ носите власти, здѣсь въ два, въ три и даже въ пять разъ больше, нежели другихъ городахъ съ такимъ же по численности населеніемъ.

Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на тѣ особыя усл или, точнѣе, на отсутствіе этихъ условій, благодаря которому амери скому общежитію удалось осуществить въ самомъ чистомъ видѣ ист демократическій строй и духъ отношеній. А именно. Въ ней не и мѣста: ни военный режимъ, которому такую дань платила и платитъ Евр ни династическіе споры и соревнованія, стоившія столько напрасной кр Объ огромной роли, какую то и другое играло поддерживаніемъ ди наклонностей и упражненіемъ жестокихъ чувствъ въ исторіи престу говоритъ неоднократно въ своемъ изслѣдованіи Пайкъ *). Онъ истори доказываетъ, что главнымъ элементомъ преступныхъ наклонностей въ сахъ всегда были и есть военныя надобности и привычки. Изо всѣхъ торовъ преступности, говоритъ онъ, ни одинъ такъ не нагляденъ, война, ибо наличность ея неизмѣнно влечетъ за собою усиленіе прес ности, а отсутствіе также неизмѣнно сопровождается повсюду ослабле преступности **). Исторія же Англіи, какъ и всей Европы, есть до слѣдняго столѣтія почти сплошное военное положеніе съ незначитель перерывами, которые составляли не болѣе, какъ краткое перемиріе. Т какъ исторія Америки не представляетъ ничего подобнаго и совсѣмъ грѣшна никакими династическими счетами или происками.

Всѣмъ этимъ же причинамъ расцвѣта демократическаго духа Америка зана, по Гартману, и гуманитарнымъ, защитительнымъ строемъ уг наго процесса, какимъ она отличается.—Къ характеристическимъ въ э отношеніи подробностямъ ея уголовнаго процесса мы и переходимъ те сдѣлавъ здѣсь еще одно только общее указаніе, что къ выводу о пре дающей защитительной тенденціи въ уголовномъ процессѣ Америки ходитъ также и другой большой знатокъ американской жизни и куль профессоръ гарвардскаго университета Гуго Мюнстербергъ. Въ этомъ о шеніи онъ проводитъ такую параллель: нѣмецъ сосредоточиваетъ правосознаніе на томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ виновный не из законной кары; американецъ, напротивъ, сосредоточиваетъ свое пра

*) Ibid., II, p. 113, 273, 328, 334, 372, 531, 593, 680.
**) Ibid., II, p. 340.

ніе на томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не понесъ нака-
ія *). Мюнстербергъ, при этомъ, также приводитъ эту тенденцію уго-
наго процесса въ связь съ демократическимъ духомъ народа и страны.

II.

При переводѣ англійскихъ процессуальныхъ порядковъ на американскія
овія Большое жюри присяжныхъ не только сохранило функціи, которыя
у первоначально принадлежали въ Англіи, но ихъ расширило и преумно-
ло. Въ Англіи Большое жюри, возникшее изъ обысканыхъ людей,
торыхъ въ оно время представители короны или церкви опрашивали о
ныхъ мѣстныхъ нуждахъ и, между прочимъ, о преступленіяхъ, посте-
нно перешло въ институтъ, функціонирующій преимущественно какъ
ганъ преданія суду, иногда лишь берущій на себя инициативу возбужде-
я уголовнаго преслѣдованія. Оно дѣйствуетъ негласно, безъ вызова обви-
няемаго и его свидѣтелей, опрашиваетъ обвинителя и иногда его свидѣ-
телей и ограничивается рѣшеніемъ вопроса о годности или негодности обви-
нительнаго акта для направленія его суду обыкновеннаго Малаго жюри
исяжныхъ. Въ Америкѣ же, согласно съ общимъ характеромъ народо-
стія, Большое жюри не только осуществляетъ обвинительныя функціи
качествѣ представителя общины, но проявляетъ значительно разносто-
ннѣе ея контролирующую власть. Оно часто само назначаетъ разслѣдо-
нія по разнымъ возбуждающимъ общественное вниманіе происшествіямъ;
къ, наприм., въ 1904 году въ С.-Луи Большое жюри потребовало про-
рки списка избирателей, относительно котораго циркулировали разные
нные слухи, и высказало свое сужденіе относительно нѣкоторыхъ сомни-
льныхъ пунктовъ, касающихся ихъ составленія. Въ законахъ штата Тен-
сси прямо выражено, что Большое жюри, будучи обязаннымъ изслѣдо-
ть всѣ уголовныя дѣянія своего округа, имѣетъ право производить ре-
візію устройству и управленію мѣстъ заключенія, провѣрять наличность
щинной кассы и залоговъ, вносимыхъ должностными лицами, изслѣдовать
учаи какихъ бы то ни было препятствій или безпорядковъ на обществен-
ыхъ дорогахъ и проч.; при этомъ оно имѣетъ право приглашать и допра-
шивать подъ присягою свидѣтелей, какихъ найдетъ нужнымъ; ему принад-
лежитъ, какъ послѣ приведеннаго само собою разумѣется, право назначать
слѣдствіе по поводу каждаго дошедшаго до него извѣстія о преступленіи
и проступкѣ, если оно признаетъ это извѣстіе заслуживающимъ довѣрія.
Въ американской жизни Большое жюри, по словамъ Гартмана, занимаетъ
до извѣстной степени центральное мѣсто. Точно такъ, какъ при внѣшнихъ
безпорядкахъ шерифъ становится центромъ, организующимъ гражданскую
самооборону, Большое жюри во всякое время можетъ стать центромъ, около
котораго группируются жалобы и недовольства, вызванныя безпорядками
правового характера.

---

*) „Die Amerikaner“ von Hugo Münsterberg. Berlin, 1904, II, s. 250 и слѣд.

Что касается Малаго жюри, т.-е. суда съ присяжными, то характе стическимъ отличіемъ Америки въ этомъ отношеніи является пере центра тяжести процесса не только по вопросамъ факта, но и по во самъ права, съ судьи на коллегію присяжныхъ. Во многихъ штатахъ п сяжнымъ принадлежитъ право указанія на видъ подлежащаго примѣне наказанія. Такъ, въ штатѣ Луизіанѣ, Калифорніи, Иллинойсѣ и д присяжнымъ предоставляется право по дѣламъ, грозящимъ примѣненіе смертной казни, гдѣ она еще сохранилась, прибавить къ обвинитель вердикту оговорку «безъ примѣненія смертной казни» (guilty, without pital punishment). Если же это право разсматривать только какъ перешед къ присяжнымъ право помилованія, то цѣлый рядъ другихъ опредѣле такого же характера указываетъ именно на тенденцію расширить ко тенцію присяжныхъ на вопросы права; такъ, наприм., въ штатѣ Мисс присяжные опредѣляютъ продолжительность заключенія, которому дол подлежать обвиненный, и даже видъ заключенія, если по закону ихъ имѣе нѣсколько. Гдѣ введены приговоры безъ опредѣленія судомъ самаго ср заключенія, о примѣненіи этого вида приговора предоставляется ска свое слово присяжнымъ. Да въ процессуальномъ уставѣ штата Иллино 1903 г. въ § 431 прямо выражено, что присяжные въ уголовныхъ дѣл являются судьями факта и права («Juries in all criminal cases shall judges of the law and the fact»). Отсюда вытекаетъ и то, что напутст ное слово предсѣдательствующаго судьи теряетъ тотъ подавляющій а ритетъ, который ему свойствененъ въ англійскомъ судѣ. Гартманъ от чаетъ, что это теченіе усилилось съ тридцатыхъ годовъ прошлаго с лѣтія, когда демократизація общественнаго строя стала осуществля особенно настойчиво. Въ англійскомъ судѣ напутствіе судьи присяжн всегда устное; въ Америкѣ стали заводить правила о чтеніи напутствія письменномъ изложеніи; такой порядокъ легко сводитъ напутствіе къ чте шаблоннаго разъясненія по печатному тексту. Бываетъ и такъ, какъ Делаварѣ, гдѣ въ дѣлахъ, въ которыхъ сидитъ по нѣсколько судей (напр объ умышленномъ убійствѣ), присяжнымъ даютъ подъ-рядъ напутствіе каж изъ судей, и напутствія эти поэтому нерѣдко разнорѣчивы.

Вопросъ о положеніи и роли судей въ странѣ разрѣшается прежде вс по тому признаку, избираемы ли они населеніемъ, или назначаются как нибудь центральной властью. Англія—страна назначаемыхъ судей по и имуществу. Америка же олицетворяетъ собою противоположный типъ. этомъ пунктѣ наглядно выражается контрастъ политическаго строя то другой страны. Въ первоначальныхъ штатахъ судьи были назначаемы. когда стали организовываться новые штаты, то получилъ преоблада противоположный принципъ. Это началось со штата Индіаны въ 1816 и затѣмъ повторилось при образованіи штата Миссисипи въ 1832 г., шт Мичиганъ въ 1835 г., штата Іова въ 1846 г., штата Калифорніи въ 1849 и т. д. Самая форма избранія видоизмѣнялась: то избраніе происход въ представительныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, то непосредстве

селеніемъ каждой мѣстности. Измѣнялись и сроки, на которые избраніе ершалось: то оно было пожизненно, то въ предѣлахъ тѣхъ сроковъ, которые избираются остальныя должностныя лица (большею частью на ырехлѣтіе). Избраніе непосредственное и срочное получаетъ все большее большее преобладаніе. Къ нему перешло уже и большинство старыхъ атовъ. Это тенденція несомнѣнно въ связи съ все возрастающею демотизаціею всего строя управленія.

Представляется умѣстнымъ здѣсь же указать на высокое положеніе, имаемое въ народномъ мнѣніи должностью судьи, и на фактическое соотвѣтствіе американскихъ судей этимъ требованіямъ, констатируемое столь оритетнымъ знатокомъ американской политической и общественной жи, какъ Джемсъ Брайсъ, который, должно при этомъ замѣтить, принциьный противникъ избирательнаго начала въ примѣненіи къ судейской жности *). «Кто разъ былъ судьею, всегда останется судьею» («once dge, always a judge»), говорятъ американцы и потому титулуютъ такъ даго бывшаго судьею, занимается ли онъ послѣ того адвокатурою или гой профессіею, охотно поддерживая его кандидатуру на всякую общеенную должность.

Про выборное начало въ отношеніи судей Гартманъ, между прочимъ, аетъ такое общее заключеніе: выборъ судей народомъ, воззрѣніе, что на есть настоящій источникъ и носитель правопорядка, и вліятельное оженіе присяжныхъ въ уголовномъ процессѣ—все это находится въ ной связи одно съ другимъ; все это выросло на одной и той же общеенной почвѣ; каждый изъ этихъ моментовъ подкрѣпляетъ остальные, дучи одновременно и причиной и слѣдствіемъ ихъ.

Въ отношеніи судейскихъ функцій въ Америкѣ и ихъ взаимоотношенія адвокатурою весьма интересныя сужденія принадлежатъ также Мюнстерргу, который признаетъ въ этомъ случаѣ величайшее значеніе за юстию, творимою, по англо-американскому образцу, не по предписаніямъ саннаго кодекса, а по обычному праву и прецедентамъ, что, относясь вныиъ образомъ къ гражданскому праву, не можетъ остаться безъ янія и въ области, чаще кодифицированнаго, уголовнаго права и проса.

«Нѣмецкій судья,—говоритъ онъ,—имѣетъ передъ собою готовыя правыя нормы и является ихъ слугою; американскій судья создаетъ право является его господиномъ. Но когда рѣшеніе судьи связано съ прецетами, то участь сторонъ въ процессѣ зависитъ отъ того, въ состояніи ли и указать на прецеденты, говорящіе въ ихъ пользу. Тяжущіеся, конечно, ого сами не могутъ; въ этомъ задача адвокатуры. Этимъ открывается и адвоката поприще дѣятельности, гораздо болѣе вліятельное, чѣмъ, намѣръ, у нѣмецкаго адвоката. Онъ долженъ заняться не только особенстями одного даннаго случая, а установленіемъ связи между единичными

*) „The American Commonwealth", ed. 1899, v. II, p. 634.

особенностями этого случая со всѣмъ историческимъ прошлымъ. Этимъ призваніе адвоката пріобрѣтаетъ внутреннее значеніе, котораго нѣмецкій адвокатъ вообще не знаетъ и которое неизбѣжно во многихъ случаяхъ превосходитъ значеніе самого судьи, такъ какъ судья вынужденъ придерживаться прецедентовъ, которые указываются адвокатами каждой изъ сторонъ. Но судьи избираются по преимуществу изъ адвокатовъ и, слѣдовательно, сами того убѣжденія, что истинное право содержится въ прошлыхъ рѣшеніяхъ и что новыя рѣшенія, постановляемыя судомъ, только тогда цѣнны, когда они внушаютъ къ себѣ по своему существу уваженіе представителей адвокатуры. Поэтому адвокаты и судьи образуютъ нѣчто единое. Они сообща представляютъ исторически сложившееся и ежедневно образующееся правосознаніе, которое изъ этого постоянно живого источника съ несравненною свѣжестью и непосредственностью проникаетъ въ массы» *).

Судья въ Америкѣ функціонируетъ не только какъ власть, воздающая за совершонное преступное дѣяніе, но и какъ власть, предупреждающая насиліе и своеволіе. Если судьѣ заявляютъ объ угрозахъ или похвальбѣ, произносимыхъ кѣмъ-либо въ его округѣ, онъ имѣетъ право вызвать это лицо, произвесть разслѣдованіе по этому поводу и, если признаетъ это нужнымъ, потребовать обезпеченіе отъ этого лица въ томъ, что оно не приведетъ своей угрозы въ исполненіе; обезпеченіе это можетъ состоять въ денежномъ залогѣ, въ благонадежномъ поручительствѣ, а иногда и до представленія этихъ гарантій въ лишеніи свободы. Въ этихъ случаяхъ судья дѣйствуетъ, какъ хранитель мира—*Conservator of the Peace*, въ роли, съ которою въ значительной степени связано уваженіе, внушаемое населенію этой должностью.

У каждаго читателя, однако, когда онъ встрѣчаетъ изображеніе, подобное вышеприведенному, идеализующее судебный строй и порядки Америки, непремѣнно рождается вопросъ, какъ же все это примирить съ явленіями дикой саморасправы и жестокости, извѣстными подъ названіемъ линчеванія и столь сравнительно часто отмѣчаемыми въ хроникѣ американской жизни? На этихъ явленіяхъ останавливается, конечно, въ своей книгѣ и Гартманъ. Онъ, понятно, не берется ихъ оправдывать, но въ объясненіе ихъ вноситъ довольно интересную и новую точку зрѣнія. Онъ говоритъ, что судить объ этихъ явленіяхъ надо, прежде всего, примѣняясь къ нѣкоторымъ условіямъ американской жизни характера исключительнаго. Къ разряду ихъ относится пресловутый негритянскій вопросъ, вызываемый расовымъ антагонизмомъ и рабовладѣльческимъ наслѣдіемъ. Что же касается народной саморасправы, чинимой надъ неграми (объекта-

---

*) „Die Amerikaner“, I, s. 178. Интересно тутъ привести и мнѣніе русскаго ученаго о политической цѣнности правосудія, творимаго на основаніи судебнаго прецедента: „Наибольшую силу за судебными прецедентами признаютъ государства самыя свободныя: нѣкогда—республика римская, теперь Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки“, говоритъ проф. Г. Демченко въ своемъ изслѣдованіи „Судебный прецедентъ“. Варшава, 1903 г., стр. 184.

линчеванія служатъ по преимуществу чернокожіе), то съ политической [...] зрѣнія надо въ этомъ видѣть общинный самосудъ въ буквальномъ [...]лѣ этого слова, т.-е. осуществленіе общиною своего коренного права [...]ть судъ и расправу надъ преступниками, того права, которое она во[...]е делегируетъ своимъ избранникамъ-судьямъ и шерифамъ, и которое [...] въ этихъ случаяхъ или на такой случай возвращаетъ себѣ обратно. [...]ъ происходитъ не возмущеніе народа противъ властей предержащихъ, [...] надо бы разсматривать линчеваніе съ точки зрѣнія и въ обстановкѣ [...]опейской, а какъ бы судебная расправа правильнаго носителя судебной [...]сти, но безъ обычныхъ посредниковъ ея: община судитъ виновника [...]утившаго ее дѣянія сама, безъ участія облеченныхъ ею же для этого [...]новъ власти. Надо при этомъ имѣть въ виду, что случаи линчеванія [...]ютъ обыкновенно не тогда, когда есть сомнѣніе въ виновникѣ дѣянія, [...]лько тогда, когда дѣяніе и его несомнѣнный виновникъ вызываютъ [...]пы требованіе примѣрнаго наказанія тутъ же на мѣстѣ. Въ этомъ [...]аѣ,—говоритъ Гартманъ,—сказывается взглядъ американцевъ, въ ихъ [...]ошеніяхъ къ неграмъ, на судъ присяжныхъ, какъ, въ извѣстномъ смыслѣ, [...] судъ пэровъ для бѣлыхъ, какъ на благородное судилище, гарантіями [...]го недостойны пользоваться чернокожіе ихъ сограждане, тѣ въ особен[...]сти, которые въявь обнаружили свои низменные животные инстинкты [...]ичеваніе обыкновенно вызывается насиліемъ негра надъ бѣлой жен[...]ной).

Тѣмъ не менѣе, конечно, линчеваніе остается позорнымъ пятномъ со[...]еменной Америки, пережиткомъ старыхъ традицій, которымъ давно бы [...]ра отойти въ безвозвратное прошлое. Вмѣсто того мы видимъ, что лин[...]ваніе настолько еще тамъ привлекательно для многихъ, что желѣзныя [...]роги не стѣсняются объявлять о спеціальныхъ поѣздахъ въ мѣста, гдѣ [...] слухамъ по какому-нибудь изъ соотвѣтствующихъ случаевъ оно ожи[...]ется. Это, впрочемъ, одна изъ тѣхъ принадлежностей рабовладѣльческаго [...]слѣдія, которыя и во многихъ другихъ отношеніяхъ не даютъ о себѣ [...]быть Америкѣ, будучи серьезными путами для безпрепятственнаго даль[...]йшаго слѣдованія по пути прогресса культурнаго и политическаго. Гарт[...]ъ не разъ въ своемъ изслѣдованіи обращаетъ вниманіе на то, что вы[...]ющіяся и привлекательныя черты американской жизни и судебнаго строя [...]аруживаются пока только въ штатахъ давнихъ и новѣйшихъ, а отнюдь [...] въ южныхъ, бывшихъ ареной рабовладѣнія и заключающихъ въ себѣ по[...]нѣ главную массу чернокожихъ потомковъ, лишь четыре десятилѣтія [...]ну назадъ отмѣненнаго, а до того столѣтіями въ нихъ сосредоточивавша[...]ся рабства.

Вообще должно имѣть въ виду, что при американскихъ условіяхъ по[...]тическихъ, историческихъ и этнографическихъ при столь большомъ раз[...]образіи въ составѣ населенія и времени вступленія отдѣльныхъ мѣст[...]стей въ общій политическій союзъ, при совершенномъ отсутствіи ка[...]кого-нибудь одного централизующаго начала, которое могло бы сразу за-

водить и насаждать повсемѣстно одни порядки, отмѣняя прежніе, а в наличности, наоборотъ, совершенно иного начала, по которому каждая часть союза развивается самостоятельно и политически независимо отъ другой, нельзя и думать, что та часть развитія и совершенства, которой дошелъ одинъ изъ штатовъ, есть доказательство такой же степени, достигнутой остальными. Ничуть не бывало. Во многихъ мѣстахъ сохраняются еще разные печальные пережитки стараго. Напримѣръ, въ миніатюрномъ штатѣ Делаварѣ лишь въ прошломъ году отмѣненъ позорный столбъ, у котораго выставлялись нѣкоторые изъ преступниковъ. Есть и понынѣ случаи примѣненія карательныхъ мѣръ, которыя никакому раціональному взгляду не соотвѣтствуютъ; наприм., въ штатѣ Вайомингъ въ 1905 г. введенъ законъ, облагающій особой карой даваніе «на чай» и «на водку». Но это, конечно, отдѣльныя частности, которыя не должны затемнять вида основныхъ теченій жизни и новаго ихъ направленія. Заслуга Гартмана и состоитъ въ томъ, что онъ съ большимъ умѣніемъ разобрался въ разнорѣчивыхъ фактахъ современной американской жизни, отдѣливъ въ нихъ основное отъ придаточнаго, постоянное отъ временнаго и установивъ истинное теченіе идей и стремленій въ занимающей насъ области.

III.

Защитительная тенденція уголовнаго процесса Америки можетъ быть отмѣчена съ самаго начала уже на томъ, что ,во-первыхъ, защитникъ допускается и всегда допускался къ участію въ дѣлѣ со стороны обвиняемаго во всѣ моменты слѣдствія, и что, во-вторыхъ, при разбирательствѣ на судѣ по требованію обвиняемаго ему дается защитникъ по назначенію. Англійскій же процессъ очень долго придерживался взгляда, что защитникомъ подсудимаго самъ судья («the judge is the counsel of the prisoner») и что поэтому ему не нужно никакого особаго заступника, а до 1903 г. не зналъ совсѣмъ никакого назначенія судомъ защитника неимущему подсудимому. Роль и положеніе защитника, какъ равноправнаго съ обвинителемъ органа суда, опредѣляется тѣмъ общимъ положеніемъ, которое по американскому и позднѣйшему англійскому процессу самъ обвиняемый занимаетъ въ изслѣдованіи дѣла; а именно, обвиняемый не считается не только формально, но и по всеобщему убѣжденію обязаннымъ содѣйствовать выясненію дѣла; противъ него предъявлено обвиненіе, и обвинитель такъ же, какъ истцу въ гражданскомъ процессѣ, надлежитъ доказывать свое требованіе передъ судомъ; обвиняемый это тотъ же отвѣтчикъ и он ни въ чемъ не обязанъ помогать направляемымъ противъ него судебнымъ дѣйствіямъ. Американскій судья дѣйствительно считаетъ, что отрицаніе обвиняемымъ своей вины ничего не доказываетъ, тогда какъ нѣмецкій судья, какъ говоритъ Гартманъ, исходитъ изъ положенія, что «обвиняемый долженъ бы прежде всего стараться выяснить дѣло». Послѣдняя то

рѣнія есть отправная точка инквизиціоннаго воззрѣнія, по которой правительственная или судебная власть имѣетъ право на истину, къ открытію которой ей обязаны содѣйствовать всѣ и въ томъ числѣ даже тотъ, противъ котораго она направляетъ свои дѣйствія; тогда какъ американская точка зрѣнія считаетъ обвиняемаго прежде всего носителемъ правъ гражданина, а отнюдь не такимъ объектомъ, котораго неприкосновенностью можно пренебрегать хотя бы и въ видахъ открытія истины. Обвинитель есть власть, на него нападающая, а защитникъ—орудіе, его обороняющее; исходъ процесса зависитъ отъ результатовъ ихъ борьбы между собою на судѣ; обвиняемый въ правѣ ограничиться ролью нѣмого свидѣтеля этой борьбы; отъ него американскій судья ничего не ждетъ, а защитника отнюдь онъ не разсматриваетъ, какъ одну общую съ обвиняемымъ сторону,—защитникъ для него третье въ процессѣ лицо, функціонирующее на равныхъ правахъ съ обвинителемъ, какъ его противовѣсъ въ процессѣ. Строй и ходъ американскаго уголовнаго процесса исключаетъ всякій признакъ господства въ немъ правительственной власти или какого-либо органа ея,—тогда какъ на европейскомъ континентѣ главенство прокуратуры—не исчезающая понынѣ характерная черта всего уголовнаго судопроизводства. По американскому воззрѣнію ни передъ какими требованіями уголовнаго правосудія не должны поступаться гарантіи свободы и достоинства гражданъ. Европейская точка зрѣнія, напримѣръ, мирится съ тѣмъ, что ради «раскрытія истины» человѣкъ можетъ находиться нескончаемое время подъ слѣдствіемъ, пока обвинительная власть не исчерпаетъ всѣхъ дѣйствительныхъ или даже только мнимыхъ для этого средствъ. А по американскимъ политическимъ понятіямъ обвиняемый въ какомъ бы ни было преступленіи имѣетъ право, прежде всего, на скорый судъ. Объ этомъ внесена особая оговорка въ союзную конституцію 1789 г. касательно всѣхъ союзныхъ судовъ, прямо это гласящая: «The accused shall enjoy the right to a speedy trial». То же самое повторяется въ органическихъ законахъ большинства отдѣльныхъ штатовъ. Это общее положеніе получило дальнѣйшее развитіе въ такомъ видѣ, что, наприм., калифорнскій процессуальный уставъ вмѣняетъ суду въ обязанность прекратить уголовное преслѣдованіе, если обвинитель не внесетъ его въ засѣданіе въ теченіе 60 дней со времени возбужденія. По уставу штата Иллинойсъ такимъ пресѣкательнымъ срокомъ назначается четыре мѣсяца, причемъ во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ судъ можетъ продлить обвинителю этотъ срокъ не болѣе одного раза и не долѣе, какъ на 70 дней. Такимъ образомъ, вышеприведенная добавка къ конституціи объясняется не только чуткостью освободительнаго движенія того времени, пуще всего боявшагося тиранническихъ проявленій власти по европейскому образцу, а демократическимъ требованіемъ гарантій для истинной свободы. И дѣйствительно, что даютъ въ этомъ смыслѣ за гарантію европейскіе кодексы даже самаго прогрессивнаго типа, когда ни одинъ гражданинъ въ виду отсутствія ограниченій для продолжительности предварительнаго слѣдствія ими

не гарантированъ отъ того, чтобы его не могъ судебный слѣдова сгноить въ тюрьмѣ по тѣмъ или другимъ подозрѣніямъ, могущимъ о затьса въ концѣ-концовъ даже и лишенными основанія! На континен Европы, когда говорятъ о необходимости ускоренія процесса, то, главны образомъ, процесса гражданскаго по денежнымъ претензіямъ, а если у ловнаго, то въ видахъ быстроты репрессіи, а отнюдь не съ точки зрѣ политической гарантіи для гражданъ. Европейская практика, уступая т бованіямъ жизни, дѣлаетъ различіе въ движеніи дѣлъ, подраздѣляя и смотря по тому, на свободѣ ли или нѣтъ обвиняемый, на «арестантскі и «не арестантскія»; но эта канцелярская гуманность, регулируемая законовъ, а циркулярами, конечно, не можетъ быть поставлена въ раллель съ конституціонными гарантіями гражданской свободы.

Продолжительные процессы бываютъ и въ Америкѣ; бываютъ и та по которымъ обвиняемые находятся годами подъ стражей; но это то по причинѣ новыхъ и новыхъ сроковъ, которые судъ назначаетъ обви мому *по его ходатайству* для предоставленія ему всѣхъ средствъ оп даться. «Тогда какъ,—говоритъ по этому поводу Гартманъ,—инквизиці ный процессъ ставитъ во главѣ вопросъ объ обнаруженіи преступле американскій процессъ представляется какъ бы задающимъ себѣ пр всего вопросъ о томъ, какъ помочь обвиняемому». Правильность эт замѣчанія подтверждается въ особенности тѣмъ, наприм., что амери скій уголовный процессъ усвоилъ себѣ институтъ такъ назыв. *new tri* который существуетъ въ англійскомъ *гражданскомъ* процессѣ. Онъ стоитъ въ томъ, что судья, при участіи котораго состоялся пригов присяжныхъ, или высшій судъ можетъ назначить по просьбѣ обвиня го, если признаютъ уважительными его доводы къ тому, новое разб тельство этого дѣла передъ другимъ составомъ присяжныхъ. Само со разумѣется, что это возможно только въ случаѣ обвинительнаго пр вора.

Бываютъ случаи, когда и обвинитель получаетъ право на возбужд вновь дѣла; но это только при такъ называемыхъ mistrials, т.-е. к присяжные не приходятъ къ требуемому единогласію и значитъ ника приговора по дѣлу не произносится. Тогда разрѣшается обвинителю могаться разсмотрѣнія того же обвиненія передъ другимъ составомъ сяжныхъ. Хотя никакой законъ не ограничиваетъ числа такихъ возоб вленій дѣла при повторившемся mistrial, т.-е. когда опять присяжные пришли къ единогласію, на практикѣ болѣе двухъ разъ обвинители о пр возобновленія дѣла на этомъ основаніи не пытаются ходатайствовать.

Защитительная тенденція весьма явственна на слѣдующей подробн процессуальныхъ правилъ. Хотя обвинитель ограниченъ въ срокѣ, въ ченіе котораго онъ долженъ представить свой обвинительный матер на разсмотрѣніе суда, тѣмъ не менѣе отъ него требуется, чтобы его с дѣтели непремѣнно были налицо; чтеніе ихъ показаній, отобранныхъ другомъ мѣстѣ, не допускается; тогда какъ обвиняемый имѣетъ пр

льзоваться при извѣстныхъ обстоятельствахъ и письменными показаніи своихъ свидѣтелей.

Демократизація процесса въ сравненіи съ англійскимъ выражается въ тъ еще, что по конституціи многихъ штатовъ каждый гражданинъ имѣъ право не только по преступленіямъ, но и при обвиненіи въ проступкѣ ребовать разбирательства дѣла при участіи присяжныхъ; въ этихъ слуяхъ по дѣламъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ фигурируетъ особое юри въ составѣ лишь пяти человѣкъ. Затѣмъ, та же тенденція заклюется въ правилѣ, что каждый изъ соучастниковъ преступленія имѣетъ раво требовать, чтобы о немъ дѣло разсматривалось отдѣльнымъ составомъ присяжныхъ; въ этомъ правилѣ явственно сказывается, насколько минирующимъ надъ всѣми остальными соображеніями въ уголовномъ роцессѣ является стремленіе оградить интересы и права обвиняемаго, къ гражданина; такъ что, сколь затруднительно отъ этого ни было бы ложеніе обвиненія, коль скоро обвиняемому кажется, что отъ совмѣстго разсмотрѣнія дѣла о немъ съ другими обвиняемыми нарушается или ребивается вниманіе присяжныхъ къ вопросу объ его винѣ, на полноту рго при постановленіи ими вердикта онъ въ правѣ претендовать, дѣло немъ должно быть выдѣлено въ особое производство. Интересы полноты тины учиненнаго нѣсколькими соучастниками преступленія, ради котоъ существуетъ въ европейскихъ кодексахъ правило о совмѣстномъ дѣ надъ всѣми участниками дѣянія (такъ назыв., нераздѣльность просса), здѣсь уступаютъ политическому требованію равнаго и одинакого для всѣхъ безъ различія суда. Въ Англіи нельзя только соединять ъ по совокупности преступленій, а нужно отдѣльное производство по ждому отдѣльному обвиненію; а здѣсь каждый обвиняемый даже по ному и тому же съ другими обвиненію въ правѣ требовать отдѣльнаго дъ собою суда. Само собою, далѣе, разумѣется, что обвиняемый въ мерикѣ въ правѣ требовать публичнаго разсмотрѣнія своего дѣла рѣшиьно всякаго безъ какихъ бы то ни было исключеній. Американцы считютъ,—говоритъ по этому поводу Гартманъ,—что истинные интересы годарства никогда несовмѣстимы съ тайнымъ производствомъ суда.

При выборѣ состава присяжныхъ стороны чрезвычайно широко польются правомъ отвода, и безъ объясненія причинъ, и по причинамъ, легко лучающимъ одобреніе судьи *). Съ этимъ находится въ связи явленіе, обо характеризующее чисто состязательный принципъ американскаго просса, что иногда составъ присутствія ограничивается, за недостаточностью одходящихъ лицъ по списку, одиннадцатью или даже только десятью присяжными, вмѣсто двѣнадцати, если объ этомъ состоится соглашеніе между торонами. Соглашенію принадлежитъ еще большая роль въ такъ-назыемыхъ компромиссахъ обвиняемаго съ судьею и обвинителемъ. Субъектъ,

*) Подробности объ этомъ и о ходѣ самаго разбирательства см. мою статью О судебныхъ порядкахъ и адвокатурѣ въ Соединенныхъ Штатахъ" (изъ личныхъ печатлѣній), *Русская Мысль*, 1902 г., кн. VIII, стр. 72.

наприм., обвиняемый въ кражѣ со взломомъ, признаетъ себя виновны
но только въ простой кражѣ, или обвиняемый въ убійствѣ признаетъ се
виновнымъ, но лишь въ нанесеніи побоевъ или раны. Тогда производс
на этомъ оканчивается и судья приговариваетъ виновнаго къ наказа
по установленному его признаніемъ дѣянію. Англійскій судъ также м
жетъ при сознаніи обвиняемаго въ менѣе тяжкомъ, чѣмъ ему припис
ваемое, дѣяніи приступить безъ дальнѣйшаго разбирательства къ пост
новленію приговора о наказаніи; но на практикѣ судьи тамъ на это ид
только тогда, когда разница въ наказаніи отъ этого получается незна
тельная. Американскіе же судьи очень часто соглашаются на этотъ ко
промиссъ при явной даже выгодѣ отъ этого для обвиняемаго, такъ ка
преобладающая у нихъ тенденція, пользующаяся популярностью и ср
населенія, что дѣло борьбы съ преступленіемъ чрезъ наказанія не стол
въ томъ, чтобы отягощать участь виновнаго, сколько въ томъ, чтоб
только не оставлять преступныхъ дѣяній безнаказанными. Сходство н
чалъ уголовнаго процесса Америки съ ея гражданскимъ процессомъ, ск
зывающееся на многихъ другихъ подробностяхъ, на этомъ примѣрѣ р
шающаго значенія, придаваемаго соглашенію сторонъ предпочтител
предъ соображеніями о суверенитетѣ карающей власти государства и т
подобными суровыми принципами, особенно наглядно.

Своеобразную роль въ англо-американскомъ процессѣ играетъ вопр
о показаніи на судѣ самого обвиняемаго. На смѣну системѣ пытокъ
новѣйшую эпоху, какъ извѣстно, выработалось повсюду правило о то
что обвиняемый не можетъ быть принужденъ къ дачѣ показаній и имѣе
право ограничиться заявленіемъ, что онъ не признаетъ себя виновны
Правило это учредители американскаго союза сочли настолько существе
нымъ правомъ гражданина, что внесли его въ свою конституцію въ ви
положенія: никто не можетъ ни въ одномъ уголовномъ дѣлѣ быть принужде
къ дачѣ показанія противъ самого себя (No person shall be compelled
any criminal case to be a witness against himself). Почему было сочте
нужнымъ такъ ригорично провозгласить это правило, будетъ понятн
если принять во вниманіе тѣ пріемы, къ которымъ старый европейск
режимъ прибѣгалъ въ этомъ отношеніи, чтобы добиться по дѣлу пре
всего показанія самого обвиняемаго. Относительно Англіи мы, по Пайк
узнаемъ объ этомъ слѣдующее.

Когда произошла отмѣна ордалій, то выработалась другая мѣра д
побужденія обвиняемыхъ къ дачѣ показанія, а именно: тѣхъ, которы
будучи призваны на судъ, безмолствовали, подвергали заключенію въ п
мѣщеніи не болѣе обыкновенной клѣтки и не давали ѣсть. Это назыв
лось «prison forte et dure», установленное особымъ статутомъ Эдуарда
(въ концѣ XIII ст.). Черезъ сто лѣтъ, при Генрихѣ IV (въ концѣ XI
стол.) «prison forte de dure» измѣнена была въ «peine forte de dure», т
особый видъ пытки путемъ прессованія, которая примѣнялась къ обв
няемымъ, отказывавшимся отъ отвѣтовъ на допросѣ. До примѣненія

бвиняемый былъ трижды предупреждаемъ о томъ, что ему грозитъ за го молчаніе, и ему давалось нѣсколько часовъ на размышленіе. Если и слѣ того онъ продолжалъ отказываться отъ дачи показанія, надъ нимъ роизносился приговоръ, буквально гласившій слѣдующее: «Вы будете ведены назадъ въ тюрьму, откуда васъ привели, и будете помѣщены ъ яму, куда не проникаетъ свѣтъ: будете тамъ голый, съ повязкою на ядрѣ, положены спиною на голый полъ; на ваше тѣло будетъ положенъ елѣзный грузъ, какой оно только сможетъ вынести, и еще большій; вы е получите никакого питанія, кромѣ трехъ кусочковъ черстваго хлѣба ъ первый день, трехъ капель вонючей воды изъ ближайшей къ тюрьмѣ ужи на второй день, и затѣмъ опять трехъ кусочковъ черстваго хлѣба на етій день, трехъ капель воды на четвертый, и въ такой очереди далѣе, нь за днемъ, пока вы не умрете *).

Примѣненіе особыхъ наказаній къ обвиняемому за «непослушаніе» рактиковалось очень долго въ Европѣ даже послѣ формальной отмѣны итокъ. Пережитокъ этого содержится еще въ настоящее время въ на-шемъ уложеніи о наказаніяхъ, которое въ числѣ обстоятельствъ, увели-чивающихъ вину и наказаніе, признаетъ и то «чѣмъ болѣе виновный при слѣдствіи и судѣ оказывалъ неискренности и упорства въ запирательствѣ» ст. 129). Нечего и говорить о томъ, какъ широко примѣнялось требо-ваніе отъ обвиняемаго «искренняго признанія и покаянія» при слѣдстві-яхъ по политическимъ дѣламъ. Вотъ почему отцы американской консти-туціи, у которыхъ безпрестанно носились въ душѣ опасенія, какъ бы въ ихъ новомъ отечествѣ не повторились акты европейской тираніи и произ-вола властей, нашли нужнымъ оградить въ хартіи свободы особымъ па-раграфомъ права обвиняемаго какъ гражданина.

Такимъ образомъ ясно, что освобожденіе обвиняемаго отъ активнаго участія въ разслѣдованіи дѣла собственными показаніями происхожденія чисто политическаго. Оно составляетъ по происхожденію гарантію для обвиняемаго, а не ограниченіе его въ правахъ. Фактически же оно пре-вратилось въ это послѣднее, въ ограниченіе его въ правахъ. Англо-аме-риканскій процессъ не знаетъ другихъ показаній, какъ показанія, данныя подъ присягой; судьи же отказывали обвиняемому въ приводѣ его къ при-сягѣ, такъ какъ присяга обязываетъ къ откровенности, а откровенность несовмѣстима, если не имѣется объ этомъ какого-нибудь особаго закона, съ правомъ умолчанія объ однихъ обстоятельствахъ и раскрытія только тѣхъ, какія желаетъ показывающій. Такимъ образомъ привилегія обвиняе-маго превратилась въ privilegium odiosum для него, а процессъ, самое слѣдствіе, вопреки общей тенденціи къ постановкѣ его на возможно болѣе свободныхъ началахъ для собиранія и оцѣнки по внутреннему убѣжденію всѣхъ возможныхъ видовъ доказательствъ, оказался лишеннымъ одного изъ источниковъ установленія истины, какимъ не можетъ же не быть

*) Ibid., I, p. 210, 387.

признано и показаніе самого обвиняемаго. Огражденіе свободы обвин-
маго впало въ коллизію съ требованіями свободы процессуальнаго изс-
дованія дѣла. Сверхъ того, въ столь строго проводимомъ отрицатель-
отношеніи къ обвиняемому, какъ источнику правды, нельзя не чувство-
умаленія достоинствъ обвиняемаго, какъ гражданина. Поэтому дол-
была естественно появиться реакція противъ этого отношенія къ пока-
нію обвиняемаго на судѣ. Кампанію въ этомъ смыслѣ открылъ еще
концѣ XVIII ст. Бентамъ. Успѣхъ ея въ Англіи сперва, и то не ср-
ограничился сферою гражданскаго процесса, гдѣ показаніе самихъ ти-
щихся трактовалось такъ же, какъ показаніе обвиняемаго въ уголовн-
процессѣ. Законы, по которымъ разрѣшено было въ Англіи присяж-
показаніе самой стороны въ гражданскомъ процессѣ или противной с-
роны по ея требованію, явились лишь въ 1847 и 1854 гг. Почти од-
временно появились такіе же законы штата Иллинойсъ (1845 г.) и К-
нектикута (1849 г.). Пропаганда въ пользу этой реформы въ уголов-
процессѣ требовала еще больше времени и встрѣчала дольше принципі-
ныя возраженія. Но тутъ уже Америка значительно опередила Анг-
Законъ объ этомъ для всѣхъ союзныхъ судовъ прошелъ въ конгрессѣ
марта 1878 г.; а въ Англіи лишь двадцать лѣтъ спустя—въ судопро-
ственномъ законѣ Criminal Evidence Act 1898 г. Такъ что пріоритетъ
демократическомъ развитіи новой идеи здѣсь явственно принадлежитъ
риканскому народу. Полемика относительно значенія этой реформы
далеко не успокоилась; pro и contra ея имѣютъ еще своихъ фана-
скихъ защитниковъ и въ литературѣ, и среди судебныхъ дѣятелей
практикѣ. Любопытна, наприм., корреспонденція въ видѣ «Письма
Лондона», подписаннаго *Barrister*, въ № 40 газеты *Право* за 1899
посвященная оцѣнкѣ съ этой стороны Evidence Act'а 1898 г. По мн-
ея автора, эта реформа несогласна съ цѣлями раціональной крими-
тики. Онъ думаетъ, что она должна даже дурно отразиться на у-
обвиняемаго, такъ какъ къ показанію его присяжные никогда не мо-
относиться съ такимъ довѣріемъ, какъ къ другимъ показаніямъ, а къ
чанію его теперь невольно будутъ относиться гораздо подозритель-
такъ какъ оно не обязательное, какъ прежде, а добровольное; людямъ
очень свойственно думать, что невинный человѣкъ не можетъ хранить
чаніе, когда надъ нимъ тяготѣетъ несправедливое обвиненіе. Однако, ав-
корреспонденціи признаетъ, что и въ Англіи «почти вся пресса привѣтс-
вала законъ 1898 г., какъ новое проявленіе гуманности въ криминалист-
какъ прогрессъ либерализма въ уголовной процедурѣ». Насъ собст-
съ этой стороны больше всего интересуетъ эта реформа и то, что
такой своей тенденціи она добилась успѣха ранѣе въ Америкѣ, чѣмъ
своемъ отечествѣ, гдѣ мысль о ней давно зародилась; по существу же
точки зрѣнія европейскаго континентальнаго права, мы готовы ска-
что эта реформа, пожалуй, не заслуживаетъ, ni cet excès d'honneur,
cette indignité.—По данному поводу еще умѣстно будетъ для харак-

ніи того, какъ демократизируются гражданскіе законы Англіи при перенесѣ ихъ въ Америку, указать на то, что, наприм., англійскій законъ о личномъ задержаніи за долги, и понынѣ весьма суровый, выработался въ Америкѣ въ законъ, по которому несостоятельный къ платежу долга, какъ бы велика сумма его ни была, не можетъ за это быть содержимъ въ заключеніи болѣе 30 дней; или что англійскій законъ о единонаслѣдіи (майоратѣ) въ Америкѣ отмѣненъ при самомъ превозглашеніи независимости и замѣненъ равноправіемъ всѣхъ дѣтей мужского, какъ и женскаго пола, при наслѣдованіи въ имуществѣ родителей.

Разсмотрѣвъ многозначительныя проявленія защитительной тенденціи американскаго уголовнаго процесса по отношенію къ обвиняемому до и во время суда, намъ нужно теперь остановиться на признакахъ той же тенденціи въ послѣдующихъ фазисахъ процесса, а именно, когда обвиняемый превращается въ обвиненнаго, т.-е. когда послѣдуетъ надъ нимъ обвинительный вердиктъ присяжныхъ.

Въ этомъ случаѣ американскій судья имѣетъ право все же отпустить обвиняемаго вслѣдствіе формальныхъ недостатковъ, усмотрѣнныхъ имъ въ постановкѣ обвиненія, или же по отсутствію состава преступленія въ юридическомъ отношеніи. Такъ что судья имѣетъ право не постановлять своего приговора тотчасъ послѣ произнесенія присяжными обвинительнаго вердикта; а въ нѣкоторыхъ штатахъ существуетъ законъ объ обязанности выждать въ теченіе извѣстнаго срока, не будетъ ли со стороны защиты возраженій формальнаго свойства противъ примѣненія наказанія. Практика такихъ формальныхъ поводовъ для пріостановленія обвинительнаго вердикта и для отмѣны наказанія, по утвержденію Гартмана, ушла въ Америкѣ гораздо дальше, нежели въ Англіи и, конечно, въ сторону благопріятную для обвиняемаго, такъ какъ отмѣна приговора или назначеніе новаго разбирательства существуетъ только въ случаѣ обвинительнаго приговора; оправдательный приговоръ ни въ какомъ случаѣ кассаціи не подлежитъ. Характерную особенность новаго разсмотрѣнія дѣла составляетъ въ Америкѣ то, что оно происходитъ подъ предсѣдательствомъ того же судьи; это нѣчто совершенно несовмѣстимое съ европейской точки зрѣнія на кассацію, такъ какъ здѣсь существуетъ прочно вкоренившаяся презумпція, что тотъ же судья, хотя бы по причинамъ чисто психическимъ, не можетъ вновь засѣдать по тому же дѣлу, будучи склоннымъ непремѣнно поддерживать разъ проявленную уже въ дѣлѣ тенденцію. Американцы считаютъ своихъ судей стоящими выше этихъ погрѣшностей самолюбія; но во всякомъ случаѣ, такъ какъ новое разбирательство происходитъ только потому, что судьею усмотрѣно въ состоявшемся приговорѣ что-нибудь, идущее вразрѣзъ съ правами обвиняемаго, они считаютъ, что при прежнемъ судьѣ дѣло будетъ идти въ желательномъ направленіи, т.-е. болѣе въ интересахъ обвиняемаго, нежели обвиненія. Поэтому Гартманъ и въ этой подробности американскаго процесса правильно усматриваетъ еще одно изъ проявленій защитительной его конструкціи. Въ этомъ

смыслѣ онъ тутъ же указываетъ на то, что практика американскихъ су-
довъ менѣе всего стремится къ сокращенію сроковъ для обвиняемаго на
обжалованіе обвинительнаго приговора. Въ Европѣ, говоритъ онъ, срокъ
для слѣдствія неограниченъ, а для вступленія состоявшагося приговора,
хотя бы и обвинительнаго, въ окончательную силу, очень короток. Въ
этомъ отношеніи европейскій взглядъ какъ разъ перенесъ безъ надобности
требованія гражданскаго правосудія на уголовное. Американцы же эти
сроки для обвиняемаго чрезвычайно расширяютъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ
онъ по закону годичный. Сверхъ того, судьи весьма легко возстановляютъ
обвиняемому пропущенный срокъ.

Что касается оправдательнаго приговора, то, какъ уже было указы-
ваемо, для него не существуетъ никакихъ способовъ отмѣны. Пересмотръ
оправдательнаго вердикта былъ бы для американца нарушеніемъ его поли-
тическихъ правъ, ибо въ одномъ изъ дополнительныхъ пунктовъ къ со-
юзной конституціи сказано, что «никто не можетъ, ни жизнью, ни ся-
пымъ членомъ, быть дважды подвергнутъ опасностямъ судебнаго разбира-
тельства за одно и то же дѣяніе» (nor shall any person be subject for the
same offence to be twice put in jeopardy of life or limb). Опасностью су-
дебное разбирательство можетъ быть для обвиняемаго только въ смыслѣ
риска быть обвиненнымъ; поэтому правило это о недопустимости суда за
то же дѣяніе болѣе одного раза практикою разумѣется только въ томъ
смыслѣ, что оправданный обвиняемый не можетъ быть подвергнутъ риску
новаго разбирательства; но для обвиненнаго новое разбирательство есть
только новый шансъ на оправданіе и потому, какъ мы выше видѣли, он
допускается американскими судами очень либерально по многоразличнымъ
поводамъ. Бывали въ отдѣльныхъ штатахъ попытки ввести законъ о воз-
можности въ исключительныхъ случаяхъ пересмотра оправдательнаго при-
говора по требованію обвинителя; но и тамъ, гдѣ это осуществилось, та-
кая отмѣна имѣетъ только значеніе для сборника прецедентовъ; практи-
чески же для даннаго обвиняемаго въ этомъ не заключается никакой опас-
ности, такъ какъ его вторично послѣ отмѣны оправдательнаго приговора
судить не станутъ. Такъ что эта отмѣна приговора по ходатайству обви-
нителя имѣетъ одинъ лишь отвлеченный, теоретическій характеръ. Гарт-
манъ почему-то называетъ такой процессуальный порядокъ Европѣ незна-
комымъ, тогда какъ § 409 французскаго устава уголовнаго производства
также устанавливаетъ, какъ общее правило, что кассаціонное производство,
возникающее по протесту прокурора противъ оправдательнаго приговора,
чѣмъ бы оно ни кончилось, ни въ чемъ не можетъ вредить оправданному
обвиняемому, т.-е. при отмѣнѣ оправдательнаго приговора имѣетъ только
такой же отвлеченный, теоретическій характеръ для предупрежденія тѣхъ
или другихъ признанныхъ за существенныя нарушеній закона въ другихъ
случаяхъ.

Заслуживаетъ упоминанія то, что Гартманъ, перечисливъ и подробно
разсмотрѣвъ построеніе и практику американскаго суда присяжныхъ и при-

дя въ связь всѣ его особенности съ политическими и культурными особенностями страны, высказывается, однако, въ концѣ-концовъ въ отношеніи предстоящей уголовной реформы въ Германіи за сохраненіе и въ ней да присяжныхъ; тогда какъ офиціальный проектъ, хотя и допускающій въ принципѣ широкое участіе общественнаго элемента въ уголовномъ судѣ, исходитъ по единогласному, при томъ, мнѣнію его составителей, что для Германіи оно должно имѣть исключительно форму суда шеффенскаго, т.-е. съ сословными представителями, функціонирующими совмѣстно съ коронными судьями, а отнюдь не въ видѣ демократически составляемой и самостоятельной коллегіи присяжныхъ.

IV.

Уже было указано, какъ широко американскій судья пользуется правомъ, не произнося своего приговора послѣ обвинительнаго вердикта присяжныхъ, затѣмъ назначать, по ходатайству защиты, новое разбирательство (new trial). Этотъ порядокъ послужилъ началомъ къ нарожденію новаго института уголовнаго права,—отсрочки наказанія, по которому примѣненіе слѣдующаго за признанное дѣяніе наказанія откладывается на извѣстное время, по истеченіи котораго, при доказанной въ теченіе его благопорядочности поведенія обвиненнаго, онъ можетъ и совсѣмъ быть освобожденъ отъ наказанія. Этотъ институтъ породилъ и родственный ему институтъ—условнаго осужденія, по которому приговоръ о наказаніи судьею постановляется, но съ условіемъ, что если обвиненный въ теченіе извѣстнаго срока не учинитъ никакого другого преступленія, приговоръ этотъ остается безъ исполненія, т.-е. ему прощается первое дѣяніе. Институты эти, въ особенности послѣдній, получили уже широкое распространеніе по свѣту; происхожденіе же ихъ американское. Они представляютъ собою несомнѣнное усовершенствованіе въ карательной системѣ, усовершенствованіе гуманитарнаго направленія, которое знаменуетъ особенно рельефно отреченіе этой системы отъ принципа возмездія во что бы то ни стало и переходъ ея къ принципу цѣлесообразности, допускающему примѣненіе наказанія только какъ крайности, когда другіе способы воздѣйствія на провинившагося оказались безуспѣшными. Такая роль уголовнаго судьи должна была выработаться въ Америкѣ скорѣе всего, въ виду того, что судья тамъ не только карающая и воздающая власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хранитель мира. При отсрочкѣ наказанія судьи тамъ, дѣйствительно, часто требуютъ отъ обвиненнаго поручительства въ поведеніи. Отсрочка наказанія и условное осужденіе отнюдь не должны быть разсматриваемы какъ осуществленіе признаваемаго за судьею права помилованія. Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи американцы, наоборотъ, проявляютъ тенденцію къ тому, чтобы это право по возможности сокращать и во всякомъ случаѣ ограничивать у представителей единоличной власти. Прежде имъ обширно пользовались губернаторы отдѣльныхъ штатовъ и мэры от-

дѣльныхъ городовъ. Теперь же рѣшеніе вопросовъ о помилованіи по-
влено въ зависимость отъ согласія особаго коллегіальнаго учрежденія (B-
ard of Pardon). Вообще же этотъ институтъ, какъ въ существѣ сво-
недемократичный, ибо онъ, хотя только въ извѣстныхъ случаяхъ, но ст-
витъ усмотрѣніе выше судебнаго приговора, въ Америкѣ находится в
стадіи вымиранія. Тамъ вѣдь не имѣется жертвъ режима, для котор-
требуются амнистіи; для всѣхъ же остальныхъ случаевъ, кромѣ весь-
рѣдкаго — инымъ путемъ неисправимой судебной ошибки, есть средст-
гораздо болѣе раціональныя и болѣе правильно индивидуализуемыя, д-
оказанія чрезвычайной помощи осужденнымъ и заключеннымъ. Въ случ-
яхъ же, когда нужно предупредить примѣненіе смертной казни, какъ бы-
уже указано, самимъ присяжнымъ принадлежитъ право на это, для че-
они къ обвинительному вердикту присовокупляютъ особую оговорку «g-
ilty, without capital punishment».

Что касается условнаго осужденія, то, не взирая на сравнительн-
новизну этого института, онъ получилъ уже весьма большое распрост-
неніе не только въ ширь, но и въ глубь. Дѣло въ томъ, что перво-
чально примѣненіе условнаго осужденія допускалось только въ случа-
незначительныхъ сравнительно поступковъ и незначительнаго сравнител-
наказанія, какъ-то: денежнаго штрафа или краткосрочнаго лишенія с-
боды. Жизнь же скоро показала, что не только число поступковъ, за к-
торые его оказывается цѣлесообразнымъ примѣнять, все больше и боль-
но что и самый характеръ поступковъ, гдѣ его слѣдуетъ примѣнять, дол-
видоизмѣнить.

Въ штатѣ Нью-Йоркъ въ 1893 г. былъ изданъ законъ, по которо-
условное осужденіе примѣнимо лишь къ дѣяніямъ, влекущимъ за собо-
не болѣе десяти лѣтъ заключенія; а закономъ 1903 г. оно распростра-
и на тягчайшія преступленія, за исключеніемъ только тѣхъ, за котор-
слѣдуетъ смертная казнь или пожизненное заключеніе. За Нью-Йорко-
въ этомъ отношеніи послѣдовало нѣсколько другихъ штатовъ. За Амер-
кой же слѣдуетъ Европа и при томъ съ достойной особаго вниманія б-
стротой. Напримѣръ, во Франціи законъ объ условномъ осужденіи введе-
въ 1891 г., а въ 1901 г. его авторъ, сенаторъ Беранже, уже вноситъ з-
конопроектъ о расширеніи дѣйствія этого закона, какъ вполнѣ оправд-
шаго возлагавшіяся на него надежды по сокращенію надобности въ чр-
мѣрномъ примѣненіи репрессивныхъ мѣръ. По поводу этого институ-
даннаго человѣчеству уголовной практикой американской жизни, дол-
сказать, что онъ представляетъ собою знаменіе глубокаго переворота, п-
исшедшаго во взглядѣ на преступника и права общества на распр-
съ нимъ. Переворотъ этотъ можно иллюстрировать сопоставленіемъ с-
видоизмѣненіями, происшедшими во взглядахъ на военнаго врага. Ч-
дѣлали въ разныя эпохи съ внѣшними врагами? Сперва убивали; затѣм-
превращали въ рабство; затѣмъ, наконецъ, стали заключать миръ на и-
вѣстныхъ условіяхъ. Въ томъ же родѣ перемѣны происходятъ въ об-

ленія съ внутреннимъ врагомъ—съ преступниками: сперва ихъ убивали (кровавая месть); потомъ перешли къ уголовному рабству (заключеніе), теперь вводятъ условное осужденіе, т.-е. заключеніе съ осужденнымъ на извѣстныхъ условіяхъ мира.

Условное осужденіе есть мѣра судебная, такъ какъ, примѣняя его, судья отпускаетъ обвиненнаго имъ субъекта безъ примѣненія къ нему соотвѣтствующаго наказанія. Отпускъ же обвиненнаго ранѣе отбытія имъ всего наказанія, къ которому онъ былъ судомъ приговоренъ, практиковался еще раньше, но какъ мѣра, примѣняемая не судомъ, а тюремной администраціей. Это оказалось средствомъ весьма цѣлесообразнымъ для воздѣйствія на заключенныхъ въ исправительномъ духѣ. Институтъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ досрочнаго освобожденія, производимаго на слово заключеннаго (release on parole), что онъ обязуется къ добронравному поведенію на свободѣ, иначе подвергается снова заключенію, получилъ повсюду популярность въ пенитенціарномъ дѣлѣ сравнительно давно. Но въ Америкѣ изъ него выросъ совершенно новый институтъ, составляющій, такъ сказать, послѣднее слово современнаго уголовнаго правосудія. А именно: постановленіе судами приговоровъ о наказаніи *съ неопредѣленнымъ срокомъ* (indeterminate sentence). Въ силу такого приговора размѣръ и продолжительность заключенія опредѣляется тюремною администраціею. Съ одной стороны это было бы тѣмъ же досрочнымъ освобожденіемъ. Но тутъ это связано съ отбытіемъ самаго наказанія въ исправительныхъ заведеніяхъ новаго типа, получившаго названіе реформаторій. Это заведенія, устраиваемыя въ видахъ перевоспитанія взрослыхъ субъектовъ на началахъ, примѣнявшихся обыкновенно лишь къ малолѣткамъ. Сюда приговариваютъ обвиняемыхъ средняго возраста отъ 16 до 30 лѣтъ, того возраста, который считается критическимъ для карьеры, такъ называемыхъ, привычныхъ преступниковъ: кто выйдетъ изъ этого возраста, не сдѣлавшись таковымъ, тотъ, по наблюденіямъ компетентныхъ лицъ, уже имъ не дѣлается. Для перевоспитанія попадающихъ въ эти заведенія примѣняются самые разнообразные пріемы физическаго, умственнаго и нравственнаго вліянія.

На помощь тутъ призвана медицина, педагогія, школа, литература и работа ремесленная, профессіональная и всякая иная. Игры и забавы играютъ такую же роль, какъ и серьезныя занятія. Музыка занимаетъ мѣсто столь же видное, какъ и физическій трудъ. Главный же стимулъ, которымъ побуждаютъ заключеннаго къ выполненію требованій исправительнаго режима, состоитъ въ томъ, какъ это фигурально опредѣлялъ основатель первой реформаторіи (въ Эльмайрѣ) Броквэй, что «заключенному даютъ въ собственныя руки ключъ отъ его кельи», т.-е. скорѣйшій выходъ на свободу находится въ зависимости отъ повседневныхъ усилій заключеннаго. А это основано на томъ, что каждый заключенный долженъ окупать свое содержаніе. Все, что онъ получаетъ въ заведеніи—платье, пища и даже лѣкарства, ему дается за плату, опредѣляемую особой так-

сой; но зато и все, что, такъ сказать, отъ него берется, какъ-то: р[illegible]боты въ мастерскихъ, школьныя занятія и даже военныя упражненія, [illegible] также оплачиваются по особой таксѣ. Каждый заключенный на этомъ осн[illegible]ваніи имѣетъ свой особый счетъ, въ который ежедневно записывается, ч[illegible] онъ имѣетъ и что долженъ. Его прилежаніе, работы, успѣхи ежедне[illegible] ему считаются въ особую сумму; а дурное поведеніе влечетъ за соб[illegible] обремененіе счета штрафами, налагаемыми администраціею. Результат[illegible] ежемѣсячнаго баланса по этому счету опредѣляютъ дальнѣйшую учас[illegible] каждаго. Для отпуска на свободу балансъ долженъ представлять та[illegible] сумму въ пользу заключеннаго, на которую онъ въ состояніи доѣхать [illegible] избраннаго мѣста и просуществовать тамъ нѣкоторое время въ ожида[illegible] заработка. Отпускъ на свободу сперва пробный на шесть мѣсяцевъ, а [illegible] тѣмъ уже окончательный, если поведеніе отпущеннаго не обманетъ н[illegible]деждъ тюремной администраціи. Такса составлена такъ, что черезъ го[illegible] каждый можетъ быть уже отпущенъ на слово, а, значитъ, черезъ восе[illegible]надцать мѣсяцевъ и на полную свободу, хотя бы дѣяніе, за которое о[illegible] попалъ въ реформаторію, влекло за собой по закону заключеніе въ два[illegible]цать лѣтъ *). Тотъ же Броквэй задачу реформаторій опредѣляетъ проти[illegible]положеніемъ ея прежнимъ системамъ уголовной расправы такъ: «тогда ка[illegible] Старый Свѣтъ, карая, имѣетъ, между прочимъ, въ виду исправлять, [illegible] въ Новомъ Свѣтѣ должны исправлять, имѣя, между прочимъ, въ ви[illegible] покарать. Когда обвиненный поступилъ въ исправительное заведеніе, у на[illegible] прошедшее его забывается и имѣется въ виду только его будущее».

Режимъ американскихъ тюремъ вообще, а не только такихъ заведе[illegible] какъ усовершенствованныя во всѣхъ отношеніяхъ реформаторіи, отл[illegible]чается болѣе духомъ участія, нежели кары. Индивидуальныя надобно[illegible] заключеннаго пользуются гораздо большимъ вниманіемъ, нежели требов[illegible]нія, такъ называемой, спасительной строгости. Гартманъ обращаетъ вн[illegible]маніе европейскихъ тюремныхъ администраторовъ на то, напр., что [illegible] американскихъ тюрьмахъ запретъ на табакъ изъ регламентовъ окончате[illegible]но исчезъ и свобода куренія, даваемая заключеннымъ, навѣрно пред[illegible]преждаетъ значительную часть той ихъ нервности, на которую постоян[illegible] слышатся жалобы въ европейскихъ мѣстахъ заключенія. Въ Америкѣ [illegible] заключенный не чувствуетъ себя отверженнымъ; между нимъ и обществом[illegible] отъ котораго онъ отлученъ, не образуется, какъ въ Европѣ, непроход[illegible]мой пропасти, и поэтому онъ болѣе просто и нормально возвращает[illegible] потомъ въ него обратно. Сплошь и рядомъ заключенные состоятъ члена[illegible] тѣхъ многочисленныхъ обществъ попеченія объ нихъ и патроната на[illegible] освобожденными, которыми изобилуетъ Америка. Въ особенности же Гар[illegible]манъ останавливается на устройствѣ американскихъ тюремъ для женщин[illegible] Женщина-преступница, какъ извѣстно, въ Америкѣ составляетъ еще мен[illegible]

*) Подробности объ этомъ см. мою статью „Исправительныя заведенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ“. *Вѣстникъ Европы*, 1902 г., февраль.

шій относительно процентъ, нежели въ Европѣ. Но и тѣ изъ нихъ, которыя на себя навлекаютъ уголовныя кары, отбываютъ ихъ, по свидѣтельству Гартмана, въ заведеніяхъ, напоминающихъ скорѣе пріюты и убѣжища филантропическихъ обществъ. Наибольшаго же расцвѣта гуманитарныя идеи Америки, какъ и слѣдовало ожидать, достигаютъ въ области борьбы съ дѣтской преступностью.

Что касается исправительныхъ заведеній въ тѣсномъ смыслѣ слова, то въ этомъ отношеніи Америка ранѣе другихъ странъ стала въ контингентѣ преступниковъ выдѣлять малолѣтокъ и подростковъ, создавая для нихъ особыя помѣщенія и колоніи, а числомъ и разнообразіемъ этихъ учрежденій она въ настоящее время превосходитъ остальныя страны вмѣстѣ взятыя. При склонности къ постояннымъ нововведеніямъ и реформамъ въ воспитательномъ дѣлѣ вообще, столь свойственной американцамъ, эта спеціальная отрасль педагогіи не могла не привлечь къ себѣ ихъ спеціальнаго вниманія съ натуральными для Америки въ этомъ случаѣ послѣдствіями, т.-е. оригинальности въ пріемахъ и самостоятельной общественной и личной дѣятельности. Такимъ-то образомъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія возникла по инициативѣ мистера Джорджа близъ города Итаки республика юнцовъ для безпризорныхъ и обездоленныхъ дѣтей, созданная на началахъ свободнаго управленія и устройства своихъ дѣлъ самими дѣтьми по образцу истой республики съ выборными представителями для двухъ палатъ, съ собственнымъ судомъ присяжныхъ, съ собственной монетной системой, съ собственными хозяйственными предпріятіями и проч.; словомъ «управленіе дѣтей изъ дѣтей для дѣтей» *).

Реформаторскія попытки въ этой области, проникая все глубже и глубже въ сущность общественной бѣды, знаменуемой дѣтской преступностью, привели американцевъ къ сознанію, что пересозданію подлежатъ не только обстановка и устройство учрежденій, куда попадаютъ сбившіяся съ пути дѣти послѣ суда надъ ними, но и самая система судопроизводственныхъ правилъ, по которымъ надлежитъ производить надъ ними этотъ судъ. Результатомъ этого явились, такъ называемые, Дѣтскіе суды (Childrens, Juvenile Courts), представляющіе собою истинную новинку въ этой области, привлекающую теперь вниманіе радѣтелей интересовъ общества и «малыхъ сихъ» во всемъ свѣтѣ.

Началась эта реформа, какъ всегда въ Америкѣ, съ отдѣльныхъ практическихъ попытокъ по указаніямъ реальной жизни. Прежде всего, напр., обнаружились неудобства разсмотрѣнія въ судахъ дѣлъ о малолѣтнихъ на ряду и въ перемежку съ дѣлами о взрослыхъ преступникахъ. Поэтому судьи стали для этихъ дѣлъ назначать особые дни въ недѣлѣ или особыя сессіи. Затѣмъ, выясненіе дѣйствительной обстановки случая и дѣянія, доходившаго до разсмотрѣнія суда, нельзя было, конечно, ожидать отъ самого судимаго дитяти. Это повлекло за собою привлеченіе къ участію

*) Подробности см. въ вышеуказанной статьѣ „Исправительныя заведенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ“.

въ процессѣ участковыхъ попечителей (probation officers), которые вооб... вѣдаютъ дѣлами надзора надъ безпріютными или подвергающимися дурно... обращенію дѣтьми. Оказалось, далѣе, что всѣ такія же особенности посл... не только дѣла, въ которыхъ дѣти фигурируютъ въ качествѣ обвиняемых... но и большинство дѣлъ, въ которыхъ дѣти являются потерпѣвшими; та... что и эти послѣднія дѣла требуютъ особыхъ пріемовъ разслѣдованія ... особой обстановки суда. Для всего этого роль судьи не только какъ ор... на, примѣняющаго карательныя статьи закона, но и какъ хранителя об... ственнаго мира, оказалась больше пригодною въ послѣднемъ качест... Такимъ генезисомъ, съ обычною опять-таки у американцевъ быстрото... запросы реальной жизни получили новое воплощеніе въ формѣ дѣтски... судовъ. Суды эти имѣютъ особый составъ присяжныхъ, руководитъ за... даніемъ обыкновенно тотъ изъ коллегіи судей, который спеціализиро... себя на изученіи этой области жизни (большихъ городовъ, въ особен... сти); пріемы слѣдствія имѣютъ характеръ наивозможно простой съ у... стіемъ въ разспросахъ, въ бесѣдѣ, въ доставленіи матеріала самихъ д... тей, ихъ родителей, участковыхъ попечителей и просто добрыхъ люд... пожелавшихъ принять на пользу общую въ этомъ участіе. Разби... тельство всегда производится публично. Результатъ же разбиратель... состоитъ отнюдь не въ опредѣленіи мѣры карательнаго взысканія, а ... опредѣленіи того вида особаго попеченія, которому подлежитъ провин... шееся дитя: отдачей его либо въ семью, либо въ школу, либо въ прі... и т. п.; наказанія, если этимъ судомъ произносятся, то только по от... шенію къ лицамъ, которыя своимъ небреженіемъ, дурнымъ обращені... или преступнымъ образомъ дѣйствій поставили дитя или подростка (... 16 лѣтъ) въ положеніе, вызвавшее вмѣшательство суда. Такимъ полож... ніемъ является не непремѣнно какой-нибудь зловредный проступокъ ... тяти, а и простое тунеядство его, праздношатаніе, посѣщеніе трактирны... или иныхъ неподходящихъ для его возраста заведеній или увеселеній. З... конъ Штата Иллинойсъ, посвященный этому, гласитъ въ § 21 слѣду... щее: «Настоящій законъ подлежитъ свободному толкованію, дабы бы... достигнута конечная цѣль его, состоящая въ томъ, чтобы попеченіе ... надзоръ надъ дѣтьми и обращеніемъ съ дѣтьми по возможности прибли... лись къ попеченію, надзору и руководству, которое дитя должно имѣть ... родителей, и дабы дитя во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это можетъ б... надлежаще исполнено, было помѣщено въ лучшую семью и путемъ узак... нія или другимъ способомъ стало дѣйствительнымъ членомъ этой семьи...

Первый законъ о дѣтскихъ судахъ изданъ былъ въ штатѣ Иллинойс... 1 іюля 1899 г. Затѣмъ примѣру этого штата послѣдовали скоро мно... другіе, благо Америка во всѣхъ такихъ нововведеніяхъ не связана, к... Европа, рутиной и традиціями, а вольна свободно и легко заводить у с... новые порядки и учрежденія, которые свою пригодность и цѣлесооб... ность могутъ оправдать на дѣлѣ безъ зацѣпокъ и тренія «объ усто... вившійся порядокъ вещей» и тому подобныя препятствія. Въ настоя...

емя такого рода суды введены уже въ одиннадцати штатахъ. Результаты ихъ дѣятельности въ цифрахъ выражаются слѣдующимъ образомъ. Въ штатѣ Иллинойсъ, напр., за первый годъ существованія такого суда, имъ было разобрано 2,260 дѣлъ, 1,095 дѣтей освобождено при этомъ на слово, 1,175 отправлены въ школу; въ слѣдующемъ году 1,089 дѣтей были словно освобождены и только 195 (10%) предстали во второй разъ предъ судомъ; среднимъ возрастомъ былъ 13-тилѣтній для мальчиковъ и 14-тилѣтній для дѣвочекъ; причинами необходимости установленія опеки служили по преимуществу отсутствіе семейнаго воспитанія, полная безпризорность, пьянство или смерть одного или обоихъ родителей, главный же изненный итогъ дѣятельности этого суда состоитъ въ томъ, что вмѣсто 8%, которые прежде въ этомъ округѣ составляли подростки среди осуждаемыхъ за преступленія, число ихъ сразу понизилось до 1% *).

«Общая совокупность дѣятельности дѣтскихъ судовъ,—говоритъ Гартманъ,—выражаетъ съ особой силой защитительную тенденцію американской юстиціи и близко съ ней связанное сознаніе общественной коллективной вины. Ихъ дѣятельностью общество какъ бы отчитывается въ коллективной своей винѣ передъ бездомными и несчастными дѣтьми. Въ этихъ судахъ особенно также сказывается американскій оптимизмъ, жизнедѣятельность и никогда не прекращающаяся вѣра въ лучшія свойства человѣческой натуры. Такимъ-то образомъ въ этомъ учрежденіи, какъ въ одномъ фокусѣ, сосредоточиваются свѣтлые лучи всего американскаго правопорядка».

На этомъ мы и покончимъ изложеніе особенностей американской уголовной юстиціи, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ характерными чертами истинно демократическаго правосудія. Если же къ этому присовокупить еще одно наблюденіе Гартмана, а именно, что американскіе суды при одинаковой вѣскости уликъ скорѣе оправдываютъ обвиняемаго, нежели, напр., нѣмецкіе, а также тотъ фактъ, о которомъ ему свидѣтельствовали многіе судебные дѣятели, что въ Америкѣ обнаруживается относительное сокращеніе числа гражданскихъ процессовъ и судебныхъ споровъ, то нельзя, въ заключеніе, не придти къ тому выводу, что демократическій строй Америки несетъ въ результатѣ человѣчеству не только общепризнанное увеличеніе матеріальнаго благополучія гражданъ, а еще и, не такъ легко констатируемый, но несравненно болѣе цѣнный, моральный вкладъ въ культурную сокровищницу: человѣкъ тамъ становится добрѣе.

А. С. Гольденвейзеръ.

---

*) См. *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1905 г. Кн. II, стр. 193.—Съ другой стороны, какъ курьезъ, нелишенный особаго смысла, стоитъ отмѣтить слѣдующій фактъ. Высшій судъ штата Пенсильванія призналъ учрежденіе Дѣтскихъ судовъ противнымъ конституціи, такъ какъ создаваемые ими для юношества привилегіи якобы нарушаютъ истинное равенство всѣхъ предъ закономъ. Объ этомъ фактѣ сообщаетъ Baernreither въ своей недавно вышедшей книгѣ „Jugendfürsorge und Strafrecht in den Vereinigten Staaten von Amerika“.

Пангерманизмъ и возможность его осуществленія *)

(*Georges Weil:* «Le Pangermanisme en Autriche». Préface de M. *Anat*
Leroy-Beaulieu.)

Наступалъ 1885 г., важный потому, что въ этомъ году происход новые выборы, и избирательная борьба должна была быть самой ожес ченной. Нѣмецкіе націоналисты сгруппировались въ новую группу «De scher Club», состоящую изъ 50 членовъ, которые должны были войти ликомъ въ палату депутатовъ. Такая группа, конечно, имѣла реаль значеніе. Всѣ члены ея были объединены національной нѣмецкой иде но они не рѣшались еще открыто проповѣдывать присоединеніе къ Г маніи. Программа ихъ очень любопытна. Въ общихъ чертахъ они бы сторонниками государственнаго соціализма, заимствуя эту идею, вѣроят у Германіи. Они желали предоставить первенство въ рейхсратѣ нѣмца для чего придумали слѣдующую оригинальную реформу: пораженные спл ченностью и реальной силой польскихъ депутатовъ, они предложили пр доставить Польшѣ совершенно особенное положеніе въ государствѣ, на дѣясь такимъ образомъ устранить изъ рейхсрата польскихъ депутатовъ, создать нѣмецкое большинство и низвергнуть министерство Тааффе. Он были, конечно, убѣжденными сторонниками австро-нѣмецкаго соглашен и стояли за подчиненіе церкви государству; въ общемъ нѣмцы-націона листы въ 1885 г. составляли партію, склонную къ государственному со ціализму, партію пруссофильскую и слегка антиклерикальную. Большин ство нѣмцевъ-націоналистовъ, создавая «Deutscher Club», продолжали оста ваться членами большой партіи «Нѣмецкихъ либераловъ» (Deutsch-Liberale) насчитывающей 132 представителя, что составляло очень значительную группу нѣмецкой оппозиціи.

Выборамъ предшествовала отчаянная избирательная кампанія. Главны разногласія сводились къ вопросу: «нѣмецъ или не нѣмецъ». Горячі рѣчи были произнесены 17 и 18 октября депутатами Карнери и Кноч цомъ **). Нѣмецкая партія видитъ палладіумъ спасенія въ раздѣленіи Бо-

---

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

**) *Gustav Kolm*, op. cit., p. 178.

..іи на двѣ самостоятельныя части, въ пользу чего Пленеръ открываетъ ..доліжительную и энергичную кампанію. Сказанныя имъ блестящія рѣчи .. и 18 января 1886 г.) остаются безрезультатными, и предложеніе его ..лонено. Богемія попрежнему остается яблокомъ раздора. Нѣмцы Боге.. подаютъ петицію съ 1.700,000 подписей, въ которой протестуютъ ..тивъ указовъ 1880 года. Петиція отвергнута рейхсратомъ, и министръ ..тиціи Празакъ издаетъ 23 сентября 1886 г. указъ, дополняющій ука.. 1880 г.

Однако нѣмцы не складываютъ оружія. 22 декабря неутомимый Пле..ръ представляетъ богемскому сейму новый проектъ раздѣленія Богеміи .. двѣ части. Въ отвѣтъ на это предложеніе сеймъ перешелъ къ порядку ... Нѣмцы отвѣтили, покинувъ залу засѣданія. Это было открытымъ ..рывомъ между чехами и нѣмцами. Съ этого момента девизъ нѣмецкой ..тіи звучитъ не только какъ призывъ къ борьбѣ, но и какъ крикъ от..нія: «lieber Deutsch sterben, als Tschechisch verderben» (лучше умереть ..цемъ, чѣмъ сгнить чехомъ).

Нѣмцы рѣшаются защищать съ отчаянными усиліями то положеніе, ..орое они нѣкогда занимали въ Цислейтаніи. Странное впечатлѣніе про..дитъ министерство Тааффе. События смѣняютъ другъ друга и снова ..бновляются, вызывая снова и снова энергичную борьбу. Пленеръ во..вляетъ предложеніе Гербста о раздѣленіи Богеміи, Шаршмидъ возоб..ляетъ предложеніе Вурмбрандта о признаніи нѣмецкаго языка офиціаль..ъ языкомъ Цислейтаніи. Новыя предложенія терпятъ участь своихъ ..тотиповъ, и борьба возобновляется, сопровождаясь протестами, жало.. и требованіями.

Кажется, какъ будто всѣ чехи и нѣмцы совершенно потеряли изъ виду ..тересы страны, занятые исключительно борьбой за свои національные ..тересы.

Новый 1887 г. вноситъ новое важное событіе—расколъ въ нѣмецкой ..тіи. Сражаясь бокъ о бокъ противъ министерства, австрійскіе нѣмцы ..бывали существенныя различія, которыя рано или поздно должны были ..ступить на сцену и раздѣлить ихъ. Нѣмцы-либералы были прежде всего ..рошими австрійцами и вскорѣ ясно увидѣли, что ихъ политическіе со..тники, забывая объ Австріи, готовы броситься въ объятія Германіи. ..ъ на руку былъ острый кризисъ, переживаемый Австріей, и они не ..ремились привести страну къ умиротворенію. Это противорѣчіе сказа..сь въ парламентскихъ дебатахъ по поводу Богеміи въ маѣ 1887 года. ..ень интересна рѣчь, произнесенная Гербстомъ: «Чувство солидарности ..мцевъ Австріи,—говорилъ Гербстъ,—не должно быть безразлично для ..сударства... *И вотъ почему интересы Австріи требуютъ, чтобы ..мцы въ Австріи оставались тѣсно сплоченными, чтобы они тяго..ли къ Вѣнѣ, разсматриваемой, какъ центръ тяжести Австріи; и ..отъ почему интересы Австріи требуютъ, чтобы ей не навязывали ..отъ путь, по которому ей становится все труднѣе и труднѣе слѣ-*

довать» *). Эта точка зрѣнія нѣмца-либерала, искренняго и вѣрнаго своей родинѣ австрійца. Противоположная точка зрѣнія ярко выражена въ рѣчи депутата Кнотца (5 мая 1887 г.): «Когда я разсматриваю безнадежное состояніе этой болотистой страны по берегамъ Дуная, этого государства, раненаго на смерть, меня успокаиваетъ фраза, которую я недавно прочелъ,— фраза, произнесенная бывшимъ посланникомъ Саксоніи при вѣнскомъ дворѣ, графомъ Вицтумомъ, въ бурный 1848 годъ по поводу Австріи, которую одна остроумная и вліятельная женщина назвала «маленькимъ Францисканцемъ» (Francіscanerl), маленькой курительной свѣчкой (das Räucherkerschen). Вотъ какова была фраза графа Витцума: одна мысль меня поддерживаетъ,—*въ тотъ день, когда этотъ маленькій сожженный францисканецъ* (dieses ausgebrannte Francіscanerl)—*австрійское государство, долженъ будетъ разсыпаться, его пепелъ послужитъ удобреніемъ для германской почвы»* **).

Въ этотъ знаменательный 1887 г. настроеніе умовъ въ двухъ нѣмецкихъ фракціяхъ было совершенно различно. Съ одной стороны, нѣмцы-либералы съ грустью видятъ кризисъ, переживаемый Австріей, съ другой стороны, пангерманисты видятъ въ этомъ кризисѣ облегченіе ихъ задачи. Интересна также рѣчь депутата Штурма, полная меланхоліи и пессимизма, въ которой онъ призываетъ вниманіе всѣхъ на печальный ходъ событій. Онъ предсказываетъ, что графъ Тааффе, глубоко задѣвъ нѣмцевъ и не вполнѣ удовлетворивъ славянъ, лишенный поддержки тѣхъ и другихъ, принужденъ будетъ искать со стороны нѣмцевъ симпатіи, за которую послѣдніе заставятъ заплатить слишкомъ дорогой цѣной.

Эти рѣчи служатъ яркимъ показателемъ настроенія умовъ. Вейль приводитъ въ доказательство раскола и реальные факты. Помимо различія между нѣмцами-либералами и нѣмцами-націоналистами, среди самихъ нѣмцевъ-націоналистовъ выдѣляется подгруппа, принявшая названіе «Deutsch-Nationale Vereinigung» (союзъ нѣмецкихъ націоналистовъ). Во главѣ этой группы стоитъ Штейнвендеръ. Группа эта состоитъ изъ элементовъ болѣе крайнихъ и находитъ большинство «Deutscher Club» слишкомъ умѣреннымъ. Хотя они не носятъ еще названія пангерманистовъ, но это названіе, какъ говоритъ Вейль, больше всего къ нимъ подходитъ.

Расколъ между нѣмецкими партіями становится все острѣе и, наконецъ, завершается въ 1888 г. 6 ноября члены «Deutsch Nationale Vereinigung» соединяются съ тѣми нѣмцами-либералами, которые давно предвидѣли опасность отъ доведенной до крайности нѣмецкой національной идеи и составили группу нѣмцевъ-австрійцевъ (Deutsch-Oesterreichischer Club).

Такъ образуется новая группа, объединенная нѣмецкой лѣвой партіей «Vereinigte Deutsche Linke».

---

*) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 145—146.
**) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 179—180.

Итакъ, къ концу 1888 г. нѣмецкая партія въ палатѣ депутатовъ состоитъ изъ слѣдующихъ группъ: 1) Vereinigte Deutsche Linke (составившаяся изъ прежней партіи нѣмцевъ-либераловъ, членовъ «Deutsch-Oesterreichischer Club» и умѣренной фракціи «Deutscher Club»)—всего 112 человѣкъ; 2) Deutsch Nationale Vereinigung съ Штейнвендеромъ во главѣ—16 человѣкъ; 3) крайняя группа Шенерера—«Schenerer Fraction», всего 5 человѣкъ. Всѣ вмѣстѣ составили въ палатѣ депутатовъ нѣмецкую оппозицію, насчитывающую 133 члена изъ 353 депутатовъ общаго числа. Самая серьезная изъ указанныхъ партій была, несомнѣнно, «Deutsch Nationale Vereinigung», такъ какъ партія Шенерера, по выраженію Вейля, была замѣчательна только скандалами и насиліями, достойными развѣ толпы инсургентовъ. Кромѣ того, партія Шенерера временно лишалась своего главы. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Ж. Вейль: «Когда газета *Neues Wiener Tagblatt* осмѣлилась помѣстить на своихъ столбцахъ ложное извѣстіе о смерти императора Вильгельма I, Шенереръ увидѣлъ въ этомъ фактѣ личное оскорбленіе. Съ привычной ему мягкостью апостолъ пангерманизма въ Австріи насильно вломился въ помѣщеніе, занимаемое редакціей газеты *Tagblatt*, гдѣ произвелъ энергичную демонстрацію, сопровождаемую насиліемъ. Результатомъ былъ процессъ, который окончился очень печально для пылкаго поборника Вильгельма I. Его небольшое вооруженное нашествіе на редакцію газеты *Tagblatt* стоило ему 4 мѣсяцевъ тюрьмы, потери званія кавалера и депутатскаго полномочія (5 мая 1888 г.). Онъ могъ теперь воспользоваться кратковременнымъ отдыхомъ вдали отъ парламента и политической дѣятельности въ замкѣ Розенау, куда онъ удалился. Здѣсь онъ могъ предаться размышленіямъ о тѣхъ неудобствахъ, которыя случаются, когда желаютъ убѣдить людей въ своихъ мнѣніяхъ, проповѣдуя ихъ ударами палки. Казалось даже, что на нѣкоторое время Шенереръ отказался отъ участія въ политикѣ. Но, къ несчастію для Австріи, будущее показываетъ, что это удаленіе не было окончательнымъ, и мы вскорѣ встрѣтимъ имя знаменитаго агитатора, окруженное ореоломъ шума и скандаловъ, которые являются для него наиболѣе пріятной свитой! Члены его партіи становятся все болѣе и болѣе охотниками до шумныхъ манифестацій на улицахъ. Такъ, наприм., когда императоръ Вильгельмъ II посѣтилъ Вѣну въ сентябрѣ 1888 года, банды антисемитовъ-шенереріанцевъ (такъ какъ этого удивительнаго творца орудій раздора можно признать почти безспорно основателемъ антисемитизма въ Австріи) сочли приличнымъ привѣтствовать молодого германскаго монарха, какъ «своего императора», что, конечно, не могло не вызвать нѣкотораго скандала» (стр. 163).

Чтобы яснѣе представить себѣ настроеніе умовъ въ Австріи въ годы 1889—1891, разсмотримъ, каково было положеніе въ ландтагахъ Цислейтаніи *). Въ нижней Австріи нѣмцы-націоналисты, которые насчитывали

*) *Julius Patzelt*, op. cit., p. 186—188.

въ 1886 г. изъ общаго числа 68 членовъ 6 своихъ представителей, теперь сохранили только 4 мѣста изъ 72; шенереріанцы, имѣвшіе въ 1883 г. 9 мѣстъ изъ 68, сохранили только 2 изъ 72. Такимъ образомъ, въ этой провинціи нѣмцы-націоналисты и шенереріанцы потеряли значительное число мѣстъ. Въ верхней Австріи, правда, въ 1883 г. изъ 50 членовъ ландтага не было ни одного нѣмца-націоналиста, въ теченіе 1889—1891 гг. появился одинъ. Въ Штиріи было 16 нѣмцевъ-націоналистовъ изъ 63, что сохранилось и въ 1889—1890 гг. Въ Каринтіи въ 1883 г. не было ни одного нѣмца-націоналиста, въ теченіе 1889—1890 гг. появилось 3 изъ общаго числа 37. Въ Богеміи въ 1883 году была группа изъ 36 нѣмцевъ-націоналистовъ, составлявшихъ самую яростную оппозицію, въ теченіе 1889—1891 гг. они потеряли одно мѣсто. Въ Моравіи за этотъ же періодъ времени внезапно появилось 9 нѣмцевъ-націоналистовъ на 100 депутатовъ. Наконецъ, въ Силезіи, гдѣ въ 1883 году было 3 нѣмца-націоналиста изъ общаго числа 31 членовъ, они получили за 1889—1891 гг. еще два мѣста. Замѣчательно то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ избирательная борьба велась особенно упорно, въ Богеміи и нижней Австріи, партія нѣмцевъ-націоналистовъ принуждена была отступить. Если мы возьмемъ общія цифры, то получатся слѣдующія данныя. Общее количество нѣмцевъ-націоналистовъ въ 1883 году было 70 изъ 591, а въ 1889 году 75 изъ 595, т.-е. нѣмцы-націоналисты составляли 12,6% общаго числа членовъ. Мы извиняемся передъ читателемъ за то, что такъ долго задержали вниманіе на этихъ скучныхъ статистическихъ данныхъ, но они даютъ ясную и точную картину того положенія, которое занимала нѣмецкая національная партія въ 1891 г., къ концу министерства Таафе.

Достоинъ замѣчанія и тотъ фактъ, что Deutscher Schulverein, отвергнувшій покровительство Берлина и работавшій, однако, надъ дѣломъ германизаціи Австріи, въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія (1880—1890 гг.), открылъ 1,029 мѣстныхъ группъ и 65 учрежденій. По мнѣнію Вейля, это ясно доказываетъ, что нѣмцы, оставшіеся австрійцами прежде всего, лучше служили дѣлу германизація, чѣмъ всѣ громкія фразы и акты насилій пангерманистовъ.

Въ это время въ Богеміи произошла крупная перемѣна. Образовалась новая партія—младочеховъ, которые обвиняли старочеховъ въ недостаткѣ энергіи, въ слишкомъ большой умѣренности въ борьбѣ за свои права. Тутъ-то и произошло событіе совершенно невѣроятное—старочехи вошли въ союзъ съ нѣмцами, испугавшись слишкомъ большого рвенія со стороны младочеховъ. Результатомъ было возвращеніе въ богемскій сеймъ нѣмцевъ, занявшихъ теперь въ немъ очень видное положеніе.

Вейль спѣшитъ подчеркнуть дальновидность богемскихъ нѣмцевъ, вошедшихъ въ союзъ съ недавними врагами, и ставитъ это на видъ нѣмцамъ-націоналистамъ, всегда отличавшимся непримиримостью.

Разсмотрѣвъ положеніе нѣмцевъ-націоналистовъ въ провинціяхъ, остается разсмотрѣть положеніе нѣмецкихъ партій въ вѣнскомъ рейхсратѣ.

Нѣмцы-либералы (Deutsch-Liberale) составляютъ сплоченную лѣвую нѣмецкую партію. Въ 1885 г. они имѣли 132 мѣста, въ 1888 г.—112, въ 1891 г.—только 105, но все же они составляютъ крупную сплоченную группу, съ такими ораторами во главѣ, какъ Пленеръ и Хлумецкій. Программа этой партіи является предметомъ спора и толкуется различно. Нѣкоторые писатели, какъ, наприм., Л. Сентипери *), резюмируютъ ее формулой: «пангерманизмъ, прогрессъ и свобода». Вейль говоритъ, что слово «пангерманизмъ» правильнѣе замѣнить словомъ «германизація», такъ какъ ими никогда не руководила идея пангерманизма, какъ ее понимаютъ въ наши дни. Правильнѣе, по мнѣнію Вейля, резюмировать ихъ програму формулой: «политическое преобладаніе въ Австріи нѣмецкаго элемента, прогрессивнаго и либеральнаго».

Рядомъ съ этой партіей стоитъ группа изъ 21 человѣка нѣмцевъ-націоналистовъ (Deutsch-National) съ Штейнвендеромъ во главѣ. Эта группа считаетъ себя прежде всего нѣмецкой. Фракція шенереріанцевъ занимаетъ крайнее крыло этой партіи, составляя, по выраженію Вейля, «авангардъ національной германской арміи». Каковы вожди этой партіи?

Господствующее положеніе занимаетъ, несомнѣнно, Шенереръ, но «великій проповѣдникъ пангерманизма» не вышелъ еще изъ своего убѣжища, и звѣзда его закатилась только на время. Оффиціально главой партіи является Штейнвендеръ, человѣкъ совершенно неспособный къ роли агитатора, лидера оппозиціи, человѣкъ мирный и умѣренный. Выдающимися членами партіи были: Барейтеръ и Гокъ, антисемитъ и интимный другъ Шенерера; затѣмъ Берманъ, депутатъ нѣмцевъ-націоналистовъ изъ Штиріи, и Розеръ; въ этой же группѣ былъ Кайзеръ, который вскорѣ перейдетъ въ клерикальную группу, и Люгеръ, который теперь окончательно порвалъ съ партіей пангерманистовъ и сталъ открытымъ врагомъ Шенерера. Въ 1891 г. Люгеръ является депутатомъ изъ Маргаретта (Вѣна) и составляетъ уже свою группу христіанскихъ соціалистовъ (антисемитовъ). Въ прессѣ идея пангерманизма поддерживается, правда, довольно робко газетой *Deutsche Zeitung*, органъ маленькой пруссофильской фракціи нѣмцевъ-либераловъ, и съ особенной яростью органомъ самого Шенерера *Unverfaelschte Deutsche Worte* (истинно-нѣмецкія слова). Таково было положеніе національной нѣмецкой партіи въ Австріи около 1891—92 гг.

1893 г. ознаменованъ необычайнымъ событіемъ, котораго никто не ожидалъ: это была отставка Тааффе. Министерство, просуществовавшее 14 лѣтъ, выдержавшее упорную борьбу съ нѣмецкой оппозиціей, пало по вопросу не національному, а политическому. Съ 12 августа 1889 г., съ момента своего вступленія въ министерство, Тааффе опирался на большинство палаты, но онъ понималъ, что это министерское большинство начинаетъ утомляться и терять активность. Тааффе понялъ необходимость

*) *L. Sentipéry*: „L'Europe politique en 1812, gouvernement, parlement, presse". T. II Paris, 1903—1904, p. 298.

создать новое большинство, одушевленное какой-либо новой идеей, которую могло бы поддержать рѣшительно и энергично. Съ свойственной ему смѣлостью Тааффе рѣшился на почти революціонную мѣру—коренную реформу избирательной системы—введеніе почти всеобщаго избирательнаго права. Тааффе потерпѣлъ пораженіе и вышелъ въ отставку 28 октября 1893 года.

Отставка графа Тааффе вызвала чувство живѣйшаго удовольствія со стороны австрійскихъ нѣмцевъ; они готовы были пойти на соглашеніе, результатомъ чего и явилось министерство концентраціи съ Виндишгрецомъ во главѣ (ноябрь 1893 г.). Оно опиралось на лѣвую нѣмецкую и на поляковъ. По выраженію Вейля, «это министерство, угождающее и нашимъ и вашимъ, ни рыба, ни мясо, ни нѣмецкое, ни чешское прожило или, вѣрнѣе, протянуло, съ грѣхомъ пополамъ свое существованіе... такъ долго, что никакой серьезный вопросъ относительно національностей не могъ быть рѣшенъ. Наконецъ, какъ и можно было ожидать, большинство, на которомъ оно балансировало, раздѣлилось на-двое по вопросу о гимназіи въ Силли, и въ 1895 г. министерство Виндишгреца исчезло, удививъ міръ только однимъ: продолжительностью своего существованія» (стр. 175—176).

Не останавливаясь на переходномъ министерствѣ Кильмансегка, мы сосредоточимъ наше вниманіе на министерствѣ графа Бадени, призваннаго въ октябрѣ 1895 г. Бадени составилъ министерство безъ опредѣленнаго характера, которое не опиралось ни на какую политическую партію. Это министерство не могло, конечно, вызвать никакого энтузіазма, но и никакой опредѣленной оппозиціи. Однако съ этого момента начинается новый поворотъ во внутренней политикѣ Австріи.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ еще немного проскучать надъ статистическими данными, показывающими, каковы были по своему составу провинціальные ландтаги Цислейтаніи. Въ сеймѣ Нижней Австріи число шенеріанцевъ остается прежнее (2), число нѣмцевъ-націоналистовъ (Deutsch-Nationale) достигаетъ 10 членовъ изъ 72 общаго числа, что показываетъ, конечно, значительный успѣхъ этой партіи. Въ Верхней Австріи вмѣсто одного нѣмца-націоналиста мы находимъ двухъ изъ общаго числа 50 членовъ; въ Штиріи вмѣсто 16 изъ 63 теперь ихъ 18. Въ Каринтіи вмѣсто 3 ихъ теперь внушительное большинство: 24 изъ 37. Въ Богеміи произошло раздѣленіе: умѣренные члены Deutsch-Nationale примкнули къ партіи Deutsch-Liberale, болѣе же крайніе въ своихъ національно-нѣмецкихъ стремленіяхъ составили свою группу Deutsch-Radicale. Поэтому въ 1896 г. мы не находимъ въ богемскомъ сеймѣ группы нѣмцевъ-націоналистовъ, а во главѣ оппозиціи стоятъ 12 членовъ партіи Deutsch-Radicale изъ 242 членовъ сейма. При томъ эта партія, отличающаяся крайней рѣзкостью и непримиримостью, рѣшила совсѣмъ не принимать участія въ засѣданіяхъ. Въ Моравіи вмѣсто 9 нѣмцевъ-націоналистовъ изъ 100 членовъ, въ 1896 г. ихъ всего 4; въ Силезіи вмѣсто 5 изъ общаго числа 31, теперь ихъ 8. Выключивъ Богемію, гдѣ произошла перемѣна въ составѣ партій, мы ви-

димъ повсюду, кромѣ Моравіи, успѣхъ нѣмцевъ-націоналистовъ; въ Каринтіи они составляютъ даже большинство собранія. Въ общемъ, вмѣсто 75 членовъ изъ общаго числа 595, составлявшихъ 12,6°/₀, въ 1896 г. нѣмцы-націоналисты имѣютъ 80 членовъ, что составляетъ уже 13,4°/₀. Провинціальные ландтаги служатъ лучшими показателями настроенія въ странѣ, но намъ слѣдуетъ обратиться къ рейхсрату, гдѣ дебатируются и рѣшаются всѣ важнѣйшія дѣла.

На первую очередь министерствомъ Бадени былъ выдвинутъ вопросъ объ избирательной реформѣ, и 18 февраля 1896 года Бадени внесъ свой проектъ, который получилъ названіе «закона Бадени». Бадени предложилъ ввести всеобщее избирательное право, но въ очень странной и робкой формѣ: къ четыремъ куріямъ для общей подачи голосовъ прибавили пятую, что увеличило число членовъ рейхсрата на 72, но перевѣсъ аристократіи въ парламентѣ остался прежній *). Нѣмцы-націоналисты, понимая, что всеобщее избирательное право выгодно для крайнихъ партій, къ которымъ они себя причисляли, поддержали законъ.

Выборы, происшедшіе въ мартѣ 1897 г., ознаменовались прежде всего полнымъ пораженіемъ нѣмецкихъ либераловъ, которые потеряли 30 мѣстъ, захваченныхъ крайними партіями—нѣмцами-націоналистами и христіанами-соціалистами. Нѣмцы-націоналисты получили 47 мѣстъ вмѣсто прежнихъ 21; но эта партія не составляла уже однородной сплоченной группы. Одно крыло ея приблизилось къ нѣмцамъ-либераламъ (Deutsche-Liberale), другое же отличалось крайнимъ направленіемъ и было руководимо Шенереромъ, который снова появился на политической сценѣ и занялъ мѣсто на скамьѣ депутатовъ, въ сопровожденіи «своихъ лейтенантовъ», какъ называетъ Вейль депутатовъ: Вольфа и Иро. Группа Шенерера, составлявшая часть національной нѣмецкой партіи, отличалась однако отъ нихъ, такъ какъ въ вопросахъ чисто политическихъ большинство нѣмцевъ-націоналистовъ вотируетъ съ нѣмцами-прогрессистами и либералами.

Едва собралась новая палата депутатовъ, какъ на политическомъ горизонтѣ разразилась страшная гроза. Бадени издалъ 5 апрѣля 1897 г. указы въ направленіи чисто федералистическомъ. Въ нихъ устанавливалось равноправіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Богеміи и Моравіи, а требовалось знаніе обоихъ языковъ отъ чиновниковъ. Отвѣтомъ на это распоряженіе было страшное неистовство нѣмцевъ, «furor teutonicus», по выраженію Ауербаха **).

Волненіе не ограничилось рейхсратомъ и разлилось по всей странѣ. 2 мая 1897 г. въ Теплицѣ собрался конгрессъ «Teplitzer Parteitag». При открытіи его депутатъ Сигмундъ, мэръ Теплица, произнесъ полную глу-

*) Члены рейхсрата выбирались 4-мя куріями, т.-е. 4-мя разрядами избирателей: крупныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ палатъ, горожанъ и крестьянъ. Въ настоящее время въ Австріи снова пересматривается избирательный законъ (рѣшается вопросъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права).

**) *Bertrand Auerbach*, op. cit., стр. 156.

бокаго отчаянія рѣчь, изъ которой Вейль приводитъ слѣдующія характ ныя слова: «Или мы перестали быть свѣжей и цвѣтущей вѣтвью на великой братской націи, нѣмецкой націи, которая живетъ по ту сторо горъ, образующихъ границу?» (Глубое волненіе въ собраніи) *).

Но еще болѣе выражаетъ общее настроеніе конгрессъ въ Дрезд собравшійся въ маѣ 1897 года подъ предсѣдательствомъ и руководств самого Шенерера, ассистируемаго своими лейтенантами; этотъ конгрес очень поощряли прусскіе депутаты и даже знаменитый историкъ Моммзе Съ этого момента, по словамъ Вейля, часто австрійскіе нѣмцы обра ются къ Германіи и работаютъ энергично «въ пользу прусскаго корол Вейль спѣшитъ прибавить: «слава Богу, часъ еще не пробилъ, когда бо шинство нѣмцевъ совершитъ это безумство и нужно горячо надѣятьс что онъ никогда не пробьетъ» (стр. 185).

Начинается эпоха собраній, дебатовъ, горячихъ рѣчей. Характерна р депутата Грабмайра, произнесенная на собраніи въ Меранѣ **). По мнѣ Вейля, это лучшее изложеніе нѣмецкаго національнаго вопроса въ ли ратурѣ.

Въ рейхсратѣ нѣмецкія національныя партіи прибѣгли къ послѣдне оружію—къ тактикѣ обструкціи, и засѣданія парламента были на вре отсрочены. Бадени разсчитывалъ, что эта мѣра приведетъ къ успокоен но никакого успокоенія въ странѣ не обнаружилось. Парламентъ не за далъ, но въ странѣ кипѣли страсти, собирались митинги, устраива засѣданія, произносились зажигательныя рѣчи, велись бурные дебаты. По конгресса въ Теплицѣ, собрался конгрессъ или «Volkstag» въ Рейхенбер потомъ въ Эверѣ и Клагенфуртѣ. Когда рейхсратъ возобновилъ свои сѣданія, обструкція тоже возобновилась и притомъ съ удвоенной сил Эта тактика исходила не только отъ крайнихъ партій, каковы пангер нисты, но и отъ нѣмецкихъ прогрессистовъ. Лидеръ партіи «Deutsc Fortschrittspartei»—Функе произнесъ рѣчь, которая продолжалась 6 час и напечатана подъ выразительнымъ заглавіемъ: «Борьба языковъ въ Б геміи. Обструкціонная рѣчь, произнесенная въ австрійской палатѣ де татовъ въ засѣданіи 8 ноября 1897 г., напечатанная въ пользу общес покровительства нѣмецкой національности, «нѣмецкаго сторожевого пос въ Лейтмерицѣ» ***).

Возбужденіе достигло высшихъ предѣловъ. Шумъ и скандалы въ пал сдѣлались обычными спутниками дебатовъ. Особенно отличались панг манисты, съ Шенереромъ и Вольфомъ во главѣ. Сцены, разыгрывавші въ палатѣ, дошли, наконецъ, до того, что полиція вынуждена была пе ступить порогъ рейхсрата. Но вмѣшательство полиціи только раздуло ог

*) Die Sprache-Verordnungen von 5-ten april 1897. Prag, 1897, p. 10.

**) *D-r C. von Grabmayr:* „Die Sprachen-Verordnungen und die politische Lag Innsbruck, 1897.

***) *Der Sprachenkampf in Boehmen:* „Obstructionsrede gehalten in der Sitzung d Oesterreichischen Abgeordneten Hauses" vom 8-ten november, 1907, herausgegeben Gunsten des nationalen Schutzvereines, „Deutsche Wacht" in Leitmeritz.

ря была перенесена на улицу, въ городѣ началось открытое возмущеніе, згорѣлся бунтъ, почти что революція. Императоръ Францъ-Іосифъ поспѣшилъ согласиться на отставку графа Бадени, испугавшагося шума, вызваннаго его политикой, и не способнаго ни на какую энергичную борьбу.

Черезъ два дня послѣ паденія министерства Бадени, 30 ноября 1897 г., министромъ становится баронъ Гаучъ фонъ-Франкентурмъ, который постарался хотя на время водворить порядокъ, издавъ (24 февраля 1898 г.) указы, смягчавшіе и умѣрявшіе указы Бадени. Богемія по языку была раздѣлена на три части: нѣмецкую, чешскую и смѣшанную, и знаніе обоихъ языковъ требовалось только въ смѣшанной части. Постановленія Гауча, какъ всякая полумѣра, никого не удовлетворили: чехи протестовали противъ раздѣла единаго королевства Богеміи, нѣмцы желали опираться на законъ, не довольствуясь временными постановленіями Гауча. Но такъ какъ порядокъ былъ возстановленъ, то наступило время перейти снова къ активной политикѣ, и мѣсто Гауча занялъ 5 марта 1898 г. графъ Тунъ-Гогенштейнъ.

Тунъ мечталъ о политикѣ соглашенія между чехами и нѣмцами, доказательствомъ чего служилъ самый составъ его министерства. Въ него входили: Бернрейтеръ—изъ партіи крупныхъ нѣмецкихъ собственниковъ и Кайзль—изъ партіи младочеховъ.

Но обратимся теперь къ той партіи, которая стоитъ въ центрѣ нашего вниманія, бросимъ взглядъ на то, что дѣлалось въ это время въ партіи пангерманистовъ. Едва были изданы указы Гауча, какъ Шенереръ выступилъ съ новымъ предложеніемъ: онъ возобновилъ предложеніе Вурмбранда въ 1884 г. и Шаршмида въ 1886 г., предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы нѣмецкій языкъ былъ признанъ единственнымъ государственнымъ языкомъ повсюду, за исключеніемъ Далмаціи, Галиціи и Буковины. Лидеръ пангерманизма предложилъ этотъ новый законъ палатѣ, чтобы онъ могъ быть принятымъ $^2/_3$ голосовъ при наличности $^3/_4$ членовъ палаты.

Цѣлью Шенерара было возобновленіе тактики обструкціи. Было совершенно ясно, что по такому вопросу никогда нельзя собрать больше $^2/_3$ голосовъ. Шенереръ желалъ только добиться новаго скандала, вывести шумъ и смятеніе на улицу, т.-е. вернуть, по выраженію Вейля, «благословенныя времена министерства Бадени». Мало этого. Шенереръ со свойственной ему неистощимой и неудержимой изобрѣтательностью предложилъ новую мѣру: преданіе суду министерства Гауча. Но Шенереръ ошибся въ расчетѣ: гроза миновала, остальныя нѣмецкія партіи не поддержали его чрезчуръ смѣлую затѣю. Поэтому не только партія «Deutsche Fortschrittspartei», но и «Deutsche Volkspartei» (нѣмецкая народная партія) отказались поддержать предложеніе Шенерера. При этомъ нѣмецкая прогрессивная партія для избранія делегаціи *) вошла въ союзъ съ младочехами съ тѣмъ, чтобы совершенно устранить радикаловъ Шенерера.

*) Делегаціи составляются отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ для вѣденія общеимперскихъ дѣлъ.

Полный разочарованія, негодующій на этотъ ужасный компро нѣмцевъ-націоналистовъ съ ихъ заклятыми врагами, Шенереръ объяв на собраніи въ Боденбахѣ открытую войну лѣвымъ нѣмецкимъ парті На засѣданіи палаты 30 марта 1899 г. Шенереръ разразился такой бу негодованія противъ лѣвой нѣмецкой, что вызвалъ восторженные апл сменты радикаловъ и нѣсколько ироническія одобренія со скамей пра клерикальной и чешской группъ. Но прошло то время, когда бурныя рѣ Шенерера производили слишкомъ сильное впечатлѣніе и не вызывали р кихъ возраженій. Стоитъ прочесть энергичные отвѣты депутатовъ Гро и Кайзера и даже офиціальнаго главы нѣмецкой національной партіи, Шт вендера, чтобы согласиться съ нижеслѣдующими словами Вейля: «Вел агитаторъ, который заставилъ называть себя своими сторонниками с нымъ именемъ «лучшаго человѣка въ странѣ» (der beste Mann im La не всегда одерживалъ верхъ» (стр. 194). Расколъ среди нѣмецкихъ па усиливается. 27 апрѣля 1898 г. возобновился споръ объ языкахъ. Б внесено 9 предложеній, изъ которыхъ 5 стояли за уничтоженіе указ и за рѣшеніе вопроса посредствомъ опредѣленнаго закона. Между умѣр ной нѣмецкой партіей и группой Шенерера происходитъ полный разры результатомъ чего является новая классификація нѣмецкихъ партій палатѣ.

Партіи эти слѣдующія: 1) Deutsche Fortschrittspartei» (нѣмецкая п грессивная партія) съ девизомъ «Nur Oesterreicher» (только австрі 2) «Deutsche Volkspartei» (народная нѣмецкая партія) съ девизомъ «A Deutsche» (также нѣмцы), 3) наконецъ, партія Шенерера «Deutsch-R cale» (нѣмецкая радикальная) съ девизомъ «Nur Deutsche» (только нѣмцы)*

Министерство Туна не выполнило своего намѣренія: не добилось глашенія между чехами и нѣмцами. Въ этомъ значительная доля в падаетъ, конечно, на пангерманистовъ. И въ сентябрѣ 1899 года гра Тунъ вышелъ въ отставку.

Истинной причиной его паденія была, по мнѣнію Вейля, невозможно составить большинство для предстоящихъ выборовъ австрійской делега благодаря отказу въ поддержкѣ партіи крупныхъ собственниковъ, вѣрны конституціи («Verfassungstreuer Grossgrundbesitz»). Такова была насто причина, но, по замѣчанію Вейля, пангерманисты приписали причину ух графа Туна себѣ и громко торжествовали побѣду.

2 октября 1899 г. первымъ министромъ былъ призванъ графъ Кла который отмѣнилъ постановленія Гауча, чѣмъ хотѣлъ уничтожить о зицію нѣмцевъ. Но онъ вызвалъ столь же ожесточенную и столь же о ную оппозицію со стороны чеховъ. Чтобы привести къ какому-нибу результату засѣданія палаты, слѣдовало прибѣгнуть къ знаменитому 14 Но графъ Клари, конституціоналистъ въ душѣ, не желалъ прибѣгать крайнимъ мѣрамъ и предпочелъ выйти въ отставку 21 декабря 1899

---

*) *Hugo Schuchardt; Lettre a M****: „Tchèques et Allemands". Paris, 1898, p.

Его смѣнило переходное министерство Виттека, которое просуществовало всего 29 дней и уступило свое мѣсто министерству Кербера.

Что же дѣлали пангерманисты въ то время, когда одно министерство смѣнялось другимъ? Они были очень недовольны министерствомъ графа Клари, которое лишило ихъ возможности быть руководителями обструкціонной тактики, скандаловъ и шума въ палатѣ. Парламентская дѣятельность не могла теперь удовлетворять бурныхъ послѣдователей Шенерера, и они обратили всю свою энергію на покровительство протестантизма въ Австріи.

«Откуда внезапно появилось это рвеніе къ евангелической проповѣди, которое воспламенило святымъ воодушевленіемъ австрійскихъ пангерманистовъ?—спрашиваетъ Вейль.—Это движеніе обращенія къ протестантизму, извѣстное подъ именемъ «Los von Rom Bewegung» (движеніе въ пользу отдѣленія отъ Рима) носило въ Австріи гораздо болѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ». Руководители пангерманизма хорошо сознавали, что одна изъ причинъ нежеланія Германіи включить въ ея составъ Австрію былъ, именно, католицизмъ австрійскихъ нѣмцевъ. Включеніе Австріи создало бы въ Германіи очень значительное католическое населеніе, которое могло бы стать опаснымъ впослѣдствіи. Пангерманисты мечтали поэтому обратить австрійскихъ нѣмцевъ въ протестантизмъ и этимъ привлечь къ нимъ симпатію Пруссіи, которой, какъ они сами сознавали, очень не доставало.

Каково же значеніе этого новаго движенія и каковы его шансы на успѣхъ? Вотъ вопросы, которые слѣдуетъ разрѣшить. Вейль заранѣе обѣщаетъ быть безпристрастнымъ и руководиться только данными, сообщаемыми самими пангерманистами. Вейль пользуется полу-офиціальной брошюрой пангерманистовъ, авторомъ которой является пасторъ Браунлихъ *). Это человѣкъ очень свѣдущій и притомъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ движенія; поэтому его брошюра хорошо передаетъ взгляды партіи.

Въ Богеміи главой движенія «Los von Rom Bewegung» является депутатъ Иро, представитель Эгера. Когда происходили новые выборы, его кандидатура вызвала ожесточенную борьбу. Его называли «протестантомъ и апостоломъ вѣроотступничества», но, несмотря на всѣ усилія его противниковъ, Иро былъ вновь избранъ 598 голосами противъ 461. И побѣда его объясняется именно торжествомъ принципа «Los von Rom». 29 декабря 1899 г. журналъ, издаваемый Вольфомъ, помѣстилъ статью, въ которой громко торжествовалъ побѣду Иро.

Насколько движеніе носило болѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ, насколько въ немъ идея пангерманизма преобладала надъ идеей

---

*) *Das Fortschreiten der „Los von Rom Bewegung" in Oesterreich-Böhmen. Berichte über den Fortgang der „Los von Rom Bewegung".* Herausgegeben von Pfarrer Lic. P. Bräunlich, Heft. 5. München, 1900.

протестантизма, ясно показываетъ письмо одного жителя Кабрица, … онъ говоритъ: «Каждый значительный городъ германской имперіи дол… былъ бы взять подъ свое особенное покровительство каждый юридиче… округъ Австріи» *).

Еще любопытнѣе письмо одного жителя Турна, города, который … жетъ быть названъ очагомъ движенія, такъ какъ въ немъ въ 1899 г. … протестантизмъ было обращено 577 человѣкъ. Въ іюлѣ 1899 г. рук… дители движенія въ Турнѣ получили отъ Германіи даръ въ количествѣ … 2,000 марокъ. Вскорѣ послѣ этого и было написано приводимое Бра… лихомъ письмо, изъ котораго заимствуемъ слѣдующія знаменательныя стро… «Нѣмецкія сердца должны быть соединены, каково бы ни было раз… ніе пограничныхъ столбовъ» **).

Но взглянемъ на то, что говорится не частными лицами, а всей ев… гелической корпораціей въ Кабрицѣ. 28 ноября 1899 г. евангеличе… община издаетъ офиціальное обращеніе къ Германіи: «Мы не можемъ … сти дѣло, которое мы начали, безъ помощи нашихъ нѣмецкихъ братье… нашихъ евангелическихъ единовѣрцевъ» ***). Ясно, говоритъ Вейль, что … здѣсь политическая идея предшествуетъ религіозной, такъ какъ герман… нѣмцы раньше названы братьями и затѣмъ уже единовѣрцами.

Въ приведенныхъ цитатахъ достаточно ясно выступаетъ истинная … ка зрѣнія проповѣдниковъ «Los von Rom» ****). Цифры, проводимыя Бра… лихомъ, доставлены ему самимъ Шенереромъ. Съ 15 января 1899 г. … 31 марта 1900 годъ о своемъ обращеніи въ протестантизмъ заяв… 5,519 человѣкъ, распредѣленныхъ между 188 мѣстностями Богеміи, 2,124 … ловѣка—между 31 мѣстностями Нижней Австріи, 1,328 чел.—между … мѣстн. Штиріи, 364—между 36 мѣстн. Моравіи, 101—между 8 мѣст… стями Зальцбурга, 99—между 12 мѣстностями Каринтіи, 158—между … мѣстн. Верхней Австріи, 78—между 7 мѣстн. Тироля, 23 изъ 7 мѣс… Силезіи, затѣмъ еще 123 обращенныхъ изъ разныхъ мѣстностей. Об… цифра составляетъ 9,987 обращенныхъ за 14 мѣсяцевъ въ 367 раз… ныхъ мѣстностяхъ *****). Браунлихъ говоритъ, что все это данныя, … общаемыя Шенереромъ, а могло быть еще много обращенныхъ, о котор… послѣдній ничего не зналъ. Вейль признаетъ этотъ доводъ мало вѣро… нымъ, такъ какъ едва ли пангерманисты умолчали бы о такомъ отрадн… для нихъ фактѣ; или же остальные новообращенные были таковыми … мотивамъ религіознымъ, а не политическимъ.

Какъ бы то ни было, но и приведенныя цифры сами по себѣ вну… тельны. Замѣчательно то, что большая половина новообращенныхъ …

---

*) *P. Bräunlich*, op. cit., p. 32.

**) Idem., p. 50.

***) Idem., p. 35—36.

****) Для болѣе детальнаго знакомства книги *René Henry*: „Question d'Autrich… Hongrie et Question d'Orient". Paris, Plon., 1900, p. 107—115.

*****) *P. Bräunlich*, op. cit., p. 70.

дится на Богемію. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, о Богемія была главнымъ очагомъ развитія пангерманизма, что, имен-, въ Богеміи религіозные вопросы находили всегда наиболѣе благопріят-ю почву и встрѣчали наиболѣе горячій интересъ. Менѣе всего проте-антовъ мы находимъ въ Тиролѣ и Силезіи. Вейль прибавляетъ, что если нгерманисты желаютъ обратить въ протестантизмъ всѣ 9.200,000 ав-рійскихъ нѣмцевъ, то имъ нужно для этого не менѣе 11 вѣковъ упор-й борьбы. При этомъ Вейль считаетъ подозрительными цифры, приво-мыя Шенереромъ, но пользуется ими, не желая быть заподозрѣннымъ партійности.

Это движеніе пангерманизма, явно анти-католическое, должно было ть встрѣчено враждебно со стороны правительства, такъ какъ импера-ръ Францъ-Іосифъ—очень ревностный католикъ, а эрцгерцогъ Францъ-рдинандъ, наслѣдникъ престола, состоитъ даже президентомъ австрій-й ассоціаціи католическихъ школъ. Эрцгерцогъ «настаиваетъ на патріо-ческой активности этой ассоціаціи, предназначенной для *борьбы съ дви-ніемъ «Los von Rom»,—движеніемъ, порывающимъ съ Австріей, ко-му нельзя противопоставить достаточно преградъ*» (стр. 210). Вейль знаетъ достоинства этой рѣчи: энергію и ясное толкованіе смысла женія, какъ измѣну австрійской династіи, но «нельзя», говоритъ онъ, рицать всю неконституціонность такого пріема и опасность, сопряжен-ю съ возвращеніемъ Австріи къ ультра-клерикальной политикѣ».

Таково развитіе движенія «Los von Rom Bewegung» и его результаты. ратимся теперь опять къ политикѣ Австріи, съ которой мы разстались министерствѣ Виттека.

20 января 1900 г. на постъ перваго министра былъ призванъ Кер-ръ. Продолжительность этого министерства ясно доказываетъ его полити-кую умѣлость и достоинство. Керберъ былъ убѣжденнымъ сторонни-ъ политики соглашенія,—только такая политика могла, по его мнѣнію, ворить порядокъ въ странѣ. Это была попытка законнаго соглашенія. этому новый министръ организовалъ собранія для соглашенія, и не лько нѣмцы, но даже чехи приняли въ нихъ участіе. Одна только группа eutsch-Radicale» съ Шенереромъ и Вольфомъ во главѣ отвѣтила катего-ческимъ отказомъ. Вольфъ сказалъ при этомъ, что всякая попытка со-шенія можетъ только повредить нѣмецкому національному дѣлу, такъ къ самый фактъ сношеній и дебатовъ съ другими національностями есть е признаніе за ними права на обсужденіе, котораго энергичный пангер-нистъ, конечно, не признавалъ за ними.

Конференціи для выработки соглашенія открылись 5 февраля 1900 г. ъ нѣмцевъ-радикаловъ. Соглашеніе не удалось, и конференціи потер-ли полное пораженіе. Вейль признаетъ, что подобное соглашеніе было а ли вообще достижимо, а если и достижимо, то, конечно, ненадолго; все же значительную долю отвѣтственности слѣдуетъ, по его мнѣнію,

взвалить на пангерманистовъ, которые не пожелали внести хотя бы много порядка и умиротворенія въ страну.

Неудача, которую потерпѣла эта попытка къ соглашенію, только у шила положеніе, и въ палатѣ депутатовъ начались такія сцены, едва ли можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе.

Засѣданія открылись 8 іюня 1900 г., а 8 сентября палата что Керберъ рѣшился на экстренную мѣру: распустить палату и чить новые выборы въ странѣ. Рѣшаясь на это, Керберъ думалъ, новые выборы приведутъ къ нѣкоторому успокоенію, такъ какъ палата не можетъ быть хуже прежней. Но будущее не оправдало на Кербера.

Выборы произошли въ январѣ 1901 г.; такъ началось для А новое столѣтіе. Мы не будемъ подробно входить въ ихъ изученіе, остановимся только на успѣхахъ партіи пангерманистовъ, или, вѣр всей партіи нѣмцевъ-націоналистовъ. Самымъ замѣчательнымъ фа является необычайный успѣхъ партіи шенереріанцевъ.

Въ прежней палатѣ, избранной въ 1897 г., шенереріанцы имѣли 5 мѣстъ, вѣрнѣе въ ней было 8 мѣстъ нѣмцевъ-радикаловъ. 1901 г. привели къ тому, что партія «Deutsch-Radicale» получила 21 сто. Всѣ эти депутаты были представителями сѣвера Богеміи, нѣм округовъ, ближе всего лежащихъ къ Германской границѣ. Програм тіи вполнѣ откровенно была напечатана въ органѣ Шенерера *Unve schle Deutsche Worte*. Особенно выразительны слѣдующія строки: «М лаемъ полнаго соединенія съ Германской имперіей всѣхъ австрійскихъ винцій, которыя нѣкогда составляли часть германской конфеде (стр. 215).

Признавая вполнѣ громадный успѣхъ партіи Шенерера, надо по однако, что 21 депутатъ изъ 425 членовъ палаты не составляютъ такой громадной группы, которая могла бы вліять на политику, и въ э отношеніи опасность съ ихъ стороны для палаты еще очень не ве Кромѣ того, успѣхъ пангерманистовъ въ Богеміи, откуда были изб всѣ 21 депутата, показываетъ, что въ остальныхъ провинціяхъ Ц таніи пангерманизмъ не имѣлъ достаточнаго числа адептовъ. Можетъ также изъ группы «Deutsch-Radicale» не всѣ 21 человѣкъ были ст никами программы Шенерера.

Большой успѣхъ на выборахъ 1901 г. выпалъ на долю группы «D sche Volkspartei»—нѣмецкой народной партіи. Они получили 9 н мѣстъ; число представителей этой партіи въ палатѣ—51 (вмѣсто жнихъ 42). Такимъ образомъ эта группа по своей численности за 3 мѣсто въ палатѣ, тогда какъ прежде она занимала 5.

Въ общемъ, выборы 1901 г. привели къ торжеству болѣе край партій, самыхъ непримиримыхъ въ своихъ національныхъ тенденціях какъ только открылись засѣданія новой палаты, попрежнему стали р грываться скандалы. Такъ, напримѣръ, когда по обычаю старшій по

тамъ изъ всѣхъ присутствующихъ, который предсѣдательствовалъ въ собраніи, закончилъ свою рѣчь предложеніемъ возгласить тройное «ура» въ честь императора (какъ это всегда дѣлалось), члены группы Шенерера встали и покинули залу засѣданій при страшномъ волненіи всего собранія.

Само собой ясно, что въ такой палатѣ немыслимо было никакое соглашеніе. И, дѣйствительно, при первой же попыткѣ сближенія между прогрессистами и популистами съ одной стороны и пангерманистами съ другой, послѣдніе предъявили слишкомъ большія требованія, какъ, напримѣръ, исключеніе всѣхъ евреевъ, которыхъ много входило въ партію «Fortschrittspartei». Это открытое выраженіе антисемитизма оттолкнуло нѣмецкія либеральныя партіи, и всякое соглашеніе стало невозможнымъ.

Кромѣ того, «Deutsch-Radicale» протестовали противъ разрѣшенія, даннаго чехамъ, составлять свои интерпелляціи на чешскомъ языкѣ. Чтобы уладить дѣло, предсѣдатель собранія, Веттеръ фонъ-деръ-Лили, предложилъ, чтобы чехи составляли свои интерпелляціи на чешскомъ языкѣ съ переводомъ на нѣмецкій, чтобы онѣ печатались въ протоколахъ только на нѣмецкомъ языкѣ, а въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ помѣщался бы оригинальный текстъ. Но нѣмецкіе радикалы не соглашались на такую уступку, желая только одного—насиловать всѣхъ остальныхъ 404 членовъ палаты депутатовъ.

Наконецъ, въ средѣ самой партіи пангерманистовъ произошелъ скандалъ. Послѣ того, какъ въ прессѣ были обнаружены нѣкоторыя частныя дѣла Вольфа, бросающія тѣнь на его нравственность (и притомъ его бывшими друзьями),—Вольфъ удалился отъ дѣятельности. Между нимъ и его бывшимъ другомъ, Шенереромъ, произошла открытая борьба, въ которой оба противника не брезгали никакими средствами, откапывая разныя старыя исторіи, бросая другъ другу въ лицо самыя некрасивыя обвиненія. Шенереръ пользовался поддержкой «Altdeutsche Vereinigung» и своимъ журналомъ *Unverfaelschte Deutsche Worte*, Вольфъ—поддержкой группъ «Ostdeutsche Vereinigung» и журналомъ *Ostdeutsche Rundschau*. Вся партія теперь раскололась надвое. Вѣна поддерживала Шенерера, Прага—Вольфа. Но при всемъ томъ, какъ только нужно было поднять шумъ и произвести скандалъ, партіи пангерманистовъ снова объединяются. Таковъ былъ знаменитый скандалъ, разыгравшійся въ палатѣ депутатовъ 18 марта 1902 г.

Шенереръ произнесъ длинную рѣчь на тему о необходимости введенія нѣмецкаго языка, какъ государственнаго языка въ Цислейтаніи. При этомъ онъ сталъ защищать своего товарища Эйзенкольба, котораго предсѣдатель призвалъ къ порядку за нѣкоторыя слова, сказанныя по адресу Гогенцоллерновъ,—слова, несовмѣстимыя съ австрійскимъ патріотизмомъ. Шенереръ воспользовался брошенной искрой и въ глубоко негодующихъ выраженіяхъ сталъ возражать противъ такого призванія къ порядку; свою рѣчь онъ закончилъ восклицаніемъ: «Hoch und Heil den Hohenzollern!» («Да здравствуютъ и благоденствуютъ Гогенцоллерны!»). На одну минуту вся зала замерла въ изумленіи.

Тотчасъ же со всѣхъ сторонъ послышались громкіе протесты, а па
германисты стали выражать неистовыя одобренія своему вождю и ора
ру. Шумъ поднялся невообразимый. Пангерманисты стоя кричали: «
здравствуютъ Гогенцоллерны!»; но ихъ покрывали негодующіе проте
всего собранія. Президентъ тщетно старался призвать залу къ поряд
Волненія и шумъ все усиливались, и пангерманисты продолжали неисто
кричать: «Да здравствуютъ Гогенцоллерны!». Какъ только шумъ нача
немного стихать, на ораторскую трибуну стали всходить одинъ за други
члены различныхъ партій, чехи и нѣмцы, начиная отъ младочеховъ и к
чая нѣмцами-католиками, выражая въ своихъ бурныхъ рѣчахъ горя
протестъ противъ такого антипатріотизма. Засѣданіе закончилось патр
тической манифестаціей.

Послѣ этого пангерманисты ничѣмъ особеннымъ себя не заявл
Керберъ попрежнему преслѣдовалъ свою политику соглашенія и по
жнему терпѣлъ неудачи. Въ декабрѣ 1902 г. пангерманисты опять от
зались участвовать въ конфедераціяхъ между нѣмцами и младочехами.
лата была распущена до 1903 г., а Керберъ, отчаявшись въ успѣхѣ св
политики соглашенія, подалъ въ отставку 25 іюня 1903 г.

Но въ это время начались затрудненія въ Венгріи по военному
просу, и императоръ, не желая лишиться энергичнаго и умѣлаго по
тика, не согласился на отставку Кербера. Керберъ уступилъ и остал
власти.

Съ этихъ поръ австрійская политика сосредоточивается на венгерск
кризисѣ, и событія въ Цислейтаніи отошли на задній планъ.

Наша задача окончена: мы разсмотрѣли исторически развитіе идеи п
германизма до нашихъ дней. Теперь остается разсмотрѣть шансы усп
этого движенія внутри австрійской монархіи и ту поддержку, которую
жетъ ему оказать Европа. Только разсмотрѣвъ этотъ вопросъ со вс
сторонъ и взвѣсивъ все то, что говоритъ за и противъ, мы сможемъ с
лать соотвѣтствующія заключенія.

IV.

Разсмотрѣвъ исторически всю эволюцію пангерманизма отъ его за
жденія и первыхъ робкихъ шаговъ до бурнаго натиска въ теченіе посл
нихъ лѣтъ, намъ слѣдуетъ разобраться въ томъ, какъ создавалось и р
вивалось это движеніе въ различныхъ провинціяхъ Австріи, т.-е. с
ственно Цислейтаніи. Не забудемъ при этомъ, что Австрія, этотъ конг
мератъ различныхъ національностей, въ сущности не представляетъ
себя цѣльнаго, сплоченнаго государства; это скорѣе собраніе отдѣльн
государствъ, отличающихся своими мѣстными условіями, своимъ особ
нымъ, рѣзко выраженнымъ характеромъ, и только связанныхъ въ еди
но далеко не гармоничное цѣлое правительствомъ Габсбурговъ. Въ са
дѣлѣ, что общаго между собственно Австріей (нижней и верхней), б

овно нѣмецкой, съ одной стороны, и чисто славянскими провинціями, одѣ Моравіи, Галиціи и Буковины—съ другой? Что общаго между бур- й, вѣчно кипящей въ борьбѣ Богеміей и точно застывшими въ своемъ tu quo—Зальцбургомъ и Тиролемъ?

Центромъ движенія, очагомъ, изъ котораго были разнесены пылающія ловни по всей странѣ, является древнее королевство чеховъ, окружен- я горами Богемія, вѣчный камень раздора между чехами и нѣмцами.

«Здѣсь, въ этой громадной провинціи,—говоритъ Вейль,—національ- я борьба является результатомъ вѣковой ненависти, обагренной кровью ъ, подкрѣпленной столь памятными историческими воспоминаніями, со- ытой въ самыхъ нѣдрахъ богемской земли. Здѣсь мы стоимъ у дверей манской имперіи, почти что у дверей Россіи. Тѣнь германскаго орла ваетъ надъ вѣчно протестующей древней Богеміей, русскій медвѣдь так протягиваетъ свою лапу, ласкающую и вмѣстѣ съ тѣмъ заманиваю- ю, алчно смотря на своихъ угнетенныхъ братьевъ-славянъ. Проходили ятки лѣтъ, проходили вѣка, а чехи и нѣмцы все смотрѣли другъ на та не какъ на австрійскихъ гражданъ, а только какъ на членовъ двухъ ъ, находящихся въ смертельной враждѣ—славянской расы и расы гер- нской, двухъ большихъ массъ, которыя сталкиваются на громадномъ тяженіи границъ—представителей славизма и германизма, борющихся господство въ этомъ громадномъ замкнутомъ пространствѣ, которое дставляетъ изъ себя современный міръ» (стр. 227—228).

Все это создало историческую почву, очень благопріятную для разви- пангерманизма. Партія пангерманистовъ, благодаря своему крайнему рактеру, могла найти особенно много сторонниковъ именно среди нѣм- ъ Богеміи, которые давно взывали къ Берлину, прося у Германіи по- вительства. Ихъ энергія, ихъ стремительность встрѣтила такой же го- ій, страстный отпоръ со стороны чеховъ. Благодаря этому, избира- ьная борьба была упорна, и на сторону пангерманистовъ перешли всѣ нѣмцы Богеміи, которые вовсе не желали присоединенія къ Германіи, боялись славянскихъ тенденцій и готовы были пойти на компромиссъ и осуществленія политики античешской.

Но была и другая причина, сдѣлавшая Богемію главнымъ центромъ витія пангерманизма. Богемія—страна, гдѣ не разъ разыгрывалась ре- іозная борьба, гдѣ народъ относился къ религіознымъ вопросамъ съ вымъ интересомъ и горячимъ энтузіазмомъ. Страна Гусса и Жишки не ла не отозваться, когда снова былъ выдвинутъ религіозный вопросъ, да по всей странѣ раздался кличъ: «Los von Rom!» Маска религіоз- сти, такъ ловко накинутая на себя пангерманистами, открыла этимъ лѣднимъ широкій путь по всей Богеміи.

Наконецъ, была еще одна причина: Богемія съ ея крупнымъ славян- имъ населеніемъ всегда казалась главнымъ препятствіемъ для осущест- нія идеи великой Германіи; понятно, поэтому, стремленіе пангермани- въ сбросить съ пути это препятствіе, разрушить, снести, если нужно,

чешское королевство, для того, чтобы воздвигнуть на его развалинах «грандіозный колоссъ самой великой Германіи».

Вейль выражаетъ однако надежду, что не всегда Богемія будетъ так благопріятной почвой для развитія идеи пангерманизма. Стоитъ най такое положеніе, которое удовлетворило бы и чеховъ, и нѣмцевъ, и па германисты потеряютъ свою силу тотчасъ же, когда въ Богеміи водворит ся миръ и тишина.

Все, что говорилось о Богеміи, относится въ большей или меньш степени и къ остальнымъ славянскимъ провинціямъ Цислейтаніи.

Интересно понять, какимъ же образомъ пангерманизмъ могъ най благопріятную почву въ верхней и нижней Австріи, чисто-нѣмецкихъ пр винціяхъ Австріи, гдѣ всѣ условія діаметрально противоположны условіям существующимъ въ славянскихъ провинціяхъ. Дѣло въ томъ, что эти пр винціи издавна являлись центромъ оппозиціи, которая проявлялась осо бенно рѣзко по отношенію къ чехофильскимъ министерствамъ; понятн что это обстоятельство содѣйствовало увеличенію партіи пангерманистов стоявшихъ въ оппозиціонномъ лагерѣ по отношенію къ правительст Но когда пангерманисты стали держаться обструкціонной политики по о ношенію ко всякимъ министерствамъ, что подрывало въ корнѣ австрійс парламентаризмъ, тогда нѣмцы нижней и верхней Австріи отпали отъ ни

Вторая причина, содѣйствовавшая успѣху пангерманизма въ верхней нижней Австріи,—развитіе антисемитизма. Такъ какъ группа антисе товъ съ Люгеромъ во главѣ стала держаться направленія ультра-кле кальнаго (христіански-соціалистическаго), то всѣ тѣ, кто были антисемит и вмѣстѣ съ тѣмъ антиклерикалами, примкнули къ пангерманистамъ.

Итакъ, здѣсь пангерманизмъ лишенъ своей первоначальной основы- идеи національной, здѣсь онъ является политическимъ движеніемъ, кот рое наиболѣе соотвѣтствуетъ духу оппозиціи и антисемитизму, соедин ному съ антиклерикализмомъ населенія.

Какъ долго это движеніе пангерманизма будетъ поддерживаться, буде ли пангерманизмъ развиваться или заглохнетъ въ этихъ провинціяхъ- это вопросы будущаго, на которые и Вейль не даетъ опредѣленн отвѣта.

Остаются провинціи Зальцбургъ и Тироль. Казалось бы, что здѣ условія ближе къ тѣмъ, какія мы видѣли въ нижней и верхней Австрі чѣмъ къ условіямъ полуславянскихъ провинцій Австріи. Дѣйствитель въ Зальцбургѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой національной борьбы, Тиролѣ также ея нѣтъ, такъ какъ нѣмцы и итальянцы имѣютъ свои с вершенно отдѣльныя области и не враждуютъ другъ съ другомъ. Въ эти двухъ провинціяхъ существуютъ два условія, которыя служатъ могу ственнымъ препятствіемъ для развитія пангерманизма. Во-первыхъ, эт- старинная, вассальная преданность этихъ провинцій дому Габсбурго какъ своимъ законнымъ правителямъ, своимъ феодальнымъ господ во-вторыхъ, ревностный католицизмъ, горячая преданность своей вѣ

лигіи. Національное чувство въ этихъ провинціяхъ оказывается только въ любви къ родинѣ, которой они готовы служить, никогда не желая ея распаденія, униженія и присоединенія къ чужому государству.

Подводя итоги, мы видимъ, что пангерманизмъ, зародившійся на почвѣ національной идеи, вылившійся въ форму національнаго чувства, постепенно выродился, пріобрѣтая все болѣе характеръ оппозиціи, характеръ ...жной борьбы и насилій. «Едва ли,—говоритъ Вейль,—захвативъ въ ...и руки даже большинство населенія, пангерманисты сумѣли бы вести ...предѣленную разумную политику, эти любители скандаловъ, привыкшіе ...вить рыбу въ мутной водѣ». Насколько въ этихъ словахъ сказалась ...пристрастность Вейля, о которой онъ столько разъ говорилъ,—мы предоставляемъ судить читателю. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о томъ, ...о сумѣли и чего не сумѣли бы пангерманисты, относится къ области ...едсказаній и не можетъ быть признано научнымъ. Очень интересно было ... разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ вліяютъ и могутъ вліять на дальнѣйшее ...звитіе интересующаго насъ движенія экономическіе факторы, но для ...шенія этого вопроса Вейль не даетъ никакихъ данныхъ, разсматривая ...опросъ только съ точки зрѣнія исторической, философской и политической *).

Несомнѣнно, что далеко не всѣ провинціи Австріи представятъ благо...ятную почву, на которой можетъ расти и развиваться движеніе пан...манизма, что даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ оно пользуется извѣст...мъ успѣхомъ, далеко не все населеніе можетъ примкнуть къ нему. ...уществленіе мечты пангерманизма привело бы къ распаденію монархіи ...абсбурговъ, къ уничтоженію Австріи, какъ государства, чего, конечно, ... могутъ и не должны желать ни сами австрійцы, ни вся Европа, если ...а дорожитъ сохраненіемъ своего политическаго равновѣсія.

Теперь мы попросимъ читателя перенестись на время въ Европу и ...а бѣгломъ обзорѣ европейскихъ государствъ найти отвѣтъ на интересу...щій всѣхъ вопросъ: какое значеніе для Европы можетъ имѣть осуществленіе завѣтной мечты пангерманистовъ?

Включеніе Австріи въ составъ Германской имперіи измѣнитъ, конечно, ... только карту Европы, но и политическое равновѣсіе, такъ тщательно ...держиваемое. Въ самомъ дѣлѣ, осуществленіе этой мечты создало бы ... Европѣ огромное, колоссальное государство, новую священно-герман...ую имперію, которая растянулась бы на громадномъ пространствѣ отъ ...лоднаго Сѣвернаго моря до голубыхъ водъ Средиземнаго. Этому колоссу ...ыть бы открытъ путь для новыхъ нашествій и новыхъ завоеваній на ...адъ къ берегамъ Атлантики, и на югъ, въ страны древняго міра—...алію и Грецію, и на востокъ къ давно желанной приманкѣ—святой ...фіи! Тріумфальное шествіе батальоновъ этого колосса не знало бы пре-

*) Экономическая сторона вопроса хорошо разработана въ сочиненіи *René ...ry*, op. cit., p. 96—104 и 133—135.

дѣловъ, германскій орелъ широко развернулъ бы свои могучія крылья, «кто знаетъ,—говоритъ Вейль,—не сдѣлалась ли бы новая священно-германская имперія властительницей всей Европы, властительницей земли и моря, и даже, можетъ быть, всего міра?» (стр. 247).

Не увлекаясь такими грандіозными, далекими и, пожалуй даже, фантастическими перспективами, мы должны посмотрѣть прямо въ лицо опасности, которая появилась бы отъ созданія такого могущественнаго государства для всѣхъ европейскихъ странъ.

На первую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ о самой Германіи. Казалось бы, что объединеніе всѣхъ нѣмцевъ подъ однимъ скипетромъ и созданіе новой великой Германіи можетъ быть самой завѣтной цѣлью, центромъ стремленій самой Германіи. На основаніи этого предположенія принято признавать Германію участницей, если не вдохновительницей австрійскаго пангерманизма. Много говорилось и говорится до сихъ поръ объ интригахъ нѣмецкаго двора, о секретныхъ порученіяхъ въ Австріи, объ особыхъ германскихъ агентахъ, задача которыхъ раздувать движеніе пангерманизма, всѣми способами содѣйствовать его успѣху.

Первымъ фактомъ, который считается доказательствомъ вмѣшательства Берлина въ дѣла Австріи, являются знаменитыя свиданія лѣтомъ 1871 г., на которыхъ подготовляется перемѣна австрійской политики, паденіе министерства Гогенварта съ его чехофильскими тенденціями. Но какъ было уже указано, именно чехофильская политика создавала въ Австріи нѣмецкую оппозицію, и тѣмъ самымъ подготовляла благопріятную почву для развитія пангерманизма. Не могла же Германія поощрять развитіе пангерманизма, содѣйствуя паденію министерства Гогенварта, т.-е. содѣйствуя факту, который могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ противоположныя слѣдствія. Скорѣе можно думать, если признавать участіе Германіи въ отставкѣ Гогенварта, что для Германіи было желательно успокоить австрійскихъ нѣмцевъ въ ихъ національныхъ стремленіяхъ и отвратить ихъ отъ желанія включить Австрію въ составъ Германіи.

Второй фактъ, на который принято ссылаться для доказательства участія Германіи въ политикѣ Австріи, это дѣло оккупаціи Босніи и Герцеговины, которое совершилось подъ вліяніемъ и даже подъ давленіемъ германскаго правительства. Цѣлью Германіи, какъ говорятъ, было облегченіе побѣдоноснаго шествія Германіи на востокъ и желаніе боснійскимъ вопросомъ отвлечь вниманіе Австріи отъ западной и сѣверо-западной ея частей, которыя могли бы быть включены въ составъ Германіи. Это, несомнѣнно, очень вѣроятная теорія, и содержитъ долю истины въ томъ, что касается интересовъ Германіи: въ захватѣ Босніи и Герцеговины, какъ крупнаго шага въ движеніи германской расы на востокъ. Но что касается интересовъ пангерманизма, то едва ли можно признать таковымъ захватъ Босніи, стоитъ припомнить рѣчи депутатовъ пангерманистовъ по этому вопросу, слова самого Шенерера.

Третій фактъ, служащій доказательствомъ замысловъ Германіи—бо

шое собраніе пангерманистовъ въ Дрезденѣ въ 1897 г. и всѣ манифестаціи по отношенію къ пангерманистамъ, въ которыхъ принималъ участіе самъ великій Моммзенъ. Эти манифестаціи, исходящія отъ нѣмцевъ Германіи, имѣли, несомнѣнно, большое нравственное значеніе для развитія пангерманизма, но это не было какимъ-нибудь рѣшительнымъ, опредѣленнымъ актомъ со стороны германскаго правительства, которое ничѣмъ не выразило своего сочувствія или поддержки.

Наконецъ, надо расмотрѣть еще вопросъ объ отмѣнѣ постановленій Гауча, произведенной графомъ Клари 14 октября 1899 г. Говорили, что австрійскій императоръ совершилъ это подъ давленіемъ своего смѣлаго германскаго союзника... Но, во-первыхъ, это давленіе совершенно не доказано и, во-вторыхъ, если оно и было, то нисколько не является поддержкой пангерманизма.

Остается обвиненіе Германіи въ тайныхъ интригахъ, секретныхъ порученіяхъ, посылкѣ агентовъ, которыя Вейль называетъ «потайной кухней шпіонства интригъ». Но всѣ эти обвиненія очень трудно подкрѣпить основательнымъ фундаментомъ серьезныхъ доказательствъ.

Теперь можно снова обратиться къ рѣшенію вопроса о томъ, въ чемъ заключается истинный интересъ Германіи, дѣйствительно ли осуществленіе мечты пангерманистовъ представляетъ для Германіи такой крупный шагъ впередъ. Эта мечта о созданіи новой Священно-Германской имперіи величава и заманчива; но есть и обратная сторона медали. Правда, германскій колоссъ былъ бы громаденъ по своимъ размѣрамъ, но слишкомъ разнороденъ по своему составу. Сколько враждебныхъ народностей, сколько различныхъ по своему политическому характеру государствъ было бы включено въ единую Германію? А если помнить уроки исторіи, то придется признать, что такое включеніе повлекло бы за собой, какъ показываетъ примѣръ самой Австріи,—столько новыхъ конфликтовъ, столько противорѣчивыхъ интересовъ, что, содѣйствуя могуществу имперіи внѣшнимъ образомъ, включеніе Австріи повредило бы этому могуществу внутренне, несомнѣнно ослабивъ германскую имперію. Наконецъ, что сталось бы съ преобладаніемъ Пруссіи, если бы въ составъ Германіи вошла ея старая соперница, Австрія? Какимъ образомъ столицей могъ бы оставаться Берлинъ, если бы его конкуренткой была Вѣна? Берлинъ или Вѣна, Шпрее или Дунай,— вотъ дилемма, каторую было бы трудно разрѣшить. Можетъ быть, для новой великой Германіи пришлось бы создать и новый политическій центръ гдѣ-нибудь въ южной Германіи—Саксоніи или Баваріи; но это, конечно, привело бы къ потерѣ Пруссіей ея преобладанія. Между тѣмъ германскій императоръ, по словамъ Вейля, не можетъ забыть, что онъ «прежде всего прусскій король». Это очень хорошо понималъ и не разъ высказывалъ Бисмаркъ, самый прозорливый государственный человѣкъ въ Германіи. И желѣзный канцлеръ высказывался противъ включенія Австріи въ составъ Германіи. Осуществится ли мечта пангерманистовъ—покажетъ будущее. Но если когда-нибудь новая Священно-Германская имперія будетъ создана,

то ей придется поставить себѣ и новую всеобъемлющую цѣль—движе[ние] на востокъ.

Будущая судьба Австріи также тѣсно связана съ будущей судь[бой] Италіи. Въ Италіи иногда надѣются, что если совершится присоедине[ніе] Австріи къ Германіи, то нейтралитетъ Италіи будетъ купленъ цѣной при[соединенія] къ ней итальянскихъ провинцій Австріи—«Italia irredente»,— вѣчный предметъ мечтаній Италіи. Но причины военныя и экономичес[кія] приводятъ къ тому, что Австрія не желаетъ уступить ни пяди своей те[рриторіи], населенной итальянцами, и эти же причины останутся въ силѣ для Германіи, включившей Австрію въ свой составъ. Но если бы да[же] Германія и отдала Италіи Тріестъ, то Италія была бы окружена Герм[ан]ской имперіей, которая, какъ болѣе могущественный сосѣдъ, не прем[ин]нула бы вернуть отданное; «императорскій штандартъ развивался б[ы] вскорѣ надъ Тріестомъ и надъ военнымъ портомъ Пола, и Германія, ут[вер]дившись на Адріатикѣ, утвердилась бы вскорѣ и на Средиземномъ морѣ» (стр. 258). Кромѣ того, Италіи былъ бы отрѣзанъ путь на востокъ, г[дѣ] она мечтаетъ играть видную роль, и гдѣ Германія явилась бы слишко[мъ] опасной соперницей. Изъ всего этого видно, что «Italia irredente» ос[та]лась бы для Италіи и при Гогенцоллернахъ такой же неосуществим[ой] безплодной мечтой, какъ и при Габсбургахъ.

Въ тотъ день, когда Гогенцоллерны утвердили бы свое могущес[тво] надъ колоссальной германской имперіи, Италіи осталось бы держат[ься] одной изъ двухъ возможныхъ политикъ: или стать незначительной дер[жа]вой, вполнѣ зависимой отъ своей могущественной сосѣдки, «вассал[ьной] тѣлохранительницей, почти рабой Германіи», или же просить союза и [по]кровительства со стороны Франціи. Но и Франція не могла бы защи[тить] Италію отъ грозной руки германскаго гиганта. Такимъ образомъ, Ита[ліи] нужно понимать, что, при всей вѣковой ее ненависти къ Австріи, съ и[с]чезновеніемъ этой послѣдней и ея политическая роль будетъ кончена.

Казалось бы, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ разрѣшеніи [во]проса о пангерманизмѣ меньше всего заинтересована Англія. Ея остр[ов]ное положеніе, ея торговое и морское могущество, ея устойчивое поло[же]ніе въ европейской политикѣ, казалось, ставятъ ее внѣ конкуренціи [импе]ріи Гогенцоллерновъ. Но не нужно забывать, что ея экономическіе ин[те]ресы сталкиваются и въ настоящее время съ интересами Германіи. [Не] нужно забывать, что разъ Германія станетъ твердой ногой у Средиз[ем]наго моря, что ея торговыми портами будутъ Гамбургъ и Тріестъ, а [во]енными—Киль и Пола,—Англія не сможетъ сохранить своего значенія [въ] Средиземномъ морѣ. Мало этого; когда нѣмецкія войска овладѣютъ [Ду]наемъ, станутъ у воротъ Константинополя, восточной политикѣ Анг[ліи] будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

На Востокѣ возрастающее могущество имперіи Гогенцоллерновъ вст[рѣ]титъ еще болѣе заинтересованнаго, а потому и болѣе грознаго врага,— Россію.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Россія потерпѣть созданіе великой германской державы, которое противорѣчитъ всѣмъ ея интересамъ,—военнымъ, экономическимъ и нравственнымъ. Если бы Германія и Россія даже рѣшили примирить свои интересы, раздѣливъ между собой Австрію, какъ нѣкогда раздѣлили Польшу, то этотъ планъ оказался бы неосуществимымъ. Во-первыхъ, такіе раздѣлы, противорѣчащіе нравственному чувству, противорѣчащіе всему ходу исторіи, въ наше время уже немыслимы, а во-вторыхъ, если бы даже произошла подобная попытка, то камнемъ преткновенія явилась бы все та же старая, долготерпѣливая Богемія. Германія не могла бы осуществить созданіе единой имперіи, включивъ Австрію и выключивъ Богемію, а присоединеніе Богеміи не потерпѣла бы Россія.

Въ этой статьѣ не мѣсто останавливаться на вопросѣ о панславизмѣ, но всѣмъ извѣстно, что вопросъ этотъ близко касается вопроса о пангерманизмѣ. Нельзя отрицать того общаго національнаго чувства, которое соединяетъ всѣхъ славянъ, нельзя отрицать, что мелкія славянскія народности ищутъ въ своихъ русскихъ братьяхъ естественныхъ защитниковъ и покровителей. Австрійскіе славяне и особенно богемскіе чехи не потерпятъ ига Гогенцоллерновъ, и надежды ихъ невольно обратятся къ Россіи.

Если бы «Германія» пангерманистовъ осуществилась бы, то ея интересы столкнулись бы съ интересами Россіи и въ восточномъ вопросѣ у воротъ Константинополя, граница этихъ колоссовъ стала бы громадной, и отчаянная борьба за первенство разыгралась бы со всей энергіей и рѣшительностью борьбы не на жизнь, а на смерть на поляхъ Венгріи. Невозможно стало бы и самостоятельное существованіе этой маленькой Венгріи, которую раздавилъ бы одинъ изъ двухъ колоссовъ: Германія или Россія.

Наконецъ, и это самое существенное, Россія была бы отрѣзана отъ западной Европы: между ними непроницаемой стѣной воздвиглась бы Германія, «окованная желѣзомъ, ощетинившаяся штыками». Русскій флотъ былъ бы запертъ германскимъ флотомъ, не находя выхода ни въ Сѣверное, ни въ Средиземное море. Въ результатѣ Россія была бы отброшена къ Азіи, выключена изъ состава могущественныхъ европейскихъ державъ. Самъ собой напрашивается выводъ: Россія никогда не допуститъ такого униженія, ея прямые интересы, ея національное чувство возмутится противъ осуществленія мечты пангерманистовъ, хотя бы для этого пришлось разразиться отчаянной европейской войнѣ, такой войнѣ, какой не видѣла еще Европа.

Остается Франція. На первый взглядъ можетъ показаться, что идея ангерманизма, обращая взгляды Германіи на Востокъ, отвратитъ ихъ, акимъ образомъ, отъ Франціи. Но морское могущество Германіи, торгое и военное подорвутъ въ корнѣ морское могущество Франціи и отрѣ зтъ ей путь на Востокъ и Дальній Востокъ.

Не надо забывать о союзѣ Франціи и Россіи. Только благодаря франко-

русскому соглашенію Францiя вышла изъ состоянія одиночества, къ которому привели ея печальныя событія 1870 г., только благодаря России она достигла снова того нравственнаго положенія, которое она занимает теперь въ Европѣ. И простое чувство лойяльности вовлекло бы Францию въ возможную между Германіей и Россіей войну. И могла ли, наконец Францiя остаться равнодушной зрительницей вопіющаго факта поглощения славянскихъ и итальянскихъ народностей разрастающейся могучей Германіей. И насколько бы увеличилась для самой Франціи опасность отъ Германіи, обратившейся въ страшнаго властелина, осуществляющаго свою мечту и девизъ—«Drang nach Osten!»

Но за послѣдніе годы создалась особая теорія: Германія купит нейтралитетъ Франціи, отдавъ ей Эльзасъ-Лотарингію или, во всяком случаѣ, Лотарингію. Тутъ задѣвается чувствительная струна Франціи. Эта отдача невозможна уже потому, что только послѣ пріобрѣтенія Эльзас-Лотарингіи Германія стала единой и могущественной имперіей. Недаром же на пріобрѣтеніе этихъ провинцій было потрачено столько силъ, столько затрачено энергіи, чтобы все это теперь оказалось излишнимъ въ осуществленіи идеи великой Германіи. Наконецъ, если бы Германія на это и рѣшилась, то лишь временно, чтобы при первой же возможности вернуть себѣ Эльзасъ-Лотарингію обратно какимъ бы то ни было путемъ.

Съ какихъ точекъ зрѣнія ни разсматривая интересы Европы,—съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, экономическихъ интересовъ, съ точки зрѣнія національностей, наконецъ, съ точки зрѣнія сохраненія мира и спокойствія,—эти интересы протестуютъ противъ созданія великой Германіи, этого «безформеннаго чудовища», способнаго поглотить Европу. Осуществленіе этой мечты, пріобрѣтеніе такого міроваго господства создало бы на своемъ пути, какъ это всегда бывало въ исторіи, «рѣки крови и горы труповъ». Вся Европа поэтому можетъ и должна желать, по мнѣнію Вейля, одного—чтобы завѣтная мечта пангерманистовъ никогда не достигла своего осуществленія.

Подводя итоги всему, что было изложено въ настоящей статьѣ, мы можемъ задать себѣ вопросъ: чего же, дѣйствительно, можно ожидать въ будущемъ? Будетъ ли Европа охвачена страшнымъ пожаромъ войны, въ которой рѣшится участь многихъ государствъ, будетъ ли создана громадная новая Священно-Германская имперія, войдетъ ли Австрія въ ея составъ, или же распадется на части? Все это вопросы будущаго, которые, конечно, не могутъ быть рѣшены никакимъ научнымъ способомъ; но интересно познакомиться съ взглядами Вейля, съ его общими выводами, сдѣланными на основаніи детальнаго и добросовѣстнаго изученія вопроса о пангерманизмѣ. Вейль говоритъ, что успѣхъ идеи пангерманизма очень сомнителенъ и едва ли близокъ къ осуществленію. Многіе такъ вѣрили въ его рѣшеніе въ ближайшемъ будущемъ, что уже дѣлятъ Австрію на части. Обращаясь къ исторіи, Вейль доказываетъ, что не въ первый разъ

происходятъ такіе скороспѣлые, преждевременные дѣлежи, основанные на ложныхъ пророчествахъ. Достаточно вспомнить, какъ давно дѣлятъ на части оттоманскую имперію, которая, однако, вполнѣ благополучно существуетъ, несмотря на предрекаемую близкую гибель. Затѣмъ «Китай замѣнилъ Турцію на операціонномъ столѣ»,—говоритъ Вейль,—и притомъ съ такимъ же успѣхомъ. Теперь очередь дошла до Австріи, которой предсказываютъ распаденіе послѣ смерти Франца-Іосифа, говоря, что единство Австро-Венгріи сохраняется только въ особѣ ея императора. Надо надѣяться, по мнѣнію Вейля, что раздѣлъ Австріи на бумагѣ подвергнется въ дѣйствительности той же участи, что и раздѣлы Турціи и Китая.

Нельзя отрицать, что императоръ Францъ-Іосифъ самой своей личностью является связующимъ звеномъ пестраго, нестройнаго цѣлаго, называемаго Австро-Венгерской монархіей. Онъ пользуется большой популярностью среди населенія, заслуживъ уваженіе и преданность своихъ подданныхъ своею добротой и вызывая симпатіи къ себѣ народа трагическими семейными условіями. Много значитъ его изумительное знаніе всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ языковъ, на которыхъ объясняется разноплеменное населеніе его имперіи. Всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ у его наслѣдника, эрцгерцога Франца-Фердинанда, который не пользуется никакими симпатіями со стороны населенія.

Но въ Австро-Венгерской имперіи еще живо чувство глубокаго уваженія къ особѣ императора, такъ какъ для Австріи императоръ представляетъ изъ себя личность символистическую, воплощеніе единства имперіи. Его наслѣдника будутъ привѣтствовать, какъ представителя всѣхъ этихъ разнообразныхъ народностей и государствъ.

Разумѣется, нельзя утверждать, и Вейль не берется за это, что австро-венгерская имперія навсегда останется такой, какова она теперь. Быть можетъ, вмѣсто дуалистической монархіи Австро-Венгріи станетъ тріалистическая Австро-Венгро-Богемія. Можетъ быть, она обратится въ федеральное государство, состоящее изъ автономныхъ штатовъ—все это вопросы, которые разрѣшитъ будущее.

Конечно, положеніе Австро-Венгріи очень затруднительно, постоянная борьба національностей ослабляетъ ея силу, конституція и учрежденія, созданныя въ прежнія времена, далеко не соотвѣтствуютъ современному положенію и современнымъ потребностямъ. Однимъ словомъ, политическій горизонтъ Австро-Венгріи омраченъ тучами, готовыми разразиться страшной грозой. Но тутъ нужна умѣлая, энергичная политика, нужны реформы,—и старая имперія Габсбурговъ можетъ устоять въ прежнемъ ...оемъ, правда, не вполнѣ устойчивомъ, но все же несомнѣнномъ равновѣсіи.

Если бы пангерманизмъ, развиваясь все больше и больше, завоевывая ...е большее число адептовъ, и захватилъ бы даже всю Австрію, то этой ...чтѣ не дала бы осуществиться вся Европа. Если внѣевропейская русско-...нская война, локализированная на Дальнемъ Востокѣ, взволновала и

потрясла общества и правительства Европы, то какія опасенія до
вызвать общеевропейская война, которая должна разгорѣться при
шей попыткѣ Германіи присоединить къ себѣ Австрію. Такая война
трясла бы старую почву Европы и надолго остановила бы и даже
всякій экономическій и культурный прогрессъ.

Надо надѣяться,—говоритъ Вейль,—что не къ войнѣ ведетъ на
XX вѣкъ, что пангерманизмъ не представляетъ изъ себя настолько серь
наго движенія, которое могло бы такъ вліять на судьбу всѣхъ европ
скихъ державъ.

Отдавая должное добросовѣстности и обилію матеріала, съ котор
Вейль такъ подробно изучилъ движеніе пангерманизма, нельзя, одна
отрицать нѣсколько пристрастнаго отношенія автора къ изучаемому
нію. Отъ историка можно и должно требовать объективнаго изложенія
бытій, но въ оцѣнкѣ ихъ и въ особенности въ выводахъ, относящихся
будущему, историкъ едва ли можетъ не быть субъективнымъ.

Въ стремленіи автора дискредитировать описываемое движеніе
не видѣть вполнѣ понятной, со стороны французскаго ученаго,
шейся исторически ненависти къ германизму. Кромѣ того, Вейль,
уже было указано, изучаетъ вопросъ съ точки зрѣнія исторической,
хологической и политической; вполнѣ отсутствуетъ экономическая т
зрѣнія, выдвигаемая современными историками на первый планъ,
какъ она выдвинута въ наше время самой жизнью. Это, конечно,
бѣлъ въ такомъ спеціальномъ трудѣ, каково изслѣдованіе Вейля. Не
будемъ вдаваться въ критику его взглядовъ, не будемъ рѣшать и воп
о томъ, идетъ или не идетъ Европа къ войнѣ, осуществимъ или
идеалъ пангерманистовъ и хороши или дурны были бы послѣдствія
кого осуществленія.

Не беря на себя смѣлости приподымать завѣсу, скрывающую отъ
шихъ взглядовъ будущее, и пользуясь только тѣми уроками, которые
етъ намъ историческое прошлое, мы можемъ высказать только одно
ображеніе: вся политика Австріи, какъ и политика всякаго другого го
дарства, должна быть направлена къ одной цѣли: создать такую фор
правленія, которая не будетъ идти вразрѣзъ съ національными инте
сами входящихъ въ ея составъ народностей, создать такіе законы,
рые, не стѣсняя ничьей свободы, не насилуя, не угнетая никакую
ціональность и никакой классъ, создадутъ благопріятную почву для
наго развитія, экономическаго и культурнаго процвѣтанія всѣхъ.

О. Рудченко.

А. П. Чеховъ.

(Матеріалы для біографіи.)

Почти два года назадъ я закончилъ и сдалъ въ печать свою статью ъ А. П. Чеховѣ *). Мнѣ казалось, что я написалъ объ этомъ необыкно-нномъ человѣкѣ все, что могъ. Думалось также, что революція засло-ла собою интересъ общества ко всѣмъ людямъ, дѣятельность которыхъ имѣетъ тѣсной связи съ текущими событіями. Но обѣ эти мысли ока-лись ошибочными. За два года пришло на память многое объ А. П. Че-ѣ, не записанное на бумагу. Ясно также стало, что революція не мо-ъ заслонить имени писателя, который думалъ о благѣ человѣчества не ѣе, чѣмъ дѣятели нынѣшнихъ прогрессивныхъ политическихъ партій.

И мнѣ кажется, я не въ правѣ не подѣлиться съ читающей публикой ъ, что знаю о жизни и словахъ А. П., а также нѣсколькими его пись-и, любезно предоставленными въ мое распоряженіе академикомъ А. Ѳ. ин. И то и другое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ цѣнность для будущаго графа Чехова.

Антонъ Павловичъ неоднократно журилъ меня за то, что я говорю о оизведеніяхъ художественной литературы, о мерзости всякаго насилія, возможности лучшаго будущаго,—съ людьми, или глубоко невѣжествен-ми, или тѣми, вся дѣятельность которыхъ давно потеряла личную ини-ативу и стала похожей не на поступки живого существа, имѣющаго со-сть, сердце и волю, а на работу какого-нибудь стальнаго или деревян-го инструмента. Я возражалъ по этому поводу, что если такіе люди ѣпы, то ихъ нужно сдѣлать зрячими, если холодность сердецъ дѣлаетъ ъ похожими на звѣрей, то нужно попытаться вернуть имъ образъ чело-ческій. Отлично помню отвѣтъ Чехова по этому поводу. Онъ тряхнулъ ловою и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ... Все это будетъ безполезно и безцѣльно. Съ ними жно поступать вотъ такъ, какъ поступали Моисей и Ааронъ съ іудеями. и водили ихъ по пустынѣ до тѣхъ поръ, пока не перемерли всѣ старики только ихъ дѣти увидѣли землю Ханаанскую.

---

*) *Журналъ для всѣхъ*, 1905 г., № 7.

Однажды мы разговаривали о литературныхъ неудачникахъ, о т страданіяхъ графомановъ, которые такъ удивительно хорошо нарисо Чеховымъ въ его разсказѣ «Весной». Антонъ Павловичъ отнесся ск чески къ возможности существованія писателей съ талантомъ, кото однако никогда не могли, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, вернуть этого таланта передъ людьми. Онъ говорилъ:

— Годъ, два могутъ мѣшать обстоятельства, но затѣмъ уже ст вится ясно, что въ человѣкѣ ничего нѣтъ. Вотъ если у птицы есть кры то рано или поздно онѣ вырастутъ, и она полетитъ... Да...

Въ Ялтѣ мнѣ случилось гостить у г-жи Т—вой, у которой быва находили самый радушный пріемъ всѣ писатели и поэты,—и больш маленькіе, и талантливые и бездарные. Какъ-то пришелъ туда поэтъ пуновъ. Совсѣмъ еще юноша на видъ, крестьянинъ и самоучка, онъ лалъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ своимъ стихо реніемъ, которое прочелъ наизусть. Если не ошибаюсь, оно называ «Сапожникъ» и было напечатано въ *Русской Мысли*. Ляпуновъ былъ ленъ горловой чахоткой и почти не имѣлъ средствъ къ жизни. Л. Н. Т стой, М. Горькій и г-жа Т—ва помогали Ляпунову и словомъ и ломъ. Антонъ Павловичъ не былъ знакомъ съ Ляпуновымъ, но живо ин ресовался его здоровьемъ.

Взволнованный прочитаннымъ стихотвореніемъ и драматизмомъ п женія поэта, я разсказалъ Чехову все, что передумалъ и перечувство въ этотъ вечеръ, во время чтенія Ляпунова. Выслушавъ меня, Ант Павловичъ сказалъ:

— Да мнѣ о немъ говорили... Видите ли, Ляпуновъ отличный, чуде поэтъ, но онъ не можетъ оставить серьезнаго слѣда въ литературѣ, тому что форма, въ которую онъ облекаетъ свои стихи, создана не а его предшественниками: Кольцовымъ, Некрасовымъ. А вотъ, наприм К. Д. Бальмонтъ, стихотворенія котораго многимъ очень не нравятся, всетаки огромный поэтъ, потому что онъ создалъ свое, совсѣмъ ново У поэтовъ же, не создавшихъ своего стиля, или у переводчиковъ, вс бываетъ особенно симпатична скромность... Въ Москвѣ у меня есть т другъ, фамилія его N. Такъ вотъ этотъ N по профессіи портной и вѣску имѣетъ. Иногда онъ пишетъ очень недурные стихи и печата ихъ, а потомъ опять шьетъ жилеты и штаны.

Антонъ Павловичъ помолчалъ и добавилъ:

— Если мое здоровье не будетъ хуже, я непремѣнно напишу біо фію N. Непремѣнно напишу...

Когда вышло полное собраніе сочиненій Чехова, изданное А. Ф. М сомъ, я прочелъ разсказъ «Гусевъ» и поразился, какъ на нѣсколь страницахъ авторъ сумѣлъ развернуть такую потрясающую драму, за нувъ попутно глубочайшіе, почти міровые вопросы. Я также удивл почему этотъ разсказъ не попался мнѣ на глаза раньше, хотя я вс слѣдилъ за каждой его строкой.

Осенью 1903 года я спросилъ Антона Павловича, гдѣ былъ напечатанъ усевъ»?

— Въ *Новомъ Времени*,—отвѣтилъ онъ и добавилъ,—если имѣете возность, никогда не работайте въ газетахъ, испортите себѣ слогъ. Я печася тамъ изъ нужды, тогда еще въ *Новомъ Времени* можно было пиь, а теперь оно отвратительно,—люди стыдъ потеряли...

Чеховъ замолчалъ. Болѣзнь дѣлала свое дѣло. Въ этотъ день было ко. Онъ сидѣлъ на верандѣ, въ одномъ пиджакѣ, съ дорожной малень шапочкой на головѣ, въ плетеномъ креслѣ съ высокой спинкой. Возлѣ о была Ольга Леонардовна.

Я смотрѣлъ на лица этого удивительнаго человѣка и его жены и поь сказалъ:

— Сейчасъ оба вы такіе, какъ на карточкѣ, снятой въ Аксеновѣ *).

— Это потому, что Антонъ въ той самой шапочкѣ,—сказала Ольга онардовна.

Чеховъ щурился на далеко искрившееся море и, должно быть, все еще ъ вліяніемъ воспоминаній о «Гусевѣ», задумчиво произнесъ:

— А тяжело умирать въ морѣ...

Кто хочетъ совершенно ясно представить себѣ, какое лицо было у Чеа въ это время, пусть вглядится въ портретъ писателя, сдѣланный ъ, художникомъ Пановымъ, въ Ялтѣ. Онъ былъ напечатанъ въ годъ ти Антона Павловича въ *Живописномъ Обозрѣніи*, издававшемся И. Н. апенко. Къ сожалѣнію, мнѣ совсѣмъ не приходилось встрѣчать въ проѣ снимка съ этого портрета

Чеховъ терпѣть не могъ всякихъ партійныхъ ярлыковъ. Очень недавно тераторъ Е. передалъ мнѣ о своемъ весьма характерномъ разговорѣ съ тономъ Павловичемъ по этому поводу.

Говорили о *Журналѣ для всѣхъ*, который Чеховъ считалъ идеальнымъ ъ по цѣнѣ, такъ и по содержанію и въ которомъ охотно печаталъ свои лѣдніе разсказы.

— Чудесный журналъ, отличный журналъ. Непремѣнно выпишите его ѣ и читайте.

— Для меня не совсѣмъ ясно его направленіе,—возразилъ собесѣдникъ.

— Какъ направленіе?

— Да вотъ какое оно?...

— Хорошее направленіе, чудесное направленіе, вотъ выпишите и читe. Это особенный журналъ.

Такъ г. Е. и не могъ добиться отъ Антона Павловича формулировки правленія этого журнала.

Чеховъ не придавалъ ровно никакого значенія кличкѣ. Онъ требовалъ ъ всякаго печатнаго органа прежде всего художественно-вѣрнаго изображенія дѣйствительности и признавалъ только проповѣдь любви къ тяжелой

*) Въ Уфимской губ., на кумысѣ.

долѣ человѣчества; все же узкое, утрированное, проповѣдующее сим
къ извѣстному кругу людей и ненависть къ остальнымъ было ему не
душѣ. Это замѣтили всѣ знавшіе его близко. Да и самъ онъ въ од
изъ писемъ къ Полонскому совершенно ясно говоритъ: «фирму и яр
я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это человѣческое т
здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и *абсолютнѣйшая свобода**),
свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ п
грамма, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художник

Быть же художникомъ, по мнѣнію Чехова, совсѣмъ не значило ра
душно смотрѣть на бѣдствія человѣчества. До какой степени болѣло
сердце при видѣ горя, какъ нельзя лучше характеризуетъ его нижес
дующее письмо къ А. Ѳ. Кони:

---

26 января 1894 г.

Милостивый государь
Анатолій Ѳедоровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на ваше письмо, потому что уѣзжаю и
Петербурга не раньше субботы. Я жалѣю, что не побывалъ у г-жи Н
рышкиной, но мнѣ кажется, лучше отложить визитъ къ ней до вы
въ свѣтъ моей книжки, когда я свободнѣе буду обращаться среди м
ріала, который имѣю. Мое короткое сахалинское прошлое представляе
мнѣ такимъ громаднымъ, что, когда я хочу говорить о немъ, то не зн
съ чего начать, и мнѣ всякій разъ кажется, что я говорю не то, ч
нужно.

Положеніе сахалинскихъ дѣтей и подростковъ я постараюсь опис
подробно. Оно необычайно. Я видѣлъ голодныхъ дѣтей, видѣлъ три
цатилѣтнихъ содержанокъ, пятнадцатилѣтнихъ беременныхъ. Проститу
начинаютъ заниматься дѣвочки съ 12 лѣтъ, иногда до наступленія м
струацій. Церковь и школа существуютъ только на бумагѣ, воспитыва
же дѣтей среда и каторжная обстановка. Между прочимъ у меня запис
разговоръ съ однимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Я дѣлалъ перепись
селеніи Верхнемъ Армуданѣ; поселенцы всѣ поголовно нищіе и слыв
за отчаянныхъ игроковъ въ штоссъ. Вхожу въ одну избу: хозяевъ н
дома; на скамьѣ сидитъ мальчикъ бѣловолосый, сутулый, босой; о ч
то призадумался. Начинаемъ разговоръ:

Я. Какъ по отчеству величаютъ твоего отца?

Онъ. Не знаю.

Я. Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зову
Стыдно.

Онъ. Онъ у меня не настоящій отецъ.

Я. Какъ такъ не настоящій?

Онъ. Онъ у мамки сожитель.

---

*) Курсивъ нашъ.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Онъ. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значитъ за мужа?

Онъ. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Онъ. Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

Со мной на амурскомъ пароходѣ ѣхалъ на Сахалинъ арестантъ въ ножныхъ кандалахъ, убившій свою жену. При немъ находилась дочь, дѣвочка лѣтъ шести, сиротка. Я замѣтилъ, когда отецъ съ верхней палубы спускался внизъ, гдѣ былъ ватеръ-клозетъ, за нимъ шли конвойный и дочь; пока тотъ сидѣлъ въ ват.-клозетѣ, солдатъ съ ружьемъ и дѣвочка стояли у двери. Когда арестантъ, возвращаясь назадъ, взбирался вверхъ по лѣстницѣ, за нимъ карабкалась дѣвочка и держалась за его кандалы. Ночью дѣвочка спала въ одной кучѣ съ арестантами и солдатами. Помнится, былъ я на Сахалинѣ на похоронахъ. Хоронили жену поселенца, уѣхавшаго въ Николаевскъ. Около вырытой могилы стояли четыре каторжныхъ носильщика — ex officio, я и казначей въ качествѣ Гамлета и Горацію, бродившихъ по кладбищу, черкесъ-жилецъ покойницы—отъ нечего дѣлать, и баба каторжная; эта была тутъ изъ жалости, привела двухъ дѣтей покойницы, одного грудного и другого—Алешку, мальчика лѣтъ четырехъ въ бабьей кофтѣ и въ синихъ штанахъ съ яркими латками на колѣняхъ. Холодно, сыро, въ могилѣ вода, каторжные смѣются. Видно море. Алешка съ любопытствомъ смотритъ въ могилу; хочетъ вытереть озябшій носъ, но мѣшаютъ длинные рукава кофты. Когда закапываютъ могилу, я его спрашиваю: Алешка, гдѣ мать? Онъ машетъ рукой, какъ проигравшійся помѣщикъ, смѣется и говоритъ:

Закопали!

Каторжные смѣются; черкесъ обращается къ намъ и спрашиваетъ, куда ему дѣвать дѣтей, онъ не обязанъ ихъ кормить.

Инфекціонныхъ болѣзней я не встрѣчалъ на Сахалинѣ, врожденнаго сифилиса очень мало, но видѣлъ я слѣпыхъ дѣтей, грязныхъ, покрытыхъ сыпями—все такія болѣзни, которыя свидѣтельствуютъ о забросѣ. Рѣшать дѣтскаго вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно дѣлать. Но мнѣ кажется, что благотворительностью и остатками отъ тюремныхъ и иныхъ суммъ тутъ ничего не подѣлаешь; по моему, ставить важное въ зависимость отъ благотворительности, которая въ Россіи носитъ случайный характеръ, и отъ остатковъ, которыхъ не бываетъ—вредно. Я предпочелъ бы государственное казначейство.

Мой московскій адресъ: Малая Дмитровка, д. Фиргангъ.

Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за радушіе и за обѣщаніе побывать у меня, и пребыть искренно уважающимъ и преданнымъ А. Чеховымъ.

Свои личныя страданія Чеховъ всегда усиленно скрывалъ. Они прорвались, пожалуй, только единственный разъ въ жизни, когда холодная петербургская публика, привыкшая къ пьесамъ, построеннымъ по извѣстному

шаблону, не поняла «Чайки». Вотъ какъ самъ Антонъ Павловичъ пер… етъ свои ощущенія въ этотъ вечеръ:

---

11 ноября 1897 г. Лопасня, Московской губ.

Многоуважаемый Анатолій Θедоровичъ!

Вы не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня ваше пис… Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пье… потомъ сидѣлъ за кулисами и все время чувствовалъ, что «Чайка» … валивается. Послѣ спектакля, ночью и на другой день, меня увѣряли, … я вывелъ одних идіотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отно… неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже безсмысленна и пр. и … Можете вообразить мое положеніе—это былъ провалъ, какой мнѣ да… снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга пол… всякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пь… изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерялъ вс… чуткость и что, значитъ, моя машинка испортилась въ конецъ. Когд… былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-е и 3-е представ… имѣли успѣхъ; пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимн… въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ, я читалъ съ … вольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою л… въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшать м… то значитъ дѣла мои плохи. Но ваше письмо подѣйствовало на меня… мымъ рѣшительнымъ образомъ. Я васъ знаю уже давно, глубоко ува… васъ и вѣрю вамъ больше, чѣмъ всѣмъ критикамъ, взятымъ вмѣстѣ… это чувствовали, когда писали ваше письмо, и оттого оно такъ прекр… и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ … безъ отвращенія. Коммисаржевская чудесная актриса. На одной изъ … петицій многіе, глядя на нее, плакали и говорили, что въ настоящее вр… въ Россіи это лучшая актриса, на спектаклѣ же и она поддалась об… настроенію, «враждебному моей «Чайкѣ», и какъ будто оробѣла, с… съ голоса. Наша пресса относится къ ней холодно, не по заслугам… мнѣ ее жаль. Позвольте поблагодарить васъ за письмо отъ всей ду… Вѣрьте, что чувства, побуждавшія васъ написать мнѣ его, я цѣню … роже, чѣмъ могу выразить это на словахъ, а участія, которое вы … концѣ вашего письма называете «ненужнымъ», я никогда, никогда … забуду, что бы ни произошло.

Искренно васъ уважающій и преданный

А. Чеховъ.

Несомнѣнный интересъ представляютъ и слѣдующія три письма, ко… рыя помѣщаю цѣликомъ:

22 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Анатолій Θедоровичъ!

Позвольте мнѣ обезпокоить васъ большой просьбой. Сегодня я по… чилъ письмо отъ члена таганрогской управы съ просьбой выслать въ …

рогскую городскую библіотеку вашъ портретъ. Я состою попечителемъ й библіотеки (я уроженецъ Таганрога) и знаю, что въ библіотекѣ имѣ-я всѣ ваши сочиненія и что васъ очень любятъ въ моемъ родномъ одѣ и уважаютъ уже давно. Прошу васъ, не откажите выслать мнѣ ографію съ вашей подписью на лицевой сторонѣ, этимъ вы порадуете очень обяжете и горожанъ, и меня.

Мой адресъ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова, А. П. Чехову. буду въ Москвѣ до вторника.

Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго и пребыть искренно Васъ жающимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

---

6 мая 1901 г. Ялта.

Многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ!

Сегодня я получилъ отъ поэта И. А. Бунина книгу стиховъ съ прось- послать ее на пушкинскую премію. Будьте добры, научите меня, какъ сдѣлать, по какому адресу послать. Самъ я когда-то получилъ премію, книжекъ своихъ не посылалъ.

Простите пожалуйста, что безпокою васъ такими пустяками. Я не-ровъ и рѣшилъ, что выздоровѣю не скоро. Во вторникъ тѣмъ не менѣе у въ Москву.

Желаю вамъ всего хорошаго и надѣюсь, что вы уже выздоровѣли. Искренно преданный и уважающій

А. Чеховъ.

---

12 іюня 1901 г. Аксеново, Уфимской губ.

Въ самомъ дѣлѣ, многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, ваша фото- фія, которую я только что получилъ, очень похожа, это одна изъ удач- шихъ. Сердечное вамъ спасибо и за фотографію, и за поздравленіе съ итьбой, и вообще за то, что вспомнили и прислали письмо. Здѣсь на исѣ скука ужасающая, газеты все старыя вродѣ прошлогоднихъ, пу- ка неинтересная, кругомъ башкиры и, если бы не природа, не рыбная ля и не письма, то я, вѣроятно, бѣжалъ бы отсюда. Въ послѣднее мя въ Ялтѣ я сильно покашливалъ и, вѣроятно, лихорадилъ. Въ Москвѣ торъ Щуровскій,—очень хорошій врачъ, нашелъ у меня значительныя шенія; прежде у меня было притупленіе только въ верхушкахъ лег- ь, теперь же оно спереди ниже ключицы, а сзади захватываетъ верх- о половину лопатки. Это немножко смутило меня, я поскорѣе женился оѣхалъ на кумысъ. Теперь мнѣ хорошо, прибавился на 8 фунтовъ, ько не знаю отчего, отъ кумыса или отъ женитьбы. Кашель почти кратился.

Ольга шлетъ вамъ привѣтъ и сердечно благодаритъ. Въ будущемъ году, алуйста, посмотрите ее въ «Чайкѣ» (которая пойдетъ въ Петербургѣ), ь она очень хороша, какъ мнѣ кажется.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и всего хорошаго.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

Въ лѣченіи болѣзни Антона Павловича игралъ большую роль режи Доктора предписывали ему возможно полное спокойствіе, а родные вс силами старались это спокойствіе осуществить. Казалось бы въ так мѣстѣ, какъ с. Аксеново Уфимской губерніи, только что повѣнчавшис любимой женщиной, можно и должно было забыть все, не касавшееся лично.

Но жить только для себя и думать только о себѣ Чеховъ совсѣм умѣлъ. Въ 1901 году въ Севастополѣ разыгралась тяжелая драма. Мо дой, горячій мичманъ И. нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ лейтенанту Р. С стоялась дуэль, но не совсѣмъ обыкновенная. Выстрѣлъ лейтенанта раздался до условленнаго счета «три» Мичманъ И., смертельно ране въ печень, повернулся кругомъ, выпустилъ свой зарядъ въ воздухъ, стился на землю и произнесъ: «готовъ». Лейтенантъ Р. сказалъ: «я стрѣлилъ нечаянно, слаба собачка». Въ 8 часовъ вечера мичманъ И. с чался.

Возникъ страшный вопросъ, дѣйствительно ли лейтенантъ Р. выстр лилъ «нечаянно», до счета три. А потомъ уже лѣтомъ состоялся су при закрытыхъ дверяхъ, но съ допущеніемъ въ залъ представите печати.

Чеховъ въ это время былъ въ Аксеновѣ. Онъ зналъ убитаго мичм И., еще мальчикомъ, зналъ его мать, и все это дѣло, повидимому, его оч интересовало и волновало.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 14 іюня 1901 года онъ пишетъ:

— Многоуважаемый Борисъ Александровичъ! Вашихъ два письма (о открытое) я получилъ въ Аксеновѣ, Уфимской губ., гдѣ я теперь на мысѣ. Итакъ, мой адресъ: Аксеново, Уфимской губ. Сердечно благод васъ за письма и за обѣщаніе выслать дѣло о дуэли. Судя по отрывка которые доходятъ до меня, это дѣло очень интересное, и если вы буд добры, вышлите мнѣ его, то окажете мнѣ этимъ не малую услугу. Зд скучновато, но дѣлать нечего надо пить кумысъ, котораго я выпиваю у по четыре бутылки. Со мной здѣсь моя жена. Желаю вамъ всего хорош жму руку. Пишете ли теперь что-нибудь? *Посредникъ* вообще отлича медлительностью и не скоро присылаетъ отвѣты. Напишите по адре Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой переулокъ, д. Осипова, Ив. Ив. Гор нову. Онъ завѣдуетъ *Посредникомъ*,—прекраснѣйшій человѣкъ. Буд здоровы.

А. Чеховъ.

Два слова изъ этого письма: «прекраснѣйшій человѣкъ», заставили ме задуматься. Я никогда не слыхалъ, чтобы Чеховъ дурно отзывался о л тераторахъ или писателяхъ. Помню, при мнѣ кто-то нехорошо сказалъ о І. І. Ясинскомъ.

Присутствовавшій здѣсь Чеховъ задумчиво и спокойно произне :

— На него много клеветали...

[illegible] неоднократно слыхалъ вотъ о какихъ случаяхъ:

[illegible]ъ Ялту пріѣзжаетъ лѣчиться отъ чахотки какой-нибудь совсѣмъ не-[illegible]стный и, главное, совсѣмъ не знакомый Чехову журналистъ. Черезъ [illegible]олько дней этотъ журналистъ вдругъ получаетъ обыкновенное письмо, [illegible]быкновенной семикопеечной маркой, вскрываетъ его и видитъ сто-[illegible]евку, неизвѣстно кѣмъ присланную... Только нѣкоторые люди знали, [illegible]авторомъ этихъ «анонимовъ» былъ Чеховъ.

[illegible]о Владивостокѣ во время войны я получилъ отъ него два большихъ, [illegible]шихъ письма *), въ нихъ чувствовалось такъ много желанія разо-[illegible]ь мою тоску.

[illegible]ти письма писалъ мнѣ, здоровому и молодому, Антонъ Павловичъ, ко-[illegible]й, какъ докторъ, уже зналъ, что дни его самого сочтены.

[illegible] нѣтъ у меня больше словъ, чтобы выразить свою любовь къ этому [illegible]нику и человѣку необыкновенной чуткости...

[illegible]а и не у одного меня...

Бор. Лазаревскій.

*) [illegible]держки изъ нихъ напечатаны во 2-мъ томѣ моихъ разсказовъ.

Новый научный органъ для международнаго и с юзнаго права.

Подъ этимъ заглавіемъ *) съ марта текущаго года сталъ выходи Бреславлѣ новый журналъ подъ редакціею проф. Колера, и при пост номъ участіи многихъ извѣстныхъ юристовъ: Le Fur (въ Caen), (Zürich), Rehm (Strassburg), Streit (Athen) и др. Цѣль, которую ст себѣ этотъ журналъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія: желаемъ, — говоритъ Колеръ во вступительной замѣткѣ, — содѣйств развитію международнаго права и въ особенности работать надъ са, относящимися къ союзамъ государствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ манія вступила въ качествѣ столь могущественнаго фактора въ ме родное общеніе, вопросы международнаго права выдвинулись и для на первый планъ. Сознаніе, что право господствуетъ не только во тренне-государственныхъ, но и въ междугосударственныхъ отношен что юридическій порядокъ долженъ утверждаться какъ на территорі дѣльныхъ народовъ, такъ и обнимать собою всю землю, — это соз должно насъ вести къ мысли, что и взаимныя сношенія государствъ дуетъ подчинять нормамъ права, призваннымъ управлять всею дѣ ностью государствъ (Tun und Lassen der Staaten). Великая идея н времени, что ни одно государство не можетъ себя считать исключ нымъ творцомъ права, но каждое государство должно признавать въ гомъ равноправнаго себѣ участника въ процессѣ образованія права, детъ съ необходимостью къ юридической организаціи междугосудар ныхъ отношеній, и всѣ правительства должны постоянно чувствоват жащую на нихъ отвѣтственность передъ правомъ и правовымъ поряд Съ тѣхъ поръ, какъ разсѣялось представленіе о всемірномъ госуда на сцену всемірной исторіи должна была выступить идея о юридич общеніи государствъ, которая, едва заявляемая прежде, нынѣ пол такую первенствующую силу.

Нашею задачею, поэтому, представляется изученіе явленій ме родной жизни какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ, а

*) Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht herausgegeben von Iosef Kohler.

высказывать и научно обосновывать тѣ юридическія нормы, которыя развиваются въ жизни народовъ. Государство, сдѣлавшее такъ много для укрѣпленія идеи мира, какъ Германія, должно въ числѣ первыхъ стать на защиту тѣхъ принциповъ права, осуществленіе которыхъ болѣе всего обезпечиваютъ народамъ миръ, спокойствіе и порядокъ.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы должны работать и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ права и заботиться о томъ, чтобы органы международнаго мира— правильно созываемыя конференціи, соглашенія и третейскіе суды—получили самыя широкія признанія и выработку.

Въ дальнѣйшемъ редакція упоминаетъ о значеніи долговыхъ обязательствъ въ сношеніяхъ государствъ, о распространеніи идей союзнаго государства и о новыхъ болѣе свободныхъ связяхъ колоній съ ихъ метрополіями и обѣщаетъ всѣмъ этимъ явленіямъ политической жизни серьезное вниманіе на страницахъ своего изданія. Кромѣ того, редакція предполагаетъ заняться также и вопросами частнаго международнаго права, для котораго, правда, существуетъ въ Германіи прекрасный спеціальный журналъ.

Но это, добавляетъ она, не лишаетъ насъ возможности разсматривать междугосударственное гражданское право съ точки зрѣнія международнаго права, ибо первое по всѣмъ своимъ конечнымъ цѣлямъ должно быть продуктомъ международнымъ и всякое регулированіе его нормами отдѣльнаго государства имѣетъ лишь временное значеніе, доколѣ относящіеся къ нему вопросы не получатъ, въ силу международныхъ соглашеній, однообразной формы.

Подлежащій разсмотрѣнію матеріалъ долженъ обрабатываться какъ юридически-конструктивно, такъ и исторически, ибо исторія и выработанныя понятія, таковы оба исходные пункты всякой научной работы. Этимъ отличаются наука отъ практической дѣятельности, а юридическое изслѣдованіе отъ политики.

Сообразно съ международнымъ характеромъ новаго органа на его столбцахъ будутъ появляться работы не только на нѣмецкомъ языкѣ, но и на французскомъ и на англійскомъ. Дружба и миръ могутъ утвердиться среди народовъ на почвѣ международнаго права; ихъ сила и единство—проявиться подъ сѣнью союзнаго права. Служить обоимъ этимъ предметамъ и призванъ новый журналъ.

Изданіе его, по столь широкой программѣ, восполнитъ существенный пробѣлъ въ научной литературѣ Германіи. Въ ней существуютъ и давно многія извѣстныя періодическія изданія для государственныхъ наукъ, публичнаго права, науки права, частнаго международнаго права и т. д., но собственно для международнаго права въ ней не было до этого времени ничего подобнаго прекраснымъ спеціальнымъ изданіямъ Франціи (Revue générale de droit international public) и Бельгіи (Revue de droit international et de législation comparée). А между тѣмъ въ Германіи изученіе международнаго права стоитъ на гораздо низшемъ уровнѣ сравнительно съ другими отраслями правовѣдѣнія и послѣ смерти такихъ корифеевъ науки, какъ Гефтеръ, Блюнчли и Гольцендорфъ, она, въ настоящее время, не

имѣетъ ни одного выдающагося интернаціоналиста. Въ практической жи
Германія, вопреки хвалебному о ней отзыву редакціи, относилась до
слѣдняго времени враждебно ко многимъ прогрессивнымъ идеямъ меж
народнаго права: объ обязательномъ третейскомъ судѣ, объ уменьш
вооруженій, о неприкосновенности частной собственности въ морской в
нѣ, о принципѣ національности и т. д.

Не менѣе удачною должна быть признана мысль редакціи о присое
неніи къ международному праву разработки и вопросовъ союзнаго пр
въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. не только государственнаго (Bundesst
recht), но и международнаго.

Помимо спеціальнаго интереса для Германіи, какъ союзной имп
именно этой политической формы, она за послѣднія десятилѣтія полу
громадное и все возрастающее значеніе для всего культурнаго міра.
ней, безспорно, лежитъ тотъ мостъ, который переведетъ человѣчество
національныхъ государствъ къ организаціямъ международнымъ, а зат
и міровой.

Въ первой книжкѣ новаго журнала помѣщено нѣсколько интересн
статей и документовъ.

Прежде всего работа самого редактора Колера *) о новой феде
семи штатовъ Австраліи **) (Южнаго Валлиса, Викторіи, Южной Авст
Тасманіи, Квинслендъ, Западной Австраліи и Новой Зеландіи), вступи
въ силу съ 1 января 1901 г. Она собственно не является союзным
сударствомъ, но совершенно своеобразнымъ политическимъ строені
члены ея лишены суверенитета, особенно въ области международ
отношеній, гдѣ ихъ представителемъ выступаетъ ихъ метрополія.
остаются провинціями, но обладаютъ такими широкими правами во
тренней своей жизни, что, въ отличіе отъ обыкновенныхъ провин
Колеръ предлагаетъ ихъ называть «областными государствами» (Pro
staaten). Они пользуются самою широкою автономіею, но не админис
тивною только, а и политическою (не только Selbstverwaltung, а и Ei
regierung).

То, что ихъ наиболѣе отличаетъ отъ обыкновенныхъ провинцій,—
воритъ авторъ,—заключается въ томъ, что они, въ качествѣ юри
скихъ лицъ, располагаютъ широкимъ, собственнымъ правомъ управ
Это право они осуществляютъ не какъ органы высшаго цѣлаго, но в
собственныхъ правомочій къ властвованію (selbständige Herrschaftsbefugni
Въ этомъ отношеніи они не зависятъ отъ метрополіи, которая не въ
стояніи вмѣшиваться въ дѣла ихъ управленія или ограничивать и
снять новыми законами ихъ правительственныя права (Regierungsre

Въ отдѣльныхъ Штатахъ Австраліи проведена система двухъ па
нижняя (Legislative Council) избирается населеніемъ и верхняя (Legis

---

*) Das Commonwealth von Australien und seine rechtliche Stellung.

**) Commonwealth of Australia.

Assembly), члены которой частью назначаются, частью также выбираются *). Въ нѣкоторыхъ штатахъ женщинамъ предоставлено выборное право наравнѣ съ мужчинами. Исполнительная власть вручается губернатору (Governor) и кабинету министровъ (Executive Council), которые должны принадлежать къ большинству въ палатахъ.

Такъ какъ въ Австраліи почти отсутствуетъ мѣстное самоуправленіе, то дѣла послѣдняго также лежатъ на палатахъ. Связь этихъ штатовъ съ метрополіею поддерживается посредствомъ остроумно придуманной комбинаціи—монархической уніи (Monarchieunion), въ силу которой монархъ метрополіи признается въ то же время и монархомъ этихъ областныхъ государствъ (хотя и дѣйствующимъ чрезъ ихъ губернаторовъ). А такъ какъ по англійскому праву самъ монархъ въ сильной степени зависитъ отъ своего парламента, то этимъ путемъ установляется фактически зависимость австралійскихъ штатовъ отъ имперскаго парламента (въ Лондонѣ), зависимость не прямая, но косвенная, въ лицѣ монарха Великобританіи. Послѣдній пользуется правомъ утверждать законы въ теченіе двухъ лѣтъ, а если они получили санкцію генералъ-губернатора, въ теченіе года, при чемъ монархъ можетъ и отмѣнить такой уже утвержденный законъ. Кромѣ этой законодательной связи, существуетъ еще связь судебная, выражающаяся въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ (когда рѣчь идетъ не о чисто внутреннихъ дѣлахъ федераціи) допускается апелляція въ англійскій тайный совѣтъ (Privy Council) на рѣшеніе верховнаго суда. Въ Австраліи, какъ и въ Америкѣ, существуютъ кромѣ мѣстныхъ судовъ, суды союза съ верховнымъ судомъ для всей страны (High Court of Australia). При всей зависимости штатовъ отъ центральнаго союзнаго правительства, они имѣютъ, однако, собственныя права по управленію (Eigenregierungsrechte), которыя отнюдь не дозволяютъ ставить ихъ на одну ногу съ обыкновенными провинціями (въ административномъ значеніи этого слова).

Слѣдующая статья на французскомъ языкѣ принадлежитъ Лёфюръ и представляетъ начало изслѣдованія о государствѣ, суверенитетѣ и правѣ **). Авторъ отвергаетъ представленіе о государствѣ, какъ о личности нравственной или юридической, а равно какъ о живомъ организмѣ, настоящемъ существѣ (être réel), подобномъ человѣку или животному. Для него единственнымъ субъектомъ права является человѣкъ; никакая же фикція не можетъ обладать ни правами, ни обязательствами.

Альбрехтъ даетъ интересный очеркъ государственнаго строя острова Самоса ***) на основаніи султанскихъ фирмановъ 1832 и 1849 гг., тексты которыхъ приводятся въ нѣмецкомъ переводѣ. На подобіе Босніи, Болгаріи и Египта, Самосъ ****) составляетъ вассальное государство, зависящее

*) Сенатъ федераціи состоитъ изъ 36 членовъ, нижняя ея палата изъ 75. Законодательный періодъ 3-лѣтній.

**) *Le Fur*: „L'Etat, la Souveraineté et le Droit".

***) *Albrecht*: „Grundzüge des Staatsrechtes der Insel Samos".

****) Жителей на немъ 53,424 чел.

отъ Турціи, но стоящее подъ покровительствомъ трехъ великихъ держ
Франціи, Англіи и Россіи. Названные фирманы, изданные съ ихъ согла
не могутъ быть измѣнены односторонне султаномъ.

Самосъ управляется княземъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ авто
является республикой,—мнѣніе едва ли вѣрное. Зависимость его отъ Пор
выражается въ слѣдующемъ: 1) въ правѣ султана назначать князя
своему усмотрѣнію, но изъ православныхъ; 2) во взиманіи ежегодной да
въ размѣрѣ 400 тыс. піастровъ (72 тыс. марокъ); 3) въ содержаніи
островѣ гарнизона (250 чел.); 4) въ требованіи отъ депутатовъ прися
вѣрности; 5) въ назначеніи при князѣ особаго турецкаго чиновника
гражданскимъ дѣламъ; 6) въ требованіи отъ мѣстнаго правительства с
блюденія извѣстныхъ правилъ относительно иностранцевъ. Во всѣхъ о
тальныхъ, внутреннихъ дѣлахъ Самосъ совершенно независимъ отъ Ту
ціи, что особенно сказывается въ томъ, что мусульманамъ не дозволе
владѣть на островѣ недвижимымъ имуществомъ. Князь состоитъ пред
дателемъ правительствующаго при немъ совѣта. Онъ не обязанъ жи
постоянно на островѣ, а на время своего отсутствія назначаетъ замѣст
теля, который вступаетъ въ его функціи и также долженъ быть пра
славнымъ.

Небольшую замѣтку написалъ Ремъ о подданныхъ, какъ субъекта
международныхъ обязанностей *). По его мнѣнію, отдѣльныя лица не с
еще субъекты международныхъ правъ (какъ полагаетъ Кауфманъ,
пока принадлежитъ только государствамъ), но они суть, однако, чл
международнаго общенія (Mitglieder der Völkerrechtsgemeinschaft) и, ка
таковые,—субъекты международныхъ обязанностей. Тутъ, однако, воз
каетъ вопросъ: могутъ ли лица быть облечены обязанностями и не о
ладать соотвѣтствующими правами? Примѣненіе своей теоріи Ремъ види
въ противодѣйствіи нарушеніямъ блокады и подвозу военной контрабанд
нейтральными на частяхъ морей, не принадлежащихъ воюющимъ; это
же теоріею объясняется преслѣдованіе пиратовъ, вышедшихъ изъ циви
зованныхъ государствъ, но уже не принадлежащихъ ни одному изъ них

Совершенно спеціальный характеръ носитъ послѣдняя изъ помѣще
ныхъ статей Губера: «Къ ученію о территоріальномъ верховенствѣ на
пограничными рѣками» **) (неокончена). Авторъ разсматриваетъ подроб
на основаніи законовъ, договоровъ и судебной практики положеніе ве
няго Рейна въ кантонахъ Шафгаузенѣ и Цюрихѣ на протяженіи о
Urwerf до Nohl.

За статьями идетъ второй отдѣлъ: источники права. Тутъ особе
интересны: Карлштатскія конвенціи, заключенныя 26 октября 1905 г
между Швеціею и Норвегіею по расторженіи ихъ уніи. Числомъ пять, о
касаются: обязательнаго третейскаго суда; нейтрализаціи опредѣленной

*) *Rehm*: „Untertanen als Subjekte völkerrechtlicher Pflichten".

**) *Huber*: „Ein Beitrag zur Lehre von der Gebietshoheit an Grenzflüssen".

...ничной полосы (zone neutre); права кочующихъ лопарей на пастбища для ...ъ оленей; транзитной торговли; пользованія общими озерами и водами.

Въ третейской конвенціи оба государства обязываются предоставлять ...тоянному суду въ Гаагѣ рѣшеніе такихъ споровъ между ними, которые ... будутъ улажены непосредственными дипломатическими переговорами и ... будутъ касаться независимости, цѣлости и жизненныхъ интересовъ ...ихъ государствъ. Въ случаяхъ, однако, несогласія между правитель...ами относительно характера споровъ, дѣлающихъ ихъ неподсудными ...зательному третейскому суду,—эти пререканія рѣшаются Гаагскимъ ...омъ. Это—очень важное постановленіе, которое слѣдовало бы вводить ... всѣ третейскія конвенціи, заключаемыя по подобію англо-французскаго ...овора 1904 г., въ которомъ оно, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. Настоя...я конвенція примѣняется и къ спорамъ, возникшимъ изъ фактовъ, ...вшихъ мѣсто до ея заключенія, но она не прилагается къ несогласі...ъ относительно толкованія или примѣненія конвенцій о спеціальномъ ...тейскомъ разбирательствѣ, слѣдовательно и договоровъ, заключенныхъ ...поводу расторженія ихъ уніи. При отсутствіи между сторонами специ...наго соглашенія дѣйствуютъ, относительно назначенія судей и тре...скаго производства, соотвѣтствующія правила конвенціи 29 іюля ...99 г. Третейскіе судьи не должны быть подданными сторонъ, ни имѣть ...ояннаго мѣстожительства на ихъ территоріи, а равно быть совершенно ...интересованными въ вопросахъ третейскаго разбирательства. Настоя...я конвенція заключается на десять лѣтъ, послѣ чего она продолжается ...а на такой же періодъ, если ни одно изъ государствъ не заявитъ о ...оемъ намѣреніи отъ нея отказаться, по крайней мѣрѣ, за два года до ...теченія указаннаго десятилѣтняго срока.

Нейтрализуемая полоса опредѣляется въ конвенціи съ большою точно...ю. Она простирается на твердую землю и острова (îles, ilots et récifs), ... не на прилегающія части моря. Нейтрализація этой полосы должна ...ть полная. Въ ея предѣлахъ не допускаются никакія военныя дѣйствія ...она не должна служить для таковыхъ базою. Также на ней не должны ...бывать сухопутно-морскія военныя силы, кромѣ такого числа ихъ, ко...рое потребуется для поддержанія общественнаго спокойствія, или для ...занія помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Существующія укрѣпленія раз...жаются; нѣкоторыя остаются въ ихъ теперешнемъ состояніи, но не ...гутъ быть вновь и болѣе укрѣпляемы дальнѣйшими сооруженіями *). За ...полненіемъ мѣръ, намѣченныхъ въ настоящемъ договорѣ, надзираетъ ...миссія изъ трехъ иностранныхъ офицеровъ (ни норвежцевъ и ни шве...въ). Оба государства назначаютъ по одному изъ нихъ, а третье лицо ...бирается либо этими обоими офицерами, либо—въ случаѣ ихъ разно...гласія—президентомъ союзнаго совѣта Швейцаріи. Споры относительно ...лкованія или примѣненія какъ этой, такъ и остальныхъ Карлштатскихъ

*) Это три пункта съ норвежской стороны: Fredriksstеn и форты: Gylden löve и ...rbjerget.

конвенцій,—если они не были улажены,—дипломатически рѣшаются трете-
скимъ судомъ, составленнымъ изъ трехъ членовъ по тому же принци-
какъ сейчасъ приведенная нами международная коммиссія офицеровъ. Су-
не должны быть подданными обоихъ государствъ, ни имѣть въ нихъ мѣст-
жительства или какого-либо интереса въ вопросахъ, составляющихъ пре-
метъ третейскаго разбирательства. Относительно этихъ судовъ отмѣти-
еще двѣ особенности: третій ихъ членъ можетъ быть назначенъ кро-
президентомъ швейцарскаго союзнаго совѣта, еще «добавочно, способо-
предусмотрѣннымъ въ двухъ послѣднихъ параграфахъ ст. 32 Гаагской ко-
венціи 29 іюля 1899 г. Суды эти разсматриваютъ споры, не только вы-
кающіе изъ данныхъ конвенцій, но и изъ нормъ обычнаго права, изста-
примѣнявшихся обоими государствами *). Это любопытный примѣръ ес-
ственнаго расширенія ихъ компетенціи съ договорнаго права на обычно-

Карлштатскія конвенціи замѣчательны въ томъ отношеніи, что пос-
прекращенія (мирнаго, а не насильственнаго) политической связи Норве-
съ Швеціею **) онѣ тотчасъ же положили основаніе связи между н-
юридической, которая, устраняя насилія, сдѣлаетъ общеніе и дружбу ме-
ними болѣе прочными и культурными.

За этими конвенціями слѣдуютъ: сообщеніе по колоніальному пра-
о сельской полиціи на Явѣ (докт. Bohatta); судебныя рѣшенія: преем-
государствъ по долговымъ обязательствамъ: на англійскомъ языкѣ рѣ-
ніе King's Bench Division (High Court of Justice) и рѣшеніе высшаго анг-
скаго апелляціоннаго суда по одному дѣлу, касающемуся положенія ак-
нерныхъ обществъ за границей. Литературное обозрѣніе,—очень крат-
но сообщающее свѣдѣнія объ одномъ англійскомъ сочиненіи по рус-
японской войнѣ ***) и о первомъ годѣ новаго французскаго обозрѣнія ****)
которое между прочимъ ставитъ себѣ цѣлью постоянно слѣдить за по-
женіемъ рабочаго вопроса въ сферѣ международно-правовой,—что досе-
не составляло предмета постояннаго вниманія публицистовъ. По серьез-
сти и научному интересу этого перваго выпуска новаго журнала мо-
ему только пожелать успѣха и распространенія въ широкихъ кругахъ н-
селенія и за границами его отечества.

Гр. Л. Камаровскій.

---

*) Des dispositions dans la matière en vigueur en tout temps entre les deux E-
какъ говоритъ конвенція о правахъ на пастьбу лопарей.

**) Объ этомъ см. статью *бар. Нольде*: „Начало и конецъ шведско-норвеж-
уніи" („Журн. мин. юст." 1906 г., февраль и мартъ).

***) *Smith and Sibley.* International Law as interpreted during the Russo-Japa-
war. 1905. Авторы останавливаются на объявленіи войны, положеніи частныхъ л-
на непріятельской территоріи и на разныхъ вопросахъ, затрогивающихъ нейтра-
ныхъ, о военной контрабандѣ, блокадѣ, заложеніи минъ, безпроволочномъ телегра-
о пребываніи военныхъ судовъ воюющихъ въ нейтральныхъ водахъ и портахъ и т.
Сочиненіе это, по мнѣнію референта, слабо съ методологической точки зрѣнія.

****) Revue de droit international et de droit pénal international выходитъ г-
дакціею Darras.

Альберъ Сорель.

Статья академика А. Вандаля.

(Переводъ съ французскаго.)

---

30 іюня скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ историковъ—Альберъ Сорель. Его имя должно быть хорошо знакомо русской читающей публикѣ, такъ какъ первые четыре тома его классическаго труда «Европа и французская революція» и его изящные этюды о Монтескье и г-жѣ Сталь имѣются въ русскомъ переводѣ *).

Выдающійся историкъ-объективистъ Сорель былъ въ то же время историкомъ-психологомъ, историкомъ-художникомъ; въ этомъ отношеніи онъ, какъ справедливо указываетъ Габріель Моно **), занимаетъ мѣсто на ряду съ Огюстеномъ Тьерри, Тьеромъ, Минье, Мишле, Ренаномъ и Тэномъ. Первыми произведеніями Сореля были романы «Grande Falaisie» и «Docteur Egra», и этотъ родъ творчества оставилъ замѣтный слѣдъ на его историческихъ произведеніяхъ. Красивое и изящное изложеніе, мѣткія и блестящія характеристики, желаніе возсоздать эпоху въ мельчайшихъ деталяхъ—все это мы находимъ въ трудахъ знаменитаго историка.

Главные труды Сореля посвящены дипломатической исторіи; онъ много и плодотворно работалъ въ этой области и создалъ цѣлую школу. Его классическая «L'Europe et la révolution française» является выдающимся образцомъ «научной» дипломатической исторіи. Извѣстная книга Зибеля, написанная на аналогичную тему, совершенно теряется при сравненіи съ великолѣпнымъ трудомъ французскаго ученаго. Первый томъ «Европы и французской революціи» посвященъ блестящему изображенію дипломатіи «стараго порядка»; Сорель здѣсь же указываетъ, что на всей внѣшней политикѣ республики и имперіи лежитъ значительный отпечатокъ старыхъ дипломатическихъ традицій, старыхъ переживаній. Дальнѣйшіе томы (II—VIII) трактуютъ о международныхъ отношеніяхъ Европы во время великой революціи и первой имперіи. Здѣсь мы находимъ рядъ цѣн-

---

*) „Европа и французская революція" вышла въ переводѣ подъ редакціей проф. Карѣева; „Монтескье" имѣется въ двухъ переводахъ (одинъ подъ редакціей проф. Виноградова, другой подъ редакціей проф. Карѣева).

**) „Revue Historique" septembre-octobre. 1906, p. 81 (некрологъ Сореля).

ныхъ и важныхъ фактовъ, часто основанныхъ на свѣжихъ первоисточникахъ, тонкія и изящныя характеристики политическихъ дѣятелей, широкую общую картину эпохи—и все это изложено прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Конечно, не во всемъ Сорель, какъ историкъ, вполнѣ безупреченъ; такъ, онъ совершенно не считается съ соціально-экономическими отношеніями. Кромѣ того, объективизмъ не вполнѣ выдержанъ въ VIII томѣ. Во всякомъ случаѣ, его капитальная работа еще долго будетъ считаться однимъ изъ основныхъ трудовъ по исторіи французской революціи *).

Кромѣ этой основной «работы жизни» перу Сореля принадлежитъ двухтомная «Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande», нѣкоторые отдѣлы въ «Histoire Générale» Лависса и Рамбо, интересный трудъ «Question d'Orient au XVII» и блестящая параллельная характеристика «Bonaparte et Hoche en 1793». Отдавая главное время историко-дипломатическимъ работамъ, Альберъ Сорель успѣлъ написать цѣлый рядъ остроумныхъ этюдовъ по исторіи литературы; большинство изъ нихъ вошло въ изданные имъ сборники: «Essais de critique et d'histoire», «Lectures historiques», «Nouveaux essais d'histoire et de critique», «Etudes de littérature et d'histoire».

Въ статьѣ, переводъ которой предлагается вниманію читателей, дается яркая характеристика личности почившаго ученаго, его культурной и научной дѣятельности. Эта статья **) принадлежитъ перу одного изъ ближайшихъ учениковъ и сотоварищей по каѳедрѣ—Альбера Вандаля; многое въ ней представляется слишкомъ восторженнымъ и субъективнымъ. Но во всякомъ случаѣ въ ней достаточно полно обрисовывается крупная фигура выдающагося французскаго историка.

И. Бороздинъ.

Онъ былъ нашимъ учителемъ. Онъ былъ учителемъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ былъ имъ, какъ по образцовой постановкѣ научнаго мышленія, по авторитетности своего сужденія, такъ и по ученому значенію и широкому вліянію своихъ идей; онъ былъ имъ, потому что онъ основалъ школу. Съ этой точки зрѣнія особенно мы хотѣли бы въ немногихъ словахъ его оцѣнить и воздать должное его памяти.

До него изученіе дипломатической исторіи не существовало во Франціи. Этотъ отдѣлъ исторіи почти совсѣмъ не былъ изучаемъ. Дипломатической исторіи посвящались значительные, но немногочисленные труды; она служила предметомъ работъ спеціальныхъ и уже устарѣвшихъ, добросовѣстныхъ и узкихъ, которыя ограничивались формой довольно сухого разсказа о переговорахъ и комментаріемъ къ договорамъ. Нѣкоторые историки отводили ей почетное мѣсто; другіе же ее искажали и видоизмѣ-

*) Разбору названнаго труда Сореля посвящена небольшая статья профессора П. Г. Виноградова (*Русская Мысль*, 1887 г., кн. IX) и замѣтки С. Ѳ. Фортунатова (*Научное Слово*, 1904 г., кн. I и 1905 г., кн. III).

**) Помѣщена въ *Annales des sciences politiques*, за іюль 1906.

вили произвольно. Авторы, обладающіе большимъ талантомъ, пользовались ею, какъ матеріаломъ, для политическихъ или историческихъ поэмъ и для блестящихъ софизмовъ. Источники этой исторіи были почти недоступны; согласно традиціи, они хранились въ неприкосновенности въ глубинѣ архивовъ, гдѣ рѣдкіе привилегированные изслѣдователи были скорѣе терпимы, чѣмъ желательны. Въ общемъ образованіи, въ факультетахъ, въ лицеяхъ господствовало нѣсколько извѣстныхъ идей, нѣсколько спорныхъ банальныхъ представленій; такъ, наприм., продолжительность и выгода борьбы съ австрійскимъ домомъ. Я вспоминаю, что въ началѣ 1870 г., когда герцогъ де-Брольи опубликовалъ свои первые этюды о «Secret du roi», когда этотъ выдающійся историкъ рѣшился высказать, что борьба съ Австріей, будучи ранѣе необходимой, стала анахронизмомъ и что правленіе столь обезславленнаго Людовика XV хорошо сдѣлало, прекративъ ее, я былъ пораженъ этой оцѣнкой, совершенно противорѣчащей тому, съ чѣмъ меня знакомили въ лицеѣ; однакожъ она меня натолкнула на размышленія и раскрыла моему юному уму новыя перспективы. Послѣ событій 1870 года, усиленно только доказавшихъ, къ какой пропасти приводятъ во внѣшней политикѣ невѣжество и предразсудокъ, основатели свободной школы политическихъ наукъ рѣшили отвести широкое мѣсто международной исторіи и посвятить ей одну изъ главныхъ каѳедръ.

Въ задачу курса входило не только изучать основы этой исторіи, проводить ее въ прошлыхъ вѣкахъ, но и изложить ее въ ея эволюціонномъ и революціонномъ развитіи, считаясь съ фактами какъ недавними, такъ и современными. Съ основаніемъ полагали, что всецѣло слѣдовало пересоздать въ этой части воспитаніе общественной мысли, находящейся подъ властью ложныхъ представленій. Изучать съ чисто исторической точки зрѣнія событія вчерашняго дня и какія событія: вводить знаніе и истину въ живой современный интересъ—было смѣлымъ предпріятіемъ. Здѣсь было необходимо соединеніе смѣлости и осторожности, рѣдкая независимость мысли. Альберъ Сорель долженъ былъ выполнить эту задачу. Его первый курсъ открылъ школу политическихъ наукъ.

Выборъ былъ превосходенъ. Прежде всего Сорель былъ молодъ. Онъ обладалъ силой и крѣпостью своего возраста; стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, вѣра въ отечество и пылъ его вѣры вселяли въ него надежду. Онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ онъ имѣлъ соприкосновеніе съ людьми и дѣлами, онъ на практикѣ знакомился съ дѣлами; онъ былъ знатокомъ партій. Въ то же время онъ никогда не принадлежалъ къ партіи. Его умъ былъ открытъ для широкихъ порывовъ, освоивался со всѣми формами интеллектуальной и литературной жизни. Характерно, что онъ началъ съ романа. Пробуя свои силы на произведеніяхъ фантазіи и непосредственнаго наблюденія, онъ показалъ существенную особенность своей натуры, художественное чутье, умѣніе выставить людей, характеры, событія, мѣстоположенія въ ихъ бытовой и реальной обстановкѣ. По перемѣнѣ своего рода литературныхъ занятій, онъ сумѣлъ

оживить исторію, искусно составить правдивыя картины, одушевить сцен[illegible] вызвать дѣйствующихъ лицъ; однимъ словомъ, быть интереснымъ, [illegible] есть единственное средство покорить и удержать аудиторію.

Курсъ удался вполнѣ. Онъ былъ очень часто посѣщаемъ, сталъ зна-менитъ и извѣстенъ. Въ числѣ непрерывнаго ряда учениковъ вы вид[illegible] людей, которые сами пережили великія событія, участвовали въ исторі[illegible] Однажды Сорель разбиралъ предварительные переговоры 1870 года, [illegible] вошелъ въ залъ Бенедетти. Для профессора положеніе было трудное [illegible] испытаніе тягостное. Онъ такъ вышелъ изъ этого положенія, что Бене-детти не ушелъ, не засвидѣтельствовавъ своего почтенія, какъ къ знані[illegible] и правдивости, такъ и таланту историка.

Чтобы проповѣдывать свои идеи, Сорель тщательно и основательно [illegible] вырабатывалъ. Онѣ ширились и въ то же время съ точностью опредѣ[illegible]-лись, становились доктринами. Вокругъ центра его дѣятельности, [illegible] этихъ лекцій, которыя онъ передѣлывалъ ежегодно и часто варьирова[illegible] его изслѣдованія, его изысканія развивались послѣдовательно, приводя[illegible] въ концѣ-концовъ къ извѣстнымъ выводамъ: въ немъ происходила гро-мадная кристаллизація знаній и размышленій. Такимъ образомъ собира-лись всѣ матеріалы большой книги. Первоначальная часть курса, основ[illegible] часть, періодъ революціи и имперіи приняли въ изложеніи Сореля окон[illegible]-тельную форму со всѣми подробностями, какія она представляла. Та-кимъ-то образомъ изъ устнаго труда создался письменный трудъ и [illegible] трудъ! Наиболѣе блестящій синтезъ, какой только могъ создать въ [illegible] слѣднее время человѣческій трудъ.

Вышедшій изъ многочисленныхъ и широкихъ приготовленій трудъ [illegible] двигался впередъ движеніемъ легкимъ, могучимъ и правильнымъ, [illegible] сила природы. Жизнь Сореля слилась съ его трудомъ. Человѣкъ и труд[illegible] профессоръ и писатель развивались одновременно, подобно великому нер[illegible]-сторжимому существу, полному жизненности. Его сравнивали съ одни[illegible] изъ дубовъ нормандскихъ лѣсовъ. Его стволъ становится могучимъ и [illegible] верхушка покрывается плодовитой зеленью, которая каждую весну возр[illegible]-ждается. Вѣтви его разрастаются, переплетаются во всѣ стороны, не на-рушая гармоніи цѣлаго. Восхищаются этимъ прекраснымъ твореніемъ, открываютъ тысячи изящныхъ деталей. Большое дерево защищаетъ цѣл[illegible] міръ цвѣтовъ и плодовъ. Люди собираются подъ его вѣтвями, отторгаютс[illegible] отъ всего земного и предаются духовному созерцанію при соприкосновені[illegible] съ нимъ, слушаютъ его голосъ и заимствуютъ кое-что изъ его мощи.

Авторитетъ Сореля росъ постепенно. Онъ былъ не изъ тѣхъ, кто [illegible] хватываетъ и вымогаетъ славу; онъ овладѣлъ ею безъ всякаго прист[illegible] она пришла къ нему, какъ естественная награда. Онъ вошелъ въ [illegible] въ полной зрѣлости лѣтъ и таланта. Мы его видимъ въ ней такимъ [illegible] какимъ мы его всегда знали—улыбающимся и спокойнымъ.

Успѣхъ его произведеній въ публикѣ состоялся опредѣленно и глубоко [illegible] одинъ успѣхъ не имѣлъ такъ мало дѣла ни съ партіей, ни съ модой, [illegible]

страстіемъ. Всеобщее одобреніе было единодушно, обдуманно, свободно всякаго вліянія политики и школы, такъ какъ никакая партія не имѣла а считать Сореля своимъ, потому что онъ принадлежалъ всей Франціи. Между всѣми людьми, интересующимися наукой и любящими мыслить, ю въ привычку періодически читать эти большіе томы, которые въ ый разъ вполнѣ показывали великаго «феномена» нашей исторіи, кое излагали революцію и «императора» и въ которыхъ драма событій, ловливаемая фатальной судьбой первыхъ причинъ и направляемая неимой логикой страстей, достигла античной красоты.

Эти томы были введены во всѣхъ серьезныхъ библіотекахъ: они петывались, обдумывались, изучались болѣе, чѣмъ шумно восхвалялись. ъ Сореля сталъ классическимъ, прежде нежели стать знаменитымъ. мъ, когда онъ кончился, замѣтили, что большой пробѣлъ образовался французской мысли. Широкая, единогласно вырвавшаяся похвала была вомъ всеобщаго восторга. Что касается меня, я былъ глубоко тро-, когда я слышалъ въ эти дни, какъ люди разной среды, разныхъ авленій, знавшихъ о моей дружбѣ съ Сорелемъ и о ранѣ моего сердца, олько говорили о немъ въ самыхъ трогательныхъ, нѣжныхъ выраже-ъ, но старались съ перваго раза высказать мнѣ, какое вліяніе имѣли ихъ какъ его личность, такъ и его произведенія.

Если и были повсюду профессора, почитатели—его истинные ученики, ни всѣ формулировались въ школѣ и вокругъ школы. Между его ста- учениками, лучшіе—стали его друзьями, а нѣкоторые изъ нихъ— удниками. Если ихъ стремленіе направлялось къ историческимъ изслѣ-ніямъ, онъ становился для нихъ руководителемъ занятій; онъ обо-ъ, поощрялъ ихъ опыты съ истинной добротой, потому что его сердце подобно уму. Тѣ, кого поприще удаляло отъ него, не забывали его. ько изъ нихъ, въ часы сомнѣній, въ затруднительныхъ обстоятель-ъ, прибѣгали къ его опытности.

Они его находили любезнымъ и простымъ, съ протянутой рукой, от-ымъ лицомъ, съ этой доброй улыбкой, которой ужъ мы больше не имъ. Полное равновѣсіе, которое онъ умѣлъ установить между своими заніями, его существенно здоровый умъ внушали полный отдыхъ и віе. При видѣ его чувствовали себя въ присутствіи сильнаго и умна-ловѣка, съ которымъ любили совѣтоваться.

Онъ высказывалъ иногда поразительную проницательность. Позволю сослаться на одинъ личный случай. Издавъ нѣсколько работъ по I вѣку, я однажды бесѣдовалъ съ Сорелемъ о моихъ будущихъ уче-планахъ. Онъ мнѣ сказалъ откровенно: «Приступите теперь къ пе-Первой имперіи». Я ему противопоставилъ бѣглое и довольно обыч-возраженіе: Тьеръ въ своихъ двадцати томахъ все сказалъ объ этой ѣ и исчерпалъ сюжетъ. Сорель доказалъ мнѣ мое заблужденіе очень ельно и рѣшительно. Онъ прибавилъ: «Повѣрьте мнѣ, займитесь этимъ домъ и будьте увѣрены, что онъ войдетъ въ моду; онъ займетъ мѣ-

сто». Это происходило до появленія мемуаровъ Марбо, до эпопеи С d'Ache, до возрожденія наполеоновской легенды. Я послѣдовалъ совѣту лучшаго никогда не получалъ. Спустя немного времени, алчность пуб къ изслѣдованію работъ, относящихся къ императорскому періоду, при этихъ работъ, ихъ слава вполнѣ подтвердили это предвидѣніе.

Писатели всѣхъ видовъ творчества,—поэты, романисты, дѣятели те и прессы находили въ лицѣ Сореля весьма надежнаго судью, настоя цѣнителя. Онъ имѣлъ личныхъ друзей какъ среди настоящихъ литер ровъ, такъ и среди начинающихъ. Онъ былъ близокъ молодежи свѣ стью своего ума, горячностью своихъ восторговъ, своей манерой по мать ихъ энтузіазмъ, своей страстной любовью къ искусству. Этотъ у ный, этотъ политикъ былъ литераторомъ и художникомъ въ лучш смыслѣ слова, великимъ художникомъ истины, и мнѣ не разъ случа подмѣчать въ немъ сожалѣніе, что онъ долженъ былъ подчинить строго исторіи даръ воображенія и поэзіи, который онъ чувствовалъ въ се По окончаніи своего славнаго труда онъ находилъ удовольствіе въ м тѣ—написать чисто художественное произведеніе. Но въ то же время хотѣлъ оставаться профессоромъ школы и усердно выполнялъ такъ с обязанности, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ способъ непосредствен воздѣйствія на молодежь, средство по мѣрѣ своихъ силъ приготови улучшить будущее Франціи.

Онъ страстно любилъ свою страну. Онъ не только прославилъ и величилъ Францію славою своего таланта, онъ ей служилъ непосредст но, практически, образовывая цѣлыя поколѣнія усердныхъ дѣятел ученыхъ дипломатовъ. Теперь во многихъ изъ нашихъ обществен поприщъ съ болью констатируютъ уклонъ общаго уровня. На поп иностранныхъ дѣлъ—явленіе обратное. Можно объѣхать различныя го дарства Европы и свѣта, посѣтить главныя столицы и почти съ увѣре стью можно сказать, что среди членовъ нашихъ миссій находятся л полные традицій, свободные отъ рутины, болѣе открытаго и любознат наго ума, чѣмъ ихъ предшественники, интересующіеся страной, гдѣ живутъ и умѣющіе также, въ осложненіяхъ международной политики, р распознавать интересы Франціи. Они всѣ почти прошли черезъ школ слѣдовали ученію Сореля. Я не скажу, чтобы они помнили всѣ де нашего преподаванія, они сохранили, конечно, духъ. Альберъ Со олицетворялъ вполнѣ этотъ духъ, когда онъ изъ исторіи разомъ дѣл урокъ патріотизма пылкаго и сознательнаго, живого и здравомыслящ Традиція, которую онъ намъ завѣщалъ, будетъ непоколебимо сохра Намъ нечего повторять его ученіе и мы не задаемся цѣлью снова его поминать. Нашъ долгъ слѣдовать по начертанному имъ пути и идти нему свободно, доблестно, съ сердцемъ, полнымъ его образомъ, съ вѣстью, озаренной его примѣромъ. Подобно ему, мы постараемся во тывать хорошихъ и доблестныхъ французовъ.

Ю.

Первый арестъ. Знакомство съ г. Зубатовымъ.

(Изъ воспоминаній и переписки *).)

I.

Въ концѣ іюня 1884 г., утромъ, я усердно занимался за своимъ письменнымъ столомъ. Послышался тихій шопотъ и шорохъ. Оглядываюсь: ндармы и полицейскіе, прошедшіе чернымъ ходомъ. Вождемъ отряда оказся помощникъ (тогда) начальника охраннаго отдѣленія, г. Бердяевъ. предъявляется телеграмма директора департамента государственной поціи (Плеве): «Произведите обыскъ у извѣстнаго Гольцева, арестуйте его немедленно отправьте въ Петербургъ».

Обыскъ произвели (кончили его, въ моемъ присутствіи, на другой день) отвезли меня въ каретѣ въ тверскую часть, а тамъ отвели въ грязную меру, въ которой, очевидно, перебывало много молодежи: масляная стѣна кровати вся была исцарапана надписями. Нѣкоторыя изъ нихъ остались меня въ памяти. Барышня (фамилію забылъ) писала: «Поскорѣй бы конць. Завтра свобода или Сибирь». Студентъ помѣстилъ грустное четверошіе:

„Поживешь—пропадешь,
Не оставишь слѣда.
Вся-то жизнь наша—грошъ,
Да и то не всегда“ и т. д.

Я легъ, не раздѣваясь, на скверную постель. Спать совсѣмъ не дали численныя блохи.

На другой день меня возили къ начальнику охраннаго отдѣленія (Сконкову). Онъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, въ разговорѣ сообщилъ мнѣ, разъ посѣтилъ меня въ квартирѣ, переряженный дьякономъ. На мой просъ, по какому поводу я арестованъ, Скондраковъ отвѣтилъ, что это у неизвѣстно, что дѣло, очевидно, петербургское. Затѣмъ меня отвезли Петербургъ и помѣстили въ домъ предварительнаго заключенія. Режимъ ого дома извѣстенъ.

*) Русская Мысль, октябрь 1906 г.

Начались допросы въ охранномъ отдѣленіи (ихъ было немного). Оказалось, что я привлеченъ по совершенно неизвѣстному мнѣ дѣлу извѣстнаго писателя, нынѣ покойнаго, Станюковича. Привлеченъ былъ также Шелгуновъ и нѣкоторыя другія лица, большею частью мнѣ незнакомыя. Меня обвиняли въ передачѣ денегъ отъ Станюковича г. Л. Тихомирову,—тогда террористу, нынѣ одному изъ истинно-русскихъ людей,—и въ спошеніяхъ съ революціонерами. Послѣднее обвиненіе предъявлено было въ такой неопредѣленной формѣ, что лишено было всякаго значенія.

Я имѣлъ возможность доказать, что денегъ Тихомирову-Кольцову (его литературный псевдонимъ) я не передавалъ: въ отмѣну прежняго порученія Станюковичъ просилъ отдать ихъ другому лицу, которое явится съ его карточкою, что́ я и сдѣлалъ.

Въ концѣ послѣдняго допроса полковникъ Жолкевичъ показалъ мнѣ арестованную у Станюковича толстую записную книжку и далъ прочесть отмѣтку на одной изъ ея страницъ: такого-то числа послано Гольцеву для передачи Кольцову сто рублей. Показалъ мнѣ Жолкевичъ и перехваченное письмо Станюковича къ одному изъ вождей террористовъ, за границу (фамилію его Жолкевичъ не назвалъ). Въ письмѣ было предложено присылать статьи въ *Дѣло* и прибавлено, что ихъ, черезъ меня, можно будетъ пристраивать и въ *Русской Мысли*. Мнѣ объ этомъ ничего не было извѣстно.

Допросы кончились въ серединѣ іюля. И потянулись долгіе, томительные дни. Мнѣ разрѣшено было брать изъ библіотекъ историческія книги, и въ домѣ предварительнаго заключенія я собралъ много матеріала для напечатанной потомъ книги *Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.* Но читать и выписывать было неудобно: окно помѣщалось далеко и высоко.

Прошелъ іюль, прошелъ весь августъ. Меня безпокоила участь семьи, оставшейся безъ средствъ, и неизвѣстность, чѣмъ же это кончится. Испортилось нѣсколько здоровье.

Наступилъ дождливый, темный сентябрь. Въ каменныхъ и желѣзныхъ маленькихъ камерахъ дома предварительнаго заключенія въ такіе дни особенно плохо. Кончился и сентябрь. Въ первыхъ числахъ октября (кажется четвертаго) является вѣстникъ избавленія. Забираютъ мои вещи и везутъ меня въ домъ градоначальника, въ охранное отдѣленіе. Но куда оттуда?

Мнѣ объявили, что я освобождаюсь подъ гласный надзоръ полиціи, и предложили избрать городъ, кромѣ столицъ и университетскихъ. Я избралъ Тверь. Тамъ были у меня дружескія связи (я былъ въ то время тверскимъ губернскимъ гласнымъ).

Изъ охраннаго отдѣленія отправился къ жившей въ Петербургѣ родственницѣ, и вечеромъ ѣхалъ въ Москву (мнѣ разрѣшили заѣхать на одинъ день домой повидаться съ дѣтьми).

Поселился я въ Твери во флигелѣ у извѣстнаго общественнаго дѣя... М. И. Петрункевича. Явился къ губернатору, А. Н. Сомову, кото... зналъ меня, какъ гласнаго, и принялъ очень привѣтливо.

Началъ заниматься, кое-что писать. Въ ноябрѣ подалъ прошеніе о ...рѣшеніи на недѣлю, для устройства дѣлъ, поѣздки въ Москву. Отвѣта ...го не было.

Приближался день открытія губернскаго земскаго собранія (11 дека...). Гласные съѣзжались. Десятаго вечеромъ у Петрункевича было на...чено частное совѣщаніе.

Днемъ ко мнѣ является курьеръ отъ губернатора. Иду. Добродушный ...насій Николаевичъ встрѣчаетъ меня утѣшительнымъ извѣстіемъ: по...ка въ Москву мнѣ разрѣшена. Я благодарю, и прибавилъ, что черезъ ...колько дней, смотря по ходу занятій въ земскомъ собраніи, восполь...сь разрѣшеніемъ.

— Что вы, что вы,—съ испугомъ говоритъ губернаторъ,—бумага ...уетъ, чтобы вы уѣхали изъ Твери сегодня, до земскаго собранія. ...ь ночной поѣздъ. Въ Москвѣ вы можете пробыть до первыхъ чиселъ ...аря, но одиннадцатаго должны быть здѣсь (напомню, что двѣнадцатаго— ...янинъ день).

Побесѣдовали мы съ земцами, поужинали у Петрункевича, а съ ужина ...правился на вокзалъ. Такъ кончилась моя земская дѣятельность.

Въ Москвѣ я засталъ разладъ въ редакціи *Русской Мысли:* изъ жур...а вытѣсняли Юрьева. Въ февралѣ это и совершилось. Но о дѣлахъ ...ской *Мысли* я, быть можетъ, разскажу отдѣльно, а теперь возвра...сь къ послѣдствіямъ моего перваго ареста.

По возвращеніи въ Москву я поспѣшилъ побывать у профессора Сер... Алексѣевича Усова (онъ давно уже скончался), который тепло отно...я ко мнѣ, а въ мое невольное отсутствіе изъ дому ему многимъ обя... была моя семья.

Усовъ между прочимъ спросилъ меня, совсѣмъ ли я вернулся въ Мо..., и когда узналъ, что только до одиннадцатаго января, то замѣтилъ, ...это вѣдь меня совсѣмъ не устроиваетъ, что мнѣ съ семьей не на что ...ть существовать. Я, прибавилъ Усовъ, переговорю съ Мейномъ, пра...лемъ канцеляріи генералъ-губернатора (князя Долгорукова). Усовъ и ...нъ (тоже покойный) были товарищами.

Мейнъ меня зналъ: я участвовалъ въ составленіи его московскихъ ...етоновъ. Онъ въ свою очередь переговорилъ обо мнѣ съ тогдашнимъ ...ъ-полицеймейстеромъ, А. А. Козловымъ. Онъ здравствуетъ, но по ...му служебному положенію находится *внѣ предѣловъ досягаемости*, и ...ому съ моей стороны не будетъ нескромностью сказать, что онъ, ...ѣ непродолжительной бесѣды со мной, устроилъ дѣло такимъ обра...: распорядился, чтобы московская полиція наблюдала за мной, но ... безпокоила. Такъ я и остался.

Весною вызываютъ меня въ охранное отдѣленіе и объявляютъ, что по высочайшему повелѣнію дѣло прекращено въ административномъ порядкѣ и мнѣ вмѣнено въ наказаніе предварительное одиночное заключеніе.

— Но что же вмѣнено мнѣ въ преступленіе?—спрашиваю я.

Объ этомъ охранному отдѣленію ничего неизвѣстно, но я отданъ кромѣ того на три года подъ гласный надзоръ полиціи, съ воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста жительства, *то-есть изъ Москвы*. При этомъ мнѣ былъ врученъ соотвѣтствующій видъ на жительство.

II.

Въ сентябрьской книгѣ журнала *Былое* напечатаны воспоминанія покойнаго Гоца о г. Зубатовѣ. И я его зналъ. Очень давно это было, въ 1886 г., если мнѣ не измѣняетъ память.

Лѣтомъ я жилъ съ семьей на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ Выселкахъ. Дача была двухъэтажная, большая, и въ ней помѣщалось много учащейся молодежи. Къ концу лѣта нѣкоторые студенты и барышни познакомились съ нами, брали книги. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву студенты-петровцы обратились ко мнѣ съ просьбою давать имъ книги зимою. У нихъ есть пріятель, Сергѣй Васильевичъ Зубатовъ, онъ будетъ заходить ко мнѣ за книгами, а оставлять ихъ въ библіотекѣ Михиной, противъ Страстного монастыря (у Гоца Михина названа невѣстою г. Зубатова; мнѣ сказали, что она его сестра).

Явился ко мнѣ г. Зубатовъ и произвелъ пріятное впечатлѣніе. Онъ бралъ книги, возвращалъ ихъ, получалъ другія. Иногда онъ оставался на короткое время и высказывалъ печальныя мысли о современномъ положеніи вещей. Я утѣшалъ его...

Однажды г. Зубатовъ проситъ у меня первый томъ *Капитала* въ русскомъ переводѣ (онъ былъ тогда запрещенъ). Я отвѣтилъ, что неохотно даю эту книгу, боясь ея пропажи, и предложилъ нѣмецкій подлинникъ, но нѣмецкаго языка не знали *товарищи* г. Зубатова. Далъ я Маркса. Черезъ нѣсколько дней—просьба разрѣшить разбить томъ на три части и переплесть ихъ отдѣльно: первыя главы *Капитала* читать трудно; если ихъ прочесть и передать другой группѣ, дѣло пойдетъ скорѣе. Я согласился, и такъ переплетенный первый томъ *Капитала* у меня хранится до настоящаго времени. Потомъ г. Зубатовъ переписалъ мои книги (и это, кажется, уцѣлѣло): мы, основательно говорилъ онъ, часто просимъ книгъ, которыхъ у васъ нѣтъ, и не знаемъ, что у васъ есть другія, очень интересныя. Переписывать мою маленькую библіотеку я разрѣшилъ въ свое отсутствіе.

— Мы слышали,—говоритъ въ другой разъ г. Зубатовъ,—что у М. М. Ковалевскаго обширная библіотека. Не дадите ли мнѣ рекомендательнаго письма къ нему?

— Да, у Ковалевскаго очень цѣнная библіотека, но главнымъ обра-

...омъ изъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ того, я крѣпко держусь правила такихъ рекомендацій не давать. Составьте мнѣ списокъ нужныхъ вамъ книгъ, и, если онѣ есть у Ковалевскаго, я попрошу ихъ для себя, на свой рискъ.

Разговоръ болѣе не возобновлялся.

Наступило лѣто. Занимаюсь я одинъ въ редакціи *Русской Мысли*. Меня спрашиваетъ неизвѣстная дама. Прошу въ кабинетъ. Она быстро входитъ и запираетъ за собою дверь. Смотрю съ недоумѣніемъ.

— Я должна передать вамъ письмо изъ тюрьмы,—говоритъ неизвѣстная,—но вы дайте слово, что немедленно по прочтеніи его уничтожите.

— Даю слово, я сейчасъ сожгу его,—и я зажегъ свѣчу.

Дама вынула изъ корсажа крошечный конвертъ и подала мнѣ. Письмо было отъ одной изъ знакомыхъ на Выселкахъ, изъ тюрьмы, и заключало въ себѣ обвиненіе г. Зубатова въ предательствѣ. Пишущая просила отъ имени товарищей прощенія за то, что они, быть можетъ, подвели и меня. Просила также предупредить, кого возможно, отъ этого господина, что я и постарался, конечно, исполнить. Письмо было сожжено.

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ этого ко мнѣ на квартиру,—я собирался уже идти въ редакцію и стоялъ у стола,—является г. Зубатовъ, передаетъ мнѣ книги, сообщаетъ, что двѣ изъ нихъ арестованы при обыскѣ. Молчу. Тогда, запинаясь, г. Зубатовъ начинаетъ говорить, что я распространяю про него слухи, будто онъ шпіонъ и провокаторъ. Я отвѣчаю, что это не слухъ, а *фактъ*, переданный мнѣ изъ тюрьмы. Тогда г. Зубатовъ торопливо удаляется, прибавляя, что это несправедливо, что я скоро долженъ буду убѣдиться въ этомъ.

Больше мы не видались. Дальнѣйшая карьера г. Зубатова извѣстна.

В. Гольцевъ.

Новыя славянскія теченія.

Идея общеславянской солидарности, идея объединенія всѣхъ слав-
скихъ племенъ въ одно культурное цѣлое, проникнутое и одухотворен
общей всеславянской идеей, переходитъ въ настоящее время въ новый фа-
зисъ развитія.

На смѣну выродившемуся славянофильству, на смѣну поблекшему
потерявшему всѣ краски панславизму приходитъ новое теченіе, котор
черпаетъ свою вѣру и духовную мощь не изъ загрязненныхъ источник
славянофильства, не изъ реакціонныхъ настроеній панславизма. Это те
ніе зиждется на вѣрѣ въ ростъ культуры и прогресса въ славянствѣ,
связываетъ себя не съ прошлымъ, а съ будущимъ, не съ реакціей, а
прогрессомъ.

И потому оно безвозвратно распрощалось и съ славянофильскими ут
піями и съ панславистскими вожделѣніями.

Славянофильство временъ Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова стреми
связать себя съ передовыми теченіями современнаго ему общества. Ид
земщины и, какъ ея завершеніе, Земскій соборъ—вотъ что въ былое вр
влекло сердца къ славянофильству и выдвигало его на общественно-по
тическую авансцену.

Но Аксаковъ и Хомяковъ сошли со сцены. И дорогая ихъ сердцу иде
попала въ грязныя руки. Они опошлили и осквернили ее.

Туманно-мистическая славянофильская утопія превратилась въ реакці
но-политическую, чуждую даже тѣни утопизма доктрину. Православіе, са
державіе и народность,—вотъ что осталось отъ Аксаковской мечты. Сл
вянофильство стало духовнымъ оружіемъ русской реакціи, а ставъ та
вымъ, оно тотчасъ потеряло все свое общественное значеніе. Парадн
костюмъ для торжественныхъ выходовъ, при помощи котораго реакція ду
маетъ оправдать себя, доказать свой raison d'être, это все, что въ насто
щее время осталось отъ славянофильства. Славянофильство умерло и у
оно не воскреснетъ.

Идея панславизма не является подобно славянофильству самоб
русской теоріей. Напротивъ, въ средѣ русскаго общества панслави

когда не пользовался популярностью. Передовая русская журналистика, прогрессивныя общественныя теченія всегда относились къ панславистскимъ теоріямъ холодно и даже враждебно.

Если панславизмъ и находилъ себѣ въ Россіи поддержку, то она исходила изъ офиціальныхъ правительственныхъ сферъ или со страницъ газетъ, всецѣло проникнутыхъ «видами правительства». Дальше поддержки нововременскихъ публицистовъ, да *Гражданина* вкупѣ съ *Московскими Вѣдомостями* дѣло не шло. Симпатіи со стороны русскихъ правительственныхъ сферъ къ панславизму объясняются, конечно, не преданностью чистой идеѣ всеславянства. Источникъ этихъ симпатій находится всецѣло въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ соображеніяхъ внѣшней политики.

Но если на русской почвѣ панславизму не удалось пустить корни, то за предѣлами Россіи ему удалось найти для себя благодатную почву. Носителями отвергнутой передовою Россіей панславистской идеи явились чехи.

Возрожденіе и затѣмъ быстрый ростъ національной идеи среди чеховъ, ихъ отчаянная борьба на протяженіи всей исторіи съ аггрессивной политикой нѣмцевъ, рѣшительный отпоръ германизаторскимъ стремленіямъ, оказанный чехами съ конца прошлаго столѣтія, наконецъ, угроза мадьяризаціи съ юга—все это при изолированномъ положеніи чешскихъ провинцій, при неувѣренности ихъ еще молодого національнаго движенія заставляло чешскую національную мысль съ лихорадочной поспѣшностью искать себѣ всюду возможныхъ союзниковъ. Но гдѣ было ихъ найти? Бокъ-о-бокъ съ ними ихъ заклятые враги, австрійскіе нѣмцы; на югѣ—Венгрія, а на сѣверо-западѣ сверкаютъ германскіе штыки, на которые такъ жаждутъ опереться въ борьбѣ съ чехами австрійскіе нѣмцы. Германія это—вѣчная угроза для національной самобытности чеховъ, и недаромъ Вольфъ и Шенереръ умѣютъ при случаѣ пугнуть чеховъ призракомъ прусской каски. И вотъ, взоръ чешскаго патріота поневолѣ обращается въ сторону славянства. Идеѣ нѣмецкой солидарности онъ противопоставляетъ идею солидарности всѣхъ славянъ, идею панславизма.

Но на кого изъ славянъ могутъ опереться чехи? Единственная политическая сила въ средѣ славянскаго племени—Россія. Отсюда естественный выводъ, что Россія должна взять на себя гегемонію въ славянскомъ мірѣ, должна стать объединяющимъ центромъ для славянства.

Правда, Россія была олицетвореніемъ грубой силы, національнаго гнета, политическаго безправія, въ Россіи вмѣсто силы права царило право силы;) панславизму нужна была своя Мекка, а онъ могъ ее найти только на регахъ Невы. Петербургъ, какъ противовѣсъ Вѣнѣ и Берлину, русскій тыкъ и казацкая нагайка, какъ противовѣсъ австрійской дипломатіи и рманскому бронированному кулаку. Таковъ былъ основной политическій зисъ панславизма.

Но панславизмъ забылъ, что послѣ русскихъ поляки наиболѣе многоченная славянская нація, нація съ богатой, самобытной культурой, съ

тонко развитымъ національнымъ чувствомъ, которое никогда не при рится съ національнымъ порабощеніемъ, хотя бы поработителемъ бы родственный славянскій народъ.

Если чешскіе панслависты, стоя вдали, могли окутывать самоде ную Россію розовымъ флеромъ и закрывать глаза на ея темныя сторо то поляки, которые ощущали въ теченіе многихъ лѣтъ самымъ непос ственнымъ образомъ всю тяжесть самодержавнаго строя,—поляки нико не могли увлечься панславистской мечтой.

Поляки были враждебны панславизму, русское общество относилось нему холодно и пренебрежительно, и только среди австрійскихъ славя панславизмъ находилъ своихъ адептовъ.

Но и въ этой средѣ панславизму вскорѣ былъ нанесенъ тяже ударъ.

Разразилась война между Россіей и Японіей. Эта война вскрыла пе лицомъ всего міра всѣ темныя стороны самодержавнаго режима. Она писала этому режиму смертный приговоръ. Панславизмъ, связавшій свои чаянія и упованія съ призрачнымъ могуществомъ самодержавнаго лосса, потерялъ подъ собой почву. Разгромъ бюрократической Россіи поляхъ Манчжуріи вызвалъ рѣзкій кризисъ въ панславизмѣ. Когда пере ваемый Россіей переходный моментъ завершится воплощеніемъ въ ж идеи права и свободы и когда Россія окончательно пріобщится къ се культурно-правовыхъ европейскихъ государствъ, панславизмъ въ его линномъ видѣ безвозвратно сойдетъ съ политической сцены, остава можетъ быть, лишь въ головахъ немногихъ упрямыхъ чудаковъ, дож ющихъ свой вѣкъ и не желающихъ разставаться со своимъ собствен дѣтищемъ.

Итакъ, славянофильство уже перешло въ небытіе, одряхлѣвшій п славизмъ уже постигаетъ участь славянофильства. Значитъ ли это, что смертью панславизма умретъ и идея всеславянства? Нисколько. Она дол воскреснуть, но только въ новомъ, обновленномъ и болѣе чистомъ ви Она должна отбросить всѣ реакціонныя примѣси панславизма, она дол связать свою судьбу съ идеей политическаго обновленія Россіи. Только почвѣ свободной Россіи можетъ расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ лишен всякихъ примѣсей политиканства, проникнутая высокимъ идеализмомъ, чистая идея всеславянства.

Панславизмъ былъ утопіей, ибо полякъ не могъ протянуть руку р скому, пока Россія была для него олицетвореніемъ гнета и насилія; р ское общество не могло отдаться идеѣ славянскаго братства, пока у н на родинѣ шла братоубійственная война. Иное дѣло въ свободной Ро

Въ новой Россіи съ ея огромной политической силой всѣ славян племена отъ поляковъ до чеховъ и болгаръ могутъ найти оплотъ прот покушеній на ихъ національную культуру, откуда бы эти покушенія исходили. Передъ Россіей предстанетъ колоссальная задача объединит востокъ Европы подъ сѣнью славянскаго союза, основаннаго не

силіи и порабощеніи, а на духовно-культурной общности. Въ этомъ культурномъ союзѣ національныя особенности отдѣльныхъ племенъ получатъ полный просторъ для дальнѣйшаго саморазвитія, въ результатѣ котораго создастся одно гармоническое цѣлое.

Такова задача, которую желѣзная логика развертывающагося передъ нашими глазами историческаго процесса ставитъ на очередь дня.

Что въ настоящее время въ славянствѣ происходитъ поворотъ именно въ сторону указанной нами тенденціи, мы постараемся доказать ниже уже съ фактическимъ матеріаломъ въ рукахъ.

Въ этомъ отношеніи для насъ имѣетъ особенно важное значеніе позиція, на которой стоятъ поляки. Поляки до сихъ поръ не склонны были воспринимать идею общности всѣхъ славянъ.

Причины этого, какъ мы указывали выше, лежали въ условіяхъ политической жизни Польши, а вовсе не въ органической неспособности со стороны поляковъ воспринять всеславянскую идею.

Тѣмъ не менѣе антагонизмъ поляковъ къ Россіи выставлялся противниками, какъ наиболѣе сильный доводъ противъ «всеславянскихъ утопій».

И вотъ въ настоящее время польское общественное мнѣніе начинаетъ все болѣе склоняться въ сторону славянскаго единенія.

Однимъ изъ весьма существенныхъ факторовъ, толкающихъ поляковъ на указанный путь, является германизаторская политика, такъ широко проводимая Пруссіей въ предѣлахъ ея польскихъ провинцій. Корреспонденціи польскихъ газетъ изъ Познани изобилуютъ фактами безпощадной борьбы со всѣмъ польскимъ. Ареной для германизаціи прусское правительство избрало народную школу. Учителя-нѣмцы преслѣдуютъ польскій языкъ, польскихъ дѣтей противъ желанія родителей обучаютъ по-нѣмецки священной исторіи, заставляютъ даже читать молитвы по-нѣмецки. На этой почвѣ разыгрываются безконечныя исторіи. «Дѣтей, отказывающихся отвѣчать на урокахъ закона Божьяго по-нѣмецки, сажаютъ въ карцеръ, лишаютъ наградъ, оставляютъ на лишній годъ въ школѣ и даже не останавливаются передъ широкимъ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній. Корреспондентъ петербургскаго *Края* въ № 38 такъ описываетъ положеніе въ Познани: «Жестокая «воспитательная» система дѣйствуетъ съ удвоеннымъ усердіемъ, свиститъ хлыстъ прусскаго учителя и по окончаніи уроковъ школьные залы переполняются маленькими арестантами... Сплошь и рядомъ маленькіе бунтовщики, прекрасно сознавая послѣдствія, не хотятъ ссылаться на запрещеніе со стороны родителей, считая честью пострадать за собственныя убѣжденія». По свидѣтельству того же корреспондента [н]ѣмецкая пресса, и не только явно шовинистическая, рука объ руку съ [п]равительствомъ участвуетъ въ травлѣ поляковъ. Нѣмецкій католическій [це]нтръ, еще недавно выступавшій въ рейхстагѣ въ согласіи съ польскимъ [к]оло», теперь тоже обращается противъ поляковъ. *Katolische Rundschau*, [ор]ганъ «католическаго восточнаго союза», не только требуетъ преподава[ні]я на нѣмецкомъ языкѣ священной исторіи, но высказывается даже за

изгнаніе польскаго языка изъ церковнаго богослуженія и въ концѣ цовъ уничтоженіе польской прессы и запрещеніе польскаго языка на литическихъ собраніяхъ».

Въ связи съ все усиливающимся германизаторскимъ режимомъ въ знани, польское общественное мнѣніе не на шутку встревожено позиціей занятой Вильгельмомъ II по вопросу объ автономіи русской Польши.

Во 2 нумерѣ варшавской газеты *Sztandar* мы находимъ заимствованную изъ парижскаго *Journal* корреспонденцію извѣстнаго политика Александра Улара по поводу свиданія Вильгельма II съ австрійскимъ императоромъ.

«Главнымъ предметомъ совѣщанія было настоящее положеніе Россіи.

Инціатива, повидимому, принадлежала Вильгельму II, который заинтересованъ въ томъ, чтобы по сосѣдству съ нимъ не образовалось сильное конституціонное государство, которое, вмѣстѣ съ французской республикой явилось бы угрозой милитаристическому режиму Германіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Польша въ такомъ случаѣ получила бы весьма широкое самоуправленіе.

Тогда въ части Польши, остающейся подъ скипетромъ Пруссіи, возникло бы сильное стремленіе къ объединенію съ примирившимся съ Россіей Царствомъ Польскимъ.

Какимъ образомъ въ виду этого предохранить Германію отъ серьезныхъ волненій въ ея восточныхъ провинціяхъ?

По убѣжденію Вильгельма II существуетъ лишь одно средство. Необходимо предпринять шаги съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ проведеніе автономіи въ русской Польшѣ.

Наилучшимъ средствомъ является поддержка существующаго въ Россіи режима, а если бы это оказалось невозможнымъ, остается подавленіе автономной Польши».

Какъ видимъ, польское общество имѣетъ всѣ основанія видѣть въ лицѣ Германіи серьезную угрозу національной культурѣ своего народа даже и за предѣлами Пруссіи.

Не считающаяся ни съ какими правовыми нормами германизація въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи, вѣроятность аггрессивной политики со стороны Германской имперіи по отношенію къ Царству Польскому — все это заставляетъ польское общество искать союзниковъ, при поддержкѣ которыхъ оно могло бы оказать отпоръ настоящей и будущей политикѣ Германіи.

И естественно, что польская мысль обращается въ сторону родственнаго славянскаго племени. Союзъ всѣхъ славянъ подъ эгидой свободной Россіи—таковъ въ ближайшемъ будущемъ политическій лозунгъ поляковъ, лозунгъ, продиктованный не капризомъ, не утопической фантазіей, а суровымъ и холоднымъ, а потому неизбѣжнымъ, политическимъ разсчетомъ.

Издающійся въ Краковѣ журналъ *Swiat Slawianski* явился глашатаемъ славянской политики такого рода еще до начала русско-японской

Въ настоящее время *Kraj* въ передовицѣ «Поворотъ въ славянствѣ» въ № 39 рѣшительно становится на ту же точку зрѣнія. Авторъ передовицы г. И. Мзура цитируетъ любопытную словенскую брошюру о програмиѣ славянской политики. Словенскій авторъ намѣчаетъ «програмиу, въ которой должна воплотиться славянская идея, для того, чтобы южные и восточные славянскіе народы не подпали національному вырожденію подъ натискомъ нѣмцевъ... Авторъ полагаетъ, что, во всемъ славянствѣ существуютъ лишь два народа, «обладающіе гарантіей самобытнаго существованія: русскіе и поляки».

«Первые сильны численностью, вторые—культурой и выработаннымъ политическимъ чутьемъ».

«Всякая славянская политика, направленная противъ Россіи, была бы самоубійствомъ, но, равнымъ образомъ, самоубійствомъ является руссификація Польши. Ибо она ведетъ къ уничтоженію естественной плотины, которую польское національное самосознаніе и цивилизація образуютъ въ противовѣсъ германскому натиску».

Поэтому первымъ тезисомъ политики, исходящей изъ славянской идеи, является самая широкая автономія Царства Польскаго, «дающая Россіи гарантію внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности». Такой шагъ «открылъ бы двери всеславянской политикѣ, осуществляемой въ крупныхъ размѣрахъ». Такая политика, по мнѣнію автора, означала бы конецъ германизаторскихъ стремленій какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи. Въ концѣ брошюры для пропаганды славянской идеи въ духѣ охраны національныхъ правъ и справедливости авторъ рекомендуетъ созданіе еженедѣльнаго журнала, который бы выпускался одновременно въ нѣсколькихъ параллельныхъ изданіяхъ на разныхъ славянскихъ языкахъ.

Kraj, цитируя съ сочувствіемъ брошюру, прибавляетъ въ заключеніе отъ себя:

«Славянская идея, туманная и безформенная у ея первыхъ глашатаевъ, уродливо исковерканная воинствующимъ панславизмомъ, различными благотворительными обществами и поклонниками грубой силы, просыпается къ новой жизни подъ знаменами свободы и справедливости. Пускай же въ такомъ видѣ она сохраняется и здравствуетъ!»

Мы видимъ такимъ образомъ, что на страницахъ польской журналистики мысль объ общеславянской солидарности дѣлаетъ быстрые успѣхи. Когда завершится процессъ политическаго преобразованія и русскій народъ добровольно возстановитъ автономію Польши,—тогда славянская идея съ ...этныхъ листовъ перейдетъ въ плоть и кровь обоихъ родственныхъ наро...ъ и воплотится въ жизнь, ставъ реальнымъ политическимъ фактомъ. Что идея эта является не искусственно привитой, не искусственно ...ссированной журналистикой или нѣкоторыми политическими группами, ...чо изъ того, что и среди чеховъ она завоевываетъ все больше сто...никовъ.

... подтвержденіе этого намъ достаточно сослаться на анкету, произве-

денную редакціей пражскаго журнала *Máj* на тему: возможна ли совмѣстная акція австрійскихъ славянъ?

Máj слѣдующимъ образомъ характеризуетъ добытые анкетой результаты:

«Благодаря ей выступаетъ на первый планъ, въ видѣ ближайшей задачи славянства: сорганизовать силы на основѣ нашей собственной народной идеи, создать для насъ *собственную организацію*, при помощи которой мы окажемся въ состояніи выяснить наши совмѣстные національные интересы и путемъ совмѣстной акціи разрѣшить поставленную передъ нами великую задачу».

Swiat Slawianski (1906 г., № 20, стр. 94) въ такихъ словахъ говоритъ о результатахъ анкеты:

«Время признать, что разногласія въ общественно-гражданскихъ воззрѣніяхъ не стоятъ поперекъ пути, когда рѣчь идетъ о народныхъ интересахъ славянъ и они насъ не могутъ раздѣлять, если мы сохранимъ простой здравый смыслъ. Мы съ величайшей радостью привѣтствуемъ эти результаты анкеты... Результаты анкеты констатируютъ, что *чешская мысль сдѣлала шагъ, и при томъ крупный, въ сторону мысли польской*».

Вотъ факты, ярко свидѣтельствующіе, что идея всеславянства растетъ и ширится въ указанномъ нами направленіи и становится все популярнѣе среди рѣшительно всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ славянскихъ націй, и близокъ день, когда въ своемъ новомъ и чистомъ видѣ она станетъ общимъ достояніемъ славянства.

М. С.

Третій конгрессъ „Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ“ въ Копенгагенѣ *).

(7—12 августа 1906 г.)

„Въ единеніи—сила“.

I.

Общее значеніе конгресса.—Отношеніе къ нему публики и прессы.—Вліяніе международныхъ встрѣчъ на расширеніе умственнаго горизонта.

7 августа н. ст. въ Копенгагенѣ состоялось открытіе 3-го конгресса Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого союза. Въ 1902 году «Національная Ассоціація Избирательныхъ Правъ Женщинъ» въ Америкѣ рѣшила объединить всѣ существующія аналогичныя національныя общества. Съ этой цѣлью въ февралѣ 1902 г. состоялся въ Вашингтонѣ митингъ, на который были приглашены делегаты существующихъ національныхъ обществъ избирательныхъ правъ женщинъ. Явились делегатки, присланныя изъ Канады, Германіи, Великобританіи, Норвегіи, Швеціи и Соединенныхъ Штатовъ. Австралія, не имѣя національнаго общества, прислала делегатку отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ обществъ. Организаторы обратились также съ приглашеніемъ къ женщинамъ, сочувствующимъ освободительному движенію. Въ результатѣ явились делегатки изъ Россіи, Чили и Турціи. На конгрессѣ были представлены и прочитаны доклады, обсуждены главныя основы будущаго союза.

Съ цѣлью дать каждой вступающей въ союзъ ассоціаціи возможность обсудить проектъ конституціи, на вашингтонскомъ конгрессѣ была учре...на лишь временная международная организація женскихъ избирательныхъ правъ, съ временнымъ комитетомъ во главѣ. Г-жа Сусанна Антони, ...менитая піонерка женской эмансипаціи въ Америкѣ, была избрана пер... предсѣдательницей; д-ръ Анита Аугсбургъ — вицепредсѣдательницей, а Чапманъ Кэтъ — секретаремъ. Второй конгрессъ «Международнаго

*) Рефератъ, читанный 22 октября 1906 г. въ Москвѣ, въ Лит. Худ. Кружкѣ.

Союза» состоялся въ 1904 г. въ Берлинѣ, гдѣ организація союза б
окончательно установлена и конституція утверждена собраніемъ делегат
Къ первоначальному ядру союза присоединились здѣсь Голландія и Да

На конгрессахъ Международнаго Союза была принята и утверж
слѣд. декларація основныхъ принциповъ:

1) Мужчины и женщины равно свободны и независимы по рожд
равно надѣлены разумомъ и способностями и имѣютъ равное право
свободное ихъ развитіе.

2) Естественное соотношеніе половъ есть взаимодѣйствіе и коопер
и ограниченіе правъ и свободы одного пола неизбѣжно наноситъ ущ
другому полу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему человѣчеству.

3) Во всѣхъ странахъ—тѣ законы, обычаи и вѣрованія, которые
дѣйствовали закрѣпощенію женщинъ, ставили преграды ихъ образован
препятствовали развитію ихъ прирожденныхъ способностей,—основан
ложныхъ понятіяхъ и породили искусственное и неправильное соотн
ніе между полами въ современномъ обществѣ.

4) Самоуправленіе въ семьѣ и государствѣ есть неотъемлимое п
каждаго совершеннолѣтняго нормально развитого лица, и отказъ въ н
женщинамъ вызвалъ по отношенію къ нимъ соціальную, юридическ
экономическую несправедливость и усугубилъ во всемъ мірѣ сущест
щее экономическое неустройство.

5) Правительство, которое предписываетъ женщинамъ - граждан
законы и взимаетъ съ нихъ налоги, не предоставляя имъ права сог
или отказа, которымъ пользуются мужчины-граждане,—производитъ
ними насиліе, недопустимое въ государствѣ, основанномъ на справедли
законахъ.

6) Всеобщее голосованіе есть единственное законное и вѣрное сред
защиты правъ на «жизнь, свободу и счастье», признанныхъ американ
декларацiей независимости, и затѣмъ всѣми цивилизованными націям
неотъемлимымъ правомъ человѣческой личности. Поэтому во всѣхъ п
ставительныхъ государствахъ женщины должны быть облечены всѣми
литическими правами и привилегіями избирателей.

Третій конгрессъ Международнаго Союза состоялся, какъ извѣстно,
Копенгагенѣ 7—12 августа н. стиля. Мѣстная прогрессивная газета *P
litiken*, привѣтствуя это событіе, коснулась его значенія въ глазахъ
временниковъ и потомковъ: для насъ это фактъ знаменательный, круп
шагъ впередъ. Но черезъ какія-нибудь 50 лѣтъ культурное общество
трудомъ представитъ себѣ, что сотнямъ женщинъ приходилось устраи
конгрессы, собираться, тратить время и силы, чтобъ доказывать спра
ливость своихъ требованій, выяснять необходимость свободы и равенс
всѣхъ передъ закономъ...

Газета права. Всѣ эти истины черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, б
сомнѣнія, станутъ труизмами. Всѣ уродливыя уклоненія отъ нормаль
строя жизни исчезнутъ; и потомки, читая исторію женскаго д

...ятся къ тѣмъ, кто отстаивалъ привилегіи мужского пола, такъ, какъ теперь относимся къ рабовладѣльцамъ и крѣпостникамъ предшество...ихъ столѣтій.—Но время просвѣтлѣнія для человѣчества еще не на...ло. Въ наши дни господства отрицательныхъ сторонъ жизни—тьма пре...адаетъ надъ свѣтомъ. Не сила права, а право силы царитъ надъ мі...ръ; и еще большой вопросъ—далеко ли мы ушли отъ средневѣковаго ...чнаго права...

Конгрессъ «Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ» ...елькнулъ свѣтлымъ лучомъ среди общаго мрака. Тотъ, кто былъ на ...грессѣ и принялъ въ немъ участіе не внѣшнимъ образомъ, а умомъ ...ердцемъ, тотъ, несомнѣнно, почерпнулъ изъ него силы для дальнѣйшей ...оты въ той же сферѣ. Кто утомился, слѣдуя по усѣянному терніями ...и общественнаго дѣятеля,—тотъ нравственно отдохнетъ и воспрянетъ ...омъ при воспоминаніи о тѣхъ удивительныхъ женщинахъ, беззавѣтно ...анныхъ идеѣ, бодрыхъ, сильныхъ и смѣлыхъ, съ которыми насъ сбли...ъ конгрессъ. Передо мной сейчасъ встаетъ въ воспоминаніи нѣсколько ...ихъ свѣтлыхъ образовъ; впереди всѣхъ—делегатки Америки—главнаго ...а женскаго движенія: предсѣдательница союза г-жа Чапманъ Кэтъ, ...етарь—г-жа Эвери, предсѣдательница Американскаго Національнаго Со... д-ръ Шоу и др. Быть можетъ, нѣкоторые скептики возразятъ, что тѣ ...отверженныя и богато-одаренныя женщины, о которыхъ я говорю, и ...онгрессѣ составляли исключеніе; что большинство, какъ почти во вся...ъ собраніи, не особенно отличались своими свойствами отъ людей тол... Тѣмъ не менѣе, въ эту минуту всѣ, даже самые заурядныя, забыли ...и мелкіе, будничные интересы; всѣ соединились, слились вмѣстѣ во имя ...ой великой идеи; и это общее стремленіе осуществить ее невольно ...ъ дѣлало лучше, выше.—Если сближеніе съ людьми высшаго полета ...ственно ободрило многихъ піонерокъ женскаго движенія, то знаком...о съ представителями другихъ націй не менѣе сильно повліяло и на ...твенный ихъ горизонтъ. Передъ нами открывались новые взгляды, по...ія, новый строй жизни. При этомъ, какъ справедливо замѣтила пред...ательница Международнаго Союза, эта встрѣча съ представителями дру...ъ націй побуждала насъ болѣе скромно относиться къ самимъ себѣ и ...ѣе цѣнить другихъ, ибо каждая страна дала нѣчто, чего не было у ...гихъ, каждая внесла свой опытъ, плодъ своей работы въ общую со...вищницу знаній.

Нельзя не отмѣтить еще одну важную заслугу конгресса. Онъ явился ...расны̆мъ средствомъ пропаганды въ различныхъ слояхъ общества. Въ ...еніе недѣли вниманіе города поневолѣ было привлечено съѣхавшимся ...грессомъ. О немъ говорила вся мѣстная пресса, и многіе изъ извѣст...ъ мѣстныхъ жителей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ конгрес... о немъ напоминали группы конгрессистокъ съ красными значками, ...лявшіяся на улицахъ въ перерывахъ между засѣданіями.

Въ смыслѣ пропаганды, не малую роль сыграли также экскурсіи и

торжественные пріемы, устроенные въ честь конгресса. Являясь знакомъ вниманія со стороны администраціи города и старинныхъ мѣстныхъ обывателей, празднества эти привлекали вниманіе толпы и придавали конгрессу характеръ интернаціональнаго торжества. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ отношеніи наши хозяйки-датчанки проявили величайшее гостепріимство. Все было заранѣе предугадано и предусмотрѣно. Задолго до открытія конгресса такъ называемый комитетъ развлеченій, съ г-жей Мюллеръ во главѣ, обдумалъ и приготовилъ рядъ празднествъ. Была устроена экскурсія въ красивое мѣстечко Маріенлюстъ близъ Копенгагена; причемъ конгрессистокъ встрѣчали и провожали пушечной пальбой. Былъ устроенъ ужинъ отъ «Датской Ассоціаціи женскихъ избирательныхъ правъ», и нѣсколько вечеровъ въ частныхъ домахъ. Но, быть можетъ, всего внушительнѣе въ смыслѣ пропаганды былъ пріемъ конгресса въ городской думѣ. Иниціатива въ данномъ случаѣ исходила уже не отъ датчанокъ, нашихъ сочленовъ по Международному Союзу, а отъ городского управленія, пожелавшаго въ лицѣ главныхъ своихъ представителей выразить свое сочувствіе и уваженіе собравшемуся въ Копенгагенѣ женскому конгрессу. Въ этомъ смыслѣ нельзя было не оцѣнить всѣхъ деталей, сопровождавшихъ пріемъ конгресса. 8 августа все великолѣпное зданіе думы было предоставлено для осмотра гостей. Благодаря отсутствію общепонятнаго языка, рѣчи нашихъ хозяевъ, мэра и другихъ членовъ городского управленія отличались краткостью; но въ нихъ было сказано какъ разъ то, что мы желали услышать: наши хозяева высказали пожеланіе и надежду вскорѣ увидѣть женщинъ въ составѣ городского управленія.—Передъ зданіемъ думы, на площади, играла въ честь конгресса военная музыка; и собравшаяся огромная толпа съ любопытствомъ смотрѣла на непривычное зрѣлище: празднество, устроенное думой въ честь собравшихся изъ всѣхъ странъ женщинъ-конгрессистокъ.

Но не одни торжества и экскурсіи привлекали къ конгрессу вниманіе мѣстныхъ жителей. Наиболѣе интеллигентные усердно посѣщали засѣданія конгресса; и на вечернихъ собраніяхъ, въ часы, когда трудовой людъ освобождается отъ занятій, въ залѣ собраній часто не оставалось ни одного свободнаго мѣста.

Съѣздъ женскаго политическаго союза явился фактомъ небывалымъ въ исторіи Даніи. Однимъ изъ его важныхъ результатовъ было возбужденіе сочувствія къ нему всей мѣстной прессы. Раньше даже органы радикальной печати замалчивали женскій вопросъ, относились къ нему съ свойственнымъ пренебреженіемъ: теперь всѣ газеты и журналы, консервативные и прогрессивные, отмѣтили конгрессъ какъ событіе, достойное общаго вниманія. Всѣ собранія конгресса усердно посѣщались редакторами и корреспондентами. Ежедневно вездѣ появлялись замѣтки о конгрессѣ и отчеты засѣданій. При этомъ нельзя не отмѣтить, что представители печати отнеслись къ своей задачѣ не поверхностно, а серьезно: интервьюировали иностранныхъ делегатокъ, просили разъясненій, старались вникнуть въ суть вопросовъ.

Итакъ, вотъ первый реальный результатъ конгресса международнаго енскаго союза: онъ явился могущественнымъ орудіемъ пропаганды, онъ ивлекъ вниманіе публики и прессы.

Въ то же время, по отношенію къ съѣхавшимся делегаткамъ, онъ влся стимуломъ къ дальнѣйшей дѣятельности и заложилъ основы проч-й связи между представительницами разныхъ націй и разныхъ странъ.

II.

кіады конгресса Международнаго Союза. — Общія черты въ положеніи жен-аго вопроса и отличительныя его особенности въ разныхъ странахъ.—Доклады ъ странъ, гдѣ женщины политически безправны, и отъ тѣхъ, гдѣ они полно-авны. — Доклады С.-А. Штатовъ, Канады, Великобританіи, Германіи, Италіи, Венгріи, Голландіи, Даніи, Норвегіи и Швеціи.

Несмотря на различіе условій, въ которыхъ развивались общества и юзы равноправія женщинъ, въ исторіи ихъ выступаетъ нѣсколько общихъ ртъ. Вездѣ они возникали подъ вліяніемъ, съ одной стороны, пробужденія иосознанія въ индивидуальной личности, съ другой — подъ давленіемъ ономическихъ условій. И вездѣ это пробужденіе женской личности встрѣ-ло отпоръ со стороны захватившихъ въ свои руки власть мужчинъ. авда, въ послѣднемъ отношеніи исторія женскаго движенія представляетъ первый взглядъ большое разнообразіе: въ разныхъ странахъ тѣ или угія партія различно относились къ вопросу о женскихъ правахъ. Но, и ближайшемъ знакомствѣ съ движеніемъ, мы видимъ, что подъ этимъ ѣшнимъ разнообразіемъ скрываются сходныя, однородныя черты. Почти егда мужчины благосклонно относятся къ политической равноправности нщинъ тамъ, гдѣ сами они ограничены въ политическихъ правахъ и для стиженія ихъ нуждаются въ поддержкѣ женщинъ. Быть можетъ, это стоятельство объясняетъ тотъ характерный фактъ, на который обратила своей рѣчи вниманіе предсѣдательница Международнаго Союза, г-жа Чап-нъ Кэтъ. «Отмѣтимъ»,—сказала она,—и тотъ любопытный фактъ, что единственныхъ республикахъ Европы, во Франціи и Швейцаріи, вопросъ ъ избирательныхъ правахъ женщинъ менѣе подвинулся впередъ, чѣмъ какой-либо изъ сѣверныхъ монархій. Въ этихъ двухъ странахъ мужчины вно пользуются преимуществами самоуправленія безъ тѣхъ ограниченій, торыя налагаетъ часто монархія. Почему же мужчины въ этихъ республи-хъ не распространили избирательныхъ правъ на женщинъ, и почему жен-ны не объединились здѣсь, чтобы потребовать себѣ правъ? На этотъ прось отвѣтитъ лѣтописецъ женскаго движенія. Въ связи съ этимъ, отмѣ-мъ, что либеральныя и прогрессивныя колоніи монархической Англіи, страліи и Новая Зеландія, стали впереди всего міра въ дѣлѣ освобо-енія женщины; и весьма вѣроятно, что даже сама Англія получитъ все-щее избирательное право безъ различія пола гораздо раньше, чѣмъ Со-ненные Американскіе Штаты, первые формулировавшіе требованіе само-равленія для всѣхъ. «Въ этомъ»,—замѣтила предсѣдательница,—«заклю-

чается поучительный урокъ для всѣхъ насъ; а именно, что самое благопріятное время для предъявленія требованія равноправности—тогда, когда сами мужчины еще не достигли всѣхъ политическихъ правъ».

Предѣлы краткаго реферата не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на исторіи различныхъ женскихъ политическихъ союзовъ, приславшихъ делегаціи на конгрессъ. Присутствовали делегатки отъ восьми раньше соединившихся странъ (Американскіе Соединенные Штаты, Англія, Голландія, Данія, Норвегія, Швеція, Германія и Австралія); делегатки отъ четырехъ странъ, изъявившихъ желаніе примкнуть къ Союзу и принятыхъ въ первый же день конгресса: Россія, Италія, Канада и Венгрія. Кромѣ того, явились делегатки отъ Финляндіи, Исландіи, Кубы, Франціи и Швейцаріи.

Всѣ эти страны по отношенію къ женскому движенію могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: 1) страны, гдѣ движеніе это еще въ первой своей стадіи, гдѣ оно не охватило еще широкіе слои или находится въ зачаточномъ состояніи: Франція, Швейцарія, Исландія, Куба; 2) страны, гдѣ женскія общества сплотились, широко развернули свою дѣятельность и поставили требованіе для женщинъ политическихъ правъ въ первомъ ряду демократическихъ реформъ, и 3) страны, гдѣ женщины получили полныя права гражданства и гдѣ имъ предстоитъ лишь изгладить въ законахъ нѣкоторыя привилегіи мужчинъ—наслѣдіе стараго строя. Къ таковымъ принадлежатъ лишь Финляндія, Новая Зеландія и Австралія. Относительно двухъ первыхъ категорій замѣтимъ, что границы между ними довольно трудно провести, такъ какъ онѣ подвержены постояннымъ, быстрымъ колебаніямъ. Женскій вопросъ тонкими нитями связанъ съ массой другихъ вопросовъ; и эволюція его замедляется или быстро двигается впередъ въ зависимости отъ сложныхъ условій соціальной и политической жизни.

Остановимся вкратцѣ на докладахъ, характеризующихъ всѣ три категоріи. Наименѣе значенія представляютъ тѣ страны, гдѣ женское движеніе не приняло опредѣленной формы или находится въ первомъ періодѣ развитія. Къ таковымъ принадлежитъ Куба, гдѣ женщины не имѣютъ никакихъ политическихъ правъ и никогда не стремились обладать ими. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ образованію женщины пользуются одинаковыми правами; и университетъ въ Гаваннѣ открытъ для нихъ наравнѣ съ мужчинами. Законъ не воспрещаетъ женщинамъ занимать какія-либо должности; но препятствіемъ является, въ данномъ случаѣ, общественное мнѣніе и предразсудки. Оплата труда, конторскаго и педагогическаго, та же здѣсь для женщинъ, какъ и для мужчинъ.

Въ Швейцаріи женскій вопросъ обсуждается и въ значительной степени поддерживается всѣми прогрессивными ассоціаціями, мужскими и женскими, отчасти и прессой. Тѣмъ не менѣе, движеніе не оформилось въ національной организаціи. При этомъ главное препятствіе заключается въ раздѣленіи Швейцаріи на 22 независимыхъ кантона, причемъ каждый держится самостоятельнаго направленія во всѣхъ политическихъ вопросахъ. Въ виду этого, сторонники женскаго движенія рѣшили прежде всего организо-

независимыя группы въ различныхъ кантонахъ и уже затѣмъ соединить ихъ въ одинъ національный союзъ. Говоря о препятствіяхъ на пути къ достиженію политическаго равноправія для женщинъ въ Швейцаріи, докладчица, какъ одно изъ главныхъ, отмѣтила осуществленіе по отношенію къ мужчинамъ всѣхъ требованій демократической республики: мужчины обладаютъ всѣми политическими правами (политическій референдумъ, право народной иниціативы въ законодательствѣ и т. д.). Вслѣдствіе этого въ Швейцаріи не возникало поводовъ для обсужденія и пересмотра конституціи. А благодаря высокой степени общаго экономическаго благосостоянія, сами швейцарки мало сознаютъ то зло для нихъ самихъ и для страны, которое является слѣдствіемъ политическаго безправія женщинъ.

Во Франціи до сихъ поръ нѣтъ никакого національнаго общества для борьбы за равноправіе женщинъ. Есть цѣлый рядъ обществъ, работающихъ какъ въ разныхъ спеціальныхъ сферахъ женскаго вопроса (Groupe du Jury Féministe, La Loge maçonique, La Loge du droit de l'Education etc.), такъ и для достиженія политическихъ правъ (La Ligue des droits des Femmes «Le Suffrage des Femmes» etc.).

Любопытныя черты борьбы за равноправіе представляетъ Исландія— четвертая изъ странъ, приславшихъ делегатку на конгрессъ, но не примкнувшихъ пока къ Международному Союзу. Представительницей Исландіи явилась г-жа Асмундсонъ, редакторъ женской газеты *Kvennaesladid*. Судя по ея интересному докладу, женщины въ Исландіи до половины XIX вѣка имѣли доступъ лишь въ начальныя школы; были отстранены отъ всякихъ занятій и должностей, кромѣ домашняго хозяйства; и обойдены закономъ о наслѣдствѣ (между прочимъ сестры получали вдвое меньше, чѣмъ братья). Но съ половины XIX вѣка альтингъ (парламентъ) проводитъ рядъ мѣръ, улучшающихъ экономическое положеніе женщинъ. Прежде всего, въ 1850 г. былъ утвержденъ законъ, уравнивающій женщинъ въ правахъ наслѣдства. Иниціатива этихъ преобразованій всецѣло принадлежала мужчинамъ. Съ этого времени въ женщинахъ пробуждается самосознаніе; и первое, что привлекло ихъ вниманіе, былъ вопросъ образованія. Женщины поняли, что при отсутствіи знаній и умственнаго развитія, онѣ никогда не достигнутъ равенства. Въ 1884 году группа женщинъ въ городѣ Рейкіавикъ основала первую среднеучебную школу для дѣвочекъ. Въ настоящее время въ Исландіи имѣется три такихъ школы. Тѣмъ не менѣе, положеніе женщинъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ было крайне тяжелое. Начальныя школы для дѣвочекъ не пользовались субсидіей отъ правительства, какъ аналогичныя школы для мальчиковъ. Женщины не допускались въ высшія учебныя заведенія. Учительницы получали вдвое меньше жалованья, чѣмъ учителя. Дочери часто были принуждены отправлять въ домѣ отца обязанности прислуги, въ то время какъ всѣ средства шли на образованіе ихъ братьевъ. Такое ненормальное положеніе вещей вызвало протестъ женщинъ и лучшихъ мужчинъ. Въ 1882 году альтингъ утвердилъ законъ, предоставляющій совершеннолѣтнимъ (25 лѣтъ) женщинамъ, незамужнимъ и вдовамъ, имѣю-

щимъ собственность или живущимъ своимъ трудомъ—право голоса при вы-борахъ городской думы и уѣздныхъ совѣтовъ. Немного позднѣе женщ были допущены къ слушанію лекцій на медицинскомъ факультетѣ и экзамену на доктора. Въ 1895 году былъ основанъ «Исландскій жен союзъ», главной цѣлью котораго является достиженіе для женщинъ по тическихъ правъ. Первымъ шагомъ союза было представленіе въ альт петиціи объ избирательныхъ правахъ женщинъ и о правѣ замуж женщинъ располагать своей собственностью. Петиція эта, подписан 3,000 женщинъ, не удостоилась вниманія. Тѣмъ не менѣе, она имѣла с значеніе. Благодаря основанію двухъ женскихъ газетъ, вопросъ о ж скихъ правахъ сталъ предметомъ постоянныхъ обсужденій. Редакторъ од изъ газетъ, членъ парламента Скули Торводсэнъ въ 1899 г. провелъ парламентѣ билль, предоставляющій замужнимъ женщинамъ право распо гать своей собственностью и своимъ заработкомъ. Въ 1902 году онъ провелъ законъ о пассивныхъ избирательныхъ правахъ незамужнихъ ж щинъ и вдовъ въ земствѣ и городскомъ самоуправленіи. По слов г-жи Асмундсонъ, главнымъ препятствіемъ для коопераціи женщинъ Исландіи являются большія разстоянія при рѣдкомъ населеніи страны. считаетъ, что организація національнаго женскаго союза болѣе всего м бы способствовать достиженію равноправія женщинъ.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ странамъ, гдѣ женщины сплотились въ на нальныя организаціи для борьбы за свои права. Первое мѣсто принадл Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ женщины уже долгіе годы ведутъ энерги борьбу за равноправіе. Обстоятельный прекрасный докладъ отъ Соединен Штатовъ, составленный г-жей Шоу, былъ прочитанъ г-жей Антони *).

Начало женскаго движенія въ Америкѣ неразрывно связано именемъ знаменитой общественной дѣятельницы, г-жи Сусанны Ант скончавшейся въ мартѣ 1906 г. 86 лѣтъ отъ роду. Около половины вѣка, когда г-жа Антони вступила въ общественную дѣятельность, п женіе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ было самое унизитель Женщины не имѣли никакихъ правъ, были вполнѣ подчинены власти с чала отца, а затѣмъ мужа. Всѣ области труда, кромѣ домашняго хо ства, фабричной работы и преподаванія въ начальныхъ школахъ—б для нихъ закрыты. Г-жа Антони смѣло выступила на защиту жен правъ. Молодой дѣвушкой она рѣшила посвятить этой цѣли всѣ с силы, всю жизнь. Она объѣздила страну (въ то время пути сообщ были самыя примитивныя), вездѣ организуя митинги, объясняя нес ведливость законовъ по отношенію къ женщинамъ и требуя ихъ реф Въ теченіе своей долгой жизни г-жа Антони лишь однажды отвле отъ главной своей цѣли. Это было въ 60-хъ годахъ во время борьбы уничтоженіе рабства. Въ 1863 г. г-жа Антони организовала «Жен Національную Лигу», которая собрала 400,000 петицій, требующихъ у

*) Племянницей г-жи Сусанны Антони.

ложенія рабства. Петиціи эти были посланы въ Конгрессъ и вызвали включеніе въ національную конституцію поправки, навсегда уничтожившей рабство въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ. Имя г-жи Антони съ благоговѣніемъ произносится не только въ Америкѣ, но и во многихъ другихъ странахъ—всѣми, кто имѣлъ счастіе знать эту удивительную женщину. Женщины даже такихъ странъ, какъ Австралія, Норвегія, считаютъ, что онѣ болѣе всего обязаны г-жѣ Антони тѣмъ, что ими достигнуто въ области политическихъ правъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщины, благодаря изумительной ея энергіи и неустанной пропагандѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ настоящее время достигли многаго. Въ четырехъ штатахъ женщины, какъ извѣстно, вполнѣ уравнены въ политическихъ правахъ съ мужчинами; въ половинѣ остальныхъ онѣ получили лишь часть этихъ правъ. Почти всѣ области труда открыты для нихъ. Среднія и высшія учебныя заведенія доступны для женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству докладчицы, общее положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не идеальное. Болѣе того: имъ, быть можетъ, труднѣе добиться равноправія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Дѣло въ томъ, что для проведенія реформы въ Соединенныхъ Штатахъ приходится обращаться къ 46 парламентамъ, т.-е. фактически ко всѣмъ мужчинамъ; и при этихъ условіяхъ надо удивляться, что реформа проведена въ четырехъ штатахъ. Въ послѣднее время женщины, агитировавшія въ штатѣ Орегонъ, встрѣтили самый надменный отпоръ. Одни говорили, что побѣда надъ сторонницами равноправія есть побѣда семейнаго очага надъ безпокойными женщинами. Другіе, не отрицая, что требованія женщинъ справедливы, говорили, что «время для реформы еще не настало». Начало американской «Національной Ассоціаціи Женскихъ избирательныхъ правъ» («The National American women suffrage association») относится къ 1848 году. Въ настоящее время въ составъ ея входятъ: 1) общества отдѣльныхъ штатовъ, 2) національныя общества, 3) пожизненные члены, 4) члены соревнователи. Къ Н. А. примыкаютъ 33 общества отдѣльныхъ штатовъ. Хотя уставы ихъ не вполнѣ совпадаютъ, но, въ общемъ, они всѣ согласованы съ главными основами Н. А. Національныя общества, преслѣдующія одинаковыя цѣли съ Н. А., могутъ къ ней примыкать. Въ настоящее время въ Н. А. есть два національныхъ общества: «Общество Друзей» и «Лига Студентокъ» (учащихся и кончившихъ образованіе). Пожизненные члены и члены соревнователи могутъ присутствовать на всѣхъ собраніяхъ Ассоціаціи безъ права голоса. Общества отдѣльныхъ штатовъ и національныя общества уплачиваютъ за каждаго члена по 10 центовъ въ годъ. Пожизненные члены вносятъ единовременно 50 долларовъ, а члены-соревнователи платятъ одинъ долларъ въ годъ. Если афильированное общество не уплачиваетъ къ концу года своего взноса, оно выключается изъ Нац. Ассоціаціи. Если взносъ уплачивается позднѣе, оно сохраняетъ свою принадлежность къ Н. А., но безъ права голоса на ближайшемъ годичномъ конвентѣ (общемъ собраніи). Должност-

ныя лица—предсѣдательница, вице-предсѣдательница, два секретаря и кассиръ ежегодно избираются національнымъ конвентомъ, который собирается обыкновенно въ февралѣ, въ теченіе той недѣли, на которую выпадаетъ день рожденія г-жи Сусанны Антони. Конвентъ есть представительная организація, состоящая изъ должностныхъ лицъ, предсѣдательницъ національныхъ комитетовъ и обществъ отдѣльныхъ штатовъ, одного члена исполнительнаго комитета и одной делегатки отъ каждыхъ ста членовъ, за которыхъ штатъ уплатилъ взносъ въ національную ассоціацію. Дѣятельность Н. А. подраздѣляется на: 1) агитацію, 2) организацію и 3) законодательство. Агитація состоитъ главнымъ образомъ въ работѣ печати, которой завѣдуетъ національный предсѣдатель (Chairman); черезъ посредство его, больше чѣмъ въ 5,000 газетъ и еженедѣльниковъ доставляются статьи по женскому движенію. Кромѣ того, нѣсколько сотъ газетъ и журналовъ принимаютъ статьи и замѣтки отъ должностныхъ лицъ Ассоціаціи. При центральномъ правленіи издается національный органъ «Прогрессъ». Многіе штаты имѣютъ свои отдѣльные журналы. Литературный комитетъ Н. А. составляетъ спеціальные листки по каждому фазису женскаго движенія. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Нац. Ассоціацией было выпущено больше милліона такихъ листковъ. Для цѣлей пропаганды организованъ также штатъ лекторовъ. На общихъ собраніяхъ всѣхъ значительныхъ организацій страны Н. А. стремится провести резолюціи въ пользу доставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. За послѣдній годъ такія резолюціи были проведены въ 400 организаціяхъ, стоящихъ внѣ женскаго движенія. Во многихъ коллежахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ Н. А. выдаетъ награды за сочиненія и рѣчи о женскихъ правахъ и старается побуждать студентокъ устраивать пренія на эту тему. Относительно организаціи, національные организаторы, совмѣстно съ обществами мѣстными и отдѣльныхъ штатовъ, учреждаютъ мѣстныя общества; послѣднія присоединяются къ соотвѣтствующимъ обществамъ штатовъ, которыя, въ свою очередь, присоединяются къ Н. А. Такъ образуется непрерывная цѣпь, начиная отъ отдѣльнаго лица и кончая Національной Ассоціаціей.

Въ Н. А. Соединенныхъ Штатовъ насчитывается около 20,000 членовъ. По отношенію къ законодательству, при открытіи первой сессіи каждаго Національнаго Конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Н. А. обращается въ комитеты сената и палаты представителей, призывая правительство внести въ національную конституцію поправку, предоставляющую женщинамъ избирательныя права. Кромѣ того, нѣкоторыя общества отдѣльныхъ штатовъ ежегодно представляютъ петиціи въ законодательныя учрежденія своихъ штатовъ о предоставленіи на утвержденіе избирательной поправки къ конституціи штатовъ, дающей женщинамъ всѣ избирательныя права. Въ другихъ штатахъ общества стараются добиться муниципальнаго и школьнаго права голоса, также права голоса по вопросу о налогахъ.

Все сложное дѣло агитаціи въ Соединенныхъ Штатахъ требуетъ огромныхъ денежныхъ расходовъ. Въ одномъ Орегонѣ Н. А. истратила не

на агитаціонную кампанію 17,000 дол. (около 34,000 р.). Обычный ежегодный расходъ Н. А. равняется приблизительно 10,000 дол. «Въ нашей хваленой странѣ свободы»,—сказала въ заключеніе делегатка Соединенныхъ Штатовъ, г-жа Антони,—«мы далеко не живемъ соотвѣтственно нашимъ идеаламъ. И мы не можетъ не возмущаться при мысли о громадной затратѣ времени, силъ и денегъ, которая требуется для пріобрѣтенія свободы—той свободы, которой мы такъ гордимся». Съ этими словами совпадаетъ свидѣтельство знаменитой американской проповѣдницы и общественной дѣятельницы, г-жи Шоу. «Мы дочери республики»,—сказала она,—«обращаемся къ вамъ, дочерямъ монархій, за вдохновеніемъ. Не думайте, что мы приходимъ къ вамъ какъ свободныя женщины: мы не свободны... Когда-нибудь настанетъ день, когда и мы достигнемъ побѣды,—будемъ стоять рядомъ съ вами на вершинѣ горы. Многія изъ васъ рѣшили не покладать оружія, пока всѣ женщины не будутъ свободны. Мы радуемся вашимъ успѣхамъ,—радуемся, что вы раньше насъ достигнете побѣды».

Нѣсколько интересныхъ чертъ женскаго движенія сообщила делегатка Канады, г-жа Денисонъ. Въ Канадѣ за послѣдніе два года работа «Ассоціаціи Женскихъ Избирательныхъ Правъ» («Dominion Women's Enfranchisiment Association») имѣетъ характеръ образовательный; причемъ ассоціація обращаетъ особенное вниманіе на пропаганду среди молодежи. Муниципальное право голоса почти единственное политическое право, которымъ пользуются женщины Канады; и то оно принадлежитъ только незамужнимъ и вдовамъ. Недавно депутація женщинъ была принята новымъ премьеръ-министромъ г. Уитней. Въ депутаціи приняли участіе вліятельные дѣятели—городской голова города Торонто, канцлеръ одного изъ университетовъ, инспекторъ народныхъ школъ и т. д. Ораторы депутаціи въ краткихъ, сильныхъ рѣчахъ развили главные аргументы въ пользу равноправія женщинъ. Премьеръ-министръ, отвѣчая имъ, призналъ, что требованія женщинъ справедливы; что гражданскія права—прирожденныя права всѣхъ и каждаго. Но вслѣдъ за этимъ онъ объявилъ, что положеніе женщинъ не имъ опредѣлено, и никакимъ другимъ государственнымъ дѣятелемъ: женщина входитъ въ божественныя предначертанія и положеніе ея опредѣлено Создателемъ. Онъ же и его товарищи сдѣлаютъ то немного, что въ ихъ власти: они постараются поближе ознакомиться съ Его предначертаніями. «Многіе изъ насъ,—замѣтила делегатка,—«впали тогда въ отчаяніе. Опытъ научилъ насъ, что, когда отдѣльныя лица стараются избѣгнуть личной отвѣтственности, и возложить ее на Всевышняго, тогда дѣло безнадежно».

Г-жа Денисонъ сообщила между прочимъ характерный инцидентъ, не такъ давно произошедшій въ г. Сентъ-Джонсѣ и показывающій, какъ толкуется на практикѣ законъ. Нѣкая г-жа Френчъ блестяще сдала экзаменъ въ городской высшей школѣ (Law School). Но когда она обратилась въ Верховный судъ за разрѣшеніемъ заниматься юридической дѣятельностью, она полу-

чила отказъ на томъ основаніи, что право это по закону принадлежит только «лицамъ», женщины же къ таковымъ не принадлежатъ: лицами являются только мужчины. Инцидентъ этотъ вызвалъ въ странѣ взрывъ негодованія. Въ газеты посыпались протесты, причемъ авторъ одного письма заявлялъ, что если женщины—не лица, то онѣ не обязаны и подчиняться законамъ. Вскорѣ послѣ этого одна дѣвушка, Кэтъ Смитъ, была арестована за нарушеніе общественной тишины. Когда на слѣдующій день ее привели въ участокъ, Кэтъ Смитъ объявила, что она невиновна: будучи женщиной, а не лицомъ», она закону не подлежитъ. Судья спросилъ: посовѣтовалъ ли ей кто-нибудь прибѣгнуть къ такого рода защитѣ? Подсудимая отвѣтила «нѣтъ», но она прочла это въ газетахъ. Судья справился съ закономъ и прочелъ пунктъ, гдѣ сказано, что всякое лицо, застигнутое въ пьяномъ видѣ подлежитъ тюремному заключенію или штрафу,—и отпустилъ Кэтъ Смитъ. Этотъ практическій урокъ побудилъ законодательную палату провести актъ—законъ, опредѣляющій женщинъ какъ лицъ. Благодаря этому г-жа Френчъ случайно получила возможность быть юристомъ.

Переходимъ къ Великобританіи, докладъ которой былъ прочитанъ делегаткой г-жей Рэйдъ. Въ Великобританіи «Національный союзъ обществъ для предоставленія женщинамъ избирательнаго права» ставилъ два условія для присоединяющихся къ нему обществъ: 1) Единственная цѣль общества—достиженіе для женщинъ парламентскихъ правъ на тѣхъ же основахъ, на которыхъ пользуются ими мужчины. 2) Общество должно стоять внѣ партій.

Комитетъ Національнаго Союза собирается разъ въ мѣсяцъ въ Лондонѣ и три раза въ годъ въ провинціальныхъ городахъ. Большія общества избирательныхъ правъ присылаютъ на эти митинги по три делегатки; небольшія—по одной. Послѣ 1897 года, благодаря южно-африканской войнѣ, отвлекшей вниманіе парламента отъ внутренней политики, вопросъ о женскихъ правахъ мало подвинулся впередъ. Комитетъ членовъ парламента, сочувствующихъ равноправію женщинъ, совѣщается съ представительницами Н. С. передъ открытіемъ каждой сессіи парламента, чтобъ обсудить наилучшія средства для проведенія билля или резолюціи. Съ 1902 года фабричныя работницы принимаютъ живое участіе въ борьбѣ за избирательныя права женщинъ и посылаютъ петиціи въ парламентъ. Особенно настоятельно требуютъ правъ сѣверные женскіе трэдъ-юніоны и «Женская кооперативная гильдія». Въ 1903 году, послѣ своего общаго собранія, Н. С. постановилъ учредить во всѣхъ графствахъ и уѣздахъ внѣпартійные комитеты женскихъ избирательныхъ правъ. Задачи комитета главнымъ образомъ слѣдующія: 1) комитетъ долженъ стараться вліять на мѣстныя партійныя ассоціаціи и побуждать ихъ выбирать кандидатовъ, сочувствующихъ избирательнымъ правамъ женщинъ, и брать публичное обѣщаніе съ каждаго члена парламента или кандидата всѣхъ партій, что онъ будетъ поддерживать женскія права; 2) комитетъ долженъ поддер

вать сношенія со всѣми партійными организаціями и имѣть во всѣхъ этихъ организаціяхъ одного или двухъ членовъ — мужчинъ или женщинъ безразлично; 3) комитетъ постарается заручиться сочувствіемъ мѣстной прессы и черезъ нее воздѣйствовать на общественное мнѣніе.

Результатомъ двухлѣтней работы было основаніе 113 новыхъ комитетовъ. Въ 1905 г. Н. С. организовалъ замѣчательную демонстрацію для пропаганды женскихъ правъ — митингъ, въ которомъ приняли участіе 90 членовъ парламента, представляющихъ всѣ партіи. Въ теченіе послѣднихъ общихъ выборовъ въ январѣ 1906 г. Н. С. сдѣлалъ попытку узнать взгляды всѣхъ парламентскихъ кандидатовъ. 410 объявили себя въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ, — въ томъ или иномъ объемѣ, 30 членовъ высказались противъ женщинъ, 24 не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію, 92 не дали отвѣта. Выборы дали парламенту большинство, обязавшееся содѣйствовать предоставленію женщинамъ парламентскихъ избирательныхъ правъ.

Докладъ отъ Германіи представила д-ръ Анита Аугсбургъ, делегатка «Deutsches Verband für Frauenstimrecht». Законодательное положеніе женщинъ весьма различно въ различныхъ государствахъ имперіи. Въ Пруссіи и Баваріи женщинамъ воспрещается соединяться въ политическія организаціи; поэтому Ассоціація принуждена принимать членами не только мѣстныя организація, но и отдѣльныхъ лицъ. Практическая работа Ассоціаціи, кромѣ пропаганды, состоитъ, во-первыхъ, въ расширеніи политическихъ правъ женщинъ и, во-вторыхъ, въ возбужденіи среди женщинъ политическихъ интересовъ и стремленія получить права; также въ пользованіи правами тамъ, гдѣ они достигнуты.

Женщины имѣютъ муниципальное право голоса во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Такъ какъ право голоса въ большинствѣ случаевъ вытекаетъ изъ обладанія земельной собственностью, то женщины въ деревнѣ имѣютъ больше правъ, чѣмъ въ городахъ. При этомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ онѣ могутъ подавать голосъ лично, въ другихъ—передавать свой голосъ мужчинамъ. Но случается иногда, что женщины (какъ было, напримѣръ, въ Мюнхенѣ) идутъ къ избирательнымъ урнамъ сами даже тамъ, гдѣ законъ повелѣваетъ имъ передавать свой голосъ мужчинамъ; и комитетъ допускаетъ ихъ къ урнамъ. Съ другой стороны, случается, что тамъ, гдѣ законъ предоставляетъ женщинамъ непосредственное право голоса, нѣкоторыя муниципальныя администраціи препятствуютъ имъ примѣнять это право. Въ Гамбургѣ, гдѣ, между прочимъ, бывали такіе случаи, одна изъ женщинъ, лишенныхъ права голоса, никогда, со времени приговора, не уплачивала налога; а другая покинула городъ и перевела все свое состояніе въ другую мѣстность.

Въ Баваріи въ прошломъ году состоялся пересмотръ конституціи королевства. Всеобщее избирательное право было предоставлено мужчинамъ (такъ же какъ въ Reichstags Wahlrecht), но не женщинамъ. «Ассоціація для избирательныхъ правъ женщинъ» представила въ парламентъ петицію,

съ требованіемъ избирательныхъ правъ для всѣхъ безъ различія пола. эту петицію высказались въ парламентѣ: половина либераловъ, всѣ с алисты и одна четверть клерикаловъ. Но такъ какъ послѣдняя па имѣла абсолютное большинство, предложеніе было отвергнуто осталь тремя четвертями клерикаловъ. Въ настоящее время ассоціація начина особаго рода агитаціонную кампанію въ Пруссіи. Здѣсь по основному зак (Allgemeine Landrecht) всѣ лица имѣютъ равныя права, кромѣ тѣхъ, торыя опредѣленно исключены закономъ. Этотъ основной законъ, ви димому, преданъ былъ забвенію, пока женщины не стали изучать пр Ассоціація поощряетъ своихъ членовъ въ требованіи судомъ тѣхъ пра которыя предоставлены имъ закономъ, и уплачиваетъ расходы, сопря ные съ веденіемъ процесса. Для начала ассоціація настаиваетъ на пре ставленіи женщинамъ лишь одного муниципальнаго права голоса, такъ к требованіе парламентскихъ правъ голоса многихъ могло бы привести ужасъ.

Въ Италіи—по свидѣтельству делегатки итальянскаго «Comita Nazion per il voto alla Donna», проф. Терезы Лабріола, — женское движеніе с лало за послѣднее время значительный шагъ впередъ. Итальянское об ство относится къ нему съ интересомъ. Двѣ анкеты были недавно ор низованы, одна Комитетомъ, другая Миланскимъ Союзомъ «Unione Femini Выяснилось, что соціалисты и либералы сочувственно относятся къ ра правію женщинъ. Агитація въ пользу предоставленія женщинамъ изб тельныхъ правъ опирается на прямой законъ, не исключающій жен изъ числа полноправныхъ гражданъ. На этомъ основаніи нѣкая г-жа ки, недавно потребовала, чтобъ имя ея было внесено въ избиратель списки; и мѣстный избирательный комитетъ изъявилъ на это свое со сіе. За либеральное истолкованіе закона стоятъ теперь многіе профес и выдающіеся депутаты. Требованіе женщинами политическихъ правъ держивается членами всѣхъ политическихъ партій. Новая католиче партія — демократовъ-христіанъ, — издала манифестъ въ пользу женс правъ.

Делегатка Венгріи, г-жа Швиммеръ, передала въ своемъ докладѣ сколько оригинальныхъ чертъ женскаго движенія въ этой странѣ. Венгріи оно представлено обществомъ «Feministak Egyesülete». Въ нач настоящаго вѣка въ Венгріи поднялся вопросъ о радикальной рефо избирательныхъ правъ. Многіе мужчины и женщины рѣшили воспол ваться этимъ для проведенія всеобщаго избирательнаго права безъ р личія пола. Вскорѣ послѣ этого членъ парламента, принадлежащій крайней оппозиціи, Людвигъ Хенталлеръ объявилъ, что партія его буд всецѣло стоять за предоставленіе женщинамъ парламентскихъ избирате ныхъ правъ. Лидеръ партіи, Францъ Кошутъ открыто выступилъ защ никомъ этой реформы. Одновременно въ Будапештѣ была основана ж ская ассоціація, рѣшившаяся воспользоваться партіей Независимыхъ и вать желѣзо—пока горячо. Но ихъ ожидало большое разочарованіе Въ

литикѣ обѣщаніе и исполненіе—двѣ разныя вещи; и это вскорѣ познали довѣрчивые члены Феминистской Ассоціаціи. Партія Независимыхъ, вступивъ въ тактическихъ дѣйствіяхъ въ союзъ со всѣми другими оппозиціонными партіями, съ легкимъ сердцемъ отказалась отъ тѣхъ избирательныхъ реформъ, на которыя не соглашались другія партіи. И требованія женщинъ были отброшены. Въ концѣ іюля 1905 года правительство объявило свое намѣреніе провести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Декларація эта вызвала невообразимый хаосъ. Всѣмъ пришлось теперь выказаться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Парламентскія партіи единодушно выступили противъ всеобщаго избирательнаго права. Такъ называемые либералы — также. Партія соціалъ-демократовъ подняла лихорадочную агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Но когда фабричныя работницы, по совѣту женщинъ средняго класса, обратились къ своей партіи для включенія женщинъ въ число будущихъ полноправныхъ гражданъ,—оказалось, что соціалъ-демократы стояли за права женщинъ лишь на бумагѣ.

Въ августѣ 1905 года лѣвыя партіи основали Лигу для введенія всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ безъ исключеній. Много было произнесено рѣчей, гдѣ раздавались громкія слова о человѣческихъ правахъ, о свободѣ, равенствѣ, о народѣ, націи и пр. и пр. Женщины многаго ожидали отъ этой лиги, и масса поспѣшила присоединиться къ ней. Но надежды ихъ сразу были разбиты. Когда Феминистская Ассоціація пожелала послать женщину-оратора на первый публичный митингъ Лиги, чтобъ предъявить требованіе для женщинъ политическихъ правъ, — она встрѣтила категорическій отказъ. Лига открыто и сухо объявила, что подъ словомъ «народъ, нація, человѣчество» она разумѣетъ только мужчинъ. Лига не можетъ подвергать риску свою миссію, принимая на себя защиту утопій... «Ассоціація Феминистокъ» продолжала борьбу за права. 17 декабря она организовала громадный публичный митингъ, въ которомъ приняли участіе женщины всѣхъ профессій и классовъ. За этимъ послѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ вынужденнаго бездѣйствія. Въ апрѣлѣ произошло измѣненіе политическихъ условій, неожиданно были объявлены выборы. Ф. А. немедленно подняла агитацію. Она распространила тысячи плакатовъ съ надписью «Избирательное право, чтобъ быть всеобщимъ, должно включать женщинъ». Она обратилась также ко всѣмъ парламентскимъ кандидатамъ, убѣждая ихъ включить избирательныя права женщинъ въ свою программу. Въ то же время Ф. А. предложила своимъ сторонникамъ оказать имъ помощь въ подготовительной избирательной кампаніи. На этотъ разъ дѣятельность ея увѣнчалась успѣхомъ: многіе кандидаты включили свою программу политическія права женщинъ. А въ Будапештѣ изъ яти избранныхъ кандидатовъ пять объявили себя сторонниками женхъ правъ. «Работу эту мы будемъ продолжать, пока добьемся побѣды»,— ъ закончила свой интересный докладъ делегатка отъ Венгріи.

Делегатка отъ голландской «Vereeniging voor Vrouwenkiesrecht» указала актерную черту въ дѣятельности этой «Ассоціаціи Избирательныхъ Правъ

Женщинъ». Стремясь объединить всѣхъ женщинъ, она придерживается въ политическихъ вопросахъ строгаго нейтралитета. Ассоціація проявила оживленную дѣятельность въ 1905 году во время выборовъ. Былъ организованъ отдѣльный комитетъ для пропаганды, причемъ, по словамъ делегатки, ихъ небольшая армія была ввѣрена руководству одного вождя-капитана и раздѣлена на группы по два-три человѣка. Каждая группа обязана быть на всѣхъ митингахъ, куда пошлетъ ее капитанъ. Одинъ изъ членовъ группы долженъ былъ обратиться къ кандидату въ парламентъ съ запросомъ относительно его взглядовъ на избирательныя права женщинъ; другія два сопровождавшихъ его лица помогали ему. Всѣ имѣли значокъ изъ бѣлой ленты съ надписью «избирательныя права женщинамъ». Значокъ этотъ часто открывалъ членамъ комитета доступъ туда, куда другихъ не пускали. Кромѣ того, члены комитета обходили избирателей. Для обезпеченія себѣ хорошаго пріема, они заранѣе разсылали циркулярныя письма всѣмъ главамъ семействъ. Послѣдніе предупреждались относительно предстоящаго визита членовъ комитета. При этомъ, въ случаѣ нежеланія принять ихъ, предлагалось выставить на окнѣ прилагаемую небольшую карточку, на которой было напечатано: «не принимаю визитовъ въ связи съ предстоящими выборами».

Въ 1909 году предполагается пересмотръ голландской конституціи. Въ виду этого, правительство учредило Комитетъ для составленія доклада. Ассоціація, съ своей стороны, немедленно организовала свой комитетъ по вопросу о женскихъ правахъ. Докладъ комитета былъ одобренъ авторитетными юристами. Въ немъ предъявлялось требованіе, чтобъ женщинамъ предоставлено было право голоса на тѣхъ же самыхъ основахъ, какъ мужчинамъ.

Докладъ Даніи былъ прочитанъ делегаткой женской ассоціаціи («Danske Kvindeforeningers Valgretsforbund»), г-жей Норлундъ. Въ Даніи женщины пользуются весьма немногими правами. Съ 1904 года онѣ могутъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ приходскихъ дѣлахъ. Съ 1905 года онѣ получили доступъ въ совѣты попечительства надъ безпризорными дѣтьми. Вдовы съ дѣтьми могутъ быть членами школьныхъ совѣтовъ.

Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ выдвинулся въ Даніи въ 1888 г. Въ 1899 г. была основана «Ассоціація для Избирательныхъ Правъ Женщинъ», состоящая теперь изъ 14 разныхъ союзовъ. Каждый имѣетъ свой особый уставъ и особыя цѣли, но всѣ принимаютъ участіе (черезъ посредство двухъ делегатокъ отъ каждаго союза) въ работѣ «Danske K. Valgr.». Ассоціація неоднократно представляла петиціи въ верхнюю и нижнюю палаты, и во время выборовъ женщины обращаются къ кандидатамъ съ запросомъ, будутъ ли они содѣйствовать предоставленію женщинамъ политическихъ правъ. Большинство отвѣчаетъ утвердительно, съ оговоркой, что время для такой реформы еще не настало.

Делегаткой отъ Норвегіи явилась почтенная представительница [...]скаго союза (Landskvindestemmeretsforeningen), г-жа Квамъ. Въ [...]

сжатой формѣ, г-жа Евамъ представила главные этапы женскаго движенія въ Норвегіи. Начало его относится къ 1833 году, когда стуртингъ предложилъ ввести билль, дающій женщинамъ муниципальныя избирательныя права. Въ 1854 году женщины были уравнены съ мужчинами въ правахъ наслѣдства. Въ 1894 году онѣ получили право голоса по вопросу о водочномъ производствѣ. Въ 1885 году г-жа Крогъ основала въ Христіаніи «Женскій Союзъ Избирательныхъ Правъ», а въ 1898 году для той же цѣли была организована Національная Ассоціація. Оба общества стоятъ на стражѣ интересовъ женщинъ. Когда въ 1901 году члены стуртинга предложили ввести всеобщее муниципально-приходское голосованіе, позабывъ при этомъ о существованіи женщинъ, Н. А. немедленно предъявила свои требованія и протестовала противъ какого-либо расширенія избирательныхъ правъ, не включающаго женщинъ. 25 мая 1901 года женщины, платящія налогъ, получили муниципальныя приходскія права; при этомъ Н. А. приложила старанія, чтобы побудить женщинъ воспользоваться своими правами. Въ результатѣ: 48,402 женщины приняли участіе въ выборахъ; 98—были избраны членами муниципальныхъ совѣтовъ; 160—кандидатками. Въ историческій моментъ 1905 года Н. А. организовала голосованіе женщинъ по вопросу объ отдѣленіи Норвегіи отъ Швеціи. Въ результатѣ 300,000 женщинъ, т.-е. почти все взрослое женское населеніе, высказалось за расторженіе уніи, т.-е. за свободу Норвегіи. 13 августа депутація женщинъ представила адресъ президенту стуртинга. Комитетъ и секціи Н. А. приняли дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Въ настоящее время избирательныя корпораціи сочувственно отнеслись къ призыву Н. А. включить въ ихъ программы избирательныя права женщинъ. За женщинъ стоятъ либералы и соціалисты, также многіе члены другихъ партій. Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ будетъ, вѣроятно, возбужденъ въ предстоящей сессіи стуртинга, и Н. А. надѣется на благопріятное разрѣшеніе вопроса.

Симпатичная делегатка Шведскаго Женскаго Общества Избирательныхъ правъ («Landforeningen för Kvinnans Politisca Rösträtt»), г-жа Уитлокъ дала яркую картину женскаго движенія въ этой странѣ. Движеніе для пріобрѣтенія политическихъ правъ возникло недавно и развилось необыкновенно быстро. Причина такого прогресса заключается въ томъ, что шведскія женщины давно ведутъ борьбу,—упорную, но не фанатическую,—за уравненіе съ мужчинами въ образованіи и въ общественной работѣ; и требованіе избирательныхъ правъ является естественнымъ результатомъ предъявленія требованія гражданскаго равноправія. Съ самаго начала движеніе захватило всѣ классы, отъ фабричныхъ работницъ до дамъ высшаго общества включительно. Оно свободно отъ вліянія какой-либо политической, соціальной или религіозной партіи. Въ правленіяхъ различныхъ женскихъ обществъ избирательныхъ правъ есть консерваторы и радикалы, либералы и члены рабочей партіи: всѣ женщины ревностно ведутъ совмѣстную работу, зная, что по достиженіи цѣли дороги ихъ разойдутся. Различныя

женскія общества избирательныхъ правъ часто являются центромъ мѣс ной соціальной работы. Они открываютъ клубы для рабочихъ,—кули ныя школы и проч.; читаютъ лекціи, устраиваютъ митинги, пригла аудиторію принимать участіе въ преніяхъ, воспитывая такимъ обра общественное мнѣніе. Члены «Союза» работаютъ среди бѣдныхъ, участ ютъ въ «Школьныхъ Совѣтахъ» и примѣняютъ свое муниципальное пра голоса, которымъ шведскія женщины пользуются съ 1862 года. Какъ р зультатъ этой дѣятельности, въ общественномъ мнѣніи замѣчается огр ный прогрессъ по отношенію къ женскому вопросу. Когда въ 1884 г членъ нижней палаты г. Боргъ внесъ билль, предоставляющій женщина активныя и пассивныя избирательныя права,—билль этотъ былъ встр ченъ смѣхомъ какъ въ парламентѣ, такъ и въ прессѣ. Когда въ 1902 г. Линдгагенъ (нынѣ городской голова Стокгольма) предложилъ въ Ниж палатѣ разслѣдовать вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ,- предложеніе его уже встрѣтило гораздо болѣе сочувствія. Въ томъ 1902 году было основано «Стокгольмское Общество Избирательныхъ Пра Женщинъ». Аналогичныя общества вскорѣ возникли въ странѣ: въ ко 1904 г. ихъ было 35, а въ маѣ настоящаго года число этихъ общес возросло до 63. Въ 1905 году на политическую авансцену выступилъ л беральный, энергичный кабинетъ. Можно было надѣяться, что онъ п ведетъ реформу и включитъ женщинъ въ предстоящій законъ о все щемъ избирательномъ правѣ. Не менѣе тридцати петицій были пред влены женщинами въ кабинетъ. Но послѣдній отказался включить ж щинъ въ проектъ закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ изъ стр затормозить разрѣшеніе этого вопроса.

Либеральный кабинетъ вышелъ въ отставку въ маѣ 1906 г., переда вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ консервативному кабине Для воздѣйствія на общественное мнѣніе Женское Общество Избирате ныхъ Правъ организовало массовую петицію. Подписи лицъ, высказыва щихся за женскія права, ежемѣсячно появляются въ печати. До сихъ по ихъ имѣется 82,522 и, вѣроятно, удастся собрать болѣе 100,000 подп сей. Шведское Женское Общество твердо надѣется, что вопросъ о поли ческихъ правахъ женщинъ будетъ вскорѣ успѣшно разрѣшенъ въ Швеці

III.

Сочувствіе и интересъ, проявленные конгрессомъ къ освободительному движе Россіи. — Докладъ о Союзѣ Равноправія Женщинъ и рѣчи русскихъ делегатокъ.- Сочувственное отношеніе конгресса къ Финляндіи. — Докладъ финляндской де гатки.—„Привѣтъ“ женщинъ Австраліи.—Резолюціи конгресса.—Заключеніе.

Переходя къ докладамъ остальныхъ трехъ странъ, нельзя не оста виться на исключительномъ отношеніи конгресса къ Россіи. Отношеніе э можетъ быть характеризовано тремя опредѣленіями: громадный интерес горячее сочувствіе и изумленіе передъ силой и быстротой освобо-

наго движенія. Къ этому можно прибавить впечатлѣніе особой загадочности, какую представляетъ для иностранцевъ необъятная страна наша, недоступная имъ по языку, непонятная по ходу ея исторіи. Благодаря этому своеобразному положенію, Россія сразу выдѣлилась на конгрессѣ изъ всѣхъ остальныхъ странъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія конгресса предсѣдательница Международнаго Союза, списываясь съ представительницами С. Р. Ж. подчеркивала особый интересъ, вызываемый Россіей, и общее желаніе возможно ближе ознакомиться съ главными чертами женскаго движенія въ этой странѣ. Это отношеніе подтвердилось на конгрессѣ. Въ первый же день, при открытіи его, предсѣдательница, привѣтствуя делегаціи четырехъ новыхъ присоединяющихся странъ, предложила предоставить для доклада отъ Россіи 15 лишнихъ минутъ, т.-е. почти вдвое больше времени, чѣмъ остальнымъ странамъ; и собраніе приняло предложеніе единогласно. Делегатка отъ Россіи очертила исторію возникновенія и дѣятельности «Союза Равноправія Женщинъ», въ связи съ освободительнымъ движеніемъ Россіи. Вначалѣ, характеризуя женское движеніе въ Россіи, докладчица указала на особую черту, отличающую его по сравненію съ аналогичнымъ явленіемъ въ Западной Европѣ и Америкѣ: женщина въ Россіи была всегда болѣе или менѣе равна мужчинѣ, равна по отсутствію правъ. Вмѣстѣ съ нимъ страдала она отъ произвола и безправія, и цѣной безконечныхъ жертвъ вмѣстѣ пробивала путь къ свободѣ. Отстаивая интересы народа, русская женщина часто жертвовала всѣмъ, что придаетъ цѣну жизни: семейными связями, свободой, иногда собственной жизнью. Эти своеобразныя историческія условія объясняютъ отчасти отношеніе къ женскому вопросу всей юной, обновленной Россіи: всѣ значительныя прогрессивныя партіи признали женщину полноправной гражданкой и внесли въ свою программу равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія пола. Докладчица далѣе описала возникновеніе Союза Равноправія Женщинъ и четыре эпохи его дѣятельности: 1) Періодъ организаціи отъ конца февраля 1905 г. до перваго делегатскаго собранія С. Р. Ж. 8—11 мая. 2) Періодъ пропаганды въ земствѣ и въ «Союзѣ-союзовъ», отъ 1-го делегатскаго собранія С. Р. Ж. до 2-го делегатскаго собранія 7—11 октября 1905 г. 3) Періодъ пропаганды женскаго вопроса въ политическихъ партіяхъ и въ разныхъ общественныхъ группахъ, отъ 2-го делегатскаго собранія, приблизительно, до февраля 1906 г. 4) Періодъ отъ февраля до 9 іюля,—участіе въ предвыборной агитаціи и пропаганда женскаго вопроса въ Государственной Думѣ.

Охарактеризовавъ различные періоды дѣятельности Союза, докладчица остановилась на агитаціи его среди крестьянскаго населенія. Можно было ожидать, что крестьянка, необразованная и полуграмотная, всего пассивно отнесется къ новымъ прогрессивнымъ идеямъ. Дѣйствительность не оправдала этихъ опасеній. Почти вездѣ, гдѣ раздалось новое слово,—слово свободы и равенства, крестьянки отзывались горячо, часто страстно. При этомъ и здѣсь большую роль въ женскомъ движеніи сыграла указанная

выше особенность въ положеніи русской женщины: она всегда шла
объ руку съ мужчиной, почти равная ему въ общемъ безправіи. И т
при обновленіи всего строя жизни, реформа, отбрасывающая инте
благо цѣлой половины населенія, представлялась жестокой и не
Этотъ взглядъ крестьянокъ ярко выразился въ цѣломъ рядѣ ихъ п
въ Государственную Думу, между прочимъ, въ извѣстномъ письмѣ
скихъ крестьянокъ *). По отношенію къ крестьянамъ и ихъ взгляд
права женщины, и здѣсь также предсказанія скептиковъ были р
дѣйствительностью. Поскольку настроеніе передового крестьянства вы
лось въ Крестьянскомъ Союзѣ, большинство, на учредительномъ с
К. С. (въ октябрѣ 1905 года), рѣшительно стали за правду и спра
вость. И здѣсь вопросъ о правахъ женщинъ, въ противоположность
теллигентнымъ сферамъ, ставился и разрѣшался прямо и просто
учредительномъ съѣздѣ Крест. Союза представители крестьянъ гов
«Разъ мы, крестьяне, добиваясь земли, не исключаемъ изъ польз
ею и женщинъ, нѣтъ смысла лишать ихъ политическихъ правъ». О
изъ делегатовъ при этомъ указалъ, что распространеніе на женщин
литическихъ правъ увеличитъ силу крестьянства, создастъ для него
рую армію. Практическимъ аргументомъ выставлялось и то сообра
что крестьянки всегда возставали противъ алкоголизма и войны,—
двухъ главныхъ враговъ народа.

Особое вниманіе было удѣлено въ докладѣ 4-му, позднѣйшему п
жизни Союза Равноправія Женщинъ. Дѣятельность его сосредото
вокругъ нашего перваго парламента. Союзъ зорко слѣдилъ за всѣмъ
тамъ происходило по отношенію къ женскому вопросу. Въ Думѣ, с
маго начала, первое мѣсто, по численности и вліянію, заняла парті
родной свободы. Партія эта внесла въ свою программу полное ур
женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Тѣмъ не менѣе, не всѣ чле
были расположены практически поддерживать реформу. Многіе, р
тельно ставъ на сторону женскихъ правъ, сдѣлали это по врожде
благородству и чувству чести, но были мало подготовлены для прове
реформы: по собственному признанію, многіе изъ нихъ никогда р
не задумывались серьезно надъ женскимъ вопросомъ,—имѣли о не
мое смутное представленіе. И первымъ ихъ шагомъ было привлече
михъ женщинъ къ совмѣстной работѣ въ этой области. Вторая по в
и числу партія въ Думѣ, трудовая, въ лицѣ своихъ лидеровъ рѣши
высказалась за уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами; но это
партія еще юная и мало опытная въ политическихъ дѣлахъ. Нак
крайняя лѣвая въ Государственной Думѣ, также признавшая полное р
правіе женщинъ, была весьма малочисленна. Въ Государственной

*) Письмо это было принято на конгрессѣ съ энтузіазмомъ. Оно уже по
въ иностранной печати на англійскомъ, нѣмецкомъ, датскомъ, норвежскомъ и
языкахъ.

были и другія партіи: демократическихъ реформъ, 17 октября, крайняя правая и безпартійные. Всѣ эти партіи или вовсе не поднимали вопроса о женскихъ правахъ, или же высказывались противъ нихъ. При этомъ трогательное единеніе, въ смыслѣ враждебнаго отношенія къ равноправію женщинъ, обнаружилось между нѣкоторыми представителями высшей интеллигенціи съ одной стороны и полуграмотной деревней—съ другой. Такъ, проф. Ковалевскій, лидеръ партіи *демократическихъ* (!) реформъ, взялъ на себя неблагодарную задачу отстаивать въ печати образовательный цензъ по отношенію къ женщинамъ. Около того же времени, 6 іюня, на ту же тему говорилъ крестьянинъ Кругликовъ, цинично заявившій, что «женскому полу правовъ нельзя давать! Мужчина завсегда долженъ быть старше». Аргументы проф. Ковалевскаго и крестьянина Кругликова были различны; но выводы обоихъ сводились къ тому, что реформа преждевременна. Делегатка коснулась далѣе дѣятельности агитаціоннаго кружка Союза Р. Ж., его сношеній съ образовавшейся въ Думѣ подкомиссіей по вопросу о равноправіи женщинъ и организаціи юридической коммиссіи. Эта коммиссія, учрежденная членами Союза Равноправія Женщинъ, пересмотрѣла весь сводъ законовъ, выдѣлила всѣ касающіеся женщинъ законы и собрала ихъ воедино. Дѣятельность агитаціоннаго кружка, пропаганда его въ Думѣ, обѣщала привести къ желанному результату. Но мечтамъ друзей свободы не суждено было осуществиться въ ближайшемъ будущемъ: 9 іюля утромъ появился указъ о роспускѣ Государственной Думы...

Докладчица изобразила въ заключеніе положеніе Россіи, лишенной народнаго представительства. «Грубая сила»,—сказала она,—«восторжествовала надъ культурнымъ прогрессомъ... Тернистъ лежащій передъ нами путь; но тернія не должны останавливать насъ. Мы должны помнить, что страданія неразлучны съ борьбой за правду; что свобода покупается лишь дорогой цѣной... Мы, члены Всерос. Союза Равноправія женщинъ, бодро и смѣло пойдемъ впередъ, на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ, за правду и свободу». Пріемъ, оказанный докладу отъ Союза Равноправія Женщинъ, еще разъ подчеркнулъ горячее сочувствіе къ освободительному движенію Россіи прогрессивныхъ элементовъ Западной Европы и Америки *). Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своемъ докладѣ (помѣщенномъ въ американскомъ журналѣ *The Woman's Journal*) предсѣдательница М. С. г-жа Чапманъ Кэтъ. «Быть можетъ, самый горячій привѣтъ конгресса былъ обращенъ къ новому Союзу Равноправія Женщинъ въ Россіи, такъ какъ здѣсь женщины выступили при несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ... Русская делегатка дала картину изумительнаго мужества и рѣшительности русскихъ женщинъ. Конгрессъ слушалъ

*) Весьма сочувственныя замѣтки, въ связи съ докладомъ отъ Россіи, появились какъ въ иностранной, такъ и въ мѣстной прессѣ: въ газетѣ *Politiken*, назвавшей, между прочимъ, докладъ „историческимъ документомъ, съ которымъ будутъ знакомиться всѣ, интересующіяся женскимъ движеніемъ въ Россіи“; въ *Urd.*, въ *Berlingske Tidende*, въ *Journal des Femmes* и т. д.

съ глубокимъ вниманіемъ, не шелохнувшись, и по окончаніи док
встали, горячо апплодируя и махая платками. Замѣтно было, что
были тронуты до слезъ; и это еще краснорѣчивѣе говорило объ
симпатіи къ русскимъ женщинамъ и къ ихъ мужественной борьбѣ».

Цѣннымъ дополненіемъ къ картинѣ женскаго движенія въ Росс
лись рѣчи другихъ русскихъ делегатокъ. Г-жа Гончарова, въ обсто
номъ рефератѣ, передала о положеніи женскаго труда въ Россіи,
чемъ привела новѣйшія статистическія данныя. Г-жа Волькенштейнъ,
вѣтствуя конгрессъ отъ лица Союза Равноправія Женщинъ, указа
необходимость демократизаціи женскаго движенія. Г-жа Клирикова сооб
о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Союза Равноправія Женщинъ—аги
его въ Государственной Думѣ. Г-жа Кальмановичъ остановилась на об
положеніи женщины въ Россіи и ея роли въ освободительномъ дви
«Общественныя и государственныя дѣла»,—замѣтила она,—«такъ же б
касаются женщинъ, какъ и мужчинъ... Если женщины хотятъ испо
свой долгъ матерей и воспитательницъ, онѣ обязаны измѣнить суще
ющій строй жизни... И мужчинамъ нечего опасаться вмѣшательства
щинъ въ общественныя дѣла, ибо дѣла эти не могутъ идти хуже,
они шли до сихъ поръ». Въ заключеніе делегатка указала, что преоб
ніе мужчинъ основывалось, главнымъ образомъ, на физической сил
теперь настало время, когда на первый планъ выдвигается не груба
а сила умственная и нравственная». Рефераты и рѣчи русскихъ деле
возбудили живой интересъ въ конгрессѣ, вызвали обмѣнъ мыслей
влекли вниманіе прессы.

Отдѣльное мѣсто занялъ на конгрессѣ докладъ отъ «Грузинскаго С
Равноправія Женщинъ», присоединившагося на автономныхъ началах
Всерос. Союзу Равноправія Женщинъ. Въ докладѣ этомъ были предста
разныя стадіи въ положеніи грузинскихъ женщинъ съ древнѣйшихъ
менъ. Свободныя въ эпоху независимости Грузіи, женщины-грузин
концѣ XVIII вѣка сдѣлались рабынями русскаго деспотизма. Велика
ская революція пробудила ихъ. Теперь онѣ идутъ рука объ руку съ
ими русскими сестрами, готовыя все перенести и выстрадать ради
боды. Мужчины въ Грузіи всецѣло признали равноправіе женщинъ,
рыя съ самаго начала стали въ первые ряды освободительнаго движ

Говоря о проявившемся на конгрессѣ отношеніи къ Россіи, нель
отмѣтить горячую рѣчь германской делегатки, г-жи Гейманъ. Она ос
вилась на потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Европѣ соо
ніями о репрессіяхъ русскаго правительства. «То немногое»,—ск
г-жа Гейманъ,—«что проникаетъ къ намъ сквозь строй русской цен
леденитъ кровь описаніемъ всѣхъ ужасовъ грабежа, насилій и ист
которымъ подвергаются въ Россіи мужчины, женщины и даже дѣти...
насъ доносятся мольбы о помощи со стороны тѣхъ, кто борется и
даетъ за свободу народа. Какой же отвѣтъ, какая помощь дана имъ?
вилизованная Европа отвѣтила тѣмъ, что помогла рыцарямъ безгра

ключить новые займы и тѣмъ поддержала старый бюрократическій строй. И слѣдствіемъ этого былъ роспускъ Государственной Думы и послѣдовавшая затѣмъ реакція. Г-жа Гейманъ заключила свою пламенную рѣчь призывомъ къ женщинамъ всѣхъ странъ всячески противодѣйствовать дальнѣйшимъ займамъ русскаго правительства, дальнѣйшей поддержкѣ врагамъ свободы.

Совсѣмъ особое положеніе заняла на конгрессѣ наша сосѣдка, стойкая, энергичная и теперь благоденствующая Финляндія. Благодаря недавно введенному здѣсь всеобщему избирательному праву безъ различія пола, финляндки достигли, однѣ изъ первыхъ, той конечной цѣли, къ которой стремится вся наша борющаяся за свободу и равноправіе армія. И побѣда финляндскихъ женщинъ вызвала общую радость и ликованіе. Отношеніе къ нимъ конгресса выразилось въ прекрасной привѣтственной рѣчи г-жи Чапманъ Кэтъ. «Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ»,—сказала предсѣдательница,—«являются такимъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ прогресса, что самыя безпокойныя и честолюбивыя изъ насъ могутъ быть довольны; но случилось нѣчто еще бо́льшее. Мы были подобно отряду, медленно, съ трудомъ взбирающемуся на крутую, скалистую гору. Мы глядѣли вверхъ и, казалось, неопредѣленныя пространства времени и труда отдѣляли насъ отъ вершины. Мы не падали духомъ... Мы знали, что достигнемъ цѣли, но мы знали также, что нѣтъ другого пути къ ней, кромѣ этого терпѣливаго, поступательнаго движенія, шагъ за шагомъ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, мы увидѣли на вершинѣ другой отрядъ. Какъ поднялся онъ туда? Онъ ни съ неба не спустился, ни взобрался по трудному, долгому пути. А между тѣмъ, надъ всѣми нами возвышаются нынѣ женщины Финляндіи. На каждой изъ нихъ—вѣнецъ верховной власти самоуправляющейся гражданки. Два года назадъ женщинамъ этимъ не позволили бы организовать общество женскихъ избирательныхъ правъ. Годъ тому назадъ онѣ организовали Комитетъ Избирательныхъ правъ женщинъ, который, проработавъ менѣе года, достигъ своей цѣли... Говоря метафорически, крикъ радости пронесся по всѣмъ обществамъ женскихъ избирательныхъ правъ,—во всемъ мірѣ. Ни одна женщина Финляндіи не можетъ испытывать болѣе радости, чѣмъ мы. Женщинамъ всѣхъ другихъ странъ мы сказали: «Дайте намъ помочь вамъ»; женщинамъ Финляндіи мы должны сказать: «Придите намъ на помощь». Побѣда досталась вамъ легче, чѣмъ возможно было ожидать. Не забудьте пробирающагося къ верху отряда. Если же онѣ спросятъ: «Какъ намъ помочь вамъ?» Мы отвѣтимъ: «Воспользуйтесь вашими избирательными правами достойнымъ образомъ; настаивайте на честности и благородствѣ въ политикѣ; отбрасывайте личности и мелочи, и всегда держитесь высшаго идеала; докажите, что политика не деморализуетъ семью, но что семья облагораживаетъ политику; что мать разумнѣе исполнитъ свои обязанности, если она—свободная гражданка»...

Докладъ отъ финляндскаго «Союза Женскихъ Правъ» («Finsk Kvinnosaks-

förbund») представила извѣстная дѣятельница женскаго движенія г-жа Фуруельмъ. Она въ яркихъ чертахъ изобразила ходъ женскаго движенія въ Финляндіи и одержанную имъ конечную побѣду. «Женскій Союзъ» былъ основанъ въ 1892 году. Онъ работалъ дѣятельно въ разныхъ направленіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, успѣхъ его былъ такъ сказать платоническій. Требованія женщинъ имѣли succès d'estime, ибо они были основаны на неопровержимыхъ логическихъ доводахъ. Но правительство не проводитъ реформъ, опирающихся на одну логику: правительство и палата представителей уступаютъ лишь давленію сильнаго общественнаго мнѣнія. И это вполнѣ оправдалось на примѣрѣ Финляндіи...

Въ 1899 г. мечъ, висѣвшій надъ Финляндіей, упалъ на нее: конституція была раздавлена, національная автономія подвергнута опасности. За этимъ послѣдовалъ періодъ порабощенія. Каждый день приносилъ новыя невзгоды, о которыхъ,—замѣтила делегатка—«никто здѣсь, за исключеніемъ нашихъ русскихъ сестеръ, не можетъ имѣть представленія. Только онѣ и мы знаемъ, что значитъ жить подъ непрестанной угрозой. «Я признаю»,—сказала делегатка,—«что Россія кровью своей заплатила великую дань, и страданія ея, быть можетъ, еще сильнѣе. Но Финляндіи приходилось, кромѣ того, переживать позоръ чужеземнаго ига. Нашъ языкъ, наша религія, наши обычаи—все, что для насъ священно, было подъ угрозой врага. Подобно боевому клику, по всей странѣ раздался лозунгъ пассивнаго сопротивленія противъ всякой незаконной мѣры. Сотни и тысячи женщинъ, которыя, быть можетъ, ранѣе никогда и не думали о правахъ—вѣрнѣе, о своемъ безправіи,—вступили въ ряды оппозиціи. И мужчины съ энтузіазмомъ приняли помощь женщинъ. По всей странѣ распространилась тайная организація, въ которой женщины приняли дѣятельное участіе. Особая женская организація собирала фонды для политическихъ цѣлей; и женщины изъ высшаго общества тайно перевозили газету, подъ названіемъ *Свободное Слово*, которая издавалась въ Швеціи финляндскими патріотами, изгнанными русскимъ правительствомъ.

Въ октябрѣ 1905 г. въ исторіи Финляндіи перевернулась новая страница. Великая національная забастовка возвратила ей утраченное самоуправленіе вмѣстѣ съ реформой устарѣлаго представительства. На очередь было поставлено введеніе всеобщаго избирательнаго права. И такъ какъ женщины доказали свою способность къ самопожертвованію и къ кооперацiи въ политической борьбѣ, то всѣ мужчины сочли естественнымъ, чтобы въ часъ побѣды и женщины получили свою долю возвращенной свободы. 28 мая 1906 года всеобщее избирательное право безъ различія пола было единогласно принято финляндскимъ сеймомъ.

Блестящей иллюстраціей къ картинѣ міроваго женскаго движенія явилось «Посланіе отъ женщинъ Австраліи» («National Australian Women's Political Union»), составленное г-жей Гольдштейнъ. Въ Австраліи избирательныя права женщинъ являются уже не академическимъ вопросомъ: права эти вездѣ (кромѣ штата Викторія) примѣнялись здѣсь въ теченіе

цѣлаго ряда лѣтъ, и дали одни лишь благіе результаты, что подтверждается цѣлымъ рядомъ гуманныхъ мѣръ и законовъ, введенныхъ подъ вліяніемъ женщинъ *).

Факты эти побѣдоносно опровергаютъ всѣ возраженія и опасенія враговъ равноправія женщинъ.

Мы привели главныя характерныя черты представленныхъ на конгрессѣ М. С. докладовъ отъ семнадцати странъ. Почти вездѣ женщины пробуждаются къ самосознанію; почти вездѣ онѣ ясно поняли, что мириться съ общественно-политическимъ безправіемъ — значитъ обречь себя на роль пассивнаго зрителя въ великой драмѣ жизни. Для скорѣйшаго исполненія своей задачи, — для «достиженія вершины», какъ образно выразилась предсѣдательница М. С., конгрессъ рѣшилъ вновь собраться весной въ 1908 г. Голландія, изъявившая желаніе принять у себя делегатокъ, была намѣчена мѣстомъ 4 конгресса «Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ». Для поддержанія взаимныхъ сношеній и выясненія общихъ всѣхъ интересующихъ вопросовъ, рѣшено издавать краткій ежемѣсячный бюллетень — свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ женскаго движенія во всѣхъ входящихъ въ М. С. странахъ.

Конгрессъ М. С. далъ яркое изображеніе прошлаго — историческій очеркъ женскаго движенія; подвелъ его итоги; намѣтилъ планъ дѣйствій для будущаго. Передъ участниками его возстала грандіозная картина всемірнаго движенія во имя правды и справедливости — во имя равенства всѣхъ передъ закономъ. Общая цѣль сблизила разбросанныхъ по свѣту поборниковъ равноправія, дала имъ взаимную моральную поддержку. Въ единеніи — сила. И многія, покидая конгрессъ, унесли съ собой ту твердую увѣренность въ побѣдѣ, которая вылилась въ послѣднихъ словахъ великой поборницы женскаго движенія, г-жи Антони: «Неудача невозможна» (Failure is impossible).

Н. Мировичъ.

---

*) Мы не останавливаемся на перечисленіи этихъ реформъ, такъ какъ „Посланіе женщинъ Австраліи“ было нами приведено въ послѣднемъ № *Русской Мысли*

Журнальное обозрѣніе.

Одна изъ характерныхъ особенностей переживаемаго нами момента,—замѣчаетъ г. Пѣшехоновъ въ септябрьской книгѣ *Русскаго Богатства*,—заключается въ томъ, что всѣ важнѣйшія партіи и организаціи, ведущія освободительную борьбу, не въ состояніи сейчасъ предложить съ достаточной увѣренностью сколько-нибудь опредѣленныхъ тактическихъ плановъ. Этимъ и объясняется, конечно, наступившее въ борьбѣ затишье. Что же дальше?—не въ смыслѣ задачъ, а въ смыслѣ дѣйствій—вотъ вопросъ, который неотступно стоитъ передъ всѣми.

Лѣвыя партіи рѣшили принять участіе въ избирательной кампаніи и въ будущей Государственной Думѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Дума, попрежнему, остается для нихъ однимъ изъ второстепенныхъ, неважныхъ моментовъ революціонной борьбы, долженствующихъ быть пріуроченными для задачъ и цѣлей исключительно этой борьбы. Рѣшитъ дѣло, по ихъ мнѣнію, организованное общее выступленіе, подготовлять которое въ будущемъ и воздерживаться отъ котораго въ настоящемъ и составляетъ главную задачу соціалъ-демократической партіи.

Но вопросы тактики, какъ мы уже неоднократно писали, по нашему мнѣнію, исключительно или, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей степени суть вопросы переживаемаго историческаго момента. Конечно, каждая партія очерчиваетъ тотъ общій кругъ, за который не должна выходить ея тактика, сообразно ея общему пониманію историческаго развитія. Но переносить всю тяжесть тактики, пріурочивать ея удары къ неопредѣленному будущему, въ которомъ мы не можетъ учесть заранѣе реальное соотношеніе силъ—это, значитъ, совершить крупную теоретическую и практическую ошибку, въ оправданіе печальной дѣйствительности рисовать радужныя и заманчивыя перспективы.

По мнѣнію многихъ въ настоящее время к.-д. партія не даетъ отвѣта въ своей тактикѣ, не отмѣчаетъ одной самой важной для современнаго положенія черты: организаціи реакціи и ея готовности покончить со второй Государственной Думой по примѣру первой. «Мы не знаемъ,—пишетъ г. Ник—скій въ октябрьской книгѣ *Современнаго Міра* («Вопросы т-ку-

щей жизни»),—что скажутъ кадеты избирателямъ, все вниманіе которыхъ на вторыхъ выборахъ сосредоточится на одномъ центральномъ пунктѣ: какъ развязать узелъ, завязанный борьбою первой Думы со старой властью за права народнаго представительства?»

Вся дѣятельность партіи к.-д. отвѣчаетъ на эти вопросы. Воспитывать народное сознаніе въ томъ направленіи, чтобы конституціонныя гарантіи стали для народныхъ массъ тѣмъ воздухомъ, безъ котораго нельзя прожить ни одной минуты—вотъ всегдашняя и основная задача партіи. Слабость укрѣпленія въ народныхъ массахъ этой сознательной позиціи лишаетъ тактическіе планы всѣхъ партій практической возможности ихъ осуществленія; при укорененіи же подобнаго сознанія тѣ или иные рѣшительные тактическіе лозунги прозвучатъ, какъ боевой кличъ, по всей странѣ. Переоцѣнка силъ, киданіе лозунговъ въ неорганизованную среду, способны только создавать опасныя и тяжелыя, порою быть можетъ психологически неизбѣжныя ошибки. Возможный роспускъ второй Думы и тяжелая реакція смущаютъ г. Ник—скаго, и онъ кидаетъ упрекъ кадетамъ въ томъ, что они безсильны будутъ устранить эту реакцію. Но вѣдь реакція свирѣпствуетъ и теперь, и пусть г. Ник—скій съ увѣренностью укажетъ намъ тѣ общественныя группы, которыя въ настоящемъ противопоставляютъ ей что-либо иное, кромѣ громкаго голоса возмущеннаго общественнаго мнѣнія. Что же касается до будущаго, то здѣсь мы позволимъ себѣ привести довольно длинную цитату изъ статьи самого же г. Ник—скаго: «Между прошлымъ и настоящимъ уже легла глубокая черта,—пишетъ онъ.—Абсолютизмъ опирался на себя, на свои силы, на свое божественное право. Онъ никогда не апеллировалъ къ народу. Онъ надѣялся на свою полицію, на свою армію. Всякое народное движеніе казалось ему дерзкою и вредною игрою «ограниченнаго ума подданныхъ и подавлялось имъ съ твердостью глубокаго убѣжденія. Извѣстно, что Николай I запретилъ не только порицать, но и восхвалять правительство. Таковы были вѣра въ свое право и увѣренность въ своей силѣ. Абсолютизмъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ самъ подавитъ всякое оппозиціонное или революціонное движеніе. Плеве думалъ и говорилъ, что развитіе революціи обусловливается исключительно плохой организаціей русской полиціи. Эта вѣра въ себя сообщила старому порядку увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и позволяла ему съ неуклонною послѣдовательностью придерживаться разъ навсегда установленной политической линіи.

Нынѣшнее правительство не можетъ надѣяться только на себя и свои силы. Оно достаточно опытно, чтобы правильно оцѣнить рѣшающее значеніе народныхъ массъ въ политической жизни. Оно слишкомъ много пережило, чтобы возлагать свои надежды только на полицію и армію. Оно знаетъ, что для того, чтобы быть сильной, власть должна опираться на сочувствіе широкихъ слоевъ народа. Оно каждый день получаетъ неопровержимыя свидѣтельства справедливости этихъ политическихъ аксіомъ.

Обладая могущественнымъ государственнымъ аппаратомъ, видя относи-

тельную слабость своихъ организованныхъ противниковъ, не раз... средствъ въ ожесточенной борьбѣ, старая власть, тѣмъ не менѣе, ... вается безусловно безсильной возстановить нормальное теченіе государ... ной и общественной жизни, несмотря на болѣе чѣмъ энергичныя у... Въ противоположность абсолютизму, она вынуждена сознать и признать, ... ея собственныя средства недостаточны, что ей необходима опора вн... въ народныхъ массахъ».

Старая власть не имѣетъ ни людей, ни силъ для управленія ст... своими старыми средствами, ибо современное управленіе есть не что ... какъ «политическая анархія феодально-полицейскаго организма, ра... ющагося въ обстановкѣ соціальной анархіи сравнительно развитого ... талистическаго общества», по справедливому выраженію г. Ивановича, ... его интересной статьѣ «Анархизмъ въ Россіи и борьба съ нимъ» (... *временный Міръ*, октябрь).

Какъ слѣдствіе анархіи, сѣемой правительствомъ, и изъ нѣдръ обще... выростаетъ практическій анархизмъ, пишетъ г. Ивановичъ. Дѣятельн... анархистовъ стала чрезвычайно широкой и энергичной. Каждый день ... носитъ намъ все новыя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ о томъ, что ... насъ появились анархисты», каждый номеръ газетъ полонъ извѣстій ... сяткахъ грабежей, убійствъ и т. п. насилій, носящихъ несомнѣнный ... хистскій отпечатокъ. По той смѣлости и неутомимости, которыя про... ютъ анархисты, сразу видно, что они ощущаютъ почву подъ ногами, ... они сознаютъ свой ростъ и свою силу. Анархисты обзаводятся да... легальными газетами, которыя должны обогатить ихъ движеніе «теор... Правительственныя преслѣдованія не уменьшаютъ размѣровъ этого яв... наоборотъ, эти преслѣдованія только накаляютъ атмосферу, въ ко... работаютъ анархисты, нервируютъ послѣднихъ и все общество, ожес... ютъ и обостряютъ формы анархистской дѣятельности. Виновники ... скихъ вымогательствъ, подчасъ чисто жульническихъ продѣлокъ, стано... въ своемъ сознаніи и въ сознаніи довольно широкихъ массъ чуть ... дѣятелями освободительной борьбы, героями, погибшими во имя выс... хотя и неизвѣстно какой идеи. Извѣстная смѣлость, ловкость, гото... на все,—всѣ эти качества дѣйствуютъ сильно, прямо гипнотизирующ... массы, подготовленныя всей соціально-политической дѣйствительност... тому, чтобы стать на путь практическаго анархизма.

Авторъ статьи задается далѣе вопросомъ, откуда же взялись эти ... и какъ указанныя общія условія вліяютъ на нихъ въ благопріятном... роста анархистскаго движенія смыслѣ, и отвѣчаетъ на него, опира... фактическія наблюденія надъ составомъ анархистскихъ группъ, над... домъ ихъ образованія и дальнѣйшаго развитія.

«Анархисты не живутъ оторванно отъ всей рабочей массы,—... г. Ивановичъ.—Между ними и ею существуетъ довольно тѣсное об... какъ бы далека ни была практика анархистскихъ покушеній отъ ... массоваго рабочаго движенія. Объясняется это тѣмъ, что именно ...

ны организованныхъ рабочихъ и выходятъ многіе элементы, входящіе въ анархистскія группы. Такимъ образомъ среди анархистовъ мы находимъ одниxъ, которые опустились до практическаго анархизма, другихъ, которые до него поднялись. Первые, т.-е. сознательные рабочіе, бывшіе члены революціонныхъ организацій, пришли къ анархизму сверху».

Наиболѣе горячіе, тѣснимые ужасными, ни съ чѣмъ несравнимыми лишеніями, они не могутъ примириться послѣ захватывающаго простора конца 1905 года съ полнымъ торжествомъ реакціи. «Наступившая мрачная пора перепутываетъ всѣ мысли и чувства дикаго рабочаго. Въ умѣ своемъ, въ сознаніи онъ не имѣетъ опоры противъ силъ, вышибающихъ его изъ колеи, въ душѣ борются и клокочутъ тысячи жгучихъ чувствъ. Вокругъ—огромное, небывалое разореніе рабочихъ, страшная, опустошающая работа грандіозной, невиданной безработицы. Необычайныя страданія рабочаго класса подымаютъ въ душѣ рабочаго тѣмъ большую бурю, что онъ самъ голодаетъ и терпитъ жестокія лишенія, какъ никогда раньше, лишенный поддержки разгромленной организаціи». И вотъ, измученный физическими и нравственными пытками, онъ переходитъ къ анархистамъ, навѣвающимъ ему золотые сны о прямомъ и скоромъ переходѣ въ свѣтлое царство анархіи,—сны, затемняющіе въ немъ всѣ слѣды политическаго смысла. Политическая и соціальная анархія—вотъ почва, на которой выросли пышные цвѣты русскаго анархизма.

«Сверху изъ рядовъ сознательнаго пролетаріата рекрутируются только вожаки, идеологи, инниціаторы анархистскихъ отрядовъ. Главныя же массы ихъ идутъ снизу, изъ тѣхъ городскихъ элементовъ, которыхъ соціально-политическая стихія загнала на самое дно капиталистическаго строя, загнала безнадежно, навсегда. Отчаянныя конвульсіи тяжелой Россійской революціи, обостренной небывалымъ экономическимъ кризисомъ, рождаютъ все новыя и новыя, дошедшія до положенія люмпенпролетаріата массы, доведенныя въ своей нищетѣ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ человѣческаго существованія. При общемъ взглядѣ на положеніе страны получается такое впечатлѣніе, будто вся масса нищеты и разоренія, рожденная и накопленная десятилѣтіями внутренней политики, хлынула только теперь, въ разгаръ революціи, наружу и заняла всю страну. Фактически же вскрылось только то огромное экономическое гноище, которымъ мучилась и мучится Россія десятки лѣтъ... Въ станѣ анархистовъ собралась пестрая толпа всякаго сорта «бывшихъ» людей. Всѣхъ ихъ пригнало сюда разбушевавшееся море народной нищеты и кровавыхъ насилій, но каждый приходилъ сюда съ особыми цѣлями, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми фантастическими.

Въ атмосферѣ, среди которой выросъ анархизмъ, эти послѣднія не могли, конечно, получить преобладаніе и, такимъ образомъ, практическій анархизмъ въ Россіи постигла еще болѣе позорная участь, чѣмъ его западно-европейскихъ братьевъ: онъ сталъ безнадежно вязнуть въ грязно-кровавой трясинѣ, отражая въ другой плоскости стихію разлагающагося

политическаго строя. Въ этой своей грязно-полицейской формѣ онъ сталъ играть несомнѣнно реакціонную роль. Впитывая, какъ губка, всѣ деклассированные и развращенные элементы города, онъ оказываетъ разлагающее вліяніе на сдавленныя тисками реакціи и голода рабочія массы, увлекая какъ разъ наиболѣе энергичныя единицы на путь вымогательства. На югѣ Россіи и на западѣ рабочимъ организаціямъ приходится напрячь всѣ силы въ борьбѣ съ развращающимъ вліяніемъ «экспропріаторовъ».

Въ концѣ концовъ всѣ эти анархистическія похожденія только на руку реакціи, всѣмъ тѣмъ элементамъ ея, которые стремятся залить рабочее движеніе кровью и грязью, во имя пущей острастки держать населеніе въ ужасѣ и смятеніи».

Въ концѣ статьи авторъ задается вопросомъ, имѣетъ ли анархизмъ въ Россіи будущность; онъ полагаетъ, что современная экспропріаторская его форма должна несомнѣнно исчезнуть при упроченіи настоящей конституціи; другія же его формы, въ видѣ хотя бы полнаго отрицанія политической борьбы, синдикализма и т. д., будутъ несомнѣнно имѣть мѣсто, потому что буржуазная конституція и долгая и упорная борьба на ея почвѣ не удовлетворитъ многія горячія головы. Но при свободѣ общественной жизни такой анархизмъ уже не будетъ опасенъ...

Въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена интересная статья г. Левенстима «Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія», посвященная характеристикѣ личности поэта и оцѣнкѣ его богатой, разносторонней работы; по обилію біографическаго матеріала, по его тонкой и умѣлой обработкѣ критическій очеркъ г. Левенстима долженъ привлечь вниманіе какъ спеціалистовъ, такъ и широкой публики.

Описаніе дѣтства Толстого, его служба и вѣчное стремленіе уйти отъ нея, побудившее его обратиться къ государю съ письмомъ, полнымъ искренности и благородства, его нѣжная и трогательная любовь къ гр. Софьѣ Андреевнѣ, ставшей впослѣдствіи его женой, тяготѣніе къ прекрасному и тонкое пониманіе природы—все это сливается въ одинъ цѣльный и чистый образъ. Нѣтъ лжи ни передъ обществомъ, ни передъ друзьями, ни передъ самимъ собою. Чтобы опредѣлить его политическія убѣжденія, замѣчаетъ авторъ статьи, необходимо изучить его шедевры и сопоставить ихъ съ письмами, а не судить по полемическимъ стихотвореніямъ, которыя написаны для осмѣянія противника. И въ самомъ дѣлѣ, въ его полемическихъ стихахъ слышится болѣе голосъ оскорбленнаго эстетика, чѣмъ политическаго дѣятеля. Авторъ приводитъ одну сатирическую пьесу А. Толстого, затерявшуюся въ пыли старыхъ журналовъ. Отъ вопроса о насильственномъ обрусеніи окраинъ—всего одинъ шагъ къ общему вопросу о политическихъ убѣжденіяхъ графа А. К. Толстого. Вотъ цѣликомъ это стихотвореніе:

Единство

Друзья! ура единство!
Сплотимъ святую Русь!

Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ,
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкиры и армяне
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),
И латыши, и фины,
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну,
Признаться-ль?—есть и нѣмцы,
Но это entre-nous.

Страшись съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну:
У насъ есть и поляки,
Но также entre-nous?

И многими иными
Обиленъ нашъ запасъ.
Какъ жаль, что между нами
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкаской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердіемъ столь смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлиннилъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна! Аксіосъ!

Ѳ. Арн.

...къ извѣстно, разсказъ Виктора Муйжеля «Аренда», напечатанный въ ... IX книгахъ *Русскаго Богатства*, обратилъ на себя вниманіе адми...ціи, которая увидѣла въ немъ нѣчто вредное и опасное для основъ, ...къ, и безъ того достаточно потрясенныхъ. Произведеніе г. Муйже... евидно, потому оказалось непріятнымъ для властей, что авторъ опи...ъ удручающее столкновеніе помѣщика и крестьянъ, казаковъ и це...каго населенія. Если бы полицейскіе читатели г. Муйжеля обладали ...ръй долей эстетическаго пониманія, они могли бы замѣтить, что, при

всей яркости и силѣ отдѣльныхъ картинъ, разсказъ написанъ какъ-то слишкомъ обстоятельно, грузно, растянуто, что факты и настроенія, публицистика и психологія сплетены здѣсь въ одну тяжелую узловатую нить, что вообще кошмаръ современной русской дѣйствительности ослабляетъ и дѣлаетъ тщетными усилія беллетристики. За жизнью не угонишься, и всякая выдумка будетъ тусклѣе ея собственнаго кроваваго блеска, и администрація занята не художественной критикой, и она ополчилась на автора не за выдумку, а за правду. Зачѣмъ разсказывать, что помѣщикъ Лаптевъ все поднималъ арендную плату за землю, которая все изъ года въ годъ становилась малороднѣе, тощѣе и что отсюда съ желѣзной необходимостью вытекли постой казаковъ и кровь, и ужасъ, и тоска? Пріятно ли сытымъ и властнымъ читать, какъ мужикъ Абрамъ голодалъ со всей своей огромной семьей, и дѣти отъ голода и холода кричали, болѣли, умирали? Но г. Муйжель безпощаденъ. И вотъ онъ рисуетъ ужасную сцену, какъ озвѣрѣвшій казакъ насилуетъ шестнадцатилѣтнюю Фишу, молчаливую, нѣжную, и ея тонкія, слабыя руки, «какъ эластичныя стальныя пружины», тщетно силятся оттолкнуть отъ себя тяжелое тѣло человѣка-животнаго; напрасно думала она, что спасетъ, укроетъ ее стоявшая у колодца молоденькая яблонька, вся бѣлая, «скромная и радостная и будившая во всякомъ... отблескъ трогательной нѣжности и любви». И онъ изображаетъ страшную драку мужиковъ съ казаками.

...Мужики думали, что казаки устроили погромъ, и защищались, озлобленные безпомощностью и беззащитностью, освирѣпѣлые отъ всего того, что вынесли со дня прихода казаковъ. Все давнишнее, медленно, капля по каплѣ, копившееся недовольство, вся тяжесть голодной и безправной жизни вспыхнула теперь нѣмой злобой, и, чувствуя, что теперь имъ терять нечего, что нѣтъ уже ни у кого, чего бы у нихъ не могли отбить, что жизнь ихъ пришла къ тому предѣлу, когда самый страхъ перешелъ стадію ужаса и растаялъ въ чувствѣ полной безнадежности и тупого равнодушія,—они свирѣпо, какъ загнанный и затравленный звѣрь, мстили безпощадной дракой, вооружались, кто чѣмъ могъ, не защищаясь отъ ударовъ, а стараясь только какъ можно больше и безпощаднѣе нанести ихъ.

Мрачно выразителенъ старый крестьянинъ Феклистовъ, дѣдъ Фиши, со своей путающейся, страстной и гнѣвной рѣчью, въ которой «странно сплетались проклятія и изреченія Соломона, угрозы и жалобы, текстъ и ругательства». И когда уже кончился ночной ужасъ, во тьмѣ происшедшее дикое побоище, и уже утро встало надъ деревней, «яркое, солнечное и молчаливое, какъ будто оно не хотѣло и боялось вѣрить тому, что было ночью», долго еще гудѣлъ его зычный голосъ, крикъ вопіющаго въ пустынѣ, въ томительной пустынѣ русской жизни. Феклистовъ казакамъ, драгунамъ и всѣмъ насильникамъ выговаривалъ, что они поступаютъ «не по Божьи»; но возмущенный, оскорбленный за сына, за внучку, за все крестьянство, онъ и самъ ступилъ на дорогу насилія и изъ стараго ружья застрѣлилъ трусливаго помѣщика Лаптева, навлекшаго на деревню всѣ эти бѣды, всю эту муку, и это молчаливое горе опозоренной Фиши, которая лежитъ съ закрытыми глазами и брови которой «застыли въ чѣмъ-то

ь удивленія». Что же было дѣлать старику? Куда же дальше идти? дальше ничего не было. Не было ничего, къ чему привыкъ челое было солнца, земли, неба, людей, звуковъ, красокъ».

что таилось въ прожитой запутанной и сложной жизни, медленно прополтемнотѣ и странно путалось съ нею, и моментами чудилось, будто эта темтянулась надъ всей жизнью зловѣщей и печальной тѣнью. И вся жизнь редставилась такъ, какъ будто кто-то горькій и безнадежный развернулъ запутанный свитокъ: было худо, потомъ хуже, потомъ еще хуже—и скорбь ирялась и давила безмѣрной тяжестью.

общемъ, разсказъ г. Муйжеля, свидѣтельствующій о серьезной спои автора къ психологическому наблюденію, исполненный внутреннѣшней выразительности, производитъ очень сильное впечатлѣніе.), отчего цензура хотѣла стереть его съ лица многострадальной земли...

нига журнала *Современный Міръ*, замѣнившаго собою *Міръ Божій*, ется разсказомъ г. М. Первухина «На дачѣ». Авторъ уже не впер успѣхомъ выходитъ на литературное поле, какъ чуткій и умѣлый тель человѣческаго страданія, выступающаго на фонѣ пошл‹ос›ти. ный человѣческій разговоръ, угнетающій діалогъ жизни, г. Первуслушиваетъ и вплетаетъ въ него какой-нибудь вопль души чистой, иженной. На этотъ разъ въ обстановкѣ банальнѣйшей дачи, гдѣ въ еркало съ какими-то пятнами и полосами, «словно изъѣденное осмотрятся жалкіе, умственно и нравственно убогіе люди,—въ обѣ глупости и мелочности разыгрывается драма горничной Маши: зэнили, ее потомъ бросили, какъ тряпку, ей некуда было идти, и авилась, когда прошло лѣто, когда наступила осень, и «капли доали на рѣдкую, рѣдкую листву чахлыхъ дачныхъ садовъ, на мокыши, на головни и пепелъ сгорѣвшей ротонды, на полотно убѣвдаль желѣзной дороги». А ротонда сгорѣла потому, что и все разсказа вообще происходитъ въ ту пору, когда Россія объята иъ, когда горятъ не только дачныя ротонды, но и болѣе солидковыя строенія. На дачу доносятся звуки марсельезы, звуки ре-.

разсказѣ г. Первухина нѣтъ сконцентрированнаго дѣйствія, есть скизнаго, но всѣ наброски автора сдѣланы очень удачно.

ой же книгѣ г. Ковальскій разсказываетъ о «Полуночномъ солнцѣ»,—ываетъ со свойственной ему звонкостью и красочностью, которая показывается читателю чрезмѣрной. Впрочемъ, безспорно, что иные г. Ковальскаго, иныя описанія красивы—во всякомъ случаѣ, внѣшесной красотой.

звенѣли стройно гитары, и запѣли двѣ віолончели, скрытыя въ глубинѣ моенскихъ грудей... Мотивъ пѣсенки былъ молодой и веселый, и слова ея, таръ, голоса невѣдомыхъ віолончелей легко кружились въ воздухѣ, будто

касаясь свѣтовыхъ струнъ и приводя въ движеніе миріады пылинокъ, кру... отходили другъ отъ друга и снова сходились, покачиваясь въ граціозном... Словно невидимые духи плясали на ярко-зеленомъ лугу, на берегу жур... прыгающаго средь камней ручья, въ косыхъ лучахъ солнца, и сильныя муж... одного сплетались съ гибкими и мягкими руками другой, и развѣвались те... тыя косы, и притоптывали обнаженныя, крѣпкія ноги...

И опять запѣли два женскихъ голоса, и загудѣли гитары медленными, ... звуками. Теперь уже пѣніе было другое, далекое и чуждое веселому, ... на камняхъ ручью и золотымъ косамъ, но близкое и родное длиннымъ труб... на, близкое волнамъ, мѣрно взбѣгающимъ одна за другой на ровную песч... мель. Ясно, это была молитва, родившаяся подъ тяжелыми и темными свод... тическаго собора, и много звучало въ ней тоскливаго гудѣнія и покорных... мнѣго смиренія и невыплаканной скорби. И звуки казались густыми и ... какъ фіолетъ, и не кружились они и не рѣяли въ граціозномъ танцѣ, а ... ными рядами, шли въ даль, склоненные и посыпанные пепломъ, лишь ... сылая небу громкія звенящія стенанья. И молодыя, прозрачныя ноты ... за низкими, за важными, какъ бы поднимаясь тихо по струнамъ свѣта.

По существу авторъ разсказываетъ о томъ, какъ пьяная ... мужчинъ послѣ пира въ каютъ-кампаніи перваго класса захотѣла ... шить свой праздникъ въ кругу женщинъ, тѣмъ болѣе что и ... ихъ вертѣлись «вокругъ да около щекочущей, какъ терпкіе колосья... ки, темы,—вокругъ женщинъ». И капитанъ согласился свести ... на берегъ Норвегіи, освѣщенный полярнымъ солнцемъ, и всѣ отпр... въ одно кафе, гдѣ были двѣ снисходительныя къ туристамъ д... Именно онѣ-то и пѣли, онѣ-то и были двѣ живыя віолончели, о ... говоритъ авторъ. Дѣвушки и на этотъ разъ оказались снисходите... но старшая изъ нихъ, Кассандра, являла въ то же время образъ ... ческой страдалицы, не вѣрящей въ Бога и своими странными и ... глазами смотрящей вдаль къ полуночному солнцу. Она не вѣр... Христа, потому что ей казалось не Божьимъ дѣломъ допускать, что... вушки продавали себя мужчинамъ и продавали себя въ то время, ... сосѣдней комнатѣ покоится трупъ отца. Да, пьяные собутыльники ... что въ кафе, куда ихъ привлекли Кассандра и Мина, была привле... смерть: отецъ обѣихъ дѣвушекъ, портовый грузчикъ, свалившій... трюмъ, лежалъ мертвый, и «безкровное, страшно похудѣвшее, ... ное лицо мертвеца, рабочія руки, скорбные углы рта тихо говор... долгую, трудовую жизнь, про долгую, мучительную болѣзнь, про ... кую минуту, когда между жизнью и смертью страданіе хотѣло у... тѣла и дать ему покой, но не могло и только тихо всплыло на ... ность стараго лица». Когда мужчины уходили изъ дома страсти и ... была солнечная ночь, и съ церковной башенки раздалось двѣнадцать... ровъ колокола, которые «падали на камни острова, словно чугун... стые шары». Городъ спалъ, и окна домовъ смотрѣли наружу, «не... глазами». А изъ гавани выдвигалась норвежская шхуна и «... словно отъ натуги, розовѣли ея паруса и, чудилось, несла она къ ... ночному, усталому солнцу длинный, черный гробъ».

Много красокъ и оттѣнковъ, «лазурныхъ шелковъ», лучей солнца, похожихъ на «мощныя свѣтовыя струны»,—много ихъ въ разсказѣ г. Ковальскаго, и они въ сочетаніи съ «чернымъ гробомъ» человѣческаго страданія образуютъ необычное цѣлое.

Въ живыхъ, но не вполнѣ выдержанныхъ очеркахъ г. Н. Никандрова «Больные» читателя вводятъ въ морской госпиталь. Проходятъ матросы, грубые, дикіе, стоящіе почти на границѣ паденія; они тоже, какъ и герои г. Ковальскаго, жаждутъ женщинъ и тѣшатъ свое воображеніе скверными разговорами. Но вотъ въ ихъ среду является нѣкто Андрей Швецъ, повидимому, христіанинъ-раціоналистъ, и говоритъ имъ слова любви, всепрощенія, непротивленія. Имъ чужды эти ласковыя и возвышенныя слова о спасеніи души; но никто изъ нихъ не возражаетъ. И только одинъ Хмара исповѣдуетъ и высказываетъ совсѣмъ другую вѣру. Онъ стоитъ не за любовь, а за злобу. Онъ говоритъ, что не нужна теперь любовь, что надо всю накопившуюся вѣками злобу излить на врага и надо показать народу, гдѣ его настоящій врагъ. Теперь злобу изливаютъ на «жида», на «штунду»: учитель жизни, по Хмарѣ, долженъ пробудить и направить по вѣрной дорогѣ таящуюся въ сердцахъ злобу. Самъ Хмара кончилъ тѣмъ, что отобралъ у караульнаго револьверъ и бѣжалъ. Куда!? Очевидно, туда, гдѣ можно дать просторъ стихійной злобѣ, гдѣ можно и должно «корчевать» жизнь, чтобы потомъ, только потомъ бросить въ нее сѣмена любви, которыми богатъ Андрей Швецъ. Когда узнали о побѣгѣ Хмары, море гудѣло, «словно разъяренный народъ надвигался откуда-то издалека неудержимо-огромной, слѣпой волной».

Просыпающееся море рычитъ мощно, грозно и предостерегающе-сдержанно, и кажется, что предъутренній ропотъ его уже слышитъ вся земля, слышитъ и въ страхѣ прислушивается къ каждому всплеску его, словно стараясь разобрать, о чемъ такъ зловѣще и такъ настойчиво твердитъ оно каменнымъ берегамъ, крѣпко сковавшимъ его.

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годовщина 17 октября.—Сравненіе прошлаго года съ нынѣшнимъ.—Судъ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.—Письмо бывшаго директора департамента полиціи Лопухина къ премьеръ-министру Столыпину. — Статистика репрессій и преступленій революціоннаго характера. — Разъясненіе касательно примѣненія военно-полевыхъ судовъ.—Вооруженный грабежъ въ Петербургѣ. — Университетскія дѣла. — Земскія дѣла.—Новые законы: о старообрядцахъ, о равноправности крестьянъ, о залогѣ надѣльныхъ земель, о пониженіи платежей крестьянскому банку—Циркуляры и сенатскія разъясненія объ избирательномъ законѣ.—Политическія партіи и ихъ подготовка къ выборамъ.

«Свобода не дается ни быстро, ни дешево». Такъ говоритъ Костомаровъ, разсказывая о Куликовской битвѣ и послѣдовавшемъ черезъ два года послѣ нея нашествіи Тохтамыша. «Русь признала снова внезапно сверженное иго. Но память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Съ этой памятью Русь возрастала и дождалась лучшихъ временъ». Намъ эти слова по какой-то ассоціаціи идей вспомнились нынче, 17 октября, въ годовщину извѣстнаго манифеста. Въ прошломъ году въ этотъ день мы праздновали побѣду объединившейся и самостоятельно выступившей сознательной части русскаго народа и ждали, что эта побѣда принесетъ за собой свободу и умиротвореніе. Оказалось однако, что одной побѣды для этого было мало, что слѣдъ ея скоро закрылся слѣдами новаго нашествія, новыхъ бѣдствій. Освободительныя силы оказались не достаточными для того, чтобы сполна удержать за собой занятую позицію и обезпечить себя отъ новыхъ нашествій. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы эта первая побѣда русскаго народа должна была считаться не имѣющею значенія. Несмотря на всѣ послѣдующія несчастія, которыя ему пришлось пережить, отъ нея осталось яркое и славное воспоминаніе, прочно залегшее въ народной душѣ и ставшее тѣмъ этапомъ, начиная съ котораго все бывшее раньше есть уже überwundenes Standpunkt, а дальнѣйшее освободительное движеніе, если бы одно даже пріостановилось, начнется уже съ него. То радостное чувство, которымъ въ теченіе короткаго времени послѣ 17 октября прошлаго года было охвачено русское общество, теперь исчезло и едва ли даже можетъ когда-нибудь возобновиться съ такой свѣжестью и

средѣ этого общества, какъ не могутъ возобновиться юношескія впечатлѣнія и надежды у человѣка, искушеннаго горькимъ опытомъ жизни. Но на мѣсто его явилось сознаніе, что побѣда возможна, но что прочные результаты ея могутъ быть достигнуты лишь путемъ упорной борьбы и неослабѣвающихъ усилій и цѣною потоковъ крови и слезъ. Но и для самой борьбы важна увѣренность, что вскрытіе исторической рѣки уже совершилось и что за нимъ неизбѣжно должна послѣдовать весна, какъ бы долго еще ни продолжали чередоваться дни слякоти съ днями суровыхъ заморозковъ. Какъ разъ въ юбилейные октябрьскіе дни въ нынѣшнемъ году происходилъ судъ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, наглядно показавшій разницу, происшедшую въ общественномъ сознаніи въ теченіе этого года. Въ то время и общество, и правительство склонны были переоцѣнивать реальную силу тѣхъ элементовъ, которые наиболѣе явственно выступали въ ходѣ освободительнаго движенія. Результатъ всякаго движенія, конечно, зависитъ отчасти отъ массы дѣйствующихъ элементовъ, отчасти отъ величины ихъ энергіи. Энергія прошлогодняго октябрьскаго момента была очень велика, поэтому она импонировала, несмотря на сравнительную незначительность непосредственно дѣйствовавшихъ массъ. Поэтому и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, игравшій, какъ извѣстно, одну изъ первенствующихъ ролей въ освободительномъ движеніи, являлся въ то время какъ бы нѣкотораго рода народнымъ правительствомъ, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Даже оффиціальное правительство въ значительной мѣрѣ раздѣляло тогда этотъ взглядъ, входя въ переговоры съ совѣтомъ. Члены совѣта были тогда для него авторитетными представителями общества; теперь, черезъ годъ, они стали въ глазахъ правительства преступниками, стоящими внѣ общества. Напротивъ, сами подсудимые все время стояли на той точкѣ зрѣнія, что они были никакъ не заговорщиками или бунтовщиками, а вполнѣ явными представителями власти, естественнымъ ходомъ вещей получившими ее отъ общества. Разборъ дѣла о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ начался въ петербургской судебной палатѣ съ сословными представителями еще 18 сентября, при исключительной обстановкѣ: вокругъ зданія суда и въ самомъ зданіи было размѣщено множество войска, полиціи, жандармовъ и чиновниковъ охраннаго отдѣленія. Публикѣ отведено было всего тридцать мѣстъ, и на нѣ пускали по билетамъ. Изъ 52 подсудимыхъ явилось только 30. Не явились и многіе свидѣтели (около 100 изъ 350). Изъ обвиняемыхъ одинъ Теръ-Мекртіанцъ за это время былъ казненъ въ Кронштадтѣ; изъ свидѣтелей многіе оказались въ ссылкѣ. Послѣ трехдневнаго перерыва, вызваннаго заявленіемъ защитниковъ о предоставленіи имъ права отвода одного изъ судей члена городской думы, Тройницкаго, слушаніе дѣла возобновилось 22-го. Отводъ оставленъ безъ уваженія. Начался допросъ подсудимыхъ. Извѣстно, что еще при первомъ разборѣ дѣла 20 іюня подсудимые заявили, что, не считая судъ компетентнымъ, они участвуютъ въ процессѣ только въ цѣляхъ политическихъ. На этотъ разъ бывшій членъ

совѣта, Злыдневъ, заявилъ отъ имени своихъ товарищей, что «отношеніе всѣхъ подсудимыхъ къ суду остается такимъ же, какимъ оно было 26 іюня». Затѣмъ былъ оглашенъ обвинительный актъ. Никто изъ подсудимыхъ не призналъ себя виновнымъ, но всѣ заявили, что принадлежатъ къ соціально-демократической партіи и не видятъ въ дѣятельности совѣта никакого преступленія. Бывшій предсѣдатель совѣта Хрусталевъ-Носарь изложилъ всю исторію совѣта. «Цѣль подсудимыхъ,—сказалъ онъ,—дать отчетъ своимъ избирателямъ, цѣль суда—другая. Совѣтъ существовалъ пятьдесятъ дней съ 13 октября до 3 декабря. Его создали сами рабочіе и то оппозиціонное настроеніе, которое охватило тогда всю Россію». Разсказавъ о похоронахъ жертвъ 18 октября, о переговорахъ совѣта съ гр. Витте, объ устройствѣ стачечнаго фонда, ораторъ подробно остановился на подготовкѣ вооруженной силы. По его словамъ вооруженіе рабочихъ имѣло въ виду исключительно самооборону, такъ какъ повсюду начались черносотенные погромы и такой же ожидался и въ Петербургѣ; вооруженіе это состояло изъ нѣсколькихъ сотъ револьверовъ, и для всякаго ясно, что съ такими средствами начинать вооруженное возстаніе противъ правительства было нельзя. Они и были направлены на собственную защиту, также какъ и сформировавшаяся тогда рабочая милиція. Далѣе Хрусталевъ упомянулъ о попыткѣ совѣта захватнымъ путемъ ввести восьмичасовой рабочій день, и о трехдневной забастовкѣ, въ видѣ протеста противъ преданія военному суду кронштадтскихъ матросовъ. Ноябрьскую забастовку, поскольку въ ней участвовали рабочіе, онъ считаетъ удачной. Около этого времени совѣтъ вступилъ въ близкія сношенія съ провинціальными организаціями такого же характера. Когда возникла почтово-телеграфная забастовка, то совѣтъ принялъ на себя руководительство ею, такъ какъ онъ пользовался довѣріемъ. Силу и значеніе его поддерживало общее недовольство, накопившееся какъ у рабочихъ, такъ и во всемъ обществѣ. Исполнительный комитетъ совѣта былъ заваленъ работой, такъ какъ онъ былъ и примирительной камерой между хозяевами, и учрежденіемъ для взаимопомощи рабочимъ. Увеличиваясь въ числѣ членовъ, совѣтъ подъ конецъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ пятисотъ человѣкъ, такъ что онъ сдѣлался какъ бы рабочимъ парламентомъ, который велъ переговоры съ министрами: Витте, Редигеромъ, Бирилевымъ, распространялъ открыто свои воззванія, устраивалъ профессіональные союзы, велъ дѣятельную пропаганду, въ томъ числѣ и въ арміи. Засѣданія совѣта происходили съ вѣдома градоначальника. Но въ концѣ ноября, когда правительство, опираясь на сорганизованные имъ контръ-революціонные элементы, сочло себя достаточно сильнымъ, оно уничтожило совѣтъ. Другой историческій очеркъ дѣятельности совѣта сдѣланъ былъ бывшимъ его членомъ Сверчковымъ. Имъ пополняется картина, нарисованная Хрусталевымъ. Разсказъ Сверчкова начинается съ 20 ноября, т.-е. съ того момента, когда противъ совѣта выступили черносотенцы. Въ то время совѣтъ былъ дѣйствительно вторымъ правительствомъ; въ него обращались по самымъ

нообразнымъ дѣламъ и самые различные люди: рабочіе, крестьяне, солдаты, союзы профессіональные и политическіе, мирно настроенные и желавшіе вооруженнаго возстанія. Почта доставляла по адресу совѣта письма; было доставлено даже письмо, адресованное просто «въ рабочее правленіе». Правительство знало все, что дѣлалось въ совѣтѣ, и считалось съ нимъ. Авторитетъ совѣта между рабочими былъ такъ великъ, что по его рѣшенію рабочіе типографіи Сойкина отпечатали даже черносотенную прокламацію, которую они раньше отказались печатать. Совѣтъ былъ совершенно солидаренъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Правительство знало общее настроеніе рабочихъ массъ и долго колебалось явно выступить противъ совѣта. Но оно не могло не объявить ему войны, такъ какъ онъ мѣшалъ реакціоннымъ стремленіямъ правительства, желавшаго уничтожить обѣщанія, данныя въ манифестѣ 17 октября. Когда былъ арестованъ Хрусталевъ-Носарь, то почти на всѣхъ заводахъ принимались резолюціи о вооруженномъ возстаніи. Въ концѣ своей рѣчи Сверчковъ сказалъ: «десять мѣсяцевъ мы вынужденно молчали, но теперь передъ судомъ мы развертываемъ картину славныхъ октябрьскихъ дней, участниками которыхъ мы имѣли честь быть». При полной откровенности подсудимыхъ, показанія свидѣтелей по этому дѣлу не могли имѣть большого значенія. Большая часть полицейскихъ свидѣтелей отвѣчали на вопросы очень сдержанно, но изъ показаній ихъ все же можно съ несомнѣнностью вывести, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ не только не была тайной для правительства, но въ теченіе нѣкотораго времени даже какъ бы признавалась имъ. Знала о ней и фабричная администрація и въ большинствѣ случаевъ была очень довольна, что ей приходилось имѣть дѣло съ организованными рабочими. Изъ нѣкоторыхъ показаній выяснилось, что при предварительномъ дознаніи были случаи насилій и вымогательствъ для полученія отъ свидѣтелей показаній, какія были желательны полиціи. Малограмотнымъ свидѣтелямъ иногда давались для подписи показанія, которыхъ они вовсе не давали. Изъ болѣе интересныхъ эпизодовъ можно упомянуть о показаніи свидѣтеля Ганейзера, разсказавшаго исторію союза защиты свободнаго слова. Дѣло было такъ, что въ помѣщеніи редакціи *Новаго Времени* собрались представители петербургскихъ изданій и согласились между собой игнорировать цензуру и не посылать на просмотръ цензора слѣдующій за выходомъ газеты нумеръ. Всѣ газеты приняли участіе въ этомъ союзѣ, и представители *Новаго Времени* Меншиковъ, Столыпинъ и Гольдштейнъ были даже среди другихъ во всѣхъ крайнихъ резолюціяхъ. Но когда надо было шечатать извѣстный манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, то *Новое ремя* отказалось исполнить общее постановленіе, вышло изъ союза, и мый союзъ распался, такъ какъ только общее единство дѣйствій могло рантировать его отъ притязаній администраціи. Интересенъ также раззъ свидѣтеля Венцковскаго о депутаціи, отправленной отъ общественхъ организацій къ предсѣдателю совѣта министровъ гр. Витте, который

принялъ ее очень радушно, долго бесѣдовалъ съ нею на общія тем
неоднократно высказывалъ о необходимости для него поддержки об
ственныхъ организацій. Далѣе свидѣтель сообщилъ любопытныя свѣд
объ отношеніи къ совѣту рабочихъ депутатовъ союза инженеровъ. Бо
шинство послѣдняго относилось къ совѣту съ большимъ уваженіемъ
принимало дѣятельное участіе въ поддержаніи октябрьской политич
забастовки. Между отдѣльными заводскими организаціями и совѣтомъ бы
устроенъ опредѣленный порядокъ взаимоотношеній. Всякій вопросъ, в
никшій на заводѣ, разсматривался въ совѣтѣ, опредѣленіе котораго п
давалось на заводъ и тамъ обсуждалось подробно. Рѣшеніе возвраща
въ совѣтъ, гдѣ и получало окончательную санкцію. Разумѣется, та
порядокъ могъ существовать лишь при безусловномъ довѣріи къ сов
отдѣльныхъ организацій. Какъ относятся къ прошлой дѣятельности
вѣта рабочія организаціи и въ настоящее время, доказывается под
предсѣдателю суда заявленія отъ 1,600 рабочихъ обуховскаго завода,
которомъ они просятъ, чтобы ихъ судили заодно съ совѣтомъ, вы
жавшимъ общіе рабочіе интересы. По мѣрѣ дальнѣйшаго хода п
цесса, предсѣдатель суда все болѣе стѣснялъ защиту въ ея вопрос
свидѣтелямъ, въ особенности клонившихся къ разъясненію участія п
вительственныхъ агентовъ въ организаціи черносотенныхъ погромовъ.
именно къ наибольшему уясненію этого участія послужилъ докум
оглашеніе котораго на судѣ не было допущено. Защита ходатайствова
пріобщеніи къ дѣлу письма бывшаго директора департамента полиціи
пухина къ министру внутреннихъ дѣлъ и о вызовѣ его свидѣтелемъ въ
дахъ изслѣдованія погромнаго движенія и организаціи его администра
Судебная палата отклонила это ходатайство на томъ основаніи, что
зоблаченія чиновъ полиціи и должностныхъ лицъ, производимыя пись
Лопухина, не могутъ вліять на мѣру отвѣтственности подсуди
Вслѣдствіе этого отказа и защита и подсудимые отказались отъ даль
шаго участія въ дѣлѣ; защитники демонстративно покинули залу зас
нія, подсудимые просили, во избѣжаніе насилія надъ ихъ волею, т
увезти ихъ изъ залы суда, а тѣ изъ нихъ, которые находились на с
бодѣ, потребовали возвращенія залоговъ и заключенія ихъ подъ стр
Палата согласилась съ этимъ, и подсудимые были удалены, а дѣло про
жало слушаться безъ нихъ. Передъ уходомъ присяжный повѣренный Г
зенбергъ отъ имени всѣхъ защитниковъ, а Хрусталевъ отъ имени по
димыхъ высказали мотивы, заставившіе ихъ отказаться отъ дальнѣй
участія въ дѣлѣ. Подсудимые пришли сюда,—сказалъ Грузенбергъ,
одной цѣлью раскрыть правду того дѣла, которому они служили. Мы
дали, что намъ дадутъ возможность выяснить правду, но съ самаго
чала встрѣтились съ рядомъ отказовъ: намъ отказали въ вызовѣ гр
Витте, министровъ Редигера и Бирилева, бывшаго градоначальника
дюлина, тогда какъ вызывали другихъ свидѣтелей. Мы хотѣли пока
что совѣтъ не былъ самозваннымъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ под

ныхъ долженъ былъ явиться весь петербургскій пролетаріатъ. Намъ не дали этого сдѣлать. Участіе правительственныхъ властей въ организаціи погромовъ и убійствъ—вотъ коренной вопросъ настоящаго дѣла. Совѣтъ организовалъ народныя массы самозащиты; для доказательства этого мы представили неопровержимый документъ — письмо одного представителя власти къ другому и просили вызвать въ качествѣ свидѣтеля автора этого письма. Намъ отказали. Теперь мы въ правѣ сказать, что поставлены въ невозможность продолжать свою работу по этому дѣлу. Поэтому защита находитъ, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ одного изъ крупнѣйшихъ этаповъ освободительнаго движенія, въ рамкахъ настоящаго судебнаго разбирательства не можетъ получить освѣщенія, требуемаго общественными интересами, и по соглашенію со своими подзащитными, считаетъ своимъ профессіональнымъ и гражданскимъ долгомъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ. Хрусталевъ дополнилъ: мы явились сюда для того, чтобы выяснить не только настроеніе и дѣятельность совѣта, но и отношеніе къ нему правительства; этого сдѣлать намъ не даютъ, поэтому мы не можемъ принимать участія въ такомъ судѣ и просимъ позволенія намъ удалиться. Въ заключительной рѣчи товарищъ прокурора Бальцъ заявилъ, что онъ вовсе отбрасываетъ критическую оцѣнку политической дѣятельности совѣта. Если бы судъ пришелъ къ заключенію, что въ дѣлѣ нѣтъ состава преступленія, то приговоръ долженъ бы быть оправдательнымъ независимо отъ сочувствія или несочувствія политической дѣятельности совѣта. Преступность совѣта доказывается тѣмъ, что онъ стремился къ ниспроверженію существующаго строя и держался программы такихъ партій, въ тактикѣ которыхъ было вооруженное возстаніе. Но совѣтъ имѣлъ цѣлью пропаганду вооруженнаго возстанія, а не его техническую подготовку. Отъ обвиненія нѣкоторыхъ подсудимыхъ прокуроръ отказался, закончивъ свою рѣчь словами: «Въ водоворотѣ политической жизни... совѣтъ рабочихъ депутатовъ вторгся своею дѣятельностью въ такое русло, входъ въ которое загражденъ закономъ; но онъ дѣйствовалъ въ такое время, когда въ силу событій сдвинулись со своихъ мѣстъ всѣ составныя части государственнаго механизма и не успѣли еще освоиться и укрѣпиться на тѣхъ новыхъ устояхъ, которымъ суждено въ будущемъ регулировать дальнѣйшее теченіе русской жизни». Были потомъ слухи, будто бы за свое слишкомъ безпристрастное отношеніе къ этому дѣлу г. Бальцъ получилъ предложеніе свыше подать въ отставку. По обвиненію членовъ совѣта судебная палата постановила слѣдующій приговоръ: пятнадцать человѣкъ: Хрусталевъ-Носарь, Бронштейнъ (Троцкій), Сверчковъ, Злыдневъ, Сборовскій, Клуніанцъ, Авксентьевъ, Нѣмцовъ, Киселевичъ, Фейгъ, Рейнштейнъ, Голынскій, Комаръ, Шанявскій и Симановскій приговорены къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе; двое—Стоговъ и Шевченко къ заключенію въ крѣпость, первый на полтора года, второй—на восемь мѣсяцевъ; остальные оправданы. Для всякаго, конечно, ясно,—надо думать и для самого правительства,—что эти семнадцать

лицъ явились не отвѣтчиками за свои личныя дѣйствія, а искупите-
ными жертвами за историческій ходъ событій, въ которомъ участвов
сотни тысячъ, если не милліоны людей; что большое общественное я
ніе, подлежавшее суду исторіи, искусственно включено было въ ра
формальнаго суда надъ двумя десятками людей. Правительство пока
ихъ; пятнадцать доблестныхъ радѣтелей о народныхъ интересахъ у
чили собою массу людей, изъятыхъ,—будемъ надѣяться ненадолго,—
рядовъ общественныхъ дѣятелей; но очевидно, что эта кара попала не въ
противъ чего она была направлена; на то движеніе, представителями
тораго были эти люди, преслѣдованіе ихъ не могло имѣть никакого в
нія; объектъ дѣйствія былъ слишкомъ несоразмѣрно великъ для дѣйст
ющей силы; и если въ общественномъ движеніи, скорѣе можно сказа
символизированномъ, чѣмъ адекватно выраженномъ дѣятельностью сов
рабочихъ депутатовъ, произошли какія-либо измѣненія, то они совер
лись въ зависимости отъ причинъ гораздо болѣе общаго характера. Е
ли поэтому возбужденіемъ этого процесса правительство достигло ка
либо желательной для него цѣли, тѣмъ болѣе, что косвеннымъ посл
ствіемъ его, несмотря на все стараніе исключить и замолчать все ком
метирующее, явились разоблаченія еще болѣе ужасныя, чѣмъ въ с
время были высказанныя въ Государственной Думѣ кн. Урусовымъ. Пис
Лопухина не было оглашено въ судѣ; но оно появилось въ иностран
газетахъ, выдержки и перепечатки изъ которыхъ очень скоро были
произведены и въ русскихъ. Оно было написано еще 14 іюня, вс
послѣ того, какъ въ Думѣ разбирался погромный вопросъ. Изъ газет
отчетовъ,—пишетъ Лопухинъ Столыпину,—я не могъ не убѣдиться,
въ матеріалѣ, доставленномъ вамъ для составленія объясненій, обс
тельства дѣла были совершенно извращены. Это и побудило его дове
до свѣдѣнія премьеръ-министра результаты изслѣдованія, произведен
имъ, Лопухинымъ, по порученію графа Витте. Этимъ изслѣдованіемъ б
подтверждено, что вскорѣ послѣ 17 октября 1905 г. завѣдующій полити
ской частью департамента полиціи чиновникъ особыхъ порученій при
нистерствѣ внутреннихъ дѣлъ Рачковскій предпринялъ изданіе реакц
ныхъ воззваній, которыя печатались жандармскими офицерами въ по
щеніи губернскаго жандармскаго управленія, на станкѣ, отобранномъ
революціонеровъ. Въ одномъ изъ такихъ воззваній, которыхъ было
сколько, обращенномъ къ рабочимъ, говорилось, что ихъ руководи
расхищаютъ деньги, собранныя на политическую борьбу. Затѣмъ, ста
былъ замѣненъ усовершенствованной ручной машиной, поставленной
секретномъ отдѣленіи департамента полиціи и находившейся въ завѣ
ваніи ротмистра Комиссарова. На ней было напечатано нѣсколько
званій, въ которыхъ доказывалось, что виновниками революціоннаго
женія являются преимущественно инородцы, особенно евреи, къ бор
съ которыми воззванія и возбуждали. Одно такое воззваніе было о
щено даже къ солдатамъ. Каждое воззваніе отпечатывалось въ тыс

экземпляровъ. Воззваніе къ солдатамъ было послано въ Вильно съ чиновникомъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Шкотомъ и имѣло успѣхъ, такъ что его потребовали еще. Оно же было послано въ Курскъ врачу Михайлову, состоявшему тамъ по приглашенію Рачковскаго на службѣ департамента по вольному найму. Эти и другія провокаціонныя воззванія, издаваемыя департаментомъ, распространялись въ Петербургѣ черезъ доктора Дубровина и состоящій подъ его предсѣдательствомъ «союзъ русскаго народа», а въ Москвѣ черезъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей* Грингмута, въ другихъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ. Графъ Витте вызвалъ Комиссарова, который всѣ эти свѣдѣнія подтвердилъ и ему, и Лопухину, дополнивъ, что образцы воззваній представлялись директору департамента Вуичу и только послѣ его отмѣтки отдавались въ наборъ. Эта дѣятельность департамента была прекращена по настойчивому требованію графа Витте, но станокъ былъ перенесенъ на квартиру Комиссарова. Затѣмъ въ письмѣ указывается на невѣрность свѣдѣній, доставленныхъ премьеръ-министру Столыпину. Отъ него было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ, распространялись въ Александровскѣ (Екат. губ.) и послѣ прекращенія тамъ безпорядковъ, т.-е. послѣ 14 декабря 1905 г.; отъ него было скрыто и то, что Рачковскій завѣдывалъ политической частью департамента до 20 чиселъ апрѣля и, послѣ снятія съ него этой обязанности, продолжалъ по письменному приказанію начальства завѣдывать всѣми охранными отдѣленіями и давать направленіе всѣмъ дѣламъ департамента, которыя онъ сочтетъ нужнымъ взять въ свое вѣдѣніе, используя вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи; невѣрно сообщено было и то, что ротмистръ Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ для внушенія не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхѣ его пропаганды въ Александровскѣ, а позже, только вслѣдствіе настояній графа Витте, также какъ и телеграммы о предупрежденіи погромовъ посылались не тотчасъ по полученіи свѣдѣній объ ихъ подготовкѣ, а тоже послѣ и только по требованію Витте. Въ заключеніе Лопухинъ высказываетъ свой взглядъ на отношенія властей, установившіяся подъ вліяніемъ положенія объ охранѣ: власть министра внутреннихъ дѣлъ совершенно безсильна; не полиція и жандармерія находятся у него въ рукахъ, а онъ находится въ рукахъ у представителей этихъ учрежденій. Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ и продолжительностью его примѣненія. Все примѣненіе этого положенія основано на свѣдѣніяхъ полиціи и жандармеріи, не имѣющихъ надъ собой никакого контроля на мѣстахъ и не подчиняющихся контролю центральныхъ учрежденій. Вслѣдствіе этого отдѣльные чиновники полиціи и жандармскіе офицеры считаютъ себя въ правѣ вести свою самостоятельную политику, а министерство вынуждено имѣть дѣло съ явной ложью или съ умышленной неполнотой доставляемыхъ ему свѣдѣній. Такимъ образомъ, письмо Лопухина не только подтверждаетъ факты, указанные съ Думской трибуны княземъ Урусовымъ,

но и еще болѣе широко и ясно рисуетъ картину двойного правительства, существующаго въ Россіи, причемъ неофиціальное правительство на дѣлѣ оказывается гораздо сильнѣе офиціальнаго. Что это соотношеніе, повидимому, осталось и въ настоящее время, доказывается тѣмъ, что явное правительство, т.-е. министерство Столыпина съ 14 іюня, когда послѣднимъ получено было письмо Лопухина, не приняло никакихъ мѣръ къ разслѣдованію дѣйствій чиновъ полиціи и къ наказанію виновныхъ. Ясно, что эти дѣйствія и основаны прежде всего на убѣжденіи въ полной ихъ безнаказанности, что подтверждаетъ и Лопухинъ, говоря объ «откровенности» ротмистра Будаговскаго, которая «объясняется только увѣренностью его въ поддержкѣ начальства». Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что если, давая свои объясненія въ Думѣ 8 іюня, Столыпинъ не былъ достаточно освѣдомленъ о положеніи дѣла, то никакихъ дополнительныхъ объясненій имъ не было дано Думѣ и послѣ 14 іюня, хотя Дума существовала еще три недѣли и хотя письмо Лопухина давало самыя обстоятельныя освѣдомленія. Письмо это было замолчано и тогда, и теперь мы видимъ, что его стараются замолчать во время процесса совѣта рабочихъ депутатовъ. Очевидно, явное правительство министерства Столыпина, съ одной стороны, не желаетъ признать своей солидарности съ ротмистрами Будаговскими и К°, а съ другой—не имѣетъ ни смѣлости, ни силы для энергическаго противодѣйствія имъ и поддерживающему ихъ закулисному правительству. Впрочемъ, за послѣднее время взгляды на погромы агентовъ и явнаго и тайнаго правительства настолько, повидимому, сблизились, что трудно сказать, гдѣ кончаются одни, гдѣ начинаются другіе. Откровенность ротмистра Будаговскаго или ротмистра Комиссарова, говорившаго объ устройствѣ погромовъ на 10 и на 10 тысячъ человѣкъ, превзойдена, напр., откровенностью подполковника Верховскаго, начальника карательной экспедиціи въ гор. Рѣжицѣ (Витебской губ.). Вызвавъ къ себѣ мѣстнаго раввина, онъ сказалъ ему: «полиція довела до моего свѣдѣнія, что евреи собираются 17 октября устроить демонстрацію съ красными тряпицами. Предупреждаю васъ, что я оцѣплю ихъ своими драгунами и ни одного живого не выпущу и повторю вамъ исторію Сѣдлеца и Бѣлостока въ десять разъ больше, такъ что десятому закажутъ. Я человѣкъ рѣшительный и не остановлюсь ни передъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ даны самыя широкія полномочія. Въ десять-пятнадцать минутъ можетъ быть триста убитыхъ... Я не буду разбирать, кто правъ, кто виноватъ; вообще я не сторонникъ гуманныхъ судовъ: попался, тутъ же пристрѣлю и конецъ». Затѣмъ, говоря съ еврейской депутаціей по поводу бывшей незадолго передъ тѣмъ драки между нѣсколькими молодыми евреями и старовѣрами, тотъ же подполковникъ Верховскій заявилъ: «если евреи не выдадутъ буяновъ, то старовѣры сами учинятъ погромъ и я не сумѣю васъ защитить и удержать своихъ солдатъ (это говоритъ военный начальникъ!). Если черезъ два дня не выдадутъ буяновъ, я назначу разъѣздъ драгунъ по городу, а до этого разложу содержателей магазиновъ, что

было буйство, и всыплю имъ нагайками. Нагайка скажетъ правду. На-дняхъ подъ нагайками умеръ крестьянинъ и мои драгуны получили благодарность». Это все говоритъ русскимъ гражданамъ не предводитель татарскаго отряда въ XIII вѣкѣ, а представитель русской правительственной власти въ XX. Погромъ дѣйствительно сталъ нормальнымъ явленiемъ русской жизни, которая вся превратилась въ сплошной, громадный погромъ. Вотъ какую статистику приводитъ газета *Страна* за годъ 17 октября 1905—17 октября 1906. За этотъ годъ русской «свободы» убито и ранено въ Россiи по политическимъ причинамъ—16,992 человѣка, въ томъ числѣ убито 7,331 чел. Изъ этого числа на обывателей падаетъ 13,381 жертвъ, а на представителей власти 3,611 человѣкъ. Обыватели гибли такимъ образомъ: повѣшено—215, разстрѣляно по «обыкновенному» военному суду—341, по суду военно-полевому (за полтора мѣсяца)—221 чел., убито карательными отрядами—741, а остальные убиты солдатами, казаками, городовыми, хулиганами, экспропрiаторами и т. п. Изъ представителей исполнительной власти больше всего пострадали солдаты и казаки—750, затѣмъ городовые и стражники—452, пристава, околоточные и урядники — 226, чиновники—123, офицеры—109, жандармы и агенты тайной охраны—96, генералъ-губернаторы и высшiе представители власти—81, исправники и полицеймейстеры—60, губернаторы и высшiя жандармскiя власти—33. Грабежей почтъ, кассъ, винныхъ лавокъ, вообще казенныхъ учрежденiй было 940, грабежей у частныхъ лицъ—983. Сумма ограбленнаго, считая лишь то, что извѣстно, равняется 6.871,369 руб. Аграрныхъ безпорядковъ было 1,629, поджоговъ селенiй и имѣнiй, считая и поджоги, совершонные карательными отрядами — 228. Арестовано тайныхъ типографiй и складовъ нелегальной литературы—183, складовъ оружiя, патроновъ и взрывчатыхъ веществъ—118 (въ числѣ оружiя были даже пулеметы). Людей арестовано по приблизительному подсчету 23,741 чел., въ томъ числѣ относительно очень много бывшихъ депутатовъ, именно 23 чел.». *Страна* приводитъ и ихъ имена (по 17 октября). Свящ. Аѳанасьевъ, Бибиковъ, Витковскiй, Враговъ, Волковъ, Дитцъ, Иваницкiй (высланъ), Кукановъ, Кутомановъ, Медвѣдевъ, Меркуловъ, Михайличенко, Недоносковъ, Окуневъ, Онипко, Притула, Рамишвили (высланъ), Сефферъ, Садыринъ, Торшинъ, Френкель, Чижевскiй и Шапошниковъ. Значительное большинство губернiй и областей Европейской и Азiатской Россiи находилось за это время на положенiи усиленной или чрезвычайной охраны или военномъ. Исключенiе составляли лишь 12 губернiй: Архангельская, Вологодская, Казанская, Костромская, Олонецкая, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская и Ярославская и Якутская область. Недавно, впрочемъ, усиленная охрана введена и въ Казанской губернiи, въ самой Казани съ пригородными слободами. Вообще всякаго рода репрессiи продолжаются безостановочно и, какъ и слѣдовало ожидать, параллельно съ ними продолжаются убiйства и грабежи. Списокъ казненныхъ военно-полевыми судами давно уже перешелъ за 300 человѣкъ и все продолжаетъ увеличиваться. 10 октября само прави-

тельство сочло нужнымъ «разъяснить» слишкомъ ретивымъ и бездер...нымъ мѣстнымъ исполнителямъ, что и военные суды должны до изв... степени сообразоваться съ установленными для нихъ правилами. ...датель совѣта министровъ обратился къ генералъ-губернаторамъ и д... главночальствующимъ съ циркуляромъ, мотивированнымъ тѣмъ, что в... которыхъ мѣстностяхъ «возникло сомнѣніе» относительно возможност... ширенія компетенціи военно-полевыхъ судовъ включеніемъ въ нее ... гихъ преступленій, кромѣ тѣхъ, для преслѣдованія которыхъ они ... спеціально предназначены. Намъ кажется, что слово «сомнѣніе» н... всѣмъ подходитъ къ данному случаю. Наши главноначальствующіе ... рѣшительные, на манеръ подполковника Верховскаго, и менѣе всег... шать излишними «сомнѣніями» относительно своихъ правъ дѣла... обывателями все, что имъ вздумается. Въ самомъ циркулярѣ указан... нарушеній мѣстными властями закона о военныхъ судахъ, нарушеній, ... извѣстно, фактически имѣвшихъ мѣсто и послѣдствіемъ которыхъ в... которыхъ случахъ были даже формально незаконныя казни; но цирк... осторожно выражается объ этихъ фактахъ, такъ, что «нѣкоторыя а... стративныя начальства полагали допустимымъ»—дѣлать то, что пр... рѣчитъ закону. Само собой разумѣется, что эти начальства, призна... допустимымъ беззаконіе, не подверглись никакому взысканію, но ... безно было разъяснено, что военно-полевому суду можно предавать ... за опредѣленныя преступленія, именно: убійство, разбой, грабежъ, ... деніе на часового или военный караулъ, вооруженное сопротивленіе ... стямъ, нападеніе на чиновъ войскъ и полиціи и вообще должнос... лицъ, и въ противозаконномъ изготовленіи, пріобрѣтеніи, хране... сбытѣ взрывчатыхъ веществъ; что военно-полевой судъ назначает... каждому отдѣльному случаю, а нельзя заранѣе объявлять цѣлыя кате... дѣлъ подлежащими этому суду; что военно-полевому суду можно пред... лишь въ случаѣ очевидности совершоннаго преступленія и, наконец... приговоры военно-полевыхъ судовъ ни въ какомъ случаѣ не под... пересмотру и вторичному перерѣшенію. Мы не думаемъ, впрочемъ, ... такое разъясненіе могло умѣрить «рѣшительность» мѣстныхъ власт... которыхъ высшая администрація и теперь можетъ также мало вліять, ... и при обстоятельствахъ, изложенныхъ въ письмѣ Лопухина. Да и пр... кихъ формальныхъ ограниченіяхъ военно-полевые суды останутся все ... же узаконеніемъ произвола, какимъ они только и могутъ быть по ... сущности. Практика ихъ, между прочимъ, выставила слѣдующее внутр... противорѣчіе: если для преданія военно-полевому суду необходима оч... ность преступленія, то эти суды не могутъ выносить оправдател... приговоровъ: всякій оправдательный приговоръ доказываетъ, что оч... ности не было, а слѣдовательно косвенно указываетъ на легкомысліе ... чальства, предавшаго суду. На дѣлѣ оправдательные приговоры бы... если они могли быть при такихъ условіяхъ, то ясно, что дѣла, пр... дящіяся въ военно-полевыхъ судахъ, вовсе не всегда такъ очевидны...

бы въ нихъ не были возможны ошибки, причемъ ошибки эти должны необходимо клониться въ сторону обвиненія. И общественная совѣсть не можетъ этого не сознавать: мы постоянно читаемъ, что такіе-то казнены за такое-то преступленіе. Но чѣмъ мы можемъ быть убѣждены, что кара постигла именно виновныхъ? Не играетъ ли иногда въ этихъ случаяхъ роль желаніе покарать кого-нибудь во что бы то ни стало? Извѣстно, что въ Китаѣ, когда иностранная дипломатія требовала наказанія какого-нибудь виновнаго въ убійствѣ или покушеніи на иностраннаго подданнаго, то случалось, что казнили перваго попавшагося, чтобы удовлетворить дипломатію. Что у насъ, иногда, могло бы произойти нѣчто подобное—въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не слыхали неоднократно отъ представителей власти: «я не буду разбирать правыхъ и виноватыхъ?» Или развѣ мы не видѣли, какъ, послѣ неизвѣстно кѣмъ сдѣланнаго выстрѣла или нападенія, происходила пальба вдоль улицъ и въ окна домовъ, причемъ убивались совершенно неповинныя женщины и дѣти? Очень часто въ моментъ какого-нибудь нападенія или покушенія охраняющія власти или отсутствуютъ, или настолько теряются, что виновные успѣваютъ скрыться; а потомъ происходятъ обыски, аресты, преданіе военно-полевому суду и казнь людей, виновность которыхъ, конечно, уже не можетъ быть очевидна. Вотъ, наприм., какъ описывается (*Русск. Вѣдом.*) поразившее всѣхъ своей необычайной смѣлостью ограбленіе помощника казначея портовой таможни, везшаго въ каретѣ свыше 600 тысячъ руб. въ губернское казначейство. 14 октября въ 12 час. дня, когда карета эта проѣзжала по Екатерининскому каналу, въ нее былъ брошенъ снарядъ, которымъ были ранены обѣ лошади. Казначей и досмотрщики, бывшіе въ каретѣ, выскочили изъ нея. Нападавшіе стали стрѣлять изъ револьверовъ и бросили еще бомбу, затѣмъ захватили пакетъ съ деньгами, какъ сосчитано потомъ 398,772 руб., вбѣжали въ ресторанъ и передали ихъ бывшей тутъ женщинѣ, которая скрылась. Жандармы открыли безпорядочную пальбу по набережной; пули попадали въ дома. Раздался третій взрывъ. Мостовая и набережная покрылись осколками стеколъ. Камни мостовой были выворочены. Жандармы безъ шапокъ мчались по улицѣ, не зная кого арестовывать. Раздался четвертый взрывъ. Прибыли конные и пѣшіе городовые и рота стрѣлковаго полка. Паника еще усилилась. Гвардеецъ бросился за кѣмъ-то и закололъ его штыкомъ; другой солдатъ сталъ преслѣдовать неизвѣстнаго, который самъ застрѣлился. Двое были задержаны. Таковъ разсказъ, передающій первое впечатлѣніе и рисующій картину совершенной путаницы и растерянности. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ дней было арестовано 11 человѣкъ, хотя общее число участниковъ ограбленія было, говорятъ, свыше 100 человѣкъ. 16 октября происходилъ военно-полевой судъ. Дѣло о трехъ подсудимыхъ вслѣдствіе недостаточной очевидности ихъ участія было выдѣлено и передано въ военно-окружной судъ, а восемь человѣкъ приговорены къ смертной казни, которая въ ту же ночь и была надъ ними исполнена. По сдѣ-

лавшимся впослѣдствіи извѣстнымъ даннымъ, собраннымъ охраннымъ о
дѣленіемъ, производившимъ слѣдствіе, нападеніемъ распоряжался од
главарь, назвавшійся Сергѣемъ и личность котораго осталась неопозн
ной. Другимъ подсудимымъ планъ дѣйствій и имена руководителей бы
неизвѣстны; своихъ именъ они тоже не называли, хотя и не отриц
что они принадлежатъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и ч
деньги были экспропріированы для цѣлей революціи. Имена подсудим
кромѣ Сергѣя, были удостовѣрены, но деньги такъ и не были найд
и, по слухамъ, увезены были за границу. Происшествіе это произв
большую сенсацію, показавши возможность, несмотря на всѣ охран
мѣры, совершить ограбленіе большой суммы среди бѣлаго дня въ цент
Петербурга. 26 октября совершена еще болѣе крупная «экспропріаці
(по первымъ извѣстіямъ до милліона рублей) на станціи Рогово Варша
Вѣнской жел. дор., причемъ убито и ранено около 15 человѣкъ охран
шихъ солдатъ. Болѣе мелкіе случаи такого рода въ мѣстностяхъ не
охраняемыхъ повторяются почти ежедневно. Не прекращаются и разн
другіе безпорядки, такъ что репрессивныя мѣры правительства, несмот
на то, что ими терроризированы и придавлены всѣ проявленія живы
силъ страны, всетаки не могутъ достичь даже внѣшняго успокоен
Правда, ожидавшихся нѣкоторыми безпорядковъ во время призыва но
бранцевъ не было за исключеніемъ незначительныхъ случаевъ. Но нен
мальность хода нашей жизни выражается не столько въ отдѣльныхъ с
чаяхъ, сколько въ крайней трудности, почти невозможности напра
многія совершенно необходимыя общественныя функціи въ ихъ естеств
ное русло. Яснѣе всего на эту ненормальность указываютъ тѣ затруд
нія, съ которыми приходится бороться нашимъ высшимъ учебнымъ за
деніямъ, постоянно наталкивающимся въ своихъ стремленіяхъ стать сво
на правильный путь то на Сциллу внѣшняго административнаго вмѣ
тельства, то на Харибду внутренней неурядицы. Въ началѣ нынѣшня
учебнаго года были нѣкоторыя основанія надѣяться, что жизнь унив
ситета, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ лѣтъ, пойдетъ, наконецъ, мирн
поставивъ прежде всего своею цѣлью науку, но и не лишая студент
возможности принимать духовное участіе въ общей политической жиз
страны. Эти основанія состояли, во-первыхъ, въ пріобрѣтенной унив
ситетами автономіи, въ извѣстной мѣрѣ ограждавшей ихъ отъ давлен
администраціи; во-вторыхъ, въ несомнѣнномъ желаніи значительн
большинства студентовъ серьезно приступить къ научнымъ занятія
желаніи тѣмъ болѣе естественномъ, что, съ одной стороны, неопредѣл
ное положеніе университетовъ очень тяжело отражалось на матеріальн
и моральномъ положеніи студентовъ, съ другой—студенты въ настоя
время уже не могутъ считать себя исключительными борцами за осво
дительное движеніе, которое перешло въ болѣе широкія сферы. И снач
дѣло пошло какъ будто совсѣмъ мирно и гладко. Въ Московскомъ унив
ситетѣ собралось до 8,377 студентовъ и вольнослушателей, въ ка

вольнослушательницъ было сверхъ того допущено 248 женщинъ. Лекціи и занятія усердно посѣщались. Скоро, однако, появились безпокойные признаки. Камнемъ преткновенія сдѣлался вопросъ о студенческихъ сходкахъ.

Общее правило то, что студенты имѣютъ право собираться въ университетѣ на сходки для обсужденія своихъ дѣлъ, но съ условіемъ, что на созывъ сходки каждый разъ испрашивается разрѣшеніе ректора, что сходки не должны мѣшать занятіямъ и потому могутъ собираться только въ свободныхъ помѣщеніяхъ и во внѣлекціонные часы, и что на сходкахъ не могутъ присутствовать лица, не состоящія въ числѣ студентовъ и вольнослушателей. На этой почвѣ иногда и происходили недоразумѣнія: случалось, что на сходки попадали посторонніе, случалось и то, что сходки пытались собираться въ неуказанное время, не считаясь съ вызываемымъ этимъ неудобствомъ для чтенія лекцій. Вообще, устраивая сходки, студенты постоянно проявляли стремленіе дѣйствовать независимо отъ университетскаго начальства: ректора и совѣта. Представителемъ этого стремленія является по преимуществу такъ называемый центральный университетскій органъ, т.-е. группа студентовъ, хотя и не имѣющая формальныхъ полномочій отъ всѣхъ, или отъ большинства студентовъ, но фактически взявшая въ свои руки направленіе студенческихъ общественныхъ дѣлъ и которой большинство повиновалось отчасти вслѣдствіе сознательной солидарности съ нею, отчасти болѣе или менѣе пассивно. Въ этой группѣ господствовала та основная мысль, что, не отрицая научныхъ занятій, какъ первой цѣли университета, необходимо, въ виду общей потребности времени, воспользоваться университетомъ и его автономіей для политической пропаганды. Естественно, что подобные взгляды и стремленія, а главное возможность ихъ фактическаго проведенія въ стѣнахъ университета, внѣ прямого контроля и вліянія администраціи, казались для послѣдней совершенно не гармонирующимъ съ общимъ положеніемъ вещей. И дѣйствительно, автономный университетъ, со своей относительной свободой, являлся какимъ-то исключеніемъ, какимъ-то маленькимъ островкомъ, со всѣхъ сторонъ заливаемымъ волнами административнаго произвола. Поэтому совершенно естественно, что администрація не могла спокойно относиться къ тому, что дѣлалось внутри университета. Сначала она установила надъ нимъ негласный надзоръ, потомъ выступила съ попыткой явнаго вмѣшательства. 1 октября ректоръ московскаго университета доложилъ экстренному засѣданію совѣта, что въ послѣднее время московская администрація обратила особое вниманіе на университетъ, интересуясь даже внутренними его дѣлами, не имѣющими никакого отношенія къ политикѣ. Нѣсколько разъ московскій градоначальникъ запрашивалъ о предположенныхъ сходкахъ и рефератахъ и, получивъ отвѣтъ отъ ректора, не выражалъ намѣренія принять какія-либо мѣры. Но 29 сентября получено было отношеніе градоначальника, въ которомъ сообщалось, что московскій генералъ-губернаторъ предложилъ ему объявить ректору, что никакія лекціи и собранія, не имѣющія прямого отношенія къ учебнымъ занятіямъ, не разрѣшаются имъ въ стѣнахъ уни-

верситета, къ исполненію чего онъ проситъ принять надлежащія мѣ
Немедленно переговорить съ генералъ-губернаторомъ не удалось и, по
вліяніемъ настойчивыхъ требованій полиціи, грозившей вмѣшательство
ректоръ принужденъ былъ объяснить студентамъ, что разрѣшенная
лекція не можетъ состояться; студенты разошлись. При личномъ объясн
ректора съ генералъ-губернаторомъ, послѣдній высказалъ, что онъ ни
какомъ случаѣ не можетъ допустить въ университетѣ собраній, на ко
рыхъ произносились бы революціонныя рѣчи и дѣлались сборы съ ре
люціонными цѣлями, что онъ согласенъ допустить собранія лишь то
если ректоръ поручится, что на нихъ не будетъ ничего противозаконн
что необходимо записывать фамиліи устроителей и исключать ихъ изъ у
верситета, если произойдетъ что-нибудь недозволенное. Во избѣжаніе
доразумѣній всѣ студенческія собранія, назначенныя на 30 сентября и с
дующіе дни, были отмѣнены. 1 октября градоначальникъ доставилъ рект
отношеніе, въ которомъ изложенъ былъ его взглядъ на студенческія с
бранія. Къ выше сказанному въ немъ дополнено, что устроители сход
на которой произойдетъ что-либо недозволенное, будутъ привлекаться
отвѣтственности или на основаніи правилъ о публичныхъ собраніяхъ,
на основаніи положенія объ охранѣ. Требуется, чтобы и университетс
начальство принимало свои мѣры и, въ случаѣ надобности, обращалось
за содѣйствіемъ къ администраціи, въ противномъ случаѣ отвѣтственно
возлагается на профессорскій совѣтъ, съ примѣненіемъ къ нему тоже
ложенія объ охранѣ. Къ сказанному градоначальникъ прибавилъ, что въ
неприличнаго поведенія нѣкоторыхъ лицъ изъ толпы, выходившей 30 сент
изъ университета, имъ приказано впредь наряжать къ зданію универси
разъѣзды конной полиціи. Въ заключеніе своего доклада совѣту рект
заявилъ, что при такихъ условіяхъ ни онъ, ни помощникъ ректора
находятъ возможнымъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Уч
ныя занятія въ университетѣ идутъ успѣшно, ничего угрожающаго об
ственной безопасности тамъ не произошло. И если администрація зна
все, что тамъ дѣлается, и даже вывѣсила объявленія о томъ, что она б
детъ принимать свои мѣры противъ собраній въ университетѣ, то зач
же еще брать изъ студентовъ заложниковъ, а профессорамъ поручать и
полненіе задачъ, лежащихъ на общей полиціи. Такія дѣйствія администра
составляютъ несомнѣнно вторженіе въ свободу дѣйствій автономнаго у
верситета. Совѣтъ опредѣлилъ: пріостановить до 6 октября занятія
университетѣ, о чемъ и объявить студентамъ и послать въ Петербу
депутацію изъ ректора и двухъ членовъ совѣта Д. Н. Зернова и кн. Е.
Трубецкого, уполномочивъ ее представить министру народнаго просвѣще
и предсѣдателю совѣта министровъ подробное изложеніе происшедшаго
университетѣ, выяснивъ невозможность дальнѣйшаго его функциониров
въ условіяхъ, созданныхъ московской администраціей. Закрытіе универ
тета не вызвало никакихъ волненій. Депутація была у обоихъ министр
причемъ выяснилось, что они различно смотрятъ на происшедшій инц

дентъ: въ то время какъ министръ народнаго просвѣщенія безусловно отрицалъ за администраціей право самостоятельно и безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, министромъ, вмѣшиваться въ дѣла университета, между тѣмъ какъ московскій градоначальникъ даже не увѣдомилъ министерство народнаго просвѣщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, считалъ дѣйствія градоначальника правильными, такъ какъ онъ долженъ былъ руководствоваться особыми указаніями министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ правительство сдѣлало нѣкоторыя уступки формальнаго характера и подтвердило въ принципѣ автономныя права университета, такъ что вернувшаяся депутація могла доложить совѣту университета, что ей удалось сохранить за послѣднимъ его права, въ число которыхъ входитъ и право студентовъ устраивать собранія съ разрѣшенія ректора, безъ участія постороннихъ лицъ и съ тѣмъ, чтобы эти собранія не превращались въ политическіе митинги или конспираціонныя совѣщанія. Конную полицію рѣшено удалить отъ университета и наблюденіе за правильнымъ ходомъ учебной жизни оставлено за университетскимъ начальствомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нарушенъ попытками использовать университетскія собранія въ революціонныхъ цѣляхъ, которыя неизбѣжно вызовутъ вмѣшательство администраціи. Такимъ образомъ между университетомъ и администраціей было заключено перемиріе, прочность котораго въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ дальнѣйшаго образа дѣйствій студенчества. На этомъ основаніи 6 октября университетъ былъ снова открытъ. Во время всего этого инцидента совѣтъ и вообще профессорская коллегія дѣйствовали согласно съ желаніями студентовъ, и послѣдніе въ свою очередь не ставили препятствій мирному разрѣшенію конфликта. Но вскорѣ оказалось, что единеніе между студентами и профессорами далеко не прочно. Поводомъ къ столкновенію послужило постановленіе бывшей 16 октября общестуденческой сходки объ устройствѣ, въ видѣ траура по погибшимъ борцамъ за освобожденіе, трехдневной забастовки 18, 19 и 20 октября, съ тѣмъ, чтобы никакихъ демонстрацій при этомъ не дѣлать, но устроить въ эти дни въ университетѣ собранія съ участіемъ на нихъ исключительно только студентовъ. Кромѣ этого постановленія, сходка, на которой присутствовало меньше тысячи человѣкъ, занялась обсужденіемъ организаціонныхъ вопросовъ. Дебаты велись между студенческими фракціями, принадлежащими къ политическимъ партіямъ конституціонно-демократической и обѣимъ соціалистическимъ. Представители первой отрицали значеніе общихъ сходокъ и требовали созданія путемъ правильныхъ выборовъ учрежденія, руководящаго университетскими дѣлами. Представители соціалистическихъ партій ояли за компетенцію общихъ сходокъ. Большинство согласилось съ поѣднимъ мнѣніемъ, но, сохранивъ центральный органъ, который долженъ йствовать въ предѣлахъ указаній общей сходки и подъ ея контролемъ, формировать его путемъ переизбранія его членовъ отъ курсовъ на наıахъ пропорціональности политическихъ партій. Немедленно же ректоръ чучилъ запросъ отъ градоначальника по поводу этой сходки и ея по-

становленія о забастовкѣ. Сходки на 18, 19 и 20 октября не были
рѣшены. Отдѣльная сходка студентовъ конституціонно-демократи
фракціи не признала постановленія о забастовкѣ для себя обязатель
18 октября студенты стали собираться къ началу лекцій, но многіе
дили, прочитавъ вывѣшенное объявленіе центральнаго органа о забас
Изъ оставшихся, одни выражали желаніе слушать лекціи, другіе—пы
этому воспрепятствовать шумомъ и криками. Въ нѣкоторыхъ аудито
дѣло доходило до насильственнаго выталкиванія однихъ студентовъ
гими. На чьей сторонѣ было сочувствіе большинства—опредѣлить т
такъ какъ обструкцію можетъ произвести, конечно, и сравнитель
большая кучка. Какъ бы то ни было, одна только лекція профессора
пера, несмотря на попытки обструкціи, могла быть благополучно до
до конца; въ другихъ аудиторіяхъ почти всюду пришлось прекратить ле
а въ нѣкоторыхъ онѣ и не начинались. Увѣщанія ректора и его по
ника не помогли, и тогда студентамъ предложено было оставить з
университета, входы въ который были немедленно заперты, а на вход
дверяхъ было вывѣшено объявленіе за подписью ректора, которымъ
верситетъ закрывался до 30 октября, въ виду происшедшаго 18 ок
нарушенія порядка. Это распоряженіе для большинства студентовъ яв
совершенной неожиданностью и произвело крайне тяжелое впечат
Центральный органъ предложилъ ректору отмѣнить свое постановле
открыть университетъ съ 23 октября. Администрація немедленно ус
полицейскій надзоръ возлѣ университета и прислала къ нему конные
ѣзды. Никакихъ столкновеній студентовъ съ полиціей однако не восл
довало, равно какъ не произошло никакихъ «студенческихъ безпоряд
и внѣ университета. Но университетскія происшествія имѣли косве
и весьма прискорбное отраженіе въ обществѣ и въ литературѣ. Нѣко
либеральные органы печати, наприм., *Новый Путь*, неодобритель
сказались о дѣйствіяхъ ректора и профессоровъ. *Русскія Вѣдом*
въ общемъ одобряли ихъ. Въ полемику внесъ страстность профес
князь Трубецкой, помѣстившій въ тѣхъ же *Русскихъ Вѣдомос*
укоризненную статью по адресу студентовъ, отъ нѣкоторыхъ утвержд
которой ему самому пришлось отказаться въ виду ихъ необоснован
Къ счастью, едва ли этотъ печальный инцидентъ будетъ имѣть даль
шія послѣдствія. Университетскія власти повидимому пришли къ ло
скому заключенію, что изъ требованія безпрепятственнаго занятія н
въ университетѣ едва ли можетъ вытекать его закрытіе на двѣ не
24 октября совѣтъ университета, выслушавъ докладъ ректора и закл
совѣтской коммиссіи, призналъ возможнымъ возобновить учебныя за
26 октября. Начало занятій прошло вполнѣ благополучно. Ректоръ,
фессоръ Мануиловъ, началъ свою лекцію, не говоря ни слова о за
университета, а профессоръ князь Трубецкой передъ началомъ лекціи
сказалъ, что его осужденіе рѣшенія общей сходки произошло по не
зумѣнію, такъ какъ онъ не зналъ, что общая сходка не постановляла

обструкціи. 28 октября состоялась общая сходка, на которой было болѣе 2,000 человѣкъ. Сущность ея постановленія та, что свобода слова и собраній — явочнымъ порядкомъ и безъ всякаго контроля — есть минимумъ, необходимый для функціонированія университета и что отсутствіе ея приведетъ къ закрытію университета самими студентами, что закрытіе университета 18 октября не вызывалось необходимостью. Тѣмъ не менѣе лекціи и занятія до сихъ поръ проходили благополучно. Но очевидно, что положеніе университета остается крайне шаткимъ и что малѣйшій непредвидѣнный случай можетъ нарушить съ такимъ трудомъ поддерживаемое равновѣсіе. Причина этого прежде всего заключается въ основномъ несоотвѣтствіи свободы слова въ университетѣ съ чрезвычайной охраной внѣ его, или, лучше сказать, въ общемъ противорѣчіи принципа свободы съ существующимъ у насъ политическимъ режимомъ. Охраняя университетъ отъ неизбѣжнаго при этомъ режимѣ вторженія внѣшней администраціи въ случаѣ проявленія въ немъ дѣйствительной свободы слова и собраній, университетскіе власти и профессора оказываются въ необходимости стѣснять эту свободу и вызывать протесты со стороны студентовъ, часто не принимающихъ въ соображеніе того, что, какъ выразился князь Трубецкой, «манежъ все еще сильнѣе университета». Что безпокойное состояніе московскаго университета обусловлено не частными и мѣстными причинами, а общими, доказывается тѣмъ, что студенческія волненія распространились и на другіе университеты. Въ Петербургскомъ университетѣ 16 октября была многолюдная сходка, на которой обсуждались обще-политическіе вопросы. Сходка происходила въ лекціонное время, что вызвало объявленіе отъ совѣта о томъ, что въ случаѣ повторенія подобныхъ нарушеній правилъ о студенческихъ собраніяхъ, совѣтъ принужденъ будетъ закрыть университетъ. Въ Казани послѣ объявленія отъ совѣта о недопустимости въ университетѣ сходокъ съ участіемъ постороннихъ лицъ, университетъ былъ закрытъ 16 октября даже раньше, чѣмъ состоялась предполагавшаяся сходка. Закрытъ также кіевскій университетъ, послѣ того какъ въ немъ, несмотря на запрещеніе губернатора и совѣта, состоялась большая общестуденческая сходка. Въ Юрьевѣ въ тѣ же дни происходили въ университетѣ сходки и устраивалась забастовка въ память борцовъ за свободу въ прошломъ году. Происходили волненія и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всюду причина одна: рѣзкое несоотвѣтствіе между ясно сознаваемою потребностью свободы и полнымъ отказомъ въ ея удовлетвореніи. Несоотвѣтствіе это, конечно, всего сильнѣе чувствуется и всего яснѣе выра...тся въ кругахъ интеллигентной молодежи. Но противорѣчіе между ясно ...наваемыми требованіями и совершенно неудовлетворительной дѣйстви...ьностью вноситъ свое разлагающее вліяніе и въ совершенно другія ...ы. Гибельные его результаты мы видимъ, напр., въ печальномъ по...еніи нашего земскаго такъ называемаго самоуправленія. Характерныя настоящаго времени явленія въ сферѣ земской дѣятельности суть, во-

первыхъ, почти полное безденежье, во-вторыхъ, усиленіе въ составѣ скихъ собраній реакціонныхъ элементовъ. То и другое дѣйствуетъ въ номъ и томъ же направленіи. Отсутствіе средствъ, обусловленное что земскіе сборы, составляющіе почти исключительный источникъ скихъ доходовъ, перестали уплачиваться какъ крупными землевладѣльцами, такъ и крестьянами, лишаетъ земство возможности не только вать свою дѣятельность въ области народнаго образованія, народной дицины и экономической, но даже и поддерживать то, что уже начато даже давно уже выполнялось имъ въ этихъ областяхъ. Такъ, изъ еще въ концѣ сентября получались вѣсти, что губернское земство дится въ безвыходномъ положеніи вслѣдствіе непоступленія земскаго изъ уѣздовъ. Приходится ликвидировать дѣятельность учрежденія губ скаго земства, но какимъ образомъ, напр., ликвидировать такое учреж ніе, какъ Бурашевская психіатрическая колонія съ 1,200 больными? обсужденія финансоваго положенія губернскаго земства на 12 сент созывалось губернское собраніе. Разрѣшеніе на него получено было министерства внутреннихъ дѣлъ лишь 10 сентября, и собраніе не ялось, такъ какъ на него успѣло прибыть меньше законнаго числа ныхъ. Ходатайство губернской управы о ссудѣ у правительства ос безъ результата. Ссуда была дана только на уплату страхового воз жденія, для чего у земства тоже не было средствъ. Такого же род дѣнія идутъ и изъ другихъ мѣстъ: въ той же Тверской губерніи, торжское уѣздное земство, до сихъ поръ особенно заботившееся о номъ образованіи и доведшее число школъ въ своемъ уѣздѣ почти до доступности первоначальнаго обученія, принуждено было закрыть по школъ вслѣдствіе невозможности содержать ихъ и платить жалованье телямъ. То же самое произошло въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской берніи, гдѣ школы переданы на попеченіе сельскихъ обществъ, а з будетъ давать только нѣкоторую субсидію, въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ занятія въ школахъ прекращены, а учителя не получаютъ жалованья во многихъ другихъ мѣстахъ. Разсуждая о томъ, какъ помочь свое желому финансовому положенію, земства не находили обыкновенно гого исхода, какъ заемъ; но заемъ при такихъ обстоятельствахъ правительства не можетъ не представлять очень большихъ затруд да если бы его и удалось заключить, то пришлось бы его уплач что совершенно невозможно, если причины недоимокъ будутъ прод дѣйствовать попрежнему. Отчасти, поскольку дѣло касается крупны млевладѣльцевъ, дѣло не представляло бы большой трудности, если въ этой сферѣ, какъ и повсюду у насъ не отсутствовало уваженіе кону и у тѣхъ, кто долженъ его исполнять, и у тѣхъ, кто долже блюдать за его исполненіемъ. Земскія недоимки собираются у на лицией, а извѣстно, что полиція, во-первыхъ, занята теперь совсѣм гимъ дѣломъ, а во-вторыхъ, что подступиться не то что къ высокопос ному лицу, а даже просто къ какому-нибудь члену союза русскаго

по нынѣшнимъ временамъ и для полиціи не всегда удобно: награды не заслужишь, а непріятность всегда можешь получить. Да и высшее правительство заботится, повидимому, не столько объ уплатѣ недоимокъ, состоящихъ за крупными плательщиками, сколько о состоящихъ за крестьянами. Министерство внутреннихъ дѣлъ разослало земскимъ управамъ, земскимъ начальникамъ и волостнымъ правленіямъ циркуляръ, въ которомъ рекомендуется убѣждать крестьянъ платить подати, такъ какъ, по мнѣнію министерства, въ неплатежѣ ихъ виноватъ не кто другой какъ революціонная пропаганда, попытки которой «склонить крестьянъ къ неплатежу податей и повинностей во многихъ случаяхъ были успѣшны». Дѣйствительно, если сознательный отказъ отъ уплаты прямыхъ податей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ земскіе сборы, едва ли составляетъ главную причину неуплаты ихъ крестьянами, такъ какъ для этого есть не мало и другихъ причинъ, важнѣйшею изъ которыхъ является для многихъ мѣстностей несомнѣнная нищета населенія; то тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что въ силу ли революціонной пропаганды, или дошедши до этого своимъ умомъ, крестьяне сознательно отказываются платить земскіе сборы, приводя для этого весьма характерные мотивы. Такъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, Сурушинское сельское общество въ приговорѣ своемъ высказало, что неплатежъ земскаго сбора «вызванъ тѣмъ, что населеніе не довѣряетъ болѣе своихъ кровныхъ денегъ дворянско-помѣщичьему земству, гдѣ интересы большинства крестьянскаго населенія представлены въ меньшинствѣ». Въ мѣстномъ крестьянствѣ высказывалась даже мысль объ организаціи чисто-крестьянскаго хозяйственнаго управленія, которому теперешнее земство передало бы въ завѣдываніе школы, больницы и т. п. Крестьяне полагали, что сами они устроили бы это все лучше, согласнѣе со своими потребностями, а главное дешевле. На частномъ собраніи, бывшемъ въ управѣ, уполномоченные отъ крестьянъ заявили также, что они будутъ платить земскій сборъ, если въ земское собраніе будутъ допущены съ правомъ рѣшающаго голоса представители всѣхъ волостей. Конечно, непосредственно-практическаго значенія подобныя заявленія не могутъ имѣть, но они указываютъ на настроеніе, существующее въ широкой средѣ крестьянства. Отголоски такого настроенія были и въ нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ. Напр., въ грязовецкомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ заявилъ, что за отстраненіемъ губернаторомъ половины избранныхъ крестьянскихъ представителей, онъ, вмѣстѣ съ другими крестьянскими гласными, не могутъ считать себя истинными представителями многотысячнаго крестьянства уѣзда и будутъ принимать участіе въ собраніи лишь въ томъ случаѣ, если собраніе обсудитъ вопросъ о полномъ преобразованіи земства съ требованіемъ немедленнаго созыва государственной Думы на основаніи всеобщаго голосованія, которая и издастъ законъ о земскихъ учрежденіяхъ. Земское собраніе постановило ходатайствовать въ этомъ смыслѣ. Такое же ходатайство о реформѣ земства на демократическихъ началахъ постановлено въ Балахнинскомъ зем-

скомъ собраніи послѣ доклада управы, въ которомъ было высказано, что главная причина неплатежа крестьянами земскихъ сборовъ состоитъ въ томъ, что крестьянское населеніе требуетъ земской реформы. Подобный же взглядъ высказываетъ въ *Правѣ* столь опытный земецъ, какъ И. И. Петрункевичъ. «Земство, — говоритъ онъ, — переживаетъ кризисъ... потому что оно пережило самого себя, что оно нуждается въ коренной реформѣ на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Крестьянская масса борется... за осуществленіе своего права, на сторонѣ котораго и справедливость, и общественная польза, и государственный интересъ». Побѣда реакціонеровъ на послѣднихъ земскихъ выборахъ можетъ только усилить и обострить эту борьбу, такъ какъ первымъ дѣломъ реакціонныхъ земскихъ собраній будетъ, конечно, сокращеніе и уничтоженіе расходовъ на народное образованіе и вообще на различнаго рода культурныя учрежденія, нужныя для народа, но возбуждающія антипатію реакціонеровъ и по существу своему и, пожалуй, еще болѣе потому, что для своего функціонированія они требуютъ участія въ земствѣ ненавистнаго реакціи третьяго элемента. Этотъ культурный третій элементъ прежде всего, конечно, исчезнетъ изъ реакціонныхъ земствъ, какъ это и произошло уже въ нѣкоторыхъ земствахъ, напр., Курской губерніи. Такія земства сдѣлаются вполнѣ бюрократически-дворянскими учрежденіями и, конечно, еще болѣе возстановятъ противъ себя крестьянство. Поэтому мы имѣли основаніе сказать, что оба явленія: и безденежье и побѣда на выборахъ реакціонныхъ партій ведутъ земство въ одномъ направленіи, къ окончательной ликвидаціи его какъ общественно-культурнаго учрежденія. Но эта ликвидація грозитъ только нынѣшнему земству, которое могло быть прогрессивнымъ явленіемъ тогда, когда прогрессивнымъ было и насажденіе культуры путемъ просвѣщеннаго деспотизма, когда либеральные дворяне могли работать на пользу народа согласно со своимъ, а не народнымъ пониманіемъ этой пользы. Теперь, когда народъ переросъ уже фазисъ этого пассивнаго воспріятія благъ культуры, и хочетъ самъ устраивать свои дѣла такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, такое земство уже не соотвѣтствуетъ требованію времени. Оно должно быть замѣнено другимъ, основаннымъ на принципѣ всенароднаго въ немъ участія. Искусственная идиллія соединенія дворянскаго состава земства съ дѣятельностью его въ смыслѣ народныхъ интересовъ, оказывается несостоятельною. Выясняется все болѣе, что народные интересы и мѣстные, какъ и общіе, должны защищаться самимъ народомъ. Но, какъ совершенно вѣрно указалъ Грязовецкій гласный, земство можетъ быть реформировано на началѣ всеобщности только Государственной Думой, организованной на томъ же началѣ. При такихъ условіяхъ земство не только будетъ выразителемъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ потребностей народа, но и будетъ служить проводникомъ и связью между Думой и народомъ, и тѣмъ самымъ дастъ большую устойчивость и общегосударственному представительству. Теперь же противорѣчіе между сознательными требованіями народа и общей дѣйствительностью приводитъ и въ земскомъ, также какъ и въ ...

итетскомъ вопросѣ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ на частныхъ примѣрахъ проявляется общая дисгармонія, къ созданію неяснаго, фальшиваго и непрочнаго положенія и къ невозможности функціонировать послѣдовательно и успѣшно. Не сознавая этого основного внутренняго противорѣчія всей нашей политической жизни, или можетъ-быть руководствуясь принципомъ après nous le déluge, нынѣшнее правительство продолжаетъ принимать всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы соединить несоединимое, чтобы, съ одной стороны, путемъ мелкихъ уступокъ отдѣльнымъ классамъ и группамъ населенія привлечь къ себѣ ихъ сочувствіе, а съ другой, путемъ исключенія оппозиціонныхъ элементовъ изъ числа участвующихъ въ выборахъ въ Государственную Думу, создать такое представительство, которое, если бы и не выражало собой дѣйствительныхъ желаній народа, то сходилось бы съ желаніями теперешняго правительства, или по крайней мѣрѣ было бы по отношенію къ нему достаточно уступчиво. Первая цѣль достигается изданіемъ нѣкоторыхъ законовъ, изданіемъ, которое и само является нарушеніемъ не только манифеста 17 октября, установляющаго, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы», но и позднѣйшихъ «основныхъ законовъ», ограничившихъ это незыблемое правило, такъ какъ и по этимъ основнымъ законамъ, безъ Думы, въ періодъ, когда она не функціонируетъ, могутъ быть издаваемы лишь совершенно неотложные законы и законодательныя распоряженія, чего объ изданныхъ за это время законахъ ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя. Самые существенные изъ нихъ, аграрные законы, установляющіе основанія и порядокъ продажи крестьянамъ казенныхъ, удѣльныхъ и алтайскихъ кабинетскихъ земель, уже были изложены нами въ послѣдней, октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Къ нимъ присоединились теперь еще два закона, имѣющіе отношеніе къ аграрному вопросу: первый изъ нихъ—Высочайшій указъ о пониженіи платежей заемщиковъ крестьянскаго банка, которымъ опредѣлено понизить, начиная со второго полугодія 1906 года, платежи какъ нынѣшнихъ, такъ и будущихъ заемщиковъ крестьянскаго банка съ 5 р. 25 к. и 5 р. 75 к. до 4 р. 50 к. въ годъ со 100 руб. ссуды при срокѣ ея въ $55^1/_2$ лѣтъ, установивъ соотвѣтственное пониженіе при другихъ срокахъ погашенія ссуды; причемъ сохраняется прежній размѣръ погашенія ссудъ и прежній же порядокъ погашенія выпущенныхъ банкомъ свидѣтельствъ. Вызываемый пониженіемъ недочетъ въ средствахъ на покрытіе обязательствъ банка опредѣленно пополнять изъ средствъ государственнаго казначейства, внося необходимый кредитъ въ государственную роспись. Мѣра эта безъ сомнѣнія улучшаетъ положеніе крестьянъ, уже ранѣе купившихъ землю черезъ крестьянскій банкъ, но для будущихъ покупщиковъ полезность ея можетъ быть учтена лишь въ зависимости отъ покупныхъ цѣнъ. Это ясно видитъ и правительство, говоря въ сопровождающемъ указъ сообщеніи, что, если бы на ряду съ уменьшеніемъ платежей послѣдовало искусственное повышеніе цѣнъ на землю, то обремененіе плательщиковъ и при указанной мѣрѣ не измѣни-

лось бы. Но именно противъ этого-то и нѣтъ никакой гарантіи, при томъ условіи, что покупка земли крестьянами будетъ совершаться и впослѣдствіи по вольнымъ цѣнамъ. Другой аграрный законъ, изданный за это время—это законъ о залогѣ надѣльныхъ земель. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: крестьянскому банку предоставляется разрѣшать крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды подъ залогъ принадлежащихъ имъ надѣльныхъ земель: 1) для уплаты за надѣлы, оставляемые крестьянами, переселяющимися на новыя земли; 2) для дополнительной приплаты за землю, покупаемую при содѣйствіи крестьянскаго банка, сверхъ получаемой изъ банка ссуды, и 3) на покрытіе расходовъ при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, при разселеніи общества на отдѣльные поселки и хутора и при раздѣлѣ обществомъ общинной земли на отрубные участки. Предметомъ залога при ссудѣ обществу можетъ служить или весь надѣлъ, или часть его, достаточная для обезпеченія ссуды, но въ послѣднемъ случаѣ эта часть должна быть отграничена къ одному мѣсту и снята на планъ. Товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды разрѣшаются подъ залогъ участковъ надѣльной земли, законно укрѣпленной въ ихъ особое владѣніе и отграниченной къ однимъ мѣстамъ въ натурѣ и на планѣ. Размѣръ ссуды не долженъ превышать 60° установленной оцѣнки. Подъ надѣльной землей товариществъ надо, вѣроятно, понимать надѣльную землю членовъ товариществъ, такъ какъ надѣльной землей крестьяне до сихъ поръ не владѣли на товарищескомъ правѣ. Смыслъ этого законодательнаго акта не такъ простъ, какъ законъ о пониженіи платежей крестьянскому банку. Съ одной стороны, онъ съ перваго взгляда представляется тоже какъ будто льготой, способствующею пріобрѣтенію средствъ для покупки земли и другихъ земельныхъ улучшеній. Но, если ближе всмотрѣться въ его сущность, то мы увидимъ, что дѣло тутъ не въ улучшеніяхъ, ибо тогда всего цѣлесообразнѣе было бы придать этому кредиту меліораціонный характеръ, а въ тенденціозномъ проведеніи давно уже излюбленной въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ мысли объ уничтоженіи общины и о водвореніи мелкой крестьянской собственности и хуторского хозяйства. Объ общинномъ владѣніи можно быть различнаго мнѣнія; вопросъ этотъ обсуждался и дебатировался въ литературѣ и въ обществѣ и до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Но едва ли можетъ быть два мнѣнія о томъ, что бюрократическое рѣшеніе его, притомъ такимъ спѣшнымъ образомъ, за три мѣсяца до созыва Государственной Думы, которая можетъ и не согласиться съ такимъ рѣшеніемъ, не имѣетъ никакого основанія и могло бы только внести совершенно лишнюю смуту въ такое серьезное дѣло, какъ установленіе земельныхъ отношеній, если бы не было большой вѣроятности, что вся эта бюрократическая затѣя такъ и останется канцелярскимъ экспериментомъ. Нельзя не замѣтить, что во всякомъ случаѣ залогъ надѣльной земли для приплаты къ ссудѣ крестьянскаго банка при покупкѣ земли есть гораздо больше льгота для продавцевъ-помѣщиковъ, чѣмъ для крестьянъ.

такъ какъ результатомъ ея несомнѣнно будетъ повышеніе земельныхъ цѣнъ; крестьяне же и банкъ такимъ путемъ вводятся въ земельную спекуляцію, могущую кончиться очень печально или для крестьянъ, если заложенные надѣлы будутъ дѣйствительно проданы при неуплатѣ полученной ссуды, или для банка, если ихъ продажа окажется невозможной. Вообще этотъ законъ имѣетъ характеръ не столько политическаго хода въ видахъ привлеченія на свою сторону населенія, сколько легкомысленнаго шага, сдѣланнаго въ угоду взглядамъ, господствующимъ во вліятельныхъ и soi disant консервативныхъ сферахъ, не сознающихъ того, что такія попытки бюрократическаго вторженія въ область важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ народа по существу своему носятъ самый революціонный характеръ. Зато двѣ другія мѣры правительства носятъ несомнѣнные признаки captationis benevolentiae. Одна изъ нихъ: Высочайшій указъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій. Содержаніе его заключается въ слѣдующемъ: 1) всѣмъ русскимъ подданнымъ (кромѣ инородцевъ) независимо отъ сословія и происхожденія предоставляются одинаковыя права государственной службы, примѣнительно къ правамъ лицъ дворянскаго сословія; 2) отмѣняется бывшее до сихъ поръ обязательнымъ исключеніе сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій изъ обществъ при поступленіи на службу, производствѣ въ чины, окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и полученіи ученыхъ степеней и званій, съ предоставленіемъ таковымъ, оставаясь въ своемъ обществѣ до добровольнаго выхода изъ него, сохранять всѣ соединенныя съ пребываніемъ въ обществѣ права и обязанности; отмѣняется и представленіе ими увольнительныхъ приговоровъ отъ обществъ при поступленіи на службу и въ учебныя заведенія; 3) разрѣшается безъ увольненія отъ сельскаго общества вступать въ другое сельское общество; 4) въ отношеніи свободы избранія мѣста жительства и полученія безсрочныхъ паспортовъ сельскіе обыватели и лица бывшихъ податныхъ сословій сравниваются съ лицами высшихъ сословій; 5) отмѣняется подушная подать и круговая порука, гдѣ онѣ еще сохранились; 6) отмѣняются спеціальныя правила о наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ за проступки, не наказуемые по уставу о наказ. нал. мир. судьями, и отдача въ видѣ наказанія въ общественные заработки; 7) отмѣняются правила, стѣсняющія семейные раздѣлы; 8) отмѣняется запрещеніе крестьянамъ, не владѣющимъ личною недвижимою собственностью, выдавать векселя; 9) предоставляется крестьянамъ, обладающимъ установленнымъ цензомъ помимо надѣльной земли, участвовать въ избраніи гласныхъ на второмъ избирательномъ съѣздѣ, сверхъ участія въ выборахъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ 10) отмѣняется утвержденіе губернаторомъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ предоставленіемъ избраннымъ отъ волостей кандидатамъ самимъ назначить изъ своей среды положенное число гласныхъ; 11) отмѣняется право земскихъ начальниковъ налагать въ административномъ порядкѣ на крестьянъ наказанія за неисполненіе ихъ распоряженій,

и 12) установляется, что уѣздные съѣзды могутъ отмѣнять приго крестьянскихъ общественныхъ сходовъ лишь въ случаяхъ несогласія съ законами, или когда они обжалованы заинтересованными лицами, тающими, что приговоромъ нарушены ихъ права. Всѣ эти положенія сомнѣнно представляютъ собою нѣкоторое улучшеніе. Тѣмъ не нельзя не пожалѣть, что они установлены не нормальнымъ поря черезъ Государственную Думу, пожалѣть не только потому, что это ятельство составляетъ еще одно лишнее нарушеніе бюрократіей пра роднаго представительства, но и по существу, такъ какъ, если бы них получили осуществленіе законопроекты о равноправности, выраб ные въ бывшей Думѣ, то въ нихъ не было бы той неполноты, огра ности, а иногда и неясности, какія есть въ изданномъ теперь за Конечно, отмѣнѣ всякихъ сословныхъ неравенствъ можно только со ствовать; но нельзя не видѣть, что нѣкоторыя изъ отмѣняемыхъ огр ченій очень несущественны, или были уже отмѣнены самой жизнью, напр., отдачи въ заработки въ видѣ наказанія. Нѣкоторыя правила, представляютъ шагъ впередъ противъ существующихъ, но ужъ очен стали отъ требованій жизни. Таковы предоставленіе крестьянамъ ныхъ правъ на земскихъ выборахъ въ качествѣ землевладѣльцевъ мѣна правъ губернатора на утвержденіе крестьянскихъ гласныхъ. другое составляетъ не болѣе, какъ возвращеніе къ порядку 1864 тогда какъ въ настоящее время въ народномъ сознаніи намѣчена болѣе радикальная реформа земскаго самоуправленія, основаніемъ ко предполагается всеобщее участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Что сается до отмѣны права земскихъ начальниковъ налагать наказанія суда и права уѣздныхъ съѣздовъ отмѣнять крестьянскіе приговор только по ихъ незаконности, то сомнительно, чтобы эти правила ос ствились на дѣлѣ, разъ что не отмѣнены сами земскіе начальники, остается въ силѣ тотъ же совершенно несообразный съ уравненіемъ сословій принципъ начальствованія членовъ одного сословія надъ дру Вѣдь составъ земскихъ начальниковъ и членовъ уѣздныхъ съѣзд измѣнился, ихъ взгляды и образъ дѣйствія остались тѣ же самыя, ихъ на старшинъ и старостъ тоже осталось въ своей силѣ; мудрено, ч они вдругъ стали примѣрами уваженія къ законности, когда вся их тейская обстановка и условія ихъ дѣятельности, начиная съ примѣра непосредственнаго начальства, губернаторовъ,—направляютъ ихъ со въ другую сторону. Очевидно, что въ этомъ уравнительномъ законѣ достаетъ именно самаго главнаго, отмѣны дворянскаго начальств надъ крестьянами, и это придаетъ ему характеръ одного изъ тѣхъ численныхъ у насъ законовъ, гдѣ слова—сами по себѣ, а дѣло—са себѣ. Остается неотмѣненнымъ и законъ объ исполненіи крестьяна туральныхъ повинностей.

Другой законъ, изданный въ развитіе высочайшаго повелѣнія, 17 апрѣля 1905 г., установляетъ правила: 1) о порядкѣ устрой щинъ послѣдователями старообрядческихъ согласій и объ ихъ —

язанностяхъ и 2) объ устройствѣ сектантовъ, отдѣлившихся отъ право-
авія. Тѣмъ и другимъ предоставляются одинаковыя права, кромѣ того,
о сектантамъ, не признающимъ духовенства, не предоставлено права ве-
нія метрическихъ книгъ, которыя для старообрядцевъ переданы въ вѣ-
ніе ихъ духовныхъ лицъ. Возможность для старообрядцевъ и сектантовъ
реждать легализированныя общины есть безспорно шагъ впередъ срав-
тельно съ ихъ ранѣе бывшимъ полубезправнымъ, или и вовсе безправ-
мъ положеніемъ. Но все это очень далеко отъ настоящей свободы со-
сти. Вся религіозная жизнь сектантовъ и теперь остается опутанною
лою сѣтью регламентаціи, предоставляющею значительный просторъ адми-
стративному усмотрѣнію. Учрежденіе общины зависитъ отъ согласія гу-
рнскаго правленія, при чемъ въ законѣ не указано, чтобы согласіе это
ло обязательно для него, если со стороны подавшихъ заявленія объ
разованіи общины будутъ выполнены указанныя въ законѣ требованія.
е болѣе произвола вносится правомъ администраціи закрыть общину не
какія-либо опредѣленныя противозаконныя дѣйствія, а просто вслѣд-
віе признанія ея вредной. Для открытія храмовъ и молитвенныхъ домовъ,
зависимо отъ легализаціи открывающей ихъ общины, требуется еще осо-
разрѣшеніе губернатора. Лица, избранныя въ наставники или распо-
дители, подлежатъ утвержденію губернатора, а лица, состоящія подъ
дствіемъ или судомъ, и вовсе не могутъ быть избраны; послѣднее указаніе
е имѣетъ большое значеніе по нынѣшнимъ временамъ, когда такъ легко
ому почтенному человѣку попасть подъ слѣдствіе или подъ судъ. Все
висить отъ того, какъ будетъ примѣняться законъ, а при царствующей
насъ общей атмосферѣ безправія, никакъ нельзя поручиться за то, что
ъ не останется мертвой буквой, или что, когда дойдетъ дѣло до прак-
ческаго его примѣненія, не послѣдуетъ какихъ-нибудь «разъясненій и
ркуляровъ», которые сведутъ его на нѣтъ. Какъ свободно правительство
льзуется «разъясненіями» для прямого измѣненія самыхъ важныхъ за-
новъ,—это мы видимъ на примѣрѣ послѣдовавшихъ этимъ временемъ
аничительныхъ толкованій избирательнаго закона. Несмотря на свои
роприятія въ пользу крестьянъ, правительство не довѣряетъ имъ и опа-
ется, что при новыхъ выборахъ крестьянское большинство выберетъ въ
сударственную Думу оппозиціонныхъ депутатовъ. Поэтому путемъ сенат-
аго разъясненія вводятся слѣдующія измѣненія въ избирательный законъ:
могутъ быть вносимы въ списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ и участво-
ъ на землевладѣльческихъ выборахъ казаки и башкиры, всѣ крестьяне,
іобрѣвшіе землю черезъ посредство крестьянскаго банка, въ составѣ ли
льскихъ обществъ и товариществъ, или единолично, и рабочіе на фабри-
ъ и заводахъ. Первыя двѣ категоріи избирателей могутъ участвовать
выборахъ только въ составѣ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а по-
ѣдняя въ особой рабочей куріи по закону 11 декабря 1905 г. Къ этимъ
аниченіямъ добавлено еще одно, касающееся крестьянскихъ выборовъ:
уполномоченные отъ волостныхъ сходовъ для участія въ избиратель-
ъ съѣздахъ этихъ уполномоченныхъ могутъ быть избираемы лишь до-

мохозяева. Ни одного изъ этихъ ограниченій въ дѣйствующемъ законѣ нѣтъ; очевидно, слѣдовательно, что всѣ они въ сущности не суть разъясненія, а прямыя измѣненія закона; только правительство нашло болѣе для себя удобнымъ или приличнымъ совершить, вмѣсто явнаго нарушенія избирательнаго закона, его обходъ, хотя и не менѣе явный. Тенденція этихъ измѣненій совершенно ясна. Въ прошлый разъ на землевладѣльческіе выборы являлась во многихъ мѣстахъ масса крестьянъ-землевладѣльцевъ, подавлявшая сравнительно незначительную группу помѣщиковъ не крестьянъ. Въ числѣ этихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ было, конечно, очень много такихъ, которые пріобрѣли свою землю черезъ крестьянскій банкъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти что только такіе крестьяне-землевладѣльцы и есть. Понятно, что при устраненіи ихъ, также какъ и казаковъ-землевладѣльцевъ, тоже составляющихъ большинство въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ казацкое населеніе, помѣщичья группа сохранитъ большее значеніе и даже можетъ получить преобладаніе. А такъ какъ въ прошлые выборы крестьянское населеніе «не оправдало довѣрія», дворяне же помѣщики съ тѣхъ поръ какъ будто даже поправѣли, что выразилось на земскихъ выборахъ, то усиленіе на Думскихъ выборахъ помѣщичьяго элемента и ослабленіе крестьянскаго даетъ надежду на выборъ въ Думу депутатовъ болѣе «консервативнаго», или, лучше сказать, болѣе покладиваго и болѣе соотвѣтствующаго намѣреніямъ правительства характера. Что касается до рабочихъ, то они несомнѣнно представляютъ собою явно оппозиціонный элементъ и потому устраненіе ихъ особенно должно быть желательно правительству. Это и достигается причисленіемъ ихъ къ особой куріи, которой предоставляется выбирать самое ничтожное число выборщиковъ, не могущихъ имѣть никакого вліянія на общій исходъ выборовъ. Въ прошлый разъ это образованіе особой рабочей куріи выставлялась какъ льгота; теперь оно имѣетъ очевидно значеніе прямого ограниченія правъ. Крестьянинъ, не состоящій фабричнымъ рабочимъ, если онъ по личнымъ своимъ качествамъ можетъ имѣть вліяніе, имѣетъ возможность проявить его или на крестьянскихъ, или на землевладѣльческихъ выборахъ, т.-е. на такихъ, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ окончательный составъ думы, крестьянинъ же рабочій этой возможности лишенъ. Наконецъ, устраненіемъ отъ избранія на крестьянскихъ выборахъ всѣхъ недомохозяевъ достигается устраненіе наиболѣе развитыхъ и прогрессивныхъ членовъ изъ крестьянской среды, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ останутся имѣющими право быть выборщиками почти что одни неграмотные. Не довольствуясь этими исключеніями, правительство черезъ посредство сената отняло право выбора у многихъ разрядовъ избирателей, какъ-то мастеровъ и сельскихъ рабочихъ горныхъ заводовъ, крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ Сибири, у большинства нанимателей мелкихъ городскихъ квартиръ и мелкихъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Наконецъ, уже безъ сенатскаго разъясненія, собственнымъ циркуляромъ лишило права участія въ выборахъ, пользовавшіяся имъ въ прошлый разъ, нѣкоторыя категоріи арендаторовъ и управляющихъ имѣній

Всѣ воспослѣдовавшія измѣненія направлены въ сторону сокращенія числа избирателей; нѣтъ ни одного, которымъ бы оно увеличивалось. Такимъ образомъ новые выборы будутъ происходить въ условіяхъ, еще болѣе далекихъ отъ всеобщаго избирательнаго права, чѣмъ прошлые. Припомнимъ, что въ прошлый разъ несовершенство избирательнаго закона многими признавалось поводомъ къ «бойкотированію» Думы. Теперь объ этомъ совсѣмъ не говорится. По справедливому замѣчанію газеты *Путь* теперь вообще потеряли значеніе программные вопросы. Дѣйствительно, основной вопросъ, на которомъ должна теперь сосредоточиться избирательная борьба—это, будетъ ли у насъ дѣйствительно конституціонный образъ правленія, или вновь возстановится бюрократическій абсолютизмъ и обѣщанія, данныя 17 октября 1905 г., останутся безъ исполненія, или даже будутъ формально отмѣнены. Въ послѣднее время абсолютистскія тенденціи выступаютъ уже прямо безъ всякихъ прикрасъ. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ монархическомъ изданіи *Колоколъ* (цитируемъ по выдержкѣ въ газетѣ *Путь*). «Манифестъ 17 октября былъ изданъ, и у насъ создалась легенда о какой-то конституціи. Жалкая легенда!... Мы вступили уже во второй годъ мнимо-конституціонной жизни Россіи и должны откровенно сознать, что давно уже самодержавіе въ Россіи не дѣйствовало такъ полно и мощно, какъ именно въ этотъ «конституціонный» годъ. Манифестъ 17 октября отмѣнилъ, повидимому, самодержавіе въ области законодательства, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ этотъ годъ самодержавно было отмѣнено множество законовъ, а взамѣнъ изданы новые включительно до «основныхъ», и повсемѣстно въ Россіи исполнительная власть была самодержавно же облечена исключительными и чрезвычайными полномочіями. Нельзя болѣе откровенно высказать и болѣе ясно доказать фактами, что манифестъ 17 октября есть пустая легенда. «Съ фактической стороны «монархическая» газета совершенно права, но для нее это служитъ доказательствомъ, что отъ торжественныхъ обѣщаній 17 октября слѣдуетъ отказаться и о нихъ забыть; для насъ эти факты служатъ доказательствомъ того, что дѣйствительность русской жизни противорѣчитъ слову, данному монархомъ народу, и что объ этомъ словѣ слѣдуетъ вспомнить. Однако, всѣ усилія теперешняго правительства направлены къ тому, чтобы и въ будущемъ сохранить существующій фактическій порядокъ. Къ этому направлены и его старанія создать послушную себѣ Государственную Думу. Въ какой мѣрѣ удастся ему это, сказать очень трудно. И первая Дума съ ея оппозиціоннымъ направленіемъ была отчасти сюрпризомъ н только для правительства, но и для общества. Такимъ же сюрпризомъ м жетъ оказаться и вторая. Судить о ней по составу и направленію пер-в трудно, потому что настоящія условія выборовъ во многомъ отлич тся отъ тѣхъ, какія были весной. Тогда соціалистическія партіи бойк ировали Думу и не участвовали въ выборахъ; теперь онѣ заявили о с емъ участіи въ нихъ. Учесть ихъ силы очень мудрено, такъ какъ явному учету ихъ препятствуетъ ихъ нелегальное положеніе; но, что достов но извѣстно—это то, что онѣ отличаются большой дѣятельностью и

энергіей. Съ другой стороны, на выборахъ можетъ усилиться и зна крайнихъ партій справа, не потому, чтобы къ нимъ за этотъ годъ соединилось много новыхъ сторонниковъ; напротивъ, отъ нихъ могли ко отпасть тѣ члены союза 17 октября, которые искренно считают консерваторами-конституціоналистами и которымъ претитъ союзъ съ черносотенными элементами. Но послѣдніе могутъ побѣдить въ рыхъ мѣстахъ не по своей силѣ, а вслѣдствіе устраненія правител ными мѣропріятіями конкурренціи лѣвыхъ партій. Послѣднія, какъ изв не получили легализаціи, и надо думать, что ихъ предвыборная а будетъ преслѣдоваться всякими законными и незаконными способами, до избіенія черносотенными бандами неугодныхъ имъ избирателей. этому, можетъ быть, не безосновательно мнѣніе, утверждающее, ч этотъ разъ получится Дума, въ большинствѣ своемъ состоящая из ставителей крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ. Положеніе такой будетъ, конечно, еще труднѣе, чѣмъ было положеніе первой, ка смыслѣ работоспособности, такъ и въ смыслѣ опасности для нея лѣе рѣзкаго столкновенія съ правительствомъ. Избѣжать этого лишь путемъ соглашенія или блока прогрессивныхъ партій, и на это д быть направлены усилія всѣхъ представителей этихъ партій, практ понимающихъ истинное положеніе вещей. Поэтому нельзя не прив вать напечатанное въ *Товарищѣ* письмо къ рабочимъ Г. В. Плех «Намъ слѣдуетъ помнить,—говорится въ этомъ письмѣ,—что кро шей партіи,—партіи пролетаріата, въ Россіи существуютъ еще партіи, готовыя бороться за политическую свободу. Эти партіи не такъ далеко впередъ, какъ партія пролетаріата, но онѣ всетаки впередъ и, поскольку онѣ идутъ впередъ, постольку мы должны живать ихъ въ своихъ собственныхъ интересахъ... Если мы будем ситься ко всѣмъ непролетарскимъ партіямъ, какъ такимъ, торжеств торыхъ одинаково вредно для пролетаріата, то мы сдѣлаемъ непопр тактическую ошибку, мы будемъ способствовать пораженію тѣхъ, ко могли бы поддержать насъ, и торжеству тѣхъ, отъ которыхъ мы ждемся ровно ничего, кромѣ кнута и палки... Тамъ, гдѣ нельзя ваться въ томъ, что намъ удастся провести своего собственнаго дата, мы можемъ и должны дѣйствовать независимо отъ другихъ тамъ же, гдѣ мы не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ нашего кан мы обязаны войти въ соглашеніе съ другими партіями, желающи роться съ нашимъ старымъ порядкомъ». Остается пожелать, чтобы же разумные шаги къ соглашенію были сдѣланы и представителям гихъ прогрессивныхъ партій.

Прошлый мѣсяцъ унесъ въ могилу академика Веселовскаго, С проф. Мищенка и Спасовича. Мы надѣемся въ ближайшемъ будущем характеристики этихъ замѣчательныхъ людей, изъ которыхъ Сп игралъ крупную роль въ русско-польскихъ политическихъ отно

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

озвращаюсь къ докладу Этурнель де Констана на лондонскомъ парламентскомъ съѣздѣ о сокращеніи вооруженій. Его окончаніе наано въ *La Revue*, 15 октября *).

ранцузскій публицистъ указываетъ на то, на что давно уже обраъ вниманіе общественнаго мнѣнія сторонники международнаго мира тейскаго суда: европейскія государства истощаютъ народныя средства енныя издержки. Бывшій французскій министръ финансовъ, Пуанвъ рѣчѣ 6 апрѣля нынѣшняго года (сенатъ постановилъ расклеить всѣмъ общинамъ Франціи) приводитъ поучительныя и грозныя числа. въ какихъ суммахъ выражается общій ростъ расходовъ въ главныхъ ейскихъ государствахъ:

ранція: 1880—3,378 м. фр.; 1905—3,623 м. (на 1907 годъ до ехъ милліардовъ).

рманія **): 1880—550,065 тысячъ марокъ, 1905—2.208,887 т. м.

руссія: 1880—799,200, 1904—2.803,800 т. м.

оссія: 1880—694 мил. р., 1905—1,916 м. р. (и военные расходы одымаются).

нлія: 1880—82,108 тысячъ ф. с., 1904—141,956.

талія: 1880—1.196,670 т. лиръ, 1905—1.708,200.

аленькая Бельгія вынуждена тянуться также, имѣя въ виду защиту его нейтралитета и независимости. Ея государственные расходы были 1880 году, въ тысячахъ франковъ, 292,010, черезъ двадцать пять тъ—545,417. Невольно напрашивается сравненіе съ Сѣверо-Американми Штатами: великая страна съ населеніемъ, которое вдвое превышаетъ селеніе Франціи, тратила на потребности республики въ 1880 году 7,643 тысячи долларовъ, въ 1904—532,402 (милитаризмъ дѣлаетъ роые успѣхи и въ Америкѣ).

Этурнель де Констанъ присоединяетъ къ этимъ даннымъ цифры неоизводительныхъ государственныхъ расходовъ вообще. Онъ ограничи-

*) См. *Русская Мысль*, октябрь, *Иностранное обозрѣніе*.

**) Имперскій бюджетъ.

вается примѣромъ одной Франціи. Она уплачиваетъ процентовъ по долг… заключеннымъ почти исключительно для военныхъ цѣлей, миллiардъ фр… ковъ; расходы на армію и флотъ поглощаютъ (въ 1905 году) 1,260 м… ліоновъ франковъ. Итакъ, почти двѣ трети французскаго государствен… бюджета идутъ въ пасть милитаризма. И при этомъ военныя издер… растутъ гораздо быстрѣе производительныхъ. Съ 1880 г. они подня… отъ 1,022 м. ф. до 1,260 м. ф. (1905).

Въ тридцать шесть послѣднихъ лѣтъ во Франціи ушло на арм… флотъ *сорокъ два милліарда франковъ*. Какъ бы поднялось народное … свѣщеніе и благосостояніе, сколько соціальнаго зла было бы устран… еслибъ хоть половина этой исполинской суммы была употреблена на п… изводительные расходы! Къ этому необходимо прибавить, что за то … время приблизительно 30 милліардовъ франковъ были истрачены на п… центы по долгамъ, заключеннымъ, какъ было уже упомянуто, главн… образомъ на покрытіе военныхъ же расходовъ. Еще дополненіе, знач… котораго всякому понятно: ежегодно полмилліона людей въ цвѣтѣ с… отрываются отъ производительнаго труда и кормятся на счетъ остал… населенія... Въ Россіи численность арміи въ мирное время опредѣля… въ 1.500,000 чел.

Послѣ доклада Этурнель де Констана, который былъ подверг… многостороннему обсужденію, междупарламентская конференція единогл… постановила, что необходимо внести этотъ вопросъ въ программу бл… шей гаагской конференціи. Каждая группа междупарламентскихъ съѣз… должна возбудить этотъ же вопросъ въ парламентѣ передъ своимъ пр… тельствомъ *).

Ватиканъ вступилъ въ столкновеніе съ испанскимъ правительств… Въ странѣ все сильнѣе и сильнѣе развивается движеніе противъ чрез… наго вліянія и злоупотребленій римско-католическаго духовенства. Сто… новеніе между этимъ духовенствомъ и либеральнымъ министерствомъ … песъ-Домингеса первоначально возникло изъ-за вопросовъ о возстанов… ніи гражданскаго брака и о передачѣ кладбищъ въ руки муниципал… товъ. Въ виду того, что эти двѣ мѣры встрѣтили упорное противодѣйс… со стороны религіозныхъ конгрегацій, министерство выступило съ про… томъ закона, который долженъ лишить конгрегаціи присвоенныхъ и… привилегій и подчинить ихъ дѣйствію общихъ законовъ. На этой поч… борьба двухъ міровъ возгорѣлась съ удвоенной силой. Особеннаго шу… надѣлало посланіе епископа Туи, который, ссылаясь на авторитетъ Пія … доказывалъ необязательность для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ «не… ведливыхъ» законовъ **).

---

*) Отмѣтимъ, что профессоръ Шиманъ, близкія отношенія котораго къ и… тору Вильгельму II извѣстны, въ *Крестовой Газетѣ* настаиваетъ на томъ, ч… литаризмъ составляетъ существенную и благотворную особенность германскаг…

**) *Страна*, № 181.

Испанское правительство отправило въ Римъ особаго уполномоченнаго, которому поручено было указать папѣ на возможность отдѣленія церкви отъ государства. Но въ Ватиканѣ вліяніе папы Пія X и генерала ордена іезуитовъ Вернеса очень усилилось, и уступки съ этой стороны ожидать едва ли возможно. Испанскимъ посланникомъ въ Римѣ, Оіеда, вручена папскому престолу нота, въ которой требуется расторженіе конкордата 1851 г. и заключеніе новаго, болѣе отвѣчающаго духу времени. Конфликтъ между испанскими епископами и свѣтскимъ обществомъ вступилъ въ новую фазу; въ послѣднемъ своемъ пастырскомъ посланіи епископы приравниваютъ гражданскій бракъ къ конкубинату и объявляютъ всѣхъ лицъ, состоящихъ въ гражданскомъ бракѣ, равно какъ и меровъ, допустившихъ его совершеніе, отлученными отъ церкви. Подобныя заявленія считаются, по испанскимъ законамъ, клеветническими и караются штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ и даже изгнаніемъ изъ предѣловъ территоріи. Часть меровъ уже привлекла епископовъ къ законной отвѣтственности.

Министерство Лопесъ-Домингеса представило королю законопроектъ о религіозныхъ конгрегаціяхъ, который долженъ лишить ихъ громаднаго вліянія на населеніе Испаніи въ ущербъ его благосостоянію, просвѣщенію и свободѣ. По сообщеніямъ газетъ, главнѣйшія положенія законопроекта сводятся къ слѣдующему: ни одна новая конгрегація не можетъ учреждаться безъ предварительнаго согласія кортесовъ. Мало этого, совѣтъ министровъ обязывается немедленно пересмотрѣть уставы уже существующихъ конгрегацій и упразднить тѣ изъ нихъ, которыя своею дѣятельностью противорѣчатъ законамъ или общественной нравственности. На будущее время министру юстиціи предоставляется право простымъ декретомъ упразднять конгрегаціи, получившія санкцію кортесовъ. Далѣе, не могутъ быть терпимы никакія религіозныя сообщества, въ которыхъ участвуютъ иностранные подданные. Государство должно всячески покровительствовать выходу членовъ конгрегацій изъ состава послѣднихъ, освобождая ихъ отъ обязательности монашескаго обѣта.

Имущественныя права конгрегацій могутъ распространяться только на предметы, имѣющіе религіозный характеръ. Конгрегаціи, занимающіяся торговлей и промышленностью, облагаются податями наравнѣ съ прочими лицами. Имущество распущенныхъ орденовъ переходитъ въ собственность государства.

Вотъ тѣ основныя положенія, къ которымъ сводится законопроектъ, выработанный министерствомъ Лопесъ-Домингеса. Съ участью этого законопроекта министерство связываетъ свое дальнѣйшее пребываніе у власти. Если законопроектъ пройдетъ въ кортесахъ и будетъ отвергнутъ въ сенатѣ, то министерство потребуетъ роспуска послѣдняго и назначенія новыхъ выборовъ.

Офиціальные переговоры ведутся въ тайнѣ, и въ газетныхъ сообщеніяхъ есть ошибки и неточности. Такъ, католическій *Corriere d'Italia* опровергаетъ извѣстіе въ *Daily Telegraph* о требованіи испанскаго пра-

вительства отмѣнить конкордатъ 1851 года: дѣло идетъ объ отмѣнѣ со-глашенія 1904 г. (*Convenio Maura*), принятаго сенатомъ (не палатой) и имѣвшаго нѣкоторыя особенности въ организаціи епархій и въ законодательствѣ о конгрегаціяхъ. *Temps* говоритъ, что король затрудняется подписать упомянутый нами законопроектъ Лопесъ Домингеса, потому что вліятельная группа либеральной партіи, съ Монтеро Ріосомъ во главѣ, находитъ необходимымъ его смягченіе. По словамъ той же парижской газеты, въ Ватиканѣ не обнаруживаютъ никакого безпокойства и убѣждены, что все останется по-старому. Въ этомъ отношеніи папскій престолъ надѣется и на поддержку короля, окруженнаго реакціонными придворными вліяніями. Клерикальныя испанскія газеты ведутъ ожесточенную борьбу противъ либеральнаго кабинета, въ особенности противъ министра юстиціи, графа Романонеса. Исходъ борьбы будетъ зависѣть отъ того, поддержатъ ли всѣ либеральныя группы въ кортесахъ кабинетъ Лопесъ-Домингеса.

Во Франціи борьба съ клерикализмомъ сравнительно легче, чѣмъ въ Испаніи, гдѣ населеніе, во многихъ областяхъ, крѣпко держится духовенствомъ въ невѣжественномъ фанатизмѣ. Но и здѣсь государству придется преодолѣть не мало препятствій. Министерству Клемансо предстоитъ трудная задача, хотя задача его въ области соціальнаго законодательства еще значительнѣе. Министерство сформировалось слѣдующимъ образомъ:

Жоржъ Бенжаменъ Клемансо, предсѣдатель совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ. Род. въ 1841 г., д-ръ медицины, депутатъ съ 1876-1893 гг., сенаторъ съ 1902 г., министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Саррьена, радикалъ-соціалистъ.

Гюйо Дессенъ (Guyot-Dessaignes), министръ юстиціи. Докторъ правъ, 73 лѣтъ, депутатъ съ 1885 по 1893 г. и съ 1902 г.; министръ общественныхъ работъ въ министерствѣ Буржуа 1895—96 г., радикалъ.

Стефанъ Пишонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Род. въ 1857 г., депутатъ съ 1885—1893 гг., потомъ былъ дипломатическимъ агентомъ Франціи въ разныхъ странахъ, съ начала 1906 г., сенаторъ, радикалъ-соціалистъ.

Кайо (Caillaux), министръ финансовъ. Род. въ 1863 г., кандидатъ правъ, депутатъ съ 1898 г., министръ финансовъ въ кабинетѣ Вальдека-Руссо (1899—1902 гг.), радикалъ.

Генералъ Пикаръ, военный министръ, генералъ не участвовалъ въ политической жизни. Знаменитъ участіемъ въ дѣлѣ Дрейфуса, радикалъ.

Томсонъ, морской министръ. Род. въ 1848 г. Публицистъ, депутатъ съ 1877 г., морской министръ въ министерствѣ Саррьена (1906 г.), радикалъ.

Аристидъ Бріанъ, министръ народнаго просвѣщенія. Род. въ 1862 г., адвокатъ, депутатъ съ 1902 г., министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Саррьена (1906 г.), независимый соціалистъ.

Барту, министръ общественныхъ работъ. Род. въ 1862 г., докторъ правъ, депутатъ съ 1889 г., министръ общественныхъ работъ въ кабинетѣ Дюпюи (1894—1895 гг.), министръ внутреннихъ дѣлъ въ минис-

ствѣ Мелина (1896—1898 гг.) и общественныхъ работъ въ кабинетѣ (1906 г.), республиканецъ.

Думеръ, министръ торговли и промышленности. Род. въ 1863 году, адвокатъ, депутатъ съ 1893 г. съ короткими перерывами, министръ колоній въ министерствѣ Комба (1902—5 гг.), радикалъ-соціалистъ.

Миліесъ Лакруа, министръ колоній. Род. въ 1850 г., негоціантъ, сенаторъ съ 1897 г., радикалъ (не смѣшивать съ Эд. Лакруа, бывшимъ морскимъ министромъ).

Вивіани, министръ труда и соціальныхъ мѣропріятій, адвокатъ и публицистъ. Род. въ 1863 г., депутатъ съ 1893 г. по 1902 г. и съ 1906 г., независимый соціалистъ.

Рюо, министръ земледѣлія. Род. въ 1865 г., адвокатъ, депутатъ съ 1897 г., министръ земледѣлія въ кабинетѣ Саррьена, радикалъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя новое министерство, созданное Клемансо,—министерство труда. Во главѣ его поставленъ независимый соціалистъ, Вивіани, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ въ рабочемъ вопросѣ членовъ парламента французской республики. Когда Клемансо представлялъ новыхъ министровъ президенту республики, тотъ встрѣтилъ ихъ весьма привѣтливо. Обращаясь къ Вивіани, Фальеръ выразилъ полное удовольствіе по поводу учрежденія министерства труда, въ которомъ страна увидитъ начало осуществленія заботъ о трудящихся и терпящихъ различныя невзгоды. «Мы,—прибавилъ президентъ,—всѣ приняли обязательства, и пришелъ моментъ ихъ сдержать. Надо заплатить наши долги, и я надѣюсь, г. Вивіани, первый министръ труда, достигнетъ ожидаемыхъ преобразованій».

Знаменательныя и въ высокой степени симпатичныя слова въ устахъ главы государства.

Смѣлый шагъ сдѣлалъ Клемансо, пригласивши на постъ военнаго министра генерала Пиккара. Читатели помнятъ тѣ бѣшеныя нападенія, которыя производились на него во время дѣла Дрейфуса антисемитами (клерикалами и реакціонерами). Въ свѣдующихъ сферахъ ставятъ высоко умъ, познанія и энергію новаго военнаго министра.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ дипломатъ, хорошо знакомый съ колоніальными вопросами, давній другъ Клемансо, Пишонъ. Изъ этого можно заключить, что между министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ будетъ царить полное согласіе и что соглашенія съ Англіей и Италіей будутъ становиться все болѣе дружественными и близкими.

По этому поводу я вновь обращаюсь къ вопросу о желательности англо-русскаго соглашенія. Наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ послѣ злополучной войны съ Японіей стало неустойчиво и тревожно. Японія, дѣятельно и энергично, прочною ногою становится въ Кореѣ и южной Манчжуріи. Владивостокъ послѣ уступки японцамъ южной половины Сахалина лишился своего положенія, какъ первоклассной морской базы: онъ запертъ въ японскихъ водахъ. Правда, по портсмутскому миру Японія

обязалась не укрѣплять береговъ Лаперузовскаго пролива, но въ слу
войны это постановленіе будетъ нарушено, да и японскій военный ф
настолько превосходитъ нашъ дальневостокскій, что о наступатель
дѣйствіяхъ съ нашей стороны и рѣчи быть не можетъ,—къ счастію
русскаго народа.

Зато наша оборонительная линія страшно длинна. Китай пробужд
т.-е. прежде всего вооружается. Достаточно взглянуть на карту, ч
понять всю затруднительность нашего будущаго положенія. Гнилой
енно-бюрократическій строй сильно скомпрометировалъ значеніе на
отечества на Дальнемъ Востокѣ, и здѣсь о соперничествѣ русских
англійскихъ интересовъ не можетъ быть рѣчи. Чрезмѣрное усиленіе Я
ніи и выступленіе Китая въ качествѣ грозной военной силы невыгод
и для Великобританіи.

Относительно безплоднаго и трудно доступнаго Тибета не встрѣти
большихъ препятствій. Для насъ независимость Тибета важна потому, ч
въ предѣлахъ имперіи живетъ многочисленное населеніе, духовнымъ г
вою котораго является далай-лама. Неизвѣстно, въ какое положеніе
отношенію къ намъ станутъ полунезависимые монгольскіе князьки.

Остается Персія и Афганистанъ. Къ послѣднему мы завоевали кл
Мервъ, которымъ ничего не отперли. Для англичанъ полудикій Афг
станъ важенъ, какъ независимое государство, загораживающее доступъ
Индіи. И въ военномъ, и въ финансовомъ отношеніи Англія оказыв
афганскому эмиру существенное содѣйствіе. По проникающимъ въ зап
европейскую печать извѣстіямъ армія эмира отлично вооружена и п
ставляетъ значительную силу. Его политика искусно пользуется сопе
чествомъ Великобританіи и Россіи. Въ русскихъ интересахъ походъ
Афганистанъ—дорогое, опасное и вредное предпріятіе. Довольно съ на
азіатскихъ областей, фанатическое и воинственное населеніе котор
требуетъ быть постоянно насторожѣ, тратить огромныя деньги на сод
жаніе большой арміи, причемъ истощается русскій народъ, а для культ
ныхъ интересовъ окраинъ почти ничего не дѣлается.

О возможной роли нашего отечества въ Персіи намъ приходилось
ворить много разъ и въ иностранномъ обозрѣніи, и въ отдѣльн
статьяхъ (см., напримѣръ, 6 и 8 книги *Русской Мысли* за 1904 г.).

Исключительное господство на Каспійскомъ морѣ и непосредстве
сосѣдство съ Персіей на значительномъ протяженіи ея сухопутной г
ницы даютъ возможность завести широкія и прочныя торговыя снош
съ сѣверными персидскими провинціями. Въ этомъ направленіи сдѣл
немногое, вслѣдствіе неумѣнья нашей дипломатіи и инертности наш
купцовъ. Но всетаки въ Хоросанѣ торговля развивается; приноситъ по
и консульство въ Мешедѣ. Въ Тегеранѣ учрежденъ русско-персидскій бан
русскими построено шоссе и желѣзная дорога отъ персидской сто
до Эйзели.

Южныя персидскія провинціи, въ особенности плодородный Сеист

хотя и испытываютъ русское вліяніе, но войдутъ, очевидно, вслѣдствіе соглашенія болѣе въ область вліянія Великобританіи. Да близость ихъ къ Индіи и господство англійскаго торговаго флота дѣлаютъ это неизбѣжнымъ. Наши суда правильно посѣщаютъ Персидскій заливъ, но у англичанъ тамъ появляются болѣе опасные соперники—нѣмцы. Августѣйшая дружба императора Вильгельма съ султаномъ турецкимъ служитъ дальновиднымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются съ свойственными германцамъ выдержкою и настойчивостью. Багдадская желѣзная дорога обѣщаетъ принести имъ громадныя выгоды.

Офиціозное сообщеніе агентства Рейтера о томъ, что англійское и русское правительства рѣшили пополамъ ссудить Персіи четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, является добрымъ признакомъ приближающагося англо-русскаго соглашенія. Но только откуда нашъ «кабинетъ» возьметъ деньги?

На соціалистическомъ съѣздѣ въ Лиможѣ былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ объ отношеніи къ профессіональнымъ рабочимъ синдикатамъ (конфедераціи труда). Съѣздъ склонился къ рѣшенію, аналогическому съ постановленіемъ партейтага германской соціалъ-демократіи въ Мангеймѣ. Были защитники и полной самостоятельности союза рабочихъ синдикатовъ. Жоресъ указывалъ на необходимость параллельнаго дѣйствія партіи и конфедераціи при полной автономіи послѣдней. Та и другая,—по словамъ Жореса,—должны взаимно дополнять другъ друга, и это вѣрнѣе всего приведетъ къ побѣдѣ пролетаріата. Даже Гедъ высказался отчасти за согласныя и комбинированныя дѣйствія. Въ концѣ-концовъ всѣ предложенія были сданы въ коммиссію, которая должна выработать объединяющую резолюцію.

По вопросу объ отношеніи къ кабинету Клемансо съѣздъ принялъ такое постановленіе: «Въ виду того, что никакая перемѣна въ составѣ буржуазнаго правительства не можетъ ни въ чемъ измѣнить оппозиціонную тактику соціалистской партіи, съѣздъ предостерегаетъ пролетаріатъ противъ половинчатой праграммы буржуазной демократіи, даже самой прогрессивной. Онъ напоминаетъ рабочимъ, что ихъ освобожденіе будетъ возможно только съ переходомъ къ общественной собственности, что не существуетъ соціализма внѣ организованной и объединенной соціалистической партіи и что ея представители въ парламентѣ хотя и должны стремиться къ осуществленію реформъ, которыя могутъ поднять энергію дѣйствій и требованій пролетаріата, но въ то же время обязаны постоянно противопоставлять всѣмъ половинчатымъ и часто обманчивымъ программамъ реальность и цѣлостность соціалистическаго идеала».

Декларація новаго кабинета, которую съ нетерпѣніемъ ждали не только во Франціи, но и во всей Европѣ, прочитана (уже послѣ лиможскаго съѣзда) въ палатѣ депутатовъ министромъ-президентомъ, въ сенатѣ министромъ юстиціи, и встрѣчена очень сочувственно (депутаты большинствомъ 395 голосовъ противъ 96 одобрили заявленіе правительства).

Нынѣшнее министерство, говорится въ декларацiи, образовалось вслѣдствiе парламентскаго кризиса, а вслѣдствiе того, что состоянiе з ровья бывшаго министра-президента Саррьена не давало ему возможн оставаться на своемъ посту; это обстоятельство и вызвало образов новаго кабинета. Избиратели лишь недавно высказали непреклонное ланiе, чтобы проведенiе въ жизнь реформъ было по возможности ускор Декларацiя указываетъ, что, такъ какъ внѣшняя политика страны с вѣтствуетъ высказаннымъ избирателями пожеланiямъ, то ея направ извѣстно заранѣе. Страна хочетъ сохранить миръ, и притомъ досто миръ; въ этомъ отношенiи не произошло никакихъ перемѣнъ, какъ произошло ихъ въ желанiи страны сохранить республиканскiя учрежд «Мы съ гордостью можемъ подтвердить,—говоритъ декларацiя,—что 35 лѣтъ существованiя третьей республики не было ни одного мом когда Францiю можно было бы обвинить въ томъ, что она является у зою европейскому миру. И мы будемъ и впредь направлять нашу пол такимъ образомъ, чтобы наши намѣренiя не могли быть ложно исто ваны въ отношенiи приверженности нашей къ миру. Одновременно, должны принять въ соображенiе условiя политическаго равновѣсiя, с ствующiя для всѣхъ народовъ Европы: миръ между цивилизованными родами покоится на воинской силѣ.

«Можемъ ли мы поэтому,—продолжаетъ декларацiя,—собственным ками разрушать опору нашей независимости? До наступленiя счастливаго, еще отдаленнаго дня, когда будетъ измѣнена въ корнѣ основа вза ношенiй народовъ, наша первая обязанность передъ родиною—не д скать ничего, что могло бы ослабить ея оборонительныя силы. И н соглашенiя съ различными странами въ значительной степени способству росту нашихъ оборонительныхъ средствъ. Считая себя обязанными стоянно улучшать наши отношенiя ко всѣмъ правительствамъ, мы бу заботиться о томъ, чтобы союзъ, заключенный двумя народами въ и ресахъ мира, былъ сохраненъ въ неприкосновенности, равно какъ томъ, чтобы сохранились дружественныя отношенiя, которыя уже б испытаны на дѣлѣ. Дальнѣйшее развитiе нашихъ договорныхъ отно будетъ дѣломъ нашей дипломатiи, отъ которой мы требуемъ, чтобы была республиканскою и чтобы она въ трудныя минуты помнила, что ральный авторитетъ прямодушной, ясной политики даетъ ей перевѣсъ вѣсахъ европейскаго общественнаго мнѣнiя, съ которымъ должно счит всякое правительство».

Не менѣе ясны и точны заявленiя правительства о внутренней п граммѣ, которой оно будетъ слѣдовать. «Мы,—говоритъ кабинетъ мансо,—окончательно укрѣпимъ демократическiй элементъ въ правительс будемъ стремиться къ организацiи демократiи. *Усиленiе демократiи ведетъ къ тому, что отдѣльные случаи проявленiя государстве власти примутъ болѣе умѣренныя формы. Это и есть цѣль, кото должны поставить себѣ всѣ республиканцы».*

Военный министръ представитъ палатѣ существующіе законопроекты о кадрахъ и о наличныхъ силахъ, имѣющіе цѣлью наиболѣе полное использованіе рекрутъ, а также давно ожидаемый законопроектъ, устанавливающій справедливыя основанія для производства офицеровъ въ слѣдующіе чины.

«Дисциплину въ войскахъ мы обезпечимъ тѣмъ, что подчинимъ ей всѣхъ, кто стоитъ наверху служебной лѣстницы. Время отбыванія воинской повинности должно быть продолженіе школьнаго обученія. Воинская служба должна быть продолженіемъ народной школы. Мы бы желали, чтобы молодые люди усваивали на службѣ и гигіеническія привычки и основы государственности и уходили со службы приспособленными для выполненія общихъ обязанностей мирныхъ гражданъ. Мы безъ промедленія предложимъ отмѣну военныхъ судовъ. Разсмотрѣніе преступленій и проступковъ противъ общаго права будетъ передано на разсмотрѣніе общихъ судовъ. Дисциплинарное производство будетъ обставлено всѣми необходимыми гарантіями, дабы между правами человѣка и требованіями государственной самозащиты не было никакого разлада. Благодаря республикѣ во Франціи появилась свобода. Нынѣ мы должны укрѣпить свободу во всѣхъ отрасляхъ республиканскаго режима и дать ей возможность безпрепятственно и впредь развиваться».

Правительство твердо рѣшилось провести въ жизнь страхованіе рабочихъ и престарѣлыхъ. Оно усовершенствуетъ законъ о профессіональныхъ союзахъ и займется вопросомъ о союзахъ чиновниковъ, но обезпечитъ исполненіе должностными лицами ихъ служебныхъ обязанностей. Правительство далѣе предполагаетъ увеличить сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, займется пересмотромъ горнаго законодательства въ смыслѣ введенія государственнаго контроля и выкупа въ казну нѣкоторыхъ предпріятій. Равнымъ образомъ министерство озабочено проведеніемъ въ жизнь значительныхъ улучшеній крестьянскаго и сельскохозяйственнаго быта.

Декларація обѣщаетъ внести законопроектъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ и, если представится надобность, то и законопроектъ о налогѣ на капиталъ. Различные доходы будутъ различно обложены, и налоги будутъ взиматься со всей совокупности доходовъ налогоплательщика. Прежде всего палата депутатовъ должна заняться разсмотрѣніемъ бюджета на 1907 г.».

Можно только пожелать, чтобы для осуществленія этихъ многостороннихъ и глубокихъ преобразованій кабинету Клемансо хватило силъ, времени и благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ его активу слѣдуетъ поставить уже выработанный законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Много шума подняли въ Германіи и вообще въ Европѣ мемуары покойнаго имперскаго канцлера князя Гогенлоэ, опубликованные однимъ изъ его сыновей. Императоръ Вильгельмъ телеграммою на имя другого сына Гогенлоэ выразилъ сильное неудовольствіе. Въ мемуарахъ находятся интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ канцлерства Бисмарка и о роли Вильгельма II въ отношеніяхъ къ Россіи и Австро-Венгріи.

Бисмаркъ стоялъ за болѣе тѣсный союзъ съ Россіей, хотя бы и [illegible]тивъ интересовъ австрійскаго правительства. Вильгельмъ II держался [illegible] взгляда и желалъ оставаться вѣрнымъ союзникомъ Габсбургской [illegible]нархіи.

Съ путешествіемъ въ Берлинъ русскаго министра иностранныхъ [illegible] въ заграничныхъ газетахъ появились извѣстія о попыткѣ возобнов[illegible] союза трехъ императоровъ, печальной памяти. Намъ удача этой попытки, если она на самомъ дѣлѣ была совершена,—кажется невѣроятною. [illegible]женіе Европы во многомъ измѣнилось, и главнымъ препятствіемъ къ [illegible]зованію новаго реакціоннаго договора между тремя имперіями явля[illegible] преобразующаяся на нашихъ глазахъ Австро-Венгрія.

Разбитая и униженная войнами 1859 и 1866 годовъ, потерявшая [illegible]бардію и Венецію и вытѣсненная изъ германскаго союза, Австрія [illegible] спасена введеніемъ конституціоннаго образа правленія. Но въ основу [illegible] новаго строя была положена несправедливая и потому недолговѣчная [illegible] дуализмъ. Графъ Бейстъ и вождь мадьяръ Деакъ относились къ славя[illegible] враждебно. Имперія была раздѣлена на двѣ половины: по ту сторону [illegible] Лейты—Транслейтанію, Венгрію, и Цислейтанію—Австрію. Въ первой [illegible]сподство, нѣсколько сдерживаемое оппозиціей хорватовъ, получили мадь[illegible] во второй преобладаніе осталось на сторонѣ нѣмцевъ. Для общеимперс[illegible] дѣлъ учреждены министерства иностраннаго и военнаго вѣдомства и [illegible] имперскій таможенный тарифъ. Ихъ вѣдають цислейтанская и транс[illegible]танская делегаціи. Преобладающую роль въ имперіи стали играть мадь[illegible] выговорившіе вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ только треть общеимперскихъ [illegible]довъ. Поляки пріобрѣли автономію и заняли въ Галиціи привилегир[illegible]ное положеніе по отношенію къ многочисленному русинскому (русс[illegible] малорусскому) населенію.

За автономію повели энергическую борьбу чехи. Политическія [illegible]ненія въ жизни Австро-Венгріи своевременно отмѣчались въ *Рус[illegible] Мысли*.

Въ настоящее время обѣ половины Габсбургской имперіи стоятъ у [illegible]рога введенія великой реформы: всеобщей подачи голосовъ. Австрі[illegible] пангерманцы дѣлаютъ отчаянныя усилія помѣшать введенію всеобщаго [illegible]бирательнаго права. Они между прочимъ предложили палатѣ поднести [illegible]ператору Францу-Іосифу всеподданнѣйшій адресъ съ просьбою пере[illegible] германскому императору и его бундесрату сохраняемые въ вѣнскомъ Г[illegible]бургѣ имперскіе клейноды, которые «въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ олицет[illegible]ряли собою могущество и величіе св. римской имперіи нѣмецкой на[illegible] Клейноды, по мнѣнію всенѣмцевъ, принадлежатъ германскому императ[illegible] потому, что онъ теперь призванный представитель «всенѣмецкой на[illegible] Всенѣмцы предложили ходатайствовать не о простой, а о торжествен[illegible] передачѣ, причемъ депутатъ Штейнъ приготовилъ пространную рѣчь [illegible] честь династіи Гогенцоллерновъ. «Скромное» предложеніе не было [illegible]точно поддержано въ палатѣ, такъ что Штейнъ лишился возможност[illegible]

изнести демонстративный спичъ. Всенѣмцы въ гнѣвѣ накинулись на нѣмецкихъ депутатовъ и прозвали ихъ черножелтыми, т.-е. австрійскими, креатурами. Слово «черно-желтое» обозначаетъ во всенѣмецкомъ словарѣ крѣпчайшую брань.

Докладчикъ парламентской коммиссіи, депутатъ Лекеръ, констатируетъ, что дѣйствующая въ Австріи конституція, несмотря на всю свою косность и несообразности, продержалась бы еще нѣсколько времени, если бы не русское освободительное движеніе, побудившее австрійскія правящія сферы поторопиться усовершенствованіемъ конституціонныхъ учрежденій, и если бы въ то же время вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ не былъ поставленъ на очередь и въ Венгріи *).

По новому законопроекту, какъ сообщаетъ вѣнскій корреспондентъ *Страны* **), право голоса имѣетъ каждый австріецъ, достигшій двадцатипятилѣтняго возраста. Вся Австрія раздѣлена на 516 избирательныхъ округовъ, причемъ округа эти разверстаны закономъ между отдѣльными національностями въ опредѣленномъ количествѣ. Каждая національность получаетъ извѣстное число депутатскихъ полномочій и всѣ члены націи голосуютъ за кандидатовъ своей національности. Въ областяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ опредѣлено количество мандатовъ для каждой народности. Такъ, Богемія раздѣлена на 75 чешскихъ и 55 нѣмецкихъ округовъ. Въ областяхъ съ однороднымъ населеніемъ, какъ Чехія или Галиція, мандаты принадлежатъ только данной народности.

Австрійское правительство убѣждено, и не безъ основанія, что распредѣленіе мандатовъ по національностямъ должно привести къ тому, что избирательная борьба будетъ вестись не на націоналистической почвѣ, такъ какъ борьба эта будетъ идти между кандидатами одной и той же національности, а на почвѣ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, общихъ всему населенію Австріи. Въ парламентѣ группировка партій произойдетъ, такимъ образомъ, не только по націямъ и національнымъ стремленіямъ, а и по общности соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, что дастъ возможность провести необходимыя реформы. Такое распредѣленіе мандатовъ по національностямъ не практиковалось еще нигдѣ въ мірѣ, и примѣръ Австріи можетъ дать въ этомъ отношеніи очень поучительные результаты для странъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, какъ Россія.

Прусское правительство вновь усилило гоненія на польскій языкъ въ школахъ польскихъ провинцій. Требуется, чтобы даже законъ Божій преподавался по-нѣмецки. Къ этому печальному «вопросу» намъ еще придется возвратиться.

В. Г.

---

*) *Рѣчь*, № 195.

**) *Страна*, № 196.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Горе отъ ума (Художественный театръ).—*Борьба за престолъ* Ибсена (Ма театръ).—*Фрицъ Гейтманъ* Макса Дрейера и *Золотое руно* Пшибышевскаго (Н театръ).

Постановка *Горя отъ ума* въ Художественномъ театрѣ, какъ и вся новинка послѣдняго, вызвала къ себѣ большой интересъ и вниманіе. «Ч новаго покажетъ мнѣ Москва?» словами Чацкаго могла бы спросить с старая комедія; какое своеобразное освѣщеніе придастъ современная сц тому, что, кажется, уже такъ хорошо извѣстно и понято однажды навсе На этотъ вопросъ Художественный театръ отвѣтилъ по-своему и внесъ д оригинальности въ истолкованіе знаменитой пьесы. Конечно, прежде вс оставаясь вѣрнымъ своей природѣ, онъ потратилъ много усердія и ум возсозданіе орнамента, стильной рамы для грибоѣдовскихъ портретовъ и д археологически-точный сколокъ съ внѣшней жизни 20-хъ годовъ. Мо оспаривать цѣлесообразность и внутреннюю разумность этого тягот къ декоративной правдѣ; можно придерживаться того мнѣнія, что из токъ бутафорскаго натурализма не способствуетъ иллюзіи, а мѣшаетъ можно думать, подобно пишущему эти строки, что въ драматическомъ иску ствѣ единственно цѣнное представляетъ собою живое лицедѣйство, а безмолвное соучастіе мертвыхъ вещей является не игрой, а игрушкой, но при оцѣнкѣ Художественнаго театра надо становиться на его то зрѣнія, надо принять условіе, которое онъ предъявляетъ своимъ посѣ телямъ,—иначе не слѣдуетъ и переступать за его порогъ. И вотъ, е не отрѣшаться отъ принциповъ, которые данная артистическая ш признала для себя незыблемыми, если не сходить съ этой почвы, то должны будете сказать, что свою, быть можетъ, искусственную за театръ выполнилъ чрезвычайно искусно. Если сначала вычурность и об выразительныхъ мелочей развлекали, отвлекали, то скоро глазъ привы къ нимъ, къ ихъ интересной пестротѣ. Передъ зрителями прошла живая с рина во всей характерности своихъ костюмовъ, привычекъ, обстановки; что мы видѣли только на старыхъ гравюрахъ, облеклось въ плоть и кр задвигалось и заговорило. Это было очень любопытное зрѣлище, прек ная человѣческая панорама—тѣмъ болѣе привлекательная, что отнес

она къ эпохѣ, которая и литературно близка намъ, и по внѣшнимъ особенностямъ своего быта еще не такъ далеко ушла отъ насъ, чтобы производить впечатлѣніе чего-то холоднаго и незнакомаго. Есть особыя чары и наивная плѣнительность въ картинѣ такого отжившаго, которое еще недавно жило и оставило свои слѣды, свое теплое дыханіе на родственной современности. Вся эта мебель, уборы, пожелтѣвшіе дагерротипы, всѣ эти безмолвные свидѣтели и пережитки отлетѣвшей жизни,—все это уже не наше, но еще не чужое, какимъ является, напримѣръ, обстановка «Царя Ѳедора». И если бы эти вещи, этотъ старый барскій домъ, эти дѣвушки въ прическахъ давнишней моды жили на полотнѣ, на картинѣ Сомова, а не вели эфемернаго и призрачнаго существованія на подмосткахъ сцены, мы имѣли бы безсмертное художественное воспоминаніе, мы имѣли бы художественное произведеніе, запечатлѣнное духомъ старой, но не старѣющей красоты.

По существу пьесы, Художественный театръ «Горе отъ ума» транспонировалъ, т.-е. центръ ея тяжести изъ сферы общественной перенесъ въ личную,—въ область сердечныхъ тревогъ и разочарованій Чацкаго. Послѣдній въ воплощеніи г. Качалова является не гражданиномъ, а влюбленнымъ юношей, который сталъ клеймить Фамусова и его присныхъ, такъ сказать, случайно, мимоходомъ—лишь тогда, когда онъ замѣтилъ охлажденіе Софьи; именно ревность пробудила его общественный протестъ и гнѣвъ. Обаятельный голосъ г. Качалова, благородство интонацій и жестовъ, какая-то чистота всего нравственнаго облика позволили артисту удачно осуществить свой замыселъ, придали естественность его игрѣ, обвѣяли фигуру героя симпатичной теплотой. Грибоѣдовскіе стихи звучали въ его устахъ особенною музыкой, и лились они такъ увѣренно, свободно и свѣжо. Объясненіе съ Софьей въ любви (передъ баломъ) чаровало своей пламенной страстностью: не глядя на Софью, съ закрытыми глазами, съ опущенной на грудь головою изливалъ Чацкій свое переполненное сердце, свою нѣжность и ласку. Но самый замыселъ артиста не соотвѣтствовалъ смыслу пьесы. Г. Качаловъ былъ бы правъ, если бы гражданство Чацкаго онъ освѣтилъ и согрѣлъ любовью къ Софьѣ, если бы именно это чувство, жестоко оскорбленное, придало его филиппикамъ новую силу и непосредственность, если бы трибунъ не заслонялъ любящаго и нелюбимаго человѣка; но самое зерно гражданскаго протеста и негодованія, его потенцію, надо было показать въ грибоѣдовскомъ героѣ, и къ тому же показать какъ главное. Не отъ того испытываетъ Чацкій горе отъ ума (а не отъ сердца), что его не любитъ Софья, а отъ того, что самая отчужденность его отъ Софьи служитъ лишь роковымъ проявленіемъ его общаго одиночества и сиротства въ Москвѣ, въ Россіи. Правда, трагедія Чацкаго особенно мучительна именно потому, что хотя умъ съ сердцемъ у него, по его собственнымъ словамъ, не ладили (умъ былъ язвителенъ, сердце было любящее)—они нашли себѣ своеобразное примиреніе въ одной общей невзгодѣ, въ единствѣ горя: Чацкій пораженъ не только въ своихъ общественныхъ идеалахъ, но и въ своемъ чувствѣ, онъ несчастенъ не только какъ гражданинъ, но и какъ любов-

никъ; правда, онъ будетъ искать по свѣту, «гдѣ оскорбленному есть ч
ству уголокъ»,—но при всемъ томъ смыслъ и разумъ его личности за
чается не въ его разбитой любви, а въ его общественномъ дѣлѣ
общественномъ страданіи, и если въ началѣ пьесы онъ возвращается к
Софьѣ послѣ добровольной трехлѣтней разлуки, во время которой о
далеко ѣздилъ искать ума, если въ концѣ пьесы онъ кличетъ карету
суждено отнынѣ ему, скитальцу и страдальцу, проводить свою жизнь
дорожной каретѣ, то это не потому, что его разлюбили и отдали пр
почтеніе Молчалину, а потому, что Молчалинъ вообще побѣждалъ
говорящаго, побѣждалъ своей приспособленностью и своимъ молчанie
Сердечную драму Чацкаго г. Качаловъ могъ бы и долженъ былъ бы по
какъ фонъ, какъ колоритъ его личности, какъ поводъ къ отдѣль
вспышкѣ его гражданскаго протеста; но растворять, топить въ этомъ
романѣ съ Софьей его борьбу съ обществомъ, его гражданскій под
онъ не имѣлъ психологическаго права. «Горе отъ ума» нельзя разу
иначе какъ драматическій поединокъ слова и молчанія, мысли и без
лія, свободы и общественнаго лакейства. Грибоѣдовъ сказалъ про себя
значитъ, про Чацкаго, что «мученье быть пламеннымъ мечтателемъ
краю вѣчныхъ снѣговъ»,—вотъ эта противоположность между плам
мечтою и роковымъ русскимъ снѣгомъ и составляетъ горе Чацкаго.

Такъ же не удовлетворяетъ и образъ Фамусова въ безспорно-та
ливомъ исполненіи г. Станиславскаго. Артистъ отрѣшился отъ обы
толкованія этой роли, онъ не придалъ своему прототипу никакой с
витости, барства, онъ изобразилъ его какъ человѣка безпокойнаго, су
ваго, мелко озабоченнаго. Повидимому, г. Станиславскій опирался въ с
интерпретаціи на тѣ мѣста въ текстѣ комедіи, гдѣ говорятъ про Фам
ва, что онъ «несправедливъ и недовѣрчивъ, скоръ», что онъ «часто б
толку сердитъ», что у него «въ лицѣ, въ движеньяхъ суета—какъ су
ся, что за прытъ!» Все это есть въ комедіи, все это напечатано, и т
не менѣе г. Станиславскій погрѣшилъ противъ Грибоѣдова и противъ д
его пьесы. Гораздо лучше и вѣрнѣе было бы не смущаться этими де
лями, пренебречь ими ради общей идеи и понять Фамусова какъ сил
не какъ хлопотливое безсиліе. Ибо Фамусовъ тѣмъ и своеобразенъ, т
и страшенъ, что онъ символизируетъ собою прочный, грузный, споко
укладъ старой жизни; его мощь проистекаетъ изъ того, что онъ въ
и въ своемъ не сомнѣвается. Въ глубокой инертности своего непод
наго, оцѣпенѣвшаго духа, онъ представляетъ собою начало консерва
ное, упершееся въ тину русской дѣйствительности, и столкнуть эту
маду, эту воплощенную традицію, это окаменѣлое прошлое очень тру
и въ отчаяніи уступаетъ ему, уходитъ отъ него Чацкій. Пусть суе
Фамусовъ, желая пристроить свою дочь за Скалозуба,—это вполнѣ со
стимо съ общей и внутренней солидностью и самоувѣренностью его ф
гуры. Между тѣмъ г. Станиславскій далъ намъ существо въ себѣ не
ренное, неспокойное; онъ показалъ какое-то нравственное дребезж

тамъ, гдѣ мы справедливо предполагали необыкновенную, потрясающую устойчивость. И невольно приходитъ на мысль, что если Фамусовъ таковъ, какимъ его изображаетъ намъ артистъ, то игра Чацкаго не стоитъ свѣчей,—не стоитъ тогда и бороться, говорить, испытывать «мильонъ терзаній». Чацкій долженъ имѣть соперника, достойнаго себя,—иначе весь его подвигъ сразу теряетъ свой смыслъ и цѣну. Фамусовъ-Станиславскій, какъ противникъ, не опасенъ: онъ слишкомъ мелокъ и жалокъ для Чацкаго; впрочемъ, онъ впору для Чацкаго-Качалова, и своеобразная симметрія, значитъ, на сценѣ Художественнаго театра всетаки получается...

Но если г. Станиславскій не воплотилъ въ Фамусовѣ старой, косной Россіи, противъ которой идетъ Россія молодая и подвижная, Россія Чацкаго, то въ предѣлахъ своего пониманія роли онъ, какъ мы уже замѣтили, былъ на высотѣ задачи. Почти каждая мелочь была имъ художественно отдѣлана; въ чтеніе стиховъ онъ внесъ много новыхъ и оригинальныхъ удареній, освѣтилъ по-своему иныя мѣста текста и, если не всегда можно было соглашаться съ его интонаціей и мимикой, то она во всякомъ случаѣ была интересна, и вообще нельзя было не слѣдить за игрою г. Станиславскаго съ живѣйшимъ вниманіемъ.

Г-жа Германова въ роли Софьи дала очень привлекательный и, на нашъ взглядъ, вполнѣ правдоподобный образъ. Артистка, высоко - оригинальная и симпатически воплощающая все симпатичное, таящая его въ самой игрѣ своего выразительнаго лица, она и на этотъ разъ искусно намѣтила такія мягко-женственныя черты, которыми едва ли какая-нибудь другая исполнительница рѣшилась бы надѣлить ославленную Софью. Г-жа Германова играла дѣвушку печальную, далеко не чуждую сантиментальности, навѣянной романами, и въ то же время исполненную живого ума. Конечно, всѣ основанія именно для такого исполненія артистка могла найти въ самой пьесѣ, и недаромъ Молчалинъ насмѣшливо зоветъ Софью «печальной кралей». Да, у нея есть причины быть печальной,—у этой одинокой, сиротливой дѣвушки, у этого увядающаго цвѣтка. И рѣдко кто замѣчаетъ, что она, по роковому недоразумѣнію отвергнувшая Чацкаго, но въ глубинѣ души несомнѣнно и безсознательно для себя любившая его, въ одномъ отношеніи на Чацкаго похожа: и у нея, какъ у него, разбили сердце; какъ она предпочла другого, такъ и ей предпочли другую; Чацкій мчится теперь по снѣговой пустынѣ, Софья живетъ въ нравственно-пустынномъ домѣ отца или въ глуши у тетки,—но оба они равно одиноки, оба тоскуютъ. И потому элегически - мечтательный колоритъ, который окрашиваетъ игру г-жи Германовой, является вполнѣ умѣстнымъ и вызываетъ къ Софьѣ то сочувствіе, котораго такъ заслуживаетъ ея обманувшееся и обманутое сердце.

Г-жа Лилина въ историческомъ и бытовомъ отношеніи права, когда она показываетъ въ Лизѣ подъ легкимъ слоемъ субретки грубоватыя и глуповатыя черты крѣпостной «дѣвки»; но эстетически это выходитъ непріятно: хотѣлось бы больше звонкости, граціи, изящества,—хотѣлось бы

всетаки больше того французскаго, съ котораго Лиза Грибоѣдовым п
реведена.

Г. Адашевъ въ роли Молчалина гораздо безцвѣтнѣе самого Молча
забавенъ Леонидовъ-Скалозубъ; живыми фигурами являются Москви
Загорѣцкій и Лужскій-Репетиловъ, и даже безмолвный Петрушка, во
шій въ русскую литературу только благодаря своему классическому разод
ному локтю,—даже онъ въ мимикѣ г. Артема выступилъ какъ тип
и жизненное лицо.

И въ общемъ, на сценѣ Художественнаго театра «Горе отъ ума» (
звучавшее, между прочимъ, новыми стихами, изъ которыхъ иные до с
поръ не видали свѣта изъ-за цензуры),—«Горе отъ ума» лишній разъ
казало, что оно живо и свѣжо и что талантливое исполненіе артист
способно показать въ немъ все новые и новые оттѣнки.

«Борьба за престолъ»—одна изъ раннихъ пьесъ Ибсена, и дѣйст
ея, относящееся къ XIII вѣку, одинаково принадлежитъ какъ фактич
норвежской исторіи, такъ и области скандинавскихъ сагъ. Тѣмъ не м
уже здѣсь, на первыхъ шагахъ своей литературной дороги, Ибсенъ п
тилъ глубины своего дальнѣйшаго символизма, и разсказъ о событі
подернутыхъ туманомъ сѣверной старины, онъ поднялъ на степень ж
и общечеловѣческаго смысла. Нѣсколько лицъ боролись за норвежскій
столъ,—больше всего, Гоконъ и Скуле, и объ этомъ повѣствуетъ д
но всмотритесь въ нее ближе, и вы увидите, что рѣчь идетъ о на
всѣхъ людяхъ и о всякой жизни. Ибо мы всѣ—претенденты на прест
мы всѣ желаемъ мощи и первенства; если вѣрить Ницше, именно
влеченіе къ власти составляетъ лучшее, что есть въ человѣкѣ. И по
ярлу Скуле грезится пурпурная мантія и скипетръ, и онъ мечтательно
воритъ: «есть нѣчто великое въ томъ, чтобы быть королемъ». Внутре
цезаризмъ, живущій въ сильной личности и неудержимо зовущій е
первому мѣсту если не въ мірѣ, то въ Римѣ, если не въ Римѣ, т
деревнѣ, не даетъ покоя, заставляетъ идти на счастливца, который
данный моментъ владѣетъ престоломъ,—идти на него войною, съ меч
который собьетъ корону съ головы или корону съ головой. Притязані
престолъ древне, какъ міръ: первымъ претендентомъ на него, какъ это г
ритъ и епископъ Николасъ, былъ падшій ангелъ, Сатана, который не
примириться съ тѣмъ, чтобы быть вторымъ, какъ ярлъ Скуле не
довольствоваться тѣмъ, что онъ былъ поставленъ высоко и хранилъ у
королевскую печать. Манитъ только первое, только все. Можетъ быть,
разъ оттого Тургеневъ устами своего героя и провозгласилъ, что все
жизни сводится къ тому, чтобы быть нумеромъ вторымъ, чтобы преод
въ себѣ желаніе первенства. Но многихъ оно гложетъ, и многіе въ глу
души трепетно и ревниво допрашиваютъ себя: кто выше, кто больше
вождь? Впрочемъ, кто спрашиваетъ, тотъ никогда не достигнетъ цѣли

достигнетъ престола: королемъ дѣлается безтрепетный, осѣненный счастьемъ и вѣрящій въ себя.

Быть можетъ, самый страстный и сосредоточенный изъ всѣхъ претендентовъ на престолъ—восьмидесятилѣтній епископъ Николасъ. Это очень своеобразная и сильно написанная фигура, достойная Шекспира. Невѣрующій священникъ, безбожный служитель Бога, испугавшійся Его только въ предсмертныя минуты, онъ напряженнѣе всѣхъ искалъ престола и меньше всѣхъ имѣлъ на него права и силы. Полумужчина, онъ направлялъ къ женщинамъ безсильныя, «безкрылыя» желанья; трусъ, онъ позорно бѣжалъ съ поля битвы; и онъ сѣтовалъ, что его долгая жизнь была слишкомъ коротка, потому что онъ не успѣлъ увѣнчать короной свою безобразную голову евнуха. И вотъ, самъ не достигнувъ престола, онъ въ послѣднія погасавшія мгновенья своей неправедной жизни, когда призывно звонили для него «небесные колокола», полный мщенья и коварства, сдѣлалъ такъ, чтобы борьба за престолъ стала могучимъ, непрерывнымъ двигателемъ, perpetuum mobile, для остальныхъ его соискателей; и въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Николасъ, или еще раньше, съ тѣхъ поръ, какъ низвергнутъ былъ въ бездну его предшественникъ и покровитель Сатана,—вѣчное движеніе страстей бурлитъ вокругъ жизненнаго трона, и ради трона отвергается женская любовь, и протягиваются къ нему жадныя руки, и сплетаются онѣ въ озлобленной схваткѣ, и нерѣдко удушаютъ въ колыбели королевское дитя, чтобы не было наслѣдника власти, чтобы свободенъ былъ путь къ престолу. А двухъ королей, двухъ вождей въ Норвегіи, въ мірѣ быть не можетъ, потому что на небѣ только одинъ Богъ, и Онъ не потерпѣлъ около себя Сатаны, другого претендента на престолъ.

По Ибсену оказывается, что смѣлый и счастливый имѣетъ и внутреннее, нравственное право на престолъ. Король Гоконъ именно потому король, что онъ одержимъ великой идеей: Норвегію, которая до сихъ поръ была только царствомъ, онъ хочетъ сдѣлать народомъ и слить ея враждующія племена въ одно могучее цѣлое. А Скуле, всю жизнь добивавшійся престола, ожидавшій смерти королей, остался въ пыли, во прахѣ (ибо быть вторымъ, это все равно, что быть послѣднимъ)—потому, что за нимъ не стояло не только счастье, но и нравственное величіе: это былъ не король, а карликъ, облекшійся въ панцырь великана. Гоконъ съ презрѣніемъ говорилъ честолюбивому и въ то же время нерѣшительному, какъ Гамлетъ, Скуле: «Что такъ сильно привлекаетъ васъ? Королевская корона, пурпуровая мантія, право сидѣть на пиру тремя ступеньками выше другихъ,—какія глупости! какая мелочь! Если бы это значило быть королемъ, я давно бы бросилъ королевскую власть въ вашу шляпу, какъ бросаю нищему копейку». И самъ Скуле понялъ, уже увѣнчанный самозванной и мимолетной короной, что можно присвоить себѣ королевскую мантію, но не королевскую мысль. И униженный, растоптанный гордой поступью дѣйствительнаго короля, онъ ушелъ изъ жизни, и «пурпурная мантія крови широко окутала его плечи»; онъ ушелъ вмѣстѣ съ сыномъ,

который хотѣлъ его поддержать, бодрилъ его самымъ фактомъ своего су-ствованія какъ наслѣдника,—и все было напрасно: нельзя быть корол[…] безъ королевской идеи.

Такъ образы сильныхъ борцовъ, могучихъ личностей, въ борьбѣ об[…]тающихъ право свое, являются передъ нами въ характерномъ для Ибс[…] освѣщеніи—въ ореолѣ нравственной мощи, какъ послѣдняго и единст[…]наго оправданія для притязающихъ на престолъ. Во всей пьесѣ во[…] разбросано много глубокихъ мыслей, разительныхъ ситуацій, и почти […]ждый персонажъ ея имѣетъ значительный смыслъ.

На сценѣ Малаго театра сколько-нибудь выдвинулись только роли С[…] и Николаса въ исполненіи гг. Южина и Ленскаго; Гоконъ-Садовскій […] носилъ отпечатка истинной королевской увѣренности, силы и мораль[…] правды. Особенно удовлетворилъ публику г. Ленскій. Онъ въ самомъ д[…] создалъ прекрасный внѣшній образъ для епископа Николаса, не разл[…]ющаго добра отъ зла; однако, поддержанный смѣющимися зрителями, […] усиленно подчеркнулъ комическіе элементы роли, стариковскую слабос[…] страхъ смерти, но оставилъ въ тѣни трагедію своего героя и недостат[…] показалъ въ немъ посланца Сатаны. Замѣчательное III-е дѣйствіе, […] епископъ, умирая, завязываетъ змѣиный узелъ своего perpetuum mo[…] чтобы потомъ дьявольской тѣнью явиться изъ могилы и опутать […] сѣтью претендентовъ на престолъ,—это дѣйствіе г. Ленскій велъ т[…] что въ зрителѣ возникало больше смѣшное, чѣмъ ужасное.

Фрицъ Гейтманъ—пьеса изъ жизни нѣмецкихъ педагоговъ. Она […] показываетъ, какъ подъ вліяніемъ рутины глохнетъ все живое въ […]дяхъ и душа ихъ обрастаетъ мохомъ. Учителя, какъ разъ тѣ, котор[…] должны были бы отличаться неизсякаемой творческой силой, вѣчной […]движностью духа,—какъ разъ они коченѣютъ и, покорившіеся дирек[…] (его образъ прекрасно воплощаетъ г. Ѳедотовъ), механически плетутся […] жизни и все больше и больше опускаются въ ея трясину. Молодому у[…]телю Фрицу Гейтману грозила та же участь, тѣмъ болѣе что труд[…] семейная жизнь побуждала его на уступки директору, на сдѣлки съ […]вѣстью,—но героическимъ усиліемъ воли онъ сбросилъ съ себя пут[…] освободилъ свою душу. Центральной сценой въ пьесѣ является та, […] Гейтманъ въ присутствіи педагогическаго совѣта читаетъ старшимъ уч[…]камъ лекцію, въ которой онъ долженъ былъ отречься отъ своего пре[…]го объясненія міра въ опасномъ для директора и пастора духѣ дарвин[…] И вотъ, когда современный Уріель Акоста, блѣдный, потрясенный, взош[…] на каѳедру, чтобы произнести свое отреченіе, онъ встрѣтился съ пра[…]выми, свѣтлыми взорами юношей,—и тогда не раскрылись у него уста […] лжи и лицемѣрія: онъ къ ужасу педагогическаго совѣта, неожиданно […] всѣхъ, не только не взялъ обратно своей ереси, а даже подтвердилъ […] страстно воззвалъ къ ученикамъ во имя свободы и неподкупной исти[…] Эта эффектная сцена очень удалась г. Садовскому, была героичес[…]

ментомъ его собственной артистической дѣятельности, и публика, необычайно воодушевленная, радостная и ликующая, показала это тѣмъ, что прервала дѣйствіе бурными аплодисментами...

Золотое руно Пшибышевскаго иллюстрируетъ обычную мысль автора о любви, какъ о силѣ стихійной и страшной. Когда она ворвется въ жизнь,— все гибнетъ, и приходитъ смерть. Ибо въ своей мощи любовь сталкивается съ другою силой,—съ неумолимой совѣстью. Онѣ не уживаются между собой, онѣ враждебны, и вражеская встрѣча ихъ разбиваетъ сердце человѣка. Счастье, котораго искали, золотое руно, которое нашли въ любви, давитъ счастливаго, нашедшаго къ землѣ, потому что оно оказывается гнетущимъ и тяжкимъ. И чужая жена, женщина съ золотыми волосами, это золотое руно, которое досталось, наконецъ, любимому и любящему человѣку,—женщина проклинаетъ золото своего счастья, недавно казавшаго ей такимъ желаннымъ: все темнѣетъ, меркнетъ и, сраженный ея измѣной, убиваетъ себя ея мужъ. Возлюбленный обѣщалъ дать ей радость своей любовью, увезти ее въ страну бѣлыхъ павлиновъ, въ тихія индійскія джунгли или въ деревушку, прилѣпившуюся къ скаламъ Пиренеевъ,— на самомъ же дѣлѣ онъ только раскрылъ передъ нею врата смерти.

Пьеса Пшибышевскаго сильна, и если бы ее разыграли первоклассные артисты, она произвела бы еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Въ Новомъ же театрѣ она нашла себѣ только удовлетворительныхъ исполнителей; особенно г-жа Гзовская намѣтила, хотя и блѣдно, изящный образъ хрупкой, какъ фарфоръ, и нѣжно-больной современной женщины, какую-то человѣческую акварель.

Ю. А.

Духъ праздности, Ф. Филиппи, перев. В. О. Шмидтъ. — *Евреи*, Евг. Чирикова.— *...*, Франца-Адама Бейерлейнъ, перев. В. О. Шмидтъ. — *Идіотъ*, передѣлано изъ романа Ѳ. М. Достоевскаго В. Крыловымъ и Г. Сутугинымъ.—Трилогія Юрія Жулавскаго, перев. Н. Буткевичъ: *Игра; Финалъ комедіи; Безкорыстный другъ*.—*Въ городѣ*, Сем. Юшкевича. (Театръ Корша.)

Жизнь денежной аристократіи за послѣднее время довольно часто служитъ сюжетомъ для пьесъ. Блестящая внѣшность этой жизни, доступность эффектныхъ развлеченій даютъ драматургу возможность выбирать изъ многаго то, что ему нужно для компановки пьесы. Затѣмъ, антитезы и мораль. Онѣ сами просятся при изображеніи на сценѣ жизни капиталистовъ. Въ «Духѣ праздности» немного устарѣвшій пріемъ, заключающійся въ томъ, что добродѣтельная, трудящаяся сестра «рѣжетъ правду» въ глаза кутилѣ-брату и эксцентричной, погрязшей незамѣтно для себя въ «духѣ праздности», сестрѣ, — не особенно рѣзко бросается въ глаза, благодаря хорошей и умѣлой игрѣ актеровъ. Горячіе монологи г-жи Смирновой о необходимости труда, какъ основѣ всякаго счастья, о несправедливости, давшей всю жизнь богатаго, ничего не дѣлающаго человѣка, вызвали одобреніе среди публики даже во время дѣйствія. Въ общемъ, публика

приняла пьесу довольно сдержанно. Это происходитъ отъ того, что ав изобразилъ жизнь, не проникая въ глубину ея тайниковъ, и основаніе пьесѣ поставилъ въ зависимости отъ чисто внѣшняго случая,—какъ во избѣгнутое банкротство. Не будь этого предполагаемаго банкротства, праздности попрежнему царилъ бы въ безпечной и обезпеченной коммерціи совѣтника Іоганна Оденталя, обиліе денежныхъ средствъ не ставило бы никого обратиться къ труду и задуматься о цѣли жизни. искусственность въ развитіи самой идеи пьесы, конечно, нѣсколько ра лаживаетъ зрителей. Зрители уходятъ въ концѣ-концовъ не убѣжденн томъ, что духъ праздности дѣйствуетъ разлагающе на всю душу чело Можетъ быть, это и правдиво въ отдѣльныхъ случаяхъ, но такъ ли все Нѣтъ ли еще какихъ-либо болѣе важныхъ причинъ, которыя убиваю развращаютъ душу ничего не дѣлающаго капиталиста? А главное,— *работа трудящагося капиталиста?* Настолько ли она полезна и бла творна для общества, настолько ли она дѣйствуетъ облагораживающе подымаетъ душу трудящагося, какъ и всякій другой трудъ не капитал напримѣръ, учителя, профессора, общественнаго дѣятеля? Изъ пьесы тель долженъ заключить, что сортъ труда не имѣетъ значенія, был это только трудъ. Антитеза его и все несчастіе человѣчества заключ въ духѣ праздности. Очевидно, что такое заключеніе, выведенное спр ливо изъ пьесы, было бы вопіющей міровой несправедливостью.

Актеры исполняютъ эту пьесу хорошо. Всѣ играютъ ровно, безъ каго шаржа, хотя нѣкоторыя положенія давали возможность, ради вяго эффекта, перейти ту незамѣтную грань, около которой часто по сторонѣ идетъ комическое, по другой—буффонское. Чувство художес наго удерживало актеровъ на извѣстной высотѣ и они старательно и дѣлали все возможное для достиженія успѣха пьесы.

Извѣстная пьеса Е. Чирикова—«Евреи» поставлена у Корша и ра грывается хорошо и обдуманно. Декорація производитъ хорошее впеча ніе своей простотой и естественностью безъ излишняго нагромож мелкихъ аксесуаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ обычныхъ ныхъ пріемовъ трехстѣнной декораціи; костюмы характерны въ дост ной степени, но настолько, что не бросаются въ глаза и не мѣш цѣльности художественнаго впечатлѣнія и не развлекаютъ излишне маніе зрителей. Актеры, изображающіе «типичныхъ» евреевъ, гово только съ легкимъ акцентомъ, безъ жаргона. Послѣднее дѣйствіе, жающее погромъ, сильно сокращено. Въ театрѣ идетъ только нача грома, тогда какъ у автора погромъ доведенъ до конца, т.-е. до того мени, когда громилы разбѣгаются, услышавъ топотъ скачущихъ каза лошадей. Но и того, что даетъ театръ Корша, слишкомъ достаточно нервовъ публики, измученныхъ въ продолженіе четырехъ актовъ. Вс при паденіи занавѣса, въ четвертомъ актѣ, начинаютъ слышаться ныя всхлипыванія и истерическіе крики.

Драма Франца-Адама Бейерлейнъ, получившая большую извѣстность въ Германіи, у насъ въ Россіи едва ли можетъ имѣть какое-либо значеніе, какъ по своей идеѣ, такъ и по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Милитаризмъ, офицерская честь и честь общечеловѣческая—такова публицистическая тенденція пьесы, выраженная очень слабо въ очень избитыхъ образахъ. Дѣйствіе происходитъ въ гарнизонныхъ казармахъ маленькаго нѣмецкаго городка въ Эльзасѣ, недалеко отъ границы съ Франціей. Всѣ дѣйствующія лица—военные, за исключеніемъ одного штатскаго, вѣрнѣе, одной дочери вахмистра. Пьеса въ высшей степени несложна. Служака добродѣтельный вахмистръ, его дочка красавица, красавецъ офицеръ безъ нравственныхъ устоевъ, женихъ красавицы—доблестный молодой сержантъ, воспитанникъ вахмистра. Офицеръ соблазняетъ дочь вахмистра, сержантъ за это оскорбляетъ офицера. Судъ. Сержантъ приговоренъ въ тюрьму. Офицеръ отказывается стрѣляться съ вахмистромъ на основаніи офицерской чести, не допускающей дуэли съ унтеръ-офицеромъ и въ результатѣ—обезчещенный отецъ въ запальчивости убиваетъ свою дочь. Все это сдѣлано аляповато и очень примитивно. Добродѣтельный служака—необычайно добродѣтеленъ, фатъ офицеръ—фатъ съ головы до ногъ, пустая взбалмошная дѣвушка съ оттѣнкомъ сентиментальности ничуть и ничѣмъ не выдѣляется изъ обычнаго уровня дѣвушекъ сентиментальныхъ нѣмецкихъ романовъ. Единственная сцена, изображающая засѣданіе военнаго суда, еще можетъ представлять нѣкоторый интересъ по своей темѣ, но для насъ, русскихъ, вслѣдствіе особыхъ бытовыхъ условій, она не такъ важна, какъ можетъ быть важна въ Германіи. Мы ждали въ продолженіе четырехъ актовъ, какъ авторъ отнесется къ самой идеѣ войны, и, къ нашему изумленію, мы нашли много мѣстъ, изъ которыхъ можно заключить, что война—естественная необходимость, что идея ея благородна и возвышенна.

Только одинъ вахмистръ, въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ добродѣтельно обучавшій молодыхъ солдатъ тому, какъ надо убивать людей, особенно французовъ, когда дѣло коснулось его личной чести, когда онъ понялъ, что онъ опозоренъ сильными міра сего, только тогда онъ заговорилъ о существованіи чести общечеловѣческой, о томъ, что его, такого же военнаго, даже болѣе—заслуженнаго, побывавшаго въ бояхъ героя, безнаказанно можетъ обезчестить любой поручикъ, даже не имѣющій за собой никакихъ заслугъ. Г. Лепковскій очень горячо говорилъ этотъ длинный и трудный монологъ, но въ публикѣ онъ встрѣтилъ мало сочувствія, еще меньше сочувствія встрѣтила его дочь (г-жа Лисенко), и все это отнюдь не вслѣдствіе игры актеровъ, талантливой и старательной, а по винѣ автора, не сумѣвшаго захватить шире свою тему и глубже разработать ее.

Нашъ журналъ уже не разъ отмѣчалъ ненужность передѣлокъ прозаическихъ произведеній, какъ повѣствовательныхъ, такъ и описательныхъ,

въ драматическія. Постановка «Идіота», передѣланнаго изъ романа Д
тоевскаго г. Сутугинымъ въ сотрудничествѣ съ опытнымъ драматург
В. Крыловымъ, доказываетъ еще лишній разъ то, что эти передѣлк
достигаютъ своей цѣли и не имѣютъ успѣха у публики. Временами,
на сценѣ шли діалоги, взятые цѣликомъ изъ Достоевскаго, публика,
вольно чувствуя силу великаго писателя, переживала нѣкоторый подъ
но это впечатлѣніе проходило сейчасъ же, какъ только опять начина
«передѣлка». Въ результатѣ получился рядъ сценъ, взятыхъ изъ Дост
скаго почти дословно, эти отдѣльныя сцены оказались болѣе или
искусно соединены въ рядъ сценъ, группы сценъ въ акты, акты—
пьесу. Несмотря на талантливую игру актеровъ, особенно г. Пельц
(князь Мышкинъ) и Смирновой (Анастасья Филипповна) этотъ калейдос
отдѣльныхъ мѣстъ изъ романа не имѣлъ успѣха. Слишкомъ ясна б
громадная разница, лежащая между цѣльностью, послѣдовательным
домъ развитія романа Достоевскаго и искусственнымъ нагроможденіе
наиболѣе драматическихъ мѣстъ, набранныхъ изъ романа передѣлывате
ми. Характеры отдѣльныхъ лицъ остались не закончены и невыясне
въ нѣкоторыхъ случаяхъ неестественны. Зритель, не читавшій самаго р
мана, не пойметъ мотива, руководившаго княземъ Мышкинымъ: любит
жалѣть, а безъ этой основной идеи романа «Идіотъ» Достоевскаго т
етъ свою сущность.

Трилогія Юрія Жулавскаго, состоящая изъ трехъ одноактныхъ к
тенькихъ пьесъ: Игра, Финалъ, Безкорыстный другъ, представляетъ
сомнѣнный интересъ. Разыгрывается она безукоризненно, декораці
обстановка обдуманы въ деталяхъ. Основныя мысли, связующія всѣ
пьесы въ одно цѣлое, заключаются въ слѣдующихъ трехъ искусно про
денныхъ авторомъ положеніяхъ: жизнь не даетъ намъ того, что мы т
буемъ, а можетъ быть, какъ часто случается, мы просто не умѣемъ взя
то, что мы хотимъ, хотя сама жизнь и предоставляетъ намъ желаем
Вторая мысль автора заключается въ томъ, что между женщиной и му
чиной не можетъ быть дружескихъ отношеній, они, если не прекра
ются, то всегда переходятъ въ любовь. Пара, поддерживающая дружес
отношенія, закрываетъ глаза отъ истины, изъ этого самообмана могут
произойти только трагическія послѣдствія. Третья мысль, схожая с
основнымъ положеніемъ въ трилогіи А. Шницлера «Вся жизнь игра—и
рецъ, кто понялъ это», заключается въ томъ, что люди часто не живут
а играютъ сложную игру, какъ бы скользя по поверхности жизни. Э
игра иногда бываетъ такъ дорога для партнеровъ, что при воспомина
о ней, остается только благодарить другъ друга за пережитыя вмѣс
хорошія свѣтлыя мгновенія, но чаще эта игра ведетъ къ ужасной р
вязкѣ, особенно тогда, когда одинъ изъ играющихъ ослабѣваетъ и
вольно уступаетъ главенствующую роль другому. Такъ, въ первой час
логіи «Игра»—красивая актриса даетъ согласіе графу быть его

ровенно разсказываетъ ему, что она его не любитъ и не полюбитъ, ому что она вообще не можетъ любить и никогда никого не любила ренно, хотя, видимо, вся натура ея полна стремленія къ любви, но му всегда мѣшала неудачно сложившаяся жизнь. Она можетъ дать ему ько обѣщаніе быть вѣрной женой навсегда. Приходитъ литераторъ Каіръ, съ которымъ актриса находится въ дружескихъ отношеніяхъ; оба не подозрѣваютъ, что эти отношенія въ сущности—глубокая любовь. аянный поцѣлуй открываетъ имъ то, что они, сами не зная, вели ько сложную и красивую игру. Это откровеніе пришло слишкомъ позд-

Въ «Финалѣ комедіи» молодая жена стараго фабриканта ведетъ отчаую игру кокетства съ инженеромъ-управляющимъ фабрикой, влюбленъ до безумія въ жену своего хозяина. Молодой женщинѣ тоже нрася инженеръ, она мучаетъ его своими неопредѣленными обѣщаніями и концѣ-концовъ своими пытками доводитъ его до самоубійства. Въ то самое время она чувствуетъ себя несчастной, неудовлетворенной среди овой богатой обстановки и не видитъ, что съ любящимъ ее инженеъ она могла бы получить то счастіе, которое открывала ей жизнь. Въ лѣдней части трилогіи—красивая, но не талантливая художница, уѣхавотъ своего нелюбимаго мужа, живетъ въ Парижѣ; пріѣзжаетъ ея зкорыстный другъ», котораго она любила прежде и который любилъ Но въ то время они не сказали другъ другу о своей любви ни слова. аяніе толкнуло молодую даму бросить своего мужа и уѣхать отъ всѣхъ, олько черезъ два года между «друзьями» выясняются ихъ прежнія отенія. Но уже поздно. Неудавшееся счастіе исчезло, неудовлетворенжажда его превратила въ художницѣ любовь въ ненависть и злобу. мститъ своему безкорыстному другу жестокимъ циничнымъ отказомъ его предложеніе все позабыть и идти рука въ руку. Неудачная игра дружбу уничтожила счастіе, которое было такъ возможно.

Пьеса Семена Юшкевича «Въ городѣ» производитъ тяжелое впечатлѣ- Дѣйствіе ея происходитъ въ большомъ городѣ въ еврейской семьѣ. ь автора была указать на то, какъ безжалостно городская жизнь даъ людей, не готовыхъ къ постоянной борьбѣ за существованіе. Глава ьи Гланкъ, состарившись, потерялъ мѣсто и не можетъ найти никао заработка, онъ ходитъ по конторамъ, но... кому нуженъ старикъ? жена Дина заставляетъ идти на тротуаръ свою старшую дочь. Дочь упила, и начинается жизнь скромнаго внѣшняго достатка, покупаемаго сной цѣной. Центральная фигура въ пьесѣ Дина,—жена Гланка вожена непоколебимой философіей, исходящей изъ того положенія, что ь надо, жить хочетъ каждый, что въ жизни человѣкъ человѣку не гъ, а врагъ, хуже врага—волкъ, готовый всегда перегрызть горло гому. «Моя выгода—вотъ честность! Моя польза—вотъ справедливость». аяніе и жажда богатой жизни превратили когда-то молчаливую красау Дину въ жестокую, злую, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся,

преждевременную старуху. Въ своей злобѣ на неудачу и нужду она дохо-
дитъ до неистовства и разрушаетъ возможное счастіе своей старшей до-
чери, когда выгоняетъ ея жениха прочь, потому что онъ бѣденъ. Она
заставляетъ и свою вторую дочь идти на улицу, но когда дѣлается извѣст-
нымъ для всей семьи, какимъ путемъ приходили деньги въ ихъ домъ,
младшая сестра не выноситъ горя и лишаетъ себя жизни. Это однако не
устрашаетъ и не останавливаетъ Дины; она признаетъ только одно—не мо-
жетъ быть ничего, передъ чѣмъ можно было бы остановиться, видя впе-
реди довольство и достатокъ. Если обстоятельства жизни заставляютъ
принести жертву, то надо это дѣлать, не задумываясь, потому что такъ
поступаютъ всѣ, «люди крадутъ, лгутъ, люди убиваютъ, грабятъ, люди
продаются... Все для жизни!» Таково ея убѣженіе; она отнимаетъ ребенка
родившагося у ея дочери, и опять отправляетъ ее на улицу «принест
домой золото».

Таково содержаніе пьесы. Авторъ задался цѣлью указать на не-
справедливость соціальнаго неравенства, на то зло, которое оно по-
рождаетъ особенно въ большихъ городахъ, на тѣ ужасные поступки, ко-
торые проистекаютъ изъ этого неравенства, подобно тому поступку, ко-
торый сдѣлала «Дина». Въ словахъ Дины авторъ хотѣлъ указать на же-
лѣзную необходимость жертвъ, какъ результатъ безвыходнаго положені
Но цѣль эта не была достигнута авторомъ въ его пьесѣ. Дина вышла
него злой и отчаянной эгоисткой, съ жадностью мечтающей о мѣщанско
счастьѣ; обстоятельства дали ей возможность запугать всѣхъ остальны
членовъ семьи и расправляться по-своему, но въ этомъ не было никак
необходимости, это была просто злая воля ограниченнаго и злого че
вѣка. Поэтому и вся пьеса получила какой-то недоконченный характе
попытки сказать великое о великомъ.

М. Л.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Ноябрь 1906 года.

...ржаніе. I. **Книги:** Беллетристика.— Публицистика, критика.— Фило...ія, педагогика.— Исторія литературы, біографіи.— Учебники, пособія, ...и для дѣтей.— Книги для народа.— Справочныя книги. II. **Списокъ ...ъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го октября по 1-е ноября 1906 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

.... Александровскій. Дома и за границей. Разсказы.—*Е. Владимірова.* Изъ жен... жизни. Повѣсти и разсказы.—*Алексѣй Мошинъ.* Штрихи и настроенія.—*Яль... Бергстрёмъ.* Люнггоръ и К°. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Перев. *Ганзенъ.*—*Джіо...ни.* Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е. Поповой.—*Сергѣй Обуховъ. ...ъ* моготу. Разсказъ.—*К. Бальмонтъ.* Стихотворенія. (Дешевая библіотека Т—ва ...ніе").—*Ѳедоръ Сологубъ.* Роднѣ. Стихи. Кн. пятая.—*Г. Галина.* Предразсвѣтныя пѣсни.—*Амари.* Стихотворенія.

...Н. Александровскій. Дома и за границей. Разсказы. Спб., ... г. Ц. 50 к. Разсказы г. Александровскаго написаны съ натуры; ...ихъ больше воспоминаній и публицистики, нежели художественной ...ды и художественнаго вымысла. Написаны они интересно и живо, ...ому и читаются легко. По своему содержанію большинство изъ нихъ ...ется быта политическихъ ссыльныхъ, за исключеніемъ послѣдняго ...каза „Парижскій день". Этотъ разсказъ очень интересенъ по своимъ ...ическимъ подробностямъ. Авторъ описываетъ, какъ онъ проводитъ ... трудовой день въ Парижѣ. Онъ даетъ частные уроки русскаго ...а и кромѣ того состоитъ репетиторомъ по каѳедрѣ русскаго языка ...арижской „Ecole des Langues orientales vivantes". Интересно, какъ ...тся занятія въ „Ecole". Въ противоположность русскимъ университ...ъ, гдѣ профессоръ „читаетъ", а студенты „слушаютъ", гдѣ одинъ ...таетъ, а всѣ учащіеся только получаютъ чужую готовую работу,— ...ное вниманіе въ „Ecole" обращается на самодѣятельность и само...тельность студентовъ. Лекція состоитъ въ живомъ обмѣнѣ мнѣніями ...у студентами и профессоромъ, причемъ отбрасывается въ сторону ...ое ложное самолюбіе, такъ какъ всѣ признаютъ, что errare—huma... est. Студенты заблаговременно посылаютъ профессору письма, въ ...рыхъ отмѣчаютъ всѣ затрудненія и темныя слова или выраженія, ...вшіяся имъ при чтеніи какого-либо отрывка. На основаніи этихъ ...мъ и своихъ изысканій по поводу писемъ и предложенныхъ въ нихъ ...осахъ, профессоръ начинаетъ лекцію и такимъ образомъ сразу ...лаетъ въ общую работу съ отвѣтами на всѣ вопросы, появившіеся ...ушателей; во время этой работы студенты дѣлаютъ свои замѣчанія. ...идно, что порядокъ всегда образцовый, никто не тормозитъ лекцій ...жными разглагольствованіями. Курсъ изученія русскаго языка— ...тичный (авторъ приводитъ подробную программу); кромѣ того на

одинъ годъ каждый студентъ обязанъ съѣздить въ Россію. Авто
утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ достигаются блестящіе усп
Интересно описаніе ученаго филологическаго общества при Сорбо
Авторъ даетъ подробную характеристику французскихъ оріенталисто
особенно же профессора русскаго языка Бойе; параллельно съ эт
идутъ характеристики французскихъ студентовъ, изучающихъ рус
языкъ, молодыхъ русскихъ дипломатовъ, проживающихъ казенныя д
ги въ Парижѣ и молодыхъ французскихъ дипломатовъ, готовящихся д
карьеры въ Россію. Вообще „Парижскій день" Александровскаго, на
санный мѣстами съ легкимъ юморомъ, раскрываетъ много интересн
подробностей о „русскомъ" въ Парижѣ.

Хорошъ разсказъ изъ дѣтскихъ воспоминаній „Высѣкли". Въ се
ской школѣ грамоты, помимо священника и псаломщика, обученіемъ
нимался молодой мѣстный крестьянинъ; онъ самъ учился и училъ д
ревенскихъ ребятъ. Однажды въ школу вошелъ пьяный староста и ст
буянить; учитель, послѣ долгихъ уговариваній и просьбъ уйти и не
шать занятіямъ, долженъ былъ насильно вывести пьянаго старосту. С
роста сталъ ругаться и былъ за это вытолкнутъ изъ сѣней въ сугр
По приговору стариковъ, учителя высѣкли въ „расправѣ" при вол
номъ правленіи за неуваженіе къ „начальству". Авторъ описываетъ
гнетущее впечатлѣніе, которое произвела эта порка на учениковъ, у
ный стыдъ и отчаяніе, охватившіе самого учителя.

Въ разсказахъ изъ быта политическихъ ссыльныхъ авторъ оп
ваетъ преимущественно тѣхъ людей, съ которыми приходится вс
чаться пересыльному, это—часовой, конвойный, банщикъ, завѣду
этапомъ и т. д. Всѣ люди выходятъ у него живыми и характер
во всѣхъ онъ умѣетъ найти человѣческія добрыя черты, поэтому
разсказы не производятъ такого гнетущаго и тягостнаго впечатл
какое получается при чтеніи „записокъ" политическихъ ссыльныхъ.

Е. Владимірова Изъ женской жизни. Повѣсти и разск М., 1906 г. Ц. 85 к. Центральное мѣсто въ книжкѣ г-жи Владимір
занимаетъ четырехактная драма „Бабы". Пьеса написана умѣло,
видимымъ знаніемъ сцены. Это бытовая картина почти безъ психо
ческой разработки. Также какъ и чеховскіе мужики, бабы г-жи Вл
міровой грубы и необразованны, но сверхъ того онѣ надѣлены не
чительной злобой, не говоря уже о крайней развращенности. От
только и берется такая непостижимая злость и зависть? Этого авт
не указываетъ или, если указываетъ, то очень мало. Эта злость и д
ные бабьи языки не только дѣлаютъ невыносимой жизнь всѣхъ окр
ющихъ, но и доводятъ добраго, ни въ чемъ неповиннаго мужика
преступленія. Въ чтеніи драма оставляетъ гнетущее впечатлѣніе;
сценѣ она была бы невыносима: авторъ слишкомъ сузилъ кругъ сво
наблюденій и взялъ слишкомъ однообразный тяжелый тонъ.

Вообще г-жа Владимірова не любитъ женщинъ. Почти всѣ он
нея какія-то надломленныя и нравственно нечистоплотныя. Почти
онѣ мстятъ мужчинамъ за ихъ измѣны и не могутъ придумать ни
другого, какъ мстить такой же измѣной. Почти никто изъ нихъ
остается вѣренъ своей первой привязанности. Можетъ быть, это пр
ходитъ потому, что авторъ выбираетъ темой для своихъ разск
всегда жизнь неудачницъ, переживших или переживающихъ серде
надрывъ, тогда это отчасти понятно. Но несправедливо называть
можетъ быть, нерѣдкіе, но не характерные случаи общимъ заг
„Изъ женской жизни".

Современная жизнь сама собой вопіетъ противъ такихъ обобщеній, и русская женщина своей жизнью и дѣятельностью выработала типъ, который только отчасти, въ двухъ разсказахъ „Сильфида“, „Счастье мое“ удается схватить г-жѣ Владиміровой.

Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Книга вторая. Ц. 1 р. Г. Мошинъ старательно собралъ въ своей книгѣ всевозможныя мелочи подъ видомъ „штриховъ и настроеній“. Что подразумѣваетъ авторъ подъ „штрихами и настроеніями“, намъ совершенно не ясно; вѣдь должны быть какія-нибудь опредѣленныя условія, чтобы штрихи и настроенія получали нѣкоторую цѣнность, какъ художественное произведеніе, и заслуживали того, чтобы ихъ можно было предавать тисненію въ назиданіе потомства, или же можно поступать проще, какъ дѣлаетъ г. Мошинъ: ничего не обозначающій, никому не нужный и нехудожественный пустякъ обзывать штрихомъ или настроеніемъ и этимъ придавать ему цѣнность беллетристическаго произведенія. Однако, подобно тому, какъ паспортъ мало опредѣляетъ стоимость и достоинство человѣка, такъ и претенціозное названіе—„штрихи и настроенія“, данное г. Мошинымъ своимъ произведеніямъ, не даетъ имъ право занять мѣсто среди произведеній искуства. Г. Мошинъ, незамѣтно для себя, съ первыхъ же страницъ впадаетъ въ удивительное однообразіе, которое совершенно исключаетъ понятіе о причудливомъ разнообразіи настроенія и о его „змѣинаго цвѣта отливахъ“. Это удручающее читателя однообразіе заключается въ опредѣленной формѣ содержанія, по которой написаны почти всѣ разсказы. Вотъ въ чемъ заключается эта форма содержанія: Въ началѣ разсказа обыкновенно идетъ описаніе сантиментальной любви,—страдаетъ исключительно *онъ*, затѣмъ появляется *она—свѣтлая* дѣвушка, красавица. *Она* ничего не имѣетъ противъ *него*, но... неумолимая судьба во всевозможныхъ видахъ, преимущественно же въ видѣ неизлѣчимой болѣзни, низводитъ *его* въ безвременную могилу. По этому избитому образцу г. Мошинъ и пишетъ свои „штрихи и настроенія“. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, на чемъ могъ бы остановиться глазъ, ничего характернаго, наоборотъ, часто они удивляютъ читателя своей томительной пустотой, ненужностью и безцвѣтными разговорами. Нѣкоторые разсказы поразительно напоминаютъ протоколы хроникъ ежедневныхъ происшествій. Съ первой же строчки читатель знаетъ конецъ, да и не долго приходится ему трудиться, чтобы подойти къ этому отгаданному концу, такъ какъ замѣтки г. Мошина, собравшаго все въ свою кошницу, часто не превышаютъ и двухъ печатныхъ страницъ. Такая старательная любовь у автора къ своимъ твореніямъ очень цѣнна вообще и очень пріятна для него самого, но она становится въ тягость другимъ, если они, поддавшись на заманчивыя слова:—„штрихи и настроенія“, захотятъ добросовѣстно отнестись къ нимъ и прочитаютъ всю книжку отъ доски до доски.

Только одинъ довольно большой разсказъ „Два мецената“ нѣсколько скрашиваетъ этотъ томикъ. Разсказъ этотъ, впрочемъ, не блещетъ художественными достоинствами, онъ интересенъ по описанію быта современныхъ художниковъ и ихъ меценатовъ: любителей-бѣдняковъ и любителей-милліонеровъ; послѣднихъ художники зовутъ гробовщиками за то, что они, обыкновенно, скупаютъ картины начинающихъ нуждающихся художниковъ наканунѣ закрытія выставки и даже за часъ до закрытія. Интересны описанія пріемовъ этой кулаческой торговли картинами, способы продажи, цѣлые заговоры и походы, устраиваемые милліонеромъ-меценатомъ, чтобы за безцѣнокъ купить цѣнную картину.

Г. Мошинъ, впрочемъ, переписываетъ самого себя и опять возвраща къ темѣ о меценатахъ. Его Даринъ—меценатъ-милліонеръ фигурируетъ томъ же томикѣ, въ томъ же видѣ, даже подъ той же фамиліей и другихъ разсказахъ. Видимо, это просто недосмотръ со стороны авт

Яльмаръ Бергстрёмъ. Люнггоръ и К°, комедія въ 4 дѣйстві Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе С. Скирму М., 1906 г. Ц. 40 к. Въ богатой семьѣ водочнаго заводчика Люнг происходитъ расколъ. Самъ Люнгоръ желаетъ превратить въ акціо ное общество свои заводы, чтобы увеличить процентъ ихъ доходно а его жена и молодой сынъ Яковъ, нахватавшійся верхушекъ зна поборникъ новыхъ идей, желаютъ устроить „водочный заводъ буду го" съ тѣмъ, чтобы передать его впослѣдствіи рабочимъ. Столкнове принимаетъ настолько обостренный характеръ, что жена и сынъ от зываются жить въ домѣ вмѣстѣ съ эгоистомъ „выжимателемъ ра чаго труда". Люнггору-отцу приходится выбирать между женой и номъ, съ одной стороны, и управляющимъ заводами—инициаторомъ ціонернаго общества Гейманомъ—съ другой. Послѣ долгихъ спор все кончается къ общему благополучію. Рабочіе, за часъ до откр акціонернаго общества, объявляютъ забастовку; забастовка грозитъ зореніемъ семьѣ Люнггоровъ. Яковъ идетъ къ рабочимъ и говоритъ рѣчь въ примирительномъ тонѣ; рабочіе освистываютъ его, и ему то тутъ дѣлается ясно, насколько отвлеченная теорія далеко отстоитъ практики жизни, насколько безпочвенны безсмысленныя мечтанія о д бѣ рабочаго съ хозяиномъ и т. п. „Несмотря на всю злобу, кото я прочелъ въ глазахъ рабочихъ,—говоритъ Яковъ,—я видѣлъ с всю эту тысячелѣтнюю злобу и недовѣріе угнетенныхъ... сквозь пламя ненависти плебеевъ къ патрицію,—если хотите, я различилъ ство, которое я уважаю и которое лишь теперь вполнѣ уяснилъ Эти люди ничего не хотятъ принять въ подарокъ... не хотятъ ни за что имъ пришлось бы благодарить... они хотятъ взять свое съ Повѣрьте мнѣ, ихъ потомки будутъ благородными людьми". „Борь единственная достойная человѣка форма существованія, которую у лось выработать до сихъ поръ",—замѣчаетъ въ отвѣтъ на слова Я одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

Комедія написана очень удачно и читается легко. Авторъ съ об тивной безпристрастностью сумѣлъ указать комически-смѣшныя сто въ жизни и увлеченіяхъ людей всякаго класса и положенія. См увлеченіе картинами у богатаго Люнггора, когда онъ приходитъ въ торгъ отъ картины „Нищета", висящей въ его роскошномъ залѣ и пленной за двадцать тысячъ кронъ. Смѣшно увлеченіе благотвори ностью у его жены, смѣшонъ рабочій, называющій себя „современ Спартакомъ"; комиченъ Яковъ съ его непродуманными соціалистиче ми теоріями. Много комичнаго и во второстепенныхъ дѣйствующихъ цахъ. За всѣмъ этимъ комическимъ, какъ бы на дальнемъ планѣ рисовывается желѣзный законъ „борьбы", передъ которымъ смолк всѣ непродуманныя теоріи и быстро проходящія увлеченія. Необхо отмѣтить въ этой комедіи ту безпристрастность, съ которой очер всѣ дѣйствующія лица. Мы не видимъ самого автора, не чувству никакой тенденціи, которая часто проглядываетъ даже у Ибсена и Г мана, читателю здѣсь ничего не навязывается, онъ чувствуетъ съ книгой такъ же свободно, какъ съ самимъ собой, а это очень кое достоинство въ книгѣ, среди теперешняго времени исключите партійности.

Джіованіоли. Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е О. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 80 к. Изъ ряда возстаній древне-римскихъ рабовъ выдѣляется бывшее въ 73—71 гг. до Р. Х. Въ немъ все необыкновенно, изумительно. Полудикіе, безсознательные, забитые и развращенные рабы,—рабы, набранные изъ всевозможныхъ странъ, изъ всевозможныхъ враждебныхъ другъ другу народностей, со всѣхъ сторонъ стекаются подъ одно знамя и въ нѣсколько мѣсяцевъ образуютъ стройную, дисциплинированную армію. Вооруженные чѣмъ попало, полуголодные, ничѣмъ не защищаемые отъ непогодъ, въ теченіе двухъ лѣтъ они разбиваютъ превосходящіе ихъ численностью, иногда въ нѣсколько разъ, „непобѣдимые" римскіе легіоны. Какая сила спаяла ихъ? Почему эти „звѣри въ образѣ человѣка" не предпочтутъ отдѣлиться отъ войска, гдѣ имъ приходится терпѣть всякія лишенія и по доброй волѣ подчиняться дисциплинѣ, для того, чтобы отдаться на свободѣ соблазнительному грабежу роскошныхъ виллъ, гдѣ такъ много и вина, и золота, и другихъ прелестей? Все это смогла сдѣлать необыкновенно свѣтлая, необыкновенно могучая личность Спартака, славнаго вождя этой первой во всемірной исторіи освободительной войны. Если для побѣдъ людей, къ услугамъ которыхъ вся государственная организація, для побѣдъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря требуется военный геній, то для того, что сдѣлалъ Спартакъ, нуженъ былъ не только военный геній, не только громадная умственная сила и сила воли, но и величайшее, сверхчеловѣческое духовное величіе, обаятельная красота и мощь всего умственнаго и нравственнаго склада. Только при сочетаніи всего этого могъ Спартакъ такъ прочно и на такое продолжительное время спаять наименѣе пригодные для мужественной, стойкой, согласованной и планомѣрной борьбы элементы. Только при такихъ условіяхъ могъ онъ сумѣть увлечь полудикую массу святой идеей борьбы за освобожденіе рабовъ, за равенство народовъ и дѣло этой арміи первыхъ борцовъ за свободу высоко-высоко вознести надъ всѣми дѣяніями человѣчества того времени и многихъ послѣдующихъ вѣковъ.

Вотъ почему передъ обаятельно-великой личностью Спартака преклоняются даже римскіе историки, считавшіе рабство учрежденіемъ вѣчнымъ, а все человѣчество—созданнымъ для римлянъ. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ вспоминаютъ о немъ историки современнаго намъ міра. Вотъ почему другой великій вождь освободительной борьбы, Гарибальди, сравнивая Спартака съ Христомъ, называетъ его Мессіей революціи.

На всемъ протяженіи романа Спартакъ очаровываетъ читателя каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ движеніемъ своей необъятно-великой души. Но особенно онъ великъ и прекрасенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сопоставляется съ другимъ великимъ человѣкомъ, „лучшимъ римляниномъ" Юліемъ Цезаремъ (стр. 172—180). Какъ ничтоженъ этотъ славнѣйшій изъ героевъ древняго міра со всѣми его лучшими идеями и грандіозными замыслами передъ всечеловѣкомъ-гладіаторомъ. Въ этомъ отношеніи романъ Джіованіоли явленіе настолько незаурядное въ художественной литературѣ, что вызвалъ слезы восторга у самого Гарибальди.

Но сказаннымъ не исчерпываются достоинства романа. Онъ кромѣ того даетъ прекрасную, живую картину быта, нравовъ и взаимоотношеній различныхъ слоевъ римскаго населенія, даетъ очень мѣткую характеристику главнѣйшихъ римскихъ дѣятелей того періода.

Помѣщенный въ первый разъ въ журналѣ *Дѣло* 70-хъ гг. и изданный въ 1880 г. Благосвѣтловымъ, романъ Джіованіоли пользовался большой популярностью въ Россіи. Теперь же съ 1899 г. онъ расходится

уже вторымъ изданіемъ, не считая многихъ варіантовъ, передѣлокъ и сокращеній. Такая популярность „Спартака" вполнѣ заслуженная. Э одна изъ самыхъ лучшихъ книгъ для всѣхъ круговъ читателей. И мож надѣяться, что, значительно удешевленный въ послѣднемъ изданіи, рома менѣе будетъ замѣняться передѣлками, изъ которыхъ даже лучшія—сл бая тѣнь полнаго перевода.

Сергѣй Обуховъ. Не въ моготу. Разсказъ изъ крестьянс жизни. М., 1906 г. Ц. 9 к. Разсказъ С. Обухова изображаетъ „не моготу" тяжелую жизнь крестьянина. Доведенные высокой арендной п той до нищеты, крестьяне приступили къ самовольной запашкѣ по щичьей земли. Въ результатѣ явились войска и губернаторъ; послѣ п ваго залпа и натиска казаковъ крестьяне остались на площади; да какъ повѣствуетъ авторъ, войска отказались повиноваться начальст мирно ушли изъ деревни. Разсказъ заканчивается описаніемъ погр помѣщичьей усадьбы. Написанъ разсказъ простымъ языкомъ съ знані быта русской деревни въ малоземельныхъ губерніяхъ. По своей тем по изображаемымъ событіямъ онъ носитъ на себѣ явный характеръ п паганды извѣстныхъ идей, а по своему содержанію производитъ тяж и гнетущее впечатлѣніе и, хотя авторъ, заканчивая свой разсказъ, ус старика Юфима говоритъ: „Сгинула неправда вовѣки вѣковъ... Гл Миколка, чисто стало, свѣтло, хорошо..."—читателю не вѣрится, это дѣйствительно такъ, что пожаръ усадьбы и присутствіе въ дер войскъ—свѣтлое и хорошее явленіе въ нашей жизни. Аграрный воп не можетъ быть разрѣшенъ такими „радикальными" мѣропріятіями, и ю дическое право на землю, хотя и по уходѣ войска, всетаки остаетс помѣщикомъ. Очевидно, дѣло не въ силѣ, съ чей бы стороны он употреблялась, а въ новыхъ нормирующихъ законахъ, которые до устранить признанное всѣми малоземелье. Нужна долгая и осмотри ная законодательная работа, а не „майскія иллюминаціи" и ужас сопровождающія ихъ послѣдствія.

К. Бальмонтъ. Стихотворенія. Изданіе товарищества „Знані (Дешевая библіотека). Спб., 1906 г. Ц. 3 к. Какъ извѣстно, соб русской жизни разбудили на лирахъ современныхъ поэтовъ такія с ны, которыя раньше безмолвствовали. Къ числу пѣвцовъ, отозвавш на русскую бурю, принадлежитъ и Бальмонтъ. Въ 12-ти стихотв ніяхъ, которыя собраны въ лежащей передъ нами книжкѣ, онъ звуч хотя и не блещущія красотою строфы посвящаетъ рабочему. И говор онъ о послѣднемъ такъ же страстно и увлеченно, какъ раньше увлека совсѣмъ другими темами.

Я Поэтъ, и былъ Поэтъ,
И Поэтомъ я умру.
Но видалъ я съ дѣтскихъ лѣтъ
Въ окнахъ фабрикъ поздній свѣтъ,
Онъ въ умѣ оставилъ слѣдъ,
Этотъ слѣдъ я не сотру.

. . . .

Былъ я занятъ самъ собой,
Что-жъ, я это не таю.
Часъ прошелъ. Вотъ часъ другой,
Предо мною валъ морской,
О, Рабочій, я съ тобой
Бурю я твою—пою.

Рабочій, странно мнѣ съ тобою говорить:
По виду я другой. О, вѣрь мнѣ, лишь по виду.
Въ фабричномъ грохотѣ свою ты крутишь нить,
Я въ нить свою, мой братъ, вкручу твою обиду.

И кончается книжка могучимъ призывомъ, который изъ словъ партій-ныхъ, программныхъ сумѣлъ создать мелодію:

Рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь,
Вы будете—единый Человѣкъ,
Вы будете—одинъ могучій Витязь.
Рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь,—
Позоръ вѣковъ окончится навѣкъ.

Да, въ наше страшное время всѣ вышли изъ своей уединенности, изъ своей внутренней комнаты: покинули ея экзотическую обстановку, ея чуждое убранство даже и утонченные поэты, и вотъ они стоятъ на площади. Какой разительный и знаменательный переходъ!...

Ѳедоръ Сологубъ. Родинѣ. Стихи. Книга пятая. Спб., 1906 г. Въ этой брошюрѣ нашего экзотическаго поэта собрано нѣсколько красивыхъ стихотвореній, посвященныхъ главнымъ образомъ современной Россіи съ ея тревогами и болями.

О, Русь! въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Такъ восклицаетъ г. Сологубъ, вѣрно указывая на то соединеніе тоски и любви, которое вызываетъ наша родина въ каждомъ изъ насъ. Основная причина, изъ-за которой на куски, на живые, трепещущіе куски разрывается Россія, да и весь міръ, это—существованіе границы, межи, отдѣляющей одно владѣніе отъ другого, или одно владѣніе отъ чужой обездоленности и бѣдности. И вотъ г. Сологубъ трагедіи межи посвящаетъ выразительное и прекрасное стихотвореніе:

Зачѣмъ, скажи,
Въ поляхъ, воздѣланныхъ прилежно,
Среди колосьевъ ржи,
Вездѣ встрѣчаемъ неизбѣжно
Ревнивыя межи?

Одно и то же солнце грѣетъ
Тебя, суровая земля,
Одинъ и тотъ же трудъ лелѣетъ
Твои широкія поля.

Но злая зависть учредила,
Во славу алчности и лжи,
Неодолимыя межи
Вездѣ, гдѣ ты, земля, взрастила,
Хотя единый колосъ ржи.

Очень оригинально стихотвореніе „Спутникъ": шпіонъ убитъ тѣмъ, кого онъ преслѣдовалъ, и убившій разсказываетъ:

За угломъ я всталъ. Я слышалъ
Каждый шорохъ, каждый шагъ.
Затаился. Выждалъ. Вышелъ.
Задрожалъ отъ страха врагъ.

— Баринъ, ты меня не трогай,—
Онъ сказалъ, дрожа, какъ листъ,
— Я иду своей дорогой.
Я и самъ соціалистъ.

Сердце тяжко, больно билось,
А въ рукѣ дрожалъ кинжалъ.
Что случилось, какъ свершилось,
Я не помню. Врагъ лежалъ.

Полно трагизма стихотвореніе „Искали дочь",—искали ее „по участкамъ по больницамъ". Начинается оно такъ:

Печаль въ груди была остра,
Безумна ночь,
И мы блуждали до утра,
Искали дочь,—

а кончается оно такъ:

Ступени скользкія вели
Въ сѣрую мглу,—
Подъ грудой тѣлъ мы дочь нашли
Тамъ, на полу...

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. Н сомнѣнный интересъ представляетъ изящно изданная книжка стихот реній г-жи Галиной. Ея стихи, проникнутые тихой грустью, звуча красиво и читаются легко. Въ книжкѣ собраны исключительно мел стихотворенія, самое большое изъ нихъ не превышаетъ двадцати строк каждое изъ нихъ достаточно отдѣлано и производитъ болѣе или мен хорошее впечатлѣніе по своей формѣ и содержанію. По крайней мѣр мы не нашли ни одного „плохого" стихотворенія, но, наоборотъ, наш цѣлый рядъ стиховъ, написанныхъ искренно, прочувствованно, съ бол въ сердцѣ (а то и съ радостью), иногда тонко оттѣняющихъ раз разныя настроенія и дающихъ красивые образы. Авторъ по преиму ству лирикъ, но его отзывчивое поэтическое чутье угадываетъ недо точность лирики въ наше бурное время. Видимо, его душа выведена покоя созерцанія, въ нее вторглись иные мотивы, открылись новые ризонты. Поэтому въ стихотвореніяхъ г-жи Галиной чистый лиризмъ стоянно перебивается гражданскими чувствованіями, но этотъ лир какъ прирожденный, видимо, настолько силенъ, что г-жа Галина грустью говоритъ о себѣ:

Пѣсни мои—полевые цвѣты,
Имъ не мѣсто въ горячемъ бою...
Оттого я молчу, оттого не пою,
Затаивъ дорогія мечты.

Нуженъ голосъ иной—голосъ сильной души,
Зажигающій искрой сердца...
Не напѣвъ соловья въ предразсвѣтной тиши,
А призывъ вдохновенный борца!

Намъ упрекомъ встаютъ павшихъ братьевъ кресты,
Мы о нихъ позабыть не должны...
Пѣсни гнѣва теперь, пѣсни мести нужны,
А не тихіе вздохи мечты...

Это стихотвореніе служитъ какъ бы ключомъ къ объясненію мі созерцанія г-жи Галиной и довольно точно опредѣляетъ характеръ поэзіи: соединеніе такихъ вздоховъ мечты съ вдохновеннымъ призыв борца. Въ результатѣ появилась грусть не по себѣ, а по другимъ дямъ. У автора нѣтъ огня негодованія, безобразное явленіе не воз щаетъ его душу, а только оскорбляетъ до глубины, и эта душа, вм вдохновеннаго призыва, теряется въ сожалѣніи о людяхъ, въ груст граничащей съ безвольнымъ отчаяніемъ. Такъ, напримѣръ:

Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу понять,
Какъ это можетъ быть?...
Идти затѣмъ, чтобъ убивать,
Иль дать себя убить...

Но мнѣ понять еще труднѣй:
Какъ можно посылать
Своей рукой другихъ людей—
Убить и умирать?...

Оставить домъ, ребенка, мать...
Слова любви забыть...
Нѣтъ... нѣтъ... я не могу понять—
Какъ это можетъ быть?!...

Такова связь, установившаяся въ творчествѣ г-жи Галиной между ея личнымъ страданіемъ и страданіемъ гражданина.

Вообще же поэзія г-жи Галиной невольно трогаетъ душу читателя своей искренностью и пониманіемъ человѣческой души. Такъ, напримѣръ (стихотвореніе Nature morte):

Въ вазѣ букетъ увядающихъ розъ...
Нѣсколько начатыхъ, прерванныхъ строкъ...
Рядомъ—измятый и влажный платокъ
Влажный отъ слезъ...

Что здѣсь схоронено женской душой?
Что эти розы видали вчера?
Кто въ эту ночь здѣсь рыдалъ до утра
Самъ надъ собой?...

Эти восемь строкъ, написанныя безъ вычурности, просто, даютъ сразу цѣлое настроеніе и невольно сообщаютъ читателю грусть о погибшемъ счастіи; мысль о роковой непоправимой ошибкѣ заставляетъ читателя невольно отдаться „мечтамъ" и „тихо вздохнуть"... Такова, по преимуществу, поэзія г-жи Галиной.

Амари. Стихотворенія. Москва, 1906 г. Ц. 10 коп. Книгоиздательство „Молодая Россія". Стихотворенія г. Амари относятся къ нарождающейся у насъ новой гражданской поэзіи, такъ долго молчавшей подъ давленіемъ безпощадной власти красныхъ цензорскихъ чернилъ. Мы оговоримся, сама книжка г. Амари прошла цензуру, и на ней стоитъ клеймо „дозволено цензурой", но это было въ достопамятное время— 10 ноября 1905 года, когда „подписывалось" все, что „представляли",— лишь бы только „представляли", и стихи Амари, рожденные свободно, хотя и „съ дозволенія", говорятъ исключительно о свободѣ. Отличительная черта стиховъ Амари состоитъ въ томъ, что въ нихъ внутреннее содержаніе неизмѣримо превосходитъ внѣшнюю форму. Форма страдаетъ. Изящные образцы нашихъ классиковъ, богатство размѣра и звучность, разработанныя русскими представителями, такъ называемой „декадентской" поэзіи, какъ бы не существуютъ для г. Амари, хотя онъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно обладаетъ поэтическимъ даромъ. Видимо онъ презираетъ эту форму, какъ мишурный блескъ, и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на внутреннемъ содержаніи. Это должно проистекать изъ той вѣры, съ которой онъ относится къ настоящему политическому моменту, переживаемому Россіей, и изъ того презрѣнія, которымъ онъ клеймитъ все, не относящееся къ политикѣ. Все исчезаетъ передъ важностью и значеніемъ освободительнаго движенія конца 1905 года, все остальное, кромѣ этого движенія, неважно и незначительно. Зачѣмъ же заботиться объ изящной формѣ, о звучности размѣра! Эта, поистинѣ, страстная вѣра въ торжество молодой, свободной Россіи доходитъ у Амари чуть не до экстаза и, по правдѣ сказать, подкупаетъ читателя ›оей беззавѣтной искренностью и юношеской горячностью въ пользу ›тора. Онъ искренно любитъ родину и пишетъ объ этой любви горячія рофы, полныя страданія, когда говоритъ о неудачахъ прошлаго, и пол›ыя радости, когда говоритъ о будущемъ. Онъ съ восторгомъ вѣритъ › то, что „судьба народа моего свѣтла", хотя ему и суждено еще „до ›а испить всю чашу бѣдъ и горя". Эти бѣды, горе не страшатъ и не ›тъ быть препятствіемъ, наоборотъ, онѣ только окрыляютъ борца,

его сердце полно гнѣвной страстью и, запертый въ тюрьму, онъ буд[illegible] всегда взывать къ волѣ, къ мщенію; холодный камень не сгоритъ [illegible] возмущеннаго гнѣва, и сердце борца само сгоритъ въ собственномъ [illegible] страстной жажды свободы и въ бурѣ гнѣвнаго негодованія. Таково [illegible] изъ лучшихъ стихотвореній г. Амари, подъ названіемъ „Борецъ". [illegible] довольно ярко рисуетъ характеръ міровоззрѣнія и гордую страст[illegible] автора.

Очень прочувствованно написано стихотвореніе памяти князя С. [illegible] Трубецкого—„На смерть гражданина"; мы приведемъ нѣкоторыя стр[illegible] этого стихотворенія:

> Прекрасна смерть солдата на войнѣ:
> Есть смерть еще славнѣе и ужаснѣй,
> Но ничего нѣтъ выше и прекраснѣй,
> Чѣмъ такъ сгорѣть на внутреннемъ огнѣ
> И гнѣва и любви къ родной странѣ.
>
> Нѣтъ, не коварный врагъ его убилъ,
> Не подъ чужою онъ погибъ рукою;
> Но онъ съ такой безумною тоскою
> Измученную родину любилъ,
> Что самъ себя сознательно губилъ.
>
> О, не щадилъ больного сердца ты!
> И сердце билось скорбью и любовью,
> И истекало, исходило кровью,
> И порвалось... Какъ много красоты
> Въ твоей кончинѣ, полной простоты!

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжа[illegible] *А. Д. Стопневичъ*. Процессъ 193-хъ.—*В. И. Покровскій*. Жены декабрист[illegible] *Л. Вересовъ*. Подвиги русской женщины.—Жизнь лейтенанта Шмидта.—*С. П. М*[illegible] Дѣло М. А. Спиридоновой.—*В. Владиміровъ*. Марія Спиридонова.—*И. К. Ко*[illegible] Памяти павшихъ.—*Е. К. Ножинъ*. Правда о Портъ-Артурѣ.—*Ларенко*. Стр[illegible] дни Портъ-Артура.—*Веревкинъ*. Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни [illegible] деннаго Артура.—*Купчинскій*. Въ японской неволѣ.—*Н. Баженовъ*. Психологія [illegible] нимыхъ.—*Г. Плехановъ*. Генрихъ Ибсенъ.—*Р. Трейманъ*. Тирано-борцы.—*Проф.* [illegible] *Озеровъ*. Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа.—*И. П.* [illegible] *конскій*. Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россі[illegible] родскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожерт[illegible] ные московск. город. общ. управленію въ теченіе 1863—1904 гг.—*М. П. Щ*[illegible] Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городового Положенія.

Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія по[illegible] тическаго каторжанина. Книгоизд. „Народная Воля". Спб., 19[illegible] Настоящая брошюра—перепечатка заграничнаго изданія. Она прина[illegible] житъ Свитычу, осужденному по процессу Ковальскаго, и носила [illegible] головокъ „Надгробное слово Александру II". Ни того, ни другого [illegible] издательство „Народная Воля" почему-то не указало. Изображаетъ [illegible] жизнь заключенныхъ въ харьковской „централкѣ", куда въ пол[illegible] семидесятыхъ годовъ заключали политическихъ преступниковъ для [illegible] ванія каторжныхъ работъ. Впечатлѣніе отъ разсказа получается [illegible] потрясающее. Ужасы одиночнаго заключенія, лишеніе переписки, [illegible] и работы, самыя утонченныя издѣвательства, даже побои доводили за[illegible] ченныхъ до тяжелыхъ нервныхъ болѣзней и сумасшествія. Нѣкото[illegible] изъ нихъ просили для себя, какъ милости, смертной казни; когда [illegible] изъ нихъ скрутили веревками, онъ началъ упрашивать „придуши[illegible]

совсѣмъ". За малѣйшiй протестъ даже больныхъ лишали тюфяковъ, кидали въ темный, сырой и зловонный карцеръ, избивали до полусмерти. Когда Мышкинъ, желая добиться смертной казни, ударилъ смотрителя, разыгралась слѣдующая сцена: „Въ воздухѣ взвивается свинцовый набалдашникъ палки, съ которой повсюду ходитъ Копнинъ, и со всего размаха опускается на бритую голову Мышкина. Тотъ падаетъ, теряя сознанiе, а разсвирѣпѣвшiй смотритель продолжаетъ осыпать его ударами, ругаясь непечатными словами на всю церковь. Стоявшiе въ отдаленiи надзиратели кидаются на помощь своему повелителю, и передъ алтаремъ *Бога* всепрощенiя и христiанской любви начинается бойня: надзиратели бьютъ ногами по лицу лежащаго безъ движенiя Мышкина; остервенѣнiе ихъ доходитъ до того, что они буквально начинаютъ плясать у него на груди, притопывая каблуками"...

Сумасшедшихъ продолжали содержать въ тюрьмѣ, и они своими дикими криками не давали покою остальнымъ товарищамъ ни днемъ, ни ночью. Количество смертей и сумасшествiй было настолько велико, что даже высшее начальство должно было обратить на нихъ вниманiе. Выжившихъ, несмотря на всѣ эти ужасы, каторжанъ рѣшили перевести въ Сибирь. Такъ какъ они были очень слабы, ихъ продержали около полугода въ мценской пересыльной тюрьмѣ—„для поправки".

Когда читаешь все это, дѣлаются вполнѣ понятными глубокая ненависть революцiонеровъ къ тогдашнему харьковскому генералъ-губернатору князю Кропоткину и его убiйство, и яснѣе становится многозначительный смыслъ подзаголовка.

А. Д. Стопневичъ. Процессъ 193-хъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. Брошюра г. Стопневича назначена для „большой публики", которая врядъ ли осилитъ полный отчетъ объ этомъ интереснѣйшемъ политическомъ процессѣ 70-хъ годовъ, въ виду его громоздкости и сложности. Она знакомитъ въ общихъ чертахъ съ тѣмъ движенiемъ, которое привело къ процессу, ходомъ процесса, даетъ (съ нѣкоторыми сокращенiями) знаменитую рѣчь Мышкина, выдержки изъ обвинительнаго акта и приговоръ. Полный правительственный отчетъ объ этомъ процессѣ (безъ рѣчи Мышкина и приговора, которые войдутъ въ другое изданiе „Рѣчи подсудимыхъ процессовъ 50 и 193") напечатанъ г. Саблинымъ (съ предисловiемъ В. В. Каллаша. М., 1906 г., цѣна 1 рубль).

1) В. И. Покровскiй. Жены декабристовъ. Сборникъ историко-бытовыхъ статей. М., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к. 2) Л. Вересовъ. Подвиги русской женщины. Страница изъ исторiи общественнаго движенiя въ Россiи. Спб., 1906 г. Ц. 20 к. Русская женщина начала свою общественную дѣятельность высокимъ подвигомъ самоотверженiя. Жены декабристовъ не только послѣдовали за мужьями въ „глубину сибирскихъ рудъ", въ „каторжныя норы", во мракъ и ужасъ тогдашней ссылки, но и явились добрыми генiями всего тамошняго населенiя. Какъ показываютъ воспоминанiя Бѣлоголоваго, благодарная память о нихъ до сихъ поръ не умерла въ Сибири. Русскому обществу напомнитъ о нихъ и ихъ многострадальной жизни хорошо подобранный матерiалъ сборника г. Покровскаго. Въ него вошли удачно выдѣленные отрывки изъ воспоминанiй Басаргина, Волконской, барона Розена, статей г. Щеголева, Бѣлоголоваго, Максимова и пр., которые ярко рисуютъ личности „женъ декабристовъ" и ихъ дѣятельность въ Сибири. Брошюра г. Вересова даетъ сжатую бiографiю и характеристику М. И. Волконской, составленную главнымъ образомъ по ея запискамъ. Новыхъ фактовъ она не даетъ, но написана литературно и читается не безъ интереса.

1) Жизнь лейтенанта Шмидта. „Правовая казнь". Спб., 1906 г. Ц. 30 к. 2) С. П. М—инъ. Дѣло М. А. Спиридоновой. „Народн. бесѣда". Спб., 1906 г. Ц. 15 к. 3) В. Владиміровъ. Марія Спиридонова. М., 1906 г. Ц. 1 р. 4) И. К. Кольцовъ. Памяти павших. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. М., 1906 г. Ц. 50 к. Жуткое и въ то же время трогательное впечатлѣніе производятъ эти книги. Онѣ отразили всѣ грубыя и дикія противорѣчія нашего проклятаго времени: разгулъ стихійныхъ первобытныхъ страстей, сладострастіе мучительства, возведенное въ законъ жизни вопіющее беззаконіе—и жажду подвига, благородный въ своей наивной прямолинейности энтузіазмъ, красоту полнаго самоотреченія. Въ кровавомъ сумракѣ безпощадной и тупой контръ-революціи вырисовываются женственно-мягкія фигуры мечтателя-апостола демократическаго народнаго представительства, мужественная дѣвушка, которая всѣмъ сердцемъ отозвалась на народную боль и которой пришлось платиться за это своею честью, здоровьемъ, въ недалекомъ будущемъ жизнью,—пылкая учащаяся молодежь, которая имѣла неосторожность повѣрить въ сказку новой жизни послѣ 18 октября или попыталась осуществить ее и нашла себѣ только безвременную, ужасную смерть.

Первыя двѣ книги даютъ одни факты. Г. Владиміровъ пробуетъ обобщать и подчеркивать—и вноситъ зачастую ложные штрихи, даже тамъ, гдѣ болѣе чѣмъ достаточно было одного констатированія факта. У него нѣтъ чувства мѣры—и иногда такта. А тактъ нуженъ былъ прежде всего и больше всего: взятая имъ на себя задача слишкомъ болѣзненно щекотлива.

Г. Кольцовъ въ этомъ отношеніи оказался болѣе чуткимъ. Онъ, по виду спокойно и дѣловито, группируетъ собранные имъ потрясающіе факты, отъ себя онъ мало говоритъ — и это только усиливаетъ впечатлѣніе.

Отъ всѣхъ ихъ вѣетъ тѣмъ уродливымъ кошмаромъ современной нашей дѣйствительности, которому съ трудомъ повѣритъ ея будущій историкъ.

Е. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.—Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 5 р.—Веревкинъ. Страницы изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г.—Купчинскій. Въ японской неволѣ. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Когда вѣсть о начавшейся японско-русской войнѣ отрывками дошла до заживо погребенныхъ шлиссельбургскихъ узниковъ, въ ихъ жизнь прокрался лучъ надежды. Не зная причинъ войны, ни хода дальнѣйшихъ событій, они тѣмъ не менѣе понимали, что здѣсь столкнулись абсолютизмъ, все обезличившій, и свободный режимъ, внесшій въ основные законы гарантіи всесторонняго развитія личности. Боролись двѣ индивидуальности, одна, порабощенная и связанная, другая только что сбросившая рабскія узы и рвущаяся къ прогрессу съ первымъ пыломъ освобожденныхъ силъ. Побѣда Японіи, какъ бы это ни задѣвало патріотическаго чувства, была предопредѣлена, предопредѣлена тѣмъ режимомъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ безпощадно и безжалостно вытравливалъ всѣ лучшія творческія силы страны.

Г. Артемьевъ, бывшій редакторъ газеты *Новый Край* въ Портъ-Артурѣ, газеты, помѣщеніе которой, съ одной стороны, засыпали японскія бомбы, и которую, съ другой стороны, жестоко преслѣдовала двойная (военная и морская) цензура,—теперь въ цѣломъ рядѣ изданій рѣшилъ дать

живую картину одного изъ самыхъ острыхъ моментовъ войны, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается весь ея ужасъ, картину осады Портъ-Артура. Эпиграфомъ къ этимъ изданіямъ могли бы служить безхитростныя слова одного изъ авторовъ,—Ножина, который пишетъ: „Вся исторія Россіи намъ подтверждаетъ, что правящій классъ строго охраняетъ свои права, а о долгѣ, которымъ собственно и пріобрѣтаются права,—никто не думаетъ, считая это блажью „идейныхъ“ людей“. „Портъ-Артуръ—это Россія въ миніатюрѣ,—замѣчаетъ г. Ларенко.—Безграничный самодурствующій произволъ, казнокрадство и мелкая вражда на почвѣ зависти и честолюбія имѣющихъ огромную и безотвѣтственную власть начальниковъ, съ одной стороны, и темныя, невѣжественныя массы, съ другой—вотъ тотъ мрачный фонъ картины, которая развертывается передъ читателемъ во всей своей наготѣ и ужасѣ. Книги г. Ларенко, а главнымъ образомъ Ножина—это огромный обвинительный актъ противъ Стесселя, Фока и имъ присныхъ, бездарныхъ и безконтрольныхъ ничтожностей, всѣмъ своимъ поведеніемъ ведшихъ крѣпость къ одной цѣли: къ капитуляціи передъ врагомъ. Шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ авторами разбираемыхъ книгъ, слѣдя и переживая осаду Артура, читатель испытываетъ чувство безграничнаго негодованія передъ образомъ дѣйствій Стесселя, Фока и друг. Ихъ знаменитые безграмотные приказы, насквозь проникнутые невѣжествомъ и невѣроятнымъ самомнѣніемъ, препятствія, чинимыя ими дѣйствительнымъ работникамъ и самоотверженнымъ героямъ на пути укрѣпленія и защиты крѣпости—все это положительно не поддается описанію. Между тѣмъ Стессель единолично сносился съ Петербургомъ, и нѣсколько попытокъ разоблачить его позорную игру, основанную на грубомъ обманѣ, потерпѣло пораженіе, потому что письма и телеграммы съ разоблаченіями не доходили по назначенію и вызывали лишь гоненіе на ихъ авторовъ. Мы надѣемся, что обширный матеріалъ, собранный гг. Ларенкомъ и Ножинымъ, не останется безъ вниманія на предстоящемъ судѣ надъ Стесселемъ, хотя несомнѣнно и то обстоятельство, что за личностью этого дѣятеля остаются въ тѣни болѣе внушительныя фигуры, и что самъ Стессель является только неизбѣжнымъ порожденіемъ нашего автократическаго режима.

Книга Купчинскаго посвящена описанію жизни русскихъ плѣнныхъ въ Японіи. „Кто не былъ самъ въ плѣну,—пишетъ авторъ,—тотъ не понимаетъ всего, что подразумѣется въ этомъ словѣ: тамъ и униженіе, и обида, и жалость къ другимъ, и жгучая тоска по свободѣ и родинѣ, страшная тягость безцѣльной, томительной неизвѣстности, горькія минуты нарождающихся событій внутренней безыдейной, безсмысленной жизни... и много, много еще другого, о чемъ говорить можно было бы очень долго“. Характеренъ тотъ фактъ, что многіе изъ безграмотныхъ русскихъ солдатъ выучились грамотѣ въ школахъ, устроенныхъ японцами для нихъ во многихъ городахъ. Серіей своихъ изданій г. Артемьевъ принесъ несомнѣнную пользу русскому обществу, хотя по своей цѣнѣ эти изданія не вполнѣ доступны широкимъ кругамъ читающей публики.

Н. Баженовъ. Психологія казнимыхъ. Москва, 1906 г. Ц. 15 к. Небольшая брошюра г. Баженова посвящена описанію того мучительнаго психопатическаго состоянія, которое создается у приговоренныхъ къ смертной казни передъ исполненіемъ приговора. Государственные люди, утверждающіе, что, казня убійцъ смертью, государство воздаетъ имъ тою же мѣрою, какою они мѣряли, или грубо ошибаются, или лицемѣрно и преступно лгутъ. „И если они посягаютъ на тѣло,—замѣчаетъ авторъ

брошюры,—на жизнь другого человѣка, то съ какой точки зрѣнія опра даютъ они посягательство на его душу. Съ какимъ преступленіемъ измѣрима та предсмертная моральная пытка, которая implicite содержится въ смертномъ приговорѣ и которая по напряженности душев боли превышаетъ то, что можетъ вытерпѣть человѣкъ, ибо даже Бо человѣкъ молилъ: „да минетъ Его чаша сія!“ Авторъ брошюры при дитъ цѣлый рядъ въ высокой степени патетическихъ сценъ и описа смертной казни и главнымъ образомъ описаній душевнаго состоянія пр говоренныхъ къ смерти изъ наиболѣе выдающихся произведеній міров литературы, а также свои собственныя наблюденія и размышлен „Смертная казнь есть кара, по жестокости и ужасу несоизмѣримая да съ самымъ страшнымъ преступленіемъ, и государство, казня смерть воздаетъ не око за око, но творитъ, если даже допустить справедл вость этого нехристіанскаго и ветхозавѣтнаго принципа, нѣчто совершен несправедливое и является несравненно болѣе жестокимъ, чѣмъ пр ступникъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе“—таковъ спра ливый выводъ автора. Хорошей иллюстраціей къ этому выводу служ разсказъ „Казнь“, напечатанный въ августовской книгѣ нашего жу нала.

Г. Плехановъ. Генрикъ Ибсенъ. Спб., 1906 г. Въ лицѣ Ибс сошелъ со сцены одинъ изъ самыхъ крупныхъ современныхъ міров писателей. Критическій этюдъ Плеханова, выясняющій характерныя о бенности творчества Ибсена, полонъ захватывающаго интереса. Авто задается вопросомъ, почему при всей колоссальной общепризнанной си этого мірового таланта, въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ часто кія блѣдныя, схематическія фигуры, почему въ нихъ порою такъ мѣтно присутствіе антихудожественнаго элемента. „Кто внимател читалъ и перечитывалъ драмы Ибсена,—замѣчаетъ г. Плехановъ,—т не могъ не замѣтить наличности въ нихъ этого элемента. Именно, б годаря этому элементу его драмы, мѣстами полныя такого захваты ющаго интереса, мѣстами становятся почти скучными“.

Вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ въ томъ смыслѣ, что Ибсе будучи однимъ изъ величайшихъ профессоровъ „бунта человѣчес духа“, по мѣткому выраженію Ренэ Думика, не вкладывалъ въ это бунтъ опредѣленнаго, а часто даже никакого содержанія. „Пропов бунта человѣческаго духа внесла въ творчество Ибсена элементъ ве чія и привлекательности. Но когда онъ проповѣдовалъ этотъ бунтъ, сamъ хорошенько не зналъ, къ чему онъ долженъ привести. Поэто онъ—какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—дорожитъ б томъ ради бунта. А когда человѣкъ дорожитъ бунтомъ ради бун когда онъ самъ не понимаетъ, къ чему бунтъ долженъ привести, то его проповѣдь по необходимости становится туманной. И если онъ слитъ образами, если онъ художникъ, то туманность его проповѣди премѣнно приведетъ къ недостаточной опредѣленности его образовъ. художественное произведеніе вторгнется элементъ отвлеченности и с матизма. И этотъ отрицательный элементъ несомнѣнно присутствуетъ, къ бо̀льшему вреду для нихъ,—во всѣхъ идейныхъ драмахъ Ибсена“.

Авторъ подтверждаетъ свои положенія детальнымъ разборомъ гихъ произведеній Ибсена и полагаетъ, что роковые промахи мысл этого даровитаго, умнаго и обладавшаго къ тому же самой неподд ной и сильной жаждой истины писателя обусловливаются вліяніемъ его міросозерцаніе той общественной, мелко-буржуазной среды, въ торой онъ родился и выросъ. „Когда данная личность протесту

тивъ окружающей пошлости и неправды, тутъ непремѣнно сказываются ея умственныя и нравственныя особенности: ея проницательность, ея чуткость и отзывчивость и т. п. Каждая личность своей особой походкой идетъ по дорогѣ протеста. Но куда ведетъ эта дорога, это зависитъ отъ общественной среды, окружающей протестующую личность. Характеръ отрицанія опредѣляется характеромъ того, что подвергается отрицанію". Мы поневолѣ должны ограничиться здѣсь изложеніемъ основныхъ положеній критическаго этюда г. Плеханова; для ознакомленія съ анализомъ ибсеновскихъ драмъ, подтверждающимъ эти общія положенія, мы отсылаемъ читателя къ самой брошюрѣ.

Р. Трейманъ. Тирано-борцы (Monarchomahen). Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ пред. Рейснера. Книгоиздател. „Дѣло". 1906 г. Ц. 50 к. Изслѣдованіе Треймана представляетъ краткій этюдъ изъ исторіи государственныхъ ученій. Теорію тираноубійства во всемъ ея юридическомъ обоснованіи, во всей тонкости естественно-правовой и богословской аргументаціи, вытекающую изъ общаго политическаго міровоззрѣнія авторовъ, г. Трейманъ желаетъ привести въ связь съ политическими стремленіями и задачами породившаго эту теорію переходнаго историческаго момента". „Среднее сословіе,—пишетъ Рейснеръ въ своемъ обширномъ предисловіи,—пробуждается опутанное со всѣхъ сторонъ сѣтью богословскихъ ученій и феодальнаго міровоззрѣнія, оно бьется на нашихъ глазахъ въ плѣну схоластическихъ и теоретическихъ конструкцій, но сквозь чащу окружающей ее старины уже блещутъ великія звѣзды французской революціи: и суверенный индивидъ, и законодательный разумъ, и земное блаженство людей, пробужденныхъ Руссо къ новой свободѣ и неотчуждаемымъ правамъ".

Нужно замѣтить, что для средняго читателя книга г. Треймана врядъ ли представитъ значительный интересъ. Сухость изложенія, узкія рамки средневѣковья, какая-то разбросанность и несистематичность матеріала—все это до послѣдней степени затрудняетъ чтеніе книги. Съ другой стороны, отсутствіе широкаго фундамента въ видѣ цѣльнаго и научнаго историческаго міросозерцанія дѣлаетъ изъ работы г. Треймана не серьезный научный трудъ, а кропотливое изслѣдованіе въ духѣ нѣкоторыхъ третьестепенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Предисловіе г. Рейснера прочитывается легко и съ интересомъ.

Проф. Ив. Озеровъ. Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа. М., 1906 г. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 10 к. Когда охранители и рептиліи говорятъ о чрезмѣрности у насъ земскаго обложенія, они обнаруживаютъ или невѣжество, или лицемѣріе: всего мѣстныхъ сборовъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ и по городовому самоуправленію насчитывается менѣе 300 милліоновъ (города болѣе ста), а государственный бюджетъ, непрерывно подымаясь въ гору, доходитъ уже до двухъ съ половиною милліардовъ рублей. На западѣ это соотношеніе гораздо болѣе благопріятно мѣстному самоуправленію, въ ...тліи же его расходы достигаютъ размѣровъ государственнаго бюджета, ...гда превосходятъ его.

Проф. Озеровъ подвергаетъ обстоятельному разбору систему нашего ...скаго обложенія и отмѣчаетъ ея вопіющіе недостатки. Земля и лѣса ...ложены въ 47 милліоновъ (53,1%). Съ крестьянъ приходится, въ сред...мъ, съ десятины 26 коп. Съ частныхъ землевладѣльцевъ — 20 коп. ...орговля и промышленность даютъ земству только тринадцать съ поло...ою милліоновъ (15,1%). „Нельзя не признать,—справедливо говоритъ ...ф. Озеровъ,—что торговля и промышленность въ сферѣ земскаго обло-

женія пользуются незаслуженной льготой; я говорю незаслуженной по тому, что многообразная культурная дѣятельность земства сильно содѣйствуетъ развитію торговли и промышленности". (Мимоходомъ г. Озеровъ отмѣчаетъ: земскіе расходы на народное образованіе достигали 23 коп. на жителя, а министерства народнаго просвѣщенія лишь шести-семи копеекъ).

Проф. Озеровъ стоитъ за коренную демократическую реформу наш... самоуправленія. Очень рекомендуемъ его брошюру.

И. П. Бѣлоконскій. Отъ деревни до парламента. Роль земст... въ будущемъ строѣ Россіи. Изданіе „Донской Рѣчи". Цѣна 6... Брошюра г. Бѣлоконскаго заслуживаетъ большого вниманія. Ему хоро... извѣстны бытовыя условія крестьянскаго населенія во многихъ мѣст... стяхъ Россіи.

Съ нѣкоторыми положеніями автора рѣшительно нельзя согласиться например, съ такимъ утвержденіемъ: „Правильно организованное зе...ство можетъ замѣнить вторую палату, но настолько авторитетную, что можно не опасаться, какова будетъ первая палата: земство не дозволи... ей преслѣдовать сословные или буржуазные интересы—въ лицѣ земст... вся страна возвыситъ свой голосъ противъ такого *правительства*" (...

Можно защищать пользу второй палаты, какъ сдерживающей у... ченія первой, но основная роль въ политической и законодательной жи... страны будетъ, конечно, принадлежать первой палатѣ, избранной пр...мымъ и всеобщимъ голосованіемъ.

Произвольнымъ намъ кажется установляемый г. Бѣлоконскимъ р...мѣръ населенія для проектируемой мелкой земской единицы (1,500—3,0... душъ обоего пола). Соображенія автора о выборахъ въ мелкой земс... единицѣ въ губернскіе гласные въ нашихъ глазахъ являются недо... точно обоснованными и непрактичными. Но въ общемъ, повторяемъ, ... брошюрою г. Бѣлоконскаго полезно познакомиться.

Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвова... и капиталы, пожертвованные московскому городскому об...ственному управленію въ теченіе 1863—1904 г. Изд. моско... городск. обществ. управленія 1906 г. Въ концѣ 1900 г. въ одно... изъ засѣданій московской городской думы было высказано призна... что увеличивающійся изъ года въ годъ притокъ частныхъ пожертво...ній на нужды городского населенія возлагаетъ на городское управле... нравственный долгъ возможно шире распространять свѣдѣнія о дѣяте...ности основанныхъ на пожертвованныя суммы учрежденій, чтобы „ка...дый могъ наглядно убѣдиться въ томъ, что добрыя дѣла жертвовате... не заглохли". Съ этой цѣлью постановлено было составить описа... основанныхъ на жертвованные капиталы учрежденій, въ програму ко...тораго должны были войти, „кромѣ свѣдѣній о размѣрахъ пожертвова... и о томъ, что сдѣлано городомъ на пожертвованныя суммы, также исто...рическіе очерки о дѣятельности различныхъ городскихъ учрежде... основанныхъ жертвователями, и краткія свѣдѣнія о томъ, какую ро... въ городской жизни играютъ эти учрежденія на-ряду съ другими бла...готворительными и просвѣтительными начинаніями городского упра...нія". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ сборника предполагалось „включ... также и свѣдѣнія о важнѣйшихъ нуждахъ городской благотворите... ности, общественнаго призрѣнія и народнаго образованія, остающи... неудовлетворенными по недостатку средствъ городского управленія, та... какъ такія указанія сослужили бы большую пользу въ дѣлѣ бы... цѣлесообразнаго направленія пожертвованій".

Результатомъ этого постановленія и явился настоящій капитальный трудъ, составленный при коллективномъ сотрудничествѣ 8 лицъ и обнимающій собою обширный томъ въ 470 стр. текста, снабженнаго многочисленными планами учрежденій и 103 иллюстраціями ихъ внутренняго устройства и внѣшняго вида.

Не считая мелкихъ суммъ, не превышающихъ тысячи рублей, число сдѣланныхъ городу пожертвованій достигало за 40 лѣтъ, съ 1863 по 1903 годъ—675, въ общей сложности на огромную сумму въ 23,8 мил. руб., причемъ на долю первыхъ двухъ десятилѣтій дѣятельности городского самоуправленія, пока большинство благотворительныхъ учрежденій находилось еще въ вѣдѣніи казеннаго приказа общественнаго призрѣнія, приходится только 5,5% этой суммы. Притокъ частныхъ пожертвованій начался только съ 87 года, когда эти учрежденія были переданы въ вѣдѣніе города, и для жертвователя явилась такимъ образомъ возможность передавать создаваемыя ими учрежденія въ вѣрныя руки общественнаго самоуправленія. Изъ общаго числа пожертвованій 51 были сдѣланы на крупныя суммы свыше 100 т. р., причемъ самыми цѣнными изъ пожертвованныхъ учрежденій оказались двѣ больницы (медвѣдниковская и солдатенковская) и знаменитая третьяковская галлерея, стоимость которой опредѣляется почти въ 2 мил. р. Изъ пожертвованныхъ суммъ собственно на устройство и оборудованіе различныхъ учрежденій предназначалось 15 мил. р., а остальные 9 мил. р. были обращены въ неприкосновенные капиталы на ихъ содержаніе, дающіе около 235 т. р. годового дохода. Къ 1904 г. изъ жертвованныхъ суммъ оставался еще неизрасходованнымъ солидный фондъ въ 5 мил. р., 10 же мил. р. были вложены уже въ дѣло городского благоустройства, и настоящій трудъ даетъ интересную картину мѣропріятій, осуществленныхъ на эти средства.

Въ длинномъ спискѣ учрежденій, созданныхъ или существующихъ, вполнѣ или отчасти, на пожертвованныя средства, мы встрѣчаемъ и собственно благотворительныя учрежденія—пріюты для сиротъ, неизлѣчимыхъ эпилептиковъ, идіотовъ, богадѣльни, безплатныя квартиры, дома трудолюбія, ночлежные пріюты, и различнаго рода больницы, какъ общія, такъ и спеціально дѣтскія, психіатрическія, глазныя, съ дополнительными заведеніями въ видѣ родильныхъ пріютовъ и санаторій; и просвѣтительныя учрежденія, какъ начальныя школы, такъ и спеціальныя учебныя заведенія—ремесленныя училища, торговая и фельдшерская школы, къ которымъ примыкаетъ пользующійся широкой извѣстностью исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ и училище для глухонѣмыхъ; наконецъ, какъ самыя симпатичныя изъ начинаній этого рода, выдѣляются тургеневская библіотека-читальня и картинная галлерея. Если судить по суммѣ пожертвованій, главнѣйшее русло московской благотворительности направлено было въ сторону призрѣнія бѣдныхъ, на которое приходится почти половина общей суммы пожертвованій, четверть ея предназначена была на всякаго рода врачебныя цѣли столько же—на нужды народнаго просвѣщенія. Изъ 12,875 мѣстъ, ѣющихся въ городскихъ больницахъ, богадѣльняхъ и пріютахъ, 3,040 ли ¼ часть, созданы на пожертвованныя средства. Начальное образоніе не пользовалось такимъ вниманіемъ московскихъ благотворителей, изъ 190 городскихъ начальныхъ училищъ по иниціативѣ частныхъ ертвователей возникло только 5. Зато изъ 9 профессіональныхъ школъ, ходящихся въ распоряженіи города, 5 устроены или, если не устроены, содержатся на средства частной благотворительности.

Весьма цѣнной особенностью этихъ учрежденій служитъ то обстоя-

тельство, что почти каждое изъ нихъ возникало по строго обдуман-
плану, согласно съ послѣдними указаніями науки и техники, а нѣко-
рыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, исправительный пріютъ, дѣтская бо-
ница, училище для глухонѣмыхъ, тургеневская читальня—были перв-
по времени и образцовыми по своей организаціи. Частная благотво-
тельность Москвы, говоря вообще, умѣло шла навстрѣчу нароста-
потребностямъ населенія и по временамъ ей удавалось самостояте-
нащупывать въ хаосѣ этихъ потребностей наиболѣе болѣзненныя то-
Можно поэтому ожидать, что теперь, когда городское управленіе усп-
хорошо разобраться въ томъ, что у него есть и чего ему нехвата-
очередныя задачи городского благоустройства будутъ выполняться
такомъ же существенномъ содѣйствіи частныхъ капиталовъ, какъ
прежде. Въ настоящее время чувствуется острая нужда въ общест-
ныхъ садахъ и паркахъ, которые служили бы резервуарами чист-
воздуха и мѣстами для прогулокъ. Въ послѣдніе годы плотность на-
ленія города все болѣе и болѣе возрастаетъ, постройки все болѣе
болѣе скучиваются, а старинные частные сады вырубаются. При так-
условіяхъ,—говорится въ излагаемомъ трудѣ,—вопросъ о замѣнѣ у-
вающихъ частныхъ садовъ общественными бульварами и парками
площадками для дѣтскихъ игръ пріобрѣтаетъ важнѣйшее значеніе,
надо пожелать, чтобы московское общество вмѣстѣ съ городскимъ уп-
вленіемъ нашли возможность позаботиться о сохраненіи богатыхъ с-
ринныхъ садовъ, обративъ ихъ въ общественное достояніе. Подоб-
же значеніе,—говорится далѣе въ сборникѣ,—имѣютъ и лѣтнія ко-
для бѣдныхъ дѣтей, дающія возможность подышать свѣжимъ возду-
рощъ и полей дѣтямъ, которыя чахнутъ по подваламъ и угламъ б-
шого города безъ воздуха, безъ свѣта и безъ знакомства съ жи-
природы. Новою общественною задачей является также обезпеченіе
богатому классу населенія разумныхъ развлеченій въ формѣ народ-
домовъ и театровъ, равно какъ и устройство дешевыхъ гигіеничес-
квартиръ для бѣднѣйшей части населенія.

Сообщая всѣ эти данныя, разсматриваемый трудъ рисуетъ по-
картину частной благотворительности Москвы и вноситъ въ нее т-
самымъ извѣстную организацію и планомѣрность. Задуманный по ш-
кому плану и умѣло выполненный, онъ напоминаетъ собою лучшіе
являющіеся за границей труды, посвященные подробному описанію
или иной отрасли городского хозяйства—этого новаго и столь важ-
фактора современной культуры.

**М. П. Щепкинъ. Общественное самоуправленіе въ Моск-
Проектъ городового положенія. М., 1906. Цѣна 1 руб.** Книгою М.
Щепкина заинтересуется каждый, кому дорого наше самоуправле-
Авторъ отличный знатокъ городского московскаго хозяйства и впол-
компетентный теоретикъ самоуправленія. Проекту предшествуетъ въ
книгѣ обстоятельный очеркъ развитія городоваго положенія и крит-
дѣйствующаго законодательства и постановленій. М. П. Щепкинъ п-
знаетъ, что „въ основѣ конституціоннаго устройства страны должно
жать широкое мѣстное самоуправленіе, служащее наилучшею подгото-
тельною школою для трудной, сложной и отвѣтственной работы на-
ныхъ представителей, призванныхъ управлять судьбами такой грома-
и разнообразной по пространству своихъ областей и этнографичес-
составу ихъ разноплеменныхъ населеній страны, какъ наше отечес-
Авторъ, согласно программѣ конституціонно-демократической партіи (п-
народной свободы), полагаетъ, что вторая наша будущая палат-

стоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а статьѣ 16 проекта М. П. Щепкина сказано: „Всякій городской обытель и *всякая городская обывательница,* къ какому бы состоянію, наіональности и вѣроисповѣданію они ни принадлежали, имѣютъ право учавовать въ выборахъ и быть избранными въ гласные городской думы, и они—русскіе подданные, достигли 21-лѣтняго возраста, проживали Москвѣ не менѣе одного года до производства выборовъ и не подгаются дѣйствію ст. 17 настоящаго положенія“ (статья семнадцатая речисляетъ лицъ, не имѣющихъ права быть ни избирателями, ни изнными: состоящихъ подъ опекою, лишенныхъ или ограниченныхъ правъ суду и т. д.).

Отмѣтимъ обмолвку почтеннаго автора: уѣздный городъ Можайскъ называетъ заштатнымъ, имѣя въ виду, вѣроятно, Воскресенскъ р. XXXV).

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

о Фишеръ. Исторія новой философіи.—*Г. З.* Метафизика лѣности.—*Ем. Стратоновъ.* Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Въ восьми томахъ. б., 1905—1906. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Знаменитый трудъ гейдельгскаго профессора, сразу пріобрѣтшій почетную извѣстность, постоіо дополнялся и перерабатывался авторомъ. Новый русскій переводъ ланъ съ нѣмецкаго юбилейнаго изданія, достигшаго колоссальныхъ мѣровъ: семь большихъ томовъ, при чемъ Кантъ и Гегель въ двухъ утомахъ каждый. Трудъ Куно Фишера долженъ, конечно, входить составъ всякой значительной философской библіотеки. Онъ даетъ преходныя жизнеописанія философовъ, въ связи съ обстоятельствами и услоіи времени и выходомъ ихъ сочиненій, затѣмъ связное, стройное изженіе философскаго ученія и его критику. Первому тому (Декартъ) дшествуетъ обширное (сто пятьдесятъ страницъ) введеніе въ исторію ой философіи. Къ каждому тому приложенъ очень хорошій портретъ слителя, которому томъ посвященъ.

Такое большое сочиненіе не можетъ, разумѣется, быть дешевымъ: картъ стоитъ 2 р. 50 к., Спиноза—3 р. 50 к., Лейбницъ—4 руб., нтъ—4+3 р. 50 к. (Фихте, томъ шестой, приготовляется къ печати), ллингъ—5 р., Гегель—3 р. 50+2 р. 50 к. Переводы принадлежатъ Жуковскому, Полилову, Лосскому, Аносовой, Франку.

Вѣроятно, *Исторія новой философіи* будетъ расходиться медленно, мотря на сильное развитіе въ русскомъ обществѣ интереса къ фиофскимъ вопросамъ: ими интересуются главнымъ образомъ люди не зажиточныхъ классовъ. Тѣмъ болѣе поэтому велика заслуга издаія. Другого Солдатенкова у насъ покуда нѣтъ.

Г. З. Метафизика лѣности. Сатира на трагедію философіи. ревелъ съ нѣмецкаго Ѳ. О. Л.—М., 1906 г. Эта брошюрка предвляетъ собою переводъ статьи, напечатанной въ мюнхенскомъ журѣ *Jugend*; ея содержаніе и слогъ прозрачно указываютъ, что подъ щіалами Г. З. скрывается извѣстный философъ Георгъ Зиммель. Основ мысль его парадоксальна и остроумна; подъ своей шутливой обокой она таитъ глубокую истину. Для автора человѣчество изначала никнуто стремленіемъ къ лѣни. Можно (въ особенности на школьной мѣ) писать убѣдительныя и краснорѣчивыя страницы о пользѣ труда;

по фактъ—тотъ, что человѣчество труда не любитъ, отъ него бѣжитъ. М
нуждаемся въ игрѣ, а не въ работѣ. Намъ нужно развитіе мускуловъ
умственныхъ силъ, но все это служитъ намъ на потребу и отраду ли
до тѣхъ поръ, пока надъ нами не тяготѣетъ принужденіе. И оттого вс
кая дѣятельность, по Г. З., есть „не что иное, какъ мостъ между дв
мя состояніями лѣности, который культура старается укоротить". Б
ное человѣчество, тяготѣя къ блаженству лѣни, на самомъ дѣлѣ прев
тилось въ чернорабочаго: въ этомъ его трагедія, насмѣшка судьбы.
мы такъ уже привыкли къ своей каторгѣ, что забыли о конечной цѣ
трудовъ—о счастьи отдыха. Средство заслонило передъ нами цѣль. Ха
рактерно, что, какъ бы вспоминая утерянную нѣгу райской лѣни, чел
вѣчество до сихъ поръ особенно поклоняется тому, кто творитъ бе
усилій, движется по линіи наименьшаго сопротивленія. Оно вѣнчает
лаврами великаго лѣнивца—генія; ибо для Г. З. культъ геніальност
это культъ лѣни. Отсутствіе напряженій, грація, больше всего чаруе
насъ. Изящно играя своей основной идеей, авторъ даже въ абстракці
въ обобщеніи, въ законѣ природы видитъ проявленіе все той же лѣн
сти, которая побуждаетъ насъ замѣнять работу надъ отдѣльными фак
ми жизни какой-нибудь единой схемой, экономизирующей наши сил
„А практическое примѣненіе нашего знанія законовъ природы къ м
шинѣ? Отчего мы не работаемъ больше руками, но откупаемся отъ р
боты, ставя между собой и своими потребностями стальныхъ рабо
такъ часто дѣлающихся нашими господами?" Истинное маховое коле
которое приводитъ въ движеніе всѣ машины, это лѣность. Вообще, лѣ
есть начало положительное, потому что она—цѣль всѣхъ стремле
„субстанція души"; и то, что въ природѣ является сохраненіемъ эн
гіи, это въ человѣческомъ мірѣ—сохраненіе лѣности. И когда-нибу
отдохнутъ, въ тишинѣ лѣни остановятся движущіеся нынѣ міровые м
мы, и тогда начнется „вѣчное царство космической лѣности". Въ нек
гіе часы отдыха, въ кратковременную субботу своего духа, человѣ
скій микрокосмъ предчувствуетъ теперь грядущую судьбу вселенной
безпредѣльную лѣнь міра. И философія, заключаетъ Г. З., сознавъ эт
должна въ самой себѣ осуществить абсолютный законъ бытія, т.-е. п
даться лѣни, т.-е. умолкнуть...

Г. З. шутитъ, но читатель видитъ, что его этюдъ представляе
собою не только шалость живой мысли, но и намѣчаетъ очень важн
перспективы и въ области психологіи, и въ области соціологіи. И та
характеренъ для современнаго усталаго человѣка этотъ гимнъ лѣнос
этотъ вопль объ отдыхѣ!...

Жаль, что изящная статья нѣмецкаго философа во многихъ мѣста
русскаго перевода превратилась въ нѣчто тяжелое и некрасивое.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и ср
ства ея возрожденія. М., 1906 г. Ц. 25 к. Наша средняя шко
по мнѣнію автора, попала въ трагическое положеніе. Всѣ: родите
учащіе, учащіеся и начальствующіе, признаютъ ненормальность сред
школы, несоотвѣтствіе ея задачъ съ дѣломъ, всѣ недовольны уста
средней школы и ея программой, всѣ чувствуютъ себя безсильным б
роться съ существующей школой и, попрежнему, всѣ своимъ участіе
въ ней такъ или иначе поддерживаютъ ее. Только одно новое за
дательство по силамъ возродитъ среднюю школу для дѣйствительн
оправдывающаго себя существованія. Здѣсь открывается большая и
ная работа для печати и общества. Полная реформа школы, по мн
Е. Стратонова, вопросъ будущаго, хотя недалекаго. Необходим

нецъ, дѣйствительно отдѣлаться отъ коренныхъ ошибокъ въ постановкѣ обученія въ средней школѣ. Возрожденіе должно быть проведено на началахъ законности и свободы, средняя школа должна быть исключительно учебно-воспитательнымъ учрежденіемъ. Соединеніе учебно-воспитательнаго дѣла съ раздачей аттестатовъ—роковая ошибка. Школа должна дать знанія. Провѣркой этихъ знаній, кому она нужна, можетъ заняться правительство, устраивая государственные экзамены, независимо отъ школы; только тогда учитель изъ своей судейско-полицейской роли можетъ перейти къ прямой своей обязанности—дать нужныя знанія ввѣреннымъ ему юношамъ. При уничтоженіи „испытаній“ само собою уничтожется ненужная балльная система, все равно, никогда не достигающая своей цѣли—оцѣнки знаній. Затѣмъ должно быть уничтожено несоотвѣтствіе учебныхъ программъ съ настоящими потребностями учащихся, должно быть уничтожено разногласіе, существующее между этими программами и программами высшей школы. Должны быть введены новые предметы и сильно измѣнены прежніе,—причемъ всегда должна имѣться въ виду цѣль—„общеобразовательность“ средней школы. Должна быть сокращена вредная продолжительность ежедневныхъ занятій и уничтожено переполненіе классовъ, которое дѣлаетъ невозможнымъ равномѣрное занятіе со всѣми учениками. Въ частности авторъ указываетъ на необходимость полнаго уничтоженія пансіоновъ, которые дѣйствуютъ разлагающе на душу ученика, и на уничтоженіе класснаго наставничества, превратившагося въ лицемѣрную обязанность, унизительную для учителя и безполезную для ученика. Очевидно, долженъ быть уничтоженъ и полицейскій внѣшкольный надзоръ за учениками, возлагаемый на всѣхъ преподавателей.

Въ виду всего вышеизложеннаго, средняя школа должна быть едина и свободна. Отвѣтственнымъ за положеніе, состояніе и жизнь средней школы органомъ является педагогическій совѣтъ. Онъ выбираетъ изъ своей среды распорядителей въ текущихъ и другихъ дѣлахъ. Педагогическій персоналъ состоитъ изъ лицъ, по положенію равныхъ и независимыхъ; необходимы съѣзды педагоговъ, педагогическіе курсы и т. п. Содержаніе учителя должно быть штатнымъ, а не поурочнымъ, соотвѣтственно съ необходимымъ для личныхъ образовательныхъ занятій досугомъ. Сообразно съ этимъ, плата за ученіе должна быть сокращена до минимума и доступъ въ школу открытъ для всѣхъ. Число классовъ можетъ быть сокращено до шести, число уроковъ въ день до четырехъ, число учениковъ въ классѣ до тридцати. Репетиціи должны преслѣдовать цѣль обобщенія усвоеннаго. Частному почину въ дѣлѣ открытія новыхъ средныхъ школъ правительство должно приходить на помощь всѣми средствами.

Таковы главнѣйшія положенія автора. Большинство изъ нихъ довольно подробно разработаны какъ въ спеціально педагогической печати, такъ и въ общей прессѣ. Всѣ они безусловно справедливы. Обществу и печати предстоитъ еще пересмотрѣть каждую деталь отдѣльно, лишь бы только со стороны правительства было замѣтно неуклонное желаніе оживить школу и уничтожить мертвую рутину, прочно утвердившуюся въ ней. Вопросъ о средней школѣ—вопросъ неотложный, проклятый, и рѣшеніе его должно состояться въ самомъ близкомъ будущемъ, иначе обществу опять придется имѣть дѣло съ тѣми ненормальными явленіями, которыя во всей своей силѣ проявились въ средней школѣ въ 1905—906 учебномъ году. Родители должны позаботиться о судьбѣ и о положеніи своихъ дѣтей.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БІОГРАФІИ.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I.—Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. I. Состав. *П. Бирюковъ.*

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. М., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. Очерки, вошедшіе въ этотъ сборникъ, появились первоначально въ *Научномъ Словѣ*, *Русской Мысли*, *Вѣстникѣ Воспитанія* и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Они пересмотрѣны и дополнены авторомъ. Въ первомъ выпускѣ напечатано семнадцать *силуэтовъ*, отъ Батюшкова до Чехова. Авторъ не имѣлъ въ виду исторической перспективы, и выборъ писателей поэтому въ извѣстной мѣрѣ случаенъ. Написаны очерки съ основательнымъ знаніемъ писателей и съ внимательною любовью къ нимъ, изящнымъ языкомъ, съ тонкими психологическими штрихами. Нужно замѣтить, что изящность изложенія иногда переходитъ у г. Айхенвальда въ изысканность и вычурность.

Мы не раздѣляемъ основъ міропониманія г. Айхенвальда, но въ его очеркахъ такъ много чуткости къ красотѣ и правдѣ, такъ много человѣчности, что онъ самъ нерѣдко пишетъ *стихотворенія въ прозѣ*.

Нѣсколько натянутой кажется намъ „сравнительная характеристика" Плещеева и Помяловскаго: основаніемъ для нея послужила общая обоимъ писателямъ любовь къ дѣтямъ и къ молодости.

Передъ силуэтомъ каждаго писателя въ книгѣ помѣщенъ его маленькій портретъ. Желаемъ широкаго распространенія этой прекрасной книгѣ.

Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Томъ I. Съ 29 иллюстраціями. По неизданнымъ матеріаламъ составилъ П. Бирюковъ. Изд. „Посредника". М., 1906 г. Ц 2 р. Г. Бирюковъ давно и близко знаетъ Л. Н. Толстого, горячій поклонникъ его ученія и располагаетъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для жизнеописанія великаго писателя. Онъ имѣлъ возможность пользоваться письмами и воспоминаніями творца *Войны и Мира*.

Работа затруднялась тѣмъ, что П. И. Бирюковъ былъ въ ссылкѣ за границею за свои религіозно-нравственныя убѣжденія (теперь ему разрѣшено вернуться въ Россію и онъ съѣздилъ въ Ясную Поляну, чтобы побесѣдовать съ Львомъ Николаевичемъ и прочесть его дневники и переписку). Воспоминанія Толстого о своемъ дѣтствѣ, о своихъ родныхъ и многія частныя его письма появляются въ печати впервые.

Трудъ П. И. Бирюкова разсчитанъ на три тома. Вышедшій заканчивается женитьбою Толстого. Въ введеніи къ своимъ воспоминаніямъ-набраскамъ Л. Н. Толстой пишетъ: „...моя біографія, какъ пишутъ обыкновенно біографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и если писать біографію, то надо писать всю настоящую правду".

Матеріалъ въ біографіи данъ очень интересный, но, какъ оговаривается самъ г. Бирюковъ, его трудъ является лишь сборникомъ этихъ матеріаловъ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

А. Флеровъ. Дѣтскій другъ Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму.—*А. Коваленская.* Разсказы и сказки для дѣтей.—*А. Алтаевъ.* Подъ знаменемъ башмака.—Пѣсни горькой доли. Стихотворенія *А. К. Львова.*—*Павелъ Россіевъ.* Стрѣла друга. Сказка.—*М. Сабинина.* Доисторическій человѣкъ.—*Н. К. Рамзевичъ.* Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ.—*П. И. Межеричеръ.* Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія.—Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Состав. *А. А. Козакъ.*

А. Флеровъ. Дѣтскій другъ. Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изданіе К. Тихомирова. М., 1906 г. Ц. 75 к. Букварь Флерова ничего не прибавляетъ къ массѣ букварей и азбучекъ, обращающихся у насъ на книжномъ рынкѣ, если не считать трехъ таблицъ-картинокъ въ концѣ книжки, безъ подписей, изображающихъ рядъ послѣдовательныхъ сценъ съ вопросомъ: „разскажите, что изображено на этой картинкѣ“. Можно сдѣлать замѣчаніе по поводу содержанія первой таблицы; въ ней изображено, какъ мальчикъ играетъ съ собакой, затѣмъ лежитъ въ постели и далѣе въ гробу; послѣднія двѣ картинки изображаютъ собаку, сидящую около могильнаго креста на вѣнкѣ, и собаку издохшую и лежащую подъ крестомъ на смятомъ вѣнкѣ. Все это неестественно и пошло-сантиментально, дѣтямъ это можетъ нравиться, но опытный педагогъ долженъ сообщать разумныя и здоровыя свѣдѣнія, бодрую мораль, а не слезливыя нравоученія. Точно также не годится и разсказъ, который мы выписываемъ цѣликомъ: „У Пети и Вани шла игра вотъ такъ: они будто овцы, били другъ друга лобъ о лобъ. Игра была плоха: у Вани стала шишка на лбу, а у Пети на глазу“. Приведенъ рисунокъ, изображающій, какъ Ваня и Петя били другъ друга *лобъ о лобъ.* Разсказъ непедагогиченъ по своему содержанію и изложенъ очень плохо. Непонятно выраженіе „бить другъ друга лобъ о лобъ“, затѣмъ авторъ видимо перепуталъ овецъ съ баранами, наконецъ, *шишка* не можетъ быть *на глазу*, а особенно *стать*“. Въ букварѣ много посредственныхъ рисунковъ, исполненныхъ довольно обычно. Печать сдѣлана неровно, попадаются давленыя буквы, что портитъ изданіе и, при обученіи, развлекаетъ вниманіе дѣтей. Расположеніе матеріала сдѣлано по обычному шаблону принятыхъ у насъ въ школахъ и одобряемыхъ начальствомъ букварей.

А. Коваленская. Разсказы и сказки для дѣтей. Съ рисунками А. Кучеренко. М., 1906 г. Ц. 1 р. Писать о дѣтяхъ еще не значитъ писать для дѣтей. Хорошая книжка для дѣтей будетъ съ интересомъ прочитана и взрослымъ читателемъ. Взять хотя бы для примѣра одинъ изъ многихъ разсказовъ для дѣтей Д. Н. Мамина-Сибиряка или Вас. И. Немировича-Данченко. О дѣтяхъ же можно писать и только для взрослыхъ, и взрослые съ удовольствіемъ читаютъ такіе разсказы,—для примѣра можно указать на рядъ такихъ разсказовъ о дѣтяхъ у А. П. Че-[illegible]ва. Для кого же написанъ г-жей Коваленской огромный томъ почти 250 страницъ большого формата съ убористой печатью? Этотъ во[illegible]осъ является невольно по детальномъ ознакомленіи съ книгой. Прежде [illegible]эго слогъ г-жи Коваленской слишкомъ тяжелъ и мало понятенъ не [illegible]лько для дѣтей, но и для взрослыхъ. Нерѣдко г-жа Коваленская [illegible]льзуется періодами по десятку строкъ съ вводными предложеніями, [illegible]ичастіями и дѣепричастіями, т.-е. выражается по-русски такъ, какъ [illegible]то и никогда не говоритъ, тогда какъ писатель для дѣтей долженъ

пользоваться короткими законченными предложеніями и его слогъ д[illegible] женъ приближаться къ разговорному языку, дающему сразу опредѣл[illegible] ные конкретные образы. Такой пріемъ пользованія русскимъ язык[illegible] видимо совершенно незнакомъ г-жѣ Коваленской, и она даже, какъ бу[illegible] нарочно, избѣгаетъ его, наполняя свою фразу излишними словами, [illegible] темняя ее трудными оборотами рѣчи и малоупотребительными в[illegible] женіями.

Труднѣе всего читаются дѣтьми разсужденія и описанія. Какъ р[illegible] этими разсужденіями и очень блѣдными, но зато очень длинными, о[illegible] саніями заполнены подъ рядъ цѣлыя страницы книги. Иногда фабула р[illegible] сказа начинается черезъ нѣсколько страницъ послѣ заглавія. Разск[illegible] предшествуютъ долгія разглагольствованія съ потугами на добродуш[illegible] томъ, каковы бываютъ старички и старушки и какъ часто случает[illegible] что живется имъ не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ и т. п. Такія введенія только утомляютъ вниманіе дѣтей, ничего не даютъ [illegible] воображенію и нисколько не удовлетворяютъ ихъ любознательности; если выкинуть всѣ эти разглагольствованія, иногда переходящія въ [illegible] стую болтовню, то отъ книги г-жи Коваленской не останется и о[illegible] четверти.

Кругъ наблюденій у г-жи Коваленской очень не великъ, поэтому ф[illegible] була разсказовъ всегда очень обычна, однообразна и незанимател[illegible] иногда же она настолько отличается своей придуманностью, что вся[illegible] мало-мальски здоровый ребенокъ, познакомившись съ такимъ разсказ[illegible] какъ, напримѣръ, „Андрюшка“,—долженъ надолго потерять охоту [illegible] чтенію дѣтскихъ книжекъ. Разсказъ заключается въ томъ, что д[illegible] подарившій своей внучкѣ большую куклу—мальчика (Андрюшку), шу[illegible] отнялъ ее у внучки; внучка, неестественно нервная и впечатлител[illegible] дѣвочка, плачетъ и молитъ дядю не разбивать куклу, а дядя шу[illegible] и грозится разбить (очень умный дядя!). Нечаянно кукла выпа[illegible] изъ его рукъ и разбивается, съ дѣвочкой дѣлается истерика, за[illegible] наступаетъ долгая болѣзнь. Кажется, тутъ и долженъ быть конецъ [illegible] нравоученіемъ для дѣтей—не пугать и не дразнить дѣтей, но г-жа [illegible] валенская продолжаетъ далѣе.—Какая-то казачка разсказывала не[illegible] оправившейся отъ болѣзни дѣвочкѣ быль про Пугачева съ нравоучені[illegible] изъ Отче Нашъ—„И остави намъ долги наша, якоже и мы остав[illegible] должникомъ нашимъ“. Это нравоученіе такъ поразило дѣвочку, что [illegible] только тутъ поняла, что не надо ненавидѣть „должника“—дядю, а [illegible] простить ему разбитую куклу. Она прощаетъ дядю и поэтому выз[illegible] вливаетъ, а дядя даритъ ей другую куклу.—Все это настолько [illegible] мано, настолько болѣзненно неестественно, мораль настолько искусств[illegible] „притянута за уши“, что читать дѣтямъ такіе разсказы не должны д[illegible] и умные дяди, для забавы отнимающіе игрушку у дѣтей.

Поэтому, въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ началѣ наше[illegible] цензіи,—для кого написанъ этотъ огромный томъ?—мы можемъ ка[illegible] рически отвѣтить:—ни для кого.

А. Алтаевъ. Подъ знаменемъ Башмака. Крестьянская во[illegible] въ Германіи. Историческая повѣсть изъ XVI вѣка съ рисун[illegible] художника К. Фридберга. Спб., 1906 г. Ц. 50 к. Прекрасная пов[illegible] г. Алтаева прочтется съ интересомъ не только юнымъ читателемъ, [illegible] и всякимъ, кто въ исторической беллетристикѣ находитъ возмож[illegible] познакомиться съ бытовой стороной и настроеніемъ описываемаго [illegible] мента. Трудно перенестись въ эпоху, отдѣленную отъ насъ нѣскол[illegible] вѣками, тѣмъ болѣе трудно перенестись въ исторію чуждаго [illegible]

ь, но такой историческій моментъ, какъ народное возстаніе, всегда етъ въ себѣ нѣчто общечеловѣческое, говорящее сердцу каждаго, ому сюжетъ, взятый г. Алтаевымъ, очень благодаренъ. Но и помимо о такой сюжетъ вполнѣ подходитъ къ таланту автора, которому енно удаются въ его повѣстяхъ для юношества именно героическіе еты. Между тѣмъ трудно представить себѣ героя болѣе идеальнаго охновеннаго, чѣмъ Ѳома Мюнстеръ, герой крестьянской войны, и прекрасная, благородная, прямая и пламенная натура живо высту-ъ на общемъ фонѣ народнаго движенія съ неизбѣжными спутниками го движенія—взрывомъ страстей, ужасами убійствъ, надеждами и чарованіемъ. Но не одна фигура Мюнстера удачно обрисована въ сти г. Алтаева; довольно живы также и прочія дѣйствующія лица каза, причемъ авторъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ патети-имъ пріемамъ. Онъ разсказываетъ просто и интересно, почему по-ь его понятна читателю всякаго возраста. Особенно удачно введена разсказъ фигура молоденькой дѣвушки Гретель, лица эпизодическаго е имѣющаго прямого отношенія къ событіямъ, но тѣмъ не менѣе ъ своимъ нѣжнымъ, неземнымъ обликомъ характеризующаго высшій емъ человѣческаго духа, являющійся всегда спутникомъ борьбы за оду. Книжка издана хорошо и рисунки г. Фридберга исполнены въ емъ недурно и временами характерно.

Для школы и народа. Пѣсни горькой доли. Стихотворенія ƙ. Львова, съ его автобіографіей. Н.-Новгородъ, 1906 г. Ц. 25 к.

„Счастливъ тотъ, кому природой
Страсть глубокая дана,
Кѣмъ владѣетъ до могилы
Цѣль могучая одна!
Но глубоко тотъ несчастливъ,
Кто желаннаго пути
Ищетъ долго, но не можетъ
Клада этого найти!“

Мы нарочно выписали это коротенькое стихотвореніе г. Львова, по-у что оно кажется намъ особенно характернымъ для самого автора къ бы ключомъ для всѣхъ прочихъ его стихотвореній. Вся книжка представляетъ изъ себя одинъ сплошной вопль, вопль, какъ вѣрно ктеризуетъ его авторъ, „о горькой долѣ“. Но вопросъ только въ ь, что же именно вырываетъ изъ его груди этотъ вопль? Мировая ли бь, „страсть ли глубокая“, или „цѣль могучая“, владѣющая чело-мъ до могилы, не осуществившаяся въ жизни? Нѣтъ, тщетно стали ы искать чего-нибудь подобнаго въ „Пѣсняхъ о горькой долѣ“ Львова. Пѣсни эти почти всѣ, за немногими исключеніями, посвяще-личнымъ житейскимъ невзгодамъ, личнымъ горестямъ, и изъ нихъ вырисовывается обликъ самого поэта, который „желаннаго пути ъ долго, но не можетъ клада этого найти“. Впрочемъ, г. Львовъ поэтъ совсѣмъ, пишетъ же онъ стихи все по той же причинѣ, что аходитъ собственнаго пути въ жизни, и стихи его не блещутъ ху-ественными красотами. Вы бы даже не стали останавливаться на ь, если бы сквозь обликъ поэта средней руки не проглядывалъ въ стихотвореніяхъ, а также въ его автобіографіи, обликъ хорошаго, каго человѣка, ищущаго правды и страдающаго отъ житейской пости, что такъ часто встрѣчается въ жизни.

Павелъ Россіевъ. Стрѣла друга. Сказка. Съ рисунками П. Ф. влева. Изд. В. Спиридонова. Москва, 1905 г. Ц. 15 к. Сказка рѣла друга“ издана изящно на прекрасной бумагѣ съ нѣсколькими

хорошими рисунками. Текстъ ея хотя не отличается оригинальностью, но недуренъ, и книжка годится, какъ недорогой и довольно изящный подарокъ дѣтямъ. Но зачѣмъ понадобилось автору въ простую дѣтскую сказочку про звѣрей вплетать какую-то неудобопонятную и мизантропическую мораль—непонятно. Что стрѣла друга больнѣе всѣхъ другихъ стрѣлъ,—довольно старая истина, но дѣтямъ младшаго возраста, для которыхъ только и можетъ предназначаться подобная книжка, прежде менѣе всего дѣла до такихъ тонкостей.

М. Сабинина. Доисторическій человѣкъ. Изъ жизни природы и человѣка. № 64. Съ 29 рисунками. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1906. Намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли* объ обиліи у насъ популярной литературы, посвященной доисторическому времени, какъ оригинальной, такъ и переводной. Книга г-жи М. Сабининой не представляетъ изъ себя цѣннаго прибавленія къ уже существующей у насъ литературѣ по первобытной культурѣ. Она написана просто и ясно и обнаруживаетъ знакомство автора со старой научной литературой предмета. Но новыми трудами нѣмецкой журнальной литературы и особенно цѣнной книгой Schurz'a (Urgeschichte der Kultur) г-жа Сабинина, повидимому, не пользовалась. Иначе она бы остереглась выставлять преемственную смѣну охотничьяго періода скотоводческимъ и послѣдняго земледѣльческимъ въ качествѣ непреложной абсолютно справедливой теоріи; она нашла бы также возможнымъ пополнить болѣе содержательнымъ по качеству и обширнымъ по количеству матеріаломъ главу о духовномъ развитіи человѣка, содержащую только 6 страницъ и наполненную слишкомъ элементарными даже и для популярной книжки свѣдѣніями о возникновеніи языка, письма, религіозныхъ и нравственныхъ представленій. За вычетомъ этой главы, почти вся остальная часть книги посвящена описанію памятниковъ матеріальной культуры; это описаніе произведено съ знаніемъ дѣла, но... и памятники матеріальной культуры уже много разъ и съ неменьшей добросовѣстностью были описаны въ нашей литературѣ и раньше.

Изъ частныхъ недочетовъ укажемъ на въ высшей степени легкомысленную попытку объяснить возникновеніе человѣческихъ обществъ тѣмъ, что первобытный человѣкъ „понялъ (!), что „въ соединеніи—сила" и сталъ образовывать многолюдныя общества и государства, чтобы успѣшнѣе бороться съ врагами и грозными явленіями природы" (4 стр.). Объяснять возникновеніе общества сознательной рѣшимостью людей соединяться въ общественные союзы было извинительно для ученыхъ XVIII вѣка, но въ наше время—это уже нѣсколько ахронистично. Также неудачна попытка г-жи Сабининой объяснить возникновеніе нравственныхъ понятій у первобытнаго человѣка тѣмъ, что онъ, „задумываясь надъ своими поступками по отношенію къ ближнимъ", почувствовалъ, „что есть такія правила, исполненіе которыхъ составляетъ его долгъ или обязанность, иначе совѣсть станетъ упрекать его за дурныя дѣла". Какъ историкъ, авторъ могъ имѣть много случаевъ убѣдиться, что нравственныя понятія у первобытныхъ людей обыкновенно возникаютъ подъ вліяніемъ мотивовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ индивидуальнымъ сознаніемъ долга, и обусловливаются фактами не психологическаго, а соціальнаго характера.

Общее заключеніе о книгѣ г-жи Сабининой должно быть таково: при настоящемъ состояніи популярной литературы на русскомъ языкѣ по первобытной культурѣ, появленіе этой книги на книжномъ рынкѣ является излишнимъ; но для читателя, интересующагося по преимуществу матеріальной культурой, книга г-жи Сабининой можетъ оказаться не

ной въ томъ случаѣ, если онъ не читалъ популярныхъ книжекъ Рагозиной, Карапчевскаго и др. или болѣе обширныхъ научныхъ книгъ (Липпертъ, Тайлоръ, Шурцъ и др.).

Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. С.-Петербургъ, 1905 г. Ц. 2 р. „Настоящій словарь,—говоритъ въ предисловіи составитель,—предлагается въ качествѣ опыта справочнаго пособія премущественно при самостоятельныхъ занятіяхъ учениковъ и ежедневномъ домашнемъ спѣшномъ приготовленіи уроковъ по учебникамъ, а также при пользованіи разнаго рода руководствами и книгами ученической библіотеки". Итакъ, составитель ставитъ себѣ три цѣли: 1) помощь при самостоятельныхъ занятіяхъ, 2) помощь при ежедневномъ домашнемъ приготовленіи уроковъ и 3) помощь при чтеніи книгъ. Вторую изъ указанныхъ цѣлей слѣдуетъ считать прямо неосуществимой: у насъ учебники дороги, на что слышатся постоянныя жалобы родителей учащихся, а потому разсчитывать, чтобы тѣ же родители, издержавъ значительную сумму на учебники, истратили еще два рубля на словарь г. Рамзевича, не представляется никакой возможности. Что касается до 1-ой и 3-ьей цѣлей, то онѣ выставлены практично, и г. Рамзевичъ удовлетворяетъ этимъ цѣлямъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что даетъ довольно краткія, но ясныя и вразумительныя разъясненія словъ. Особой полнотой однако его словарь похвалиться не можетъ, и мы, напримѣръ, не нашли въ немъ такихъ словъ, какъ *анкета, культура,* которыя такъ часто удотребляются въ настоящее время не въ книгахъ только, а и въ газетахъ. Наконецъ, приложенія къ словарю, въ которыхъ помѣщены наиболѣе употребительные или вообще встрѣчающіеся условные знаки, надо признать умѣстными.

П. И. Межеричеръ. Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія. Для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самообученія. Съ 255 фиг. въ текстѣ. Спб., 1906 г. Изданіе А. Ф. Девріена. Мы имѣли уже случай познакомиться съ г. Межеричеромъ по его „Геометріи". (См. библ. отд. кн. VIII) И въ этотъ разъ, какъ и въ прошлый, намъ приходится констатировать особенную добросовѣстность, которую проявилъ авторъ означенныхъ двухъ трудовъ. „Настоящая книга содержитъ общедоступно изложенный систематическій курсъ черченія въ объемѣ, необходимомъ и достаточномъ, по моему мнѣнію, для сознательнаго усвоенія этого наиболѣе важнаго для каждаго техника предмета". Таковы первыя строки предисловія къ „Общедоступному курсу" г. Межеричера. Намъ кажется нѣсколько ошибочнымъ мнѣніе автора означеннаго труда о значеніи черченія: неужели это предметъ „наиболѣе важный" для техника? Мы думаемъ, что математика во всемъ ея объемѣ, спеціальные предметы и т. д., всѣ являются не менѣе важными; можетъ быть, г. Межеричеръ хотѣлъ сказать „одинъ изъ наиболѣе важныхъ?" Противъ такой постановки этого вопроса мы бы не имѣли никакихъ возраженій.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ указываетъ на то обстоятельство, что чертежи должны были быть уменьшены въ размѣрѣ (въ у объема книги), что, конечно, не должно служить примѣромъ для ащихся, исполняющихъ эти чертежи. „Учащіеся должны вычерчивать али въ гораздо большемъ масштабѣ, но отнюдь не копируя чертеі". (Пред.). Копированіе чертежей является совершенно безполезной отой, такъ какъ при машиностроительномъ черченіи наиболѣе важной ачей „является самостоятельный разсчетъ и конструкція детали для

практическихъ цѣлей"... Весьма важно то прибавленіе, которое по-
щено въ концѣ книги: предметный указатель, дѣлающій означенный тр
годнымъ и для справочнаго употребленія. Изданіе, какъ вообще
изданія Девріена, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

**Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и триг
метріи. Необходимое пособіе гимназистамъ и реалистамъ съ
VIII-й классы и держащимъ конкурсные экзамены въ спец
ныя учебныя заведенія. Составилъ А. А. Козакъ. Спб., 1905**
Читатель не можетъ не обратить вниманія на широковѣщательное
главіе предлагаемой для отзыва брошюрки: собраніе всѣхъ формулъ
еще необходимое! Лежащій передъ нами „трудъ" представляетъ ми
тюрное изданіе ($^1/_{32}$ листа); нельзя не понять истинной цѣли, заст
вшей издателя выпустить „трудъ" именно въ такомъ форматѣ. Ск
ко педагоговъ и профессоровъ могутъ быть обмануты съ подобнаго р
помощью; сколькимъ молодымъ людямъ поможетъ „добрый" изд
такого пособія! Насъ поражаетъ та беззастѣнчивость, съ какой
пускаются подобнаго рода пособія. Не говоря уже о томъ, что тепер
ніе экзамены для поступленія въ спеціальныя учебныя заведенія пр
тились въ какія-то скачки съ препятствіями, въ которыхъ приходят
столбу первыми не наиболѣе знающіе, а тѣ, кому повезетъ удачно о
тить на хитроумные вопросы, предлагаемые экзаменаторами. До по
нія подобнаго рода пособій шли на экзаменъ съ кое-какими зна
(мы говоримъ о минимумѣ экзаменующихся), теперь же и этихъ
ній не будетъ, такъ какъ ихъ съ успѣхомъ смогутъ замѣнить из
„Помощи" и tutti quanti! Мало того, изъ этого миніатюрнаго изд
издатель ухитрился сдѣлать для себя рекламу, въ видѣ объявлені
выхъ книгъ, выпускаемыхъ имъ съ той же цѣлью (изъ 64 листико
22 посвящены объявленіямъ)! Мы должны указать еще одинъ
подобнаго рода изданій: Гдѣ можно найти предѣлъ тѣхъ формулъ,
торыя необходимы экзаменующемуся? По понятію однихъ и то
чество формулъ, которое помѣщено въ „Собраніи", является излишн
другіе же наоборотъ считаютъ эти формулы только частью необх
маго умственнаго багажа. Вообще нужно признать одно: поменьше
добнаго рода „подстрочныхъ" изданій и побольше знанія у экзаме
щагося.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

**Изданія „Посредника": *Наживинъ.* 1) Въ стѣнахъ. 2) Великая истина.—Р
Павлюкъ.—*Поступаевъ.* Не дошелъ.—*Златовратскій.* Деревенскій король.—Г
новъ-Посадовъ. Въ Христову ночь и др. стихотв.—*Ѳомушкинъ.* Счастливый день
кина.—*А. Потанина.* 1) Разсказы о бурахъ. 2) Дорджи, бурятскій мальчикъ.—
счастныя. Сборн. стихотв. Состав. *Горбуновъ-Посадовъ.*—*А. П.* Какъ жили
люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась.**

**Изданія „Посредника": 1) Въ стѣнахъ. Повѣсть И. Наживи
Цѣна 6 к. 2) Павлюкъ. Разсказъ О. Руновой. Ц. за обрѣзан
экземпляръ $1^1/_2$ к., необрѣзанный 1 к. 3) Великая истина. Р
сказъ И. Наживина. Ц. за обрѣзан. экзем. $1^1/_2$ к., необрѣз. 1
4) Не дошелъ. Разсказъ Ѳ. Поступаева. Ц. $1^1/_2$ к. и 1 к. 5) Де
венскій король. Разсказъ Н. Н. Златовратскаго. Ц. 3 к. и $2^1/_2$
6) И. Горбуновъ-Посадовъ. Наброски въ стихахъ. Выпускъ I.
Христову ночь и другія стихотворенія. Ц. $1^1/_2$ к. и 1 к. 7) С
стливый день Дудкина. Разсказъ К. Ѳомушкина. Ц. 10 к.**

Потанина. Разсказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 22 к. 9) Ея же. Дорджи, бурятскiй мальчикъ. Съ 10 рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к. 10) Несчастныя. Сборникъ стихотворенiй. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 5 к., на лучшей бумагѣ 15 к. Москва, 1905 г. Повѣсть И. Наживина „Въ стѣнахъ“ особенно характерна для нашего времени по своей идеѣ, и, написанная живо и художественно, она многое затронетъ въ сердцѣ читателя. Въ ней живописуется современный монастырь съ его формализмомъ и казенщиной, давящiй въ своихъ стѣнахъ живую человѣческую душу, стремящуюся къ свѣту и истинѣ. Два героя этой повѣсти: монахи Иванъ и Iона, которыхъ злополучная судьба, не въ примѣръ другимъ монахамъ, надѣлила быстрымъ, пытливымъ умомъ и чуткою отзывчивою натурой, терзаются въ душевныхъ мукахъ, ища выхода изъ разлада, поселеннаго въ нихъ монастырскимъ режимомъ. Болѣе здоровый и молодой Иванъ, наконецъ, находитъ выходъ и бѣжитъ изъ монастыря въ мiръ, а Iона, успѣвшiй уже вкусить мiрскихъ страстей до поступленiя въ монастырь, продолжаетъ безконечно терзаться, пока, наконецъ, не сходитъ съ ума. Однако и тутъ монастырскiй режимъ, столь ненавидимый Iоной и погубившiй его, все же торжествуетъ и изъ несчастiя Iоны извлекаетъ себѣ большую выгоду. Сумасшедшаго Iону онъ поставилъ на пьедесталъ блаженнаго, что послужило отличной приманкой для богомольцевъ, не замедлившихъ обогатить доселѣ скромную и бѣдную обитель. Менѣе сильно, но зато тепло написанъ другой разсказъ того же автора „Великая истина“, гдѣ передъ читателями проходитъ будничная, но глубокая драма двухъ существъ, положившихъ себя за други своя: молодого доктора и сестры милосердiя, вмѣстѣ работавшихъ на эпидемiи, здѣсь же полюбившихъ другъ друга и здѣсь же разлученныхъ смертью. Разсказъ г-жи Руновой „Павлюкъ“ написанъ прекрасно. Авторъ не только владѣетъ хорошимъ и образнымъ языкомъ, но умѣетъ художественно нарисовать во весь ростъ живую фигуру. Герой разсказа Павлюкъ—настоящее Божiе дитя со всей чистотой и непосредственностью первобытнаго человѣка—трогателенъ въ высшей степени. Не менѣе удачны и другiе персонажи разсказа, изъ которыхъ нѣкоторые прямо типичны.

Не останавливаясь на разсказѣ Н. Н. Златовратскаго „Деревенскiй король“, за достоинства котораго ручается имя самого автора, переходимъ къ болѣе слабымъ номерамъ изъ лежащихъ передъ нами выпусковъ изданiя „Посредникъ“. Къ таковымъ слѣдуетъ прежде всего отнести разсказъ К. Ѳомушкина „Счастливый день Дудкина“ и разсказъ Ѳ. Поступаева „Не дошелъ“. Первый изъ этихъ разсказовъ отличается нѣкоторою слащавостью и длиннотами какъ въ описанiи событiй, такъ и въ изображенiи дѣйствующихъ лицъ. Второй же хоть и правдоподобенъ по сюжету, но написанъ такъ шаблонно, что, читая его, кажется, что уже много разъ все это гдѣ-то читалъ. Вообще оба разсказа не блещутъ художественными достоинствами, что, впрочемъ, отнюдь не отнимаетъ у нихъ права попасть въ школьную или народную библiотеку. Оба они имѣютъ сюжетомъ вещи, близкiя для пониманiя простолюдина, притомъ въ обоихъ лежитъ идея любви къ ближнему. Такiя произведенiя охотно и не безъ пользы читаются малообразованными читателями. Что касается до „Разсказовъ о бурятахъ“ г-жи Потаниной, то эта книжка кажется намъ менѣе подходящей для такого читателя. Никакихъ „разсказовъ“ въ ней собственно и нѣтъ, а есть сухой и обстоятельный, но совсѣмъ не интересный разсказъ автора объ его личныхъ наблюденiяхъ

надъ нравами бурятъ. Притомъ наблюдательность автора отнюдь не никала въ глубь этихъ нравовъ, а ограничивалась довольно скуч предметами вродѣ пищи, одежды и самыхъ внѣшнихъ обычаевъ, б даря чему вся книжка похожа на какой-то формальный отчетъ, а на живой образный разсказъ, составляющій необходимое условіе вс научной популяризаціи. Нѣсколько интереснѣе написанъ разсказъ же автора „Дорджи—бурятскій мальчикъ", хотя и тутъ видна нео ность авторской руки и неумѣніе справиться съ матеріаломъ. Нако въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ о двухъ книжкахъ г. И. Го нова-Посадова—сборникѣ стиховъ изъ разныхъ авторовъ подъ загла „Несчастныя", и его собственномъ сборникѣ стихотвореній „Въ Хри ночь". Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ стихотворенія, подо ныя съ опредѣленной тенденціей и посвященныя злосчастной же долѣ. Пусть составитель съ свойственной ему вообще тенденціозно искусственно соединяетъ имена и произведенія самыхъ различныхъ своимъ убѣжденіямъ авторовъ, все же его книжка имѣетъ значе ее можно рекомендовать въ какія угодно библіотеки и пожелать е маго широкаго распространенія. Подборъ стихотвореній достаточно ченъ, и передъ читателемъ получится довольно яркая картина вѣ несправедливости, которая помимо общечеловѣческихъ страданій гн цѣлую половину человѣческаго рода. Наконецъ, что касается до ственныхъ стихотвореній г. И. Горбунова-Посадова, то про нихъ н сказать ничего, кромѣ хорошаго. Правда, авторъ не отличается нымъ художественнымъ дарованіемъ, и стихотворенія его не изоби яркими и сильными образами, но въ нихъ много живого неподдѣ чувства и особенно чувства состраданія ко всему обездоленному счастному. Такія книжки полезны.

Изданіе вятскаго товарищества „Народная библіотека". Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась. Спб., 1906 г. Ц. 7 к. Разсматриваемая книжка представляетъ изъ удачную популяризацію такихъ научныхъ данныхъ, которыя осо интересны для мало свѣдущаго читателя въ настоящее время п дившейся мысли. Написанная живо и понятно, она прочтется и ее можно было бы рекомендовать въ народныя и школьныя библіо если бы щекотливость сюжета не требовала большой осторожности. въ томъ, что подобнаго рода популяризаціи касаются самаго больно самаго серьезнаго вопроса народнаго, а пожалуй, и общечеловѣческа это вопроса о религіозныхъ вѣрованіяхъ. Тамъ, гдѣ задѣваются эти просы, всегда требуется то или иное рѣшеніе ихъ, а между тѣмъ ленькая популярная брошюрка, конечно, не даетъ точнаго научнаго вѣта неопытному уму малообразованнаго читателя. Но что она сдѣ непремѣнно, это заронитъ въ его душу довольно грустную тѣнь со нія, съ которою трудно справляются и развитые умы, имѣющіе собою основательный научный фундаментъ. Мы отнюдь ничего не им противъ распространенія въ народныхъ массахъ достовѣрныхъ зн хотя бы знакомство съ ними и шло вразрѣзъ съ традиціями, ре татомъ чего всегда является болѣе или менѣе усиленная душевная л Намъ не нравится только тонъ разбираемой брошюры, который ка намъ неосторожнымъ. Авторъ точно намѣренно желаетъ подчеркнуть непригодность тѣхъ идеальныхъ вѣрованій въ происхожденіе чело какія давала до сего времени религія, и дѣлаетъ это самымъ задор образомъ, почему вся книжка его носитъ именно задорный харак Въ народныхъ изданіяхъ, да еще касающихся важнѣйшей ст н роднаго міросозерцанія, подобный тонъ совершенно неумѣсте

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Что читать народу? Критич. указ. книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. III. Сост. при участіи Х. Д. *Алчевской*.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Томъ третій. Состав. при участіи Х. Д. Алчевской и др. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. М., 1906 г. Ц. 1 р. 75 коп. Было время, когда выходъ каждаго объемистаго тома трудовъ харьковскихъ учительницъ составлялъ событіе въ педагогическомъ мірѣ. Еще года 4 назадъ учащіе народныхъ школъ много говорили о III томѣ „что читать народу"; его всѣ ждали. Наконецъ, онъ вышелъ. И что же? Его встрѣтило всеобщее равнодушіе. И это въ то время, когда отовсюду несутся требованія хорошаго систематическаго указателя книгъ, вышедшихъ за 2 послѣднихъ года, когда многочисленные рекомендательные списки, какъ они ни слабы, какъ ни спѣшно составлены, расходятся въ громадномъ количествѣ и съ неимовѣрной быстротой. Почему же всѣ такъ равнодушны къ III тому „Что читать народу?"

Заглянемъ внутрь этого объемистаго труда, въ которомъ на 32 печатныхъ листахъ даны отзывы о 1,674 книгахъ и который, несмотря на всѣ его хорошія качества съ внѣшней стороны, стоитъ всего 1 руб. 75 к. Минуя обильный, въ 112 книгъ, I духовно-нравственный отдѣлъ, остановимся на II—литературномъ, занимающемъ почти половину тома (624 отзыва). Къ великому изумленію мы встрѣчаемъ здѣсь все старыхъ знакомцевъ 80-хъ годовъ: тѣ же изданія „для дѣтей и народа" Клюкина, Жаркова, Аскарханова, Сытина, тѣхъ же „Бабушекъ Аленъ", „Дѣдушекъ русскаго флота", „Ѳомокъ" и „Ѳомъ", „Онуфричей", „Чернецовъ", „Пёсиковъ", „Петины просьбы" и т. д. и т. д., тѣхъ же во блаженномъ успеніи Полевыхъ, Кругловыхъ, Козловыхъ, Тютчевыхъ, Лухмановыхъ, Васильевыхъ, Добротворскихъ и пр. и пр., имена ихъ же ты, Господи, вѣси. Да, все покойнички, все ветошь изъ печальной памяти каталоговъ министерства народнаго просвѣщенія. Встрѣчаются, правда, въ видѣ отдѣльныхъ рѣдкихъ блесточекъ и книжки *Донской Рѣчи*, Раппа, но изъ этихъ изданій выбрано только самое скромное. И понятно, здѣсь, гдѣ ото всего пахнетъ елеемъ и ладаномъ, не мѣсто новой беллетристикѣ, которою зачитывается вся борющаяся за новыя начала жизни, вся кровью истекающая Россія; не мѣсто „Молоту" и „Колоколу", не мѣсто „Народной волѣ", Землѣ и волѣ", „Молодой Россіи", „Народной мысли" и великому множеству другихъ имъ подобныхъ изданій послѣднихъ двухъ лѣтъ. Не мѣсто здѣсь и такимъ романамъ, какъ Джіованіоли „Спартакъ", Эркманъ-Шатріана „Исторія одного крестьянина", Француза „Борьба за право", Ежа „На разсвѣтѣ", Швейцера „Эмма", Степняка „Въ 70-хъ годахъ", сочиненія Франко, Золя, Гауптмана, Поленца, Морриса, Грушецкаго... Да и мало ли еще кому здѣсь нѣтъ мѣста. Даже корифеямъ русской художественной литературы и публицистики и критики—Добролюбову, Писареву, Герцену, Чернышевскому, Лаврову, Михайловскому, Щедрину, Г. Успенскому, Короленку, Чехову, Горькому, Мельшину, Астыреву, Тану, Сѣрошевскому, наконецъ, самому Льву Николаевичу Толстому *) не нашлось

*) О нѣкоторыхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, вышедшихъ до 80-хъ гг., какъ и сочиненіяхъ Тургенева (далеко не о всѣхъ), Гончарова, Достоевскаго (далеко не о всѣхъ), Островскаго, Гоголя, Некрасова (о нѣкоторыхъ только стихотвореніяхъ), Никитина, Пушкина, насколько помнится, были отзывы въ первыхъ двухъ томахъ.

мѣста въ III томѣ „Что читать народу?“ Вообще въ него не вошло
одно собраніе сочиненій извѣстныхъ и лучшихъ писателей ни русс
ни иностранныхъ, среди которыхъ теперь такъ много стало народн
любимцевъ. Даже I и II томы, изданные въ началѣ и концѣ 80-хъ
лучше смотрѣли на „дитя-народъ“. Книги по исторіи всеобщей и
ской литературы и совсѣмъ отсутствуютъ въ каталогѣ.

Указанное отношеніе харьковскихъ педагоговъ къ народной ну
въ знаніи царитъ и въ историческомъ отдѣлѣ. И здѣсь среди ане
товъ и обрывковъ въ духѣ и силѣ министерскихъ каталоговъ (при
странной классификаціи книгъ) вкраплено съ пятокъ наиболѣе благ
мѣренныхъ брошюрокъ *Донской Рѣчи* по русской исторіи да какимъ
чудомъ занесены сюда „Марсельцы“ Гра, „Разсказы изъ исторіи Ир
діи“ Быковой и „Ирландія“ Каутскаго. А сколько за эти 2 года вы
прекрасныхъ народныхъ книжекъ по исторіи освободительной борьб
въ Россіи и во всѣхъ другихъ государствахъ. А эти четьи-минеи
скихъ страстотерпцевъ, жизнь свою за народъ положившихъ? Съ как
благоговѣніемъ, съ какой любовью читаетъ ихъ русскій народъ. По
же обо всемъ этомъ гг. харьковскіе педагоги-историки хранятъ упо
молчаніе? Даже изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій по всеобщей и рус
исторіи и по исторіи культуры они не нашли что порекомендовать
тяти-народу. Ужели потому, что это все „жупелъ?“ Вѣдь даже ми
стерскій каталогъ позволилъ въ 90-хъ гг. народу читать Липперта.

То же пристрастіе къ старой рухляди, та же свѣтобоязнь чувст
ся и въ V отдѣлѣ „естествознанія“, и въ VI отдѣлѣ „физики, хи
астрономіи“. За исключеніемъ дозволенныхъ министерскимъ катало
книгъ Лункевича и другихъ дѣтскихъ изданій здѣсь не найдетъ
тель ничего—ни по біологіи, ни по геологіи, ни по палеонтологі
по антропологіи, ни по астрономіи. Нѣтъ даже всѣмъ извѣст
„Астрономическихъ вечеровъ“ Клейна, нѣтъ ни Агаѳонова, ни По
скаго,—нѣтъ ни одного изъ многихъ хорошихъ общедоступныхъ
ководствъ по физикѣ и химіи, безъ которыхъ не обходится ни
мало-мальски благоустроенная школьная и народная библіотека.

Въ VII—географическомъ отдѣлѣ тщетно будете искать такихъ изв
ныхъ книгъ, какъ Нансена, Діонео („На крайнемъ сѣв.-вос. Сиб
Сѣрошевскаго, Тана, Елпатьевскаго, Шрейдера, Ядринцева, Носи
Андреева, о Сахалинѣ Чехова и Дорошевича, Каразина и многихъ,
гихъ другихъ книгъ по этнографіи и о путешествіяхъ. Даже нѣтъ „Ср
мусульманъ“ Рубакина, „Путешествій по Норвегіи“ Орловскаго. А ме
тѣмъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго отдѣла сюда слѣдовало бы отне
и книги Мижуева (о Канадѣ и Новой Зеландіи), Уокера, Метена, Іолл
Діонео, Леруа Болье, Василевскаго („Соврем. Галиція“) и т. д. Вм
всего этого и здѣсь найдете только пережитки министерскихъ ка
логовъ.

Предоставляя судить объ отдѣлахъ VIII—„сельскаго хозяйства, т
нологіи и ремеслъ“, IX—медицины и X—ветеринаріи и животновод
спеціалистамъ, замѣтимъ только, что по нашему мнѣнію, отзывы и у
занія, данныя въ III т. „Что читать народу“ людьми компетентны
будутъ полезны даже и въ томъ случаѣ, если они не безукоризнен
тѣмъ болѣе, что указателей книгъ этого рода для школьныхъ и нар
ныхъ библіотекъ за послѣдніе годы не выходило.

Подходимъ къ самому важному отдѣлу—„популярно-юридической
тературы“ (XI отд.). Не найдя въ книгѣ другихъ отдѣловъ по во
самъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ изъ силъ выбивается вся Русь

которыхъ бурлитъ и рокочетъ все живое въ нашемъ истерзанномъ отечествѣ, изъ-за которыхъ вотъ уже 2 года непрерывно льется кровь православныхъ христіанъ,—надѣемся по старой памяти встрѣтить книжки по этимъ такъ называемымъ общественнымъ вопросамъ здѣсь. Вѣдь вопросы правъ человѣка и гражданина, вопросы переустройства государственнаго и мѣстнаго управленія, земельный вопросъ, рабочій вопросъ, цѣлая область знаній, называемая политической экономіей, великій соціальный вопросъ—все это вызвало на свѣтъ за послѣднихъ 2 года громадную литературу. И нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ не читалась бы эта дѣйствительно народная литература, гдѣ съ замираніемъ сердца не стремился бы народъ послушать это новое евангеліе рабочаго класса.., Что же находимъ мы въ отдѣлѣ популярно-юридической литературы? „Объ опекѣ и попечительствѣ по русскимъ законамъ", „Родители и дѣти по русскимъ законамъ", „Министерства въ Россіи", „О томъ какъ защищать себя въ судѣ", „Исковое прошеніе", книжки Блинова, Канторовича, Дружинина, Демкова. Все то же, что встрѣчали въ министерскихъ каталогахъ 80-хъ гг., все въ тѣхъ же предѣлахъ старой отжившей и сгнившей казуистики русскаго миѳическаго права... И больше ничего. Какъ будто какой-нибудь сказочный шалунъ спрыснулъ составителей „Указателя народной и дѣтской литературы" въ 1889 г. (тогда былъ изданъ II т. „Что читать народу") мертвой водой, и они проснулись въ 1906 г. только для того, чтобы издать свой III томъ... Блаженные люди!

И всетаки... всетаки III т. „Что читать народу" книга далеко не безполезная для учащихъ начальныхъ училищъ, руководящихъ чтеніемъ школьниковъ и подростковъ. Вѣдь авгіевы конюшни еще не очищены, и на полкахъ библіотекъ начальныхъ школъ продолжаетъ ютиться еще болѣе первобытный матеріалъ для чтенія, чѣмъ указываемый г-жей Алчевской и ея сотрудниками. Да, въ бюрократическую русскую школу не скоро еще проникнетъ свѣжій воздухъ, особенно по отношенію къ дѣтской книгѣ. Что же касается взрослыхъ, обслуживаемыхъ школьной библіотекой, то хорошую книгу, видимо, еще долго суждено будетъ сельскому учителю давать изъ-подъ полы. А изъ того мусора, которымъ будутъ снабжать начальную школу въ ближайшемъ будущемъ господа, стремящіеся уравнять народъ съ дѣтьми, лучше всетаки выбирать болѣе чистое, что и даетъ книга г-жи Алчевской. Особенно же пригодятся сельскому учителю указанія по отдѣламъ прикладныхъ знаній.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1906 г.

Абрамовъ, И. Деревенскіе очерки. Спб., 1907 г. Ц. 7 к.

Агаѳоновъ, В. Наука и жизнь. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Александровскій, А. Дома и за границей. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

Ачадовъ. Государственная власть и мѣстное самоуправленіе. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Верчъ, Гуго. Долой безработицу. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Бёме, Маргарита. Дневникъ падшей. Спб., 1906 г. Ц. 70 к.

Блосъ, Вильгельмъ. Исторія германской революціи 1848 года. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Богдановъ, А. Революція и философія. Спб., 1906 г. Ц. 7 к.

Богословскій, С. Заболѣваемость фабричныхъ рабочихъ. М., 1906 года. Ц. 50 к.

Вой-Котъ. Пѣсни о четырехъ свободахъ. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.

Бѣлинскій, В. Письмо къ Гоголю. Спб., 1905 г. Ц. 10 к.

Бѣлорѣцкій, Г. Безъ идеи. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.

Вандервельде, Э. Соціализмъ и земледѣліе. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

Вандервельде, Э. и Дестрэ, Ж. Соціализмъ въ Бельгіи. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.

Витинъ, А. и Жбанковъ, Д. Всеобщая политическая забастовка. М., 1906 г. Ц. 25 к.

Воскресенскій, А. Опытъ философской пропедевтики. Ч. I и II. Орелъ, 1906 г. Ц. 75 к.

Гаганъ, В. Какъ устраиваются городскія общественныя работы. Спб., 1906 г. Ц. 70 к.

Герронъ, Георгъ. Отъ революціи къ революціи. Спб., 1906 г. Ц. 6 к.

Граве, О. Женскій вопросъ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Григорьевскій, М. Полицейскій соціализмъ въ Россіи. Спб., 1906 года. Ц. 20 к.

Де-Волланъ, Григорій. Въ странѣ милліардовъ и демократіи. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 25 к.

— Къ русской молодежи. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Дешенъ, Лоранъ. Рабочіе синдикаты въ Бельгіи. Спб., 1906 года. Ц. 40 к.

Ежегодникъ императ. театровъ. В. XIV. Сезонъ 1903—1904 г. Спб., 1906 г.

Заборскій, А. Ариѳметич. задачи и примѣры. М., 1906 г. Ц. 15 к.

Замѣтки по очереднымъ вопросамъ желѣзнодорожной политики. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Ивановъ - Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I и II. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Іеккъ, Г. Образованіе интернаціонала. М., 1906 г. Ц. 80 к.

Кальверъ, Рихардъ. Христіанство и соціалдемократія. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Каутскій, К. Этика. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Ковалевскій, М. Отъ прямого народоправства къ представительному. Т. II. М., 1906 г. Ц. 2 р.

Косинскій, В. Къ аграрному вопросу. В. I. Одесса, 1906 г.

Крачковскій, В. Афоризмы. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Крестьянскіе наказы Самарской губ. Самара, 1906 г. Ц. 45 к.

Кричевскій, Б. Восьмичасовой рабочій день. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Кулябко-Корецкій, Н. Ф[illegible]ція въ XIX в. М., 1907 г. Ц. 75 к.

Лабулэ, Э. Принцъ-собачка. М., 1907 г. Ц. 50 к.
Лавровъ, П. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
Леманъ, А. Теорія билліардной игры. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.
Любомудровъ, И. Введеніе въ науку о справедливости Герберта Спенсера. Ковровъ, 1906 г. Ц. 15 к.
Марксъ, Карлъ. Теоріи прибавочной стоимости. Спб., 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
Мережковскій, Д. Юліанъ. Ц. 2 р.
— Христосъ и антихристъ. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мерингъ, Ф. Исторія Германской соціалъ-демократіи. М., 1907 г. Цѣна 1 р. 25 к.
Метерлингъ, Г. Соч. Т. I. Спб., 1906 г. Ц. 2 р.
Могилянскій, П. Интернаціоналъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
Мошинъ, А. Гашишъ. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
Николаевъ, Ю. Запросы мысли. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
Озеровъ, И. Что должны имѣть въ виду рабочіе. Ц. 5 к.
— Страхованіе трудящихся. Ц. 5 к.
— Фабричные комитеты. Ц. 10 к.
— Земельный вопросъ въ Россіи. Ц. 25 к.
— Финансовая реформа въ Россіи. М., 1906 г. Ц. 50 к.
Олейникъ, И. Какъ рѣшить аграрный вопросъ? М., 1906 г. Ц. 20 к.
Перри, Дж. Вращающійся волчокъ. Одесса, 1906 г. Ц. 60 к.
Петрищевъ, А. Триста лѣтъ. 1606—1906 гг. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
Петровъ, А. Воспитаніе націи. Владивост., 1906 г.
Плехановъ, Г. Генрикъ Ибсенъ. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
— Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Спб., 1906 г. Ц. 6 к.
Поярковъ, Н. Солнечныя пѣсни. М., 1906 г. Ц. 60 к.
Пренебреженіе танцами въ Россіи.
— О жизненности и реальности танцевъ. М., 1907 г. Ц. 20 к.
Ренанъ, Э. Калибанъ. М., 1906 г. Ц. 40 к.
Рожковъ, Н. Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. Спб., 1907 г. Ц. 6 к.
Розановъ, В. Легенда о великомъ инквизиторѣ. Спб., 1906 года. Цѣна 1 р. 50 к.
Россолимо, Г. Планъ изслѣдованія дѣтской души.
— Врачъ и больной. М., 1906 г. Ц. 20 к.
Салюччи, А. Теорія стачки. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
Сборникъ Т-ва „Знаніе". Кн. XII. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
Трачевскій, А. Учебникъ новой исторіи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.
Тылова, К. Балдушкинъ. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
Флеровъ, А. Дѣтскій другъ—букварь. М., 1906 г. Ц. 15 к.
— Первая послѣ букваря книга. М., 1906 г. Ц. 35 к.
Фриче, В. Художественная литература и капитализмъ. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
Хижняковъ, Е. Призраки и тѣни. Ахтырка, 1904 г.
Шатуновскій, С. Непрерывность и ирраціональныя числа. Одесса, 1906 г. Ц. 40 к.
Щаповъ, А. Сочин. Спб., 1906 года. Ц. 3 р.
Эльцбахеръ, П. Сущность анархизма. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.
Якимовъ, В. Morituri. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.
I. Книги.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская ...» съ 1 октября по 1 ноября 1906 г.

Отъ Самарскаго Комитета общественной помощи голодающимъ Самарской губерніи.

Въ г. Самарѣ организованъ Комитетъ общественной помощи голодающ... какъ мѣстный отдѣлъ центральнаго Московскаго и Петербургскаго Комитет... главѣ послѣднихъ стоятъ Всероссійское Пироговское Московское сельско-х... ственное и Петербургское вольно-экономическое общества, широко популярн... общей своей дѣятельности и работающія по борьбѣ съ голодомъ уже въ те... ряда лѣтъ. По мѣстнымъ условіямъ Самарскій Комитетъ возобновляетъ дѣя... тельность Самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи голодающимъ, р... тавшаго въ 1898—1899 году.

Размѣры наступившаго голода далеко оставляютъ за собою всѣ предыдущі... лодовки. Уже съ августа мѣсяца наблюдается недоѣданіе крестьянскаго нас... во многихъ мѣстахъ: ѣдятъ черезъ день, ѣдятъ по очереди, примѣняютъ с... „лежанія“, какъ средство утоленія голода, ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой, съ желу... Положеніе голодающаго населенія ужасно—и съ каждымъ днемъ по мѣрѣ прибл... нія суровой зимы оно будетъ ухудшаться. Оно тѣмъ болѣе ужасно, что ус... борьбы съ настоящимъ голодомъ исключительны вслѣдствіе переживаемыхъ ... общихъ событій. Средства помощи въ настоящую голодовку также до крайност... чтожны. Все это вмѣстѣ взятое должно вызвать на помощь голодающимъ сам... рокіе общественные слои населенія. Дорога каждая копейка, ибо за 1 руб. 50... можно прокормить голодающаго въ теченіе мѣсяца. Самарскій Комитетъ обществ... ной помощи голодающимъ и взываетъ къ самымъ широкимъ общественнымъ с... о помощи.

Граждане! Отбросьте всѣ соображенія, думы и размышленія. Прислуша... только къ голосу сердца—и памятуйте объ одномъ—вашимъ братьямъ и сест... грозятъ душевныя и физическія муки, болѣзнь и смерть отъ голода и ваше с... вамъ повелительно скажетъ: придите на помощь голодающимъ!

Помощь будетъ цѣнна, въ какой бы мѣрѣ и какой бы формѣ она ни была.

Пожертвованія деньгами, пищевыми продуктами, платьемъ просятъ напра... по адресу: г. Самара, губернская земская управа, казначею Комитета обществ... помощи голодающимъ В. К. Ромодановскому.

Бюро проситъ редакціи газетъ перепечатать настоящее воззваніе и отк... подписку въ пользу голодающихъ Самарской губерніи.

Бюро комитета: г-жи Е. А. Бузкова, О. Б. Котельникова, Н. А. Хардина, гг. ... Гладышъ, М. М. Гранъ, А. Г. Кражинскій, П. П. Крыловъ, В. К. Ромодановск...

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº. Москва, Пименовская ул., с...

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1906.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «...ской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ с... отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничто...

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ т... 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать ...твореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихот... редакція не входитъ въ переписку.

ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Уже сломленный недугомъ, приступилъ къ составленію этой книги *Русской Мысли* покойный Викторъ Александровичъ Гольцевъ... Силы угасали, но любовь къ дорогому дѣлу до послѣдней возможности превозмогала безпощадную болѣзнь. 18 ноября кончилась неравная борьба. Сердце, неизмѣнно сжимавшееся въ тревогѣ за судьбы родного народа, успокоилось навѣки. Тернистый путь писателя-гражданина завершился.

Да, этотъ путь не былъ усѣянъ розами. Жизнь Виктора Александровича была сплошной цѣпью невзгодъ, и его личныя невзгоды всегда обусловливались тѣми общими причинами, отъ которыхъ страдала Россія.

Викторъ Александровичъ тѣсно переплелъ судьбы своего личнаго существованія съ судьбами родины. Ему былъ близокъ начертанный поэтомъ идеалъ писателя:

«Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода»...

У Виктора Александровича всегда были общія печали и общія раны съ матерью-родиной.—Онъ вышелъ на арену

общественной борьбы въ тяжелое время. Начинался отливъ освободительной волны, столь высоко поднявшейся передъ тѣмъ въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Тупая, жестокая, безсмысленная реакція надвигалась зловѣщей тучей на родной небосклонъ. Быстро замирали послѣдніе отзвуки «зеленаго, весенняго шума» предшествующей, эпохи, и безотрадная кладбищенская тишина шла имъ на смѣну. «Патріоты своего отечества» торжествовали по всей линіи, а тѣ, кто не разучился болѣть душой о бѣдствіяхъ родины, были объявлены «внутренними врагами». О скорой побѣдѣ освободительныхъ идеаловъ нечего было и думать. Друзьямъ народа предстояло взять на себя заботу о томъ, чтобы не загасъ совершенно свѣтильникъ свободы подъ напоромъ жестокихъ вѣтровъ, чтобы удалось невредимо донести его до начала новой, лучшей поры въ жизни русской земли. Викторъ Александровичъ сразу всталъ въ первые ряды той немногочисленной рати, которая пошла противъ теченія, высоко подымая свое знамя, украшенное «забытыми словами»:—свобода, отечество, человѣчество.—И тѣмъ выше подымалъ онъ это знамя, чѣмъ яростнѣе бушевала реакція, противопоставляя «забытымъ словамъ» свои собственные девизы: свободѣ — тишину, отечеству — полицейскій участокъ, человѣчеству — человѣконенавистничество.

Въ началѣ своего общественнаго поприща Викторъ Александровичъ стремился къ научно-университетской дѣятельности.—И здѣсь-то получилъ онъ первые удары отъ торжествующаго мракобѣсія.—Читатели *Русской Мысли* знакомы съ этимъ знаменательнымъ эпизодомъ изъ жизни Виктора Александровича. Онъ былъ разсказанъ въ одномъ изъ его автобіографическихъ отрывковъ на страницахъ нашего журнала.—Профессоръ, заявлявшій себя убѣжденнымъ сторонникомъ конституціонныхъ началъ, оказался не ко двору для русскихъ университетовъ пореформенной эпохи.—И Викторъ Александровичъ принесъ первую, тя-

желую для него жертву Молоху пореформенной реакціи. Отказъ отъ университетской каѳедры составлялъ для него большое нравственное лишеніе, которое онъ чувствовалъ до конца своей жизни. Но, затаивъ сердечную горечь, онъ не сложилъ оружія. У него отняли каѳедру,—онъ создалъ журналъ; ему запретили говорить съ университетской молодежью, онъ сталъ говорить со всей Россіей, превратившись изъ профессора въ публициста. Однако, сдѣлаться публицистомъ въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія значило обречь себя на новыя нравственныя муки. Результаты публицистической работы В. А.—передъ глазами у публики. Но многіе, не посвященные въ условія журнальной работы подъ гнетомъ цензурнаго ига, не знаютъ, какой цѣной добывались эти результаты. Горѣть желаніемъ перенести на страницы своего журнала всѣ животрепещущіе вопросы современности, и негодующимъ словомъ обличенія вскрывать общественныя язвы, терзающія родину,—и въ то же время каждую минуту думать о необходимости суживать размахъ своего пера, рвать только что написанную горячую страницу и замѣнять ее другой—спокойной и холодной— въ надеждѣ на то, что уже самъ читатель привычнымъ чутьемъ уловитъ тотъ святой гнѣвъ, который скрытъ за приспособленной къ цензурнымъ условіямъ фразеологіей,—развѣ это не мука, развѣ это не самоотверженный подвигъ, предпринимаемый для того, чтобы слово правды не замерло цѣликомъ въ порабощенной странѣ? Этотъ публицистическій крестъ и несъ В. А. на своихъ плечахъ, несъ стойко и неуклонно сквозь терновникъ, густо заполнившій путь русской публицистики. Что пришлось пережить душѣ писателя-гражданина подъ тяжестью этой ноши? Этого не взвѣсишь и не разскажешь. Но В. А. пронесъ свой свѣтильникъ чрезъ дикій мракъ пореформенной реакціи, заботливой рукой охранивъ его пламя отъ порывовъ враждебнаго вѣтра.—И вотъ, мракъ началъ разсѣиваться.—Мелькнули первые проблески разсвѣта.—Ка-

залось: близокъ часъ нравственнаго удовлетворенія за все пережитое.—Но тутъ не выдержали надорванныя силы; усталыя руки опустились, и боецъ палъ подъ своей ношей у порога обѣтованной земли. В. А. любилъ говорить о великомъ значеніи культурной традиціи, которая должна связывать послѣдовательно смѣняющіяся поколѣнія въ одномъ общемъ движеніи къ свѣту и свободѣ. Несмотря на всю прерывистость нашего общественнаго прогресса, эта традиція существуетъ и будетъ все болѣе крѣпнуть съ теченіемъ времени.—Имя В. А. будетъ связано ею со всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ русскаго освобожденія.—Его не стало, но его имя и плоды его работы останутся жить въ исторіи нашей освободительной борьбы. Настоящей книгой завершается его редакторская и публицистическая работа; ибо, какъ уже сказано, составленіе книги было начато еще подъ его руководствомъ.—Ближайшіе сотрудники журнала сочли своимъ долгомъ добавить нѣкоторые матеріалы къ тому, что уже было приготовлено передъ кончиной Виктора Александровича, но они не желали очень расширять эти добавленія; имъ хотѣлось, чтобы и эта книжка въ наибольшей своей части явилась плодомъ непосредственной редакторской работы Виктора Александровича Гольцева.—Этимъ объясняются нѣсколько уменьшенные размѣры книги.

Постоянные читатели *Русской Мысли* раскроютъ эту книгу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ мы ее выпускаемъ: съ чувствомъ горькой печали за судьбы русской литературы, которая такъ часто оплакиваетъ свои тяжелыя утраты, и съ чувствомъ благодарности писателю-гражданину, останки котораго только что приняла родная земля.

А. Кизеветтеръ.

ВАХМИСТРЪ.

Разсказъ.

Я люблю яркіе сентябрьскіе дни, холодное ясное небо, тонкія паянки, которыя незамѣтно цѣпляютъ за платье, щекочутъ лицо и, ачиваясь въ пространствѣ, уплываютъ куда-то.

Я люблю золотые листья, съ легкимъ шепотомъ падающіе на ію безъ вѣтра. Они осыпаютъ аллеи бульваровъ, желтыми точи покрываютъ еще зеленый газонъ.

Я люблю неслышно надвигающуюся осень.

Часто сижу я на бульварной скамейкѣ, растираю подошвой влажі, хрустящій песокъ и смотрю.

Пестрыя группы дѣтишекъ возятся въ кучахъ песку, звенятъ и ечутъ подъ солнцемъ. Они, эти быстрыя ножки и веселыя роды, готовятся жить.

А кругомъ сыплются золотые листья, шуршитъ едва внятно ихъ оръ, а изъ-за кудрявыхъ шапокъ протягиваются черные обнаженсучья.

Часто въ послѣднее время встрѣчаю я высокаго, браваго старика. со скучающимъ видомъ прохаживается по аллеямъ бульвара, анавливается возлѣ дѣтей и покручиваетъ стриженый усъ. Мавкія фигурки шныряютъ вокругъ, стучатъ обручами, бросаютъ комъ; мячи подкатываются къ самымъ ногамъ старика; пестрые овѣчки ползаютъ около, подозрительно поглядывая на высокую, рую фигуру. Посмотрѣвъ и покручивая усы, старикъ напраается въ мою сторону, какъ разъ противъ круга, присаживается и иваетъ черную трубку.

Сегодня онъ поклонился мнѣ,—должно быть, призналъ.

— Съ добрымъ утромъ, сударь... Ишь, сентябрь-то какой выся... Имъ-то одно удовольствіе,—кивнулъ онъ головой въ стопестрой кучки.—Растутъ на свѣту-то...

— Вы, должно быть, недавно въ этихъ краяхъ... Что-то я видалъ васъ раньше...

— Здѣсь-то недавно... на бульварчикѣ-то... А въ городѣ я довъ двадцать проживаю... Да какое тамъ двадцать... больше, восемьдесятъ второго... На сверхсрочной службѣ я былъ, въ дармскомъ дивизіонѣ...

— Вотъ какъ... а-а-а...

— Да-съ... въ жандармахъ... А что-съ?... И многіе вотъ, вы... удивленіе высказываютъ... А дѣло самое обыкновенное... порядка, конечно... Ну, теперь я выбылъ... отошелъ... Хожу по воздуху пока что... Солнышко-то какъ теплитъ-то... Ишь, утинки играютъ,—къ хорошей погодѣ...

Онъ снялъ съ лица набѣжавшую паутинку и задымилъ труб

Слово за слово—разговоръ завязался. Подъ яркимъ солн душа открывается: она рвется наружу, къ свѣжему воздуху, он таится, какъ въ хмурое дождливое утро.

— И все ладно шло. Вѣдь сорокъ пять рублей!... Гдѣ ихъ мешь-то... И самостоятельность притомъ,—шестьдесятъ челов подъ командой... Конечно, отвѣтственность большая, ну и де не малыя... Утѣсненія никакого,—только дѣло знай... Я его какъ зналъ... Посмотрѣли бы вы, какъ нарядъ выведу,—засве моя мамаша... вотъ-съ какъ... Бывало нарядъ въ театры,—къ чтобы на мѣстахъ... Ну, распорядишься, разставишь,—стой— моргай... Генералъ ѣдетъ,—сейчасъ, чтобы лошадь на дыбки такое... Красота!... Какъ съѣхались, младшему людей передал въ пивную, въ уголокъ... или въ театръ пройдешь посмотрѣть скуки... Жизнь!... умирать не надо... А лошадь у меня был огнёвая, ста четыре плачена, изъ-подъ Евлампія Спиридоныча мого, полковника... Старѣть начала, такъ онъ подъ меня отдалъ учоная, я вамъ объясню, какая!... Ничего не жалко мнѣ... а « лубку» жалко... Какъ уходить мнѣ, такъ, вѣрьте слову, слезу утер И она-то чувствовала, ушки пригнула... Э-эхъ... дѣла-а!...

Онъ замолчалъ и сталъ курить.

— Да... такъ вотъ «Голубка»-то... Какъ, бывало, нач осаживать... все оглядываетъ, какъ бы не зацѣпить... Самая ж дармская лошадь. На гуляньѣ разъ парнишка одинъ созорничалъ перочиннымъ ножичкомъ ейткнулъ... въ задъ, извините—назову-съ не дрогнула даже...

— Такъ вы кѣмъ же, собственно, были?

— Вахмистромъ я былъ... Ну, все равно, что фельдфебель Въ пальтѣ-то я теперь неказистъ, а какъ, бывало, во всей фор

[ч]енъ я фигурой вышелъ... Уборъ этотъ надѣнешь,—чортомъ тор[ч]итъ на боку... Картина!... шнурки эти,—серебро!... медали тутъ... [к]акъ отличія военнаго ордена,—я два Георгія имѣю, за турецкую [ка]мпанію... Такое, я вамъ скажу, сіяніе... Да-съ... вотъ шестьде[ся]тъ скоро,—усмѣхнулся онъ,—а портнишки эти самыя, модистки... [г]лазами ловили... Лестно имъ, бывало, какъ на дыбы возьму, да [н]а нихъ... хе-хе-хе... Ей-Богу... Записочки получалъ... Извѣстно... [ви]дятъ, что не простой жандармъ... И все ладно было. Полковникъ, [б]ывало, скажетъ...—Онъ меня уважалъ, можно сказать...—Такъ [во]тъ скажетъ, бывало:—«Ну, какъ, Иванъ Иванычъ»...—Ей-Богу, [та]къ, по отчеству и все такое... «ну, какъ скрѣпишь?...» Скрѣ[п]ишь!... Да я крѣпче другого молодого. Они что,—рыхлость!... А [у м]еня жила да кость... Грудь—на, бей!... Гвардейская!... я вѣдь [из]ъ гвардіи вышелъ...

Маленькій карапузъ закатилъ мячъ подъ скамейку и съ крёхо[та]мъ возился подъ нашими ногами.

— Ишь, ляшки-то наѣлъ,—засмѣялся вахмистръ, протягивая [ру]ку къ натянувшимся брючкамъ карапуза.—Лопнутъ, ей-ей лоп[ну]тъ... Тюкъ!...

Карапузъ досталъ мячъ и, тяжело сопя, уставился на браваго [«д]ядю».

— Тюкъ!...—повторилъ онъ, дѣлая строгое лицо, и побѣжалъ [къ] своимъ.

— Да... ну, и все хорошо было... Сынъ по механической ча[ст]и... на заводѣ... сорокъ цѣлковыхъ получаетъ... Въ деревнѣ братъ [по] хозяйству... Я имъ ежемѣсячно красную слалъ... обязательно. [Н]у, и почетъ!... Пріѣдешь да во всей формѣ... У батюшки всегда [ча]й пилъ, на крылосъ становился... Очень меня всѣ они уважали... [А] тутъ и пошло это самое... канитель-то эта... Оно бы и ничего, [кон]ечно, порядокъ нуженъ... и вездѣ нуженъ, и за границей вонъ [та]кже нашъ братъ есть... я ужъ это самое доподлинно знаю... И тамъ [сп]уску не даютъ... да... А тутъ сразу это повернуло. Какъ нача[ли]сь эти смуты... нарядъ за нарядомъ... Ни тебѣ чаю попить, ни [по]ужинать... Въ баню, вѣрите ли, не вырвешься... То къ вокзаламъ, [то] на гулянье, то въ дозоръ на-ночь... по улицамъ... И вдругъ при[ка]зъ: «отпустить шашки»... Допрежде тупыя онѣ у насъ были... [Ве]лѣли отточить, стало быть... Такъ это вдругъ словно какъ бы жут[ко] стало,—по сердцу ударило... Ну, что-жъ,—приказано,—надо... [Ра]спорядился я... Мои-то—ничего себѣ, посмѣиваются... «На войну, [чт]о ли, погонятъ»,—думаютъ... Смѣ-ѣхъ!... Ну, а я то ужъ пони[ма]ю: полковникъ меня упредилъ, чтобы я, значитъ, людямъ объяс-

нилъ.—«Дѣло, говоритъ, Иванъ Иванычъ, всурьозъ пошло»... Н объяснилъ я, для чего шашки-то... тово... Молчатъ... такъ это ти стало... смекнули... А тутъ Овечкинъ и сказываетъ... такъ сол тишка у меня былъ... озорникъ... «Та-акъ...» говоритъ... и под зрительно онъ это сказалъ. Я его сейчасъ на мундштукъ: «что *та-акъ?*» «Да ничего, просто, говорю, такъ, понимаю...» «То говорю, понимаю».:. И скучно у насъ стало, сударь... Черезъ дѣлю на дворѣ... ра-анымъ рано, вольнаго я захватилъ съ про маціями энтими... подъ сорочкой цѣлую пачку нашли... ну, кон но, представили... И парнишка-то молоденькій, а дерзкій... адно... А эскадронный и говоритъ мнѣ: «ты, Иванъ Иванычъ, чеку будь... по-ни-ма-ешь?»—И такъ строго смотритъ, рѣзко... что-жъ... на-чеку такъ на-чеку... Я всегда на-чеку. И пошло т дѣло настоящее... Вамъ поди все извѣстно. Не любитъ насъ пу ка... Ну, политическихъ этихъ провожаемъ... ну, другое там сами знаете... порядокъ... надо... а публика-то насъ, извин ежели къ слову, за подлецовъ считаетъ. Злость-то она и питъ... Вы такъ, ну и мы... Что-жъ, и мы тоже не подлец тоже вѣдь свои, русскіе... только надо же кому-нибудь нащотъ рядка... Полицейское, конечно, дѣло...

Мимо насъ прошелъ жандармскій офицеръ. Онъ оглядѣлъ вахмистра и отвернулся. Тотъ всталъ и вѣжливо раскланялся вс и глаза его растерянно смотрѣли на меня.

— Не узналъ, должно... не поклонился... А нашъ это, Мих Васильичъ Амброзовъ... изъ полку перевелся... Ему на пло камнемъ бокъ попортили... И что же вы думаете?... сотъ пять е бокъ-то отпустили!... на поправкѣ теперь... Нѣтъ, должно, серд онъ на меня...

— За что же?...

— Было дѣло одно... Да вотъ слушайте, какъ это все пове лось... Ну, такъ вотъ... И приходитъ ко мнѣ сынъ... вотъ на водѣ-то который... Навѣстить, стало быть. И чортъ меня дерну разсказалъ я ему про все... и шашку показываю... И такъ-то о меня сѣрый съ лица-то, а тутъ зеленый сталъ... Вскочилъ съ т ретки, картузъ схватилъ... «Ты куда?»—говорю...—«Домой»,— воритъ, а самъ дрожитъ. Вышли на дворъ-то, а онъ возьми да живорѣзомъ-то и обзови... Да на весь дворъ, сударь!...

— «Живорѣзъ ты,—говоритъ...—На такое дѣло пошелъ»...

— «На какое такое?... Ахъ ты, говорю, разсукинъ ты су сынъ!... такія слова отцу!...—Обидѣлъ онъ меня тутъ, су страсть...

— Деньги-то тебѣ, говоритъ, за кровь платятъ...

— Какъ такъ за кровь, а?...—Врѣзалъ я ему тутъ сгоряча по шеѣ... картузъ съ него сбилъ... Конечно, не хорошо... ну, да вѣдь мальчишка онъ... А онъ меня при всѣхъ... на дворѣ изругалъ.

— Я, говоритъ, и знать тебя не хочу. — Сыщикомъ обозвалъ... ей-Богу, такъ-таки и обозвалъ... «Сыщикъ, говоритъ, ты...» Ну, и не приходилъ потомъ. А раньше все, бывалыча, въ праздникъ забѣжитъ... Какъ вы полагаете, а?... отъ родного сына-то!...

Вахмистръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, и я видѣлъ въ его сѣрыхъ глазахъ и прошедшую, потухшую обиду, и какое-то радостное, непонятное для меня чувство...

— Вотъ онъ какой у меня, Сережка-то... Ну-съ, хорошо-съ... отточили шашки... востро отточили... Самъ полковникъ на бумагѣ пробовалъ... Каждую шашку... какъ рѣжетъ... ей - Богу - съ... Да-съ... все исправно... И вдругъ намъ всѣмъ прибавка вышла, по случаю трудовъ... Ну, что-жъ... прибавка дѣло хорошее,—покорно благодаримъ... Лестно, конечно, ежели цѣнятъ... А тутъ вдругъ нашего одного и помяли... ночью у вокзала съ лошади сволокли и всыпали... померъ потомъ въ госпиталѣ, царство небесное... Тутъ вскорости Овечкинъ убѣгъ... такъ и не разыскали... Двоихъ подговаривалъ... опослѣ сказали... Трое еще на побывку въ деревню проситься стали, на здоровье жалились все... Слабые которые... не пустили... Сверхсрочный одинъ совсѣмъ ушелъ... страшно, что ль, ему стало... Ну, я то не боялся... чего бояться... Я подъ Горнымъ Дубнякомъ смерть-то видалъ... и Георгія получилъ тамъ...

Вахмистръ пріосанился и закрутилъ усъ.

— Ну, и не страшно мнѣ-то... А тутъ, изволите ли знать, письмо изъ дому пришло, отъ брата. А это Сережка имъ наплелъ со злости, послѣ нашего разговору-то... И пишетъ мнѣ братъ,—а онъ у меня и мужикъ-то смирный, церковныя книги мастеръ разбирать... Пишетъ онъ, будто я людей рѣжу и за это за самое жалованье получаю... Ишь какъ они это вообразили... Сережка-то съ озорства, а они за чистую монету... «Иди, говоритъ, лучше куда на казенное мѣсто, а не такое чтобы дѣло... въ швейцары или тамъ куда... и выгодно, говоритъ, и дѣло-то чистое...» Рѣжу!... А я,—вотъ вамъ крестъ,—и ни одного-то человѣка не тронулъ, а не то чтобы... тамъ... да... Ну, конечно, влѣпишь иной разъ плашмя, по спинѣ... да... А такъ чтобы...

Вахмистръ покачалъ головой и горячо продолжалъ:

— Да что я за подлецъ за такой,—своихъ буду рѣзать. Ну, а они-то вонъ что... А дѣло-то понятное... Казачки тамъ у н по сосѣдству были, троицкихъ мужиковъ... тронули двоихъ... ко тронули... прямо до смерти... за грабежъ... барскій хлѣбъ у зили... Ну, они и меня за казачка, будто по той же части. Махну я рукой, думаю, что съ ними толковать... Дураки, не понима про порядокъ... А красную посылаю, и принимаютъ... ничего. Деньги—деньгами, конечно... бѣднота у насъ...

Къ намъ подошла маленькая дѣвочка, вся въ красномъ, съ об чомъ. Ея свѣтлые глазки изъ-подъ широкихъ полей пунцовой шл съ любопытствомъ поглядывали на вахмистра. Его стриженые у должно быть, интересовали ее. Она кривила ножки и выговарива нетвердо:

— Дя-дя... дя-дя...

Вахмистръ протянулъ руку, хотѣлъ погладить волнистые бѣ курые локоны, но плутовка съ звонкимъ смѣхомъ, оглядываясь, пр ворно покатила свой обручъ.

— Ишь младенцы-то... играютъ себѣ... и ничего-то имъ нужно,—задумчиво сказалъ вахмистръ, насыпая новую трубку.— вырастутъ, все узнаютъ... Ну, такъ вотъ... письмо это самое да... А тутъ и стало все, въ октябрѣ... вотъ дороги-то когда ст ли... Ну, объявили забастовки... Имъ-то забастовки, а намъ жара. Ходили мы по Москвѣ, больше въ своей округѣ... по бульварамъ. Ну, разгоняли, конечно... лошадьми все... Въѣдешь и начнешь по вертывать... А народъ-то липкій сталъ и не боится. Облѣпятъ ст ной и ругаются... Да и лошади пугаться стали... А умныя,—черт Нѣтъ того, чтобы ударить какъ... больше все тѣснятъ и глаза поводятъ... фыркаютъ, человѣка чуютъ... привычныя къ народу-т Ну, тутъ у насъ было дѣло. Не у меня, стало-быть, а у друго вахмистра... Андрей Парфенычъ, сухенькой такой, строгій... в одномъ полку и служили-то раньше... Ну, выѣхали они такъ-то окружили ихъ на площади-то, сгрудили... камнями швыряться ста ли... Вахмистровой-то лошади, Андрея-то Парфеныча, глазъ пр шибли... Ну, чѣмъ лошадь-то виновата!... Съ ними-то еще рот мистръ былъ... Взоровъ, Николай Семенычъ... и всегда коньякъ с собой возилъ въ объѣздъ... Онъ-то сейчасъ и скомандуй: «шаш вонъ!... Готовсь!...» Это отточеныя-то... Ну, сейчасъ и тово... хватили и тово... Андрей-то Парфенычъ въ сердцахъ-то и ахнулъ руку малому одному... вотъ по этому самому мѣсту... Еще по зали кой-кого... А лошади-то и не лѣзутъ... прыгаютъ через н родъ-то, кто упалъ, фырчать, чуютъ, что народъ-то живой... 7

ъ, въ казармахъ, смѣялись все... Одна такъ-то вотъ прыгну-
а объ столбъ грудиной... а не задавила... Ученыя лошади, смы-
ыя... Я такъ разсуждаю, что самыя смышленыя животныя, су-
.. Пріѣхали въ казармы, злющіе пріѣхали... Грубить стали.
одинъ такое слово сказалъ, такое слово... посадили подъ
ъ... И подъ судъ могли, ну, да я плюнулъ, скрылъ... Отлы-
ъ стали, въ околотокъ тамъ, порошки чтобы... Не охота имъ
ицамъ-то... да... Бывало пѣсни пѣли, а тутъ тихо такъ си-
и задираются, ежели кто съ характеромъ... Ну, конечно, тя-
.. дѣло такое... А порядокъ-то нуженъ. Намъ ужъ читалъ Ми-
а Васильевичъ, — вотъ что прошелъ, — чтобы не сомнѣва-
..

— «Это, говоритъ, вездѣ... и во Франціи, говоритъ, а тамъ
ая воля... и тамъ, говоритъ, тоже, ежели безобразятъ...»

— Ну, вездѣ, такъ вездѣ... Что же подѣлаешь?... Жалованье
шее, — надо служить... Смотрю поутру какъ-то... А у насъ
ый день оружіе осматриваютъ... Смотрю, а у моего Петрова
о шашка иззубрена... А?!..

— Какъ такъ? — говорю: — отточи... Гдѣ ты ее спортилъ?

— «Объ фонарь, говоритъ, попалъ...»

— Какъ такъ объ фонарь?...

она, изволите видѣть, пила-пилой... зу-убчиками вся... А
ный-то и сказываетъ:

— «Нарочно, говоритъ, онъ это... подпилкомъ иступилъ...»

— Какъ такъ подпилкомъ? — спрашиваю.

— «Не могу, говоритъ, боюсь бить... потому и испортилъ...»

Что, думаю себѣ.... вѣдь засудятъ подлеца... А у насъ строго,
ная вещь...» Ткнулъ я его тутъ отечески... велѣлъ отточить...
ь... дѣла!...

Порывъ вѣтра посыпалъ на насъ золотые листья, и тянувшіе
ину пауки закачались на липахъ, быстро подбираясь къ сучь-
..

— И жутко въ тѣ поры стало, только посматривай... Какъ въ
ъ куда, какъ гдѣ прослышишь что, — такъ это какъ-то на
дѣ сосетъ... Ѣдешь по улицамъ, — жуть... Мои всѣ строгіе
, ни разговору, ничего... Вотъ полковникъ мнѣ и говоритъ:

— «У тебя, говоритъ, Иванъ Иванычъ, носы вѣшаютъ... От-
чтобы не было этого!... Солдатъ долженъ навсягды веселое
имѣть!»

«Да то солдатъ, думаю... а жандармъ, думаю... какой онъ сол-
... Онъ для порядку... А съ чего и веселиться-то... Конечно,

жалованье прибавили... пища хорошая... А Сережка не идетъ и идетъ... Что, думаю, за подлецъ за такой?!.. Такъ это ску мнѣ, будто, стало... Пошелъ я къ нему, у завода онъ живетъ Праздникъ выбралъ. Прихожу. Чисто онъ у меня ходитъ и все кое... Карточка у него виситъ на двери, въ сѣнцахъ... бѣленька «Сергѣй Иванычъ Тучкинъ...» Стой! Отворилъ дверь, а тамъ-то ловѣкъ десять... Какъ вскочутъ!... папироски побросали... газ тамъ у нихъ... Полна комната дыма. «Жандармъ!... жандармъ!.. Какъ мыши передъ котомъ. А Сережка-то мой сейчасъ впереди гоголемъ летитъ... побѣлѣлъ весь...

— «Что,—говоритъ,—вамъ угодно?»

Это мнѣ-то!... а?... «Что вамъ, говоритъ, угодно?..» Ну, к вамъ это покажется?... Не узналъ онъ, что-ль, меня... Да что, думаю, чортъ какой?... И всѣ-то они злобно такъ уставились... ты, исторія!...

— Ты, говорю, кто мнѣ такой будешь, а?

Вижу, узналъ онъ меня... красный весь сталъ. Подошелъ вн трясется и шипитъ, чтобы не слышно было:

— «Уходите, говоритъ... уходите... Стыдно мнѣ, говоритъ, васъ...»

— Что-о?

— «Да... стыдно, говоритъ, что у меня отецъ—жандармъ.

Глянулъ я на него.

— Ахъ ты, прохвостъ, прохвостъ!... На ноги его постав въ люди вывелъ, сорокъ цѣлковыхъ получаетъ...

Ну, тутъ онъ оправился. Товарищи его вышли, смотрятъ.

— «Хотите, говоритъ, чаю?»

— Чаю?... Ну, нѣтъ, говорю...—чаю я не желаю, а ты, г рю, мерзавецъ!... Родного отца такъ принимаешь... а?

Тутъ всѣ они окружили меня, шинель стащили.

— «Пустяки, говорятъ, ладно...»

И Сережка-то ужъ ничего, только, вижу, не въ себѣ онъ. С часъ самоваръ, водки послали... колбаски... Только всѣ молча не клеится у нихъ ничего... Смотрятъ да молчатъ, газетами лись... И Сережка-то... спѣшитъ все... Колбаску рѣзалъ, было отхватилъ,—спѣшитъ и говоритъ,—такъ ровно не онъ, а гой кто... Силкомъ все... А парень онъ у меня—умный, поху нельзя... Вижу, не ко двору... Выпилъ двѣ рюмки. Горько тутъ стало, сударь... нехорошо... А тѣ и не пьютъ... Ну, ушелъ Проводилъ онъ тутъ меня до воротъ, попрощался, и глазами г дитъ, дикой вовсе сталъ.

— Вотъ что, говорю... не приду больше... Отца не почитаешь. Подлецъ ты, а не сынъ, послѣ всего... Разъ такое обращеніе,—чортъ съ тобой!...—А онъ хоть бы тебѣ слово сказалъ!... Плюнулъ я и ушелъ... Да я и не ходилъ къ нему никогда, онъ все больше заходилъ.

Вахмистръ замолчалъ. Онъ нагнулъ голову и игралъ пальцами. Я видѣлъ прыгающія около его глаза морщинки.

— И напился я въ тотъ вечеръ... вотъ какъ напился,—страсть! Стекла въ квартирѣ разбилъ... мундиръ изорвалъ... Насилу угомонили ночью... водой отлили...

Утромъ полковникъ потребовалъ.

— «Что это ты, Тучкинъ...—ужъ по отчеству не называетъ,—сколько лѣтъ служишь, а такой примѣръ?»

— А я и не гляжу... «Съ чего это», говоритъ. Съ горя, говорю, ваше высокородіе... горе у меня... «Какъ такъ?»

— Съ сыномъ вышло... съ мѣста прогнали... вру... надо же оправдаться...

— «Ну, чортъ съ тобой, говоритъ, чтобы больше не было... Время теперь вонъ какое... Такихъ какъ ты, говоритъ, мнѣ прямо необходимо»...

— А я думаю себѣ: еще бы не надо!... вонъ всѣ,—ровно водой ихъ облило... шашки отточены... Тутъ, я вамъ скажу, военнаго человѣка ахъ, какъ надо!...

— Вотъ тутъ-то все и началось... Вотъ послушайте-ка, какъ оборотилось-то...

— Пришла эта забастовка въ декабрѣ... пальба открылась... баррикады эти самыя. Тутъ-то мы страху и навидались. Въ первый же день нашихъ троихъ сгрудили... они-то... шашки и револьверы отняли... Ну, ничего... не тронули. Осмотрѣлъ я у своихъ шашки, револьверы почистили... зарядили... Винтовки намъ выдали... Ну, прямо на войну иди... И стало тутъ и меня тово... не то чтобы страшно... а такъ это на сердцѣ нѣтъ свободы... мутить стало... Всѣ-то зеленые стали, мои-то, сѣрые даже... ни разговору, ничего... Пѣсенъ не поютъ, ночи не спятъ... То туды, то сюды... Лошадей загоняли... черезъ день ковка... Ни пообѣдать, ни поужинать... Полковникъ нашъ заболѣлъ... душило его... тучный онъ человѣкъ, красный. И запивалъ здорово... по ресторанамъ все... барышень этихъ... ну вотъ, веселыхъ-то сильно уважалъ... Ну, такъ вотъ... Утромъ эдакъ, часовъ въ семь, приказъ: сѣдлать!... Живо, разъ, два,—выѣхали... Слышно—палятъ гдѣ-то... близко отъ насъ... «Маршъ-

маршъ!...» Михайла Васильичъ,—вотъ что прошли-то,—револьверъ выхватилъ... чикъ!... взвелъ... Вылетѣли мы карьеромъ на площадь. Кучка людей, смотрю, съ флагомъ... мальчишки проволоку таскаютъ... скамейки съ бульваровъ наволокли... Б-бахъ!... какъ цопнетъ изъ револьвера оттуда,—пуля завизжала... «Шашки вонъ!», скомандовали. Летитъ Михайла Васильичъ на народъ, и выпивши онъ былъ... для куражу... Я рядомъ, шашку надъ головой держу... Храпитъ моя кобыла, прядаетъ, назадъ норовитъ... Налетѣли на народъ... Защелкало кругомъ... Вижу руки... все руки... и револьверы... тянутся... все руки... Заходило во мнѣ. Какъ такъ?... палять?... Руки зудитъ... Срѣжу, срѣжу, думаю, кого ни на есть... Осадилъ лошадь... глядь... Сережка!... изъ земли вывернулся!... Блѣдный, страшный... на меня смотритъ, отшатнулся даже весь... Въ сердце меня ударило... ужъ и сказать не могу... Такъ рука и упала... и шашка упала, брякнулась... Поднялъ я лошадь, рванулъ въ бокъ да по бульвару... «Куда ты, чортъ?!... вахмистръ!!...», оретъ сзади... это Михайло-то Васильичъ... А я-то несусь, не знаю куда... Народъ шарахается... а я-то шпорю... Шапку потерялъ... а за мной, слышу, еще скачутъ. Остановился я возлѣ казармъ,—сама лошадь принесла. Господи, думаю, Сережка тамъ... И не забуду я никогда его глазъ. Выпучилъ онъ ихъ, смотритъ на меня... И страшный онъ какой-то. И что же вы думаете?... И всѣ они такъ смотрѣли тогда... всѣ... Какъ вѣтромъ меня сдуло, вотъ что... А мои-то двое стоятъ возлѣ меня, блѣдные... Ударило меня въ голову.

— Вы, мерзавцы, зачѣмъ? спрашиваю ихъ-то. Вы зачѣмъ изъ эскадрона убѣгли?

— «А мы, говорятъ, за вами».

— Какъ, говорю, за мной?... ужъ и не понимаю ничего.

— «Вы поскакали... и мы»...

— Да я, говорю, по своей причинѣ...

— «И мы»...

— Ну, имъ, видимо, страшно стало. И стало тутъ меня крутить. Сережка въ глазахъ ходитъ... Нѣтъ, думаю, довольно... не то... Это, думаю, ужъ не порядокъ наводить... нѣ-ѣтъ. Вдрызгъ напился, и мои-то двое. Водки купили и давай, и давай... А тутъ Михайлу Васильича привезли... камнемъ ему въ бокъ врѣзали... Ужъ и злые пріѣхали!... И всю-то ночь бушевалъ я... вязали меня ужъ. Грызься, сказывали... не помню... шашку будто изломалъ... прямо не помню... Извѣстно пьяный. Вонъ какъ оно обернулось-то!... Все для меня и раскрылось тутъ, какъ Сережку увидалъ.

— На утро меня къ полковнику.

— «Что же это, кричитъ, такое, а?... ахъ, ты, такой разъэда-й, а?»

— И давай меня пушить.

— «А?... Трусъ ты!» и все такое. «Измѣна, кричитъ, это!... ъ судъ тебя отдамъ за нарушеніе присяги!...»

— Подъ судъ вы, говорю, ваше высокородіе, можете, но только не измѣна...

— «Какъ такъ не измѣна?»

— Да такъ, что не измѣна. Меня нанимали для порядку, а я на увидалъ...

— «Сына?—говоритъ,—какого сына?»

— Какого... самаго обнаковеннаго... своего родного сына... Что мнѣ его зарубить?... Да такого грѣха, говорю, и вовѣкъ не ьму...

— «Сына»,—говоритъ.

— И задумался онъ тутъ, усы закусалъ. Чудно ему показа-ь. Сына!... и брата могъ увидать, и отца!... Гора съ горой не дится... не непріятель вѣдь...

— Покрутилъ онъ головой эдакъ, сельтерской выпилъ... и мах-ъ...

— «Ступай», говоритъ.

— И тутъ же рапортъ разорвалъ. А я не ушелъ... нѣтъ...

— Я, говорю, ваше высокоблагородіе, совсѣмъ...

— «Какъ такъ совсѣмъ?», спрашиваетъ.

— Да такъ... довольно, больше не буду служить... Такъ что такое дѣло...

— «Да какъ же, говоритъ, въ такое-то время и ты тово... а?»

— А потому и ухожу, что такое время... Шашки вонъ отточи-, патроны дали... тутъ ужъ не простое дѣло... не по порядку... ого, говорю, и нигдѣ нѣтъ... и во Франціи нѣтъ.

— «Много, говоритъ, ты больно знаешь... а чтобы понимать, чего ты не понимаешь... Хорошій ты вахмистръ и вдругъ»...

— Хорошій-то я для порядку, говорю, а на такое дѣло я не го-сь. И вижу я, серчать сталъ.

— «Нѣтъ, говоритъ, въ тебѣ, Тучкинъ, политики настоящей... нѣтъ въ тебѣ любови къ отечеству».

— Ну, ужъ тутъ, сударь, и я осерчалъ и говорю:

— Ну, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, а я кровь свою за ечество на Балканахъ пролилъ... у меня пуля въ ногѣ и посейчасъ дитъ, а не то чтобы... по поводу политики... Это, говорю, ужъ политика, а кровопролитіе своей крови.

— «Ну, говоритъ, и чортъ съ тобой... какъ знаешь»...

— Тутъ въ скорости меня и отчислили... А за шапку вычл за стекла... и за шашку... по таксѣ. Какъ выпустили, я сейча себѣ это пальтецо... вотъ это самое пальтецо купилъ. И сейчасъ Сережкѣ. Пришелъ... въ праздникъ было. Народу—полна комна И веселый же я сталъ!...

— Здравствуй, Сережа!

— А онъ и ошалѣлъ, какъ меня увидалъ.

— «Ты?!», говоритъ.

— Я, говорю.

— Пучитъ на меня глаза и назадъ уйти хочетъ. Кончилъ, ворю, все и вотъ, говорю, въ пальтѣ. Опомнился онъ, подошелъ пальтецо потрогалъ.

— «И не служишь больше?»

— Говорю,—крышка!... ну ихъ къ дьяволу! Ты меня, гово это все...

— И все разсказалъ. И какъ начали они тутъ кричать!... ра!!... такъ и орутъ. Прыгаютъ всѣ, хохочутъ. Сережка—какъ с сился. Обхватилъ меня накрѣпко, душитъ... Поцѣловались мы т съ нимъ. И крѣпкій я человѣкъ, а тутъ меня слеза одолѣла. Ч И пошелъ тутъ у насъ дымъ коромысломъ!... Пили мы тутъ в И всякій по плечу ударяетъ.

— «Нашъ вы, говоритъ, теперь... нашъ».

— Ахъ ты, Господи... Да я ей-Богу же, говорю, всегда в былъ... вѣдь такой же, говорю.

— «Нѣтъ, говорятъ, не то... Вы, говорятъ, жандармомъ бы

— Жандармомъ я былъ, говорю, вѣрно... это что... да... Т ко вотъ шашка у меня была отпущена.

Бывшій вахмистръ выбилъ трубку и посмотрѣлъ на меня с ми, смѣющимися глазами.

— Вотъ какъ обернулось-то... да-съ, сударь.

— Ну, и что же, вы теперь спокойны?

— Совсѣмъ легко. Пока у сына и живу. Парень хорошій. Т ко все на порядки серчаетъ. Ну, книжки вотъ... листки приноситъ Я-то не слушаю... разное тамъ... Конечно, ежели разобрать... вильно все... да только... А парень ничего... И компанія-то его чего: народъ шустрый, рѣчистый... И мѣсто вѣдь мнѣ выисгал въ швейцары въ гимназію... Справиться надо завтра.

— Дай, дай, дай...

Маленькій карапузъ стоялъ около насъ и таращилъ глазен большую черную трубку.

— Забодаю, забодаю...

Бывшій вахмистръ сдѣлалъ козу и испугалъ карапуза. Тотъ згнулъ и, подбрасывая толстыми ножками, быстро-быстро поалъ къ дѣтямъ.

— Малявки чистыя... разыгрались по солнышку,—сказалъ ста-ь, кивая на шумливую, пеструю кучку дѣтей.—Ничего-то имъ ужно... Ну-съ, прощайте, сударь... Обѣдъ скоро...

Высокая, молодцоватая фигура зашагала среди цѣлаго цвѣтника апузовъ съ локонами и безъ локоновъ, среди разноцвѣтныхъ карковъ, шапочекъ, капоровъ и шляпъ. Одни засматривали въ брилицо съ подстриженными усами, другіе бросали къ его ногамъ и, катили обручи и прыгали вокругъ съ звонкимъ смѣхомъ.

Тонкія паутинки плыли по воздуху. Золотые листья безъ шума али на песокъ.

Иванъ Шмелевъ.

ЖУЛИКЪ.

(Очеркъ.)

Счетный чиновникъ казначейства Крошкинъ съ шести часовъ вы-писывалъ длинные столбики цыфръ, щелкалъ на счетахъ и раз-силъ по графамъ. Стрѣлка бѣжала къ 11. Лампа начинала мигать шипѣть.

— Михаилъ Андреевичъ, вѣдь опять ночь не заснешь... бр[illegible] ужъ... Керосину-то что выходитъ...

Крошкинъ со злостью щелкнулъ на счетахъ и передернулъ п[illegible]чомъ.

— Ладно... А, чортъ!... опять не въ ту графу въѣхалъ... И [illegible] лѣзь ты, не мѣшай.

— Вотъ все такъ... а на кого похожъ сталъ?...

Анна Васильевна съ тоской смотрѣла на скрюченную фигуру [illegible] пиджакѣ съ протертыми локтями, на измученное лицо мужа.

— Сказалъ—не мѣшай... Спроситъ завтра казначей, чортъ б[illegible] его побралъ и съ отчетомъ-то... послѣдній срокъ. Всю ночь прид[illegible] сидѣть.

...Чу-чу... чу-чу-чу...

— Уфф!... рука занѣмѣла...

Онъ откинулся къ спинкѣ стула, потянулся и взялъ себя [illegible] голову.

— Въ глазахъ зарябило... Чертова служба!... за сорокъ-то ру-блей.... А самъ дрыхнетъ или въ карты дуется...

«Сказать или нѣтъ?» вспомнилъ онъ разговоръ съ казначе[illegible]ъ.

Этотъ разговоръ мучилъ его съ утра. За обѣдомъ Крошкинъ [illegible]галъ жену, разбилъ тарелку и вылѣзъ голоднымъ; потомъ долго [illegible]галъ по квартиркѣ, курилъ и вздыхалъ.

«Сейчасъ разстроится... слезы эти... Что же дѣлать-то? [illegible] Надька-то еще»...

Но сказать было нужно, хоть кому-нибудь, иначе не пройдетъ это безпокойство, ожиданіе новой бѣды.

Онъ, положимъ, сказалъ уже писцу Васильеву, маленькому человѣчку съ большой семьей, но тотъ такъ испугался, такъ съежился и заскрипѣлъ перомъ, что стало еще тоскливѣй. А больше-то и сказать было некому: старшій бухгалтеръ всегда у казначея въ карты играетъ, хромой кассиръ Подмигайловъ въ союзъ «русскихъ людей» поступилъ и не кланяется съ того самаго дня, какъ арестовали Надю, Петровъ пилъ вторую недѣлю и не ходилъ на службу. Крошкинъ хотѣлъ было потолковать съ присяжнымъ Кривошипомъ, но тотъ былъ «въ угарѣ», швырялъ мѣшки съ мѣдяками и плевался въ каморкѣ.

А тревога не пропадала: она точно выросла къ ночи. Въ окна билъ дождь, съ грохотомъ падали потоки изъ трубъ, гремѣло по крышамъ.

«Ишь припустилъ,—раздумывалъ Крошкинъ, посматривая въ запотѣвшія окна,—и третьи сутки... Лучше сказать... да, лучше сказать»...

— Да былъ ты у прокурора-то?—уже второй разъ спрашивала Анна Васильевна.

— Сказано—былъ, чортъ бы его побралъ!...

— Ну, и что же?...

— Ну, и то же... не принимаетъ... нѣтъ его...

— Нѣтъ... Съ маленькими-то они все такъ...

— Да не реви ты, ей-Богу... Господи, развяжи ты меня, окаяннаго!...

— А... къ слѣдователю-то заходилъ?...

— Заходилъ... заходилъ... заходилъ... Сто разъ говорилъ: заходилъ... Черти окаянные...

Онъ сжалъ руки и захрустѣлъ пальцами.

— Вѣдь четвертый мѣсяцъ... ни слуху... ничего... Къ родной дочери не допускаютъ... Михайла Васильичъ... а если губернатору прошеніе написать.

— Чорту скоро напишу!... Да отвяжись ты отъ меня!... не тяни ты душу!... Вотъ гдѣ у меня все, вотъ!...

Онъ постучалъ себя въ голову.

— Ну, подумай ты... ну, ты разсуди... Ну, какъ я ему напишу?... Сейчасъ справки... какъ, что?... Дочь въ тюрьмѣ... Сейчасъ вонъ... циркуляръ ужъ есть... безъ прошенія выгонять... Что смотришь?... Выгонять!... А-а... Ну, за что Надьку-то взяли, за что? Тише воды, ниже травы...

Онъ бросилъ перо и заходилъ по комнатѣ. Въ окна глядѣла без-

покойная ночь. Она билась тамъ, на грязной улицѣ, подъ холодн дождемъ, она жадно глядѣла на узкія окна.

— А ты... была *тамъ*?... Да не плачь ты... слышишь!... Го споди!... развяжи ты меня, окаяннаго!...

— Смотритель ругается...

— Что?... Да какъ онъ смѣетъ, мерзавецъ?...

— Надоѣли, говоритъ... Всю тюрьму засажали. И жуликовъ-то говоритъ, некуда сажать...

— Ахъ, подлецъ!... съ жуликами равняетъ!... Ну, здорова она?... спрашивала ты?...

— Здорова... «Всѣ, говоритъ, здоровы... и некогда, говоритъ мнѣ съ вами время прохлаждать... Жуликовъ, говоритъ, однихъ меня...»

— Ахъ, мерзавецъ, а?... А какъ у дворянскаго предводите гувернантку забрали, живо выпустили... А какъ маленькій че вѣкъ...

«Нѣтъ... надо сказать, надо»...

Страшная тяжесть, какъ камень, давила сердце.

«Ну, что же... пускай... Одно къ одному»...

Онъ рѣшился.

...Кому же и сказать, какъ не ей? Съ ней онъ прожилъ двадц семь лѣтъ, съ ней перетерпѣлъ всѣ невзгоды, лишенія и эту вѣчн бѣдность.

Онъ взглянулъ на ея обтянутое лицо съ сѣдѣющими виска усталые, безцвѣтные глаза; вспомнилъ ее молодой когда-то, въ тѣ д лекіе годы, когда жили они въ комнаткѣ у портнихи, а Надя едва х дила по стульямъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее съ горькой досадой на все, на всю сво хмурую жизнь, съ болью... Онъ посмотрѣлъ на ея грязную кофту рваный платокъ.

— Что ты... Миша?...

Миша! Это слово давно не произносилось въ скучной квартир Это былъ отголосокъ молодыхъ дней.

— Такъ... да... Ты только... не плачь... Слушай, не плачь!...

Она испугалась и стихла.

— Казначей сказалъ... лучше подать въ отставку...

— Въ отставку!... какъ?...

Она согнулась вся, точно надъ ней занесли руку. Эта мысль отставкѣ пугала ее всю жизнь. Давно-давно, когда она убирала, вало, уютную комнатку, ей казалось, что все это непрочно, что могутъ прогнать, и руки ея опускались. Когда онъ запивал

дрожала. Когда кого-нибудь изъ знакомыхъ гнали со службы, она переживала съ ними весь ужасъ и со страхомъ слѣдила за мужемъ. Когда Надя ходила въ школу, она боялась, что все оборвется, и Надя не кончитъ. Она вздохнула, когда Надя получила мѣсто въ селѣ. А жизнь прошла, и остался привычный, томительный страхъ. Онъ выросъ, когда Надю арестовали; онъ превратился въ ужасъ, когда въ ихъ квартиру явилась полиція съ обыскомъ. Она ждала, что вотъ случится то, чего она такъ боялась, но все обошлось... и вдругъ...

— Не бойся ты... не плачь... Ничего не будетъ!... Я не писецъ имъ!... у меня рука есть къ начальнику отдѣленія...

— За что же?... за что?...

— Племянника втереть хочетъ! Нѣтъ, не выйдетъ!... Я ему покажу, широкорылому!... На подозрѣніи я... дочь въ тюрьмѣ!... Ладно!... Я знаю, какой циркуляръ, какъ его понимать... Пусть онъ литеру «б» прочтетъ...

Онъ поднялъ всегда понурую голову и постарался принять бодрый видъ.

А въ душѣ сидѣлъ страхъ, проклятый страхъ мелкаго служки. Онъ сидѣлъ въ немъ всегда, съ перваго дня службы, съ того дня, когда онъ боязливо вошелъ въ душную комнату казначейства, сѣлъ на край стула и взялъ перо. Потомъ страхъ притаился, уснулъ. Являлся новый начальникъ, страхъ глядѣлъ изъ расширенныхъ глазъ, изъ потертаго пиджака, изъ подобострастной улыбки. Хотѣлось взять отпускъ, перо дрожало въ рукѣ: а ну какъ не пустятъ, скажутъ: можете убираться совсѣмъ. Заходилъ управляющій, и страхъ подымался опять, подлый страхъ голодающаго писца. Казначей не отвѣчалъ на поклонъ, и снова вставали тревожныя мысли.

Анна Васильевна сжалась и тихо плакала въ уголкѣ. Ей вторилъ дождь, потоками гремѣлъ по трубамъ, дробью стучалъ въ окошко.

«Эхъ, жизнь проклятая,—думалъ Крошкинъ.—Прошла вѣдь... совсѣмъ прошла... и ничего... ничего... Родился въ углу, и сдохнешь въ углу... А-а»...

Онъ посмотрѣлъ на жену. Ея тихія слезы, робкія, рабьи слезы, перевернули сердце.

— Брось! Ну ихъ къ дьяволу!...

Онъ взялъ ее за плечо.

— Чортъ меня дернулъ сказать... Анна!... Люди вѣдь мы съ тобой!... Да не плачь ты... Слушай... Если только онъ меня...

Страхъ глядѣлъ на него изъ ея расширенныхъ глазъ.

— Морду ему разобью!... при всѣхъ... Онъ меня узнаетъ!...

Она знала, что̀ сейчасъ будетъ. Она знала, что всегда, когда онъ

поднималъ голову и старался говорить властно, когда являлся при-ливъ дерзости и онъ называлъ себя человѣкомъ, онъ шелъ къ бу-фету и начиналъ искать водку. А потомъ буянилъ всю ночь, гремѣлъ стульями, рвалъ рубашку и порывался бѣжать. Сосѣди шептали за дверью, сверху приходилъ консисторскій чиновникъ и предлагалъ пригласить полицейскаго. А она ходила за нимъ, плакала и звала:

— Миша!... оставь...

— Я—человѣкъ!... Ты не забывай этого... и я не позволю вся-кому хаму... Теперь не то время... я самъ права имѣю...

Онъ взглянулъ на отчетъ и отвернулся.

«Завтра».

— Миша!...

— Водки дай!—я говорю!...

— Миша!...

— А-а-а!...

Онъ нетерпѣливо замахалъ рукой и твердо пошелъ къ шкафу. Вчера была получка, и водка была. Онъ выпилъ стаканъ.

...Дзиннь!—рванулся звонокъ.

— А чортъ... Кого еще тамъ... Отопри!...

Она испугалась и не рѣшалась идти.

...Дзиннь... дзиннь...

— Я боюсь... отопри ты...

— Боюсь!...

Онъ взялъ лампу и пошелъ отпирать.

— Кто?

— Я...

— Кто—я?

— Да я... Тутъ живетъ Крошкинъ...

— Ну, тутъ... Чего нужно?...

— Письмо изъ тюрьмы...

Онъ сбросилъ крючокъ и крикнулъ:

— Анна!... отъ Нади!... письмо отъ Нади!...

Порывъ вѣтра съ дождемъ чуть не задулъ лампу. Въ передню вошелъ человѣкъ и остановился у двери. Вода лила съ него тонки-ми струйками. Онъ отряхнулся, вытеръ шею грязнымъ платкомъ, встрях-нулъ промокшій картузъ и мигалъ на огонь. У его грязныхъ ногъ стояла цѣлая лужа и ползла по неровному полу. Мокрой тряпкой ви-сѣло на немъ пальтецо.

— Ужъ и дождь... ливень-съ... Наскрозь прохватилъ...

Онъ мялся на мѣстѣ и заглядывалъ въ комнату. Его тонкая шея повертывалась быстро-быстро.

Крошкинъ нетерпѣливо смотрѣлъ на него.

— Письмецо вамъ... просили вручить... барышня-съ... въ тюрьонѣ...

Онъ подмигнулъ на огонь и сталъ снимать мокрый сапогъ.

— Въ сапогѣ оно... письмецо-то... за подборку вшито... по учаю обыскиваютъ... Ножичка-съ позвольте... Ишь, какъ нагрязль-то я вамъ...

Онъ съ трудомъ снялъ сапогъ и вылилъ новую лужу.

— Тутъ у меня ихъ — коллекція цѣлая... три штуки... Ну, ть-съ...

Онъ распоролъ подкладку у голенища, досталъ три измятыхъ ета и сталъ читать.

— Вотъ... ваше это-съ... Михайлѣ Васильичу Крошкину?... Ну ть-съ... это ваше-съ... А это другимъ-съ... Одно въ Москву нали... Тутъ...—онъ подмигнулъ,—сѣютъ... на почтѣ-то... такъ іли въ руки-съ...

Они читали письмо, они глядѣли на знакомыя строки. А мокрый овѣкъ стоялъ въ лужѣ воды. Онъ спряталъ письма на грудь, съ домъ натянулъ сапогъ и вытиралъ шею: вода пробралась за акъ.

А они все читали, склонившись надъ лампой.

— Видишь... здорова и бодрится еще... видишь...—дрожащимъ осомъ говорилъ онъ.—А эти... мерзавцы, только мучили насъ... ишь... Ну, и нечего плакать...

Онъ обернулся къ дверямъ.

— Вотъ спасибо... Да какъ прохватило-то васъ...

— Ничего-съ... привычное дѣло...

— Да что же вы стоите... снимайте пальто.

Мокрый человѣкъ мялся. Глаза его мигали, точно ихъ ослѣплялъ тъ.

— Итить надо еще въ одно мѣсто... А утромъ въ Москву... деъ на дорогу дали...

— Ну, чего тамъ... Да хоть въ комнату войдите...

— Да что ужъ... все одно-съ... вдребезги...

Онъ стащилъ пальтецо и бросилъ на полъ.

— Въ лоскъ... до живого мѣста-съ... их-хи-хи... навыжимку... р...

Въ обтрепанномъ пиджакѣ, высокій и тонкій, онъ походилъ на рую длинноногую птицу.

— Да вы садитесь... Чаю не хотите ли?...

— Чаю?... Хуже-съ... это я вамъ скажу... застудиться мо...
съ чаю-съ... бррр...

Онъ присѣлъ на стулъ и мигалъ. На лицѣ его еще лежали кап...
дождя.

— Прочитали-съ, какъ онѣ тамъ?... Да они тамъ ничего...
обошлись... и ваша-съ... тоже.

— И ничего?...

— Ничего... въ компаніи они всѣ... весело... И любопыт...
народъ!... политическіе, конечно, люди все... цѣпкіе...

— Какъ?...

— Цѣпкіе... образованные, конечно... Какъ, что—шумъ с...
часъ сдѣлаютъ, прокурора, значитъ, требуютъ... Ну, есть которы...
мрачность напускаютъ, а то есть и пѣсни поютъ...

— Ну, а наша-то?... Письмо-то вотъ которая...

— Ужъ и развеселая барышня!...

— Слышь, Анна Васильевна!... Надька-то... Ловко!... Да к...
это вы такъ... письмо-то пронесли?...

— А очень просто-съ... въ сапогѣ... рази доищешься...

Онъ скривилъ голову и подмигнулъ на огонь.

— Я изъ тюрьмы-съ...

— Такъ и вы тоже сидѣли?

— Какъ же-съ... по суду... за кражу... рецидивистъ я-съ...

— ?

— Да-съ... по четвертой кражѣ-съ...

— За кра-жу?... Такъ вы... значитъ...

— Стало быть...

Онъ замигалъ на огонь и сталъ приглаживать мокрый вихоръ...

А они оба, мужъ и жена, смотрѣли на него, какъ на невидан...
чудо, такъ странно выброшенное къ нимъ чорною ночью, мокр...
тонкое, мигающее на огонь и жалкое въ обтрепанной не по р...
курткѣ.

Холодная мокрая ночь ходила за окнами, постукивала въ сте...

— По случаю кражи-съ... такъ сказать... по суду-съ... Уж...
холодно-съ... бррр... Я уйду-съ...

Онъ видѣлъ уставившіеся на него глаза, спрашивающіе, удивл...
ные, и въ глубинѣ глазъ онъ чувствовалъ не то безпокойство, н...
удивленіе.

Они смотрѣли на лужу около его ногъ, на грязные сапоги...
большіе слѣды, какъ отпечатки лапъ мокраго звѣря, на тощую ф...
гуру, съ которой еще сбѣгали капли. Они искали въ немъ чего...
особеннаго, чего нѣтъ у нихъ, страннаго,—и не находили.

...Воръ... жуликъ...—и онъ сидитъ на ихъ стулѣ, въ ихъ комнатѣ, третъ костлявыми пальцами колѣни, вопросительно смотритъ на нихъ, свернувъ голову на-бокъ, и такъ часто мигаетъ...

— А-а... такъ вотъ...—сказалъ Крошкинъ.

— Да-съ... Вамъ, конечно-съ, чудно... А вѣдь это самое обыкновенное-съ... —говорилъ мокрый человѣкъ, чувствуя на себѣ безпокойные взгляды.—Такъ прощайте... Я ужъ пойду.

Онъ поднялся и раскланялся, прижимая мокрый картузъ къ животу. Его глаза мигали насмѣшливо.

— Ничего... ничего... вы посидите... дождикъ льетъ... посидите,—торопливо заговорилъ Крошкинъ, почему-то осматриваясь.—Это... ничего... бываетъ... Такъ вы и пронесли...

— Да-съ... такимъ манеромъ... вышелъ мнѣ срокъ, я и пронесъ...

Молчаніе.

— На родину шлютъ, и опять проходное свидѣтельство... А на родинѣ у меня заячья квартира-съ...

— Что?... какъ заячья?...

— Обязательно заячья-съ... Какъ онъ, заяцъ, живетъ-съ?... въ кусту онъ хоронится... жилья у него нѣтъ настоящаго... Ну, и у меня-съ... На заячью, стало быть, квартиру шлютъ... Ну, и вертишься вокругъ вѣтра... Полиція безпокоитъ... Теперь, сказываютъ, много легче для нашего брата... тѣхъ теперь ловятъ... политическихъ... На службу поступить—вѣдь не возьмете-съ... и никакой человѣкъ не возьметъ... Жуликъ и жуликъ... Я было поступилъ и прижился, за тридцать копеекъ глазокъ выправилъ... пачпортъ-съ... дѣлаютъ такіе... Ну, нагрянула полиція, а я въ окно устегнулъ... Ну, и вертишься.

Стаканъ водки начиналъ дѣйствовать. Крошкинъ чувствовалъ пріятный шумъ въ головѣ и теплоту въ тѣлѣ. Хотѣлось говорить.

— Вертишься?...

— Волчкомъ-съ... А ужъ влопаешься, это ужъ какъ пить-съ... Я больше черезъ десятую...

— Это... какъ же?...

— Черезъ десятую... Это, какъ кому какое счастье... У насъ ужъ примѣта такая... Одинъ черезъ пятую, другой черезъ семую... кражу-съ... Я вотъ... все больше черезъ десятую... Какъ подошла она,—обязательно вплескаешься... Ахъ ты... итить надо... Дождь-то, дождь-то какой анаѳемскій...

Онъ поднялся и встряхнулся весь, какъ лягашъ.

— Бррр... холодно-съ...

«Водки ему дать, — подумалъ Крошкинъ. — А дамъ водки»...

— Водки хотите?

— А есть?... дайте... Водки хорошо выпить, согрѣешься... бррр...

Мокрый человѣкъ быстро передернулъ плечами и весело мигнулъ.

— Ужъ какъ это хорошо при огонькѣ посидѣть... въ чистомъ воздухѣ-съ... на стульчикѣ... Давно-съ я такъ не сидѣлъ...

И Крошкину стало жалко его. Онъ прошелъ къ буфету, взялъ водку и вспомнилъ, что онъ долженъ выпить. Въ желудкѣ жгло что-то, слабость чувствовалась въ ногахъ, кипѣло на сердцѣ. Полученное письмо будило въ душѣ боевое настроеніе.

«И самому хватить... Хвачу—куда ни шло. И онъ выпьетъ»...

— И я выпью!—крикнулъ Крошкинъ, подбадривая себя.—Дайка, Анна Васильевна, закусить чего...

Онъ повеселѣлъ, теръ руки и уже не смотрѣлъ въ упоръ на мокраго человѣка.

«Вотъ и жуликъ, а письмо принесъ... а они... Выпью... непремѣнно выпью»...

— Наливайте... и мнѣ... да... гм... гм... какъ васъ...

— Чего-съ?... Я было уснулъ-съ... съ теплоты-то...

— Наливайте... васъ какъ звать-то?...

— Максимъ Ивановъ... а по фамиліи я—Кутузовъ...

— Ку-ту-зовъ?... это изъ исторіи... въ 12-мъ году...

— Такая фамилія-съ... А по прозвищу-съ...—Онъ сдѣлалъ хитрое лицо и подмигнулъ.—«Клещи-съ»... Такъ и зовутъ—Максимъ «Клещи»...

— Да почему-жъ это такъ—«Клещи?»...

— По ногамъ это... насмѣхъ... длинныя у меня ноги... Ну, и за руки: рука у меня крѣпкая, какъ клещи...

Онъ вытянулъ руку и съ силой повелъ пальцами.

— Сила!... Свистуна одного ухватилъ,—не дышалъ-съ... ну, силу отняли...

— Какого свистуна?

— А сыщика... Мы ихъ свистунами... зловредные они. У... хорошій напитокъ... кха-а...

— Ага... Такъ вы за почтальона...

— Вотъ-вотъ... Товарищеское дѣло-то...

— То-варищеское?...

— Да вѣдь какъ же-съ... Съ одной квартиры. Хоть и я

одной мастики, а клѣть-то одна: кто за политику, а кто и за самую суть... Я вотъ за суть, а могу и за политику... Что-съ?... Могу... Да они тамъ насъ вотъ какъ уважаютъ—страсть...

— Уважаютъ?...

— Обязательно. Какъ родные. Тамъ одинъ старичокъ... въ золотыхъ очкахъ... пенсэ на ленточкѣ... волосы длинные... сурьозный старичокъ, все съ книжкой ходилъ... Я ему все газетки изъ рукава въ рукавъ всовывалъ,—не даютъ имъ газетъ-то... Ну, а мы имъ пристроили... Такъ онъ меня разъ за руку взялъ, хоть я и изъ... гм... гм... Хорошій старичокъ!... Тамъ всѣ вкругъ его ходили и профессоромъ называли... «Профессоръ» да «профессоръ»...

— Да ну?... и профессоръ тамъ?...

— Обязательно. Тамъ всякій народъ, и анжинеры есть... Ну, вотъ разъ разговорились мы съ нимъ, со старичкомъ-то... Все знаетъ!... и законы, и про науку, и про суды, и про божественное,—ну все,—лучше защитника... Потолковали мы съ нимъ, а онъ и говоритъ: «Вы, говоритъ, жертва середы»... Ей-Богу... Такъ меня потомъ все середой звали. А дѣвчоночка тамъ была, бѣ-ѣленькая такая, учительница... такъ все пропаганду читала... Вотъ какая, я вамъ объясню, шустрая была... «Товарищи вы, говоритъ, наши, и мы за васъ... И вы, говоритъ, и мы, если разобрать, все равно по одной причинѣ... Гм...» Со свиданьицемъ васъ... и вамъ, барыня, добраго здоровья... Кха-а...

Выпили оба.

— По одной причинѣ?...

— Обязательно. И все разсказала. И старичокъ подходилъ, и все головой качалъ—одобрялъ, стало быть. «Вы, говоритъ, изъ нужды на такое дѣло, стало быть... жуликами... по нашей части... Ну, и мы, говоритъ, за васъ идемъ... чтобы всѣмъ лучше было. А какъ лучше будетъ, то и жуликовъ не будетъ... А насъ, говоритъ, за это за самое и прихватили...» За ваше здоровьице... пріятнаго разговору... гм... Вотъ и сохнуть началъ... паръ идетъ... гм...

— На-ливай... нали-вай... и мнѣ...

Крошкинъ чувствовалъ, что на глаза начинаетъ надвигаться подагивающая сѣтка, въ ушахъ звончѣй отдаются слова. Онъ начиналъ принимать непринужденныя позы, откидывался на спинку стула, трогалъ собесѣдника за мокрый рукавъ и со стукомъ ставилъ рюмку на толъ.

— Ну, мы и понимаемъ... Конечно, товарищи... «Мы, говоритъ, всѣхъ стараемся»... Конечно, просвѣщеніе у нихъ... науки въ ловѣ... Имъ все явственно. Только надзиратель все гонялъ насъ

отъ нихъ, чтобы никакого понятія не было... И серчалъ же ста-
чокъ!... и-и!... Глянетъ скрозь очки и осерчаетъ... и все бород
щипалъ... Ну, и письма перекидывали... Они-то какъ безъ рукъ,
ужъ у насъ дѣло налаженное... По случàю дождя-съ... всякаго бл
гополучія...

Они выпили.

— А... ста-ричокъ... остался?... въ тюрьмѣ, а?...

— Тамъ-съ... а что-съ?...

— Ничего... А наша... тоже съ нимъ... говорила, а?...

— Навсягды... Очень даже его уважаютъ... всѣ... Вотъ и вы-
шло у насъ дѣло... Посадили старичка въ отдѣльную... за его не-
корность. Рѣчи все на дворѣ говорилъ... вкругъ всѣ его ходили...
Вотъ умнѣющая голова!... и-и... Бож-же мой!... ну, чистый... На-
полеонъ!...

— Со-кратъ!!...

— А?... высшаго колибра... Рѣзко такъ говоритъ, часто, ка-
изъ книжки. Какъ подняли они стукъ—страсть... Мы и прозна-
ла вразъ во всѣ двери... Стекла вдребезги... по всей тюрьмѣ.
Надо-жъ товарища выпростать. Прокурора вызвали, десятерыхъ
карцеръ и меня зацѣпили... А старичка-таки выпустили... Ужъ
выпью-съ... По случаю письма-съ... съ добрымъ вечеромъ!... Л-
кость этакая... ги... во всемъ тѣлѣ...

Крошкинъ уже давно ощущалъ, какъ внутри его, въ сердцѣ, н-
чинаетъ бурлить кровь, выдавливать накипь, страхъ, мелочи и г-
речь жизни. Ему хотѣлось говорить, кричать, двигаться, перед-
нуть все въ надоѣвшей до тошноты квартиркѣ. Ему хотѣлось ра-
бить запотѣвшія окна, впустить бившуюся за стѣнами ночную мгл-

— Выручили... И навсягды выручимъ!...

— Мо-лод-цы... вотъ это... молодцы... И ты—молодецъ... п-
ни-маешь... ста-ричка... чортъ тебя дери...

— Обязательно... Товарищество!... Тамъ ихъ народу-то н-
хватано — сила!... За ваше здоровьице... съ пріятнымъ знак-
ствомъ-съ... кха-а... Пошелъ чижикъ на постой—не выпить ли
шестой?... Умственно!...

— Прравильно!... Ахъ ты чело-вѣкъ... чело-вѣкъ... Такъ п-
товарищески?... А ты... не... моргай... тово... да...

— Обязатильно... Да мы бы имъ всю тюрьму размолотили...
Мы тоже понимаемъ...

— Вы-то!... это... жулики-то?...

— Обязательно... Жуликъ... а что такое жуликъ!... Вы

господинъ хорошій, ежели вникнуть... одно недоумѣніе... Кто ежели съ чувствомъ,—они понимаютъ...

— Никакого... чувства... нѣтъ... У чорта есть... у чоррта!...

— Чортъ—это дѣло не наше-съ... онъ—духъ... А старичокъ энтотъ... въ очкахъ,—онъ все понимаетъ... все!...

— Прравильно!... ста-ри-чокъ!... Онъ не простой... старичокъ... нѣ-ѣтъ... Ты какъ полагаешь, милый человѣкъ, а?... А можетъ... онъ и не старричокъ, а?... На-и-тіе... такое...—Крошкинъ пошевелилъ пальцами,—наи-тіе... мир-ражъ!... такой... знаешь... дымъ... вродѣ... духа!?...

— Ужъ это вы... нѣтъ... Самый настоящій старичокъ... и въ очкахъ...

— Враки... враки... обморокъ это... глазо-отводъ!... Гдѣ онъ тамъ, старичокъ... Жу-лики все... всѣ они жулики... Нѣту старичка!...

— Ужъ это вы...

— Не ми-гай... не мигай!... Всѣ они... Кто у насъ не жуликъ, а?... Нѣтъ, ты скажи!...—Крошкинъ ухватилъ гостя за рукавъ.—Кто у насъ не жуликъ?...—кричалъ онъ, стукая рюмкой по столу.—Всѣ жу-ли-ки и про-хво-сты... У насъ... у насъ...—Онъ покружилъ руками въ воздухѣ и щелкнулъ рюмкой...

— Рюмочку-то сломали, господинъ...

— Къ чорту... Анна Васильевна!... р-рюмочку!...

Она подала новую рюмку и покорно, вздыхая, отошла въ уголокъ. Посѣтитель конфузливо подобралъ подъ себя вытянутые ноги.

— Прравильно я говорю?... Ты, какъ тебя... мокрый человѣкъ!... прравильно я... изла-гаю свои мысли?...

Посѣтитель вытянулъ шею и заглянулъ въ полутемный уголокъ. Онъ увидалъ блѣдное лицо и платокъ. Крошкинъ умолкъ. Было тихо. Тихія, робкія всхлипыванія мѣшались съ печальнымъ стукомъ дождя.

— Конечно-съ...—тихо сказалъ гость, позвякивая рюмкой по графину,—дѣло ихнее—особая статья... хозяйство... И притомъ... въ нихъ чувствительность...

— Что?—почти закричалъ Крошкинъ.—Чу-чувствительность!... А я!... а у меня... не чувствительность?... а?... Постой... постой... не хлещи водку-то!... по-о-сто-ой!...—Онъ схватилъ графинъ.—Ты скажи... я не... не... чувствую?... а?... Я не плачу?... а?... Я... я... Мишка, окаянный... я не чело-вѣкъ?... Чортъ я? дьяволъ я?...—Его голосъ дрогнулъ, и въ горлѣ стало переливаться.—Надьку взяли... а ты думаешь—я и не чувствую?... А слезъ не проливалъ, а?...

А пороги я не обивалъ?... а?... Что моргаешь!... Ты не моргай!... нѣ-ѣтъ!... Ты мнѣ скажи... Ты думаешь, я не понимаю... А?... Вонъ она... вонъ... плачетъ... Старуха моя плачетъ... Вѣдь по мнѣ... плачетъ... по Надькѣ плачетъ... по себѣ плачетъ!... Что?... а?... По жизни своей плачетъ!... по... по каторгѣ своей плачетъ... Пла Мишка!... плачь!...

Онъ ударялъ себя въ грудь.

— И нѣту слезъ... выкипѣли всѣ... всѣ слезы мои вышли... вся жизнь изъ меня вышла!... Прошла жизнь... и ничего... и было ничего... Ты!... жуликъ, милый ты человѣкъ... Что ты м моргаешь?... Ничего не было!... И ничего-о... ни-ни... Одинъ фра цузскій пятіалтынный!... Видалъ?...

Онъ показалъ кукишъ.

— Вотъ что... было...—французскій пятіалтынный!... За с рокъ цѣлковыхъ... двадцать лѣтъ на двадцати рубляхъ сидѣлъ!... сто часовъ въ день скрипѣлъ!... Ночи!... понимаешь ты... но скрипѣлъ!... Жуликъ!... милый ты мой че-ло-вѣкъ!!... Го... нять меня вонъ... на улицу гонятъ... Жуликъ!...

Онъ опустился на стулъ и сталъ рыдать.

— Господинъ хорошій... послушайте... господинъ...

Крошкинъ поднялъ голову и прислушался. Потомъ протяну палецъ.

— Смотри, смотри, плачетъ она... она... Она всегда плачетъ... сердце мнѣ рветъ... И ночью плачетъ... по Надькѣ плачетъ... А Васильевна!... голубушка!... ты!... погоди...

Онъ, покачиваясь, подошелъ къ ней, уронилъ стулъ.

— Не плачь!... Не надо плакать. Надька не пла-четъ... ни-... Спроси жулика... Жуликъ!... Надька не плачетъ?!...

Онъ погрозилъ пальцемъ и заморгалъ.

— Обязательно!... Веселость въ нихъ и сила большая... З ваше здоровье... и ихъ-съ... пріятнаго разговору...

— Наливай, наливай... Мнѣ наливай!... Французскому пя алтынному!...

Онъ взялъ рюмку, поднялъ надъ головой, сдѣлалъ торжествен лицо и мелодраматически сказалъ:

О, напитокъ сей ужасный,
Что же хвалитъ человѣкъ?
Много жертвъ... несчастныхъ
Потонуло въ немъ—навѣкъ!!...

— Что? Ты что это рожу строишь... навѣкъ!!...

— Ты вникни: навѣкъ!!!

— Ужели это вы сочинили?

— Ду-р-рракъ!... Я?... Это сказалъ... это сказалъ... Анна Васильевна?... Кто это сказалъ... а? Она ничего не знаетъ... Это сказалъ самъ Шек-спирррръ!... Шек...-спирр-рръ!!! Такой нѣмецкій... умный человѣкъ!—онъ безнадежно махнулъ рукой.—Померъ. Жуликъ!... Ты помнишь... Шек-спирръ!... прррр!... Жеррртвъ... несчастныхъ!... Жеррртвъ!... Кровью пахнетъ!... Жеррртвъ!...А?... Что ты все моргаешь, жертва несчастная...

— Не такъ-съ... жертва середы...

— Се-ре-ды?... Ну, и чортъ съ тобой. А я... жертва... ве-черня-а-я... услыши... мя, Го-спо-ди-и... Сто дней въ недѣлю скриплю... скррр... скррр... и сорокъ цѣлковыхъ съ Новаго года и... до конца... получай пятіалтынный!...

Часы пробили два.

— Два... Ужъ я пойду, господинъ хорошій... Письмецо надобно-съ, а утречкомъ и въ Москву.

— Что? Письмецо? Кому письмецо? Старичку... а? Пѣтухову? Какой тамъ чортъ, Пѣтуховъ?... Нѣтъ такого!... Нѣтъ, нѣтъ... ты не ходи... ни-ни!... Она... она сейчасъ плакать будетъ... въ подушку... А меня вы-го-нятъ... Казначей нашъ... такой широкорылый чортъ. Я, братъ, отчета... годового отчета не переписалъ... очертѣлъ онъ мнѣ, окаянный... И не хочу!... Все равно выго-нятъ... а? Вонъ онъ, вонъ онъ, на столѣ, дьяволъ... а? Что моргаешь, какъ обезьяна? Живымъ манеромъ... разъ, два и колѣномъ... И цир-куляръ такой есть... и литера б тамъ есть... Онъ у насъ двоихъ выгналъ... кляузу управляющему написалъ. Четверо ребятишекъ у него... мы... мышатокъ... и съ мышатками выгналъ... за пьянство, пошелъ! И теперь на бульварѣ ходитъ... публику останавливаетъ... и все шепоткомъ... и щеку подвязалъ. А двадцатаго я ему всегда полтинникъ... обязательно. Товарищу-то!... Н-на, получай! Выпьемъ, милый человѣкъ, что? Водки нѣтъ?... Ну, и наплюй, чортъ съ ней!... Идешь? Пойдемъ вмѣстѣ... пойдемъ!

— Михайла Васильичъ!...

Она стояла противъ него испуганная, блѣдная, жалкая.

Онъ мрачно взглянулъ на нее.

— Прочь! На воздухъ хочу... на воздухъ!

— Ужъ вы, господинъ хорошій, не пужайте ихъ-то... До-ождь ...етъ.

— Подъ дождь!... во тьму кромѣшную!... Жуликъ! Пойдемъ ...шему... широкорылому окна бить... а? Что?... Въ тюрьму!? Все

равно, въ тюрьму такъ въ тюрьму!... Всѣхъ пусть берутъ на ка-зенное пище... пищевареніе... что?... Вѣдь всѣхъ харрошихъ лю-дей... въ тюрьму... и старичка... а? и бѣленькую... пропа-ганду, и Надьку... а?

— Нѣтъ, ужъ прощайте, господинъ хорошій, итить надо, бла-годаримъ покорно за угощеніе. Прощайте, барыня, не серчайте ужъ. Потому они въ разстройствѣ чувства.

Онъ прошелъ въ переднюю и сталъ натягивать мокрое пальто.

— Ты куда? Нѣ-ѣтъ, братъ, пей водку.

— Миша!...

— Что, Миша!... Какой я Миша?... Былъ я Миша, а теперь... французскій пятіалтынный!...

Онъ схватилъ уходившаго за рукавъ.

— Надо, надо, господинъ хорошій.

— По то-вари-ществу! Ну, чортъ съ тобой... Понимаю я... по-нимаю!... Я, братъ, все-о... по-ни-маю...

Онъ хитро подмигнулъ глазомъ.

— Лампу, лампу давай!

— Ничего-съ, я и безъ огня, заронить можно.

— Свѣту боишься!... Ты, какъ тебя... ты на меня... не мор-гай... да... ты не сердись... мм... мм... что я тебя... жуликомъ... Я братъ... самъ... жуликъ... жу-уликъ!... Что моргаешь, а? что рожу-то такъ?... Жу-уликъ! Я, братъ, укралъ... у нее... у нее... все укралъ... все... и плачетъ!... Слышишь, плачетъ... и меня украли...

Онъ вдругъ схватилъ себя за голову.

— Укррали меня, укррали!...

Гость взялся за скобку.

— Погоди!... Говорю, погоди, рожа ты этакая!... Украли вѣдь меня... Чортъ меня укралъ!... Чортова жизнь окаянная украла!... Ты пойми! Жуликъ ты мой, хорошій ты мой человѣкъ! Перваго чело-вѣка хорошаго увидалъ, и тотъ бѣжитъ! Прощай, братъ, поцѣлуемся, братъ! Та-акъ... Ну, бѣги, бѣги.

Упалъ со стукомъ крючокъ, скрипнула дверь. Съ шумомъ лилъ дождь. Вѣтеръ гремѣлъ по крышамъ.

Крошкинъ стоялъ на порогѣ и смотрѣлъ, какъ высокая фигура, шлепая по водѣ, прошла въ калитку и потонула во тьмѣ.

Спотыкаясь и шаря по стѣнкѣ, нашелъ онъ крючокъ, защел-нулъ, тихо пробрался въ комнату и остановился. Изъ-за перегородки слышались тихія всхлипыванья.

— Плачетъ, плачетъ, все плачетъ... Господи, убей ты м[illegible]

Онъ зажалъ уши, стиснулъ голову и опустился на стулъ.

Билъ дождь въ окна. Потрескивали старыя рамы.

Сильный внезапный толчокъ встряхнулъ засыпавшаго Крошкина. Онъ широко раскрылъ глаза.

— А завтра.

Путающимися шагами подошелъ онъ къ столу, схватилъ свой счетъ. Тамъ стояли въ длинныхъ ровныхъ колонкахъ красивыя цифры.

Руки его задрожали.

— Надо... надо... завтра...

Онъ схватилъ перо, счеты и рукавомъ опрокинулъ чернильницу.

Черная, жирная широкая полоса поползла по гладкимъ колонкамъ, расплывалась шире и шире, скользнула на столъ, на колѣни стала каплями падать на полъ.

Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее, откачнулся назадъ и смотрѣлъ.

Гулко ударило три часа. Гасла лампа. Стекла дрожали порывами, точно чья-то рука бросила въ окна песокъ.

Иванъ Шмелевъ.

ЛЕГКАЯ СМЕРТЬ.

Василя Загаевича.

Понамарь Василій очень боленъ, въ груди колетъ. Ставили піяв и за виномъ посылали, все не помогаетъ. Прислалъ за мной у поздно вечеромъ своего Гринька.

— Идите,—говоритъ,—отецъ желаютъ еще разъ передъ смерть вась увидать, а можетъ быть хотятъ вамъ что̀ сказать, не знаю.

Я пошелъ. Дорога была засыпана снѣгомъ вровень съ плетнями, поэтому мы шли тропинками позади усадьбъ.

— Очень отецъ боленъ?—спрашиваю по дорогѣ Гринька.

— Смертельно—говоритъ—кто знаетъ, доживетъ ли до завтра.

— А завѣщаніе сдѣлалъ?

— Сдѣлали, но несправедливо. Мачехѣ всего достаточно записали, а насъ съ сестрой обидѣли.

Онъ подробно разсказалъ мнѣ, что̀ отецъ завѣщалъ ему и сестрѣ, а что̀ мачехѣ и ея дѣтямъ. Выходило, что мачеха съ двумя дѣтьми получала всего третью часть. Я заявилъ Гриньку, что никакой несправедливости не вижу по отношенію его или его сестры. Скорѣй мачеха можетъ считать себя обиженой, а никакъ не они.

— Но вѣдь мачеха ничего не принесла съ собою къ намъ,—протестовалъ Гринько.—Все состояніе это отца да покойной матери.

Мы пришли въ хату. Хата старинная, низкая. Печь занимаетъ половину всего пространства.

На печи лежалъ маленькій школьникъ и усердно выводилъ на доскѣ какія-то каракули. На лавкѣ, за печью лежалъ Василій, покрытый старымъ тулупомъ. Надъ постелью висѣла жердь, а на не новый тулупъ, свитка и большой платокъ. Жена съ ребенкомъ сидѣла подлѣ печи, а дочь Оксана вытирала ложки; видно—не ужинали. Я подошелъ къ постели и поздоровался съ больным

тянулъ мнѣ дрожащую руку и хотѣлъ улыбнуться, какъ обыкно-
но онъ улыбался,—но не могъ. Лицо силилось улыбнуться, а
разило боль и печаль.

— Вы больны, Василій,—заговорилъ я, садясь подлѣ больного.

— Охъ, боленъ, очень боленъ... пора, пора собираться... А
ѣ пристаютъ ко мнѣ изъ-за имущества... не даютъ покоя... она
ѣ, они—себѣ...

Онъ говорилъ отрывисто, тяжело дышалъ и кашлялъ почти за
дымъ словомъ. Потомъ нѣсколько разъ тяжело передохнулъ, про-
улъ руку по направленію меня и снова началъ говорить медлен-
, съ остановками, почти шопотомъ.

— Хорошо, что вы пришли... имѣю просьбу. Васъ послуша-
ъ... Пусть меня похоронятъ на старомъ кладбищѣ... около дуба...
новомъ не хочу лежать... печальное оно... однѣ могилы... а тамъ
евья большія... лѣтомъ птички...

Я обѣщалъ исполнить его волю.

— Но пока что,—говорю,—вы не думайте о смерти, вы еще
анете. Переболѣете и встанете.

Василій махнулъ рукой.

— Пропалъ,—говоритъ, а черезъ мгновеніе прибавилъ:—да
равно!

Замѣтивъ, что разговоръ становится для него мучительнымъ, я
шелъ и сѣлъ на лавкѣ подлѣ окна. Въ хату вошелъ староста и
два человѣка. Это сосѣди. Ихъ позвала жена, чтобы просили
нее.

— Слава Іисусу Христу!

— Слава во вѣки!

— Еще при памяти?—спросилъ вполголоса староста.

— При памяти,—отвѣчала жена.

Староста поздоровался съ больнымъ, потомъ сунулъ руку подъ
упъ и ощупалъ ноги.

— Ноги холодныя. Умрете, кумъ. Когда ноги холодныя, а глаза
адутъ въ голову—нѣтъ спасенія! Долженъ умирать.

Больной посмотрѣлъ внимательно на старосту, затѣмъ проше-
лъ еле слышно:

— Все равно!

— Простимся, кумъ Василій,—сказалъ староста и взялъ боль-
о за руку.

— Богъ вамъ прости, Богъ вамъ прости, Боже вамъ грѣхи от-
ти,—простились по обычаю трижды. Такъ точно простились и
другіе сосѣда, пришедшіе съ старостой. Такъ точно каждый изъ

нихъ щупалъ ноги больного, качалъ печально головой и предс-
валъ ему близкую смерть. Василій всякій разъ говорилъ свое: «
равно!»

Теперь подошла къ постели жена. Она еще не плакала, но у
заранѣе поднесла къ глазамъ лѣвую руку съ запаской, что
имѣть ее наготовѣ, а правой взяла больного за руку и стала
лосить:

— Да на кого же ты меня пакида-а-аешь... съ малыми д
ками?... Да, гдѣ же я, бѣдная, съ ними дѣнусь? Гдѣ же я свою
лову преклоню? Ни хаты, ни угла своего!

— Вѣдь я завѣщалъ тебѣ амбары,—отозвался Василій.—Е
усадьба, поставишь хату, чего еще отъ меня хочешь?

— Да дай же мнѣ хоть ты тополи, надъ рѣкой, чтобы я с
какой-нибудь хлѣвъ поставила, а то коровенки негдѣ будетъ по-
стить.

— Я вамъ дамъ тополи!—крикнулъ Гринько, до сихъ п
молча стоявшій у порога.—Вамъ и зубы вылетятъ! Развѣ вы са
тѣ тополи? Или вашъ отецъ? Тополи мнѣ на амбары, понимаете?
то ужъ берете столько, кто знаетъ и за что!

— Молчи, дуракъ,—остановилъ староста,—тутъ отецъ на
чтобъ распорядиться, а не ты.

— Видите, видите, добрые люди!—кричала жена,—еще от
живъ, а что онъ со мной дѣлаетъ! Пусть только отецъ закр
глаза, такъ онъ меня выгонитъ изъ хаты, на порогъ не пусти
Такъ то, такъ за мое доброе сердце, за мой трудъ, за мои забо
Она закрыла глаза запаской и продолжала жаловаться.

— Охъ, дайте мнѣ спокойно умереть!—умолялъ Василій.
Охъ! охъ!

— Нѣтъ, кумъ Василій,—вмѣшался староста,—такъ не
дится. Пока вы живы, вы должны распорядиться какъ слѣдуетъ,
то потомъ будутъ спорить и тревожить въ гробу ваши кости.

— Да! да!—подтвердили оба сосѣда.

— Это,—продолжалъ староста,—обида для жены. Гринько и О
сана получили много, а она мало. Я прошу васъ, кумъ, и вотъ с
сѣди тоже васъ просятъ, дайте женѣ тѣ тополи.

Въ хату вошла дѣвица лѣтъ пятидесяти. Это—сестра боль
Меланка пришла проститься. Простилась трижды, сѣла подлѣ него
начала голосить:

— Братъ мой милый, одинъ вы у меня и то покидаете! Куда
отъ меня уходите?

— Не заводите, Меланка,—сказалъ староста,—вѣдь онъ

не умеръ. Когда пришли, то сядьте и посидите съ людьми, а мы вашего крика слушать не хочемъ.

Меланка поцѣловала больного въ руку.

— Братъ Василій,—начала просить,—откажите мнѣ этотъ старый тулупъ. У васъ ихъ два, а я такая бѣдная, такъ мнѣ холодно, смотрите, зима лютая, а я въ лѣтнемъ...

— Не могу, сестра,—простоналъ Василій,—Оксанѣ надо... Ой, ой...

Жена взяла Меланку за плечи.

— Не морочьте головы больному, а идите сядьте подлѣ окна.

Меланка отступила, стала подлѣ дверей и начала жаловаться: такъ-то теперь на свѣтѣ! И въ дѣлежѣ меня обидѣли, не дали всей части, что послѣ отца мнѣ слѣдовало и теперь стараго тулупа жалѣютъ. Такъ! Богъ все видитъ!

Василій лежалъ навзничь, устремивъ глаза въ потолокъ, затѣмъ обратилъ ихъ на всѣхъ и пошевелилъ губами. Староста подошелъ ближе и спросилъ, что онъ хочетъ сказать.

— Тополи пополамъ,—прошепталъ больной.

— Тополи пополамъ,—громко повторилъ староста.

— Значитъ, половина вамъ,—объяснилъ сосѣдъ женѣ,—а половина Гриньку.

— Такъ хорошо, никому не обидно,—согласился другой.

Жена принесла изъ чулана зеленую бутылку и стала угощать старосту и сосѣдей, а Василій, отвернувшись къ стѣнѣ, сталъ умирать.

На другой день рано зазвонили по немъ. Говорили, что смерть его была легкая.

Переводъ съ малорусскаго Н. К.

САФАРЪ.

(Разсказъ.)

I.

Сергѣй Васильевичъ былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ испр комъ. Надо думать, что и судьба не готовила его къ этой долж по крайней мѣрѣ, начальникъ губерніи каждый разъ, когда р ходила о донецкомъ исправникѣ, дѣлалъ страдальческую грим ударяя себя по шейному позвонку, говорилъ:

— Ахъ, этотъ Сергѣй Васильевичъ, вотъ ужъ гдѣ онъ у сидитъ!

Впрочемъ, надо сказать, что исправникомъ Сергѣй Васил сталъ лишь на 62 году жизни. До того времени лѣтъ двадцат служилъ участковымъ мировымъ судьею; еще ранѣе—предсѣ лемъ мирового съѣзда; еще ранѣе—донецкимъ предводител дни своей юности онъ провелъ въ Преображенскомъ полку.

Всѣ эти перемѣны происходили по мѣрѣ того, какъ огр имѣнье, доставшееся ему отъ отца, превращалось въ севрюж хрѣномъ и поросятъ съ кашею, до которыхъ донецкіе дворян обще, и Сергѣй Васильевичъ въ особенности, были большими ь никами; и если правду сказать, отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ С Васильевичъ не испытывалъ ни малѣйшаго ущерба ни своему любію, ни своему богатырскому пищеваренію. Его прежде все довалъ самый процессъ жизни и на всѣхъ должностяхъ онъ чу валъ себя одинаково счастливо.

Все же на службу въ полиціи Сергѣй Васильевичъ не сраз важился. По упраздненіи мирового института онъ даже подум не устроиться ли ему какъ въ Петербургѣ, и съ этою цѣлью по туда къ своей всемогущей кузинѣ.

— Матушка, Ольга Григорьевна, дайте мнѣ какое-ни стечко!

Ольга Григорьевна, очень любившая Сергѣя Васильевича, бросилась на поиски и тотчасъ же пріискала ему должность ревизора буфетовъ, которую какъ разъ въ это время учредили въ видѣ опыта на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Зная хорошо слабости Сергѣя Васильевича, она была очень довольна своей находкой и съ торжествующей улыбкою вручила ему письмо директора департамента.

— Вотъ вамъ, cousin, и мѣстечко!

Прочитавъ письмо, Сергѣй Васильевичъ залился самымъ веселымъ хохотомъ.

— Это уже не въ бровь, а въ самый глазъ! Чудесная должность для предводителя, проѣвшаго свое родовое имѣніе!

Сначала Сергѣй Васильевичъ и думать не могъ серьезно объ этой должности; но, должно быть, кузина умѣла говорить весьма убѣдительно, такъ какъ въ концѣ-концовъ онъ всетаки поѣхалъ ревизовать буфеты.

Отъ души потѣшаясь надъ своей новой службой, онъ, однако, пользовался полною независимостью и чувствовалъ себя превосходно, такъ какъ въ каждомъ поѣздѣ у него отыскивался одинъ, а то и два пріятеля, для которыхъ онъ заказывалъ особый обѣдъ телеграммою, опасаясь, чтобы буфетъ не накормилъ ихъ какой-нибудь «гадостью».

Разъѣзжалъ онъ такимъ манеромъ по желѣзнымъ дорогамъ года два, пока катастрофа на Оптухѣ, изъ которой онъ вышелъ невредимымъ какимъ-то чудомъ, не заставила его мечтать о болѣе покойномъ пристанищѣ. Тогда онъ вспомнилъ, что въ родномъ уѣздѣ у него уцѣлѣли еще 60 десятинъ земли и пригородная усадьба, въ которой можно великолѣпно устроиться, если взять мѣсто исправника.

— Право, вѣдь на всякой должности я останусь очень порядочнымъ человѣкомъ; да и во всякомъ случаѣ, должность исправника куда какъ серьезнѣе экспертизы буфетовъ! — разсудилъ Сергѣй Васильевичъ и облачился въ узкій полицейскій мундиръ съ узорчатыми генеральскими погонами.

Сдѣлавъ это, онъ оглядѣлъ себя со всѣхъ сторонъ въ зеркало, поправилъ усы, пріосанился и съ этой минуты не только не унывалъ, а напротивъ—всечасно, какъ и въ былые дни, восклицалъ:

— Боже, какъ жизнь хороша!

Да унывать Сергѣю Васильевичу и, въ самомъ дѣлѣ, не было большихъ основаній. Любили и уважали его попрежнему. Любили за радушіе, дѣтскую простоту и непобѣдимую жизнерадостность; уважали— за живой своеобразный умъ, отличное воспитаніе и значительныя связи, при помощи которыхъ онъ уже не мало сдѣлалъ добра своимъ землякамъ.

Только писатель Баршевъ, его племянникъ, при всемъ располо-женіи къ Сергѣю Васильевичу, посматривалъ на него съ какою-то усмѣшкой и рѣшительно не выносилъ увлеченія, съ которымъ Сергѣй Васильевичъ каждодневно и непремѣнно передъ ужиномъ заказывалъ обѣдъ старому повару Никитѣ.

— Ну, Никита, чѣмъ ты меня завтра кормить будешь?—начиналъ Сергѣй Васильевичъ, усаживаясь въ кресло и добродушно поглядывая на щетинистое лицо Никиты.

— Чѣмъ прикажешь, батюшка баринъ!

— Хорошо бы, братъ, чего-нибудь такого солененькаго,—говорилъ Сергѣй Васильевичъ съ такимъ жестомъ, какъ будто бы аппетитъ уже возбуждался у него въ концахъ пальцевъ.

— Что-жъ, можно селянку изъ осетрины сдѣлать.

— Отлично, селянку. Ну, а на второе?

— А на второе—поросенка съ кашей.

— Поросенка съ кашей! Это хорошо,—смаковалъ Сергѣй Васильевичъ,—а только, вотъ, въ прошлый разъ ты подалъ поросенка съ кашей, а мнѣ подумалось, лучше бы подъ хрѣномъ.

— Такъ подъ хрѣномъ сдѣлаемъ.

— Ладно, значитъ поросенокъ подъ хрѣномъ; ну, а на третье...

Баршевъ обыкновенно уходилъ при самомъ началѣ такой бесѣды. Однажды ему некуда было скрыться, и онъ не выдержалъ.

— Какъ это тебѣ, Сергѣй Васильевичъ, не скучно вотъ уже, по крайней мѣрѣ, тридцать пять лѣтъ вести изо дня въ день по цѣлому часу этотъ однообразный разговоръ съ Никитой?

— Во-первыхъ, надо тебѣ сказать,—отвѣчалъ Сергѣй Васильевичъ,—что этотъ Никита служитъ у меня не 35 лѣтъ, а вотъ уже скоро цѣлыхъ 43 года. Когда я уѣзжалъ вотъ изъ этого самаго дома въ Петербургъ на службу и огромный дормезъ съ кучеромъ, лакеемъ и поваромъ былъ уже готовъ откатить отъ крыльца, моя мать отчаянно вскрикнула: «Боже мой, кто же будетъ Сережѣ набивать трубки?» Черезъ пять минутъ ко мнѣ въ дормезъ усадили пятнадцатилѣтняго Никиту. Въ Петербургѣ я отдалъ его въ ученье къ хорошему повару, и вотъ съ тѣхъ поръ Никита служитъ у меня почти безъ жалованья и никуда отъ меня не уйдетъ. Поэтому мнѣ вовсе не скучно проболтать съ нимъ 20 минутъ. А, во-вторыхъ, я люблю хорошо поѣсть и интересуюсь обѣдомъ... Да вѣдь и ты, я думаю, противъ хорошей селянки ничего не имѣешь?

— Мнѣ рѣшительно все равно. Всѣ эти обѣды и ужины—одна скука.

— Ну, что-жъ! Говорятъ, одинъ англичанинъ повѣсился отъ

того, что ему надоѣло каждый день умываться. А по-моему жить,— значитъ хотѣть. Когда человѣкъ хочетъ ѣсть, онъ уже хочетъ жить, вотъ именно для того чтобы поѣсть; а когда онъ ничего не хочетъ, онъ лѣзетъ на осину, такъ какъ въ немъ ровно столько же жизни, сколько и въ осинѣ. Вотъ, когда твоя Елена Николаевна—кажется, такъ называются всѣ героини твоихъ разсказовъ; ты, кстати тебѣ сказать, изумительно неизобрѣтателенъ на имена и фабулы;—такъ, вотъ, когда твоя Елена Николаевна задумаетъ травиться фосфорными спичками, сдѣлай милость, пришли ее сначала ко мнѣ, я уговорю ее откушать тарелочку моего разсольника, и повѣрь, что послѣ того она попроситъ не спичекъ, а чаю; и когда я подамъ ей сладкаго чаю съ лимончикомъ, она сама увидитъ, что и въ ея жизни еще могутъ быть кое-какія радости.

— Но едва ли моя Елена Николаевна пойдетъ къ тебѣ обѣдать, и едва ли твой чай съ «лимончикомъ» покажется ей стоющимъ того, чтобы жить! На это у каждаго есть свой масштабъ. Ты, напримѣръ, идешь вонъ туда, въ конецъ коридора и уже кричишь по дорогѣ: «Боже, какъ жизнь хороша!» А иному самая привольная жизнь коровы покажется вовсе не лучшею, чѣмъ жизнь той же осины.

— Какую цѣну имѣетъ мой чай съ «лимончикомъ», объ этомъ мы потолкуемъ съ тобою завтра, послѣ того, какъ Никита угоститъ насъ селянкой. Что же касается привольнаго житья коровы, то я ему не завидую, но только потому, что у меня, кромѣ коровьихъ желаній, есть множество другихъ, которыя дѣлаютъ мою жизнь гораздо болѣе полной. Въ томъ-то и дѣло, что чѣмъ больше желаній, конечно, не мечтательныхъ и туманныхъ, а живыхъ и ясныхъ, тѣмъ больше жизни и тѣмъ больше счастья. Вотъ у меня сейчасъ сидитъ въ тюрьмѣ арестантъ, удивительно симпатичный, и я непремѣнно хочу его выручить. Или вотъ, ты видѣлъ, въ самомъ центрѣ города у насъ стоитъ развалившійся домъ Кантемира съ великолѣпнѣйшимъ паркомъ, совершенно недоступнымъ для публики. Я, братъ, задумалъ перестроить этотъ домъ въ театръ, а недоступный паркъ превратить въ городской садъ. Съ этою цѣлью я написалъ вчера полсотни писемъ, если понадобится, съѣзжу десять разъ въ Питеръ, и если добьюсь своего, то всѣхъ твоихъ Еленъ танцовать заставлю.

— А если не добьешься?

— Какъ не добьюсь! Добьюсь непремѣнно!

— Ну, а если не добьешься?

— Значитъ, самъ виноватъ, взялся не за свое дѣло.

— Однако, ты долженъ сознаться, Сергѣй Васильевичъ, что ты

какой-то баловень судьбы: жизнь складывалась для тебя исключительно благопріятно.

— Да, я это самъ всегда говорю. Моя первая жена, твоя тетка, была замѣчательной женщиной; всѣ мои дочери вышли замужъ, какъ нельзя лучше; я не зналъ ни одной тяжкой болѣзни, и теперь на старости лѣтъ у меня растетъ такой славный мальчикъ, какъ Сережа. А Оптуха! Вѣдь это изумительно! Надо же было такъ случиться, что первый толчокъ меня выбросилъ на платформу вагона, а второй сбросилъ на мостъ; и только, благодаря этому, я одинъ спасся изо всего вагона, который вслѣдъ затѣмъ поднялся на дыбы и полетѣлъ въ рѣку...

— Вотъ это-то и есть то безумное счастье, которое тебя ослѣпило; и только поэтому ты, какъ младенецъ, радуешься своей жизни.

— Нѣтъ, это по-моему только удачи, а не самое счастье. И этимъ наполняется жизнь... И знаешь, что я тебѣ скажу! Всѣ эти удачи заставляютъ меня иногда не на шутку задуматься: я рѣшительно не нахожу себѣ мѣста ни въ раю, ни въ аду. Посадить меня въ адъ—какъ будто бы не за что: я никому не мѣшаю жить, никому не желаю зла и даже въ *Новомъ Времени* никогда не читаю первой страницы. А допустить меня въ рай—тоже вѣдь не за что: я никогда не страдалъ, не перенесъ никакихъ испытаній и, увы! ужасно какъ привязанъ къ землѣ!

— Да къ тому же вѣдь тамъ ни селянки, ни чаю съ лимончикомъ,—потѣшался Баршевъ.

— А какой дождичекъ идетъ!—вдругъ прервалъ разговоръ Сергѣй Васильевичъ, заслышавъ, какъ дождь забарабанилъ по стекламъ.—Надя, какой дождичекъ идетъ!—крикнулъ онъ своей женѣ въ сосѣднюю комнату.

— Чему же ты такъ обрадовался?—спросила Надежда Петровна.—Вѣдь завтра вечеромъ ты хотѣлъ ѣхать въ уѣздъ.

— Ну, что-жъ! По крайней мѣрѣ, пыли не будетъ,—отвѣчалъ неисправимый Сергѣй Васильевичъ.

— А вѣдь въ твоихъ разсужденіяхъ о жизни и счастьѣ есть какая-то правда,—возобновилъ разговоръ Баршевъ.—Но только мнѣ кажется, что въ общемъ это философія скуки, которая силится у[...] время и придумываетъ для каждаго дня свою забаву. Отъ этого-то въ твоей этикѣ и не сходятся концы съ концами.

— Да, ужъ по части философіи я совсѣмъ плохъ. Ахъ, кстати, не хочешь ли, я подарю тебѣ Канта? На-дняхъ роюсь въ старыхъ книгахъ моей библіотеки и вдругъ, между «Тарантасомъ» и «П[...]жденіями Чичикова» нахожу «Критику чистаго разума»; прочел[...]

ько главъ и рѣшилъ, что эта книга совсѣмъ не для меня писана. ительно не понимаю, какъ этотъ философъ ко мнѣ попалъ.

Съ этими словами Сергѣй Васильевичъ вынулъ изъ шкафа объетую книгу и съ шаловливою улыбкою написалъ на оберткѣ:

Откуда, какъ, когда—не знаю
Ко мнѣ забрелъ философъ Кантъ.
Его по праву уступаю
Тебѣ, совсѣмъ не разбирая,
Wo ist Vernunft und wo—Verstand!

II.

Однажды, это было раннею весною, зайдя въ полицейское упраіе, Сергѣй Васильевичъ увидѣлъ въ сѣняхъ стройнаго молодого рина, одѣтаго въ новенькую нарядную черкеску поверхъ пунцо шелковаго бешмета.

— Что тебѣ, молодецъ?—спросилъ Сергѣй Васильевичъ съ обыч привѣтливостью.

Татаринъ приложилъ правую руку ко лбу, потомъ къ поясу, ко и не безъ достоинства поклонился, и молча подалъ ка-то бумагу.

— Ну, пойдемъ разбирать твое дѣло,—сказалъ Сергѣй Васильеъ, и ввелъ татарина въ комнату присутствія.

Здѣсь, поздоровавшись съ чиновниками и писцами и замѣтивъ раза:

— А каковъ денекъ-то!

Сергѣй Васильевичъ спокойно усѣлся въ предсѣдательское креи раскрылъ поданную ему бумагу.

«Статейный списокъ о ссыльномъ арестантѣ, жителѣ сел. Дайлкъ, Закатальскаго округа, Сафаръ-Ага-Абдулъ-оглы»,—началъ чтеніе.

— Это ты Сафаръ?

— Я Сафаръ,—отвѣтилъ татаринъ, краснѣя до самыхъ ушей.

«Изъ крестьянъ, 22 лѣтъ, вдовецъ, росту 2 арш. 3 вершковъ, осы черные, на лбу выше лѣвой брови шрамъ».

— Такъ!—оглянулъ Сафара Сергѣй Васильевичъ.—Это откуда у тебя?

— Это... давно ужъ,—отвѣтилъ Сафаръ, проводя пальцемъ по аму.

«Судился въ закатальскомъ словесномъ судѣ, и по приказанію главноначальствующаго, за убійство...—тутъ Сергѣй Василье-

вичъ на мгновеніе пріостановился и взглянулъ на Сафара— сельца Мамеда, при смягчающихъ вину обстоятельствахъ, лается въ одну изъ внутреннихъ губерній имперіи подъ надзоръ лиціи на пять лѣтъ».

— Какъ же это тебя угораздило Мамеда убить?

— Такъ надо было,—коротко отвѣтилъ Сафаръ, снова хивая и опуская глаза.

«Волченокъ», подумалъ Сергѣй Васильевичъ съ нѣкоторы удовольствіемъ.

— Какъ же такъ—«надо было»; ревность, что ли, или кр месть?—спросилъ онъ еще разъ болѣе строгимъ тономъ.

— Такъ надо было,—повторилъ Сафаръ уже мягче и как со стономъ.

Сергѣю Васильевичу вдругъ стало его жалко.

— Ну, ладно; а что же ты здѣсь будешь дѣлать?

— Что велишь, то и буду дѣлать,—отвѣтилъ онъ, под голову и глядя на Сергѣя Васильевича довѣрчивыми глазами.

— Я ничего не могу тебѣ велѣть, Сафаръ, ты только под зоръ ко мнѣ присланъ; а вотъ у меня вчера лакей ушелъ; такъ хочешь, я возьму тебя въ лакеи.

— Лякей? Какой лякей? Я не понялъ.

— Ты будешь у меня слугою, будешь комнаты убирать, с чистить, кушанья подавать... ну, да этому мы тебя живо науч

— А ты мнѣ отдѣльній комната дашь?

— Дамъ, если хочешь: комнатъ у меня въ домѣ много.

— Хорошо! Я буду твой слуга,—согласился Сафаръ.

Черезъ часъ Сергѣй Васильевичъ уже подъѣхалъ съ Саф къ своей усадьбѣ и представлялъ женѣ молодого слугу.

— Надежда Петровна, смотри-ка какого я тебѣ лакея нашелъ Только ему надо дать особую комнату.

Надежда Петровна, увидѣвъ чистенькое нарядное платье и ст ную фигуру новаго лакея, слегка улыбнулась отъ удовольствія.

— Придется дать ту комнату, направо изъ передней, гд устраивалъ для губернатора пріемную,—рѣшила она.

Четырехлѣтній Сережа также улыбнулся и, недолго думая, пахнулъ черкеску Сафара и потянулся къ его шелковому нагру Сафаръ присѣлъ и, свободно охвативъ мальчика одной рукой, в кой позѣ, глядя снизу вверхъ, непринужденно отвѣчалъ на во своихъ новыхъ господъ. Тѣмъ временемъ мальчуганъ вцѣпился ими ручками въ газыри Сафара, живо вытянулъ сразу два газ

съ этой добычей, весело взвизгивая, проворно побѣжалъ къ своему гнѣзду.

Надежда Петровна, замѣтивъ эту продѣлку, засуетилась.

— Ничего, оставь, у меня много—поспѣшилъ успокоить ее Сафаръ, поднимаясь на ноги и провожая ласковымъ взглядомъ убѣгавшаго мальчика.

Горничная Ариша съ благосклоннымъ любопытствомъ разглядывала молодого горца, и только старый Никита, притащившійся изъ кухни посмотрѣть на новаго лакея, неодобрительно и сухо оглядѣлъ пришельца, сдвинувъ свои нависшія, сѣдыя брови.

— Ну, Сафаръ,—объявилъ, наконецъ, Сергѣй Васильевичъ,—теперь иди къ Никитѣ обѣдать, потомъ устраивайся, отдыхай, а завтра въ 6 час. утра будешь вмѣстѣ съ Аришей комнаты убирать!

Черезъ мѣсяцъ Сафаръ сталъ драгоцѣннымъ и незамѣнимымъ слугою. Домъ Сергѣя Васильевича уже давно не щеголялъ такой чистотой. Всякій безпорядокъ и соръ устранялись немедленно какой-то безшумной и невидимой, но расторопной и ловкой рукой. Работы въ домѣ, благодаря постояннымъ гостямъ, было очень много, и тѣмъ не менѣе Сафаръ, нѣсколько знавшій столярное дѣло, ухитрился еще найти время, чтобы перетереть и перечистить всю мебель. Но этого мало, Сафаръ очень скоро разглядѣлъ всѣ привычки, всѣ прихоти и слабости своихъ господъ и проявлялъ по отношенію къ нимъ какую-то дружескую заботливость. Надежда Петровна, напримѣръ, какъ и большинство хорошихъ хозяекъ, тратила полжизни на исканіе ключей. Сафаръ это замѣтилъ и установилъ за своею госпожею особый надзоръ, благодаря которому ключи всегда оказывались въ его карманѣ. На первыхъ порахъ это обезпокоило Надежду Петровну и она спросила его:

— Зачѣмъ ты берешь къ себѣ мои ключи!

— А зачѣмъ ты ихъ всегда теряешь!—простодушно отвѣтилъ Сафаръ.

Сергѣй Васильевичъ только разъ вышелъ изъ дому, позабывъ портсигаръ и платокъ, и съ тѣхъ поръ Сафаръ не выпускалъ его за порогъ, не удостовѣрившись въ его исправности по этимъ пунктамъ. Не забылъ Сафаръ и Сережу. На двухъ квадратныхъ саженяхъ онъ разбилъ ему въ саду правильными грядками микроскопическій огородъ, на которомъ произрастали и горохъ, и рѣпа, и редисъ, и морковь, и даже кукуруза; и одинокій мальчикъ нашелъ себѣ въ Сафарѣ самаго лучшаго и любящаго товарища.

Сергѣй Васильевичъ и его жена все это видѣли и сокрушались только о томъ, что они будутъ не въ силахъ вознаградить Сафара по

его заслугамъ, и потому должны будутъ уступить его болѣе богатымъ сосѣдямъ. Между супругами было рѣшено, однако, предложить Сафару 8 рублей.

— Мнѣ нужно переговорить съ тобою, Сафаръ!—началъ Сергѣй Васильевичъ.—Сегодня мѣсяцъ, какъ ты у насъ служишь, ты самъ видишь, какъ мы тебя полюбили, но я не могу платить тебѣ болѣе восьми... ну, десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Я человѣка убилъ, а ты меня въ домъ къ себѣ взялъ, ты мнѣ особый комната далъ, ты мнѣ твой маленькій Сережа какъ братъ дѣлалъ, ты меня милій Сафаръ називаешь, а я съ тебя буду деньги брать!—отвѣчалъ Сафаръ.

— Но какъ же, Сафаръ! Ты мнѣ служишь, у тебя такъ много работы, я не имѣю права пользоваться твоимъ трудомъ даромъ!—недоумѣвалъ Сергѣй Васильевичъ.

— Я въ день и въ ночь про твои уваженія никогда не забуду, и за это я тебѣ слуга и для твои гости тоже слуга,—силился высказаться Сафаръ,—а деньги у меня много, вотъ возьми 300 рублей—ты за нихъ меня кормить будешь.

— Нѣтъ, это невозможно, Сафаръ! Я обязанъ тебя кормить,—горячился въ свою очередь Сергѣй Васильевичъ.

— Ну, корми.

— И я хочу, чтобы ты ѣлъ мой обѣдъ съ моего стола.

— Нѣтъ, это не надо, я буду обѣдать съ Никита,—твердо отвѣтилъ Сафаръ.

Съ Никитой, какъ и съ Аришей, Сафаръ обращался вѣжливо, но почти не разговаривалъ съ ними, не считая ихъ себѣ равными. Сынъ зажиточнаго поселянина, имѣвшаго лавки въ Закаталахъ и Дайлюкѣ, Сафаръ при своихъ скромныхъ потребностяхъ дѣйствительно не нуждался ни въ жалованьѣ, ни въ тѣхъ небольшихъ подачкахъ, которыя ему совались многочисленными гостями Сергѣя Васильевича. Эти деньги Сафаръ неизмѣнно передавалъ Никитѣ, говоря, что въ нихъ не нуждается. Сначала сумрачный Никита подумалъ, что молодой лакей изъ арестантовъ ищетъ его благосклонности; когда же онъ убѣдился, что Сафаръ также мало интересуется его благосклонностью, какъ и атурами его дочери Ариши, его взяла оторопь и онъ счелъ долгомъ о такихъ странныхъ поступкахъ ссыльнаго лакея довести до свѣдѣнія барина.

Сергѣй Васильевичъ объяснилъ Никитѣ—въ чемъ дѣло, но не могъ понять, почему Сафаръ не отказывался отъ лакейскихъ подачекъ.

— Я вижу, Сафаръ,—замѣтилъ онъ,—что ты дѣйстви...

нуждаешься въ деньгахъ, и то, что тебѣ даютъ наши гости, ты редаешь Никитѣ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты берешь отъ хъ деньги?

— Они твои гости, а я твой слуга,—отвѣтилъ Сафаръ,—я не ѣю права съ ними спорить; скажи имъ, чтоби они мнѣ ничего не вали.

Сергѣй Васильевичъ исполнилъ просьбу Сафара, и послѣ того его ти стали оплачивать любезныя услуги «гордаго кавказца» обычмъ рукопожатіемъ. Сафаръ былъ чрезвычайно польщенъ этимъ номъ успѣхомъ и мало-по-малу пріучился очень мило и ловко цѣлоръ ручки всѣмъ дамамъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Сергѣй Васильевичъ рѣшилъ сдѣлать фару приличный подарокъ. Лучшій портной потихоньку снялъ мѣрсъ его черкески и сшилъ ему новую черкеску и новый бешметъ. гда вещи были готовы, Сергѣй Васильевичъ принесъ ихъ Сафару сказалъ:

— Сафаръ, позволь мнѣ тебѣ сдѣлать этотъ подарокъ!

Сафаръ взялъ вещи и по дѣтски весело чмокнулъ Сергѣя Васильеча въ губы.

— Ну, вотъ и отлично,—подумалъ Сергѣй Васильевичъ,—я ду расплачиваться съ Сафаромъ такими подарками.

Но прошелъ еще мѣсяцъ. Сафаръ получилъ какую-то посылку и ѣдъ за тѣмъ, также весело улыбаясь, подалъ Сергѣю Васильевичу рогой кавказскій кинжалъ.

— Это что?—недоумѣвалъ Сергѣй Васильевичъ.

— Это тебѣ кинжалъ.

— Я хочу, чтобъ этотъ кинжалъ украсилъ твою черкеску, Саръ,—попробовалъ выпутаться Сергѣй Васильевичъ.

Сафаръ обидѣлся.

— Ты подарилъ мнѣ черкеску, а я взялъ черкеску и сказалъ: пасибо тебѣ, Сергѣй Васильевичъ!» Ты долженъ теперь взять мой нжалъ и сказать: «спасибо тебѣ, Сафаръ».

— Спасибо тебѣ, Сафаръ!—покорно повторилъ Сергѣй Васильечъ и, поцѣловавъ слугу, принялъ подарокъ.

Небольшое затрудненіе, въ которое Сафаръ поставилъ Сергѣя сильевича, отказываясь отъ всякой платы, въ скоромъ времени, нако, совершенно затерялось въ тѣхъ сердечныхъ и почти дружеихъ отношеніяхъ, которыя установились между бариномъ и его угой. Теперь Сергѣю Васильевичу было уже нетрудно узнать, какъ фаръ сталъ убійцей.

Дѣло было весной. Сафаръ подъ вечеръ повезъ въ Закаталы муку.

Не успѣлъ онъ проѣхать на своихъ буйволахъ и пяти верстъ, к
сзади послышался топотъ скачущей лошади.

«Это за мной, — подумалъ Сафаръ, — это братъ Асланъ. К
онъ гонитъ лошадь, что тамъ случилось!»

— Давай я отвезу муку въ городъ, а ты поѣзжай домой,—с
залъ Асланъ, слѣзая съ лошади.

— Зачѣмъ, что случилось, отецъ послалъ?—спросилъ Саф

— Тебѣ надо быть дома, — отвѣтилъ Асланъ внушитель
твердо.

Злое предчувствіе сжало сердце Сафара. Онъ впрыгнулъ въ с
и погналъ снова вскачь взмыленную лошадь. Черезъ двадцать мин
онъ уже подкрался къ дверямъ своей комнаты и, несмотря на ла
завыванье встревоженныхъ собакъ, ясно слышалъ—и измучен
голосъ жены, твердившей: «уйди, уйди, я буду кричать!» и страст
шопотъ Мамеда, отвѣчавшаго ей: «ну, кричи, мнѣ все равно, я
могу отъ тебя уйти!» Сафаръ рванулъ дверь съ такой силой,
крючокъ сломился, и бросился на Мамеда съ обнаженнымъ ки
ломъ. Мамедъ упалъ, и въ то же мгновеніе раздался сбоку корот
отчаянный визгливый крикъ, за которымъ все смолкло: береме
жена Сафара, сама еще почти ребенокъ, не выдержала испыт
ужасной ночи, и черезъ нѣсколько дней, не приходя въ созна
умерла.

— Ну, Богъ тебѣ судья!—замѣтилъ Сергѣй Васильевичъ,
слушавъ этотъ разсказъ.—Такой грѣхъ и у насъ случается.

— А развѣ это грѣхъ?—удивился Сафаръ.

— Грѣхъ, Сафаръ! Ты казнилъ смертью Мамеда только за
что онъ влюбился въ твою жену. Вѣдь онъ никакихъ насилій не
лалъ; тебѣ было бы достаточно выгнать его изъ твоего дома.

— Это ты такъ говоришь, потому—ты старый.

Сафаръ совершенно привыкъ къ своей ссылкѣ. Онъ сжился
всѣми интересами Сергѣя Васильевича, интересовался его письм
зналъ семейныя дѣла всѣхъ его дочерей и радовался ихъ пріѣзду
менѣе маленькаго Сережи. Задуманная Сергѣемъ Васильевичемъ
дажа маленькой рощицы, прилегавшей почти къ самому саду, ог
ла Сафара гораздо болѣе, чѣмъ самого Сергѣя Васильевича.

— Зачѣмъ ты продаешь рощу?—спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ денегъ, Сафаръ, мнѣ надо разсчитаться
долгами.

— Нѣтъ, это не потому, а потому—ты очень много сиров
купаешь, и каждый день всѣхъ, кого видишь на улицѣ, сейчас
себѣ обѣдать зовешь. Не продавай рощи. Мнѣ отецъ обѣщалъ г

300 рублей на годъ, я еще ничего не бралъ; я ему напишу, онъ мнѣ пришлетъ 500 рублей, и я тебѣ 500 рублей дамъ.

— Нѣтъ, Сафаръ, если ты дашь мнѣ 500 рублей, я еще больше сыровъ накуплю и еще больше гостей созову.

— Ну, тогда я тебѣ ничего не дамъ,—заключилъ Сафаръ.

Прошелъ годъ, и Сафару представился случай блеснуть передъ большой публикою.

Цѣлый мѣсяцъ весь городъ и въ особенности Сергѣй Васильевичъ готовились къ большому празднеству.

Послѣ величайшихъ хлопотъ, наслѣдники Кантемира уступили, наконецъ, свой одичавшій вѣковой паркъ въ распоряженіе города. На первое мая было назначено торжественное открытіе городского сада.

Сергѣй Васильевичъ даже помолодѣлъ и съ юношескимъ увлеченіемъ принялся за дѣло. Паркъ вычистили, освѣтили и наскоро соорудили большую открытую сцену. Въ домѣ Кантемира уладили буфетъ. За невозможностью «заставить танцовать» злополучныхъ Еленъ своего племянника, онъ выписалъ своихъ дочерей. Съ ними и при содѣйствіи нѣсколькихъ горожанъ онъ приготовилъ для сцены уморительный двухактный фарсъ и нѣсколько концертныхъ номеровъ. Самъ Сергѣй Васильевичъ заканчивалъ концертное отдѣленіе чтеніемъ собственнаго стихотворенія, пріуроченнаго къ торжеству. За концертомъ слѣдовалъ ужинъ по подпискѣ горожанъ въ честь Сергѣя Васильевича и почетныхъ гостей.

Праздникъ удался на славу. Погода была чудная. Собралось все городское общество. Пріѣхалъ губернаторъ; съѣхались окрестные помѣщики, прикатилъ издалека и уже совсѣмъ неожиданно престарѣлый поэтъ—закадычный другъ и школьный товарищъ Сергѣя Васильевича.

Младшая дочь Сергѣя Васильевича приготовила отцу и публикѣ веселый сюрпризъ.

Едва Сергѣй Васильевичъ, закончивъ чтеніе своихъ стиховъ, спустился подъ аплодисменты со сцены, вдругъ раздались дикіе, возбуждающіе звуки лезгинки, и на сцену выплыла молодая красавица въ пестромъ грузинскомъ костюмѣ; за нею, прикрывая рукавомъ черкески полъ-головы, хищнымъ ястребомъ понесся Сафаръ.

Этотъ выходъ вызвалъ общее оживленіе. Лезгинку заставили повторить нѣсколько разъ; Сафару устроили цѣлую овацію.

Ужинъ прошелъ также весьма оживленно. Послѣ первыхъ рѣчей губернатора и городского головы старый поэтъ привѣтствовалъ Сергѣя Васильевича дружескими веселыми стихами. Сергѣй Васильевичъ,

удивительный мастеръ сплетать экспромты—поднялся и, глядя пря
въ глаза своему старому другу, отвѣтилъ:

Мы жизни лучшія страницы
Давно прочли; въ томъ спора нѣтъ;
Промчалась молодость, что птица,
Намъ вмѣстѣ ужъ сто сорокъ лѣтъ.

Но жизнь и въ старости прекрасна,
Насъ рокъ житейскій пощадилъ;
И умъ нашъ бодръ; намъ въ сумракъ ясно,
И нѣтъ врага, и другъ намъ милъ.

Послѣ множества другихъ рѣчей и тостовъ кто-то потребова
Сафара и пожелалъ выпить за здоровье молодого лезгина. Саф
взялъ бокалъ, поклонился, но вина не выпилъ.

— Что же, Сафаръ, выпей свое вино!—сказалъ Сергѣй Васи
евичъ.

— Мнѣ нельзя,—скромно отвѣтилъ Сафаръ.

— Ничего, выпей, ну хоть за мое здоровье!—настаивалъ Се
гѣй Васильевичъ, слегка уже возбужденный виномъ.

Сафаръ поднялъ бокалъ и отвѣтилъ:

— Магометъ запретилъ мнѣ вино, но какъ здѣсь всѣ пьют
чтобы ты билъ здоровъ, и ты—мой отецъ—велишь мнѣ пить, т
буду пить, чтобы ты билъ здоровъ!

Эту неожиданную рѣчь покрыли аплодисментами.

Сергѣй Васильевичъ подозвалъ къ себѣ Сафара, положилъ е
на плечо руку и, обращаясь къ публикѣ, медленно и съ трогат
ною нѣжностью произнесъ:

Онъ бѣдный листочекъ, сорвавшійся съ вѣтки родимой,
Онъ съ горъ къ намъ свалился, невзгодой и бурей гонимый.
Я въ душу его заглянулъ и прочелъ въ ней нѣмую кручину;
Онъ взглядъ мой тотъ встрѣтилъ, сиротка, и сталъ мнѣ слуго
сыномъ.

Раздался новый взрывъ аплодисментовъ, и на этотъ разъ гро
хоръ голосовъ прокричалъ:

— За здоровье Сафара!

Сафаръ былъ въ полномъ восторгѣ.

III.

И вдругъ всѣ эти отношенія, созданныя одною только любов
чуть было не рушились.

Сафаръ пришелъ въ кухню обѣдать позже обыкновеннаго. Никита уже лежалъ на печи.

— Давай мнѣ обѣдать, Никита!—попросилъ Сафаръ.

— Обѣдъ въ печи,—коротко и грубо отвѣтилъ Никита.

— Я не пойду въ твою печку: ты здѣсь хозяинъ!—возразилъ Сафаръ, раздражаясь.

— А мнѣ что! Хоть съ голоду околѣй!—упрямился старикъ.

— Давай обѣдъ!—крикнулъ Сафаръ злобно и нервно.

Никита отвѣтилъ какою-то бранью. Сафаръ выхватилъ кинжалъ и бросился на Никиту.

Случившійся здѣсь вѣстовой-полицейскій едва успѣлъ шашкою отбить ударъ и отвратить несчастье.

Сафаръ простоялъ секунду на мѣстѣ, бросилъ на полъ кинжалъ и молча ушелъ въ свою комнату.

— Разбойникъ и есть!—проговорилъ ему вслѣдъ пришедшій въ себя Никита.

Это происшествіе выбило изъ колеи всѣхъ обитателей дома. Сафаръ забился въ свой уголъ и никому не показывался цѣлыхъ три дня, отказываясь отъ всякой пищи. Никита гнѣвался на Сафара, досадовалъ на Сергѣя Васильевича.

— Избаловалъ ты его, батюшка-баринъ: нешто изъ волка сдѣлаешь собаку!—упрекалъ онъ его.

Сергѣй Васильевичъ не видѣлъ никакого сходства между Сафаромъ и волкомъ, но соглашался, что онъ дѣйствительно избаловалъ Сафара, винилъ себя и потому не хотѣлъ его видѣть. Надежда Петровна осталась безъ рукъ, не находила ни ключей, ни очковъ и побуждала мужа такъ или иначе порѣшить дѣло, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе.

— Что же, Сергѣй Васильевичъ,—говорила она,—ну, отпустимъ Сафара, вѣдь онъ не сынъ намъ!

— Сынъ-то—не сынъ, а все же прогнать я его не могу, не имѣю права,—горячился Сергѣй Васильевичъ.

Маленькій Сережа бѣгалъ отъ отца къ Сафару и отъ Сафара къ Никитѣ, инстинктивно возбуждая и поддерживая во всѣхъ трехъ постоянное вниманіе другъ къ другу.

— Сафаръ плачетъ! Сафаръ такой худой сталъ! Сафаръ говоритъ, что папа не позволитъ ему у насъ жить!—едва удерживая слезы, сообщалъ мальчикъ.

На третій день всѣхъ не на шутку встревожило добровольное голоданіе Сафара. На предложеніе Сережи принести ему обѣдъ—онъ попрежнему отвѣтилъ: «не хочу».

— А что, мама, онъ сдѣлается такой худой, какъ кащей, да?— спросилъ Сережа.

— Даже хуже, дитя мое, онъ умреть.

— Какъ умреть! Онъ не будетъ дышать, не будетъ говорить? Да?—испуганно спрашивалъ мальчикъ.

— Ну да, не будетъ дышать, не будетъ говорить и его въ землю зароютъ.

Сережа бросился къ Сафару, а оттуда къ Никитѣ.

— Никита, дай мнѣ щей, я отнесу Сафару!

— Не надо, барчукъ. Захочетъ ѣсть, самъ придетъ!—отвѣчалъ Никита.

— Онъ не придетъ, Никита, онъ хочетъ умереть, онъ хочетъ, чтобъ его въ землю зарыли,—говорилъ мальчикъ, заливаясь слезами и цѣлуя щетинистыя щеки Никиты.

Никита заколебался.

— Ну, ну, барчукъ, пойдемъ вмѣстѣ, онъ меня-то скорѣе послушаетъ.

Сказавъ это, Никита, не торопясь, набралъ чашку щей, отрѣзалъ ломоть хлѣба, слегка посолилъ его, затѣмъ для чего-то перекрестился на образъ и пошелъ къ Сафару.

Сафаръ сидѣлъ на постели, ничего не дѣлая. Увидѣвъ Никиту, онъ опустилъ голову и нахмурился еще болѣе.

— Захотѣлъ ты, чтобы старый Никита для тебя съ печи слѣзъ,—вотъ оно теперь на твое и вышло. Никита тебѣ обѣдъ принесъ,—сказалъ старикъ съ нѣкоторою торжественностью.

Сафаръ не шелохнулся.

— Ну, что волкомъ-то смотришь!—заговорилъ Никита уже по просту,—самъ виноватъ. Поѣшь щей-то! Вишь исхудалъ-то какъ!

Сафаръ взглянулъ на Никиту и понялъ, что старикъ уже простилъ его.

— Прости, Никита, больше такъ не будетъ,—проговорилъ Сафаръ съ крайнимъ волненіемъ и неожиданно для себя опустился на колѣни.

— Богъ проститъ!... всѣ грѣшны!... чего ужъ!—поѣшь щей-то,—засуетился Никита и вышелъ.

Черезъ минуту Сафаръ уже стоялъ передъ Сергѣемъ Васильевичемъ.

— Прости меня, Сергѣй Васильевичъ, возьми мой кинжалъ, больше такъ не будетъ!—всхлипывалъ Сафаръ.

— Ну, а Никита?—спросилъ Сергѣй Васильевичъ съ нескрываемой радостью.

— Никита простилъ уже,—отвѣчалъ Сафаръ, весь проясняясь улыбкою.

— Ишь ты, бѣдовый какой! — сказалъ Сергѣй Васильевичъ, ударивъ его по плечу.—Ну, иди обѣдать.

Сафаръ принялся за работу съ удвоеннымъ рвеніемъ. Оттѣнокъ виноватой застѣнчивости, не сходившій съ лица Сафара на первыхъ порахъ, мало-по-малу исчезъ, и прежнія отношенія съ ихъ искренностью и фамильярностью возстановились вполнѣ.

Только къ старому повару Сафаръ сталъ относиться, какъ къ старшему, немного почтительно; съ своей стороны и сумрачный Никита, какъ это ни покажется страннымъ, перестал теперь бояться Сафара и смотрѣлъ на него съ полнымъ довѣріемъ. Черезъ мѣсяцъ Сафаръ получилъ отъ отца 10 рублей и тихонько передалъ ихъ тому полицейскому, который избавилъ его и Никиту отъ непоправимой бѣды; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и самыя воспоминанія о происшедшемъ эпизодѣ исчезли безслѣдно.

Пробѣжалъ затѣмъ и еще цѣлый годъ.

— А вѣдь, сегодня ровно три года, какъ ты живешь у меня,— заговорилъ Сергѣй Васильевичъ, готовясь ко сну и завертываясь въ теплое одѣяло.—Избаловалъ ты меня, Сафаръ, а пройдутъ еще два годика—и ты убѣжишь отъ меня въ свои горы—и забудешь о насъ, какъ ребенокъ.

— Я никогда не брошу тебя,—отвѣчалъ Сафаръ.—Когда срокъ кончится, я только возьму невѣсту и пріѣду къ тебѣ опять и буду тебѣ служить; а когда я тебя похороню, тогда я поѣду домой.

— А у тебя есть невѣста, Сафаръ?

— Есть, только долго ей еще ждать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора Сафаръ по обыкновенію пришелъ утромъ будить Сергѣя Васильевича.

— Вставай, тебѣ вставать пора!—началъ Сафаръ.

— Дай еще полчасика, — пробормоталъ Сергѣй Васильевичъ, поворачиваясь на другой бокъ отъ свѣта.

— Нѣтъ, вставай, а то я буду на тебя воду лить.

— Неужели ты такую пакость сдѣлаешь!—уговаривалъ Сергѣй Васильевичъ,—ну еще пять минутъ!

— Вставай, тебѣ нельзя долго лежать, ты такой жирный!—увѣщевалъ Сафаръ.

Сергѣй Васильевъ засмѣялся и сѣлъ на постель.

— Что ты такой веселый сегодня?—спросилъ онъ, взглянувъ на улыбающееся лицо Сафара и щурясь отъ солнца.

— А я письмо получилъ.

— Ну, что же тебѣ пишутъ?

— Пишутъ, что моя невѣста отказала одному жениху и бу[...] ждать своего Сафара... А у меня къ тебѣ просьба есть!—загово[...] неожиданно и серьезно Сафаръ.—Пусти меня домой на два не[...] я буду жениться и сейчасъ пріѣду назадъ

Сергѣй Васильевичъ задумался.

— Хорошо, Сафаръ, я не могу ни въ чемъ тебѣ отказать, [...] это надо сдѣлать толково. По закону я не имѣю власти тебя от[...] стить и нужно сдѣлать такъ, чтобы о твоемъ отъѣздѣ не знали. [...] тебѣ дамъ письмо къ Владиміру Александровичу—это вѣдь тебѣ [...] пути,—ты отъ него поѣдешь дальше, а онъ черкнетъ мнѣ запис[...] что Сафаръ заболѣлъ и остался у него на излѣченіи.

— Да, ты—умный, это такъ надо дѣлать!—замѣтилъ Саф[...]

Вечеромъ Сергѣй Васильевичъ вручилъ Сафару условленное пи[...] мо къ сосѣду и 60 рублей денегъ на дорогу.

— Ну, прощай, мой милый. Только помни, что если ты не [...] пешься, меня прогонятъ со службы.

— Я знаю,—отвѣтилъ Сафаръ и, уложивъ Сергѣя Василье[...] въ постель, поцѣловалъ его на прощанье еще разъ и вышелъ.

Сафаръ долженъ былъ тронуться въ путь рано утромъ.

«Какъ, однако, я привыкъ къ нему,—подумалъ Сергѣй [...] сильевичъ, оставшись одинъ.—Вѣдь всего только на 20 дней [...] жаетъ, а я какъ будто чего-то лишился... Славный народъ—эти [...] казцы, совершенныя дѣти. Съ легкой руки Сафара ко мнѣ ихъ [...] слали цѣлый десятокъ, и всѣ они здѣсь отлично устроились. [...] мисинова на дняхъ выпросила себѣ третьяго, увѣряетъ, что это [...] шіе рабочіе—тянутся изо всѣхъ силъ, чтобы не ударить лицомъ [...] грязь передъ русскими... Оригинальное, однако, наказаніе для [...] придумали: поссорятся изъ-за пустяковъ, натворятъ бѣдъ, вотъ [...] разведутъ ихъ по разнымъ угламъ—одного въ Закаталы, другого [...] Донецъ, пока не соскучатся другъ о другѣ; а онъ поживетъ з[...] себя покажетъ, людей посмотритъ, научится кое-чему и оправле[...] вернется на родину. Пожизненной ссылки они не выносятъ: нѣтъ [...] нихъ нашей русской выносливости и смиренія... А что какъ его [...] арестуютъ, или...—вдругъ промелькнула мысль у Сергѣя Вас[...] вича.—Ну, да Богъ милостивъ!—поспѣшилъ онъ тотчасъ же [...] успокоить, чувствуя, что такого рода мысли могутъ лишить [...] только сна, но и спокойнаго пищеваренія».

— Въ пять часовъ утра онъ выѣдетъ; до желѣзной дороги [...] поѣздъ отходитъ въ 6 веч.... да, какъ разъ.

Среди такихъ размышленій Сергѣй Васильевичъ незамѣтно заснулъ.

— Вставай, тебѣ вставать пора!—раздалось надъ его головою въ обычное время.

Не успѣлъ Сафаръ договорить этихъ словъ, какъ Сергѣй Васильевичъ вскочилъ съ постели.

— Ты не уѣхалъ!

— Нѣтъ, не уѣхалъ.

— Отчего?—почтовыхъ не прислали?

— Нѣтъ, прислали; я ихъ назадъ послалъ,—отвѣтилъ Сафаръ серьезно и съ оттѣнкомъ печали.

— Такъ говори, въ чемъ же дѣло?

— А если меня убьютъ, или я правда заболѣю, а ты за меня пропадать будешь!... Я не хочу.

— Ну, Сафаръ!—воскликнулъ взволнованный Сергѣй Васильевичъ,—я самъ повезу тебя на Кавказъ.

Въ тотъ же день Сергѣй Васильевичъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и особымъ письмомъ къ губернатору просилъ позволенія взять съ собою слугу, состоящаго при немъ подъ надзоромъ полиціи. Но того не понадобилось. Губернаторъ, помнившій Сафара и узнавшій, въ чемъ дѣло, предложилъ взамѣнъ того выхлопотать Сафару немедленное прощеніе. Прощеніе было дано, и Сафаръ возвратился въ Кайллюкъ.

Черезъ двѣ недѣли Сергѣй Васильевичъ получилъ письмо со штемпелемъ «Закаталы».

— Надя! Сережа! идите-ка сюда!—весело крикнулъ Сергѣй Васильевичъ и, разорвавъ конвертъ, прочелъ первое коротенькое письмо Сафара.

«Дорогой мой родной отецъ!

«Я доѣхалъ домой благополучно и очень хорошо. Извини мнѣ, что я не могъ скоро письма послать, зато какъ я пріѣхалъ домой, одинъ день покоя не былъ отъ народа. Я очень скучаю безъ тебя; какъ помню про тебя, думаю, думаю, а подчасъ плачу, никогда не забуду про тебя, дорогой мой отецъ! Дорогой, нельзя ли тебѣ къ намъ поступить Закаталахъ исправникомъ? Если можно, постарайся къ намъ; шесть тысячъ ты жалованья получишь. Дорогой, пожаляста поступи къ намъ!

«Какъ я пріѣхалъ домой, сейчасъ двѣ корова рѣзилъ и три барана рѣзилъ, много расходъ вышелъ. Былъ здѣсь дрожаніе земли, много домà свалились, много народъ раздавили, у меня также домъ

стѣна треснула. Теперь строю домъ новый и около дома строю лавка; теперь у меня дѣловъ много.

«Я часто такъ думаю, что у меня остался въ Донецъ отецъ и мать; я такъ думаю, хотя у меня дома жить хорошо.—Дорогой, пожалуйста, пріѣзжай ко мнѣ, съ маленькій братъ Сережа. Пиши мнѣ изъ наша сторона, что желаешь—я тебѣ тотчасъ пришлю. Цѣлую тебя крѣпки-крѣпки. Остаюсь твой слуга Сафаръ».

Ниже была приписка.

«Дорогой, присыляй для мой братъ Асланъ бердянка, какой ты мнѣ подарилъ. Скольки будетъ стоить, все равно, пожаляйста присыляй. Дорогой, пріѣзжай къ намъ».

В. Иваненко.

Друзьямъ русскимъ.

Ад. Мицкевича.

Вы вспоминаете-ль меня?... Когда темница,
Изгнанье, смерть друзей приходятъ мнѣ на умъ,
Я думаю тогда о васъ,—и ваши лица—
Иноплеменныя—встаютъ въ печали думъ.

Гдѣ вы теперь?... Погибъ, задушенный петлею,
Рылѣевъ доблестный по волѣ палачей.
Его я братски обнималъ своей рукою!
О, горе той странѣ, гдѣ губятъ такъ вождей!

Рука Бестужева—солдата и пророка,—
Которую я жалъ, отъ музы и штыка
Теперь оторвана и въ рудникахъ Востока
Кровавый дѣлитъ трудъ собрата-поляка.

Другимъ дано сносить и хуже наказанье...
Но, можетъ, есть средь васъ, кто, чиномъ оскверненъ,
Свободѣ измѣнилъ, ища царя вниманье
И на порогѣ бьетъ ему теперь поклонъ?

Быть можетъ, оды онъ за плату сочиняетъ,
И радъ, когда казненъ кто-либо изъ друзей.
Быть можетъ, тамъ мой край онъ кровью обагряетъ,
Кичась передъ царемъ проклятьемъ матерей!

О, если издали, изъ странъ свободныхъ юга
На сѣверъ этотъ крикъ протеста залетитъ
И пронесется онъ въ странѣ, гдѣ воетъ вьюга,
Пусть, какъ журавль весну, вамъ волю возвѣститъ!

Меня узнаете тотчасъ!... Гремя цѣпями,
Я ползалъ, какъ змѣя, предъ деспотомъ и лгалъ,
Но тайники души я повѣрялъ предъ вами
И сердце голубя для васъ я открывалъ.

Теперь я въ чашу влилъ всю горечь укоризны,
И будетъ жечь васъ ядъ моихъ суровыхъ словъ.
Ихъ горечь выпилъ я изъ слезъ моей отчизны,—
Но я коснусь не васъ, а вашихъ кандаловъ.

И если въ комъ изъ васъ я встрѣчу порицанье,
То будетъ онъ на пса, безумный, походить,
Который такъ привыкъ сносить цѣпей бряцанье,
Что грызть готовъ того, кто хочетъ цѣпь разбить!

Перев. **А. Ш.**

ТАКЪ ПРОСТО...

Я уѣзжала изъ Петербурга въ Финляндію яркимъ апрѣльскимъ ромъ. И послѣднее, что проводило меня съ родины, что въ сѣромъ мракѣ маленькаго вокзала мелькнуло знакомой, зловѣщей карти-й, были жандармы, винтовки, острые, быстрые взгляды, тревожное строеніе надвигающейся бури, рѣющихъ въ грозовыхъ тучахъ зар-цъ. Наросталъ крикъ и не разрѣшался, крикъ рвался изъ глазъ, залъ на губахъ. Съ нимъ выходилъ каждый на платформы, около торыхъ стояли поѣзда, готовые уѣхать... Куда? Все равно. Только льше, дальше отъ проклятыхъ мѣстъ, отъ кошмарнаго сна, отъ злой обиды!

Почти передъ самымъ отходомъ поѣзда въ купэ, занятое мною, спѣшно-возбужденно вошла высокая дама въ мѣховой шляпѣ и ко-чневой бархатной шубѣ нараспашку и сразу заполнила все не-льшое пространство своей полнотой, дыханіемъ и повелительными тками низкаго голоса. Артельщикъ едва успѣлъ внести вещи, какъ здался третій звонокъ; энергичнымъ движеніемъ скинувъ шубу, урша шелковыми юбками и гремя подвѣсками браслетъ, дама сама иялась за разборку вещей, неловко и тяжело двигаясь въ узкомъ оходѣ. Когда всѣ пакеты и пакетики были частью размѣщены въ тках, частью подвѣшены, дама сѣла и быстрымъ взглядомъ слегка ищуренныхъ, выпуклыхъ карихъ глазъ осмотрѣла меня такъ, какъ ѣютъ осматривать только свѣтскія женщины: любезно и безцере-нно.

Осмотръ далъ, очевидно, благопріятные результаты: ни кожанаго яса, ни стриженныхъ волосъ, ни красной брошюры налицо не ока-лось, и, какъ бы извиняясь за причиненное безпокойство, дама ска-ла тѣмъ покровительственнымъ тономъ, какимъ пожилыя женщины ыкновенно говорятъ съ молодыми:

— Я васъ долго стѣснять не буду: мнѣ до Выборга,—и скорѣе

утвердительно, чѣмъ вопросительно добавила:—а вы въ Гельс
форсъ! Прелестный городъ! Всѣ, кто пріѣзжаетъ въ первый разъ
въ восхищеніи! Нельзя сравнить съ Петербургомъ!

И опять стальной холодокъ глазъ испытующе скользнулъ
мнѣ и заученно привѣтливая улыбка открыла рядъ крупныхъ жел
ватыхъ зубовъ, съ хищными клыками. Да и вся она походила
хищника, эта женщина съ крѣпкой головой на сильной шеѣ, ту
чертами бульдога и сросшимися на переносьѣ бровями. Мало русс
было въ этихъ широкихъ скулахъ, невысокомъ лбѣ и смуглой окрас
кожи; не русскія, жестко опредѣленныя нотки прорывались и въ
изношеніи, и такъ плохо вязались съ ними манерное грассиров
и дѣланная аристократическая пѣвучесть.

Рядомъ, на диванчикѣ, около моей спутницы лежала, очеви
только что купленная шведская газета, и потому, надѣясь полу
кое-какія свѣдѣнія относительно условій жизни въ Финляндіи, я
зала:

— Да, ѣду въ Гельсингфорсъ къ знакомымъ.

Пока я говорила, глаза изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ осматри
меня съ скользящей внимательностью и почему-то вдругъ напом
мнѣ глаза жандарма, стоявшаго съ каменнымъ лицомъ у входа
вокзалъ и глядѣвшаго, какъ будто бы поверхъ толпы, а на са
дѣлѣ ловившаго острыми притаившимися зрачками каждую мимо
ходившую фигуру. Невольно, инстинктивно, внутри что-то наст
жилось, и послѣдовавшій затѣмъ вопросъ, заданный въ дѣланно-б
различномъ тонѣ, только усилилъ остроту вспыхнувшаго холодк

— Простите за нескромность, а къ кому именно вы ѣдете
Гельсингфорсъ? Я тамъ почти всѣхъ знаю.

Наугадъ я назвала фамилію.

Дама покачала головой.

— Нѣтъ, не знаю!... А сами вы постоянно живете въ Пе
бургѣ?

— Нѣтъ... за границей.

— Плохое время вы выбрали для пріѣзда въ Россію!

— Почему?

Я подчеркнула удивленіе.

— Да какъ же, помилуйте! Всѣ эти безобразія!...

На смуглой кожѣ пятнами проступилъ румянецъ и глаза
нули недобрымъ огонькомъ.

— Скоро жить будетъ нельзя! Все перемѣшалось! Я, зна
много на своемъ вѣку видала, но того, что теперь кругомъ твори

всякое уваженіе къ власти потеряно! Никто ничего и никого не боится, все сходитъ съ рукъ, и на все это смотрятъ вотъ такъ!...

Она энергичнымъ движеніемъ растопырила передъ лицомъ пальцы.

— Сами распустили и жалуются! Не потакали бы съ самаго начала, ничего бы и не было! А теперь по-дѣломъ!

Слова вылетали коротко, отрывисто, смуглая рука, унизанная кольцами, нервно мяла и перебирала на груди массивную цѣпочку съ медальономъ.

— Конечно, имъ тамъ,—она презрительно кивнула головой въ пространство,—хорошо: они всегда ограждены. А вотъ каково людямъ зависимымъ, людямъ съ ограниченными средствами! Вѣрите ли: я вотъ съ начала зимы, послѣ того, какъ произошла вся эта миленькая исторія съ Финляндіей, крейсирую между Выборгомъ и Петербургомъ, обиваю пороги гг. министровъ и выклянчиваю, вымаливаю то, на что мы, т.-е. собственно мой мужъ, имѣемъ право, но добиться ничего не могу! Прежде! О, прежде, когда въ насъ нуждались—для насъ дѣлалось все! А теперь? Пустяка, ничтожной пенсіи въ какихъ-нибудь двѣ-три тысячи рублей мы не можемъ получить, потому что, видите ли, теперь никому не извѣстно, *кто* наше начальство!...

Прерывисто и учащенно дыша, она съ минуту помолчала, посмотрѣла въ окно, за которымъ бѣжали гряды искристаго снѣга и еловая рощица, вся напоенная солнцемъ, и спросила съ разстановкой:

— Вы, какъ?... Слѣдили за политикой Финляндіи и знаете, *что* тутъ произошло?

Я хладнокровно выдержала ея взглядъ.

— Такъ знаю кое-что, но довольно смутно!

Моя спутница шумно вобрала въ себя воздухъ и помахала передъ собой носовымъ платкомъ, съ острымъ запахомъ Peau d'Espagne. Видно было, что слова, цѣлый потокъ словъ готовъ вырваться, хлынуть съ дрожащихъ губъ и что только привычная выдержанность не позволяла разразиться грубой, гнѣвной вспышкѣ. А, можетъ быть, привычная осторожность всегда прячущаго свои когти звѣря?... Но колеса вагона такъ гулко стучали, такъ плотны были занавѣски на дверяхъ и глухо-мягки подушки бархатныхъ дивановъ. Оглянувшись назадъ быстрымъ, характернымъ движеніемъ, спутница моя подвинулась ближе и, понизивъ голосъ, спросила:

— Вы про покойнаго Бобрикова, конечно, слыхали? Слышали, что это былъ угнетатель, тиранъ и все такое прочее! Что Шауманъ, убившій его, чуть ли не герой! Ну, вотъ, видите ли, я лично знала генерала Бобрикова очень хорошо и скажу, что все это—ложь! Правда, поступалъ покойникъ иногда круто, но это, по крайней

мѣрѣ, былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ: сегодня онъ не говорилъ да, а завтра нѣтъ, какъ всѣ эти теперешніе. Да и развѣ можно съ этимъ народомъ поступать иначе? Я сама и мой мужъ—чистокровные финны, хотя теперь мы извѣстны на нашей милой родинѣ больше подъ именемъ: измѣнники отечеству!—добавила она съ недоброй улыбочкой.—Вотъ тутъ...—рука ея презрительно взяла и отбросила газету,—насъ такъ-таки прямо и называютъ. Но не въ этомъ дѣло! Пусть зовутъ, какъ хотятъ, и думаютъ, что хотятъ, но будьте, господа, справедливы! Нельзя безнаказанно клеветать. Эта пресловутая лойяльная шведская партія способна на все, на самыя низкія подлости. Намъ не могутъ простить, что мы принадлежали къ старо-финноманамъ и являлись защитниками русскихъ интересовъ,—мой мужъ состоялъ полицеймейстеромъ при губернаторѣ—бросила она съ достоинствомъ, и, на минуту, всѣ черты и опустившіеся углы губъ, и складка полнаго подбородка приняли надменно-начальническое выраженіе. Вы поймите, каково наше положеніе теперь и какія намъ способны устраивать пакости! Распустили слухъ, что мой мужъ растратилъ,—она засмѣялась короткимъ принужденнымъ смѣшкомъ—городскія деньги и возбудили даже уголовное преслѣдованіе... Они теперь «по новымъ законамъ» имѣютъ на это право. И мужу приходится скрываться внѣ предѣловъ Финляндіи, и русскія власти не могутъ оказать ему никакого содѣйствія. Какъ вамъ это понравится? По финскимъ законамъ его могутъ засадить въ тюрьму, какъ это и сдѣлали съ двумя нашими приставами. Русскаго полковника, состоявшаго на русской службѣ—въ тюрьму! И свыше это терпятъ. Недавно онъ былъ у одного высокопоставленнаго лица, которому мы, собственно, обязаны тѣмъ, что Финляндія выкинула свой кунштюкъ, такъ тамъ его не приняли! Навѣрно, ихъ сіятельства забыли, какъ тогда, когда начались уличныя безобразія, и окна ихъ сіятельства стали бомбардировать каменьями, мой мужъ долженъ былъ объясняться съ толпой; какъ онъ день и ночь разъѣзжалъ по городу и принималъ рѣшительныя мѣры, для подавленія безпорядковъ, какъ только благодаря находчивости мужа спасли жизнь двумъ околоточнымъ, которыхъ толпа хотѣла растерзать. Не помнитъ теперь никто, какъ на покры[illegible] тамъ чего-то экстреннаго велѣно было употребить суммы, перечис[illegible]ющіяся на городскіе расходы. Пустяки! Какихъ-нибудь полторы[illegible] тысячи... А теперь мужа печатно упрекаютъ въ растратѣ. Поди [illegible] докажите! И вотъ плоды за долголѣтнюю самоотверженную службу! [illegible] мѣста, ни пенсіи и въ нѣкоторомъ родѣ запятнанное имя... П[illegible] жимъ, министерство предлагаетъ ему мѣсто вице-губернато[illegible]

одномъ изъ южныхъ городовъ, когда вся эта исторія немного заглохнетъ. Но помилуйте! У насъ имѣніе подъ Выборгомъ, не продавать же намъ его! Младшій сынъ служитъ въ Або... Нѣтъ ужъ! Они обязаны дать мѣсто поближе... Если мы потеряемъ терпѣніе, мы тоже не будемъ молчать!... И, точно испугавшись, не сказано ли чего-нибудь лишняго, моя спутница быстро оборвала фразу и постаралась замять ее легкой гримаской. «Правда! Бездна непріятностей!»—добавила она съ дѣланной легкостью, но коричневый румянецъ щекъ и подергиванье губъ говорили другое: безсильная, ѣдкая злоба кипѣла и клокотала въ душѣ этой женщины, заставляла терять привычную осторожность, вырывала изъ темной глубины непрошенныя слова, непрошенную откровенность.

— Вы очень напоминаете мнѣ мою младшую дочь!—сказала она вдругъ не безъ томности. Бѣдная дѣвочка! Она ужасно несчастна! Ужасно!... Такъ тоскуетъ въ деревнѣ. Я ужъ ей рояль выписала и бываетъ у насъ кое-кто, но вы сами знаете... молодой женщинѣ хочется повеселиться, принарядиться... Въ Гельсингфорсѣ у насъ постоянно бывали балы, пріемы... Вы замужемъ?—спросила она опять неожиданно и опять добавила: «И, навѣрно, счастливы! А вотъ моя дѣвочка! Я всегда говорила: замужество—лоттерея... И никогда ничего нельзя сказать заранѣе! Вотъ, напримѣръ, ея бывшій мужъ... Я называю его «бывшій», потому что теперь они разошлись. Когда ѣздилъ къ намъ въ домъ женихомъ... Боже мой! Да вѣдь это была такая прелесть! Выдержанный, корректный, элегантный... Аристократъ съ головы до ногъ... Остзейскій баронъ, но, знаете, съ очень старинной фамиліей... Игралъ на рояли очаровательно и былъ влюбленъ, какъ рѣдко. Мнѣ, бывало, все ручки цѣлуетъ: maman, maman! Ну, положительно, всѣхъ насъ побѣдилъ... Кто могъ подумать! Правда, ходили смутные слухи, что онъ поигрываетъ, но если на это обращать вниманіе... Потомъ замѣчались маленькія странности: онъ иногда, дня на два, на три исчезалъ... никто не зналъ—куда... Намъ и въ голову не могло придти: такой блестящій, воспитанный человѣкъ... Только мой покойный старшій сынъ не переносилъ его. Просилъ, умолялъ насъ не допускать этого брака, точно предчувствовалъ... Ну, а баронъ, какъ нарочно, ужасно торопилъ свадьбу: «Я, говоритъ, не могу ,ольше ждать, я весь измучился: скорѣй, скорѣй!...» Я, знаете ли, ъъ какихъ-нибудь два мѣсяца всю обстановку имъ купила, разори.ась, устроила очаровательное гнѣздышко въ Питерѣ... Тоже все)иходилось разъѣзжать туда и сюда. Спальня—черное дерево съ ікрустаціей, ему дубовый кабинетъ — ну, тысячъ въ пять все ьѣхало. Отпраздновали свадьбу блестящую.

Вы увидите соборъ въ Гельсингфорсѣ, такъ вся лѣстница
усыпана цвѣтами. Самъ «папаша» присутствовалъ при бра
четаніи. Nadine была очаровательна подъ вѣнцомъ: платье
цвѣтъ волосъ золотисто-палевое, никакихъ украшеній, только
ушахъ индѣйскіе бриллiанты... голубые... и на груди такая
звѣзда. И глаза, какъ бриллiанты: синіе, синіе, румянецъ на щеках
Ну, просто куколка. Я думаю, въ этотъ вечеръ многіе хотѣли б
на мѣстѣ ея супруга. Значитъ, въ ту же ночь уѣхали въ Питеръ,
вожали ихъ съ музыкой, шампанскимъ... На имя Nadine мы пере
пятнадцать тысячъ—тогда еще сбереженія были... Значитъ, все
честью. Проводили и успокоились... Вдругъ, черезъ три дня телег
ма: дочь требуетъ меня къ себѣ: нездорова! Я помчалась. П
жаю вечеромъ—въ квартирѣ жуть, темнота! Выбѣгаетъ Nadine
въ слезахъ, неузнаваема. Что такое? Оказывается вторыя сутки
пруга нѣтъ дома! Я сразу поняла въ чемъ дѣло, но виду не под
кое-какъ ее успокоила, уложила... Сама жду. Подъ утро явля
г. баронъ, самъ не свой. Всего его перевернуло, когда меня увидалъ:
ожидалъ. «Гдѣ Надя? Я пришелъ сказать, что, какъ честный человѣ
долженъ покончить съ собой: проигралъ чужія деньги!» Это онъ-то че
ный человѣкъ. Я ему тогда, простите за выраженіе, чуть въ р
не плюнула, но что же дѣлать? Скандалъ! Вѣдь если бы годъ-
прожили, а то, извольте: на второй день. Пришлось дѣло это ус
ить... Взяла съ милѣйшаго барона слово, что подобныя исторіи
повторятся. Да!.... Уѣхала... Прошло три мѣсяца—ничего. То
въ одно прекрасное утро, кажется, дней десять спустя послѣ у
ства Бобрикова—и такъ тутъ настроеніе было не изъ особенныхъ
пожалуйте: какъ снѣгъ на голову, является Nadine, безъ вещей,
однимъ саквояжемъ. Вошла въ гостиную и бацъ въ обморокъ. О
лась—въ слезы: «Что вы, говоритъ, со мной сдѣлали? Что вы с
лали?» Въ чемъ дѣло? Молчитъ. Ну, что же? Прямой скандалъ!
это время за старшую дочь сватался какъ разъ сынъ родной т
вновь назначеннаго генералъ-губернатора. Что дѣлать? Недолго
мая, подъ шумокъ, забрала я Nadine и ай-да, въ деревню!... Т
допыталась: оказалось, что у себя въ квартирѣ ея супругъ зав
чуть не игорный домъ... Всѣ цѣнности, бриллiанты, все, что б
подъ рукой, спустилъ. И въ послѣдній вечеръ—я думаю, дѣв
просто показалось—хотѣлъ будто бы поставить ее на карту. За
тамъ одинъ кавалергардъ ухаживалъ, такъ вотъ, они торговали
Она и прискакала... Но по нѣкоторымъ фразамъ я замѣтила,
это еще не все, что она что-то скрываетъ... Да!... Моя спут
на минуту задумалась и поиграла цѣпочкой. Черезъ мѣсяцъ

моя расхворалась: жаръ, сыпь. За докторомъ—ни за что! Но я всетаки пригласила своего гарнизоннаго: мы были съ нимъ очень хороши. Осмотрѣлъ. Ей ничего не сказалъ, ну, а мнѣ говоритъ: «Во-первыхъ, ваша дочь беременна, а, во-вторыхъ, заражена... И назвалъ мнѣ миленькую болѣзнь. Я, говоритъ, зналъ, что баронъ боленъ, но по долгу профессіи предупредить не могъ. А? хороша дружба!»

На минуту въ вагонѣ наступила тишина. Я не смѣла поднять глазъ: мнѣ казалось послѣ этихъ словъ, послѣ этого, можетъ быть, нечаянно вырвавшагося признанія я услышу рыданіе, увижу лицо, залитое слезами, искаженное болью, отчаяніемъ, но раздавшійся затѣмъ спокойный голосъ заставилъ меня быстро поднять голову: ни одинъ мускулъ желѣзнаго лица не двигался, прищуренные глаза по-прежнему холодно-равнодушно глядѣли въ окно.

— И что же?... Ребенокъ родился?—спросила я, чувствуя, какъ во мнѣ все леденѣетъ.

— Какъ же! Ему теперь третій годъ!—вдругъ оживилась моя спутница, и въ первый разъ что-то, похожее на нѣжность, прозвучало въ голосѣ.—Прелестный мальчишка! Локоны до сихъ поръ, большіе глаза—красавчикъ. На видъ цвѣтущій, только нѣтъ-нѣтъ да и появится сыпушка... Можетъ быть, пройдетъ. Говорятъ, нужно везти на воды, лѣчить, но вѣдь на это средства нужны, а этотъ господинъ ничего дать не можетъ: у него, видите ли, долги и жалованья еле хватаетъ. Хотя въ этомъ году, напримѣръ, онъ получилъ прекрасную командировку: въ Прибалтику, на усмиреніе. Могъ бы, кажется, позаботиться!... Нѣтъ: прислалъ только въ видѣ подарка женѣ сѣрый суконный костюмъ, шляпку, правда, очень миленькую, со вкусомъ, и боа. Nadine не хотѣла брать, но я сказала: у него такъ много нашего, что не грѣхъ принять отъ него эту дребедень. Вѣдь вся обстановка у него осталась. Я каждый разъ, какъ пріѣзжаю въ Петербургъ—воюю и уже непремѣнно что-нибудь да увезу изъ мелочей, все пригодится. Нисколько мнѣ не интересно, чтобы этотъ прохвостъ моими вещами пользовался. У него, напримѣръ, все бѣлье осталось, столовое и постельное... изъ чистаго полотна, съ прошивками.

— Но неужели послѣ всего этого вы... вы...—я искала и не находила словъ,—продолжаете поддерживать отношенія...

Моя спутница слабо передернула плечами.

— Que voulez vous! Нельзя же затѣвать скандалъ. У него съ мужемъ тамъ какіе-то счеты... Этотъ человѣкъ способенъ на все.

— Но вѣдь у васъ есть сыновья... Какъ же они?

— Ахъ, младшій еще совсѣмъ ребенокъ, только что про-
денъ, а старшій?... Да, старшаго, къ сожалѣнію, нѣтъ: его у
на войнѣ.

На одно проходящее мгновеніе точно сѣрое облако пробѣжало
лицу, взглядъ ушелъ куда-то далеко, тяжелый, угрюмый. На
проходящее мгновеніе что-то похожее на грусть мелькнуло въ
кихъ чертахъ, сжало горькой складкой губы, но уже въ томъ,
былъ поднесенъ къ глазамъ платокъ, и въ дрожи голоса, и во
хѣ была привычная манерность.

— Ахъ, мой Woldemar былъ необыкновенный!... Правда,
бенной красотой онъ не отличался, только глаза были такіе кра
вые: темные, большіе, печальные... Да, но характера ангельск
И такой либеральный: всегда о чемъ-нибудь страдалъ... Я ужъ
говорила мужу, что изъ него лучше бы вышелъ статскій: онъ,
жду прочимъ, чудно игралъ на скрипкѣ... Для военнаго всетаки
на эта элегантность, этотъ...—она не безъ увлеченія прищелкну
пальцами,—шикъ! А онъ у насъ дикарь-дикаремъ росъ: насто
красная дѣвица; его даже такъ и въ полку звали. Очень они съ
цомъ характерами не сходились. Представьте: сынъ былъ прот
дѣятельности моего мужа... Бывало, такія исторіи выходили—
хоть водой разливай. А тутъ еще эта несчастная свадьба съ ба
номъ. Ахъ, какъ Woldemar его ненавидѣлъ, дрожалъ весь...
шій поводъ. Но баронъ всегда умѣлъ такъ дѣло повернуть, что
драться было не къ чему: милъ, любезенъ, предупредителенъ,
что въ концѣ-концовъ мы всѣ ополчились на Woldemar'а и му
даже назвалъ его поведеніе «некорректнымъ». Ну, а для офицера
много значитъ. Послѣ свадьбы онъ совсѣмъ расхворался, а какъ
здоровѣлъ, сейчасъ же уѣхалъ на войну. Всегда онъ странност
отличался, а тутъ ужъ совсѣмъ что-то непонятное для меня слу
лось: могъ преспокойно оставаться въ тылу, повышеніе и орд
получить и, такъ сказать, пороху понюхать, ужъ если непремѣ
захотѣлось. Снабдили его рекомендательнымъ письмомъ къ гла
командующему, и что же вы думаете! По личному желанію на пе
довыя позиціи уѣхалъ. Оставляли его, уговаривали,—ни за
Шесть верстъ пѣшкомъ за воинскимъ поѣздомъ бѣжалъ и нагна
Я и-то говорю: смерть свою нагналъ. Пріѣхалъ какъ разъ нака
сраженія... Съ нимъ въ одной фанзѣ нашъ общій знакомый докт
спалъ, такъ онъ подробно описалъ намъ послѣднюю ночь моего сы
потому что намъ Woldemar не успѣлъ написать ни строчки. Ока
вается, что предчувствіе у него было: онъ всю ночь шагалъ по
зѣ и все курилъ, курилъ. А когда стало разсвѣтать, къ двери

шелъ, взглянулъ такъ на зорю и задрожалъ. «Завтра, говоритъ, меня не будетъ». Отвернулся и заплакалъ. И представьте себѣ, на слѣдующій день однимъ изъ первыхъ бросился въ аттаку и первый упалъ среди своихъ. Безъ звука, безъ крови. Думали: обморокъ. Только когда разстегнули мундиръ, немного повыше лѣвой груди, такъ, маленькая ранка оказалась; значитъ—внутреннее кровоизліяніе произошло. И когда, говоритъ, его на носилки положили, лицо у него было блаженное, улыбка на губахъ. Голова запрокинулась и глаза въ небо уставились. А онъ улыбался такъ рѣдко... Тутъ же его и похоронили.

Опять стало тихо. За окномъ плыли теплые, насыщенные солнцемъ снѣга, разстилались дали, окаймленныя кружевомъ темныхъ лѣсовъ, затканныя серебристо-лазурнымъ блескомъ, дрожащія робкимъ и сладкимъ ожиданіемъ весны. Къ ней навстрѣчу тянулись сочно-зеленые побѣги молодыхъ елокъ, трепетныя короны сосенъ, подъ ея дыханіемъ уже готова была распасться хрусткая кора снѣговъ и гулкій звонъ ручьевъ смѣнить торжественное молчаніе.

И мнѣ, чужой, далекой женщинѣ такъ нестерпимо, такъ больно хотѣлось плакать передъ какой-то загадкой, странной и печальной, положенной вмѣстѣ съ молодой жизнью въ далекую могилу.

А моя спутница, грузно и мѣрно покачиваясь на подушкахъ, внимательно застегивала разомкнувшуюся на браслетѣ цѣпочку.

— Ужасно досадно,—продолжала она такъ, какъ продолжаютъ интересный разговоръ,—что намъ ни одной вещи сына не вернули. У него были два чудныхъ револьвера, турецкая сабля мужа, въ нѣкоторомъ родѣ семейная реликвія, походный ларецъ, да въ поясъ я ему собственноручно зашила сотни двѣ золотыхъ. Куда все это дѣлось—неизвѣстно. Очевидно, свои же милые товарищи воспользовались!

Мнѣ казалось: еще минута—и я не выдержу, задохнусь отъ звуковъ этого деревяннаго голоса, отъ близости этой женщины и всей ея жизни, вдругъ пахнувшей на меня всѣмъ своимъ темнымъ ужасомъ. Мнѣ казалось, что по гладко полированному паркету, по важной анфиладѣ комнатъ меня провели и толкнули на душные задворки, гдѣ скрыто проходитъ та грязная работа, о которой тамъ, на верандахъ и въ свѣтлыхъ комнатахъ, никто не долженъ догадываться.

Извиняясь за головную боль, я вышла изъ купэ. Къ счастію, мы подъѣзжали. Уже передъ самымъ Выборгомъ моя великолѣпная, въ своей бархатной шубѣ и громоздкой шляпѣ, съ громаднымъ ридикюлемъ въ рукахъ, спутница выплыла въ коридоръ и протянула мнѣ свою визитную карточку:

— Вотъ, пожалуйста. Если когда-нибудь вздумаете провес лѣто въ Финляндіи—милости просимъ. У меня сдаются дачи. Чу ное мѣстоположеніе, купанье, всѣ удобства... Избранное общест Въ прошломъ году, напримѣръ, у насъ жилъ графъ И. съ супр гой, N. N. — она назвала редактора-издателя крупной газеты,— милѣйшій человѣкъ. Благодаря ему, мужъ мой имѣетъ теперь пр ватный заработокъ: пишетъ замѣтки о Финляндіи... Конечно, псев нимъ...—кокетливо-таинственно добавила она.

— Нужно же намъ знать правду о нашихъ лояльныхъ сосѣдя Не все же ихъ по головкѣ гладить!

Поѣздъ подошелъ къ станціи. Мы раскланялись. И долго еще п томъ я слѣдила за высокой фигурой, плывшей по платформѣ съ н пыщенной важностью. Какъ высоко была поднята голова, украш ная панашемъ трепещущихъ перьевъ, какъ по начальнически взд нуты плечи и выдвинута грудь. Какъ презрительно щурились гла и какое властное высокомѣріе выражало тяжелое лицо съ презр тельно выпяченной нижней губой. «О, мы еще постоимъ за себя говорила вся эта фигура, привычнымъ, безцеремоннымъ движені раздвигавшая толпу. «Мы еще посмотримъ: кто кого!» А круго двигалась, спѣшила толпа, уже совсѣмъ не похожая на ту, котора быстро озираясь, выходила на крытыя платформы изъ дверей м ленькаго вокзала подъ перекрестнымъ огнемъ острыхъ взглядовъ, напряженномъ жуткомъ молчаніи надвигающейся бури. Тутъ все ш мѣло, двигалось, какъ живой потокъ: слышались веселые возглас мелькали широкія, увѣренныя движенія. У одного изъ вагоновъ ц лая толпа молодежи провожала какого-то высокаго старика и строй спѣвшимися голосами исполняла національный гимнъ. А въ возду такъ мягко пахло талымъ снѣгомъ, такъ звонко весело падала с крышъ золотая капель. Подъ звуки гимна тронулся поѣздъ, уше въ объятья ласковаго блѣднаго неба, смолисто пахнущихъ сосновы лѣсовъ...

...А вечеромъ въ купэ заглянулъ мѣсяцъ, какъ тихое пр вѣтливое лицо, и тонкими узорчатыми тѣнями, неяснымъ колых ніемъ наполнилъ одиночество. И казалось, что тамъ, на этой ти блѣдной планетѣ, стоящей высоко надъ землей, царитъ такой д ный, такой торжественно сладкій покой. Скованная, убаюкан мысль застывала и мѣрныя серебристыя волны нѣжно несли и у сили ее въ безвѣстныя дали, гдѣ терялись границы и въ зыбк мрѣющемъ туманѣ тонули горизонты... Все дальше въ прозрачну мглу сѣверной ночи мчался поѣздъ, и бѣгъ поѣзда, какъ грохочу звуки водопада, заполнялъ бѣлую чуткую тишину...

. . . .

И вдругъ тамъ, гдѣ утромъ передо мной сидѣла фигура съ темнымъ лицомъ и гдѣ теперь колыхались лунные узоры, стали обрисовываться волнистыя убѣгающія очертанія, неясныя тѣни. И я уже знала, что тамъ, прижавшись въ уголъ, сидитъ маленькая блѣдная женщина, съ сверкающими на груди голубыми бриллiантами. Маленькая женщина тихо кивала головой, и въ неустанный грохотъ колесъ, въ неустанное колыхающееся движеніе вплетался тонкій жалобный шопотъ: «Что вы со мной сдѣлали? Что вы сдѣлали?» Въ безсильномъ отчаяніи протягивались руки и рвали мягкую бѣлую ткань и обнажали нѣжное дѣтское тѣло, изъѣденное чернотой зловѣщихъ пятенъ... И руки матери качали живой трупъ ребенка, прижимали къ груди, и глаза роняли слезы, изъ которыхъ каждая была голубымъ сверкающимъ бриллiантомъ...

Опять уплывали очертанія, и свѣтлый лучъ колебался на малиновомъ бархатѣ дивана, и мѣсяцъ стоялъ гдѣ-то высоко, высоко, и внизу тѣни густѣли чернильными пятнами. И темный, у окна уже стоялъ поручикъ Т. и глядѣлъ передъ собой въ ту сторону, гдѣ, едва уловимый, на краю горизонта уже разливался теплый розоватый свѣтъ.

Но не родныя картины разныхъ лѣсовъ—песчаныя поля стелили за окномъ свои тусклыя покрывала, и не жизнь, а смерть пѣла въ душѣ свою пѣснь, сжимала еще трепещущее сердце ледянымъ дыханіемъ. И, можетъ быть, въ послѣдній разъ, въ порывѣ неизбѣжности и отчаянія мысль обращалась туда, гдѣ далекое лежало то, что называлось родиной, семьей, отчизной и въ предсмертномъ ужасѣ, какъ бѣдная, затерявшаяся птица надъ бушующемъ моремъ, силилась найти одну, одну твердую точку, чтобы прижаться къ ней, замереть, на одну проходящую минуту сложить измученныя крылья. Можетъ быть, въ послѣдній разъ, въ горячемъ порывѣ любви билось сердце и летѣло назадъ и ударялось о нѣмую, холодную стѣну, и падало, обливаясь кровью, въ бездонную пропасть темнаго ужаса... Тамъ красавецъ баронъ холеными руками выбрасывалъ на зеленое поле звенящее золото, и концемъ лакированнаго сапога толкалъ вѣнчальные цвѣты, и отравленными губами касался трепещущихъ губъ... Тамъ ловкими руками, съ тонкой улыбкой на желѣзномъ лицѣ, мать стелила дорогія простыни на брачную постель-саванъ дочери и зашивала въ поясъ сыну блестящія монеты... въ дорогу, въ дальнюю послѣднюю дорогу. Тамъ крадущимися шагами, по змѣиному изгибая низко склоненную голову, входилъ отецъ по краснымъ коврамъ въ пріемные покои и тамъ въ этихъ роскошныхъ свѣтлыхъ покояхъ вмѣстѣ съ другими начиналъ ткать паучью сѣть надъ соб-

ственной родиной и разсылалъ сотни бумажныхъ бездушныхъ при-
казовъ о томъ, какъ возможно лучше испортить жизнь людямъ...
Тамъ въ блескѣ свѣчей, гулѣ голосовъ и искристомъ пьяномъ кру-
звуковъ кружились сплетенныя пары, мелькали бѣлокурые проборы,
прозрачныя плечи, вѣяли легкія опахала... А ночью, когда во
смолкало и затягивалось трауромъ тишины, гдѣ-то раздавались зло-
ные голоса, въ чемъ-то упрекавшіе другъ друга... И отецъ шагалъ
по кабинету прежними крадущимися шагами, а за нимъ неотступ-
ходилъ блѣдный измученный сынъ. И сынъ все говорилъ и говорилъ
о томъ, что ихъ открыто зовутъ измѣнниками отечества, что жизнь
ихъ ужасна и противна, что сестра несчастна, что онъ такъ дольше
жить не можетъ, не долженъ... Отецъ шагалъ по кабинету, какъ
змѣя изгибая плоскую голову, и сердито сопѣлъ, называлъ сына
мальчишкой и безумцемъ, приказывалъ ему молчать...

Я видѣла, какъ въ беззвучномъ рыданіи тряслись согнутыя
плечи юноши, какъ руки его судорожно закрывали лицо!

И уже не было стѣнокъ вагона, ни блѣднаго высокаго мѣсяца,
ни шума колесъ...

Металлически-яркій день обнималъ подмукденскую желтовато-
сѣрую равнину; бухали орудія; двигались сѣрыя массы войскъ; несли
кого-то на носилкахъ... Запрокинувъ голову, со сложенными на
груди руками лежалъ поручикъ Т. и улыбался такъ, точно под-
закрытые глаза его, устремленные въ вышину, видѣли то необычайно
радостное, о чемъ уже не могли сказать застывшія во вздохѣ губы,
что было такъ далеко и чуждо духотѣ и смраду окружавшей его жиз-
ни, отъ которой онъ въ ужасѣ бѣжалъ...

Пронзительный свистъ спугнулъ видѣнье, разрѣзалъ мысли. Я
открыла глаза. Свѣтлое утро глядѣло въ окно. Поѣздъ подходилъ
къ Гельсингфорсу.

О. Н. Хрѣнникова.

ВОСПОМИНАНІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ТЮРЕМНОЙ ШКОЛЫ.

Цѣлый часъ везъ меня извозчикъ по городскимъ плохо вымощеннымъ улицамъ и переулкамъ, потомъ по грязному и вонючему предмѣстью города; наконецъ-то, слава Богу, мы выѣхали совсѣмъ за городъ, и теперь уже до конечной цѣли моего путешествія осталось немного: только вотъ спуститься подъ эту гору, проѣхать площадь, а тамъ и тюрьма. Само зданіе тюрьмы ничего изъ себя интереснаго не представляетъ; выстроено оно по общему шаблону всѣхъ подобныхъ зданій: массивно, грубо, мрачно, окрашено въ грязно-желтый цвѣтъ, обнесено высокой каменной стѣной, съ полукруглыми воротами посрединѣ,—словомъ, все говорило, что этотъ каменный мѣшокъ, названный тюрьмою, выстроенъ не для удобства людей, а для неволи и печали. Извозчикъ по мѣрѣ приближенія къ тюрьмѣ замедлялъ все болѣе и болѣе шагъ своей утомившейся лошадки, не то жалѣючи ее, не то въ какомъ-то раздумьи, и вѣдь на самомъ дѣлѣ было о чемъ призадуматься. Кругомъ за городомъ оживающая и все оживляющая весенняя природа создавала какое-то особенное настроеніе; подъ ногами уже не мостовая плохо выровненная, а сочная зеленая травка, на которой немало виднѣлось желтенькихъ цвѣточковъ; пыль, вырывавшаяся изъ-подъ копытъ нашей лошади, казалась свѣтлой и золотистой на яркомъ весеннемъ солнцѣ. Невдалекѣ виднѣлись стройные пирамидальные тополя еще желтовато-зеленаго цвѣта, но уже ежеминутно готовые развернуть во всю красу свои душистыя смолистыя почки. Воздухъ тепелъ, чистъ и напоенъ запахомъ распускавшейся листвы. Весеннее солнце своими яркими, теплыми лучами проникаетъ всюду: какъ въ нѣдра земли, чтобы разбудить тамъ жизнь, такъ и въ глубину человѣческихъ сердецъ, чтобы вселить тамъ вновь вѣру въ лучшее будущее и въ счастіе людей. Но вотъ уже передъ нашими глазами и стѣны тюрьмы. Вблизи она еще мрачнѣе и выше.

У самыхъ воротъ въ тѣни, отбрасываемой стѣной, ходитъ апати фигура часового, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, съ строгимъ, кимъ-то одеревянѣлымъ выраженіемъ лица. Вглядываясь присталь въ эту автоматически шагавшую фигуру часового, можно усомнит ся, дѣйствительно ли видишь передъ собою живого человѣка, а автомата, заведеннаго на опредѣленные часы. Казалось, что вотъ-во заводъ у этой машины-автомата кончится, и онъ непремѣнно свали либо въ ту, либо въ другую сторону. Когда извозчикъ останови часовой сталъ дѣлать шаги еще короче, еще чаще, какъ маятникъ часахъ, которые забыли завести и которые сейчасъ должны оста виться. Но время не ждало. Часъ, къ которому я должна была яви ся въ тюрьму на свой первый урокъ, уже немного просроченъ, потому слѣдовало торопиться. Красное, потное, но довольное ли извозчика съ широко-благодушной улыбкою обратилось ко мнѣ, смотря, какъ я отсчитываю деньги на ладонь, онъ спросилъ:

— Обождать, что-ль, тебя, барыня,—небося, назадъ-то скоро ѣдешь?

— Нѣтъ, не жди,—поѣду не скоро, часовъ черезъ пять.

— Ну-у, это чего же такъ долго-то? Пріему у нихъ больше 1 аль 20 минутъ не положено.

— Я учительница... я не на пріемъ.

— Учи-и-тельница! вишь ты, дѣло какое,—искренно удив мой извозчикъ.—Учительница, говоришь... да кого же ты т учишь-то, аль ребятъ здѣсь много?—выспрашивалъ извозчикъ, казывая рукою на тюрьму и приподымаясь на своемъ сидѣньи, бы желая заглянуть за высокую стѣну тюрьмы и увидать все та неясное для себя.

— Да я большихъ учу, а не дѣтей.

— Большихъ? Это, значитъ, бабъ тамъ разныхъ и мужико Вотъ оказія-то... а я и не слыхивалъ... Да чему же ты тамъ учишь-

Я поторопилась подойти къ воротамъ, потому что больше не тѣла разговаривать съ извозчикомъ, и такъ времени потеряно не Часовой при моемъ появленіи у воротъ вытянулся, опустилъ ру и грубымъ, деревяннымъ голосомъ спросилъ:

— Кого надо?

— Я учительница.

— Билетъ?

Я показываю пропускной билетъ ему, и онъ, удовлетвори этимъ, дернулъ за цѣпь въ воротахъ и тѣмъ далъ знать о вновь бывшей. Тамъ не торопились и потому пришлось подождать еще сколько минутъ у воротъ тюрьмы. Между тѣмъ извозчикъ, при

[м]еня, не могъ придти въ себя отъ изумленія, что въ тюрьмѣ чему-то [у]чатъ, а любопытство его видимо мучило; онъ обратился съ вопро[с]омъ уже къ часовому:

— Слышь, почтенный, она сказывала — учительша, чему-жъ [п]римѣрно у васъ здѣся учатъ-то, ась?

— Пошелъ,—былъ отвѣтъ часового.

— Чего «пошелъ»-то, это я и безъ тебя знаю, а ты скажи, о чемъ [с]прашиваю-то... что вы не люди, что-ль, прости Господи, колодой-то [п]редставляешься?

Съ внутренней стороны двора послышались тяжелые шаги по ка[м]еннымъ плитамъ, и въ круглое отверстіе въ воротахъ показалось [л]ицо солдата, который сурово спросилъ:

— Еще привезли?

— Въ школу, отворяй!

Засовы заскрипѣли, застучали, послѣ чего отворилась маленькая [к]алиточка въ воротахъ и впустила меня во внутренній дворъ.

— Дежурный, веди въ школу,—возвѣстилъ тотъ же суровый и [г]рубый голосъ солдата, и меня передали еще новому лицу.

Однако, невольно думалось, не особенно пріятно играть роль вещи, [к]оторую передаютъ изъ рукъ въ руки; правда, передача не осяза[т]ельная, но всетаки...

— За мной идите!—обратился ко мнѣ съ этими словами мой [н]овый провожатый и повелъ меня куда-то.

Сначала мы прошли весь первый дворъ, потомъ черезъ такую же [к]алитку вышли во второй дворъ, который былъ такъ же, какъ и пер[в]ый, обнесенъ кругомъ высокой каменной стѣной, но у́же и тѣснѣе [п]ерваго, хуже мощенъ, отчего мѣстами прорѣзывалась между кам[н]ями зеленая травка. Всѣ мрачныя тюремныя зданія какъ-то скучи[л]ись по правую сторону этого двора, а лѣвая только каменной стѣ[н]ой отдѣлялась отъ широкаго просторнаго поля. Вотъ почему солнце [х]орошо свѣтило и обогрѣвало этотъ дворъ и тѣмъ дѣлало его болѣе [ж]ивымъ и менѣе мрачнымъ. Солдатъ, ведшій меня, обратился ко мнѣ [с]ъ словами:

— Не задерживайтесь... здѣсь нельзя задерживаться.

Да я, кажется, и не задерживалась; но нельзя же пройти, не [о]братив внимания на то, что первый разъ видишь, тѣмъ болѣе, что [д]воръ былъ полонъ народомъ; было время прогулки уголовныхъ аре[с]тантокъ, и онѣ группами раздѣлились по двору: однѣ группы ходили, [д]ругія сидѣли на солнцѣ и о чемъ-то весело говорили и смѣялись, [т]ретьи что-то сильно кричали и подбрасывали что-то вверхъ.

— Что это, игра?—невольно вырвалось у меня.

— Разговаривать не полагается,—отвѣтилъ мой спутникъ.

Такъ прошли весь второй дворъ, въ концѣ котораго была деревянная грязная лѣстница; по ней мы должны были подниматься также безмолвно и сосредоточенно, чтобы войти въ главный коридоръ тюрьмы и изъ него уже пройти въ школу. Коридоръ оказался настолько теменъ, что первое ощущеніе получалось такое, какъ будто бы мы вошли въ подземелье; темнота первое время кажется абсолютной; невольно вытягиваешь впередъ себя руки, чтобы съ помощью осязанія найти дорогу, куда слѣдуетъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, понемногу приглядываешься и начинаешь различать асфальтовый полъ коридора, сводчатый потолокъ и стѣны, которыя для экономіи выкрашены на высоту сажени въ черный цвѣтъ. Какъ сѣрыя пятна, на черныхъ стѣнахъ выдѣлялись двери камеръ съ ихъ неизмѣннымъ круглымъ отверстіемъ. Запахъ въ коридорѣ былъ невыносимый: смѣсь амміака, сѣроводорода и какой-то прѣлости составляли специфическій букетъ его. Смотрѣть и дышать было донельзя съ непривычки трудно. Часъ прогулки арестантокъ еще не кончился и потому камеры были почти пусты; оставались въ нихъ, какъ выяснилось потомъ, только тѣ, кто былъ наказанъ или боленъ. Когда немножко оріентировалась уже въ полумракѣ коридора, явилось желаніе заглянуть въ одно изъ круглыхъ отверстій камеръ: вѣдь и тамъ есть жизнь,—какова она? Осторожно проходя мимо одной двери, я остановилась противъ нея. Какъ разъ въ этотъ моментъ въ кругломъ отверстіи показывается одинъ, два, три глаза: одинъ лихорадочно блестящій, другой весь опухшій, со слезой, а третьему глазу, очевидно, очень трудно устроиться такъ, чтобы можно было смотрѣть въ глубь коридора: онъ то покажется, то исчезнетъ.

— Не пихайся, чортова баба!

— А ты чего прилипла къ двери-то? Вотъ погоди попадетъ тебѣ по мордѣ-то!

Слышатся сдавленный голосъ и полушопотъ. Я прячусь за стѣну и ухожу съ ихъ поля зрѣнія.

— Ушла... куда же она дѣвалась-то? А видѣла, кака жакетка-то на ней?

Заговорить я не рѣшалась, а глядѣть въ упоръ на эти большіе глаза—страшно. Но вотъ, слава Богу, я не одна здѣсь: въ коридорѣ показывается сразу пять или шесть фигуръ мнѣ подобныхъ,—очевидно, тоже учительницы. Мы познакомились.

— Ну, вотъ и хорошо: насъ стало больше, а то ученицъ [illegible] много, а учительницъ совсѣмъ мало, что тутъ сдѣлаешь?

— А сколько ученицъ?

— Да, говорятъ, полтораста. Впрочемъ, ихъ и усчитать очень трудно.

— Почему же трудно?

— Да вотъ запишутся, напримѣръ, 40 человѣкъ, а черезъ день изъ нихъ человѣкъ 20 вышлютъ въ провинціальныя тюрьмы,—вѣдь здѣшняя тюрьма всегда переполнена,—а изъ оставшихся 20 кого увели на допросъ, кого въ прачечную, кого къ политическимъ—служить; вотъ онѣ числятся ученицами, а на занятіяхъ ихъ нѣтъ; даютъ вамъ опять новыхъ ученицъ, съ ними—та же исторія. Всетаки школа никогда не пустуетъ: ученицы всегда есть, а учительницъ нехватаетъ.

— Но вѣдь, судя по тому, съ какимъ трудомъ утверждаютъ учительницами въ тюремную школу, можно думать, что контингентъ учительницъ долженъ быть постояннымъ?

— Это далеко не такъ: очень многія учительницы не выдерживаютъ тюремной обстановки и бросаютъ школу.

— Отчего же не выдерживаютъ?

— Это трудно сказать... не выдерживаютъ этой вони, которую вы слышите сейчасъ, да и вообще тюремный режимъ сильно дѣйствуетъ на нервы.

— Но вѣдь во всякомъ дѣлѣ есть хорошія и дурныя стороны. Положимъ, здѣшняя обстановка не располагаетъ къ занятіямъ, но зато сами ученицы, я представляю себѣ, съ какимъ онѣ интересомъ относятся къ занятіямъ; вѣдь эти занятія и общеніе съ людьми изъ другого для нихъ міра отвлекаютъ ихъ мысли отъ гнетущей дѣйствительности, даютъ вѣру въ лучшее будущее и т. д.

— Конечно, вѣрить въ это стоитъ, а потому и работать; но я довольно безнадежно смотрю вообще на тюремныя школы. Если ошибусь въ этомъ, то буду очень рада, а пока, что же мы теряемъ время-то? вѣдь уже давно пора начать занятія! да гдѣ же наша завѣдующая? я ее уже видѣла... а, да вотъ и она.

Моя собесѣдница махнула мнѣ рукой и быстро пошла навстрѣчу еще новымъ для меня лицамъ. Я осталась одна со своими мыслями и впечатлѣніями. Въ головѣ цѣлымъ роемъ поднимались вопросы за вопросами; какъ ихъ разрѣшить? Вѣдь, дѣйствительно, какая разница, если свободные люди приходятъ къ тебѣ съ просьбою обучить ихъ грамотѣ и ты ихъ учишь, или если ты приходишь учить людей, лишенныхъ всякой свободы. Даемъ ли мы имъ облегченіе? Не навязываемъ ли мы имъ себя и свои занятія съ ними? Да и что это за люди, запертые здѣсь? Говорятъ, они преступники, а потому вредные члены для общества, вотъ почему ихъ заперли въ этомъ камен-

номъ мѣшкѣ, который долженъ исправить ихъ и выпустить на волю, по прошествіи нѣкотораго времени, выпустить—въ ту же обстановку, въ тѣ же жизненныя условія, среди которыхъ они и совершили свои преступленія. Но что же здѣсь можетъ ихъ исправить? Трудно вообразить себѣ, чтобы эти мрачныя тюремныя стѣны, эти вонючія камеры (вѣдь изъ нихъ же несетъ такимъ зловоніемъ), это отсутствіе воздуха и свѣта дѣйствовали благопріятно на души людей и заставляли ихъ раскаиваться въ ихъ преступленіяхъ вольныхъ, а чаще, вѣроятно, невольныхъ. Но, можетъ быть, для распущенныхъ людей нуженъ опредѣленный, строгій режимъ, который и заставляетъ человѣка придти въ нормальное состояніе? Вѣдь для душевно-больныхъ существуютъ же больницы съ полной изоляціей отъ внѣшняго міра, и больные выздоравливаютъ. Впрочемъ, въ больницахъ все-таки лѣчатъ организмъ больного, слѣдя за болѣзнью, а здѣсь что же дѣлается для того, чтобы изъ преступнаго человѣка сдѣлать работящаго, здороваго? Мои размышленія были прерваны: передъ глазами стояла фигура, одѣтая во все черное. Черный платокъ на головѣ рѣзко очерчивалъ блѣдное, изнуренное лицо, черная узкая юбка и черная же страннаго фасона кофта, похожая на мужской сюртукъ, обшитый у ворота и на рукавахъ галуномъ, кожаный поясъ, на которомъ съ боку висятъ массивные ключи на замкнутой цѣпи... Эта скорѣе фигурка, чѣмъ фигура, сразу отрекомендовалась мнѣ:

— Я здѣсь надзирательница, а вы—новая учительница, такъ вотъ занятія будутъ вотъ въ этой камерѣ.

Съ этими словами она отперла одну изъ камеръ, распахнула ея дверь и довольнымъ голосомъ сказала:

— Я ее сегодня отлично провѣтрила, даже вынимала раму.

Камера, отведенная подъ школу, была довольно большая, сравнительно даже чистая, если не считаться съ щелями въ полу, въ которыя набилась плотно грязь такимъ слоемъ, что какъ будто полъ въ щеляхъ былъ смазанъ какой-то черной замазкой. Эта камера имѣла 3 окна по одной стѣнѣ. Окна были не совсѣмъ обыкновенныя и потому обращали на себя вниманіе: откосые подоконники, чугунныя рѣшетки въ рамахъ. Короткія въ высоту и широкія поперекъ окна помѣщались въ стѣнахъ на высотѣ сажени отъ пола, не меньше. Отъ этого и освѣщеніе въ камерѣ падало сверху внизъ и придавало всему какой-то сѣроватый оттѣнокъ. Вдоль стѣнъ на шарнирахъ были прикрѣплены рѣшетчатыя нары, которыя днемъ опускались и принимали висячее положеніе, а ночью подымались, и на нихъ клались незатѣйливые, въ два пальца толщиной, набитые соломой матрацы. У противоположной нарамъ стѣны на день ставились деревянные столы,

скамейки, которые собою замѣняли намъ и ученицамъ нашимъ парты. Въ одномъ углу камеры помѣщался небольшой скромный школьный шкафъ съ учебными пособіями и съ небольшой библіотечкой. Вся эта незатѣйливая и болѣе, чѣмъ скромная, мебель здѣсь въ тюрьмѣ была роскошью, и эту роскошь ввела и узаконила школа, которой пришлось отвоевывать у тюремнаго начальства право существованія въ камерѣ каждой скамейки, каждаго стола. Одно грустно, что школѣ не пришлось отвоевать права существованія въ камерахъ какой-либо вентиляціи, отчего сильно страдали и заключенные и временные посѣтители тюрьмы.

Гулъ голосовъ въ коридорѣ отъ возвращавшихся съ прогулки арестантокъ заставилъ вспомнить меня о дѣлѣ. Я подошла къ группѣ учительницъ, которыя уже окружили завѣдующую школой и въ перебой осыпали ее просьбами, различными вопросами, сообщеніями и тому подобными вещами. Ухо улавливаетъ то отдѣльныя мысли, то цѣлыя исторіи, высказанныя въ короткихъ просьбахъ учительницами:

— У меня ученица X. не подходитъ къ группѣ,—переведите ее, а мнѣ дайте другую.

— Моя ученица больна, легла въ больницу, проситъ книгу туда, разрѣшите?

— Чуть не вся группа моя ушла работать въ прачечную, дайте мнѣ поэтому новыхъ ученицъ, а оставшихся двухъ возьмите.

— Ученица Т. просила похлопотать, чтобы не высылали ее въ провинціальную тюрьму, а оставили здѣсь; она хочетъ учиться,— здѣсь школа.

— Какъ быть, ученица Ш. очень просила меня сдѣлать справки, вѣдь она еще подслѣдственная, а уже сидитъ два года, когда, наконецъ, будетъ разбираться ея дѣло.

— Я желала бы взять новую группу: мои всѣ ученицы бросились на новый заработокъ, устроенный здѣсь въ тюрьмѣ, мѣшки или пакеты клеить для завертыванія въ лавки товара. Представьте себѣ, получаютъ за это одну копейку съ пуда, скоро ли пудъ мѣшковъ такихъ склеишь!

— Неудивительно: въ прачечной онѣ получаютъ не больше какъ отъ 3 до 5 коп. въ день.

— Моя ученица (такая-то) скоро выходитъ изъ тюрьмы и потому просила меня объ обуви, вѣдь у ней ноги простуженныя, больныя, а обуви нѣтъ.

Подобныя сообщенія градомъ лились на завѣдующую нашей тюремной школы; приходилось удивляться, какъ только хватало вре-

мени и силъ, чтобы разобраться въ этихъ сообщеніяхъ, и как
образомъ можно удовлетворить просьбы.

Но вотъ и сами ученицы налицо. По двѣ и по три довол
чинно входятъ въ двери школьной камеры ученицы-арестантки.
стюмы у всѣхъ одинаковые, но видъ у всѣхъ разный. Полоса
холщевое платье, такой же передникъ и бѣлый платокъ на го
вотъ и весь ихъ незатѣйливый костюмъ. Но видъ нѣкоторыя
щины въ этихъ костюмахъ имѣли прямо ужасный.

Дѣло въ томъ, что тюремные костюмы шьются на одинъ объ
и на одинъ ростъ; отъ этого для одной платье было очень длинно
широко, для другой, наоборотъ, слишкомъ коротко и узко, такъ
на груди и въ таліи у нѣкоторыхъ женщинъ платье не сходилось
всѣмъ: если бы не передникъ, который завязывался сзади, то, я по
гаю, такое платье не трудно было бы потерять. Бѣлые платки на
ловѣ были сѣры отъ копоти и грязи. Лица то изнуренныя, ху
то отечныя, распухшія, какого-то желто-сѣраго цвѣта. Впроче
были лица совершенно молодыя, здоровыя, съ яркимъ румянцем
щекахъ и съ бойкими, живыми глазами; но такихъ немного, и
какъ-то затеривались на общемъ грязно-сѣромъ фонѣ. Съ больш
вниманіемъ всматриваешься въ лица арестантокъ,—вѣдь онѣ
не совсѣмъ обыкновенные: онѣ или душевно-больные, или же пр
преступные люди, вредные общественные элементы; вотъ поэт
онѣ и заперты здѣсь и несутъ за свои преступленія должную
Но нѣтъ,—это ихъ такъ заклеймили; а на самомъ дѣлѣ не мо
быть, чтобы вотъ эти двѣ миловидныя и очень юныя дѣвушки со
шили какое-нибудь преступленіе: онѣ такъ юны, такъ наивно
ихъ глаза и такъ онѣ весело болтаютъ что-то, прижимая кн
крѣпко къ груди,—вѣроятно, о книгѣ же и говорятъ; не могутъ
быть вредными общественными элементами.

— Кто эти двѣ миловидныя дѣвушки?—спрашиваю я у од
учительницы.

— Ахъ, вотъ эта, да? это моя ученица, преспособная, пре
какая головка.

— Да, я хотѣла бы знать, за что она здѣсь содержится, т.
какое преступленіе она сдѣлала?

— Это дѣтоубійца, въ Сибирь пойдетъ!—тихо и скоро прого
рила учительница и ушла отъ меня.

— Ну, а другая-то кто съ ней, другая за что содержится зд

Хотѣлось отъ какого-то жгучаго чувства внутри даже крикну
но ко мнѣ подошла другая учительница и попросила меня зан
съ ея ученицами: у ней есть группа и подгруппа.

— Такъ вотъ, пожалуйста, займитесь съ подгруппою, а то я какъ не могу выбрать времени, чтобы объяснить моимъ старшимъ ленiе.

Я изъявила свое согласiе, но всетаки—кто же это вторая-то милоцная дѣвушка? Я отправилась къ школьному шкапу, чтобы взять нужное для занятій и опять спросила свою сосѣдку объ интереющей меня дѣвушкѣ.

— О, это замѣчательная дѣвица: она воровка-рецидивистка; ей лѣтъ, а она уже четвертый разъ въ тюрьмѣ, теперь ее, вѣроятуже вышлютъ. Говорятъ, она замѣчательно ловкая воровка.

Вотъ что я услышала. Какъ это все не согласуется съ миловидй внѣшностью! по лицамъ судя, это вѣдь еще совершенныя дѣти. вотъ и моя временная группа. Всего учелицъ у меня только три. ѣ изъ нихъ уже совершенно пожилыя, а третья много моложе. У ой подвязана щека, вѣроятно болятъ зубы, у другой—завязано ло, и она говоритъ хриплымъ голосомъ, а у третьей—обмотанъ лецъ какой-то толстой, грязной тряпкой.

— Ну, давайте продолжать, что вы дѣлали съ прежней учительцей; гдѣ остановились, на чемъ?

Всѣ молчатъ.

— Вотъ у васъ тетрадки, вы вѣрно диктуете уже,—покажите мнѣ.—Ну, вотъ отлично, давайте же продолжать диктовку дальше тѣ же правила.

Опять всѣ молчатъ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія начать пить.

— Да у васъ болитъ палецъ, а у васъ зубы, такъ писать мы будемъ, а лучше давайте читать, хорошо?

Всѣ разомъ раскрыли свои книжки, кажется, 3-ю книгу для чтеі Толстого, начали читать полугромко, каждая свою особую статью, ушая при чтеніи каждая только себя.

— Мы лучше всѣ вмѣстѣ будемъ читать одну статью, а потомъ зберемъ ее и выяснимъ, кто какъ понялъ, согласны?

Никакого отвѣта, каждая читаетъ свое. Тогда я обратилась къ ъ учительницѣ и просила объяснить мнѣ поведеніе ея ученицъ.

— Не смущайтесь, это онѣ и со мной дѣлали: не хотятъ писать — ть, что хочешь! Вѣдь я увѣрена, вотъ у этой и палецъ не болитъ, просто, занимайся съ каждой, чѣмъ она хочетъ, а не тѣмъ, что ты ходишь нужнымъ, въ этомъ случаѣ съ ними бѣда!

Доставши 3-ю книгу для чтенія Толстого, я развернула ту статью, торую двѣ изъ учениц читали при мнѣ, и начинаю ее разбирать

съ ними. Вдругъ одна ученица неожиданно для меня обращается другой со словами:

— А и дура же эта Фроська-то!

— Это, что тумбой-то прозывается?

— Ну, да, пошла въ прачечную 3 коп. вырабатывать, а по бовникъ ейный кажинный пріемъ всего приноситъ и деньги ес и чего дура представляется-то!

— Слушайте, господа, я пришла сюда, чтобы заниматься, если вы не хотите, то такъ и скажите, я возьму другихъ учен кому буду нужна.

— У, у, проклятыя бабы, только языки чешутъ!—проши на нихъ женщина съ завязаннымъ горломъ.

— А ты, шкура, молчи; знаешь, какъ скажемъ, куда тебя нуть-то?

— Ну, господа, не ссорьтесь! чѣмъ хотите, чтобы я съ вами нималась? читать, писать, считать, или лучше я вамъ что-либо чту, а вы послушаете, ну, согласны?

— Мы согласны, знамо согласны учиться-то; затѣмъ и въ ш пришли, а только вотъ съ эстой вонючей не хотимъ, потому больная, а сидитъ съ нами въ камерѣ, словно здоровая; мы нее болѣзнь получить дурную не желаемъ.

— Я тоже знаю, зачѣмъ вы въ школу-то пришли; получить выходъ что-нибудь, а тоже представляются: «заниматься хотимъ, гласны»,—передразнивала арестантка съ больнымъ горломъ.

Я струсила: скандалъ у меня въ группѣ разгорался, а я не шалась да и не знала, что дѣлать. Одинъ выходъ: прочесть имъ нибудь вслухъ, авось, если и слушать не будутъ, то сидѣть буд смирно, а тамъ послѣ уроковъ поговорю о нихъ, съ кѣмъ слѣду Взяла я книгу и начала читать вслухъ разсказъ: «Богъ правду дитъ, да не скоро скажетъ». Съ первыхъ же словъ разсказъ ихъ интересовалъ: онѣ очень сосредоточенно и внимательно слушали При чтеніи того мѣста, гдѣ къ купцу Аксенову приходитъ въ тю му его жена и робко спрашиваетъ: «Ваня, другъ сердечный, ска не ты сдѣлалъ это?» Ученицы не выдержали,—со слезами и горе въ голосѣ выражали свое удивленіе вслухъ. «Господи, праведн да что же это будетъ ужъ, и жинка ему не повѣрила».

— Вѣрь не вѣрь, а поди-кось докажь, что не онъ убивалъ- ну-ка?

— И очень просто: у него, значитъ, этого ножа не было, ка онъ къ нему попалъ?

— Какъ попалъ... а вотъ, примѣрно, я въ нянькахъ слу

ты въ кухаркахъ. Я годъ живу у господъ, а ты всего мѣсяцъ. У барыни кошелекъ съ деньгами пропалъ. Подумали на кухарку, обыскали, не нашли; а кухарка-то и говоритъ: «Ужъ обыскивать, такъ, знамо, обѣихъ; чего же на няньку-то смотрите, небось, не святая!» Барыня спервоначалу-то и слышать не хотѣла, да полиція полѣзла въ мою корзину; ну, нашли кошелекъ барынинъ и говорятъ: «Чьи деньги въ кошелькѣ?» Я не глядючи сказываю: «А коль въ моей корзинѣ, такъ мои».—«А сколько денегъ?» Говорю: «Что есть тамъ, всѣ мои». Барыня такъ и ахнула: «Няня, такъ неужто ты меня обворовала?» Ну-ка, поди докажь, когда та поскуда мнѣ кошелекъ-отъ въ корзину сунула: ключъ у меня въ карманѣ былъ. А вотъ изъ-за этого самаго, почитай, годъ здѣсь съ вами маюсь.

Разсказъ ученицы былъ вполнѣ искренній, въ голосѣ слышались слезы и все лицо сразу преобразилось: изъ апатичнаго, угрюмаго сдѣлалось подвижнымъ, напряженнымъ, глаза, полные слезъ, блестѣли; видно было, что цѣлая буря негодованія поднялась внутри этой глубоко оскорбленной женщины. По окончаніи чтенія ученицы также не переставали говорить между собою по поводу прослушаннаго; но бесѣда ихъ была спокойная: онѣ точно у судьбы своей выспрашивали все: «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ… а почему же не скоро и какъ Его, Батюшку, просить-то объ этомъ?… вѣдь вотъ—кто умѣетъ умолить Господа, а кто нѣтъ… Все за грѣхи видно наши» и т. д. Я была очень довольна, что бесѣда наша кончается мирно и ученицы теперь совсѣмъ иначе настроены, чѣмъ до урока. Насталъ перерывъ, я охотно оставила своихъ ученицъ и усѣлась къ столу, гдѣ лежала книга пріема ученицъ, въ которой производились записи новыхъ. Съ любопытствомъ просматриваю книгу и отыскиваю въ ней профессію и преступленія моихъ сегодняшнихъ ученицъ. Оказалось: одна по занятіямъ прислуга, другая—торговка, а третья—безъ опредѣленной профессіи; одна сидитъ въ тюрьмѣ за воровство, другая—за укрывательство краденаго, третья—за покушеніе на убійство или за «участничество въ этомъ дѣлѣ».

— Ну, какъ прошелъ вашъ первый урокъ?—спрашиваетъ меня одна учительница.

— Да урока собственно и не было: пришлось больше приноравливаться къ ученицамъ, вотъ только чтеніемъ немножко и вошли въ норму, стали говорить и мыслить безъ ссоры и ругани.

— Ну, привыкнете! здѣсь почти всегда такъ бываетъ. А что имъ читали?

Я сказала.

— Да, вотъ онѣ любятъ сказки, да статьи такого содер... какъ вы сегодня читали, а въ остальномъ ихъ трудно заинтересо...

Въ это время къ столу, за которымъ я сидѣла, подошла ... изъ моихъ учениць съ подвязанной щекой и что-то вполголоса с... щила завѣдующей школой. Очевидно, ученица что-то просила, ... что-то обѣщали, но что же?

Я попросила сказать мнѣ, въ чемъ заключалась просьба учен...

— Да у насъ все одно и то же горе-то: болятъ зубы, оттого... нѣтъ обуви, ходитъ по каменному полу босая. Существуетъ да... тюремный кружокъ, который заботится о заключенныхъ и пері... чески снабжаетъ ихъ обувью и одеждой; но бѣда-то наша въ то... что нужды гораздо больше, чѣмъ пожертвованій, и потому, вотъ ... въ данномъ случаѣ, если въ кружкѣ ничего нѣтъ, такъ приходи... собирать среди своихъ «знакомыхъ».

— Но вѣдь, вѣроятно, имъ полагается обувь казенная?

— Да, онѣ имѣютъ «коты» для прогулокъ, а въ камерахъ ... сятъ свою обувь, или же ходятъ босыя.

— Но вѣдь тюремное начальство должно заботиться о заклю... ныхъ, а не частное благотворительное общество въ видѣ дамск... кружка. Тюремное начальство должно же знать, что лишенные с... боды люди не могутъ на себя зарабатывать?

Эти вопросы остались безъ отвѣта: къ моей собесѣдницѣ по... шла другая арестантка и тоже о чемъ-то со слезами просила. Го... ся иногда прерывался отъ рыданій, и она порой выкрикивала цѣ... фразы:

— Ну, что же съ ней я сдѣлаю, не придушить же ее! — жал... лась въ отчаяніи на что-то и кого-то еще совсѣмъ молодая женщ...

Я ближе подошла къ ней и старалась утѣшать ее, какъ мо... еще не зная въ чемъ дѣло.

— Милая барыня, на-дняхъ это приводятъ ко мнѣ въ ка... изъ пріюта мою дѣвчонку-то: кажись, краше въ гробъ кладутъ... говорятъ — здѣся дохтуръ-то чаще ее смотрѣть станетъ, а въ пріют... вишь ты, только разъ въ недѣлю ихъ смотритъ дохтуръ, дѣточк... то. Ну, а бабы наши каторжныя съѣли меня съ ней: говорятъ, ... камеру запакостила, дыхнуть не могутъ, жалуются на меня, бы... ребенка, а чѣмъ она виновата. Дохтуръ-то, какъ смотрѣлъ на ... говоритъ, надо пищу другую, не хороша знать наша-то; отку... же я ей возьму, посуди ты сама, хорошая барыня», опять зал... слезами бѣдная женщина.

На этотъ шумъ, вѣроятно, пришла въ школьную камеру над... тельница, и отъ нея мнѣ пришлось узнать нѣкоторыя подроб...

ремныхъ порядкахъ. Оказывается, что каждая заключенная женщи-
. имѣетъ право держать при себѣ ребенка не старше пяти лѣтъ; если
бенокъ старше, или мать не хочетъ держать его въ камерѣ съ собою,
его отправляютъ въ тюремный пріютъ, гдѣ каждую недѣлю бываетъ
ачъ и осматриваетъ дѣтей. При тюрьмѣ есть маленькая больничка,
мѣстъ въ ней мало, и туда кладутъ только дѣтей съ острыми за-
лѣваніями—спорадическими, а съ хроническими принимаютъ очень
дко, когда есть только свободныя мѣста. Ребенокъ этой несчаст-
й женщины нѣкоторое время былъ при ней, попалъ въ пріютъ, гдѣ
ровье его еще больше ухудшилось, такъ какъ пища тамъ также
уба, а докторъ бываетъ рѣдко. Пріюту не понравилось держать
кого ребенка, за которымъ нуженъ уходъ, и его перевели опять
камеру къ матери, мотовируя его переводъ тѣмъ, что въ тюрьмѣ
кторъ смотрѣть его будетъ чаще. Конечно, все это одна пустая отго-
рка: здоровье ребенка зависитъ отъ хорошей питательной пищи, а
тюремной пищѣ, конечно, трудно поправиться отъ изнурительной
лѣзни. Женщину успокоили, обѣщали похлопотать о томъ, что-
ея ребенка приняли въ дѣтскую тюремную больницу; это видимо
тѣшило ее; она отерла слезы, перестала плакать и сказала:

— Знать и на мою сиротскую долю Господь добрыхъ людей по-
алъ,—спасибо вамъ, добрая барыня.

Надо было начать занятія послѣ перерыва, со своей временной
уппой. Теперь я на все смотрѣла бодрѣе: ученицы мои имѣли
дъ сравнительно благодушный: смирно сидѣли и толковали о чемъ-
; апатичное настроеніе исчезло съ ихъ лицъ, вѣроятно, и занятія
перь пойдутъ уже какъ слѣдуетъ. Но вотъ по коридору пронесся
омкій голосъ, къ чему-то призывающій и что-то выкрикивающій. По
ѣрѣ того, какъ приближались шаги говорившаго въ коридорѣ, под-
мался шумъ: бряцали ключи, отпирались замки и выпускали въ
ридоръ сразу нѣсколько голосовъ. Ожидательное настроеніе въ
ашей камерѣ сказалось сильное: ученицы задвигались, повставали
своихъ мѣстъ, что-то искали, перекидывались незначительными
разами:

— Есть, што-ль?

— Не-ма, совсимъ не-ма... ну, якъ трошки побачу.

— Кто пойдетъ?

— Юлька трепаная идетъ.

На порогѣ нашей камеры появилась надзирательница и громкимъ
олосомъ объявила:

— Кипятокъ.

Нѣсколько женщинъ арестантокъ взяли жестяные чайники и от-

правились съ ними куда-то. Оставшіяся въ камерѣ начали при
влять жестяныя кружки, изъ какихъ-то грязныхъ тряпокъ ра
тывать куски чернаго хлѣба, посыпанные солью. Вскорѣ появ
въ камерѣ и чайники, наполненные кипяткомъ, и наши учен
чинно, даже съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ принялис
чаепитіе. Каждая обязательно поправляла платочекъ на головѣ,
живалась на скамейку, какъ поудобнѣе, потомъ, перекрестив
большимъ, широкимъ крестомъ и бросивъ взглядъ на мален
иконку, которая какъ-то робко вырисовывалась въ темномъ углу
меры, съ умильнымъ лицомъ приступала къ чаепитію. Изъ же
ныхъ чайниковъ наливалась въ кружки какая-то грязная жидкос
совершенно по цвѣту не походившая на чай; являлся вопросъ,
онѣ пьютъ? Кирпичный чай, цикорій или что другое? Рѣшить б
трудно да и глядѣть непріятно, какъ эта грязная жидкость
поглощалась людьми. Я встала и прошлась нѣсколько разъ по
мерѣ. Надзирательница почему-то пристально посмотрѣла на
улыбнулась и спросила:

— А нашъ чай, вѣроятно, вамъ не нравится?

— Да-а, не желала бы его выпить. Но всетаки скажите, что
онѣ пьютъ?

— Да чай же.

— Чай! ну, я такого цвѣта чая никогда не видала!

— Неудивительно, этотъ цвѣтъ чая получается отъ двухъ
чинъ. Конечно, первое и самое главное ихъ неряшливость и
опрятность, вѣдь онѣ почти никогда не моютъ посуду, изъ кот
пьютъ, а вторая причина: ужъ очень бѣдный народъ-то къ намъ
падаетъ. Вотъ посмотрите, доска виситъ въ камерѣ, на ней обоз
чено число 28; это значитъ въ этомъ помѣщеніи камеры можетъ
держаться не болѣе 28 человѣкъ, а у насъ ихъ здѣсь 40. Изъ эт
40 человѣкъ, дай Богъ, чтобы пять или шесть имѣли чай и сах
вѣдь казеннаго никому не полагается: такъ вотъ сами посуд
какой можетъ быть чай, если на 8 человѣкъ, при этомъ еще въ гр
номъ чайникѣ, заваривается щепотка чая.

— Ну, вѣдь такая неряшливость должна вредить и здоровью; о
нихъ можно требовать уже по крайней мѣрѣ чистоты. И я, не дож
шись отвѣта надзирательницы, подошла къ своимъ ученицамъ
спросила ихъ:

— Вашъ чай, вѣроятно, невкусенъ: отчего онъ такого гр
наго цвѣта?

— Ничего, мы привыкли... а цвѣтъ-отъ отчего такой

его знаетъ, можетъ, отъ прусовъ,—ихъ такая сила здѣсь... одно слово—туча!

— Какъ отъ прусовъ? что такое отъ прусовъ?

— Ну, да.

— Боже мой, вѣдь ихъ выполоскать можно, чайникъ-то мыть можно кипяткомъ. Какъ же такъ отъ прусовъ?

— Да я и такъ уже сбиралась чайникъ-отъ съ собой въ баню взять и тамъ пробузовать его мочалкой.

Надзирательница слышала этотъ разговоръ; вѣроятно, потому подошла къ говорившей и заявила ей:

— Чайники вы должны мыть, это я вамъ приказывала нѣсколько разъ.

— Мы слыхали, да только надо выбирать любое изъ двухъ: либо чай пить, либо чайникъ мыть. Потому, насъ силища привалитъ къ баку-то; а могимъ мы успѣть въ десять-то минутъ и чайникъ вымыть, и въ очередь за кипяткомъ стать? Да еще и кипятку въ другой разъ не получишь,—говорятъ, на всѣхъ не хватаетъ бака-то.

Теперь я поняла иронію насчетъ бани; дѣйствительно, что же? Имъ остается только взять съ собой посуду въ баню и тамъ «бузовать» ее, какъ онѣ выражаются. Нѣтъ, лучше не вдаваться въ подробности, лучше не смущать себя и ихъ, когда нѣтъ силъ улучшить и измѣнить то, что безпокоитъ и смущаетъ. Чувство какого-то стыда и неловкости настолько овладѣло мной, что мнѣ трудно было усидѣть на мѣстѣ; я начала быстро ходить по камерѣ, совершенно не замѣчая того, что мои товарищи-учительницы на время чаепитія ученицъ перешли въ коридоръ и тамъ ходятъ и о чемъ-то разговариваютъ.

«Пойти къ нимъ,—блеснула мысль.—Нѣтъ, останусь здѣсь, да вотъ и новый предметъ для моего наблюденія». Въ одномъ полутемномъ углу нашей камеры на полу сидѣла группа женщинъ и что-то шила; но что это за работа у нихъ? Что-то очень грубое, очень грязное и несомнѣнно вонючее.

Надзирательница, положительно какъ добрый геній, опять стояла за спиной у меня и, посмотрѣвъ на меня пристально, спросила:

— У васъ голова не кружится? Вы блѣдны.

— Нѣтъ, не кружится. А вотъ вы скажите, что онѣ шьютъ?

— Онѣ шьютъ бѣлье въ мужское отдѣленіе, видите, кладутъ заплаты.

— Это отъ этого бѣлья такой тяжелый запахъ?

— Да, вѣроятно.

— Развѣ онѣ чинятъ грязное, немытое?

— Нѣтъ, упаси Богъ! Но вѣдь ткань-то слишкомъ гру тому всегда плохо промывается.

— У насъ, милая барышня, все для порядку дѣлано, по ну... по статьѣ... какъ есть; бѣлье вонючее, грязное, зато и з ты-то къ грязному пристаютъ лучше: ее, какъ на клею, гр держитъ, и нитки казенныя цѣлѣе будутъ... такъ-то!...

— Ты вотъ остришь,—накинулась на нее надзирательни а сама первая—лѣнтяйка, жалѣешь рукъ, заплаты на грязн дешь, а вотъ сверху-то изъ мужского отдѣленія мнѣ прислал задъ твою-то работу: мужики, говорятъ, ругаются: какъ надѣл расползлось.

— Ой-ли? Ну, знать, я рукъ пожалѣла, а казна нитокъ п нилась дать настоящихъ, прислала все трухлявыхъ.

— Кто это арестанка? По какому дѣлу сидитъ?—обратила съ вопросомъ по поводу послѣдней къ надзирательницѣ.

— Фамилія ея, такая-то, сидитъ она уже годъ по дѣлу за у вательство или за содержаніе шайки какой-то; запутала она въ дѣло очень многихъ, вотъ цѣлый годъ идетъ только слѣдствіе по дѣлу.

Я вышла въ коридоръ. Учительница, съ подгруппою котор занималась, подошла къ мнѣ, поблагодарила за помощь и заяв что, благодаря мнѣ, она теперь, наконецъ-то, объяснила дѣленіе имъ старшимъ. Лицо у меня, вѣроятно, было очень недоумѣваю я пристально смотрѣла на свою собесѣдницу, плохо понимала, о ч она мнѣ говоритъ.

— Вотъ какъ тюрьма на васъ дѣйствуетъ, вы блѣдны, иди домой,—сказала она мнѣ очень внушительно, и энергично зашаг къ своему мѣсту занятій.

Я готова была со злостью ей крикнуть вслѣдъ: «Идите-ка и домой! Кому здѣсь нужно ваше дѣленіе? Ну, нѣтъ, это все не надо взять себя въ руки и идти смотрѣть, учиться, какъ веду здѣсь занятія; вѣдь до сихъ поръ, можно сказать, мы еще не ступили къ дѣлу; занятія начнутся вотъ теперь только серьезно послѣ этого перерыва».

Снова вхожу въ школьную камеру, гдѣ всѣ учительницы с койно сидятъ за столиками съ ученицами и объясняютъ имъ что- Становлюсь у дверей, чтобы не мѣшать никому, и стараюсь нас ивать себя умильно при взглядѣ на такой дружный рабочій тонъ камеры. Въ одномъ углу шьютъ, въ другомъ учатъ, въ трет книги выдаютъ изъ библіотеки и полушопотомъ переговариваютъ чемъ-то, чтобы не мѣшать учебнымъ занятіямъ. Все чинно,

родно и спокойно. Интересно бы знать, что говорятъ тѣ ученицы, которыя берутъ книги изъ библіотеки. Вѣроятно, онѣ бесѣдуютъ о прочитанномъ. Какъ онѣ понимаютъ, что прочли? Каково-то ихъ вообще міровоззрѣніе? Вѣдь ихъ умственный кругозоръ совсѣмъ иной, чѣмъ нашъ; онъ складывался подъ вліяніемъ фактовъ ихъ жизни, а не теорій. Одна ученица уже получила книжку, просматриваетъ ее внимательно съ сильно оживленнымъ и возбужденнымъ лицомъ. Вотъ интересно бы съ ней поговорить. Ученица съ книжкой вышла въ коридоръ, я иду за нею, сталкиваясь лицомъ къ лицу опять съ надзирательницею; невольно думается: «Боже мой, эта особа въ черномъ, точно тѣнь въ заколдованномъ замкѣ, быстро является, когда менѣе всего настроены думать о ней, и быстро исчезаетъ, когда какъ разъ желаютъ узнать что-нибудь».

«Ну, нѣтъ, теперь я эту тѣнь не выпущу».

—Меня интересуетъ ученица, сейчасъ взявшая книгу, она быстро куда-то съ ней скрылась, а я хотѣла бы съ ней поговорить.

— Да вы войдите вонъ въ раздѣвальную камеру, она, вѣроятно, тамъ сидитъ, онѣ все такъ дѣлаютъ: возьмутъ книгу, усядутся куданибудь въ уголъ, просмотрятъ ее минутъ въ 5 и опять идутъ въ библіотеку; «не понравилась, дайте другую», а чего имъ надо—и сами не знаютъ.

Отправляюсь въ раздѣвальную камеру, вхожу. Но почему же эта камера называется раздѣвальной. Она скорѣе—матрасная, потому что до верху завалена матрасами, ну, да все равно. Кажется, здѣсь никого нѣтъ... Ахъ, да, вотъ что...

На откосомъ подоконникѣ, судорожно вцѣпившись въ рѣшетку, держится арестантка. Стеклянной рамы въ окнѣ нѣтъ. Лицо ея такъ и впилось въ рѣшетку, губы вытягиваются и выкрикиваютъ что-то: «Ей-гей!»—«Ей-гей!»—«Ахъ, чортъ, ей-гей!»—«Чаво?» откуда-то слышится голосъ, точно изъ сундука, и сейчасъ же радостный отвѣтъ на это женщины, держащейся за рѣшетку: «Да ничего». Что-то происходитъ таинственное: слѣдуетъ ли мнѣ оставаться здѣсь... Но вѣдь это та самая женщина, что взяла книжку изъ библіотеки, просматривавшая ее. Останусь, посмотрю. Снова тѣ же таинственныя слова черезъ рѣшетку: «Ей-гей!»—«Чаво?»—«Ничаво». Но уже не зря: съ верхняго этажа спускается бечевочка, которая ловко улавливается торопливой рукой арестантки и на эту бечевочку привязывается не то бумажка какая-то, не то книга, та самая, взятая сегодня изъ библіотеки; но что же дальше? Книга невидимой силой поднялась вверхъ и исчезла тамъ. Нѣсколько минутъ спустя сверху слышится голосъ: «Ей-гей!», отвѣчаютъ ему: «Ча-

во!»—«Ничаво», слышится въ отвѣтъ. Послѣ этого спускается опять бечевка и на ней уже несомнно другая книжка въ желтой оберткѣ. Проворная рука женщины быстро отвязываетъ книгу. Я, чтобы не смущать и не смущаться самой, поторопилась уйти, пока еще меня не замѣтили. Такъ вотъ какъ: книги тюремной женской школы, видимо, читаются и тамъ на верху мужчинами арестантами. Это очень хорошо, но значитъ въ мужскомъ отдѣленіи нѣтъ школы и нѣтъ библіотеки,—это слѣдуетъ разузнать,—да и знаетъ ли объ этой передачѣ книгъ кто-либо, кромѣ нея. Возвращаюсь опять въ школьную камеру. Здѣсь все попрежнему учатъ и учатся. Только женщины, чинившія бѣлье въ углу, теперь чѣмъ-то заняты другимъ: онѣ возятся около вытянувшейся на полу фигуры.

— Что это?—невольно вырывается вопросъ.

— Падучая, съ ей часто это случается.

— А она изъ какой камеры? Ее бы туда унести!

— Мы всѣ изъ здѣшней камеры, небось... трогать ее не надо, опомнится!—говорила очень спокойно арестантка; какъ видно, это было явленіе обычное и ихъ не мало не волнуетъ.

Нѣсколько учительницъ были уже свободны: онѣ задали какую-то самостоятельную работу своимъ ученицамъ и теперь отдыхали мирно, о чемъ-то бесѣдуя между собою. Я подошла къ нимъ и, прощаясь съ ними, передала общее свое впечатлѣніе, произведенное на меня тюрьмою, и между прочимъ выразила свое удивленіе по поводу анти-гигіеническихъ условій, среди которыхъ содержатся заключенныя. Отсутствіе какой-либо вентиляціи, вѣчно грязная посуда, изъ которой онѣ пьютъ, скученность больныхъ и здоровыхъ людей въ тѣсной, грязной, безъ притока чистаго воздуха комнатѣ,—вѣдь это несомнѣнное зло для человѣческаго и даже очень здороваго организма. А эти несчастныя, страдающія отъ падучей болѣзни,—онѣ лежатъ въ припадкѣ и задыхаются безъ чистаго воздуха, хотя бы ихъ-то выносили на воздухъ, или на струю чистаго воздуха, куда-нибудь.

— Вы новичокъ здѣсь, а потому это васъ такъ и волнуетъ, а вотъ мы привыкли. Вы говорите, что такія анти-гигіеничныя условія прямое зло даже для очень здороваго организма, и вы правы: въ самомъ дѣлѣ все даже хуже того, что вы видѣли сегодня. Вотъ для примѣра скажу, чтобы васъ уже сразу окрестить въ тюремную жизнь; замѣтили вы, какая масса здѣсь больныхъ зубами? Да, замѣтили? Ну, такъ главная причина ихъ болѣзней зубныхъ—цынга, и бороться съ этой болѣзнью при извѣстной тюремной пищѣ невозможно.

— Ну, господа, а я нахожу,—замѣтила другая учительница,—физическое здоровье, конечно, расшатывается въ тюрьмѣ, но по выходѣ изъ тюрьмы оно опять можетъ еще возстановиться, а потому это горе, какъ говорится, еще съ полгоря, а вотъ ужасное зло тюрьмы—это то, что она нравственно калѣчитъ людей. Вотъ та миловидная дѣвушка, о которой вы меня спросили, воровка-рецидивистка, уже четвертый разъ въ тюрьмѣ, а кто изъ нея сдѣлалъ рецидивистку? Тюрьма! Попала она первый разъ сюда по самому маленькому воровству и попала въ тюрьму на цѣлыхъ три мѣсяца. Посадили ее въ камеру, гдѣ содержалось человѣкъ 20 или 30 самыхъ отборныхъ мошенницъ, видавшихъ уже виды. Ну, конечно, она подѣлилась съ ними своимъ горемъ, а онѣ ее утѣшили понемногу и научили, какъ надо воровать и не попадаться въ тюрьму. Уроки ихъ пошли на пользу, и дѣвушка черезъ 6 мѣсяцевъ по выходѣ изъ тюрьмы опять попадаетъ къ своимъ воспитательницамъ и опять получаетъ безплатные уроки житейской мудрости. Вѣдь казалось бы чего проще раздѣлять и изолировать первый разъ попавшихся за воровство отъ рецидивистокъ. Однако, оказывается, тюрьма и это сдѣлать находитъ неудобнымъ.

— Такъ вотъ какова тюрьма!—невольно вырывается у меня,—но что же при этихъ условіяхъ можетъ сдѣлать школа?—спросила я своихъ сотоварищей.

— Подождите, не рѣшайте такъ быстро. Знайте, что люди здѣсь запертые не знаютъ совсѣмъ человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова: они видѣли до сихъ поръ людей-звѣрей, скотовъ, имъ безсознательно подражали и попадали сюда.

Одѣвшись, я подошла къ лѣстницѣ и меня опять встрѣтили два солдата, которые и повели меня къ главнымъ воротамъ тюрьмы. Я иду по двору, а мысль работаетъ въ головѣ: наша миссія показать заключеннымъ здѣсь людямъ идеалъ человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова. Развѣ это не насмѣшка—лишеннымъ свободы, здоровой пищи, чистаго воздуха и свѣта людямъ проповѣдывать, каковъ долженъ быть человѣкъ, на что онъ способенъ, каковъ его долженъ быть духъ, какова его мысль?... Но вотъ по двору проходятъ двѣ дѣвушки какъ разъ мнѣ навстрѣчу, просто и чисто одѣтыя, и съ какой-то особенной любовью и теплотою смотрятъ мнѣ въ глаза... политическія,—это онѣ. Что онѣ во мнѣ нашли родственнаго, вѣдь я ихъ не знаю! Да, онѣ люди духа и свободной мысли, но онѣ тоже здѣсь, также заперты, также страдаютъ.

— Часовой!—возвѣстилъ голосъ моего провожатаго.

— Здѣсь!—былъ отвѣтъ.

— Отпирай, учительница.

Вотъ я и на свободѣ. Когда я обернулась, чтобы посмотрѣть на часового, который ходитъ безсознательно около стѣны, мнѣ очень хотѣлось предложить ему приблизительно тотъ же вопросъ, съ каким обращался къ нему мой извозчикъ:

— Поштенный, такъ чему же, примѣрно, у васъ тюрьма учи... ась? Чего колодой-то представляешься? Не люди вы, что ли, Госп... прости!

— Ахъ, только бы поскорѣй домой, домой! Извозчикъ!

— Куда надо?

— Домой!

— А это, примѣрно, гдѣ же будетъ? А, ну, такъ бы и говорили—садитесь!

Я ѣду и дремлю.

II.

Тюрьма для школьныхъ занятій съ арестантками была доступ... учительницамъ только два раза въ недѣлю. Поэтому учительницы п... общему соглашенію рѣшили такъ: одинъ день въ недѣлю вести зан... тія предметныя, т.-е. обученіе грамотѣ, письму и ариѳметикѣ, а дру... гой—посвящать исключительно на чтеніе (для всѣхъ желающихъ, з... ключенныхъ въ женскихъ камерахъ) съ волшебнымъ фонаремъ.

Яркія, разрисованныя красками, художественно исполненн... картины для волшебнаго фонаря производятъ на экранѣ (въ знач... тельномъ увеличеніи) прежде всего хорошее впечатлѣніе на глаз... Можно разсчитывать уже поэтому, что такія картины, при хороше... чтеніи, захватятъ нашихъ слушателей и зрителей, благотворно п... дѣйствуютъ на ихъ души, дадутъ имъ возможность пожить, хо... минуты, въ мірѣ мыслей, чувствъ и яркой фантазіи.

Какъ разъ жребій палъ на меня прочесть въ тюрьмѣ въ ближай... шій назначенный для этого день произведеніе «Кавказскій плѣн... никъ» Толстого. Я не отказывалась: это литературное произвед... мнѣ очень нравится, а тюрьма съ ея не совсѣмъ обычными слу... телями меня интересовала. Одна учительница изъявила свое согла... сіе придти въ подмогу мнѣ для управленія волшебнымъ фонар... показывать картины и вообще приготовлять все, что необходимо б... для этого чтенія; дѣло этимъ для меня значительно упрощалось. В... опредѣленный день и часъ мы явились къ тюрьмѣ, благопол... прошли всѣ назначенныя намъ калитки и ворота, поднялись по ... ной лѣстницѣ и очутились въ извѣстномъ уже вонючемъ, те...

коридорѣ, изъ котораго всѣ пути ведутъ въ камеры уголовныхъ. Въ ожиданіи надзирательницы мы съ учительницей стояли и угадывали: какую изъ этихъ камеръ, что передъ нашими глазами, сегодня отведутъ намъ для чтенія. Одна изъ насъ говорила: ту, гдѣ больше оконъ и простору, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ слышать и видѣть, а другая увѣряла, что, наоборотъ, вѣроятно ту, гдѣ меньше оконъ, чтобы легче было затемнить; весеннее солнышко заглядываетъ въ каждую щелку, въ каждую маленькую дырочку,—борись-ка съ нимъ, попробуй.

Самостоятельно мы едва ли бы рѣшили этотъ спорный вопросъ, но подошла къ намъ надзирательница и любезно сообщила намъ, что одна изъ камеръ уже освобождена для чтенія, и мы можемъ въ ней устраиваться по своему усмотрѣнію. Мы вошли въ небольшую полутемную комнату; въ ней было хотя и два окна, но свѣтъ проникалъ плохо, такъ какъ оба окна выходили прямо въ стѣну сосѣдняго зданія. На нашъ вопросъ, почему намъ отвели для чтенія эту, именно, камеру, когда въ сущности она очень мала для той публики, на которую мы разсчитываемъ сегодня, надзирательница отвѣтила:

— Да потому, что это единственная часто пустующая камера.

Меня это удивило:

— Какъ, у васъ всегда тюрьма переполнена: въ камерахъ, гдѣ полагается быть по 28 человѣкъ, содержится—40, а у васъ есть еще пустующія камеры?

— Такъ, вѣдь, что же подѣлаешь, если въ ней жить нельзя: очень сыро и холодно. Было въ ней мѣсяцъ тому назадъ 25 человѣкъ, да сегодня послѣднюю стащили.

— Какъ стащили? Куда?

— Чего вы пугаетесь-то... стащили кого въ больницу, а кого въ сосѣднюю камеру; въ больницѣ тоже мѣстъ больше нѣтъ. Болѣютъ здѣсь все ревматизмомъ да воспаленіемъ легкихъ, а я такъ думаю—просто скоротечной чахоткой... Ужъ кашляютъ-кашляютъ, стонутъ-стонутъ, такъ бы и убѣжала отъ нихъ, куда глаза глядятъ!...

— Такъ вы бы и убѣжали.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, хорошо и легко вамъ такъ говорить; вы бываете здѣсь два раза въ недѣлю только, а вотъ побыли бы на моемъ мѣстѣ съ шести часовъ утра до шести съ половиною часовъ вечера, вѣдь я уже послѣ провѣрки ухожу домой-то. А дома у меня сынъ... онъ черезъ три года гимназію кончитъ... учится хорошо, на казенный счетъ... послѣ гимназіи-то хочетъ въ университетъ идти, ну, гдѣ же ему мать кормить? Да что и будетъ съ нимъ... Пока-то

онъ у меня хорошій... ни за что безъ меня обѣдать не будетъ, пока я не освобожусь: такъ весь день на чаю и на хлѣбѣ и сидитъ один. Я человѣкъ безъ всякаго образованія, и то сказать: гдѣ я другое подходящее мѣсто найду? Здѣсь я имѣю квартиру, столъ и 25 руб. жалованія. Хотя и трудно, что говорить, а всетаки думается, что моему мѣсту позавидуютъ, пожалуй, и съ образованіемъ.

— Ну, и дай Богъ вамъ свой подвигъ кончить честно, а пока позовите-ка кого-нибудь, кто бы забилъ и завѣсилъ намъ окно: у насъ вѣдь нѣтъ привычки сидѣть на откосыхъ подоконникахъ и держаться за чугунныя рѣшетки.

— Хорошо, позову,—грустно сказала надзирательница и вышла.

Учительница по уходѣ надзирательницы, смѣясь, меня спросила:

— А вы же развѣ видѣли, что говорите—держаться за чугунныя рѣшетки?

— А вы развѣ знаете что-нибудь, что меня спрашиваете?

Обѣ мы засмѣялись.

Вошла надзирательница и привела съ собою здоровую, молодую женщину-арестантку и заявила, что эта женщина все можетъ нам устроить и завѣсить, какъ мы пожелаемъ. Сейчасъ же мы попросили ее рѣшить такую задачу: забить тѣ два окна, которыя она видитъ, такъ, чтобы свѣтъ не проходилъ ни въ одну щелку; ну, а чѣмъ забить,—это ужъ какъ она хочетъ.

Арестантка подумала, потомъ рѣшительно сказала:

— Ну, ладно, пойду пошукаю.

— Къ кому же вы пойдете шукать?

— А видно придется идти къ своей хозяйкѣ.

— Кто же здѣсь ваша хозяйка?

— А надзирательница-то; какъ же, я у ней служу и кипятокъ ей ношу, когда надо; ну, извѣстное дѣло, служу до повѣрки только... барыня она справедливая и мнѣ грóши платитъ, да-а, ей-Богу!

— Ну, такъ отлично, ступайте шукать къ своей барынѣ, а мы подождемъ.

Арестантка скрылась и мы остались однѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ неловкаго молчанія я спросила:

— Вы давно учительницей въ тюремной школѣ?

— Второй годъ, а вы сколько?

— Второй день.

— Ахъ, да, я слышала, что вы, кажется, уже разочаровываетесь; но вѣдь жизнь слишкомъ сложна въ своихъ проявленіяхъ и сурова, нельзя къ ней во всѣхъ случаяхъ предъявлять требованія гуманности и справедливости.

— У людей, живущихъ на полной свободѣ, пожалуй, идеи гуманности и справедливости могутъ быть еще въ идеалѣ, но чѣмъ же жить, чѣмъ утѣшать себя людямъ, лишеннымъ всякой свободы, запертымъ вотъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ? Что является ихъ защитою, что остается у нихъ надежнаго въ настоящей и будущей ихъ жизни, какъ не вѣра въ гуманность и справедливость людей, съ ними соприкасающихся? Поэтому я нахожу, что наша обязанность, какъ учительницъ поддерживать въ нихъ эту вѣру въ людей.

Въ это время вошла арестантка, нагруженная много выше головы какими-то сѣрыми, тяжелыми вещами, которыя въ полумракѣ комнаты не сразу можно было разглядѣть.

— Что это за вещи вы принесли?—обратилась я къ женщинѣ, только что свалившей все принесенное въ кучу.

— А это-жъ халаты наши... зимой ходимъ на прогулку въ нихъ, и на допросъ въ нихъ же гоняютъ...

— Ухъ, какіе жесткіе, а теплы они?

— Кому теплы, кому холодны—это какъ придется, а жестки, такъ они, чай, дѣланы-то не изъ бархата, а изъ арестантскаго сукна.

— Развѣ есть арестантское сукно?

— Есть, а то какъ же? у всякаго сословія нашего, значитъ, своя форма.

— У васъ въ тюрьмѣ, я думаю, тотъ же холстъ, то же сукно, что и у солдатъ, не правда ли?

— Ахъ, ты, Боже мой, да говорю—наше-то арестантское, а у солдатъ—солдатское, всякому свое, значитъ!

— Да какая же разница-то?

— Разница-то? а вотъ какая: ежели въ нашу-то рубаху изъ арестантскаго холста попадетъ... звѣрь-то этотъ... такъ онъ въ эдакомъ-то холстѣ запутается, равно какъ въ лѣсу; его тамъ съ собаками не сыщешь,—потому холстъ-то корявый и чапляется, ну, а солдатскій-то холстъ куда тебѣ лучше: нешто сравнимо! Его моешь, такъ онъ все лучше, чище, значитъ, дѣлается; а нашъ хоть мой, хоть не мой, все одно!

Послѣ этихъ словъ арестантки мой сотоварищъ - учительница посмотрѣла на меня выразительнымъ взглядомъ: дескать, не угодно ли вамъ начать проповѣдь гуманности и справедливости людской, а я молъ послушаю. Да ничего я теперь не хочу, хочу только, чтобы удачно и хорошо прошло мое чтеніе, да поскорѣе уйти отсюда. Наконецъ-то, слава Богу, окна закрыли; мракъ полный, воздуху совсѣмъ нѣтъ; а что же будетъ, когда камера-то набьется народомъ?

— Ну, скоро мнѣ можно начинать читать?—спрашиваю я.

— Минуточку подождите, еще фонарь коптитъ что-то.

— Еще фонарь коптитъ?! чѣмъ же мы и наши слушатели д шать-то будемъ?

— Ничего, приспособимся и мы и онѣ!—былъ отвѣтъ.

Однако народу идетъ много; наша аудиторія не только быс наполняется, но даже переполняется народомъ. Всѣ слушатели в дятъ и садятся прямо на полъ, поджимая подъ себя ноги. Понем начинается шумъ и выкрики вродѣ слѣдующаго:

— Варька, ты гдѣ? подь сюда, здѣсь есть мѣсто.

— А, ну тебя къ лѣшему, куда я по головамъ-то пойду!

— А давя надзирательница ушла отъ насъ, а мордастая-то п дошла къ форточкѣ и говоритъ...

Слышится шопотъ; что сказала эта «мордастая», для меня ос лось тайной.

— Акульку-то сегодня гоняли на допросъ.

— Ну-у, поди уперлась.

— А чортъ ее знаетъ, пришла—молчитъ все.

— Я сегодня тоже ѣздила на допросъ. Погода хорошая, возду легкій такой, кавалеръ мой—ничего, такой привѣтный...

— Чего мелешь, словно выпила? не поднесъ ли тебѣ кавал то твой?

Въ камерѣ совсѣмъ темно. Объективъ у фонаря закрытъ; тол свѣча подъ небольшимъ абажуромъ, что горитъ передо мной на ст ликѣ, небольшимъ кругомъ освѣщаетъ книгу и мои руки. Я присл шиваюсь къ замолкавшей толпѣ; все тихо; кое гдѣ кто-то прого ритъ; слава Богу, настроеніе публики обѣщаетъ удачу чтенія; вотъ кто-то близъ меня быстро-быстро говоритъ:

— Пришла бы она сюда, дьяволъ проклятущій! кажись, всѣ ее зенькалы выцарапала бы, всѣ ей косы выдергала! накось, тв экая, что выдумала: и мой, и Дашкинъ, и Фроськинъ платокъ въ матрасъ-отъ свой подъ солому тамъ заховала. Надзиратель приходитъ, кричитъ: чтобы были платки, не мнѣ же въ казну тить за нихъ; не найдете,—въ карцеръ. Слышала?! Изъ-за экой твари да въ карцеръ!

— Господа, я читаю, слушайте! Это произведеніе называ «Кавказскій плѣнникъ»; написалъ его Л. Н. Толстой.

Всѣ притихли и, повидимому, слушаютъ. Картины хорош все, кажется, благополучно. Но черезъ 15 или 20 минутъ уже с шопотъ, все усиливающійся; я останавливаюсь читать, и

смолкаетъ; потомъ опять вновь начинается и все идетъ усиливающимся темпомъ, наконецъ, уже прямо выкрики:

— Врешь, паскуда, врешь... я слѣдователю такъ говорила и прокурору такъ скажу! Нѣ-ѣ-ѣтъ, я запутать себя больше не дамъ... нѣ-ѣтъ, ты думаешь, я сюда попала, съ тобой подлой сижу, такъ и въ Сибирь съ тобой пойду! Нѣ-ѣ-ѣтъ, я знаю... не запутаешь больше!

Возгласы дѣлались прямо изступленными. Надзирательница пробовала привести публику къ порядку. Для этого надо было или вывести истеричную женщину, или успокоить и уговорить ее. Конечно, мы, лица, ведущія чтеніе, желали, чтобы сдѣлано было послѣднее, но это оказалось дѣломъ не легкимъ, потому что прежде всего она не поняла этого уговора.

— Не уйду,—кричала женщина.—Николи не уйду, хочу здѣсь быть... душа изболѣла, замучили онѣ меня въ камерѣ-то! Говоритъ, вишь ты, я ихъ выдаю, а? Слышите, я ихъ выдаю? а они меня сами запутали, посадили въ тюрьму, да теперь хотятъ, чтобы я и въ Сибирь шла! Нѣ-ѣтъ, этого уже не будетъ! Повѣшусь на своемъ вотъ крестѣ, а не пойду съ ними въ Сибирь!

Тюремная драма выплывала наружу и распространялась подобными возгласами по всей душной и темной нашей аудиторіи. Виновники же или соучастники этой драмы несомнѣнно были здѣсь же, но они упорно молчали, отчего темнота комнаты дѣлалась какой-то зловѣщей. Женщина, истерично рыдавшая, теперь стала тише: она понемногу успокаивалась,—ну, и слава Богу!

— Такъ вотъ, господа, я остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Жилинъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ. Теперь посмотримъ, какъ они живутъ въ плѣну и что дѣлаютъ.—Читаю дальше. Слушаютъ меня, или нѣтъ, я не знаю; но шопота зловѣщаго уже нѣтъ; изрѣдка слышатся только возгласы:

— Господи Іисусе, помилуй насъ грѣшныхъ! О, охъ-хохъ, что-то будетъ! что-то будетъ! и т. д.

Какъ понять эти возгласы: умиленное ли это раскаяніе въ грѣхахъ своихъ, жалость ли, или страхъ за судьбу Жилина—не знаю. Чтеніе кончилось. Я поскорѣе позаботилась, чтобы впустили свѣтъ, сняли съ оконъ халаты, и попросила надзирательницу, нельзя ли, хоть на время, открыть дверь въ коридоръ. Надзирательница промолчала, вѣроятно оттого, что этого сдѣлать не имѣла права, но и просьба-то оказалась неосновательной: по мѣрѣ того какъ выходили арестантки, дверь все равно была открыта естественнымъ образомъ. Духота, вонь оставалась все та же, даже еще стало хуже:

изъ коридора несся убійственный запахъ,—вѣроятно, отъ ни[illegible] давленія передъ дождемъ давали себя чувствовать отхожія мѣста, вѣдь они были здѣсь по близости—въ этомъ же коридорѣ. [illegible] было поскорѣе убирать фонарь, одѣваться и уходить на свѣжій [illegible] духъ и свѣтъ. Мой сотоварищъ догнала меня въ концѣ коридо[illegible] сказала:

— А вотъ и дождикъ. Жаль, что мы попали подъ него: [illegible] идти пѣшкомъ еще до трамвая.

— Погода стала хмурая и слезливая; быть можетъ, она пла[illegible] надъ моимъ неудачнымъ чтеніемъ. Какъ вы думаете?

— Нѣтъ, почему вы считаете свое чтеніе неудачнымъ? Чита[illegible] вы хорошо, голосъ у васъ достаточно выразителенъ и громокъ. А [illegible] скандалъ-то былъ, — такъ вѣдь это вещь обыкновенная, это [illegible] тюрьма, не надо забывать!

— Да я ни минуты не забывала, что это тюрьма; но эти «ск[illegible] далы», какъ вы говорите, я думаю, болѣе походятъ на припа[illegible] истеріи и представляютъ явленіе патологическое; съ подобными яв[illegible] ніями надо бороться лѣченіемъ, хорошимъ уходомъ, который [illegible] успокаивалъ больные нервы истеричной женщины, а не надрыва[illegible] бы ихъ больше, какъ это дѣлаютъ ея товарки по камерѣ. Вѣдь, Бо[illegible] знаетъ, какъ бы онѣ ее еще не довели до полнаго сумасшествія.

— Конечно, за это поручиться нельзя, все можетъ быть; [illegible] вѣдь тюремное начальство всетаки до нѣкоторой степени слѣд[illegible] же за заключенными, да кромѣ того, въ тюрьмѣ есть врачъ... Вес[illegible] возможно, что администрація тюремная не такъ все горячо при[illegible] маетъ къ сердцу, какъ вы; такъ, можетъ, это и къ лучшему, пото[illegible] что гдѣ и въ чемъ лежитъ главная причина зла—мы не знаемъ. [illegible] тюрьмѣ мы уже видимъ результаты того зла, которое сдѣлало [illegible] счастныхъ женщинъ невмѣняемыми; а главное зло ихъ, это, вѣроя[illegible] но, экономическій вопросъ—борьба за существованіе.

— Ну, а какъ вы полагаете, какъ было бы лучше: допусти[illegible] что тюремъ совсѣмъ бы не было, и нѣкоторые люди подъ вліяніе[illegible] экономическихъ условій доходили бы до состоянія невмѣняемаго, со[illegible] вершали бы, какъ и теперь, преступленія, но оставались бы въ тѣх[illegible] же условіяхъ; мы бы ихъ, конечно, не знали, и они растворил[illegible] бы въ общей массѣ народа. Что, сумма преступленій стала бы боль[illegible] отъ этого или меньше?

— Не знаю, не думала объ этомъ.

— Ну, вотъ видите! а недавно мнѣ здѣсь въ тюрьмѣ одна [illegible] учительница говорила: кто дѣлаетъ изъ 18 или 19-лѣтнихъ д[illegible] шекъ опытныхъ воровокъ-рецидивистокъ?—Тюрьма! Почему же, [illegible]

вываясь на этомъ, не сказать, что и другимъ преступленіямъ научаетъ тюрьма. Что же касается психическихъ и разныхъ физическихъ заболѣваній, то мы съ вами объ этомъ и спорить не будемъ: ихъ при настоящихъ условіяхъ, въ которые поставлены заключенные въ тюрьмѣ, масса!

— Такъ вы, въ принципѣ, противъ тюрьмы?

— По моему взгляду всѣ преступленія совершаются подъ вліяніемъ трехъ двигателей: 1) экономическія условія, 2) психическое разстройство и 3) невѣжество массы. Тюрьма, которая собираетъ у себя субъектовъ, совершившихъ преступленія подъ вліяніемъ вышесказанныхъ двигателей, и ставитъ этихъ субъектовъ въ еще худшія условія; сама тюрьма становится зломъ и главнымъ источникомъ преступленій.

— Ну-съ, хорошо, а теперь по-вашему какова же наша миссія учительницъ въ этомъ источникѣ зла?—ядовито спросила меня учительница.

— Наша миссія ясна: бороться съ помощью грамоты съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, гуманностью и справедливостью облегчать, а пожалуй и лѣчить до нѣкоторой степени психическихъ больныхъ. Знаете, у Шиллера есть одно стихотвореніе, гдѣ говорится:

«Три слова я молвлю—отъ сердца они,
Велико ихъ на свѣтѣ значенье;
Три слова начало берутъ не извнѣ,
Но завѣщаны намъ отъ рожденья:
Человѣкъ на печальный конецъ обреченъ,
Если въ эти три слова не вѣруетъ онъ».

— Эти три слова суть: свобода, доброта и идеалъ. А вотъ конецъ стихотворенія:

«Три слова я молвилъ, значенье имъ далъ,
Пусть они далеко отзовутся,
И какъ бы кто низко душой ни упалъ,
Тѣ три слова ему остаются:
Человѣкъ не погибъ и всего не лишенъ,
Если въ эти слова еще вѣруетъ онъ».

Учительница посмотрѣла на меня и сказала:

— Да, имѣть вѣру, быть свободнымъ человѣкомъ и т. д. хорошо, но... вотъ мы и дошли незамѣтно до трамвая; дорога была незамѣтная, хотя и подъ дождемъ, а теперь поѣдемъ.

— Хорошо, ѣдемъ. Ну, а говорить о тюрьмѣ я больше не намѣрена, хотя дорога наша еще длинная-предлинная.

III.

Раза два въ мѣсяцъ, а иногда и болѣе, устраивались собра тюремныхъ учительницъ или въ залѣ общества грамотности, н гораздо чаще въ квартирѣ завѣдующей школой; здѣсь въ очень скро ной бесѣдѣ въ количествѣ 5 или 6 лицъ обсуждались и выясняли вопросы и нужды тюремно-школьнаго характера. Новичокъ-учите ница на этихъ собраніяхъ, или лучше сказать просто собесѣдо ніяхъ, узнавала очень многое: она прежде всего могла хорошо знакомиться съ духовной жизнью школы и по ней выяснить отн шенія ученицъ къ школѣ и общее настроеніе школы къ ученицамъ. А общее настроеніе школы къ ученицамъ было въ высшей степе гуманное, ласковое и даже порой нѣжное. Вся школа шла навстрѣ желаніямъ заключенныхъ и старалась, насколько могла только, уд влетворять всѣ запросы, просьбы своихъ ученицъ. Но, конечно, вмѣстѣ съ этимъ школа твердо шла къ главной намѣченной ею цѣл просвѣтительной, это—обучить прежде всего грамотѣ. Эта по су ществу простая задача, легко выполнимая во всякой школѣ, оказа лась очень сложной и трудной въ тюремной школѣ; вотъ почему н собраніяхъ учительницы не мало времени употребляли на рѣшені нѣкоторыхъ педагогическихъ вопросовъ и пріемовъ; при этомъ вы яснялся и самый типъ ученицы-арестантки. Это—типъ особый: уче ницы-арестантки не подходятъ ни къ ученицамъ воскресныхъ школъ, ни тѣмъ болѣе къ ученицамъ подросткамъ городскихъ и приходскихъ училищъ. Очень часто случается, что ученицы-арестантки записы ваются въ ученицы тюремной школы совершенно машинально, так же и садятся въ группы на занятія; у такой ученицы одно въ го ловѣ—ея дѣло: то она была уже на допросѣ, то ее завтра поведутъ на допросъ, то ея дѣло назначено къ слушанію, то ея дѣло не на значается еще до сихъ поръ и потому она мучится и боится, что ее въ тюрьмѣ совсѣмъ забыли. Иногда случалось видѣть, что арестант ка, придя въ школу, оживлялась, преображалось у ней все лицо, го ворила все съ одушевленіемъ, возбужденно. Отчего? Да вотъ—встрѣ тилась съ другой арестанткой, съ товарищемъ по дѣлу, т.-е. по ха рактеру того преступленія, за которое она посажена, а отсюда, слѣ довательно, планы, предположенія, выясненіе силы наказанія и т. д.; все это ихъ несомнѣнно захватываетъ, волнуетъ, увлекаетъ. Гораздо рѣже приходилось наблюдать учительницамъ, чтобы, приходя въ шко лу, арестантки имѣли исключительно одну просвѣтительную цѣль,— интересъ къ книгѣ, къ письму, къ чтенію вообще, или къ ариѳме тикѣ въ частности.

— Такъ зачѣмъ же,—зачѣмъ онѣ машинально записываются въ школу, отнимаютъ этимъ мѣсто у настоящихъ нашихъ ученицъ?—срывается изъ устъ новичка-учительницы.

— Какъ это зачѣмъ? да очень просто и понятно: опостылѣла имъ ихъ камера со всѣми тамъ обитателями, узнали онѣ другъ друга достаточно, еще передрались не разъ, а тутъ въ школѣ встрѣчаютъ людей изъ другихъ камеръ, съ которыми у нихъ еще не было никакихъ скандаловъ и дракъ; кромѣ того, въ школьной камерѣ и воздухъ чище да и стѣны не тѣ; ну, словомъ—все новое; это и развлеченіе и ученіе и все, что хотите.

— Даже болѣе того: это не только развлекаетъ, но и доставляетъ нѣкоторую матеріальную поддержку; вѣдь мы всѣ знаемъ, что школа даетъ обувь и одежду на выходъ своимъ ученицамъ,—сказала одна изъ учительницъ.

— Неужели же только ученицамъ школы дается на выходъ обувь и одежда, а не всѣмъ вообще женщинамъ, выходящимъ изъ тюрьмы?—искренно удивилась я.

— Конечно, не всѣмъ,—съ улыбкою возразила учительница; во-первыхъ, не всѣ же поголовно и нуждаются въ обуви и одеждѣ, а, во-вторыхъ, на всѣхъ нуждающихся и невозможно наготовиться, тѣмъ болѣе, что денежныхъ суммъ никто на это не выдаетъ и приходится собирать старыя, поношенныя вещи у знакомыхъ; гдѣ же столько ихъ возьмешь?

— Въ такомъ случаѣ это не дѣло школы, а скорѣе какого-нибудь «дамскаго тюремнаго кружка», который долженъ бы заботиться обо всѣхъ вообще заключенныхъ,—съ раздраженіемъ замѣтила одна наша сотоварка.

— Да вѣдь мы и кружкомъ дамскимъ пользуемся и изъ него беремъ, благодаря нашей доброй и хорошей завѣдующей школой. Отчасти благодаря школѣ дамскій кружокъ сталъ служить дѣйствительнымъ нуждамъ тюрьмы; а вѣдь раньше (да и теперь еще отчасти есть) выдавались вещи изъ дамскаго тюремнаго кружка только тѣмъ лицамъ, которыя зарекомендовали себя въ тюрьмѣ хорошо, иначе говоря, умѣли выслуживаться передъ начальствомъ; а лица, не умѣвшія этого дѣлать, выходили изъ тюрьмы съ больными ногами на снѣгъ прямо зимою и кончали жизнь свою въ больницахъ очень скоро по выходѣ изъ тюрьмы.

— Да вотъ моя Марья Непомнящая: если бы не школа, такъ вѣдь она за свой строптивый нравъ не получила бы ничего при выходѣ и вышла бы зимой въ декабрѣ мѣсяцѣ на свободу совсѣмъ раздѣтая. Я очень рада, что она теперь на свободѣ, о которой такъ меч-

тала. Слава Богу, по суду оправдана, а куда она пошла теперь, [illegible] находится,—не угадаешь!—задумчиво и грустно говорила учи[illegible]ница; очевидно, еще живъ былъ въ памяти образъ ея ушедшей у[illegible]ницы. Меня заинтересовала очень эта исторія Марьи Непомнящей; я обратилась къ ея учительницѣ съ просьбою сказать мнѣ что-будь объ этой ученицѣ, а главное, что она называетъ строптив[illegible] нравомъ.

— Строптивой я ее называю потому, что ужъ очень она б[illegible] прямолинейна и правдива во всемъ; поэтому трудно ей было у[illegible]ваться съ людьми. Ссорилась она здѣсь со всѣми: съ надзират[illegible]ницею, съ врачомъ и первое время—даже со мною; потомъ я по[illegible]ла ее и мы разстались друзьями. Вотъ для примѣра разскажу ва[illegible] какъ она разъ поступила съ надзирательницею. Моей Марьѣ пон[illegible]билось выйти изъ камеры въ отхожее мѣсто, такъ какъ на день [illegible]раша у нихъ уносится: ну, получивъ на это разрѣшеніе отъ над[illegible]рательницы, которая ее отперла и выпустила, Марья скрылась, ку[illegible] ей надо. Надзирательницу же тѣмъ временемъ кто-то позвалъ б[illegible] что ли принимать—уже не помню,—только она забыла даже, [illegible] выпустила Марью. Черезъ нѣсколько времени приходитъ уже въ ко[illegible]нату надзирательницы Марья и гнѣвнымъ голосомъ заявляетъ ей:

— Подь, запирай меня на ключъ-то сейчасъ! и за что это [illegible] Господи прости, только деньги-то получаете?! выпустили человѣк[illegible] забыли, а какъ бы я убѣгла?! а?

А другой разъ съ врачомъ поругалась. Пришелъ врачъ и спр[illegible]шиваетъ: не боленъ ли кто изъ нихъ. Марья сейчасъ же ему и [illegible]воритъ:

— Вотъ какъ на зло, господинъ хорошій, всѣ мы здоровехон[illegible] всѣ до единой.

— Ну и слава Богу, что здоровы,—говоритъ господинъ хоро[illegible]

Марья засмѣялась и вызывающе его спрашиваетъ:

— А будутъ тебѣ, господинъ, платить жалованье-то, ежели [illegible] болѣть-то не будемъ?

Не знаю, что сказалъ ей врачъ, только онъ ушелъ, а Марья о[illegible]злилась и кричала въ камерѣ во всю мочь:

— Какъ, знать, въ тюрьмѣ хорошо... если не болѣемъ въ тю[illegible]мѣ! хорошо—въ эдакой-то вони да грязи, хорошо... да можетъ [illegible] насъ у всѣхъ нутро-то выболѣло, можетъ дыры у насъ на кишках-то отъ тюремной вашей каши; а вотъ не скажемъ тебѣ ничего. На-емщикъ... онъ и душу-то продаетъ за жалованье и т. д.

Эта Марья потомъ была на испытаніи въ больницѣ душевнобо[illegible]ныхъ; кажется, оказалась здоровой и ее выпустили въ декабрѣ [illegible]

щѣ. Я такъ рада, что моя Марья вышла изъ тюрьмы тепло одѣтая, о крайней мѣрѣ буду знать, что не замерзнетъ зимой.

Да, много нуждъ, много горя, много интересныхъ типовъ заклюется въ стѣнахъ тюрьмы; а мы учительницы, по мѣрѣ того, какъ накомимся все болѣе и болѣе съ тюрьмою, заглядывая во всѣ ея темые уголки, выносимъ на свѣтъ, на чистый воздухъ всѣ эти нужды, оря; разсматривая ихъ, мы научимся сами, какъ и бороться съ ними; путемъ грамоты научимъ и другихъ дѣлать то же. Итакъ, поскорѣй грамоту, за учебныя занятія съ заключенными. Но вотъ сегодня олько на нашемъ собраніи рѣшили вопросъ о томъ, что надо сдѣлать, тобы занятія школьныя въ тюрьмѣ шли продуктивнѣе; иного рѣшенія е могло и быть, какъ только то, что надо увеличить время, т.-е. число асовъ для занятій. Прибавить лишній учебный день въ недѣлю мы чительницы не въ силахъ, ибо этимъ распоряжается тюремная инекція, которая не соглашалась раньше на эту просьбу,—конечно, и еперь она не позволитъ тоже. Слѣдовательно, одинъ способъ: приодить на занятія въ тюрьму гораздо раньше того часа, въ какой риходили прежде. До сихъ поръ мы собирались къ 12 ч. дня, а начинали занятія около 1 ч. и кончали ихъ въ 3 ч., а иногда немного оэднѣе. Теперь же будемъ приходить въ 10½ час. и заниматься 11½ ч.; съ 11½ ч. и до 12 час. дня обѣдъ, съ 12 до 12½ час. рогулка, послѣ прогулки съ 12½ час. и до 3 ч. учебныя занятія. акимъ образомъ, у насъ прибавился цѣлый часъ въ недѣлю. Также а собраніи выяснился для меня очень существенный вопросъ: задаются или не задаются уроки арестанткамъ. Вѣдь въ продолженіе едѣли онѣ легко могутъ забыть пройденное на занятіяхъ, если имъ е задавать уроковъ; особенно это важно для группъ, начинающихъ рамоту только. Оказывается, что уроки задаются и для этого отускаются изъ школы по камерамъ на всю недѣлю книги, тетради, ернила, перья и т. п. предметы, необходимые для приготовленія роковъ. Итакъ, черезъ нѣсколько дней я приду въ тюрьму и полуу тамъ группу неграмотныхъ арестантокъ, съ ними начну грамоту, уду имъ читать, всячески заинтересовывать, насколько только будетъ возможно,—книгою, которая имъ многое скажетъ, порой утѣшитъ и, быть можетъ, укажетъ имъ выходъ изъ темноты ихъ невѣжества.

IV.

Вотъ я и опять въ тюрьмѣ, въ томъ же душномъ коридорѣ... я, кажется, сегодня пришла немного раньше: часы показываютъ еще

только 10 ч. и 10 м., ну, ничего—подожду: вѣроятно, скоро при-дутъ и всѣ остальныя учительницы.

— А вы уже здѣсь? Отчего это такъ рано?—съ удивленіем спросила меня надзирательница. Я ей объяснила—почему, и, ка-жется, ея удивленіе отъ этого стало еще больше:

— И чего это вы всѣ такъ стараетесь и заботитесь о нихъ. Право, не стоятъ онѣ такой заботы... Другой разъ жаль смотрѣть дадутъ учебную книгу въ камеру, чтобы ученицы уроки готовили, онѣ поругаются, а потомъ раздерутся другъ съ другомъ въ камерѣ то, и отъ вашей книги останутся одни листочки... Многому научи-лись, нечего сказать!

— Такъ вѣдь это случается и въ другихъ школахъ; изъ-за этого бросать заниматься съ ними было бы слишкомъ жестоко.

— Не знаю, какъ въ другихъ школахъ... учительницей не была, а вотъ только вижу, что все, что здѣсь ни дѣлаютъ для арестан-токъ,—все ни къ чему... вотъ еще горе-то... даютъ имъ изъ школы тетради, перья и чернила... посмотрѣли бы вы, что онѣ дѣлаютъ с ними.

— Что же особеннаго онѣ могутъ дѣлать съ ними: ну, чернила разольютъ, а тетради разорвутъ и только?

— И только,—засмѣялась раздраженная надзирательница,—да нѣтъ, не только... Вы видѣли, какія у нихъ тетрадки. Каждая те-традка прошнурована, каждый листъ въ тетрадкѣ занумерованъ, приложено къ той и другой сторонѣ обертки по печати; все это сдѣ-лано тюремнымъ начальствомъ для того, чтобы не вырывались листы, на которыхъ онѣ имѣютъ обыкновеніе писать письма. А онѣ до чего додумались... начинаютъ понемногу обдирать обложку и, если она розовая, либо красная, то плюютъ на нее и покрываютъ ею себѣ щеки, ходятъ такія румяныя, вотъ безсовѣстныя! такъ и въ школу приходятъ... Ну, постепенно обложка уничтожена, печать сама по себѣ на обложкѣ отпадаетъ по этому случаю, шнуры развязываются, и, конечно, листы тетради тогда можно и вырвать... говорятъ:—моя тетрадка что-то разсыпалась!—слышите, тетрадка разсыпалась...—опять засмѣялась надзирательница.

— Ну, да если бы и писали письма, такъ кому имъ писать-то? всякое ихъ письмо, писанное въ тюрьмѣ, проходитъ черезъ началь-ство; такъ зачѣмъ же имъ все такъ хитро продѣлывать?

— Черезъ какое это начальство?—удивленно спросила надзира-тельница,—просто напишутъ да по веревкѣ въ окно въ мужскую камеру и спровадятъ.

— Ну, будетъ вамъ, зачѣмъ имъ переписываться съ мужчи-

ерой? Рѣдкія изъ нихъ и писать-то умѣютъ!—съ волненіемъ за-
лла я.

— Правда ваша, писать не всѣ могутъ, а только рѣдкія; ну
таки во всякой камерѣ найдется по грамотѣйкѣ-то... Зато эти
отѣйки и выдѣлываютъ же надъ остальными штуки, просто дру-
разъ ужасъ возьметъ!

— А знаете что? Не желаю я знать всѣхъ интимныхъ сторонъ
ьмы: я учительница, мое дѣло научить грамотѣ и все тутъ!

Надзирательница опѣшила, что называется, а потомъ застѣнчиво
вила:

— Ужъ очень вонючій у насъ этотъ коридоръ... не желаете ли
дѣть въ камерѣ... правда, она не совсѣмъ свободная: въ ней
енно помѣщается одна изъ привилегированныхъ — сидитъ за
огъ,—ну, да ни вы ей, ни она вамъ не помѣшаете.

Я съ удовольствіемъ согласилась и вошла въ камеру, мнѣ ука-
тую. Дѣйствительно, на скамейкѣ за столомъ сидѣла уже очень
лая и полная женщина въ темномъ ситцевомъ капотѣ; увидѣвъ
, она повернула только голову въ мою сторону и спросила:

— Какова погода-то сегодня?

— Погода отличная: тепло и даже жарко!

— Ну вотъ, вотъ, я такъ и думаю; вотъ бѣда-то! Батюшки мои,
хъ-ахъ!—докончила она съ зѣвотой и потягиваясь.

— Да какая же въ томъ бѣда-то, что погода весной теплая и хо-
шая.

— Да вѣдь вамъ, извѣстное дѣло, все равно, а наше дѣло дру-
ежели погода-то такая установится, такъ мои всѣ квартиранты
флигеля на дачу съѣдутъ,—да-а... а мы еще вотъ погорѣли...

— Погорѣли? отчего же пожаръ-то у васъ случился?

— Отчего... ужъ это, извѣстно, воля Божья.

— Да, вотъ что, воля Божья.

— Извѣстно—на все Его святая воля; я такъ и моей бабѣ го-
ила, да ее дуру развѣ уймешь этимъ?

— Какой это бабѣ?

— Да дворничихѣ-то нашей; пошла кричать да причитывать,—
ей трапье въ сундукѣ сгорѣло, будто тамъ и деньги были... ка-
деньги—поди, вретъ все!

— Всетаки жаль, если бѣдная дворничиха ваша на этомъ по-
рѣ лишилась всего, что имѣла.

— Господь Батюшка намъ крестъ посылаетъ, и мы должны тер-
ѣть,—сказала женщина, набожно перекрестившись, и взглядъ сво-

ихъ опухшихъ красныхъ глазъ устремила на темную, мален
иконку въ углу, передъ которой уже горѣла лампадка.

— Дворничиха лишилась всего,—а я не лишилась? я куп
2-ой гильдіи, всѣ меня знаютъ и родителя-то моего какъ ува
чтили; у него тоже было 3 дома и лавка, капиталу одного скол
а вотъ Господь посѣтилъ несчастіемъ за наши грѣхи, и родител
погорѣлъ, и вотъ я тоже!

— Что же, вашъ родитель много потерялъ на пожарѣ-то?

— Потерялъ, извѣстное дѣло, много; страховку хорошую п
чилъ; ну, Богъ привелъ, и опять отстроился; а вотъ я—несчас
женщина—и заступиться-то за меня некому—попала, гляди-ко,
какое мѣсто—въ тюрьму!—сказала и горько заплакала моя с
сѣдница.

— Не плачьте! вѣроятно, на судѣ все выяснится, и вы бу
оправданы.

— И была бы оправдана, ежели бы кто взялъ меня на пор
вѣдь только тысячу рублей залогу-то за меня и надо, и я бы изб
лась и отъ тюрьмы, и отъ Сибири.

— Тысячу рублей? за васъ?—удивленно спросила я.

— Ну да, за меня только одну тысячу, не правда ли, вѣдь
стяки?

— Да, пустяки,—машинально отвѣтила ей я.

— Голубушка, заставьте за васъ вѣчно Бога молить, вне
за меня залогъ—вѣдь только одну тысячу... Гляжу я здѣсь на в
васъ учительницъ-то: какія вы всѣ добрыя да ласковыя, так
саму душу и смотрите.

Я не выдержала и уже съ досадой сказала ей:

— Ахъ, да у меня нѣтъ, нѣтъ у меня для васъ тысячи.

Женщина посмотрѣла на меня пристально, потомъ отверну
положила локти на столъ, подперла руками голову и молча на
смотрѣть въ окно.

— А что, если она и вправду невинна,—мелькнула у мен
головѣ мысль,—и вѣдь очень жаль ее.

Женщина обернулась ко мнѣ, точно угадавъ мои мысли, и
просила:

— Пожалуйста, купите мнѣ чаю и сахару; только чай я
хорошій, Попова, дорогой,—а сквернаго чая, какъ и табаку, я
терплю.

Я молчала и думала: какъ быть? Но выручила меня надзир
ница, которая пришла и объявила, что школьная камера уже

та и еще кое-кто пришелъ изъ учительницъ. Я очень была рада своему освобожденію отъ этой аудіенціи и радостно сказала:

— Ну, прощайте, до свиданія!

Моя собесѣдница едва кивнула мнѣ головой,—очевидно, очень осталась мною недовольна.

Я вошла въ нашу школьную камеру, гдѣ уже были двѣ учительницы. Онѣ рѣшали вопросъ, какъ лучше сдѣлать: въ виду того, что часъ занятій уже насталъ, а учительницъ собралось только половина, то не лучше ли будетъ попросить надзирательницу отпустить ученицъ до обѣда на прогулку, а уже послѣ обѣда мы будемъ заниматься сплошь до 3 ч.; тѣмъ временемъ и учительницы запоздавшія придутъ. Я ничего не имѣла противъ такой комбинаціи, и арестантокъ отпустили на прогулку. Сидѣть нѣсколько часовъ подъ-рядъ среди душной, вонючей атмосферы очень непріятно, да къ тому же съ непривычки и рискованно: говорили мнѣ, что съ нѣкоторыми учительницами отъ этого дѣлались обмороки. Я заявила свое желаніе идти на прогулку съ арестантками. Противъ этого никто ничего не имѣлъ, и я отправилась. Весь дворъ былъ освѣщенъ яркимъ и теплымъ весеннимъ солнцемъ. Такой былъ рѣзкій контрастъ съ темнымъ коридоромъ, что первое время больно было глазамъ смотрѣть и захватывало духъ. Невольно порадуешься за арестантокъ: пользуются хоть этимъ благомъ. Всѣ женщины-арестантки ходили по-двое и по-трое и о чемъ-то серьезно говорили, однѣ очень оживленно, другія—менѣе, но въ полномъ порядкѣ и благонравіи. По временамъ налеталъ легкій вѣтерокъ и приносилъ съ собой запахъ распускающихся тополей; порой надъ нашими головами пролетали птицы,—ну, словомъ, даже здѣсь, за тюремной стѣной, и то дѣлалось хорошо, чувствовалась неизъяснимая сила весны и всей оживающей природы. Арестантки замѣтили мое присутствіе и что-то начали перешептываться между собою; потомъ одна изъ нихъ подошла ко мнѣ и спросила:

— Вы учить, что-ль, у насъ будете?

— Да, учить,—отвѣтила я.

— Что-жъ, это хорошо... а вотъ ту зиму еще у насъ была учительница-то, вотъ барыня-то... ну, что за барыня! Экой души человѣкъ! и все она знаетъ, все какъ есть знаетъ... нѣтъ ужъ поди такой другой и не наживемъ!

— Да что—она занималась, что ли, съ вами очень хорошо?

— Ужъ это извѣстно занималась, какъ ей положено, рихметикой тамъ, аль чѣмъ другимъ... ну только вотъ душа-то человѣкъ!

Долго я пыталась узнать, чѣмъ особенно была хороша учительница, такъ и не добилась толку. Доброта ли душевная, красота ли

физическая, или то и другое вмѣстѣ производило впечатлѣніе,—догадаться трудно.

— А помнишь, Дунька, какъ у тебя зубы-то болѣли; она тебѣ лѣкарства вотъ въ эстакомъ махонькомъ пузыречкѣ принесла, помнишь?

— Извѣстно, помню!

— Да зачѣмъ же вамъ лѣкарства-то носить, вѣдь, небойсь, даютъ вамъ и казеннаго! докторъ же здѣсь есть?—спросила я.

— Когда даютъ!—удивились арестантки,—въ камеру-то не даютъ; надо ходить въ больницу, да очереди тамъ ждать, а зубья-то, знаешь, какъ болятъ: вотъ хоть на стѣну полѣзай, а тутъ иди да еще тамъ жди... да у насъ лѣчить не любятъ: какъ заболѣлъ зубъ, сейчасъ его вонъ... у меня, почитай, за годъ-отъ 7 зубьевъ вытащили, да-а, ей-Богу, правда!

— А мнѣ она гребешокъ купила... чего, говоритъ, ты косматая-то ходишь, подь причешись... гребень-то и сейчасъ у меня цѣлъ,—проговорила молоденькая арестантка съ очень миловиднымъ лицомъ.

Вѣроятно, женщины цѣнили въ бывшей учительницѣ болѣе всего ея вниманіе къ нимъ даже въ мелочахъ, и это вполнѣ понятно: ужъ очень онѣ непривычны видѣть заботу и вниманіе къ себѣ. Во время нашего разговора подошли къ намъ еще нѣсколько арестантокъ и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли и слушали, что говоримъ. Во второмъ этажѣ черезъ чугунныя рѣшетки въ окнахъ показывалось нѣсколько мужскихъ лицъ, которые, видимо, съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на насъ; женщины тоже очень скоро обратили на нихъ свое благосклонное вниманіе, и пошла игра словами, а порой многозначительными отдѣльными выкриками, понятными и доступными только лицамъ, посвященнымъ въ эту науку. Разговаривать же мужскому отдѣленію съ женскимъ на простомъ человѣческомъ языкѣ строго воспрещалось. Очень скоро началась цѣлая пантомима на дворѣ: женщины собирались въ кружки, что-то выдѣлывали руками, топали ногами, ходили подбоченясь, представляли изъ себя умирающихъ; я ничего не понимала въ этой пантомимѣ; но зрители второго этажа все понимали отлично, и въ концѣ-концовъ какъ артистамъ публика бросаетъ цвѣты на сцену, такъ и нашимъ артисткамъ полетѣли изъ второго этажа камешки, завернутые, конечно, не зря, въ бумагу. Цѣлой гурьбой женщины бросились къ нимъ и съ яростью вырывали одна у другой. Потомъ женщины въ свою очередь завертывали камешекъ въ бумажку, вынутую уже у себя изъ кармана, и старались попасть въ то окно, изъ котораго были выброшены имъ. Такъ вот

что я приняла за игру, когда въ первый разъ проходила по этому двору. Это нѣчто вродѣ безпроволочнаго телеграфа: одинъ аппаратъ чувствуетъ и понимаетъ другой, настроенный съ нимъ на одинъ тонъ. Однако уже настало часъ обѣда и прогулкѣ конецъ. Вотъ и наша надзирательница пришла призвать насъ всѣхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Къ моему великому удивленію, всѣхъ арестантокъ-женщинъ по возвращеніи съ прогулки заперли опять по камерамъ, сосчитавъ каждую, какъ бы неодушевленный предметъ. Шумъ изъ камеръ доносился до насъ, учительницъ, и невольно вызывалъ насъ въ коридоръ. Изъ коридора всюду въ форточкахъ дверныхъ виднѣются напряженные глаза, за чѣмъ-то слѣдящіе и чего-то ожидающіе. Ужасно страшно было видѣть это.

— Чего они, однако, такъ напряженно ждутъ?—съ этой фразой я обратилась къ подошедшей ко мнѣ надзирательницѣ.

— Сейчасъ обѣдъ имъ принесутъ,—былъ отвѣтъ.

Вскорѣ по асфальтовому полу коридора зашаркали чьи-то ноги, очевидно, неся что-то очень тяжелое; быстро распространился запахъ луку, постнаго масла и еще чего-то, и глазамъ, наконецъ, представилось торжественное зрѣлище: два мужика на палкѣ, продѣтой въ деревянныя ушки шайки, несли что-то, очень чинно шагая нога въ ногу, чтобы не расплескать. Пронеся шайку такъ торжественно черезъ весь коридоръ, мужики остановились, поставили ее на полъ, вынули палку изъ ушковъ шайки и сняли съ пояса большую деревянную черпалку-ложку, которую и передали надзирательницѣ.

— Что это—супъ или щи?—спрашиваю я у надзирательницы, которая тѣмъ временемъ усиленно мѣшала что-то въ шайкѣ, настойчиво вглядывалась въ жидкость, точно намѣреваясь отыскать тамъ кладъ, или увидѣть необычайно интересную вещь на днѣ этой шайки.

— Да я и сама не пойму... какъ будто картофель, а вотъ и лоскутокъ капусты... чего это они нынче намѣшали? — вопросительно, съ недоумѣвающимъ видомъ продолжала разслѣдованіе надзирательница.

Тѣмъ временемъ запахъ отъ кушанья и шумъ отъ шаговъ проникъ и въ камеры, тамъ заволновались: сначала слышался шумъ и гулъ отъ многихъ голосовъ сразу, что-то говорившихъ, а потомъ начался стукъ въ двери камеръ и возгласы:

— Насъ отпирай сначалу!

— Мы въ очереди! поскорѣй!

— Шестую камеру не отпирай: она опосля насъ.

— Да что же это значитъ?—спрашиваю я у надзирательницы.

— Значитъ-то,—говоритъ она разсѣянно,—значитъ, что всѣхъ

ихъ за одинъ разъ выпустить нельзя за тѣмъ, чтобы онѣ брали са
обѣдъ, а выпускаемъ мы ихъ по камерамъ; слѣдовательно, снача
возьметъ обѣдъ такая-то камера, а потомъ вотъ та, затѣмъ вотъ эт
ну, вотъ онѣ всегда и бѣсятся: все имъ кажется, что поступаютъ
по чести съ ними, особенно тѣ, чья очередь третья или четверт
просто съ ума сходятъ; да вы сами увидите, это представленіе у на
ежедневно.

— Позвольте, да почему же вы говорите: сначала такая каме
потомъ вонъ та, затѣмъ вотъ эта? Почему же просто не соблюда
очередь по порядку номеровъ камеръ: сначала 1, потомъ 2, 3 и т. д.

— Это было бы еще менѣе справедливо: въ этомъ коридорѣ
камеръ, слѣдовательно, восьмые всегда были бы послѣдними, или
первыми, это вызвало бы скандалъ еще большій.

— Ну, тогда всѣхъ ихъ отпереть,—пусть онѣ берутъ себѣ сам
какъ хотятъ?

— И этого нельзя,—тогда жалобъ и дракъ будетъ безъ конц
Когда изъ одной камеры приходятъ за супомъ, такъ и то дерутся,—
кому-де больше дали, кому меньше; а тогда онѣ и меня-то разорвут
на части.

Камеры волновались все болѣе и болѣе, крики и стукъ въ две
не то кулаками, не то ногами все усиливался; слышались отдѣльн
фразы, то просящія, то угрожающія въ такомъ родѣ:

— Надзирательша-а-а, ро-о-дная наша, пусти, ей-Богу, жрать-т
хочется.

— Не пускать ихъ! не по праву: ежели пустите, мы окна п
бьемъ; тоже выдумали… а кто вчерась раньше насъ обѣдъ получал
кто? а?

— Господи, да что же вы медлите, не даете имъ ѣсть-то? вѣд
кушанье—вотъ оно?—съ горечью и раздраженіемъ вырвалось у мен

— Нѣтъ судковъ ихъ, и ложекъ еще не принесли, вѣроятно,
моютъ еще,—спокойно отвѣтила надзирательница.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли и судки. Они были сдѣла
на подобіе банныхъ тазовъ, но только не мѣдные, а, вѣроятно, ж
стяные. Ложки—деревянныя; ихъ арестантка принесли въ свое
передникѣ цѣлую кучу. Другая женщина-арестантка принесла у
порѣзанные ломти чернаго хлѣба и соль. Когда вся посуда бы
собрана, надзирательница пошла по очереди отпирать камеры. Из
отпертой камеры буквально не вышелъ, а высыпался народъ; торо
пясь, перегоняя другъ друга, толкаясь, падая, хватали арестант
свои судки и, какъ мнѣ показалось, дрожащими руками держали ихъ,
пока имъ щедрою рукою надзирательница наливала не то супъ,

то щи, или скорѣе то и другое вмѣстѣ. Меня удивило, что такъ много вмѣщалъ въ себя каждый такой судокъ.

— Неужели все это съѣстъ одна?—спросила я тихонько надзирательницу.

— Нѣ-ѣтъ, это на пятерыхъ; лучше бы по одной-то давать, а то все дерутся, да посуды столько нѣтъ.

Женщина, получившая наполненный судокъ, отправилась въ камеру, а за ней еще нѣсколько человѣкъ несли кто хлѣбъ, кто ложки. Мнѣ очень хотѣлось прослѣдить, какъ онѣ ѣсть будутъ, и когда одна камера была уже снабжена супомъ и дверь ея опять закрылась, то я съ любопытствомъ заглянула въ форточку въ дверяхъ: всѣ женщины сидѣли на полу группами, одна группа въ 5 человѣкъ, другая въ 4 человѣка, третья въ 3 человѣка. Я подумала: отчего такъ неравномѣрно? отчего бы не составить каждую группу въ 5 человѣкъ. Потомъ я сообразила, что вѣдь не всякое число дѣлится на 5 безъ остатка, тѣмъ болѣе, что группы формировались по числу судковъ, отпускаемыхъ по камерамъ; если въ этой камерѣ 28 человѣкъ, а судковъ 6, то, конечно, въ однѣхъ группахъ будетъ по 5, а въ послѣдней 3, или двѣ послѣднія по 4, а 4 по 5; иначе быть не можетъ, но судки у всѣхъ равнаго размѣра, слѣдовательно, понятно, что въ малыхъ группахъ всѣ сыты, а въ большихъ, можетъ быть, и не хватаетъ. Пока я смотрѣла и считала, не замѣтила, какъ за моей спиной въ коридорѣ стала какая-то женщина-арестантка, которая тоже внимательно заглядывала въ камеру, гдѣ обѣдали.

— Я вамъ мѣшаю, вы въ камеру идете?—спросила я арестантку.

— Насижусь еще въ камерѣ-то... я сегодня дежурная по коридору.

— Что вы не обѣдаете?

— Я уже обѣдала въ кухнѣ.

— Въ чемъ же заключается ваше дежурство?

— Вотъ убирать этотъ коридоръ, мести его, чистить также отхожія мѣста, носить къ обѣду хлѣбъ, рѣзать хлѣбъ,—дѣла-то много!—улыбнулась арестантка.

Меня удивило въ этой женщинѣ то, что она говоритъ хорошо: не похоже, что она была изъ простыхъ и по лицу, и по складу рѣчи.

— Вы давно въ тюрьмѣ?

— Да вотъ ужъ второй годъ!

— А въ школѣ учитесь?

— Нѣтъ, я беру только книги читать. У меня ребенокъ,—онъ здѣсь родился, вотъ здѣсь и растетъ; я все больше съ нимъ.

Арестантка говорила такъ хорошо, спокойно, видимо, у ней вся

духовная жизнь сосредоточена была на ребенкѣ и въ ребенкѣ, кото-
рый помогалъ ей переносить легче и тяжелое тюремное заключеніе.

— Что же, здоровый у васъ ребеночекъ-то?

— Когда сама кормила, такъ былъ здоровъ, а теперь боле-
все; да вотъ скоро, вѣроятно, выпустятъ,—вѣдь я уже наказ-
отбываю,—на свободѣ-то онъ у меня поправится.

Нѣкоторыя группы въ камерѣ уже съѣли свою порцію, подо-
съ судками къ двери, увидѣвши дежурную, и обратились къ ней
словами:

— Матрешь, а Матрешь, еще положь немножечко!

— Спрошу надзирательницу, подождите,—отвѣтила имъ Мат-
на и отправилась съ судками къ мѣсту, гдѣ разливали супъ.

Надзирательница была уже чѣмъ-то раздражена и громко за-
явила:

— Не дамъ я имъ больше супу; онѣ получили сегодня перв-
а у меня еще не брала камера пересыльныхъ.

— Что такое за камера пересыльныхъ у васъ?—спросила я Ма-
трешу, которая вернулась уже съ пустымъ судкомъ.

— А это тѣ, которыя слѣдуютъ за мужьями въ Сибирь; сидя-
здѣсь, томятся, болѣютъ, ждутъ не дождутся, когда-то ихъ ушлютъ.
Дѣтей ихъ жалко больно: имъ уже очень здѣсь плохо... все м-
ленькія.

— Какой же имъ разсчетъ ѣхать съ мужьями въ Сибирь да е-
многодѣтнымъ?—удивилась я.

— Я хорошо-то не знаю, говорятъ, если жена съ дѣтьми сл-
дуетъ въ Сибирь за мужемъ, то онъ тамъ будто бы избавляется о-
рудниковыхъ работъ, и вообще семейныхъ облегчаютъ... Да и баб-
то, оставшаяся послѣ мужа-каторжника на волѣ съ дѣтьми, ку-
она дѣнется? Кто ее возьметъ? Работать ей дѣти не дадутъ. Да в-
Сибири-то, говорятъ, легче бабѣ съ дѣтьми найти службу, или дѣ-
какое, чѣмъ здѣсь-то.

— Дежурная! Неси кашу!—громко пронесся голосъ надзиратель-
ницы по сводамъ коридора.

— Хорошо, сейчасъ,—отвѣтила моя собесѣдница скромны-
тихимъ голосомъ и отправилась въ кухню.

Скоро появилась и каша; ее клали въ тѣ же металлическіе су-
и процедура раздачи каши была все та же. Мнѣ прямо тяжело б-
смотрѣть на это кормленіе и нехватало духа подойти и попробова-
ту кашу, которую арестантки уничтожали съ жадностью голодн-
людей. Такъ и хотѣлось спросить:

— А прусовъ здѣсь нѣтъ—въ вашей кашѣ, въ вашей по-

Но ограничилась я тѣмъ, что постаралась отыскать опять Матрешу и спросила ее:

— Чисто ли вообще содержится здѣсь кухня?

Матреша улыбнулась и сказала:

— Почему же ей быть здѣсь чистой-то? Здѣсь все грязно, все плохо. Если-бъ кто и захотѣлъ руки приложить свои и сдѣлать, какъ лучше, какъ чище, такъ все равно никто бы ничего не сдѣлалъ, потому что для этого надо все передѣлывать снова.

— Но вѣдь въ тюрьмѣ есть смотритель, есть инспекція, есть врачъ,—всѣ они слѣдятъ же и за чистотой, и за тѣмъ, чтобы была пища хорошая и т. д.?

— Чего-жъ мужчины понимаютъ въ этомъ дѣлѣ? Они, поди, и дома-то у себя не знаютъ, какъ у нихъ въ кухнѣ-то!

Пожалуй, отчасти Матреша была права.

Однако прошелъ еще часъ, а насъ, учительницъ, стало только на одну больше. Теперь уже мы приступили къ обсужденію вопроса, какъ намъ четыремъ вести занятія съ шестью группами. Приходилось мнѣ, какъ лицу еще не получившему опредѣленную группу, заниматься опять за другую учительницу, да не за одну, а за двоихъ, т.-е. съ двумя группами. Почти тотчасъ же послѣ обѣда всѣ ученицы были собраны въ школьную камеру и мнѣ отрекомендовали ученицъ, съ которыми я сегодня должна была заниматься. Ученицъ было немного—въ обѣихъ группахъ всего 5; а потому мы усѣлись за небольшимъ отдѣльнымъ столомъ и начали сначала бесѣдовать, а потомъ и заниматься. У одной ученицы на рукахъ былъ 10-тимѣсячный ребенокъ, и она все время качала его, играла съ нимъ и въ то же время внимателтно слушала, что я говорю, и прежде всѣхъ отвѣчала мнѣ на вопросы.

— Неужели же вы всегда съ ребенкомъ занимаетесь?—спросила я ее.

— Всегда, я ни на минуту въ камерѣ его безъ себя не оставляю,—горячо и нервно возразила молодая и красивая арестантка.

— Ну, а какъ же вы съ нимъ писать-то будете?

— А вотъ сюда на столъ посажу, а сама здѣсь писать буду,— весело какъ-то посмотрѣвъ на своего ребенка, сказала мать.

Ребенокъ былъ тоже очень красивъ, очень чисто и опрятно одѣтъ; совершенно не похоже, что и онъ растетъ среди тюремной обстановки. Нѣжный и здоровый цвѣтъ его личика, веселые жизнерадостные глазки такъ и блестѣли, перебѣгая взглядами съ одного предмета на другой. Ручонки его ко всему тянулись: ему нужны была чернильница и перо, и тетради, конечно, для того, чтобы все это тащить въ

ротъ; у него обильно текла слюна изъ ротика, очевидно, уже прорѣзывались зубы. Здоровый ребеночекъ развивался правильно, какъ на волѣ.

— Давно ли вы съ нимъ здѣсь?—спросила я.

— Пятую недѣлю уже, отвѣтила мать, внимательно смотря что-то въ книгу.

Эти двѣ мои случайныя группы, съ которыми я занимаюсь, были хорошо грамотны: хорошо читали и понимали прочитанное, а также недурно писали и дѣлали даже письменное изложеніе прочитаннаго. Трое изъ моихъ сегодняшнихъ ученицъ показали мнѣ свои тетради, въ которыхъ было написано изложеніе того, что читала имъ учительница во время урока. Я могла познакомиться съ этими работами только съ внѣшней стороны, а читать ихъ во время урока—жалко было времени. Съ внѣшней стороны работа выполнена хорошо: довольно опрятно содержалась тетрадь, красиво и четко написано было изложеніе.

Ученицы увидѣли, что я бѣгло просматриваю ихъ тетради, и одна изъ нихъ меня спросила:

— Развѣ вы намъ не поправите наше изложеніе?

— Я съ удовольствіемъ это сдѣлаю, но я думаю, что вамъ пріятнѣе было бы, еслибъ эти изложенія прочла и поправила ваша учительница, вѣдь я временная ваша учительница, а она постоянная.

— Ну, хорошо, тогда задайте намъ еще новое изложеніе,—мы будемъ писать!

— Не желаете ли вотъ теперь же написать изложеніе того, что мы съ вами прочтемъ сейчасъ, и это изложеніе будетъ у насъ вмѣсто диктовки?

Ученицы охотно согласились на это, и мы принялись читать статью изъ второй книги для взрослыхъ Алчевской—«Пасторъ Оберлейнъ». Мы разобрали съ ученицами этотъ разсказъ по пунктамъ, выясняя послѣдовательно, какъ пасторъ Оберлейнъ вводилъ постепенно культуру въ совершенно дикую страну и почему первымъ дѣломъ было открыть школу и т. д. Двѣ ученицы (изъ 5) очень оживились подъ вліяніемъ этого разсказа и одна даже спросила:

— А вправду былъ такой пасторъ или его писатель выдумалъ?

Не успѣла я отвѣтить, какъ уже другая увѣреннымъ тономъ пояснила:

— Ну да, былъ, только въ нѣмецкой землѣ!

— Развѣ что въ нѣмецкой!—недовѣрчиво проговорила первая.

Я взяла на руки ребенка ученицы и ходила съ нимъ по комнатѣ

ячески развлекая и забавляя его, чтобы онъ не вспоминалъ мать, торая съ увлеченіемъ писала мнѣ изложеніе. Всѣ ученицы, какъ рошо грамотныя, писали скоро и бойко,—только однѣ очень разсѣянно, другія же—серьезно и сосредоточенно относились къ своей работѣ. Ребенокъ тоже былъ оживленъ, прыгалъ у меня на рукахъ, дымалъ вверхъ свои ручонки, точно собираясь летѣть куда-то. поднесла и подняла его высоко къ окну, онъ уперся своими ручками объ откосый подоконникъ и сосредоточенно уставился на го-то; мать обратила на насъ вниманіе, и пристально и долго смотрѣла на ребенка.

Я спросила:

— Въ окнѣ рамы нѣтъ, вы не боитесь, что я его простужу?

— Нѣтъ, нѣтъ! я и въ камерѣ такъ дѣлаю; только тамъ и рѣшотка, и стекло, а здѣсь чистый воздухъ дуетъ.

— На что это онъ заглядѣлся такъ долго?—спросила я.

— Вѣроятно, птицу или муху видитъ.

— Есть у него игрушки?

— Какія игрушки! Онъ еще малъ. Есть одна побрякушка, да онъ все ее бросаетъ, а потомъ въ ротъ тащитъ, а въ камерѣ-то, знаете, на полу какая чистота-то.

— Ну, какъ подвигается ваше изложеніе?

— А вотъ скоро кончимъ, вы прочтете,—сказала съ улыбкой ученица и отправилась къ своему мѣсту дописывать работу.

Черезъ нѣкоторое время ученицы, очевидно, кончили свою работу: закрыли тетрадки, отодвинули чернила и перо, даже вздохнули не то отъ тяжести непосильной работы, не то отъ сознанія удачно исполненнаго дѣла.

— Что же, кончили? Можно прочесть?—спросила я.

— Кончили, только ужъ, пожалуйста, прочтите дома, что я написала,—просила одна ученица.

— И мою также прочтите дома,—сказала другая.

— Ну, а мою какъ хотите; всѣ вмѣстѣ писали одно и то же, и читать можно бы... вотъ я имъ читаю вслухъ въ камерѣ, слушаютъ охотно, а какъ стану говорить съ ними о чемъ прочла, уйдутъ въ другой уголъ,—сказала ученица съ ребенкомъ, котораго я уже ей передала на руки.

— Чего-жъ разговаривать-то? здѣсь вѣдь не на свободѣ: на свободѣ, извѣстно дѣло, говорили бы, а здѣсь—тюрьма.

«Такъ вотъ что связываетъ ихъ языки,—думалось мнѣ, и невольно при этомъ вспомнились слова надзирательницы, которая говорила, что «грамотѣйки выдѣлываютъ надъ неграмотными разныя

штуки». Я молчала, а мысли мои бѣжали одна за другой, хотѣлось даже крикнуть: «У васъ въ тюрьмѣ заключеннымъ можно ругаться, драться, порой даже неистовствовать, стучать въ двери руками и ногами, но нельзя заключеннымъ высказывать свои мысли, навѣянныя какимъ-либо впечатлѣніемъ, либо книгою. Но почему же? Да потому, что мысль свободна, а здѣсь никакая свобода не признается». По дорогѣ домой изъ тюрьмы я не утерпѣла, чтобы не просмотрѣть тетрадокъ своихъ учениць, въ которыхъ онѣ мнѣ писали изложеніе. Мнѣ очень хотѣлось знать, какъ онѣ мыслятъ вообще, какъ поняли прочитанную статью, и пробудила ли она какія-либо въ нихъ мысли. И вотъ что въ первой же тетради я нахожу довольно четко написано:

«Зачѣмъ тюрьма, зачѣмъ острогъ?
Зачѣмъ неволя и печали?
Хоть Божій міръ отъ насъ далекъ,
А мы о немъ кой-что слыхали.
Мы вѣримъ въ Бога въ небесахъ,
Мы знаемъ пастора Оберлея,
Мы видимъ ангеловъ у насъ
Добра, свободы и идеи.
Хоть тѣло здѣсь,
Но духъ нашъ тамъ,
Гдѣ пасторъ много такъ трудился,
Чтобъ показать примѣромъ намъ,
Чего великій умъ добился».

Послѣ этого общаго впечатлѣнія, выраженнаго въ стихотворной формѣ, излагается весь разсказъ о пасторѣ Оберлейнѣ, очень вѣрно: ученица хорошо поняла содержаніе разсказа, все колоссальное значеніе такого лица, какъ пасторъ Оберлейнъ. Пріятно было читать, легко и отрадно думать, что разсказъ, какъ крупица добраго семени, попалъ на хорошую почву, навѣрное возрастетъ и принесетъ со сторицею. Но вотъ другое изложеніе: «Въ нѣмецкой странѣ жилъ пасторъ (это—что нашъ священникъ), звали его Оберлянъ. Онъ пошелъ служить въ бѣднѣйшій приходъ, гдѣ и земля-то ничего не родила, потому были одни только камни. Захотѣлъ онъ дѣлу помочь, какъ отъ бѣдности избавиться, и сталъ строить школу»... Весь разсказъ написанъ въ этомъ же духѣ, только въ концѣ любопытное добавленіе: «разсказъ хорошій, а не все въ немъ выговорен ; все у нихъ потомъ, вишь, завелось; и школа, и аптека, и больниц , а какъ же тюрьма, была, али нѣтъ? и можно ли безъ тюрьмы быть?» Эти два изложенія не шаблоннаго характера, поэтому я ихъ и пр вожу здѣсь, остальныя же три ничего изъ себя оригинальнаго

едставляли. Я была сильно рада, что разсказъ выбранъ былъ удач-, и всю дорогу до дому строила планы, какъ подобрать для пере-азовъ или изложеній статьи систематически, чтобы по выходѣ изъ орьмы ученицы помнили, что узнали добраго въ школѣ; но на о нужно имѣть время и свѣжую голову, а моя слишкомъ устала, къ тому же сегодня намъ объявили, что занятія въ тюремной колѣ прекращаются на всѣ лѣтніе каникулы по случаю ремонта тюрьмѣ, слѣдовательно, обдумать серьезно систематическій планъ зсказовъ для изложеній времени будетъ достаточно.

— О чемъ это вы задумались?—прервала мои мысли учитель-ща, ѣхавшая со мной въ одномъ трамваѣ.

— Да вотъ, не знаю еще, съ осени какую группу мнѣ брать — амотную или неграмотную. Сегодня я занималась съ хорошо гра-тными ученицами, и мнѣ кажется, съ ними, пожалуй, заниматься тереснѣе, чѣмъ со звуковиками!

— Не спорю, что интереснѣе, но тюремная школа имѣетъ значеніе лько для неграмотныхъ арестантокъ, а для грамотныхъ что же она етъ? читать, писать и здраво мыслить онѣ умѣли и раньше, до тюрь-, въ тюрьму пришли уже готовыми, съ опредѣленными взглядами, торые вы передѣлать не въ силахъ, если находите неправильными, въ силахъ потому, что ихъ взгляды, ихъ міровоззрѣніе на все ружающее складывались не изъ книжной морали, а изъ самой ъ жизни. Вотъ, напримѣръ, одна моя ученица хорошо грамотная орила со мной, что ложь не грѣхъ, что безъ лжи нельзя прожить ловѣку, потому что всякое дѣло, какое бы человѣкъ ни дѣлалъ, пряжено съ ложью. Эта женщина—моя ученица занималась сна-ла торговлей, потомъ жила въ прислугахъ, дальше содержала кія-то дешевыя меблированныя комнаты, и, наконецъ, попала въ орьму. Тюрьма ее еще болѣе укрѣпила въ мнѣніи, что ложь не ѣхъ, а скорѣй—спасеніе. Разубѣдить ее въ этомъ намъ, учитель-щамъ, невозможно.

— Вѣроятно, такая ученица едва ли бы и повѣрила учитель-щѣ, если бы та хотѣла разубѣдить ее,—замѣтила я.

— Весьма возможно,—продолжала учительница, потому что эта ученица разъ меня спросила, сколько я получаю жалованья за , что учу въ тюремной школѣ; я ей отвѣтила, что жалованья мы, ителъницы, не получаемъ совсѣмъ.

— Кто же безъ денегъ жить можетъ?—удивленно спросила меня еница,—потомъ прибавила: «Можетъ, чего другое получаете?... а лько сюда ходить,—обуви истреплешь болѣ, чѣмъ надо.. и все ъ-за ничего?

— Ну, какъ бы я ей доказала свое безкорыстіе въ этомъ дѣ
для нея совершенно непонятное и чуждое!

— Я думаю, съ такими взглядами учениц среди неграмотны
еще больше и онѣ еще упорнѣе въ своихъ заблужденіяхъ, благод
ихъ неразвитости. А вотъ сегодня одна ученица написала мнѣ из
женіе о пасторѣ Оберлейнѣ... прочтите-ка его. Я передала тетрад
учительницѣ, и она, быстро прочитавъ ее, сказала:

— А эту ученицу я знаю. Мнѣ приходилось заниматься съ н
по случаю манкировокъ ея учительницы нѣсколько разъ. Она бол
шая поклонница «труда» всякаго, во всякой формѣ и имѣетъ св
опредѣленный взглядъ на трудъ вообще. Вамъ не приходилось с
ней говорить объ этомъ?—спросила меня учительница.

— Нѣтъ, я только въ первый разъ съ нею занималась.

— Ну, такъ вотъ. Во-первыхъ, она содержится въ тюрьмѣ з
дѣланіе фальшивыхъ денегъ: недоумѣваетъ и удивляется, поче
эта работа, какъ она говоритъ, преслѣдуется и карается та
строго. По ея мнѣнію все, что достается трудомъ, все, къ чему п
лагается трудъ, да еще такой тяжелый и упорный, должно быть
конно. По ея мнѣнію, надо сажать въ тюрьму людей, которые
вутъ на тѣ капиталы, которые даже и не сами пріобрѣли, а по
чили по наслѣдству. Однимъ словомъ все, что пріобрѣтено не тр
домъ, она отрицаетъ, и считаетъ такое пріобрѣтеніе преступленіе

Мы уже доѣхали.

Намъ надо разстаться, а жаль: я еще охотно поговорила бы
вами о нашей тюремной школѣ, ну, до свиданья, до слѣдующ
уже раза!

— До свиданья и тюрьма съ ея интересными ученицами,
свиданья и вы, милыя учительницы, съ которыми я съ грустью р
стаюсь до осени!

Л. К.

РОМАНЪ ВЪ МАСТЕРСКОЙ.

Авраама Кагана *).

(Переводъ съ англійскаго).

Лейзеръ Липманъ принадлежалъ къ числу тѣхъ портныхъ-хо-
въ, которыхъ ихъ же работники называютъ «мелкотою»; это
ачало, что онъ имѣлъ очень маленькую мастерскую съ одною
лько «упряжкою» рабочихъ, т.-е. держалъ одного строчильщика,
ого сметывальщика, одну кончальщицу и одного гладильщика.

Мастерскою занята была одна изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ
квартиру на третьемъ этажѣ запущеннаго стараго дома, и въ
й же самой комнатѣ производилась стряпня и происходили семей-
я трапезы. Она выходила на грязный дворикъ и черезъ темную
льню сообщалась съ пріемною, изъ оконъ которой былъ виденъ
ый центръ еврейскаго базара. Связки уже скроенныхъ частей
жды были разбросаны по полу, лежали безпорядочными кучами у
ой изъ стѣнъ, загромождали кухонный столъ и пару стульевъ, а
углу образовывали импровизированное ложе, на которомъ покоил-
грязный двухлѣтній мальчикъ, Лейзеровъ наслѣдникъ.

Различные предметы болтались на гвоздяхъ около двери или ва-
лись между связками сукна; тутъ были: кухонная посуда, гряз-
е бѣлье, Липманова бархатная ермолка, шляпы, башмаки, нож-
цы, катушки и многое другое. Раскаленная до-красна плита съ
ко сверкающей рѣшеткой, уставленной горячими утюгами, поддер-
вала чрезмѣрно высокую температуру въ комнатѣ и въ букваль-
ъ смыслѣ оправдывала ея прозвище «потѣльной мастерской».

Работы было очень мало. Но распорядитель того магазина гото-
го платья, однимъ изъ многочисленныхъ контрагентовъ котораго

---

*) Первые разсказы изъ того же сборника Кагана помѣщены въ *Русской Мысли* 1905 г.

былъ Липманъ, приходился троюроднымъ братомъ женѣ послѣд... заботился, чтобы мужъ его родственницы не оставался безъ д... Поэтому въ Лейзеровой мастерской дѣло шло полнымъ ход... Строчильщикъ Хейманъ, засучивъ рукава на своихъ коричнев... рукахъ, направлялъ подъ машину неоконченный пиджакъ, надъ к... торымъ голова его, съ гривой курчавыхъ темныхъ волосъ, пар... точно орелъ надъ добычей. Онъ покачивался въ тактъ ритмичес... жужжанію своей машины, шумъ которой, съ присоединеніемъ э... гическихъ ударовъ Мейерова утюга, составлялъ какъ бы оркес... вый аккомпанементъ къ звучному и печальному дуэту, распѣвае... му кончальщицей Бейлей и сметывальщикомъ Давидомъ.

Лейзеръ ушелъ въ контору магазина, откуда бралъ заказ... Злета, жена его, отправилась въ продолжительную экспедицію ... покупками. Это обстоятельство давало работникамъ передышку ... тѣхъ стѣсненій, какія обыкновенно налагались на нихъ присутст... емъ хозяина и хозяйки; они старались обмануть свою скуку и ут... леніе то пѣніемъ, то подшучиваніемъ надъ хозяевами или дру... надъ другомъ.

— Ну, полагаю, что, пожалуй, будетъ!—сказалъ Мейеръ, ту... лый, рыжій и веснущатый сорокалѣтній парень, подчеркивая с... замѣчаніе сердитымъ ударомъ утюга.—Вы безъ умолку поете э... пѣсню уже въ пятидесятый разъ! Мнѣ, наконецъ, надоѣло.

— Вамъ не нравится? Такъ заткните уши!—возразила Бей... не поднимая головы, наклоненной надъ работой.

— Нѣтъ, отчего же? Нравится,—отвѣтилъ Мейеръ;—но ко... у васъ ротъ закрытъ, то мнѣ нравится еще больше, вотъ что!

Серебристо-звонкій голосъ Бейли, когда она пѣла, погруж... Хеймана въ блаженную тоску, давалъ ему новыя силы для работы... какъ бы вливалъ новую жизнь во всѣ его члены; когда же ея пѣ... было прервано замѣчаніемъ гладильщика, то онъ невольно пріос... новилъ машину съ тѣмъ непріятнымъ чувствомъ, которое испы... ваютъ танцоры при неожиданной и внезапной остановкѣ музыки.

— А вы?—обратился онъ къ Мейеру, съ раздраженіемъ по... нувшись на стулѣ.—Бываетъ недурно, когда вы говорите, но ... куда лучше, когда вы молчите. Не слушайте его, Бейля! Пойте да... ше,—сказалъ онъ дѣвушкѣ, причемъ съ его ослѣпительно-бѣ... лица исчезъ всякій гнѣвъ, а маленькіе глазки сощурились при с... увѣренной и любезной улыбкѣ.

— Занимались бы лучше своимъ дѣломъ, Хейманъ! Могли ... въ это время заработать полцента,—отпарировалъ Мейеръ съ ... ническимъ взглядомъ, намекая на то обстоятельство, что стр...

щикъ имѣлъ репутацію скопидома, который надрывался надъ работой, лишалъ себя всякаго удовольствія и наслаждался единственно видомъ своей книжки изъ сберегательной кассы.

Возникла рѣзкая перебранка, перешедшая на тему о раболѣпіи Хеймана передъ хозяиномъ.

— Вѣдь это вы, не правда ли,—сказалъ Мейеръ,—придумали эту складчину для подарка ко дню рожденія хозяина? Намъ, разумѣется, неловко было отказаться. Почему же Давидъ держитъ себя независимо?

— Да развѣ я васъ заставлялъ?—возразилъ Хейманъ.—И чѣмъ я виноватъ, что хозяинъ именно мнѣ сдѣлалъ намекъ насчетъ подарка? Съ дѣлами теперь такъ туго, что намъ нужно благодарить Бога за постоянную работу,—закончилъ онъ, опять наклоняясь надъ машиной.

Давидъ, который тоже пересталъ пѣть, молча тыкалъ иголкой въ куски сукна, разложенные на хозяйскомъ обѣденномъ столѣ. На время онъ прервалъ работу, чтобы поправить растрепавшіеся черные волосы, причемъ гребнемъ служила пятерня, и вытереть рукавомъ рубашки потъ со своего смуглаго, безбородаго, типично-еврейскаго лица.

Пока онъ это дѣлалъ, его томные каріе глаза были устремлены на кончальщицу. Она инстинктивно почувствовала его взглядъ и подняла голову. Ея свѣжее, веселое личико, розовое отъ жары и усердія, обратилось прямо къ молодому человѣку. Давидъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть смущеніе, предложилъ вопросъ:

— Что-жъ, вамъ прибавятъ жалованья?

Бейля утвердительно кивнула и опять нагнулась надъ шитьемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ теперь у васъ будетъ по пяти долларовъ въ недѣлю! Боюсь, теперь вы заважничаете, а?

— А вамъ завидно? Такъ я съ удовольствіемъ помѣняюсь съ вами: уступлю вамъ мои пять долларовъ и буду брать ваши двѣнадцать каждую недѣлю.

У Липмана работали сдѣльно. Согласно обычаямъ того міра, гдѣ въ ходу «выжиманіе пота», его строчильщикъ, сметывальщикъ и кончальщица были номинально договорены за извѣстную плату въ недѣлю, но въ дѣйствительности имъ уплачивалось поштучно, такъ какъ рабочая недѣля опредѣлялась извѣстнымъ количествомъ готовыхъ сюртуковъ или пиджаковъ, а вовсе не должнымъ числомъ оборотовъ земли вокругъ ея оси; и «потѣльный» день лишь въ томъ случаѣ совпадалъ съ солнечнымъ, если въ теченіе его было сдѣлано

должное количество штукъ. Что же касается гладильщика, то с
всегда и неизмѣнно платится поштучно.

Чтобы читатель могъ яснѣе представить себѣ поштучную с
тему въ портновскомъ ремеслѣ, могу сослаться на Давида, хотя
ложеніе послѣдняго не лишено сатирическаго оттѣнка. Въ са
дѣлѣ, Давидъ, несмотря на свою обычную молчаливость, былъ б
шимъ шутникомъ, и немногочисленныя фразы, которыя онъ ро
во время работы, часто вызывали шумную веселость его товари
хотя онъ произносилъ ихъ съ небрежнымъ видомъ и со своимъ об
нымъ добродушно-ироническимъ взглядомъ, который странно гар
нировалъ съ общимъ угрюмымъ выраженіемъ его лица.

— Мои двѣнадцать каждую недѣлю,—повторилъ Давидъ.—Ах
понимаю! У васъ въ недѣлѣ выходитъ двѣнадцать дней!—И с
иголка вновь заныряла по сукну.

— Какъ же это у васъ выходитъ?—спросилъ Мейеръ, что
вызвать шутку у своего остроумнаго сосѣда.

— Вамъ-то, разумѣется, этого не понять. Но спросите Хей
или Бейлю. Мы трое понимаемъ.

— Такъ объясните ему, и онъ тоже пойметъ,—посовѣтова
Бейля, заранѣе смѣясь ожидаемой шуткѣ.

Хотя кончальщица того не знала, но ея просьба имѣла неодо
мую власть надъ Давидомъ и въ настоящемъ случаѣ развязала е
языкъ.

— Ну, я получаю въ недѣлю двѣнадцать долларовъ, а Х
манъ—четырнадцать. Въ рабочей недѣлѣ шесть дней, но хмъ!—
«но» застреваетъ у меня въ горлѣ,—но у насъ день не въ день, ес
мы не сошьемъ двѣнадцати сюртуковъ. А календари всѣ врутъ!

— Какъ же это такъ?

— Да по ихнему въ суткахъ бываетъ двадцать четыре часа,
это вздоръ! Въ суткахъ бываетъ двѣнадцать сюртуковъ.

Восторженное хихиканье Бейли обострило его склонность къ ир
ніи, и онъ продолжалъ:

— Въ синагогѣ сейчасъ читаютъ вторничный псаломъ, а я б
сталъ читать понедѣльничный.

— Почему?

— Да какъ же? Скоро придетъ Мейерова жена съ его обѣдо
а мнѣ еще осталось додѣлать два вчерашнихъ сюртука. Поэтому
меня все еще понедѣльникъ. У меня вторникъ начнется только с
дня въ два часа.

— Сколько-жъ вы получите за эту недѣлю?—допытыва
Мейеръ.

— Къ концу недѣли я не одолѣю четырехъ рабочихъ дней и получу всего восемь долларовъ въ пятницу,—въ томъ, конечно, случаѣ, если хозяйка не истратитъ до тѣхъ поръ нашего жалованья. Поэтому, когда наступитъ пятница, для меня все будетъ среда. А когда женюсь, — прибавилъ онъ, помолчавши, — и баба станетъ просить денегъ на субботній расходъ, я буду отвѣчать ей, что еще только среда, а не пятница, и что у меня нѣтъ денегъ.

Давидъ умолкъ, но мысленно продолжалъ иронизировать, перескакивая съ предмета на предметъ.

Давидъ считалъ себя большимъ чудакомъ и часто изумлялся тѣмъ штукамъ, какія выкидывало его воображеніе, тѣмъ каррикатурнымъ комбинаціямъ, какія возникали въ его головѣ. Въ настоящую минуту, наклонившись надъ работой, онъ вникалъ въ причину того, что Мейеръ напоминаетъ ему цифру семь.

— Какая чепуха!—мысленно восклицалъ онъ, изгибаясь надъ поворотомъ работы.—А на что похожъ Хейманъ?—возникъ у него въ умѣ вопросъ, точно на зло. Онъ искоса посмотрѣлъ на строчильщика, перебирая всѣ арабскія цифры и даже всю еврейскую азбуку въ поискахъ чего-нибудь похожаго на молодого человѣка; но ничего не нашелъ.—Его лицо скорѣй шло бы дѣвушкѣ,—рѣшилъ онъ, наконецъ, и мысленно повязалъ Хейманову голову платочкомъ Бейли. Но это почему-то его покоробило, и онъ перенесъ свое вниманіе на толстый носъ строчильщика. Нѣтъ, этотъ носъ слишкомъ скверенъ для дѣвушки. Его не худо бы немножко построгать. Онъ точно будто недодѣланъ. Еслибъ не носъ, то Хейманъ и въ самомъ дѣлѣ былъ бы красивъ. Кожа бѣла, какъ снѣгъ, усы густые и щеголеватые...— Да, кабы не носъ, онъ былъ бы ничего, — лукаво подшучивалъ онъ про себя.—Да и мнѣ было бы ничего, еслибъ у Хеймана отвалился носъ,—прибавилъ онъ, переходя мыслью къ Бейлѣ и недоумѣвая, почему она такъ мила. Вѣдь и у нея носъ не особой красоты: слишкомъ прямой и... и какой-то легкомысленный. Глаза у нея какъ будто состарились и точно каждую минуту собираются заплакать. Ахъ, но зато губки... и прелестная улыбка, выползающая изъ угла рта! Его охватило сильнѣйшее стремленіе броситься на эти губки и расцѣловать ихъ, что онъ и исполнилъ мысленно и отъ чего сквозь его тѣло прошелъ точно электрическій токъ. При этомъ состарившіеся глаза Бейли восхищали его и пронзали до самаго сердца, а носъ не только не казался легкомысленнымъ, но какъ будто выражалъ презрѣніе, торжество и проницательность, точно зная всѣ его мысли.

Пока все это происходило въ мозгу и въ сердцѣ Давида, Бейля была занята Хейманомъ и своими къ нему отношеніями. Его уха-

живаніе за нею не было ни для кого тайною, и онъ самъ ничуть скрывалъ его. Напротивъ, онъ не пропускалъ дня, чтобъ не про дить ее домой послѣ работы, и водилъ ее на балы и пикники, это требовало большого самопожертвованія отъ человѣка, дрожав надъ каждой копейкой и вознаграждавшаго всякій непредвидѣн расходъ экономіей на собственныхъ трапезахъ. Когда онъ стоялъ нею вдвоемъ въ воротахъ дома, гдѣ она жила съ матерью, то го его становился такимъ нѣжнымъ, трепетнымъ, и нѣсколько р онъ даже назвалъ ее ласкательнымъ именемъ «Бейлинька». Одна все это тянулось уже три мѣсяца, а онъ не только ни разу не мекнулъ на свадьбу, но даже не сдѣлалъ никакого подарка.

Мать не давала ей покоя и настаивала на выборѣ между ф мальнымъ обрученіемъ и искомъ за нарушеніе брачнаго обѣща Бейля согласна была скорѣе умереть, чѣмъ стать героиней так скандальнаго процесса; кромѣ того, мысль натравить на Хей полицію казалась черезчуръ ужасною, чтобы остановиться на хоть на минуту.

Она любила его. Ей нравились его цвѣтущее лицо, его барств ные усы, оригинальная манера вскидывать головою при ходьбѣ; было пріятно его общество, она была увѣрена, что влюблена въ не ея ближайшая пріятельница, землячка и подруга дѣтства, недав вышедшая за гладильщика Мейера, подтвердила ей этотъ фактъ.

Но она испытывала нѣкоторое разочарованіе. Влюбленность пр ставлялась ей гораздо болѣе пріятною. Она полагала, что влюбл ная дѣвушка восхищается всѣмъ въ предметѣ своей привязанно и слѣпа ко всѣмъ его недостаткамъ. Она слыхала, что любовь п добна постоянному блаженному трепету сердца.

— Я чувствую, точно у меня здѣсь что-то таетъ,—говорила указывая на сердце, одна изъ ея подругъ незадолго до своей свадь бы.—Видишь: и болитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сладко.—А у нигдѣ ничего не таетъ, и кое-что въ Хейманѣ положительно ей нравится. Его улыбка иногда бываетъ ей противна. Ахъ! Еслибъ он не жмурилъ глазъ, когда улыбается! Что онъ не щедръ на день это ей даже пріятно: когда на ней женится, то будетъ отдавать все жалованье до копейки. Но вотъ, когда они бываютъ вмѣстѣ балу, то никогда не подходитъ къ стойкѣ, чтобы угостить ее ста номъ содовой воды, какъ другіе кавалеры угощаютъ дамъ, а то даетъ ей яблоко или грушу, которыя обыкновенно покупаетъ по рогѣ, на лоткѣ. Дѣйствительно ли она влюблена? Можетъ быть, ошибается? Только нѣтъ! Онъ всетаки ей очень милъ. Должно виновата она сама. Мать недаромъ укоряетъ ее за нытье и

чанье, отъ котораго нѣтъ покоя ея окружающимъ. Но почему онъ не объясняется? Не потому ли, что слишкомъ жаденъ, чтобы содержать жену? Неужели онъ ее дурачилъ? Значитъ, за кого же онъ ее принимаетъ?

Нужно отдать справедливость Хейману, что, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, она ошиблась и подозрѣвала его неосновательно. Денежныя соображенія не играли никакой роли въ его нерѣшительности. Еслибъ она наблюдала за нимъ и могла заглянуть ему въ душу въ тѣ моменты, какъ онъ подсчитывалъ свою кассовую книжку (что онъ дѣлалъ очень часто), то убѣдилась бы, что маленькія изображенія ея самой прыгаютъ передъ его глазами между цифрами и что итогъ вызываетъ въ его воображеніи картину будущаго счастья, въ которой средоточіемъ является именно она.

Бѣдняжка! Она не знала, что, когда онъ медлительно гладилъ ея руку, прощаясь съ нею подъ воротами, то предложеніе такъ и вертѣлось у него на языкѣ, и что, не имѣя силы облегчить себя отъ своей тайны, онъ каждый разъ утѣшалъ себя тѣмъ, что минута была неудобна и что завтра онъ непремѣнно все порѣшитъ. Она не знала, что всего два дня назадъ ему пришло на умъ прибѣгнуть къ посреднику во образѣ дамскихъ часовъ и что, пока она теперь сидитъ, сокрушаясь, не дурачитъ ли онъ ее, золотой знакъ любви лежитъ въ его жилетномъ карманѣ, тикая заодно съ его сердцемъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи того вечерняго часа, когда возможно будетъ исполнить возложенное на него порученіе.

«Попрошу мать поговорить съ нимъ», рѣшила Бейля, задумавшись надъ иголкой. Она начала воображать себѣ эту сцену; но въ ту же минуту мысли ея были внезапно прерваны, такъ какъ что-то вцѣпилось ей въ волосы и пребольно потянуло ихъ. Это былъ хозяйскій сынокъ. Онъ только что пробудился отъ послѣобѣденнаго отдыха и, за отсутствіемъ другихъ развлеченій, запустилъ свою грязную ручонку въ ея синевато-черныя кудри.

— Онъ пріучается быть хозяиномъ, — замѣтилъ Давидъ, вниманіе котораго привлекъ визгъ кончальщицы.

Голосъ Бейли побудилъ Хеймана вскочить на ноги, выпутать пальцы ребенка изъ волосъ дѣвушки и отхлопать его по щекамъ. Пока это происходило, на порогѣ распахнувшейся двери показался отецъ маленькаго преступника. Хейманъ мрачно вернулся на мѣсто, уткнулся носомъ въ работу и трескомъ машины сталъ заглушать вопли мальчика, который прибѣгъ бы къ гораздо болѣе высокимъ нотамъ, присутствуй здѣсь его мамаша.

Липманъ снялъ пальто, смѣнилъ высокую шляпу на засаленную

бархатную ермолку, закурилъ сигару и, съ видомъ добродушн... ловой важности приблизившись къ Мейеру, принялся разсмат... сюртукъ.

— А на что похожъ этотъ?—спросилъ себя Давидъ, взгляды... въ своего хозяина.—На метлу палкой внизъ,—рѣшилъ онъ къ ... ему удовольствію.—А его табакерка (подъ этимъ наименова... разумѣлся Липмановъ большой носъ)? Сущая скрипка! А ротъ? ... рты обыкновенно бываютъ у глухо-нѣмыхъ. А борода? Через... густа и слишкомъ красива для его рожи. Она попала на нее ... ошибкѣ.

Тутъ дверь опять распахнулась, и въ перевалку вошла г-жа Ли... манъ, отдуваясь и ведя на буксирѣ какую-то пожилую парочку.

— Зеленчаки!—замѣтилъ про себя Мейеръ.—Должно быть, ... ляки ея, недавно пріѣхали.

— Она—совершенный самоваръ, ужъ и пыхтитъ точно такъ же,... подумалъ Давидъ, послѣ равнодушнаго взгляда на незнакомцевъ у... вившись на свою дородную и малорослую хозяйку.—Нѣтъ,—... правилъ онъ себя,—она больше похожа на метлу, изъ которой ... дернута палка. Вотъ именно! И какъ весело было бы привязать ... палку на голову и начать ею мести полъ! А ротъ? Ей-Богу, поду... ешь, будто она только и дѣлаетъ, что чихаетъ.

— Вотъ Лейзеръ! Лейзеръ, посмотри, какихъ гостей я прив... тебѣ,—воскликнула Злета, побросавъ свои свертки.—Садитесь, ре... Абрумъ, садись, Бася! Это у насъ мастерская,—продолжала она ... улыбкою, выражавшею одновременно радушіе и торжество, ког... шумныя привѣтствія пришли къ концу.

Мейеръ не ошибся: Злетины гости только что пріѣхали съ ея ро... дины, изъ бѣднаго городка западной Россіи, гдѣ занимали горазд... болѣе высокое положеніе, нежели ихъ теперешняя хозяйка; и г-жа Ли... манъ, встрѣтивши ихъ на улицѣ, поспѣшила пригласить ихъ къ себѣ, чтобы поразить своимъ американскимъ благополучіемъ.

— Пойдемте, я покажу вамъ мою гостиную, — проговори... г-жа Липманъ, маня за собою земляковъ, и, прежде нежели тѣ успѣ... сѣсть на предложенные стулья, повела ихъ въ лучшую комнату.

Когда процессія вернулась, Лейзеръ, повинуясь женѣ, зан... ребомъ Абрумомъ и началъ посвящать его въ тайны американск... портняжества.

— Ахъ! Ахъ!—внезапно воскликнула Злета съ улыбочкой.—... чуть не забыла объ угощеніи. Бейлька,—обратилась она къ конча... щицѣ небрежно-повелительнымъ тономъ,—вотъ мелочь, принеси и... лавочки двѣ бутылки содовой воды.

— Не ходи, Бейля,—прошепталъ Давидъ черезъ столъ, замѣвши нежеланіе дѣвушки.

Бейлѣ нерѣдко случалось ходить по порученіямъ хозяйки, но она вгда исполняла это неохотно и единственно изъ страха потерять сто. Но всетаки Злета обыкновенно просила этихъ услугъ, какъ олженія; на этотъ же разъ Бейля была смертельно оскорблена ея велительнымъ тономъ и, при мысли, что ее при чужихъ ставятъ положеніе прислуги, покраснѣла, какъ огонь. Тѣмъ не менѣе, рспектива очутиться безъ работы побудила ее не возражать Злетѣ, она уже готова была протянуть руку за монетой, когда совѣтъ Дада задѣлъ ее за живое, обостривъ въ ней чувство собственнаго достоинства; она продолжала шить. Хейманъ, работу котораго прервала бозначательность гостя, видѣлъ всю сцену, но отвернулся и сталъ зиться надъ своей машиной. Сердце въ немъ замерло отъ неловкои положенія; онъ нервно скрипѣлъ зубами и щурилъ глаза, ожидая дальнѣйшемъ еще худшаго. Все въ немъ дрожало отъ жалости къ злюбленной и отъ смертельной ненависти къ Давиду.

«Но что же можно сдѣлать?—оправдывался онъ передъ самимъ бой.—Развѣ не глупо рисковать потерей постоянной работы въ перешнюю глухую пору ради такой бездѣлицы, какъ сбѣгать за тылкой содовой воды? Какое дѣло было Давиду вмѣшиваться?»

— Оглохли вы, что ли? Я говорю вамъ: принесите содовой воды, ивѣй!—воскликнула г-жа Липманъ, сама боясь, что заходитъ черезръ далеко.

— Ни съ мѣста, Бейля!—настаивалъ сметывальщикъ, съ огнемъ ъ глазахъ.

Бейля не двинулась.

— Говорю вамъ, ступайте!—загремѣла Злета, покраснѣвъ, точно векла, по ея собственному любимому выраженію.

— Не безпокойся, Злета,—вмѣшалась Бася, чтобы прекратить вмѣшательство.—Мы только что пили чай.

— Не безпокойтесь, совершенно не стоитъ,—поддержалъ Абумъ.

Но это только еще болѣе взбѣсило Злету; забывая о послѣдтвіяхъ, она двинулась къ предмету своего раздраженія, вырвала раюту изъ рукъ дѣвушки и взвизгнула:

— Или принесите воду, или сію минуту убирайтесь изъ моей астерской!

Хейманъ хотѣлъ что-то сказать, что-то сдѣлать, самъ не зная, то именно, но языкъ у него одеревенѣлъ, кровь застыла въ жилахъ, онъ не въ силахъ былъ ни заговорить, ни двинуться.

Лейзеръ, отличавшійся спокойствіемъ и миролюбіемъ и находившійся весьма подъ башмакомъ супруги, стоялъ, нервно улыбаясь и покручивая бороду.

Давидъ сталъ сѣровато-блѣднымъ и, дрожа отъ бѣшенства, говорилъ громко и развязно:

— Плюнь на нее, Бейля, и не огорчайся! Пойдемъ со мной. Я найду тебѣ мѣсто получше. Эта штука не выйдетъ, хозяюшка! Ваши знакомые все ужъ поняли, не правда ли?—обратился онъ къ гостямъ.—Ей хотѣлось васъ огорошить, за этимъ она васъ сюда и притащила. Она хвасталась передъ вами ковромъ въ гостиной, не такъ ли? А говорила ли, что онъ купленъ на выплату, и что разносчикъ хотѣлъ взять его назадъ, потому что неаккуратно платятъ?

— Лейзеръ! Что-жъ ты... пьянъ?—насилу выговорила г-жа Липманъ, причемъ злоба и отчаяніе исказили ея лицо.

— Ступайте вонъ!—произнесъ Лейзеръ такимъ тономъ, который скорѣе подходилъ бы для радушнаго приглашенія остаться.

Впрочемъ, въ этихъ словахъ и не было нужды, такъ какъ Давидъ уже застегивалъ на себѣ пальто и былъ въ шляпѣ. Машинально, слѣдуя его примѣру, Бейля также одѣлась. Видя ее въ новой кофточкѣ и заново отдѣланной большой старой шляпѣ, Бася сравнила ее съ разстроенной хозяйкой и нашла, что кончальщица болѣе похожа на барышню, а Злета—на служанку.

— Приготовьте къ пятницѣ наше жалованье и всю недоплату также!—было послѣднимъ выстрѣломъ Давида, и парочка вышла изъ комнаты, вызывающе хлопнувъ дверью.

— Вотъ она, Америка!—замѣтила Злета, пытаясь презрительно улыбнуться.—Послѣдняя нищая дѣвчонка, и та задираетъ носъ.

— А зачѣмъ же позволять собой командовать? Она вѣдь не горничная,—пробормоталъ Хейманъ, глядя въ уголъ, и накинулся на машину, чтобы заглушить свое горе.

. . . .

Когда дневной трудъ былъ оконченъ, у Хеймана не хватило духу показаться Бейлѣ на глаза, и онъ не пошелъ къ ней, хотя сильно желалъ ее видѣть. На слѣдующее утро онъ проснулся съ головной болью и воспользовался этимъ предлогомъ передъ самимъ собою, чтобы лечь спать немедленно послѣ ужина.

На другой день вечеромъ, онъ отправился на Дивизіонную, къ тому дому, гдѣ, наверху, жила его милая съ матерью; но когда дошелъ до воротъ, то его храбрость пропала. Къ его трусливому поведенію во время той памятной сцены присоединилось, такимъ образомъ, въ глазахъ кончальщицы, очевидное равнодушіе, вы-

ное отсутствіемъ въ теченіе двухъ вечеровъ въ такое критическое время. Онъ придумалъ солгать, чтобы объяснить свое поведеніе. Но все было напрасно. Онъ не могъ принудить себя къ ужасному для него свиданію. И такъ пошли дни одинъ за другимъ, причемъ каждый усиливалъ невозможность рѣшиться на желанное посѣщеніе.

Наконецъ, въ одинъ вечеръ, недѣли черезъ двѣ послѣ пораженія г-жи Липманъ, Хейманъ, какъ будто забывши о своей трусости, бодро взбѣжалъ по четыремъ лѣстницамъ дома на Дивизіонной. Онъ уже собирался постучаться, когда услышалъ странный шумъ, какъ будто въ комнатѣ били посуду, и восклицанія веселыхъ голосовъ. Вскорѣ онъ разобралъ: «Желаемъ счастья! Желаемъ счастья!» и не могъ ошибиться въ значеніи слышаннаго. Очевидно, тамъ собрались свадебные гости. Раввинъ только что прочелъ брачную запись, и, по обычаю, согласіе сторонъ было подтверждено разбитіемъ тарелки.

Тутъ же Хейманъ услышалъ рѣчи, которыя разсѣяли всѣ его сомнѣнія относительно лицъ, вступавшихъ въ союзъ: «Будьте счастливы, Давидъ! Будьте счастливы, Бейля. Дай вамъ Богъ счастливо дожить до старости! Фейге, что же вы не возьмете пирога? Не церемоньтесь! Дай Богъ счастья!» —доносилось изъ-за двери среди общаго гула голосовъ.

Хейманъ былъ пораженъ и, чувствуя головокруженіе, поспѣшно отретировался.

Со времени траги-комическаго происшествія въ мастерской Липмана, Бейля представляла себѣ Хеймана лишь въ томъ жалкомъ, трусливомъ видѣ, въ какомъ онъ сидѣлъ за машиною въ теченіе той памятной сцены. Она была увѣрена, что возненавидѣла его; однако, въ первые дни сердце ея не переставало трепетать отъ ожиданія его визита. Когда же она рѣшила, что, если бы онъ и пришелъ, то она всетаки не захочетъ имѣть съ нимъ ничего общаго, изъ глубины ея сознанія раздался голосъ, увѣренно говорившій: «Охъ, нѣтъ! Ты знаешь, что ни за что не откажешь ему. Ты не рискнешь остаться старой дѣвой, не правда ли?» Мысль о томъ, что онъ бросилъ ее, терзала ее день и ночь. Неужели онъ воспользовался ея уходомъ изъ мастерской Липмана, чтобы избѣгнуть предложенія, которое естественнымъ образомъ отъ него ожидалось, но котораго онъ, можетъ быть, никогда не хотѣлъ дѣлать? Неужели онъ только забавлялся ею?

Когда прошла недѣля, а Хейманъ все не показывалъ глазъ, то она рѣшила, что позволитъ матери посовѣтоваться съ адвокатомъ относительно жалобы на нарушеніе брачнаго обѣщанія. Но нѣкій образъ, уже нѣсколько дней жившій въ ея сердцѣ, отвлекъ ея мысли отъ этого рѣшенія. То былъ образъ человѣка, болѣе храбраго, пе-

жели Хейманъ,—такого, который казался болѣе способнымъ защи-тить жену, внушалъ ей болѣе уваженія и довѣрія и, главное, кажется собирался сдѣлать ей предложеніе.

То былъ Давидъ. Молодой портной ухаживалъ за ней со спокой-ною настойчивостью и подавленнымъ жаромъ, чѣмъ не замедлилъ покорить сердце дѣвушки. Онъ нашелъ себѣ и ей работу въ одной и той же мастерской, провожалъ ее домой каждый вечеръ, аккуратно являлся послѣ ужина, чтобы сводить ее прогуляться, и по дорогѣ за-ходилъ купить для нея леденцовъ или приглашалъ въ кофейную, чего никогда не дѣлывалъ Хейманъ; смѣшилъ ее своими шутками и, по истеченіи десяти дней, сидя рядомъ съ нею вечеромъ въ Централь-номъ Паркѣ, сказалъ въ отвѣтъ на ея слова, будто такъ темно, что она даже не знаетъ, гдѣ находится:

— Я вамъ скажу, гдѣ вы находитесь; угадайте!

— Гдѣ?

— У меня въ сердцѣ и не даете мнѣ спать по ночамъ. Скажите, Бейля, что я вамъ сдѣлалъ? За что вы такъ тревожите меня?

Сердце ея сильно забилось. Она постаралась разсмѣяться и отвѣ-тила:

— Не знаю... Вы никакъ не можете не шутить. Удивительно!

— Шутить? А вамъ хочется, чтобъ я заплакалъ? Съ удоволь-ствіемъ, если вы только согласитесь выйти за меня замужъ,—отвѣ-тилъ онъ, густо краснѣя подъ покровомъ ночи.

— Когда?

Это слово сорвалось съ ея губъ помимо ея сознанія.

— По мнѣ, хоть бы и завтра...

Перевела В. Кошевичъ.

Памяти В. А. Гольцева.

(† 18 ноября 1906 года.)

Я чту тебя, идейный паладинъ,
За твой призывъ, за гордый духъ свободный —
Когда царила ночь среди родныхъ равнинъ,
Ты смѣло шелъ впередъ на подвигъ благородный.
Борясь съ неправдою, съ могучимъ, властнымъ зломъ,
Ты страстно полюбилъ гонимую свободу,
Разилъ ея враговъ карающимъ перомъ
И свѣточъ яркій несъ забытому народу...

. . . .

Мнѣ трудно быть, боецъ, холоднымъ, какъ гранитъ —
Я плачу на твоей печальной, грустной тризнѣ:
«Патрокла нѣтъ въ живыхъ и здравствуетъ Терситъ!»
Таковъ законъ судьбы въ измученной отчизнѣ.
Ты умеръ, какъ орелъ, предъ радостной зарей,
Сестрой мечтательной сіяющаго Феба,
И розовый разсвѣтъ шепнулъ: «прощай, родной...»
А ты любилъ зарю и ласковое небо.

Анатолій Доброхотовъ.

ИЗЪ ДЕКАБРЬСКИХЪ ДНЕЙ.

Эпизодъ изъ московскаго возстанія.

I.

Это было 12 декабря. Мы вдвоемъ съ товарищемъ шли Сивцевымъ Вражкомъ. Было часовъ 8 вечера, темно и пустынно. Только одна часть горизонта освѣщалась громаднымъ заревомъ: то горѣла лавка потребителей казанской желѣзной дороги. На Сивцевомъ Вражкѣ еще попадались люди. На Пречистенскомъ бульварѣ никого уже не было,—чувствовалась территорія, занятая правительственными войсками. На Пречистенкѣ въ этотъ день шла стрѣльба, и вечеромъ разъѣзжали конные патрули. Ходили слухи, что солдатъ сильно напаиваютъ, поэтому встрѣча съ ними была не изъ желательныхъ. Намъ предстояло проскочить черезъ линію патрулей, чтобы добраться до своей квартиры въ Лебяжьемъ переулкѣ. Идти черезъ пустую площадь около храма Христа Спасителя было опасно, поэтому мы пересѣкли бульваръ и проходнымъ церковнымъ дворомъ прошли въ Большой Знаменскій переулокъ, по которому и стали осторожно подвигаться къ выходу изъ него. Вдругъ впереди, на высотѣ лошадинаго роста, мнѣ показался холодный блескъ двухъ сабельныхъ полосъ. Я осторожно остановилъ товарища, и мы впились глазами въ темноту. Въ концѣ переулка яснѣе и яснѣе обрисовались двѣ конныя фигуры. Чуть слышно мы отступили по Большому Знаменскому переулку, который круто повернулъ къ Знаменкѣ. Направо тянулась низкая каменная ограда, черезъ которую можно было перескочить въ случаѣ нужды, но мы остались незамѣченными.

На углу Антипьевскаго переулка стояла группа, человѣкъ въ 6—7, городовыхъ и ночныхъ сторожей. Городовые были въ штатскомъ, но нѣкоторые имѣли форменныя шапки. Отъ реальнаго училища Мазинга подвигался навстрѣчу еще городовой въ формѣ. Въ-

сильная фигура рѣзко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ стѣны, освѣщенная одинокой надвходной электрической лампочкой. Мы шли по другой сторонѣ улицы.

Я окрикнулъ его.

Молчаніе.

— Городовой!—громче окрикнулъ я.

Онъ остановился.

— Чего изволите?

— Ѣздятъ патрули по Волхонкѣ?

— Давеча ѣздили!

— А сейчасъ?

— Не могу знать!

На этомъ разговоръ закончился. Полиція оказалась для насъ не полезной, но и не вредной. Единственно, чего намъ можно было опасаться, это встрѣчи съ многочисленнымъ патрулемъ. И насмѣшница-судьба какъ разъ готовила намъ этотъ наихудшій случай.

Мы прошли на противоположный уголъ Малаго Знаменскаго переулка и поколебались: свернуть въ него или идти прямо по Антипьевскому. Впереди, въ самомъ концѣ Антипьевскаго переулка горѣлъ фонарь и зловѣще ярко вырѣзался изъ спасительной для насъ темноты. Темное будущее, залегшее тамъ въ концѣ, уставило на насъ единственный желто-красный воспаленный глазъ и ждало.

Колебаніе сразу рѣшилъ товарищъ.

— Пойдемъ прямо!

И, сдѣлавъ два шага, добавилъ:

— А какъ разъ тутъ, пожалуй, и попадемся.

Двѣ темныя человѣческія фигуры тихо двинулись вдоль молчаливыхъ домовъ, чутко прислушиваясь. Нигдѣ ни звука. Ни налѣво, ни направо не было ничего такого, за что можно было бы спрятаться или что вообще могло бы намъ оказать какую-либо помощь. Послѣднія ворота, около которыхъ мы шли, можно было бы перескочить, но за ними стояло нѣсколько городовыхъ и ночныхъ сторожей. Темныя, зловѣщія, молчаливыя фигуры. Вотъ фонарь и парадный входъ дома. Еще стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ до угла, пересѣчь Волхонку, пройти два дома въ противоположной крошечной Лѣнивкѣ улицѣ, и мы дома.

Мы уже у самаго угла.

Вдругъ среди ночной тишины мгновенно родились какіе-то тупые звуки и явственный топотъ многочисленныхъ копытъ. Мы бросились назадъ.

И въ тотъ же моментъ услышали громкій окрикъ:

— Стой! Что за люди?

Оглянувшись на мгновеніе, я чуть не обратился въ соляной столбъ: всю Волхонку заполнила уже головная часть драгунскаго отряда.

— Руки вверхъ! Стрѣлять будемъ! — угрожающе-предупредительно раздалось сзади.

Черныя крылья смерти распростерлись надъ нами.

Я былъ уже у воротъ, за которыми стояли городовые съ ночными сторожами.

— Пустите!

— Теперь нельзя!—былъ не враждебный, но убійственный отвѣтъ.

Дѣваться было некуда. Переулокъ уже весь наполнился драгунами. Все это произошло въ нѣсколько секундъ—раздумывать было некогда. Четверо драгунъ уже спѣшились и подскочили къ намъ. Мы держали руки вверхъ.

«Влетѣли!»—вертѣлось въ головѣ.

Изъ кармана товарища вытащили его плохонькій револьверъ. У меня во внутреннемъ карманѣ пальто драгунъ нащупалъ и медленно и, какъ мнѣ показалось, неохотно вытащилъ мой новенькій, въ погромные октябрьскіе дни купленный револьверъ Маузера.

И градъ ругательствъ посыпался на наши головы. Руки солдатъ въ то же время проворно шарили по нашимъ карманамъ. Мой кошелекъ съ небольшими деньгами, моя пустая записная книжка и два вчерашнихъ нумера газеты «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ» (№ 5 отъ 11 декабря), со вложеннымъ въ одномъ изъ нихъ отдѣльнымъ оттискомъ, въ этомъ же № помѣщенныхъ «Совѣтовъ возставшимъ рабочимъ», за подписью боевой организаціи при московскомъ комитетѣ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи — въ двѣ-три секунды сдѣлались ихъ добычей. На поясѣ у меня висѣлъ черный кинжалъ, который я получилъ два года назадъ на Кавказѣ въ подарокъ отъ одного кабардинца. Случайно разсматривая у него кинжалъ, я похвалилъ, дѣйствительно, прекрасный клинокъ. Кабардинецъ тотчасъ снялъ клинокъ съ пояса и подарилъ мнѣ. Я отдарилъ его деньгами, которыя были приняты, но при условіи, чтобы бывшіе съ нимъ туземцы этого не видали и не слыхали.

Я зажалъ кинжалъ ногами и поворотился отъ фонаря. Благодаря такому маневру кинжалъ остался незамѣченнымъ.

— Убить ихъ изъ ихъ же револьверовъ!—гремѣли съ лошадей злобные голоса.

Солдаты же, обыскивавшіе насъ, молчали. Близость словно связывала, а разстояніе отдаляло человѣка отъ человѣка.

— Убить, да и разговоръ коротокъ!

Подъ нами разверзалась могила. Мы поздно сообразили, что меународное право стоитъ за японцевъ, сдающихся въ плѣнъ, а къ мъ не относится: мы русскіе, православные, крестьяне, можетъ ıть, прямые, кровные родственники встрѣтившихся драгунъ, а со ими какія же могутъ быть церемоніи.

Драгунъ, распоряжавшійся обыскомъ, возвысилъ голосъ:

— Я ихъ въ манежъ отведу!

— Да что съ ними возиться-то, убить и только!—упорно стояна своемъ голосовъ 5—6.

— Я сказалъ, что въ манежъ отведу!

Очевидно, этотъ драгунъ представлялъ изъ себя начальство. Офировъ не было видно. Правда, они ѣздили посрединѣ отряда, какъ ворили тогда; но въ данномъ случаѣ другой команды не раздавась,—значитъ, ихъ не было вовсе.

Около насъ встали трое драгунъ и на помощь себѣ взяли троихъ чныхъ сторожей и одного городового, вышедшихъ изъ-за воротъ.

Отрядъ драгунъ отправился дальше къ Пречистенкѣ, и топотъ ъ лошадей скоро затихъ въ отдаленіи, а нашъ маленькій отрядъ вернулъ по Волхонкѣ.

II.

Теперь мы шли уже не вдвоемъ, а въ числѣ девяти человѣкъ: мы товарищемъ рядомъ, по бокамъ двое драгунъ, сзади трое ночныхъ орожей, за ними городовой, и шествіе заключалъ послѣдній драгъ. Стало тихо-тихо. Въ морозномъ воздухѣ не умолкалъ только ескучій скрипъ человѣческихъ и лошадиныхъ шаговъ. Городовой, торый сначала шелъ рядомъ съ нами, должно быть, пожалѣлъ насъ мягкимъ, выражающимъ участіе голосомъ предложилъ отвести насъ часть.

— Нѣтъ, въ манежъ!—тономъ, не допускающимъ возраженій, орвалъ драгунъ, командовавшій надъ прочими и ѣхавшій теперь лѣво впереди вмѣстѣ съ нами.

Разговоръ прекратился.

Впереди на углу былъ поворотъ къ части. Утопающій хватается соломинку. Въ часть попасть для насъ, несомнѣнно, было выгодъе, чѣмъ къ солдатамъ, очень, можетъ быть, пьянымъ, усталымъ, юбленнымъ и, наконецъ, скучающимъ въ манежѣ. Только сказать до было такъ, чтобы не вызвать въ головахъ вершителей нашихъ ѣбъ естественной реакціи. И вотъ я завожу рѣчь сначала съ го-

родовымъ. Указываю на домъ, гдѣ живу. Мы только что прошли
него.

— Домъ Котова?—переспрашиваетъ городовой.

Я подтверждаю и возможно мягче обращаю вниманіе на то,
часть недалеко и дойти туда съ нами можно очень скоро.

— Въ манежъ, въ манежъ!—прерываетъ меня командиръ.

Соломинка оказалась тѣмъ, что она есть.

Налѣво высится красивая громада Румянцевскаго музея, нап
на углу прижалась знакомая аптека Кельчевскаго.

Товарищъ дѣлаетъ послѣднюю попытку.

— Вы все теперь отъ насъ отобрали, возьмите себѣ мой ко
лекъ, все возьмите себѣ, только отпустите насъ!

Я поддерживаю его почти безъ надежды на успѣхъ.

Послѣдняя соломинка переломилась.

«Если въ манежѣ солдаты найдутъ у меня кинжалъ, то во
женъ взрывъ ярости, надо отдать сейчасъ!»—проносится въ голо

Мысли въ этотъ вечеръ молніей сверкали въ сознанія,—бл
нутъ, освѣтятъ и погаснутъ.

Бросить на землю нельзя: звукъ паденія услышатъ и сразу
мѣтятъ большой и черный предметъ на снѣгу; да и отвязывать
трудно, тоже замѣтятъ.

Сердце мучительно сжалось, когда я поднялъ любимое оружіе
подалъ его направо ѣхавшему драгуну со словами:

— Вотъ у меня еще не взяли кинжалъ!

— Какой его сукинъ сынъ обыскивалъ!—вскричалъ драгу
приподнимаясь на сѣдлѣ.— Смотрите, какъ они, мерзавцы, воо
жаются!—продолжалъ ругаться онъ, разсматривая кинжалъ.—Уб
ихъ на мѣстѣ надо было!

— Дай-ка его сюда!—потребовалъ нашъ командиръ и, пос
трѣвши на кинжалъ, похвалилъ его.

— Съ Кавказа привезъ!—задабривающимъ тономъ началъ я.
Этакаго кинжала не найдешь во всей Москвѣ, пожалуй!

— А мы вотъ нашли!—съязвилъ правый драгунъ.

— Ваше счастіе!—отвѣтилъ я.

— Ну, благодарите Бога, что вы къ намъ попали въ руки,—
чалъ нашъ командиръ,—другіе бы васъ на мѣстѣ убили!

«Ну, и въ манежѣ-то не сладко будетъ!»—блеснуло у меня
головѣ и тотчасъ потухло.

Въ рукахъ у командира появился мой револьверъ. Онъ дер
передъ собой и, видимо, любовался имъ. Остальные всѣ шли
По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись помертвѣлыя ка

ванія. Городъ вымеръ. На улицѣ—ни души. Ворота домовъ заперты. Огни погашены. Каждый домъ стоялъ, какъ осажденная крѣпость. Чувствовалось, что за этими холодными, молчаливыми стѣнами притаилась и не смѣетъ дохнуть жизнь, придавленная чѣмъ-то огромнымъ, тяжелымъ, мрачнымъ и безпощаднымъ. Проявленіе этого давящаго начала вырвало двѣ жизни изъ одного дома и ведетъ на закланіе, а общество домовъ, какъ стадо пугливыхъ барановъ, сжалось тѣснѣе, смотритъ темными, пустыми окнами и ничего не видитъ, а если видитъ, то ничего не дѣлаетъ.

«Что съ нами сдѣлаютъ?—врывается въ голову непріятно-назойливая мысль.—Изувѣчатъ до полусмерти и отправятъ въ тюрьму, а тамъ придется 3 мѣсяца отсидѣть за ношеніе оружія безъ разрѣшенія!»—рѣшаю я и на этомъ останавливаюсь.

И разъ рѣшеніе найдено, странно успокоиваюсь. Дальше заглядывать не хочется.

Что въ это время думалъ мой бѣдный товарищъ по несчастію? Онъ въ полицейскомъ смыслѣ былъ опытнѣе меня: разъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ по политическому дѣлу. Дальнѣйшее показало, что онъ, дѣйствительно, вѣрнѣе смотрѣлъ на наше положеніе.

Улица кончилась.

Передъ нами открылась темная, пустая площадь передъ городскимъ манежомъ. И въ глубокой темнотѣ ея таилась разгадка нашего ближайшаго будущаго.

— Кто идетъ?—окликаютъ солдаты сторожевого поста.

— Революціонеровъ поймали, ведемъ въ манежъ!—поясняетъ нашъ командиръ.

— Ведите, ведите!—одобряютъ тѣ.

Мы подходимъ къ своей голгоѳѣ.

III.

Напротивъ старѣйшаго русскаго университета, изъ тѣсныхъ стѣнъ котораго выбивается наружу пламенный духъ свободолюбивой безъ оговорокъ молодости, залегло громадное тупое зданіе манежа.

Широко распахнулись передъ нами среднія двери этого страшнаго зданія. Яркій снопъ лучей вырвался оттуда, и войти въ свѣтлое теплое помѣщеніе было даже пріятно.

По обѣ стороны отъ насъ колыхалась масса человѣческихъ головъ, лоснились спины лошадей, блестѣли плѣшины между человѣческими и лошадиными массами, и паръ, промозглый паръ царилъ надъ всѣмъ. Пахло пòтомъ, прѣлымъ навозомъ и сѣномъ. Въ воз-

духѣ висѣлъ гулъ многочисленной толпы. Къ намъ сбѣжалось десятка два ближайшихъ пѣхотныхъ солдатъ и сумскихъ драгунъ. Послѣ объясненія конвоировъ раздались восклицанія и ругательства. Толпа вокругъ выросла, обхватила насъ плотнѣе и, наконецъ, зловѣще стиснула.

— Начинается!—подумалось мнѣ.

Но видно было, что кричатъ далеко не всѣ.

Вдругъ предъ нами выросла офицерская шинель и за ней протѣснились другія. Толпа немного отхлынула.

— Постойте!—сказалъ одинъ изъ офицеровъ. Но крикуны не унимались. Особенно одинъ солдатъ со звѣрскимъ выраженіемъ лица налѣзалъ на насъ.

— Дозвольте мнѣ ихъ, ваше благородіе!—сжимая кулаки, хриплымъ голосомъ вопилъ онъ.—Вонъ у нихъ и рожи-то какія: видать, что по ночамъ не спятъ.

Я взглянулъ на товарища: онъ былъ блѣденъ, но только слегка. Такой же приблизительно представлялъ я себѣ и свою физіономію. Солдатъ не особенно ясно выразилъ свою мысль, но выводъ былъ противъ насъ, и поэтому я приподнялъ шапку и сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Погляди, братъ,—такія ли рожи? Смотри, не ошибись!

Послѣ этого не было ни криковъ противъ насъ, ни угрожающаго наступленія массы. Никто даже не огрызнулся.

— Обыскать ихъ!—распорядился появившійся впереди офицеровъ—ихъ стало уже 8 человѣкъ, всѣ въ одинаковой формѣ—съ бѣлыми околышами и петлицами—пожилой и, очевидно, старшій между присутствовавшими офицеръ,—чиномъ ниже генерала. Остальные офицеры относились къ нему болѣе чѣмъ почтительно.

Одинъ изъ солдатъ опять полѣзъ по всѣмъ моимъ карманамъ, обшарилъ рубашку, нащупалъ на ней въ маленькомъ карманѣ на груди серебряные Мозеровскіе часы съ хорошимъ ходомъ, случайно уцѣлѣвшіе при первомъ обыскѣ, незамѣтно зажалъ и скрылъ ихъ въ рукѣ. Я скрылъ—въ свою очередь—продѣлку солдата, задабривая его.

А онъ уже кричалъ:

— Ну, поворачивайся!

Очевидно, такая же процедура была продѣлана и съ товарищемъ.

Вторичный обыскъ не далъ никакихъ результатовъ для начальства..

— Вы зачѣмъ по ночамъ шляетесь?—обратился къ намъ старшій офицеръ.

— Мы домой возвращаемся. Мы—мирные люди,—въ два голоса заговорили мы.

— А зачѣмъ оружіе носите?

— Да какъ же можно теперь безъ оружія ходить?—отвѣтилъ я.—Обидѣть могутъ! Для самозащиты!

— Развѣ вы не знаете, что это запрещено?

— Нѣтъ, не знаемъ.

— Господа,—обратился старшій офицеръ къ остальнымъ, подавая имъ мой револьверъ,—настоящій Маузеръ!

Офицеры молча любовались револьверомъ, переворачивали его слѣва направо и, наконецъ, словно не умѣя открыть его, спросили насъ:

— Сколько въ немъ пуль?

Господа офицеры, должно быть, не видали еще и не умѣли обращаться съ Маузеромъ.

Это какъ бы и подтвердилъ одинъ изъ нихъ.

— Намъ еще первый такой попадается!

На вопросъ о пуляхъ я отозвался незнаніемъ, а просилъ обратить вниманіе на то, что револьверъ совершенно новый и что изъ него *ни разу* не стрѣляли,—стòитъ посмотрѣть и понюхать дуло.

Въ отвѣтъ одинъ изъ солдатъ поднесъ къ моему носу дуло своего револьвера, стараго и плохонькаго, и сказалъ:

— Понюхай! Отъ моего тоже не пахнетъ,—стòитъ только хорошенько вычистить,—а я изъ него пострѣлялъ-таки.

Я почувствовалъ, что здѣсь мои слова отскакиваютъ, какъ отъ стѣны горохъ.

— Гдѣ взялъ револьверъ?—загремѣлъ начальническій голосъ.

— Купилъ,—отвѣчалъ я.

— За сколько?

— За 45 рублей.

— Почему такой именно, а не другой?

— Другихъ въ магазинахъ уже не было, болѣе дешевые уже были раскуплены.

— Въ какомъ магазинѣ?

Назвать магазинъ я отказался.

— Вотъ еще, ваше высокоблагородіе, у нихъ нашли,—вмѣшался въ это время драгунъ, доставившій насъ въ манежъ, подавая остальныя отобранныя у насъ вещи, въ томъ числѣ 2 свернутыхъ нумера газеты со вложеннымъ однимъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ этого же нумера, гдѣ были помѣщены директивы московскаго коми-

тета р. с.-д. р. п. и, въ частности, рекомендовалось убивать офицеровъ и драгунъ, пѣхотныхъ же солдатъ и казаковъ не трогать.

Офицеры отошли въ сторону и начали разсматривать газеты.

Товарищъ мой вдругъ обратился къ рядомъ стоявшему солдату и тихо спросилъ:

— Насъ убьютъ?

Солдатикъ ничего не отвѣчалъ.

Мнѣ съ товарищемъ разговаривать было нельзя, и я съ нѣмымъ укоромъ обернулся къ нему, желая дать понять, что онъ такимъ вопросомъ можетъ навести на мысль убить насъ. Самъ же я и думать не хотѣлъ о смерти: я уже сказалъ, какъ мнѣ представлялся исходъ дѣла. Теперь же ясно вижу, насколько товарищъ вѣрнѣе оцѣнивалъ положеніе.

Къ намъ опять подошелъ старшій офицеръ.

— Гдѣ взяли эти газеты?

— У Ильинскихъ воротъ купилъ!—отвѣтилъ я.

— И это тоже тамъ купилъ?—насмѣшливо переспросилъ офицеръ, указывая на отдѣльный оттискъ изъ газеты.

— Да, онъ былъ вложенъ въ одномъ изъ нумеровъ.

И я уставился на золотое шитье стоячаго воротника мундира нашего судьи, потомъ на его сѣдину, сильно пробивающуюся на коротко стриженныхъ щетинистыхъ вискахъ.

Онъ отошелъ. Офицеры сгруппировались и нѣсколько секундъ переговаривались.

До меня долетѣло только послѣднее слово:

— Настоящіе революціонеры!

И тотчасъ отъ группы офицеровъ мячемъ откатился и подскочилъ къ намъ бѣленькій, тоненькій, маленькій подпоручикъ съ едва пробивающимися усиками, совсѣмъ еще мальчикъ.

Въ рукахъ у него былъ кошелекъ. Онъ его протянулъ ко мнѣ. Доставившій насъ драгунъ, протянувши руки, бросился впередъ.

— Дозвольте мнѣ это, ваше благородіе; вѣдь я ихъ предоставилъ.

— Отдайте ему!—поддержалъ я солдата, желая задобрить его на всякій случай.

Но подпоручикъ уже грубо совалъ мнѣ кошелекъ за пазуху и какъ разъ попалъ въ широкій внутренній карманъ пальто.

— Не надо намъ вашихъ денегъ!

Всѣ движенія распоряжавшагося нашей участью мальчика были неестественно порывисты. Торопливо схватилъ онъ насъ за плечи и подвелъ къ стѣнѣ. Мы горячо запротестовали, но чтò можно было еще сказать, кромѣ повторенія того, что мы мирные люди.

А между тѣмъ около насъ уже стало пусто и образовался полукругъ изъ солдатъ. Дѣло приняло сразу серьезный оборотъ.

— Неужели грозитъ разстрѣлъ? Да не можетъ этого быть!— билась, какъ вспугнутая птица, мысль.

И съ силой отчаянія обратился я къ подпоручику, который сталъ же смахивать на палача.

— Съ какой же стати, господинъ офицеръ? Мы мирные люди. Вонъ рядомъ наша квартира, справьтесь, ну арестуйте, разслѣдуйте!

Товарищъ говорилъ то же самое.

Подпоручикъ, скрывая досадную неловкость, порывисто отпарировалъ:

— Я исполняю, что мнѣ приказано.

Однако бросился къ офицерамъ.

Офицеры посмотрѣли на насъ, словно измѣряя разстояніе.

Опять подскочилъ подпоручикъ и тѣмъ же порядкомъ, т.-е. за плечи, отвелъ отъ стѣны.

Забившееся сердце успокоилось было, но преждевременно: оказалось, отвели отъ стѣны только затѣмъ, чтобы поставить между внутренней и наружной затворенными половинками огромныхъ дверей манежа у толщи каменной стѣны, гдѣ мы двое уставились какъ разъ плечо къ плечу. Между дверьми было темно и сыро, а въ освѣщенной половинѣ напротивъ насъ подпоручикъ примѣривался на-глазъ, отступивши, сколько позволяло мѣсто, до самой противоположной толщи стѣны. Здѣсь можно было поставить противъ насъ только двухъ рядовыхъ со штыками.

Не понравилось.

И мы опять очутились въ манежѣ.

Какое рѣшеніе приняли офицеры? Почему ничего не говорятъ намъ?—терзался я, не рѣшаясь назвать происходившее полевымъ судомъ, не вѣря въ возможность непоправимой, ужасной несправедливости.

Прецедентовъ, подготовляющихъ умы обывателей, тогда еще не существовало, и потому я даже обрадовался, когда, послѣ секунднаго колебанія, офицеры тронулись и вывели насъ вонъ изъ манежа.

— Насъ повели въ часть!? Неужели даже не изувѣчатъ?—мелькаетъ въ головѣ счастливая мысль. Боюсь вѣрить. Сердце хотѣло бы вѣрить, но разумъ противится. Однако мысль находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что старшій офицеръ,— остановившійся въ двухъ шагахъ отъ дверей и окруженный частью офицеровъ, которые заста-

вили собой выходъ изъ манежа и, кажется, притворили внутренн
половинку двери,—началъ ругать насъ.

— Русскій человѣкъ поругается, отведетъ душу и отстанетъ!

Мы стояли передъ нимъ. Я ближе, товарищъ подальше, за
имъ лѣвымъ плечомъ. За нами стояло человѣкъ 60 сумскихъ д
гунъ и пѣхотныхъ солдатъ, неизвѣстно откуда взявшихся. При
шемъ приближеніи къ манежу около него никого не было. Когда
вели солдатъ изъ манежа, я совершенно не замѣтилъ, но они,
сомнѣнно, были приготовлены для насъ. Изъ нихъ могъ быть
конвой для нашего путешествія въ часть. Но для этого ихъ б
слишкомъ много, и душевная тревога не уменьшалась.

Занятый этими мыслями, я стоялъ, опустивъ голову и пло
улавливая краснорѣчіе начальства, а оно продолжало филиппику с
усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Только изрѣдка взгл
дывалъ я на него сверху внизъ.

— Да какъ вы, мерзавцы, смѣете шляться ночью съ ору
емъ? Да знаете ли вы, что я могу убить васъ и какъ с...с...соба
бросить вонъ туда,—краснорѣчиво-величественный жестъ въ стор
ну университета,—и будете валяться вы тамъ на мостовой, ка
с...с...собаки!

Рѣчь неожиданно кончилась. Я поднялъ голову и увидѣлъ, ка
налѣво отъ меня заблистали обнажаемыя сабли; я быстро повернул
на блескъ,—товарища около меня уже не было, а холодно сверк
и переливался рядъ обнаженныхъ сабель на высотѣ лица.

Я прочелъ свой смертный приговоръ.

Переходъ отъ надежды на арестъ въ части былъ довольно р
зокъ, облегчила его лишь тревога, разлитая въ воздухѣ.

Въ ближайшемъ ко мнѣ офицерѣ я прочелъ неуловимое сочу
ствіе и рѣшился на послѣднюю попытку. Бросился къ нему и кри
нулъ:

— Господа офицеры, хоть вы вступитесь!

Но тутъ же понялъ, что зову ихъ на бунтъ противъ начальст
и что теперь на это разсчитывать по меньшей мѣрѣ смѣшно.

И въ то же время, не знаю отъ кого, но съ той стороны, гд
стояли офицеры и гдѣ рядовыхъ, кажется, не было, я получилъ пе
вый ударъ по протянутой впередъ правой рукѣ. Кости пальцев
какъ оказалось потомъ, были перерублены, но я почувствовалъ н
боль, а только слабость въ пальцахъ. Я круто повернулся влѣво
солдатамъ. Отъ рѣзкаго движенія у меня слетѣла въ этотъ момент
слабо сидѣвшая на головѣ шапка и откатилась немного. Я наклонил
за ней. Передо мной, ближе моей шапки, лежала мягкая шляпа то

рица; въ черномъ кругу полей ея красиво выдѣлялся голубой кружокъ атласной подкладки. Я хотѣлъ было ею покрыть голову, но подумалъ:

— Зачѣмъ?

И не взялъ.

Въ мятущемся мозгу родилось опасеніе, какъ бы не ударили по наклоненной головѣ. Я быстро, дѣлая шагъ впередъ, выпрямился, сдѣлалъ еще шагъ къ темной внизу и свѣтлой выше стѣнѣ манежа и повернулся лицомъ къ убійцамъ. Тылъ былъ защищенъ, и это было мнѣ пріятно.

Передо мной сверкало до 30 сабельныхъ полосъ зловѣщимъ неправильнымъ полукругомъ.

— *Ну, смерть!*—врѣзалась тяжелая молнія въ мозгъ и засѣла тамъ.

Это былъ самый тяжелый порогъ. Какъ только я его переступилъ, остальное все стало относительно легко и понятно, естественно вытекало одно изъ другого.

Сабельный полукругъ быстро сжимался. Лица убійцъ слились въ одно неотвратимо надвигающееся цѣлое.

Послѣднее человѣческое желаніе—посмотрѣть на товарища, гдѣ онъ, и что съ нимъ—возникло вдругъ въ мозгу и перескочило черезъ поконченные счета съ жизнью.

И я повелъ глаза влѣво, дальше и дальше, и шагахъ въ 20—30 увидѣлъ сѣрую группу рядовыхъ и среди нихъ на одно мгновеніе черную фигуру товарища.

Въ тотъ же моментъ я получилъ ударъ саблей, словно палкой, по головѣ, повалился на лѣвый бокъ вдоль стѣны и инстинктивно схватился за голову руками, которыя сейчасъ же слиплись отъ теплой крови. Кто-то ударилъ меня въ правую сторону груди. Послышался трескъ раздираемыхъ покрововъ—на мнѣ было ватное пальто, сюртукъ и рубашка—и въ мякоть груди мягко вошелъ штыкъ. Руки у меня невольно раскинулись.

— Какая цѣль закрывать голову?—мелькнула мысль.

Въ то же время тѣло вздрогнуло и вытянулось въ струнку. Штыкъ дрогнулъ и остановился, продвинулся еще немного и вышелъ назадъ изъ тѣла.

Послѣдовали два очень сильныхъ пинка сзади наискосокъ, въ поясницу. Тѣло безжизненно подалось впередъ. Я холодно ждалъ слѣдующихъ ударовъ.

А ко мнѣ бросились со всѣхъ сторонъ солдаты, приподняли за плечи тѣло, тащили каждый къ себѣ, моментально сорвали съ пра-

ваго плеча пальто вмѣстѣ съ сюртукомъ и выхватили, наконецъ, главный призъ—кошелекъ. Въ то же время другіе сорвали поочередно съ обѣихъ ногъ кавказскіе бурочные сапоги вмѣстѣ съ калошами и чулкомъ съ лѣвой ноги, правая же нога оказалась счастливѣе: осталась въ чулкѣ.

И когда уже больше нечего было взять, размахнувшись, отбросили тѣло впередъ головой по направленію къ университету. Тѣло покатилось немного по наклону мостовой.

Пальто съ сюртукомъ, волочившіеся на лѣвой рукѣ, откинули далеко въ сторону, и я очутился въ рубашкѣ на холодныхъ, покрытыхъ тонкой коркой снѣга камняхъ мостовой.

Я лежалъ и равнодушно ждалъ дальнѣйшаго. Боли никакой и отъ одного удара не чувствовалъ.

Получилась какая-то полная анэстезія.

Пусть помнятъ это тѣ, которымъ придется такъ же умирать.

IV.

— Какой еще молодой!—разсуждали надо мной столпившіеся солдаты.

— Совсѣмъ молодой!

— Да что-то онъ больно скоро умеръ.

— Поглядѣть надо.

— Посмотри-ка, умеръ ли?—раздалось сразу нѣсколько восклицаній.

И оживившаяся толпа сдвигается плотнѣе.

Одинъ солдатъ наклоняется надо мной и зажигаетъ спичку.

Я лежу лицомъ вверхъ. Закинутая назадъ голова съ закрытыми глазами, высоко выдавшійся вверхъ подбородокъ съ плотно сжатыми губами и широко раскинутыя руки во мнѣ самомъ вызываютъ представленіе о бездыханномъ тѣлѣ.

Спичка гаснетъ отъ порыва вѣтра. Вспыхиваетъ другая и подносится ближе. Сквозь вѣки вижу близкое красно-желтое пятно свѣта. Гаснетъ и вторая спичка.

Солдаты толпятся ближе.

— Прижги ему вѣки-то!

Чиркаетъ съ трескомъ надъ грудью спичка о коробку, подносится къ лицу, придвигается ближе-ближе къ самой рѣсницѣ.

Я напрягаю всѣ мускулы, которые не морщатъ замѣтно лица, и сначала сдерживаю вѣки. Наконецъ, правое вѣко не выдерживаетъ близости огня и чуть приподнимается. Въ крохотную щелочку в[illegible]

огромное, во все поле зрѣнія, злое пламя, лишь справа и слѣва чуть окаймленное тьмой.

— Глядитъ, кажется!—отдается вверху злорадное эхо и до боли усиливаетъ мое діаметрально-противоположное желаніе не обнаруживать жизни.

Спичка гаснетъ. Вѣко опускается. Дѣло остается невыясненнымъ.

— Прижги еще!—входитъ въ азартъ кто-то.

Новая спичка приближается.

Порывъ вѣтра—и снова темно.

— Ткни ему въ носъ спичкой!

— Въ ноздри-то ткни!—не спадаетъ общее настроеніе.

Спичка приближается къ носу. Сдерживаю дыханіе. Но спичка, къ счастью, гаснетъ.

— Постой, вотъ я его!—слышится новый голосъ.

Кто-то опускается справа на землю, приподнимаетъ кисть моей руки и беретъ въ свою руку два пальца съ совершенно перерубленными косточками. Я улавливаю намѣреніе палача и замираю.

«Теперь, должно быть, не выдержу!...»—жжетъ мозгъ огненная мысль.

Палачъ сжимаетъ мои пальцы такъ, что косточки сдвигаются со своихъ мѣстъ, и дергаетъ ихъ къ себѣ.

Къ крайнему своему удивленію, не чувствую никакой боли, словно наблюдаю за кѣмъ-то другимъ, словно мое «я» раздвоилось: одно лежитъ и умираетъ, другое со стороны хладнокровно наблюдаетъ за всѣмъ, происходящимъ съ первымъ.

Послѣдній опытъ показался, очевидно, убѣдительнымъ для палача.

— Умеръ!—произнесъ онъ, приподнимаясь съ земли. Но другіе еще сомнѣвались.

Одинъ изъ нихъ опустился на колѣни, припалъ къ моей груди и началъ ласково гладить, приговаривая:

— Ну, будетъ!... Ну, чего ужъ!... Теперь довольно... Раскрой глаза-то!

Психологическій разсчетъ поразительный. Избитое сердце такъ обрадовалось ласки, такъ горячо откликнулось на зовъ другого будто бы просто человѣческаго сердца, такъ забилось желаніемъ отдохнуть отъ подавляюще-несправедливаго кошмара дѣйствительности, что я едва удержался, чтобы не открыть глазъ.

Солдатъ, помолчавши немного, поднялся съ земли со словами:

— Видно околѣлъ, сукинъ сынъ!

На нѣсколько мгновеній опыты прервались.

Но нашелся еще одинъ Ѳома невѣрный.

— Дай посмотрю у него всетаки сердце!—вдругъ прервалъ об-щее молчаніе одинокій хриплый голосъ и болѣзненно отозвался у ме-гдѣ-то въ глубинѣ, какъ звонъ похороннаго колокола. Біеніе сер-ничѣмъ скрыть нельзя. Однако я приподнялъ грудь и затаилъ ды-ніе. Подъ темно-синей рубашкой и въ ночной темнотѣ это движе-осталось незамѣченнымъ.

Чья-то жаждущая крови рука опустилась на мой лѣвый бокъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ мгновеній,—я не дышалъ. Вдругъ сердце стукнуло—разъ, и вскорѣ еще отчетливѣе—два!

— Живъ еще! Бьется хорошо!—радуясь успѣху, вскричалъ привскочилъ темный человѣкъ.

«Кончено. Напрасно притворялся. А вѣдь все шло такъ хо-рошо»!—закружились досадныя, напряженно-тоскливыя мысли въ моемъ черепѣ.

— Дай-ка я на немъ свой револьверъ попробую!—тотчасъ произнесъ другой голосъ.

Щелкнулъ взведенный курокъ.

«Дрянь у тебя револьверъ!»—подумалось мнѣ.

— Брось!—энергично произнесъ кто-то изъ солдатъ.—Развѣ послѣ такихъ ранъ оживетъ?

— А если и оживетъ, въ участкѣ добьютъ!—поддержалъ пре-дыдущаго еще одинъ голосъ.

И револьверъ остался неиспробованнымъ, конечно, до слѣду-щаго только случая. Занесенный надъ головой мечъ не опустился, удержанный руками солдатъ.

Выяснялось, что не всѣ солдаты были солидарны во взглядахъ на убійство. Даже среди малочисленной, отборной, надежнѣйшей сѣрой скотинки, которую Дубасовъ счелъ возможнымъ двинуть въ качествѣ активной силы противъ охваченной пламенемъ восстанія столицы, нашлись люди, противорѣчившіе представленію о нихъ.

Справа вдругъ усилился шумъ, и до моего слуха донеслись вос-клицанія:

— Живъ еще! Живъ!

Я очень обрадовался. Ясно было, что товарищъ еще живъ и тако-лежитъ раненый, притворяясь мертвымъ.

Внезапно все смолкло и замерло.

Налѣво отъ меня, отъ самыхъ дверей манежа, послышались чь-то твердые увѣренные шаги и около нихъ мелкіе, шаркающіе и ле-безящіе шажки.

Шаги приближаются. Несутся какія-то тихія, неразборчивыя рѣчи: твердые, опредѣленные вопросы и мягкіе, заискивающіе отвѣты.

Проходятъ мимо головы. Не могу разобрать ни одной фразы и только соображаю, что это, должно быть, старшаго офицера провожаютъ. Отходятъ дальше-дальше. На какой-то вопросъ жесткаго начальническаго голоса доносится угодливый отвѣтъ:

— Никакъ нѣтъ еще! Живы!

— Прикончить!—явственно отдается лаконическое приказаніе.

Одинокіе уже шаги удаляются по направленію къ гостиницѣ «Петергофъ», на уголъ Воздвиженки и уносятъ съ собой жизнь.

Къ кому первому теперь подойдутъ и поднесутъ горькую чашу?

Шарканіе нѣсколькихъ паръ ногъ направляется къ товарищу.

Очевидно, къ нему было ближе.

Въ тишинѣ, не нарушаемой больше разговорами, многочисленныя ноги задвигались вдругъ и сдвинулись вокругъ товарища; затѣмъ раздвинулись немного. Снѣгъ жалобно заскрипѣлъ и смолкъ.

И черезъ одну мучительную секунду общаго молчанія раздался рѣзкій металлически-звонкій выстрѣлъ.

Гулъ его и до сихъ поръ стоитъ въ моихъ ушахъ.

— Ну, товарищъ, прощай! Очередь за мной!

И въ головѣ въ нѣсколько секундъ пронеслась моя недолгая жизнь.

Первой пронеслась и умчалась мысль о моей милой. Потомъ встали предо мной братишка, двѣ сестренки и бабушка,—семья, которую мнѣ пришлось содержать послѣ смерти родителей.

— Какъ-нибудь проживутъ!—зазвучалъ въ ушахъ лейтмотивъ крестьянской жизни.

А изъ глубины сердца выростало горячее желаніе жить. Всей душой вѣрилось, что наступаетъ лучшее будущее моей несчастной родины, и въ этотъ моментъ приходилось умирать! Умирать полному силъ и желанія работать! Коварное сердце взбунтовалось въ послѣдній моментъ. Заглушенная тоска по уходящей жизни вышла изъ тайниковъ сердца и грозила разлиться широкой, всепоглощающей волной.

— Пусть я умру, а соціалъ-демократія всетаки побѣдитъ! На нашей крови выростетъ лучшее будущее родины!—поднялся другой внутреній голосъ и отразилъ натискъ перваго.

— Но *тебя* въ этомъ лучшемъ будущемъ уже не будетъ, *тебя не будетъ!*—крѣпко защемила сердце смертельная тоска. Сердце сжалось въ маленькій-маленькій комокъ и на мгновеніе замерло.

Я не хотѣлъ умереть съ этой малодушной мыслью. И вотъ, чтобы

не дать ей ходу, чтобы заглушить смертную тоску, я принялся мысленно твердить:

— А соціалъ-демократія всетаки побѣдитъ! Всетаки побѣдитъ! Побѣдитъ!

И хотѣлъ крикнуть это вслухъ въ лицо убивающимъ тѣло, душу же не могущимъ убить, какъ изъ толпы солдатъ, направившихся от товарища ко мнѣ, раздались возгласы:

— А вѣдь какъ притворялся!

— То лежалъ мертвымъ, а то говоритъ: пощадите!

Бѣдный товарищъ не вытерпѣлъ въ послѣднюю секунду.

— Ну ужъ я вамъ не скажу!—мелькнуло у меня гдѣ-то близко подъ лобной костью, гдѣ въ послѣдній моментъ сконцентрировалось все мое «я».—Довольно, говорилъ, пока стоялъ на ногахъ, и убѣдился въ безполезности разговоровъ. Бейте! Интересно, какъ пуля просверлитъ високъ и пойдетъ черезъ мозгъ.

Огнестрѣльной раны я еще не пробовалъ, и поэтому она заинтересовала меня. Вниманіе выжидательно сосредоточилось на правомъ вискѣ, и всѣ другія мысли отошли на задній планъ.

Шарканье ногъ становилось громче, отчетливѣе. Шаги солдатъ уже были, по-моему представленію, приблизительно на срединѣ разстоянія между мной и товарищемъ, какъ вдругъ раньше времени раздался выстрѣлъ.

Въ меня не попали.

Куда же стрѣляли?

Я не могъ разобрать. Въ меня ли промахнулись, въ воздухъ ли выстрѣлили нарочно или нечаянно, или вторично въ товарища,—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, послѣднее.

Только что шаги приблизились ко мнѣ, отъ двери послышались новые твердые шаги и начальническій окликъ молодымъ, сочнымъ голосомъ:

— Вы что тутъ дѣлаете? Безобразничаете? Васъ однихъ оставить нельзя!

Все кругомъ замерло.

Только одно истерзанное сердце забилось сильнѣе: въ немъ впервые затеплилась надежда на спасеніе.

— Ахъ, если бы офицеръ увелъ солдатъ въ манежъ!

И воспаленное воображеніе уже нарисовало мнѣ пустую площадь, а горячая мысль быстрѣе свѣтовой волны умчалась далеко впередъ.

— Вѣдь можно было бы убѣжать: сначала въ Александровскій садъ, а по нему низомъ, прямо къ своей квартирѣ. Только вотъ бѣ-

сикомъ придется бѣжать, по скользкимъ мерзлымъ дорожкамъ и рыхлому снѣгу, ну да это ничего.

Это неожиданное возвращеніе къ мысли о жизни и ея ближайшимъ задачамъ такъ увлекло и заняло меня, что я плохо понималъ, о чемъ говорилъ офицеръ. Но вотъ онъ что-то упомянулъ о караулѣ, и я превратился въ слухъ.

— Не къ намъ ли хочетъ приставить караулъ, чтобы солдаты не трогали насъ?—подсказывала надежда.

Однако я не успѣлъ вслушаться, какъ офицеръ кончилъ говорить, и снѣгъ скрипнулъ подъ его ногами.

Сердце, измученное рѣзкими переходами, остановилось.

— Ахъ, если бы онъ не уходилъ.

Но звонко хрустящіе шаги направились къ двери манежа.

Солдаты уже бросились ко мнѣ.

И вдругъ изъ манежа опять раздались шаги, и снова солдаты замерли.

Вышедшій офицеръ началъ ходить мимо меня взадъ и впередъ.

— Это хорошо,—отдалось въ мозгу у меня.

Но прогулка могла такъ же неожиданно прекратиться, какъ и началась. Солдатъ офицеръ не уводилъ и не выказывалъ намѣренія увести. Мелькнувшая надежда на спасеніе смѣнилась равнодушно-тупымъ ожиданіемъ.

Мнѣ стало холодно.

Мысль перенеслась домой.

— Дома теперь тепло, свѣтло, готовятъ на ужинъ молочную лапшу—мое любимое блюдо,—а тутъ вотъ приходится лежать на голой землѣ. А завтра будешь уже въ холодной могилѣ и не почувствуешь непріятнаго сосѣдства мерзлыхъ комьевъ земли или холодныхъ камней и снѣга, какъ теперь.

И непріятное сначала ощущеніе смѣнилось какъ будто даже пріятнымъ.

А холодъ настолько уже давалъ себя чувствовать, что ноги и особенно руки начинали дрожать. Я, сдерживая ихъ, натягивалъ мускулы, наконецъ, прижимался къ землѣ. Но холодные камни вбирали послѣднюю теплоту, и становилось еще холоднѣе.

— Скоро, что ли?—нарушилъ тишину прохаживавшійся офицеръ.

— Чего онъ ждетъ?—не понималъ я.

Руки у меня начинали дрожать крупной дрожью, подпрыгивая почти, и я едва ихъ сдерживалъ.

«Неужели не вытерплю?» думалъ я, все еще не желая отказаться отъ ускользающей надежды на спасеніе.

Справа въ это время послышались какіе-то странные звуки. Что-то заскрипѣло. Ближе и ближе. Подъѣхали. Меня подняли за руки и за ноги, очень невысоко отъ земли и на такой же высотѣ положили. Правая рука при этомъ закинулась къ головѣ и локтемъ уперлась въ ноги товарища, а правая нога упала ему на грудь. Лѣвую руку я задержалъ на шероховатомъ прямомъ углу повозки. По срединѣ чувствовалась широкая планка, прибитая вдоль всей повозки плашмя. Повозка представлялась похожей на опрокинутый ящикъ.

— Поправь ногу, положи, какъ слѣдуетъ! — скомандовалъ кто-то. Ногу мою сняли съ груди товарища.

И затѣмъ чьи-то руки накинули на меня волочившіеся на лѣвой рукѣ сюртукъ и ватное пальто—и какъ разъ накрыли голыя ноги. Ноги сразу перестали дрожать, и черезъ нѣсколько мгновеній около нихъ стало тепло. Мысленно я сказывалъ большое спасибо человѣку, вольно или невольно оказавшему мнѣ большую услугу.

— Въ Арбатскую часть!—раздалась отрывистая команда.

Повозка заскрипѣла и тронулась.

V.

Чуть приподнимая правое вѣко, я видѣлъ обнаженную саблю и солдатскую шинель. Налѣво я уже не взглядывалъ: и такъ были слышны тяжелые солдатскіе сапоги, подъ которыми въ морозномъ воздухѣ звучно хрустѣлъ снѣгъ. Взглядывая направо вверхъ, видѣлъ университетъ; значитъ, мы ѣхали по Большой Никитской улицѣ. Дальше я почти не открывалъ уже глазъ, такъ какъ не зналъ домовъ.

Ноги у меня согрѣлись и болѣе не безпокоили, а все вниманіе сосредоточилось на рукахъ. Незамѣтно сгибая правую руку, я дотронулся до головы. Волосы слиплись отъ крови и замерзли. Руки сильно продрогли, пальцы совсѣмъ коченѣли. Упираясь справа въ ноги товарища, а лѣвой кистью въ край повозки, я сдерживалъ дрожь въ рукахъ, напрягая всѣ силы. Пальцы лѣвой руки сдѣлались уже толстыми и постепенно теряли чувствительность.

«Пусть отмерзнутъ, а всетаки не подамъ признака жизни!» думалъ я, чувствуя надъ собой обнаженныя сабли, подкрѣпленный и ободренный предыдущей удачей.

Солдаты шли молча. Только на срединѣ дороги единственный разъ одинъ солдатъ не вытерпѣлъ:

— Скоро ли часть?

Ему никто не отвѣтилъ, и только я внутренно вполнѣ присоединился къ его желанію.

Наконецъ, повозка начала заворачивать, заскрипѣла, еще повернула направо и остановилась.

— Отпирай!

— Кто тамъ?

— Да отпирай, что ли!

Грянулъ внезапно выстрѣлъ.

Изнутри, за воротами и наши конвойные передъ воротами зашумѣли.

— Что вы, черти, палите по своимъ? Или не узнали солдатъ?

— А вы что не откликаетесь?

Ворота скрипнули, и повозка вползла во дворъ. Налѣво отъ себя я видѣлъ какія-то стѣны, углы и черныя фигуры людей. Повозка продвинулась немного впередъ и вправо и остановилась. За руки и за ноги меня съ товарищемъ сняли и положили на какой-то низкій помостъ, должно быть, въ сараѣ. Постепенно насъ окружили бывшіе во дворѣ.

— Какіе оба еще молодые!—началось обсужденіе сюжета.

— Должно быть, студенты.

— Видать, что студенты!

Раздаются чьи-то шаги, кто-то проталкивается и наклоняется ко мнѣ, дотрогивается до лба, потомъ прижимаетъ ладонь плотнѣе, наклоняется также вправо къ товарищу и говоритъ шопотомъ:

— Этотъ еще живъ!

Опять меня берутъ за руки и за ноги и куда-то несутъ.

«Не приканчивать ли, какъ говорилъ солдатъ»? проносится первая мысль.

Поднимаютъ ноги кверху и такъ несутъ. Чувствуется лѣстница. Тотъ же голосъ говоритъ:

— Приготовьте-ка поскорѣе постель!

И чьи-то проворные шаги побѣжали впередъ насъ по лѣстницѣ.

«Значитъ, не приканчивать!» сдѣлалъ я выводъ и отпустилъ изъ послѣднихъ силъ сдерживаемыя руки и ноги. Онѣ задрожали крупной сильной дрожью.

— Смотрите, задрожалъ, задрожалъ!—раздалось вокругъ.

«Побыли бы въ моей шкурѣ!» отозвалось во всемъ моемъ существѣ.

Меня внесли наверхъ и въ первой комнатѣ опустили на холодный полъ. Было очень холодно, и полъ представлялся мнѣ такимъ грязнымъ, какъ это бываетъ только въ полицейскихъ участкахъ, а у меня была открытая рана на головѣ.

Чтобы поскорѣе достичь теплой и чистой постели, я открылъ глаза.

— Очнулся!—вѣтромъ пронесся общій шопотъ.

У меня въ глазахъ промелькнулъ блѣдный керосиновый свѣтъ стѣнной лампочки, много ногъ и полицейская шинель. Я закрылъ глаза. Но цѣль была достигнута: меня тотчасъ положили на кровать.

Пріятная теплота разлилась по моему тѣлу. Я приподнялъ голову и глянулъ впередъ. Передъ постелью стояло 8 солдатъ въ рядъ. Я хотѣлъ приподняться и обратиться къ нимъ. Но плечъ не могъ приподнять, поднялъ только голову, да и та закружилась, и я опрокинулся на подушку.

— Ваша фамилія?—наклонился надо мной докторъ.

Голова закружилась сильнѣе, я подумалъ, что окончательно забываюсь, и шопотомъ поторопился выговорить свою фамилію. Затылокъ у меня схватило, точно клещами, и затѣмъ клещи стали исчезать.

«А еще хотѣлъ убѣжать!» сообразилъ я.

Оправился я, мнѣ показалось, скоро.

И тогда привелъ свою мысль въ исполненіе—осторожно уже приподнялъ голову и, глядя на стоявшихъ напротивъ солдатъ, едва слышнымъ голосомъ началъ:

— Эхъ вы, палачи, палачи! Зачѣмъ вы насъ били? Зачѣмъ невинный народъ убивать? Можетъ быть, мы вамъ больше, чѣмъ родные братья. Зачѣмъ товарища убили?

При воспоминаніи о товарищѣ слезы градомъ хлынули у меня изъ безсильныхъ очей, подступили къ горлу, и я захлебнулся. Сквозь слезы я слышалъ, что правофланговый что-то угрюмо буркнулъ подъ носъ, всѣ повернулись налѣво и мѣрнымъ шагомъ вышли, а за ними вышли молча и остальныя черныя, штатскія фигуры изъ комнаты, и только послѣдняя фигура остановилась на порогѣ и, оборотившись, изрыгнула:

— Ишь ты, сволочь, околѣваетъ, а лается!

И скрылась.

Началась врачебная помощь. Я не помню, чтобы была какая-нибудь промывка (кромѣ, кажется, головы) или дезинфекція ранъ, а просто, кажется, раны были обмотаны марлей, и больше ничего. Такъ какъ въ перерубленныхъ пальцахъ стало сильно дергать, а въ груди колоть, то я стоналъ и намѣренно усиленно, чтобы меня не приканчивали, а предоставили самому умереть или выздоровѣть. Въ отвѣтъ на стоны къ груди мнѣ приставили льду, и мнѣ стало легче.

— Ваша фамилія и фамилія товарища?—спрашиваетъ полицейскій чиновникъ.

«По крайней мѣрѣ, умремъ, дома будутъ знать и не будутъ безпокоиться понапрасну, а то могли бы исчезнуть безслѣдно!» думалъ я.

Затѣмъ всѣ куда-то исчезаютъ.

Надо мной лицо доктора, который тоже собирается уйти. Я прошу его ночевать со мной или оставить кого-нибудь другого. Остается сторожъ.

Все утихаетъ. Сторожъ хочетъ идти спать. Я прошу его остаться спать здѣсь. Онъ ложится среди пола.

Царитъ тревожная тишина. Гдѣ-то хрипятъ часы,—не знаю, сколько разъ. Мнѣ слышатся осторожные шаги. Мелькаетъ женское платье въ дверяхъ и исчезаетъ.

И снова нависаетъ свинцовая тишина, удушливая, невыносимая.

Кто-то всхрапываетъ.

«Неужели сторожъ уже спитъ?»

— Какъ васъ звать?—окликаю я его.

— Яковомъ! — односложно, устало произноситъ онъ сквозь сонъ.

— Яковъ, скажите мнѣ, пожалуйста, ой! Живъ мой товарищъ или нѣтъ?

Яковъ мнется и чешется.

— Яковъ, пожалуйста, не скрывайте!

— Если бы живъ былъ, его сюда бы должны принести!—уклончиво, не прямо отвѣчаетъ онъ.

А я уже плачу, плачу беззвучными слезами. Бѣдный, бѣдный Костя! Что скажетъ бѣдная сестра его, для которой Костя былъ единственнымъ, незамѣнимымъ человѣкомъ въ мірѣ? Что испытаютъ старые родители при вѣсти о гибели единственнаго сына?

Всѣ спятъ. Храпитъ мой сторожъ. А у меня разрывается грудь отъ боли и горя.

— Яковъ, Яковъ!—едва слышнымъ голосомъ кричу я.

А Яковъ только посвистываетъ носомъ.

— Яковъ!—отчаянно-безнадежно взываю я еще разъ.

Яковъ ворочается и поднимаетъ съ подушки свою уже не молодую голову.

— Яковъ, подойдите ко мнѣ!

— Что нужно?—подходитъ Яковъ.

— Поднимите меня, тяжко мнѣ!—больше стону, чѣмъ говорю я.

— До васъ боязно дотронуться, не то что поднимать!—проте-

ступетъ Яковъ и, тихо-тихо обнявши, старается приподнять мое туловище. У меня кружится голова, и онъ снова опускаетъ безжизненно виснущее на рукахъ тѣло.

— Да у васъ весь ледъ растаялъ,—говоритъ Яковъ, приподнимая резиновый мѣшокъ съ груди.

Я щупаю мѣшокъ,—въ немъ, дѣйствительно, одна вода.

— А всетаки оставь,—шепчу я,—съ нимъ легче!

Насилу проходитъ тяжелая кошмарная ночь. Бѣлѣетъ въ окнахъ и на стѣнахъ. Свѣтаетъ, наконецъ!

«А если и оживетъ, въ участкѣ добьютъ!» звучитъ въ ушахъ голосъ солдата. И я ожидаю, вотъ войдутъ и добьютъ. А Яковъ спитъ, а можетъ быть, нарочно дѣлаетъ видъ, что спитъ.

Свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Что это за шумъ гдѣ-то вдали?

Голоса и шаги.

— Яковъ! Кто тамъ?

Но Яковъ храпитъ, а голосъ теряется у меня же въ груди.

Входятъ черныя фигуры—одна, другая, третья.

Ближе, ко мнѣ.

А, знакомое вчерашнее лицо—докторъ. Одинъ изъ вошедшихъ несетъ мой сюртукъ и пальто. Меня одѣваютъ и кладутъ на носилки. Ноги остаются голыми, а голова—непокрытой. Сносятъ внизъ и во дворъ. Утренняя свѣжесть пронизываетъ меня. Во дворѣ стоитъ черная карета съ открытой дверцой въ задкѣ. Подносятъ къ ней.

— Докторъ, куда меня?—сдержанно спрашиваю я.

— Въ Голицынскую больницу!—отвѣчаетъ онъ.

Дѣлаю вылазку въ интересующую меня область.

— Докторъ, тогда отправьте меня домой, я могу дома лѣчиться.

— Нельзя, у васъ серьезно перешибленныя кости пальцевъ, нужно въ хирургическую.

И съ носилками, головой впередъ, всовываютъ меня въ карету.

«Какъ же это, думаю, повезли лѣчить, а ноги и голову оставили голыми на морозѣ? Не приканчивать ли прямо на кладбище?»

Сбоку на откладномъ сидѣніи устроился фельдшеръ, и дверца захлопнулась. У фельдшера было доброе славное лицо, но серьезное вдумчивое выраженіе его не предвѣщало словно мнѣ ничего хорошаго. Карета внутри была окрашена въ веселый, свѣжій желтый цвѣтъ. Въ боковыя окошечки вверху были видны верхніе этажи зданій, но я не узнавалъ, куда мы ѣдемъ. Наконецъ, показалось зданіе Румянцевскаго музея, и тогда я сталъ успокаиваться. Значитъ, мы ѣдемъ къ Голицынской больницѣ, а не въ сторону Ваганькова кладбища.

Попросилъ было я фельдшера подвезти меня на минуту къ находившейся вблизи квартирѣ, но безуспѣшно.

Промелькнули нѣкоторыя зданія Якиманки. Но прежде чѣмъ добраться до невольной цѣли путешествія, я успѣлъ еще разъ основательно промерзнуть.

VI.

Свѣтлая, чистая, высокая хирургическая. Бѣлые чистые костюмы на докторахъ и фельдшерицахъ. Бѣлыя выхоленныя руки. Все такъ чисто, изящно. А я такъ люблю чистоту и изящество во всемъ.

Лежу на высокомъ длинномъ столѣ. Вокругъ стола собираются врачи, разматываютъ марлю, осматриваютъ раны, разспрашиваютъ; я коротко разсказываю, но при воспоминаніи о товарищѣ опять не выдерживаю и начинаю плакать навзрыдъ. Меня успокаиваютъ.

Я чувствую себя снова между людьми. Только ненадолго. Неожиданно сзади кто-то злорадно металлическимъ голосомъ отчеканиваетъ:

— Ага, господа забастовщики!

На меня снова пахнуло полицейскимъ воздухомъ, въ комнатѣ потемнѣло, чистота и изящество потускнѣли и подернулись черносотеннымъ налетомъ, кругомъ нависло что-то нудное.

А мнѣ уже намыливаютъ голову, выбриваютъ разсѣченное мѣсто, промываютъ, дезинфецируютъ и забинтовываютъ. Накладывается также бинтъ и на штыковую рану.

Спрашиваю о характерѣ ранъ; говорятъ, что на головѣ разсѣчена только кожа, а кость цѣла, а рана въ груди не должна быть глубока.

Это обстоятельство дѣйствуетъ успокоительно.

При перевязкѣ кисти меня просятъ не смотрѣть на пальцы и дѣлаютъ такъ, что мнѣ ничего не видно. Я подумалъ, что будутъ ставить кости на старое мѣсто, такъ какъ видѣлъ въ части, что кость средняго пальца значительно сдвинута въ сторону. Этого не сдѣлали. Доктора что-то говорили о раздробленіи кости на мелкіе кусочки.

Рука живо очутилась въ лубкѣ. При этомъ одинъ изъ докторовъ обезпокоился, какъ бы не искривить пальцевъ.

Я подумалъ:

«Какъ же они не искривятся, когда переложены толстымъ слоемъ ваты у основанія, а концы пальцевъ туго стянуты марлей!»

Но ничего не сказалъ, такъ какъ послѣ черносотеннаго восклицанія, молчаливо принятаго всѣми присутствовавшими безъ малѣйшаго возраженія, я почувствовалъ себя въ лагерѣ дикихъ, пляшущихъ надъ трупомъ врага.

Через шесть недѣль, когда врачъ снялъ мнѣ лубки, паль-
дѣйствительно, значительно искривились, рука осталась навсе-
сильно обезображенной, и кривые пальцы стали мѣшать работать.

Перевязка кончилась. Остальное зависѣло отъ организма.

Молчаливые служители отнесли новый предметъ безпокойства
заботъ на носилкахъ на самый верхъ, въ 3-й или 4-й этажъ, въ ма-
ленькую, низенькую комнату, очевидно, отведенную спеціально д-
жертвъ гражданской войны, такъ какъ другихъ больныхъ тамъ не
было. Раненыхъ тамъ оказалось шестеро.

Меня положили въ углу на холодную постель. Понемногу я со-
грѣлся и прежде всего поспѣшилъ дать знать о себѣ домой.

Въ комнатѣ стало тихо-тихо. Вонъ напротивъ, у окна, сидятъ
двое раненыхъ, губы у нихъ шевелятся, но я уже ничего не слышу.
Вѣки не держатся, я закрываю глаза и не то засыпаю, не то теряю
сознаніе.

А когда открываю глаза, то вижу надъ собой два близкихъ лица.
Я не удивляюсь ихъ появленію, какъ будто бы это само собой разу-
мѣлось. Только почему они такъ серьезны и печальны?

Постепенно сознаніе мое проясняется, и я искренно радуюсь ихъ
присутствію, а по ихъ уходѣ я уже вступаю въ разговоръ съ дру-
гими ранеными. У половины были раны ног, а всѣ вообще имѣли
раны несмертельныя и попали подъ пули нечаянно. Для образца при-
веду разсказъ раненаго полотера, молодого парня, доставленнаго изъ
Арбатской части вскорѣ послѣ меня. Во дворѣ дома, гдѣ онъ жилъ,
лежалъ трупъ убитаго человѣка. Домовладѣлецъ нанялъ ихъ, четве-
рыхъ полотеровъ, снести трупъ въ часть. Они согласились и понесли.
Часть была уже недалеко, а вдали впереди стояли солдаты. Полотеры
крикнули имъ, чтобы они не стрѣляли, а тѣ приложились и дали
залпъ. Этому полотеру прострѣлили ногу, и онъ поспѣшилъ уползти
въ часть, чтобы уйти изъ-подъ выстрѣловъ, которые не прекра-
щались.

Населеніе комнаты оказалось довольно подвижнымъ. Однихъ ра-
неныхъ приносили, другихъ—уносили. Съ моей койки только что
унесли внизъ раненаго и черезъ нѣсколько часовъ стало извѣстно,
что онъ уже скончался. Поэтому я не особенно хорошо почувство-
валъ себя, когда вскорѣ пришли и за мной съ носилками, чтобы
снести внизъ. Тревожное и унизительное чувство полнаго безсилія
охватило меня на холодныхъ носилкахъ. Рядъ комнатъ казался без-
конечнымъ. Служители устали нести и въ больничной церкви оста-
новились отдохнуть. Совпаденіе было не изъ удачныхъ. Холодно
глядѣли на меня церковныя позолоты. Съ отвращеніемъ отворач-

вался я отъ противныхъ глянцевитыхъ колоннъ. Послѣ долгихъ мытарствъ тѣло мое, наконецъ, нашло мѣсто успокоенія въ палатѣ, гдѣ лежали чахоточные, смежной съ палатой сифилитиковъ. Меня сейчасъ же окружили тѣ и другіе. Чахоточные встали по бокамъ кровати, а сифилитики у ногъ.

— Вы что,—дружинникъ?—было первымъ вопросомъ.

— Нѣтъ.

На лицахъ собравшихся больныхъ выразилось ни съ чѣмъ несравнимое разочарованіе. Такъ имъ видимо хотѣлось посмотрѣть настоящаго дружинника. Однако они съ интересомъ разспрашивали меня.

Потомъ одинъ чахоточный поссорился съ сифилитикомъ, и чахоточные начали гнать вонъ изъ своей палаты сифилитиковъ.

— Убирайтесь отсюда!—кричали чахоточные.—Ишь гнилые черти какіе здоровые! Только и знай шляются, гнилушки свои заразные разносятъ. Уходи!

Большая часть незваныхъ гостей ушла, а нѣкоторые разсыпались по палатѣ и съ злыми лицами разгуливали взадъ и впередъ и, наслаждаясь, слушали, какъ клокотали отъ безсильной злобы и болѣзни груди чахоточныхъ.

Оказалось, что чахоточные, больной водянкой и другіе больные этой палаты давно ведутъ борьбу съ несчастными сосѣдями, но не могутъ одолѣть ихъ. Сифилитики скучаютъ и разгуливаютъ и по своей и по чужой палатѣ.

Осмотрѣвшись, я увидѣлъ направо отъ себя блѣдное, совершенно безжизненное, восковое лицо съ глубоко впалыми щеками и тонко заострившимся носомъ. Высоко вздымалась больная грудь, и въ ней что-то страшно клокотало, хрипѣло и лопалось. Но это былъ не чахоточный, а 40-лѣтній Сытинскій рабочій съ прострѣленной грудью.

За чаемъ мы съ нимъ познакомились. На меня глядѣла изъ глубины глазныхъ впадинъ кристаллически чистая душа простого человѣка. Онъ не стоналъ, не жаловался. Только, когда пришла навѣстить его жена, изрѣдка вздрагивала его прекрасная черная борода. Жена оставила ему двугривенный и ушла, а онъ долго и безсильно лежалъ въ одномъ положеніи. Онъ разсказывалъ, если не измѣняетъ мнѣ память, что шелъ домой по Пятницкой улицѣ, а сзади съ площади солдаты начали стрѣлять залпами, онъ торопился уйти съ опустѣвшей улицы, но не успѣлъ, что-то вдругъ его дернуло, онъ побѣжалъ, почувствовалъ, что за рубашкой стало мокро и упалъ. Вотъ и все. Къ нему почти никто не приходилъ, рѣдко подходила къ койкѣ и больничная прислуга.

Одиноко и гордо угасала душа незамѣтнаго русскаго пролетарія, представителя того самаго пролетаріата, который потрясъ буржуазный міръ неслыханными со временъ коммуны подвигами мужества, самоотверженія и героизма и надвигающимися грознымъ краснымъ призракомъ.

Черезъ сутки я сталъ подниматься на постели, температура стала лучше, черезъ другія—вставалъ на ноги, а черезъ третьи—учился ходить около кровати. Каждый день приходили посѣтители и приносили новости съ воли. Тѣ же новости иллюстрировались съ утра до вечера доносившейся пушечной пальбой. Широкія большія окна палаты болѣзненно вздрагивали. Мысль стремилась черезъ нихъ туда, гдѣ идетъ борьба, гдѣ приносятся кровавыя гекатомбы смрадному разлагающемуся тѣлу самодержавія и молодому упитанному идолу россійской буржуазіи. Въ саду передъ окнами голыя деревья грустно покачивали вершинами и роняли снѣжныя слезинки. Сѣрое нависшее небо сурово смотрѣло сверху. А надъ городомъ носился духъ разрушенія. И сердце родины обливалось, истекало кровью. Лежать при такихъ условіяхъ было вдвойнѣ тяжело. Какъ только выяснилось, что температура установилась удовлетворительная, и повышенія опасаться нѣтъ основаній, что желудокъ хорошъ, и признаки вообще благопріятны, и что все дальнѣйшее зависитъ исключительно отъ жизненныхъ силъ организма,—я попросилъ главнаго врача, который ко мнѣ относился лучше другихъ, выписать меня изъ больницы,—долѣчиваться могъ я и дома.

Желаніе мое исполнилось. Меня перевязали снова. Я поблагодарилъ главнаго врача и простился. Когда подходилъ я къ своей койкѣ, на нее издали, на разстояніи болѣе сажени, служитель швырнулъ мое верхнее платье.

Двое товарищей, которые были въ это время у меня, помогли мнѣ одѣться, взяли подъ руки, такъ какъ меня еще вѣтромъ шатало, и вывели изъ негостепріимной больницы, гдѣ нашлись люди, державшіе себя со мной хуже, чѣмъ ихъ коллеги въ полицейскомъ участкѣ, роялисты больше, чѣмъ самъ король.

Свѣжій морозный воздухъ охватилъ меня. Выглянувшее жизнерадостное солнышко освѣтило и разгладило суровыя морщины неба.

Извозчикъ съ тремя сѣдоками веселой рысцой понесся по пустыннымъ улицамъ Замоскворѣчья. Солнышко ласково улыбалось мнѣ, привѣтствовало тысячами ослѣпительныхъ брызгъ на снѣгу и грозило холоднымъ отблескомъ отъ многочисленныхъ штыковъ на перекресткахъ.

VII.

Въ заключеніе мнѣ остается только докончить печальную повѣсть о погибшемъ товарищѣ, Константинѣ Петровичѣ Романовѣ. Родился онъ въ 1880 г. въ Саратовѣ, гдѣ родители его живутъ и сейчасъ. Среднее образованіе получилъ въ реальномъ училищѣ сначала въ Вольскѣ, потомъ въ Саратовѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ, гдѣ дошелъ до 3 курса. Незадолго до всеобщей студенческой забастовки 1905 г. недолго сидѣлъ по политическому дѣлу въ тюрьмѣ (въ Крестахъ). Во время этой грандіозной забастовки учащихся переѣхалъ въ Москву и поступилъ учиться живописи въ частную школу художника Мѣшкова, такъ какъ имѣлъ художественные задатки и подавалъ въ этомъ смыслѣ большія надежды. Участвовалъ въ осенней выставкѣ картинъ, устроенной Мѣшковымъ въ Историческомъ музеѣ, гдѣ нѣкоторыя его картины были проданы. Красивый блондинъ, веселый общительный человѣкъ, чуткій, отзывчивый товарищъ, на котораго можно было во всемъ положиться, К. П. Романовъ былъ всегда душой общества, въ которое его забрасывала судьба.

Когда ужасное извѣстіе дошло до его родственниковъ, то одинъ изъ нихъ отправился въ Арбатскую часть, но городовые не впустили его туда. Онъ просилъ вызвать пристава, ему пригрозили стрѣлять, если не отойдетъ, и уже навели холодное дуло нехолоднаго оружія. Тогда онъ догадался похоронить убитаго черезъ похоронное бюро Котова, находившееся какъ разъ напротивъ. Отъ бюро отправился къ части представитель, высоко поднявши обѣими руками свидѣтельство для пропуска, какъ парламентеръ—бѣлый флагъ, и, встрѣченный ружейнымъ дуломъ, самоотверженно настоялъ на своемъ правѣ. На другой день вмѣстѣ съ представителемъ бюро былъ пропущенъ и родственникъ убитаго для опознанія трупа.

Въ сараѣ онъ увидѣлъ труповъ пять. Трупъ К. П. Романова сразу бросился ему въ глаза: товарищъ застылъ въ вытянутой позѣ съ раскрытыми глазами; онъ лежалъ раздѣтый, разутый, съ оголеннымъ туловищемъ; на лѣвомъ боку рдѣлъ цѣлый пукъ застывшей крови, яркой, алой крови горячаго сердца. Другіе трупы лежали съ закрытыми глазами, страшно скорчившись, съ мукой на лицѣ и въ позѣ. На ихъ рабочихъ костюмахъ и лицахъ также ярко рдѣла замерзшая кровь мучениковъ. На тѣлѣ у товарища было еще нѣсколько ранъ: на рукѣ, головѣ—сабельныя и на животѣ.

На вопросъ родственника—почему Романовъ лежитъ вытянувшись во весь ростъ, а остальные всѣ прижали руки и ноги къ жи-

воту, сгорбились и скорчились—окружающіе, служащіе части от-
тили, что пораженный въ сердце Романовъ, очевидно, умеръ мг-
венно, а рабочіе съ пулевыми ранами замерзли на улицѣ.

То были результаты Дубасовской политики: общественные са-
тары разстрѣливались, несмотря на повязку съ краснымъ крест-
а правительственныхъ—несчастные сограждане не дождались.

18 декабря ровно въ восемь часовъ утра назначено было от-
ваніе тѣла К. П. Романова въ церкви Вознесенія на Большой Н-
ской улицѣ. Похоронное бюро доставило тѣло товарища не за-
до 8 часовъ. Представитель бюро вышелъ минутъ на 5 для встр-
родственниковъ изъ церкви и былъ очень удивленъ, когда по воз-
щеніи услышалъ отъ священника, что онъ уже отпѣлъ тѣло. Ко-
явились родственники и знакомые—еще не было 8 часовъ—вы-
и сѣдой служитель Бога Всевышняго, Бога любви и христіанс-
всепрощенія уже уходилъ изъ церкви и на претензіи родственни-
въ оскорбительномъ тонѣ отвѣтилъ:

— Здѣсь не покойницкая!

Родственники принуждены были просить отслужить хоть па-
хиду. Смиренный пастырь стада Христова не сразу согласился
это, а только послѣ того, какъ и о. дьяконъ присоединилъ свой
лосъ къ хору родственниковъ и знакомыхъ. Затѣмъ проводили пр-
К. П. Романова до Прѣсни, гдѣ процессію остановили: еще шла б-
бардировка Прѣсни. Родственники принуждены были вернуться о-
ратно, а прахъ товарища насилу добрался до мѣста успокоенія.

Его похоронили съ воинскими почестями: подъ громъ ору-
ныхъ, пулеметныхъ, ружейныхъ и револьверныхъ выстрѣловъ.

На Ваганьковомъ кладбищѣ, въ 4 разрядѣ, направо отъ к-
стоитъ теперь скромный крестъ съ надписью:

Студентъ-технологъ
Константинъ Петровичъ
Романовъ.
Убитъ 12 декабря 1905 года.

Спи спокойно, дорогой товарищъ!

Настанетъ пора, когда къ могиламъ жертвъ жестокаго деспо-
ма, на крови которыхъ воздвигнуто зданіе первой русской консти-
ціи, придетъ дѣйствительно свободный и счастливый народъ и по-
нетъ васъ добрымъ словомъ:

Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

А 25 декабря, въ самый день Рождества Христова, праздника, изъ котораго—на земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе,—рики-родители К. П. Романова получили отъ товарища прокурора жовскаго окружного суда 5-го участка Гордзялковскаго слѣдую извѣщеніе, помѣченное 19 декабря.

М. г. Къ переданному мнѣ полиціей для дальнѣйшаго направле дознанія пріобщено ваше письмо отъ 6 ноября 1905 г., писан студенту технологическаго института Константину Петровичу анову. Усматривая изъ письма ваше родственное отношеніе, счи своимъ долгомъ извѣстить васъ о несчастной судьбѣ, постигшей его родственника, увѣренный, что вы предпочтете худшія свѣія неизвѣстности, въ которой вы могли бы пребывать весьма дол время. 12 декабря Романовъ и нѣкій Моховъ были задержаны ромъ коннымъ разъѣздомъ. Такъ какъ у нихъ были найдены ольверы, кинжалъ и значительное количество прокламацій, то были отправлены на гауптвахту въ Кремль. По заявленію кала, Романовъ и Моховъ намѣревались бѣжать, вслѣдствіе чего калъ стрѣлялъ въ нихъ. Романовъ оказался убитымъ, Моховъ же ело раненымъ. Моховъ проживаетъ въ Москвѣ въ д. Котова по хонкѣ, въ настоящее время помѣщенъ на излѣченіе въ Голицынію больницу. Полагаю, что отъ него вы можете получить болѣе робныя свѣдѣнія о вашемъ родственникѣ.

Подпись: тов. прокурора Гордзялковскій.

О, безстыдная все выносящая офиціальная ложь!

Изъ предыдущаго видно, сколько правды въ этомъ извѣщеніи. окламація у меня была только одна, а у товарища и того не было. обстоятельство, что раны у обоихъ спереди, а не сзади, а огнеѣльныхъ ранъ у меня совсѣмъ нѣтъ,—дѣлаетъ объясненіе приъ убійства совсѣмъ неумнымъ.

Какой болью сжималось потомъ у меня сердце, когда въ разгаръ кціи я читалъ изъ Прибалтійскаго края, прекраснаго Кавказа и огихъ другихъ окраинныхъ и коренныхъ мѣстъ истекающей кровью ины телеграфно сухія извѣщенія: поймано столько-то, пытались жать и были застрѣлены. Сколько гнусныхъ преступленій правяхъ и власть имущихъ скрывается подъ такими сухими короткими ючками многочисленныхъ телеграммъ! Сколько слезъ пролилось имыхъ и невидимыхъ міру!

О, если бы вся кровь и слезы, пролитыя за эти годы, изъ нѣдръ ныхъ всѣ выступили бы вдругъ, то былъ бы вновь потопъ, и вы бы лебнулись, убійцы, Каины, въ своихъ высокихъ неприступныхъ кахъ, въ своихъ домахъ, дворцахъ роскошныхъ!

Сильно постарѣвшій и посѣдѣвшій отъ горя отецъ убитаго т[illegible]рища, П. Р. Романовъ, послѣ открытія первой Государственной Д[illegible] написалъ горячее письмо саратовскому депутату Аникину, котор[illegible] было помѣщено въ № 8 издававшейся подъ редакціей саратовс[illegible] же депутата Ульянова газеты *Дѣло Народа* подъ заголовкомъ: [illegible] требую суда надъ убійцами моего юноши-сына».

Тамъ помѣщенъ пересказъ вышеприведеннаго, будто бы [illegible] подписанный. Я его не подписывалъ и подписать не могъ въ [illegible] нѣкоторыхъ неточностей, допущенныхъ, очевидно, по забывчив[illegible] уважаемымъ П. Р. Романовымъ, которыя настоящимъ и исправляют[illegible]

Горячая вѣра несчастныхъ родителей въ справедливость не опр[illegible]далась: убійцы къ отвѣтственности не привлечены. А Государств[illegible]ная Дума распущена, и многіе ея члены попали подъ судъ.

Теперь несчастные осиротѣвшіе старики стали увѣрять себя [illegible] другихъ, что ихъ сынъ живъ, спасся и еще вернется и утѣшитъ [illegible] одинокую старость.

[illegible]

Политическія причины голодовокъ.

При обсужденіи продовольственнаго вопроса въ Государственной Думѣ (въ засѣданіи 12 іюня 1906 г.) Ф. И. Родичевъ подчеркнулъ связь между голодовками и политическимъ строемъ Россіи. Возражая на это замѣчаніе Родичева, гр. Гейденъ произнесъ удивительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Здѣсь говорили, что будто бы свободная Россія перестанетъ голодать. Я думаю, что стихійныя силы засухи, которыя теперь проявляются въ Заволжьѣ, ничего общаго съ свободами не имѣютъ и всегда тамъ будутъ. Вѣдь эти страшныя засухи, которыя все высушивали,—мѣстное постоянное явленіе, и когда будутъ жить тамъ свободные люди, онѣ всетаки будутъ» *).

Было бы вполнѣ понятно, если бы подобную рѣчь произнесъ депутатъ Ерогинъ; но въ устахъ гр. Гейдена она звучала очень странно. Гр. Гейденъ категорически отказался признать политическія причины голодовъ въ Россіи. Онъ выдвинулъ на первый планъ стихійныя силы природы, съ которыми будто бы, по его мнѣнію, нельзя успѣшно бороться.

Кому же не извѣстно, что неурожай, зависящій отъ стихійныхъ силъ природы, можетъ случиться и въ конституціонныхъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ интенсивная система земледѣлія? Но въ этихъ странахъ не бываетъ голода. Правительство не доводитъ населенія до нищеты, до полнаго отсутствія денежныхъ и натуральныхъ запасовъ на черный день.

Засухи могутъ случиться во всякой странѣ; но въ свободныхъ странахъ населеніе вооружено знаніями и успѣшно борется даже со стихійными силами природы. Населеніе значительно ослабляетъ силу неурожаевъ; правительство же никогда не допускаетъ населеніе до голода.

Въ цитированныхъ выше словахъ гр. Гейденъ обнаружилъ свое поразительное незнакомство съ исторіей голодовъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Онъ называлъ засухи постояннымъ мѣстнымъ явленіемъ Заволжья;

*) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ. Сессія первая. Томъ II. (Спб., 1906 г.), стр. 1255.

при этомъ онъ добавилъ, что засухи въ Заволжьѣ будутъ даже тогда, когда тамъ будутъ жить свободные люди. Гр. Гейденъ правъ, что засухи еще долго будутъ оказывать свое губительное дѣйствіе въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; но въ свободной Россіи голодовъ уже не будетъ. Отвѣтственное передъ народными представителями правительство никогда не позволитъ себѣ допустить пострадавшее отъ неурожая населеніе до голода.

Наконецъ, гр. Гейденъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что неурожаи въ Россіи стали повторяться все чаще и чаще, благодаря истощенію почвы нераціональною зерновою культурою. Послѣдняя же объясняется тѣмъ, что малоразвитое сельское населеніе не умѣетъ и не въ состояніи (по экономическимъ причинамъ) перейти отъ экстенсивной къ интенсивной системѣ земледѣлія. Слѣдовательно, дѣятельность всего государственнаго механизма слишкомъ тяжело отзывается на сельскомъ населеніи. Политика полицейско-самодержавнаго абсолютизма доводила населеніе до нищеты и полнаго разоренія, чѣмъ подготавливала почву для появленія голодовъ въ Россіи.

При разсмотрѣніи вопроса о причинахъ голодовъ нельзя обойти молчаніемъ политическихъ причинъ. То или иное государственное устройство, то или иное соотношеніе борющихся политическихъ партій или сословій перемѣщаютъ центръ государственнаго управленія въ ту или другую сторону. Правительство является простымъ отраженіемъ того или иного соотношенія борющихся силъ въ странѣ; оно принимаетъ всѣ мѣры, направленныя къ поддержанію тѣхъ классовъ, которые имѣютъ силу. Всѣ тяжести государственныхъ повинностей ложатся невыносимымъ бременемъ лишь на тѣ классы общества и на тѣ сословія, которые не имѣютъ достаточной политической силы, чтобы направлять политику государства въ ту или иную сторону. Во всѣхъ государствахъ можно наблюдать, что политика направлена на удовлетвореніе нуждъ господствующихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи справедливы замѣчанія нѣкоторыхъ писателей, что современное государство легализируетъ организованное насиліе одной части населенія надъ другой.

Еще въ серединѣ XIX вѣка высказывалось подобное мнѣніе. Въ 1864 г. Бомъ справедливо замѣтилъ, что соціальный строй большинства европейскихъ государствъ составляетъ главную причину дороговизны и голода *).

Слова Бома вполнѣ примѣнимы даже въ настоящее время къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ случаются голода. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно прослѣдить исторію западно-европейскихъ странъ, то невольно придется придти къ заключенію, что политическій и соціальный строй государства является однимъ изъ наиболѣе значительныхъ факторовъ, способствующихъ или задерживающихъ возможность появленія голодовъ въ данной странѣ.

---

*) *Boom:* „Une solution politique et sociale“. Paris, 1864.

Въ различныхъ странахъ Западной Европы неурожаи перестаютъ оказывать свое гибельное вліяніе на населеніе и не превращаются въ голода лишь послѣ того, какъ политическая власть постепенно переходила къ народу. Лишь послѣ того, какъ дѣятельность всѣхъ чиновниковъ была поставлена подъ строгій контроль всего народа (въ лицѣ его представителей); послѣ того, какъ государственными доходами и расходами стали распоряжаться не безотвѣтственные придворные лакеи, называвшіеся министрами финансовъ стараго режима, а палата народныхъ представителей; лишь послѣ того, какъ экономическая и финансовая политика получала то или иное направленіе въ зависимости отъ воли народныхъ представителей; лишь послѣ того, какъ были произведены демократическія реформы,—въ Западной Европѣ мы уже не встрѣчаемся съ голодами.

Измѣнившійся соціальный строй западно-европейскихъ государствъ повлекъ за собою преобразованіе всей жизни каждой отдѣльной страны. Тамъ, гдѣ самодѣятельность личности была раньше подавлена, произошло раскрѣпощеніе личности. Пробудившаяся самостоятельность населенія, снятіе административной опеки, распространеніе народнаго образованія, успѣшное примѣненіе научныхъ открытій и изобрѣтеній къ требованіямъ практической жизни и многія другія условія способствовали поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Населеніе училось культурнымъ пріемамъ обработки почвы, оно перестало разграблять производительныя силы почвы; наоборотъ, оно стало заботиться о сохраненіи ихъ. Постепенная эволюція въ области экономической и финансовой политики снимала невыносимую податную тяжесть съ наиболѣе обремененныхъ крестьянскихъ плечъ и переносила ее на болѣе состоятельныхъ людей. Съ другой стороны, развитіе парового транспорта, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и распространеніе пароходнаго сообщенія облегчило доставку необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ въ тѣ мѣстности, которыя случайно были поражены неурожаями.

Главный же вопросъ, вопросъ о наличности денежныхъ или натуральныхъ запасовъ на случай неурожая, былъ разрѣшенъ удовлетворительно лишь послѣ того раскрѣпощенія личности, которое явилось послѣдствіемъ политическихъ реформъ западно-европейскихъ странъ.

Голода исчезаютъ въ Западной Европѣ по мѣрѣ распространенія культурности въ данной странѣ, по мѣрѣ развитія началъ правового государства, по мѣрѣ поднятія благосостоянія всего населенія.

Если голода въ Западной Европѣ отошли уже въ область историческихъ категорій, то въ Россіи они являются печальною современностью. Голода отойдутъ современемъ и для Россіи въ область историческихъ категорій; но это будетъ лишь тогда, когда завершится политическая и соціальная реформа. Къ Россіи въ настоящее время вполнѣ примѣнимы вышеприведенныя слова Бома, что главною причиною голодовъ являются несовершенства политическаго и соціальнаго строя.

Бѣдственныя послѣдствія неурожаевъ въ Россіи въ значительной сте-

пени были обусловлены политикою представителей стараго режима, на
вленною на угнетеніе и разореніе наиболѣе обездоленныхъ слоевъ
скаго населенія.

Отсутствіе достаточныхъ надѣловъ, ростовщическія условія ар
невыносимая тяжесть прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, ложивш
главнымъ образомъ, на крестьянское населеніе, экономическая пол
направленная на насажденіе въ Россіи крупнаго капиталистическаго
изводства въ ущербъ сельскому хозяйству, и многія другія экономич
причины создавали благодарную почву для голодовъ. Полицейскій ре
самодержавія бюрократіи былъ несовмѣстимъ ни съ распространеніемъ
разованія среди населенія, ни съ развитіемъ самодѣятельности трудящ
классовъ. Вмѣсто того чтобы быть «кузнецомъ своего счастья», вм
того чтобы дѣятельно бороться съ различными причинами неурожая,
ское крестьянство безропотно подчинялось произволу стихій и считало
урожай Божьимъ наказаніемъ. Бюрократія была непосредственно заин
сована въ томъ, чтобы поддерживать дикое невѣжество крестьянъ: б
кратія была заинтересована въ томъ, чтобы съ развитіемъ просвѣщені
распространилось политическое самосознаніе угнетенныхъ классовъ, чт
крестьяне не сознали всю ненормальность своего положенія, чтобы
не потребовали себѣ никакихъ правъ.

Разгулъ административнаго произвола царилъ во всѣхъ отрасляхъ у
вленія. Онъ отражался самымъ неблагопріятнымъ образомъ на поло
продовольственнаго дѣла въ Россіи.

Министерство внутреннихъ дѣлъ выработало особую систему продо
ственной политики. Въ рукахъ безотвѣтственной администраціи продо
ственное дѣло превратилось въ одно изъ орудій внутренней политики,
торымъ администрація дѣйствовала по своему усмотрѣнію. Сущность э
продовольственной политики сводилась къ слѣдующему. Въ случаѣ,
надъ нѣкоторыми губерніями Россіи разразился неурожай, слѣдуетъ
вать настолько минимальную помощь пострадавшимъ, чтобы она сп
мѣстное населеніе только отъ голодной смерти. Такъ какъ среди мѣст
общества могутъ найтись отзывчивые люди, сочувствующіе народной ну
и искренно стремящіеся къ ея облегченію, то необходимо принять
мѣры къ тому, чтобы эти люди не могли довести до свѣдѣнія общес
о бѣдственномъ положеніи пострадавшихъ губерній. Здѣсь на сцену
ступаетъ весь сложный механизмъ государственнаго управленія. Пр
всего отдаются энергичныя приказанія цензурѣ не пропускать въ
никакихъ свѣдѣній о голодѣ, искоренить самое слово: «голодъ», замѣ
его болѣе мягкимъ: «недородъ». Если принятыя цензурой мѣры ока
лись недостаточными, если положеніе пострадавшаго населенія было
столько бѣдственно, что дальше скрывать его нельзя было, то прави
ство оказывало минимальную продовольственную помощь. Опасаясь ра
щающаго вліянія выдачи продовольственныхъ ссудъ, министерство
треннихъ дѣлъ выдавало продовольственныя ссуды только нераб

собному населенію (дѣтямъ и старикамъ), исключая изъ числа «ѣдоковъ» все крестьянское населеніе въ рабочемъ возрастѣ. Такъ какъ выданныя ссуды распредѣлялись между всѣми членами семьи, ссудъ, конечно, оказывалось недостаточно.

Населеніе принуждено было прибѣгать къ употребленію суррогатовъ хлѣба. На почвѣ недостаточнаго питанія возникали и распространялись различныя болѣзни и эпидеміи (цынга, тифъ, куриная слѣпота и другія). Подъ вліяніемъ замалчиванія народной нужды и отсутствія правильной продовольственной помощи болѣзни быстро распространялись и принимали форму эпидемій. Несмотря на распространеніе массовыхъ заболѣваній, мѣстная администрація считала своею обязанностью отрицать существованіе народной нужды.

Дѣятельность всѣхъ вѣдомствъ была направлена на то, чтобы скрыть истинные размѣры народнаго бѣдствія. Общество долго находилось въ невѣдѣніи относительно истиннаго положенія вещей, такъ какъ цензура задерживала всякія извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей. До какихъ невѣроятныхъ размѣровъ доходило иногда невѣжество бюрократіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ виду того, что главное управленіе по дѣламъ печати особымъ циркулярнымъ отношеніемъ изъяло изъ обращенія самый терминъ: «голодъ», цензура тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы это слово не проникло въ печать. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ цензура замѣняла слово «голодъ» офиціальнымъ названіемъ «недородъ». Одинъ провинціальный ученый написалъ статью общаго характера подъ заглавіемъ: «Физіологическія послѣдствія голода», причемъ разсматривалъ вопросъ съ научной точки зрѣнія и совсѣмъ не касался голода 1891 г. Свою статью онъ отослалъ въ одну изъ провинціальныхъ газетъ. Цензура не могла пропустить ее въ такомъ видѣ, такъ какъ въ ней было употребляемо слово «голодъ». Цензоръ вычеркнулъ неугодныя ему мѣста и сдѣлалъ соотвѣтствующія поправки. Въ результатѣ получилась статья подъ заглавіемъ: «Физіологическія послѣдствія недорода». Цензоръ, очевидно, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, даже не подозрѣвалъ, что физіологическія послѣдствія можетъ имѣть только голоданіе человѣческаго организма, а никакъ не недородъ. Подобныя нелѣпости случались на каждомъ шагу.

Во время голода 1898—99 г. С. А. Горюшинъ написалъ статью подъ заглавіемъ: «Голодъ въ поселкѣ»; при этомъ онъ пользовался только тѣми матеріалами, которые уже появились въ печати. Въ своей статьѣ авторъ описалъ то бѣдственное положеніе, въ которомъ оказывалось земледѣльческое населеніе, благодаря неурожаю и благодаря политикѣ бюрократіи. Статья уже была напечатана въ петербургскомъ журналѣ *Жизнь* (В. А. Поссе). Несмотря на то, что статья была составлена только на основаніи печатныхъ матеріаловъ (т.-е. испытавшихъ на себѣ всю тяжесть русской цензуры и тщательно профильтрованныхъ), книжка *Жизнь* со статьею С. А. Горюшина была задержана, статья была вырѣзана и уничтожена.

Самодержавная бюрократія, политика которой была направлена на за-малчиваніе народной нужды, не могла выносить свободнаго слова, изоб-личавшаго преступленія русской бюрократіи передъ народомъ. Поэтому, столичная цензура не допускала критики высшихъ правительственныхъ учре-жденій; мѣстная же цензура не пропускала въ печать вообще никакихъ свѣдѣній о положеніи голодающихъ. Бюрократія хорошо понимала, что свободное слово разоблачитъ ея своекорыстную политику, направленную на поддержку и защиту командующихъ классовъ и на угнетеніе низшихъ клас-совъ. Въ виду того, что независимая печать могла изобличить самодержавную бюрократію въ ея преступленіяхъ передъ народомъ, цензура не терпѣла даже тѣни свободнаго слова и независимой мысли. Въ этомъ случаѣ цен-зура была лишь простымъ отголоскомъ теченій, существовавшихъ въ пра-вительственныхъ сферахъ, непосредственно заинтересованныхъ въ томъ, чтобы никто изъ «обывателей» не осмѣлился сомнѣваться въ пользѣ по-литики, направленной на поддержаніе среди крестьянства невѣжества, раб-ства и нищеты.

Мѣстная администрація, получившая соотвѣтственныя указанія изъ Пе-тербурга, прилагала всѣ свои усилія къ тому, чтобы обрисовать положеніе голодающихъ крестьянъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Представители мѣстной администраціи отрицали наличность продовольственной нужды: и въ печати и въ обществѣ, и на земскихъ собраніяхъ администраторы-крѣпостники заявляли, что «все обстоитъ благополучно». Они заявляли, что въ под-вѣдомственныхъ имъ губерніяхъ никакого голода нѣтъ, а былъ лишь лег-кій «недородъ»; крестьянскому населенію не слѣдуетъ оказывать достаточной продовольственной помощи, такъ какъ подобная помощь развращаетъ народъ.

Напримѣръ, самарскій вице-губернаторъ В. Г. Кондоиди (дѣятельный сотрудникъ *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*) заявилъ на январ-скомъ губернскомъ земскомъ собраніи (1899 г.), что распространяемые въ печати слухи о голодѣ и о болѣзняхъ не имѣютъ подъ собою почвы и не заслуживаютъ никакого довѣрія, что всѣ эти слухи слишкомъ преувели-чены. Отсюда Кондоиди дѣлалъ логичный выводъ, что продовольственныя ссуды слѣдуетъ назначать съ особенной осторожностью. Какъ бы въ отвѣтъ на эту рѣчь г. вице-губернатора изъ всѣхъ мѣстностей Самарской губер-ніи стали ежедневно поступать многочисленныя донесенія земскихъ врачей, предсѣдателей земскихъ управъ, земскихъ начальниковъ, что въ различ-ныхъ мѣстностяхъ вспыхиваютъ эпидеміи цынги и тифа, которыя быстро распространяются по всей Самарской губерніи. Благодаря постоянному отрицанію угрожающаго народнаго бѣдствія и полному отсутствію со сто-роны администраціи заботы о голодающихъ, эпидеміи развивались съ ужа-сающей силой. Въ голодный 1898—99 г. самарское санитарное бюро опре-дѣляло число цынготныхъ больныхъ въ Самарской губ. въ 23 тыс. чело-вѣкъ, а Красный Крестъ—въ 29 тыс. Приведенныя данныя являются на-гляднымъ доказательствомъ той бездушной политики, которая довела мѣстное населеніе до полнаго истощенія и массовыхъ заболѣваній.

При такомъ отношеніи центральной и мѣстной администраціи къ нуждамъ голодающихъ крестьянъ, нельзя удивляться полной неподготовленности бюрократіи бороться съ народнымъ бѣдствіемъ. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій неурожаи стали постояннымъ явленіемъ для многихъ мѣстностей Россіи. Болѣе или менѣе сильные неурожаи неразрывно были связаны съ голодовками. Тѣмъ не менѣе, правительство постоянно оказывалось совершенно неподготовленнымъ къ борьбѣ съ голодомъ, несмотря на постоянство этого бѣдственнаго явленія. Доведенное до нищеты населеніе не имѣло собственныхъ запасовъ на случай неурожая и было поставлено почти въ полную зависимость отъ правительственной помощи. Однако, правительственная помощь постоянно запаздывала, и населенію было предоставлено полное право разоряться.

Впрочемъ, это право населенія разоряться было зафиксировано даже въ законахъ, а не въ одной административной практикѣ. Если мы обратимъ вниманіе на духъ и направленіе временныхъ продовольственныхъ правилъ 12 іюня 1900 г., то увидимъ, что они мало содѣйствуютъ поднятію экономическаго благосостоянія населенія, а скорѣе способствуютъ его упадку.

Вмѣсто того, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить весь продовольственный уставъ послѣ неурожая 1891 г., бюрократія выработала временныя продовольственныя правила, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли поддержать крестьянское хозяйство. Подъ вліяніемъ причинъ, ничего общаго съ продовольственнымъ дѣломъ не имѣющихъ, продовольственное дѣло было изъято бюрократіей изъ вѣдѣнія земства *). Политика правительства была направлена на то, чтобы сократить сферу земской компетенціи, омертвить дѣятельность земства по принятію различныхъ мѣръ, направленныхъ на предупрежденіе неурожаевъ, и такимъ образомъ подготовить почву для полнаго уничтоженія земства, какъ нежелательнаго элемента въ общей системѣ государственнаго управленія. Бюрократы наносили земству одинъ ударъ за другимъ, и изъятіе продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства (по политическимъ причинамъ) оставляло въ дѣятельности земства широкую брешь и подготовляло почву къ полному упраздненію земства. Такова была политическая задача, которую преслѣдовали составители временныхъ продовольственныхъ правилъ 12 іюня 1900 г.

Соотвѣтственно съ этимъ руководящимъ лейтъ-мотивомъ были составлены всѣ статьи временныхъ правилъ. Коренной вопросъ о цѣли выдачи продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ былъ рѣшенъ съ бюрократической точки зрѣнія. Если земства постоянно стремились къ тому, чтобы по возможности оказать достаточную продовольственную и сѣменную помощь и этимъ содѣйствовать поддержанію экономическаго благосостоянія

*) Подробности см. въ нашей статьѣ: „Почему продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства?“ въ „Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи“ 1906 г. № 5, май, стр. 86—123.

населенія, то самодержавная бюрократія принимала нѣкоторыя мѣры только къ тому, чтобы спасти населеніе отъ голодной смерти и не оставить надѣльныхъ полей безъ обсѣмененія (однако и эта задача не была достигнута бюрократіей).

Земскіе дѣятели неоднократно заявляли и на земскихъ собраніяхъ, и въ печати, и на мартовскомъ съѣздѣ земскихъ представителей 1903 г., что продовольственныя мѣропріятія должны быть направлены не только на спасеніе голодающихъ отъ смерти, но и на поддержаніе экономическаго благосостоянія народа *). Такіе взгляды земскихъ дѣятелей были неугодны представителямъ центральной власти; поэтому въ 1900 г. продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства и передано въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій.

Временныя продовольственныя правила 12 іюня 1900 г. совершенно игнорируютъ благосостояніе крестьянъ. Они преслѣдуютъ своею цѣлью только простое подкармливаніе голодающихъ и спасеніе ихъ отъ голодной смерти, но не предупреждаютъ экономическаго разоренія крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ временныхъ правилъ содержится прямое указаніе, что предупрежденіе экономическаго разоренія крестьянъ не входитъ въ задачу, преслѣдуемую правилами 12 іюня 1900 г. Напримѣръ, статья 61 временныхъ правилъ ставитъ условіемъ выдачи продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ не только недостатокъ въ средствахъ пропитанія и въ сѣменахъ для посѣва, но и отсутствіе такого имущества, продажа котораго безъ существеннаго разстройства хозяйства могла бы доставить средства къ пропитанію и посѣву; сверхъ того, крестьянскія учрежденія могутъ выдавать ссуды лишь при неимѣніи заработковъ или при отсутствіи въ семьѣ лицъ, способныхъ къ работѣ. 61 статья предоставляла полный просторъ дѣйствій различнымъ представителямъ администраціи. Въ дѣлѣ назначенія ссудъ царилъ административный произволъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «начальство» выдавало ссуды только совершенно разорившимся крестьянамъ, а остальнымъ предоставляло право распродавать хозяйственный инвентарь, входить въ неоплатные долги и разоряться **). Такимъ образомъ, временныя продовольственныя правила, которыя должны были бы предупреждать разореніе крестьянъ, въ дѣйствительности разоряли насе-

---

*) См. „Докладную записку г. министру внутреннихъ дѣлъ представителей земствъ, приглашенныхъ къ участію въ Высочайше утвержденномъ совѣщанія по пересмотру узаконеній продовольственнаго дѣла" въ *Саратовской Земской Недѣлѣ* 1903 г. № 6—7, стр. 32.

**) В. М. Яновичъ высказалъ (въ Соликамскомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сел.-хоз. пром.) вполнѣ справедливое мнѣніе, что выдача продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ зависитъ отъ количества имѣющагося налицо скота, а не отъ степени нужды; см. „Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сел.-хоз. пром.", т. XXI, Пермская губ., (Спб., 1903), стр. 478—479.

Вслѣдствіе такой политики ряды сельскаго пролетаріата послѣ неурожайныхъ лѣтъ постоянно увеличиваются за счетъ убыли изъ рядовъ кредитоспособныхъ и платежеспособныхъ крестьянъ.

ленiе. Если таковъ былъ духъ и общее направленiе законовъ, регулирующихъ продовольственное дѣло, то чего же можно было ожидать отъ тѣхъ чиновниковъ, которые должны были примѣнять указанный законъ? Причина русскихъ голодовокъ лежала очень глубоко въ ненормальныхъ условiяхъ русской общественной и политической жизни. Старый режимъ, искусственно поддерживаемый самодержавной бюрократiей, самъ умышленно содѣйствовалъ разоренiю крестьянскаго хозяйства. Къ такому выводу можно придти, если изучать законы, дѣйствовавшiе въ то время (и, къ сожалѣнiю, еще не отмѣненные до сихъ поръ), а также если наблюдать практическую дѣятельность представителей стараго режима. Такъ какъ предохраненiе крестьянъ отъ разоренiя никогда не входило въ задачи самодержавной бюрократiи, то не было правильно организованной продовольственной статистики. Вслѣдствiе этого продовольственныя смѣты были составляемы неправильно и подвергались постояннымъ сокращенiямъ по мѣрѣ удаленiя отъ мѣста нужды. Администрацiя относилась очень подозрительно вообще ко всякимъ статистическимъ изслѣдованiямъ, въ частности—къ правильной организацiи продовольственной статистики. Для того чтобы получить точныя данныя о размѣрѣ продовольственной нужды, требовалось произвести соотвѣтственныя изслѣдованiя. Когда же мѣстныя земства предпринимали подобныя статистическiя изслѣдованiя, губернская администрацiя ставила имъ всевозможныя препятствiя. Напримѣръ, статистическое отдѣленiе Калужской губернской земской управы намѣревалось произвести опросъ при участiи сельскихъ старостъ отдѣльныхъ домохозяевъ (1-й, 21-й, 41-й и т. д. дворъ), для того чтобы выяснить истинные размѣры продовольственной нужды въ Калужской губ. послѣ неурожая 1897 г. (И. Э. Гуковскiй и А. Д. Петровскiй: «Способы опредѣленiя продовольственной и сѣмянной нужды» въ изд. И. вол. экон. общ.: «Продовольственный вопросъ въ 1897—1898 гг.» (Спб., 1898 г., стр. 88). Однако, калужскiй губернаторъ не разрѣшилъ статистическому отдѣленiю произвести указанное изслѣдованiе размѣровъ продовольственной нужды. Вообще, всякая статистика находилась у администрацiи подъ подозрѣнiемъ и на лицъ, занимающихся статистикой, представители администрацiи смотрѣли, какъ на неблагонадежныхъ въ политическомъ отношенiи. Неудивительно, что ни у земства, ни у администрацiи никогда не бывало точныхъ данныхъ о размѣрахъ продовольственной нужды, такъ какъ сама администрацiя не разрѣшала собирать необходимыя свѣдѣнiя. При опредѣленiи размѣровъ продовольственной нужды ограничивались отзывами мѣстныхъ людей, показанiями волостныхъ писарей и другими мало достовѣрными данными. Опредѣленiе размѣровъ продовольственной нужды было производимо чисто канцелярскимъ путемъ. Съ размѣрами истинной нужды совершенно не сообразовались и ее опредѣляли на основанiи чисто формальныхъ признаковъ. Когда продовольственнымъ дѣломъ завѣдывали земства, они заботились о томъ, чтобы выдать крестьянамъ возможно большее количество ссудъ для удовлетворенiя неотложной продовольственной и сѣменной нужды.

Однако администрація не довѣряла земству и постоянно урѣзывала и со-
кращала продовольственныя смѣты. Вся постановка продовольствен-
дѣла сводилась къ открытому торгу—снизу и урѣзкѣ—сверху. Впослѣд-
ствіи оказывалось, что земскія данныя болѣе приближались къ исти-
чѣмъ данныя администраціи. Министерству внутреннихъ дѣлъ поне-
приходилось отпускать новыя дополнительныя ассигнованія на продо-
ственныя ссуды.

Результатомъ подобной сокращающей продовольственной политики яви-
лось полуголодное существованіе пострадавшихъ крестьянъ, истощеніе
организма, сильная воспріимчивость къ различнымъ заболѣваніямъ, б-
строе развитіе эпидемій и усиленная смертность (въ особенности дѣтей
старпковъ, какъ наиболѣе слабосильной части населенія). Исторія послѣд-
нихъ неурожайныхъ лѣтъ въ Россіи даетъ неопровержимыя доказате-
ства, что «сокращающая» продовольственная политика самодержавной б-
рократіи вела не только къ экономическому разоренію крестьянскаго н-
селенія, но и къ его физическому вырожденію.

Въ послѣднее время народное продовольствіе было обращено въ од-
изъ орудій внутренней политики. Министерство внутреннихъ дѣлъ лиши-
продовольственной помощи всѣхъ крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрны-
безпорядкахъ. Начальникъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣ-
В. I. Гурко внесъ въ концѣ 1905 г. въ продовольственный комитет-
состоявшій подъ предсѣдательствомъ г. Ватаци, предложеніе лишить пр-
довольственной помощи всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые участвовали в
аграрныхъ безпорядкахъ. Комитетъ не принялъ столь нераціональ-
предложенія. Послѣ этого г. Гурко внесъ свое предложеніе въ поряд-
подчиненности управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ П.
Дурново. Предложеніе понравилось Дурново, и въ результатѣ получ-
извѣстный циркуляръ 11 ноября 1905 г. губернаторамъ отъ минис-
ства внутреннихъ дѣлъ, запрещавшій выдавать продовольственныя сс-
крестьянамъ, принимавшимъ участіе въ аграрномъ движеніи. Нѣкотор-
губернаторы обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ за разъясненіе-
слѣдуетъ ли лишать продовольственной помощи также и семьи лицъ, у-
ствовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ? Министръ внутреннихъ д-
П. А. Столыпинъ въ своемъ отвѣтѣ на запросъ членовъ Государствен-
Думы сказалъ 12 іюня 1906 г., что лишеніе продовольственной пом-
не касалось семействъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ крестьянс-
безпорядкахъ. Очевидно. г министръ былъ плохо освѣдомленъ о дѣйстві-
мѣстныхъ агентовъ центральной власти и, по всей вѣроятности, онъ з-
былъ свои собственныя дѣянія въ бытность саратовскимъ губернатор-
Въ 25 засѣданіи Государственной Думы (12 іюня 1906 г.) были про-
ганы документы, удостовѣрявшіе, что мѣстныя власти лишали продо-
ственной помощи не только отдѣльныхъ крестьянъ, но и ихъ семейс-
А. Ѳ. Аладьинъ прочиталъ слѣдующее сообщеніе изъ Симбирской губер-
«Земскій начальникъ 1 участка Таушевъ и предсѣдатель земской упр-

Пайтусовъ посодѣйствовали лишать пособія семейства лицъ, находящихся въ тюрьмѣ за аграрные безпорядки, а эти аграрные безпорядки были именно въ имѣніи Таушева, стало быть, питаютъ они къ народу месть и злобу, питаютъ ее ко всему крестьянству» *). Это сообщеніе было прислано изъ Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Подобнаго рода сообщенія нерѣдко приходили также изъ другихъ губерній.

Наконецъ, въ печати была опубликована телеграмма бывшаго саратовскаго губернатора П. А. Столыпина балашовскому уѣздному предводителю дворянства, въ которой Столыпинъ дѣлалъ распоряженіе прекратить оказаніе продовольственной помощи всѣмъ селамъ и деревнямъ, принимавшимъ участіе въ аграрномъ движеніи **). Очевидно, что П. А. Столыпинъ довольно скоро забылъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ предпринималъ, будучи саратовскимъ губернаторомъ. Въ Государственной Думѣ (12 іюня) онъ совершенно спокойно заявилъ, что семьи «аграрниковъ» не были лишаемы продовольственной помощи ***)... Замѣтимъ, что ни сообщенія, сдѣланныя въ Думѣ, ни опубликованная телеграмма Столыпина балашовскому предводителю никѣмъ не были опровергнуты.

Подобныя явленія наглядно доказываютъ, до какого разложенія дошла «власть» въ Россіи. То самое народное продовольствіе, которое даже г. министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ призналъ дѣломъ громадной государственной важности, было превращено въ простое орудіе внутренней политики. Представители министерства внутреннихъ дѣлъ рѣшили оказывать продовольственную помощь только благонадежнымъ крестьянамъ; у «неблагонадежныхъ» же они вырывали кусокъ хлѣба изо рта. Во многихъ мѣстахъ та же участь постигла не только самихъ «аграрниковъ», но и ихъ семейства. Ослѣпленные страхомъ за свое будущее, воодушевленные чувствомъ мести, представители «власти» со спокойной совѣстью осуждали на полное экономическое разореніе и на голоданіе не только самихъ аграрниковъ, но и лицъ, совершенно невинныхъ, нисколько не причастныхъ къ аграрному движенію, а именно дѣтей. Месть бюрократіи была перенесена даже на потомство тѣхъ лицъ, которыя были ненавистны «безпартійнымъ» представителямъ власти...

Мы разсмотрѣли, какъ относились представители центральной и мѣстной бюрократіи къ народному бѣдствію. Мы видѣли, что старый режимъ полнаго административнаго произвола способствовалъ появленію голода въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Причины русскихъ голодовокъ заключались въ «высшей политикѣ». Разсмотримъ теперь вопросъ, какъ относилась бюрократія къ частнымъ благотворителямъ, во имя любви къ ближнему приходившимъ на помощь къ пострадавшимъ?

---

*) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ. Сессія первая. Томъ II, стр. 1248—1249.

**) См. открытое письмо А. Тимофеева министру внутреннихъ дѣлъ г. Столыпину отъ 21 іюня 1906 г., въ *Современникъ* 1906 г., № 81 отъ 23 іюня.

***) Госуд. Дума. Стеногр. отчеты, т. II, стр. 1243.

Бюрократія, которая оказывала слишкомъ недостаточную продовольственную помощь пострадавшимъ отъ неурожая крестьянамъ, отрицательно относилась къ частнымъ благотворителямъ. Мѣстныя власти постоянно подозрѣвали въ частныхъ благотворителяхъ «крамольниковъ», явившихся для возбужденія мѣстнаго населенія противъ правительства. Всѣхъ лицъ, являвшихся въ голодающія мѣстности для оказанія благотворительной помощи, администрація постоянно подозрѣвала въ политической неблагонадежности. Въ силу однихъ подозрѣній, довольно часто ничѣмъ не оправдываемыхъ, администрація ставила всевозможныя стѣсненія дѣятельности благотворителей.

Во время голодовокъ послѣднихъ десятилѣтій, когда гласность была стѣснена, когда безправное населеніе принуждено было голодать, заболѣвать и объ этомъ, благодаря цензурѣ, никто не могъ знать,—мѣстныя власти были заинтересованы въ томъ, чтобы до общества не доходили никакія извѣстія о бѣдственномъ положеніи населенія. Провинціальная администрація, постоянно доносившая въ Петербургъ о «благополучіи» во ввѣренныхъ ей мѣстностяхъ, не терпѣла тѣхъ лицъ, которыя желали помочь голодающимъ. Стоитъ вспомнить инцидентъ, происшедшій въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи въ 1891—92 гг. Мѣстныя уѣздныя «власти» категорически отказывались признать наличность продовольственной нужды въ своемъ уѣздѣ и постоянно сообщали губернатору, что въ ихъ уѣздѣ «все обстоитъ благополучно» *). Лукояновскій инцидентъ является простою иллюстраціей отношенія мѣстной бюрократіи къ нуждамъ народа.

Какъ относилось мѣстное «начальство» къ частной благотворительности въ 1891 г., видно изъ слѣдующаго факта. Земскій начальникъ 5-го участка, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи г. Есиповъ особымъ предписаніемъ за № 4711 запретилъ крестьянамъ своего участка брать муку, пожертвованную купцомъ Каретниковымъ. Въ качествѣ мотивовъ г. земскій начальникъ приводилъ слѣдующіе доводы: 1) по слухамъ, мука раздается неправильно, а 2) (что самое главное) г. земскій начальникъ откровенно признается, что онъ не терпитъ, когда кто-либо другой распоряжается въ его участкѣ **).

Въ голодный 1898—1899 гг. частная благотворительность также встрѣчала разнообразныя препятствія и подозрительное къ себѣ отношеніе. Такъ какъ центральное правительство отказывалось признавать существованіе въ Россіи голода, а признавало лишь «недородъ», то въ теченіе долгаго времени нельзя было даже помѣщать въ газетахъ воззванія о помощи голодающимъ и собирать пожертвованія. Мѣстные корреспонденты столичныхъ

*) *Владиміръ Короленко*: „Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки“ (4-е изд., Спб., 1902 г.), стр. 43, 60 и слѣд.

**) *Вл. Михневичъ*: „Черные дни. Изъ поѣздки по шести губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая въ концѣ 1891 года. Наблюденія и замѣтки“, (Спб., 189[illegible] г.), стр. 91.

газетъ, сообщавшіе о надвигающемся народномъ бѣдствіи, находились на плохомъ счету у мѣстной администраціи. На этихъ корреспондентовъ, не желавшихъ скрывать истинное положеніе вещей, провинціальная администрація смотрѣла, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, и видѣла въ нихъ почти бунтовщиковъ и агитаторовъ.

Какъ отзывалась на положеніи голодающихъ такая политика бюрократіи? Общество не могло составить себѣ правильнаго представленія о дѣйствительныхъ размѣрахъ народнаго бѣдствія и поэтому относилось сравнительно равнодушно къ бѣдственному положенію голодающей деревни. Въ то время, какъ голодъ уносилъ все болѣе и болѣе жертвъ, частная благотворительность не могла выступить на борьбу съ нимъ: не было ни средствъ, ни людей, которые приняли бы на себя тяжелую обязанность работать на голодѣ. Наконецъ, когда народнаго бѣдствія уже нельзя было скрывать, когда въ различныхъ губерніяхъ появились десятки тысячъ больныхъ цынгою и тифомъ,—мѣстная администрація принуждена была признать народное бѣдствіе и разрѣшить частнымъ благотворителямъ оказывать продовольственную и медицинскую помощь голодающимъ. Безъ полицейскаго разрѣшенія русское общество не имѣло права кормить голодающихъ. Для западно-европейскаго общества, незнакомаго съ условіями русской жизни, должно казаться дикимъ и невѣроятнымъ, что нужно получить разрѣшеніе для того, чтобы имѣть право накормить голодающаго. Между тѣмъ, эти дикіе взгляды находили себѣ примѣненіе въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи.

Даже послѣ неурожая 1905 г., когда дѣлались приготовленія къ созыву Государственной Думы, и, наконецъ, даже тогда, когда Государственная Дума функціонировала, мѣстная администрація ставила благотворителямъ постоянныя препятствія въ борьбѣ съ голодомъ и въ значительной степени парализовала починъ со стороны частныхъ лицъ и обществъ *). Всевозможныя стѣсненія частной благотворительности заставили 65 членовъ Государственной Думы сдѣлать 13 мая 1906 г. запросъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ запросъ министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что препятствіе въ дѣлѣ оказанія благотворительной помощи встрѣтили тѣ лица, которыя помимо благотворительной дѣятельности были уличены въ дѣятельности другого рода, за что были арестованы и привлечены къ судебной отвѣтственности. Въ своей рѣчи Столыпинъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мнѣ кажется, насколько нелѣпо было бы ставить препятствія частнымъ лицамъ въ области помощи голодающимъ, настолько преступно было бы бездѣйствіе власти по отношенію къ лицамъ, прикрывающимся благотворительностью въ цѣляхъ противозаконныхъ».

---

*) Нѣкоторыя данныя о препятствіяхъ со стороны администраціи содержатся въ „Предварительномъ отчетѣ о дѣятельности Московскаго комитета общественной помощи голодающимъ за 1905—6 г.“, стр. 4, 6—9.

Въ отвѣтъ на это депутаты В. И. Долженковъ и А. В. Васильевъ привели много фактовъ, доказывающихъ, что при стѣсненіяхъ частной благотворительности мѣстная администрація руководствовалась не дѣйствительной политической неблагонадежностью благотворителей, а простымъ заподозриваніемъ всѣхъ благотворителей въ политической неблагонадежности.

Министръ внутреннихъ дѣлъ назвалъ преступнымъ бездѣйствіе власти, не преслѣдующей агитаторовъ. Но какъ же назвать ту власть, которая безъ малѣйшаго повода запрещаетъ людямъ благотворить? Это не только преступное превышеніе власти; это—анархія и разрушеніе страны самими правительственными органами. Это вѣрно подмѣтилъ Ф. И. Родичевъ, который въ отвѣтъ на рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ заявилъ: «До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ на каждомъ шагу опутанъ разрѣшеніями, до тѣхъ поръ никакая борьба съ голодомъ никогда не будетъ удачна... До тѣхъ поръ, пока во главѣ власти стоятъ люди, допускающіе тотъ принципъ, который развратилъ всю администрацію, до тѣхъ поръ, пока стоятъ люди, отстаивающіе это гибельное прошлое, до тѣхъ поръ безплодны будутъ ассигновки ваши, до тѣхъ поръ голодъ и отчаяніе — вотъ будущее нашей земли!» *).

Дѣйствительно, если министерство не въ состояніи отличить филантропію отъ политики, если представителямъ администраціи совершенно чуждо простое чувство состраданія и любви къ ближнему, если эти представители стараго режима во всемъ усматриваютъ фантомъ «крамолы», то никакая борьба съ голодомъ со стороны частныхъ благотворителей невозможна. Затрудненія, которыя администрація ставитъ частной благотворительности, удаляютъ общество отъ оказанія благотворительной помощи и въ высшей степени вредно отзываются какъ на самомъ обществѣ, такъ и на голодающихъ. При разсмотрѣніи этого вопроса нельзя упускать изъ виду моральную точку зрѣнія. Тѣ представители власти, которые стѣсняли частную благотворительность, какъ бы содѣйствовали погашенію и заглушенію святого чувства любви къ ближнему. Эти представители власти не остановились даже передъ грубымъ вмѣшательствомъ въ такое индивидуальное дѣло, какъ помощь голодающимъ. Даже въ святомъ дѣлѣ помощи ближнимъ постоянно слышался грубый начальническій окрикъ: «Quos ego!»

Изъ отношенія правительства къ частнымъ благотворителямъ наглядно видно, какое огромное значеніе въ дѣлѣ появленія и развитія голодовокъ имѣютъ политическія условія.

Голодовки въ Россіи постоянно обострялись вслѣдствіе того, что забота объ обезпеченіи народнаго продовольствія была возложена на чиновниковъ, получавшихъ свои деньги отъ народа и въ благодарность за это презиравшихъ народъ. Министры внутреннихъ дѣлъ, на которыхъ была

*) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. Т. II, стр. 1,251.

возложена главная забота объ обезпеченіи народнаго продовольствія, дѣлали настоящій искусственный подборъ чиновниковъ въ своемъ вѣдомствѣ. Такіе столпы реакціи, какъ гр. Д. А. Толстой и его преемники, не допускали въ своемъ вѣдомствѣ никакого «вольнодумства». Губернаторы должны были слѣпо исполнять приказанія изъ Петербурга, не имѣя права заботиться о благосостояніи мѣстнаго населенія. Если же среди высшей мѣстной администраціи встрѣчались иногда независимые люди, отзывчиво относящіеся къ народному бѣдствію, центральная администрація немедленно ихъ удаляла. Напримѣръ, въ голодный 1891—2 г. былъ смѣщенъ Саратовскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ А. И. Косичъ за то, что онъ горячо отнесся къ бѣдствіямъ голодающихъ и постарался оказать имъ возможно широкую помощь. Этотъ честный человѣкъ, свободный отъ бюрократическаго формализма, оказался неподходящимъ къ должности губернатора. На «почтенной» должности губернатора должны были быть, въ качествѣ общаго правила, только администраторы-крѣпостники, энергично проводящіе реакціонную политику. Взглядамъ А. И. Косича придали несоотвѣтственное толкованіе, объявили его вторымъ Пугачевымъ и удалили со службы по министерству внутреннихъ дѣлъ. Такъ относились прислужники стараго режима къ наиболѣе просвѣщеннымъ, наиболѣе умнымъ и независимымъ людямъ. Представители центральной власти на мѣстахъ ни передъ кѣмъ не отвѣчали за развитіе болѣзней на почвѣ голода въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ. Они должны были сокращать продовольственныя смѣты и не смѣли запрашивать слишкомъ много денегъ на организацію продовольственной помощи. Наиболѣе ревностные администраторы доходили даже до того, что взыскивали подати съ голодающихъ крестьянъ, причемъ взысканіе налагали на хлѣбъ, выданный крестьянамъ въ ссуду отъ земства. Какъ центральная, такъ и провинціальныя власти употребляли всѣ усилія не къ тому, чтобы поддержать экономическое благосостояніе крестьянъ, а къ тому, чтобы содѣйствовать его дальнѣйшему паденію.

Даже въ концѣ XIX вѣка въ Россіи бывали случаи голодной смерти. Объ этомъ свидѣтельствуютъ много авторовъ, написавшихъ очерки голодныхъ 1891—2 и 1898—9 гг., напримѣръ, В. Г. Короленко, В. Л. Якимовъ и др. *). Невольно напрашивается сопоставленіе русскихъ голодовъ съ индійскими. Англійское правительство заявило (во время голода 1873—1874 г.), что лица, которымъ ввѣрено дѣло помощи пострадавшимъ отъ неурожая, будутъ лично отвѣтственны за всякій смертный случай отъ голода, происшедшій вслѣдствіе ихъ недостаточной распорядительности. Между тѣмъ въ Россіи губернаторы и министры внутреннихъ дѣлъ ни передъ кѣмъ не были отвѣтственны за смертный случай отъ голода.

---

*) *Влад. Короленко*: „Въ голодный годъ“ (Спб., 1902), стр. 348—349; А. А. Корниловъ: „Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ. Отчетъ о помощи голодавшимъ нѣкоторыхъ мѣстностей Моршанскаго и Кирсановскаго уѣздовъ, Тамбовской губерніи, въ 1891—92 г.“. (М., 1893), стр. 20; Вас. Якимовъ: „По слѣдамъ голода. Изъ воспоминаній“ (Спб., 1903), стр. 26, 27.

Мы выяснили связь между политическимъ строемъ данной стра[ны и] развитіемъ голодовокъ. Представители стараго режима боролись не съ [го]лодомъ, а съ голодающими; они не предпринимали никакихъ мѣръ къ [тому,] чтобы предупредить самую возможность появленія голодовокъ; наобо[ротъ,] своею безразсудною дѣятельностью они создавали почву для голод[овокъ.] Для предупрежденія голодовъ необходимо поднятіе экономическаго бла[го]стоянія сельскаго населенія, необходимо улучшеніе сельскаго хозяй[ства,] раціональное развитіе обрабатывающей промышленности, устройство [удоб]ныхъ путей сообщенія, правильная организація хлѣбной торговли, [ши]рокая постановка страхового дѣла, цѣлесообразное устройство благот[во]рительности. Что же сдѣлано на этомъ поприщѣ?

Правительство заботилось о созданіи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорог[ъ;] однако, одною изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ желѣзнодорожнаго движ[енія] грузовъ были огромныя залежи хлѣба, предназначавшагося въ голода[ющія] мѣстности; кромѣ того, въ настоящее время въ Россіи имѣются [цѣлыя] мѣстности, слишкомъ удаленныя отъ желѣзнодорожныхъ линій. Главн[ымъ] способомъ передвиженія грузовъ тамъ является гужевой. При неудо[вле]творительномъ состояніи дорогъ нерѣдко случается, что въ этихъ мѣс[т]ностяхъ доставка продовольственнаго и сѣменного хлѣба слишкомъ запазд[ы]ваетъ. Поэтому въ Россіи еще до сихъ поръ можно наблюдать чрез[вы]чайное колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ въ различныхъ, отдаленныхъ другъ о[тъ] друга мѣстностяхъ. Къ этому присоединяются недостатки неправильн[ой] организаціи хлѣбной торговли.

По отношенію къ Россіи до сихъ поръ нельзя было говорить [объ] улучшеніи сельскаго хозяйства; съ большимъ правомъ можно было [раз]суждать о его паденіи. Неурожаи оказывали въ Россіи свое гибельн[ое] вліяніе, въ особенности потому, что въ Россіи не было разнообразія [зем]ледѣльческихъ культуръ, при которомъ неурожай однихъ хлѣбовъ урав[но]вѣшивался бы урожаемъ другихъ. Улучшеніе сельскаго хозяйства возмо[жно] только при переходѣ къ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ обрабо[тки] почвы, при переходѣ къ высшимъ системамъ хозяйства. Между тѣмъ, [въ] Россіи мало сдѣлано для перехода отъ экстенсивной системы земледѣ[лія] къ интенсивной. Переходъ же къ интенсивной системѣ земледѣлія далъ б[ы] въ руки сельскаго населенія средства бороться съ причинами неурожа[евъ въ] Россіи. Наконецъ, ни о какомъ переходѣ къ интенсивной системѣ нель[зя] говорить до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранено малоземелье, чрез[вы]чайно развитое въ Россіи. Между тѣмъ, для устраненія малоземелья пра[]вительство не предпринимало почти никакихъ мѣръ.

Раціональное развитіе промышленности въ Россіи дало бы правите[ль]ству возможность отвлекать извѣстную часть населенія отъ земледѣлія [и] доставлять ей заработокъ въ промышленности. Однако, раціональное [по]кровительство обрабатывающей промышленности выродилось въ Россіи [въ] усиленный протекціонизмъ, причемъ въ жертву искусственно насажда[емой] крупной промышленности были принесены интересы мелкой промышл[енности]

ности и интересы сельскаго хозяйства. Такое направленіе финансово-экономической политики еще болѣе содѣйствовало обѣднѣнію наименѣе состоятельныхъ слоевъ населенія.

Что касается вопроса о широкой постановкѣ страхового дѣла, то въ Россіи существовало лишь факультативное страхованіе сельскохозяйственныхъ посѣвовъ отъ градобитій. Къ этому виду страхованія прибѣгали только наиболѣе состоятельныя лица; главная же масса сельскаго населенія ничѣмъ не была застрахована отъ дѣйствія разнообразныхъ причинъ неурожаевъ.

Насколько цѣлесообразно была организована благотворительность, мы уже говорили выше. Правительство употребляло всѣ свои силы для того, чтобы не допустить частныхъ благотворителей въ голодающія мѣстности для оказанія продовольственной и медицинской помощи. Во время всѣхъ голодовокъ при старомъ режимѣ правительство стѣсняло дѣятельность частныхъ благотворителей, опасаясь распространенія «крамолы». Что же касается офиціальной благотворительности Краснаго Креста, то дѣятельность Краснаго Креста приносила извѣстную пользу, но далеко не ту, какая требовалась. Дѣятельность Краснаго Креста смягчала бѣдствія голодовки, хотя и въ недостаточномъ размѣрѣ; съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду отрицательныя стороны офиціальной благотворительности. Напримѣръ, въ голодный 1891—2 г. въ Самарской губерніи возникали недоразумѣнія между Краснымъ Крестомъ и частными благотворительными организаціями. Самарскій губернаторъ требовалъ даже офиціальныхъ объясненій по поводу того что самарскій частный кружокъ кормилъ голодающее населеніе гораздо лучше, чѣмъ столовыя Краснаго Креста. Губернаторъ какъ бы настаивалъ на прекращеніи выдачи достаточнаго для нормальнаго питанія пайка (въ столовыхъ частнаго кружка), мотивируя свое требованіе тѣмъ, что худшая пища въ столовыхъ Краснаго Креста вызываетъ кривотолки населенія и возбуждаетъ сужденіе о томъ, что частная организація лучше заботится о населеніи, чѣмъ учрежденіе, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ; это можетъ даже вызвать волненія *)...

Въ голодный 1898—99 г. представители Краснаго Креста, пріѣхавшіе спасать голодающее населеніе Самарской губ., ознаменовали свое пребываніе въ Самарѣ гомерическими кутежами, разгулами и оргіями **). Въ то же самое время въ отрядахъ Краснаго Креста нехватало самыхъ необходимыхъ медикаментовъ, и на ходатайства медицинскаго персонала о присылкѣ медикаментовъ Красный Крестъ въ теченіе долгаго времени не отвѣчалъ ничего или же ссылался на недостатокъ денежныхъ средствъ***). Нако-

---

*) „Государственная Дума. Стенографическіе отчеты". Т. II, стр. 1,251 (рѣчь представителя Самарской губ., П. П. Крылова).

**) *А. С. Пругавинъ*: „Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 г." (М., 1906), стр. 177.

***) Ibidem, стр. 51.

нецъ, столовыя Краснаго Креста для «лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ» были учреждены слишкомъ поздно и, благодаря крайне недостаточнымъ продовольственнымъ нормамъ, не могли задержать развитія цынги.

Такимъ образомъ, мѣропріятія правительства, направленныя на устраненіе причинъ голодовъ въ Россіи, совершенно отсутствовали. Экономическое благосостояніе сельскаго населенія находилось на крайне низкомъ уровнѣ. Своею финансовою политикою правительство еще болѣе понижало уровень благосостоянія сельскаго населенія. Платежеспособность населенія была чрезвычайно напряжена. При помощи обременительныхъ податей и налоговъ правительство отбирало у населенія всѣ его наличныя средства и не давало огромной массѣ крестьянъ возможности сдѣлать какія-либо сбереженія на черный день. По мѣрѣ того, какъ государственный бюджетъ все болѣе и болѣе разрастался и превысилъ уже два милліарда рублей, правительство все сильнѣе надавливало прессъ для выжиманія налоговъ и податей. Результаты подобной политики были самые плачевные. Населеніе, не имѣющее никакихъ сбереженій на случай неурожая, при первомъ же недородѣ оказывалось на краю гибели. Правительство должно было оказывать продовольственную помощь огромнымъ массамъ сельскаго населенія, такъ какъ послѣднимъ угрожали голодная смерть въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ происходило подкармливаніе голодающихъ на государственный счетъ. Офиціально, по точной буквѣ мертваго закона, эта кормежка на государственный счетъ называлась выдачею продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ. Однако, о какихъ ссудахъ можно говорить, когда по той же буквѣ закона продовольственная помощь оказывается лишь наименѣе кредитоспособнымъ? Дѣйствующія временныя продовольственныя правила 12 іюня 1900 г. отъ первой до послѣдней статьи совершенно не соотвѣтствовали требованіямъ жизни. Благотворительность была плохо прикрыта названіемъ ссудъ.

Такъ называемыя продовольственныя и сѣменныя ссуды за послѣднее время въ большинствѣ случаевъ фактически превращались въ безвозвратныя. Не только мѣстные хлѣбные запасы и денежные продовольственные капиталы безслѣдно исчезали послѣ неурожайныхъ лѣтъ, но такая же участь часто постигала и общеимперскій продовольственный капиталъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно принуждено было испрашивать новыя ассигнованія изъ государственнаго казначейства на подкрѣпленіе общеимперскаго капитала. Со времени образованія общеимперскаго продовольственнаго капитала (т.-е. съ 1867 г.) только одна сумма въ 3.229,224 руб., занятая въ 1881 г., была полностью возвращена въ казну. Послѣдующія неоднократныя позаимствованія изъ казны во время неурожайныхъ лѣтъ 90-хъ годовъ XIX в. и перваго десятилѣтія XX в. были почти полностью слагаемы со счетовъ, въ виду невозможности взыскать ссуды съ неплатежеспособныхъ должниковъ. Во время голода 1891—92 гг. на пополненіе средствъ общеимперскаго капитала было отпущено изъ государственнаго казначейства 148.500,000 р.; изъ нихъ населеніе уплатило

немного болѣе 10%, а остальная сумма была сложена со счетовъ *). Та же участь постигла отпущенную въ 1898 г. сумму въ 34 мил. руб. Неурожаи начала XX в. не только истощили мѣстныя средства и общеимперскій капиталъ, но постоянно требовали все новыхъ и новыхъ ассигнованій изъ средствъ государственнаго казначейства. Въ 1902 г. было отпущено 6.200,000 р., въ 1905 г.—около 60 мил. р., въ 1906 г.—около 65 мил. р. (15 м., ассигнованныхъ Государственной Думой, и выпускъ государственной ренты на 50 мил. руб.). Въ 1907 г. предстоитъ новая крупная ассигновка изъ государственнаго казначейства на сумму около 80 мил. руб. **).

Такіе результаты не должны казаться удивительными, такъ какъ причины крушенія дѣйствующей продовольственной системы заключались въ ней самой, въ ея основномъ принципѣ самопомощи. По дѣйствующимъ временнымъ продовольственнымъ правиламъ помощь могла быть оказываема въ видѣ краткосрочной безпроцентной ссуды только наименѣе кредитоспособнымъ должникамъ. Взыскать съ нихъ выданныя раньше ссуды не представлялось возможнымъ, въ виду крайняго упадка ихъ хозяйствъ. Слѣдовательно, государственное казначейство не могло и не можетъ разсчитывать на то, что податные нищіе когда-либо уплатятъ ему свои долги. До нищеты же населеніе было доведено нераціональною финансово-экономической политикой правительства.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ ближайшемъ будущемъ нельзя избѣжать бѣдственнаго вліянія крупныхъ неурожаевъ. Вопросъ еще болѣе обостряется тѣмъ, что неурожаи въ Россіи, сопровождаемые голодовками, все болѣе и болѣе учащаются. Въ 1842 г. правительство констатировало, что неурожаи повторяются черезъ каждыя 6—7 лѣтъ. Черезъ нѣсколько десятилѣтій Высочайше учрежденная 26 мая 1872 г. коммиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи засвидѣтельствовала, что неурожаи въ Россіи стали появляться еще чаще; а именно, одинъ неурожай въ каждыя 4—5 лѣтъ считался уже нормальнымъ явленіемъ ***).

По отдѣльнымъ губерніямъ среднее количество неурожаевъ за опредѣ-

*) См. „Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1896 г.". Ч. II, прил. 10, стр. 1340—1341, 1346—1347 (Спб., 1897 г.).

**) Поэтому, можно согласиться съ мнѣніемъ С. П. Шликевича, что борьба съ бѣдствіемъ въ неурожайные годы „сводится не къ хозяйственной поддержкѣ платежныхъ силъ страны, а къ благотворительности, плохо замаскированной названіемъ „ссуды". См. докладъ С. П. Шликевича, представленный въ уфимскій губернскій комитетъ о нуждахъ сел. хоз. пром., подъ заглавіемъ: „О мелкомъ кредитѣ и реорганизаціи продовольственнаго дѣла", въ „Трудахъ мѣстныхъ комитетовъ", т. XLIV, Уфимская губ. (Спб., 1903), стр. 7.

***) Докладъ Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи (Спб., 1873 г.), т. I. Докладъ. Журналы, стл. 41.

ленный періодъ времени сильно возрастаетъ. Въ мѣстныхъ комитет[...] нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности неоднократно свид[...]ствовали, что многія губерніи, бывшія раньше житницею Россіи, [...] все чаще и чаще подвергаться крупнымъ неурожаямъ. Если ознако[...] съ «Трудами мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственно[...]мышленности» по Вятской, Оренбургской, Пермской, Симбирской и д[...]берніямъ, то въ нихъ можно найти много данныхъ, доказывающихъ, [...] неурожаи значительно участились въ указанныхъ губерніяхъ *).

Наконецъ, если мы обратимся къ даннымъ центральнаго статис[...]скаго комитета, помѣщаемымъ въ изданіи министерства внутреннихъ д[...] «Статистика Россійской имперіи», то намъ придется констатировать, что [...] послѣднее десятилѣтіе (съ 1896 по 1905 г.) неурожаи случались по [...] раза (т.-е. приблизительно черезъ три года) въ шести губерніяхъ: Т[...]ческой, Рязанской, Симбирской, Уфимской, Астраханской и въ До[...] области; въ двухъ губерніяхъ (Самарской и Оренбургской) сильный [...]урожай въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ случился по четыре раз[...] [...]кимъ образомъ, въ отдѣльныхъ губерніяхъ за послѣднее время неур[...] стали повторяться черезъ 2—3 года. Благодаря указаннымъ выше [...]тическимъ причинамъ, болѣе или менѣе сильные неурожаи сопровожд[...] голодовками. Для того чтобы спасти населеніе только отъ голодной с[...] правительство было принуждено дѣлать ассигновки изъ государств[...] казначейства въ размѣрѣ десятковъ милліоновъ рублей; ни о какомъ [...]держаніи экономическаго благосостоянія пострадавшаго населенія пр[...]тельство не заботилось. Этимъ оно подготавливало для будущаго вре[...] все новыхъ и новыхъ кандидатовъ на правительственный паекъ. Если [...] принимать мѣръ къ поднятію экономическаго благосостоянія сельс[...] населенія, если не снять путы, стѣсняющія самодѣятельность этого [...]селенія,—то кормежка на государственный счетъ можетъ продолж[...] до безконечности. Въ результатѣ—никакихъ средствъ государственнаго [...]начейства не можетъ хватить. Съ логической необходимостью мы пр[...]димъ къ выводу, что прежняя политика должна быть совершенно [...]нена. Грозный вопросъ: что дѣлать?—встаетъ во всемъ своемъ вел[...] На этотъ вопросъ можетъ быть данъ одинъ отвѣтъ: необходимо у[...]нить политическія причины голодовъ, а вслѣдъ за политической реф[...] произвести и соціальную.

Сэръ Вильямъ Винтеръ, историкъ голодовъ въ Индіи, приходитъ [...] выводу, что весь обширный списокъ средствъ, необходимыхъ для поб[...] надъ грубыми силами природы, конкретно выражается въ слѣдую[...] четырехъ словахъ: «просвѣщенная администрація и современная ци[...]зація». Гдѣ существуютъ эти специфическія средства противъ голода, т[...]

*) См. „Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной пр[...]ленности“, тт. X, XXVII, XXX, XXXVIII и др.

неурожай не сопровождается гибелью людей и не переходитъ въ голодъ; гдѣ ихъ нѣтъ,—самыя усиленныя заботы правительства могутъ только смягчить или ослабить интенсивность голода, но никогда не устранятъ его печальныхъ послѣдствій *). Ни перваго, ни второго условія дѣйствительной борьбы съ голодами въ Россіи не существовало по политическимъ причинамъ. Представители стараго режима видѣли свои задачи только въ охраненіи порядка, причемъ подъ порядкомъ они подразумѣвали «полноправное, охватывающее всѣ сферы человѣческой дѣятельности, владычество самодержавія администраціи до низшихъ ея властей».

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ никакого дѣйствительнаго порядка не было, а было лишь разрушеніе страны, усердно производимое различными органами администраціи. Все государственное управленіе при существованіи полицейскаго абсолютизма сводилось къ безграничному административному произволу властей, заботящихся только о своей служебной карьерѣ и оставлявшихъ безъ всякаго вниманія насущныя нужды народа.

Депутатъ отъ Кутаисской губерніи Рамишвили высказалъ въ засѣданіи Государственной Думы 23 іюня вполнѣ справедливое мнѣніе соціалъ-демократической фракціи, что одною изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ голодовокъ является безконтрольное хозяйничанье самодержавнаго правительства, распоряжающагося всѣми средствами изъ народнаго кармана, отрывающаго множество рабочей силы на военную и полицейскую службу и своей опекой мѣшающаго развитію хозяйственныхъ силъ крестьянства; что невозможно допустить ни малѣйшаго прикосновенія къ дѣлу помощи голодающимъ правительства и администраціи, являющихся истинными виновниками голодовокъ, тратящихъ народныя деньги на войну съ народомъ и мѣшающихъ дѣйствіямъ лицъ и общественныхъ организацій оказывать крестьянамъ продовольственную помощь **).

Политическія причины голодовокъ въ Россіи не могутъ быть устранены до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не будетъ отвѣтственнаго передъ народными представителями министерства. Лишь то министерство, которое будетъ состоять изъ членовъ партій, располагающихъ въ Государственной Думѣ большинствомъ голосовъ, будетъ сообразоваться съ нуждами народа и проводить такую политику, которая будетъ направлена на поднятіе экономическаго благосостоянія населенія, а не на постоянную войну съ народомъ.

Мы сказали, что, кромѣ политической реформы, необходима еще соціальная. Вернеръ Зомбартъ справедливо выставляетъ идеаломъ соціальной политики, въ широкомъ смыслѣ этого слова, «высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо требуется въ интересахъ культурнаго прогресса» ***).

---

*) *Е. Ламанскій*: „Индія. I. О неурожаяхъ въ Индіи“ (Спб., 1893), стр. 82—83.

**) Государственная Дума. Стенографич. отчеты. 1906 г., т. II, стр. 1674.

***) *В. Зомбартъ*: „Идеалы соціальной политики“ (1905 г., изд. 2-е), стр. 58.

Дѣйствительно, если цѣлью соціальной политики будетъ хозяйст система наивысшей производительности, то этимъ самымъ полити наго государства будетъ направлена на достиженіе такой организаці номической жизни, при которой получается наивысшая плодотвор общественной работы. Только такое правительство, которое будетъ держиваться здоровой соціальной политики, которое будетъ содѣйств народу въ его стремленіи впередъ къ свѣту и свободѣ,—сумѣетъ пр вести реформы, необходимыя для устраненія голодовъ въ Россіи.

И. Сухоплюевъ.

Къ университетскому вопросу.

После долгой реакціи университеты, наконецъ, добились автономіи.

Соціально-политическія условія нашей жизни, при которыхъ совершилось это важное событіе, были въ высшей степени тяжелы; не менѣе, если не болѣе, тяжелыми остаются они и до сихъ поръ.

Но, какъ бы то ни было, передъ университетами немедленно выдвинулась одна изъ главнѣйшихъ задачъ, потребовавшихъ серьезнаго разрѣшенія,— именно *пересмотръ всей организаціи учебнаго дѣла*, устраненіе крупныхъ недочетовъ, накопившихся въ ней за долгое время, и проложеніе путей для радикальной ея реформы, и притомъ реформы гибкой, каковая могла бы считаться съ дальнѣйшимъ ростомъ наукъ, съ эволюціей общества и съ разнообразіемъ тѣхъ запросовъ, которые предъявляютъ къ университету его слушатели и т. д., и т. д.

И вотъ университеты, а также и другія высшія школы передѣлали уже свое прежнее преподаваніе на такъ называемое «предметное».

Въ частности, историко-филологическій факультетъ Московскаго университета рѣшилъ не ограничиваться лишь частичными измѣненіями въ прежде дѣйствовавшей системѣ преподаванія, но выработать проектъ радикальной реформы факультетскаго строя, между прочимъ, съ введеніемъ въ него цѣлаго ряда наукъ съ другихъ факультетовъ.

Проектъ этотъ уже съ нынѣшней осени вводится въ дѣйствіе, сообщая жизни факультета новый, необычный видъ.

Несомнѣнно, что уже первый годъ дѣйствія этого проекта дастъ много цѣннаго матеріала для его дальнѣйшаго усовершенствованія, причемъ нѣкоторые довольно любопытные симптомы наблюдаются уже и теперь.

Во всякомъ случаѣ, историко-филологическіе факультеты всегда были главными представителями общественно-гуманитарныхъ знаній, широкое распространеніе которыхъ теперь болѣе чѣмъ когда бы то ни было желательно; а потому позволю себѣ, какъ участникъ въ работѣ по указанной реформѣ, познакомить читателей *Русской Мысли* съ нѣкоторыми идеями и подробностями нашего проекта *).

---

*) При этомъ мнѣ придется неоднократно обращаться къ нѣкоторымъ положеніямъ моей статьи „Мысли о реформѣ университетскаго строя на основѣ предметной

I.

Мы исходимъ изъ того воззрѣнія на университетъ, въ силу котораго университетъ, прежде всего, является ученымъ учрежденіемъ для разработки наукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ задачи университета входитъ сообщеніе высшаго научнаго образованія какъ общаго, такъ и спеціальнаго, а въ частности и такого, которое могло бы быть пригоднымъ въ той или иной формѣ для будущихъ профессіональныхъ дѣятелей.

Такимъ образомъ, функціи университета довольно сложны и многообразны; ихъ осуществленіе, разумѣется, не можетъ быть равномѣрнымъ и въ одинаковой степени успѣшнымъ во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ.

Но тѣмъ не менѣе это разнообразіе функцій университета должно at нимъ остаться на долгое время въ зависимости не только отъ потребностей страны, но и отъ современнаго состоянія наукъ, въ силу котораго общеобразовательные и спеціально-научные моменты въ преподаваніи и усвоеніи наукъ тѣсно связаны другъ съ другомъ и безъ взаимной поддержки въ настоящее время немыслимы.

Что касается потребностей страны, то вполнѣ естественно, чтобы университетъ приносилъ ей какъ можно больше пользы, и вполнѣ желательно, чтобы между университетомъ и обществомъ всегда поддерживалась живая связь.

Къ этому ведутъ и могутъ вести многіе пути.

Такъ, съ общественной точки зрѣнія весьма важно постоянное *освѣженіе состава университетскихъ слушателей* учащимися обоего пола, различныхъ національностей и съ различной предварительной подготовкой. Но оно не менѣе важно и съ чисто университетской точки зрѣнія: поскольку эти разнородные элементы приходятъ въ ближайшее соприкосновеніе съ преподавателями на почвѣ научныхъ занятій, они заставляютъ преподавателя избѣгать шаблонности въ преподаваніи, быть осмотрительнымъ въ сортировкѣ научнаго матеріала и въ выборѣ темъ для занятій, наконецъ,—самое главное,—вызываютъ въ немъ стремленіе къ ясному и простому изложенію даже наиболѣе сложныхъ и общихъ проблемъ науки *).

Съ другой стороны, если университетъ не можетъ и не долженъ имѣть своей прямой задачей подготовку профессіональныхъ дѣятелей (напрйм., преподавателей средней школы), то всетаки для него не безразлично, что-

---

системы“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1906 г., мартъ, въ отдѣлѣ „Современная лѣтопись“). Оговорюсь, что статья эта, написанная въ связи съ работами факультета по реформѣ, была разсчитана по преимуществу на преподавателей гуманитарныхъ наукъ въ высшихъ школахъ, и потому многія изъ ея положеній не требовали обширныхъ иллюстрацій.

*) Несомнѣнно, между прочимъ, что и наша зарождающаяся „University extension“ (публичныя лекціи, высшіе женскіе курсы, въ послѣднее время „Народный университетъ“) успѣла уже сослужить въ этомъ отношеніи большую службу многимъ университетскимъ преподавателямъ, особенно молодымъ.

бы въ гибкой системѣ университетскихъ курсовъ и занятій будущіе профессіональные дѣятели нашли для себя свѣдѣнія полезныя и отчасти необходимыя и, главное, чтобы они еще на университетской скамьѣ прониклись духомъ научной критики и пріучились къ самостоятельной (хотя бы и не слишкомъ сложной) научной работѣ.

Внесеніе университетскихъ вѣяній, наприм., въ преподаваніе въ средней школѣ, во всякомъ случаѣ, не лишено значенія ни для общества, ни для самого университета.

Если мы теперь перейдемъ на почву чисто академическую, то и съ этой точки зрѣнія университету долго придется оставаться *средоточіемъ какъ спеціальнаго, такъ и общаго образованія.*

Возьмемъ обширнѣйшую область гуманитарно-общественныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ настоящее время по преимуществу на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ.

Трудно представить себѣ такіе общіе курсы по этимъ наукамъ, которые можно было бы сколько-нибудь сносно усвоить безъ фактическихъ иллюстрацій, иногда довольно сложныхъ, и безъ справокъ въ смежныя области знанія; а эти справки въ свою очередь также требуютъ фактическихъ подтвержденій.

Болѣе того, усвоеніе хотя бы небольшой группы общихъ курсовъ по смежнымъ предметамъ (наприм., по отдѣламъ исторіи, исторіи литературы, исторіи философіи, элементовъ правовѣдѣнія и политической экономіи) положительно невозможно безъ систематическихъ упражненій почти по всѣмъ этимъ предметамъ. Только эти упражненія сдѣлаютъ для участниковъ въ нихъ, при извѣстномъ, можетъ даже и значительномъ, умственномъ усиліи съ ихъ стороны, жизненными нѣкоторые наиболѣе существенные методы и проблемы указанныхъ наукъ и отчасти выяснятъ внутреннюю связь между самими науками.

Но какъ бы ни элементарны были подобныя занятія, помогающія усвоенію общаго образованія, они уже вносятъ въ это образованіе начало спеціализаціи.

Слѣдовательно, для студента *общее идетъ рука объ руку со спеціальнымъ.*

То же самое происходитъ и съ преподавателемъ. Конечно, для университета очень важно имѣть такихъ талантливыхъ и опытныхъ преподавателей, которые могли бы съ возможной простотой, ясностью и живостью излагать самыя трудныя и общія темы своей науки. Но какимъ трудомъ дается такая опытность даже самымъ блестящимъ университетскимъ дѣятелямъ!

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы самая организація университетскаго преподаванія позволяла преподавателю шире, чѣмъ до сихъ поръ, развертывать свои знанія, не обрекала бы его на повтореніе изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же общихъ курсовъ, но давала бы ему возможность чередовать эти общіе курсы съ спеціальными и вести практиче-

скія упражненія по общимъ и частнымъ вопросамъ своей науки. Этот путь будетъ приводить его, съ одной стороны, къ постоянному освѣж и упрощенію его общихъ курсовъ и, съ другой, къ введенію энцикло ческаго начала даже въ его съ виду узко-спеціальныя практическія зан со студентами.

II.

Подвинемся дальше. Если постоянное освѣженіе общихъ курсовъ (с провождающееся, между прочимъ, ихъ упрощеніемъ) желательно съ прак ческой точки зрѣнія, то оно прямо неизбѣжно съ точки зрѣнія *истори скаго развитія общественно-гуманитарныхъ наукъ.*

До XIX вѣка еще можно было, хоть до нѣкоторой степени, помышл объ общемъ энциклопедическомъ образованіи на основѣ преимуществен общественныхъ наукъ. Но XIX вѣкъ,—вѣкъ историзма,—можно сказа радикально измѣнилъ всю картину этихъ наукъ. Въ этотъ вѣкъ укрѣп лась, между прочимъ, обширная новая, отчасти эмпирическая отрас знанія—критика источниковъ, благодаря которой гуманитарныя науки п лучили болѣе твердыя основанія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно разда въ ширину. Съ другой стороны, критическій пересмотръ огромнаго пре няго историческаго матеріала съ поисками и анализомъ новаго вызыва то доминирующими философскими теоріями, то міровыми явленіями пол тическаго и соціально-экономическаго характера, возбуждавшими широ интересъ къ исторической жизни или отдѣльныхъ народовъ или обществ ныхъ классовъ. Вообще критическая переоцѣнка наличнаго историческ матеріала въ связи съ открытіемъ новаго далеко еще не закончена.

Но параллельно съ этимъ за послѣднее время съ большой силой р вивается и философское теченіе въ области гуманитарныхъ наукъ: он стремятся къ самоопредѣленію и къ возстановленію взаимной связи, уже на новыхъ основаніяхъ, на обобщеніи колоссальной, въ значитель степени эмпирической и детальной работы всего предшествующаго вѣка.

Вполнѣ естественно требовать отъ университетскаго профессора, что онъ былъ не узкимъ, одностороннимъ (хотя бы и первоклассным) сп ціалистомъ, но обладалъ бы, помимо спеціальныхъ знаній, широкимъ глубокимъ энциклопедическимъ образованіемъ.

Но при современномъ положеніи гуманитарныхъ наукъ сами профессо нуждаются въ такой постановкѣ университетскаго преподаванія, котор постоянно позволяла бы имъ комбинировать общее съ спеціальным переходить отъ одного къ другому, одно другимъ освѣжая.

Еще сложнѣе вопросъ объ опредѣленіи *путей, ведущихъ къ серьез не одностороннему научному образованію людей молодыхъ, лишь пр ступающихъ къ наукѣ.*

Нѣсколько соображеній по этому вопросу мы и представимъ въ н главѣ нашей статьи.

Довольно ясно, что *общее энциклопедическое образованіе*, какъ Ding an und für sich, пока еще преждевременно даже въ области однѣхъ только гуманитарныхъ наукъ, не говоря уже о сочетаніи ихъ (разумѣется, въ высокой степени желательномъ) съ науками натуралистическими.

Подобное преждевременное общее образованіе было бы слишкомъ догматично; безъ поддержки спеціальныхъ занятій, оно потребовало бы отъ учащихся прежде всего *вѣры* во многія довольно еще условныя и спорныя научныя положенія и, сверхъ того, неимовѣрнаго напряженія *памяти* для усвоенія разнородныхъ, плохо связывающихся другъ съ другомъ и въ концѣ-концовъ лишь приближающихся къ истинѣ ученій.

Но соотвѣтствуютъ ли такія требованія *достоинству* современнаго человѣка? Не переносятъ ли они насъ до нѣкоторой степени на Востокъ или въ средніе вѣка, педагогическая система которыхъ, съ ея своеобразнымъ энциклопедическимъ фундаментомъ, подверглась саркастическому и заслуженному осужденію еще во времена перваго возрожденія (ср. хотя бы воспитаніе Гаргантюа у Раблэ)?

Не проще ли будетъ оставить за университетомъ одну изъ его главнѣйшихъ функцій—*непрерывную работу критической научной мысли?* Что бы по временамъ ни говорили противъ такъ называемаго разлагающаго критицизма, но довольно ясно, что въ тѣхъ областяхъ человѣческой жизни, въ которыхъ критическая мысль ослабѣваетъ или замираетъ, водворяется застой.

Сообразно съ этимъ, не раціональнѣе ли будетъ предоставить университету право борьбы противъ *пассивнаго* усвоенія наукъ, право поощренія стремленія къ *самодѣятельности*, одного изъ благороднѣйшихъ и прогрессивнѣйшихъ стремленій юности?

Вѣдь пора наконецъ понять, что молодые люди не гомункулы, высиживаемые въ ретортѣ, и пора отказаться отъ всякихъ затѣйливыхъ и хитроумныхъ экспериментовъ надъ ними съ цѣлью снабдить ихъ напрокатъ готовымъ міросозерцаніемъ научнымъ или политическимъ. Подобные эксперименты можно было бы производить лишь въ томъ случаѣ, если бы человѣчество было лишено, напр., критическихъ способностей, т.-е., по просту говоря, разума...

Вообще всякаго рода попытки *перевоспитывать* взрослыхъ молодыхъ людей по готовымъ рецептамъ, не согласующимся съ ихъ индивидуальными наклонностями, основаны, въ сущности говоря, на глубочайшемъ презрѣніи къ человѣческой личности.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время мыслимо *лишь соединеніе общаго научнаго образованія съ спеціальнымъ* (конечно, не узкимъ и не одностороннимъ), и притомъ по возможности въ той послѣдовательности, которая соотвѣтствуетъ преобладающимъ интересамъ молодыхъ людей и складу ихъ ума и природныхъ дарованій.

Необходимо, конечно, одно условіе, чтобы при поступленіи въ университетъ молодой человѣкъ, живой и не лишенный талантовъ, уже имѣлъ

какіе-нибудь *опредѣленные научные интересы*, какое-нибудь *любимое дѣло*, которымъ онъ уже занимался хотя бы и немного, но самостоятельно *).

Если у подобнаго молодого человѣка такіе интересы есть, то высшая школа не только имѣетъ право, но даже нравственно обязана идти имъ навстрѣчу и, между прочимъ, разрѣшить ему рано спеціализоваться, тѣмъ болѣе, что современное состояніе наукъ, особенно гуманитарныхъ, само по себѣ не допускаетъ односторонней, чисто технической спеціализаціи, но, можно сказать, даже предписываетъ въ случаѣ спеціализаціи, своего рода contradictio in adiecto—*энциклопедическія* занятія *спеціальностью*.

Возьмемъ, напр., *исторію* въ ея современномъ пониманіи. Уже изъ любого, хотя бы и довольно популярнаго, руководства по этому предмету видно, что современные историки для выясненія многообразныхъ и сложныхъ историческихъ процессовъ оперируютъ съ обширной энциклопедіей какъ гуманитарныхъ, такъ отчасти и натуралистическихъ знаній. При этомъ не только цѣльное и законченное изложеніе исторіи какого-либо народа (конечно, въ связи съ исторіей другихъ народовъ, поскольку данный народъ съ ними соприкасался) является монументальной энциклопедіей, но даже изученіе отдѣльныхъ эпохъ въ жизни народовъ, особенно эпохъ перелома, немыслимо безъ очень широкой энциклопедической перспективы, такъ какъ въ подобныя эпохи народно-государственная жизнь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова (учрежденія, общественные классы, экономическія отношенія, право, мораль, религія, искусство и т. д.) подвергается болѣе или менѣе рѣзкимъ колебаніямъ и измѣненіямъ.

Поэтому неудивительно, что, напр., эпоху *«просвѣщенія»* и *французской революціи* изучаютъ и въ той или иной мѣрѣ преподаютъ представители иностранной и русской исторіи и литературы, историки философіи,

---

*) Въ противномъ случаѣ даже и очень талантливые люди обречены на горькія разочарованія. Въ этомъ отношеніи очень поучительна блестящая, но во многихъ отношеніяхъ довольно парадоксальная и, во всякомъ случаѣ, сильно устарѣвшая автобіографическая статья Писарева „Университетская наука", которую почему-то теперь воскрешаютъ нѣкоторые современные реставраторы высшей школы, не замѣчая, что въ статьѣ этой Писаревъ принижаетъ не только своихъ университетскихъ наставниковъ, но и самого себя. Отсутствіе опредѣлившихся научныхъ интересовъ передъ поступленіемъ въ университетъ въ связи съ горячимъ желаніемъ какъ можно скорѣе сдѣлаться виднымъ ученымъ—заставило этого блестящаго человѣка постоянно перебѣгать отъ одной спеціальности къ другой и цѣлыми годами исполнять работы, которыя онъ самъ находилъ безсмысленными и одуряющими.

Прибавимъ, впрочемъ, что эпоха, которую осмѣиваетъ Писаревъ, для современнаго человѣка уже довольно архаична. Во времена Писарева нѣкоторые изъ профессоровъ лишь популяризовали (въ чемъ всетаки состоитъ ихъ немалая заслуга) новѣйшія теченія западно-европейской научной мысли; но слѣдующія поколѣнія, несмотря на крайне-неблагопріятныя условія русской общественно-политической жизни, выдвинули у насъ цѣлый рядъ первоклассныхъ изслѣдователей, встрѣтившихъ не только полное признаніе, но и величайшее уваженіе со стороны своихъ западно-европейскихъ коллегъ.

юристы, даже классическіе филологи (особенно постольку, поскольку дѣло идетъ о возрожденіи античныхъ идей).

Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что болѣе или менѣе многостороннее освѣщеніе подобной эпохи немыслимо безъ предварительной характеристики предшествующаго періода и безъ справокъ въ общую европейскую исторію, доходя—тамъ, гдѣ это нужно,—даже до временъ греческихъ софистовъ *).

Но можно взять и болѣе простой примѣръ. Представимъ себѣ человѣка съ *историко-литературными интересами* и съ особой любовью, напр., къ *Пушкину*, съ желаніемъ понять возможно глубже этого поэта, какъ личность и какъ историческую фигуру въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова.

Вѣдь уже теперь «Пушкинская» научно-критическая литература представляетъ собою широчайшую гуманитарно-юридическую энциклопедію съ содержаніемъ не только русскимъ, но и общеевропейскимъ,—и притомъ съ содержаніемъ, падающимъ на одну изъ крупнѣйшихъ и сложнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества.

Въ частности, довольно сложнымъ явилось бы уже изученіе *исторіи самообразованія* (въ связи съ его источниками) Пушкина, этого несомнѣннаго энциклопедиста философа—разумѣется, съ преобладающимъ позитивнымъ оттѣнкомъ.

Для цѣлей нашей статьи интересно отмѣтить, что въ этапахъ его самообразованія было много своего рода эмпирическихъ, практическихъ моментовъ **).

Но, кстати сказать, не менѣе эмпирическимъ было энциклопедическое образованіе и самообразованіе старшаго современника Пушкина—Гёте, во многомъ родственнаго по складу ума съ нашимъ поэтомъ ***).

---

*) Мы имѣемъ въ виду, напр., ученія о естественномъ правѣ съ протестомъ противъ всего условнаго, что дала человѣчеству культура.

**) Напр., изученіе исторіи Карамзина связывается у Пушкина съ изученіемъ ея источниковъ—русскихъ лѣтописей, а это переплетается у него съ его симпатіями къ народному языку и быту; интересъ къ историческимъ памятникамъ, какъ лѣтописи, и къ народной поэзіи и языку увеличивается у него въ моментъ горячаго увлеченія Шекспиромъ и, въ частности, удивительной манерой послѣдняго индивидуализировать свои драматическіе персонажи до статистовъ включительно, хотя при этомъ герой Пушкина—Шекспиръ, какъ и многіе даже изъ ученѣйшихъ его современниковъ, довольно примитивно относился къ исторической перспективѣ и т. д. и т. д.

***) Могучая личность Гёте обобщала все, что она пріобрѣтала и своимъ трудомъ, и своими ошибками, и случайными увлеченіями. Такъ, напр., по собственному признанію Гёте Эккерману, его постоянныя теоретическія занятія естественными науками и временное увлеченіе техникой живописи, къ которой Гёте въ концѣ-концовъ почувствовалъ себя неспособнымъ, содѣйствовали развитію въ немъ реалистической отчетливости и точности изображенія (см., напр., *Бесѣды* 20 апрѣля 1825 года и 18 января 1829 года).

III.

Въ свою очередь эти и имъ подобные примѣры лишній разъ подтверждаютъ то вполнѣ естественное положеніе, что *истинно-энциклопедическое образованіе* является въ сущности результатомъ и цѣлью *всей жизни* просвѣщеннаго человѣка.

Высшая школа можетъ лишь укрѣпить его первые шаги въ излюбленныхъ имъ научныхъ предметахъ и предложить къ его свѣдѣнію или руководству ту или иную серію лекцій и занятій по различнымъ отраслямъ науки, предоставляя ему самому выборъ этихъ занятій.

Повторяемъ, что энциклопедическое образованіе прочно лишь при наличности у человѣка какъ-либо опредѣленныхъ интересовъ *), какъ центра, около котораго могли бы группироваться дополнительныя знанія, связываясь другъ съ другомъ и съ этимъ центромъ въ болѣе или менѣе живое цѣлое.

Личность человѣка, конечно, играетъ и должна играть въ этомъ случаѣ огромную роль.

Не безъ основанія замѣчено, что каждый человѣкъ рождается или платоникомъ или аристотеликомъ, т.-е. съ преимущественными наклонностями либо въ сторону идеализма, дедукціи и метафизики, либо въ сторону реализма и индукціи.

Уже это одно обстоятельство не даетъ права предопредѣлять для всего юношества ходъ его образованія. Къ широкому и глубокому образованію на практикѣ ведутъ и будутъ вести различные пути: дедуктивистъ предпочитаетъ переходить отъ общаго къ частному, индуктивистъ—наоборотъ; бываютъ плодотворными и параллельныя занятія общимъ и частнымъ.

Напримѣръ, для образованнаго историка (въ современномъ широкомъ смыслѣ слова) необходимо основательное (хотя бы и не детальное) знакомство съ юридическими науками, въ частности съ государственнымъ правомъ; но опредѣлить моментъ и предѣлы изученія государственнаго права для этого историка невозможно, да и не нужно. Конечно, нельзя отрицать пользы предварительнаго изученія юридическихъ наукъ; но если мы имѣемъ дѣло съ индуктивистомъ, то онъ съ пользой для себя сначала познакомится съ политическими элементами преимущественно эмпирически — на фактахъ исторіи, изъ-за которыхъ для него будутъ живо вырисовываться государственныя схемы или нормы; а затѣмъ онъ можетъ перейти къ изученію теоріи, каковое будетъ для него и легко и жизненно и, въ концѣ-концовъ, непремѣнно дастъ ему новыя точки зрѣнія на матеріалъ, который былъ ранѣе предметомъ его изученія.

Но, какъ показываетъ опытъ, самый лучшій моментъ для расширенія образованія это тотъ, когда ученый (все равно, немолодой или очень мо-

*) Къ подобнымъ интересамъ мы, разумѣется, не причисляемъ, напр., силъ [illegible] развитого честолюбія и побужденій матеріалистическаго свойства.

лодой) самымъ ходомъ своихъ занятій по излюбленному предмету будетъ приведенъ къ изученію соприкасающейся съ нимъ вспомогательной спеціальности. Въ этомъ случаѣ данная спеціальность изучается обыкновенно съ особой шириной и глубиной, съ особой настойчивостью и напряженіемъ ума, и результаты этого изученія могутъ быть очень разнообразными и глубокими *).

Вѣдь прочно и жизненно только то, что человѣкъ пріобрѣтаетъ самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ; наоборотъ, никакой цѣны и устойчивости не имѣетъ поверхностный энциклопедизмъ, если онъ представляетъ собою пеструю смѣсь отрывочныхъ фактовъ и теоретическихъ свѣдѣній, заученныхъ наизусть **).

IV.

Но какъ разъ съ такого рода дилеттантизмомъ на почвѣ обязательнаго и шаблоннаго энциклопедизма университетамъ постоянно приходилось сталкиваться за время дѣйствія не только устава 1884 г., но и устава 1863 г. По уставу 1863 г. всѣ лекціи профессоровъ (даже и очень спеціальныя, читавшіяся часто взамѣнъ общихъ) обязательно выучивались къ экзамену;

*) Немудрено, напр., что историкъ литературы, всесторонне изучающій Щедрина, къ которому уже теперь иногда необходимъ историческій комментарій, можетъ придти къ прямой необходимости самостоятельнаго и систематическаго изученія русскаго права и его исторіи—предмета не совсѣмъ для него обычнаго и притомъ такого, глубокое пониманіе котораго дается ему не безъ труда и не безъ борьбы. Зато вполнѣ понятно, что подобное расширеніе образованія не только освѣтитъ для такого историка литературы его спеціальные вопросы по Щедрину, но и вообще явится огромнымъ плюсомъ въ его спеціальномъ и общемъ образованіи.

**) Припомнимъ по этому поводу слова Гёте въ одной изъ его бесѣдъ съ Эккерманомъ (1 мая 1825 г.); „Благодаря вашему пристрастію къ стрѣльбѣ изъ лука, вы пріобрѣли прекрасныя *свѣдѣнія* и притомъ *жизненныя*, которыя добываются только *практическимъ* путемъ. Выгода всякой страсти (leidenschaftlicher Richtung) состоитъ именно въ томъ, что она увлекаетъ насъ въ *самую сущность вещей*. Хороши также поиски и ошибки, потому что этимъ путемъ люди учатся, и при этомъ учатся не только самому предмету, но и всему, что съ нимъ тѣсно связано (den ganzen Umfang). Что зналъ бы я о растеніяхъ и о цвѣтахъ, если бы *мою теорію мнѣ сообщили готовой и я заучилъ бы ее наизусть?* Но именно потому, что я самъ принужденъ былъ изслѣдовать и отыскивать, а при случаѣ и ошибаться, я и знаю кое-что объ этихъ двухъ вещахъ, и притомъ больше, чѣмъ напечатано".

Съ другой стороны небезынтересно и то, что говоритъ этотъ великій энциклопедистъ о выборѣ спеціальнаго предмета для занятій и о предѣлахъ расширенія образованія (*Бесѣды*, 20 апрѣля 1825 г.). „Слѣдуетъ остерегаться, чтобы не *распространять черезчуръ границъ своего образованія*. Особенно это можетъ случиться съ естествоиспытателями, потому что для наблюденія природы, дѣйствительно, требуется весьма гармоническое общее образованіе". Напротивъ, всякій долженъ *избѣгать ограниченія и односторонности въ знаніяхъ, которыя прямо принадлежатъ къ предмету его спеціальности*. Поэтъ, желающій писать для театра, долженъ знать сцену, чтобы имѣть возможность оцѣнить средства, которыми ему придется пользоваться".

практическихъ занятій почти не существовало, за исключеніемъ нѣкото-рыхъ «семинаріевъ» для студентовъ двухъ старшихъ курсовъ.

Уставъ 1884 г. лишь съ виду обезпечивалъ академическую своб- слушанія лекцій, и лишь съ виду почти совсѣмъ отмѣнялъ экзамены; экзаменами оказались такъ называемыя «репетиціи» въ концѣ каждаго се- местра, а «свобода» слушанія была скована случайнымъ, большей част совершенно нераціональнымъ пріуроченіемъ предметовъ къ опредѣлен семестрамъ, при чемъ нерѣдко лучшее и наиболѣе трудное падало на вые семестры, а второстепенное и относительно легкое—на послѣдніе.

Но уже въ 1889 году историко-филологическіе факультеты дол были отказаться отъ учебной системы устава 1884 года и вернулись системѣ 1863 года, введя въ нее нѣкоторыя не особенно существен видоизмѣненія.

По этой системѣ факультетъ распадался на два отдѣленія: въ пер два года студенты только слушали лекціи по общимъ и частью спеціал нымъ предметамъ, если не считать нераціонально поставленныхъ прак ческихъ занятій по древнимъ языкамъ (только по нимъ однимъ). Въ щей сложности всѣ эти обязательные курсы занимали до 22 часовъ недѣлю. Большая часть изъ нихъ подлежала «полукурсовому» экзамену именно: четыре курса по древнимъ языкамъ (два по поэзіи и два прозѣ), два курса по древней исторіи (греческой и римской), два кур по русской исторіи (древней и новой), курсы по логикѣ, психологі древней философіи, по сравнительному языковѣдѣнію (общее введеніе) по церковно-славянскому языку.

На двухъ старшихъ курсахъ студенты продолжали слушать рядъ лек и обязаны были участвовать въ семинаріяхъ съ довольно шаблонны распредѣленіемъ послѣднихъ: напримѣръ, студенты съ преобладающи интересомъ къ русской литературѣ или исторіи (наукамъ обширнымъ) об заны были работать въ семинаріяхъ по иностраннымъ литературамъ и иностранной исторіи; а это многимъ изъ нихъ было не подъ силу, хо бы уже потому, что они принуждены были приступать къ труднымъ упр жненіямъ, не имѣвши передъ этимъ упражненій болѣе элементарны Въ концѣ-концовъ такой порядокъ заставлялъ иногда руководителей, угоду неподготовленнымъ слушателямъ, понижать научный уровень се нарскихъ занятій.

Результаты дѣйствія всей этой системы оказались болѣе чѣмъ пе чевными.

Группа предметовъ общаго характера для студентовъ младшихъ курс съ виду не плоха, но, вслѣдствіе сложности содержанія каждаго изъ них съ ней немыслимо освоиться въ теченіе двухъ лѣтъ безъ систематическ упражненій по этимъ предметамъ и безъ дополнительныхъ спеціальн курсовъ по ихъ главнѣйшимъ проблемамъ и отдѣламъ. Понятно, что лодымъ людямъ, не успѣвшимъ пріобрѣсти навыка въ критикѣ и націн частныхъ явленій, не оставалось ничего иного, какъ наскор

хотя выучивать эти лекціи къ экзаменамъ, усваивая изъ нихъ лишь то, что удерживаетъ память, или то, что такъ или иначе отвѣчаетъ ихъ органическимъ или даже случайнымъ интересамъ.

Это подневольное изученіе наукъ, въ сущности очень интересныхъ, приводило то къ дилеттантизму, то къ развитію тупой пассивности, то къ крайне узкой спеціализаціи *), тѣмъ болѣе, что факультетская организація не давала простора для широкаго изученія излюбленной студентомъ научной области и не заключала въ себѣ системы разнообразныхъ практическихъ занятій (особенно для начинающихъ), каковыя несомнѣнно предостерегли бы ихъ участниковъ отъ чрезмѣрной односторонности.

Поэтому даже наиболѣе блестящіе и глубокіе курсы не имѣли того успѣха и вліянія, какое они имѣли бы, если бы не были обязательными.

Воспитаніе въ студентахъ пассивности и привычки къ шаблоннымъ схемамъ приводило еще и къ тому истинно-уродливому явленію, что не малая часть студенчества настаивала на соотвѣтствіи обязательныхъ курсовъ съ планами государственныхъ экзаменовъ и отрицательно относилась къ попыткамъ отдѣльныхъ преподавателей замѣнять старые шаблонные курсы новыми, болѣе раціональными, но не предусмотрѣнными въ казенныхъ программахъ государственныхъ экзаменовъ.

Таковы нѣкоторые плоды шаблоннаго нивеллирующаго энциклопедизма, построеннаго на принудительномъ началѣ и на неуваженіи къ личности учащихся **).

---

*) Такъ, напримѣръ, историкъ литературы часто игнорировалъ исторію и исторію философіи, съ одной стороны, языковѣдѣніе—съ другой, и наоборотъ.

**) Мои соображенія о различныхъ формахъ спеціализаціи и энциклопедизма оказались непонятными для г. Владиміра Вагнера (см. его статью „Чѣмъ долженъ быть университетъ?“ въ *Русской Мысли* за 1906 г., сентябрь, стр. 135 и слѣд.). Внимательный читатель моей статьи „Мысли о реформѣ университетскаго строя“ („Журн. Мин. Нар. Нросв.“, 1906, № 3) врядъ ли сталъ бы упрекать меня въ утилитаризмѣ и въ принесеніи въ жертву энциклопедизма (какого?) спеціальному образованію (какому?).

Что начинающій ученый можетъ серьезно *углубиться* въ излюбленную имъ спеціальность (не одностороннюю, конечно),—это, хоть и удивительно для г. Вагнера, но не страшно никому изъ противниковъ дилеттантизма и легкомыслія.

Мысль, что „расширеніе общаго образованія бываетъ особенно плодотворнымъ тогда, когда оно подсказывается *нуждами прямой спеціальности молодого ученаго*“,—далеко не нова и принадлежитъ не мнѣ одному, но всѣмъ тѣмъ, кто расширялъ свое образованіе органически, непрерывной умственной работой.

Оцѣнивать подобное положеніе съ точки зрѣнія цитаты изъ Тэна о преимуществѣ профессіональныхъ школъ передъ общеобразовательными (и сопровождать эту оцѣнку восклицаніями въ родѣ „жалкая идея! жалокъ молодой ремесленникъ!“ и т. п.) тѣмъ болѣе неумѣстно, что это цитата не имѣетъ по своему содержанію отношенія къ моей статьѣ ни въ ея цѣломъ, ни въ ея частностяхъ.

На стр. 135 авторъ категорически сообщаетъ и квалифицируетъ слѣдующую новость о „предметной“ системѣ въ германскихъ университетахъ:

„Въ Германіи, какъ извѣстно (?), предметная система имѣетъ задачей дать слушателямъ возможность усвоить необходимые для нихъ предметы въ томъ порядкѣ, въ которомъ это для каждаго изъ нихъ удобно, съ цѣлью „дать возможность способнымъ и энергичнымъ студентамъ прослушать необходимые для сдачи государственныхъ экзаменовъ предметы въ возможно болѣе короткій срокъ“. Другими сло-

Съ другой стороны, этотъ порядокъ съ его курсовой системой и с шаблоннымъ пріуроченіемъ обязательныхъ лекцій къ извѣстнымъ го сковывалъ по рукамъ и ногамъ не только студентовъ, но и профессо бо́льшая часть времени уходила у многихъ изъ послѣднихъ на еже повтореніе общихъ казенныхъ курсовъ; а при затруднительности или невозможности разнообразить преподаваніе введеніемъ въ него кур спеціальныхъ, не легко было подновлять и освѣжать курсы общіе.

Но на этомъ мрачномъ фонѣ рутины и пассивности начали съ бо шой силой вырисовываться новыя жизненныя теченія въ академич средѣ.

Энергичные и работоспособные профессора не мирились съ господс ющей шаблонной системой, но всячески, насколько могли, расширя кругъ своего преподаванія.

вами, значеніе системы этой сводится къ цѣлямъ не столько академическимъ, сколь экономическимъ" (?).

Въ моей статьѣ я даю какъ разъ иныя свѣдѣнія о современномъ нѣмецк учебномъ строѣ.

Что касается самой статьи г. Вагнера, то въ ней нѣтъ недостатка въ добр чувствахъ и пожеланіяхъ: съ его протестами противъ капитализма, противъ рабск приспособляемости, противъ лицемѣрія въ современномъ обществѣ, противъ ремес ности спеціалистовъ извѣстнаго типа—можно вполнѣ согласиться; можно, пожалуй ничего не имѣть и противъ пространно проводимой имъ параллели между соціоло и біологіей; далѣе, отчего не пожелать, чтобы университетъ не превращалъ лю въ манекеновъ, „чтобы люди, учившіеся въ университетѣ, выходили изъ него г жданами, съ человѣческими идеалами и запросами, сознательными, а не стадн разумными, а не слѣпыми борцами въ переустройствѣ государственной машины, имя справедливости, во имя общаго блага и общественныхъ идеаловъ".

Для достиженія этихъ почтенныхъ цѣлей рекомендуется сдѣлать универси только общеобразовательнымъ учрежденіемъ („съ новой по формѣ, по методу подаванія и даже по самому содержанію университетской наукой"), отводя „добы ніе и разработку необходимаго для развитія научнаго знанія матеріала" въ вѣ особыхъ академій и спеціальныхъ высшихъ школъ юридическихъ, физико-мате ческихъ и т. п.

Въ высшемъ общеобразовательномъ учрежденіи даются людямъ, „претенду на образованіе", лишь *готовые отвѣты современной науки* на ихъ запросы. К добываются наукой эти отвѣты, не важно: „одно дѣло—научное изслѣдованіе, д гое—ознакомленіе съ его результатами тѣхъ, кто интересуется, кто считаетъ с въ правѣ знать, что добыто путемъ этихъ изслѣдованій". Этотъ тезисъ подкрѣпл характернымъ примѣромъ (по мысли автора, вѣроятно, примѣнимымъ ко всѣмъ б исключенія отраслямъ человѣческаго знанія): общество, нуждающееся въ храмѣ, постройки котораго необходимы строители и матеріалъ, не имѣетъ надобности ин ресоваться изготовленіемъ кирпичей и присутствовать при этомъ изготовленіи...

Нетрудно догадаться, что въ основѣ такого проекта лежатъ принципы и чаи (и притомъ устарѣвшіе) *средней* школы, и „разумному, не стадному гражд отводится роль школьника, притомъ не высшаго, даже не средняго, а младшаго раста...

Какъ онъ изъ такой высшей школы выйдетъ не манекеномъ, проектъ, ра у ся, не поясняетъ...

Далѣе, институтъ приватъ-доцентовъ (хотя задуманъ онъ былъ неу-чно) принесъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, много пользы торико-филологическимъ факультетамъ: между прочимъ, приватъ-доценты іучили слушателей къ необязательнымъ курсамъ общаго и спеціальнаго рактера и практическимъ занятіямъ и, такимъ образомъ, косвенно рас-стили путь для широкой реформы факультетскаго преподаванія.

Въ свою очередь, наиболѣе живая и просвѣщенная часть студенчества егда съ большой чуткостью слѣдила за новыми курсами и практическими нятіями, и практика нашего факультета знаетъ немало случаевъ, когда уппы студентовъ сами обращались къ преподавателямъ съ просьбой строить для нихъ особыя занятія по непреподаваемымъ на факультетѣ учнымъ областямъ, иногда очень спеціальнаго, чисто ученаго характера.

Этимъ и опредѣляется основной принципъ реформы—*раскрѣпощеніе нности и слушателей и преподавателей.*

V.

Обращаемся теперь къ нѣкоторымъ наиболѣе существеннымъ подроб-стямъ проекта реформы, отчасти, впрочемъ, затронутымъ и въ преды-щемъ разсужденіи.

1. Необходимо полное отдѣленіе государственныхъ экзаменовъ отъ уни-рситетскаго преподаванія. Какъ и по какимъ программамъ должны впредь юизводиться такіе профессіональные экзамены, этого мы въ настоящее емя опредѣлять не будемъ; университетъ можетъ только пожелать, чтобы составъ подобныхъ экзаменаціонныхъ коммиссій входили не исключитель-) университетскіе преподаватели. Вообще надо всячески устранять вліяніе ститута профессіональныхъ испытаній на университетское преподаваніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно какъ можно скорѣе привить нашему об-еству и студенчеству тотъ принципъ, въ силу котораго человѣкъ, стре-щійся къ профессіональной дѣятельности, не имѣетъ надобности доби-ться предварительно университетскаго ученаго диплома, каковой можетъ ить желательнымъ только для будущихъ профессоровъ.

2. Это отмежеваніе университета отъ государственныхъ профессіональ-ыхъ испытаній позволитъ автономнымъ университетамъ не только ввести овые, болѣе раціональные, чѣмъ прежде, планы преподаванія, но и по-оянно ихъ улучшать.

3. Удовлетвореніе предпочтительныхъ наклонностей студентовъ и ихъ ремленія къ самодѣятельности можетъ быть достигаемо выработкой та-ко плана преподаванія, въ которомъ на-ряду съ общими курсами всегда али бы налицо въ достаточномъ количествѣ курсы спеціальные и допол-ительные, а также практическія занятія всѣхъ родовъ, начиная съ эле-энтарныхъ и кончая чисто-учеными, предназначаемыми для будущихъ про-ессоровъ.

4. Для выполненія подобной организаціи преподаванія необходи... легіальная работа всѣхъ факультетскихъ преподавателей и, въ част... широкое привлеченіе къ дѣлу «младшихъ» преподавателей, т.-е. прив... доцентовъ и отчасти даже оставленныхъ при университетѣ.

Такая коллегіальная работа, несомнѣнно, принесетъ пользу во мно... отношеніяхъ дѣлу просвѣщенія. Такъ, путемъ подобнаго коллегіаль... обсужденія слѣдовало бы (чего до сихъ поръ почти не дѣлалось) ус... навливать на каждый годъ (или даже на каждый семестръ) циклъ кур... и упражненій, такъ или иначе связанныхъ другъ съ другомъ.

Но эта взаимная коллегіальная поддержка представителей одной и... каѳедры или, что еще лучше, нѣсколькихъ смежныхъ каѳедръ можетъ... работать и провести въ жизнь и другіе плодотворные принципы унив... ситетской педагогики, особенно нормировку испытаній *), а также темъ д... практическихъ занятій и студенческихъ выпускныхъ диссертацій (въ с... слѣ преимущественнаго сосредоточенія на основныхъ научныхъ вопросахъ, а не на отдѣльныхъ мелочныхъ фактахъ).

Во всякомъ случаѣ, уже подборъ слаженныхъ другъ съ другомъ кур... совъ и занятій, какъ извѣстно, очень помогаетъ студентамъ, если у ни... сложились сколько-нибудь опредѣленные интересы, довольно быстро оріен... тироваться въ излюбленномъ предметѣ и соприкасающимися съ нимъ о... раслями знанія **).

5. Современное состояніе гуманитарныхъ и общественныхъ наукъ, п... условіи коллегіальной дѣятельности всѣхъ старшихъ и младшихъ предс... вителей факультета съ привлеченіемъ преподавателей съ другихъ факул... товъ, позволяетъ студентамъ уже со дня вступленія въ университетъ ... мѣтить основную спеціальность, причемъ учебная факультетская и отчас...

---

*) Отмѣтимъ, впрочемъ, что отдѣленіе государственныхъ экзаменовъ отъ у... верситета и, съ другой стороны, широкая организація практическихъ занятій си... сократятъ изнурительную экзаменаціонную систему.

**) Между прочимъ, по *всеобщей исторіи* на нынѣшній годъ у насъ объяв... слѣдующіе курсы и занятія: начальные „просеминаріи" по греческой и римской ис... ріи, спеціальный курсъ по исторіи римской имперіи и семинарій по ней; общій ... спеціальный курсъ по средневѣковой исторіи и семинарій по ней; просеминарій ... соціально-экономической исторіи XIV, XV и XVI вв.; курсъ о развитіи абсолют... на Западѣ, преимущественно въ XVI и XVII вв.; общій курсъ по новѣйшей исто... западной Европы; курсъ по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ; начальныя и высшія ... нятія по конституціонному праву и его исторіи.

Разнообразную схему представляютъ собой и планы преподаванія *русской ис... ріи* въ нынѣшнемъ году: кромѣ общихъ курсовъ по древней и новой русской ис... ріи и спеціальнаго по русской исторіографіи предложены практическія занятія тр... степеней: а) начальныя по лѣтописи, толкованіе древнѣйшихъ юридическихъ ... никовъ русской исторіи (до XV в. включительно); в) упражненія преимуществ... для студентовъ, пробывшихъ не менѣе года въ университетѣ: практическія з... въ связи съ изученіемъ сочиненія Катошихина „О Россіи въ царствованіе Ал... Михайловича"; сказанія о смутномъ времени, какъ историческій источникъ; с) ... минаріи: по эпохѣ Іоанна Грознаго; разборъ источниковъ по исторіи русскаго ... ства въ XVIII в.

междуфакультетская организація облегчаетъ серьезное и самостоятельное изученіе тѣхъ научныхъ отраслей, которыя съ этой спеціальностью непосредственно или близко связаны.

6. Для студентовъ, желающихъ слѣдовать указаніямъ факультета, послѣдній выработалъ рядъ примѣрныхъ плановъ *), причемъ совокупность всѣхъ лекцій и занятій, предусматриваемыхъ этими планами, при условіи четырехлѣтняго пребыванія студента въ университетѣ, требуетъ не болѣе 14—16 часовъ въ недѣлю.

Такимъ образомъ уже студентамъ этой категоріи открыта возможность расширять свое общее и спеціальное образованіе въ томъ направленіи, въ какомъ они сами пожелаютъ.

Разумѣется, временный переходъ на другой факультетъ или параллельное обученіе на двухъ и даже нѣсколькихъ факультетахъ вполнѣ согласны съ духомъ реформы.

7. Для облегченія путей къ широкому энциклопедическому образованію, конечно, недостаточно организаціонной работы какого-либо одного факультета. Въ высшей степени желательно, прежде всего, возстановленіе родственной связи—на новыхъ раціональныхъ началахъ,—между факультетами историко-филологическимъ и юридическимъ, каковая была порвана уставомъ 1884 года.

Но и этого мало: необходимо стремиться къ широкой организаціи курсовъ междуфакультетскихъ (отводя для нихъ преимущественно внѣлекціонные часы) какъ для университетскихъ слушателей, такъ и для публики **).

---

*) Такъ, наприм., въ группѣ *всеобщей исторіи* у насъ намѣчены слѣдующіе предметы: a) *подготовительные* (время слушанія ихъ, какъ и другихъ предметовъ группы, предоставлено преимущественно самимъ студентамъ): психологія, логика, обзоръ философскихъ проблемъ; государственное право, элементы гражданскаго права, политическая экономія; два античныхъ текста (историка, оратора или политическаго философа); b) *основные*: два курса по древней исторіи, два по среднимъ вѣкамъ, два по новой исторіи, одинъ по новѣйшей и сверхъ того историческіе курсы (безъ опредѣленія количества ихъ) по группамъ историческихъ явленій; наконецъ, три курса по русской исторіи; c) начальныя *практическія занятія* по всеобщей и русской исторіи и активное участіе въ трехъ высшихъ семинаріяхъ по всеобщей истріи; d) курсы *вспомогательные*: 1) философія и методологія исторія, 2) историческая географія, 3) этнологія, 4) исторія религій, 5) исторія философіи, 6) исторія искусства, 7) всеобщая литература (№№ 4—7 по одному отдѣлу, сотвѣтствующему или древней, или средней, или новой исторіи).

Сверхъ того, рекомендуются еще слѣдующіе вспомогательные курсы и занятія: а) къ *древней* исторіи: исторія древняго востока, исторія эллинистическаго востока, эпиграфика и нумизматика, археологія Европы и передней Азіи, древніе авторы; б) къ *средневѣковой* исторіи: исторія Византіи, исторія Ислама, средневѣковые языки Запада; в) къ *новой* исторіи: исторія политическихъ и соціальныхъ ученій, семинарій по аграрной исторіи, семинарій по конституціонному праву.

**) См. соображенія по этому вопросу въ моихъ „Мысляхъ о реформѣ", стр. 37 слѣд. Между прочимъ, въ средѣ преподавателей Московскаго университета (старшихъ и младшихъ) не мало лицъ, сочувствующихъ этой идеѣ. Но при первой воз-

8. Коллегіальная работа всѣхъ факультетскихъ преподавателей съ ра-ціональнымъ (и, во всякомъ случаѣ, гибкимъ) распредѣленіемъ между ними ихъ функцій по веденію общихъ и спеціальныхъ курсовъ и прак-ческихъ занятій облегчитъ усвоеніе, такъ сказать, циклической систе преподаванія, наподобіе лучшихъ образцовъ этой системы въ совре ныхъ нѣмецкихъ университетахъ *).

Находя себѣ поддержку въ товарищахъ и помощникахъ не только своей каѳедрѣ, но и по другимъ съ нею смежнымъ, главный предста-тель извѣстной факультетской науки не будетъ имѣть надобности сли комъ часто повторять нѣкоторые изъ своихъ общихъ курсовъ, но, наобо-ротъ, получитъ возможность постепенно и болѣе или менѣе широко пу скать въ оборотъ (примѣрно на протяженіи трехлѣтняго цикла, подсказы-ваемаго уже практическими соображеніями) свои разнообразныя, постоянно подновляемыя, познанія; если это человѣкъ талантливый, то онъ этим путемъ расширитъ сферу своего научнаго и просвѣтительнаго вліянія, как живой носитель связи между близкими и родственными отраслями науки.

Но сверхъ того, при подобной циклической разверсткѣ предметов каѳедры, часть изъ нихъ всегда будетъ переходить то къ товарищамъ, къ помощникамъ указаннаго ученаго, и это обстоятельство, несомнѣнн будетъ лишь содѣйствовать развитію здоровой, очень полезной для ун верситетскаго дѣла, конкурренціи между университетскими преподавател различныхъ степеней.

Таковы нѣкоторые изъ путей, способныхъ, по нашему мнѣнію, пр вести къ радикальному обновленію университетской учебной организа согласно съ достоинствомъ науки и тѣхъ, кто ею занимается, т.-е. ун верситетскихъ преподавателей и слушателей.

М. М. Покровскій.

можности ея широкаго осуществленія лица эти врядъ ли станутъ связывать се какими-либо догматическими программами; для указанной цѣли могутъ подходить общія введенія въ науки, и обзоръ главнѣйшихъ ихъ проблемъ, и такіе ихъ отдѣ которые доступны пониманію людей съ среднимъ образованіемъ; наконецъ, и нѣко торые изъ прежнихъ обязательныхъ факультетскихъ общихъ курсовъ (какъ, напр., курсы по русской и иностранной исторіи, литературѣ и мн. др.).

*) Въ моихъ „Мысляхъ о реформѣ университетскаго строя“ приведено нѣ сколько наиболѣе характерныхъ образцовъ подобной циклической организаціи пре подаванія. Такъ, наприм., проф. *Ниссенъ* (ср. стр. 12—13) въ теченіе шести се местровъ въ своихъ курсахъ (по 4 ч. въ недѣлю) и семинаріяхъ (по 2 ч. въ недѣлю) единолично даетъ цѣлую энциклопедію знаній по античной исторіи: таковы об четыре курса по исторіи Греціи и Рима, далѣе курсъ по римскому государственному праву и семинарій о правѣ римскихъ городовъ, курсъ по древней географіи с этнографіей, семинаріи по важнѣйшимъ эпохамъ античной исторіи (напр., 1-я пу ческая война, исторія Гракховъ, „Заговоръ Катилины“, Саллюстія, персидскія во ны Геродота) и отчасти по политической философіи (анализъ 6-й книги П этого авторитетнаго представителя такъ называемой „смѣшанной“ формы гос ственнаго устройства).

Къ двадцатипятилѣтію украинскаго театра.

(Посвящается глубоко-уважаемой М. К. Заньковецкой.)

Въ настоящемъ зимнемъ сезонѣ исполнилось 25 лѣтъ возрожденному украинскому театру (1881—1906 гг.). Конечно, въ тяжелое переживаемое время не до празднованія какихъ-либо юбилеевъ; но украинскій театръ сыгралъ такую великую роль въ національно-культурномъ возрожденіи Украины въ послѣдніе годы закончившагося столѣтія, что нельзя не помянуть добрымъ словомъ выдающихся дѣятелей украинской сцены, отдавшихъ свою жизнь, свои лучшія творческія силы на ея созданіе. М. К. Заньковецкая, М. Л. Кропивницкій, А. К. Саксаганскій и Н. К. Садовскій всегда будутъ любимыми и великими дѣятелями для украинскаго народа, своими яркими талантами свѣтившими ему въ годину самаго мрачнаго безпросвѣтнаго его національнаго угнетенія. Театръ въ 80-е годы былъ для Украины единственнымъ мѣстомъ, гдѣ звучала ея литературная родная рѣчь, и многіе украинцы послѣ талантливыхъ спектаклей Кропивницкаго и семьи Тобилевичей начинали говорить своимъ забытымъ, всюду гонимымъ языкомъ, и во многія души вдохновенная игра М. К. Заньковецкой заронила первую искру національнаго самосознанія и благороднаго стремленія служить своей глубоко-несчастной Украинѣ. Велика роль этихъ высоко-одаренныхъ артистовъ въ національно-культурномъ пробужденіи украинскаго общества: ихъ имя извѣстно и дорого во всѣхъ самыхъ глухихъ украинскихъ городкахъ. Безконечное, глубокое спасибо имъ скажетъ украинскій народъ.

I.

Частнымъ образомъ украинскіе спектакли давались еще раньше 80-хъ годовъ. Исполнителями были обыкновенно любители. Такъ, напримѣръ, въ частномъ домѣ была поставлена въ Кіевѣ въ 1872 году первая опера Лысенка «Різдвяна Ніч»; въ Елисаветградѣ въ 1874—76 гг. играла труппа любителей подъ управленіемъ Карпенка-Караго. Большой популярностью пользовались малорусскіе любительскіе спектакли въ Черниговѣ, Полтавѣ

и Харьковѣ. Но законъ 1876 года на смерть поразилъ всякое прояв...
украинскаго національнаго творчества и осудилъ всю страну къ гробо...
молчанію. По удачному выраженію Н. Садовскаго, «30-ти миллюн...
народу вырѣзали языкъ». Даже чарующая украинская пѣсня была из...
на изъ публичнаго обращенія и на концертахъ украинскія мелодіи дол...
были исполняться съ французскими словами. Такъ, на концертѣ Л...
сенка въ 1878 году народная веселая пѣсня «Дощикъ» исполнялась те...
въ переводѣ: «La pluie tombe du toit dégoutant; J'ai pensé, j'ai pens...
Que c'est un cosaque, maman! Такъ издѣвалась кіевская админист...
надъ святыней народной: его языкомъ, его пѣснью. И Украина замо...
чала». *).

Но для крупныхъ талантовъ никакія самыя тяжелыя путы не стра...
ны; ихъ творческая сила непремѣнно вырвется изъ нихъ. Такъ было...
съ тѣми артистическими силами, которыми судьба надѣлила Украину въ
эту тяжелую минуту ея жизни. Ни Кропивницкій, ни Заньковецкая, ни
братья Тобилевичи (Саксаганскій, Садовскій, Карпенко-Карый) не могли...
завоевать себѣ свободы проявленія для своего крупнаго артистическ...
таланта, и они громко открыто заговорили украинскимъ, запрещенны...
языкомъ и завоевали ему право на жизнь.

Новый украинскій театръ начался очень скромно спектаклями тру...
Ашкаренка въ Кременчугѣ въ сезонъ 1881—82 гг. Г. Кропивницкій въ
своихъ воспоминаніяхъ такъ описываетъ это начало «новой эры». «Н...
щенскіе заработки русскими спектаклями заставили труппу просить ми...
стра внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова разрѣшить ей сыграть ...
нѣсколько спектаклей на украинскомъ языкѣ, чтобы не умереть голод...
смертью. Графъ снизошелъ на нашу просьбу, и мы начали «новую эру»
«Наталкой Полтавкой». И въ томъ же ноябрѣ, когда въ праздникъ пье...
Островскаго сдѣлала сборъ всего въ 30 р., столѣтняя бабушка «Натал...
Полтавка» въ будни привлекла полный театръ. На слѣдующіе спекта...
билеты раскупались нарасхватъ, но вокругъ театра тѣснились не фаэто...
и коляски, а возы и фургоны пріѣзжавшихъ на украинскіе спектакли ху...
торянъ казаковъ». Одинъ казакъ при этомъ набиралъ по десять и боль...
билетовъ; пріѣзжали цѣлыми семьями, и на вопросъ одного изъ слу...
щихъ въ театрѣ великороссовъ: «неужели вамъ такъ нравится малорос...
сійскій театръ», казакъ пожалъ плечами и просто отвѣтилъ: «да это ж...
наше родное» **).

Успѣху труппы Ашкаренка, конечно, больше всего содѣйствовалъ та...
лантъ Кропивницкаго во всемъ его великомъ реализмѣ; вслѣдъ за Кре...
менчугомъ труппа въ этотъ же сезонъ играла въ Харьковѣ и Кіевѣ уж...
съ участіемъ Н. Садовскаго. Въ слѣдующемъ году труппа блистала ...
выдающимися драматическими силами, какъ Заньковецкая, Садовская ...

---

*) См. *Лит. Наук. Вістн.*, X кн., 1906 г.

**) *Нова Громада*, 1906 г. № 9. „За 35 літ“.

умершая, очень талантливая артистка), Садовскій, Кропивницкій, Вѣрина и Грицай. Они съ успѣхомъ играли въ Ростовѣ, Нахичевани, Кіевѣ и др. южныхъ городахъ. Безденежье не давало однако возможности поставить выдающихся артистовъ въ достойную ихъ декораціонную обстановку. За это дѣло взялся Старицкій; не жалѣя собственныхъ денегъ, онъ создалъ костюмы, декораціи, инвентарь украинской сцены; талантливая группа могла уже смѣло заявить себя и передъ взыскательной публикой Москвы и Петербурга, гдѣ она завоевала себѣ полный успѣхъ. Еще внимательнѣе и серьезнѣе отнесся позже къ театральному дѣлу, къ правильной во всѣхъ малѣйшихъ деталяхъ постановкѣ пьесъ, какъ историческихъ, такъ и бытовыхъ, молодой антрепренеръ А. Саксаганскій. Его спектакли по реализму обстановки, серьезной отдѣлкѣ всѣхъ деталей съ режиссерской и бутафорской стороны дѣла въ лучшіе годы его антрепризы могутъ стать рядомъ со столь прославившейся своей обстановкой сценой московскаго художественнаго театра. Усиліями Старицкаго, Кропивницкаго (режиссера) и Саксаганскаго украинская сцена заняла выдающееся мѣсто на всѣхъ лучшихъ театрахъ не только Украины, но и всей Россіи (Петербурга, Москвы, Варшавы, Вильно, Одессы, Харькова, Кіева и др.). Но еще больше своей извѣстности обязанъ украинскій театръ талантамъ его первыхъ исполнителей, ихъ глубокому знанію народной души, народной жизни родной ихъ Украины.

Успѣхъ первой украинской труппы соблазнялъ и другихъ, и мало-помалу изъ одной труппы образовалось за 20—25 лѣтъ до 50, изъ которыхъ 5—6 труппъ извѣстны и въ столицахъ. Но нельзя сказать, чтобы завоеваніе украинской сцены далось ея первымъ артистамъ легко: долгое время центръ Малороссіи былъ совершенно лишенъ возможности видѣть родную драму, такъ какъ украинскія представленія были строго воспрещены въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской. Оставались для дѣятельности труппъ свободными, кромѣ великорусскихъ губерній, Новороссія, Харьковская, Воронежская, Курская да Кубанская область съ украинскимъ населеніемъ. Украинскіе спектакли допускались только какъ придатокъ къ русскимъ, и потому украинскіе антрепренеры вынуждены были держать по двѣ труппы: русскую и украинскую, а спектакли составлять неизбѣжно изъ двухъ пьесъ—великорусской и украинской. Нѣкоторые губернаторы и градоначальники (наприм., одесскій) требовали, чтобы число актовъ великорусскихъ пьесъ было не меньше числа актовъ украинской пьесы; поэтому приходилось играть сряду пять великорусскихъ водевилей для того, чтобы исполнить затѣмъ пятиактную украинскую драму. Только постепенно требованіе русской пьесы свелось на исполненіе одного водевиля, который по великой милости губернаторъ разрѣшалъ ставить на конецъ; въ послѣдніе годы великорусскіе водевили могли уже совсѣмъ сойти съ репертуара украинскаго театра. Повсемѣстное же разрѣшеніе на украинскіе спектакли получилось всего 5—6 лѣтъ назадъ.

Среди тѣхъ крупныхъ талантовъ, какіе создали новый украинскій театръ, яркой звѣздою свѣтитъ М. К. Заньковецкая, любимая артистка не только на Украинѣ, но и по всей Россіи, и въ обѣихъ ея столицахъ. Чарующая внѣшность, музыкальный выразительный голосъ, утонченная чуткость пониманія роли и глубокая задушевность вмѣстѣ съ оригинальнымъ умомъ сдѣлали изъ М. К. одну изъ выдающихся первоклассныхъ артистокъ нашего времени. Ея игра создала сразу совершенно самобытную украинскую драматическую школу, полную глубокаго художественнаго реализма, задушевной искренности и подкупающей простоты. Много разъ М. К. предлагали перейти на великорусскую сцену, соблазняя артистку большимъ разнообразіемъ репертуара; увѣряли ее, что роли графинь и королевъ болѣе достойны ея великаго таланта, чѣмъ скромныя роли наймичекъ и сельскихъ дѣвушекъ. Но Заньковецкая не соблазнилась болѣе широкими и свободными условіями игры на русской сценѣ. Она осталась вѣрна своему родному искусству, своему великому призванію: художественному воспроизведенію душевнаго облика украинской женщины. И какое цѣльное многостороннее его воспроизведеніе получается въ разнообразномъ репертуарѣ Заньковецкой, начиная съ наивной, ребячески шаловливой и непосредственной «дівчины» (въ драмѣ «Лісова Квитка»), невинной, лирически любящей весь міръ и довѣрчивой «Наймички», кончая драматической страстной ролью Маруси Богуславки, пылкой, гордой Бондарівны, Зиньки; отъ сложной трагической героини Наталіи (Лемеривна) и до безмятежно веселой легкомысленной Цвиркунки (Чорноморци) и кумы (въ водевилѣ «Кумъ Мірошникъ). Заньковецкая уловила всѣ оттѣнки сложнаго и возвышеннаго образа украинской женщины съ тонкой душевной организаціей и сильнымъ героическимъ характеромъ, сумѣла воскресить образъ, сложившійся изъ взаимодѣйствія южной природы и героическихъ условій исторической жизни Украины; Заньковецкая одинаково вѣрно возсоздавала передъ восхищенными зрителями и бытовыхъ современныхъ дѣвушекъ и женщинъ Украины—матерей, женъ и сестеръ убогихъ земледѣльцевъ, и ея историческихъ героинь, какъ онѣ запечатлѣлись въ народной эпической поэзіи и выразились въ переработкѣ современныхъ украинскихъ драматическихъ писателей. Первый колосальный успѣхъ Заньковецкая одержала въ роли Олены («Глитай», Кропивницкаго). Говорятъ, что послѣ 2-го акта, когда Заньковецкая впервые выступила какъ драматическая артистка, она такъ провела свою роль, что публикой овладѣлъ какой-то безумный восторгъ: она видѣла передъ собой не актрису, а живого человѣка, страдающаго отъ нестерпимой душевной боли, рыдающаго искренними слезами. Послѣ этого перваго драматическаго выхода Заньковецкая недѣлю пролежала больной,—такъ сильно пережила она горе изображенной ею обманутой Олены. Давно это было, въ 1882 году; но годы безсильны надъ могучимъ дарованіемъ артистки, и теперь, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, М. К. заставляетъ по произволу и плакать, и смѣяться своихъ зрителей, даетъ смыслъ и значеніе самой пустой пьесѣ,

въ которой она участвуетъ. Такъ создала она, напримѣръ, извѣстность «Лісовой Квиткѣ», «Цыганкѣ Азѣ» и многимъ другимъ пьесамъ.

Изъ другихъ женщинъ артистокъ украинскихъ нельзя не выдѣлить по выдающемуся комическому таланту недолго подвизавшуюся г-жу Затыркевичъ, такъ неподражаемо, безъ всякаго шаржа создавшую образъ украинской бабы, почти всегда выпивающей, остроумной и бѣдовой, когда нужно, но глубоко несчастной въ большинствѣ случаевъ.

Неподражаемы до сихъ поръ остаются талантливые братья Тобилевичи; особенно Садовскій и Саксаганскій; ихъ проникновенная игра создала незабвенные образы трудового земледѣльческаго населенія нашихъ южныхъ степей, образы народныхъ героевъ, борцовъ за свободу и за права обижаемыхъ, вѣчно протестующихъ за независимость своей родины. Кто слышалъ хоть разъ художественный монологъ Садовскаго въ роли Панаса въ драмѣ «Наймичка» Карпенка-Караго, тотъ не забудетъ этотъ стонъ рабочаго, безземельнаго земледѣльца, неимѣющаго къ чему приложить свои трудовыя руки, свою безмѣрную любовь къ землѣ-кормилицѣ. Кто разъ видѣлъ Саксаганскаго въ роли Гната Голаго въ драмѣ «Савва Чалый», тотъ получитъ яркій правдивый образъ типа борца украинца за дѣло народной свободы. Это не революціонеръ всемірный, а типичный украинскій гайдамака, борющійся за право «голоты», ненавидящій панство органически, безкорыстно преданный своей идеѣ, своей родинѣ, «безталанной Украинѣ».

Въ послѣднее время часто говорятъ, что пролетаріи въ борьбѣ за свои экономическіе интересы не имѣютъ родины, и всякія политическія стремленія къ освобожденію родины навязываются имъ интеллигенціей и буржуазіей. Объ Украинѣ этого нельзя сказать, такъ какъ исторически обѣ идеи соціальнаго и политическаго освобожденія проводились здѣсь разомъ и одинаково захватывали все обездоленное населеніе.

Талантъ Саксаганскаго отличается удивительной многосторонностью и одинаково художественно проявляется, какъ въ типахъ комедіи, такъ и въ самыхъ драматическихъ положеніяхъ. Онъ создалъ комическіе типы комедіи своего брата—Бонавентуру (въ «Ста тысячахъ») и глухого Пенёнжки (въ «Мартынѣ Бурулѣ»). Онъ доходитъ до высочайшаго трагизма въ роли Гната (въ «Безталанной») и въ отцѣ Харитинки («Наймичка»).

Всѣ эти талантливые артисты, конечно, многимъ обязаны тому реальному художественному направленію, лишенному всякой искусственности и какого-либо шаржа, какое внесено было въ украинскій новый театръ его «батькомъ»—М. Л. Кропивницкимъ.

Всѣ артисты съ «батькомъ» во главѣ сразу стали играть не по заученной трафареткѣ, а, такъ сказать, прямо изъ души; они не разыгрывали сценъ, а переживали на сценѣ ту драму, какую переносилъ изъ народной жизни на подмостки ихъ же товарищъ, такъ какъ и всѣ драмы вначалѣ писались только ими же, т.-е. Старицкимъ, Кропивницкимъ, Карпенко-Карымъ. Всѣ они вышли изъ народной среды, провели дѣтство

среди народа; ихъ чуткому взору рано открылась вся глубина народной души, народнаго характера. Вотъ почему ихъ игра никогда не грѣшитъ противъ психологической и бытовой правды. Это непосредственное близкое знакомство съ народной жизнью вмѣстѣ съ ихъ высокой художественной одаренностью помогло Садовскому, Саксаганскому, Кропивницкому и Заньковецкой создать въ Украйнѣ такой народный театръ, какого нѣтъ въ Россіи; его появленіе въ самую глухую мертвую эпоху подавленности всѣхъ общественныхъ силъ на Украинѣ подтверждаетъ еще лишній разъ все великое значеніе одаренной сильной личности въ историческомъ ходѣ развитія народной жизни. Оглядываясь назадъ за 25 лѣтъ, можно смѣло сказать, что всю первую половину этого періода имя Заньковецкой и работавшихъ съ ней вмѣстѣ великихъ артистовъ было лозунгомъ возрожденія Украины, было тѣмъ чарующимъ волшебнымъ словомъ, которое будило въ украинскомъ обществѣ, какъ въ столицѣ, такъ и въ самыхъ глухихъ городкахъ, всѣми подавляемое національное сознаніе и сознаніе своихъ невыполненныхъ обязанностей передъ страдающей родиной и ея оскорбляемымъ народомъ.

Призванная къ жизни игрою артистовъ, народилась украинская драматическая литература; за нею вслѣдъ подняла голову и поэзія, и повѣствовательная художественная проза, и къ моменту всеобщаго пробужденія всѣхъ народностей Россіи Украина не осталась позади другихъ, а громко, увѣренно заявила о своихъ правахъ на свою землю, на свою свободную жизнь, на свое слово. И въ этотъ знаменательный моментъ украинскій народъ не долженъ забывать тѣхъ своихъ дѣятелей, которые лучшими творческими силами своей души не переставали призывать его къ великимъ идеаламъ свободы и правды. Заньковецкая, Кропивницкій, Саксаганскій, Садовскій, Старицкій и Карпенко-Карый займутъ въ исторіи національнаго возрожденія Украины первыя мѣста, а любовь народная вознаградитъ ихъ за все, что имъ пришлось выстрадать въ эпоху гоненій и преслѣдованій украинскаго слова.

II.

Русская критика долго не желала признавать украинской драматической литературы. Она отрицала для нея всякую возможность развитія въ силу того, что послѣдняя яко бы осуждена не выходить изъ предѣловъ простонародной жизни, что въ ней нѣтъ и быть не можетъ мѣста сложнымъ драмамъ и тонкимъ комедіямъ: слишкомъ проста и наивна, видите ли, эта простонародная среда. Но украинскіе писатели, очевидно, держались иного взгляда на народную жизнь: зная ее очень хорошо, они видѣли въ ней далеко не одну простоту и наивность, а и сильныя страсти, и сложныя драматическія коллизіи. Когда труппа Кропивницкаго начала свои представленія въ 1881 году, украинскій репертуаръ состоялъ изъ водевилей и оперетокъ и существовалъ только, такъ сказать, ради увеселенія и на-

котворнаго изображенія не то сословной, не то этнографической разновидности—*хохла*. Лучшихъ, сколько-нибудь художественныхъ пьесъ было всего 2—3 съ столѣтней бабушкой, повсемѣстно любимою «Наталкой Полтавкой» во главѣ: «Сватанья на Гончарівці»—Квитки, «Запорожецъ за Дунаемъ»—Кумъ мірошникъ и др. Ихъ главнымъ украшеніемъ служили пѣсни; на роляхъ этихъ пьесъ трудно было проявиться крупнымъ драматическимъ талантамъ. Пришлось «батькѣ» самому расширить поле дѣятельности объединившихся вокругъ него артистическихъ силъ; онъ взялся за перо и однимъ изъ первыхъ дѣйствительно драматическихъ произведеній, въ которыхъ съ особенной силой проявился талантъ Заньковецкой, были пьесы Кропивницкаго: «Доки сонце зійде, роса очі виїість», «Глитай абож павукъ» и «Дай серцю волю, заведе у неволю». Прекрасный чистый украинскій языкъ и яркіе выхваченные изъ народной жизни типы сразу обратили вниманіе украинскаго общества на эти пьесы и дали новое значеніе театру. Въ «Глитаѣ» былъ выведенъ типъ сельскаго кулака, своимъ хищничествомъ разоряющаго все село и въ частности разбивающаго личную жизнь одной молодой семьи. Подробно останавливаться на разсмотрѣніи пьесъ украинскихъ намъ не приходится въ такой короткой общей замѣткѣ. Первыя пьесы Кропивницкаго сразу завоевали симпатіи публики: въ нихъ впервые выступила передъ зрителями современная народная жизнь Украины, серьезно и правдиво очерченная. Правда, въ нихъ было больше этнографіи, чѣмъ сложнаго драматическаго творчества; но ихъ играли такіе истинные артисты, которые каждую роль одухотворяли своимъ горячимъ вдохновеніемъ и создавали живые типы изъ самыхъ блѣдныхъ очертаній. Лучшими пьесами Кропивницкаго останутся надолго любимыя драмы: «Доки сонце зійде роса очі виїість», «Дві сімьі», полная этнографическихъ богатствъ свадебнаго украинскаго ритуала, и безсмертная популярная шутка-водевиль «По ревизії».

Слѣдомъ за Кропивницкимъ и единовременно съ нимъ выступилъ другой, несомнѣнно, крупный даровитый драматическій писатель; вслѣдъ за этнографическими картинами явились захватывавшіе зрителя драматическіе эпизоды изъ былой и современной жизни украинскаго народа: Карпенко-Карый первый показалъ, насколько неправы были литературные критики, осуждавшіе украинскую драматическую литературу на гибель за ея демократизмъ; онъ обнаружилъ, сколько драматическихъ индивидуальныхъ коллизій скрывается въ этой, повидимому, столь стихійной жизни села, сколько глубокихъ драматическихъ моментовъ переживало и переживаетъ теперь это самое населеніе села при постоянномъ столкновеніи въ немъ старыхъ традиціонныхъ элементовъ съ новыми заманчивыми, но не всегда ясными идеалами. Не отходя отъ абсолютной, точной, этнографически правдивой характеристики общества сельской жизни, Карпенко-Карый на ея фонѣ вырисовываетъ художественныя то трагическія по своимъ конечнымъ моментамъ драмы, то удивительно тонкія юмористическія комедіи на современныя темы переживаемаго селомъ переходнаго времени. Теперь, когда

всѣ драмы и комедіи Карпенка-Караго напечатаны и составили 5 томовъ, можно, читая ихъ, цѣнить всѣ ихъ художественныя достоинства, независимо отъ того захватывающаго впечатлѣнія, какое они производятъ на сценѣ, въ исполненіи Заньковецкой, Саксаганскаго, Садовскаго и самого автора.

Остановимся сначала на комедіяхъ Карпенка-Караго; изъ нихъ лучшими считаются: обличительныя «Мартынъ Буруля» и «Хозяинъ» и бытовыя «Сто тысячъ» и «Розумний та дурень». Мастерская наблюдательность, природный украинскій юморъ и свойственное чувство мѣры, отсутствіе шаржа и любовное отношеніе самого автора къ слабостямъ и недостаткамъ ближняго вносятъ и въ душу зрителя благодушное отношеніе къ этимъ типамъ, созданнымъ всѣми отрицательными условіями современной общественной жизни и села, и города: «Мартынъ Буруля»—это, такъ сказать, литературный отецъ «Хозяина»; оба они родные братья Мольеровскихъ буржуа-жантильомовъ. Они жаждутъ выйти изъ своего униженнаго положенія сельскихъ сословій или путемъ приписки къ привилегированной дворянской кастѣ, какъ силится это сдѣлать Мартынъ Буруля, или путемъ обогащенія, какими бы то ни было способами, какъ этого добиваются Калитка въ «Ста тысячахъ» и Пузырь въ комедіи «Хозяинъ». «Мартынъ Буруля» и «Пузырь», несомнѣнно, самые цѣльные и законченные образы Карпенка-Караго, и обѣ комедіи блещутъ реализмомъ и глубокимъ юморомъ. «Хозяинъ»—какъ яркая картинка эксплоатаціи крупнымъ землевладѣльцемъ всего окружающаго населенія—получила особливое соціальное значеніе въ наше время и по всей Украинѣ пользовалась огромнымъ успѣхомъ. Это навело автора на мысль написать продолженіе своей соціальной комедіи «Хозяинъ», въ которой выступили бы передъ зрителями дѣти «Пузыря»,—то слѣдующее поколѣніе народной интеллигенціи, которая, хотя и училась на нечистоплотныя денежки отца, но сама уже набралась въ школѣ новыхъ, болѣе свѣтлыхъ идей и стремленій. Это молодое поколѣніе подъ тѣми же именами и проходитъ въ двухъ послѣднихъ комедіяхъ Карпенко-Караго «Суета» и «Житейское море». Обѣ эти пьесы обнаруживаютъ полное банкротство той нравственной подготовки, какую получили въ современной школѣ (низшей и высшей) эти живые, здоровые отпрыски крестьянства: двое сыновей, и кандидатъ правъ, и директоръ гимназіи, набрались только одного желанія—занять высокое положеніе въ обществѣ и благополучно сдѣлать «карьеру», отвернувшись при этомъ съ пренебреженіемъ отъ своего родного отца и родной матери за ихъ принадлежность къ неказистому крестьянскому люду. Въ этомъ отношеніи потрясающее впечатлѣніе производитъ заключительная сцена въ «Суетѣ», когда на именины пролѣзающаго въ директора гимназіи сына вдругъ пріѣзжаютъ его старики отецъ и мать: незванные гости обнаруживаютъ крестьянское происхожденіе карьериста, что приводитъ въ отчаяніе его жену—дочь генерала. Имъ дѣлаютъ такой пріемъ, что они предпочитаютъ немедленно уйти изъ дома своего любимаго старшаго сына.

Въ «Житейскомъ морѣ» идетъ уже жизнь младшаго сына того же богатаго крестьянина; онъ тоже ушелъ изъ села, но не ради наживы или карьеры, а, повинуясь художественному влеченію, пошелъ на сцену и сталъ знаменитъ. Но и тутъ полное отсутствіе нравственныхъ устоевъ приводитъ его къ этическому паденію. Такимъ образомъ, вся трилогія Карпенка-Караго является обличеніемъ современнаго взаимодѣйствія города и села: люди уходятъ изъ села, бѣгутъ въ городъ за свѣтомъ знанія, а онъ, разбивая ихъ вѣковыя традиціи, не даетъ взамѣнъ ничего, кромѣ жажды матеріальныхъ благъ, карьеры и наслажденія жизнью. Только одинъ членъ семьи Борильченка не гибнетъ въ общемъ разложеніи, это—единственная дочь, Василина; она тоже кончила гимназію, тоже порывалась уйти отъ своихъ на курсы въ городъ, но судьба ее сводитъ съ мѣстнымъ народнымъ учителемъ, и она остается работать вмѣстѣ съ своимъ мужемъ въ народной школѣ.

Этотъ призывъ назадъ въ село для плодотворной работы звучитъ и въ другой комедіи Карпенка-Караго: «За Дніпромъ», гдѣ герой, сынъ крестьянина, окончивши сельско-хозяйственное училище, возвращается къ себѣ устраивать земледѣльческія артели и изъ-за нихъ ведетъ борьбу съ сельскими кулаками. На этихъ комедіяхъ Карпенка-Караго приходится остановиться; онѣ впервые влили въ украинскую художественную литературу обличительный характеръ отношенія къ существующей въ украинскомъ селѣ дѣйствительности взамѣнъ прежней сантиментальной ея идеализаціи. Рядомъ съ обличеніемъ у автора всегда звучитъ и опредѣленное положительное требованіе, вытекающее, какъ изъ его собственнаго міросозерцанія, такъ и изъ культурнаго положенія Украины, лишенной всякой родной культуры, родной интеллигенціи. Это—требованіе производительной культурной и экономической работы на селѣ.

Національное чувство горячо проявляется Карпенко-Карымъ въ его прекрасныхъ историческихъ драмахъ. Вообще въ немъ соединяются и реалистъ-сатирикъ и романтикъ-художникъ, ищущій красоты героизма, высокихъ чувствъ. Украинская исторія манила его именно тѣмъ героизмомъ, котораго въ ней такъ много. Карпенко-Карый началъ писать драмы, увлекшись чарующимъ женскимъ образомъ народныхъ украинскихъ историческихъ пѣсенъ—«Бондаривною». Эта первая драма сразу выдвинула ея автора яркостью картинъ, новизною образовъ и богатствомъ языка. Этими качествами, характеризующими вообще творчество Карпенка-Караго, особенно отличается его другая историческая драма—«Савва Чалый». Здѣсь выступаетъ на фонѣ ярко обрисованнаго глухого народнаго волненія два образа, два вождя тогдашней волнующейся Украины: ея народный гайдамакъ Гнатъ Голый и культурный умиротворитель Савва, ищущій тѣхъ компромиссовъ, при которыхъ два лютыхъ врага—панство и украинская народная масса—безъ огня и безъ меча могли бы придти къ какому-нибудь соглашенію. Увы—его поведеніе является въ глазахъ истиннаго народнаго ватажка Гната однимъ безчестнымъ компромиссомъ, и драма раз-

рѣшается убійствомъ Саввы рукою его же друга и бывшаго товарища Гната. Драма тонко анализируетъ эти оба историческіе характера; она написана горячимъ музыкальнымъ языкомъ и слушается, и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Тонкость анализа души человѣческой и глубина драматической коллизіи отличаютъ бытовыя драмы Карпенка-Караго отъ всѣхъ современныхъ украинскихъ драматическихъ произведеній. Его коллизіи приводятъ въ дѣйствительно безвыходнымъ положеніямъ и погружаютъ зрителя въ трагическій безпросвѣтный мракъ душевныхъ страданій героевъ. Возьмемъ ли мы «Наймичку«, гдѣ судьба сводитъ богатаго крестьянина-развратника съ одной изъ его же непризнанныхъ дочерей. Эта роковая встрѣча приводитъ его къ самому страшному преступленію и разбиваетъ жизнь и несчастной наивной чистой Харитинки и любящаго ее работника Опанаса. Всѣ три лица здѣсь такъ мастерски противопоставлены, такъ выпукло обрисованы, что зрителю въ концѣ тяжелой исторіи украинскаго Эдипа всѣхъ жалко, и чувствуется, что всѣ эти люди съ ихъ дурными страстями и съ нѣжными, чистыми чувствами—только жертвы какой-то неуловимой и жестокой судьбы, управляющей стихійно людскимъ счастіемъ и несчастіемъ. Тоже и въ прекрасной драмѣ «Безталанна», гдѣ Софія является коронной ролью М. К. Заньковецкой. Тутъ два женскіе характера—одинъ нѣжный, любящій, довѣрчивый—Софія, жена красавца-крестьянина Гната, другой—страстный, гордый, неуступчивый—Варка, отбивающая у Софіи мужа и разбивающая жизнь и Софіи, и Гната, и свою. Такимъ же фатализмомъ дышитъ и драма «Батькова сказка» и «Підпанки», построенныя на старомъ фонѣ крѣпостныхъ нравовъ. Личныя страданія вездѣ переплетаются у украинскаго драматическаго писателя со страданіями всего народа; нужда, невѣжество, угнетеніе давятъ народную массу, не даютъ выдѣлиться изъ нея сильнымъ талантамъ, ломаютъ человѣческую жизнь. Но масса пробуждается, борется за свои права, и талантливый сильный рѣзецъ Карпенка-Караго вырѣзываетъ передъ нами нестираемые образы его героевъ, его борцовъ, его вождей. Село теряетъ свою кажущуюся инертную, однообразную стихійность, и выдвигаетъ наружу свою индивидуальную и общественную жизнь.

Намъ пришлось такъ долго остановиться на произведеніяхъ Карпенка-Караго потому, что они дѣйствительно создали украинскую драматическую литературу, поставили ее на высоту требованій современнаго народнаго театра и больше всѣхъ другихъ произведеній украинской литературы способствовали пробужденію украинскаго національнаго самосознанія.

Въ этомъ отношеніи сыграла также очень большую роль историческая драма Старицкаго—«Богданъ Хмельницкій», особенно въ художественномъ исполненіи труппы Саксаганскаго; въ этой драмѣ проявляется весь талантъ эффектной сценической композиціи, какимъ обладалъ Старицкій, а грандіозное историческое содержаніе драмы, искусно использованное авторомъ, производитъ на зрителя очень сильное впечатлѣніе. Старицкій, какъ писа-

тель, еще недостаточно оцѣненъ современниками украинцами. Его часто обвиняли въ подражательности, въ слишкомъ свободныхъ заимствованіяхъ сюжетовъ; но Украина всегда останется благодарна ему за его труды по правильной постановкѣ дѣла украинскаго театра, на которое онъ пожертвовалъ все свое значительное состояніе, а также и по широкой разработкѣ литературнаго украинскаго языка. Изъ его драмъ лучшею навсегда останется «Богданъ Хмельницкій», и бытовая: «Не такъ склалося якъ жадалося». Написанная на ту же тему, какъ и драма Кропивницкаго «Доки сонце зійде, роса очі виїсть»—она превосходитъ послѣднюю болѣе тонкимъ анализомъ человѣческой души и лучшей сценической отдѣлкой.

Изъ другихъ украинскихъ драматическихъ писателей выдѣляется Мирный своей бытовой драмой «Лимеривна», написанной на сюжетъ одной изъ популярнѣйшихъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ о томъ, какъ мать пьяница пропиваетъ свою красавицу дочь богатому, но ненавистному ея дочери жениху. Это — яркая картина нравовъ, въ которой вдохновенная игра Заньковецкой создала одну изъ первыхъ драмъ въ украинскомъ театрѣ. Здѣсь этой артисткой проявляется тонкое пониманіе женской души, борющейся между двумя чувствами: любовью къ бѣдной своей несчастной матери-пьяницѣ и къ молодому бѣдному ушедшему на заработки паробку. Любовь къ матери и долгъ дочери на время берутъ верхъ, и она выходитъ замужъ за богатаго, противнаго ей, придурковатаго крестьянина. Но природа скоро беретъ верхъ и мучительно заставляетъ страдать молодую женщину, прикованную къ жалкому, презираемому ею человѣку. Возвращеніе любимаго ею раньше паробка приводитъ къ драматической развязкѣ. Во всей драмѣ разлито драматическое настроеніе, оно чувствуется уже съ перваго акта и кроется въ затаенно враждебныхъ отношеніяхъ двухъ слоевъ сельскаго общества—пролетаріевъ и разбогатѣвшихъ, зазнавшихся кулаковъ. Это настроеніе производитъ очень сильное впечатлѣніе на зрителя, но расплывается при чтеніи. Во всякомъ случаѣ «Лимеривна»—одна изъ наиболѣе яркихъ бытовыхъ украинскихъ драмъ, но для своей постановки требуетъ большого ансамбля даровитыхъ артистовъ.

Кромѣ этихъ художественныхъ драмъ и комедій на украинской сценѣ много, такъ сказать, и второстепенныхъ пьесъ, обязанныхъ своихъ успѣхомъ не драматическому искусству ихъ авторовъ, а исключительно обаятельно художественной игрѣ М. К. Заньковецкой. Такова, напримѣръ, «Цыганка Аза»—мелодрама Старицкаго. Это—эффектная, безсодержательная пьеса, но въ роли Азы живетъ, любитъ и ненавидитъ, танцуетъ, кокетничаетъ и умираетъ великая артистка, и публика обѣихъ столицъ спѣшитъ на эту пьесу, боится пропустить малѣйшее движеніе властительницы украинской сцены.

Такова же и недавно поставленная на сценѣ пьеса г-жи Яновской—«Лісова Квітка». Ей не было хода ни въ одной труппѣ: слишкомъ бросалось въ глаза отсутствіе истиннаго драматическаго творчества у автора, столь талантливаго въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ. Но вотъ года два

тому назадъ въ Петербургѣ Заньковецкая захотѣла выступить въ роли новой ingénue «Лісовой Квіткѣ» и создала нѣчто жизненное и непосредственное, чарующее своей абсолютной наивностью. Пьеса г-жи Яновской стала пользоваться громкимъ, хотя и рефлекторнымъ, такъ сказать, успѣхомъ. Были и другія пьесы, пользовавшіяся временнымъ успѣхомъ, напримѣръ, «Борці замріі», «Жидівка Выхрестка» и др. Но въ драматическомъ отношеніи онѣ написаны слабо. Наоборотъ, есть пьесы, по содержанію отвѣчающія на серьезные вопросы переживаемой эпохи, напр., «На рiзнихъ мовахъ»—Д. Маркевича, которыя существующими труппами рѣдко ставятся. Въ послѣднее время выступило два новыхъ драматическихъ украинскихъ писателя: Гринченко, давшій уже цѣлый сборникъ своихъ драмъ, и Хоткевичъ, помѣстившій въ *Литер. Науков. Вістн.* (Львовъ) 1906 г. новую драму, полную жизни, изображающую современное общественно-революціонное движеніе, охватившее всю Россію и всѣ классы ея населенія. Въ этой драмѣ еще слабо очерчены типы, но картины нарисованы горячо и вся драма оставляетъ цѣльное впечатлѣніе. Драма эта еще нигдѣ не ставилась, и потому не можетъ быть оцѣнена со стороны ея сценичности. Драмы Гринченка нѣсколько разъ ставились разными труппами, но съ перемѣнчивымъ успѣхомъ. Въ нихъ мало живыхъ людей, нѣтъ естественныхъ жизненныхъ коллизій; всѣ онѣ слишкомъ искусственны и написаны холодно, не языкомъ страсти, а размѣренной рѣчью человѣка, только наблюдающаго жизнь, его окружающую.

Не малое значеніе для успѣха украинскаго театра имѣла чарующая украинская музыка. И теперь, а тѣмъ болѣе раньше, многіе ходили въ украинскій театръ—лишь бы насладиться украинскими пѣснями, украинской музыкой. Раньше въ каждую драму, въ каждую комедію вставлялись совершенно естественно хоровыя и соловыя пѣсни: украинскій народъ живетъ сильными чувствами и выразителемъ силы его чувства и является народная богатая музыка. Украинецъ думаетъ, переживаетъ горе, радуется,—все пѣснью. Въ той Украинѣ, которую не развратила еще казарма и фабрика, у которой чуждая ей школа не затуманила ея природнаго поэтическаго художественнаго настроенія, пѣсня играетъ громадную роль въ жизни. Этого не понимаютъ многіе критики и считаютъ вставку пѣсенъ въ обиходныя картины сельской жизни капризомъ писателей, незнающихъ чѣмъ наполнить ту или иную сцену. Между тѣмъ, это пѣніе органически связано съ бытомъ украинскаго села. Въ репертуарѣ украинскаго театра есть пьесы, въ которыхъ цѣлыя сцены полны этнографическаго содержанія и чаруютъ зрителей своими музыкальными ансамблями. Такъ, напр., въ драмѣ Старицкаго «Ой не ходи Грицю тай на вечорниці» и его же пьесѣ «Ніч на Ивана Купала» великолѣпны сцены, гдѣ сельская молодежь «водитъ короля», гуляя въ лѣсу. Прекрасна также вся украинская свадьба, изображенная въ драмѣ Кропивницкаго: «Дві Семьи». Діалектическія пѣсни въ «Лимеривнѣ» (въ предпослѣднемъ дѣйствіи) усиливаютъ трагическое впечатлѣніе, не внося ничего искусственнаго въ ходъ самаго дѣйствія. В

кромѣ тѣхъ драмъ и комедій, которыя богато украшены украинской музыкой, на украинской сценѣ даются и настоящія оперы; начиная съ простенькихъ музыкальныхъ картинъ Нищинскаго «Вечорниці» и «Наталки Полтавки», такъ любимыхъ на всѣхъ украинскихъ театрахъ, и кончая сложными музыкальными произведеніями Лисенка—«Різдвяна Ніч» и «Утоплена». Дается также опера «Катерина» (по Шевченко) музыка Аркаса. Очень жаль, что затруднительныя условія, въ какихъ украинское слово оставалось до сихъ поръ, не дали возможности г. Лысенку поставить его большую оперу «Тарасъ Бульба», интересные №№ которой исполнялись въ концертахъ.

Такимъ образомъ усиліями маленькой группы людей, высокоодаренныхъ выдающимися талантами и безграничной преданностью своему родному слову (а слово—это душа и мысль народа), за 25 лѣтъ создался украинскій театръ съ разнообразнымъ репертуаромъ, съ прекрасной обстановкой и выработанной традиціей реальнаго художественнаго исполненія ролей. Теперь, по инициіативѣ Н. В. Лысенка, въ Кіевѣ открыта первая украинская музыкально-драматическая школа, гдѣ съ этого года читаются лекціи объ украинскомъ драматическомъ искусствѣ и по украинской литературѣ. Нечего и говорить, какое громадное значеніе эти курсы имѣютъ для дальнѣйшаго развитія украинскаго драматическаго искусства.

Въ годовщину 25-лѣтія украинскаго новаго театра нельзя не пожелать, чтобы на Украинѣ, также какъ и въ Чехіи въ эпоху ея національнаго обновленія, открылась всенародная подписка на постройку народнаго украинскаго театра. Но увы! Въ настоящее время Украина вмѣстѣ со всей Россіей переживаетъ такую тяжелую годину, что не до театра ея страдающему измученному населенію. Но когда борьба закончится и свѣтлая свобода смѣнитъ современные черные дни, тогда украинскій народъ сумѣетъ достойно почтить то великое дѣло, которое вынесли на своихъ плечахъ немногочисленные достойные дѣятели его національнаго возрожденія. И между ними одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ великая украинская артистка М. К. Заньковецкая и ея первые товарищи-артисты.

С. Русова.

Неприкосновенность народныхъ представителей въ Германіи.

Вопросъ о неприкосновенности депутатовъ является въ настоящее время жгучимъ для нашего юнаго парламентаризма. Русская бюрократія, какъ показалъ фактъ съ депутатомъ перваго призыва Ульяновымъ, намѣревается поступать съ нашими народными представителями самымъ безцеремоннымъ образомъ. Если бюрократія не въ состояніи уничтожить свободу слова въ самой Думѣ, то она намѣрена освободиться отъ оппозиціонныхъ депутатовъ путемъ привлеченія послѣднихъ къ суду за ихъ внѣ-парламентскую дѣятельность.

Неприкосновенность депутатовъ (такъ называемые «иммунитеты»), какъ въ самомъ парламентѣ, такъ и внѣ стѣнъ парламента—наиболѣе выстраданная потребность всего европейскаго парламентаризма. Во всѣхъ странахъ этотъ вопросъ служилъ долгое время яблокомъ раздора между народнымъ представительствомъ, съ одной стороны, и монархіей—съ другой. Исторія почти всѣхъ представительныхъ учрежденій показываетъ, что въ начальный періодъ парламентаризма, когда старый режимъ доживалъ свои послѣдніе дни, онъ, этотъ старый режимъ, долго сопротивлялся требованію парламента обезпечить депутату полную свободу дѣйствій въ его парламентской и внѣ-парламентской дѣятельности. Въ Англіи пэры послѣ долгой борьбы съ монархіей добились неприкосновенности. Долгое время англійская монархія всѣми средствами боролась съ оппозиціонными депутатами и противилась требованію установить депутатскую неприкосновенность. Достаточно только сказать, что въ 1399 г., въ царствованіе Ричарда II, одинъ изъ пэровъ былъ присужденъ къ смерти за произнесенную въ парламентѣ рѣчь, направленную противъ расточительства въ королевскомъ дворцовомъ хозяйствѣ.

Только въ 1689 г., при изданіи знаменитаго «bill of rights», была установлена статья, гарантировавшая неприкосновенность депутатовъ. Статья эта (9-я) гласитъ: «Свобода рѣчи, дебатовъ или засѣданій въ парламентѣ не должна служить предметомъ обвиненія или вопроса со стороны какой-либо власти, за исключеніемъ парламента».

На континентѣ иммунитетъ впервые появляется во Франціи, гдѣ право неприкосновенности депутатовъ было завоевано во время великой французской революціи. Впервые неприкосновенность депутатовъ въ парламентѣ и внѣ парламента была провозглашена въ Національномъ Собраніи. Припомнимъ, что въ то время для французскихъ народныхъ представителей было особенно важно оградить личность депутатовъ внѣ парламента, такъ какъ знаменитыя lettres de cachet предоставляли администраціи полнѣйшій произволъ. Со временъ великой революціи всякое уголовное преслѣдованіе депутатовъ находится въ зависимости отъ согласія камеры, исключая только случаевъ задержанія при самомъ совершеніи преступленія.

Перекинувшаяся изъ Франціи въ сосѣднія страны революціонная волна принесла съ собою вмѣстѣ съ идеей представительнаго учрежденія и идею неприкосновенности депутатовъ. При введеніи во всѣхъ народныхъ представительствахъ парламентскихъ привилегій руководились прежде всего тѣмъ, чтобы защитить народныхъ представителей отъ злоупотребленій со стороны правительства. Парламенты исходили изъ того взгляда, что правительство можетъ привлечь оппозиціонныхъ депутатовъ къ суду за ихъ критику дѣйствій правительства, а судъ, подъ давленіемъ правящихъ сферъ, можетъ и осудить депутата. Отсюда естественно возникло требованіе полной свободы слова депутатовъ и неприкосновенности послѣднихъ. Но сдѣлавъ этотъ шагъ, представительныя учрежденія логически должны были сдѣлать второй шагъ и прокламировать неприкосновенность депутатовъ и за ихъ внѣ-парламентскую дѣятельность; вѣдь очень легко могло случиться, что правительство привлекаетъ къ суду кого-либо изъ непріятныхъ ему депутатовъ за какое-либо дѣйствіе, совершонное внѣ парламента, арестовываетъ его и такимъ образомъ избавляется отъ нежелательнаго депутата. Въ виду этого явилось необходимымъ въ интересахъ сохраненія въ чистотѣ принципа парламентаризма бороться и за то, чтобы всякій арестъ депутата могъ производиться лишь съ согласія парламента.

I.

Лишь въ началѣ XIX вѣка, когда идеи французской революціи проникли и въ Германію, мы встрѣчаемъ въ конституціяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ княжествъ пункты о парламентскомъ иммунитетѣ. Впервые мы встрѣчаемъ этотъ пунктъ въ Саксоніи-Веймаръ-Эйзенахѣ, гдѣ конституція была установлена 5 мая 1816 г.

Въ Баваріи неприкосновенность депутатовъ выражена въ 27 статьѣ конституціи отъ 26 мая 1818 г. Въ Пруссіи принципъ иммунитета установленъ въ конституціи отъ 1850 г. Такъ, статья 84 прусской конституціи гласитъ: «члены обѣихъ палатъ никогда не отвѣтственны за свое голосованіе въ палатѣ, за высказанныя же въ ней мнѣнія они несутъ отвѣтственность только передъ палатой на основаніи собственнаго регламента». До 1870 года не существовало одного, обязательнаго для всѣхъ

ландтаговъ Германіи принципа иммунитета. Въ большинствѣ конст германскихъ союзныхъ государствъ установленъ принципъ неподсуд депутатовъ; но имѣются конституціи, устанавливающія, что сами ла должны рѣшить вопросъ о подсудности депутата; наконецъ, имѣются ституціи (въ двухъ союзныхъ государствахъ), совершенно не устан вающія принципа иммунитета. Въ имперской же конституціи прин иммунитета выраженъ въ статьѣ 30, которая гласитъ: «Ни одинъ ч рейхстага ни въ какое время не долженъ подвергаться судебному дисциплинарному преслѣдованію и внѣ рейхстага привлекаться къ от ственности за способъ его голосованія или за выраженія, сдѣланныя при выполненіи депутатскихъ функцій». Различіе между парламент привилегіями въ отдѣльныхъ ландтагахъ и въ рейхстагѣ давало себя столько чувствовать, что уже въ 1868 году, во время функціонир сѣверо-германскаго рейхстага, Ласкеръ, извѣстный прогрессистскій тическій дѣятель, внесъ въ рейхстагъ слѣдующій законопроектъ: «Ни о членъ какого-либо ландтага или камеры какого-нибудь изъ союзныхъ сударствъ ни въ какое время не долженъ подвергаться судебному дисциплинарному преслѣдованію, или внѣ ландтага привлекаться къ от ственности за свое голосованіе, или за выраженія, сдѣланныя имъ исполненіи своего депутатскаго призванія». Консервативныя партіи и тія католическаго центра выступили противъ этого проекта, разсматр его какъ нарушеніе федеративнаго принципа и вмѣшательство въ обл касающуюся только ландтаговъ. Но во имя «идеи объединенія» высту бывшій тогда еще либераломъ будущій прусскій министръ финансовъ (в 1848 году революціонеръ и другъ Карла Маркса) Микель. Онъ указыв что задача рейхстага работать надъ расширеніемъ своихъ компетенцій, тенденціи, направленныя къ тому, чтобы сузить компетенціи рейхста являются тенденціями враждебными по отношенію ко всему «союзу». « убѣждены,—доказывалъ Микель—что если представителей народа въ отдѣ ныхъ государствахъ ставятъ въ независимое положеніе отъ давленія стороны партикулярныхъ тенденцій правительствъ, этимъ самымъ своб народныхъ силъ растетъ». Проектъ Ласкера былъ принятъ въ рейхста 119 голосами противъ 65. Но союзный совѣтъ отклонилъ проектъ. 1869 г. проектъ Ласкера вновь обсуждался въ сѣверо-германскомъ рей стагѣ. На сей разъ противъ него энергично выступилъ самъ Бисмар который хотя тогда и былъ защитникомъ всеобщаго избирательнаго пр все же не сдѣлалъ шага, логически вытекающаго изъ самаго факта с ществованія представительныхъ учрежденій. Рейхстагъ и въ 1869 г. сказался за проектъ Ласкера. Союзный же совѣтъ опять-таки отклон проектъ. Наконецъ, въ 1870 году, когда былъ созданъ единый импер уголовный кодексъ, въ него ввели § 11, который устанавливаетъ и нитетъ для всѣхъ нѣмецкихъ ландтаговъ. Этотъ параграфъ гласитъ: « какой членъ ландтага, или камеры какого-либо изъ входящихъ въ и скій союзъ государствъ, не долженъ внѣ камеры привлекаться къ от

ственности за свое голосованіе или за выраженія, сдѣланныя имъ при выполненіи депутатскихъ полномочій». Этотъ § 11 дѣйствителенъ для представительныхъ учрежденій германскихъ союзныхъ государствъ, а также для Эльзасъ-Лотарингіи и трехъ вольныхъ городовъ.

Въ исторіи германскаго парламентаризма имѣется нѣсколько случаевъ столкновенія народныхъ представителей съ правительствомъ на почвѣ принципа иммунитета. Однимъ изъ этихъ случаевъ является извѣстный «Fall Twesten»—случай, относящійся ко времени прусскаго конфликта въ 1865 г. Въ этомъ году былъ привлеченъ къ отвѣтственности извѣстный прогрессистскій дѣятель Твестенъ за произнесенную имъ въ прусскомъ ландтагѣ рѣчь, въ которой онъ яко бы оклеветалъ и оскорбилъ прусскую юстицію. Въ первой судебной инстанціи Твестенъ былъ присужденъ къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія, а во-второй—къ денежному штрафу въ размѣрѣ 300 талеровъ. Въ объясненіе такого приговора верховный судебный трибуналъ доказывалъ, что статья 84 прусской конституціи не исключаетъ случаевъ ареста членовъ обѣихъ палатъ за высказанныя ими клеветы. Трибуналъ комментировалъ, что подъ словомъ «мнѣнія» нужно понимать лишь результаты мыслительныхъ способностей, въ противоположность утвержденіямъ, основаннымъ на фактахъ. По мнѣнію высшихъ судебныхъ инстанцій, отсутствіе въ 84 статьѣ слова «выраженія» ограничиваетъ полную свободу слова депутатовъ и такимъ образомъ даетъ право суду преслѣдовать тѣхъ депутатовъ, рѣчи которыхъ выходятъ за предѣлы «мнѣній» и носятъ оскорбительный или клеветническій характеръ. Съ такимъ казуистическимъ толкованіемъ судебныхъ инстанцій не согласился прусскій ландтагъ. Въ 1867—68 гг. Ласкеромъ былъ внесенъ проектъ, согласно которому въ статью 84 вносится и слово «выраженія». Ландтагъ принялъ проектъ Ласкера, но «палата господъ» (верхняя камера) отклонила его; та же исторія повторилась и въ 1869 г. Принятый въ 1870 году § 11 имперскаго уголовнаго кодекса сдѣлалъ излишнимъ препирательства по этому поводу въ прусскомъ ландтагѣ.

Но и въ послѣдующіе періоды германская парламентская жизнь богата примѣрами, когда или правительство, или господствующее большинство рейхстага пытались свести на нѣтъ всю сущность принципа неприкосновенности народныхъ представителей—мы имѣемъ въ виду попытки ограничить свободу слова депутатовъ. Въ 1879 г., когда эра преслѣдованія германскихъ соціалъ-демократовъ была въ полномъ разгарѣ, Бисмаркъ, этотъ творецъ «закона противъ соціалистовъ», внесъ въ 1879 г. въ рейхстагъ законопроектъ касательно «уголовной власти рейхстага надъ своими членами». Этотъ законопроектъ имѣлъ единственной цѣлью отнять у соціалистовъ возможность пропагандировать свои идеи путемъ единственно остававшагося у нихъ средства парламентской трибуны (соціалъ-демократовъ въ рейхстагѣ было тогда 9). Согласно проекту Бисмарка, коммиссія, состоящая изъ президіума и десяти членовъ рейхстага, имѣла полномочія опредѣлять рядъ наказаній для провинившихся депутатовъ: выговоръ въ

присутствіи всего рейхстага, вынужденіе принять свои слова обратно, исключеніе на нѣкоторое время и даже до конца легислатурнаго періода изъ числа членовъ рейхстага. Но этотъ проектъ вызвалъ къ себѣ отрицательное отношеніе даже со стороны націоналъ-либеральной партіи, партіи, господствовавшей тогда въ рейхстагѣ и при ближайшемъ содѣйствіи которой «законъ о соціалистахъ» вступилъ въ жизнь. Однѣ лишь консервативныя партіи поддержали проектъ, который такимъ образомъ большинствомъ рейхстага былъ отвергнутъ.

Слѣдующій прецедентъ, вызвавшій много толковъ, извѣстенъ въ исторіи нѣмецкаго парламентаризма подъ именемъ «случая Либкнехта»; этотъ случай относится къ 1897 г. Въ германскомъ рейхстагѣ существуетъ обычай въ началѣ и въ концѣ каждой сессіи выражать свои вѣрноподданическія чувства императору; это дѣлается такимъ образомъ, что депутаты по приглашенію президента рейхстага встаютъ съ своихъ мѣстъ и кричатъ «hoch (да здравствуетъ!). Соціалъ-демократы обыкновенно въ такихъ случаяхъ оставляютъ залъ засѣданій, не желая участвовать въ этой монархической манифестаціи. Когда при открытіи сессіи въ 1894—95 г. президентъ рейхстага провозгласилъ «hoch» императору, Вильгельмъ Либкнехтъ не послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей, покинувшихъ залъ, но остался въ залѣ засѣданій и продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ. Это поведеніе Либкнехта глубоко задѣло монархическія чувства депутатовъ, которые увидѣли въ поступкѣ Либкнехта демонстрацію противъ императора. Тогдашній президентъ рейхстага, извѣстный консервативный политическій дѣятель фонъ-Леветцовъ тогда же, во время «прецедента» обратился къ Либкнехту съ слѣдующими словами: «Я сожалѣю, что не располагаю средствами наказать или предупредить такое поведеніе». Германское правительство желало наказать Либкнехта и прокуратура вошла въ рейхстагъ съ предложеніемъ о возбужденіи немедленнаго преслѣдованія и привлеченія къ суду Либкнехта. Но рейхстагъ большинствомъ голосовъ отклонилъ предложеніе прокуратуры. Большинство рейхстага (лишь консерваторы и антисемиты голосовали за предложеніе прокуратуры) стало на точку зрѣнія, что поступокъ Либкнехта былъ сдѣланъ «при исполненіи депутатскихъ функцій»,—а это, согласно 30 ст. имперской конституціи, составляетъ прерогативы депутата.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о свободѣ слова депутатовъ находится вопросъ объ обязательствѣ давать свидѣтельскія показанія. Этотъ вопросъ является въ настоящее время весьма жгучимъ въ нѣмецкой парламентской жизни въ виду нѣкоторыхъ фактовъ самаго послѣдняго времени, фактовъ, подрывающихъ въ корнѣ весь принципъ свободы слова депутатовъ и этимъ самымъ весь принципъ иммунитета народныхъ представителей. Согласно германскимъ законамъ, свидѣтель, отказывающійся отъ дачи показаній по дѣлу, ему хорошо извѣстному, подвергается извѣстнаго рода наказаніямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ приглашенъ къ берлинскому слѣдователю депутатъ рейхстага Эрцбергеръ, котораго ре-

сили давать рядъ свидѣтельскихъ показаній по дѣлу, которое имъ, Эрцбергеромъ, было освѣщено въ рейхстагѣ въ рядѣ рѣчей (рѣчи Эрцбергера обличали порядки въ германскомъ колоніальномъ вѣдомствѣ и содержали въ себѣ массу новыхъ, неизвѣстныхъ широкой публикѣ и весьма некрасивыхъ фактовъ изъ области управленія нѣмецкими колоніями). Этотъ прецедентъ—вызовъ Эрцбергера въ качествѣ свидѣтеля—вызвалъ сильное возбужденіе и много толковъ въ нѣмецкой политической и юридической прессѣ. Большинство германскихъ юристовъ исходитъ изъ того положенія, что, примѣняя принудильность свидѣтельскихъ показаній и къ народнымъ представителямъ, этимъ самымъ наносится ударъ всей парламентской свободѣ слова. Принудительность свидѣтельскихъ показаній уничтожаетъ одно изъ важнѣйшихъ правъ депутата вынести на свѣтъ Божій многія темныя стороны жизни, не опасаясь преслѣдованій и принужденія раскрыть тѣ источники, откуда депутатъ черпалъ свои факты. Многіе довѣряютъ именно депутату подъ условіемъ сохраненія тайны, и если бы депутатъ вынужденъ былъ давать свидѣтельскія показанія и раскрыть тѣ источники, откуда онъ черпалъ свои сообщенія—многія явленія общественной жизни не увидѣли бы свѣта. И если бы депутаты наказывались за отказъ давать показанія, то это явилось бы нарушеніемъ всей сущности иммунитета. Германскіе юристы требуютъ, чтобы въ уголовное право былъ включенъ пунктъ, который долженъ ясно указать, что депутаты освобождены отъ принудительной дачи показаній. Интересно отмѣтить, что вопросъ объ обязательствѣ давать показанія и депутатамъ уже разъ обсуждался въ германскомъ рейхстагѣ. Въ 1886 г. одинъ депутатъ былъ привлеченъ въ качествѣ свидѣтеля въ виду брошенныхъ имъ обвиненій по отношенію къ двумъ берлинскимъ торговымъ фирмамъ. Депутатъ отказался на судѣ давать какія-либо показанія. Рейхстагу пришлось заняться этимъ вопросомъ. Тогдашній вождь центра, Виндгорстъ, внесъ во время дебатовъ слѣдующій антрагъ: рейхстагъ долженъ сдѣлать заявленіе того рода, что нельзя заставить депутатовъ давать показанія относительно фактовъ, которые были сообщены ему, какъ народному представителю, и которыхъ онъ въ рейхстагѣ касался». При обсужденіи этого антрага Виндгорстъ мотивировалъ необходимость принятія его предложенія слѣдующимъ образомъ. Источники,—говорилъ онъ,—откуда депутаты черпаютъ свои матеріалы для того, чтобы какія-нибудь темныя явленія жизни стали извѣстны народу—закроются или депутатъ самъ потеряетъ возможность имъ пользоваться, какъ только дача показаній сдѣлается принудительной, ибо въ этомъ случаѣ условіе, поставленное депутату со стороны доставившихъ матеріалы лицъ, сохранить тайну—будетъ нарушено. По волнующему въ настоящее время всѣхъ вопросу о принудительности свидѣтельскихъ показаній и для депутатовъ высказался недавно въ одномъ юридическомъ журналѣ депутатъ рейхстага Миллеръ. Онъ писалъ: «Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о правѣ депутатовъ подвергать критикѣ темныя

стороны жизни. Подавляющее большинство народа видитъ въ св… слова наиважнѣйшее право народнаго представительства».

Свобода слова въ германскомъ рейхстагѣ ограничена при обсу… дѣйствій и вообще особы императора. Въ германскомъ рейхстагѣ с… ствуетъ обычай, согласно которому депутаты рейхстага стараются не… гивать въ дебаты особу императора, ибо «личность императора свя… и неприкосновенна». Этотъ обычай на нашъ взглядъ не вполнѣ соот… ствуетъ истиннымъ задачамъ политической и парламентской жизни, и… ющей своей цѣлью освѣщать *всѣ* явленія жизни. Упомянутый об… особенно чувствителенъ въ Германіи, гдѣ императоръ откликается на… явленія общественной жизни и въ своихъ частыхъ рѣчахъ высказыва… свои мнѣнія (и часто въ довольно рѣзкой формѣ) о различныхъ поли… ческихъ партіяхъ, общественныхъ группахъ и пр. Реагировать на рѣ… императора считаютъ иногда своей политической обязанностью тѣ парт… на которыя императоръ нападаетъ. Въ виду этого установилось въ рей… стагѣ то правило, что касаться рѣчей императора можно лишь въ то… случаѣ, если эти рѣчи аутентичны, т.-е. опубликованы въ офиціальн… «имперскомъ указателѣ». Это правило было фиксировано заявленіями пре… зидента рейхстага 21 января 1899 г., 21 іюня и 12 декабря того ж… года. Но были случаи, когда президентъ рейхстага не дозволялъ депу… тамъ касаться опубликованныхъ въ «имперскомъ указателѣ» рѣчей импе… ратора. Одинъ изъ надѣлавшихъ шуму случаевъ произошелъ достопам… ной зимой 1902—03 г., во время извѣстной борьбы за таможенный та… рифъ. Политическія страсти тогда были очень разгорячены. Императ… Вильгельмъ далъ волю своему темпераменту и въ рѣчахъ, произнесенны… въ Эссенѣ и Бреславлѣ, обрушился на соціалъ-демократовъ, назвавъ их… «недостойными носить имя нѣмца». Когда Фольмаръ отъ имени соціал… демократической фракціи хотѣлъ 20 января 1903 г. касаться рѣчей импе… ратора, президентъ рейхстага, гр. Баллестремъ, запретилъ ему это. Этот… поступокъ Баллестрема вызвалъ возмущеніе всѣхъ лѣвыхъ партій рей… стага и подавляющаго большинства нѣмецкаго народа.

II.

На-ряду съ привилегіей парламентской дѣятельности депутата нѣко… законодательства расширили иммунитетъ въ томъ смыслѣ, что за внѣ-пар… ламентскую дѣятельность депутата судебное преслѣдованіе послѣдняго м… жетъ начаться только съ разрѣшенія самого рейхстага. И эта час… иммунитета обязана своимъ происхожденіемъ политическимъ мот… Творцы этого закона исходили изъ того, что правительство пр… ланіи избавиться отъ нежелательныхъ депутатовъ можетъ арес… ихъ за внѣ-парламентскую дѣятельность. Для того, чтобы устранить… возможность, всѣ западно-европейскія законодательства признают… депутатъ можетъ быть преданъ суду не иначе, какъ съ разрѣше…

латы. Только наша россійская «конституція» и въ этомъ вопросѣ отличается отъ европейскихъ конституцій. По закону 20 февраля 1906 года членъ думы, преданный суду по обвиненію въ преступленіи, за которое въ законѣ положено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 20). Въ Германіи неприкосновенность депутата внѣ парламента обставлена слѣдующимъ образомъ. Ст. 31 имперской конституціи устанавливаетъ: «Безъ разрѣшенія рейхстага никакой членъ его во время сессіи не можетъ быть привлеченъ къ дознанію или арестованъ, исключая случаевъ задержанія при самомъ совершеніи преступленія или въ теченіе послѣдующаго за этимъ дня». Пунктъ третій этой статьи гласитъ: «По требованію рейхстага подлежитъ прекращенію на время сессіи каждое судебное производство противъ его члена, а также и каждое предварительное заключеніе и гражданская отвѣтственность». Вопросъ о томъ, распространяется ли этотъ пунктъ и на приведеніе въ исполненіе уголовнаго наказанія, являлся и является по сю пору спорнымъ въ германскихъ парламентскихъ кругахъ. Исторія нѣмецкаго парламентаризма богата фактами, когда большинство рейхстага въ этомъ вопросѣ высказывалось не въ пользу парламентскихъ прерогативъ. Такое толкованіе 31 ст. было особенно чувствительно для соціалъ-демократической партіи, которая, по выраженію соціалъ-демократическаго депутата Фальтейха въ 1874 г. «никогда не страдаетъ недостаткомъ въ людяхъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ».

Впервые былъ внесенъ въ рейхстагъ въ мартѣ 1873 г. антрагъ депутатовъ Шрапса и Зоннеманна, гласившій: «рейхстагъ рѣшаетъ: требовать освобожденія изъ заключенія депутата Бебеля на время періода засѣданій». Бебель, какъ извѣстно, былъ присужденъ тогда къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія по знаменитому дѣлу «о подготовленіи къ государственной измѣнѣ». Но большинство рейхстага отвергло это предложеніе, мотивируя тѣмъ, что къ случаямъ заключенія ст. 31 не примѣняется. Въ 1874 г. пришлось требовать освобожденія Либкнехта, но и это требованіе не было поддержано рейхстагомъ. Съ наступленіемъ въ 1875 г. эры усиленныхъ репрессій по отношенію къ соціалъ-демократіи требованіе объ освобожденіи заключенныхъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ раздавалось часто какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ соціалъ-демократической прессѣ. Въ 1875 г. антрагъ прогрессиста Банкса измѣнить ст. 31 имперской конституціи въ томъ смыслѣ, что по требованію рейхстага подлежитъ прекращеніе и приведеніе въ исполненіе уголовнаго наказанія, былъ отвергнутъ большинствомъ рейхстага. И характерно, что съ теченіемъ времени уменьшилось число депутатовъ, защищавшихъ полную неприкосновенность депутатовъ и отстаивавшихъ ту точку зрѣнія, что иммунитетъ долженъ распространиться и на приведеніе въ исполненіе уголовнаго наказанія. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда господствовалъ такъ назыв. «культуркампфъ» и католическая партія центра преслѣдовалась— эта партія шла рука объ руку съ соціалъ-демократіей, когда дѣло шло о

требованіи полнаго и окончательнаго иммунитета. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ центръ былъ еще оппозиціонной партіей, которая, подобно соціалъ-демократической партіи, была заинтересована въ расширеніи 31 ст. имперской конституціи. Но въ началѣ 90-хъ годовъ центръ постепенно становится партіей правительственной; ея оппозиціонный духъ исчезаетъ и она вмѣстѣ съ консервативными партіями и націоналъ-либералами становится защитницей всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій. Въ виду этого, начиная съ 90-хъ годовъ единственной защитницей полнаго и послѣдовательнаго иммунитета народныхъ представителей является соціалъ-демократическая партія. Почти въ каждой сессіи рейхстага вносится соціалъ-демократическими депутатами предложеніе о распространеніи силы 31 ст. и на приведеніе въ исполненіе уголовнаго наказанія—но эти предложенія постоянно отвергаются почти всѣми бюргерскими партіями.

К. Надеѣвъ.

Два генія.

Одно сопоставленіе именъ Александра Пушкина и Адама Мицкевича вызываетъ цѣлый рядъ мыслей. По странной случайности два послѣднихъ года XVIII столѣтія породили двухъ величайшихъ поэтовъ сосѣднихъ славянскихъ національностей. Равные по силѣ и блеску своего великаго таланта, они оба должны были испытать на себѣ весь гнетъ «жестокаго» вѣка и сойти со сцены, далеко не докончивъ того, что могли бы совершить, оба въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Пушкинъ умеръ 38 лѣтъ, Мицкевичъ—56 лѣтъ. Пушкинъ задохнулся въ расшитомъ золотомъ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, Мицкевичъ долгіе годы долженъ былъ влачить свою жизнь на чужбинѣ и зачахъ вдали отъ своей родной Литвы, шумящей волнами «пшеницы золотой, да жита серебристаго». Мало того, судьба столкнула двухъ колоссовъ Россіи и Польши и связала ихъ узами дружбы. Правда, дружба эта была впослѣдствіи омрачена столкновеніемъ, происходящимъ изъ чисто политическихъ причинъ, но во вражду она не перешла.

Отношенія Пушкина къ Мицкевичу не мало занимали какъ русскихъ, такъ и польскихъ историковъ литературы и продолжаютъ занимать и до сихъ поръ. Извѣстный польскій писатель, проф. Юзефъ Третякъ недавно выпустилъ большую книгу, отчасти посвященную этому мало изслѣдованному вопросу и имѣющую главнымъ своимъ предметомъ Мицкевича и Пушкина (*Józef Tretiak:* «Mickiewicz i Puszkin. Studya i szkice». Warszawa, 1906, 334 str. in 8°).

Книга эта составлена изъ цѣлаго ряда статей, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ Россіи по милости цензуры. Намъ, русскимъ, въ особенности важно ознакомиться съ тѣмъ, какъ польскій писатель относится къ Пушкину, и не проскользнутъ ли здѣсь отзвуки той проклятой распри, которая такъ недавно разъединяла два братскихъ народа? Къ счастію, этого нѣтъ. Прекрасная книга проф. Третяка написана совершенно безпристрастно, съ великимъ сочувствіемъ къ нашему барду и его судьбѣ.

Посмотримъ, какъ онъ описываетъ возникновеніе печальнаго обстоятельства, разлучившаго нашихъ великихъ поэтовъ.

Встрѣтившись и сойдясь ближе, оба поэта въ достойной мѣрѣ оцѣнили

другъ друга, а такъ какъ зависть великимъ душамъ не свойственна, то они должны были почувствовать другъ къ другу симпатію, и эта симпатія должна была быть глубока, коль скоро ее не порвали политическія событія, которыя вызвали въ сердцѣ Мицкевича такой взрывъ чувствъ и такъ расширили пропасть историческихъ традицій, отдѣляющихъ его отъ русскаго поэта.

Гдѣ искать источникъ такой симпатіи? Несомнѣнно въ личномъ общеніи, которое дозволяло имъ глубже проникать въ сердце другъ къ другу. Въ глазахъ другъ у друга они читали искренность и чистоту своихъ вдохновеній и стремленіе душъ, окрыленныхъ поэзіей къ взлету надъ торжищемъ низменныхъ дѣлъ. Тѣ минуты, проведенныя вмѣстѣ, бесѣды, въ которыхъ они, какъ мы знаемъ отъ Мицкевича, затрогивали высокіе религіозные и общественные вопросы, во время которыхъ, какъ говоритъ Пушкинъ, Мицкевичъ «нерѣдко говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», оставили неизгладимые слѣды въ ихъ памяти. И вотъ, хотя ихъ пути впослѣдствіи разошлись, хотя Пушкинъ не всегда умѣлъ удерживаться на тѣхъ высотахъ, гдѣ встрѣчались души двухъ поэтовъ,—даже и тогда они вспоминали другъ о другѣ съ симпатіей. Пушкинъ даже въ приведенномъ стихотвореніи, въ которомъ онъ упрекалъ Мицкевича въ ненависти къ Россіи, называлъ его вдохновеннымъ свыше (онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь). Мицкевичъ же, въ некрологѣ о Пушкинѣ, не скрывая его недостатковъ, выставлялъ на видъ доброту и благородство его натуры. «Я близко зналъ русскаго поэта, долгое время сталкивался съ нимъ и считалъ его человѣкомъ хотя легкомысленнымъ и порою слишкомъ впечатлительнымъ, но всегда искреннимъ, благороднымъ и нескрытнымъ. Всѣ его недостатки, казалось, зависѣли отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ жилъ,—что было въ немъ хорошаго, происходило изъ глубины его собственнаго сердца».

...Что можно прибавить къ такой глубокой характеристикѣ?

Но время шло и неумолимо предъявляло требованіе къ нашему поэту. Семья, широкая жизнь—все требовало новыхъ средствъ къ существованію, а ихъ не представлялось. Возникла было мысль о газетѣ, но осуществиться она не могла; нужно было примириться съ Дворомъ, отъ котораго Пушкинъ бѣжалъ когда-то.

Плодомъ примиренія между правительствомъ и поэтомъ, выраженіемъ тогдашняго настроенія Пушкина явились два его стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», изданныя вмѣстѣ съ стихотвореніемъ Жуковскаго аналогическаго содержанія подъ общимъ названіемъ «На взятіе Варшавы». Но, во всякомъ случаѣ, первое стихотвореніе Пушкина не соотвѣтствуетъ общему титулу книжки (стихотвореніе помѣчено 2 августа, а Варшава была взята 26 того же мѣсяца).

«Клеветники Россіи», какъ писалъ поэтъ къ Бенкендорфу, это газетчики и политическіе ораторы Запада, берущіе подъ защиту Польшу и п... бивающіе Европу къ войнѣ съ Россіей. Пушкинъ взываетъ къ нимъ, т...

они не вмѣшивались въ «домашній споръ» между «кичливымъ ляхомъ и вѣрнымъ россомъ», въ споръ о томъ, «славянскіе ли ручьи сольются въ русскомъ морѣ, оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ», потому что вопроса этого не понимаютъ.

Другое стихотвореніе «Бородинская годовщина», вызванное извѣстіемъ о взятіи Варшавы, очень похоже на первое. И здѣсь поэтъ обращается не непосредственно къ полякамъ, а къ такъ называемымъ «Клеветникамъ Россіи» и передразниваетъ ихъ угрозы и планы разрѣшенія польскаго вопроса. Разница только одна—«Бородинская годовщина» заканчивается тріумфальнымъ возгласомъ и апоѳеозомъ двухъ покорителей Варшавы: прежняго—Суворова и новаго—Паскевича.

Что касается поляковъ, то въ обоихъ стихотвореніяхъ видно желаніе щадить ихъ. Весь свой гнѣвъ поэтъ обращаетъ противъ заграничныхъ «мутителей», Польша же упоминается только мимоходомъ:

„Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца“.

Но, къ сожалѣнію, поэтъ и это обѣщаніе въ точности не исполнилъ: «ляха» онъ назвалъ «кичливымъ», Варшаву—«буйной», Польшу сравнялъ съ «бѣгущимъ полкомъ», который «во прахъ бросаетъ стягъ кровавый». «Въ концѣ,—говоритъ Спасовичъ,—онъ могъ бы пощадить поляковъ хотя бы отъ призрака Паскевича, запятнаннаго рѣзнею Праги».

Существуетъ предположеніе, что Мицкевичъ отвѣтилъ на эти стихотворенія своимъ знаменитымъ посланіемъ «Къ друзьямъ русскимъ» (оно помѣщается въ настоящей книгѣ *Русской Мысли*).

Несравненная сила, искренность и глубина лиризма заключается въ девяти строфахъ этого посланія. Поэтъ этой апострофой хотѣлъ громко заявить, что вступилъ въ борьбу не съ народомъ, а съ правительственной системою, угнетающей этотъ народъ, что поднялъ знамя «за нашу и вашу свободу», и напоминалъ своимъ друзьямъ, что то, что онъ нынѣ гласитъ на весь міръ изъ глубины души, проникнутой болью и негодованіемъ, онъ давно раскрылъ въ интимныхъ бесѣдахъ, что, однимъ словомъ, онъ остался точно такимъ же, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но они, которые слушали его съ интересомъ, порою даже съ восторгомъ, и вторили ему, они-то не измѣнились ли? остались ли они вѣрными прежнимъ убѣжденіямъ?

Но тайники души я повѣрялъ предъ вами
И сердце голубя для васъ я открывалъ.

Теперь я въ чашу влилъ всю горечь укоризны,
И будетъ жечь васъ ядъ моихъ суровыхъ словъ.
Ихъ горечь выпилъ я изъ слезъ моей отчизны,—
Но я коснусь не васъ, а вашихъ кандаловъ.

Начертывая послѣдніе стихи, имѣлъ ли въ виду Мицкевичъ кого-н… изъ своихъ русскихъ друзей? Пр. Третякъ говоритъ, что нѣсколько … тому назадъ ему казалось, что они были направлены противъ Пушк… Жуковскаго, какъ авторовъ стихотвореній, воспѣвающихъ взятіе Вар… и что для нихъ-то онъ и предназначалъ.

Но впослѣдствіи, на основаніи различныхъ предположеній и сопос… вленій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что стихи «Посланіе» написано ран… въ 1828 или 1829 году.

«Посланіе» сдѣлалось извѣстнымъ Пушкину, должно быть, весною и лѣтомъ 1833 г. Онъ собственноручно переписываетъ его въ свою тетр… и ѣдетъ съ нимъ въ Оренбургъ, Казань и Симбирскъ, гдѣ разыгрыва… бунтъ Пугачева. Того обстоятельства, что «Посланіе» было написано ра… и лишь много времени спустя появилось вмѣстѣ съ третьей частью «… минокъ» («Dziady»), онъ знать, конечно, не могъ и не могъ не чувств… вать, что «чашу укоризны» предстоитъ испить именно ему.

Принять въ молчаніи такой страшный ударъ отъ руки человѣка, … высоко цѣнимаго имъ, было совершенно невозможно для впечатлител… натуры Пушкина, который даже малѣйшихъ щелчковъ не привыкъ ос… влять безъ отпора. Но отвѣтъ представлялся дѣломъ далеко не легки… Пожалуй, нетрудно было, не сходя съ однажды занятаго положенія, от… тить Мицкевичу тономъ офиціальнаго негодованія; это даже открыло б… новый путь къ царскому расположенію и милостямъ. Но Пушкинъ бы… слишкомъ искрененъ и благороденъ, для того, чтобы его могла удовлет… рить такая форма отвѣта, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ всю его фал… Нѣтъ, онъ хотѣлъ высказаться всею силою чувства и мыслей, въ эт… найти удовлетвореніе для своего сердца, хотѣлъ достойно отвѣтить … кому противнику. Но на этой дорогѣ, какъ преграды, стояли, во-первыхъ, царская цензура, всегда придирчивая къ Пушкину, а потомъ шумъ и су… петербургской жизни.

Какъ бы то ни было, въ томъ же 1833 г. появился Пушкинскій пе… водъ двухъ балладъ Мицкевича: «Воевода» и «Будрысъ и его сыновья». Заключался ли въ томъ отвѣтъ Пушкина?

Послѣдній отдѣлъ книги проф. Третяка «Пушкинъ и Россія» для н… представляетъ особый интересъ. Въ Россіи, призванной къ конститу… ной жизни, теперь возможенъ свободный обмѣнъ мыслями между др… національностями, которыя до сихъ поръ были если и связаны чѣмъ-нибу… такъ только узами общей неволи. Прислушаемся къ голосу польскаго … сателя въ оцѣнкѣ нашего великаго поэта.

«До появленія Пушкина въ Россіи не было настоящаго поэта и …

стоящей поэзіи. И только тогда, когда Державинъ уже сходилъ въ могилу, а Жуковскій былъ въ зенитѣ своей славы, на поэтическую арену выступилъ юноша, голосъ котораго сразу возбудилъ восторгъ и всеобщее удивленіе. То былъ новый, до сихъ поръ неизвѣстный языкъ настоящей поэзіи. Правда, въ первыхъ произведеніяхъ новаго поэта чувствовалось еще вліяніе образцовъ, по которымъ онъ обучался, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, съ какой легкостью онъ опережалъ эти образцы, съ какою свободою переливалъ въ ритмическій потокъ пѣсни игру своей фантазіи. Да и не въ томъ только заключалась неслыханная новость этого явленія. Чудесный юноша, который еще такъ недавно воспѣвалъ только Вакха и Киприду, вдругъ настроилъ лиру на важный складъ и громко запѣлъ пѣснь во славу свободы.

Свершилось: двадцатилѣтній смѣльчакъ бросилъ перчатку всемогущей идеѣ самодержавія; въ первый разъ свобода нашла въ Россіи поэтическаго герольда. Перчатку тотчасъ же подняли, чтобы примѣрно наказать молокососа, и только благодаря вліятельнымъ друзьямъ поэта удалось избавить его отъ суроваго заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ и замѣнить наказаніе ссылкою на югъ.

Кара, постигшая самонадѣяннаго юношу за возгласъ въ честь свободы въ царствѣ деспотизма, продолжалась шесть лѣтъ. За это время въ самомъ Пушкинѣ произошло много перемѣнъ, но судьба его всетаки не измѣнилась, и онъ, несмотря на всѣ свои ходатайства, долженъ былъ прозябать въ своемъ имѣніи, Михайловскомъ.

Но вдругъ умираетъ императоръ Александръ I и вскорѣ на улицахъ Петербурга возносится знамя конституціонной свободы, то самое знамя, которое пять лѣтъ тому назадъ поднялъ Пушкинъ въ своей «Одѣ на вольность». Декабристы были жестоко наказаны, но Пушкинъ вскорѣ имѣлъ возможность убѣдиться, что если по отношенію къ декабристамъ царь Николай оказался неумолимымъ, то по отношенію къ нему онъ хочетъ быть особенно ласковымъ и снисходительнымъ. Царь послалъ за нимъ фельдъегеря, приказалъ привезти его къ себѣ, самъ объявилъ, что даруетъ ему свободу и—неслыханная милость—отнынѣ самъ будетъ его цензоромъ.

Пушкинъ былъ ослѣпленъ внезапною перемѣною своихъ отношеній къ могучему самодержцу и въ первую минуту не замѣчалъ опасностей, таящихся на пути, который открывался передъ нимъ. Ему улыбалась надежда занять высокое положеніе въ обществѣ, положеніе посредника между царемъ и народомъ, въ особенности съ тою частью народа, которая имѣла либеральныя стремленія. Ему казалось, что онъ будетъ имѣть возможность стоять у трона безъ іерархическаго отличія, съ однимъ только іерархическимъ знакомъ генія на челѣ и воздѣйствовать пѣснью на душу автократа, настраивая ее и дѣлая доступною для пробуждающихся высшихъ стремленій народа. Началась игра, единственная въ своемъ родѣ: царь хотѣлъ воспитать для себя поэта, поэтъ хотѣлъ на свой ладъ настроить царя

Игру началъ царь. Чтобы изслѣдовать поэта и сразу поставить его на новую дорогу, онъ вскорѣ поручилъ ему представить свои соображенія относительно тогдашняго воспитанія молодежи въ Россіи.

Конечно, изъ этого ничего не вышло. Когда Пушкинъ представилъ свой меморіалъ, царь поблагодарилъ за него, но къ его либеральнымъ заключеніямъ отнесся недоброжелательно и ясно далъ понять, въ какомъ направленіи надлежитъ совершенствоваться, чтобы заслужить признательность и довѣріе правительства.

Долго продолжалась неравная борьба и съ роковою послѣдовательностью привела къ тому роковому результату, къ которому должно привести единоборство свободнаго поэта съ могущественнымъ владыкой. Пушкинъ былъ цѣлою головою выше тогдашняго свѣтскаго петербургскаго общества, ненавидѣлъ его и оно ненавидѣло его. Нужно ли удивляться, что это разногласіе должно было имѣть какой-нибудь исходъ, долженъ былъ явиться кто-нибудь, кто избавилъ бы довольную и пресыщенную толпу отъ смѣлыхъ пѣсенъ поэта? Явился Дантесъ—и 27 января все было кончено.

Такъ кончилась трагедія жизни Пушкина, трагедія борьбы поэта съ высокими вдохновеніями и слабой волей, съ могуществомъ русскаго самодержавія. Но хотя самъ Пушкинъ умеръ и уже не могъ быть ни врагомъ, ни союзникомъ самодержавія,—послѣ него оставалась поэзія, не только та, которая была просѣяна сквозь сито цензуры и напечатана, но и та, что еще скрывалась въ его бумагахъ и могла заключать въ себѣ не одинъ непріятный сюрпризъ для существующаго порядка. Объ этой поэзіи царь Николай не забывалъ, и въ то время, когда поэтъ извивался въ страшныхъ мукахъ, императоръ вызвалъ къ себѣ Жуковскаго и приказалъ ему послѣ смерти Пушкина опечатать его бумаги, а потомъ пересмотрѣть ихъ, понятно, съ тою цѣлью, чтобы изъ нихъ не вырвалось на свѣтъ Божій что-нибудь неблагопріятное по отношенію къ правительству. И вотъ мягкій романтикъ, щеголявшій въ тогѣ невинности, предназначенъ былъ на то, чтобы вѣчно быть посредникомъ между поэтомъ и царемъ, даже и послѣ смерти поэта. Волю императора онъ исполнилъ самымъ аккуратнымъ образомъ, и черезъ три четверти часа послѣ кончины Пушкина наложилъ свою печать на кабинетъ поэта. Но этого было мало,—при описи рукописей присутствовали также и жандармы. Это участіе жандармовъ при обзорѣ наслѣдства Пушкина очень краснорѣчиво: они явились въ кабинетъ какъ бы для уловленія духа либерализма, притаившагося въ бумагахъ, котораго мягкій романтикъ своими силами не въ состояніи былъ бы задержать. И онъ былъ тамъ, былъ, исподтишка выглядывалъ изъ множества тетрадей и разрозненныхъ листовъ, которые жандармы приводили въ порядокъ и сшивали такъ добросовѣстно, что изъ нихъ образовывался ужасающій хаосъ. Больше всего нетерпимый духъ скрывался въ одномъ предсмертномъ отрывкѣ, вѣрнѣе, въ одной строфѣ этого отрывка... Онъ тутъ!... даже въ одномъ стихѣ этой строфы, забившійся въ уголъ и какъ бы съ пистолетомъ ожидающій жандармовъ.

Этотъ отрывокъ былъ написанъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэта и имѣлъ эпиграфомъ начало стиха Горація: Exegi monumentum. Какъ бы въ предчувствіи близкой смерти Пушкинъ подводилъ въ немъ итогъ своихъ заслугъ и значенія своей поэзіи, а въ четвертой строфѣ перечислялъ поводы, по которымъ онъ разсчитываетъ на любовь народа:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

«Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу»,—вотъ гдѣ скрывался неисправимый преступникъ, котораго ни жалованье, ни щедрыя субсидіи, ни ласки, ни придворный титулъ не могли сломить и подчинить идеѣ самодержавія. Теперь его арестовали (мягкій романтикъ въ компаніи съ жандармами!), вытащили изъ строфы, въ которую онъ проскользнулъ, а такъ какъ образовавшуюся брешь нужно было чѣмъ-нибудь заполнить, то Жуковскій самъ сочинилъ стихъ съ соотвѣтственнымъ размѣромъ и риѳмою, и такой невинный, что онъ могъ бы превосходно фигурировать на памятникѣ его собственной поэзіи:

Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.

Были еще и другія поправки Жуковскаго и не только въ этомъ стихотвореніи, но и все наслѣдство Пушкина, тогда еще неизвѣстное обществу, перешло черезъ такую же корректуру мягкаго романтика и въ исправленномъ имъ видѣ печаталось въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Такова исторія отношенія Пушкина къ государству. То была птица безподобно поющая, но всю жизнь содержимая въ клѣткѣ. Эту клѣтку, во второй половинѣ его жизни, старались украсить такъ, чтобы поэтъ не тосковалъ по свободѣ; птицѣ обильно сыпали зерна, дали ему красивую самку и птица примирялась съ прутьями своей клѣтки. Но случалось и такъ, что, заслышавъ издалека свободный голосъ другихъ птицъ, парящихъ среди зелени и солнца, поэтъ кидался на золоченые прутья, преграждавшіе ему доступъ къ свободному міру, и напрасно бился о нихъ своими крыльями. А при одной изъ такихъ попытокъ онъ разбился на смерть.

Посмотримъ теперь, каково было отношеніе Пушкина къ Россіи не какъ къ государству, а какъ къ народу? Чѣмъ былъ Пушкинъ для этого народа? Прежде всего онъ былъ явленіемъ, какого народъ до сихъ поръ не видалъ: проявленіемъ истинной поэзіи, дышащей всею искренностью чувствъ, отливающей всѣми цвѣтами радуги. Во-вторыхъ, въ этомъ чудномъ явленіи русскій народъ (понятно, въ тѣхъ наслоеніяхъ, которыя способны были охватить поэзію Пушкина), находилъ себя, свою природу, свои традиціи, свой сказочный міръ, свою дикость и низкій уровень своей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, да еще и въ огромной степени, свое пробужденіе отъ

тяжелаго сна вѣковъ, свои впечатлѣнія, вызванныя волной запад зни, все сильнѣе и сильнѣе ударяющей о берега Россіи. Пушкинъ вѣстномъ стихотвореніи «Эхо» (мысль, заимствованная у Т. Мура) добно сравнилъ поэта съ эхомъ, которое повторяетъ всякій ный голосъ: и ревъ звѣря въ лѣсу глухомъ, и отголосокъ рога, и грома, и долетающую до него изъ-за холма пѣсню дѣвы. Такимъ Пушкинъ поистинѣ былъ для Россіи. Отъ этого эха до Россіи и ея родные звуки, ея несдержимая сила, ея варварство, а еще звучали чувства недавно привитой къ ней цивилизаціи Запада, ея пеизмъ, еле замѣтнымъ слоемъ покрывающій вросшееся до глубины варварство. Отсюда происходитъ и двойственность поэзіи Пушкина: ный духъ, настолько сильный въ Россіи, и духъ свободы рядомъ другомъ распростираютъ свои крылья, и нѣтъ ничего удивительнаго, поэтъ былъ настоящимъ эхомъ тогдашней Россіи. Отсюда въ его столько родного элемента, а съ другой стороны столько европей формъ и такая приверженность къ нимъ. Поэтому въ Россіи въ ніи Пушкину соединяются два противоположные лагеря и каждый изъ считаетъ его своимъ поэтомъ, какъ это ярко проявилось при открытія ему памятника въ Москвѣ въ 1880 г.

Поэзія Пушкина стала разсадникомъ для разныхъ позднѣйшихъ ратурныхъ направленій. Изъ нея вышелъ весь Лермонтовъ со азіатскимъ байронизмомъ; изъ нея Гоголь черпалъ поддержку для реализма и ѣдкой сатиры, на ней воспитался Тургеневъ и изъ не выткалъ свои симпатіи къ Западу, и даже болѣе всѣхъ отдаленный Пушкина и годами и воззрѣніями Левъ Толстой могъ найти въ его (напримѣръ, въ «Галубѣ» и въ нѣкоторыхъ отрывкахъ послѣднихъ указанія для своего нео-христіанскаго направленія. Но та же самая въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, такихъ, какъ «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина», являлась и является до сихъ поръ зна въ рукахъ пресловутой троицы-русскаго сервилизма, шовинизма и визма, а выраженіе Пушкина о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ рус морѣ стало классическимъ лозунгомъ ея стремленій.

Раньше уже упоминалось, какъ въ стихотвореніи «Клеветникамъ сіи» поэтъ величался матеріальнымъ могуществомъ Россіи, ея ем отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, ея щетиною. Кому же угрожалъ поэтъ могуществомъ, представленны образѣ дикаго звѣря? Кто были тѣ «клеветники Россіи»? Навѣрно были разные люди, которыхъ Мицкевичъ называлъ «шайкой деморализованныхъ эгоистовъ», умѣвшихъ, какъ аѳиняне во время Демосѳена, мѣть и мѣнять ораторовъ и вождей», но были и такіе, какъ аббатъ благороднѣйшіе представители западнаго либерализма, того «зап вѣтра», который, по пророчеству Мицкевича, вложенному имъ въ Пушкина (въ «Памятникѣ Петру Первому») «когда-нибудь согрѣетъ

топитъ скованный морозомъ каскадъ тиранства». Пушкинъ не отличалъ тѣхъ отъ другихъ, всѣмъ одинаково угрожалъ клыками и щетиною кабана. Въ этихъ угрозахъ и въ этихъ похвальбахъ физическою силою Россіи, и даже въ этомъ нежеланіи различать противниковъ, Пушкинъ становился похожимъ на мистическихъ богатырей русскихъ былинъ, на Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича и многихъ другихъ, которыхъ фантазія русскаго народа одарила гигантской физической силой и соотвѣтственной этому хвастливостью, и которые, ослѣпленные сознаніемъ этой силы, готовы были вызывать въ битву даже небесныя силы.

Пр. Третякъ заканчиваетъ свой трудъ одной изъ этихъ былинъ, и находитъ, что въ ней самъ русскій народъ какъ бы заключилъ пророчество и предостереженіе для русскаго государственнаго могущества. Это пророчество и предостереженіе по идеѣ своей сходны съ пророчествомъ Мицкевича о «каскадѣ тиранства».

Былина повѣствуетъ о битвѣ богатырей съ татарами надъ фантастической рѣкою Сафатъ, которая обязана своему названію долинѣ Іосафата. Татарская сила была неисчислима», «ни молодецъ ее не объѣдетъ, ни сѣрый волкъ не обѣжитъ, ни черный воронъ не облетитъ», но богатыри побѣдили всѣ эти силы и такъ вознеслись въ своей гордынѣ, что одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «давай намъ сюда небесную силу,—мы и съ той справимся». Лишь только они это сказали, какъ появились два небесныхъ витязя, и говорятъ: «Вы хотите биться, начинайте!» Налетѣлъ на нихъ сначала Алеша Поповичъ, взмахнулъ мечомъ во всю силу и разрубилъ каждаго на двое; изъ двоихъ сдѣлалось четверо,—и всѣ живые. Налетѣлъ потомъ Добрыня Никитичъ, снова взмахнулъ мечомъ и разрубилъ каждаго на двѣ части; изъ четырехъ сдѣлалось восемь, и всѣ живые. Налетѣлъ Илья Муромецъ, сдѣлалъ то же самое, а сила небесныхъ витязей опять умножилась въ два раза,—и всѣ живые.

...Долго рубились богатыри, а небесная сила все растетъ и растетъ и идетъ на бой съ богатырями... Устрашились могучіе богатыри, и побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры. Подбѣжитъ богатырь къ горѣ и окаменѣетъ, подбѣжитъ другой и окаменѣетъ, подбѣжитъ третій и тоже окаменѣетъ... Съ тѣхъ поръ и перевелись богатыри на Руси...

Эта прекрасная былина не служитъ ли пророчествомъ, изъ глубины души люда происходящимъ, что гигантская матеріальная сила Россіи, олицетворенная въ сказочныхъ богатыряхъ, въ концѣ-концовъ должна понести пораженіе, если будетъ вызывать на бой небесныя силы? А развѣ свобода и справедливость не являются тѣми двумя небесными витязями, которые дозволяютъ разрубать себя на части, чтобы потомъ въ удвоенномъ числѣ возстать готовыми для новой битвы? Эта борьба, до сихъ поръ длящаяся въ Россіи (нужно отмѣтить, что пр. Третякъ послѣднюю свою статью писалъ въ 1899 году) и которая продлится, должно быть, еще много времени, отпечатлѣлась въ душѣ и поэзіи Пушкина такимъ образомъ, что онъ вы-

ступалъ по очереди какъ пѣвецъ то одной, то другой изъ борющихся [сто]ронъ. Но если онъ когда-нибудь становился поющимъ орудіемъ все[поглоща]ющаго автократизма, то только вслѣдствіе слабости натуры, [легко] подчиняющейся соблазнамъ жизни; въ глубинѣ души онъ не пере[ставалъ] поклоняться «силамъ небеснымъ» и вліяніе этой враждующей [стороны] гораздо сильнѣе и полнѣе находитъ отзвукъ въ его поэзіи, чѣмъ [вліяніе] стороны противной.

Очевидно, самъ поэтъ и утѣшался этимъ, и гордился, если въ [своемъ] поэтическомъ завѣщаніи, перечисляя свои права на народную лю[бовь], начерталъ:

Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу.

В. Л.

Эсновные моменты въ развитіи исторической мысли.

Матеріальная и духовная культура тѣсно, органически связаны между ;обой. Онѣ образуютъ единое *соціальное* явленіе, живутъ общею жизнью і повинуются одному и тому же закону развитія. Религія, мораль, право, іауки и искусства представляютъ собой лишь идеальныя формы историче- жаго сознанія человѣка,—формы, въ которыхъ отражается и выражается нѣшній реальный міръ во всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи, всѣми воими сторонами. Отсюда со смѣной эпохъ, по мѣрѣ поступательнаго дви- кенія исторіи, мѣняется и психологія общества и его отдѣльныхъ соці- льныхъ группъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и совершенно новый міръ юнятій. Религіозныя, нравственныя и правовыя системы, научныя теоріи— се развивается вмѣстѣ съ обществомъ въ тѣсной связи съ его потребно- тями и интересами, умирая и вновь рождаясь, какъ легендарный Фениксъ, зъ пепла. Πάντα ῥεῖ (все течетъ), говоритъ античный философъ, и въ томъ безконечномъ потокѣ явленій нѣтъ, какъ во всей природѣ, состоянія юкоя, нѣтъ абсолютныхъ «нормъ», а есть лишь непрерывно смѣняющіяся формы. Поэтому міръ идей остался бы для насъ вѣчной загадкой, если бы ш порвали жизненный нервъ питающій его, т.-е. ту интимную связь, ко- горая существуетъ между явленіями, такъ называемой, «духовной» и «ма- теріальной» культуры, между общественными идеями и общественными ин- тересами. И если мы принимаемъ теперь извѣстное положеніе Аристотеля, іто «человѣкъ по природѣ—животное общественное», то вмѣстѣ съ тѣмъ ы должны признать, что это «животное» обладаетъ также и *соціальной психологіей*, т.-е. что соціальный элементъ проникаетъ въ самую сердце- вину его идей и, такъ сказать, формуетъ ихъ. И эта глубокая внутрен- няя зависимость человѣческой мысли отъ соціальной среды не менѣе рель- ефно выступаетъ и въ сферѣ развитія историческихъ идей. Прошлое и настоящее исторической науки, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ спра- ведливость этого положенія. Въ предлагаемомъ бѣгломъ очеркѣ мы и по- пытаемся дать общую картину эволюціи историческаго мышленія.

I.

Человѣкъ всегда интересовался своимъ прошлымъ, думалъ о немъ. Въ этомъ смыслѣ можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще не было, да и нѣтъ народа безъ исторической памяти, безъ *традиціи*. Историческое сознаніе проснулось въ человѣкѣ съ первыхъ же дней его культурной жизни, едва вспыхнулъ первый культурный очагъ. Человѣкъ чувствовалъ, что его настоящее было лишь наслѣдіемъ исчезнувшаго прошлаго, и онъ пытался проникнуть въ это таинственное царство предковъ. Разумѣется, то были лишь самые слабые зародыши исторической мысли, но въ нихъ уже сквозило стремленіе, оглянувшись назадъ, такъ или иначе *представить* себѣ далекое, темное прошлое. Между этими первыми робкими попытками примитивнаго ума проникнуть въ тайну минувшаго и современной исторической наукой лежитъ, конечно, цѣлая пропасть, такое же огромное разстояніе, какъ между первобытнымъ обществомъ каменнаго вѣка и блестящей культурой XX столѣтія, но отмѣченный фактъ не уничтожаетъ ни въ коемъ случаѣ *генетической* связи между начальнымъ и конечнымъ моментами эволюціи исторической мысли. Исторія, какъ и природа, не дѣлаетъ скачковъ, она есть процессъ, непрерывная цѣпь явленій, гдѣ выпаденіе одного звена неминуемо влечетъ разрывъ всего цѣлаго. Такимъ образомъ, историческая наука имѣетъ свою собственную исторію.

Понятно, что въ различныя времена человѣкъ смотрѣлъ на свое прошлое не одинаковыми глазами, обращался къ нему съ различными запросами, почему оно и представлялось его взору въ самыхъ разнообразныхъ очертаніяхъ и тонахъ. Это загадочное недосягаемое прошлое то казалось ему желаннымъ «золотымъ вѣкомъ», «добрымъ старымъ временемъ» славныхъ предковъ или даже потеряннымъ раемъ, то возставало передъ нимъ, какъ мрачный періодъ борьбы злыхъ и темныхъ силъ. Но какъ бы ни представлялъ человѣкъ минувшіе вѣка, они равно манили его къ себѣ и будили въ немъ живой интересъ къ старинѣ и ея традиціи. И человѣкъ продолжалъ оглядываться на пройденный имъ путь, стремясь какъ бы припомнить забытую «повѣсть» своей собственной жизни; и если его прошлое представлялось ему въ различные моменты по разному, то причины этого явленія, какъ было уже отмѣчено выше, слѣдуетъ искать, конечно, въ самомъ человѣкѣ *даннаго* историческаго момента. Прошлое, само собой понятно, не могло измѣниться, мѣнялась психологія людей въ тѣсной связи съ измѣненіями окружающей общественной среды. «Преданье старины глубокой», проходя черезъ сознаніе людей той или иной эпохи, всякій разъ пріобрѣтало новый смыслъ, облекаясь въ образы, которые ему подсказывала современность. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ сама жизнь общества въ каждый данный моментъ представляетъ весьма сложное сплетеніе «переживаній» старины и возникающихъ новообразованій, такъ точно и въ мірѣ идей происходитъ непрестанная диффузія г

и міросозерцаній. Теперь мы и прослѣдимъ необходимый рядъ этихъ, последовательно смѣнившихъ одна другую, формъ непрерывно развивающейся исторической мысли.

Древнѣйшею формою историческаго сознанія было преданіе, эпосъ, сага, героическая пѣснь, священные гимны. То были сказанія о подвигахъ и дѣяніяхъ боговъ и героевъ, которымъ приписывалось дѣло созданія первой культуры. Народная память свято хранила это сокровище вѣками, передавая унаслѣдованную традицію изъ поколѣнія въ поколѣніе. И священные гимны долго жили, какъ устное преданіе, пока чья-нибудь благочестивая рука ни высѣкала ихъ на камнѣ или заносила въ свитокъ пергамента. Но въ томъ и другомъ случаѣ традиція преданія сохраняла свои отличительныя черты. Религіозно-мистическая оболочка и фантастическій элементъ глубоко проникли эту первую историческую традицію и сообщали ей *сказочный* характеръ. И это было вполнѣ естественно. Въ столь отдаленную эпоху, конечно, не могло быть и рѣчи о какой-либо раціональной исторической «теоріи». Въ этомъ смыслѣ историческая философія первобытнаго человѣка вполнѣ гармонировала съ его примитивной психологіей. Историческое *сознаніе* его было совершенно чуждо какой либо критической мысли, оно было его вѣрой. Онъ поклонялся прошлому, какъ своимъ «невѣдомымъ богамъ», въ рукахъ которыхъ онъ видѣлъ судьбу вселенной и свою собственную. Все непонятное, значительное приводило его въ священный трепетъ, ибо для него, говоря словами Тацита, «omne ignotum pro magnifico est». Вотъ почему все, на чемъ лежала печать сѣдой древности, все, что было окутано мракомъ вѣковъ, вызывало его на поклоненіе и обоготвореніе. И мы видимъ, что на этой стадіи своего развитія историческая традиція превращалась *въ культъ героевъ и культъ предковъ*, становилась *религіей прошлаго*. Однако, несмотря на свою яркую миѳологическую и мистическую окраску, преданіе старины не теряло своего реальнаго значенія. Эта историческая сказка, или, какъ ее называлъ Вико, «миѳологическая исторія», подобно двуликому Янусу, смотрѣла одновременно впередъ и назадъ, храня въ себѣ традицію былого и пониманіе ея въ настоящемъ *). Въ ней горѣлъ лучъ исторической правды, преломившійся въ сознаніи примитивнаго человѣка. Послѣдняя, благодаря этому, принимала легендарный оттѣнокъ, не теряя однако своего значенія *воспоминанія* о пережитой далекой «были». И эту важную роль «миѳологической исторіи» или исторической символики съ необыкновенной глубиной оцѣнилъ еще геніальный Вико, а современная историческая наука сумѣла наконецъ раскрыть и сокровенный смыслъ «священной» традиціи преданія, подобно тому, какъ научилась она читать невѣдомыя письмена на памятникахъ ископаемой культуры древнихъ народовъ.

---

*) Задача исторической критики и сводится къ тому, чтобы выдѣлить эти различныя наслоенія и постепенно совлечь декоративный элементъ съ исторической основы традиціи преданья.

Въ такой формѣ является намъ первая историческая традиція. Эпоха, когда незамѣтно выростала эта историческая сказка, принимавшая порой размѣры грандіозной *космогонической эпопеи* *), была «героическимъ» періодомъ въ исторіи человѣчества. То было время массовыхъ народныхъ передвиженій, время напряженной и безпощадной борьбы человѣка съ человѣкомъ и величественной дѣвственной природой, время «раздѣла земли». То піонеры человѣчества прорубали себѣ первые пути къ исторической жизни. То была гигантская работа основанія культуры. Казалось, все должно было дышать силой и мощью въ эти времена «подвиговъ Геркулеса», когда сами боги принуждены были вочеловѣчиться и вмѣшаться въ борьбу стихій и народовъ. Вотъ почему едва на свѣже-взрытой груди нашей планеты зацвѣла новая жизнь, завоеванная культура явилась позднѣйшимъ поколѣніямъ, какъ чудесный даръ боговъ и дѣло рукъ героевъ, и они благословили и обоготворили ее. Это была первая благодарственная жертва мирной цивилизаціи на алтарь предковъ. Такъ былъ данъ первый толчокъ творчеству исторической мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ было заложено и предварительное основаніе первой исторической «теоріи»—теоріи культа героевъ. По представленію человѣка древности культура предковъ, какъ и самый міръ, были плодомъ исключительныхъ творческихъ силъ боговъ и героевъ. Такая точка зрѣнія какъ нельзя лучше гармонировала съ антропоцентрическимъ и въ то же время реалистическимъ мышленіемъ первобытнаго человѣка, въ глазахъ котораго все во вселенной должно было имѣть своего творца, мастера, и который самихъ боговъ создавалъ «по своему образу и подобію». При такихъ условіяхъ и въ такихъ формахъ родилась историческая мысль...

Но едва улеглось взбаломученное море народовъ, и они усѣлись по «своимъ мѣстамъ», какъ началась мирная культурная работа, началось *историческое домостроительство*. Всюду стали складываться, первоначально мелкіе, политическіе областные союзы, объединенные на почвѣ мѣстныхъ земскихъ интересовъ. Эпоха легендарныхъ подвиговъ миѳическихъ «героевъ» миновала, на первый планъ теперь выступилъ мирный трудъ. Въ этой новой будничной трудовой обстановкѣ поблѣднѣли яркія краски воспоминаній о нѣкогда пережитыхъ грозныхъ временахъ великихъ народныхъ передвиженій. Тогда на смѣну бардамъ и историческому эпосу пришла скромная *лѣтопись*, *областная хроника*, съ ея ограниченнымъ кругозоромъ и земскимъ патріотизмомъ, а вмѣстѣ съ ней явилась и литература «житій» «лучшихъ» людей земли, подвижниковъ и властителей, *біографія* и *агіографія*. Съ этого момента *анналистика со всѣми своими развѣтвленіями*

*) Космогоническій элементъ въ большей или меньшей степени входитъ въ составъ „миѳологической исторіи“ положительно всѣхъ народовъ. Особенное развитіе онъ получаетъ въ традиціи преданья народовъ Востока. Для правильной оцѣнки этихъ теогоній историкъ не долженъ забывать, что „народъ всегда рисуетъ быть своихъ боговъ чертами собственнаго быта“ (Ковалевскій, „Историко-сравнительный методъ“).

и становится основной формой исторической традиціи *). Однако, новая разновидность историческаго сознанія еще тѣсно примыкала къ древнѣйшимъ образцамъ: лѣтописная традиція какъ бы продолжала традицію героическаго преданія. Она сорвала лишь съ послѣдней ея поэтическій покровъ и заставила ее служить новымъ героямъ; на-ряду съ культомъ предковъ она создала культъ ихъ потомковъ. Въ послѣднемъ смыслѣ лѣтописная традиція являлась уже идеологіей новаго общественнаго порядка: болѣе того, она стала на стражѣ его. На мѣсто боговъ и богоподобныхъ героевъ древности она ставила теперь реальныхъ вождей народа, представителей руководящихъ общественныхъ классовъ. Вліятельное положеніе этихъ «переднихъ мужей» выдвигало ихъ, въ глазахъ лѣтописца, въ ряды созидателей, творцовъ исторіи, а вѣковая традиція не замедлила вывести ихъ генеологію съ Олимпа. Общеизвѣстенъ фактъ, что древніе княжескіе и аристократическіе роды обыкновенно приписывали своимъ предкамъ божественное или героическое происхожденіе.

Такъ постепенно традиція преданія обращалась подъ перомъ лѣтописца въ офиціозную, а позднѣе и въ офиціальную, политическую хронику, а историческая мысль шла на службу возникающему новому государственному порядку, новой государственной власти. Было бы большой ошибкой поэтому представлять себѣ древняго «лѣтописца» въ образѣ, начертанномъ геніальною рукою безсмертнаго русскаго поэта. Образъ пушкинскаго Пимена мы должны теперь признать неисторичнымъ. Такого «къ добру и злу постыдно равнодушнаго» лѣтописца не знаетъ исторія. Лѣтописецъ, какъ и его современники, былъ сыномъ своего вѣка, онъ самъ переживалъ вмѣстѣ съ послѣдними всѣ перипетіи «земли родной». Онъ выступалъ, какъ обличитель и судья, какъ менторъ и философъ **). Стоя на стражѣ порядка, онъ, въ качествѣ «патріота своего отечества», первый формулировалъ теорію «культа героевъ», культурной миссіи государственной власти, посланничества «кесарей». А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ первый выступилъ идеологомъ своей земщины, «національности» въ ея эмбріональной стадіи. Нельзя не вспомнить поэтому нашего кіевскаго лѣтописца, того пристрастія, съ какимъ онъ описывалъ «нравъ тихъ и кротокъ», близкихъ его сердцу полянъ, и той суровости, съ какой онъ обличалъ «звѣринскій» обычай сосѣднихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ не менѣе интересно отмѣтить и ту настойчивость, съ какою наша лѣтопись подчеркиваетъ божественный источникъ княжеской власти ***). Съ этой

*) Возникнувъ съ момента образованія первыхъ территоріально-племенныхъ союзовъ, аналистика особенно пышно расцвѣла въ эпоху феодализма. Лѣтопись это— типичный продуктъ историческаго „средневѣковья", политическаго партикуляризма.

**) Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что какъ на Западѣ, такъ и у насъ, по общему правилу, лѣтописи составлялись лицами духовными и первоначально лѣтописаніе являлось какъ бы монополіей монастырей. Позднѣе оно перешло въ королевскія канцеляріи.

***) „Помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый, яко Богъ даеть власть, ему же хощеть, дасть. Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляеть ей цесаря

двойной, религіозной и политической, точки зрѣнія лѣтописецъ и судилъ своихъ современниковъ, и живописалъ свою «повѣсть временныхъ лѣтъ».

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что по содержанію своему лѣтопись должна была значительно отличаться отъ традиціи преданія. Правда, она широкой рукой еще черпала изъ народнаго сказанья, но центръ тяжести ея интереса лежалъ уже не въ нихъ: то была невольная дань старымъ, поверженнымъ богамъ. Напротивъ, лѣтопись, какъ мы замѣтили уже выше, была прежде всего областной хроникой, она жила настоящимъ, глубоко проникнувшись интересами своей земли. Въ тѣхъ же спеціальныхъ интересахъ она перерабатывала и народную традицію, невольно перенося въ прошлое понятія и интересы настоящаго. Это былъ, такъ сказать, первый образецъ «патріотической» исторіи, который и легъ въ основу первыхъ историческихъ сводовъ.

Событія *политической* жизни естественно при такихъ условіяхъ почти цѣликомъ поглощали вниманіе лѣтописца, который, подобно своимъ современникамъ, умѣлъ и долженъ былъ болѣе всего цѣнить блага внутренняго и внѣшняго мира, «нарядъ» или «урядъ» земли; напротивъ, повседневная суета, жизнь изо дня въ день, протекавшая обычнымъ, «искони» заведеннымъ порядкомъ и извѣстная всѣмъ и каждому, его вовсе не интересовала и почти вполнѣ имъ игнорировалась. Подобный односторонній, *политическій* характеръ лѣтописи, обращавшій ее, говоря словами Татищева, въ «сущую архонтологію», имѣлъ роковыя послѣдствія для развитія, собственно, исторической науки, такъ какъ лѣтописные своды послужили моделью и матеріальной основой первыхъ трудовъ по исторіи.

Благодаря указанному обстоятельству традиція лѣтописи позднѣе незамѣтно превратилась въ традицію «историческую», академическую.

До сихъ поръ мы все время говорили объ *историческомъ сознаніи* человѣчества, но не упоминали объ историческомъ знаніи, наукѣ исторіи. Мы поступали такъ, желая яснѣе подчеркнуть ту мысль, что какъ традиція преданія, такъ и традиція лѣтописная были совершенно чужды основнымъ принципамъ научнаго познанія, хотя онѣ и оставались связаны съ исторической наукой узами внутренняго преемства. До сихъ поръ мы имѣли дѣло, именно, только съ формами историческаго сознанія. Примитивная историческая традиція представляла изъ себя, по существу, писанную или неписанную «повѣсть временныхъ лѣтъ», она была какъ бы воспоминаніемъ о минувшемъ; ея цѣлью прежде всего было—*представить* себѣ прошлое человѣчества, возстановить хронологическую послѣдовательность событій былыхъ временъ и запечатлѣть въ памяти потомковъ сказанія о подвигахъ ихъ славныхъ предковъ, «земли родной минувшую судьбу». Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, традиція древности пре-

---

или князя праведна любяща судъ и правду, и властеля устраяетъ, и судью правящаго судъ. Аще бо князи правдиви бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукави бываютъ, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли". Лавр. лѣтопись, стр. 136 (изд. 1897 г.).

слѣдовала и нѣкоторую морально-политическую задачу. Обращая прошлое въ предметъ поклоненія, въ «книгу завѣта» предковъ къ потомкамъ, традиція такимъ путемъ сама въ глазахъ современниковъ становилась «скрижалью откровеній и правилъ», наставницею жизни, Doctrix gentium. И люди долго смотрѣли на нее, какъ на источникъ вѣковой мудрости. Они искали въ ней отвѣтовъ на вопросы дня, незамѣтно для себя вмѣстѣ съ тѣмъ модифицируя и перерабатывая самое преданіе.

Интересъ собственно къ историческому знанію пробуждается гораздо позднѣе. Историческое изслѣдованіе, историческая наука выступаютъ на сцену лишь съ начала образованія крупныхъ національныхъ государствъ. Только по мѣрѣ объединенія мелкихъ политическихъ тѣлъ въ могущественныя державы подготовлялась благопріятная почва для быстраго расцвѣта матеріальной и духовной культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для развитія научнаго знанія *). Событіе столь огромной важности дало новый могучій толчокъ развитію исторической мысли, совершивъ въ то же время цѣлую революцію въ головахъ людей. Еще разъ человѣкъ остановился въ невольномъ удивленіи передъ дѣлами рукъ своихъ. «Подвигъ», совершонный имъ, поразилъ его самого, и онъ снова задумался надъ великой исторической проблемой, съ новымъ интересомъ устремившись къ своему прошлому **). Съ этого момента и начинается новая эра—эра историческихъ

*) У насъ уже съ образованіемъ московскаго государства складывается первая національно-государственная теорія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются и первыя попытки переработки лѣтописей. Такими чертами отличались московскіе лѣтописные своды, хронографы, литература „повѣстей“ и „сказаній“, „Степенная книга“, „Синопсисъ“. См. Дьяконовъ: „Власть московскихъ государей“; П. Н. Милюковъ: „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III. в. I, гл. II, стр. 28 и сл. Его же: „Главныя теченія русской исторической мысли“, стр. 17.

**) Съ вопроса о томъ, какъ сложилось русское національное государство, обыкновенно и начинали наши первые историки. Ломоносовъ, напримѣръ, открываетъ свою исторію выраженіемъ удивленія, какимъ образомъ Россія могла подняться „на величайшую степень величества, могущества и славы“, а не погибла среди пережитыхъ ею почти непрерывныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній („Древняя россійская исторія“, стр. 1). Карамзинъ въ свою очередь писалъ въ предисловіи къ „Исторіи Государства Россійскаго“: „Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею.—Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества,... могли составить одну державу съ Москвою“? („И. Г. Р.“, т. I, стр. 12—13). Ср. „Шлецеръ-Несторъ“, т. I, стр. 34. То же обстоятельство подвинуло и М. Погодина посвятить свои труды изслѣдованіямъ по русской исторіи. Во вступленіи ко II-му тому своихъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“ Погодинъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои взгляды по этому поводу: „Первый вопросъ, который намъ представляется здѣсь, есть слѣдующій: какъ началось русское государство. Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышаетъ далеко всѣ государства въ мірѣ, прошедшемъ и настоящемъ;... которое занимаетъ уже теперь первое мѣсто въ политической системѣ Европы и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго... Какъ зародился этотъ удивительный колоссъ—найдется ли другой вопросъ любопытнѣе для мыслящаго историка, политика и философа“ (стр. 1—2). „Мысль русскаго человѣка,

изысканій. У изслѣдователей прежде всего рождался вопросъ, какъ возникъ и выросъ данный національный организмъ, каковы его отличительные признаки, въ чемъ выражается его самобытный духъ, какимъ путемъ нація сложилась въ единое *государство*. Обостренное въ борьбѣ за самостоятельное политическое существованіе, національное чувство, гордое сознаніе собственной силы, вѣра въ національный геній смѣшивались въ такомъ случаѣ съ презрѣніемъ, нетерпимостью къ другимъ народамъ—соперникамъ, съ непоколебимой увѣренностью въ своемъ превосходствѣ. Напряженная борьба, которой сопровождался объединительный процессъ у всѣхъ современныхъ народовъ, борьба во внѣ при размежеваніи съ сосѣдями и борьба внутри съ феодальной традиціей—центробѣжными общественными теченіями—питала и разжигала националистическія тенденціи. При такихъ условіяхъ историки прежде всего старались доказать, что историческая судьба даннаго народа не имѣетъ ничего общаго съ судьбами прочихъ народовъ, что прошлое ихъ страны отличается «совершеннымъ своеобразіемъ», а характеръ націи самобытными «счастливыми» особенностями. При этомъ каждый «народъ» объявлялъ себя солью земли, избранникомъ неба и смѣло говорилъ о своемъ правѣ на исключительную миссію во всемірно-историческомъ процессѣ, такъ что въ концѣ-концовъ эти національныя претензіи обращались иногда въ своеобразную Mania grandiosa historica. Но это было уже крайнее выраженіе національно-государственной идеи, въ которомъ слышался побѣдный кличъ торжествующихъ націй.

Понятно, въ какомъ направленіи должна была (при такихъ условіяхъ) развиваться историческая мысль новорожденныхъ народовъ. Люди стали съ жаромъ доискиваться своихъ національныхъ «основъ», «исконныхъ» началъ, стали искать «самихъ себя» въ томъ далекомъ прошломъ, которое продолжало вопросительно смотрѣть на нихъ и гдѣ, казалось, все было такъ загадочно и «чудесно». Взглядъ историка устремился, конечно, прежде всего къ родной старинѣ, къ памятникамъ родной древности; внѣ ея онъ не хотѣлъ, да и не могъ видѣть ничего иного *). На этой почвѣ

мысль славянина (говорилъ Соловьевъ на „поминкахъ“ по Карамзинѣ), должна была остановиться прежде всего на томъ явленіи, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ народъ русскій одинъ образовалъ государство, не только не утратившее своей самостоятельности, какъ другія, но громадное, могущественное, съ рѣшительнымъ вліяніемъ на историческія судьбы міра“. Москов. унив. извѣстія 1866—1867 г., № 3, стр. 179. Ср. также Соловьевъ. Соб. соч., стр. 794, 809. Авторъ любилъ также говорить о „великомъ подвигѣ“ созданіи русскаго государства (см. ibid. „Древняя Россія“).

*) Одновременно съ этимъ и въ литературномъ мірѣ пробуждается интересъ к народной поэзіи и памятникамъ духовной народной культуры. Въ Германіи съ (редины XVIII вѣка начинается *движеніе* возрожденія національной самобытности, которымъ тѣсно связано имя Лессинга. У насъ тоже со второй половины XVIII с лѣтія „открывается исканіе народной почвы“ въ памятникахъ народнаго творчест См. А. Пыпинъ. „Исторія русской литературы“, т. III, гл. III, стр. 111—117; т. I стр. 201—209.

и возникаетъ усиленное стремленіе къ собиранію и разработкѣ источниковъ и памятниковъ старины, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого момента берутъ свое начало и первые опыты научной обработки отечественной исторіи. Понятно, что историкамъ пришлось прежде всего обратиться къ возрожденію народнаго преданія, лѣтописной традиціи, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они невольно подчинились авторитету этого основного своего источника.

Культъ прошлаго, который являлся теперь выраженіемъ *культа государственной національности*, заставилъ ихъ смотрѣть и на лѣтописную традицію, какъ на нѣчто «священное» и непререкаемое, прежде чѣмъ историческая критика осмѣлилась поднять руку на это откровеніе вѣковъ *).

Извѣстно, что какъ на Западѣ, такъ и у насъ, первые историческіе опыты представляли собой не что иное, какъ пересказъ лѣтописи, художественно-патріотическое или критическое переложеніе ея на академическій или литературный «благородный штиль», причемъ элементъ реторическій и художественный первоначально преобладалъ надъ критическимъ.

Это былъ періодъ господства историческаго *прагматизма*, слѣдуя которому, писатели очевидно подражали классической исторіографіи, «безсмертнымъ твореніямъ Өукидидовымъ, «глубокомысленному живописцу Тациту», «плавному, краснорѣчивому Ливію». Первоначально на переднемъ планѣ у нихъ были поставлены литературныя достоинства историческаго повѣствованія—scribitur ad narrandum. Но, высоко цѣня искусство исторической живописи, на-ряду съ этимъ историки даннаго періода не менѣе охотно выступаютъ въ роли «моралиста или политика, панегириста или судьи»—scribitur ad probandum. Впрочемъ, уже съ этого момента изслѣдователи начинаютъ интересоваться также и вопросомъ о причинахъ историческихъ явленій и событій, но и здѣсь они не идутъ сначала далѣе своихъ образцовъ (лѣтописи и классиковъ), сосредоточивая все свое вниманіе почти исключительно на дѣятельности королей и князей, мудрой политикѣ или страстямъ которыхъ они и приписывали направляющую, творческую силу въ исторіи. Психологическая мотивировка событій—излюбленный, традиціонный пріемъ историка-прагматика. По его понятіямъ это и значило восходить къ истиннымъ причинамъ «дѣяній и приключеній», причинамъ, въ ряду которыхъ всеблагое Провидѣніе играло роль послѣдней инстанціи.

Стремясь такимъ образомъ къ художественной передачѣ событій прошлаго, къ возможно точному пересказу своего главнаго источника лѣтописи, историкъ-прагматикъ, въ сознаніи своего высокаго призванія, ставилъ своей цѣлью служеніе исторической «правдѣ», хотя, быть можетъ, ему и не всегда удавалось, подобно нашему Карамзину, соблюсти «безпристрастіе историка изъ-за любви къ отечеству». Стремленіе къ «истинѣ»

---

*) Предметомъ своеобразнаго культа довольно долго былъ у насъ „преподобный Несторъ", которому приписывалось составленіе лѣтописи.

тѣмъ болѣе воодушевляло историка, что онъ смотрѣлъ на свою «должнос… какъ на своего рода munus publicum. Онъ сочинялъ свою истор… убѣжденіи, что «она даетъ государямъ примѣръ правленія, поддан… повиновенія, всѣмъ намъ мужества, судьямъ правосудія, молодымъ ста… разумъ, престарѣлымъ сугубую твердость въ совѣтахъ, каждому нез… вое увеселеніе съ несказанною пользою соединенное», справедливо пол… при этомъ, что «когда вымышленныя повѣствованія производятъ дви… въ сердцахъ человѣческихъ, то *правдивая* ли исторія побуждать къ … хвальнымъ дѣламъ не имѣетъ силы» *). При такихъ воззрѣніяхъ исто… естественно стремился выдвинуть въ своемъ разсказѣ элементъ «г… роическій», «разительный», драматизируя событія, превознося «подв… и обличая «злодѣйства». Подъ его перомъ исторія такимъ образомъ пр… вращалась, по остроумному выраженію Савиньи, въ «moralisch-politi… Beispiel-Sammlung».

Но повторяя лѣтописный разсказъ, историки вмѣстѣ съ тѣмъ у… ивали и самый «духъ», направленіе лѣтописи. Полуофиціальный «кул… героевъ» послѣдней нашелъ у нихъ дальнѣйшее развитіе и обосно… сдѣлавшись научнымъ догматомъ, превратившись, наконецъ, въ «фило… фію исторіи». Явленіе это станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если … вспомнимъ, что объединительный процессъ въ исторіи европейскихъ н… родовъ, т.-е. образованіе національныхъ государствъ, совершился подъ … менемъ абсолютной монархіи, которая всюду вступила въ энергическ… борьбу съ феодальнымъ «расчлененіемъ» общества **). Историческая тео…

---

*) См. Ломоносовъ: „Древняя Россійская исторія“, стр. 4.

**) „Абсолютизмъ,—говоритъ проф. Н. Н. Ардашевъ,—составляетъ такую … господствующую характерную черту политической физіономіи XVII—XVIII в. как… служитъ феодализмъ для IX—XIII в. и сословная монархія для XIV—XV в. Это … значитъ, конечно, чтобы абсолютная монархія господствовала одинаково на все… пространствѣ Зап. Европы и на всемъ хронологическомъ протяженіи указаннаго … ріода... не *всюду* въ извѣстный данный моментъ и не во *все время* въ извѣстной д… ной странѣ господствуетъ абсолютная монархія. Но эти частные пробѣлы не н… шаютъ общаго господствующаго тона картины, и этотъ тонъ дается, именно, аб… лютизмомъ. Тамъ, гдѣ мы не находимъ абсолютизма въ фактѣ, мы встрѣчаемся … нимъ въ притязаніяхъ, въ стремленіяхъ, въ идеяхъ, наконецъ. Абсолютизмъ … только даетъ господствующій тонъ всей политической жизни эпохи, но налага… свой отпечатокъ и *на умственную, нравственную и экономическую* физіономію … слѣдней“, см. „Абсолютная монархія на Западѣ (1902 г.), стр. 1—2 и сл. Особ… тѣсная связь національной идеи съ абсолютизмомъ наблюдается, конечно, во Фр… ціи. „Ростъ королевской власти во Франціи (говоритъ тотъ же авторъ) самымъ т… нымъ образомъ связанъ съ постепеннымъ территоріальнымъ и національнымъ об… неніемъ страны“ Ibid., стр. 101. Ср. Sorel. „L'Europe et la révolution franç… 1 par., p. 122—123, 190; проф. Герье, С. М. Соловьевъ (*Истор. Вѣстникъ* 18… т. I, стр. 75). Въ Германіи, напротивъ, этотъ процессъ былъ задержанъ и … ровался благодаря его локализаціи въ нѣсколькихъ политическихъ центрахъ ст… что однако не помѣшало окончательному торжеству государственнаго начала … феодальной традиціей и не могло воспрепятствовать развитію національной … Напомнимъ также, что національная освободительная война начала XIX ст. въ …

отражая въ себѣ этотъ великій историческій переворотъ, создала вмѣстѣ съ тѣмъ апоѳеозъ *абсолютизму,* государственной власти, объявивъ ее «творцомъ» исторіи и величія народовъ. При этомъ она охотно и послѣдовательно отождествляла державныхъ вождей народовъ съ самымъ «государствомъ», персонифицируя государственную власть и сосредоточивая все вниманіе на дѣяніяхъ этихъ «великихъ подвигоподвижниковъ». Исторія народа должна была стушеваться, исчезнуть «derrière les manteaux de cour». Эта новая историческая теорія явилась, такимъ образомъ, академической идеологіей «государственности», просвѣщеннаго абсолютизма *). Историки на этотъ разъ закончили дѣло легистовъ.

Такъ, подъ двойнымъ вліяніемъ національной и государственной идеи зародилась историческая наука и первая историческая теорія. Господство этихъ идей было всеобъемлюще. «Вамъ извѣстно уже,—говорилъ своимъ слушателямъ Гизо на лекціяхъ по «Исторіи цивилизаціи во Франціи»,—что черезъ королевскую власть, съ одной стороны, и черезъ идею о націи вообще и о правахъ ея—съ другой, стало преобладать у насъ политическое единство и устроилось государство» **). Этимъ двумъ богамъ—Націи и Государству—и поклонялись историки, послѣдовательно переходя отъ раціоналистическаго

ніи имѣла своимъ вождемъ прусскаго короля и закончилась апоѳеозомъ королевской власти, который ей создала философія реакціи въ лицѣ Шеллинга и Гегеля, обоготворившихъ прусскую монархію и открывшихъ послѣднее мѣстопребываніе „міроваго духа“ въ германскомъ „народѣ“. Тѣ же тенденціи позднѣе съ особенною силой сказались въ трудахъ такихъ нѣмецкихъ историковъ, какъ, наприм., Ранке, Трейчке и Моммсенъ. Послѣдній обратилъ свою римскую исторію въ гимнъ цезаризму. См. Guilland. „L'Allemagne nouvelle et ses historiens. Introduction“, p. 112, 123, 130—131 et suiv.

*) См. Анри Мишель: „Идея государства“ (Спб., 1903 г.). Введеніе, стр. 9—27. „Такимъ образомъ (резюмируетъ авторъ на 23 стр.) теорія просвѣщеннаго деспотизма, отеческой монархіи или, если употребить техническій нѣмецкій терминъ „полицейскаго государства“ господствовала въ концѣ XVIII в., какъ въ Германіи, такъ и въ Шотландіи, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи“. Вообще XVIII ст. можно охарактеризовать какъ эпоху господства *просвѣщеннаго абсолютизма*. Въ свою очередь эта политическая доктрина была дѣтищемъ такъ называемой „просвѣтительной философіи“ XVIII в. Сторонниками просвѣщеннаго деспотизма являлись, какъ извѣстно, Вольтеръ, энциклопедисты, физіократы. Въ Россіи уже въ XVII в. мы находимъ у Крижанича развитую національно-государственную теорію въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. См. Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время (1861 г.), стр. 75—79. Милюковъ, op. cit., ч. III, в. 1, стр. 113—123.

**) Гизо. „Исторія цивилизаціи во Франціи“ (М., 1881 г.), т. III, стр. 59. Ср. Д. Градовскій „Собр. сочиненій“ (1901 г.), т. VI, стр. 4, 11. Указавъ на фактъ образованія національныхъ государствъ, авторъ говоритъ, что въ немъ „проявилось два стремленія народностей, тѣсно связанныя между собою: первое стремленіе къ внѣшней самостоятельности и второе—къ внутреннему единству народа. *Королевская власть представительница національнаго движенія* объявила, что она ни отъ кого не зависитъ въ дѣлахъ внутренняго управленія страною кромѣ Бога“. Такимъ путемъ она покончила сразу и съ феодальной традиціей и идеей всемірной монархіи. См. особенно К. Лампрехтъ „Исторія германскаго народа“, т. I. Введеніе. Ср. также А. Мишель, op. cit., стр. 4.

прагматизма къ историческому романтизму и идеалистической «фило[софіи] исторіи» *).

Рожденная въ водоворотѣ политической борьбы, историческая ли[тера]тура этого періода отличалась бурнымъ, полемическимъ характеромъ. [В] ней сказался антагонизмъ общественныхъ элементовъ эпохи, борьба [раз]личныхъ теченій, которыя постоянно сталкивались между собой. [...]

*) Здѣсь мы должны отмѣтить, что національно-государственная истори[ческая] теорія сложилась несомнѣнно подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей, съ одной [сто]роны, романтической, и такъ называемой, „исторической" школы, съ другой — вліяніемъ идеалистической философіи Шеллинга-Гегеля. Всѣ эти философскія [...] въ свою очередь являлись яркимъ отраженіемъ политическихъ событій эпохи, [...]дившей ихъ. Культъ „государства" и „національности" проходитъ, какъ Leit[motiv], черезъ всѣ эти системы, глубоко проникая ихъ и въ то же время сообщая [ха]рактеръ политическихъ трактатовъ. Возникнувъ почти одновременно, эти систе[мы] взаимно проникали одна другую, и въ то время, какъ центръ тяжести [...] романтиковъ и корифеевъ исторической школы лежалъ въ націоналистическихъ [тен]денціяхъ, идеалистическая философія создала религію „государства", обоготвор[ивъ] его и все подчинивъ его могучей десницѣ. Система Гегеля, по существу, [...]ровала основныя идеи и настроенія момента, отчасти смягчивъ крайности [...]лизма исторической школы и вмѣстѣ съ тѣмъ придавъ ея положеніямъ закончен[ный] всеобъемлющій философскій видъ созданіемъ грандіозной поэмы о саморазвиваю[щем]ся міровомъ духѣ, абсолютномъ разумѣ. (См. П. Н. Коркуновъ. Лекціи по об[щей] теоріи права. Изд. 4, стр. 86—89.) Это было, какъ справедливо замѣчаетъ [...] Випперъ, „послѣдняя философія прогресса единаго человѣчества" (Випперъ, op. c[it.], гл. XI, стр. 176 и сл.). Намъ остается отмѣтить и еще одну не менѣе [...] черту, равно присущую всѣмъ поименованнымъ выше теоріямъ и системамъ. [...] *культа націи и государства* онѣ переходили къ *культу прошлаго*, изъ нѣдръ [...]раго выводилось и то и другое. Поэтому всѣ эти системы отличались глубоко [кон]сервативнымъ и даже реакціоннымъ характеромъ. Все существующее было [...] „разумнымъ", историческая традиція священной и неприкосновенной. Государ[ство], объявленное вѣнцомъ историческаго творчества, становилось Божествомъ, а [вмѣстѣ] съ тѣмъ обоготворялись и носители государственной власти и государственной [...], которые согласно теоріи, являлись какъ бы священными сосудами, въ которы[хъ] пребывалъ „міровой духъ". Отсюда же вытекалъ и культъ „всемірно-историческихъ" личностей, новый культъ героевъ. Такимъ образомъ вновь явилась возможность [рас]сматривать историческій процессъ сквозь психологію великихъ посланниковъ [...]вого духа. „Въ этомъ случаѣ (говоритъ К. Бестужевъ-Рюминъ) наука, сама того [не] замѣчая, возвращалась къ эпохѣ созданія миѳовъ, когда цѣлые періоды [...] [во]площаются въ одномъ божественномъ или героическомъ лицѣ, совершающемъ [...] подвиговъ, символически знаменующихъ длинный рядъ событій, наполнявшихъ [...] жизнь нѣсколькихъ вѣковъ". (Русская Исторія, т. I, 1872 г., стр. 6.) Такъ [...] и смотрѣлъ на задачу историка маститый С. Соловьевъ (Соб. соч., стр. 1122—11[...]). Отмѣчая такимъ образомъ огромное опредѣляющее вліяніе, какое оказало [...] исторической школы и идеалистическая философія на образованіе національно-го[су]дарственной теоріи въ исторической наукѣ, мы не должны однако забывать, что [...] раньше, отчасти въ томъ же направленіи, дѣйствовала доктрина „естествен[наго] права". Уже Гоббсъ, родоначальникъ теоріи просвѣщеннаго деспотизма, [...] ученіе естественнаго права въ интересахъ абсолютизма. Мы знаемъ, что у [насъ], напр., Ѳеофанъ Прокоповичъ на аналогичномъ основаніи построилъ свой [...]тый трактатъ о „Правдѣ воли монаршей". Вліяніе Пуффендорфа, Гроція, [Лейбница] и особенно Хр. Вольфа въ этомъ отношеніи также не подлежитъ сомнѣні[ю].

на исторической литературѣ того времени лежитъ публицистическій отпечатокъ, и тенденціозность, партійность можетъ служить ея отличительнымъ признакомъ.

Это было время, когда на Западѣ, какъ и у насъ, одна историческая «школа» возникала за другой среди ожесточенныхъ споровъ на тему о томъ, «откуда есть пошла русская (или иная какая-либо) земля» и какъ сложилась та или другая «народность». Самыя названія этихъ школъ съ очевидностью показываютъ, что яблокомъ раздора былъ именно *вопросъ національный*. То были школы германистовъ, романистовъ, кельтистовъ, славянская, варяжская и т. п. Воспоминанія объ этомъ Sturm-und Drang-periode въ прошломъ исторической науки до сихъ поръ даютъ еще себя чувствовать какъ въ европейской, такъ и въ отечественной спеціальной литературѣ.

Основной цѣлью всѣхъ этихъ академическихъ пререканій были поиски національнаго типа. Нѣмецкіе историки стремились, наприм., доказать, что въ жилахъ ихъ народа течетъ несмѣшанная кровь древнихъ германцевъ, французскіе настаивали на галльскомъ происхожденіи своихъ предковъ, англійскіе—на англо-саксонскомъ, русскіе пытались превратить въ славянъ варяговъ, скиѳовъ и сарматъ и т. д. Мысль объ «иноплеменномъ» вліяніи казалась оскорбительной и оспаривалась историками съ патріотическимъ воодушевленіемъ, напротивъ, «своеродность», «самобытность» національнаго развитія отстаивалась со всѣмъ жаромъ національной исключительности. Отсюда и берутъ свое начало всѣ эти классическія формулы: «Франція—для французовъ», «Россія—для русскихъ» и т. п. включительно до «Deutschland, Deutschland über alles».

Но если страсти горѣли и шла ожесточенная и непримиримая литературная война, то вмѣстѣ съ тѣмъ все прочнѣй и прочнѣй устанавливалась гегемонія нѣкоторыхъ основныхъ, руководящихъ идей. Сухой прагматизмъ начиналъ постепенно облекаться въ торжественныя одежды идеалистической философіи, мета-историческаго романтизма.

Стремясь вскрыть тайну историческаго роста великихъ національныхъ организмовъ, историки теперь ставили своею основной цѣлью *народное самопознаніе*, т.-е. они стремились объяснить этотъ ростъ свободнымъ внутреннимъ развитіемъ самобытнаго «народнаго духа», который окончательно «самоопредѣлялся» лишь въ моментъ образованія единаго національнаго государства. На этой почвѣ и возникла теорія *органическаго* развитія народовъ, которая, какъ извѣстно, выдвинула впервые великую проблему о законахъ историческаго процесса. Такимъ путемъ былъ сдѣланъ смѣлый шагъ, благодаря которому полагалось первое основаніе прогрессу научнаго историческаго знанія. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что понятіе историческаго закона, какъ и самой исторической эволюціи долго оставалось въ устахъ историковъ понятіемъ чисто формальнымъ, безъ опредѣленнаго содержанія. Развивающійся изъ себя самодовлѣющій народный духъ являлся у нихъ вполнѣ абстрактнымъ философскимъ надъ-историческимъ понятіемъ,

логической категоріей, и «законы» его внутренняго необходимаго развитія представлялись поэтому также законами, если можно такъ выразиться, сверхъ-историческими, чисто апріорными. *Процессъ діалектическій какъ должен былъ замѣнить процессъ историческій.* Идеалистическая философія оправдала, такимъ путемъ, и санкціонировала авторитетомъ верховнаго разума національное *государство*, какъ историческій фактъ; будущимъ историкамъ предстояло вывести это государство изъ самой исторіи.

Однако, несмотря на всѣ свои недостатки, новая доктрина сыграла великую роль въ прошломъ исторической науки, оказавъ огромное вліяніе на методы историческаго изслѣдованія. Она провозгласила великую идею *историческаго развитія.*

Обращаясь теперь къ самой исторической схемѣ, какой мы встрѣчаемъ ее въ трудахъ націоналистовъ-историковъ, намъ не трудно предугадать, въ какомъ направленіи прежде всего должна была пойти научная разработка исторіи въ этомъ періодѣ. Заимствуя свой матеріалъ у лѣтописца, историки, подъ давленіемъ окружающихъ событій и господствующаго настроенія умовъ, должны были проникнуться и дѣйствительно прониклись *«государственной» точкой зрѣнія* и начали усиленно ее культивировать. Мы указали уже, что образованіе великихъ національныхъ государствъ совершалось подъ знаменемъ монархіи. Могучая, сосредоточенная государственная власть своей желѣзной рукой, казалось, сформовала эти новыя народныя громады; по крайней мѣрѣ, она именно была *признаннымъ вождемъ* великаго объединительнаго движенія. «Первоначальный принципъ, руководившій національнымъ движеніемъ (замѣчаетъ по этому поводу Градовскій) состоялъ въ представленіи о *независимости и единствѣ государственной власти. Правомъ короля на его территорію и народъ прикрывалось и защищалось право націи* на самостоятельное развитіе, подъ защиту этого верховнаго права становилось всякое движеніе, обезпечившее впослѣдствіи національную независимость» *). Отсюда понятно, что историческая теорія не задумалась обратить эту власть *въ творца* исторіи **). Историческая литература этой эпохи полна поэтому диѳирамбовъ государственной власти и ея представителямъ: она объявила абсолютизмъ, самодержавіе «палладіумомъ»

---

*) Д. Градовскій: „Собр. соч"., т. VI, стр. 112. „Фактически, какъ и въ теоріи (говоритъ А. Мишель) государство сливалось (тогда) съ государемъ, воплощалось въ его особѣ. Власть государя, если и не была произвольна, то, во всякомъ случаѣ, не имѣла другихъ границъ, кромѣ опредѣлявшихся его собственными интересами или же его личными обязанностями по отношенію къ Богу". „Идея государства", стр. 4. См. особенно Sorel, A.: „L'Europe et la révolution française", 1 p. (2 éd. 1887), p. 12—13, 36.

**) При такихъ условіяхъ *изслѣдовать* причины происхожденія того или другого института или историческаго явленія, значило отыскать соотвѣтствующій королевскій указъ. Такъ, французскіе и нѣмецкіе историки приписывали королямъ *введеніе* феодализма, у насъ—крѣпостного права и др. институтовъ. Проф. Сергѣевичъ, напр., до сихъ поръ еще ищетъ пропавшей грамоты о прикрѣпленіи крестьянъ (см. „Юридич. Древности", т. I, стр. 240—247).

національной исторіи *). Выводить все историческое развитіе «сверху» — стало обычнымъ академическимъ пріемомъ, подобно тому, какъ одно время было принято посвящать историческіе труды коронованнымъ особамъ **). «До сихъ поръ большая часть писателей и ученыхъ, историковъ и публицистовъ,—писалъ Гизо въ своихъ «Essais sur l'histoire de France»,—стремилась познать состояніе общества, степень и характеръ его культуры путемъ изученія политическихъ учрежденій. Однако было бы гораздо разумнѣе сначала изучить самое общество, чтобы познать и понять его политическія установленія», заключаетъ онъ. И эта государственная точка зрѣнія до того вошла въ плоть и кровь исторической науки, что даже въ наши дни, наприм., французскій историкъ J. Flach находитъ еще нужнымъ полемизировать съ ней: «Идея королевской власти насъ гипнотизировала (говоритъ авторъ). Мы централизировали исторію, теперь ее надо децентрализировать, вывести исторію нашихъ учрежденій изъ тѣхъ узкихъ и священныхъ формъ, въ которыхъ, какъ тому слишкомъ долго вѣрили, она будто бы протекала согласно творческой волѣ нашихъ королей, тогда какъ въ дѣйствительности она развивалась медленно, постепенно, по мѣрѣ расцвѣта ея внутренней жизни и подъ вліяніемъ окружающей среды» ***). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что весь интересъ спеціалистовъ изслѣдователей былъ прикованъ почти исключительно къ исторіи *политической*, и мы, дѣйствительно, можемъ констатировать тотъ знаменательный фактъ, что до-революціонная исторіографія усиленно разрабатывала, именно, государственную исторію, страдая въ этомъ отношеніи рѣзко выраженной гипертрофіей научнаго интереса ****). Это, дѣйствительно, былъ своеобразный гипнозъ, хотя и вполнѣ понятный и даже необходимый. Нечего и говорить, что историки при этомъ переносили въ прошлое основныя черты современнаго имъ политическаго строя, стремясь открыть «настоящіе» монархическіе институты чуть ли не въ самой колыбели національной исторіи.

Однако этотъ культъ народности и государственности, достигнувъ полнаго расцвѣта, постепенно началъ терять подъ собой почву по мѣрѣ того, какъ въ самой жизни народовъ моментъ политическій началъ отступать на

---

*) Въ русской исторической литературѣ эта мысль проходитъ красной нитью въ трудахъ историковъ XVIII—XIX вв. Классическія слова Карамзина—„самодержавіе есть палладіумъ Россіи", въ 1879 г. повторилъ проф. В. Сергѣевичъ: *„начало монархической формы правленія стоитъ въ нашей исторіи незыблемо: безъ монарха русскій человѣкъ не можетъ жить* (курсивъ автора), см. „Государство и право въ исторіи", стр. 94 („Сборникъ государственныхъ знаній Безобразова", кн. VII).

**) „Исторія народа принадлежитъ царю",—писалъ Карамзинъ въ посвященіи императору Александру I („Исторія госуд. Россійскаго", т. I, ст. VIII). Характерным явленіемъ этого времени были „historiographes royaux", которые состояли почти при всѣхъ дворахъ.

***) Jacques Flach: „Les origines de l'ancienne France", t. III (1904), p. 7—8

****) Въ свою очередь и юристы обращали *исторію права въ исторію законодательства*. При этомъ по преимуществу они разрабатывали *право государственное*.

заднiй планъ передъ вопросами соцiально-экономическаго характера. Нацiонально-государственная историческая теорiя съ ея крайнимъ преклоненiемъ передъ «народностью», вѣрой въ особые законы развитiя народнаго духа и исключительнымъ интересомъ къ политической исторiи должна была постепенно сойти со сцены. Но прежде чѣмъ покинуть послѣднюю свою позицiю, традицiонная историческая теорiя продолжала еще нѣкоторое время держать въ своей власти научно-историческую мысль. Жизнь шла впередъ, а деспотическая теорiя не переставала повторять свои стереотипныя формулы, изнемогая подъ бременемъ своего собственнаго непониманiя. Такой моментъ наступилъ теперь именно для русской исторической науки, которая, впрочемъ, въ самое послѣднее время обнаружила уже ясное стремленiе порвать съ этой академической традицiей, подобно тому, какъ революцiонная Россiя стремится въ наши дни сбросить съ себя иго абсолютизма. И это совпаденiе крушенiя «самодержавiя» и поворота въ русской исторической наукѣ вовсе не случайно, оба отмѣченныя явленiя органически связаны между собой. Мы знаемъ, что плѣнная историческая мысль при такихъ же точно условiяхъ сорвала съ себя оковы традицiи и на западѣ, создавъ на развалинахъ послѣдней *новую* историческую науку.

II.

Мы видѣли уже, какой огромный переворотъ совершился, долженъ былъ совершиться въ головахъ историковъ подъ влiянiемъ такого грандiознаго событiя, какъ образованiе великихъ нацiональныхъ государствъ. Въ перiодъ, когда складывались эти державы, Европа представляла огромный военный лагерь. Шла гигантская борьба и народы учились болѣе ненавидѣть другъ друга, чѣмъ понимать и уважать одинъ другого. На этой почвѣ взаимнаго отчужденiя и почти полнаго незнакомства народовъ между собой усиленно разгарались нацiоналистическiя тенденцiи. И до тѣхъ поръ, пока народы жили каждый особнякомъ, смотря на иностранца, какъ на тайнаго или явнаго врага, взаимное непониманiе было неизбѣжнымъ результатомъ подобнаго порядка вещей.

Вѣра въ совершенное своеобразiе своего историческаго прошлаго только здѣсь и могла находить свое послѣднее основанiе и логическое оправданiе. Но едва затихли первые громы междоусобной брани народовъ, какъ открылись новые горизонты передъ глазами утомленнаго мiра. Культурныя нацiи, выросши и окрѣпнувъ, начали вступать все въ болѣе и болѣе тѣсное общенiе между собой, полагая тѣмъ самымъ основанiе новому историческому перiоду—перiоду *культурнаго сотрудничества нацiй*. Тѣсныя международныя сношенiя, установившiяся въ результатѣ блестящаго промышленнаго развитiя западныхъ странъ, послужили почвой, на которой европейскiя государства сплотились въ общую «семью» культурныхъ народовъ. Неизбѣжнымъ слѣдствiемъ отмѣченнаго факта было одно весьма важное открытiе. Народы увидѣли, какъ близки они другъ другу по традицiямъ

прошлаго и настоящаго, какое близкое родство сказывается въ ихъ учрежденіяхъ, исторически и «самобытно» сложившихся, словомъ, какъ похожи они другъ на друга и какъ тѣсно связаны ихъ взаимные интересы. Это было, дѣйствительно, открытіе Европы Европой. Съ этого момента историческая наука и терминологія обогащаются новымъ понятіемъ и новымъ словомъ—*европейская цивилизація*. Европейская исторія въ сознаніи изслѣдователей стала теперь получать все большее и большее *единство*. И по мѣрѣ того, какъ мысль о близкомъ родствѣ культурныхъ «историческихъ» народовъ Европы находила постепенно широкое признаніе, старымъ націоналистическимъ предразсудкамъ приходилось рѣшительно отступать. Характерно, однако, что ,говоря о «европейской цивилизаціи», западные историки обходили совершеннымъ молчаніемъ исторію Россіи. Не трудно понять, чѣмъ объяснялось такое молчаніе. Россія выступила много позднѣе Запада на историческое поприще и позднѣе другихъ странъ вошла въ семью европейскихъ народовъ, поэтому она до сихъ поръ еще очень мало знакома нашимъ западнымъ сосѣдямъ, не говоря уже о ея историческомъ прошломъ. Исторія Египта, Китая, Индіи, Японіи интересовала до сихъ поръ европейскихъ ученыхъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ судьбы Россіи.

Указанный выше переворотъ въ умахъ европейскихъ историковъ отразился рѣшительнымъ образомъ и на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія. Европейская исторія заняла теперь вполнѣ самостоятельное положеніе въ міровой исторіи. Древній міръ, какъ особый историческій типъ и средневѣковая и новая Европа, какъ представительница совершенно особой самобытной культуры,—такова эта традиціонная трехчленная схема историческаго развитія человѣчества. Такимъ образомъ, communis doctorum opinio, высказавшись въ пользу признанія единства европейской культуры, рѣшительно отмежевало отъ нея античный міръ и древнюю исторію Востока, на долю которыхъ, согласно общей схемѣ, выпала совершенно иная всемірно-историческая роль. Такъ, хронологическая послѣдовательность была возведена въ историческій принципъ.

Но, если съ признаніемъ *единства* европейской культуры, націоналистическая исключительность отдѣльныхъ народовъ теряла подъ собой реальную почву, то, съ другой стороны, произошло какъ бы *обобществленіе* націоналистическаго чувства въ признаніи за цѣлой Европой особаго мѣста во всемірной исторіи. Европа оказалась, по признанію ученыхъ, совершенно особымъ культурно-историческимъ явленіемъ, ея прошлое и настоящее основывалось на совершенно иныхъ «началахъ», чѣмъ исторія древнихъ народовъ. Гордые сознаніемъ своего европейскаго величія, западные народы съ нескрываемымъ высокомѣріемъ стали смотрѣть на современныхъ «варваровъ», къ которымъ они начали врываться подъ знаменемъ просвѣщеннаго культуртрегерства.

Но если культъ націонализма въ исторіи все болѣе и болѣе терялъ свой raison d'être, то на-ряду съ этимъ мы должны отмѣтить и другое въ высшей степени знаменательное явленіе, которое роковымъ образомъ от-

разилось какъ на національной, такъ особенно и на «государст… точкѣ зрѣнія въ исторической наукѣ. Мы разумѣемъ то великое р… ціонное движеніе, которое, начиная съ самаго конца XVIII вѣка, вс… сначала во Франціи, постепенно охватило почти всю континентальную Е… пу и въ итогѣ принесло западному обществу свободныя учрежденія… существу это революціонное движеніе было послѣднимъ заключител… актомъ многовѣкового объединительнаго процесса въ исторіи европейск… народовъ, послѣднимъ моментомъ ихъ государственнаго «самоопредѣлені… какъ тогда говорили. Въ этомъ смыслѣ великія революціи XIX стол… знаменовали собой окончательное торжество *національно-государствен…* идеи, которая изъ *монархической* теперь превратилась въ *революціон…* *демократическую*, изъ *политической* въ *соціальную*. Начавшись п… знаменемъ абсолютизма, объединительное движеніе закончилось крушені… неограниченной монархіи *).

Но обращаясь въ свою собственную противоположность, старая н… нальная государственная теорія вмѣстѣ съ тѣмъ приходила логически… самоотрицанію, подготовляя почву для новой научной конструкціи поня… націи и государства.

Мы не должны забывать, что великое освободительное движеніе п… шлаго вѣка, глубоко потрясшее европейскія государства, какъ извѣст… манифестировало выступленіе на историческую арену широкихъ народн… массъ; оно перенесло въ руки «народа» политическую власть и навсе… покончило съ абсолютизмомъ. Паденіе неограниченной монархіи на Зап… было, такимъ образомъ, прямымъ слѣдствіемъ демократизаціи поли… скихъ и соціальныхъ отношеній. На смѣну стараго режима полицей… государства тогда и явилось новое *правовое государство*. Конститу… ныя учрежденія обновленной Европы съ этой точки зрѣнія были то… ственной санкціей завоеваній, сдѣланныхъ самимъ народомъ въ сферѣ п… литической и гражданской свободы. Переворотъ былъ великъ, стоилъ огр… ныхъ усилій и почти вѣковой борьбы, но зато результатъ былъ у вс… на глазахъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ старое абсолютное госу… дарство строилось по принципу подчиненія и европейскіе монархи, уд… живая за собой всѣ политическія права, смотрѣли на народъ, какъ н… «подданныхъ», на долю которыхъ оставались однѣ лишь обязанности… долгъ вѣрности,—государство правовое, напротивъ, краеугольнымъ кам… новаго строя поставило «права человѣка и гражданина» и выдвинуло ц… народнаго суверенитета. Если раньше единственнымъ легальнымъ носит… лемъ верховной государственной власти являлся монархъ, то тепе… центръ тяжести этой власти перемѣстился въ сторону народнаго пред… вительства; и подобно тому, какъ прежде въ блестящій періодъ расцвѣ… абсолютизма, «король-солнце» могъ сказать приписываемыя ему тра…

*) Довершить великое дѣло *организаціи* государства было не въ сред… абсолютизма такъ же, какъ не въ его силахъ было удержать въ тискахъ с… режима великое освободительное движеніе, поглотившее его.

ціей классическія слова: «государство это—я», теперь народные представители западныхъ государствъ съ такимъ же правомъ стали провозглашать: «государство это—мы». Таково было великое значеніе совершившагося переворота! Понятно въ какомъ направленіи отнынѣ должна была работать общественная и научная мысль. Идеологія «стараго порядка» теперь была подорвана въ самомъ корнѣ. Соціальные вопросы выдвинулись на первый планъ. Взглядъ «сверху», поэтому, уже не могъ болѣе удовлетворять при рѣшеніи историческихъ и политическихъ проблемъ, едва до слуха европейскаго общества и правительствъ долетѣлъ «шумъ тяжелой поступи» народныхъ массъ, требующихъ себѣ самостоятельной доли участія въ политической жизни страны. Теперь стало ясно, что жизнь государственная направляется вовсе не «творческой волею» державныхъ вождей народа, а именно общественными силами, борьбой интересовъ и классовъ. Сложность явленій соціальной жизни не допускала уже болѣе элементарныхъ толкованій. Съ этого момента и начинаетъ преобладать убѣжденіе, что лишь путемъ самаго тщательнаго анализа всей совокупности общественныхъ явленій, ихъ необходимой внутренней взаимной связи возможно вскрыть дѣйствіе тайныхъ образующихъ силъ историческаго процесса; вмѣстѣ съ тѣмъ необычайный расцвѣтъ наукъ естественныхъ и экономическихъ съ новой силой выдвинулъ на очередь вопросъ объ исторической эволюціи человѣчества и законахъ историческаго развитія. Теперь впервые теорія «органическаго» развитія народовъ спустилась на землю изъ-за облачныхъ сферъ мета-исторической философіи и была «поставлена на ноги», а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось необъятное поле для научнаго изслѣдованія. Поэтому, если прежде, какъ было указано выше, историки, создавая апологію національнаго государства, весь интересъ своихъ изысканій сосредоточивали на *біографіи или исторіи государственной власти*, то теперь вниманіе ихъ сконцентрировалось на процессахъ, происходящихъ въ низахъ общественной жизни, на «внутренней» исторіи. Съ этого момента соціально-экономическія отношенія, соціально-экономическая эволюція общества стала все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе спеціалистовъ *) подобно тому, какъ соціальная политика начала занимать доминирующее положеніе въ государственной жизни современныхъ культурныхъ народовъ. Такимъ образомъ, совершенно мѣнялась отправная точка зрѣнія при историческомъ изслѣдованіи. Мы видѣли, что прежде историки все выводили «сверху» и самую исторію объявляли дѣломъ мудрой политики государственной власти; напротивъ, теперь сама эта государственная власть должна была подвергнуться исторической реабилитаціи, она сама была признана историческимъ фактомъ, который въ свою очередь долженъ быть оцѣненъ и истолкованъ въ общей связи съ прочими историческими феноменами. Задача историка, благодаря этимъ новымъ требованіямъ, теперь

*) У насъ соціальная и экономическая исторія Россіи начала разрабатываться лишь въ самое послѣднее время. До этого вниманіе историковъ и историковъ-юристовъ всецѣло было поглощено государственной исторіей древней и новой Руси.

сильно осложнялась, но зато, съ другой стороны, она облегчалась тѣмъ, что въ его распоряженіе стали поступать новые драгоцѣнные матеріалы, которымъ въ эпоху «просвѣщеннаго» абсолютизма суждено было гнить въ архивахъ, куда не смѣла свободно проникать пытливая научная мысль *).

При такихъ условіяхъ историческая наука вступила въ новую эру своего развитія. Однако, полная переработка традиціонной исторической теоріи въ значительной мѣрѣ тормозилась тѣмъ обстоятельствомъ, что европейскіе историки продолжали еще твердо вѣрить въ особыя начала историческаго развитія привилегированныхъ народовъ Запада. Само собой разумѣется, что пока этотъ предразсудокъ оставался въ силѣ, не могла получить правильной постановки и самая проблема о всеобщихъ законахъ исторической эволюціи. Разрушить эти послѣднія иллюзіи, какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, должна была сама жизнь. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду прежде всего промышленный расцвѣтъ европейскихъ государствъ новѣйшаго времени, колоссальный ростъ ихъ производительныхъ силъ и ту ожесточенную конкуренцію на международномъ рынкѣ, которая вызвала въ концѣ-концовъ необычайную *колоніальную горячку*. Въ погонѣ за внѣшними рынками и въ неудержимомъ стремленіи къ экономическому міровому господству державы наперерывъ стремились овладѣть всѣми лакомыми кусками земного шара. Колоніальная политика заняла поэтому преобладающее положеніе въ европейской дипломатіи и колоніальный вопросъ получилъ первостепенное значеніе. Но для насъ важенъ не столько самый этотъ фактъ, сколько тѣ послѣдствія, какія повлекъ онъ за собой въ сферѣ спеціально интересующихъ насъ отношеній. Намъ важно именно отмѣтить здѣсь, что на почвѣ всѣхъ этихъ колоніальныхъ захватовъ гордымъ европейцамъ пришлось ближе ознакомиться съ самыми различными народами земного шара, народами всѣхъ цвѣтовъ и языковъ, а также вмѣстѣ съ тѣмъ удалось наблюдать человѣческія общества на самыхъ различныхъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія. Но что особенно драгоцѣнно, на колоніальныхъ территоріяхъ явилась возможность широко организовать археологическія изысканія. Благодаря всѣмъ этимъ наблюденіямъ и открытіямъ былъ данъ могучій толчокъ развитію новой дисциплины—*соціологіи*, которая въ свою очередь оказала такое огромное вліяніе на историческія науки. На этотъ разъ въ головахъ историковъ совершилась, дѣйствительно, величайшая революція, едва только изъ нѣдръ земли под-

---

*) Вспомнимъ признаніе Байера, который говорилъ, что въ его время „занятіе русской исторіей для русскихъ сопряжено было не только съ трудомъ, но и съ опасностью". *Пыпинъ*: „Исторія русской литературы", т. III, стр. 510 (1903). M. Championniére, наприм., говоря о „хаосѣ" мнѣній, который господствовалъ среди французскихъ историковъ его времени, объясняетъ столь печальное состояніе науки недостаткомъ „свободной критики", и незнакомствамъ авторовъ въ источниками, „qu'il n'était pas alors permis de lire et surtout de révéler". Недавно еще,—говоритъ онъ,—грозила Бастилія за историческія изслѣдованія, неугодныя сильнымъ міра сего. De la propiété des eaux courantes et cet. 1846, p. VII.

нялись цѣлые города и царства и передъ изумленными взорами изслѣдователей открылось еще небывалое зрѣлище. Ученые археологи, этнографы, языковѣды, юристы и историки принялись теперь усиленно оживлять безмолвныхъ свидѣтелей тьмы вѣковъ. И когда эти живые мертвецы вдругъ заговорили, изумленію ученыхъ не было предѣла. Въ этихъ загадочныхъ, тысячелѣтіями тлѣвшихъ въ землѣ, памятникахъ архаическихъ временъ таилось что-то такое близкое намъ. Оказалось, что перипетіи, еще такъ недавно пережитыя новѣйшими народами, были уже не разъ пережиты людьми за 2—3 тысячи лѣтъ до нашей эры, какъ переживаются онѣ теперь на нашихъ глазахъ современными «дикарями», въ которыхъ мы можемъ видѣть какъ бы воскресшихъ нашихъ далекихъ предковъ *). Все, что извѣстно было до сихъ поръ о древнихъ народахъ, пришлось при такихъ условіяхъ подвергнуть самому коренному пересмотру, ходячія параллели отбросить и приступить къ постройкѣ новаго зданія. Теперь становилось очевиднымъ, что всѣ народы развивались *аналогичнымъ путемъ*, проходя одинаковые историческіе этапы, повинуясь однимъ и тѣмъ же законамъ развитія. Не всѣ, конечно, достигли одинаковой высоты культуры, не всѣ ушли одинаково далеко въ своемъ развитіи, но, пока они двигались, ихъ *направленіе* было одно, ихъ цѣли были тѣ же. Понятно, какой глубокій переворотъ долженъ былъ совершиться въ исторической наукѣ въ результатѣ всѣхъ этихъ открытій и наблюденій. Вотъ, наприм., въ какихъ выраженіяхъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей по исторіи древняго Египта A. Erman передаетъ намъ свои впечатлѣнія по поводу новѣйшихъ открытій въ этой области: «на мѣстѣ «heiligen Dämmerung», какъ рисовались египтяне еще Гёте, вспыхнулъ яркій безжалостный свѣтъ исторіи, и древніе египтяне явились передъ нами, какъ народъ, который былъ ничѣмъ не хуже и не лучше прочихъ народовъ... Египтяне за 3000 лѣтъ до Р. Х. во всѣхъ отношеніяхъ представляли собой то же самое, что и современные народы на подобной же стадіи культурнаго развитія и при подобныхъ же отношеніяхъ. Ихъ языкъ, религія, государство развивались тѣмъ же путемъ, какъ и у другихъ юныхъ народовъ. Міръ 5000 лѣтъ тому назадъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и въ наше время, тѣ же вѣчные законы, которымъ онъ повинуется нынѣ, господствовали и

---

*) Въ своемъ извѣстномъ докладѣ на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ Эд. Мейеръ, выступивъ рѣшительнымъ противникомъ „обычнаго дѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую“, противопоставилъ ему совершенно другую точку зрѣнія на предметъ. „Въ противоположность этому взгляду (говоритъ авторъ „Geschichte des Alterthums“) необходимо самымъ энергичнымъ образомъ указать на то, что исторія развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены („Экономическое развитіе древняго міра“, пер. Гершензона, М., 1906 г., стр. 9; его же Geschichte des Alterthums, I. s., s. s., 2—15). Напомнимъ здѣсь, что ту же мысль высказалъ въ свое время еще Вико, который вывелъ на этомъ основаніи свой „законъ историческаго круговращенія (corsi e ricorsi).

тогда съ тою же непоколебимостью. Всѣ открытія и успѣхи, кото тѣхъ поръ сдѣлало человѣчество, ничего здѣсь не могли измѣнить: борьба, которая создала древнія государства, создаетъ и современн же отношенія, которыя способствовали расцвѣту и развитію стар кусства, пробуждаютъ къ жизни и убиваютъ современное» *). Поч тѣхъ же выраженіяхъ на страницахъ журнала «L'année sociologique» сказался другой ученый по поводу появившагося на нѣмецкомъ новаго изслѣдованія по исторіи Японіи **). Авторъ статьи обращаетъ маніе» на ту аналогію, которую представляетъ эволюція Японіи съ собственнымъ соціальнымъ развитіемъ (т.-е. Франціи). Мы прошли,— воритъ онъ,—почти тѣ же самыя стадіи. За имперіей Каролинговъ довалъ феодализмъ, за феодализмомъ абсолютная монархія. Даже въ таляхъ мы находимъ сходство... Словомъ, и то, и другое развитіе дятся въ зависимости отъ общихъ причинъ и, можетъ быть, передъ уже открывается здѣсь абстрактный типъ соціальной эволюціи». тѣмъ же результатамъ и къ тѣмъ же выводамъ приходятъ и новѣй изслѣдователи Индіи. Такъ, указывая на великія научно-историческія воеванія послѣдняго времени, I. Dahlmann выступилъ съ рѣшитель протестомъ противъ традиціоннаго взгляда на исторію Востока, какъ исторію народовъ, которые якобы вѣками «спятъ, покой цѣня». Ока вается, что и народъ Индіи, этотъ «Volk von Träumen», какъ пред влялся онъ историкамъ старой школы, при свѣтѣ сравнительно-истори скихъ данныхъ и послѣднихъ открытій «проснулся», наконецъ, и «исторіи» ***). Мы не будемъ останавливаться далѣе на результатахъ временныхъ изысканій въ области античной исторіи, которая въ на дни, можно сказать, подверглась полной и совершенной переработкѣ, мы не можемъ пройти молчаніемъ одного изъ новѣйшихъ открытій, кото рое произвело исключительное впечатлѣніе на весь ученый міръ на времени. Мы разумѣемъ найденные въ 1902 г. законы вавилонскаго Гамураби, памятникъ, восходящій почти за 2500 лѣтъ до Р. Х. Что нашли историки въ этихъ законахъ и памятникахъ погибшей культу Вавилона? «Государство, культурное развитіе котораго не уступало витію нашихъ средневѣковыхъ государствъ»,—отвѣчаетъ Ф. Деличъ ****). Такимъ образомъ, тотъ самый историческій укладъ, который такъ нед считался «особенностью» западно-европейской исторіи, феодальный ст оказался самобытнымъ явленіемъ дряхлаго Вавилона.

*) A. Erman. Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. 1 B. (1885) S. ср. Alf. Kremer. Kulturgeschichte des Orients, B. I, 1875, S. IX. 110.

**) Année Sociologique, 1902, p. 342—347. Ср. Pierre Leroy Beaulieu. L vation de l'Asie (1900), p. IX—X, 154 et suiv.

***) См. Ioseph Dahlmann. Das altindische Volkstum und seine Bedeutung Gesellschaftskunde (Köln., 1899), SS. 1—5 и сл. Его же. Das Mahabharata und Rechtsbuch (1895).

****) Библія и Вавилонъ, стр. 18 (издан. Суворина, 1906 года). См. так Ieremias. Moses und Hammurabi. S. 8 и а.

Говоря по этому поводу о побѣдахъ, одержанныхъ въ наши дни историческими науками благодаря великимъ открытіямъ послѣдняго времени и примѣненію историко-сравнительнаго метода изслѣдованія, цюрихскій профессоръ G. Kohn замѣчаетъ, что теперь становится все очевиднѣй и очевиднѣй та великая истина, которая учитъ насъ, «какъ внѣ всякой фактической связи правовые институты различныхъ народовъ измѣняются согласно общимъ законамъ развитія» *). Такимъ образомъ, современные изслѣдователи приходятъ теперь къ тѣмъ же самымъ выводамъ и заключеніямъ, которые еще въ 1878 году были формулированы А. Постомъ, признавшимъ, что «человѣческій духъ творитъ въ области права съ изумительной общей для всего человѣчества закономѣрностью, которая ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія господство всеобщихъ желѣзныхъ естественныхъ законовъ» **). Такъ, къ концу XIX вѣка мысль объ «идеальной естественной исторіи человѣчества», которую пытался построить еще Вико, получила, наконецъ, свое научное признаніе и первое обоснованіе.

Означеннымъ глубочайшимъ переворотомъ историческая наука была несомнѣнно обязана новому *методу* изслѣдованія, *методу историко-сравнительному*, который началъ находить особенное распространеніе съ 80-хъ годовъ XIX столѣтія и въ теченіе четверти вѣка совершенно преобразилъ историческія науки.

Теперь, когда область историческаго знанія расширилась почти безпредѣльно, только благодаря новымъ методологическимъ пріемамъ, явилась возможность произвести надлежащую оцѣнку и переработку массы сырого накопленнаго матеріала. Передъ глазами историка открылась теперь міровая сцена, а историко-сравнительное изслѣдованіе сообщало его взгляду чисто космополитическую широту. Новая точка зрѣнія поставила на мѣсто націоналистическихъ предразсудковъ и тенденціозной односторонности принципъ объективно научнаго анализа. Вся исторія человѣчества предстала теперь въ новомъ свѣтѣ, какъ единый великій процессъ, гдѣ подъ видимымъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ господствуетъ единый естественный законъ. Вопросъ объ историческихъ законахъ и исторической эволюціи человѣческихъ обществъ только съ этого момента получилъ надлежащую постановку. Введеніе историко-сравнительнаго метода въ область историческихъ дисциплинъ въ этомъ смыслѣ было какъ бы своего рода изобрѣтеніемъ компаса. Научная мысль озарилась новымъ руководящимъ началомъ, и можно сказать, не боясь преувеличеній, что, слѣдуя указаніямъ этого компаса, историкамъ конца XIX в. удалось открыть новый міръ. Старое ветхое зданіе историческаго знанія было теперь поколеблено въ самомъ своемъ основаніи. На мѣсто шаблоннаго дѣленія «всемірной исторіи» на древнюю, среднюю и новую, какъ три послѣдовательныя стадіи въ развитіи человѣчества, былъ поставленъ совершенно новый принципъ.

*) Die Gezetze Hammurabis. Rektoratsrede (Zürich), 1903, S. 43.

**) Альб. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній, переводъ подъ ред. М. Ковалевскаго (1901), стр. 12.

Совершилась полная перетасовка эпохъ и народовъ. «Древній міръ» ... открытъ въ средневѣковой Европѣ и наоборотъ «средневѣковый» ... оказался достояніемъ древнѣйшихъ народовъ *). Погребенное среди ... сковъ, нѣкогда славное египетское царство фараоновъ, долго представ... шееся ученымъ какимъ-то загадочнымъ историческимъ сфинксомъ, ... залось *исторически* гораздо ближе къ намъ, чѣмъ германцы эпохи Це... заря или Тацита, или славяне первоначальной русской лѣтописи. Исторія, такимъ образомъ, вытянулась теперь въ цѣлый рядъ параллельныхъ л... ній различной длины, а не рисовалась, какъ прежде, говоря словами Эд. Мейера, въ видѣ непрерывной «восходящей линіи». Отсюда понятно, что въ этомъ новомъ разрѣзѣ, вопреки традиціоннымъ воззрѣніямъ историковъ старой школы, *на одной исторической плоскости встрѣтились народы самыхъ различныхъ хронологическихъ зонъ*. И, дѣйствительно, теперь яви... лась возможность сближать феодальную Европу, Египетъ фараоновъ XII династіи, Японію X и позднѣйшихъ вѣковъ, древнюю Русь начиная съ XIII ст. и т. д. Въ концѣ-концовъ, благодаря всѣмъ этимъ наблюденіямъ надъ историческою жизнью народовъ, прочно устанавливался фактъ перво... степенной научной важности; оказывалось, что подъ различными широтами, при самыхъ многообразныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ, народы всѣхъ расъ на пространствѣ тысячелѣтій проходили однѣ и тѣ же *типическія* стадіи историческаго развитія. Конечно, далеко не всѣ изъ этихъ народовъ прошли всѣ основные этапы соціальной эволюціи, но тѣмъ не менѣе всюду мы видимъ аналогичныя явленія, характерную *последовательность* въ смѣнѣ политическихъ и соціально-экономическихъ форма... цій. Открытіемъ этой великой истины мы обязаны историко-сравнительному методу. Съ этого момента должны были измѣниться не только пріемы, но и самыя цѣли научнаго изслѣдованія; если прежде историкъ ставилъ своей задачей «народное самосознаніе», то теперь онъ стремится къ чисто *научному познанію*, говоря иначе, его конечною цѣлью стало открытіе законовъ движенія историческихъ силъ, т.-е. *законовъ* историческаго развитія. Такова, именно, конечная цѣль всякаго вообще научнаго знанія.

Историко-сравнительный методъ, можно сказать, даетъ намъ maximum средствъ для реализаціи этого пока еще далекаго идеала. Методъ этотъ заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя гарантіи какъ противъ анти-историческихъ одностороннихъ построеній, такъ и противъ вульгарнаго, шаблонного пониманія исторической эволюціи. Гарантіи эти сводятся къ тому, что при сравнительно-историческомъ изученіи *общее* и *частное*, явленія *родового* сходства и *видовыхъ* различій выступаютъ съ одинаковой силой и очевидностью. Изслѣдователю легче выдѣлить, съ одной стороны, черты *индивидуальныя* въ исторіи каждаго народа, съ другой—легче уловить то *общее, основное*, что и составляетъ самую *сущность* историческаго про-

---

*) По остроумному замѣчанію Фримэна, историки старой школы разсматривали „древнюю“ исторію такъ, какъ будто бы всѣ древніе народы жили въ одно время. Ср. *Мейеръ:* „Экономическое развитіе древняго міра“, стр. 910.

цесса. «Люди очень часто смѣшиваютъ,—говоритъ К. Каутскій,—и, именно въ различныхъ областяхъ соціальной науки,—законъ съ шаблономъ *). Историко-сравнительный методъ и предохраняетъ отъ подобнаго рода смѣшенія, доказывая намъ, что, если исторія въ своемъ движеніи подчиняется извѣстнымъ законамъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она никогда не повторяется въ смыслѣ тожества, шаблона. Типическое вѣдь не только не противорѣчитъ индивидуальному, но, напротивъ, его необходимо предполагаетъ.

«Проводя какую-нибудь аналогію,—говоритъ англійскій изслѣдователь Фримэнъ,—слѣдуетъ также внимательно останавливаться на чертахъ различія, какъ и на чертахъ сходства, внѣшнія различія часто даютъ намъ въ самомъ дѣлѣ лучшее доказательство внутренняго сходства. Если въ своемъ сравненіи мы останавливаемся, замѣчая въ подробностяхъ то или другое несходство, это служитъ вѣрнѣйшимъ подтвержденіемъ дѣйствительнаго сходства сравниваемыхъ предметовъ. Если мы замѣчаемъ малѣйшія различія между лицами людей, то это потому, что мы видимъ во всѣхъ нихъ существенное сходство, которое только и даетъ намъ возможность замѣчать черты несходства» **). Но если историко-сравнительный методъ позволяетъ намъ ясно различать общеисторическія и «національныя» черты въ развитіи каждаго отдѣльнаго народа, то, съ другой стороны, онъ также помогаетъ намъ правильно оцѣнивать и тѣ изъ явленій въ исторіи народовъ, которыя при *изолированномъ* изученіи остались бы для насъ или мало понятными, или приняты были бы за «случайныя». Извѣстно, что историческіе памятники нерѣдко изобилуютъ крупными пробѣлами и носятъ фрагментарный характеръ; въ такихъ-то случаяхъ сравнительно-историческая точка зрѣнія можетъ освѣтить намъ многія темныя стороны исторіи отдѣльныхъ народовъ.

Наконецъ, благодаря новымъ методологическимъ пріемамъ и *вопросъ національный* получилъ совершенно новую постановку и разрѣшеніе. Если прежде подъ національностью разумѣлись извѣстныя прирожденныя особенности народнаго характера и самое понятіе народа принималось въ смыслѣ кровнаго, племенного единства, то теперь, напротивъ, понятіе націи стало конструироваться, какъ понятіе чисто *историческое*. Мы видѣли уже, что націоналисты-историки выводили исторію народа изъ народнаго «духа», изъ тѣхъ самобытныхъ «исконныхъ» началъ, которыя якобы были заложены самой природой въ данную племенную разновидность человѣческаго рода. Поэтому исторія каждаго народа разсматривалась ими, какъ нѣчто совершенно «своеобразное»: въ крови германца таились совсѣмъ иныя историческія возможности, чѣмъ, напримѣръ, въ крови славянина. Въ зависимости отъ этого каждой націи и приписывалась особая роль во всемірно-историческомъ процессѣ. Наоборотъ, новѣйшіе историки *выводятъ самую націю изъ исторіи*. Съ этой точки зрѣнія національныя государства представляются чисто историческими категорі-

---

*) *Карлъ Каутскій*: „Возникновеніе брака и семьи“ (Спб., 1895 г.), стр. 97.

**) *Фримэнъ*: „Сравнительная политика“, стр. 14.

ями. Подъ національнымъ государствомъ мы и разумѣемъ теперь политически сплоченный народный организмъ, сплоченность котораго покоится на общности исторической жизни, многовѣковомъ культурномъ сотрудничествѣ. Единство культуры,—такова матеріальная основа современныхъ націй. Такимъ образамъ нація является для насъ прежде всего культурно-историческимъ понятіемъ *); не кровное начало, а соціально-экономическія отношенія въ связи съ борьбой за самостоятельное политическое существованіе, вотъ что сковываетъ современныя націи въ тѣсные государственные и народно-хозяйственные союзы. Но новѣйшія научныя изысканія утвердили выше приведенное опредѣленіе націи еще и съ другой стороны. Теперь мы знаемъ, что современныя государства въ «кровномъ», этнографическомъ отношеніи представляютъ самую запутанную антропологическую черезполосицу: каждый народъ образуетъ въ большей или меньшей степени смѣсь различныхъ народностей и расъ, съ одной стороны, съ другой—одна и та же народность входитъ въ составъ различныхъ національностей (наприм., германская кровь равно вошла въ «національные» организмы Франціи, Германіи, Англіи и др. народовъ, хотя это и не мѣшаетъ историкамъ говорить о французской, германской и друг. націяхъ).

Характерно, что едва эта сторона образованія національностей была вскрыта научнымъ анализомъ, какъ националистическія тенденціи поспѣшили найти свой послѣдній пріютъ въ томъ утвержденіи, что *единство культуры европейскихъ народовъ* покоится на ихъ *общности происхожденія*. Европейская цивилизація была объявлена культурой народовъ арійской расы **). Но историко-сравнительныя изысканія разрушили и эту послѣднюю иллюзію относительно особыхъ основаній самобытной исторической эволюціи европейскихъ избранныхъ народовъ. Вмѣстѣ съ культомъ европейской народности должна была пасть и теорія особой арійской культуры и высокой миссіи въ міровой исторіи.

Ближайшее знакомство съ исторіей угасшихъ и исчезнувшихъ народовъ не-арійскаго происхожденія блестяще доказало, что передъ лицомъ исторической необходимости представители всѣхъ расъ—равны, какая бы кровь

---

*) Ср. *П. Н. Милюковъ*: „Очерки по исторіи русской культуры", ч. III, в. 1. Введеніе.

**) На такой точкѣ зрѣнія стоялъ, наприм., Фримэнъ („Сравнительная политика", стр. 35, 42 и др.), который сходства въ учрежденіяхъ и историческихъ судьбахъ народовъ арійской расы объяснялъ единствомъ ихъ происхожденія, хотя и онъ допускалъ здѣсь нѣкоторыя оговорки (см. ibid., стр. 179,—42). Авторъ вообще полагаетъ, что „исторія человѣчества" должна сводиться къ исторіи европейскихъ народовъ. Такъ, назвавъ грековъ, римлянъ и германцевъ, онъ замѣчаетъ, что „эти народности были тремя главными *историческими* народностями, которыя занимаютъ первенствующее мѣсто среди человѣчества, и исторія которыхъ собственно и *составляетъ исторію человѣчества*". „Кельты,—говоритъ онъ,—пришли слишкомъ рано, а славяне слишкомъ поздно для того, чтобы принять прямое участіе въ дѣлѣ ихъ братьевъ" (ibid., стр. 34—35), ср. его же. Методы изученія исторіи (1898 г., изд. Солдатенкова), стр. 37, 205—2,011, 253. У насъ историкъ С. Соловьевъ также постоянно подчеркивалъ ту мысль, что „великое племя" арійцевъ является „любимцемъ исторіи"; см. Собраніе сочиненій, стр. 980, 1,146.

ни бѣжала въ ихъ жилахъ, каковъ ни былъ бы цвѣтъ ихъ кожи, и въ какихъ бы климатическихъ условіяхъ они ни жили.

Такимъ образомъ современная наука даетъ совершенно новое понятіе національности, она строитъ его, какъ понятіе *историческое*, т.-е. видитъ въ націяхъ одно изъ позднихъ историческихъ явленій, необходимый результатъ долгой исторической эволюціи. Съ этой точки зрѣнія *всякая національная исторія* есть лишь частный случай проявленія общихъ историческихъ законовъ.

Каждый народъ въ условіяхъ даннаго мѣста и времени переживаетъ, конечно, по-своему основные моменты исторической эволюціи, но это вовсе не значитъ, что онъ подчиняется особымъ законамъ развитія. На обязанности историка поэтому и лежитъ,—выдѣлить въ исторіи каждаго народа элементы родовой и видовой. Только такимъ путемъ можетъ онъ восходить до общихъ принциповъ, абстрагировать коренныя начала, лежащія въ основѣ реальныхъ явленій, всегда отмѣченныхъ *индивидуальными* признаками.

Покончивъ разъ навсегда съ академическими предразсудками, новая историческая наука вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ передъ нами широчайшіе горизонты и перспективы. Міръ, какъ цѣлое, предсталъ теперь передъ нами въ видѣ закономѣрно-развивающагося единства, какъ необходимый процессъ, который наука обнимаетъ въ одномъ понятіи *эволюціи*. Внѣ круга данныхъ, установленныхъ принциповъ нѣтъ и не можетъ быть научнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ умъ можетъ познавать только въ терминахъ необходимаго, закономѣрнаго: таковы основы всякой логической, т.-е. мыслительной дѣятельности; иначе міръ нашихъ понятій и представленій долженъ разрушиться, а мысль погрузиться въ безнадежный хаосъ. Съ другой стороны, и планомѣрная сознательная дѣятельность человѣка, для того чтобы быть продуктивной, должна всегда исходить изъ понятія закономѣрнаго, реально-возможнаго, такъ какъ мы являемся дѣятельными агентами въ жизни всегда лишь въ той мѣрѣ, въ какой *необходимое въ общественно-историческомъ процессѣ* обращается для насъ въ психологически необходимое, т.-е. должное. Было бы, конечно, неумѣстно говорить по этому поводу о фатализмѣ, слѣпомъ преклоненіи передъ неумолимымъ рокомъ исторіи. Мы изучаемъ законы природы съ тѣмъ, чтобы слѣдуя, *повинуясь* имъ, побѣждать и властвовать, сознательно и цѣлесообразно творить; насъ не смущаетъ мысль о томъ, что мы не можемъ разорвать цѣпей желѣзнаго закона гармоніи стихійныхъ силъ, сознаніе, что мы съ нашей планетой ничтожная песчинка, гонимая въ необходимомъ міровомъ процессѣ по пути для насъ загадочной и непонятной вѣчности. Напротивъ, наше творчество не оскудѣваетъ и чѣмъ больше познаемъ мы законы природы, т.-е. необходимое постоянство въ соотношеніи и движеніи естественныхъ силъ, тѣмъ шире развивается наша культурная дѣятельность. Тѣ же цѣли и тѣ же результаты имѣются въ виду и при анализѣ историческихъ процессовъ. **Б. И. Сыромятниковъ.**

Думы о „Быломъ“ *).

(«Былое» 1906 г., январь—сентябрь.)

II.

«Эпоха великихъ реформъ...» При этихъ словахъ обыкновенно представляется весна русской жизни, бурнымъ потокомъ снесшая грязь и залежавшійся мусоръ «стараго, но не добраго времени»,—бодрая и радостная «нигилистическая» переоцѣнка всѣхъ прежнихъ цѣнностей, небывалое доселѣ (да и послѣ) у насъ напряженіе общественной энергіи, широкій и высокій подъемъ правительственной инициіативы.

> ...Мечты поэта,
> Историкъ строгій гонитъ васъ!
> Увы—его раздался гласъ,
> И гдѣ-жъ очарованье свѣта?...

«Строгій гласъ» безпристрастной исторіи давно уже разрушилъ эту прекраснодушную «мечту» наивно поэтизирующаго обывателя, ея безпощадный анализъ разложилъ и разсѣялъ туманъ легенды, возстановилъ реальныя очертанія пережитаго момента.

Въ началѣ его пестрая и шумная сутолока цѣпкой старины и только еще нащупывавшей почву новизны. Среди общихъ напряженныхъ ожиданій, при прежнихъ условіяхъ жизни, всѣмъ опостылѣвшихъ старыхъ административныхъ и цензурныхъ порядкахъ, прозвучали магическія слова: «обновленіе» и «освобожденіе»—слова столько же знаменательныя, сколько и отвѣтственныя. Общимъ надеждамъ предстоялъ долгій и тяжелый искусъ. Дѣло обѣщанныхъ и назрѣвшихъ реформъ затягивалось и шло зигзагами; то, что давалось или было обѣщано сегодня, отнималось или ограничивалось завтра; за шагомъ впередъ слѣдовало нѣсколько шаговъ назадъ и въ сторону; реформа осуществлялась для того, чтобы тотчасъ же свести ее «на нѣтъ», и уродливыя надстройки и пристройки въ корень исказили зданіе, которое только начали возводить.

---

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

Освобожденіе крестьянъ было проведено такъ, чтобы черезъ одно или два поколѣнія привести ихъ къ полному обнищанію; облегченіе цензурнаго гнета, «судъ скорый и милостивый», автономія университета, городское и земское самоуправленіе оставались пустыми звуками до тѣхъ поръ, пока сохранялось нетронутымъ самодержавіе правящей бюрократіи, пока за ними не было реальныхъ гарантій.

Постоянныя колебанія заправляющаго маятника между Долгоруковыми, Шуваловыми, Муравьевыми—вѣшателями, Треповыми, Мезенцовыми, Валуевыми, Толстыми—и «кузнецами-гражданами» приводили въ нервическое раздраженіе всѣхъ алкавшихъ и жаждавшихъ новой, болѣе устойчивой и разумной жизни; стремительной волной подымались общее разочарованіе и недовольство. Выдвинутая «нигилистами» борьба за элементарныя права человѣческой личности начинаетъ все болѣе и болѣе осложняться политическими мотивами; съ вершинъ европейской науки, воинствующаго матеріализма и непримиримаго атеизма, позитивныхъ исканій и соціалистическихъ грезъ они все болѣе и болѣе спускаются къ грязи и ужасамъ родной дѣйствительности.

Обособленная вначалѣ, и потому заранѣе осужденная на «кипѣніе въ дѣйствіи пустомъ» борьба за освобожденіе мысли и личности наталкивалась на противорѣчія и сопротивленіе упругаго политическаго строя и должна была вскорѣ направить свои удары противъ него; все болѣе прояснялось сознаніе необходимости коренной политической реформы. Поднявшіеся «со дна» и оттѣснившіе энергическимъ натискомъ «кающихся» и «будирующихъ» дворянъ разночинцы принесли съ собою живое и сочувственное пониманіе положенія обездоленныхъ общественныхъ низовъ, отрѣшившись отъ фантома царизма, этой исторической проэкціи народнаго горя. Кровавыя расправы съ бунтовавшими крестьянами и поляками (вспомнимъ «Бездненскую» исторію и подвиги Муравьева-вѣшателя), разгромъ воскресныхъ школъ и прогрессивной печати, неосмысленныя, жестокія репрессіи по отношенію къ профессорамъ, студентамъ и писателямъ (дѣла профессоровъ: Щапова и Павлова, Михайлова, Чернышевскаго и др.) довершили политическое и общественное воспитаніе Базаровыхъ, Рахметовыхъ и Рязановыхъ и направили ихъ дѣятельность по революціонному руслу. Сложное и острое броженіе мысли привело такимъ образомъ къ нащупыванію революціонныхъ силъ и быстрому революціонизированію общества, захватившему прежде всего разночинческую интеллигенцію и учащуюся молодежь и затѣмъ приведшему къ первымъ попыткамъ проникнуть съ систематической антиправительственной или соціалистической пропагандой въ народъ и войска (первая «Земля и Воля», «Великоруссъ» и т. д.).

Своеобразно переплетаются отголоски утопическаго соціализма и коммунизма, наслѣдія 40-хъ годовъ, славянофильствующаго соціализма Герцена, могучаго анархистскаго «бунтарства» Бакунина, роста воинствующаго пролетаріата на Западѣ, реминисценцій европейскихъ революцій и русскихъ

бунтовъ; съ каждымъ годомъ растетъ количество политическихъ п
совъ, вѣра революціонеровъ въ близость общаго возстанія, кото
всякомъ случаѣ дастъ конституцію или демократическую республику,
не приведетъ къ обѣтованной землѣ соціализма или коммунизма.
движеніе идетъ слабыми толчками, разрозненными вспышками, котор
правительства были лишь случайными проявленіями злой воли, треб
шими только быстраго и безпощаднаго подавленія. Ихъ роковаго вну
няго значенія правительство не понимало. Свою программу и тактику
продолжало строить на пескѣ народной безсознательности, на нача
грубаго классоваго эгоизма. А между тѣмъ процессъ государствен
распада развивался медленно, но послѣдовательно и неуклонно; рево
ціонеры не могли играть въ немъ вначалѣ особенно замѣтной роли
силу своей дезорганизованности, изолированности дѣйствій, неприми
ныхъ и непримиримыхъ противорѣчій основныхъ взглядовъ и тактичес
пріемовъ. Правительственныя репрессіи сыграли въ этомъ отношеніи р
связующаго цемента, въ одномъ случаѣ, или приводили къ окончате
дифференціаціи, въ другомъ: кружки и группы вырастаютъ въ парті
организаціи, которыя все болѣе расходятся въ вопросахъ програм
тактики.

Уже въ 60-хъ годахъ легко можно подмѣтить зародыши всѣхъ т
движеній, которыя достигли полнаго развитія въ слѣдующее десятил
Убѣжденные конституціоналисты «постепеновцы» идутъ объ руку съ п
пагандистами-народниками, соціалистами, отрицающими «буржуазную» к
ституцію («для народа она безполезна и вредна») или признающими
первымъ этапомъ политическаго развитія, conditio sine qua non свобо
пропаганды,—даже террористами (вплоть до идеи цареубійства). О
наго перевѣса не было еще на сторонѣ ни тѣхъ, ни другихъ; прот
положныя идеи часто бродили и сталкивались въ одномъ и томъ же кру

Бланкизмъ Чернышевскаго и утопическій соціализмъ Михайлова не
шали имъ настойчиво проводить идеи конституціи. Первоначальная «З
и Воля», «Великоруссъ», Каракозовцы и Нечаевцы по справедливости м
быть признаны ближайшими предшественниками не только «народник
«бунтарей», но и народовольцевъ и чернопередѣльцевъ 70-хъ год
Если не было здѣсь опредѣленной филіаціи поколѣній, то во всякомъ с
чаѣ была довольно устойчивая филіація идей—на почвѣ главнымъ о
зомъ одинаковыхъ литературныхъ вліяній. Съ другой стороны, внѣ
каго сомнѣнія и точки ихъ соприкосновенія съ міромъ «либераловъ».

Вліяніе нашей эмиграціи, Бакунина и Лаврова (всего меньше Т
и Нечаева позднѣйшаго періода), особенно усилившееся благодаря н
ничеству нашей учащейся молодежи въ Швейцарію къ началу 70-хъ
довъ,—побѣднаго шествія «Интернаціонала» и европейскаго соці
вообще, потрясающихъ впечатлѣній Парижской коммуны дали пер
движенію чисто-соціалистическому надъ политическимъ, въ частности
ституціоннымъ; общій потокъ рѣзко отклонился отъ опредѣлившаг

политическаго фарватера. Началось эпидемическое «хожденіе въ народъ» и на фабрики—чаще всего крестовый походъ дѣтей наивнаго соціализма, упрямо, вопреки «впечатлѣніямъ бытія», отрицавшихъ «буржуазную политику» и прекраснодушно вѣрившихъ, что «на другой день» близкой соціальной революціи самъ собою рушится и гнусный политическій строй. Возбужденныя и вдохновленныя молодымъ энтузіазмомъ лица этихъ «дѣтей» на время заслонили умудренныя жизненнымъ опытомъ, сѣдѣвшія головы «отцовъ»-«нигилистовъ» и «постепеновцевъ» съ ихъ «политикой» и невѣріемъ въ близость страшнаго суда соціальной революціи—и «отцы» быстро вышли изъ моды, если не въ тиражъ.

«Летучая пропаганда» и позднѣйшія «деревенскія и фабричныя поселенія» были всетаки мало плодотворны при громадной затратѣ силъ и слишкомъ большихъ жертвахъ. Это скоро привело къ разочарованію, а ожесточенныя, неосмысленныя репрессіи правительства доводили революціонную молодежь до слѣпого отчаянія, жажды мести и толкали ее на террористическій путь. Движеніе было снова введено въ политическое русло; произошло хотя бы въ одномъ пунктѣ сближеніе представителей «соціально-революціонной партіи» и «либераловъ». Началось героическое единоборство «Народной Воли» съ правительствомъ, которое скоро свелось на своеобразное обоснованіе терроромъ чисто-конституціонныхъ стремленій, причемъ соціалистическія par excellence идеи сами собой отодвинулись на задній планъ. Кому онѣ были дороги, тотъ ушелъ черезъ «Черный передѣлъ» и «Группу освобожденія Труда» въ обще-европейскую соціалъ-демократію, окончательно выдѣлившись изъ господствующаго революціоннаго теченія.

Но революціи не дѣлаются и конституціи не завоевываются героическимъ самоотверженіемъ отдѣльныхъ личностей или кружковъ. У движенія не было, такъ сказать, классоваго базиса. Силы уходили на самозащиту и борьбу съ правительствомъ, которое не останавливалось ни передъ какими средствами и мало-по-малу перевело борьбу на болѣе свойственную ему почву. Оргія шпіонажа, въ видѣ отвѣта, вызвала парализующую дѣятельность въ III отдѣленіи Клѣточникова. При всемъ его благородствѣ логическимъ ея продолженіемъ была Дегаевщина—печальный, но естественный результатъ прямолинейнаго проведенія въ жизнь рокового афоризма: «цѣль оправдываетъ средства».

Способы «дезорганизаціи» правительства, учащавшіеся случаи «экспропріаціи», разъ показавшійся и уже не исчезавшій призракъ соціальной революціи и «захвата власти» отпугнули либеральную буржуазію, которая изъ страха передъ неизвѣстнымъ и тревожнымъ будущимъ готова была примириться со всѣми бичами и скорпіонами настоящаго. Движеніе пошло на убыль не только потому, что изъ его рядовъ были вырваны наиболѣе сильные борцы, но еще болѣе потому, что внутри его опредѣлился болѣзненный надломъ, и оно начало терять подъ собою почву. Правительство увидѣло въ этомъ оправданіе своей тактики, чтобы усиленіемъ ея вызвать черезъ 10—15 лѣтъ еще болѣе острый и грозный взрывъ.

Безсознательно своими дѣйствіями оно исправляло всѣ ошибк… женія, создавало для него почву, сближало разрозненныя и вра… теченія.

Вдумчивый японскій дипломатъ охарактеризовалъ послѣднія пер… нашей исторіи словами: «неспособное правительство и безсильная р… люція». Дебогорій-Мокріевичъ и Кропоткинъ дополнили первое опредѣ… эпитетами: «злое и глупое»; современная наша жизнь внесла сущест… ную поправку и во второе опредѣленіе: «безсильная пока, но съ … дымъ новымъ моментомъ усиливающаяся благодаря *конституціо…* мѣрамъ теперешняго правительства революція».

Революціонизированіе—и распадъ: распадъ всего строя, правительст… ной системы въ особенности, «распыленіе» революціоннаго процесса. Что … детъ скорѣй? Чѣмъ все это кончится? Освѣжающимъ громовымъ вз… внезапнаго катаклизма или затяжнымъ, медлительнымъ, гнойнымъ … женіемъ, изъ продуктовъ котораго зародится новая жизнь?!

«Мудрый Эдипъ, разрѣши!»

Многія интимныя, наиболѣе интересныя стороны только что наи… наго замѣчательнаго процесса впервые вскрыло на своихъ страни… «Былое», и въ этомъ его непререкаемая заслуга, которую съ глуб… благодарностью долженъ признать каждый историкъ нашей общественно… вскрыло не всѣ одинаково равномѣрно, но почти всѣ выпукло и ярко.

Именно это выпуклое и яркое слѣдуетъ особенно отмѣтить. … появилось благодаря «Былому» въ печати впервые; остальное суще… вало только «для немногихъ», которымъ были доступны заграничныя … русскія партійныя изданія. Наконецъ, данныя, разбросанныя по разн… книжкамъ журнала, производятъ не то впечатлѣніе, которое вызыва… ихъ объединеніе въ извѣстномъ фокусѣ, по указанной выше с… Попытка такого объединенія и будетъ сдѣлана въ ближайшемъ …

III.

Много новыхъ фактовъ, иногда совсѣмъ неожиданное и высоко… ресное освѣщеніе вноситъ «Былое» въ исторію нашихъ общественн… теченій 60-хъ годовъ, которыя до самаго послѣдняго времени оста… очень мало изученными *).

---

*) *Январь:* М. К. Лемке, Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г.; Письма Черн… скаго къ Краевскому; М. К. Лемке, За что арестовали Чернышевскаго? … М. К. Лемке, Дѣло Д. И. Писарева; Письмо Салтыкова къ Чернышевскому; … лѣевъ, Нелишнее разъясненіе (о прокламаціи „къ молодому поколѣнію"). *Ма…* М. А. Антоновичъ, Арестъ Чернышевскаго; М. К. Лемке, Дѣло Чернышевскаго; … бумагъ, взятыхъ у Чернышевскаго при арестѣ. *Апрѣль:* Дѣло Чернышевскаго; … Стасовъ, Каракозовскій процессъ; П. И. Вейнбергъ, 4 апрѣля 1866 г. *Май:* … Чернышевскаго; М. Н. Чернышевскій, Къ дѣлу Чернышевскаго; Дѣло Сы… и … ронта; Посланіе П. Л. Лаврова М. И. Михайлову. *Іюнь:* Дѣло Ушакова. *Іюл…* … Лемке, Процессъ „великоруссцевъ"; Письмо Бакунина; Дѣло Яковлева и …

Распространенная М. И. Михайловымъ, но, вѣроятно, составленная Н. В. Шелгуновымъ прокламація «къ молодому поколѣнію» считала только молодежь жизнеспособной и, подчеркивая «полное и всеобщее недовѣріе и частью презрѣніе» къ тогдашнему правительству, совѣтовала ей разъяснить это народу и солдатамъ. По собственнымъ словамъ Михайлова, «выйти изъ сферы обычной скромной дѣятельности заставила его горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силой, и опасенія, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ». Прокламація вооружалась противъ стремленія «надѣть на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ» и призывала «развивать тѣ начала, какія живутъ въ народѣ». «Мы—народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти». «Мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы».

Все это—отголоски Герценовского разочарованія въ Западѣ и его славянофильствующаго «соціалистическаго мессіанизма». Отвѣчая на вопросъ: «чего мы хотимъ?»—прокламація выдвигаетъ дальше совсѣмъ умѣренную програму, подъ которой подписалось бы теперь и большинство «ка-детовъ»: «мы хотимъ выборной и ограниченной власти, свободы слова, всеобщаго самоуправленія, равенства всѣхъ передъ закономъ и въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, точнаго отчета въ расходованіи народныхъ денегъ, открытаго и устнаго суда, уничтоженія всякой полиціи и тѣлеснаго наказанія, общиннаго владѣнія землей... немедленнаго выкупа всей личной земельной собственности... сокращенія расходовъ на армію, перевоспитанія кровожадной императорской арміи, сокращенія срока военной службы... сокращенія расходовъ на государственное управленіе и дворъ, амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ и совершеннаго измѣненія всѣхъ основныхъ законовъ». Для Михайлова эти «безсмысленныя мечтанія» кончились 6-лѣтней каторгой и безвременной смертью въ далекой Сибири. Вслѣдъ ему прозвучали удивительныя слова Огарева:

Закованъ въ желѣзо съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.
  Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
  Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.
И вѣрь неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, поспѣшный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.

скихъ саперъ; Дѣло Бензенгера и Дельковича. *Августъ*: М. К. Лемке, Дѣло П. А. Мартьянова; Гильомъ, Бакунинъ. *Сентябрь*: М. К. Лемке, „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья...

Прокламаціи «Великоруссъ» (іюль 1861 годъ), начавшія собою серію агитаціонныхъ и нелегальныхъ изданій 60-хъ годовъ, при всей своей неопредѣленности и расплывчатости, стоятъ приблизительно на той же *конституціонной* точкѣ зрѣнія, какъ и воззваніе «къ молодому поколѣнію», но обосновываютъ ее очень своеобразно.

«Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надо образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій. Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ она гораздо сильнѣе правительства, тупого и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. *Въ насъ стрѣлять нельзя*» (sic!).

Народъ и образованные классы одинаково желаютъ «устраненія произвольнаго управленія», «замѣны его законностью». Главнѣйшія условія для водворенія законнаго порядка—«хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція». Государство должно отдать крестьянамъ безвозмездно (принявъ выкупъ на счетъ всей націи), по крайней мѣрѣ, тѣ земли и угодья, которыми они раньше пользовались. Польшу нужно освободить потому, что «пока въ одной части государства властъ надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства». Чтобы ввести и упрочить у себя свободу, нужно вообще «вполнѣ признать права національностей».

Конституція должна установить слѣдующія «черты законнаго порядка»: «отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ».

Съ удивительною прозорливостью авторы прокламаціи ставятъ дальше такой вопросъ: «но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее. Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но *оно хочетъ сохранить произволъ, потому подъ именемъ конституціи*

издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надобно не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики».

Комитетъ «Великорусса» не особенно вѣритъ въ конституціонную монархію, но готовъ поддержать умѣренную партію, желающую добиться конституціи мирными средствами (вплоть до подачи соотвѣтствующаго адреса государю). «Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ: истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики». Первой, конечно, не будетъ—и это расчиститъ дорогу для второй. Испробовать это средство всетаки нужно—для политическаго воспитанія чистыхъ конституціоналистовъ: «сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію». Нужно помочь имъ прозрѣть...

Проектъ адреса Александру II заканчивался такими словами: «согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы. Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту».

За распространеніе этихъ прокламацій Обручевъ поплатился трехлѣтними каторжными работами. Во время совершенія надъ нимъ гражданской казни «толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы ему отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головою, за то, что онъ смѣлъ идти противъ царя»... Характерная иронія судьбы, и зловѣщій отвѣтъ на поставленный «Великоруссомъ» вопросъ о призывѣ народа для «дѣла, отъ котораго отказались бы образованные классы»!...

Центральный революціонный комитетъ, издавшій прокламацію «Молодая Россія» (1862 г.), имѣлъ конечною цѣлью своей программы не конституцію, а «соціальную и демократическую русскую республику». Онъ признавалъ терроръ и требовалъ «республиканско-федеративнаго союза областей, состоявшихъ, въ свою очередь, изъ земледѣльческихъ общинъ, выборнаго суда, правильнаго распредѣленія налоговъ, заведенія общественныхъ фабрикъ, заводовъ и лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія общиной стариковъ и больныхъ, полной эмансипаціи женщины, уничтоженія брака, семьи и монастырей, увеличенія содержанія солдата, уменьшенія срока его службы и замѣны арміи національною гвардіею, полной независимости Польши и Литвы». Проведеніе этой программы возлагалось глав-

нымъ образомъ на молодежь, затѣмъ на войско, за которыми пошелъ бы народъ, особенно старообрядцы. «*Народное* возстаніе близится. Пусть замѣтетъ это публика и пусть помнитъ. Пусть сообразитъ теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями *), поддерживается ея легковѣріемъ, даетъ возстанію чернаго народа характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ».

Тотъ же комитетъ пытался распространить протесты Мошкалова и Д. И. Писарева противъ пасквиля на Герцена, инспирированнаго русскимъ правительствомъ. Первый указывалъ на то, что «въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта—трусливая подлость іезуита: не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя нагло сдѣлать грубымъ насиліемъ». Еще сильнѣе заключительныя слова Писарева: «низверженіе... и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла. Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ васъ, и подумайте, можемъ ли мы дольше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи? Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа».

На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать... и петербургская бюрократія должна погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчокъ и забросать грязью ихъ смердящіе трупы».

Какъ часто потомъ оппозиціонная и революціонная печать будетъ повторять подобныя слова: «близость общаго возстанія», «такъ дольше жить нельзя», «хуже быть не можетъ», «правительственная система наканунѣ своего полнаго краха» и т. д.! Но приходилось все же жить при худшихъ и худшихъ условіяхъ, «послѣдній толчокъ» все не давался, «с-

*) О поджогахъ, производимыхъ революціонерами.

дящіе трупы» обнаруживали чудодѣйственную живучесть... Долго ли мы будемъ и впредь повторять и варьировать такія фразы?...

Для 60-хъ годовъ онѣ еще не потеряли своей новизны, и въ нихъ чувствуется молодой задоръ, глубокая вѣра. Въ открытомъ письмѣ (1862 г.) къ Александру II, напечатанномъ въ *Колоколѣ*, Мартьяновъ, ярый поклонникъ славянской федераціи, даетъ уничтожающую критику современнаго режима и настаиваетъ на созваніи Земской Думы—средняго пропорціональнаго между западнымъ парламентомъ и славянофильскимъ Земскимъ Соборомъ. И. Серно-Соловьевичъ и тверскіе земцы (1862 г.) ждутъ конституціи съ высоты трона. Прокламація «къ барскимъ крестьянамъ», къ которой, повидимому, былъ прикосновененъ и Чернышевскій (1863 г.), разъясняла народу въ очень доступной формѣ преимущества англійскаго парламентаризма. То же недовольство современнымъ строемъ, ненависть къ деспотизму и настойчивое требованіе политической реформы проглядываютъ и въ рядѣ менѣе крупныхъ политическихъ процессовъ 60-хъ годовъ (Бензенгера, Ушакова, присужденнаго къ смертной казни, «помилованнаго» на каторгу, затѣмъ амнистированнаго и недавно выступившаго въ Государственномъ Совѣтѣ страстнымъ защитникомъ смертной казни и т. д.). Броженіе оппозиціонной мысли обострялось все больше и больше, и правительственныя репрессіи только раздували огонь. Надежда на дарованіе конституціи «съ высоты трона» падаетъ; конституціонное теченіе отодвигается на второй планъ революціоннымъ. У Каракозовцевъ въ зародышѣ уже почти всѣ идеи и пріемы послѣдующихъ революціонныхъ теченій.

Живыя, основанныя на современныхъ замѣткахъ воспоминанія Д. В. Стасова (защитника Ишутина) вводятъ насъ въ психологію этого переходнаго момента въ исторіи нашего освободительнаго движенія.

«Въ 1860-хъ годахъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, а, по всѣмъ вѣроятіямъ, и ранѣе того... возникло въ обществѣ то движеніе, которое выразилось чрезвычайно разнообразно среди учащейся и всякой другой молодежи: въ устройствѣ кружковъ для взаимной помощи и поддержанія другъ друга по доставленію средствъ для образованія, въ складчинахъ для устройства библіотекъ, частныхъ курсовъ, школъ, чтеній въ частныхъ домахъ, въ распространеніи образованія въ низшихъ классахъ, устройствѣ типографій, печатаніи брошюръ, книгъ, распространеніи ихъ въ народѣ. Отъ всѣхъ этихъ начинаній естественный переходъ къ сближенію съ народомъ путемъ совмѣстной съ нимъ жизни, а отсюда—поселенія въ деревнѣ, устройство тамъ школъ, кузницъ, всякаго рода ремесленныхъ заведеній и т. п. на общія средства, на началахъ ассоціаціи. Однимъ словомъ, проявилось въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ то движеніе, которое въ слѣдующія десятилѣтія вылилось и въ хожденіе въ народъ и проч. Въ кружкахъ молодежи, разумѣется, шли толки о томъ, что ее болѣе всего занимало и волновало, сначала вопросы школьные, экономическіе, соціальные; къ нимъ примѣшивались и необходимо затрогивались и вопросы политическіе».

Ближайшіе товарищи Каракозова предполагали купить фабрику и устроить ее на началахъ ассоціаціи. Среди нихъ «были толки о плохомъ положеніи крестьянъ, хотя и освобожденныхъ, но безправныхъ, объ ихъ малоземельѣ, о необходимости увеличить ихъ надѣлы, о необходимости измѣнить экономическій бытъ народа на началахъ соціализма, о необходимости замѣны правленія какимъ-нибудь лучшимъ и т. д.». Ишутинъ и Худяковъ ссылаются при этомъ на какой-то европейскій революціонный комитетъ, «пребывающій въ Женевѣ и имѣющій цѣлью улучшеніе экономическаго и соціальнаго быта народа посредствомъ измѣненія существующаго строя правленія. Комитетъ этотъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей къ весьма разнообразнымъ средствамъ, не отвергаетъ даже, въ случаѣ надобности, и убійствъ правящихъ лицъ».

Ишутинъ совѣтуетъ товарищамъ «примкнуть къ европейскому комитету, совершить что-нибудь, что расшевелитъ молчащую толпу, привлечетъ къ нимъ многихъ, произведетъ вліяніе на народъ, т.-е. цареубійство». Нѣкоторые изъ нихъ собирались поступить на фабрики для пропаганды, запасались фальшивыми паспортами и ядами на случай ареста— черты, живо напоминающія послѣдующихъ «народниковъ» 70-хъ годовъ. Странденъ замышляетъ освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири, за которое взялся позднѣе Мышкинъ.

Пока дѣло болѣе ограничивалось разговорами и предположеніями. Одни собирались «заставить» или «просить правительство ввести соціализмъ», другіе «для введенія соціализма хотѣли перевести нѣкоторыя книжки». Всѣ вообще считали настоятельно нужной пропаганду соціалистическихъ идей среди учащейся молодежи и народа.

Во всемъ этомъ, конечно, много наивнаго, но уже чувствуется приближеніе бури. Каракозовское покушеніе было первой попыткой по осуществленію программы кружка. Нужно помнить затѣмъ и то, что онъ былъ подготовительной школой для ряда послѣдующихъ революціонеровъ.

Болѣе опредѣленная и прочная кристаллизація движенія складывается у Нечаевцевъ, Чайковцевъ и Долгушинцевъ, но для ихъ внутренней исторіи *Былое* даетъ немного: біографическія свѣдѣнія о Нечаевѣ *) и отдѣльныя черты въ біографіяхъ и воспоминаніяхъ революціонеровъ болѣе поздней формаціи **).

Лучше и обстоятельнѣе освѣщаетъ оно эпоху «хожденія въ народъ», «народничество» и «бунтарство», «Земли и Воли», послѣдней въ особенности ***). Мы осязательно видимъ, какъ неумолимая логика событій

*) *Апрѣль*: Ралли-Арборе, С. Г. Нечаевъ; Д—ъ, Арестъ Нечаева въ Цюрихѣ; Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.

**) Въ особенности воспоминанія Синегуба и Любатовичъ (май, іюнь, августъ, сентябрь).

***) *Январь*: Бурцевъ, Сѣверно-русскій рабочій союзъ. *Февраль*: Виташевскій, Процессъ И. М. Ковальскаго; М. Р. Поповъ, Къ біографіи Мышкина. *Май*: Фроленко, Побѣгъ Алеши Поповича; Любатовичъ, Далекое и недавнее, воспоминанія изъ жиз

влекла революціонеровъ отъ мирной соціалистической пропаганды къ вооруженнымъ сопротивленіямъ и систематическому террору. Общій потокъ событій увлекаетъ даже такихъ въ сущности мирныхъ по натурѣ людей, какъ Ковальскій и В. И. Засуличъ. На югѣ нарождается «Исполнительный комитетъ»—предтеча «дезорганизирующей», террористической фракціи, «Народной Воли». И сразу же развертывается передъ нами потрясающая картина покушеній, убійствъ, казней, мукъ «одиночекъ» и «каменныхъ мѣшковъ». Для расцвѣта террористической дѣятельности *Былое* даетъ особенно много, и большинство опубликованныхъ имъ матеріаловъ имѣетъ интересъ полной новизны, впервые вскрываетъ наиболѣе интимныя и никому, кромѣ ближайшихъ участниковъ, не извѣстныя стороны движенія. По нимъ можетъ быть прямо написана яркая и колоритная исторія «Народной Воли» 1879—1883 гг. *).

революціонеровъ 1878—1881 гг. *Іюнь*: Любатовичъ, Драгомановъ, Автобіографія; Къ дѣлу Мышкина. *Августъ*: М. Р. Поповъ, „Земля и Воля" наканунѣ воронежскаго съѣзда; Синегубъ, Воспоминанія Чайковца; Илличъ-Свитычъ, Мое знакомство съ Ковальскимъ. *Сентябрь*: Синегубъ.

*) *Январь:* Ашенбреннеръ, Шлиссельбургская тюрьма за 20 лѣтъ; Засѣданіе Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 г.; Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. *Февраль*: Фроленко, Милость, изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ; Морозовъ, Изъ шлиссельбургскихъ мотивовъ; А. Д. Михайловъ; Волковъ, Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 г.; Поливановъ, Отрывки изъ писемъ бывшаго шлиссельбуржца и „Кошмаръ"; Панкратовъ, Памяти Волкенштейнъ. *Мартъ*: Богучарскій, 1 марта—3 апрѣля 1881 г.; Письмо Исполнительнаго комитета къ Александру III; В. Я. Б., Событіе 1 марта и Михайловскій; Н. Р., Событіе 1 марта и Шелгуновъ; П. Щ., Событіе 1 марта и Вл. Соловьевъ; Хирьяковъ, Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой; Изъ рѣчей на судѣ Желябова, Кибальчича и Перовской; Тригони, Мой арестъ въ 1881 г.; Бѣлоконскій, Желябовъ; Иванова, Воспоминаніе о Перовской; Панкратовъ, Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг.; В. Н. Фигнеръ, Шлиссельбургская узница Л. А. Волкенштейнъ; Ольхинъ, Морозову; Заявленіе Желябова отъ 2 марта 1882 г.; Письмо Желябова къ Драгоманову; Къ портрету Желябова; Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ; Документы для исторіи Общества „Краснаго Креста" партіи „Народной Воли". *Апрѣль*: Прибылева-Корба, Дегаевъ; Дегаевщина (матеріалы и документы); Новорусскій, Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ; Надинъ, Стрѣльниковскій процессъ 1883 г. въ Одессѣ; Л., Желваковъ; Василевскій, „Пролетаріатъ"; Семенюта, Изъ воспоминаній о Желябовѣ; С. Ивановъ, Изъ воспоминаній о 1881 г.; „Голуби" Саблина. *Май*: Къ біографіи В. Н. Фигнеръ; Джабадари, Въ неволѣ; Тырковъ, Къ событію 1 марта 1881 г.; Русова, Лангансъ. *Іюнь*: Новорусскій, Въ Шлиссельбургской крѣпости; С. Ивановъ, Возникновеніе и паденіе Дурноселовки; Осмоловскій, Карійская трагедія; Джабадари; Прибылева-Корба, Нѣкоторыя данныя о „Письмѣ Исполн. комитета къ Александру III"; Отчетъ о процессѣ 20-ти „народовольцевъ"; Фроленко, Дополнительныя свѣдѣнія о процессѣ 20; По поводу „Объявленія Исполн. комитета". *Іюль*: Ашенбреннеръ, Военная организація „Народной Воли"; Изъ показаній В. Н. Фигнеръ; Манучаровъ, Мой процессъ; Новорусскій; Виташевскій, Централка; Василевскій, „Пролетаріатъ" передъ судомъ; Къ исторіи отношеній партіи „Народной Воли" и партіи „Пролетаріатъ"; Къ дѣлу Засуличъ. *Августъ*: Манучаровъ, Эпизодъ изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости; Къ біографіи Желябова и Перовской; Конъ, У подножія висѣлицы; Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ

Не исчерпывая всего матеріала (этого и нельзя сдѣлать въ журнальной статьѣ), остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ этой исторіи.

Когда вчитываешься въ воспоминанія народовольцевъ или о народовольцахъ, вглядываешься въ прекрасныя, одухотворенныя лица большинства изъ нихъ (*Былое* дало нѣсколько десятковъ отлично выполненныхъ ихъ портретовъ), начинаешь понимать всю силу проникавшаго ихъ благороднаго и самоотверженнаго идеализма, столь присущую имъ глубину вѣры, страстную жажду дѣла и страданія во имя блага народа. Особенно захватываютъ читателя образы А. Д. Михайлова, В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ.

«Свѣтлая и могучая жизнь» Михайлова проходила въ непрестанныхъ заботахъ о «дѣлѣ» и товарищахъ по партіи, для которой много лѣтъ онъ былъ ангеломъ-хранителемъ. Даже изданная жандармами «Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи» отдаетъ должное его благородству (какъ и В. Н. Фигнеръ). Уже осужденный на медленное умираніе въ одиночкѣ (г-жѣ Корба онъ говорилъ, что «не вынесетъ одиночнаго заключенія», и дѣйствительно прожилъ въ крѣпости только два года), онъ оставляетъ товарищамъ трогательное завѣщаніе.

«Завѣщаю вамъ, братья, не расходовать силъ для насъ (заключенныхъ), но беречь ихъ отъ всякой безплодной гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли».

«Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы».

«Завѣщаю вамъ, братья, заботиться о нравственной удовлетворенности каждаго члена организаціи. Это сохранитъ между вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ вашемъ обществѣ».

«Затѣмъ цѣлую васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному, и крѣпко-крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому-нибудь непріятное, то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости. Итакъ, прощайте, дорогіе!»

Сколько силы и гордаго спокойствія въ сжатомъ показаніи В. Н. Фигнеръ на первомъ допросѣ (іюль, стр. 27)! И сколько мягкости, душевн

началѣ 80-хъ годовъ; Бяловескій, Изъ прошлаго; Новорусскій; Маклецова-Дегае , Судейкинъ и Дегаевъ; Курицынъ, его письмо и отвѣтъ на него редакціи. *Семяб* ; С. Иванова, Первая типографія „Народной Воли"; Тригони, Послѣ Шлиссельбур ; Гоцъ, Зубатовъ; Геккеръ, Политическая каторга на Карѣ; Миноръ, Якутская др 1889 г.; Письма осужденныхъ якутянъ; Новорусскій, Гоцъ (некрологъ); Никол , Освобожденіе Чернышевскаго.

иоты и высокой женственности въ ея отношеніяхъ къ товарищамъ по злюченію!

Борьба не на жизнь, а на смерть съ правительствомъ, боль стольких ратъ на каторгѣ, въ крѣпости и на висѣлицѣ не помѣшали имъ обратиться къ Александру III съ историческимъ письмомъ, полнымъ сдержанго достоинства и сконцентрированной силы. Они думаютъ не о «захватѣ власти», готовы забыть все и сложить оружіе — только бы правительство искренно рѣшилось сойти со своего пагубнаго пути, исполнить ой долгъ передъ народомъ.

«Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движе- замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ. Этихъ условій, по нашему мнѣнію, : 1) общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго емени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданаго долга; 2) созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и редѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями. Считаемъ необходимъ напомнить, однако, что легализація верховной власти народнымъ едставительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы дутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть оизведены при слѣдующей обстановкѣ: 1) депутаты посылаются отъ ѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей; никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно ть; 3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произвены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить: а) полю свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сход, г) полную свободу избирательныхъ программъ. Вотъ единственное едство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развия *). Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего ра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію роднаго собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ услоі, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйвія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ. Итакъ, ше величество,—рѣшайте. Передъ вами два пути. Отъ васъ зависитъ ıборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы вашъ рамъ и совѣсть подсказали вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями редъ родною страной».

Послѣ нѣсколькихъ колебаній совѣтъ злого генія Россіи — Побѣдоносва **) и опредѣлившаяся среди либеральной буржуазіи реакція рѣзко

*) Почти того же требовали и прокламаціи 60-хъ годовъ, и конституціоналисты -хъ (см. *Былое,* январь, 309; апрѣль 304). Очень характерное совпаденіе!

**) *Былое,* январь. *Русскій Архивъ* этого года даетъ нѣсколько иную версію.

склонила заправляющій государственный механизмъ вправо. Перег съ революціонерами въ 1883 г. *) имѣли цѣлью не благо народа, а опасеніе коронаціи...

Затѣмъ руки были развязаны, и заключенныхъ, которымъ по у дарована была жизнь, начали изводить и морить медленными пытка муками. Общественное и правительственное гніеніе стало заражать і волюціонный міръ; явились Дегаевы, разыгралась затѣмъ карійская и ская трагедіи. Надвинулись сумерки и потемки, изъ которыхъ мы не жемъ выбраться и до сихъ поръ...

Кое-что даетъ *Былое* и для исторіи революціоннаго процесса посл няго времени **).

Въ каждой книжкѣ помѣщена «Современная лѣтопись» — казней, ствій карательныхъ экспедицій, репрессій по отношенію къ печати. сухіе перечни и цифры производятъ особенно тягостное впечатлѣніе: даютъ схему всѣхъ ужасовъ, переживаемыхъ нами... И дѣлается вполн понятнымъ, почему свидѣтель якутской бойни началъ свой разсказъ *Быломъ* извиненіемъ: то, что было тогда всетаки исключительнымъ ніемъ, сдѣлалось теперь привычнымъ и обычнымъ. Нервы устали реаг ровать на всю кровавую безсмыслицу современной жизни...

Уподобившись сказочному герою, правительство продолжаетъ руб тотъ корявый сукъ, на которомъ оно плотно и грузно усѣлось. Въ п слѣднее время оно дѣлаетъ это съ особымъ, слѣпымъ и зловѣщимъ сточеніемъ. Счастье его, что орудіе тупо... А отъ сука все же лет изуродованныя щепки. На долго ли его хватитъ?!..

О библіографическомъ отдѣлѣ *Былого* говорить мы не будемъ: сост вляется онъ очень неполно и отличается случайностью.

Слѣдуетъ отмѣтить зато рядъ новыхъ литературныхъ произведен впервые имъ опубликованныхъ: первоначальную редакцію «Узницы» П лонскаго (январь), съ новыми строфами, неизданную юношескую сти Герцена (1833 г., февраль), стихотвореніе Огарева «Размолвка» (февраль не искаженную цензурой редакцію перевода Михайлова изъ Гейне (феврал стихотвореніе Тургенева «Толпа» (мартъ), «На смерть Шевченка» Некра сова, «Голуби» Н. А. Саблина (апрѣль), неизданное стихотвореніе Л монтова (кажется, апокрифическое—май), неизданныя стихотворенія Ш ченка (іюнь и августъ), басню, приписываемую Д. В. Давыдову: «Орл Турухтанъ и Тетеревъ» (іюль) и неизданныя стихотворенія Ник

---

*) Воспоминанія Любатовичъ и Николадзе.

**) *Январь*: Гуревичъ, Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 190 *Февраль*: Рѣчь Н. Ф. Бунакова. *Мартъ*: Къ біографіи А. В. Ухтомскаго. Ап Письмо Л. Ф. Пантелѣева Сипягину. *Май:* Л. С., Воспоминанія студента-с N. N., Послѣдній день Каляева; О. Г., Костюшко-Валюжаничъ. *Іюнь*: Къ ді чуры; Хаимъ Гершковичъ; Казнь Балмашева. *Іюль*: Савинкова, Годы скор *тябрь*: Старосельскій, Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи.

[іюль]). Послѣднія освѣщаютъ И. С. Никитина съ довольно неожиданной стороны—его политическаго свободомыслія:

Постыдно гибнетъ наше время...
Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ—
Послушно носитъ наше племя
Оковы тяжкія рабовъ.
И стоимъ мы позорной доли!
Мы добровольно терпимъ зло:
Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
На насъ проклятіе легло...

Или:

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
Мысль убита, ротъ закрытъ,
Въ глубинѣ души проклятья,
Слезы на сердцѣ кипятъ!
Русь подъ гнетомъ, Русь болѣетъ,
Гражданинъ въ тоскѣ нѣмой—
Явно плакать онъ не смѣетъ,
Сынъ о матери больной!
Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
Царство скорби и цѣпей,
Царство взятокъ и мундира,
Царство палокъ и плетей!

Мягкимъ и грустнымъ юморомъ проникнуто талантливое стихотвореніе «Голуби», приписываемое Н. А. Саблину *):

Голуби по двору ходятъ-воркуютъ
Сизой артелью своей.
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летятъ отъ людей.
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлятъ по-братски верно.
Видно вліянье идей растлѣвающихъ
Въ бѣдной семьѣ голубей—
Мысли основы основъ подрывающихъ
Соціализма идей.
Гдѣ у нихъ личность отъ злыхъ ограждающій
Мудрой полиціи глазъ?
Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь направляющій,—
Этотъ порядка компасъ?
Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается—

*) Въ революціонной журналистикѣ 70-хъ годовъ мы разыскали его съ другими иниціалами.

Страшный примѣръ для людей:
Браки свободны—никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей.
Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены вы совсѣмъ!
Кѣмъ же идеи всѣ эти зловредныя
Къ вамъ прививаются?—Кѣмъ?
Скажутъ—природой... Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣнье свое:
Если природа враждебна отечеству—
Выслать подальше ее!

Такъ смѣялся тотъ, кому суждено было вскорѣ покончить съ собою, не дожидаясь смертной казни. Любопытная психологическая черта поколѣнія и эпохи...

Вл. Каллашъ.

Убѣжденный человѣкъ.

(Памяти В. А. Гольцева.)

I.

Мнѣ кажется, въ покойномъ Викторѣ Александровичѣ убѣжденность ыла самой рельефной чертой его этической и общественной психики.

Истинно-убѣжденныхъ людей все еще мало и въ нашей интеллигенціи, , до жалости, мало—въ морѣ русскихъ «обывателей» всякаго званія, пола возраста. Долгое «безвременье» развело на Руси цѣлые разсадники еховскихъ героевъ—не только подавленныхъ жизнью, но и весьма нетойкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ. А покойный принадлежалъ вѣдь къ этой енераціи, гдѣ, по своему возрасту, никакъ уже не могъ бы значиться въ отцахъ», а развѣ только въ *старшихъ* братьяхъ. Онъ всего на десять ѣтъ былъ старше автора «Палаты № 6» и «Чайки»—произведеній, какъ азъ появившихся впервые въ *Русской Мысли*, когда онъ былъ ея реакторомъ.

Убѣжденность часто называется у насъ «прямолинейностью». Ее считаютъ, также часто, весьма неудобной въ дѣлѣ созиданія себѣ прочнаго ѣста за житейской трапезой, мѣшающей ладить съ людьми, даже и своего агеря.

Да, это такъ! И В. А., безъ сомнѣнія, изъ-за этого коренного свойтва своего, и не сумѣлъ быть «удачникомъ» и всегда страдалъ отъ своей еподатливой убѣжденности.

Но почему же она не мѣшала самымъ мирнымъ и прочнымъ сношеніямъ съ нимъ въ той сферѣ, которой онъ отдалъ всего себя—въ сферѣ итературной, въ дѣлѣ руководительства журнальнымъ органомъ?

На основаніи долгихъ лѣтъ сотрудничества въ *Русской Мысли*, пишущій эти строки можетъ подвести нѣкоторые итоги на такую именно тему.

Правда, у насъ не могло быть столкновеній чисто-редакціонныхъ по ѣламъ журнала, такъ какъ я не состоялъ никогда членомъ редакціи, завѣдующимъ какимъ-нибудь отдѣломъ и даже сотрудникомъ, доставляющимъ рочныя статьи; но и область беллетристики—чревата всякими «недора-

зумѣніями» и можетъ подавать поводъ къ тому ненужному контролю, которого писатели такъ страдаютъ, когда имѣютъ дѣло съ редакторами слишкомъ склонными къ учительству, къ доктринерству, къ хозяйскому усмотрѣнію. Вотъ такая *прямолинейность*—дѣйствительно неудобна.

Разъ въ писателѣ признаютъ дарованіе, считаютъ его желательнымъ вкладчикомъ въ журналъ, знаютъ, какихъ онъ взглядовъ и симпатій,—совершенно лишнее: подвергать его, по поводу всякой новой вещи, все новымъ и новымъ испытаніямъ. Такъ, напр., всегда велъ себя Н. А. Некрасовъ, какъ издатель-редакторъ журнала. Никакого умничанія, никакихъ придирокъ или вторженія въ то, что вышло изъ-подъ вашего пера. Только одинъ цензурный гнетъ и вторгался, чрезъ посредство редакціи, въ ваше авторское «я». Но и тутъ *Русская Мысль*, хотя и должна была выносить усиленный мѣстный надзоръ, оказалась смѣлѣе многихъ органовъ. Я знаю по личному опыту: одинъ большой романъ, смутившій редакцію другого журнала, былъ цѣликомъ напечатанъ въ *Русской Мысли*.

Твердая убѣжденность В. А. и наложила такую тяжелую руку на его судьбу. Въ томъ, что я уже печатно сказалъ, въ моемъ обращеніи къ его памяти, въ день его похоронъ, показана была его «незадача» и какъ профессора, и какъ общественнаго дѣятеля, преданнаго земскимъ интересамъ, и какъ руководителя журнала, который ему не удалось передъ кончиной оградить отъ натиска того литературнаго «безвременья», отъ котораго страдаютъ теперь всѣ ежемѣсячные журналы.

Почему тотъ «режимъ», который довелъ наше отечество до такихъ трагическихъ испытаній, въ лицѣ своихъ агентовъ и приспѣшниковъ, такъ упорно преслѣдовалъ его? Потому, что люди, какъ онъ, преисполнены презрѣнія и ненависти къ этому, общему для всѣхъ *убѣжденныхъ* людей—врагу.

Если терминъ «радикализмъ» къ чему могъ быть приложенъ безъ всякихъ оговорокъ и смягченій, то, конечно, къ «credo» Гольцева. Но нашъ русскій «радикализмъ» нельзя понимать, наприм., во французскомъ смыслѣ. У насъ «радикалы», какимъ несомнѣнно былъ и В. А., въ вопросахъ экономическихъ, особенно въ аграрномъ, окажутся гораздо лѣвѣе, чѣмъ даже французскіе «радикалы-соціалисты». Они могутъ критически относиться къ доктринамъ разныхъ соціалистическихъ фракцій, не удовлетворяясь ихъ «прямолинейностью»; но они самые искренніе поборники демократическихъ началъ, друзья трудового народа, и сельскаго, и городского, и въ нихъ жажда политической свободы, готовность бороться за *гарантіи* ея, никогда не остывала ни на одинъ градусъ.

Не слѣдуетъ забывать, что десять лѣтъ назадъ, когда доктрина «историческаго матеріализма» стала захватывать массу нашей молодежи, къ борьбѣ за *политическую свободу* начали относиться съ сильными оговорками, какъ бы не считая ея *conditio sine qua non*—общей ломки соціальнаго строя. И настоящіе «радикалы» могли очутиться въ глазахъ тогдашнихъ «властителей думъ» молодежи чѣмъ-то вродѣ умѣренно-либеральныхъ (пре-

Надо было имѣть глубокую вѣру въ правоту своего политическаго «credo», чтобы къ моменту взрыва русскаго освободительнаго движенія оказаться въ первыхъ рядахъ поборниковъ свободы, сохранившихъ и теплую связь съ народомъ. Тутъ «прямолинейность» сыграла бы самую доблестную роль. Съ этимъ сознаніемъ В. А. сошелъ и въ могилу.

II.

Судьба Виктора Александровича чрезвычайно знаменательна для русскаго «интеллигента»... Это былъ всегда въ глазахъ власть имущихъ заподозрѣнный человѣкъ. Терпѣть его на каѳедрѣ имъ нельзя было, и его смѣщають «по третьему пункту». Но и какъ общественный дѣятель внѣ службы онъ не переставалъ находиться «подъ сомнѣніемъ». Только литература и журналистика давали ему хоть нѣкоторую возможность «стоять на брѐши»—по образному выраженію французовъ.

Онъ и стоялъ на ней до самыхъ послѣднихъ минутъ жизни, когда болѣзнь одолѣла его и держала въ своихъ когтяхъ. И случилось это вскорѣ послѣ того, какъ открылась для его родины эра политическаго возрожденія. Законно утомленный тѣмъ, что онъ долгіе годы выносилъ, уже больной, онъ съ той же убѣжденностью, съ той же вѣрой въ окончательную побѣду праваго дѣла, отдался предвыборной работѣ, произносилъ рѣчи, руководилъ засѣданіями, самъ участвовалъ въ преніяхъ, отдался осуществленію идеи народнаго университета и дожилъ до своей «реабилитаціи», какъ профессоръ: былъ приглашенъ занять каѳедру въ томъ университетѣ, откуда его удалили въ самомъ началѣ его академическаго поприща.

Все это—въ высшей степени характерные факты!... Такую судьбу не только можетъ, но и долженъ былъ имѣть каждый честный и смѣлый гражданинъ въ тѣ десятилѣтія реакціи, которыя тянулись у насъ, по крайней мѣрѣ, съ 1866 г., т.-е. цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Если общественнымъ дѣятелямъ, какъ Гольцевъ, удавалось сколько-нибудь *уцѣлѣть,* то всегда съ потерею, по меньшей мѣрѣ, двухъ третей того дѣла, на какое они были способны, къ какому считали себя призванными...

Но неблаговидный и злопамятный «сыскъ» сверху находилъ себѣ возмездіе въ видѣ тѣхъ симпатій, которыя вызывалъ въ обществѣ къ такимъ избранникамъ реакціонно-обскурантскаго преслѣдованія... Предметы его выступаютъ рельефнѣе передъ сознаніемъ самой чуткой и зрѣлой доли публики, наглядно показываютъ и молодежи: кого гонятъ и устраняютъ, кого лишаютъ не только мѣста, но и личной свободы за свои идеи и протесты...

И Гольцевъ сдѣлался здѣсь, въ Москвѣ, уже лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся *пробудителей* общественнаго чувства и протестующей мысли. Не было ни одного начинанія въ сферѣ литературы, прессы, земскаго движенія, просвѣтительной иниціативы, не

устраивалось никакого сборища, обѣда, вечера, публичнаго чтенія, пом
или чествованія съ освободительнымъ характеромъ, гдѣ бы онъ не
нималъ живого участія, гдѣ бы онъ не былъ предсѣдателемъ, устр
лемъ, ораторомъ или руководителемъ. Тогда біеніе жизни для всего
редового общества сводилось къ такимъ вотъ мирнымъ манифестаціям
и тѣ безпрестанно наталкивались на ревнивый полицейскій надзоръ.

Кто много читалъ публичныхъ лекцій, знаетъ, черезъ какія мытар
проходили вы въ хлопотахъ о разрѣшеніи... У попечителей онѣ нахо
не меньше придирокъ, чѣмъ въ мѣстномъ охранномъ отдѣленіи, или
департаментѣ полиціи... Самый невинный обѣдъ по подпискѣ могъ
за собою крупныя непріятности...

И среди всѣхъ этихъ подводныхъ камней такой заморенной обществ
ности, В. А выработалъ изъ себя стойкаго, непримиримаго бойца—за
чала политической свободы и гражданской этики, который еще до
освободительнаго движенія, являлся поборникомъ того, что легло въ ос
всѣхъ pia desideria «лучшихъ людей» Россіи, что проявилось въ
перваго русскаго народнаго представительства.

Тогда же онъ выработалъ себѣ и тотъ замѣчательный, своеобра
даръ слова, способность держать тонъ оригинальнаго лектора и орато
на чтеніяхъ, и на всякихъ собраніяхъ, и на публичныхъ трапезахъ...

Съ нимъ сошелъ въ могилу чисто-русскій складъ ума, діалектики, а
лиза и манеры, не такой, которая выгодна для трибуна, или оратора
шумныхъ митингахъ; съ гораздо большимъ самообладаніемъ, съ при
кой замедлять темпъ рѣчи и держать ее на низкихъ нотахъ. Но
всѣмъ этимъ чувствовалась страстная убѣжденность; идеи и протес
облекались свободно и обильно въ форму сильныхъ и мѣткихъ оцѣно
сопоставленій, часто обличеній, съ проблесками юмора и сарказма,
рыя выигрывали отъ общаго тона и ритма рѣчи... Въ такомъ точно
никто не говорилъ изъ его ближайшихъ сверстниковъ и коллегъ и, въ
слѣднее время, членовъ той же партіи.

Принадлежа къ партіи «народной свободы», Гольцевъ, по натурѣ сво
по складу ума и темперамента, не могъ быть узко-тенденціознымъ че
вѣкомъ. Это сказывалось и въ направленіи журнала, которымъ онъ
ководилъ... Но и «безпартійность» онъ не могъ считать своимъ идеало
потому что стоялъ за активную борьбу, неразлучную съ опредѣлен
тактикой...

Принадлежность къ партіи—проживи онъ еще десятокъ и больше лѣтъ
не отняла бы у него оригинальнаго пошиба его устнаго слова, въ кот
ромъ сказывался его тонкій анализъ и сосредоточенный натискъ его
водовъ, согрѣваемый всегда живымъ общественнымъ чувствомъ.

Оставаясь убѣжденнымъ сторонникомъ западной культуры, В. А.
всѣхъ проявленіяхъ своего душевнаго «я» и жилъ и умеръ типичнымъ
скимъ интеллигентомъ и даже москвичемъ.

III.

Наше знакомство съ нимъ началось съ тѣхъ зимъ, когда онъ жилъ, уже семейнымъ человѣкомъ, въ маленькомъ особнячкѣ, гдѣ-то около Успенья на Могильцахъ. Я попадалъ къ нему на вечерніе пріемы. Тогда онъ пользовался еще хорошимъ здоровьемъ, всегда очень веселый, радушный, окруженный молодежью. На этихъ вечеринкахъ бывало шумно и людно, и журналъ, которому В. А. отдалъ всего себя, сдѣлался очень популярнымъ въ молодой публикѣ. Это и были годы расцвѣта *Русской Мысли.*

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, на обѣдѣ, устроенномъ моими пріятелями и ближайшими собратами, по поводу двадцатипятилѣтія моей работы повѣствователя-беллетриста, В. А. обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой онъ привѣтствовалъ не одного романиста, а и автора политическихъ вещей, не подписанныхъ мною полнымъ именемъ. Не знаю какъ, но ему было извѣстно, что мнѣ принадлежала статья въ петербургскомъ журналѣ *Слово* (издававшемся подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго), озаглавленная: «Нашимъ паціоналъ-либераламъ». Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, до какой степени В. А. былъ чутокъ ко всему, въ чемъ видѣлъ хотя бы признакъ борьбы съ тѣмъ «національно-славянофильскимъ» либерализмомъ, которымъ тогда пробавлялись и авторитетные профессора-публицисты.

И въ другіе года, на разныхъ чествованіяхъ, я слышалъ отъ него не банальныя похвалы, которыми душатъ обыкновенно юбиляровъ, а всегда что-нибудь вѣское, продуманное и тонко выраженное, въ его оригинальной манерѣ.

Это должно бы невольно подкупать меня. Но я думаю, что былъ бы совершенно свободенъ въ своихъ оцѣнкахъ, еслибъ и не дѣлался никогда предметомъ такихъ сочувственныхъ и лестныхъ обращеній.

Въ Гольцевѣ и была та особенно-цѣнная черта, что онъ никогда не впадалъ въ условный торжественный или чувствительный тонъ. И если онъ пользовался всегда случаемъ служить торжеству дорогихъ для него идей и упованій, то безъ того, что называется «кружковщиной» и безъ шаблоновъ ораторской риторики.

А въ личныхъ сношеніяхъ, по журналу и внѣ его, онъ держался часто своего полушутливаго тона, безъ того профессіональнаго серьезничанья, которое такъ часто подавляетъ сотрудниковъ, особенно молодыхъ, начинающихъ.

Онъ не любилъ распространяться на письмахъ, а въ послѣдніе два-три года писалъ очень кратко, пять-десять строкъ; но всегда отвѣчалъ, что я считаю не малой добродѣтелью въ русскомъ человѣкѣ.

Подъ всѣми проявленіями его психики вы чувствовали темпераментъ, безъ какого не можетъ быть стойкихъ убѣжденій. И если бы судьбѣ угодно было побаловать его, и политическая жизнь, съ народнымъ представительствомъ, началась бы у насъ десять - пятнадцать лѣтъ назадъ, онъ сдѣ-

лался бы, безъ сомнѣнія, выдающимся парламентскимъ бойцомъ—не пустымъ трибуномъ, для пылкихъ воззваній, но опаснымъ обличителемъ враговъ свободы и соціальной правды, искуснымъ и безпощаднымъ «дибетеромъ», какъ говорятъ въ англійскихъ палатахъ. Его рѣчь потому и бывала такъ содержательна, что подъ нею всегда лежала основа большихъ и разнообразныхъ знаній, и его діалектика выработана была съ молодыхъ лѣтъ въ общеніи съ идеями и системами мышленія изъ обширной области философіи политическаго права.

Это была самая родственная ему сфера... А русская дѣйствительность и тогда, когда онъ еще занималъ каѳедру, заставила его читать «*полицейское* право»!

Гольцевъ—и вѣдомство «предупрежденія» и «пресѣченія» да еще въ такомъ архиполицейскомъ государствѣ, какъ наше отечество! Но хотя мнѣ и не приводилось слушать его курсъ въ университетѣ; но можно съ увѣренностью сказать, что слово «полицейское» было только офиціальнымъ ярлыкомъ извѣстнаго факультетскаго предмета.

Одинъ изъ его предшественниковъ называлъ этотъ предметъ «общественнымъ» правомъ. И В. А., конечно, читалъ его въ духѣ самыхъ живыхъ и освободительныхъ запросовъ общественности. А просвѣтительное вѣдомство, лишившее его каѳедры, точно хотѣло сказать этимъ поступкомъ:

«Какъ можно человѣку, какъ Гольцевъ, читать предметъ, носящій такой эпитетъ?!»

И вся его дальнѣйшая дѣятельность была не что иное, какъ ратованіе, въ печати и въ жизни, за истинные принципы «общественнаго» правопорядка...

Въ тотъ тяжкій моментъ, какой мы переживаемъ теперь, когда закусившая удила реакція вызвала въ нашей обывательской массѣ всѣ инстинкты мракобѣсія, расовой и всякой другой злобы, покойному собрату нашему было бы слишкомъ невыносимо—послѣ взрыва всѣхъ радужныхъ надеждъ и горячихъ упованій—быть нѣмымъ свидѣтелемъ, да еще прикованнымъ къ одру болѣзни, тѣхъ ужасовъ, какими омрачена наша «смута».

Какъ ни велика бы была его вѣра въ окончательное торжество правды и свободы, онъ, быть можетъ, предпочелъ бы самъ небытіе *такимъ* проявленіямъ жизни.

А когда то, о чемъ онъ мечталъ всю жизнь, наконецъ, утвердится на незыблемыхъ устояхъ, всѣ, кто умѣетъ помнить истинныхъ поборниковъ свѣта и свободы, помянутъ и его словомъ такого же глубоко-убѣжденнаго сочувствія, какое жило въ немъ ко всему, изъ-за чего стóитъ на свѣтѣ бороться... и умирать «на бреши»!

П. Боборыкинъ.

Журнальное обозрѣніе.

Въ XI-й книгѣ *Современнаго Міра* отмѣтимъ разсказъ Анатолія Каменскаго «Бѣлая ночь». Такъ давно вошедшая въ литературу петербургская бѣлая ночь послужила для автора фономъ, на которомъ онъ конкретизировалъ въ нѣсколькихъ чертахъ свою, очевидно, завѣтную мысль о нелѣпости обычнаго раздѣленія людей на знакомыхъ и незнакомыхъ,—вообще, о странной и пошлой формѣ человѣческихъ отношеній. Въ бѣлую ночь, когда «никому не хотѣлось спать и все было похоже на сонъ—дѣятельный, предпріимчивый и осторожный», когда была «отчетливая сухость красокъ, подробныхъ, законченныхъ и плоскихъ, какъ рисунокъ дорогого ковра, и такая же подробная отчетливость звуковъ, похожихъ на торопливый шепотъ заговорщиковъ»,—въ эту ночь, опьяненный ея теплымъ дыханіемъ и ея фантастикой, художникъ Ключаревъ, гуляя со своимъ пріятелемъ, акцизнымъ чиновникомъ Гордѣевымъ, рѣшилъ возстать противъ жизненнаго маскарада и попытаться осуществить «настоящую свободу», при которой «нѣтъ чужихъ людей, чужихъ квартиръ, нѣтъ знакомыхъ и незнакомыхъ, а есть только ничѣмъ не преграждаемая свобода влеченія одного къ другому». Онъ надѣялся, что «вспыхнетъ великая, безкровная революція отношеній между чужими и, кто знаетъ, можетъ быть, обновится самая психологія сближенія человѣка съ человѣкомъ». И вотъ на первый разъ художникъ и акцизный чиновникъ входятъ въ первую попавшуюся квартиру, гдѣ живетъ присяжный повѣренный Рафаилъ Николаевичъ Черемшанскій. Понятно, какъ и чѣмъ обыкновеннѣйшій изъ присяжныхъ повѣренныхъ встрѣтилъ эксцентричность незнакомцевъ. И дико было ему слышать изъ устъ художника упреки въ томъ, что онъ, Рафаилъ Николаевичъ, «любилъ въ послѣдній разъ 15 лѣтъ назадъ, плакалъ въ послѣдній разъ на первомъ курсѣ университета, евангеліе и библію перелистывалъ въ послѣдній разъ въ 6-мъ классѣ гимназіи. Затѣмъ пріятели, уже очутившіеся на улицѣ, видятъ въ окнѣ женщину съ интеллигентнымъ лицомъ, и художникъ красиво говоритъ ей: «утро похоже на элегію, и въ вашихъ глазахъ отразились молитва и разсвѣтъ,—но женщина красивыхъ словъ не поняла, и она оказалась профессіональ-

но-благосклонной къ мужчинамъ... Съ недоумѣніемъ встрѣтилъ и незнакомый офицеръ привѣтствіе художника: «здравствуй, хорошо ли ты провелъ вечеръ?»,—и кончилъ Ключаревъ безумную и безсонную бѣлую ночь тѣмъ, что уѣхалъ съ пріятелемъ ужинать въ дорогой ресторанъ. Тамъ окончательно успокоится онъ среди людей, про которыхъ самъ же говорилъ, что у нихъ «горѣніе бензина въ автомобиляхъ и никакого горѣнія въ душѣ».

Въ разсказѣ г. Каменскаго, вообще говоря,—совершенно неубѣдительномъ, имѣетъ внѣшній интересъ слегка разработанная сцена посѣщенія незнакомой квартиры. Въ остальномъ же авторъ переплетаетъ красивыя черты дѣйствительной наблюдательности съ притязаніями на нее.

Въ XI-й книгѣ *Русскаго Богатства* г. Ѳ. Крюковъ въ полубеллетристическомъ этюдѣ описываетъ свою встрѣчу на судѣ, гдѣ авторъ занималъ скамью подсудимыхъ,—встрѣчу со своимъ бывшимъ товарищемъ по Государственной Думѣ, теперь полицейскимъ чиновникомъ. «Не такъ давно мы возсѣдали съ нимъ рядомъ на депутатскихъ креслахъ. Это—въ первый мѣсяцъ существованія нашего парламента, когда еще не было размѣщенія по партіямъ, а была группировка областная. Сѣли тогда вмѣстѣ и мы, всѣ семь представителей донского казачества: два священника, два учителя, юристъ и четыре урядника». Депутатъ, превратившійся въ полицейскаго, жалуется, что изъ-за Думы онъ сталъ пролетаріемъ: «любезные сограждане», станичники, лишили его имущества за участіе въ Думѣ, а другого своего депутата, Куркина, они, несмотря на его патріотизмъ, даже били. Въ результатѣ—характерная бытовая картинка.

А.

Въ ноябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* напечатана посмертная работа извѣстнаго юриста Боровиковскаго, найденная въ его бумагахъ и характеризующая оригинальный складъ ума и стиля покойнаго автора, у котораго долго еще будущимъ юристамъ слѣдовало бы учиться умѣнью примирять толкованія холоднаго закона съ сострадательнымъ и живымъ отношеніемъ къ условіямъ гражданскаго быта.

Замѣтка г. Боровиковскаго носитъ заглавіе: «Законы и опечатки». Въ ней авторъ задается вопросомъ о значеніи и силѣ законности, въ особенности въ примѣненіи къ многострадальной русской дѣйствительности.

«Законность... Юристы говорятъ, что законность есть основное благо правильной государственной жизни. Законность—это дѣйствія, согласныя съ закономъ. Значитъ, если законъ хорошъ—хороша и законность; если же законъ злой, то и законность злая?

«Герценъ о современной ему русской жизни острилъ, говоря, что въ Россіи только и можно жить благодаря безпорядкамъ, т.-е. отступленіямъ отъ закона.

«Гдѣ тутъ правда?»

Для рѣшенія этого вопроса Боровиковскій беретъ примѣръ изъ далекаго прошлаго, чтобы обсудить тему безъ примѣси ужаса, гнѣва и сострадания, и дѣлаетъ остроумные и оригинальные выводы изъ этого примѣра.

Нѣкогда Иродъ «послалъ избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ предѣлахъ его отъ двухъ лѣтъ и ниже».

Подобное избіеніе являлось, такимъ образомъ, законностью; не лучше ли было бы, однако, если бы Иродъ велѣлъ своимъ посланнымъ избивать младенцевъ по ихъ, посланныхъ, «усмотрѣнію»; если, молъ, младенецъ—гдѣ бы то ни было и какого бы то ни было возраста—покажется вамъ подозрительнымъ, какъ возможный претендентъ въ будущемъ на мое, Иродово, царство—убивайте его; если къ такому подозрѣнію основаній не усмотрите—оставляйте младенца въ покоѣ. Но знайте, что за недогадливость вы мнѣ отвѣчаете: прозѣваете—я съ васъ взыщу жестоко.

Какая же изъ такихъ двухъ бѣдъ была бы болѣе тяжкою? правило—или усмотрѣніе, произволъ?

«При усмотрѣніи бѣда грозила всему іудейскому народу, каждой его семьѣ. Никто не былъ безопасенъ.

На милосердіе, на подкупъ деньгами или женщиной—надежды плохи, въ особенности когда и надъ посланными виситъ угроза: «прозѣваете—жестоко отвѣтите!» А у кого нѣтъ денегъ, нѣтъ женщины, которая могла бы, въ глазахъ посланныхъ, пересилить страхъ отвѣтственности? И пошли бы взяточничества, вымогательства, обезчещеніе женъ и дочерей... Сосчитайте всѣ эти бѣдствія.

При законности же—погибли бы указанныя Иродомъ дѣти въ указанномъ имъ районѣ. Но всѣ дѣти въ Виѳлеемѣ, переросшія двухлѣтній возрастъ, и всѣ жившія внѣ округа, оставались бы спокойными.

И борьба въ пользу отмѣны закона—все же легче, чѣмъ борьба противъ произвола. Чтобы добиться отмѣны закона—надо было дѣйствовать на одного Ирода: задобрить его, задарить, наконецъ, наслать на него какую-нибудь новую Далилу. Гораздо труднѣе борьба съ многоголовымъ произволомъ.

Я взялъ самый крайній случай, чтобы и на немъ иллюстрировать мысль о законости и произволѣ. Даже и въ этомъ случаѣ законность лучше.

Но обыкновенно вопросъ не стоитъ такъ круто, какъ въ разбираемомъ случаѣ избіенія невинныхъ дѣтей. На другихъ случаяхъ тотъ же тезисъ могъ бы быть иллюстрированъ еще съ бо́льшей очевидностью.

Итакъ, согласимся съ юристами, что законность дѣйствительно благо,—или, по меньшей мѣрѣ, что произволъ—зло гораздо большее, чѣмъ самая суровая законность».

Городничій Градобоевъ спрашивалъ у обывателей: «Какъ хотите: судить ли мнѣ васъ по законамъ, или по душѣ, какъ мнѣ Богъ на сердце положитъ».

— Нѣтъ ужъ за что же, Сераціонъ Мирдарьичъ, суди по душѣ, будь отецъ,—отвѣчали ему.

Вотъ до чего доводитъ привычка обѣихъ сторонъ къ произволу,—замѣчаетъ Боровиковскій.

«Горе народу, если у него слагаются пословицы: «не бойся суда, бойся судьи», «до Бога высоко, до царя далеко». Есть времена, когда, какъ выразился поэтъ:

Законы святы,
Да исполнители лихіе супостаты.

«Нѣтъ, законность и законность! Ненуженъ, вреденъ произволъ!»

Что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда гнететъ не законъ, даже не произволъ, а нѣчто не имѣющее съ закономъ ничего общаго. Боровиковскій приводитъ изъ прошлаго одинъ поучительный эпизодъ. Во времена крѣпостного права закономъ предоставлялось помѣщикамъ право расправы съ своими крестьянами, между прочимъ дозволено было послѣднихъ подвергать наказанію розгами до сорока или палками до пятидесяти ударовъ. Почти наканунѣ освобожденія одинъ исправникъ въ Астрахани усомнился въ законѣ: палки несравненно больнѣе розогъ; какъ же, розогъ 40 ударовъ, а палокъ 50?! По справкѣ съ другимъ такимъ закономъ, по резолюціи губернскаго правленія, куда рачительный исправникъ доносилъ о своемъ недоумѣніи и, наконецъ, по указу сената, куда восходило это дѣло, явствуетъ, что въ сводѣ законовъ 57 г. была допущена опечатка, которую сенатъ и исправилъ, но уже, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, послѣ освобожденія крестьянъ. Между тѣмъ сколько мужичьихъ спинъ пострадало отъ грубой опечатки, за много лѣтъ не встрѣчавшей никакихъ сомнѣній или недоумѣній.

Мы доживаемъ вѣкъ подобныхъ опечатокъ,—заканчиваетъ Боровиковскій свою статью. Некомпетентная, но фактически могущественная власть отдаетъ приказанія, на которыя закономъ вовсе не уполномочена. И задачей настоящихъ юристовъ является защита закона, очищеніе его отъ болѣзненныхъ наростовъ и извращеній.

Подобными грубыми извращеніями являются несомнѣнно знаменитыя сенатскія разъясненія избирательнаго закона. Но результаты этихъ разъясненій, этой атаки на демократическую Россію едва ли дадутъ удовлетвореніе реакціи. «Борьба противъ стараго порядка ведется не однимъ какимъ-либо классомъ, а всѣми живыми классами нарождающагося общества, не одной арміей, а союзными арміями, справедливо замѣчаетъ г. Ник—скій въ ноябрьской книгѣ *Современнаго Міра*. Это обстоятельство вызываетъ необходимость объединенія силъ въ предстоящей на выборахъ атакѣ на старый порядокъ. Отсюда—тотъ горячій интересъ къ вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ, который обнаруживается въ средѣ демократическихъ и соціалистическихъ партій».

Но сознаніе необходимости объединенія, чтобы не дать возможно[сти] побѣдить на выборахъ реакціоннымъ элементамъ, очевидно нисколько не мѣшаетъ лѣвымъ партіямъ и ихъ публицистамъ попрежнему искажать осн[ов]ныя идеи и тактическіе пріемы конституціонно-демократической парт[іи], вѣроятно, въ надеждѣ, что такимъ путемъ объединеніе можетъ быть ле[гче] достигнуто. Тотъ же г. Ник—скій называетъ демократизмъ партіи на[...]

ной свободы «флиртомъ дворянскаго предводителя съ земскою учительницей». А г. Мякотинъ въ цѣломъ рядѣ послѣднихъ книжекъ *Русскаго Богатства* открылъ настоящій походъ противъ «кадетовъ», очевидно, поклявшись не положить своего пера раньше, чѣмъ уничтожить эту зловредную партію.

Центральнымъ пунктомъ обвиненія (*Русское Богатство*, ноябрь, Наброски современности) въ статьѣ г. Мякотина является все то же выборгское воззваніе. «Партія не можетъ только звать къ дѣйствіямъ другихъ. Она обязана сама дѣлать то, на что она зоветъ, и лишь помня объ этой обязанности, она можетъ правильно сообразовать указываемыя ею средства съ преслѣдуемыми ею задачами, выработать тактику, не выходящую изъ условій дѣйствительности, и намѣтить дѣйствія, на почвѣ которыхъ возможна плодотворная организація народныхъ силъ».

Все это совершенно справедливо, но все это бьетъ мимо цѣли. Уже неоднократно разъяснялось, что поскольку выборгское воззваніе являлось практическимъ лозунгомъ ближайшихъ дѣйствій—оно оказалось неосуществимымъ уже черезъ нѣсколько дней послѣ своего появленія.

И естественно, что члены партіи, во многихъ случаяхъ подчиняясь непреодолимой силѣ обстоятельствъ, отказались отъ практическаго проведенія въ жизнь воззванія; что же касается организаціи общественныхъ силъ, которую лѣвыя партіи противопоставляютъ организаціи общественнаго мнѣнія, то въ значительной степени эта формула лишена какого бы то ни было практическаго значенія для ближайшаго будущаго. Тактическіе же пріемы, по нашему глубокому убѣжденію, должны имѣть въ виду главнымъ образомъ переживаемый моментъ, а съ точки зрѣнія этого момента партія народной свободы, загнанная теперь въ подполье, тѣмъ не менѣе все съ той же неуклонной энергіей стремится использовать все то, что не выходитъ изъ предѣловъ ея общаго политическаго міровоззрѣнія, все то, что можетъ послужить оружіемъ въ борьбѣ за достиженіе побѣды демократическихъ принциповъ, намѣченныхъ уже первою Государственною Думою. Въ этомъ заключается тотъ истинный патріотизмъ, который стремится воскресить Россію и о которомъ пишетъ кн. Е. Трубецкой въ № 38 *Московскаго Еженедѣльника*.

«Долгъ истиннаго патріотизма—не въ томъ, чтобы воскресить городового, а въ томъ, чтобы воскресить Россію. Для этого ей нужно дать тотъ внутренній миръ, который можетъ быть построенъ только на прочномъ фундаментѣ общечеловѣческой правды. Миръ соціальный создается не дробленіемъ сословій, не искусственнымъ возбужденіемъ антагонизма среди сельскаго населенія, а широкими демократическими реформами. Миръ племенной создается не притѣсненіемъ, не насильственнымъ осуществленіемъ внѣшняго единства, а признаніемъ индивидуальныхъ особенностей каждаго племени и развитіемъ широкаго мѣстнаго самоуправленія».

Правыя партіи не знаютъ патріотизма, имъ извѣстенъ только націонализмъ. И если націонализмъ «истинно-русскихъ людей» является въ звѣ-

риномъ обликѣ, то національзмъ союза 17 октября по самой природѣ своей—національзмъ головной, бездушный и ложный. И правъ Трубецкой, замѣчая, что если національзмъ когда-либо восторжествуетъ, онъ превратитъ живое національное тѣло въ трупъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ создастъ то мертвое единство внѣшняго порядка, которое прикрываетъ племенную вражду и классовую рознь. Это патріотизмъ полицейскаго участка, въ которомъ «содержатся» обездоленные классы и обездоленныя національности. И если съ одной стороны правительственная Россія, союзъ русскихъ людей и союзъ 17 октября въ тѣсномъ единеніи ведутъ атаку на молодую демократическую Россію,—то на всѣхъ конституціонныхъ партіяхъ лежитъ нравственный долгъ передъ родиной объединенными и дружными усиліями отразить эту атаку.

Ѳ. Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ мѣропріятій правительства за послѣднее время несомнѣнно явился указъ 9 ноября объ измѣненіи нѣкоторыхъ законоположеній, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Этимъ указомъ была произведена ликвидація существующаго строя крестьянской жизни, рѣзко нарушены всѣ тѣ экономическія и правовыя начала, на которыхъ болѣе полстолѣтія основывался крестьянскій бытъ.

Сущность этого быта сводилась къ общинному землевладѣнію, при которомъ собственникомъ надѣльной земли и ея верховнымъ распорядителемъ являлось сельское общество, отдѣльные члены котораго имѣли лишь право временнаго пользованія тѣмъ или инымъ участкомъ.

Вопросъ о той роли и значеніи, которая играла въ жизни крестьянина община, давно уже вызывалъ горячіе споры въ русской литературѣ. Съ одной стороны, указывалось, что все міросозерцаніе крестьянина-великоросса связано съ общиннымъ правомъ, съ трудовымъ началомъ, лежащимъ въ основѣ его, съ тѣмъ проблескомъ идеи экономическаго равенства, которое осуществлялось въ уравнительныхъ передѣлахъ земли. Съ другой стороны, указывалось главнымъ образомъ на то, что община тормозила попытки улучшенной обработки земли, не давала простора развитію личной инициативы и энергіи. Послѣ цѣлаго ряда произведенныхъ обслѣдованій и научныхъ трудовъ выяснилось съ достаточной ясностью то обстоятельство, что община во всякомъ случаѣ не является умирающимъ институтомъ, что основанія ея имѣютъ большую жизненную силу. И постепенно общественная мысль пришла къ твердому выводу, что всякая искусственная ломка сложившихся отношеній въ этомъ направленіи явилась бы такимъ же большимъ и непоправимымъ зломъ, какъ и тѣ искусственные путы, благодаря которымъ до послѣдняго времени община носила крѣпостническій характеръ.

Указъ 9 ноября, если формально и не разрушилъ общины, то создалъ для нея такое положеніе, при которомъ община несомнѣнно придетъ къ быстрому упадку и разложенію.

Сущность этого акта заключалась въ томъ, что отнынѣ каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльной землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою лично въ собственность

причитающейся ему части изъ означенной земли. Домохозяева, за
ними укрѣплены въ личную собственность участки общинной земли,
хранятъ право пользованія покосными, лѣсными и другими угодь
также право участія въ пользованіи мірской усадебной землею, выго
и пастбищами. Требованія объ укрѣпленіи въ личную собственость
изъ общинной земли предъявляются черезъ сельскаго старосту общес
которое по приговору, постановляемому простымъ большинствомъ голоса
обязано въ мѣсячный срокъ указать участки, поступающіе въ собст
ность переходящаго къ личному владѣнію домохозяина. Если въ тече
тридцати дней общество не постановитъ приговора, то всѣ дѣйст
исполняются на мѣстѣ земскимъ начальникомъ, который разбираетъ
существу всѣ возникающіе споры. Въ обществахъ, въ коихъ не бы
общихъ передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествующихъ заявлені
отдѣльныхъ домохозяевъ о желаніи перейти отъ общиннаго владѣнія
личному, за каждымъ такимъ домохозяиномъ укрѣпляется въ личную соб-
ственность, сверхъ усадебнаго участка, всѣ участки общинной земли, со-
стоящіе въ его постоянномъ неарендномъ пользованіи. Въ обществахъ,
въ коихъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествующихъ заявленію отдѣльныхъ
домохозяевъ о желаніи перейти изъ общиннаго владѣнія къ личному, были
общіе передѣлы, за каждымъ сдѣлавшимъ такое заявленіе домохозяином
укрѣпляются въ личную собственность сверхъ усадебнаго, всѣ тѣ участки
общинной земли, которые предоставлены ему обществомъ въ постоянное,
впредь до слѣдующаго передѣла, пользованіе. Къ этому нужно прибавить,
что указъ 9 ноября, разрушая общину, разрушаетъ и общую семейную
собственность, превращая ее въ личную собственность домохозяина. Это
новое начало указъ распространяетъ на всѣхъ крестьянъ, какъ владѣю-
щихъ землей на общинномъ правѣ и выходящихъ изъ общины, такъ и
на такихъ, которые владѣютъ надѣльной землею на правѣ подворномъ.

Съ юридической стороны указъ 9 декабря является тѣмъ самымъ на-
рушеніемъ «священнаго и неприкосновеннаго права собственности», про-
тивъ котораго такъ возставало министерство Столыпина въ Думѣ. Только
подобное принудительное отчужденіе земли у общины и крестьянской
семьи продиктовано не интересами самихъ крестьянъ, не стремленіемъ
придти на помощь крестьянамъ въ ихъ земельной тѣснотѣ, а своекорыст-
ными политическими разсчетами, желаніемъ создать консервативные кадры
домохозяевъ, которые могли бы сыграть желательную для правительства
роль на будущихъ выборахъ.

Съ экономической стороны указъ 9 ноября намѣчаетъ вѣхи къ обез-
земеленію крестьянъ, къ выбрасыванію на рынокъ массы надѣльной зе
къ усиленной мобилизаціи крестьянской собственности.

Указъ 9 ноября изданъ на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ и
потому представляетъ изъ себя временную мѣру, подлежащую утверж
будущей Государственной Думы. Но ясно, что измѣнить это мѣропр
или тѣмъ болѣе отмѣнить его будетъ въ высшей степени трудно,

что участки, выдѣленные изъ общинной земли въ личную собственность, навсегда изъемляются изъ общиннаго землевладѣнія. Такимъ образомъ правительство, не имѣя на то ни малѣйшаго права, не будучи въ состояніи ссылаться на чрезвычайныя обстоятельства, своей властью разрѣшило вопросъ, связанный съ благосостояніемъ милліоновъ русскаго крестьянства, и разрѣшило его вопреки твердо установившемуся общественному мнѣнію.

Въ серединѣ ноября былъ опубликованъ законъ о продолжительности рабочаго времени и воскресномъ отдыхѣ въ торговыхъ предпріятіяхъ. Министерство Столыпина, выступающее, съ одной стороны, какъ министерство неслыханныхъ репрессій, съ цѣлью подавленія революціоннаго движенія, загнавшее всю мыслящую и оппозиціонную Россію въ подполье, съ другой стороны, пытается мелкими крохами удовлетворить насущныя потребности обездоленныхъ классовъ и найти въ нихъ себѣ прочную опору. Что же въ новомъ законѣ можетъ дѣйствительно улучшить бытъ торговыхъ служащихъ? Этимъ закономъ введенъ максимальный 12-часовой рабочій день въ торговыхъ заведеніяхъ; подобное сокращеніе рабочаго дня явилось бы для большинства тружениковъ въ мелкой торговлѣ существеннымъ облегченіемъ ихъ участи, если бы вслѣдъ за этимъ не слѣдовали оговорки, чрезвычайно суживающія кругъ этихъ служащихъ: «Заведенія для продажи кушаній и напитковъ для потребленія на мѣстѣ, въ томъ числѣ распивочныя пивныя лавки, погреба для распивочной продажи русскихъ виноградныхъ винъ, ренсковые погреба, купальни и бани могутъ быть открыты не болѣе 10 часовъ въ сутки. То же время можетъ производиться торговля предметовъ продовольствія и табаку въ разносъ и изъ передвижныхъ помѣщеній». Сверхъ того, въ продолженіе 40 дней въ году рабочій день можетъ быть удлиненъ на 2 часа, т.-е. до 14 и 17 часовъ.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ оговорокъ, новый законъ вводитъ правило, превращающее всѣ параграфы этого закона въ мертвую букву: оказывается, что сверхъ установленнаго времени работы все же допускаются, но «лишь съ согласія служащихъ за особую плату». Тѣ, кто знаетъ условія быта торгово-промышленныхъ служащихъ, ту зависимость, въ которой они находятся отъ хозяевъ, легко поймутъ, къ чему сведутся подобныя соглашенія за особую плату, и что будетъ представлять изъ себя максимальный рабочій день. Что касается до полнаго воспрещенія торговли по воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ, то здѣсь законъ дѣлаетъ исключеніе не только въ видѣ допущенія такой торговли въ читальняхъ, ресторанахъ и т. д., что можетъ быть объяснено интересами населенія, но и въ конторахъ и складахъ, что, очевидно, ограждаетъ лишь интересы хозяевъ. Установленіе обязательнаго перерыва въ занятіяхъ для обѣда и предоставленіе подросткамъ возможности посѣщать школы явилось бы цѣлесообразнымъ, если бы новый законъ ввелъ дѣйствительную защиту своихъ постановленій путемъ дополненія уголовнаго уложенія статьями, карающими за его неисполненіе; между тѣмъ по отношенію къ взрослымъ служащимъ мужчинамъ этого не сдѣлано, равно какъ обойдены молчаніемъ и тѣ органы,

которые должны слѣдить за исполненіемъ закона. Ясно, что при подобныхъ условіяхъ новый законъ является все тѣмъ же мертворожденнымъ дѣтищемъ бюрократіи; оно можетъ быть оживлено только народнымъ представительствомъ, которое, пересмотрѣвъ этотъ вопросъ въ числѣ другихъ соціальныхъ проблемъ, должно дать ему правильное и справедливое разрѣшеніе.

Въ этомъ краткомъ обзорѣ мы коснулись наиболѣе важныхъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени. Между тѣмъ жизнь течетъ своимъ порядкомъ, окутанная туманомъ, пропитанная потоками крови, слезъ и ужасовъ. Въ газетахъ попрежнему каждое утро мы встрѣчаемъ цѣлый столбецъ повѣшенныхъ и казненныхъ по распоряженію того узаконеннаго произвола, который называется военно-полевымъ судомъ. Правительство, не будучи въ состояніи справиться съ оппозиціонной Россіей, рѣшило объявить ее революціонной для того, чтобы имѣть возможность хотя бы по формѣ не считаться съ ея мнѣніемъ, поставить ее внѣ закона и отдать на растерзаніе невѣжественной администраціи. Каждый день появляются всевозможные ограничительные циркуляры непосредственно отъ министерства или же указы послушнаго ему сената, толкующіе законъ въ желательномъ для правительства смыслѣ. Никогда несчастная страна не переживала такого позора, никогда правосудіе—этотъ оплотъ государственности, не попиралось такъ беззастѣнчиво въ странѣ анархіи, подрывая послѣднія проблески надежды на мирный исходъ борьбы. Съ особенной настойчивостью преслѣдуетъ правительство конституціонно-демократическую партію, эту почти единственную партію легальной, но неуклонной оппозиціи. Собранія, устраиваемыя ею, не разрѣшаются, закрываются ея клубы и бюро, помѣщаемыя на частныхъ квартирахъ; о той широкой агитаціонной дѣятельности, которую проявила эта партія передъ прошлыми выборами, не можетъ быть болѣе и рѣчи. И среди кладбищенскаго молчанія и тишины, которую водворяетъ правительство, раздается только одинъ наглый голосъ союза русскихъ людей, устраивающихъ избіенія интеллигенціи въ Одессѣ и шумныя уличныя манифестаціи на улицахъ Петербурга. И мыслящая Россія должна, наконецъ, понять, что время иллюзій миновало, что она должна готовиться къ самому худшему, что можетъ случиться, къ тому, чего теперь добиваются истинно-русскіе люди—къ отмѣнѣ всякаго народнаго представительства. Чтобы предотвратить эту опасность, разбившемуся на отдѣльныя группы и враждующія партіи освободительному движенію долженъ быть возвращенъ тотъ національный характеръ, который ему былъ присущъ до манифеста 17 октября. Отвѣтный адресъ первой Думы долже[нъ] стать тѣмъ лозунгомъ, который долженъ объединить вновь разсѣявшія[ся] группы и дружнымъ усиліемъ создать такую Думу, вокругъ которой мог[ли] бы сорганизоваться общественное мнѣніе и общественныя силы, что[бы] добиться парламентарнаго строя, при которомъ отойдутъ, наконецъ, [въ] прошлое позорныя эпопеи Гурко-Лидваля и близкихъ имъ по духу хищ[ни]ковъ, разоряющихъ нашу несчастную родину.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Декабрь 1906 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

XII сборникъ т—ва „Знаніе".—*Э. Верхарнъ*. Зори. Перев. *А. Воротникова и С. Шамбинаго*.—*К. Тылова*. Балдушкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи.—*С. Сергѣевъ-Ценскій*. Садъ. Разсказъ.—*В. К. Измайловъ*. Одинокіе. Разсказы.—*Николай Поярковъ*. Солнечныя пѣсни.—Стихотворенія. *Н. М. Михайлова*.

XII Сборникъ товарищества Знаніе за 1906 г. Спб., Ц. 1 р. Продолженіе очерковъ Горькаго „въ Америкѣ" интереснѣе начала, помѣщеннаго въ предыдущемъ сборникѣ. По крайней мѣрѣ это можно сказать относительно очерка подъ заглавіемъ „Мовъ", гдѣ ярко описана уличная жизнь большого и грохочущаго города.

Но вся американская жизнь попрежнему представляется автору какой-то черной и мерзкой клоакой, гдѣ кишатъ жадные и подлые люди, которые словно задались цѣлью обнаруживать одну только „отвратительную наготу своей лжи и наивность своей хитрости, лицемѣріе свое и ненасытную силу жадности своей" и скудоумія. „Только одно хорошо въ свѣтломъ городѣ,—заканчиваетъ Горькій свой первый очеркъ:—въ немъ можно на всю жизнь напоить душу свою ненавистью къ силѣ глупости". Если давно уже въ художественной литературѣ потеряли право гражданства такъ называемые злодѣи, которые рисовались раньше исключительно черными красками, то и картины чуждой намъ жизни, написанныя перомъ, напитаннымъ исключительно горечью и ненавистью, представляются читателю односторонними и вызываютъ въ немъ глухое чувство протеста противъ искаженія правды.

Интересно задуманъ и хорошо выполненъ разсказъ Серафимовича „Въ семьѣ". Дружная интеллигентная семья, пріютившая у себя евреевъ, спасающихся отъ погрома, по мѣрѣ приближенія погрома и нарастающихъ тревожныхъ слуховъ, раскалывается на два враждебныхъ лагеря. Старшіе члены семьи въ изступленномъ ужасѣ гонятъ отъ себя тѣхъ, кто можетъ и на нихъ навлечь погромную грозу, подростки-дѣти съ мужествомъ и отчаяніемъ защищаютъ жизнь чуждыхъ имъ доселѣ и ставшихъ сразу близкими и дорогими гонимыхъ и угнетенныхъ людей.

Пьеса Юшкевича „Въ городѣ" написана нѣсколько манернымъ и вычурнымъ языкомъ, который вообще свойственъ автору и который читатель порою съ трудомъ преодолѣваетъ. Нищета и озлобленность однихъ,

робкая любовь, пропадающая въ тинѣ тяжелой и сѣрой жизни, необходимость продавать себя, чтобы найти кусокъ хлѣба, робкія иллюзіи, которыя даютъ силу жить робкимъ и маленькимъ людямъ,—таково содержаніе пьесы. Тяжелое и гнетущее впечатлѣніе, испытываемое читателемъ, мѣстами переходитъ въ чувство скуки вслѣдствіе растянутаго изложенія, введенія цѣлаго ряда ненужныхъ, выдуманныхъ и неинтересныхъ персонажей и повторенія нѣкоторыхъ сценъ и положеній.

Очень живо написанъ разсказъ Чирикова „Въ тюрьмѣ", описывающій злоключенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника, по недоразумѣнію попавшаго въ тюрьму и принимаемаго власть имущими лицами за опаснаго бомбиста, искусно заметающаго свои слѣды. Разсказъ кончается смертью дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и читатель переживаетъ жуткое чувство кошмара нашей сумбурной и ужасной дѣйствительности.

Недуренъ разсказъ Зиновія Пэ „Домъ", представляющій изъ себя очеркъ изъ жизни американскихъ рабочихъ. Воспоминанія Новорусскаго, воспроизводящія отдѣльные эпизоды изъ шлиссельбургской жизни, какъ и все, что касается этой жизни, должны интересовать читающую публику.

Эмиль Верхарнъ. Зори. Переводъ А. Воротникова и С. Шамбинаго. Москва, 1906 г. Ц. 20 к. Эта утопическая драма представляетъ особый интересъ, какъ пропаганда мира, ярко изображающая всѣ ужасы войны. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: „Великій городъ" осажденъ непріятелемъ. Война длится двадцатый мѣсяцъ и въ окрестностяхъ города горятъ села и фермы; крестьяне, фермеры, нищіе и бродяги толпами стекаются къ городу. Среди нихъ находится трибунъ Эреніанъ. Онъ идетъ около носилокъ, на которыхъ лежитъ умирающій его отецъ—простой поселянинъ. Правительство Великаго города не пускаетъ за свои укрѣпленныя стѣны обнищавшую голодную толпу. Эреніанъ становится во главѣ толпы и ведетъ ее за собой къ городъ. У воротъ ихъ останавливаетъ офицеръ и, въ концѣ-концовъ, какъ будто согласившись съ доводами Эреніана, пропускаетъ его въ городъ вмѣстѣ съ носилками, но, какъ только онъ входитъ, ворота замыкаются, и вся толпа остается по ту сторону стѣнъ. Тогда оставшіеся безъ помощи и правительства устраиваютъ стачку. Положеніе обостряется, дѣла правительства въ разстройствѣ, и оно рѣшается на коварныя уступки. Консулъ вступаетъ въ переговоры съ Эреніаномъ, поручаетъ ему вернуть народъ въ городъ и отъ имени правительства обѣщать полную амнистію, вознагражденіе за всѣ убытки и вообще все, что потребуетъ народъ; онъ передаетъ Эреніану письменное уполномочіе. Эреніанъ отправляется на Авентинъ, гдѣ собрался народъ, произноситъ горячую рѣчь, полную примиренія; онъ противъ всякихъ кровавыхъ столкновеній и передаетъ народу всѣ обѣщанія правительства, онъ самъ полонъ вѣры въ приближающуюся весну человѣческаго счастія. Онъ разсказываетъ о томъ, что правительство стало слабо, солдаты отказываются повиноваться, то же самое происходитъ и въ непріятельскомъ лагерѣ. Пропаганда мира, книги самого Эреніана о грядущемъ общечеловѣческомъ счастіи и о способахъ его водворенія дѣлаютъ свое дѣло, программы обсуждаются всѣми, среди непріятелей также много послѣдователей этихъ программъ. Народъ возвращается въ городъ, но правительство только отчасти исполняетъ свои обѣщанія,—никому не возмѣщены убытки, ни одна пострадавшая семья не получила никакого вознагражденія. Народъ возмущенъ и во всемъ начинаетъ винить Эреніана. Толпа съ криками „измѣнникъ, подкупъ", начинаетъ громить его домъ. На защиту Эре-

ніану выступаютъ два другихъ трибуна; выходитъ самъ Эреніанъ, онъ оправдывается передъ народомъ и обѣщаетъ ему совершить великія завоеванія для человѣчества—уничтожить войну. Ночью, въ полѣ, Эреніанъ, сопровождаемый двумя трибунами, устраиваетъ совѣщаніе съ капитаномъ непріятельской арміи—Ордэномъ—поклонникомъ ученія самого Эреніана, его послѣдователемъ. Отвращеніе къ войнѣ въ обоихъ войскахъ дошло до апогея, повальныя болѣзни, голодъ и нужда косятъ людей, началось открытое неповиновеніе, войска требуютъ мира, побѣда не имѣетъ въ ихъ глазахъ никакой цѣнности. При такихъ условіяхъ обѣ стороны протягиваютъ другъ другу руки, рѣшаютъ кончить войну и, побросавъ оружіе, слиться въ одинъ братскій народъ. На слѣдующій день часть непріятельскаго войска идетъ къ городскимъ воротамъ и, при видѣ осажденныхъ, бросаетъ оружіе. Правительственные генералы сначала въ изумленіи, не могутъ ничего понять; имъ дѣлается все ясно только тогда, когда прежніе непріятели появляются въ городѣ и начинаютъ брататься съ народомъ. Народъ и солдаты осажденнаго войска восторженно привѣтствуютъ пришедшихъ. Часть генераловъ бросается къ зданію правительства, около котораго стоятъ еще пятьсотъ человѣкъ гвардіи, не порывающіе завѣтовъ старой жизни и не видящіе зорю новой. Побѣда остается на сторонѣ народа, но Эреніанъ убитъ однимъ изъ гвардейцевъ. Послѣднее дѣйствіе—похороны Эреніана. Надъ его гробомъ Ордэнъ произноситъ горячую рѣчь, которая заканчивается слѣдующими словами: „Народы, наконецъ, поймутъ, что совершилось нѣчто безсмертное, здѣсь, въ Великомъ городѣ, откуда въ теченіе ряда вѣковъ лучшія человѣческія идеи летѣли въ міръ. Впервые, съ появленіемъ силы, съ того времени, какъ мозгъ началъ исчислять время, впервые двѣ расы отреклись, одна—отъ своей побѣды, другая—отъ оскорбленной гордости, и слились въ объятія. Вся земля содрогнулась, кровь и сила прилили къ сердцу всего живущаго. Согласіе и единеніе побѣдили вражду. Борьба людей въ кровавой формѣ отвергнута. Отнынѣ сіяющій маякъ горитъ на горизонтѣ будущихъ бурь. Его свѣтъ ослѣпитъ взоры, покоритъ умы, озаритъ грезой сердца. И надо, послѣ испытаній и горестей, придти въ ту пристань, куда онъ указываетъ путь, позлащая мачты и мирныя ладьи!“

Эта драма съ своеобразнымъ содержаніемъ написана также совершенно своеобразно. Въ ней прозаическій діалогъ постоянно прерывается стихотворными строфами,—всѣ лица очерчены своеобразно: широкими штрихами, очень картинно и образно, но безъ контуровъ. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ первымъ поставлена „толпа“, а по ремаркѣ „группы дѣйствуютъ, какъ одинъ многоликій человѣкъ“. Все захвачено очень широко, дѣйствіе происходитъ какъ бы внѣ времени и пространства, обрывки демократическихъ теорій переплетаются съ символизмомъ, страсти и характеры дѣйствующихъ лицъ обладаютъ исключительной силой, задній планъ декорацій всегда грандіозенъ и дышитъ ужасомъ. Массовыя сцены занимаютъ гораздо болѣе половины дѣйствія. Тенденція автора сквозитъ повсюду и проводится имъ намѣренно рѣзко.

К. Тылова. Балдушкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи. Спб., 1906 г. Ц. 40 к. Манчжурская эпопея еще долго будетъ служить темой для нашей литературы. Авторъ, видимо, хорошо знакомъ съ тѣмъ, что дѣлалось во время войны *въ тылу* арміи. Разсказываемая имъ исторія правдоподобна по своимъ подробностямъ, но ужасна по смыслу. Балдушкинъ—начальникъ казенной палаты, полнѣйшее ничтожество, выхлопатываетъ себѣ во время войны мѣсто завѣдующаго по финансо-

вой части какого-то полевого учрежденія; онъ набираетъ съ собой, въ качествѣ штатныхъ чиновниковъ, цѣлую компанію такихъ же, какъ онъ, невѣждъ, людей безъ опыта и безъ любви къ дѣлу, но такихъ же, какъ и онъ, жадныхъ, наглыхъ и корыстныхъ. Вся эта банда ѣдетъ на войну управлять и распоряжаться. Вмѣстѣ съ компаніей ѣдетъ и корова, предназначенная для будущихъ щенятъ любимой собаки „его превосходительства". На войнѣ, въ тылу арміи, въ знаменитомъ городѣ Х., эти люди, получающіе тысячи, дали полный просторъ своимъ низменнымъ аппетитамъ. Работали только военные писари, а начальники, ихъ помощники, помощники ихъ помощниковъ и т. д. разъѣзжали по многочисленнымъ веселымъ мѣстамъ г. Х., охотились въ окрестностяхъ, дѣлали визиты и получали во-время присвоенные по штату оклады. Наступилъ миръ, и загулявшіе чиновники встрепенулись. Что дѣлать? куда дѣваться? Но Балдушкинъ выхлопоталъ разрѣшеніе сохранить жалованье еще на годъ по окончаніи войны, и всѣ опять воспрянули духомъ.

Этотъ разсказъ описываетъ такіе вопіющіе случаи съ мельчайшими подробностями, передаетъ такіе факты, которые не могутъ быть изобрѣтены и самой смѣлой фантазіей. Мы хотимъ не вѣрить въ то, что возможны были въ дѣйствительности такія расхищенія и злоупотребленія. Путемъ открытаго гласнаго суда правительство могло бы доказать—правдиво или неправдиво то, что изложено въ книжкѣ.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Садъ. Разсказъ. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 12 к. Въ разсказѣ *Садъ* г. Сергѣевъ-Ценскій описываетъ исторію одного убійства. Нѣкто Шевардинъ, кончившій курсъ лучшимъ ученикомъ въ земледѣльческомъ училищѣ, снимаетъ у причта села Татьяновки фруктовый садъ за 40 рублей въ лѣто, разсчитывая нѣчто выгадать на такомъ дѣлѣ. Повидимому, дѣло совсѣмъ мирное, имѣющее въ виду только благосостояніе садовода Шевардина; но стоило Шевардину поселиться въ Татьяновкѣ и увидать, что бокъ-о-бокъ съ нею тянутся на 40 верстъ владѣнія развратника графа, который тѣснитъ, жметъ и эксплоатируетъ окружающее населеніе,—какъ у него зарождается опредѣленное намѣреніе убить, какъ какого-нибудь паразита, этого графа, и намѣреніе свое онъ выполняетъ. Слишкомъ яркія картины эксплоатаціи, горя и нищеты, виновникомъ которыхъ является графъ, не могли пройти безслѣдно для Шевардина, и онъ, мирный садоводъ, превращается въ убійцу. Можетъ быть, такое превращеніе мало мотивировано, и личность Шевардина обрисована не вполнѣ выпукло, но отъ всего разсказа вѣетъ правдой и жизнью, многія сцены набросаны живо, среди дѣйствующихъ лицъ встрѣчаются выразительныя фигуры, вродѣ, наприм., татьяновскаго священника отца Меѳодія, и разсказъ производитъ впечатлѣніе, заставляя въ наши дни тревогъ и волненій задуматься надъ многимъ и очень многимъ. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія доступность разсказа для самаго простого читателя какъ по хорошему языку, такъ и по цѣнѣ: книжка стоитъ всего 12 к.

В. К. Измайловъ. Одинокіе. Разсказы. Издательство О. Н. Поповой. № 79. Спб., 1906 г. Ц. 5 к. Всѣ три разсказа, помѣщенные въ брошюркѣ г. Измайлова, написаны не безъ таланта, живо, интересно и то, что называется, „съ настроеніемъ". Настроеніе это во всѣхъ трехъ разсказахъ одно и то же, почему имъ и дано общее названіе „Одинокіе", что, впрочемъ, не мѣшаетъ сюжетамъ отличаться разнообразіемъ. Г. Измайловъ довольно чутко угадалъ современное общественное направленіе мысли, ищущей вездѣ разгадки, и самъ онъ во всѣхъ трехъ разсказахъ какъ бы задается однимъ вопросомъ: „зачѣмъ"? Зачѣмъ такъ

одиноки люди? Зачѣмъ такъ скучна и тяжела ихъ жизнь? Зачѣмъ такъ жестоко распоряжается она человѣкомъ? И гдѣ смыслъ этой жизни? Но вопросы эти только какъ бы намѣчаются авторомъ въ его коротенькихъ разсказахъ и нигдѣ не разрѣшаются, какъ не разрѣшились они пока жизнью, которая, при идущей кругомъ жестокой ломкѣ старыхъ традицій, еще не выработала новыхъ опредѣленныхъ идеаловъ въ области человѣческой этики. Послѣднее обстоятельство наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія относительно удобства или неудобства подобныхъ изданій для народа. Разумѣется, для читателя интеллигента неопредѣленность содержанія нисколько не повредитъ ясности впечатлѣнія, такъ какъ настроеніе автора слишкомъ опредѣленно рисуетъ основную мысль, но для малоинтеллигентнаго читателя мало настроенія, ему мало одного вопроса, ему нуженъ отвѣтъ, если вопросъ поставленъ. Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, такіе разсказы гораздо больше скажутъ уму и сердцу читателя интеллигента, чѣмъ читателю съ малой литературной подготовкой.

Николай Поярковъ. Солнечныя пѣсни. М., 1906 г. Ц. 60 коп. Муза г. Пояркова принадлежитъ старому времени, новая жизнь съ новыми увлеченіями, мечтаніями, ошибками и побѣдами не касалась ея. Впрочемъ, мы упоминаемъ объ этомъ не въ упрекъ, а только для характеристики „направленія“ стихотвореній г. Пояркова. И изъ стараго времени можно было извлекать многое для пѣснопѣній и созвучій, однако, г. Поярковъ не нашелъ обилія темъ для своихъ Солнечныхъ пѣсенъ изъ той жизни. Діаметръ его „круга солнца“ необычайно малъ, площадь круга почти пуста, солнце г. Пояркова свѣтитъ тускло, безъ блеска. Море, любовь, любовь, море—вотъ все, о чемъ на всякіе лады только и повторяетъ г. Поярковъ. Иногда еще промелькнетъ „предчувствіе смерти“ у него, необычайнаго пѣснопѣвца „какъ весна молодого и какъ пламя жгучаго“, промелькнетъ какъ рекомендація себя въ красивомъ плащѣ гордой разочарованности. Но это только въ шутку. Вообще же г. Поярковъ рѣдко задумывается; онъ предпочитаетъ любоваться пейзажами и видами во время путешествій и подробно сообщаетъ о всякомъ видѣ читатателю. Подробно, но не характерно и не образно. Картинность описаній ему совершенно не удается, у него нѣтъ способности остановить вниманіе читателя на какомъ-нибудь опредѣленномъ яркомъ образѣ, онъ не умѣетъ подбирать краски въ общей картинѣ, еще менѣе ему знакомы красочныя сочетанія словъ и звуковъ. Все это онъ старается замѣнить безпорядочнымъ нагроможденіемъ эпитетовъ, обиліемъ онъ замѣняетъ опредѣленность, случайнымъ театральнымъ эффектомъ замѣняетъ истинную художественность картины. Вообще онъ не умѣетъ сконцентрировать свою мысль и расплывается въ перечисленіи мелочей. Кромѣ того у г. Пояркова совершенно отсутствуетъ гибкость и богатство языка, такъ необходимыя для поэта,—его сравненія необычайно избиты, ухо читателя рѣжутъ сравненія паруса съ крыльями чайки или просто съ чайкой. Два эпитета: „чеканный“ и „алый“ г. Поярковъ повторяетъ чуть не въ каждомъ стихотвореніи, видимо считая эти эпитеты особенно удачными. Нѣкоторые стихи написаны такъ тяжело, что языкъ заплетается при ихъ чтеніи. Такіе стихи производятъ какое угодно впечатлѣніе, только не „солнечныхъ“.

Стихотворенія Н. М. Михайлова съ 1895 по 1904 г. Ц. 45 к. Въ предисловіи къ этой изящно изданной книжкѣ П. Н. Сакулинъ разсказываетъ печальную исторію автора, который два года назадъ покончилъ со своей двадцатишестилѣтней жизнью. Все, что терзало душу само-

убійцы, онъ вылилъ въ стихотвореніяхъ, полныхъ неисцѣлимой тоски. Они не имѣютъ поэтической цѣнности, не блещутъ оригинальностью образовъ или риѳмъ, но каждое изъ нихъ, дѣйствительно, представляетъ собою подлинный человѣческій документъ и привлекаетъ своей искренностью. Въ одномъ стихотвореніи Михайловъ красиво говоритъ про себя, что въ дѣтскомъ углу, куда ушелъ онъ отъ чопорныхъ гостей, онъ былъ „книгой безъ картинъ"; можно это сравненіе продлить и сказать, что внутренній міръ юности, поскольку онъ раскрывается въ стихотвореніяхъ покойнаго и еще въ памяткѣ г. Сакулина,—что этотъ міръ тоже былъ похожъ на книгу безъ картинъ, безъ яркихъ красокъ. Жила въ немъ только черная скорбь (нашъ поэтъ даже море рисуетъ „съ черными волнами"—это его любимый цвѣтъ), и оттого самъ онъ не могъ долго жить. Потеряла ли въ немъ русская литература крупнаго писателя,—это сомнительно; зато несомнѣнно, что потерянъ въ его лицѣ человѣкъ съ хорошей, несчастной душою, человѣкъ, который, по справедливому слову его друга и учителя г. Сакулина, „не только жилъ, но мыслилъ и страдалъ". Въ особенности, страдалъ...

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА.

Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокріевича.—*В. Вологдинъ*. Народная школа и рабочій классъ.

Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокріевича. Книгоизд. „Свободный трудъ". Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. Типичный „народникъ" и „бунтарь" 70-хъ годовъ, Дебогорій-Мокріевичъ пережилъ очень бурную революціонную карьеру. Отъ наивнаго „хожденія въ народъ" и прекраснодушныхъ мечтаній о соціалистической колоніи въ Америкѣ онъ переходитъ къ активной революціонной дѣятельности около половины 70-хъ годовъ, сближается съ кружкомъ Осинскаго, принимаетъ нѣкоторое участіе въ дѣйствіяхъ перваго „Исполнительнаго Комитета" и вмѣстѣ съ „косаровцами" попадаетъ въ руки кіевской полиціи. Въ Сибири онъ успѣлъ помѣняться фамиліями съ однимъ уголовнымъ, по дорогѣ въ Европейскую Россію организовалъ общество помощи политическимъ ссыльнымъ и благополучно перебрался затѣмъ черезъ границу, осудивъ себя на тяжелую жизнь политическаго эмигранта.

Его простой, искренній и непосредственный разсказъ о своей жизни представляетъ большой историческій и общественный интересъ. Онъ вводитъ насъ прежде всего во внутреннюю жизнь радикальныхъ кружковъ 70-хъ годовъ, которую мы до сихъ поръ знаемъ слишкомъ мало—почти исключительно изъ умышленно искаженныхъ офиціальныхъ источниковъ или обличительныхъ романовъ. Въ живыхъ образахъ проходитъ передъ нами—зарожденіе народничества, увлеченіе американской свободой, кружки и „коммуны", „опыты народохожденія", „Чигиринское дѣло", Коваликъ, Мышкинъ, Войнаральскій, переходъ къ террористическимъ дѣйствіямъ, вооруженное сопротивленіе въ домѣ Косаровской, Валеріанъ Осинскій и его казнь, впечатлѣнія тюремныя и этапныя, „смѣнка" съ уголовнымъ, возвращеніе изъ Сибири подъ псевдонимомъ, организація революціоннаго „Краснаго Креста".

Благодаря своему темпераменту, сдержанному и умѣренному, и условіямъ жизни (арестъ и заключеніе въ 1879 г., затѣмъ эмиграція) Дебогорій-Мокріевичъ не примкнулъ къ народовольцамъ, въ то же время не слившись и съ чернопередѣльцами. По отношенію къ послѣдующимъ

перипетіямъ борьбы за наше освобожденіе онъ сохранилъ внутреннюю свободу, полное безпристрастіе, и къ его голосу стоитъ прислушаться, какъ къ голосу умнаго, спокойнаго и вдумчиваго человѣка.

„По понятіямъ соціалистовъ 70-хъ годовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ, конечно), народъ и привилегированныя сословія представляли собою противоположенія, что-то вродѣ плюса и минуса, взаимно уничтожавшіяся, двѣ вѣчно борющіяся силы, съ настолько различными интересами, что все то, что было полезно для одной, оказывалось вреднымъ для другой. Такимъ образомъ, политическая свобода, полезная для высшихъ сословій, такъ какъ она давала имъ больше правъ и дѣлала ихъ болѣе могущественными, была, по нашимъ понятіямъ, вредной для народной массы, по той логикѣ, что для народа будетъ тѣмъ хуже, чѣмъ могущественнѣе его враги. Если бы наше правительство было умнѣе и въ особенности если бы не было такое злобное и не принялось съ такимъ ожесточеніемъ насъ преслѣдовать, оно могло бы продержать насъ въ этомъ невѣжественномъ представленіи дѣйствительности очень долгое время. Но начался терроръ, вызванный правительственными репрессіями, и среди революціонеровъ выступилъ на очередь вопросъ о политической свободѣ... Какъ люди активные, а не доктринеры, народовольцы поняли значеніе, оказываемое на нашу жизнь правительствомъ, и совершенно вѣрно утверждали, что главный врагъ страны было именно правительство, а не буржуазія, какъ мы думали раньше, и что, слѣдовательно, силы революціонеровъ должны быть направлены на борьбу съ нимъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ они всетаки продолжали думать, что конституціонный режимъ могъ оказаться полезнымъ лишь для одной буржуазіи, а не для всего народа, то поэтому они поставили своею цѣлью не завоеваніе политической свободы и не простой переходъ отъ самодержавія къ конституціи, а коренное измѣненіе всего соціальнаго строя. Если бы „Народная Воля“ поставила своей задачей завоеваніе конституціоннаго режима, она могла бы надѣяться найти себѣ союзниковъ въ соотвѣтственныхъ общественныхъ теченіяхъ. Но, увлекшись мечтою о преобразованіи въ ближайшемъ будущемъ полуазіатскаго царства на соціалистическихъ началахъ, минуя парламентаризмъ, она должна была прійти къ мысли о захватѣ власти и этимъ только изолировала себя отъ другихъ оппозиціонныхъ теченій“. При нереволюціонности народныхъ массъ, по мнѣнію автора, „революціонное народничество было осуждено на гибель“, если бы не преслѣдованія правительства. „Движеніе наше улеглось бы, приняло бы спокойное теченіе и, въ концѣ концовъ, пожалуй, мы оказались бы не чѣмъ инымъ, какъ „крайней лѣвой“ нашего общеземскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшеромъ, кто ремесленникомъ, и стали бы пропагандировать идеи соціализма. Окружающая дѣйствительность скоро наложила бы печать на нашу пропаганду; мы увидѣли бы кругомъ себя почти поголовную безграмотность (а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія?); самъ собою выступилъ бы на очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и т. п. культурной дѣятельности. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько-нибудь нормальны, т.-е., другими словами, если бы у насъ вмѣсто злого и глупаго правительства оказалось бы умное, которое сумѣло бы правильно взглянуть на движеніе и предоставило его теченіе самому себѣ“.

Опять-таки „для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ о политической сво-

бодѣ самъ собою ставится въ первую очередь“. Въ этомъ—главный и… водъ жизни Дебогорія-Мокріевича и его цѣнныхъ „Воспоминаній“.

В. Вологдинъ. Народная школа и рабочій классъ. Спб., 1906 г. Ц. 8 к. Вмѣсто введенія авторъ предпосылаетъ главу о развитіи рабочаго класса у насъ въ Россіи и параллельномъ развитіи дѣла народнаго образованія. Авторъ доказываетъ, что до освобожденія крестьянъ, при господствѣ натуральнаго хозяйства, ни рабы-крестьяне, ни рабовладѣльцы-помѣщики не чувствовали острой потребности въ начальной школѣ. Съ того же времени, какъ на мѣсто баръ-помѣщиковъ стали капиталисты, а на мѣсто крѣпостныхъ крестьянъ—наемные рабочіе, образованіе и низшая школа начали дѣлаться необходимостью для обѣихъ сторонъ,—капиталисту нуженъ образованный, знающій рабочій, у наемнаго рабочаго, оторваннаго отъ мѣста и выброшеннаго въ міръ, появились духовные запросы, проснулась мысль, жажда знанія и стремленія учиться. Правительство изъ понятныхъ причинъ всегда ставило преграды для расширенія народнаго образованія. Исторія этихъ преградъ, положеніе народнаго учителя, сравненіе народнаго образованія въ Россіи съ народнымъ образованіемъ въ другихъ странахъ изложены авторомъ съ достаточной убѣдительностью. Только демократическій строй можетъ обезпечить народу всеобщее, обязательное и безплатное обученіе въ начальной школѣ. Однако демократія уничтожаетъ неравенство людей передъ закономъ, но она не уничтожаетъ неравенства бѣдныхъ и богатыхъ. Средняя школа надолго еще будетъ недоступна для рабочаго класса. Авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что среднее и высшее образованіе будетъ доступно для всѣхъ только при торжествѣ соціализма.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ.

Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Историко-методологическій этюдъ *Ильи Смоленскаго*. Вып. I.—Изъ Исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скифы. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Состав. *В. Д. Перовъ*.—*С. Левицкій*. Революція 1848 г. въ Венгріи.—*М. М.* Антокольскій. Его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. *В. В. Стасова*.

Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. (Переоцѣнка историческихъ знаній). Историко-методологическій этюдъ Ильи Смоленскаго. Выпускъ первый. Одесса, 1906. Ц. 1 р. „Переоцѣнка историческихъ знаній“—такова заманчивая цѣль лежащей передъ нами книжки. Въ введеніи авторъ указываетъ, что содержаніемъ статьи является „разсмотрѣніе исторіи съ точки зрѣнія научной и точки зрѣнія педагогической“, а методъ изложенія состоитъ въ томъ, что, не давая никакихъ разъясненій и не дѣлая оговорокъ, г. Смоленскій прямо цитируетъ авторовъ. Благодаря такому методу, статья г. Смоленскаго представляетъ любопытное собраніе отрывковъ изъ сочиненій историческихъ и философскихъ, нѣчто вродѣ хрестоматіи, гдѣ пестрятъ имена Макса Нордау, Сеньобоса, Лалланда, Гумпловича, Канта и др., импонируя читателю своимъ ученымъ престижемъ. Г. Смоленскій выдвигаетъ на сцену весь этотъ почтенный багажъ учености съ цѣлью доказать слѣдующія основныя положенія: исторія—не наука, и мѣсто исторіи не въ средней школѣ, а въ университетѣ. Повидимому, эти положенія противорѣчатъ другъ другу. Если исторія не наука, то почему же ей мѣсто въ университетѣ? Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, авторъ приводитъ цѣлый рядъ соображеній и доказательствъ, цитируетъ научные автори-

теты, тратитъ массу энергіи, позволяетъ себѣ самыя желчныя выходки по адресу современной исторической науки.

Ходъ мысли его таковъ: „Исторія (въ томъ видѣ, какъ она существуетъ) не наука, а только совокупность знаній (только болѣе или менѣе вѣроятныхъ, а потому малоцѣнныхъ по качеству") (стр. 156). Такъ какъ историческіе факты съ теченіемъ времени теряютъ свою достовѣрность, а слѣдовательно и цѣнность, то „знать достовѣрно мы можемъ только совершающееся, а не совершившееся" (стр. 14). Поэтому „на все историческое прошлое мы должны поставить крестъ, перестать заниматься раскопками, прекратить заботу о музеяхъ и археологическихъ кабинетахъ" (стр. 56), и „навсегда распрощаться съ Геродотами, Ливіями, Моммзенами и др. историками..."

Какъ все это просто и какъ легко, отбросивъ весь этотъ вѣками накопленный историческій „хламъ", сдѣлать исторію наукой. Для этого ее нужно начинать, по рецепту г. Смоленскаго, съ нынѣшняго дня, нужно обратить ее въ собираніе „фактовъ будущаго", планомѣрно и систематически зарегистрировать (стр. 50). Но, скажетъ читатель, это будетъ статистика, имѣющая вполнѣ законное право на существованіе въ ряду другихъ наукъ, но статистика, а не исторія. Допустимъ, что историки будутъ планомѣрно и систематически собирать факты и притомъ не будущаго, какъ желаетъ г. Смоленскій, а настоящаго или, вѣрнѣе, даже прошлаго, такъ какъ въ самый моментъ ихъ зарегистрованія они станутъ уже болѣе или менѣе отдаленнымъ прошлымъ, событіями совершившимися, а не совершающимися; но мы боимся, что г. Смоленскій найдетъ ихъ уже не достовѣрными, а только вѣроятными, такъ какъ онъ не даетъ никакихъ указаній, какой именно промежутокъ времени, отдѣляющій отъ насъ совершившіеся факты, сдѣлаетъ ихъ недостовѣрными въ его глазахъ.

Далѣе, по мнѣнію г. Смоленскаго, изъ исторіи должна быть изгнана всякая тенденціозность, всякая этическая оцѣнка событій, всякая попытка къ установленію причинной связи, долженъ быть реформированъ языкъ историческихъ сочиненій, должны быть изгнаны всякіе литературные и художественные пріемы въ изложеніи историческихъ событій, такъ какъ „основная цѣль исторіи, — говоритъ авторъ на 82 стр. — *установленіе фактовъ прошлаго* (sic!) на основаніи ряда данныхъ (документальныхъ и монументальныхъ)" и только. Совершенно вѣрно, но какъ согласовать это опредѣленіе исторіи съ утвержденіемъ, что исторія не должна касаться фактовъ прошлаго и не должна опираться ни на какія документальныя или монументальныя данныя?

Далѣе, рѣшая вопросъ о томъ, гдѣ и какъ должна проходиться исторія, авторъ говоритъ, что „было бы желательно измѣнить всю существующую систему преподаванія... и поставить преподаваніе исторіи въ университетѣ на строго научную почву, опираясь на изслѣдованіе источниковъ". Тутъ уже читатель поставленъ въ полное недоумѣніе. Какіе же источники будутъ изучаться въ университетѣ, когда разъ и навсегда будетъ поставленъ крестъ на всѣ источники и документы?

Хорошо, что авторъ черезъ 3 страницы спохватывается и спѣшитъ оправдаться въ своемъ противорѣчіи. „Однако, всегда нужно помнить, что эта система есть только *лучшая изъ худшихъ*. Несомнѣнно, настанетъ время, когда и эта система перестанетъ существовать, ибо къ источникамъ будетъ потеряно научное довѣріе, и когда возникнетъ совершенно новая исторія" (стр. 149).

Когда наступятъ эти блаженныя времена и какова будетъ эта „но-

вая исторія", — авторъ не говоритъ, ограничиваясь короткими и не убѣдительными намеками на „зарегистрированіе фактовъ будущаго". Може.. можетъ, подробную аргументацію этого новаго положенія авторъ при..регаетъ до второго выпуска? Своей книгой онъ дѣлаетъ только вызо.. современнымъ историкамъ, предлагая имъ защищать свою науку и про.. ихъ только „не замалчивать вопроса".

Въ нашу задачу не входитъ писать апологію исторіи, такъ сильно сброшенной съ научнаго пьедестала г. Смоленскимъ, ни возражать по..дробно на всѣ его аргументы. Въ этой бѣглой замѣткѣ мы останови..лись только на основныхъ выводахъ, заводящихъ порою автора въ дебри непреодолимыхъ противорѣчій. Къ этому можно добавить только одно: Что даетъ г. Смоленскому право такъ смѣло, иногда крайне бесцере..монно обращаться съ созданной до сихъ поръ исторической наукой и ея представителями? Не говоря уже о томъ, какъ достается преподава..телямъ исторіи, особенно „такъ называемымъ *хорошимъ*",—какъ назвать подобную выходку по адресу выдающагося соціолога, Л. Гумпловича: „Если Гумпловичу такъ ужъ хочется знакомить публику съ исторіей, такъ пусть онъ позаботится объ устройствѣ особыхъ историческихъ аудиторій, въ которыхъ бы публикѣ сообщались всевозможнѣйшія басни и враки изъ области „пресловутаго былого", но эти аудиторіи не должны имѣть ничего общаго съ университетомъ и другими учебными заведе..ніями, гдѣ преподается „дѣйствительная наука". На вывѣскѣ подобныхъ аудиторій должно быть написано: *не любо — не слушай, а врать не мѣшай!?...*" *).

Едва ли это пріемъ, достойный критики, сколько-нибудь претендую..щей на серьезность, а не на гаерство для забавы той самой публики, которую авторъ старается уберечь отъ современной исторіи.

Мы, кажется, слишкомъ много времени и вниманія посвятили „ши..роковѣщательной и многошумящей" книгѣ г. Смоленскаго. Желая быть вполнѣ безпристрастными, мы не можемъ не выразить полнаго одобренія подробному указателю книгъ и статей по методологіи исторіи и соціо..логіи, приложенному г. Смоленскимъ въ концѣ книги. Напрасно только онъ изощряетъ всю свою энергію и остроуміе на защиту этого прило..женія. Такой библіографическій указатель всегда очень полезенъ, а въ данномъ случаѣ представитъ единственное цѣнное пріобрѣтеніе, которое можетъ сдѣлать читатель отъ знакомства съ разбираемой книгой.

Изъ Исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скиѳія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Сост. П. Д. Первовъ. М., 1905. Ц. 60 к. Г. Первовъ составилъ разбираемую книжку, выбравъ нѣкото..рые разсказы изъ Исторіи Геродота и снабдивъ ихъ многочисленными примѣчаніями, разъясненіями и историческими справками. Глава о Скиѳіи составлена даже самимъ г. Первовымъ, причемъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, дополнены тѣмъ, что даютъ намъ археологическія раскопки, произведенныя на югѣ Россіи въ курганахъ. Расположеніе матеріала со..хранено то же, что въ Исторіи Геродота, въ его 9 книгахъ, чтобы со..хранить и его руководящую идею: „желаніе изобразить великую и слав..ную борьбу Эллады съ Азіей".

Поэтому повѣствованіе начинается исторіей Лидіи и Креза, исторіей покоренія малоазіатскихъ грековъ, затѣмъ разсказана исторія персовъ и ихъ завоеваній (въ связи съ этимъ и исторія скиѳовъ) и, наконецъ, описаніе греко-персидскихъ войнъ, кончая Кимоновымъ миромъ (хотя это

*) Курсивъ нашъ.

іе указано въ заглавіи). Въ началѣ книги г. Первовъ излагаетъ біографію Геродота, основываясь главнымъ образомъ на лексиконѣ византійскаго писателя Свиды, указывая, однако, на то, что въ біографіи Геродота до сихъ поръ много неточнаго, неустановленнаго, выведеннаго путемъ догадокъ и комбинацій и часто даже совершенно отрицаемаго критической школой историковъ. Въ этой же главѣ, написанной авторомъ о Геродотѣ, г. Первовъ указываетъ на тѣ источники, которыми пользовался Геродотъ, на историческій методъ, котораго онъ придерживался, указываетъ также на основныя черты, которыми можно охарактеризовать его исторію: глубокую религіозность и вѣру въ судьбу, съ одной стороны, и нравственную идею, освѣщающую все его отношеніе къ совершавшемуся—съ другой. Въ научномъ отношеніи Геродотъ, конечно, стоитъ на уровнѣ своего вѣка.

Книга г. Первова можетъ составить очень полезное чтеніе для учащихся и для всякаго, желающаго познакомиться съ древней исторіей, такъ какъ это есть обращеніе къ первоисточнику, а руководящая глава о Геродотѣ и многочисленныя объясненія облегчатъ пользованіе этимъ источникомъ. Намъ кажется только, что прочтеніе этой книжки въ ея цѣломъ покажется учащимся нѣсколько скучнымъ, особенно, наприм., главы о Скиѳіи, составленной слишкомъ сухо и черезчуръ детально. При умѣломъ руководствѣ со стороны преподавателя книжка г. Первова можетъ послужить очень цѣннымъ матеріаломъ для чтенія и самостоятельныхъ работъ учащихся и составить полезный вкладъ въ нашу популярно-научную литературу.

С. Лозинскій. Революція 1848 г. въ Венгріи. (Исторія и общественные вопросы, № III). Спб., 1906 г. Одинъ изъ наиболѣе драматическихъ эпизодовъ всемірной исторіи—венгерская революція 1848 г.—представляетъ изъ себя особенно удобный матеріалъ для популярнаго изложенія. Быстро развивающіяся событія, исключительный подъемъ революціоннаго настроенія, самая необычайность личной судьбы героевъ венгерской революціи,—все это должно невольно захватить читателя, приковать къ себѣ его вниманіе. Г. Лозинскій очень умѣло воспользовался рѣдкими по обилію драматическихъ ситуацій венгерскими событіями 1848 г., и въ его изложеніи національныя противорѣчія венгерской исторіи XIX вѣка, поведшія въ концѣ концовъ къ революціи, представлены ясно и просто. Мы бы сдѣлали автору только два упрека: во-первыхъ, онъ слишкомъ изолировалъ венгерскія событія 1848 г. изъ общей связи революціонныхъ проявленій во всей Австро-Венгріи въ этотъ годъ, вслѣдствіе чего для неподготовленнаго читателя взаимныя отношенія австрійскихъ нѣмцевъ, славянъ и венгерцевъ въ нѣкоторые моменты (напр., въ октябрьскіе дни 1848 г.) должны представиться недостаточно ясными; во-вторыхъ, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на національныхъ контрастахъ и, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ замѣчаній (стр. 12 и 17), ничего не сказалъ о несомнѣнно существовавшихъ тогда соціально-экономическихъ противорѣчіяхъ, которыя были одной изъ причинъ конечнаго неуспѣха революціи.—При всемъ этомъ брошюра г. Лозинскаго представляетъ изъ себя очень хорошую популяризацію событій 1848 г. въ Венгріи и заслуживаетъ широкаго распространенія.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ и Москва. 1905. Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ художниковъ, вся жизнь которыхъ есть одно чистое, беззавѣтное служеніе искусству. Онъ посвятилъ ему

всѣ свои силы и отдалъ за него свою жизнь. Антокольскій не жилъ, а горѣлъ; онъ стремился вывести искусство на новый широкій путь служенія человѣчеству, сдѣлать искусство воплощеніемъ правды и красоты, той красоты, которая облагораживаетъ человѣка, давая ему въ художественныхъ образахъ нравственный идеалъ. Такимъ рисуется намъ образъ Антокольскаго въ его творчествѣ, въ автобіографіи, въ запискахъ и перепискѣ, въ статьяхъ, написанныхъ о немъ В. В. Стасовымъ и Ил. Гинцбургомъ.

Сынъ бѣднаго виленскаго еврея, содержателя харчевни, полуграмотный рѣзчикъ по дереву, онъ еще мальчикомъ мечтаетъ посвятить себя скульптурѣ, пробирается въ Петербургъ и поступаетъ въ Академію художествъ. Это — первая удача, первая побѣда Антокольскаго надъ суровой дѣйствительностью. Тутъ наступаютъ долгіе годы труда, лишеній, нравственныхъ униженій и хроническаго голоданія. Не малую роль сыграла при этомъ его національность, что̀ такъ болѣзненно отзывалось на его самолюбивой, чуткой натурѣ. Но это только сильнѣе поддерживало въ немъ горячую любовь къ своимъ обездоленнымъ братьямъ и негодованіе на несправедливость общества, что такъ характерно выражено въ его письмахъ къ Тургеневу.

Недостатокъ образованія не давалъ ему возможности сдать экзаменъ по обще-образовательнымъ предметамъ и получить званіе художника. Даровитый юноша не могъ и не хотѣлъ идти старой дорогой шаблоннаго академизма, сухое подражаніе классическимъ образцамъ не могло удовлетворить его страстной души, искавшей въ искусствѣ прежде всего правды, искренности, выраженія. Съ первыхъ же шаговъ Антокольскій становится реалистомъ въ искусствѣ и порываетъ съ традиціями академіи. Новаторство раздражало профессоровъ, вызывало насмѣшки или сожалѣніе товарищей.

Много живыхъ, задушевныхъ страницъ въ автобіографіи посвятилъ Антокольскій своей академической жизни; ярко и образно описанъ этотъ періодъ его жизни и въ біографіи, написанной В. В. Стасовымъ.

Но даровитость натуры, оригинальность и сила творческаго таланта пробили наконецъ брешь въ заколдованномъ кругѣ рутины и предразсудковъ.

„Иванъ Грозный“ вывелъ Антокольскаго на новый путь славы и достатка, доставилъ ему званіе художника и средства къ жизни. Но здоровье Антокольскаго было разбито долгими лишеніями и неудачами. Необходимо было перемѣнить условія жизни, и Антокольскій уѣхалъ за границу. Ему было въ это время 27 лѣтъ. Въ жизни его наступаетъ рѣшительный переломъ: съ этихъ поръ въ теченіе 30 лѣтъ Антокольскій извѣстный скульпторъ, окруженный славой, любовью, достаткомъ, живущій счастливой семейной жизнью въ европейскихъ центрахъ, Римѣ и Парижѣ.

Но оттуда, гдѣ все было прекрасно, природа и искусство, гдѣ била черезъ край культурная жизнь, Антокольскій стремился всей душой на далекій родной сѣверъ, къ русской природѣ, русскимъ людямъ, русскому искусству. За границей онъ оставался чужимъ, одинокимъ, и тамъ онъ умеръ, вдали отъ горячо любимой родины, умеръ жертвой нерадѣнія и небрежности модныхъ заграничныхъ докторовъ... Ужасныя подробности о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Антокольскаго передаетъ его ученикъ и другъ, Илья Гинцбургъ въ своей замѣткѣ. Родина встрѣтила и осыпала почестями и сожалѣніями только прахъ своего великаго художника...

Въ своихъ письмахъ, въ своихъ статьяхъ Антокольскій всегда остается вѣренъ себѣ, своему служенію, своей любви къ искусству, своему исканію высшей правды. Горячо негодуетъ онъ, возставая противъ упадка искусства, противъ современнаго декадентства, доведеннаго до крайности, противъ увлеченія формой и отсутствія содержанія, отсутствія сильныхъ сюжетовъ и серьезныхъ, волнующихъ темъ.

Но не въ этихъ статьяхъ великъ Антокольскій, не онѣ обезсмертили его имя.

Въ русскихъ музеяхъ разбросаны его созданія, въ которыхъ вылилась его душа, его пониманіе искусства. Дивные образы, созданные имъ, образы Сократа и Христа, образы евреевъ, Нестора лѣтописца, Ивана Грознаго и Петра Великаго, Мефистофеля и др., стоятъ на недосягаемой высотѣ, говоря о расцвѣтѣ русской скульптуры, составляя гордость и славу русскаго искусства. Снимки съ этихъ произведеній помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ въ очень недурныхъ репродукціяхъ.

Матеріалы для біографіи Антокольскаго изданы подъ редакціей Вл. Вас. Стасова и посвящены „русскимъ художникамъ". Въ числѣ статей и замѣтокъ Антокольскаго есть одна, посвященная его біографу, гдѣ авторъ говоритъ: „я пишу для того, чтобы добрые люди услышали, что думаютъ о Владимірѣ Васильевичѣ Стасовѣ его друзья, ибо о томъ, что думаютъ его враги, всѣ наслышались достаточно. Я пишу, кромѣ того, для того еще, чтобы самъ В. В. слышалъ это именно теперь, а не потомъ, когда онъ уже не услышитъ, когда ему будетъ все равно, что бы о немъ ни говорили, ни писали..." И не ошибся пророческій голосъ художника... Теперь о В. В. Стасовѣ много пишутъ и многое будутъ писать, но онъ уже не услышитъ... 10 октября его не стало...

60 лѣтъ стоялъ онъ на славномъ посту служенія русскому искусству; своимъ отзывчивымъ горячимъ словомъ онъ откликался на всѣ явленія этого искусства, привѣтствовалъ каждый новый талантъ, ободряя каждый шагъ, ведущій искусство впередъ. Такъ же горячо и страстно осуждалъ онъ отклоненія и ненормальности, указывалъ ошибки. Оттого-то у него было столько горячихъ друзей и столько заклятыхъ враговъ. Но ничто не могло остановить его. Знатокъ и цѣнитель искусства, талантливый критикъ и выдающійся археологъ, онъ до послѣдняго дня, несмотря на свои 82 года, отзывался на все, что происходило въ мірѣ искусства, и его смерть прервала еще бодрую, еще дѣятельную жизнь...

Мы можемъ только помянуть его словомъ глубокой благодарности и искренно пожелать, чтобы русское общество и русскіе художники не забыли того, кто такъ неутомимо работалъ надъ вопросами искусства и посвятилъ „русскимъ художникамъ" не только разбираемую книгу, но и всю свою жизнь.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

П. Телліе. Изъ жизни уличнаго мальчика.—*Е. Колтоновская.* Поборница справедливости (Элиза Ожешко).—*С. Русова.* Пѣвецъ и мученикъ свободы. К. Рылѣевъ.—*Н. А. Рубакинъ.* Воля Аллаха или Абдулъ, Абдулъ и еще Абдулъ.—*Ю. Менжинская.* Франдискъ Пизарро и завоеваніе Перу.—*Викторъ Оксъ.* Среди дикарей.

П. Телліе. Изъ жизни уличнаго мальчика. Ц. 5 коп.—Е. Колтоновская. Поборница справедливости (Элиза Ожешко). Ц. 5 коп.— С. Русова. Пѣвецъ и мученикъ свободы. Рылѣевъ. Ц. 5 коп. „Библіотека Юнаго Читателя". Спб., 1906 г. Разсказъ П. Телліе напи-

санъ вполнѣ литературно. Въ первой половинѣ онъ напоминаетъ нѣсколько уличнаго мальчика Бретъ Гарта, далѣе дѣйствіе переносится въ одинъ изъ русскихъ городовъ, и разсказъ заканчивается описаніемъ смерти мальчика съ краснымъ флагомъ въ рукахъ на улицѣ отъ пулевой раны. Разсказъ написанъ съ несомнѣннымъ талантомъ, типъ уличника и психологія ребенка очерчены ясно и всесторонне. Простота и искренность чувства въ описаніи жизни мальчика, отсутствіе какой-либо тѣни сантиментальности и вообще всякой искусственности выдѣляютъ разсказъ Телліе изъ ряда „дѣтскихъ разсказовъ". Но въ томъ-то и дѣло, что дѣтямъ этотъ разсказъ будетъ совершенно не ясенъ, какъ по своей фабулѣ, такъ и по глубинѣ психологическаго анализа. Многое въ этомъ разсказѣ пропадетъ для дѣтей и внесетъ въ ихъ голову ненужную путаницу. Это—чтеніе для взрослыхъ. Чтеніе глубоко-скорбное, производящее сильное впечатлѣніе, вслѣдствіе ужасной правды, изображенной авторомъ.—Очеркъ г. Колтоновской объ Элизѣ Ожешковой составленъ вполнѣ понятно и можетъ замѣнить пособіе при чтеніи нѣкоторыхъ, разобранныхъ авторомъ, произведеній знаменитой польской писательницы. Жаль, что въ своемъ очеркѣ г-жа Колтоновская взяла только одну сторону въ характерѣ творчества Элизы Ожешковой и не указала на ея значеніе, какъ писательницы художницы, обладающей способностью писать „красивыми тонами и яркими красками", на ея значеніе для самосознанія національнаго. Не упоминаетъ ничего авторъ и про публицистическую дѣятельность разбираемой имъ писательницы, которую онъ упорно именуетъ Элизой Ожешко, несмотря на то, что подъ портретомъ, помѣщеннымъ въ текстѣ, находится не оставляющее никакого сомнѣнія факсимиле—подпись самой писательницы—*Элиза Ожешкова*. Полнѣе и лучше составлена біографія К. Рылѣева, озаглавленная: „Пѣвецъ и мученикъ свободы". Довольно подробно и ясно изображена историческая обстановка и выяснены историческія условія; привлекательная личность К. Рылѣева очерчена рельефно, книжка написана съ любовью, ровнымъ и спокойнымъ слогомъ, безъ излишняго негодованія и сгущенныхъ красокъ; она даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Союза добродѣтели, о декабрьскомъ бунтѣ, выясняетъ личность Александра I и Николая I; въ ней приводятся характерные отрывки изъ произведеній поэта. Изложеніе сдѣлано простымъ, удобопонятнымъ языкомъ и потому вполнѣ пригодно для чтенія подрастающимъ поколѣніямъ. Къ книжкѣ приложенъ недурно исполненный портретъ и цѣна книжки не высока, чего нельзя сказать про два предыдущихъ изданія.

Н. А. Рубакинъ. Воля Аллаха или Абдулъ, Абдулъ и еще Абдулъ. Ц. 15 к. Москва, 1906 г. Въ подзаголовкѣ „Воли Аллаха" помѣчено: „Восточная сказка, записанная въ Константинополѣ 9 января 1305 г. книжнымъ червякомъ". Въ этой восточной сказкѣ съ ѣдкимъ юморомъ описывается, какъ бѣднякъ Мустафа искалъ правду. Цѣлую жизнь работалъ онъ на своего хозяина, за что получалъ гнилой картофель для пропитанія и разрѣшеніе жить въ лачужкѣ, и всегда онъ говорилъ: „Воля Аллаха—могло и хуже еще быть". Завелъ онъ себѣ послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ курицу, да курица поклевала на грядѣ рѣдкія хозяйскія сѣмена, и за эту „куриную вину" Мустафу били нещадно и выгнали вонъ. Пошелъ Мустафа искать правду и у всѣхъ встрѣчныхъ спрашивалъ: „можно ли человѣка бить за куриную вину". У многихъ спрашивалъ Мустафа: и у Имама, и у Кадія, и у начальника заптіевъ, и вездѣ били его и смѣялись, а такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ, говорили, что и у нихъ „такъ же". Послѣ долгихъ стран-ствова-

ній Мустафа устроился рабочимъ по саду султана Абдула, который жилъ и ходилъ всегда въ сопровожденіи Муфтія Абдула и великаго визиря Абдула. Зналъ Мустафа, что у правды три защитника и стража: тѣнь Аллаха на землѣ—самъ султанъ Абдулъ, второй стражъ—законъ, т.-е. самъ великій визирь Абдулъ, третій—Коранъ—самъ великій муфтій Абдулъ. Но не добился правды Мустафа; выгнали его съ побоями и изъ султанскаго сада, и понялъ онъ, что истинная правда въ стражахъ и защитникахъ не нуждается, незыблимо стоитъ она на своихъ собственныхъ ногахъ, что источникъ правды—сама жизнь, что обманы да кулаки нужны только для одной неправды, а безъ нихъ она и одного дня не просуществовала бы. Сдѣлалось ясно для Мустафы, что Аллаху дороги не нѣкоторые люди, а весь человѣческій родъ, что многіе дѣйствительно хотятъ добиться справедливости отъ враговъ правды, да въ этомъ мѣшаетъ имъ то, что сами они темны, ослабли отъ голода и сдѣлались трусливыми, а темнота, забитость и трусость всегда помогали врагамъ правды. И видитъ Мустафа сонъ: будто онъ ломовая лошадь и везетъ онъ огромную колесницу, а въ колесницѣ сидятъ три Абдула, подхлестываютъ его, а сами хвалятся, что они—стражи правды и что такова воля Аллаха. Вдругъ разверзлось небо, и показалась голова и сѣдая борода Аллаха. „Врете вы, окаянные!—воскликнулъ Аллахъ.—Все у васъ я, да я. Лошадь-Мустафа, жалкая ты, несчастная, загнанная кляча! Брыкайся! Я такъ хочу!"—Такъ закричалъ Аллахъ, а затѣмъ загремѣлъ громъ, задрожали небо и земля.

Такую сказку записалъ книжный червякъ въ Константинополѣ, и надо сказать, что сдѣлалъ онъ это вполнѣ удачно, что онъ хорошо изучилъ турецкій бытъ 1305 года и съ злымъ остроуміемъ записалъ много подробностей о „стражахъ правды". Очевидно, много записано и невѣроятнаго, много здѣсь выдумки и личной фантазіи. Но на то и сказка! Художественному творчеству предоставляется въ сказкѣ полный просторъ, изобрѣтательность и фантазія не портятъ, а украшаютъ сказку, особенно, если это сдѣлано талантливо и умѣло, какъ въ „Волѣ Аллаха".

Ю. Менжинская. Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Съ 20 рисунками. Спб., 1906 г. Ц. 20 коп. „Библіотека Юнаго Читателя". О завоеваніи Перу въ русской переводной и оригинальной литературѣ существуетъ цѣлый рядъ изданій. Книжка г-жи Менжинской, составленная по нѣмецкимъ пособіямъ Кронау, Мерцу и др., не добавляетъ ничего новаго къ исторіи разбойничьей шайки Пизарро. Культура инковъ очерчена довольно поверхностно, историческая обстановка того времени совершенно не выяснена, поэтому все предпріятіе Пизарро должно представиться уму юнаго читателя какъ мало-правдоподобный отдѣльный эпизодъ, логически не только не связанный съ жизнью, но даже находящійся съ ней въ противорѣчіи. Несправедливости и жестокости, чинимыя кучкою испанцевъ въ Перу, описаніе золота въ дворцахъ и храмахъ скорѣе могутъ подѣйствовать нежелательнымъ образомъ на воображеніе дѣтей, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ предпріятіяхъ Пизарро постоянно сказывалась отвага, смѣлость и находчивость, сами по себѣ привлекательныя. Изложеніе сдѣлано не всегда достаточно гладкимъ языкомъ, безцвѣтно и вяло, поэтому книжка не можетъ быть признана вполнѣ пригодной для чтенія дѣтямъ.

Викторъ Оксъ. Среди дикарей. Біографическій разсказъ, съ рисунками. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. Въ доступной и популярной формѣ В. Оксомъ изложена біографія Николая Николаевича Миклухи-Маклая. Подробно описаны его научныя изслѣдованія и его жизнь среди дика-

рей Новой Гвинеи, на островахъ Зондскаго архипелага, его дѣятельность въ Сиднеѣ и печальное возвращеніе на родину въ Петербургъ. Необыкновенно гуманная личность Миклухи-Маклая, его энергичная борьба съ скрытымъ рабовладѣльчествомъ въ Австраліи, его желѣзная энергія и беззавѣтная преданность научному изслѣдованію всегда привлекали къ нему симпатіи образованнаго общества. Тѣмъ болѣе вѣскимъ звучитъ упрекъ г. Окса Русскому Императорскому географическому Обществу, которое до сихъ поръ не только не обработало матеріаловъ, собранныхъ Маклаемъ цѣною своей собственной жизни, но даже до сихъ поръ не напечатало ихъ. До сихъ поръ, по словамъ В. Окса, плоды научнаго подвижничества Маклая остаются подъ спудомъ, и ихъ преслѣдуетъ та же жестокая судьба, которая преслѣдовала многихъ знаменитыхъ путешественниковъ и ученыхъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ послѣ ихъ смерти. Это—забвеніе.

Книга „Среди дикарей“ особенно пригодна для чтенія подрастающимъ поколѣніямъ, она должна также получить и широкое распространеніе въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ, такъ какъ, помимо своего облагораживающаго гуманнаго значенія, дастъ много свѣдѣній по политической географіи и естествознанію.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1906 г.

А. К. Семья и женщина. Спб., 1905 г. Ц. 10 к.

Абрамовъ, Ив. С. О курскихъ со-янахъ. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Автономная организація средней школы. Смоленскъ, 1906 г.

Адлеръ, Г., проф. Исторія соціализма и коммунизма. Спб., 1906 г. Ц. 15 коп.

Алтаевъ, А. Подъ знаменемъ башмака. 1906 г. Ц. 50 к.

Ан—скій, С. Крестьянскій вопросъ во Франціи. Второе изданіе. Спб., 1906 г. Ц. 7 к.

Ачадовъ. Третій элементъ. Ц. 7 к.—
— Государственная власть. Ц. 10 к.
— Взгляды соціалистическихъ партій на обществ. самоуправ. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Вахъ, Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Перев. съ нѣм. подъ редакціей В. Базарова и Степанова. Изд. С. Скирмунта. М., 1906 годъ. Ц. 2 р.

Бейерлейнъ, Ф. А. Вечерняя Зоря. Пер. съ нѣм. Ярославль, 1906 г. Ц. 35 к.

Бебель, А. Постоянная армія и народная милиція. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Берлинъ, П. А. Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.

Врусянинъ, В. В. Судьба первыхъ депутатовъ. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Врешенковъ, К. Курсъ русскаго синтаксиса. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Будэ, А. Командитъ и его общественная роль. М., 1906 г. Ц. 5 к.

Бунинъ, Ив. Стихотворенія. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Ванъ-Коль. Колоніальная политика и соціалъ-демократія. Перев. І. Гольденберга. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

В. В. Соціальное преобразованіе Россіи. М., 1906 г. Ц. 18 к.

Вентцель, К. Н. Освобожденіе ребенка. Ц. 10 к.
— Какъ создать свободную школу. Ц. 15 к.
— Цѣпи невидимаго рабства. Ц. 5 коп. М., 1906 г. Изд. „Посредника“.

В—уръ, М. О партіи мирнаго обновленія. (Русскіе угодовцы.) Маріуполь, 1906 г. Ц. 10 к.

Гартманъ, Г. Міровоззрѣніе современной физики. Перев. съ нѣм. С. В. Контовта. Астрахань, 1906 г. Ц. 1 р.

Геффдингъ, Гарольдъ. Современные философы. Издан. О. Н. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

Герценъ, А. И. Движеніе общественной мысли въ Россіи. Перев. съ франц. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Геккель, Эрнстъ. „Міровыя загадки“. Перев. съ нѣм. подъ редакц. В. М. Шимкевича. М., 1907 г. Ц. 80 к.

Гогель, С. К. Вопросы уголовнаго права, процесса и тюрьмовѣдѣнія. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гогель, С. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Спб., 1906 г. Ц. 2 р.

Гоцъ, М. Система правды. М., 1906 г. Ц. 18 к.

Грагамъ, В. Соціализмъ новый и старый. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Давидъ, Эд. Соціализмъ и сельское хозяйство. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Днѣпровъ, М. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Спб., 1906 годъ. Ц. 5 к.

Доллеансъ, Э. Робертъ Оуэнъ. М., 1906 г. Ц. 30 к.

Догановичъ, Анна. Три. Бытовые разсказы. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1907 г. Ц. 40 к.

Диль, К. О соціализмѣ, коммунизмѣ и анархизмѣ. М., 1907 г. Ц. 60 к.

Дурылинъ, С. Въ школьной тюрьмѣ.

Исповѣдь ученика. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 15 к.

Дѣдусь. Стихотворенiе. М., 1906 г. Ц. 8 к.

Дѣло В. В. Водовозова въ с.-петербургской судебной палатѣ. Сб., 1906 г. Ц. 10 к.

Ермиловъ, В. Дѣтская страда. Педагогическiе очерки. Изд. „Посредника". М. Ц. 20 к.

Житловскiй, Х. Матерiализмъ и дiалектическая логика. М., 1906 г. Ц. 20 к.

Закъ, С. Крестьянство и соцiализацiя земли. Ц. 15 к.

— Демократизацiя земства. Ц. 25 коп. М., 1906 г.

Золотаревъ, Л. Самообразованiе сельскихъ хозяевъ. 2-е изданiе. М., 1906 г. Ц. 30 к.

Зеленинъ, Д. Троецыплятница. Вятка. 1906 г.

Каутскiй, К. Американскiй и русскiй рабочiй. Ц. 15 к.

— Соцiализмъ и сельское хозяйство. Ц. 15 к. Спб., 1906 г.

— Этика и матерiалистическое пониманiе исторiи. Съ приложен. статьи: Жизнь, наука и этика. Изд. С. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 25 к.

— Американскiй и русскiй рабочiй. Пер. съ нѣм. М. И. Батырева. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Казариновъ, А. В., д-ръ. Основы психологической гигiены въ связи съ психологической теорiей психоневрозовъ и душевныхъ заболѣванiй. Москва, 1906 г. Ц. 40 к.

Колтоновская, Е. Поборница справедливости (Элиза Оржешко). Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Котельниковъ, А. Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.

Краткiй обзоръ начальнаго народнаго образованiя въ Херсонской губернiи за 1904 годъ. Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1906 г.

Кропоткинъ, П. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Крживицкiй, Л. Аграрный вопросъ. Спб., 1906 г. Ц. 70 к.

Курскiй, Д. И. Англiйскiй рабочiй. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенiя. До 17 октября 1905 г. Ц. 1 р.

— „Революцiонное выступленiе" Думы и земельный вопросъ. Ц. 25 к. Спб., 1906 г.

Лассаль. Косвенные налоги. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Лексановъ, Евгенiй. Стихотворенiя. Одесса, Ц. 40 к.

Линдеманъ, Г. Коммунальная политика соцiализма. Спб., 1907 г. Цѣна 15 коп.

Либкнехтъ, Вильгельмъ. [...] есть сила, сила есть знанiе. Спб., [...] Ц. 15 к.

Линдеманъ, К. Ѳ. О червяк[...] влiянiи на здоровье и жизнь че[...] и домашнихъ животныхъ. Ц. 20 к.

— О насѣкомыхъ. Ц. 30 к. М., 190[...]

Лягорделль, Гюберъ. Рев[...]онный синдикализмъ. Издан. „Ш[...]никъ". Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

Маниловъ, С. На крестахъ. С[...] 1906 г. Ц. 30 к.

Марксъ и Энгельсъ. Манифе[...] коммунистической партiи. Спб., 190[...] Ц. 12 к.

Матье, А. Соцiальный вопросъ [...] время французской революцiи 178[...] М., 1906 г. Ц. 5 к.

Мангеймскiй партейтагъ германской [...]цiалъ-демократiи. Доклады и пренiя [...] массовой стачкѣ. Изд. „Интернацiона[...]" Спб., 1906 года. Ц. 25 к.

Мартинъ, Рудольфъ. Будуще[...] Россiи и Японiи. Подъ редакцiей и [...] вступительной статьей Т. В. Ло[...] Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 [...] Ц. 1 р.

Менжинская, Ю. Францискъ [...]зарро. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Митчель, Джонъ. Рабочiе со[...] въ Америкѣ. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

Моррисъ, В. Вѣсти ни откуда. 2-е из[...] Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

Николаевъ, И. Невидимыя [...] М., 1906 г. Ц. 4 к.

Огановскiй, Н. Освобожденiе зем[...] Спб., 1906 г. Ц. 6 к.

Оксъ, В. Среди дикарей. Спб., 1906 [...] Ц. 15 к.

Орловъ, А. Кого выбирать въ деп[у]таты. Спб., 1906 г. Ц. 8 к.

Основные вопросы программы и такти[...] на съѣздахъ германской соцiалъ-де[мо]кратiи. В. I. Программа партiи. Под[ъ] редакцiей В. Волгина. Изд. „Дикенiя". М., 1906 г. Ц. 35 к.

Пантелѣева, С. Трудовая само[по]мощь. Кооперативныя общества Бел[ь]гiи. (Въ пользу безработныхъ). Спб. Ц. 7 к.

Панъ. Изъ недавняго революцiонна[го] движенiя. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Паннекёкъ, Антонъ. Соцiализмъ и религiя. Съ нѣм. А. Ратнера, [...] редакцiей П. Румянцева. Спб., 1906 [...] Ц. 5 к.

Полная энциклопедiя русскаго сельск[аго] хозяйства. Т. X, вып. 19-й. Спб., 190[...]

Пфаундлеръ, Л. Физика обыде[нной] жизни. Перев. съ нѣмец. Г. Котляр[...] Спб., 1906 г. Ц. 3 р.

Раппопортъ, Х. Л. Жюль Гэдъ [...] французская рабочая партiя. Спб. 1906 г. Ц. 15 к.

Рабочiй ежегодникъ 1906 г. Спб., 1906 [...] Ц. 60 к.

Ренаръ, Жоржъ. Во французской деревнѣ. Перев. съ франц. Шведовой. Спб., 1906 г. Ц. 3 к.

Рёссель, В. Очерки изъ исторіи германской соціалъ-демократической рабочей партіи. Шесть лекцій. Перев. съ англ. В. Финеръ; редакц. и предисловіе В. Канеля. Изд. С. Скирмунта. Москва, 1906 г. Ц. 25 к.

Реклю, Элизе. Эволюція, революція и идеалы анархизма. Перев. съ франц. А. И. и Л. Т. М., 1906 г. Ц. 40 к.

Ристъ, Шарль. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Пер. съ франц. Шведовой. М., 1906 г. Ц. 1 к.

Розенъ, Е., баронъ. Записки декабриста. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Рудинъ, А. Что говорятъ русскіе соціалъ-демократы „деревенской бѣднотѣ". М., 1906 г. Ц. 10 к.

Русова, С. Пѣвецъ и мученикъ свободы. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Рѣзановъ, В. Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб., 1906 г.

Самыгинъ, С. Изъ прошлаго. М., 1906 г. Ц. 3 к.

Савенкова, С. Годы скорби. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.

Садовниковъ, Д. Подвиги русскихъ въ Сибири. М., 1906 г. Ц. 20 к.

С. Ц. Предъ разсвѣтомъ. М., 1906 г. Ц. 10 к.

Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Подъ редакціей В. В. Водовозова. Вып. IV и V—по 10 к. Спб., 1906 г.

Сверчокъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Спб., 1906 г. Ц. 30 к.

Скворцовъ, А. И. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Смирновъ, М. и Горчуковъ, М. Практическій начальный курсъ этимологіи. Новочеркасскъ, 1906 г. Ц. 1 р.

Смолова. Король и народъ. М., 1906 г. Ц. 2 к.

Сознательная Россія. Сборникъ на современныя темы. Спб. Ц. № 3—15 к. № 4—20 к.

Суперанскій, М. Начальная народная школа въ Симбирской губерніи. Историко-статистическій очеркъ. Изд. симбирскаго губернскаго земства. Симбирскъ, 1906 г.

Сухоплюевъ, И. К. Почему продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства. Черниговъ, 1906 г.

Теллie, П. Изъ жизни уличнаго мальчика. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. I. Изд. „Русскаго Свободнаго Слова". Спб., 1906 г.

Туркестанское сельское хозяйство. Ежемѣсячный сельско-хоз. журналъ. № 10. Ташкентъ, 1906 г. Ц. въ годъ 4 р.

Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. Глава вторая. Изд. Н. С. Таганцева. Спб. Ц. 1 р.

Филянскій. Стихотворенія. М., 1906 г. Ц. 50 к.

Френсенъ, Густавъ. „Рукопись" изъ романа „Hilligenlei" (Жизнь Іисуса). Пер. Арнольда Губерта. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Чарнолускій, В. Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

Черновъ, И. Луи Бланъ. М., 1906 г. Ц. 15 к.

Черкассовъ, А. А. Стихотворенія. Т. I. Екатеринбургъ, 1906 г. Ц. 50 к.

Чернышевъ, В. Законы и правила русскаго произношенія. Варшава, 1906 г. Ц. 30 к.

Черри, К., проф. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Перев. съ англ. П. И. Люблинскаго. 1906 г. Ц. 50 к.

Черновъ, Викторъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. Ц. 20 к.

— Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. Ц. 12 к. М., 1906 г.

Чириковъ, Е. Разсказы. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Шкапскій, О. Вопросы колонизаціи. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.

Шэффле, А. Сущность соціализма. Полный перев. съ нѣм. Л. Чаплинскаго. Спб., 1907 г. Ц. 15 к.

Экономическое изслѣдованіе маслодѣлія въ Сибири. Харьковъ, 1906 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.
I. Книги.

Стр.

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1906 г.

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1906 годъ.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ" журнала „Русская Мысль" за 1906 годъ.

Фигнеръ, В. Н. Стихотворенія. Кн. VIII, стр. 202.

Франсъ, Ан. 1) Разсказы. 2) Подъ старымъ вязомъ. Кн. X, стр. 260.

Швейхель, Робертъ. За свободу. Ром. Сокращ. пер. Аносовой. Кн. VIII стр. 197.

Японская антологія. Пѣсни ста поэтовъ. Кн. X, стр. 263.

ИСТОРІЯ. — ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІИ.— МЕМУАРЫ.

Аваловъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Кн. X, стр. 275.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. Кн. XI, стр. 342.

Акимовъ-Махновецъ, В. Очеркъ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи. Кн. V, стр. 125.

Андреевъ, М. Н. Германія въ 48-мъ году. Кн. I, стр. 14.

Бахъ, Макс. Австрія въ первую половину XIX в. Кн. I, стр. 16.

Берлинъ, Я. А. Исторія книги. Культурно-историч. очеркъ. Кн. IX, стр. 238.
— Великая семья человѣчества. Книга четвертая. Кн. X, стр. 274.

Вандаль, Альбертъ. Возвышеніе Бонапарта I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III-го года. Пер. Журавской. Кн. I. стр. 13.

Васкевичъ, П. Очеркъ быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ. Кн. I, стр. 9.

Венгеровъ, А. С. Эпоха Бѣлинскаго. Кн. I, стр. 11.

Венгерова, Зин. Литературныя характеристики. Книга вторая. Кн. IX, стр. 239.

Волкенштейнъ, Л. А. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Кн. II, стр. 44.

Готье, Ю. Замосковный край въ XVII в. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Москов. Руси. Кн. IX, стр. 236.

Дейчъ, Л. Г. 16 лѣтъ въ Сибири. Ч. I. Кн. IV, стр. 96.

Декабристы. Изданіе М. М. Зензинова. Кн. VI, стр. 162.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ Зап. Сибири. Историч. очеркъ. Кн. I, стр. 9.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Веревныя и разрубныя книги сѣвернаго края. Кн. III, стр. 68.

Драгомановъ, М. П. М. А. Бакунинъ. Критико-біографическій очеркъ. Кн. IV, стр. 96.

Иконниковъ, В. С. Крестьянское движеніе въ Кіевской губ. въ 1826—27 гг., въ связи съ событіями того времени (по архивнымъ матеріаламъ). Кн. V, стр. 127.

Ковалевскій, М. М., проф. Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи. Кн. I, стр. 15.

Лозинскій, С. Революція 1848 г. въ Венгріи. Кн. XII, стр. 337.

Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. I. Сост. *Бирюковъ*. Кн. XI, стр. 342.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. В. В. Стасова. Кн. XII, стр. 337.

Марксъ, Карлъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Кн. I, стр. 15.

Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ, собранные *В. Н. Сторожевымъ*. Вып. I, Кн. III, стр. 70.

Никитенко, А. В. Записки и Дневникъ. Т. I—II. Кн. I, стр. 6.

Николаевъ. Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ. Кн. IV, стр. 97.

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: фонъ-Визинъ, кн. Е. Оболенскій и бар. Штейнгель. Кн. I, стр. 12.

Пантелѣевъ, Л. Ф. Изъ воспоминаній прошлаго. Кн. I, стр. 8.

Панкратовъ, В. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. Книгоизд. „Молодая Россія". Кн. V, стр. 124.

Первовъ, П. Д. Изъ исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скиѳія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Кн. XII, стр. 336.

Письмо В. Бѣлинскаго къ Н. Гоголю. 1) Подъ ред. Венгерова. Кн. I. стр. 11. 2) Изд. Яковенко. Кн. IV, стр. 96.

Плехановъ, Г. В. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи (по личн. воспомин.). Изд. „Пролетаріатъ". Кн. VI, стр. 162.

Поповъ, А. Н. Отечественная война 1812 г. Т. I. Кн. I, стр. 12.

Поливановъ, П. 1) Алексѣевскій равелинъ. Отрывокъ изъ воспоминаній. 2) Кончился. Разсказъ. Кн. V, стр. 124.

Процессъ 1-го марта 1881 г. Изд. Балашова.—Дѣло 1-го марта. Изд. книгоизд. „Свободный трудъ". Кн. III, стр. 67.

Процессъ декабристовъ. Изд. Малинина.— Декабристы. Изд. Саблина. Кн. III, стр. 67.

Розеновъ, Эмиль. Томасъ Мюнцеръ. Кн. I, стр. 15.

Русскій біографическій словарь, изд. подъ наблюд. А. А. Половцова. Т. 8—11. Кн. II, стр. 41.

Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895 гг.). Кн. V, стр. 126.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Ч. II. Кн. X, стр. 277.

Скартаццини, I. Данте. Пер. Введенской. Кн. X, стр. 278.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

ГЕОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. — МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ИСКУССТВО.

УЧЕБНИКИ. — ПОСОБІЯ. — КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Любинъ, В. П. На зарѣ. Сборникъ разсказовъ. Кн. VII, стр. 188.

Львовъ, А. К. Пѣсни горькой доли. Стихотворенія. Кн. XI, стр. 315.

Межеричеръ, П. И. Учебникъ геометріи. Кн. VIII, стр. 217.

— Общественный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовит. курсомъ начальнаго черченія. Кн. XI, стр. 317.

Мельгуновъ, П. Что такое исторія? Кн. IV, стр. 106.

Менжинская, Ю. Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Кн. XII, стр. 339.

Назарова, Ю. Систематическій курсъ начальной географіи, популярно изложенный для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для городскихъ школъ и вечернихъ классовъ. Кн. IX, стр. 248.

Нечаевъ, А. П. Между огнемъ и льдомъ. Очерки и картины изъ жизни земли. Кн. VI, стр. 166.

Общедоступная библіотечка Горбунова-Посадова для семьи и школы. Вып. III. Путешествіе по Сахарѣ. По Брэму сост. *С. Порѣцкій;* вып. V: Воздушные путешественники. *С. Порѣцкаго.* Кн. V, стр. 139.

Оксъ, Викторъ. Среди лекарей. Біографич. разсказъ. Кн. XII, стр. 342.

Пашковскій, Н. А. (состав.). Полное руководство для управленія волшебнымъ фонаремъ. Кн. VIII, стр. 218.

Піацци, Адріанна. Затонувшій корабль. Кн. III, стр. 73.

Постниковъ, А. П. Элементарный курсъ электротехники. Издан. 2-е. Кн. VIII, стр. 216.

Рамзевичъ, Н. К. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. Кн. XI, стр. 317.

Россіевъ, Павелъ. Стрѣла друга. Сказка. Кн. XI, стр. 315.

Русова, С. Пѣвецъ и мученикъ свободы. К. Рылѣевъ. Кн. XII, стр. 339.

Рубакинъ, П. А. Воля Аллаха или Абдулъ, Абдулъ и еще Абдулъ. Кн. XII, стр. 340.

Сабинина, М. Доисторическій человѣкъ. Кн. XI, стр. 316.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Кн. VI, стр. 167.

Сандомирскій, Ѳ. Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ. Ч. I и II. Кн. II, стр. 55.

Сатаровъ, В. Н. Родные посѣвы. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Кн. X, стр. 284.

— Задачи, планы, темы, статьи и рисунки для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей. Кн. IX, стр. 248.

Сиповскій, В. В. 1) Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. I и т. III. 2) Исторія русской словесности. Ч. I. вып. I. Народная словесность. Кн. I, стр. 18.

Степановъ, П. П. Учебникъ географіи. Состав. по программѣ женскихъ гимназій В. У. И. М. и женск. духовн. учил. Кн. X, стр. 285.

Суріо, М. Лицейскій сторожъ. Перев. А. В. Погожевой. Кн. III, стр. 74.

Теллie, П. Изъ жизни уличнаго мальчика. Кн. XII, стр. 339.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Новая школа. Ч. I. Первая послѣ букваря книга для обученія родному языку въ школѣ и дома. Кн. V, стр. 137.

Флеровъ, А. Дѣтскій другъ. Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Кн. XI, стр. 343.

Чернышевъ, В. Гоненія на христіанъ въ римской Имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Кн. I, стр. 21.

Шафровъ, И. (состав.). Учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Кн. VIII, стр. 217.

Эригъ, Г., д-ръ. Тригонометрія для техниковъ-практиковъ и для самообразованія. Пер. Рюмина. Кн. III, стр. 76.

Abraham, H. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ, составленный при участіи многихъ физиковъ. Ч. II. Кн. VIII, стр. 216.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

А. П. Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась. Изд. вятскаго т-ва „Народная библіотека“. Кн. XI, стр. 320.

Волчанецкая, Е. Н. Іоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія. Кн. VI, стр. 166.

Изданія „Донской Рѣчи“: *Яблоновскій, А.* Нухимъ. 2) *Костинъ, Ѳ.* Ошибка. 3) Мать. (Съ армянск.) 4) *Короленко, В. Г.* Чудная. 5) Хватитъ ли на всѣхъ земли? 6) *Либкнехтъ.* Пауки и мухи. 7) Царь-голодъ. 8) Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу. 9) Какъ болгары добыли себѣ свободу. Кн. II, стр. 53–54.

Изданія Раппа: 1) *Толстой, Л. Н.* Тяжелое бремя. 2) *Короленко, В. Г.* Страстная суббота. Домъ № 13. Яшка. Кн. III, стр. 78.

Изданія „Трудъ и Воля“: 1) *Дюссъ.* Великая крестьянская война. 2) *Ивановъ.* Изъ русской старины. Бунтъ Стеньки Разина. 3) *Закъ, Г.* Фердинандъ Лассаль и его время. 4) *Житковъ.* О налогахъ. 6) *У. В.* Какіе нужны порядки. Кн. III, стр. 78.

Изданіе Раппъ: 1) *Нажчевинъ, Ив.* Плотоядные. Очеркъ. 2) *Данилинъ, И.* Довольно. Кн. V, стр. 140.

Изданія „Посредникъ“: 1) *Нажчевинъ.* Въ стѣнахъ. Великая истина. 2) *Рунова.* Павлюкъ. 3) *Поступаевъ.* Не да-

шелъ. *Златовратскій.* Деревенскій король. 4) *Горбуновъ-Посадовъ.* Въ Христову ночь и др. стихотвор. 5) *Өомушкинъ.* Счастливый день Дудкина. 6) *Потанина.* Разсказы о бурятахъ. Дорджи, бурятскій мальчикъ. Несчастныя. 7) Сборникъ стихотв. состав. *Горбуновъ-Посадовъ.* Кн. XI, стр. 319.

Жилина-Дьяконова, Е. Царство фараоновъ. Кн. III, стр. 79.

Любичъ-Кошуровъ, I. А. Сѣрый герой (Рядовой Рябовъ). Кн. I, стр. 24.

Ольховскій, В. (сост.). Родныя пѣсни. Кн. I, стр. 28.

Пименова, Ѳ. Іоаннъ Гуттенбергъ и его великое изобрѣтеніе. Біографическ. очеркъ. Кн. I, стр. 23.

Пименова, Ѳ. К. 1) Георгъ Вашингтонъ и война за независимость. 2) Анри Дюнанъ, другъ раненыхъ. 3) Джонъ Говардъ, другъ заключенныхъ. Біограф. очерки. Кн. V, стр. 141.

Эркманъ-Шатріанъ. Исторія одного крестьянина. Кн. IV, стр. 107.

МЕДИЦИНА.

Кабанесъ и Нассъ. Революціонный неврозъ. Перев. съ фр. подъ ред. Коморскаго. Кн. VI, стр. 164.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Аркадьевъ, Е. И. Всеобщее обязательное обученіе народа въ Россіи и за границей. Кн. III, стр. 80.

Карѣева, С. Школьный историческій словарь. Кн. IV, стр. 111.

Отчетъ общества „Помощь" при вологодской безплатной библіотекѣ за 5-й годъ его существованія. Кн. III, стр. 81.

Племмеръ, Мэри. Руководство для небольшихъ библіотекъ. Кн. I, стр. 24.

Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. Кн. IV, стр. 112.

Что читать народу? Критич. указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. III. Составл. при участіи Х. Д. Алчевской. Кн. XI, стр. 321.

ЖУРНАЛЫ.

„Всемірный Вѣстникъ" 1905 г., №№ 1—12; 1906 г., №№ 1—2. Кн. IV, стр. 113.

„Дѣтское Чтеніе" 1905 г., №№ 1—12. Кн. I, стр. 25.

„Другъ Дѣтей" 1905 г., №№ 1—21. Кн. I, стр. 25.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія (апрѣль 1905 г.—апрѣль 1906 г.). Кн. IX, стр. 249.

„Кіевская Старина" 1905 г., № 7—12. Кн. IV, стр. 113.

„Педагогическій Листокъ" за 1905 годъ, №№ 1—8. Кн. I, стр. 25.

„Русская Старина" 1905 г. №№ 1—12; 1906 г. №№ 1—3. Кн. IV, стр. 113.

„Русская Школа" за 1905 г. и начало 1906 г. Кн. V, стр. 142.

„Семья и Школа" 1905 г., №№ 1—12. Кн. II, стр. 55.

Открыта подписка на 1907 годъ
(третій годъ изданія)
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Журналъ предназначается для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ) какъ учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Съ 1907 г. „Семья и Школа" расширяетъ свою програму. Кромѣ 12-ти книжекъ журнала, редакціей будетъ издано еще 6 отдѣльныхъ книжекъ подъ общимъ названіемъ „Библіотека Семьи и Школы".

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми безплатными приложеніями, редакція попрежнему будетъ обращать исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала и на его изящную внѣшность. Для послѣдней цѣли, какъ и въ предидущіе годы изданія, текстъ журнала будетъ тщательно иллюстрироваться художественно исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ будутъ помѣщаться отдѣльныя картинки.

Въ „Семьѣ и Школѣ" принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, М. А. Круковскій, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергѣй Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Тиличеева, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербацкая, С. А. Ѳомичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ „Семьи и Школы" и за 6 книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы": съ доставкой и пересылкой 3 р., безъ доставки 2 руб. 50 коп.

Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ" и Н. Карбасникова.

Пробный номеръ высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа", Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Редакторъ-издатель *Вл. Львовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ
на общественно-литературную и политическую газету

ЧИТА,

выходящую въ г. Читѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Съ 1 января «Чита» будетъ выходить въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой: на годъ—9 р., на ½ года 5 р., на 3 мѣсяца—3 р., на мѣсяцъ—1 р. Безъ доставки: на годъ—8 р., полгода—4 р. 50 к., 1 мѣсяцъ—90 к.

Допускается разсрочка. Иногороднихъ просятъ адресовать денежную корреспонденцію для редакціи такъ: гор. Чита, Александрѣ Григорьевнѣ Солдатовой.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи: уг. Петровской и Иркутской ул., д. Жеребцова; въ газетномъ кіоскѣ на уг. Амурской и Иркутской ул., въ Харбинѣ: на Пристани, Коммерческая ул., контора П. И. Перегудова; Мостовая № 33 у Н. А. Ефрона; ст. Чжалантунь у Н. Н. Чернышева; въ Верхнеудинскѣ у агронома С. А. Устрѣцкаго; въ Срѣтенскѣ—въ газетномъ кіоскѣ; въ Нерчинскомъ Заводѣ—въ конторѣ г. Коренева; на ст. Далайноръ К.-В. ж. д. (каменно-угольныя копи)—въ конторѣ Александрова.

Издательница **А. Г. Солдатова.** Редакторъ **С. А. Царіевъ.**

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 января по 1 января) — 8 руб.; на ½ года (съ 1 января по 1 іюля)—4 руб.; на ¼ года (съ 1 января по 1 апрѣля)— 2 руб. Перемѣна адреса — 30 коп. Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ — 85 коп., для выписывающихъ изъ конторы — 1 руб. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, (ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь"—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13). Кіевъ (Крещатикъ, 27), Ростовъ на Д. (Казанская, 42) и Одесса (Колоіезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое" проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экземпляръ журнала будетъ стоить только 8 руб. 50 коп. вмѣсто теперешней 10 руб. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., причемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, на Знаменской ул., д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ, пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій. П. Е. Щеголевъ. Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Подписка на 1906 г. продолжается, новымъ подписчикамъ высылаются всѣ вышедшія книги.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

CANCELLED
JUL 22 '75 H
CHARGE